

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08190618 6

МУ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Резерв INDEXED 12911

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

12911

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. БАТКОВИЧЪ

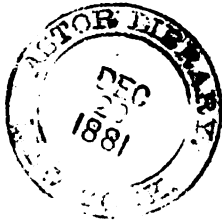
ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

МОСКВА

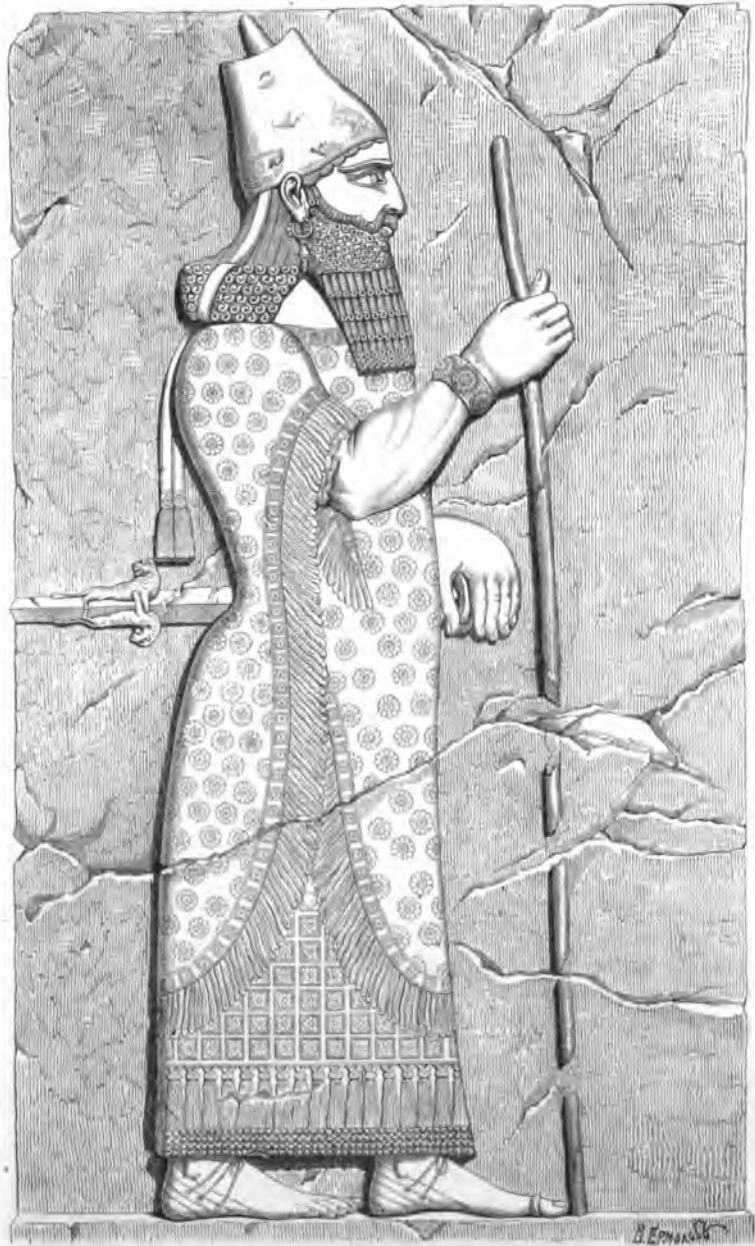
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1881

ед -

2439

Саргонъ царь Ассирійскій.

(По снимку Ботты со стѣны дворца въ Хорсабадѣ).

САРГОНЪ

ЦАРЬ АССИРІЙСКІЙ

Въ какія-нибудь послѣднія пятьдесятъ лѣтъ всемірная исторія приобрѣла въ высшей степени достовѣрныя, подробныя и многочисленныя лѣтописи той древней и важной эпохи о которой до сего времени имѣлись самыя недостаточныя и отрывочныя свѣдѣнія. Мы говоримъ объ исторіи Ассиріи и особенно о періодѣ всемірнаго владычества ассирійскихъ монарховъ. До открытій новѣйшаго времени, единственно цѣлыми свѣдѣніями объ этой эпохѣ мы имѣли изъ священныя книгъ Вѣтхаго Завета, въ особенности изъ пророческихъ рѣчей, которыя такъ рельефно представляютъ намъ образъ ассирійскаго могущества. Но что такое было само въ себѣ ассирійское владычество, кто были его создатели, какъ сложилось оно и до какихъ границъ простиралось, обо всемъ этомъ мы имѣемъ мало свѣдѣній изъ священныя книгъ, и еще меньше отъ другихъ писателей. Въ новѣйшее время, благодаря раскопкамъ и открытіямъ древнихъ памятниковъ Ассиріи, мы можемъ возстановить исторію Ассирійской монархіи въ продолженіе около тысячи лѣтъ, причемъ событія на протяженіи шестисотъ лѣтъ, за нѣкоторыми исключеніями, можно расположить въ ихъ точной хронологической послѣдовательности,

по годамъ и даже мѣсяцамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и днямъ. Важнѣйшія лица Ассирійской монархіи, которыхъ прежде извѣстны были одни имена, въ настоящее время получили опредѣляемыя историческія черты и обрисовались предъ нами со всеми крупными и мелкими фактами ихъ жизни и дѣятельности, со всею фотографически подробною и вѣрною обстановкою ихъ политической и частной жизни. Вырытые изъ земли дворцы и храмы знаменитыхъ ассирійскихъ монарховъ, служа памятниками ассирійской архитектуры, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ собою величественныя историческіе музеи, на стѣнахъ, потолкахъ и дверяхъ которыхъ нѣтъ мѣста не заключающаго какой-либо надписи или историческаго барельефа. Эти барельефы, изображающіе сцены изъ военной, общественной и частной жизни ассирійскихъ монарховъ, служатъ превосходною иллюстраціей къ лѣтописямъ ихъ царствованія.

Несмотря на громадное множество уцѣлѣвшихъ памятниковъ древней Ассиріи, мы безъ сомнѣнія еще далеки отъ того чтобы возстановить полную исторію Ассиріи со всеми подробностями и безъ перерывовъ. Перерывы эти часто занимаютъ цѣлое столѣтіе, изъ котораго неизвѣстно ни одного имени, иногда же изъ цѣлаго столѣтія памятники представляютъ одинъ голый имена. Но нѣтъ сомнѣнія что настоящая эпоха ассирійскихъ раскопокъ и открытій есть только начало, хотя блистательное по результатамъ, періода реставраціи памятниковъ древнѣшаго культурнаго міра изъ обломковъ лежащихъ въ нѣдрахъ земли. Тотъ духъ, предчувствію и усиліямъ котораго мы обязаны началомъ новаго блестящаго періода разработки исторіи культуры, начерталъ на знаменахъ древнѣшей исторіи указательный знакъ, показывающій направленіе куда должны стремиться за новыми поисками и завоеваніями историческіе дѣятели. Мы убѣждены что наукѣ предстоитъ блестящая будущность на этомъ полѣ. Объ одномъ мы глубоко скорбимъ что работать на этомъ полрищѣ и пожинаать себѣ лавры безсмертной заслуги предъ наукою суждено не намъ, ближайшему народу къ историческому Востоку, а дипломатамъ и ученымъ запада. Наша слава пріобрѣтаемая на Востокѣ стоитъ намъ сотенъ тысячъ нашихъ соотечественниковъ и милліоновъ народнаго богатства; мы находимъ въ себѣ неистощимыя силы приносить такіа страшныя жертвы для освобожденія народовъ

Востока и подчиненія ихъ своему просвѣтительному вліянію, но мы до сихъ поръ оказывались умственно безцѣльными чтобы стяжать себѣ безкровныя и безденежныя лавры на Востокѣ и прыжнуть къ уже начатой тамъ мирной научной работѣ.

Наиболѣе подробные и точные документы мы имѣемъ отъ того времени Ассирійской исторіи которое можно назвать періодомъ юзлага раскрытія ея силъ и полновластнаго могущества надо всю Переднюю Азію и частью Африки. Это послѣднія отъ лѣтъ ассирійской исторіи, когда царствовала знаменитая династія Саргоидовъ, такъ-называющаяся по ея основателю *Саргону*, извѣстному изъ Библии (Ис. гл. 20, 1), отду еще болѣе извѣстнаго изъ священнои исторіи *Синнагермла*. Къ этой же династіи принадлежать еще: *Асаргадонъ* и *Асурбанипалъ*. Что касается послѣднлаго, то мы не только имѣемъ лѣтописи его царствованія во многихъ экземлярахъ и съ самымъ подробнымъ описаніемъ событій, но и находимся въ обладаніи громаднаго количества остатковъ отъ его библиотеки, счастливо найденной въ развалинахъ его столицы Ниневіи. Не менѣе счастливо удалось возстановить и раскрыть монументы самого основателя династіи Саргоидовъ: Саргона. Въ 1849 году французскій консулъ въ Мосулѣ Ботта, дѣлавъ раскопки на развалинахъ Ниневіи въ Куюнджикѣ, лежащемъ на Тигрѣ по другую сторону отъ Мосула (на восточномъ берегу), случайно обратилъ вниманіе на небольшой холмъ, лежащій въ 15 верстахъ отъ Куюнджика къ сѣверо-востоку, который и былъ изслѣдованъ имъ въ вѣсколькихъ мѣстахъ; найденныя при раскопкахъ развалины заставляли предполагать что подъ этимъ холмомъ погребено громадное зданіе, оказавшееся лотомъ грандіознымъ дворцомъ Саргона. Холмъ этотъ называется Хорсабадъ, а самый дворецъ, въ находящихся въ немъ надписяхъ, именуется *Дурь-Саркина*, т.-е. *кѣтлоостъ Саргона*. Кромѣ громаднаго количества скульптурныхъ изображеній и другихъ произведеній искусства найденныхъ на стѣнахъ этого дворца, самымъ драгоцѣннымъ приобѣтениемъ этихъ раскопокъ были-безчисленныя клинообразныя надписи, которыми локртыты были стѣны, ворота, полъ и другія части зданія. Всѣ эти надписи старательно были сняты, произведенія искусства, колоссальныя были съ человѣческими головами и другія историческія и мѣологическія

фигуры и изображенія были отправлены во Францію и помѣщены въ Лувръ. Изданіе снимковъ съ этихъ надписей и съ произведеній искусства, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ плана и всѣхъ частей дворца, роскошно исполненное, представляетъ любопытѣйшій сборникъ громаднаго множества документовъ царствованія одного и того же царя, такого множества какого не оставало по себѣ ни одно изъ древнихъ историческихъ лицъ. * Вмѣстѣ съ этимъ множество вариантовъ представляетъ обширное поле для изученія и провѣрки системы клинообразныхъ знаковъ и служить лучшимъ доказательствомъ правильности дешифрированія ассирійскихъ клинообразныхъ надписей.

На основаніи всѣхъ этихъ документовъ можно теперь имѣть ясное представленіе о личности монарха оставившаго послѣ себя столько монументальныхъ надписей и о той роли какую онъ игралъ во всемірной исторіи. Ассирія, лишь только впервые выступила на поприще исторіи, обнаружила стремленіе ко всемірному господству, но только при Саргонѣ, спустя болѣе 500 лѣтъ со времени первыхъ блестящихъ шаговъ Ассиріи къ обладанію міромъ, каковыми были завоеванія *Теглафелласара* Iго (около 1130 г. до Р. Х.), это господство сдѣлалось фактомъ. Достиженіе этого факта было подготовлено и обезпечено предшествующими завоеваніями, которыя сломали преграды отдѣлявшія Ассирію отъ крупныхъ величій тогдашняго историческаго міра, но только Саргонъ первый сталъ лицомъ къ лицу со всѣмъ міромъ кушито-семитическаго востока, подчинилъ его своему вліянію и открылъ вру всемірно-историческаго господства Ассиріи, достигшаго своего полнаго апогея при правлукъ Саргона Ассурбанипала. Этотъ періодъ можно назвать періодомъ преобладанія семитической расы; изъ семито-кушитскихъ народовъ образовано было одно громадное государство подъ верховенствомъ народа принадлежащаго къ этому же семейству и говорившаго языкомъ весьма близкимъ къ еврейскому. Вмѣстѣ съ этимъ, кушито-семитическая культура достигаетъ высшаго своего апогея и оканчивается свой циклъ развитія, сообщивъ могучіе стимулы развитію культуры арійскихъ народовъ и наложивъ на нее свою неизгладимую печать.

* *Le Monument de Ninive, découvert et décrit par M. P. E. Botta. Paris, 1849.*

Съ этою-то эпохой, занимающею одну изъ важнѣйшихъ страницъ всемірной исторіи, мы хотимъ познакомить читателей.

I.

Владычество надъ міромъ какое имѣла Ассирія въ лицѣ Саргона было подготовлено завоеваніями его предшественниковъ. Ходъ этого постепеннаго расширенія ассирійскаго могущества представляется вынѣ довольно ясно. Не ясны только первыя завоеванія ассирійскихъ монарховъ, такъ какъ о первоначальной исторіи Ассиріи мы знаемъ пока очень не многое кромѣ именъ монарховъ. Несомнѣнно только то что древнѣйшая исторія Ассиріи далеко не была такъ блестяща какъ передаютъ намъ позднѣйшіе греческіе историки. Исторія Нина и Семирамиды есть, не болѣе какъ романъ, образовавшійся уже послѣ паденія Ассиріи и основанный болѣе на мифологіи чѣмъ на исторіи. Памятники Ассиріи и Вавилона представляютъ намъ первыхъ правителей Ассиріи какъ вассаловъ Вавилона. Самое имя Ассура явилось уже въ позднѣйшее время владычества древней Вавилонской монархіи; по крайней мѣрѣ въ документахъ Халдейскаго царя Саргона, царствовавшего въ Агаме, время жизни котораго было около двадцатаго столѣтія до Р. Х., мы не встрѣчаемъ имени Ассиріи, хотя страна занятая въ послѣдствіи Ассиріей и упоминается, но подъ другимъ именемъ, именно *Гутумъ* (вѣроятно *Гоимъ* Библии). * Несмотря на все это мы имѣемъ основаніе думать что народъ населявшій существовавшіе ужъ и тогда города Ниневію и Ассуръ далеко не былъ политически незначительнымъ. Напротивъ, и въ эту отдаленную эпоху этотъ народъ обнаруживалъ столько задатковъ силы и могущества что для завоевателей того времени представлялся сильнѣе самихъ Вавилонянъ. Мы разумѣемъ здѣсь египетскіе походы въ эпоху 18а и 19а династіи фараоновъ. Египетскіе фараоны 18а династіи, замѣстивъ собою царей-пастуховъ, пришельцевъ изъ Сиріи и обладавшихъ около 200 лѣтъ Египтомъ, измѣнили традиціонной

* Быт. 14, 1.

политикѣ царства фараоновъ, почти не перестулавшихъ Суэзь въ продолженіе болѣе 2.000 лѣтъ, и ярогнавъ пришагъ лорботителей въ Азію, отправились по ихъ столамъ черезъ Суэзь и начали эру блестящихъ походовъ въ глубь Азіи, продолжившихся болѣе ста лѣтъ, которые составляютъ самую славную страницу египетской исторіи. Главнымъ театромъ ихъ походовъ были Палестина и Сирія, гдѣ въ особенности прославилась своимъ упорнымъ сопротивленіемъ народъ *Хета* (*Хиттеи* Бобліи). Но не Сирія была главною цѣлію этихъ походовъ; подчиненіе народовъ Сиріи необходимо было для нихъ только потому что чрезъ нее шель естественный луть въ Месопотамію, которая очевидно и составляла главную цѣль ихъ завоеваній. Фараоны 18й династіи, Тотмесь I и Аменхотель II, неоднократно переходили Евфратъ и даже Тигръ, причемъ они не выказали стремленія къ завоеванію Вавилона, но довольствовались покореніемъ Ниневіи и подвластной ей страны. Очевидно фараоны не считали свое владычество въ Азіи прочнымъ пока Ниневія не была въ ихъ рукахъ. Но Египеть не создавъ былъ для завоеваній; эти завоеванія произвели раздѣленіе въ немъ самомъ, безъ того лишешкомъ полнаго политическаго единства и цѣльности, и навлекли на него нашествія враговъ, съ которыми онъ едва могъ справиться. Сирія и Месопотамія предоставлены были своей собственной участи. Тогда начинается усиленіе Ассирии. Сильный по своему физическому сложению, цѣльный какъ политическій организмъ, Ассирійскій народъ занималъ центральное мѣсто въ передней Азіи, по среднѣ теченія Тигра, откуда открывается луть къ западу: въ Сирію, къ востоку: въ Мидію и Персію, къ югу: въ Халдею, а къ сѣверу: въ Арменію, оттуда въ Малую Азію. Будучи одноплеменнымъ со своими сосѣдями Хонусями, онъ заимствовалъ отъ нихъ языкъ, религію и литературу, и по этой близости къ очагу семито-кушитской культуры и воспримчивости къ ея продуктамъ, онъ сталъ передовымъ народомъ въ дѣлѣ культуры. Все это, при его воинственномъ характерѣ, предопредѣлило его всемірно историческую роль и возбудило въ немъ тотъ удивительный геній завоеваній, подобіе котораго мы можемъ видѣть только въ Римлянахъ. Первые удары Ассирійцевъ были направлены противъ ихъ давнишнихъ обладателей Вавилонянъ. Но Вавилонъ и Халдея представляли саишкомъ мало простора для ихъ завоевательной

карьеру. Ассирія, лишь только почувствовала свое могущество, не замедлила направиться по традиционному завоевательному пути: черезъ Евфратъ въ Сирію, а оттуда въ Египеть. При концѣ своей исторіи она блистательно завершила свою задачу покореніемъ Египта; правда, Египеть не былъ окончательно сломленъ Ассирійцами, но ихъ оружіе тамъ торжествовало, они держали въ своихъ рукахъ судьбу Египта, и безъ сомнѣнія рѣшили бы судьбу этой страны, еслибы неожиданныя обстоятельства не сломали ихъ самихъ. Судьбу Египта уже рѣшила Персія.

Судьба Сиріи и Палестины во время этихъ движеній представляетъ особенный интересъ. Поставляемые въ срединахъ между крупными политическими силами, Египтомъ съ одной стороны и Ассиріей съ другой, народы Сиріи и Палестины, всегда разрозненные и лишенные внутренней и внѣшней опоры, казалось, самою природою обречены были на то чтобы стать добычею своихъ спящихъ сосѣдей и театромъ столкновеній народовъ враждующихъ за обладаніе міромъ. Такъ дѣйствительно и было. Только однажды, въ продолженіе сравнительно короткаго времени, эти страны образовали изъ себя одно цѣлое и приобрѣли могущество которое не уступало по силѣ великимъ монархіямъ древняго міра и было бы грознымъ для окружающаго міра, еслибъ упрочилось. Мы разумѣемъ царство Иудейское подъ скипетромъ Давида и Соломона. Замѣчательно что образованіе этого могущества совпадаетъ съ тѣмъ временемъ когда Египеть съ одной стороны былъ раздраемъ внутренними несогласіями и боролся противъ вторженія внѣшнихъ враговъ, съ другой стороны Ассирія находилась въ усыпленіи послѣ ударовъ нанесенныхъ ей при преемникахъ знаменитаго представителя первой Ассирійской монархіи, Теглафелласара I. Эти обстоятельства были особенно благоприятны для Сиріи и Палестины и много помогли быстрому сплоченію всѣхъ народностей этихъ странъ въ одинъ организмъ подъ управленіемъ великаго монарха народа Божія. Но народъ сдѣлавшійся носителемъ этого могущества не былъ призванъ къ всемірному политическому господству; его всемірная миссія имѣла иной, духовный и глубокий характеръ, и тѣмъ свѣтскаго восточнаго монарха, усвоенный въ значительной степени вторымъ основателемъ этой монархіи,

стала въ рѣзкое противорѣчiе съ теократическою идеею, лежавшею въ основѣ жизни этого народа. Еще не умеръ Соломонъ, а приговоръ надъ его царствомъ и его потомками былъ произнесенъ. Раздѣлившееся послѣ его смерти царство повлекло за собою раздробленiе всей Палестины и Сирiи на ея элементы. Наряду съ царствомъ Иудейскимъ и Израильскимъ возвысилось Арамейское царство на сѣверѣ подъ главенствомъ Дамаска, цари котораго претендовали на владычество всю Сирiей и Палестиной и часто ставили царей иудейскихъ и израильскихъ въ вассальныя къ себѣ отношенiя. Другою выдающеюся величиною въ Сирiи была Финикiя, первенствующимъ городомъ которой былъ въ то время Тиръ. Финикiя никогда не искала политической независимости, тѣмъ менѣе политическаго преобладанiя. Она, напротивъ, искала протектората великихъ монархiй чтобъ оградить безопасность своей всемирной торговли и безостановочность сношенiй съ безчисленными колонiями. Наконецъ, въ сѣверной Сирiи, между Евфратомъ, Оронтомъ и горой Аманъ, лежала страна извѣстная изъ ассирiйскихъ надписей подъ именемъ страны *Хатти*. Народъ населявшiй эту страну былъ несомнѣнно одинъ и тотъ же съ *Хета* египетскихъ памятниковъ, прославившiйся своимъ упорнымъ сопротивленiемъ египетскимъ завоевателямъ; эта-то страна и сдѣлалась классическою страной подвиговъ первыхъ ассирiйскихъ завоевателей. Она была раздѣлена на множество мелкихъ государствъ, образовавшихъ одну федерацiю, и имѣла главнымъ своимъ городомъ знаменитый *Карвамышъ* (*Карвамисъ* надписей), лежавшiй на лѣвой сторонѣ Евфрата, на среднемъ его теченiи. Судя по надписямъ эта страна была богата и населенна и такъ какъ служила передовымъ лостомъ Сирiи, то часто въ надписяхъ ассирiйскихъ монарховъ являлась представительницей всей Сирiи и Палестины, которая во всей совокупности называлась страной *Хатти*.

Первый ассирiйскiй царь, открывшiй рядъ непрерывныхъ походовъ въ Сирiю, *Ассуръ-Назиръ-Габалъ* (882—858), былъ сашкомъ поглощенъ восстановленiемъ утраченнаго, почти въ продолженiе 200 лѣтъ, могущества Ассирiи надъ окрестными народами чтобъ исключительно посвятить себя задачѣ завоеванiя Сирiи. Въ первую половину своего царствованiя онъ былъ занятъ войнами на сѣверѣ и востокѣ Ассирiи и только обезпечивъ себя съ этихъ сторонъ, началъ походы въ Сирiю

во вторую половину своего царствованія. Походъ его, какъ видно, настолько былъ неожиданъ что онъ не встрѣтилъ почти сопротивленія; перешелъ Евфратъ, принявъ подчиненіе царя города Кархемыша, прошелъ всю страну Хатти и занявъ два прохода Ливана, спустился къ берегу Средиземнаго моря. Цари Тира, Сидона, Гебела и Арвада подчинились и привезли дары. Срубивъ для своихъ храмовъ драгоценныя деревья, кедръ и кипарисы на Ливанѣ и Аманѣ, онъ возвратился въ Ассирію.

Но если легко было совершить побѣдоносный походъ въ Сирію, то не такъ легко было удержать ее въ повиновеніи. Ассирійскіе монархи, какъ и вообще всѣ восточные завоеватели, начиная съ Египтянъ, владѣли искусствомъ побѣждать слабѣйшихъ сосѣдей, но не обладали искусствомъ управлять ими. Они большею частью предоставляли побѣжденнымъ народамъ жить самостоятельно подъ управленіемъ своихъ царей и требовали только признаніе верховныхъ правъ своего сюзерена, выражавшееся почти исключительно въ уплатѣ дани и въ случаѣ нужды въ военной помощи. Вслѣдствіе этого достаточно было ассирійскому монарху удалиться изъ завоеванной страны въ противоположную сторону, а тѣмъ болѣе потерпѣть гдѣ-нибудь неудачу, чтобъ эта страна тотчасъ же объявила себя независимой. Тогда приходилось начинать снова дѣло покоренія. Вотъ почему мы видимъ что ассирійскіе монархи, чтобъ удержать въ покорности безчисленные народы, должны были вести непрестанныя походы въ одну и ту же страну и передавать то же самое дѣло своимъ преемникамъ. Полное подчиненіе большею частью наступало только тогда, когда истощенный борьбой за независимость народъ терялъ послѣдній остатокъ своей силы и живучести и переставалъ быть политической единицей. Сами завоеватели, измученные постояннымъ сопротивленіемъ, переселяли массы народовъ изъ одного мѣста въ другое и отдѣляли женское поколѣніе отъ мужскаго, направляя ихъ въ разные стороны. Послѣ перваго своего похода въ Сирію, Ассуръ-Назиръ-Габалъ долженъ былъ совершить въ продолженіе своей жизни еще четыре похода въ эту страну чтобъ усмирить возмущенія, которыя тамъ обыкновенно начинались послѣ его удаченія. Но всѣ эти походы только открыли путь въ Сирію для его преемниковъ, которые повторяли ихъ слишкомъ двѣсти лѣтъ. Его смѣнъ

Салманассаръ, по числу второй изъ одноплеменныхъ монарховъ, въ продолженіе своего 35лѣтняго царствованія совершилъ не менѣе 25 походовъ въ Сирію. Эти походы впрочемъ имѣли обширные результаты и привели къ покорности всю сѣверную Сирію отъ Евфрата до Оронта; вмѣстѣ съ тѣмъ она дала почувствовать ассирійское могущество всѣмъ народамъ отъ Дамаска до Аравіи и даже самого Египта. Преемники Салманассара Самси-Бинъ (823—810) и Бинъ-Нирари (810—780) съ энергіей продолжали дѣло своихъ предковъ, и Ассирійская монархія приобрѣла въ свою власть большую часть народовъ передней Азіи.

За блестящими временами названныхъ монарховъ слѣдуютъ 30 лѣтъ упадка, въ продолженіе которыхъ не было новыхъ побѣдъ, напротивъ, царствовавшіе въ это время три царя или имѣютъ дѣло съ возмущеніями подданныхъ, или же остаются по цѣлымъ годамъ въ своей столицѣ, такъ что всѣ завоеванія были почти потеряны. Это привело къ перемѣнѣ династіи; въ 744 году вступилъ на тронъ узурпаторъ Теглафелласаръ, по числу второй, тотъ самый о которомъ повѣствуетъ *Книга Царствъ* какъ о завоевателѣ Дамаска, сѣверной части царства Израильскаго и современникѣ Ахаза царя Іудейскаго *. Этотъ царь, одинъ изъ ближайшихъ предшественниковъ Саргона, въ продолженіе своего 18лѣтняго царствованія не только возстановилъ монархію въ ея прежнихъ границахъ, но и далъ ей небывалую до сего времени широту и силу. Къ сожалѣнію, дѣтлописи этого славнаго царствованія дошла до насъ въ крайне жалкомъ видѣ, вслѣдствіе чего не всѣ моменты царствованія представляются для насъ во всей ясности и не всегда можно установить ихъ точную хронологію. Одно для насъ ясно изъ этихъ дѣтлописей что борьба въ Сиріи при немъ получила ожесточенный характеръ. Народы Сиріи и Палестины, ошеломленные разгромомъ Дамаска со стороны Теглафелласара и почувствовавъ что ассирійское могущество съ неумолимою силой стремится поглотить ихъ, что вопросъ идетъ объ ихъ жизни или смерти, рѣшились обратиться за помощью къ исконному врагу Ассиріи, Египту, и такимъ образомъ сами вызвали столкновеніе этихъ двухъ великихъ монархій древняго міра. Это столкновеніе произошло при Саргонѣ. Между нимъ и Теглафелласаромъ дѣлты

* 2 Цар. (Славян. 4), гл. 15, 19.

эпохамъ помѣщаются въ продолженіе пяти лѣтъ царствованіе Салмаадсара IV, вѣроятно сына послѣдняго, отъ котораго впрочемъ не осталось лѣтописей. Но его имя упоминается въ *Книгѣ Царствъ*, какъ цара разрушившаго царство Израильское *. Но это дѣло не было исключительно его дѣломъ; оно было имъ начато и ведено, но довершеніе его принадлежитъ его преемнику Саргону.

II.

Паденіе царства Израильскаго есть одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ библейской исторіи. Выстъ съ тѣмъ, это событіе представляетъ намъ пунктъ гдѣ Ассирійская монархія соприкасается самымъ ближайшимъ образомъ съ малѣйшимъ царствомъ избраннаго народа Божія и самымъ могущественнымъ образомъ вліяетъ на его судьбу. Великая заслуга ассиріологіи, между прочимъ, заключается въ томъ что она указала во многихъ случаяхъ связь событій библейской исторіи со всемірною исторіей и самымъ блистательнымъ образомъ доказала и доказываетъ историческую достоверность сказаній Библии. Вотъ почему фактъ паденія Самаріи, какъ записанный въ лѣтописяхъ Ассиріи, представляетъ для насъ двойной интересъ, какъ и вообще всѣ факты гдѣ исторія Ассиріи соприкасается съ исторіей народа Божія. Но мы далеко не поняли бы значенія этого событія еслибы признали его дѣломъ только ассирійскаго монарха, только неизбежнымъ послѣдствіемъ могущественнаго развитія завоевательной политики Ассиріи. Часть народа Еврейскаго, именно сѣверное царство, называвшееся *Израильскимъ*, пала въ борьбѣ съ Ассиріей не столько по капризу могущественнаго завоевателя, сколько по тому что внутреннее его состояніе и исторически сложившееся управление всей его политической и духовной жизни привело его къ этому. Словомъ, это случилось отъ взаимодѣйствія вѣшнихъ и внутреннихъ причинъ. Показать это взаимодѣйствіе и представить въ возможной ясности этотъ фактъ

* 2 Цар. (Славян. 4), гл. 17, 3.

мы считаемъ нашею задачею, тѣмъ болѣе что важнѣйшіе древности имѣютъ, по нашему мнѣнію, всемірно-историческое значеніе; это своего рода культурная борьба, гдѣ раздается не одинъ звукъ оружія, какъ въ большей части войнъ древнихъ монарховъ со своими сосѣдями, но гдѣ душа народа вступаетъ въ коалицію со высшею силой и падаетъ или побѣждаетъ, смотря по степени интенсивности своего дѣйствія. Притомъ эта страница всемірной исторіи не достаточно и односторонне излагается у большей части историковъ. Образъ маленькаго государства вполнѣ заслоняется у нихъ колоссальною фигурой Ассарійскаго великана, не смотря на то что этотъ великанъ въ концѣ концовъ оказался побѣжденнымъ въ борьбѣ. Всемірная исторія не есть, по нашему мнѣнію, только политическая исторія, не есть только исторія матеріальной культуры; она должна быть также исторіей постепеннаго возвышенія духа человѣческаго отъ вѣдшихъ стихій къ нравственной свободѣ, исторіей культуры не матеріальной только, но и духовной. Идеи истинной духовной религіи и чистой морали, идея нравственнаго совершенствованія находятъ себѣ въ народѣ Божиємъ своего представителя и борца; онъ отстаиваетъ эту идею въ борьбѣ со всемогуществомъ матеріальной культуры и падаетъ только когда или теряетъ изъ виду эту идею, или представляетъ ее въ искаженномъ видѣ. Въ этомъ смыслѣ исторія не есть для насъ вполнѣ безучастная зрительница событій; нѣтъ, сочувствіе историка всегда должно быть на той сторонѣ гдѣ драгоцѣннѣйшія достоинства духа человѣческаго, носимыя народомъ и лицами смиренными и ничтожными по вѣдшему виду вступаютъ со сверхъестественною силой въ борьбу съ матеріальнымъ міромъ и часто одерживаютъ побѣду, правда, не съ такимъ блескомъ и славой какъ великіе монархи сокрушаютъ арміи враждебныхъ народовъ, но съ безконечно болѣе важнымъ результатомъ для истиннаго прогресса человѣчества. Вотъ почему мы хотимъ глубже войти въ сущности и подробности борьбы которая въ политическомъ отношеніи не имѣетъ большаго значенія.

Отдѣлившись отъ дома Давидова большая половина Израильскаго народа, съ самаго момента своего отдѣленія, приняла такое направленіе въ своей жизни которое неминуемо моменты борьбы народа Божія съ великими монархіям

влекло его ко внутреннему разложению и потерѣ самостоятельности. Покутка перенять его царей руководивших главнымъ образомъ враждой и ревностью къ родственному царству Иудейскому, оставшемуся вѣрнымъ дому Давида, была направлена къ тому чтобъ отторгнуть народъ отъ того богопочтенія, средоточіемъ котораго былъ Иерусалимъ и домъ Давида. Первый царь Израильскаго царства Іеровоамъ ввелъ вмѣсто поклоненія истинному Богу (Іагве) поклоненіе тельцу, изображеніе котораго было поставлено на границахъ его царства въ Веелъ и Данъ. Жрецы и почитатели истиннаго Бога были изгнаны. Вмѣстѣ съ этимъ возмараются непрерывный рядъ войнъ съ одноплеменнымъ царствомъ. Лишившись такимъ образомъ своего духовнаго средоточія, разорвавъ связь со всѣмъ прошедшимъ и потерявъ вѣру въ будущее, это царство, можно сказать, лишилось своей души и должно было сдѣлаться въ самомъ скоромъ времени игралищемъ стихійныхъ силъ, легкою добычей своекорыстія своихъ правителей и замысловъ сосѣднихъ народовъ. Царь этого царства не имѣлъ такого авторитета какому пользовался домъ Давидовъ въ царствѣ Иудейскомъ, отсюда постольная узурпація и смена династій. За домомъ Іеровоама слѣдуетъ домъ Ваасы, за нимъ Амврія (Омри). Послѣдняя династія хотѣла придать силу своему государству посредствомъ союза съ сосѣдними народами. Но этотъ союзъ могъ быть только съ Финикійцами, сѣверствомъ котораго была родственная связь царскаго дома съ царемъ Тирокимъ и введеніе въ народъ Божіемъ финикійскаго культа. Это нововведеніе съ неизбежнымъ его послѣдствіемъ, чудовищнымъ развратомъ, ужь оковательно исказило характеръ и черты народа Божія. Тогда-то на защиту истинной религіи выступили пророки, означая со своимъ мощнымъ словомъ и потрясающими царей и народъ дѣйствіями, а потомъ сочлененіями. Нельзя пройти молчаніемъ эту дѣятельность пророковъ, такъ какъ она составляетъ душу исторіи народа Божія. Периодъ непрерывной дѣятельности пророковъ продолжается и послѣ разрушенія царства Израильскаго и кончается уже послѣ лѣтъ Вавилонскаго. По всей справедливости можно назвать этотъ періодъ непримѣримымъ въ исторіи и блестящимъ въ своемъ родѣ, если только понять дѣятельность пророковъ въ ея истинномъ значеніи. Мы дурно

пожали бы ихъ значеніе еслибы назвали ихъ горячими патриотами, тонкими политиками и леборниками національной независимости своего народа; безспорно они заключали въ себѣ элементы всего этого, но не это было въ нихъ характеристическою чертой. Это были вдохновенные борцы за истинную вѣру, проповѣдники духовнаго богопочтенія и чистѣйшей нравственности, находившіеся подъ наптіемъ свыше. Исторія не представляетъ намъ другаго подобнаго періода, какъ этотъ, продолжавшійся болѣе 500 лѣтъ періодъ пророческой дѣятельности, когда непрерывно звучалъ въ ушахъ людей вдохновенный гогодь, то неумолчный и грозный какъ громъ съ неба, то вѣжливый, увлекательный и возмущенный какъ языкъ неземной поэзіи. Призваніе пророковъ не ограничивалось узкими предѣлами ихъ собственнаго народа, они обращали свою проповѣдь и ко всѣмъ другимъ народамъ и громко проповѣдывали идею о единомъ царствѣ Божіемъ изо всѣхъ народовъ земли. Для нихъ, жившихъ въ области духа, не страшна была никакая вѣшняя сила, они вѣрили только во всемогущество правящаго судьбою народовъ Бога и въ непобѣдимость всего того что носитъ въ себѣ задатки оудшевляющаго ихъ самихъ духа. Выѣсть съ тѣмъ предъ ихъ внутреннимъ взоромъ была раскрыта завѣса будущаго всѣхъ народовъ и царствъ, они произносили надъ вами приговоръ съ такою точностію и рѣшительностію какъ еслибы они прочли его въ книгѣ судьбы. Попятно само собою что для нихъ не страшна была Ассирія, несмотря на все ея грозное могущество, но ужасъ овлаждалъ ими тогда когда они видѣли несправимые пороки людей, невниманіе къ ихъ словамъ; тогда они владели въ отчаяніе и безсміе, но пробудившись они вновь поражали нераскаленнымъ народъ своимъ острымъ какъ мечъ словомъ и неприкрасенно изображали весь ужасъ ожидавшей его судьбы. И эта судьба неизбѣжно постигала его. Напротивъ, тамъ гдѣ слово ихъ было дѣйствительное, руководимый ими народъ обнаруживалъ такую несокрушимую силу, предъ которою разбивалась грозная воля мірскаго владычества. Ихъ писанія представляютъ полное отраженіе этихъ мощныхъ проявленій ихъ духа. Въ нихъ положеніе современныхъ имъ царствъ и народовъ изображается не только съ поразительною вѣрностію и глубиною, но и представляется ихъ историческія роль и судьба такъ какъ это должно быть по

маву божественнаго міроправленія. Такъ Ассирія представляется могучимъ и непобѣдимымъ государствомъ, всеокружающею силой, когда дѣло идетъ о наказаніи преступнаго народа, объ истребленіи того что подлежитъ истребленію по всецѣлпріятному суду Божию, но ничтожнымъ и беспильнымъ когда имѣеть дѣло съ народомъ проникнутымъ вѣрою въ несокрушимую силу истинной вѣры въ Бога и прикрывающимъ себя щитомъ Божиимъ. Вместе съ этимъ, они такъ вѣрно и глубоко познали всемірно-историческое значеніе ассирійскаго могущества, такъ точно его охарактеризовали и такъ безошибочно произнесли надъ нимъ приговоръ что ихъ рѣчи всегда были и всегда остаются драгоцѣннѣйшимъ историческимъ памятникомъ той эпохи.

Сила пророческаго слова поддерживала жизнь царства Израильскаго, но не могла возродить его и спасти отъ полнаго разложенія. Испанскій образъ пророка Иліи повергалъ въ ужасъ безбожныхъ царей дома Амврія, Ахаава и Охозію, но былъ беспилемъ возвратитъ ихъ на путь добра. Тогда его ученикъ Елисей получаетъ отъ него завѣщаніе изложить эту династію. Но и новая династія не оправдала надеждъ пророковъ, тѣмъ не менѣе въ лицѣ четвертаго ея представителя, Іеровоама II, она доставила народу Израильскому сорокъ лѣтъ покоя и безопасности, единственно счастливое время прожитое этимъ царствомъ. При спокойствіи, это царствованіе не чуждо было нѣкотораго блеска и могущества. Но этотъ блескъ былъ только наружный, и тихая подготованная буря, подвергнувъ крушенію это царство. Въ немъ окончательно иссякъ духъ истинной религіи и пророческаго вдохновенія. Но не умеръ этотъ духъ пророчества въ родственномъ Іудейскомъ царствѣ; простой пастухъ изъ этого царства, по имени Амосъ, получаетъ призваніе идти къ безлечному и развращенному народу, разоблачить его злыя и указать ему на возможность поцѣленія. Неустрашимый пророкъ оставилъ свои поля и стада, отправился въ Израильскую землю и тамъ возвѣщалъ свое слово, исполненное мужества, энергии, возвышенности и истинно художественной красоты. „Возвѣстайте, говоритъ онъ, во дворцахъ Азота и во дворцахъ земли Египетской и скажите: соберитесь на горы Самаріи и посмотрите на великія шумныя лированія въ ея среднѣхъ и на притѣсненныхъ внутри ея! Тамъ не имѣютъ понятія о дѣлахъ справедливости и собираютъ сокровища

наспія и разоренія во дворахъ своихъ *. Тамъ покоятся на лежахъ изъ сазоной кости и утоляютъ въ вѣгѣ на кроватяхъ своихъ, ѣдятъ агнать изъ скота и телятъ изъ семинъ тучныхъ. Полагаютъ свои руки на струны арфы, подобно Давиду они пользуются музыкальными орудіями, пьютъ изъ чашъ вино и мажутъ самымъ лучшимъ елеемъ, *но не болѣтъ о язвъ Иосифа* **. Ищите добро, а не зло, чтобы вы могли пользоваться жизнью, и Іагве, Богъ воинствъ, будетъ съ вами, какъ вы желаете. Ненавидѣте зло и полюбите доброе, быть-можетъ Іагве, Богъ воинствъ помилуетъ остатокъ Иосифа.*** Но голосъ пророка не былъ услышанъ; именемъ царя ему было приказано удалиться во свое отечество, въ землю Іудейскую и тамъ пророчествовать.

Судъ не заставлялъ себя долго ждать. Послѣ блестящаго царствованія Іеровоамъ II наступилъ времени революціи и анархіи. Его сынъ Захарія могъ вступить на престолъ только спустя десять лѣтъ послѣ смерти отца и царствовалъ всего шесть мѣсяцевъ, павъ жертвою заговора. Узурпаторы сѣялись одинъ за другимъ, часто уступая мѣсто помѣншей анархіи. Манаимъ (Менахемъ), воцарившійся на мѣсто Селума, убійцы Захарія, могъ держаться только при помощи иностраннаго вмѣшательства. Ассирійскій царь Теглафеласаръ II явился въ Палестину, и Манаимъ послѣдовалъ приносить ему дань и тѣмъ упрочить свое положеніе. Но его сынъ Факіа (Пекахія) царствовалъ всего два года и павъ отъ руки Факея (Пекахъ); этотъ послѣдній, тѣснимый Сирійцами, сдѣлался подобно Манаиму вассаломъ Ассиріи, но принужденный все-таки подчиняться пламамъ Сиріи, онъ навлекъ на себя гнѣвъ ассирійскаго царя Теглафеласара, который овладѣлъ сѣверными частями царства Израильскаго и переселилъ жителей въ Ассирію. Это было первое переселеніе народа Божія. Послѣ двадцатилѣтняго царствованія Факея былъ убитъ, но только послѣ десяти лѣтъ анархіи могъ вступить на престолъ его убійца Осія (Гомеа), послѣдній царь Израильскій. Этотъ царь, какъ свидѣтельствуетъ о немъ Книга Царствъ, былъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ, но онъ не могъ удержать государства отъ угрожающаго паденія.

* 8, 9.

** 6, 4—6.

*** 5, 14—15.

Нужна была вѣшняя помощь, между тѣмъ могущество Ассиріи ничего не обещало утѣшительнаго; спасенія можно было искать только въ Египтѣ, а одно подозрѣніе въ союзѣ съ Египтомъ могло навлечь страшныя послѣдствія со стороны Ассиріи. Растерявшіеся вожди народа бросались въ объятія той и другой враждебной силы. Напрасно пророкъ того времени, Осія, старается представить мрачную картину положенія государства предъ глазами своихъ соотечественниковъ и воскресить угасшій духъ народа; его рѣчи, дышущія такою, но глубокою скорбію, изложенныя языкомъ полными сильныхъ выраженій, потрясающихъ картину и неожиданныхъ переходовъ, принадлежатъ по стилю къ числу лучшихъ пророческихъ рѣчей, но онъ всего менѣе могъ подѣйствовать. Изъ его рѣчей мы съ особою ясностію можемъ видѣть распатавшее политическое, социальное и религіозно-нравственное состояніе народа. „Израиль, Ефремъ и Самарія, говоритъ онъ, дѣлаютъ ложь, занимаются воровствомъ, выходятъ на улицу и грабятъ шафками. Зломъ они увеселяютъ царя и ложью князей. Всѣ они разгорячены какъ печь и пожираютъ своихъ правителей, всѣ цари ихъ падаютъ.“ „Ефремъ, продолжаетъ онъ, смѣшался съ народами, цеземцы пожираютъ его силу, а онъ не знаетъ; онъ сталъ подобно глулomu голубю не имѣющему сердца (ума); *призываютъ Египетъ, идутъ къ Ассурѣ* *.

Они говорятъ теперь: царя нѣтъ у насъ, потому что мы не боимся Яговы. Чтѣ же сдѣлаетъ намъ царь?“ Очевидно подобное государство не могло быть рѣшителемъ и властелиномъ своихъ судебъ; ему оставалось только подчиняться чужой силѣ. Последній царь Осія, вступивъ на престолъ, хотѣлъ было испытать счастье и объявилъ себя независимымъ, можетъ-быть воспользовавшись тѣми безпорядками которыми, по всей вѣроятности, сопровождалась смерть Феглафелласара и вступленіе на престолъ Салманассара. Но стоило только новому монарху Ассиріи явиться въ Палестину, какъ Осія изъявилъ покорность и принесъ дань. Впрочемъ, изъясняя по наружности покорность, царь Израильскій велъ темныя переговоры съ Египтомъ, неожиданно услышавшимся въ то время, какъ будетъ объяснено ниже, благодаря преобладанію новой диктатуры египетской. Это движеніе къ Египту воспламенило тогда всѣ страны Палестины, такъ много терпѣвшія

* I, 1. 3. 7—9. 11—12.

отъ ассирійскаго государства. Но дѣло союза съ Египтомъ велось очень медленно, и Ассирійскій царь вовремя узналъ о грозившей ему опасности; онъ неожиданно явился въ Палестину, разбилъ войско неустѣпнаго приготовившагося Израильскаго царя Осію и взялъ его въ плѣнъ. Тогда онъ двинулся на Самарію которая неожиданно оказала упорное сопротивление; Салманассаръ принужденъ былъ вести правильную осаду, продолжавшуюся болѣе двухъ лѣтъ. Въ этой борьбѣ онъ истощилъ всѣ средства и быть-можетъ благодаря ей лишился и трона. По крайней мѣрѣ не Салманассару удалось взять Самарію; его преемникъ, Саргонъ, въ своихъ лѣтописяхъ во главѣ своихъ славныхъ дѣланій поставяетъ взятіе Самаріи и переселеніе въ Ассирію ея жителей.

III.

Теперь время сказать намъ нѣсколько словъ о личности самого Саргона. Его происхожденіе и обстоятельства вступленія на престолъ неизвѣстны. Но несомнѣнно что онъ не былъ сыномъ предшествовавшаго монарха и вѣроятно былъ узурпаторомъ. Всѣ ассирійскіе монархи въ началѣ своихъ надписей имѣютъ обыкновеніе прославлять себя своими знаменитыми предками и выставлять ихъ заслуги, въ особенности своихъ ближайшихъ отцовъ, но Саргонъ, несмотря на громадное множество оставшихся послѣ него надписей, нигдѣ не называетъ своего отца и своихъ предковъ и не имѣетъ обыкновенія перечислять своихъ предшественниковъ, называя себя просто царемъ Ассура, равно какъ Сумира и Аккада (Халдеи). Самое имя его говоритъ скорѣе за то что онъ не былъ даже царскаго рода; правда, одинъ изъ великихъ халдейскихъ монарховъ, жившій болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до него, носилъ это же самое имя, но оно не подходитъ къ именамъ ассирійскихъ монарховъ въ которыхъ всегда заключается или подразумевается какъ одинъ изъ элементовъ имя какого-либо божества. Саргонъ повидимому самъ сознавалъ несоотвѣтствіе своего имени съ носимымъ имъ царскимъ достоинствомъ, и потому въ одной своей надписи онъ изъясняетъ этимологию своего имени, собственно *Сарг-кингъ*, то-есть *царь твердо столицей*, утверждая что боги потому дали ему это имя что онъ сохранилъ законы

справедливости. По всей вѣроятности, лучшие таланты и заслуги привели его къ трону. Что касается самаго вступленія его на престолъ, то-есть возможности узурпаціи, посредствомъ которой подданный могъ отнять престолъ у законнаго царя и сдѣлаться обладателемъ громадной монархіи, то эта возможность легко могла представиться въ такой монархіи какъ Ассирія. Саммацассаръ принужденъ былъ слѣдующіе два года бороться безуспѣшно въ Палестинѣ. Продолжительное отсутствіе его изъ столицы точно также могло произвести въ Ниневіи революцію и перемѣну династіи, какъ продолжительное отсутствіе Камбиза въ Египтѣ привело къ перемѣнѣ династіи въ Сузахъ. „На востокѣ, говоритъ Джорджъ Роллинсонъ, гдѣ монархъ есть не только глава, но и единственная сила въ государствѣ, движущая и ружима, которая должна быть постоянно въ дѣйствиіи чтобы предотвращать механизмъ управленія отъ лютостянаго восточнаго, всегда опасно для монарха быть долго вдали отъ своей метрополи. Это далеко не языкъ только лютостяной асти, если восточные жители сравниваютъ своихъ царей съ солнцемъ и говорятъ о нихъ что они сообщаютъ свѣтъ и жизнь странѣ и народу которыми они управляютъ. Въ отсутствіи царя все чахнетъ; отправленіе правосудія задерживается; общественныя работы останавливаются; расходы двора, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ счастье столицы, прекращаются; торговля въ застоѣ, промышленность тоже; высшія ея отрасли терпятъ больше всего; художники остаются безъ дѣла, ремесленники распускаются, плата падаетъ; каждая отрасль промышленности болѣе или менѣе разстроивается, и тѣ которые занимаютъ ея терпятъ ущербъ вслѣдствіе этого; нѣтъ надежды на возвращеніе благополучія, пока царь не возвратится домой. При этихъ обстоятельствахъ возрастаетъ общее недовольство и народъ, тоскующій о лучшихъ временахъ, готовъ поддержать претендента, который желаетъ себя выставить и ло какому-либо предлогу объявляетъ вакантнымъ тронъ и требуетъ чтобы онъ былъ его обладателемъ. Если Саммацассаръ продолжалъ въ собственномъ лицѣ управлять оаду Самаріи въ продолженіе трехъ лѣтъ, то мы не можемъ думать что терпѣніе Ниневитянъ истощалось и что на третій годъ они приняли управленіе узурпатора, который сдѣлао провозгласилъ себя царемъ.“ *

* G. Rawlinson's *The Five Great Monarchies*, vol. II, p. 139.

Вступленіе новаго монарха на престолъ, а тѣмъ болѣе перешіа династія неизбѣжно влекла за собою повсемѣстное возстаніе. Саргонъ долженъ былъ сначала усмирить революцію въ сосѣднихъ странахъ, Халдеи и Эламі; быстрымъ движеніемъ оны предотвратилъ соединеніе эламитскихъ и халдейскихъ войскъ и разбилъ сначала эламитскаго царя Хумбангаса, а потомъ халдейскаго Меродаха Баладава, такъ что могъ въ тотъ же годъ явиться въ Палестинѣ подъ стѣнами Самаріи. Кто были вышеупомянутые цари Элама и Халдеи и каково было положеніе ихъ странъ въ ту эпоху, мы будемъ говорить ниже, когда дойдемъ до великаго вавилонскаго похода Саргона. Новый царь съ энергіей ловель дѣло съ царствомъ Израильскимъ; непокорный городъ долженъ былъ сдаться. Побѣдитель рѣшилъ вырвать съ корнемъ это средоточіе постоянныхъ революцій, эту центральную оску Палестины, стоявшую на рубежѣ его завоевательныхъ стремленій по направленію къ Суэзу. Онъ ввелъ въ лѣтъ 28.000 жителей, цѣлыя націи, и переселилъ ихъ въ Ассирію, а на мѣсто ихъ оны поселилъ жителей изъ различныхъ частей своей имперіи и главнымъ образомъ изъ отдаленной Мидіи. Мѣсто царя оны поставилъ правителемъ одного изъ своихъ генераловъ и ввелъ ту же администрацію и тѣ же податки какъ и въ Ассиріи. Такъ пала Самарія, твердыня Амврія, ревнивая соперница Іерусалима, средоточіе всѣхъ движеній противныхъ истинной религіи и ея ревнителей-пророковъ. Другая половина народа Израильскаго, находившаяся подъ управленіемъ дома Давида, не только уцѣлела въ этотъ грозный періодъ, но и вышла побѣдительницей. Паденіе царства Израильскаго, какъ мы видѣли, было неизбѣжно, и пророки еще заранее предвозвѣстили это паденіе, какъ неумолимый божественный приговоръ: „погибнетъ Самарія, говоритъ пророкъ царства Израильскаго Осія, такъ какъ она возмущалась противъ Бога, ея дѣти падутъ отъ меча и ея беременныя женщины будутъ разсѣчены“ *. Другой современныи пророкъ, изъ сосѣдняго царства Іудейскаго, Исаія, въ чертахъ еще болѣе величественныхъ изобразилъ будущее паденіе Самаріи: „горе гордому вѣнку пылаицы Ефрема, говоритъ оны, и поблекнушему цвѣту, его славному украшенію, которое находится на вершинѣ тучной долины

* Осія 14, 1.

людей сраженными вѣломи! Вотъ славный и могучій у Господа (ассирійскій царь) идетъ какъ дождь съ градомъ, какъ опустошительная буря, какъ ливень воды грѣшнымъ, воссоздающихъ, все низвергаетъ на землю съ силою! Пегана будетъ растоптана вѣломи пшеницы Ефрема и юбланный цвѣтъ, его славное украшеніе, которое выходитъ на вершнхъ тучной равнины, идетъ какъ недозрѣвшая смоква прежде собравшія плоды“ *.

Паденіе Самаріи не только не прекратило борьбы въ Палестинѣ, но еще обострило ее. Утвердившись прочно въ Палестинѣ, Ассирія приняла очевидно угрожающее положеніе въ отношеніи къ Египту. Египетъ почувствовалъ это и, не успѣвъ поддержать гонимую Самарію, восмутилъ снова къ сопредѣляемю оставшіяся независимыми народности Палестины и Аравіи и наголову самъ явился на театръ войны. Обстоятельства земледѣлечу благопріятственаа Египту возвратитъ свои завоеванія и свое вліяніе въ Азію. Объ этихъ завоеваніяхъ и вліяніи омы никогда не забывалъ въ тѣ безпокойная времена которые слѣдовали за блестящими завоеваніями въ Азіи фараоновъ 18й и 19й династіи, времена, въ продолженіе которыхъ омы терпѣлъ отъ постоянныхъ нашествій варваровъ и отъ внутренняго раздробленія. Лишь только появлялась тамъ власть достаточно сильная чтобы держать въ повиновеніи отдаленныя ево области, большею частью стремившіяся быть независимыми, и не предвидѣлось опасности извнѣ, какъ эта власть пробуждала свое традиціонное стремленіе въ Азію. Не менѣе семи вѣковъ Египетъ владалъ Сиріей и Палестиной и отстаивалъ это верховенство свое съ постоянствомъ и энергіей, несмотря на постоянныя войны, которая при фараонахъ двадцатей династіи, знаменитыхъ Рамзесахъ, истощила націю, но не заставила ее отказаться отъ своихъ правъ. Только когда съ паденіемъ династіи Рамзеевъ Египетъ сбавлся театромъ междоусобныхъ войнъ и революцій и на мѣсто славныхъ фараоновъ Оввъ водарилась новая династія въ Такасѣ, въ дельтѣ Нила, съ трудомъ отстаивавшая свою верховную власть надъ Египтомъ, Сиріа и Палестины не только были отчужденъ отъ египетскихъ гарнизоновъ, но и египетскіе фараоны ищутъ союза съ царями Палестины посредствомъ

* Ис. 28, 1—4.

заключенія брачныхъ союзовъ; таковъ бракъ царя Иудейскаго Соломона съ дочерью египетскаго фараона. Вліяніе иво-страждень на дѣла Египта усиливается въ это время, семитическое населеніе, оставшееся въ Дельтѣ послѣ царей настуховъ и бывшее тамъ господствующимъ, приобрило перевѣсъ надъ дѣлами Египтомъ благодаря своей воинственности и предприимчивости своихъ вождей, такъ что одинъ изъ нихъ, Сиріецъ по происхожденію, основалъ въ Бубастисѣ независимое царство, а одинъ изъ его внуковъ, Шешонкъ (Шашакъ Библии), благодаря своей родствеиной связи съ царствующею династіей, овладѣлъ прѣжнимъ фараономъ и положилъ начало новой двадцать-второй династіи. Этому предприимчивому монарху удалось привести къ покорности всѣхъ автономныхъ князей и собрать весь Египетъ подъ одну власть. Онъ принималъ живое участіе въ дѣлахъ Сиріи и покровительствовалъ всякому возстанію которое тамъ возникало; такъ онъ далъ у себя убѣжище Гададу Идумейскому и Героноаму, противникамъ Соломона. Пять лѣтъ спустя послѣ раздѣленія царствъ Иудейскаго и Израильскаго, онъ вторгся съ обширнымъ войскомъ въ Палестину и прежде всего опустошилъ Иудею и явился предъ Иерусалимомъ. Ровоамъ принужденъ былъ отдать ему всѣ сокровища храма и дворца и всѣ вооруженія легионныя въ нихъ царемъ Соломономъ. * Изъ Иудеи онъ двинулся въ царство Израильское и занялъ множество городовъ, какъ это можно видѣть изъ египетскихъ ляматтиковъ.

Послѣ Шешонка или Шашака, впредь до послѣдней борьбы царства Израильскаго съ Ассиріей, мы знаемъ только объ одномъ вторженіи въ Палестину изъ Африки; это вторженіе царя родственной Египту страны Эѳіопіи, Зераха, полчища котораго были разбиты Асой, царемъ Иудейскимъ. ** Египтологи несогласны между собою относительно личности этого царя и отождествляютъ его съ фараонами различныхъ эпохъ, но всѣ эти предположенія мало имѣютъ рѣшительныхъ основаній и фактъ этотъ остается еще не разъясненнымъ современною египтологіей. Но всѣ египтологи единодушны въ томъ что египетскій фараонъ Со, который заключилъ миръ съ царемъ Израильскимъ Осіей, былъ одинъ изъ царей эѳіопской династіи, извѣстный въ надписяхъ подъ именемъ Шабака.

* 1 цар. (Слав. 3) 14, 25—26.

** 2 Парал. 14, 8.

Такимъ образомъ, говоря объ Египтѣ, который началъ борьбу съ Ассиріей при Саргонѣ, мы должны разумѣть собственно *Эіолию*. *Эіолия* или *Куше*, лежавшая на верхнемъ теченіи Нила, была раздѣлена съ Египтомъ по происхожденію, языку, религіи и правамъ; древніе считали ее даже колыбелью Египетскаго народа, но въ настоящее время болѣе вѣрнымъ представляется наоборотъ то что *Эіолия* была колонизована Египтомъ и была въ древнѣйшую эпоху его провинціей, для обладанія которой главнымъ образомъ фараоны перенесли свою резиденцію изъ Мемфиса на югъ, въ *Фивы*. Но когда съ воцареніемъ фараоновъ 20й династіи ихъ резиденціей сталъ городъ *Танисъ*, находившійся въ противоположномъ концѣ Египта, въ самой дельтѣ, то *Эіолия* отделилась отъ Египта и составила самостоятельное государство подъ управленіемъ жрецовъ *Аммоа*, захватившихъ сначала власть въ Египтѣ, но изгнанныхъ оттуда фараонами 20й династіи. Столицей этого царства былъ городъ *Напата*, сдѣлавшійся для *Эіолианъ* такимъ же священнымъ городомъ какъ для Египтянъ *Фивы*. Обстоятельства дали возможность *Эіолискимъ* царямъ спустя долгое время распространить свое вліяніе на весь Египетъ и даже завоевать его. Известный французскій египтологъ *Масперо* обстоятельно и исторически вѣрно освѣщаетъ намъ сущность того процесса результатомъ котораго было влѣкательство *Эіолиі* и верховенство надъ нимъ.* Шешонкъ, вѣроятно для предотвращенія узурпаціи, раздалъ часть своего царства въ управленіе сыновьямъ, подъ верховенствомъ старшаго фараона; это устройство повело къ распаденію государства на множество самостоятельныхъ частей и къ обезсиленію центральной власти фараоновъ, которая подъ конецъ сдѣлалась только номинальною. На самомъ дѣлѣ Египетъ дѣлился по крайней мѣрѣ на двадцать самостоятельныхъ княжествъ, правители которыхъ присвоивали себѣ всѣ атрибуты и титулы царей. Среди этихъ мѣстныхъ царствующихихъ фамилій оказалась одна, представители которой выказали особую предприимчивость и ясное намѣреніе подчинить себѣ другихъ, это: царская фамилія изъ *Сауса*, въ дельтѣ *Нила*, въ послѣдствіи дѣйствительно достигшая своей цѣли при знаменитомъ *Псамметихѣ*, основателемъ единодержавную династію, по числу 26ю. Честолюбіе князей этого дома

* *Масперо. Histoire ancienne*, стр. 376—380.

возбудило противъ нихъ вражду и вставило въ непреодолимую войну войнъ другаяхъ мѣстамъ царьковъ. Не имѣя возможности съ ними справиться, они, жертвуя интересами нации въ пользу своихъ, обратилась съ просьбой къ Эѳіопскимъ царямъ, изгнаннымъ изъ Египта и всегда мечтавшимъ слова завоевать его. Эѳіопскій царь, къ которому они обратилась, Шивки Мейамунъ, тотчасъ же отправился вмѣстѣ со Нилу съ огромною арміею, взявъ Оивы, благодаря удачнымъ морскимъ битвамъ достигъ средняго Египта, овладѣвъ Мемфисомъ и утвердившись въ немъ, привалъ подчиненіе ото всего Египта и возстановилъ подъ своимъ главенствомъ царство фараоновъ отъ источника Сиваго Нила до самаго его устья. Вся князья бѣли у него въ вассальныхъ отношеніяхъ. Но безпорядки и возмущенія снова вогарпали въ Египтъ при преемникѣ Шивки, послѣдствіемъ темное имя *Капта*, который почти потерялъ всю свою завоеванія и власть въ Египтѣ, по его сыну и наследникъ Шабакъ (Сабаконъ Геродота) выступилъ дѣятельнымъ и энергическимъ и тотчасъ по вступленіи на престолъ отправился на завоеваніе Египта, поддерживаемый также многими мелкими царьками. Ему скоро удалось опять завоевать Египетъ, и въ этотъ разъ Шабакъ не удовольствовался вассальнымъ подданствомъ Египта, но восстановилъ неограниченное право древнихъ фараоновъ и основалъ новую династію, цари которой принадлежали къ Эѳіопскому народу.

Такъ Египетъ неожиданно возродился къ новой жизни и приобрѣлъ могущество какого давно не имѣлъ, правда, подъ управленіемъ иноземныхъ царей, но народа родственнаго по происхожденію и культурѣ. Шабакъ, лишь только привелъ въ порядокъ администрацію страны и возстановилъ древнія сооруженія, славу Египта, какъ обратилъ вниманіе на дѣла вѣдшей политики. Могущество Ассиріи, успавшее въ послѣднее время, въ особенности недавнія победы Теглафелласара въ Сиріи, безъ сомнѣнія не могли давать ему покоя. Вмѣстѣ съ тѣмъ народы Сиріи и Палестины не могли не замѣтить этого возрожденія и успавшія Египта и, тѣмъ болѣе чѣмъ когда-нибудь Ассирійцами, не могли не обращать свои тоскавые взоры по направленію къ Сузу. Помимо заботъ о безопасности, Шабакъ естественно могъ воскресить планъ возстановленія древняго владычества фараоновъ въ Сиріи до береговъ Евфрата и Тигра, или по крайней мѣрѣ

образовать изъ народовъ Палестины вассальную область, которая въ то же время служила бы постолавною преградой честолюбивъ восточнымъ завоевателямъ. Эти взаимно сопрягающіеся интересы Египта и народовъ Палестины, этотъ страхъ одного и того же врага послужили причиною сначала переговоровъ, а потомъ и формальнымъ союзомъ. Прежде другихъ принялъ участіе въ немъ царь Израильскій Осія, но потому ли что Египетскій царь считалъ его дѣло безвозвратно потеряннымъ, или не успѣлъ вовремя приготовиться и явиться, онъ такъ и полекъ за собою паденіе царства не получивъ никакой помощи отъ своего союзника. Впрочемъ, въ объясненіе какъ этого факта, такъ и послѣдующихъ слабыхъ дѣйствій Египта и понесенныхъ имъ пораженій, мы должны сказать что Египетъ послѣ столькихъ лѣтъ улады отвыкъ отъ завоеваній и потерялъ прежнюю энергію. Въ немъ сказывалось не столько сознаніе своей силы, сколько память о прошломъ и, какъ послѣ оказалось, безвозвратно погибшемъ величіи. Шабакъ могъ быть грознымъ и счастливымъ завоевателемъ когда дѣло шло о покореніи Египта, но лишь только онъ поставилъ свою задачу далѣе Суэза, какъ во все его дѣйствія и его преемниковъ показывалъ его вялость и дряблость монархіи, особенно въ борьбѣ съ такимъ опытнымъ и энергическимъ врагомъ какимъ была въ то время Ассирія.

Лишь только царь ассирійскій возвратился въ Ниновию послѣ разрушенія Самаріи, какъ волхнуло возстаніе почти одновременно на сѣверѣ и югѣ Палестины, такъ какъ войска египетскія уже готовы были къ походу. На сѣверѣ образовалась коалиція, во главѣ которой сталъ городъ Хаматъ, лежавшій на среднемъ Оронтѣ. Городъ этотъ не игралъ важной политической роли, но былъ однимъ изъ главныхъ товарныхъ пунктовъ на торговомъ пути Финикіи въ Месопотамію. Онъ былъ подчиненъ Давиду и Соломону, затѣмъ царямъ сирійскимъ, несколько разъ вступалъ въ борьбу съ Омангаласаромъ вторымъ; послѣ же паденія Дамаска при Оггафеласарѣ онъ усилился, въ особенности благодаря вступленію на престолъ царя Плуида, который такъ же какъ и Саргонъ былъ узурпаторомъ. Этотъ царь смѣло выступилъ противъ Ассиріи; къ нему присоединился финикійскій городъ Симира и три недавно покоренные города Дамаскъ и Арпадъ, покоренные Оггафеласаромъ, и

накопецъ Самарія. Очевидно что надежда на помощь Египта была савшномъ велика если эти три города принимал участіе въ возстаніи, такъ какъ Арпадъ лежащій вѣроятно недалеко отъ Алеппо на сѣверъ (въ настоящее время Эль-серафъ) былъ взятъ Теглафелласаромъ послѣ трехлѣтней осады и безъ сомнѣнія доведенъ побѣдителемъ до крайняго разоренія. Дамаскъ и Самарія подверглись почти такому же разоренію и выведенію жителей въ другія мѣста. Безъ сомнѣнія ассирійскіе гарнизоны оставаемыя въ нихъ Теглафелласаромъ и Саргономъ были уничтожены и ассирійскіе намѣстники низвержены. Соединенныя войска всѣхъ этихъ союзниковъ заняли городъ Хархоръ (положеніе неизвѣстно) и ожидали Саргона. Саргонъ въ наступившій второй годъ своего царствованія (720) явился подъ стѣнами этого города и послѣ недолгой осады взялъ его и сжегъ. Самъ царь его Илубадъ попался въ плѣнъ; побѣдитель поступилъ съ нимъ весьма жестоко и велѣлъ содрать съ него кожу, казнилъ также всѣхъ попадавшихъ въ его руки вождей революціи. Олупощенный городъ былъ заселенъ Ассирійцами, которыхъ привелъ Саргонъ въ количествѣ 63.000. Правленіе поручено было ассирійскому сатрану.

Пока Саргонъ производилъ свою расправу на сѣверѣ, египетскіе воины переступали Суэцъ. Здѣсь ихъ ожидалъ ближайшій къ Египту народъ Палестины, занимавшій юго-западную прибрежную страну, Филистимляне. Едва ли какой-нибудь изъ народовъ Сиріи могъ такъ привѣтствовать возрожденіе Египта и появленіе его по сию сторону Суэца какъ Филистимляне. Египту онъ обязавъ былъ своимъ поселеніемъ въ Азіи и уславленіемъ. Будучи однимъ изъ хищническихъ народовъ запада (вѣроятно съ острова Крита) и участвуя въ набѣгахъ на Египетъ при Рамзесѣ III, онъ подвергнулся отъ него пораженію и былъ поселенъ на вышеуказанной территоріи въ ближайшемъ соседствѣ съ Египтомъ, какъ ближайшій его олотъ противъ вторженія иноземныхъ народовъ Азіи. Подъ покровительствомъ Египта они скоро услались надъ соседними народами и когда стали независимыми отъ Египта, они сдѣлали шагоміе на филистіійскій городъ Сидонъ, взяли этотъ городъ и нанесли ударъ, и дѣломъ навсегда, его всемірной торговлѣ. Но въ царствованіе Давида они потерѣли рѣшительное пораженіе, послѣ котораго они никогда не могли возстановить

прежнюю силу, хотя постоянно пользовался неудачами царствовавшаго въ Иудеѣ дома Давидова чтобы повредить ему. Во времена нашествія на Палестину Феглафелласара, вызваннаго просьбами Иудейскаго царя Ахаза, который хотѣлъ при помощи его защититься отъ угрожающихъ замысловъ царствъ Израильскаго и Сирійскаго, Филистимляне, какъ враги Ахаза, нашли свое положеніе опаснымъ и цари четырехъ замѣтныхъ ихъ городовъ (Екронъ, Азотъ, Аскалъ, Геъ) послѣдними изъявили покорность; но царь латаго города, Газы, имѣвшаго въ то время первенство надъ другими городами, и лежавшаго на самомъ югѣ земли Филистимской, Хамонъ не принялъ подчиненія и убѣжалъ въ Египеть. Пользуясь вѣроятно замѣшательствами открывшимся въ Ассиріи со вступленіемъ на престолъ Саргона, Хамонъ явился въ Газу и выступилъ однимъ изъ главнѣйшихъ союзниковъ Египта въ приготовлявшемся египетскомъ походѣ въ Палестину противъ Саргона. Очевидно что возстанія Илубада, царя Хамата, и Хамона, царя Газы, должны были произойти одновременно и совпасть съ прибытіемъ египетскихъ войскъ. Но Египеть и на этотъ разъ опоздалъ. Сѣверная коалиція была окончательно подавлена когда прибылъ египетскій царь Шабакъ (называющійся въ ассирійскихъ летописяхъ Сабіе) на югъ Палестины и соединился съ войсками филистимскаго царя Хамона въ городѣ Ралихъ (Рафиа), недалеко отъ Газы, почти на самой границѣ Египта. Ассирійскій царь двинулся съ сѣвера, безпрепятственно прошелъ среднюю Палестину, гдѣ царство Иудейское, находившееся въ то время подъ управленіемъ благочестиваго царя Эзекіи и духовнымъ руководительствомъ пророка Исаи, оставалось спокойнымъ и не приняло участія въ коалиціи, и напавъ на соединенныя войска Египтянъ и Филистимлянъ, нанесъ имъ полное пораженіе въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ латы вѣковъ спустя Птоломей Филопаторъ имѣлъ столкновеніе съ Антиономъ Великимъ. Хамонъ былъ взятъ въ лѣвѣ, а Шабакъ едва могъ спастись при помощи ластука, который провезъ его чрезъ пустыню въ Египеть. Городъ былъ разоренъ и 2000 латаныхъ съ громадною добычей были отправлены въ Ассирію.

Послѣ столь рѣшительной побѣды надъ египетскими царемъ, Саргонъ не отважился однако прошикнуть по ту сторону Суэза. Это едва ли и могло придти на мысль ассирійскому

новарху въ то время когда очевидно только разгаралась борьба окружающихъ Ассирію народовъ за независимость, борьба послѣ рѣшительнаго окончанія которой и можно было предпринять столь отдаленное и вѣдѣть рискованное предпріятіе какъ походъ въ Египетъ. Поэтому-то ассирійскій царь послѣ побѣды при Рафіи обратилъ обратное движеніе, держась берега Палестины. Такъ какъ царство Іудейское внушало довѣріе ассирійскому царю своимъ независимымъ поведеніемъ во время общей революціи въ Палестинѣ, то онъ оставилъ его въ покоѣ, и цѣлю его похода въ настоящемъ случаѣ была Финикія, первенствующимъ городомъ которой былъ въ то время Тиръ. Тщетно однако мы ищемъ въ ассирійскихъ иѣтописяхъ Саргона богаѣ или мѣтѣ ясныхъ указаній на борьбу какую ему привелось тамъ вести. У ассирійскихъ царей было въ обычаѣ, при увѣковѣченіи своихъ дѣланій посредствомъ надписей, умалявать о своихъ пораженіяхъ и неудачахъ. Подобно тому какъ Сеннакеримъ не упоминалъ въ своихъ иѣтописяхъ о страшномъ пораженіи какое потерпѣло его войско во время угрожающаго похода на Іудею, описаннаго пророкомъ Ісаіей, такъ и Саргонъ олукаетъ обстоятельства своего нападешія на Тиръ, омрачившія блестяе его побѣдѣ. Но финикійскія иѣтописи сохранили память объ этомъ походѣ, хотъ и не называютъ по имени царя который велъ его. Іосифъ Флавій воспользовался этими сказаніями въ своей исторіи и разказываетъ намъ нѣкоторыя подробности *. Положеніе Тира, какъ можно судить и по другимъ даннымъ, въ то время было не особенно блестящее. Съ одной стороны онъ мало-по-малу терялъ свои колоніи на Средиземномъ морѣ, благодаря усилившейся колонизаціи Грековъ и отдѣлившихся отъ Финикійцевъ Карфагенцевъ, съ другой, соперничество другихъ городовъ Финикіи, вышедшихъ подъ его главенствомъ. Царемъ тирскимъ во время Саргона былъ нѣкто Элули. Онъ рѣшился поддержать улававшій авторитетъ Тира, и когда вспыхнула революція на островѣ Каиръ, явился туда со флотомъ и возвратилъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ, Цетіумъ. Этотъ усилье вѣроятно внушилъ ему смѣлость отказать отъ повиновенія ассирійскому царю, даже послѣ того какъ онъ подавилъ

* Ant. Jud., VIII.

возмущеніе на сѣверѣ Палестины, въ которомъ города Фивикія принимали самое дѣятельное участіе, уничтожилъ царство Израильское и нанесъ полное пораженіе Египту. Лишь только ассирійскій царь явился въ Фивикію, какъ всѣ другіе города, Сидонъ, Акко и пр. оставили Тиръ однимъ лицомъ къ лицу съ могущественнымъ врагомъ. Эдула рѣшилася сопротивляться. Но и въ самомъ городѣ произошли раздоры, благодаря разнохарактерности частей его составлявшихъ. Одна часть была расположена на материкѣ, древній Тиръ, другая же на близлежащемъ островѣ, или лучше сказать на двухъ островахъ, на которыхъ находились крѣпость и святилище города. Между континентальнымъ и островнымъ Тиромъ постоянно были несогласія, вслѣдствіе чего при приближеніи Саргона къ городу, древній Тиръ, надѣясь вѣроятно возвратитъ свое прежнее значеніе, а можетъ быть изъ страха, отворилъ ворота ассирійскому царю. Тогда Эдула перебрався въ морской городъ и тамъ, окруженный со всѣхъ сторонъ водами, полагаясь на населеніе, рѣшившееся подобно ему сопротивляться до крайности, разбивалъ всѣ усилія ассирійскаго царя. Другіе фивикійскіе города открыто стали на сторону Саргона, они снабдили его флотомъ изъ 60 кораблей, вооруженныхъ 800 матросами, при помощи котораго онъ надѣялся овладѣть городомъ. Но Тираве только съ 12-ю судами напали на этотъ флотъ, разбили его и потопили, взявъ 500 плѣнныхъ. Не будучи въ силахъ взять городъ открытою силой, Саргонъ принужденъ былъ начать блокаду и поручить веденіе ея своимъ полководцамъ, самъ же долженъ былъ слѣзнуть въ свою столицу чтобъ оттуда начать походъ на сѣверъ и востокъ своей имперіи, гдѣ ожидала его еще болѣе ожесточенная борьба.

IV.

Сѣверъ Ассиріи на истокахъ Тигра и Евфрата и еще выше въ нынѣшней Арменіи, на Араксѣ и по направленію къ Повнгу, былъ заселенъ множествомъ различныхъ народностей, племя и языкъ которыхъ остается до сего времени неразъясненными. Точно также трудно указать въ точности географическое положеніе этихъ странъ, имена которыхъ сохранились

въ ассирійскихъ надписяхъ. Самое общее названіе для всѣхъ странъ лежащихъ на истокахъ Тигра и Евфрата было *Наири*, страна же лежащая къ сѣверу отъ Евфрата называется *Урарту* (Араратъ). Земля лежащая около озера *Ванъ*, называвшагося *сертимъ моремъ страны Наири*, и въ ассирійскихъ надписяхъ носитъ названіе *Ванъ*. Въ послѣднее время найдено нѣсколько клинообразныхъ надписей въ странѣ Ванъ; но всѣ попытки разобрать ихъ и опредѣлить свойство діома на которомъ онѣ написаны не привели къ желаемому результату и поэтому всѣ предположенія о томъ къ какой расѣ принадлежатъ эти народы пока не имѣютъ прочной основы. Всѣ эти народности обнаружили чрезвычайную энергію и живучесть въ борьбѣ съ ассирійскою монархіею; дѣйствуя то разрозненно, то въ союзѣ другъ съ другомъ, они мужественно отстаивали свою независимость опираясь на свои рѣки и недоступныя горы. Мы не станемъ перечислять тѣхъ безчисленныхъ походовъ которые предпринимали въ эти страны ассирійскіе монархи до Саргона, такъ какъ они не имѣютъ особаго значенія и были направляемы большею частію на отдѣльныя народности. Но при началѣ царствованія Саргона, въ виду того могущества какое приобрѣла эта монархія, благодаря походамъ Теглафелласара и первымъ успѣхамъ Саргона въ Сиріи и въ Палестинѣ, эти страны болѣе чѣмъ когда-нибудь почувствовали грозившую имъ опасность и вмѣсто разрозненныхъ дѣйствій предприняли совою общую оборону подъ главенствомъ одного лица. Этимъ лицомъ явился *Урса*, царь страны Урарту. Онъ подчинилъ своему вліянію всѣ страны называвшіяся Наири, такъ что въ его время онѣ вмѣсто Наири получили названіе Урарту. Чрезвычайно дѣятельный, хитрый и энергическій агитаторъ, *Урса* считался однимъ изъ главнѣйшихъ политическихъ противникомъ Саргона. Пока Саргонъ былъ въ Палестинѣ въ первые два года своего царствованія, *Урса* успѣлъ уже воспламенить стремленіе къ независимости въ окружающихъ народахъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые вступили съ нимъ въ открытый союзъ. Узнавъ объ этомъ Саргонъ не сталъ медлить, тѣмъ болѣе что блокада Тира, которую онъ предпринялъ, не представляла надежды на скорое окончаніе, и въ третій годъ своего царствованія (719) явился на сѣверныхъ границахъ своего царства. На первый разъ ему не нужно было особенныхъ усилій чтобы подавить революцію. Число

союзниковъ еще было не велико и дѣйствія ихъ были далеко не единодушны. Самъ Урса еще долго не рѣшался вступить въ открытую борьбу съ Саргономъ. Онъ старался склонить къ союзу страну Вавъ, болѣе спящую и болѣе близкую къ Ассиріи изъ странъ Наира. Народъ страны Вавъ былъ расположенъ къ союзу съ Урсою и нетерпѣливо желалъ сверженія ассирійскаго ига, но царь его *Ирану* оставался вѣрнымъ Ассиріи. Несмотря на то, два города, Суандахуалъ и Дурдукка, отложились отъ него и въ союзѣ съ *Мутатти*, царемъ сосѣдней страны, приставшей къ революціи, выступили противъ Саргона, который явился съ арміею въ страну Вавъ и разрушилъ эти два города, переселивъ ихъ жителей въ другія страны. Три другіе города, Суккія, Бала и Абитикна, открыто возставшіе противъ Ассиріи и посланные даже заложниковъ къ Урсу, оставленные союзниками и не получивъ помощи отъ сего послѣдняго, были также разрушены и ихъ жители переселены въ Сирію и Финикію. Походъ казался оконченнымъ, но лишь только ассирійскій царь прибылъ въ Ниневію какъ революція была поднята вѣжкимъ *Кіаку*, царемъ города *Синугта*; Саргонъ, быстро какъ буря, явился опять на сѣверъ и взялъ городъ вмѣстѣ съ царемъ, его семействомъ, гарнизономъ изъ 7.350 человекъ и отдалъ этотъ городъ *Матти*, царю страны *Амуна*, оказавшемуся вѣрнымъ Ассиріи. Такъ подавлено было первое возмущеніе въ странѣ Наира въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Возмущеніе, подобное вышеописанному, вспыхнуло на сѣверо-западѣ Ассиріи и отвлекло вниманіе Саргона отъ странъ Наира, вслѣдствіе чего онъ снова былъ вовлеченъ Урсою въ союзъ и могъ лучше подготовиться и собраться съ силами. Знаменитый Кархемышъ, который лежалъ немного выше средняго теченія Евфрата, олаотъ и передовой постъ страны Хатти, по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ возмутился противъ Саргона. Страна Хатти, какъ мы говорили, была покорена Салманассаромъ II, и городъ Кархемышъ подъ управленіемъ царя Писира не возставалъ во все время царствованія Теглафелласара, но теперь онъ возсталъ. Нужно думать что это было продолженіе той же революціи которая началась на сѣверѣ. Народности Малой Азіи населявшія Каппадокію и лобережье Понта, находясь въ близкой связи съ народами Арменіи и можетъ-

быть соединеныя съ нами племемною связью, также стали воюваться. Между ними особенно выдавался въ то время народъ Муски (Мехехъ Библиа), занимавшій вмѣстѣ съ Табалъ (Тувадъ Библиа) территорію къ сѣверу отъ Киликіи; царемъ его былъ въ то время Мита, такой же агитаторъ какъ и Урса и бывшій съ нимъ въ союзѣ. Онъ-то безъ сомнѣнія увлекъ Писиря, царя Кархемыша. Но подобно Урсѣ, онъ оставилъ своего союзника одного, и Сарговъ легко взялъ столицу страны Хатти и неизмѣримую добычу. Писиря, все его семейство и полководцы, золото, серебро и другіе металлы въ большомъ количествѣ, утварь и украшенія попали въ руки побѣдителя. Городъ формально былъ присоединенъ къ Ассиріи и заселенъ Ассирійцами.

Но все это было лишь началомъ борьбы. Оба союзника, Мита, царь Муски, и Урса, царь Урарти, помогали другу другу, и пока Сарговъ расправлялся съ Кархемышемъ, возмущившимся по интригамъ Миты, Урса успѣлъ составить противъ Саргова обширную коалицію изъ всѣхъ народовъ лежащихъ на сѣверѣ и востокѣ Ассиріи. Борьба сосредоточилась главнымъ образомъ на сѣверѣ, но она была не менѣе ожесточенна и на востокѣ, гдѣ мидійскія народности жавшія по сю и по ту сторону горы Загроса образовали изъ себя также союзъ и дѣйствовали сообща съ сѣверными народами. Пожаръ революціи распространился во глубь Малой Азіи, въ Палестину и наконецъ въ Аравію. На усмиреніе его Сарговъ употребилъ цѣлыхъ шесть лѣтъ и хотя вышелъ побѣдителемъ, но не могъ подавить стремленія къ независимости во всѣхъ этихъ народахъ и его побѣда была только временною. Мы послѣдуемъ за всѣми перипетіями этой борьбы, такъ какъ она, несмотря на утомительныя подробности, представляетъ наглядный образъ громадности и сложности усилій и средствъ со стороны завоевателя и обороняющихся. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь мы можемъ видѣть до какихъ подробностей можно возстановить образъ историческихъ событій по клинообразнымъ надписямъ. Война началась опять въ странѣ Ванъ, какъ и годъ тому назадъ. Страна эта и тогда склонна была къ возмущенію, но была удерживаема своимъ царемъ Иранцу, вѣрнымъ ассирійскому царю. Теперь этотъ царь умеръ, и народъ возвелъ на царство его сына Азу, надѣясь въ немъ найти противника Ассиріи. Но Аза продолжалъ политику своего отца

и не переставалъ оказывать покорность Ассиріи. Тогда Урса отправилъ своихъ пословъ въ область Вавъ и склонилъ къ возмущенію противъ Ассиріи горную страну Миддисъ (вѣроятно гора Нифатесъ), Цикарту и Мисіанду; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ привлекъ на свою сторону и вельможъ страны Вавъ. Путемъ такой агитаціи ему удалось возмутить всю эту страну. Аза выступилъ противъ своихъ подданныхъ, но они увлекли его съ собою на вершины высокихъ горъ, гдѣ намѣрены были защищаться, и съ безчестіемъ низвергли его со скалы. Предводителемъ ихъ былъ Багадатти, царь горы Миддисъ. Саргонъ, послѣ возмoшенія усиленныхъ молитвъ своимъ богамъ, предпринялъ походъ на высокія горы страны Напри. Это былъ 716й годъ и 6й годъ его царствованія. Онъ настигъ своихъ противниковъ на высокихъ горахъ и побѣдилъ ихъ въ томъ мѣстѣ гдѣ они бросили трупъ Азы. Самъ Багадатти попался въ плѣнь, и Саргонъ велѣлъ содрать съ него кожу, привелъ въ страхъ всю страну Вавъ и поставилъ надъ ней царемъ Уллусуна, брата Азы. Считая дѣло оконченнымъ, Саргонъ удалился. Но Уллусунъ тотчасъ же заключилъ союзъ съ Урсою и привлекъ на свою сторону Ассуръ-лиха, царя страны Караалла, и Иттиѣ, царя Аллабуръ; всѣ они признали верховенство Урсы вмѣсто Саргона. Раздраженный царь быстро явился среди цвсургентовъ, взялъ и сжегъ столицу Напри—Ицарту, равно какъ города Изибія и Армитъ. Уллусунъ вмѣстѣ съ войскомъ бѣжалъ въ горы, но тотчасъ явился къ ногамъ побѣдителя и просилъ помилованія. Саргонъ его простилъ и возвратилъ ему тронъ. За то остальные союзники не хотѣли послѣдовать его примѣру и жестоко были наказаны. Ассуръ-лихъ попался въ плѣнь и подвергся участи Багадатти, Иттиѣ же, царь Аллабура, также попавшійся въ плѣнь, былъ переселенъ со своимъ семействомъ въ Сирію. Вмѣстѣ съ этимъ наказаны были и другіе города и области, принявшіе участіе въ возстаніи.

Неудача возстанія произведеннаго Урсою въ особенности зависѣла отъ того что самъ онъ не явился на театръ войны и судя по надписямъ не прислалъ даже помощи. Его политика очевидно состояла въ томъ чтобы возбудить народы къ борьбѣ съ Ассиріей, но самому только пользоваться ея результатами, безъ жертвованій. Предоставленные собственнымъ силамъ, противники Саргона терпятъ отъ него пораженія по частямъ. Раздѣлавшись на сѣверѣ, Саргонъ

отправляется на востокъ; здѣсь, въ горахъ Загроса, на рубежѣ который отдѣляетъ собственно Мидію отъ Ассиріи и Элама, жило много народностей, очевидно родственныхъ съ Мидіей. Онѣ-то вступили въ союзъ съ Урсою. Среди нихъ особенно выдѣлялись два народа, лежавшіе къ сѣверу отъ Элама, вѣроятно на верховьяхъ рѣки Гиндеса (Дайлама) и около древней Экбатаны, именно Хархаръ на западѣ и Иллили на востокѣ. Народъ Иллили былъ могущественнѣе, но Хархаръ принялъ починъ въ возстаніи и даже передалъ своего мелокорнаго царя Кибабу царю Иллили Дола въ знакъ подчиненія. Къ нимъ присоединилась соседняя страна Аравзи и другія пять областей страны Мидіи съ 28 правителями укрѣпленныхъ мѣстъ. Дѣйствуя отдѣльно отъ своихъ сѣверныхъ союзниковъ и не получивъ никакой помощи отъ Урсы, виновника возстанія, они не могли устоять предъ энергическою атакою Саргона. Городъ Хархаръ былъ взятъ, равно какъ и другіе города и области; Саргонъ переселилъ значительное ихъ число и водворилъ на ихъ мѣсто лѣтнихъ изъ другихъ странъ, поставивъ надъ ними своихъ правителей. Онъ переименовалъ городъ и назвалъ его Каръ-Саргонъ, наложилъ на него и на другіе города дань и помѣстилъ въ нихъ изображенія своихъ боговъ.

На слѣдующій годъ (715) борьба возобновилась съ новою силой со всѣхъ трехъ сторонъ царства. Улусунъ, помпаванный Саргономъ и возстановленный на царствѣ, опять возмутился и заключилъ союзъ съ Урсою, уступивъ ему въ знакъ подчиненія 22 города. Онъ склонилъ также къ союзу вѣжкого Дайлакку (Дейокъ), одного изъ могущественныхъ правителей страны Вавъ. Появившись въ странѣ Вавъ, Саргонъ взялъ 22 города, уступленные Улусуномъ Урсѣ, присоединилъ ихъ къ Ассиріи, овладѣлъ Дайлакку и его семействомъ; но послѣ этихъ мѣръ, далеко еще не приведши дѣла къ концу, онъ долженъ былъ слѣзнуть въ Мидію, гдѣ городъ Хархаръ и всѣ страны усмиреныя въ предшествующій годъ возмутились. На этотъ разъ расправа была болѣе грозная чѣмъ въ предыдущій. Ассирійскій царь снова взялъ города земли Хархаръ и ихъ гарнизоны и жителей обратилъ въ рабство. Для того чтобы держать въ повиновеніи страну, онъ возстановилъ многіе изъ разрушенныхъ городовъ и крѣпостей, далъ имъ ассирійскія названія (Каръ-Набу, Каръ-Силь, Каръ-Биль, Каръ-Исторъ), и сдѣлалъ

изъ нихъ укрѣпленные лагери для своихъ войскъ. Большая часть этихъ городовъ лежали вокругъ названнаго имъ по своему имени города Каръ-Саргонъ. Послѣ этого погрома лежавшая далѣе къ востоку сосѣдняя мидійская страна Иллири не смѣла, по крайней мѣрѣ въ настоящій разъ, возстать, самая же страна Хархаръ уже не выступаетъ во все время царствованія Саргона, противъ Ассиріи, несмотря на неоднократныя войны съ Иллири.

Пока все это происходило въ странѣ Наири и Мидіи, въ Малой Азіи Мита, царь Муски, дѣятельно приготовлялъ оппозицію Саргону. Очевидно, у всѣхъ этихъ союзниковъ планъ былъ одинъ, но неудачи его зависѣли отъ того что Саргонъ вовремя узнавалъ о немъ и успѣвалъ разбивать союзниковъ прежде чѣмъ они могли соединить свои силы и приготовиться къ оборонѣ. Саргонъ обыкновенно слѣдилъ сначала туда гдѣ опасность была ближе и сопротивленіе сильнѣе; обезпечивъ себя съ этой стороны, онъ отправлялся въ болѣе далекія возмущившіяся страны. Этимъ объясняется почему онъ оставлялъ обыкновенно къ концу кампаніи походъ въ Малую Азію, гдѣ настойчивый противникъ его Мита, царь Муски, руководилъ возстаніемъ. По отдаленности отъ Ассиріи эти возстанія и не могли быть настолько ожесточены какъ въ болѣе близкихъ странахъ; народы неохотно примыкали къ вождямъ и воссurreкціи и нужно было ихъ принуждать къ этому силой оружія. Такъ Мита, царь Муски, территория котораго находилась въ центрѣ Калпадокіи, подвигалъ войну противъ сосѣднихъ странъ чтобы привлечь ихъ къ отпаденію отъ власти Ассиріи; особенно его усилія были направлены противъ сосѣдней Киликіи, южная часть которой лежавшая на берегу Средиземнаго моря, къ западу отъ горы Атанди и къ югу отъ Тавра, носитъ названіе въ ассирійскихъ памятникахъ страны Куи. Страна эта уже была присоединена къ Ассиріи въ предшествовавшія царствованія и ассирійскій намѣстникъ съ ассирійскимъ войскомъ управлялъ ею, наблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ за движеніями малоазійскихъ народовъ. Мита явился въ эту страну, разбилъ намѣстника и взялъ 3.000 подчиненныхъ ему областей, разрушая и сожигая города. Прибытіе Саргона остановило эти успѣхи; онъ поразилъ войска Мита, преслѣдовалъ его до самаго моря, возвратилъ всѣ завоеванныя имъ въ странѣ Куи города и взялъ даже и крѣпости принадлежавшія странѣ Муски. Не будучи въ

состояніи сопротивляться долѣе, Мита рѣшился просить мира; Саргонъ благосклонно принялъ это предложеніе, утвердилъ его снова на царствѣ и даже возвратилъ отнятыя у него крѣпости. Миръ былъ обезпеченъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время.

V.

Пользуясь передышкой послѣ борьбы со столь опасною и широкою революціей, Саргонъ обратилъ вниманіе на положеніе дѣлъ въ Палестинѣ и близлежащихъ странахъ. Осада Тира продолжалась уже пять лѣтъ. Ассирійскій царь могъ лично убѣдиться что трудно одолѣть непокорный городъ. Послѣ морскаго сраженія, въ которомъ Ассирійцы потерпѣли столь страшное пораженіе, уже нельзя было отваживаться на подобное малоденіе; они предприняли блокаду острова, на который переселились храбрый царь Элули и его войско. Островъ былъ совершенно лишень источниковъ и снабжался водою съ материка посредствомъ водопровода, устройство котораго принадлежитъ царю Хираму. Этотъ-то водопроводъ перервали Ассирійцы въ надеждѣ что жители, лишеныя воды, сдадутся на капитуляцію. Но мужество и энергія оборонявшихся преодолѣли всѣ препятствія, они принялись рыть колодцы на своей скалѣ и дорылись до подземной воды, пользуясь которой могли продержаться цѣлыя пять лѣтъ измучившихся безконечною борьбою ассирійскихъ полководцевъ. Саргонъ ясно увидѣлъ теперь всю безплодность блокады и велѣлъ ее снять. Такимъ образомъ всемірный городъ, средоточіе торговли древняго міра, одержалъ блестящую побѣду надъ всемірною монархіей и надъ столь гениальнымъ и энергическимъ полководцемъ каковъ былъ Саргонъ. Этотъ ударъ былъ весьма чувствителенъ для честолюбія Ассиріи и легъ темнымъ пятномъ на всѣ блестящія завоеванія Саргона, который въ своихъ лѣтописяхъ заблагоразсудилъ обойти его молчаніемъ, такъ что мы и не знаемъ бы объ этомъ событіи еслибы не случайно уцѣлѣвшія выдержки изъ лѣтописей Финикіи у Иосифа не раскрыли намъ сущность дѣла.

Изъ Палестины Саргонъ отправился въ Аравію. Цѣль этого похода была наказать нѣкоторые хищническія племена

Темудитовъ, которыя дѣлали набѣги и опустошенія въ завоеванномъ Ассиріей царствѣ Израильскомъ, пользуясь вѣроятно слабостію оставленныхъ тамъ гарнизоновъ. Племена эти занимали положеніе на востокѣ Геджаджа, почти въ центрѣ полуострова. Это былъ первый ассирійскій походъ во глубь Аравійскаго полуострова. Прежніе монархи хоть и имѣли дѣло съ аравійскими племенами, но или съ такими которыя жили недалеко отъ Ассиріи, на юго-западѣ отъ нижняго теченія Евфрата, или же вступали съ ними въ борьбу не на аравійской территоріи. Такъ Салманассаръ II, въ битвѣ при Каркарѣ, имѣлъ противъ себя одного изъ предводителей арабскихъ племенъ; Теглафелласаръ II также имѣлъ два раза дѣло съ царицей Аравіи, Самсіе, которая управляла племенемъ Дума, жившимъ неподалеку отъ Шатель-Араба и Сирійской пустыни. Эта царица вѣроятно считалась вассальною и Саргону. Направляясь теперь въ Геджаджъ, Саргонъ прокладываетъ дорогу въ самый полуостровъ, въ страны, „которыхъ, по выраженію его летописей, не знали и ученые, и внутри которыхъ не провикалъ ни одинъ изъ царей, его предшественниковъ.“ Онъ привелъ къ повиновенію эти беспокойныя племена и многія изъ нихъ переселилъ въ городъ Самарію. Этотъ отдаленный походъ, въ сущности ничтожный и не ознаменованный никакими важными пріобрѣтеніями, произвелъ однако сильное впечатлѣніе на окружающихъ народовъ и возстановилъ престижъ ассирійскаго могущества, поколеблемый, благодаря неудачѣ подъ Тиромъ. Египетскій фараонъ, къ землѣ котораго Саргонъ находился теперь близко, быть-можетъ боясь влиятельнаго на Египетъ, послѣдствій привести ему богатые дары. То же сдѣлала Самсіе, царица Думы, и наконецъ царь отдаленнаго Іемена, славнаго царства Сабеевъ, Етъ-Амаръ; среди этихъ даровъ перечисляются домашнія животныя и дикіе звѣри.

VI.

Борьба съ сѣверомъ и востокомъ продолжалась уже три года, но она была еще только на половинѣ. Нужны были еще три года борьбы чтобъ ассирійскій царь могъ считать себя безопаснымъ съ этихъ сторонъ и завѣсть дѣлами

другихъ частей монархіи. Въ наступившемъ 714 году была послѣдняя и отчаянная борьба со страной Урарту, въ которой самъ виновникъ всѣхъ возстаній, Урса, принималъ личное участіе. Слѣдуя своей обычной политикѣ, онъ вызвалъ сначала возстаніе въ странѣ Ванъ и Иллици, а самъ воздерживался отъ открытыхъ дѣйствій, но ассирійскій царь безо всякой борьбы заставилъ ихъ покориться и платить дань; направляясь къ сѣверу, къ центру революціи, онъ прошелъ опустошительнымъ потокомъ черезъ страну Цакарту, овладѣлъ всеми укрѣпленными мѣстами, сжегъ столицу Парду, заставилъ обратиться въ позорное бѣгство царя Митатти изъ своей страны. Наконецъ очередь дошла до самого Урсы. Саргонъ атаковалъ его въ землѣ Ванъ, уничтожилъ его армию, взялъ громадное количество лѣвннхъ, въ томъ числѣ 250 членовъ царской семьи. Самъ Урса сплсся въ горы только благодаря быстротѣ своего коня и цѣлыхъ лять мѣсяцевъ долженъ былъ укрываться въ горныхъ вершинахъ и ущельяхъ. Вся страна Ванъ была снова завоевана и отдана Улаусуну, который въ настоящемъ случаѣ не принималъ участія въ возстаніи. Всѣ страны Наири были также покорены и главнѣйшій царь Наири, царствовавшій въ городѣ Хубускіа, Явцу, принесъ дань Саргону. Тогда Саргонъ предпринялъ движеніе въ самую глубь страны Урарту. Южная ея часть была чрезвычайно гориста и составляла совершенно самостоятельную область, главнымъ городомъ которой былъ Муцасиръ, расположенный на недоступной скалѣ и находившійся подъ управленіемъ особаго царя, по имени Урсава, вассала Урсы. Городъ этотъ былъ священнымъ для народовъ Урарту, такъ какъ здѣсь находилась храмъ и жертвенникъ ихъ боговъ: Халдіа и Багабарты (вѣроятно супруги Халдіа); здѣсь также находились ихъ статуи, пользовавшіяся почтеніемъ, какъ главныя святыни Урарту. Послѣ значительнаго приготовленія, Саргонъ предпринялъ путь по чрезвычайно трудной горной мѣстности, непроходимой для лошадей, и достигъ города Муцасиръ. Устрашенный такимъ смѣлымъ движеніемъ, Урса въ тотчасъ же убѣжалъ и скрылся въ горахъ. Саргонъ безъ труда овладѣлъ городомъ и всеми его сокровищами, среди которыхъ были и драгоценныя для народа статуи его боговъ. Такъ мало святилище и олотъ земли Урарту. Урса узналъ объ этомъ печальномъ для него событіи въ своемъ

горовъ убѣжищѣ, съ отчаянія оны лишилъ себя жизни, за-
коловшись мечомъ. Вся страна Урарту предалась плачу и
отчаянію вслѣдствіе лѣтненія боговъ и смерти монарха.

За столь рѣшительною побѣдой на сѣверѣ слѣдовала въ
наступившемъ 713 году (девятый годъ царствованія Саргона)
не менѣе рѣшительная побѣда на востокѣ, гдѣ революція
была еще въ полной силѣ. Страны ближайшія къ Наири,
лишенные опоры въ Урарту, обратились къ восточной Мидіи,
всегда бывшей имъ союзницею во всѣхъ предшествовавшихъ
кампаніяхъ. Такъ страна Ванъ въ лицѣ своего царя Улау-
сува приняла участіе въ дѣлѣ, равно какъ страна Каралли,
царь которой Ассуръ-Лухъ былъ въ союзѣ съ Урсою и Улау-
сувомъ въ 716 году (въ шестой годъ), но поплатилась за это
жизнію. Саргонъ поставилъ тогда своихъ правителей, вмѣсто
царя, въ странѣ Каралли, но народъ теперь ихъ низвергнулъ
и возвелъ въ цари Амиту, брата Ассуръ-Луха. Изъ мидій-
скихъ странъ, Хархаръ не принялъ участія въ возстаніи, не
оправившись еще послѣ погрома въ 716 году, но страна Илли-
ли подъ предводительствомъ царя Далти стала во главѣ ма-
тажа. Къ ней пристали всѣ зависимыя отъ нея страны и даже
отдаленныя области собственно Мидіи по ту сторону Загроса.
Саргонъ прежде всего атаковалъ страну Каралли и овладѣлъ
ею. Амита убѣжалъ въ горы, за нимъ послѣдовали его союз-
ники, и Саргонъ побѣдосно прошелъ чрезъ страну Иллили
и большую часть Мидіи. Побѣжденные цари принуждены
были покориться; въ числѣ ихъ были: Улаусумъ царь Вана,
Далта царь Иллили, Адаръ-паль-адавъ царь Аллабура и со-
рокъ пять правителей городовъ Мидіи. Съ громадною добы-
чей и съ успѣхомъ болѣе рѣшительнымъ чѣмъ предшество-
вавшіе воротился теперь ассирійскій царь изъ Мидіи.

Обезопасивъ себя такимъ образомъ на сѣверѣ и востокѣ,
Саргонъ обратился на сѣверозападъ по направленію къ Ма-
лой Азіи, гдѣ дѣло возбужденное Митой, царемъ Муски, еще
было въ полномъ ходу. Около двухъ лѣтъ безъ перерыва
онъ занятъ былъ замиреніемъ продолжительнаго и обшир-
наго революціоннаго движенія въ этихъ областяхъ. Самъ
Мита очевидно далеко былъ отъ прямого разрыва съ
Ассиріей и хотя быть-можетъ по видимости сохранялъ
дружбу съ Ассиріей, но за то другія страны, сосѣднія съ
нимъ, настолько увлеклись общимъ движеніемъ что не
могли оставаться послѣ перваго толчка даннаго имъ Урсою

и Митой, даже послѣ того какъ оба эти предводителя были побѣждены. Больше другихъ обнаружила непріязненное отношеніе къ Ассиріи соседняя съ Муски страна Тубаль лежащая отъ нея на юго-западъ. Эта страна участвовала въ борьбѣ народовъ Палестины и Сиріи съ Феглафелласаромъ II, который свергнулъ съ престола возставшаго противъ него Вассарми, царя Тубаль, и поставилъ на его мѣсто своего правителя. Въ послѣдствіи царство было отдано нѣкоему Хулли, отношеніе котораго къ предшествующему царю неизвѣстно. Пока былъ живъ Хулли, союзъ съ Ассиріей не былъ нарушенъ; послѣ же его смерти царство перешло къ его сыну Амбарису, котораго Саргонъ, въ признательность за союзъ съ нимъ отца, не только утвердилъ на царствѣ, но и кромѣ того отдалъ ему свою дочь въ жены и страну Куликію въ приданое. Но Амбарисъ измѣнилъ ему; онъ отправилъ пословъ къ Урсѣ и Митѣ и заключилъ съ ними союзъ. Его непріязненныя дѣйствія уже давно были извѣстны ассирійскому царю, но ему не было еще времени для рѣшительнаго нападенія. Послѣ нѣкоторыхъ приготовленій онъ двинулся въ томъ же 713 году въ страну Тубаль и опустошилъ какъ эту страну, такъ и принявшую участіе въ возстаніи Куликію и страну Битъ-Буритисъ, взялъ въ лѣвыя Амбариса со всѣмъ его семействомъ и вельможами двора. Всѣ укрѣпленныя мѣста были заняты ассирійскими гарнизонами и жителями другихъ покоренныхъ областей; завоеванныя страны были подчинены ассирійскому правителю наравнѣ съ подданными Ассиріи.

Близъ страны Тубаль лежала страна Милдъ, вѣроятно Милитена классиковъ, находившаяся къ западу отъ верхняго теченія Евфрата. Царь этой страны Таргунази, подобно соседямъ, возмущенъ противъ Ассиріи и склонилъ къ тому же зависящую отъ него обширную землю Камману, которая вѣроятно тождественна съ Камманею классиковъ и лежала къ западу отъ рѣки Галиса. Саргонъ отправился изъ земли Тубаль сначала на западъ въ землю Камману, гдѣ Таргунази сосредоточилъ свои силы и опустошилъ ее, затѣмъ онъ обратился на самый городъ Милдъ, столицу Таргунази, которая и была взята и разрушена. Таргунази бѣжалъ изъ Милда въ свою крѣпость Туль-Гаримми, но здѣсь онъ былъ взятъ въ лѣвыя ассирійскимъ царемъ вмѣстѣ со значительною частью его арміи. Онъ былъ заключенъ въ оковы и вмѣстѣ съ женой, сыновьями и дочерьми и 5.000 народа

переселенъ въ Ассирію. Саргонъ возстановилъ крѣпость Туль-Гаримми и сдѣлалъ ее столицей страны, надъ которой поставилъ правителемъ одного изъ своихъ генераловъ. Этотъ походъ противъ Таргумази занялъ дѣлами 712й годъ, которымъ и заключилась эта шестилѣтняя борьба съ организованною и упорною революціей въ трехъ сторонахъ монархіи, потребовавшей отъ ассирійскаго монарха крайняго напряженія силъ и непрерывныхъ и неоднократно повторающихся движеній въ различныя стороны для борьбы съ каждымъ возмущавшимся народомъ въ отдѣльности. Конечно, и послѣ этого погрома, возмущенія въ этихъ областяхъ не прекратились, но они не были уже столь обширны, настойчивы и организованы какъ вышеописанныя. Теперь Саргонъ могъ отдаться другимъ задачамъ своей завоевательной политики, не менѣе важнымъ и безотлагательнымъ.

VII.

Народы Палестины не оставались безмолвными зрителями совершавшихся событій на обширномъ пространствѣ Ассирійской монархіи; опасное положеніе въ какомъ неоднократно находилась монархія за это время, близость во многихъ случаяхъ къ нимъ самаго театра войны и наконецъ подстрекательство со стороны Египта, все это мало-по-малу возбуждало подавленный духъ народовъ Палестины послѣ погрома въ 721 и 720 году. Что именно здѣсь было вліяніе Египта, или лучше Эѳіопіи, это видно изъ того что во главѣ возстанія стали опять Филлистимляне, ближайшіе сосѣди и союзники Египта. Но вмѣсто Газы, которая выступала впереди другихъ городовъ во время войнъ Сеглафелласара и въ первые годы Саргона, теперь руководить возстаніемъ городъ *Азотъ*. Очевидно Газа не въ состояніи была оправиться отъ того страшнаго пораженія какое нанесъ ей Саргонъ въ 720 году. Саргонъ хотя былъ поглощенъ дѣлами въ другихъ частяхъ государства, однако зорко слѣдилъ за тѣмъ что происходило въ этой странѣ, тѣмъ болѣе что завязавшійся споръ съ Египтомъ заставлялъ его быть на сторожѣ въ отношеніи къ палестинскимъ народамъ, въ особенности ближайшимъ къ Египту. Поэтому когда Саргонъ замѣтилъ что Азури, царь Азота, предпринимаетъ противъ него возстаніе и

старается о заключеніи союзовъ съ сосѣдними государствами, онъ тотчасъ изложилъ его и отдалъ корону его брату *Ааипити*. Но народъ былъ недоволенъ новымъ царемъ, вѣроятно за его преданность Ассиріи, возмущался противъ него, свергнулъ его съ престола и посадилъ на его мѣсто вѣского *Явана*, человека очевидно заявившаго себя враждою къ Ассиріи. Яванъ заключилъ союзъ со всеми народами Палестины противъ Ассиріи, Моавомъ, Аммонюмъ и даже съ царствомъ Иудейскимъ; всѣ они разчитывали главнымъ образомъ на помощь Египта, съ которымъ и заключили формальный союзъ. Что касается царства Иудейскаго, то политика этого царства, судя по пророчествамъ Исаіи, обнаруживала часто колебаніе: голосъ пророка заглушался иногда политическими разчетами, и союзъ съ Египтомъ считался однимъ изъ якорей спасенія. Но никто такъ не зналъ хорошо цѣну этимъ союзамъ какъ пророкъ Исаія, который оставилъ намъ воспоминаніе о самомъ походѣ ассирійскаго войска на Азотъ (гл. 20). Такъ онъ говоритъ по этому случаю отъ лица Божія: „какъ ходитъ рабъ мой Исаія нагъ и босъ въ знаменіе и чудо надъ Египтомъ и Феолией, такъ поведетъ царь ассирійскій лѣвивыхъ Египта и лѣвивыхъ Феолии, юношей и старцевъ, нагими и босыми и съ обнаженными ягодицами. Стыдъ Египту! И устратятся и устыдятся Феолии, убѣжища ихъ, и Египта, славы ихъ, и скажутъ обитатели береговыхъ странъ этихъ въ тотъ день: „вотъ убѣжище наше, въ которое мы прибѣгаи за помощію чтобъ избавиться отъ царя ассирійскаго! И какъ спасемся мы?“ Событія вполне оправдали слова пророка; коварство и безсиліе Египта, погубившія еще прежде этого царство Израильское, погубили и теперь опиравшіеся на него народы. Египетъ не только не явился, но и не думалъ являться на помощь Филистимлянамъ и ихъ союзникамъ, вслѣдствіе чего и союзъ ихъ не могъ быть прочнымъ; при первомъ движеніи Саргона царство Иудейское очевидно послѣдовало руководительству пророка и не присоединилось къ союзникамъ. Сарговъ, какъ повѣствуетъ пророкъ Исаія, послалъ въ Азотъ своего „таргана“, то-есть распорядителя всеми военными силами (въ родѣ военнаго министра), но мы знаемъ изъ ассирійскихъ лѣтописей что онъ былъ и самъ въ Азотъ и лично руководилъ военными операціями. По всей вѣроятности, войско царя, отправившееся въ Палестину, раздѣлилось. Ода его

половина подъ предводительствомъ таргана была отправлена для осады Азота, а другая подъ начальствомъ самого царя отправилась въ сѣверную Палестину, въ страну Гамгамъ, положеніе которой трудно опредѣлить. Это было въ началѣ 711 года (10й г.). Царь этой страны, Тархуларц, былъ вѣрнымъ союзникомъ Ассиріи, но въ недавнее время былъ умерщвленъ своимъ сыномъ Мутталу, который сѣзъ на тронъ отца и возмущался противъ Ассиріи. Мутталу былъ взятъ въ лѣвѣ Саргономъ вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ и дворомъ, и управленіе городомъ Маркази, столицей Гамгамъ, было поручено ассирійскому правителю. Отсюда Саргонъ лично отправился противъ Азота, гдѣ вѣроятно до него уже началась олоерація. Яванъ обратился въ бѣгство при приближеніи Саргона, перешелъ черезъ Суэзъ и отдался въ руки царя Египта и Эѳіопіи. Но самый городъ не хотѣлъ сдаваться, равно какъ и другой городъ Гамту-Аздудимъ, и Саргонъ долженъ былъ приступить къ осадѣ. Оба города были взяты и въ числѣ добычи статуи боговъ Явана и богатства дворца. Саргонъ возстановилъ эти города, поселилъ въ нихъ жителей другихъ покоренныхъ странъ на востокѣ Ассиріи и поставилъ надъ ними своего правителя, введя въ нихъ ассирійскую администрацію.

VIII.

Одннадцать лѣтъ непрестанныхъ войнъ обезпечили для Ассирійской монархіи миръ съ трехъ сторонъ: съ сѣвера, востока и запада. Оставался югъ, гдѣ давно приготовлялись къ войнѣ на жизнь и смерть и во всеоружіи ждали завоевателя. На югѣ Ассиріи, въ аллювіальныхъ равнинахъ между Тигромъ и Евфратомъ, на протяженіи дельты Шатель-Араба и къ востоку отъ Тигра до Мидійскихъ горъ лежатъ двѣ древнія страны, вѣкогда бывшія могущественными монархіями, претендовавшими на обладаніе міромъ, это Хадеа съ ея главнымъ городомъ въ описываемую эпоху, Вавилономъ, занимавшая южную отъ Ассиріи часть Месопотаміи до Персидскаго залива, и Эламъ или Сузіана, рядомъ съ нею на востокъ отъ Тигра. Народы населявшіе эти двѣ страны въ рассматриваемое время были весьма различны между собою какъ по племени такъ и по языку, но въ древнѣйшую эпоху

между ними было близкое родство, и ихъ исторія стоитъ почти въ неразрывной связи. Эламитяне были туравскаго племени. Больше чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. Эламъ образовалъ изъ себя могущественную монархію, которая владѣла нѣсколько столѣтій Халдеей и власть которой простиралась въ продолженіе нѣкотораго времени на всю Месопотамію и Палестину. Но за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. Саргонъ, царь халдейскаго города Агана, одноименный съ монархомъ царствованіе котораго мы описываемъ, положилъ конецъ владычеству Эламитянъ надъ Халдеей; съ того времени они все-таки не переставали пользоваться самостоятельностью и въ войнахъ своихъ сосѣдей съ Ассиріей всегда принимали ихъ сторону.

Эламъ, какъ по происхожденію, такъ и по культурѣ опередилъ Хаадею, и столица Элама, Суза, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ міра. Но Хаадея превзошла какъ его, такъ и всѣ другія страны передней Азіи въ дѣлѣ цивилизаціи. Эта страна, въ древности называвшаяся Сумиръ и Аккадъ, благодаря происшедшему въ ней смѣшенію разныхъ расъ, Туравской и Семито-Кушитской, произвела на свѣтъ своеобразную цивилизацію, которую почти цѣликомъ заимствовали у нихъ Ассирійцы и всѣ другіе семитическіе народы Сиріи, Палестины и Аравіи. Развалины древнихъ городовъ Халдеи свидѣтельствуютъ что Сумиръ и Аккадъ въ древности были цвѣтущимъ государствомъ, пользовавшимся могуществомъ и весьма продолжительною культурой, подробности которой, къ сожалѣнію, доселѣ неизвѣстны. Въ то время къ какому относятся наши болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія объ исторіи Халдеи мы застаемъ ее уже въ борьбѣ съ Ассиріей; правда, она горячо отстаиваетъ свою самостоятельность, никогда не лишается своихъ царей, но почти не выходитъ изъ вассальныхъ отношеній къ Ассиріи. Весьма важнымъ для исторіи Халдеи фактомъ можно считать появленіе въ концѣ IX столѣтія по территоріи Халдеи, въ качествѣ претендентовъ на обладаніе Вавилономъ, противниковъ Ассиріи, собственно Халдеевъ, племени которе съ этого времени дѣлается господствующимъ и даетъ государству Сумира и Аккади собственно названіе Халдеи. Первое уломиваніе племени Халдеевъ мы находимъ въ лѣтописяхъ Асуръ-Назиръ-Габады, войско котораго въ 879 году навело ужасъ на Хаадею. Гораздо менѣе

выступаютъ эти племена на почвѣ исторіи во время Салманассара II; они занимаютъ территорію на западѣ и югѣ Вавилоніи, вплоть до Персидскаго залива. Наллывъ халдейскихъ племенъ и возрастающее ихъ могущество не прекращаются послѣ царствованія Салманассара; во времена же Теглафелласара II они являются преобладающимъ элементомъ въ Халдеѣ, такъ что борьба происходитъ у ассирійскаго царя не съ центральной силой древняго царства Сумира и Аккода, представителемъ которой былъ Вавилонъ, а съ этими многочисленными халдейскими племенами. Энергическія дѣйствія Теглафелласара настолько устрасили эти племена что предводители главнѣйшихъ изъ нихъ явились къ нему съ изъявленіемъ покорности. Среди нихъ былъ, между прочимъ, и извѣстный изъ Библии *Меродахъ-Валаданъ*, знаменитый герой послѣдующихъ войнъ при Саргонѣ и Сеннахеримѣ съ Ассиріей, и неустрасимый борецъ за независимость Халдеи.

Личность и имя Меродаха-Валадана извѣстны были до послѣдняго времени только изъ Библии, какъ Вавилонскаго царя, посланшаго посольство къ царю Іудейскому Эзекии, съ цѣлю привести ему поздравленіе по случаю выздоровленія. Но теперь мы знаемъ его имя изъ многочисленныхъ клинообразныхъ памятниковъ описываемой эпохи, гдѣ личность его выступаетъ чрезвычайно рельефно и живо, какъ жестокаго противника Ассиріи. Настоящее его имя было *Мардукъ-Габалъ-Идинна*, то-есть „Мардукъ даетъ сына“. Еврейская транскрипція этого имени вполнѣ соответствуетъ подлинному въ отношеніи согласныхъ. Его владѣнія находились на лѣвомъ берегу Тигра и простирались до самаго Персидскаго залива; назывались онѣ Битъ-Якинъ, то-есть „мѣстопребываніе Якина“, названіе валомяющее имена многихъ халдейскихъ и другихъ семитическихъ областей. Вѣроятно Якинъ былъ основателемъ этого царства, почему оно и получило названіе его дома или мѣстопребыванія. Его племя было однимъ изъ первенствующихъ въ Халдеи еще во времена Салманассара, съ наступленіемъ же царствованія Теглафелласара и съ расширеніемъ территоріи и могущества халдейскихъ племенъ, Меродахъ-Валаданъ сталъ во главѣ ихъ всѣхъ. Его цѣлю было соединить подъ своимъ скипетромъ всю Халдею и основать въ Вавилонѣ новое независимое отъ Ассиріи царство. Но халдейскій герой

былъ настолько терпѣливъ и дальновиденъ что не выступалъ въ открытую борьбу съ Ассиріей прежде чѣмъ не наступила для сего благоприятная обстановка и оказалась возможность приготовиться. Вотъ почему мы видимъ его у ногъ Теглафелласара послѣ его рѣшительной побѣды надъ другими племенами. Ассирійскій монархъ безъ сомнѣнія почувствовалъ въ то время какая гроза готовится для его монархіи въ лицѣ чедовѣка который теперь лежалъ у его ногъ, но онъ очень хорошо понималъ что Халдея болѣе чѣмъ когда-нибудь собирается для борьбы на жизнь или смерть, что и ему следовательно нужно было принимать мѣры самыя рѣшительныя. Поэтому-то онъ не удовольствовался простымъ приведеніемъ къ вассальной зависимости халдейскихъ царей, но разрушилъ самое древнее царство Халдейское, средоточіемъ котораго былъ Вавлонъ и торжественно вступилъ въ этотъ городъ и провозгласилъ себя царемъ Сумира и Аккада.

Пока былъ живъ Теглафелласаръ, въ Халдеѣ все было спокойно. Но лишь только онъ умеръ и во всѣхъ частяхъ монархіи вспыхнуло возстаніе, Меродахъ-Валадавъ являлся въ Вавлонъ, вѣроятно по приглашенію самихъ Вавлонянъ, и провозглашаетъ себя царемъ вавилонскимъ. Объединенная Халдея, съ такимъ энергическимъ вождемъ какъ Меродахъ-Валадавъ во главѣ, оказалась для Ассиріи внушительною силой, смѣло и рѣшительно поставившею свою національную задачу. Ассирійскій царь почти тотчасъ же послѣ своего вступленія на престолъ двинулся въ Халдею. Но Меродахъ-Валадавъ успѣлъ уже приготовиться къ этому вторженію. Онъ заключилъ союзъ съ царемъ Элама, Хумбанигасомъ, который перешелъ со своимъ войскомъ Евфратъ и приготовился въ городъ Калу на сѣверѣ Халдеи ко встрѣчѣ ассирійскаго царя. Побѣда была на сторонѣ Ассиріи; эламское войско принуждено было обратиться назадъ. Саргонъ опустошилъ нѣкоторыя халдейскія племена, переселилъ нѣсколько жителей, но не вступилъ въ битву съ самимъ Меродахомъ Валадавомъ и не достигъ Вавлона. Политическія соображенія заставили Саргона оставить неоконченнымъ свое дѣло въ Халдеѣ и отправиться въ Палестину; интересы монархіи и его самого, по его расчетамъ, были болѣе сконцентрированы тамъ чѣмъ въ Халдеѣ.

Прошло цѣлыхъ десять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Меродахъ-Валадавъ мирно царствовалъ надъ Вавлономъ.

Очастливые дни какіе увидала при немъ Халдея еще болѣе усилили его популярность. Но онъ не забывалъ что расплата съ Ассиріей не окончена, а только отсрочена; онъ зналъ что лишь только ассирійскій царь почувствуетъ себя достаточно безопаснымъ съ другихъ сторонъ, какъ двинется на Вавиловъ для восстановленія надъ нимъ своихъ верховныхъ правъ. Поэтому въ его интересахъ было позаботиться о томъ чтобъ ассирійскій царь былъ какъ можно больше и дольше занятъ въ другихъ мѣстахъ; къ этому направлена была его тайная политика, не укрывшаяся въ концѣ концовъ отъ взора Саргона. Въ своихъ лѣтописяхъ Саргонъ, называя узурпацію Меродаха-Валадана возмущеніемъ противъ великихъ боговъ, вручившихъ ему царство надъ Сумиромъ и Аккадомъ, прямо указываетъ на хитрую политику Меродаха, отправлявшего, по его словамъ, въ продолженіе одиннадцати лѣтъ пословъ съ враждебною цѣлью ко врагамъ Ассура. Хотя мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, посылалъ ли онъ эти посольства въ тѣ страны въ которыхъ происходила борьба съ Ассиріей за это время, но мы должны необходимо предположить это имѣя въ виду что тайная политика его, по словамъ ассирійскаго царя, продолжалась одиннадцать лѣтъ. Здѣсь мы получаемъ новое объясненіе того факта, почему революція такъ упорно держалась около десяти лѣтъ одновременно по всѣмъ тремъ направленіямъ, за исключеніемъ юга, гдѣ былъ Холула; мы не безъ основанія можемъ предположить что если Урса былъ душой этой всеобщей революціи, то Меродахъ Валаданъ болѣе чѣмъ кто-либо ей способствовалъ своею тайною политикою: въ его интересахъ было усиливать ее и тѣмъ самымъ отвлекать Саргона отъ своей монархіи.

Любопытное и исторически важное свидѣніе объ этихъ дѣйствіяхъ Меродаха Валадана мы имѣемъ изъ Библии. Это посольство его къ Иудейскому царю Эзекию. Очевидно поздравленіе съ выздоровленіемъ отъ болѣзни, которое представляется какъ цѣль посольства, было только предлогомъ; истинная же цѣль была привлечь Иудейскаго царя къ союзу съ Вавилономъ и вызвать въ Палестинѣ такое же возстаніе какое свирѣпствовало въ другихъ частяхъ монархіи. Это посольство мы имѣемъ основаніе относить къ царствованію не Сеннахерима, какъ обыкновенно думаютъ, а Саргона. Самое событіе, вмѣстѣ съ болѣзнію Эзекиа, разказано въ Библии въ двухъ мѣстахъ, въ книгѣ Пророка Исаи (гл. 38—39) и во 2й (по

Слав. Библии 4а) книгѣ Царствъ (гл. 20), въ томъ и другомъ мѣстѣ непосредственно за разказомъ о нашествіи Сеннахерима на Иудею. Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса о томъ, въ какомъ году царствованія Эзекии было это нашествіе и какъ примирить противорѣчіе въ опредѣленіи этого года между Библией и ассирійскими живообразными надписями. Но констатируемъ тотъ фактъ что событія описанныя въ 38—39 гл. книги Пророка Исаіи и въ 20 гл. 2й книги Царствъ были гораздо раньше описанныхъ въ предшествующихъ главахъ, то-есть нашествія Сеннахерима, и именно въ 14 годъ Эзекии, который соответствуетъ десятому году царствованія Саргона (712.) Что именно это было въ 14 годъ Эзекии, объ этомъ свидѣтельствуетъ божественное опредѣленіе, передаваемое чрезъ пророка Исаію, о продленіи жизни царя еще на 15 лѣтъ (Эзекиа царствовалъ 29 лѣтъ.) А что болѣзнь и выздоровленіе, равно какъ посольство Меродаха Валадана было раньше нашествія Сеннахерима, это видно какъ изъ того что избавленіе отъ руки царя ассирійскаго представляется еще въ будущемъ въ словахъ пророка, такъ и изъ того что Эзекиа показываетъ посланъ вавилонскаго царя всѣ сокровища своего дома, все накопленное его отцами богатство, котораго онъ уже не имѣлъ послѣ нашествія Сеннахерима, такъ какъ оно было все имъ отдано, такъ что даже золото съ воротъ храма было снято. Мы не можемъ однако согласиться съ Леворманомъ въ томъ что такое не хронологическое расположеніе событій зависитъ отъ позднѣйшей перестановки этихъ главъ вопреки первоначальному плану, вслѣдствіе небрежности перепищиковъ. Уже то одно что такое не хронологическое расположеніе мы находимъ въ двухъ совершенно различныхъ книгахъ не допускаетъ мысли о случайной перестановкѣ. Фактъ этотъ легко объясняется признаніемъ за составителя этого разказа пророка Исаію и что этотъ разказъ былъ первоначально помѣщенъ въ его книгѣ, откуда цѣлкомъ заимствованъ и въ Книгу Царствъ. Всякій кто серьезно изучалъ книгу пророка Исаіи долженъ согласиться съ тѣмъ что части этой книги расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, а по плану, въ основѣ котораго лежитъ содержаніе самыхъ частей. Вслѣдъ за повѣствованіемъ о посольствѣ Меродаха Валадана и изложеніемъ пророчества Исаіи по этому поводу, начинается обширное пророчество 40—66 гл., относящееся не къ Ассиріи, а къ Вавилону и народу Божію во время

вавилонскаго лѣвна, пророчество, которое считается второю частію его книги, рѣзко отличающуюся отъ первой. Весьма естественно было составителю книги помѣстить событіе касающееся Вавилона и пророчество Исаіи о будущемъ лѣвнѣ народа въ этой странѣ рядомъ съ пророчествомъ 40 — 66, очень связаннымъ съ нимъ по содержанию, и тѣмъ сдѣлать естественный переходъ ко второй части, который безъ этого былъ бы слишкомъ рѣзокъ.

Но вавилонскому царю не удалось склонить къ союзу Эзекію, несмотря на благосклонный приемъ какимъ почтилъ посольство Іудейскій царь, несмотря на очевидное расположеніе его къ этому союзу, выразившееся съ перваго раза. Эзекія показалъ вавилонскимъ посланцѣмъ всѣ сокровища своего дома, безъ сомнѣнія заявляя тѣмъ самымъ что онъ надѣется средствами для борьбы и можетъ быть достойнымъ союзникомъ вавилонскаго царя. Это тщеславіе царя было тотчасъ же обличено пророческимъ словомъ, и союзу этому не пришлось осуществиться. Вообще мы должны отмѣтить тотъ замѣчательный фактъ что во время всего царствованія Саргона, въ продолженіе котораго всѣ народы Сиріи, Палестины и Месопотаміи испытали одинъ за другимъ тяжелые удары отъ могущественнаго завоевателя, одно маленькое царство Іудейское оставалось какъ островъ, котораго не коснулись волны революціи и непріятельскаго вѣшествія. Маленькое царство Іудейское, укрѣпленное самою природою, находилось въ то время подъ управленіемъ благочестиваго царя, предавшаго религіи и завіту своихъ предковъ, и подъ духовнымъ руководствомъ величайшаго изъ пророковъ-писателей Вѣтхаго Завета, Исаіи. Насколько отецъ Эзекіи Ахазъ былъ противникомъ пророческаго слова, настолько онъ самъ былъ чутокъ ко внушеніямъ вдохновеннаго пророка. Этотъ союзъ царя съ пророкомъ привлекъ на крошечное, сравнительно съ ассирійскимъ исполиномъ, царство Іудейское благодать свыше, чудесный, сверхъестественный подъемъ силъ, вслѣдствіе чего оно не только спаслось отъ вѣшествія Саргона, но и устояло въ борьбѣ съ нимъ въ царствованіе преемника Саргона, Сеннахерима. Судя по обширнымъ пророчествамъ Исаіи (въ которыхъ такъ много находится чертъ для характеристики политическаго положенія государства того времени) и въ царствѣ Іудейскомъ, какъ цари, такъ и народъ постоянно увлекались мыслию о необхо-

дѣлности примкнуть къ союзу съ сосѣдними государствами и главнымъ образомъ съ Египтомъ, для борьбы со всеокружающимъ движеніемъ Ассиріи. Въ нѣкоторые моменты на этотъ союзъ смотрѣли почти какъ на дѣло рѣшаемое и въ немъ одномъ искали спасеніе. Но сильное слово пророка всегда разрушало всѣ эти махинаціи; отъ лица самого Бога онъ уговорилъ своего царя и соотечественниковъ не соединять своего дѣла съ дѣломъ другихъ народовъ, не лускаться на тотъ пагубный путь который привелъ къ крушенію десять коленъ царства Израильскаго. Его вдохновенное слово дѣйствовало и устрашительно, какъ грозный голосъ съ неба, и возбуждительно и освѣжительно какъ роса среди сухости и удушья; вѣра въ абсолютную силу божества, направляющаго судьбы народа, вѣра въ завітныя Его обѣтованія и въ высокое назначеніе царства, воскресала въ этомъ политически слабомъ народѣ съ такою силой что онъ безбоязненно выходилъ на борьбу, какъ Давидъ съ Голиафомъ, и побѣждалъ. Но и самая эта борьба, начавшаяся въ слѣдующее царствованіе, произошла благодаря измѣнѣ царя пророческому внушенію. Истинно національная политика народа Божія была при Саргонѣ, когда благочестивый Эзекія, помня обѣтованіе Божіе о вѣчномъ продолженіи дома Давидова подъ условіемъ вѣрности Богу, не внималъ никакимъ обольстительнымъ пладамъ дѣйствія совокулю съ другими народами и совершалъ подъ руководствомъ пророка дѣло духовнаго возрожденія своего народа, восстановленіе культа истинной религіи и чистоты нравовъ. Полное невмѣшательство въ дѣла другихъ народовъ и торжественное отреченіе отъ всякаго союза противъ Ассирійской монархіи поставили это царство въ совершенную независимость отъ Ассиріи. Ассирійскій царь всегда проходилъ его мимо во время своихъ неоднократныхъ движеній вдоль всей Палестины, твердо увѣренный что царь Іудейскій никогда не выступитъ изъ своего нейтралитета и не окажетъ ни малѣйшей помѣхи его честолюбивымъ дѣламъ. Съ другой стороны, и царь Іудейскій выказывая молчаливо свое почтеніе всемірной державѣ, въ то же время не унижалъ своего достоинства вассальными отношеніями. Въ случаѣ же вторженія, онъ надеялся не на твердыни своего государства, но на силу Бога и Его вѣрность своимъ обѣтованіямъ. Когда послы вавилонскаго царя явились къ Эзекіи съ предложеніемъ союза,

онъ на вѣкоторое время поколебался въ своей вѣрѣ и въ благородной рѣшимости, онъ невидному ободрялъ ихъ соглашемя, но пророкъ видѣлъ всю оласность этого союза и этого превозношенія своимъ богатствомъ и могуществомъ. Для ассирійскаго царя довольно было узнать что послы Меродаха Валадана были у Эзекіи и онъ выставилъ предъ ними напоказъ средства своего государства, чтобы тотчасъ же начать свой опустошительный походъ противъ Іудей. Рука Божія коснулась пророка, и онъ съ ясностію божественной мысли представилъ поколебавшемуся царю будущій дѣлъ его потомковъ и народа въ Вавилонѣ, въ союзъ съ которымъ его увлекали; царь одумался и союзъ не осуществился. Царство Іудейское во все царствованіе Саргона наслаждалось миромъ и внутренно преобразовывалось согласно съ духомъ истинной религіи.

Революція свирѣпствовавшая во всѣхъ концахъ монархіи по тайнымъ интригамъ и подстрекательствамъ Меродаха Валадана наконецъ прекратилась. Царь ассирійскій теперь могъ обратить все свое вниманіе и сосредоточить свои силы на югъ своего государства. Изъ всѣхъ союзниковъ Меродаха Валадана открыто выступилъ въ борьбу съ Ассиріей только одинъ царь сосѣдняго съ Халдеей Элама, *Сутрукъ-Нахунта*, сынъ того Хамбанигаса который въ союзъ съ вавилонскимъ царемъ участвовалъ въ войнѣ съ Ассиріей въ первый годъ царствованія Саргона. Оба царя дѣятельно приготавлились къ оборонѣ, въ особенности Меродахъ Валаданъ который укрѣпилъ всѣ города ближайшіе къ Ассиріи и снабдилъ ихъ гарнизонами. Операции предпринятыя Саргономъ свидѣельствуютъ о высотѣ военнаго искусства въ Ассиріи и о тактическихъ способностяхъ царя и его генераловъ. Его планъ заключался въ раздробленіи силъ противниковъ, въ изолированіи ихъ другъ отъ друга и въ нападеніи на нихъ порознь, и притомъ съ тыла. Въмѣсто того чтобы двинуться на вавилонскую оборонительную линію съ фронта, гдѣ онъ могъ встрѣтить почти непреодолимое сопротивленіе, Саргонъ отправился по берегу Тигра на югъ, оставивъ въ сторонѣ Вавилонъ и другіе укрѣпленные города Халдеи. Ближайшею цѣлью его операций была страна Гамбуль, лежавшая на самомъ югѣ Халдеи. Положеніе этой страны среди болотъ и въ виду незащищеннаго непріятеля представляло много выгодъ для нападающаго, который овладѣвъ ею могъ ее сдѣлать операционнымъ

базисомъ. Меродахъ Баладанъ угадавъ вѣроятно этотъ планъ Саргона притянулъ туда свои войска и послѣдовалъ привести въ оборонительное положеніе одно изъ главныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ Гамбула, Дуръ-Аткаръ. Къ прежнимъ его укрѣпленіямъ были присоединены новыя и выкопанъ былъ каналъ для соединенія Шатель-Араба съ Нагаръ-Саралии, вѣроятно большимъ каналомъ который былъ устроенъ параллельно Евфрату и Шатель-Арабу. Для подкрѣпленія гарнизона онъ послалъ 600 всадниковъ и 4.000 пѣхотинцевъ. Саргонъ елѣзшалъ какъ могъ овладѣть этимъ городомъ чтобы не дать ему еще болѣе приготовиться, и поэтому когда приближился, несмотря на поздній часъ дня, тотчасъ же приступилъ къ штурму. Городъ былъ взятъ; 18.490 человекъ попали въ плѣнъ со всемъ имуществомъ. Остальные бѣжали къ берегу Персидскаго залива, къ рѣкѣ Укви, которая впадала въ Евфратъ и была вѣроятно тождественна со знаменитымъ у классиковъ каналомъ Палааколомъ. Они надѣялись что ассирійскій царь не двинется на городъ въ которомъ они искали спасенія, такъ какъ рѣка Укви въ этомъ мѣстѣ не переходима, но Саргонъ хотѣлъ довести дѣло до конца и предпринялъ противъ нихъ походъ. Устрашенные этимъ движеніемъ они потеряли мужество и разсѣялись какъ птицы, унося свое имущество и стада. Отягавъ у нихъ добычу, Саргонъ снова возвратился въ Дуръ-Аткаръ, вновь его обстроилъ и далъ ему названіе Дуръ-Набу, сдѣлавъ его резиденціей своего сатрапа.

Побѣда Саргона привела съ одной стороны къ повиновенію всю страну Гамбула, но съ другой вооружила противъ него окрестные народы. Лѣтопись Саргона перечисляетъ множество областей и городовъ страны Гамбула которые привели повиновеніе и присоединены формально къ Ассириі послѣ взятія Дуръ-Аткара. Но племена Руа, Киддаръ, Ятбуръ, Пукудъ, по примѣру жителей Гамбула, убѣжали къ рѣкѣ Укви; тогда Саргонъ, не имѣя возможности перейти рѣку, поставилъ на противоположномъ берегу два форта для прекращенія сообщенія и заставилъ ихъ сдаться. Они также были подчинены сатрапу находящемуся въ Дуръ-Аткаръ. Еще болѣе оказали ему сопротивленія арамейскія племена, жившія на югѣ Халдеи и близъ Элама; угрожаемая Саргономъ, они заключили формальный союзъ съ Меродахомъ Баладаномъ и Сутрукъ-Нахуттой. Для болѣе усильной обороны они направились къ той же рѣкѣ Укви. Саргонъ сначала

опустошилъ ихъ жилища, сады и произведенія полей, а затѣмъ двинулся противъ ихъ укрѣпленныхъ городовъ и взялъ ихъ, числомъ 14. Тогда Арамеи изъявили покорность Саргону; наказавъ ихъ, онъ подчинилъ ихъ также сатрапу Дуръ-Атара.

Послѣ этого погрома южныхъ областей Хаалдеи и совершеннаго ихъ покоренія, ассирійскій царь раздѣлилъ свою армію на двѣ части, изъ коихъ одну оставилъ подъ своимъ предводительствомъ для операцій въ Хаалдеѣ, а другую отправилъ противъ Элама, войско котораго помогало Арамеямъ. На самой границѣ, на лѣвомъ берегу Тигра, онъ взялъ двѣ сильныя крѣпости Сутрукъ-Нахуты, *Самуну* и *Бабъ-дуръ*, служившія передовыми пунктами противъ ассирійскаго нашествія съ этой стороны и принадлежавшія къ эламитской области Ятрубъ. Правители этихъ городовъ были взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ 75.020 человекъ солдатъ и 12.060 изъ народа и обширною добычей. Городъ Самуну былъ возстановленъ и былъ названъ *Бетъ-Багаръ*. Послѣ Ятбура взяты были и другія области и города Элама, такъ что ассирійская армія приблизилась въ своемъ обратномъ движеніи съ юга на сѣверъ до ближайшей къ Ассиріи области Элама *Расъ* (Рощъ Вибай); гарнизоны укрѣпленныхъ мѣстъ страны должны были бѣжать въ главный городъ Элама *Бетъ-Илби*, который, какъ можно заключить, и былъ приведенъ вовремя въ оборонительное положеніе. Тогда Сутрукъ-Нахута, находя свое положеніе въ странѣ не безопаснымъ, такъ какъ всѣ укрѣпленія были взяты Ассирійцами, убѣжалъ въ горы вмѣстѣ съ небольшою ему частью арміи.

Такимъ образомъ первая часть плана Саргона была исполнена. Хаалдея съ юга была вполне открыта для ассирійскаго нападенія и уже не представляла никакихъ преградъ для движенія на Вавилонъ; съ другой стороны, Эламъ не только былъ изолированъ въ это время, но и почти весь былъ занятъ ассирійскими гарнизонами. Тогда Саргонъ, призывавъ на помощь боговъ, двинулся къ сѣверу, по направленію къ Вавилону; перейдя рѣку Евфратъ, съ праваго берега на лѣвый, онъ вступилъ въ область Бетъ-Дакура, взялъ городъ Дуръ-Ладимъ, обстроилъ его, вѣроятно съ цѣлью сдѣлать изъ него опорный пунктъ для своихъ дальнѣйшихъ движеній на Вавилонъ. Здѣсь онъ стягивалъ изъ другихъ мѣстъ свою армію и готовился къ рѣшительному шагу. Всѣ эти движенія Саргона,

ихъ разчитавность и успѣхъ произвели подавляющее впечатлѣнiе на Меродаха Валадама: онъ увидѣлъ опасность своего положенiя въ Вавилонѣ, такъ какъ ассирiйская армiя теперь угрожала окружить его со всѣхъ сторонъ кольцомъ, а населенiе Вавилона, для котораго онъ былъ все-таки чужеземцемъ, не могло представлять ему гарантiи безопасности. Въ виду всего этого онъ рѣшился покинуть Вавилонъ; тайно ночью со своими близкими приверженцами и военнымъ отрядомъ онъ убѣжалъ по направлешию къ Эламу съ цѣлю побудить его къ болѣе энергическимъ дѣйствiямъ и дѣйствовать за одно. Съ этою цѣлю онъ послалъ въ даръ Сутрукъ-Нахунтъ, царю Элама, богатые дары, въ числѣ которыхъ были золотой тронъ, серебряный зонтъ и знаки царскаго достоинства. Но смущенный вавилонскiй царь не зналъ еще всего положенiя дѣла; онъ не зналъ того что вся страна Элама уже занята ассирiйскими гарнизонами и что самъ царь въ отдаленныхъ горахъ искалъ спасенiя своей жизни. Страна Ямбулъ, въ которую онъ было бросился, прежде другихъ подверглась ассирiйскому нападению и не могла доставить ему нигда приставища. Тогда онъ двинулся на югъ, въ свою наследственную область Бить-Якивъ. Здѣсь, въ своемъ старомъ отечествѣ, онъ началъ приготовляться для окончательной и рѣшительной битвы съ Ассирией.

Опасенiя Меродаха Валадама относительно Вавилона оказались вѣрными. Лишь только онъ удался, какъ жители Вавилона и Борсиллы, вельможи двора, предводители армiй, верховные жрецы отправили посольство къ Саргону въ Дуръ-Ладивъ и, изъявляя ему свою покорность, во имя боговъ приглашали его въ Вавилонъ. Тогда Саргонъ торжественно вступилъ въ городъ и объявилъ себя царемъ вавилонскимъ, и какъ верховный жрецъ принесъ жертвы богамъ Вавилона. Это событiе произошло въ 710 году, и составило эру царствованiя Саргона, такъ какъ въ послѣдующiе годы официальные акты обовначались обыкновенно годомъ его царствованiя въ Ассирiи и годомъ завоеванiя Вавилона. Триумфъ надъ Халдеей, подчиненной Вавилону, былъ полный; всѣ окрестныя страны принесли дань. Пребыванiе Саргона въ Вавилонѣ ознаменовалось полезными сооруженiями; такъ онъ велѣлъ вновь выкопать въ Борсиллѣ каналъ, устроенный его

предшественниками. Въ февралѣ (последнемъ мѣсяцѣ года) наступилъ торжественный праздникъ въ честь бога Бела. Саргомъ торжественно отправился во храмъ, принесть въ даръ два крылатыхъ быка и богатыя жертвы.

Съ наступленіемъ новаго года (709), въ началѣ апрѣля, Саргомъ предпринялъ походъ въ самое гнѣздо вавилонскихъ смуть, въ страну Бить-Якия, гдѣ укрывался Меродахъ Валадамъ. Этотъ послѣдній успѣлъ серіозно приготовить къ отчаянной оборонѣ. Поручивъ болѣе важные стратегическіе пункты своимъ полководцамъ, Меродахъ Валадамъ самъ дѣятельно принялся за укрѣпленіе своей столицы Дуръ-Якия. Такъ какъ этотъ городъ лежалъ, по словамъ надписи, „при рѣкѣ и при морѣ“, то по всей вѣроятности онъ занималъ то же мѣсто при устьѣ Евфрата (собственно Шатель-Араба), какое имѣлъ городъ Хараксъ при Селевкидахъ и занимаетъ Моаммера въ настоящее время. На разстояніи около 15 сажень отъ городской стѣны онъ велѣлъ выкопать вокругъ всего города ровъ, шириною въ 30 сажень и глубиною въ 3 сажени, провелъ изъ Евфрата воду въ этотъ ровъ, и кромѣ того самое теченіе Евфрата выше города онъ раздѣлилъ на множество каналовъ, вокругъ же города устроилъ плотину. На рвахъ и плотинахъ, перерѣзанныхъ каналами, онъ расположилъ свои войска, равно какъ на многочисленныхъ судахъ, которыя плавали по всей этой водной сѣти. Борьба для Саргома предстояла не легкая. Онъ раздѣлилъ свою армию на баталіоны и одновременно со всѣхъ сторонъ сдѣлалъ нападеніе на расположенное среди каналовъ непріятельское войско. Побѣда была полная; непріятельскіе трубы загроздили всѣмъ водные потоки и „плавали какъ чурки“, по выраженію надписи. Удачнымъ маневромъ ему удалось отбѣжать отъ противника войска всѣхъ его союзниковъ и обратитъ ихъ въ бѣгство. На войновъ Меродаха Валадама палаалъ ужасъ, безпорядочными толпами они бросались къ большому городскимъ воротамъ, и самъ онъ, руководившій ходомъ битвы, едва могъ спастись бѣгствомъ въ городъ, благодаря вочной темнотѣ. Весь непріятельскій лагерь, расположенный на полѣ битвы, достался побѣдителямъ; среди него досталась въ добычу палатка самого Меродаха Валадама, въ которой находились знаки его царскаго достоинства: золотой тронъ, золотой скипетръ, серебряная колесница, драгоценныя украшенія изъ золота, богатая мебель и военные скаряды. Заключенный съ войскомъ въ оградѣ города

Меродахъ Валадавъ продолжалъ защищаться и дѣятельно исправлялъ поврежденія городскихъ стѣнъ. Саргонъ предпринялъ осаду, которая была непродолжительна, городъ былъ взятъ штурмомъ и преданъ полному разграбленію; въ продолженіе трехъ дней и ночей ассирійскія арміи совершали свою расправу, никто не былъ выпущенъ изъ города, 80.570 человекъ взято въ плѣнъ, захвачены 2.070 лошадей, 700 ословъ, 6.054 верблюдовъ. Разрушены были зданія, не пощажены сады, городъ былъ сравненъ съ землею. Самъ Меродахъ Валадавъ успѣлъ однако скрыться, покинувъ жену, дѣтей и все богатство своего дворца, но видя что страна не представляетъ нигдѣ для него надежнаго убѣжища, будучи вся занята непріятельскими войсками, явился самъ къ ногамъ побѣдителя; Саргонъ далъ ему помилованіе и оставилъ его при себѣ въ качествѣ плѣнника.

Такъ въ продолженіе двухъ лѣтъ вся Хаадея и Эламъ были приведены въ полное подчиненіе Ассиріи. Возвратившись въ Вавилонъ, Саргонъ занялся организаціей управленія въ завоеванныхъ провинціяхъ. Онъ поставилъ надъ ними трехъ сатраповъ; резиденціей главнаго изъ нихъ былъ Вавилонъ, ему же было поручено наблюденіе за Эламомъ и отдава въ распоряженіе одна изъ важнѣйшихъ эламскихъ крѣпостей на границѣ Вавилоніи; для ближайшаго же заведыванія управленіемъ и податями въ Эламъ былъ назначенъ особый сатрапъ, резиденціей котораго былъ городъ *Сакбатъ*; въ Гамбулѣ былъ также поставленъ особый сатрапъ. Жителямъ главнѣйшихъ городовъ Хаадеи Саргонъ даровалъ льготы и осыпалъ ихъ своими милостями. Онъ позволилъ имъ жить по тѣмъ же законамъ и пользоваться тѣми же учрежденіями какъ и прежде и взялъ подъ свое покровительство земледѣліе; мало того, онъ восстановилъ ихъ права на землю, которая съ давнихъ поръ было у нихъ отнята пастушескими пограничными племенами, онъ прогналъ эти племена и восстановилъ прежнія границы Хаадеи. Въ древнѣйшихъ городахъ Хаадеи, считавшихся священными, онъ восстановилъ во всемъ блескѣ древнія святилища, воздвигъ новыя статуи богамъ и восстановилъ въ нихъ утраченное древнее богослуженіе. Наконецъ онъ установилъ правильную систему податей въ Битъ-Якивѣ, а для того чтобы предотвратить революціонное движеніе въ этомъ безпокойномъ

племенн, онъ колонизовалъ всю эту страну выселенцами города Хуммуки, находящагося въ Сиріи.

Вѣсть о блестящихъ побѣдахъ Саргона быстро разнеслась по всему пространству обширной монархіи, и на самыхъ отдаленныхъ концахъ она произвела потрясающее впечатлѣніе; находясь подъ обаяніемъ могущества и славы ассирійскаго оружія, народы отдаленныхъ государствъ до которыхъ никогда не достигало ассирійское оружіе послѣдшіи оказать могущественному монарху знаки покорности и привести дары. Когда Саргонъ былъ въ Вавилонѣ и устанавливалъ законодательство и администрацію на всю Халдею и Эламъ, къ нему пришли послы съ богатыми дарами изъ страны *Тиллуна*, находящейся „въ срединѣ моря“ на разстояніи около 210 англійскихъ миль отъ берега. Этотъ островъ есть безъ сомнѣнія тотъ знаменитый Тиръ на Персидскомъ заливѣ откуда по финикійскому преданію, передаваемому Геродотомъ и другими классическими писателями, вышли Финикійцы какъ изъ своей первоначальной родины. Въ настоящее время онъ называется *Багрейнъ* и находится близъ западнаго (арабійскаго) берега Персидскаго залива. Царь этой страны, Улиръ, услышалъ о дѣлахъ Саргона въ Халдеѣ и въ Эламѣ и прислалъ пословъ съ изъявленіемъ покорности и съ дарами. Другое посольство пришло съ отдаленнаго острова, лежащаго на Средиземномъ морѣ, Кипра, который въ ассирійскихъ лѣтописяхъ называется *Ятаана*. Никогда оружіе ассирійское не достигало этого отдаленнаго края, лежащаго, по выраженію ассирійскаго монарха, „на семь дней пути по морю“. „Они услышали среди моря, говоритъ онъ, то что я сдѣлалъ вдали, въ странѣ Каади (Халдея), они смирили свою гордость, привесли мнѣ свои дары, золото, серебро, оружіе, сандалъ, збень, произведенія ихъ странъ и представили ихъ мнѣ ввуть Вавилона; они объяли мои колѣна“. Въ воспоминаніе объ этомъ событіи Саргонъ повелѣлъ соорудить ламатникъ съ описаніемъ своихъ побѣдъ и поставить его на островѣ Кипрѣ. Этотъ ламатникъ былъ найденъ въ 1846 году на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ прежде находился городъ *Цитіумъ* и представляетъ большой каменный столбъ въ сажень высоты, $2\frac{1}{2}$ фута ширины и 1 футъ толщины. Надпись находящаяся на обѣихъ сторонахъ, впрочемъ значительно попорченная, въ настоящее время восстановлена и прочитана. Онъ находится въ Берлинскомъ музеѣ.

Наконецъ послѣднiя любви Саргона послужили сигналомъ къ окончанiю прерванной войны на сѣверо-западѣ монархiи, съ Митой, царемъ Муски. Во время войны Саргона съ Урсою, царемъ Урарти, Мита былъ самымъ дѣятельнымъ союзникомъ послѣдняго и постоянно отвлекалъ Саргона съ сѣвера на западъ. Справившись съ Урсою, Саргонъ на время оставилъ въ локоѣ Миту. Этотъ заклятый врагъ Саргона возмущался тотчасъ же какъ разгорѣлась война съ югомъ; не имѣя возможности отправиться противъ него лично, Саргонъ поручилъ вести операцiи своему сатрапу соседней страной Куи. Война велась упорно и счастливо, но не имѣла рѣшительныхъ успѣховъ; взято было въ лѣвыя бои 2.000 человекъ, разрушено 10 городовъ, но въ другое время этотъ успѣхъ далеко не заставилъ бы подчиниться такого отважнаго противника Ассирии, какимъ былъ Мита. Но теперь „онъ получалъ свѣдѣнiе о моихъ дѣлахъ и о любвѣхъ моихъ рукъ, которыя даровалъ мнѣ Асуръ, мой великiй господинъ, онъ прочелъ то что я сдѣлалъ въ морѣ восходящаго солнца (Персидскiй заливъ), онъ узналъ о разрушенiи странъ и лѣвъ жителей, онъ получалъ свѣдѣнiе о подчиненiи Улпури, царя Тилвука, живущаго въ срединѣ моря и онъ (Мита) послалъ ко мнѣ своего посла, чтобы выразить мнѣ покорность и принести свои дары съ береговъ моря заходящаго солнца (Средиземное), онъ представилъ мнѣ свои дары и призналъ могущество Асура.“

Слава и могущество Саргона достигли теперь своего апогея. Находящаяся теперь лодъ его скилетромъ имперiя соприкасалась съ трехъ сторонъ, съ сѣвера, запада и юга, съ тремя морями, а на востокъ терялась въ глубь Мидiи. Получивъ наслѣдiе своихъ предшественниковъ и воспользовавшись ихъ завоеванiями, онъ значительно расширилъ предѣлы своей монархiи и доставилъ ей небывалую до сего времени прочность и единство. Всѣ народы внутри вышеописанныхъ границъ чувствовали, въ той или другой степени, свою зависимость отъ ассирийскаго монарха, чувствовали что ни каждый въ отдаленности, ни всѣ въ совокупности не въ состоянiи съ успѣхомъ бороться противъ этой исполинской силы и признавали ея верховный авторитетъ. Къ царю ассирийскому вполнѣ примѣнимы были тогда слова пророка: „онъ былъ какъ кедръ Ливанскiй, высота котораго возвышается надъ всеми деревьями лоя. Всѣ птицы небесныя устраивали свое гнѣздо на его

вѣтвахъ и всѣ звѣри полевыя выводили своихъ лтвенцовъ подъ его сучьями и великіе народы жили подъ его тѣнью“ *. Тридцать лѣтъ описанной нами борьбы Саргона, приведшей монархію на вершину славы и могущества, занимають по этому видное мѣсто въ исторіи Ассиріи. Послѣ нихъ Саргонъ жилъ еще 5 лѣтъ, но въ продолженіе этого времени ничего не было сдѣлано замѣчательнаго въ дѣлѣ завоеваній. Лѣтописи представляютъ намъ еще два похода, совершенные въ слѣдующіе за тѣмъ два года, но въ нихъ уже не участвовалъ самъ царь, и интересы и могущество монархіи мало затрогивались этими войнами. Первая изъ этихъ войнъ (708 г.) была ведена полководцами ассирійскаго царя въ странѣ Куммухъ, Коммагенѣ классиковъ, находившейся на правомъ берегу средняго Евфрата, сѣвернѣе страны Хатти и южнѣе страны Муски. Царь этой страны *Муталлу* хотѣлъ было возобновить коалицію въ родѣ той какова была при Урсі, и поэтому заключилъ союзъ съ преемникомъ Урсы Аргистисомъ. Но ассирійскіе генералы быстро расправились съ ними; на мѣсто отведенныхъ въ лѣтѣ 21.500 человекъ и поселенныхъ въ Битъ - Якинѣ, Саргонъ велѣлъ водворить лѣвивныхъ изъ подданныхъ Меродаха Валадана, управленіе надъ которыми было ввѣрено сатралу на мѣсто скрывшагося царя. Другое движеніе произошло на востокъ, въ Мидійской странѣ Илли, которая и прежде того была чутка ко всему что дѣлалось на сѣверѣ Ассиріи. Поводъ былъ данъ смертію прежняго царя Даалты, дружественно относившагося къ Ассиріи. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Нубіе и Ислабара, которые спорили между собою за тронъ. Первый изъ нихъ обратился за помощію для успѣха своего дѣла къ Эламскому царю Сутрукъ-Нахувтѣ, который очевидно нѣсколько оправился отъ ассирійскихъ пораженій и господствовалъ надъ частью своей страны; другой же, Ислабаръ, обратился для той же цѣли къ Саргону. Сей послѣдній послалъ семь своихъ генераловъ и побѣдилъ союзное войско, взялъ главный городъ этой страны Марубисти, заключилъ въ оковы самого Нубіе и отдалъ всю страну подъ власть Ислабара. Объ остальныхъ трехъ годахъ царствованія Саргона (707—705) лѣтописи умалчиваютъ; по всей вѣроятности за все это время не было никакихъ походовъ и

* Иезек. 31, 3—6.

царь былъ всецѣло поглощенъ своими постройками и организаціей своей обширной имперіи, и вообще вкушеніемъ плодовъ своихъ побѣдъ. Саргонъ умеръ въ 705 году, послѣ 18ти-лѣтняго царствованія, лавъ жертвою заговора.

IX.

Саргонъ былъ одинъ изъ самыхъ энергическихъ монарховъ Ассиріи и по всей справедливости можетъ быть названъ гениальнымъ полководцемъ древности. Всѣ главнѣйшія кампаніи его царствованія были ведены имъ лично; между тѣмъ внимательное изученіе его походовъ и соображеніе съ картою мѣстностей бывшихъ театромъ войны заставляютъ необходимо заключить что походы ассирійскаго монарха совершались по плану всегда смѣло и вѣрно начертанному и, за небольшими исключеніями, неуклонно вели къ цѣли. Въ главной квартирѣ Саргона всегда хорошо знали положеніе и силы противника, вѣрно рассчитывали когда и гдѣ и какому народу изъ окружающихъ нанести прежде всего ударъ; но въ особенноти изумительны стратегическіе приемы употребляемы въ войнѣ съ Меродахомъ Валадагомъ и его союзникомъ, царемъ Элама. Если принять во вниманіе малочисленность ассирійской арміи, громадныя разстоянія какія приходилось ей проходить, такъ какъ театръ войны простирался иногда на тысячи верстъ, физическія и стратегическія преграды для ея движеній, наконецъ быстроту съ какою всегда достигалась ближайшая цѣль похода, то нельзя не признать что ассирійскія арміи далеко не были недисциплинированными вооруженными толпами, какъ привыкли обыкновенно думать объ арміяхъ всѣхъ восточныхъ завоевателей; напротивъ, онѣ были организованы и дисциплинированы по началамъ высоко стоявшаго у нихъ, выработаннаго ими военнаго искусства. Ихъ предводители далеко не были только грабителями, безжалостно предававшими огню и мечу беззащитныхъ жителей, но искусными, иногда великими генералами. Это подтверждается не одними дѣтописями, но и безчисленными барельефами, представляющими военныя сцены; здѣсь все, вооруженіе пѣхоты и конницы, марши по равнинамъ и горамъ, атаки непріятели, осада и штурмъ городовъ, въ особенноти ихъ замѣчательные и разнообразныя снаряды

Положеніе Хорсабада и планъ дворца Саргона.

для укрѣпленія и разрушенія крѣпостей, ихъ инженерное искусство, проявившееся въ сооруженіи дорогъ и каналовъ для подступовъ къ укрѣпленному неприятелю, все это свидѣтельствуетъ что искусство стратегіи далеко не было дѣломъ Грековъ, но еще прежде нихъ оно доведено было до высшей степени ассирійскими завоевателями. Безъ этого намъ не было бы понятно какимъ образомъ этотъ немногочисленный сравнительно народъ могъ покорить весь окружающій его мѣръ и держать его въ повиновеніи многія сотни лѣтъ.

Несмотря на постоянныя и упорныя войны, Саргонъ дѣятельно занимался возведеніемъ построекъ, которыя должны были служить ему мѣстомъ отдыха въ немногіе дни мира и вмѣстѣ памятниками потомству о совершенныхъ имъ дѣланіяхъ. Кромѣ зданій построенныхъ имъ въ древнихъ городахъ Ассиріи, Калахъ и Ниневіи, онъ воздвигъ новую для себя столицу верстахъ въ пятнадцать на сѣверо-востокъ отъ Ниневіи, на берегу небольшой рѣки (Хаусеръ) и вблизи начинающагося хребта Загроса. Онъ назвалъ его своимъ именемъ: Дуръ-Саркина, т.е. крѣпость Саргона, отчего несомнѣнно произошло настоящее названіе арабской деревни лежащей на развалинахъ этого города, Хорсабадъ. Трудно понять почему Саргонъ перенесъ свою резиденцію изъ Ниневіи въ Хорсабадъ; по всей вѣроятности это былъ простой капризъ могущественнаго монарха, желавшаго пользоваться въ этомъ мѣстѣ большимъ удивленіемъ, лучшимъ климатомъ и лучшими видами на сосѣднія горы. Слѣды города и развалины дворца были, какъ мы уже говорили, раскопаны Боттой. Этотъ памятникъ Саргона считается однимъ изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ памятниковъ ассирійскаго искусства, въ особенности архитектуры и скульптуры. По нему болѣе чѣмъ по всякъ другимъ можно составить себѣ идею о планѣ ассирійскихъ дворцовъ и объ особенностяхъ архитектуры Ассирійцевъ вообще.

Городъ Дуръ - Саркина имѣетъ форму квадрата, каждая сторона котораго занимаетъ около двухъ верстъ. Все это пространство обнесено было стѣною, на которой находились многіе бастіоны, какъ на углахъ, такъ и по линіи сторонъ. Обращено оно было углами на четыре стороны свѣта. У стѣны обращенной къ сѣверо-западу была устроена громадная насыпь, возвышавшаяся надъ уровнемъ мѣстности на 3 и на 4½ сажени. Она состояла изъ двухъ террасъ расположенныхъ

въ формѣ исподивскаго Т.; верхняя часть, изображаемая этою буквою, была ниже другой болѣе чѣмъ на сажень. Ширина и длина верхней террасы около 180 сажень, а расстояние между правою и лѣвою стороною нижней террасы около 170 сажень. Расположена эта насыпь была такъ что нижняя тер-

раса совладала во своей нижней линіи съ городской стѣной, такъ что остальная часть этой террасы выдавалась внутрь города, а верхняя часть вся выступала за черту стѣны. Это громадная насыпь и была предназначена для дворца царя и другихъ необходимыхъ для него зданій, причемъ самый дворецъ находился на верхней террасѣ. Сдѣлана она была изъ громадной массы необожженнаго кирпича, снаружи же, то-есть съ боковыхъ сторонъ и вверху она была обложена камнями большой величины, расположенными рядами, симметрически. Съ боковъ эти ряды камней подвигались перпендикулярно къ площади города и наверху образовали выступы въ видѣ барьера высотой въ шесть футовъ надъ поверхностью насыпи. Верхняя часть насыпи была вымощена также камнями и обожженными на солнцѣ кирпичами большой величины, иногда въ два квадратныхъ фута. На этихъ кирпичахъ иногда выдѣлывался узоръ, рисунокъ котораго былъ очень красивъ и искусно выложенъ, причемъ онъ обнималъ пространство въ нѣсколько кирпичей.

Доступъ во дворецъ открывался извнутри города. Здѣсь посѣтитель стоялъ лицомъ къ лицу съ исподивскимъ крыльцомъ, устроеннымъ не на насыпи, а по городской поверхности. Крыльцо было образовано двумя фигурами быковъ съ человѣческой головою, украшенною тиарой и орнавыми крыльями; каждая изъ нихъ была около трехъ сажень высоты. Надъ головами этихъ фигуръ былъ сводъ. Поднявшись, вѣроятно при посредствѣ лѣстницы, на поверхность нижней террасы, посѣтитель встрѣчалъ другое подобное же крыльцо, открывающее входъ въ пропелец, ведущія внутрь нижней террасы. Это крыльцо было шириною около 13 сажень и около четырехъ сажень глубины. Тѣ же фигуры исподивскихъ быковъ украшали и этотъ входъ. Строенія находившіяся на нижней террасѣ были просты по материалу и не массивны по объему, по всей вѣроятности это

были помѣщенія для военной стражи охранявшей дворець и для другихъ службъ. Входъ изъ нижней террасы на верхнюю былъ не на самой срединѣ той стороны, какою она примыкала къ нижней, а нѣсколько правѣе для входящаго снизу вверхъ освѣтителя. Здѣсь онъ встрѣчалъ такое же крыльцо какъ и при входѣ на первую террасу, только въ меньшемъ размѣрѣ, и лѣвѣнцу поднимавшуюся на высоту не болѣе $1\frac{1}{2}$ сажени подъ нижней террасой. Посредствомъ ея былъ входъ на площадь верхней террасы и находилась внутри большаго двора длиною въ 35 сажень, а шириною въ 20; вступивъ во дворъ, освѣтитель имѣлъ сперва барьеръ, составлявшій продолженіе каменной обшивки насыпи, а слѣва и напротивъ: фасады зданія составлявшія собственно дворець. Направляясь къ большой двери находящагося противъ него фасада зданія, помѣщенной въ самой его срединѣ, онъ оставалъ лѣво отъ себя во всю длину двора фасадъ съ такими же воротами, какъ и при входѣ въ пропилей нижней террасы, но только величественнѣе, такъ какъ онѣ были тройныя; среднее крыльцо было такое же массивное какъ и на нижней террасѣ, а два по бокамъ его были меньшаго размѣра, украшенныя также крылатыми быками меньшаго размѣра. Остальная часть фасада была покрыта гилсовыми досками въ $1\frac{1}{2}$ сажени высоты и болѣе 1 сажени ширины, на которыхъ вырѣзаны были барельефы представляющіе во весь ростъ царя и его слугъ; на каждой доскѣ помѣщены по двѣ фигуры. Двери на этой сторонѣ вели въ апартаменты, которые менѣе всего возстановлены расколками, но судя по ихъ характеру и расположенію, составляли частныя комнаты или гаремъ царя, куда доступъ постороннимъ лицамъ не дозволялся.

Оставляя, какъ мы говорили, въ сторонѣ этотъ фасадъ, освѣтитель направлялся къ другому, находившемуся прямо противъ того входа, посредствомъ котораго онъ вошелъ на дворъ. Посреди этого фасада былъ единственный входъ, и притомъ меньшаго размѣра чѣмъ на лѣвой сторонѣ. Пройдя ворота, стороны которыхъ представляли стѣны зданія тоащною въ двѣ сажени и одинъ аршинъ, освѣтитель входилъ въ длинный корридоръ, 10 саж. длины и $1\frac{1}{2}$ саж. ширины. Стѣны его были покрыты съ обѣихъ сторонъ также гилсовыми дощечками, но меньшей величины, расположенными въ два ряда, одинъ надъ другимъ; промежуточное же

между ними пространство, въ 12 вершковъ, было занято каменнообразными знаками, состоящими изъ тринадцати строкъ. Входя въ эту галерею, посѣтитель обращался на лѣвую сторону, и здѣсь онъ могъ читать начало великой надписи между барельефами и, обошедъ кругомъ залу около той двери съ правой стороны чрезъ которую онъ вошелъ, заканчивалъ чтеніе. Текстъ этой надписи, повторяясь во многихъ другихъ залахъ, представляетъ всѣ главнѣйшія событія царствованія Саргона, но не въ хронологическомъ порядкѣ, а въ общемъ обзорѣ. Этотъ текстъ сохранился въ этой залѣ въ мало поврежденномъ видѣ и представляетъ лучшій изъ всѣхъ текстовъ надписей Саргона. При этомъ мы должны доложить что посѣтитель, на всѣхъ крылатыхъ быкахъ между ихъ ногами, равно какъ на косякахъ и литахъ на полу воротъ, встрѣчалъ также тексты одной и той же короткой надписи, объемъ которой мѣняется судя по пространству для нея отводимому. Въ разсматриваемой нами залѣ, какъ и во всѣхъ другихъ гдѣ находятся надписи, барельефы изображаютъ художественную иллюстрацію содержанія надписей: они представляютъ событія изъ походной жизни царя, бѣгащаго на колесницѣхъ среди сраженія, принимающаго дары отъ любящихъ народовъ, наказывающаго виновныхъ и т. п. Часто изображаются самыя битвы, осада и штурмъ городовъ, военные переходы, равно какъ сцены изъ мирной жизни царя и другихъ лицъ, приемы посѣтителей, пиршества и т. п. Пройдя залу X (по плану Ботты) или, какъ мы ее называли, галерею, посѣтитель встрѣчалъ на противоположномъ концѣ дверь (по бокамъ вѣтъ дверей), чрезъ которую онъ входилъ на другой, внутренній дворъ, по ширинѣ одинаковый съ предшествующимъ, но длиною всего около 20 сажень. Съ двухъ сторонъ, съ той которая находилась прямо противъ него и по правую его сторону, дворъ этотъ ограничивался барьеромъ насыпи и составлялъ обращенный на сѣверъ уголъ верхней террасы, по правую же сторону и позади себя онъ имѣлъ фасады зданія дворца. Обращаясь по правую сторону къ стоящему позади его фасаду, онъ находилъ единственную дверь въ двѣ почти одинаковыя по размѣру и расположенныя другъ другу параллельно, но перпендикулярно къ вышерассмотрѣнной галерей, залы. Эти залы стояли отдѣльно отъ остальныхъ апартаментовъ дворца и не имѣли съ ними другаго сообщенія, какъ только чрезъ

дверь. Предполагаютъ что она была предназначена для офицеровъ гвардіи, охранявшей дворецъ царя. Она была также украшена барельефами и надписями, но тѣ и другія сохранились въ весьма жалкомъ состояніи. Текстъ надписи здѣсь другой чѣмъ въ X залѣ: онъ представляетъ событія царствованія Саргона въ хронологическомъ порядкѣ, но къ сожалѣнію въ этой и многихъ другихъ залахъ надписи настолько повреждены что возстановить ихъ въ полномъ видѣ невозможно. Тѣмъ не менѣе возстановленная по случеію текстовъ многихъ залъ, эта надпись представляетъ полную исторію царствованія Саргона, расположенную въ хронологическомъ порядкѣ, по годамъ его царствованія, и дополненная подробностями вышеописаннаго другаго текста, она даетъ возможность воспроизвести всѣ событія царствованія Саргона по годамъ.

Выхода тою же дверью изъ вышеописанныхъ залъ, посетитель обращался къ лѣвой сторонѣ двора, который представлялъ фасадъ главнаго зданія террасы въ которомъ находились одинадцать разной величины залъ, составлявшихъ ларядные апартаменты монарха, въ которыхъ онъ дѣлалъ свои торжественные приемы. Въ это отдѣленіе вели изъ указаннаго фасада три входа, одинъ посрединѣ, большой и два по бокамъ, малые. Большая часть этихъ залъ представляется большими галереями, которыхъ длина въ четыре или пять разъ болѣе ширины. Въ расположеніи этихъ залъ, какъ и вообще всѣхъ архитектурныхъ построекъ Ассирійцевъ, господствуютъ исключительно прямыя и параллельныя линіи, равно какъ только прямыя углы. Кривыхъ и овальныхъ линій нѣтъ. Въ этомъ отношеніи всѣ залы одного зданія отвѣчаютъ одна другой, равно какъ различныя зданія, расположенныя на той же насыпи другъ другу, а всѣ они вмѣстѣ вполнѣ соответствуютъ линіямъ и угламъ самой террасы. Этотъ параллелизмъ это одвообразіе, были характеристическою особенностію ассирійской архитектуры и никогда не нарушалось. Помимо этого, во всемъ остальномъ, въ расположеніи отдѣльныхъ частей дворца представлялось мало гармоніи: одна комната не соответствовала другой по ширинѣ и длинѣ, дверь не всегда приходилась по срединѣ стѣны, а если и была посрединѣ, то на противоположной сторонѣ рѣдко ей соответствовала другая дверь; вообще въ ассирійскихъ дворцахъ очень много дверей и онѣ расположены такъ что весьма трудно сказать

чѣмъ обусловливалось ихъ обиліе и неправильное расположеніе.

Описываемое нами зданіе, составляющее главную часть дворца Саргона, представляетъ сторону неправильнаго четырехугольника, стороны котораго заключаютъ, каждая, приблизительно отъ 25 до 35 сажень. Всѣ залы различной величины и безъ сомнѣнія имѣли различное назначеніе: самая большая изъ нихъ заключаетъ 18 саж. длины и 4 саж. и 3 фута ширины, а самая малая 12 саж. длины и 3 саж. ширины. Входя въ это зданіе со стороны описаннаго нами выше дворца, можно было пройти его навсвободу посредствомъ четырехъ лежащихъ одна противъ другой дверей, образуемыхъ тремя параллельно расположенными залами, и выйти на третій дворъ. По бокамъ этихъ трехъ большихъ залъ отмѣченныхъ въ планѣ Ботты VIII, V и II, находятся остальные помѣщенія, описать расположеніе которыхъ въ подробности очень трудно, о нихъ можно составить себѣ понятіе только по плану. Всѣ эти залы декорированы барельефами въ родѣ описанныхъ выше и покрыты надписями, заключающими какой-либо одинъ изъ двухъ вышеупомянутыхъ текстовъ. Изъ этихъ залъ особеннаго вниманія заслуживаетъ зала II, такъ какъ она хотя далеко не въ совершенномъ видѣ, однако лучше чѣмъ другія сохранила текстъ надписи представляющей хронологическій перечень дѣяній царя.

Дворъ, по числу третій, на который вступалъ посѣтитель пройдя сквозь главные аппартаменты царя, былъ квадратный, каждая сторона его равнялась 27 саженьямъ. Онъ былъ открытъ только съ одной стороны, именно съ юго-западной, на трехъ же другихъ посѣтитель встрѣчалъ фасадъ зданія. Но зданія, обращенныя какъ къ лицу посѣтителя, такъ и направо отъ него, или плохо уцѣлѣли, или не вполнѣ раскопаны. Мы ограничимся только самою общеою ихъ характеристикой. Прямо противъ дверей, изъ которыхъ выходилъ посѣтитель изъ залъ царя, на противоположной сторонѣ двора лежало совершенно изолированное зданіе, фасадъ котораго уцѣлѣлъ. Не безъ основанія предполагаютъ что это зданіе было храмъ, отчего и самый дворъ, на который онъ выходитъ, называютъ обыкновенно *храмовымъ*. Вообще о храмахъ ассирійскихъ царей мы должны сказать что они совершенно ступшеваются предъ дворцами, строеніе которыхъ составляло особенную заботу ассирійскихъ монарховъ. Въ этомъ отношеніи Ассирійцы

представляютъ совершенную противоположность Египтянамъ, которые болѣе заботились о великолѣпнн храмовъ чѣмъ дворцовъ. Сравнительно съ дворцами, ассирійскіе храмы представляются и меньшими по объему, и болѣе скромными по отѣлкѣ. Впрочемъ что касается до разсматриваемаго строенія Саргона, то мы можемъ только предположить что оно было храмъ, по его изолированности отъ прочихъ зданій и по нѣкоторымъ особенностямъ архитектуры, какъ напримѣръ, по лѣвстицѣ которая вела въ это зданіе со стороны двора, равно какъ по особенному фундаменту который также возвышался надъ поверхностію террасы.

Отъ остальныхъ зданій которыя были расположены на третьей сторонѣ двора, называемаго храмовымъ, остались только два фасада: одинъ выходящій на этотъ храмовой дворъ, а другой позади его на достаточномъ разстояніи. Какое было назначеніе перваго фасада, трудно сказать; вѣроятно это были помѣщенія для жрецовъ, судя по близости ихъ ко храму; что же касается послѣдняго фасада, то онъ выходилъ на новый, четвертый по числу дворъ, который вѣроятно былъ квадратнымъ (удѣлавъ только три стороны), называется дворомъ гарема. По всей вѣроятности, комнаты въ которыя открывался ходъ съ этого двора вели въ гаремъ царя или въ частныя его апартаменты, но къ сожалѣнію эта часть дворца Саргона осталась нераскопанною и неразслѣдованною. По всей вѣроятности, посѣтитель провикшій въ эти комнаты могъ по сѣверовосточному направленію пройти на тотъ первый дворъ, откуда онъ началъ свой обходъ и гдѣ онъ видѣлъ на лѣвой сторонѣ три большіе входа въ гаремъ.

Мы сочли необходимымъ представить этотъ краткій обзоръ дворца Саргона, потому что архитектура Ассирійцевъ есть одна изъ тѣхъ отраслей искусства которыя получили у нихъ самостоятельное развитіе и нѣкоторую степенъ высоты. При этомъ дворецъ Саргона лучше чѣмъ какое-либо изъ другихъ оставшихся послѣ нихъ зданій даетъ возможность ориентироваться въ этой области. Правда, здѣсь многое остается необъяснимымъ, въ особенности вопросъ о кровлѣ зданій и о способѣ ихъ освѣщенія, такъ какъ всѣ стѣны безъ оконъ; данныхъ для рѣшенія этихъ вопросовъ нѣтъ, и существуетъ лишь много разныхъ на этотъ счетъ предположеній. Но не въ архитектурѣ главнымъ образомъ проявилось художественное творчество Ассирійцевъ, а

въ ихъ скульптурѣ, многочисленныя памятники которой сохранились въ барельефахъ, изображенныхъ на гипсовыхъ доскахъ, которыя составляли обшивку залъ дворца. Эта отрасль искусства рѣшительно преобладала у нихъ надъ всѣми другими и получила самый своеобразный характеръ. Можно судить о распространенности этого искусства уже по множеству оставшихся барельефовъ; но если представить себѣ что дворцы ассирійскихъ монарховъ вмѣщали множество комнатъ, что безъ сомнѣнiя во дворцѣ Саргона этихъ комнатъ было около пятидесяти, то число барельефовъ и сюжетовъ, на нихъ изображенныхъ, будетъ громадно. Впрочемъ барельефы Саргона еще не даютъ намъ понятiя о той высокой степенѣ до которой достигла скульптура у Ассирiйцевъ, она находилась при немъ еще въ периодѣ развитiя, который можно назвать среднимъ, до высшей же своей степенѣ она достигла при Ассурбанипалѣ. Но скульптура Саргона чужда пристрастiя къ колоссальности и возвысилась надъ неуклюжестью въ изображенiи фигуръ, какаа преобладала въ предшествующемъ периодѣ; въ ея изображенiяхъ больше натуральности и простоты. Характеристическая особенность этого искусства у Ассирiйцевъ проявилась въ барельефахъ Саргона во всей своей силѣ, это его стремленiе къ натуральности, къ фотографической точности деталей и къ энергiи живою дѣйствительности. Она не имѣетъ претензiи идеализовать дѣйствительность, какъ искусство египетское, представлять фигуры отрѣшенными отъ индивидуальныхъ чертъ, съ отпечаткомъ однѣхъ общихъ и идеальныхъ; но она стремится возстановить всю правду жизни, не упускаетъ никакой мелочи, которая придаетъ жизнь и индивидуальность фигурѣ. При изображенiи человѣческихъ фигуръ не упущенъ ни одинъ узоръ и ни одна складка платья, ни одна малѣйшая особенность его покроя, ни одинъ локонъ головы или бороды, ни одинъ мускулъ тѣла сколько-нибудь выдающiйся. Въ фигурахъ лошадей, кромѣ всѣхъ особенностей ихъ поступи и осанки во время ѣзды, обращено вниманiе на всѣ мелочи ихъ упряжи и вооруженiя. Для большей натуральности фигуры на барельефахъ были окрашены разнообразными и весьма искусно приготовленными красками, слѣды которыхъ сохранились до сего времени. Изъ всѣхъ фигуръ на барельефахъ Саргона, въ особенности выдѣляется его собственная фигура въ разнообразныхъ положенiяхъ, вездѣ со всѣми

принадлежностями царскаго убранства, но всегда важна и величавая. То онъ ѣдетъ на походной колесницѣ, лошади несутъ его во всю мочь, впереди лежатъ прострѣленные его стрѣлами трупы непріятелей, а самъ онъ стоитъ съ натянутымъ лукомъ и намѣченной стрѣлой; то онъ стоитъ въ своемъ дворцѣ, съ жезломъ въ рукахъ, окруженный свитой и выслушиваетъ доносенія своихъ визирей и полководцевъ*; то онъ стоитъ предъ поверженными къ ногамъ лѣвивыми, съ кольцомъ въ рукѣ, и готовится наказать ихъ. Вездѣ его лицо сохраняетъ свои выразительныя черты, полное спокойствіе и достоинство. Вообще всѣ произведенія ассирійской скульптуры, въ томъ числѣ и барельефы Саргона, дышатъ правдой и этимъ самымъ производятъ сильное впечатлѣніе на зрителя. По справедливости можно сказать что ихъ скульптура даетъ матеріалъ для историческаго изслѣдователя едва ли меньшій чѣмъ оставленные ими лѣтописи.

М. НИКОЛЬСКІЙ.

* См. рисунокъ въ началѣ статьи.

ПОБѢДА ЯКОБИНЦЕВЪ

НОВЫЙ ТОМЪ ТЕНА О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Les origines de la France contemporaine. La Révolution T. II: La conquête jacobine par Taine. Paris. 1881.

Новый томъ извѣстнаго сочиненія Тена объ исторіи первой французской революціи озаглавленъ: *La conquête jacobine*. Нельзя было придумать заглавія болѣе удачнаго. Дѣйствительно, мы видимъ что страна имѣвшая за собой славное прошлое, достигшая высокой степени цивилизаціи и въ теченіе долгаго ряда вѣковъ имѣвшая вліяніе на судьбы Европы, сдѣлалась вдругъ добычей малочисленной и грубой, какъ по своему невѣжеству такъ и по своимъ инстинктамъ партіи, которая въ буквальному смыслу слова завоевала ее. Если бы въ 1789 году вздумали предсказывать подобное чудо, то никто не повѣрилъ бы этому, и однако прошло не болѣе трехъ лѣтъ и чудо совершилось. Огромная заслуга Тена состоитъ въ томъ что онъ наглядно, опираясь на массу въ высшей степени убѣдительныхъ фактовъ, объясняетъ намъ какъ могло произойти такое превращеніе. Разгадку его нужно искать, конечно, въ тѣхъ особыхъ условіяхъ въ которыхъ находилась Франція, но несомнѣнно что тутъ много поучительнаго не для одной только этой страны.

Прежде всего авторъ изображаетъ типъ якобинца. Это люди не знающіе жизни и не желающіе знать ее, люди, вся мудрость коихъ заключается въ нѣсколькихъ смутныхъ и плохо усвоенныхъ ими теоріяхъ, люди по большей части ожесточенные вслѣдствіе разныхъ неудачъ и твердо увѣренные въ своей непогрѣшимости. Такихъ бывало не мало всегда и вездѣ. „И теперь, какъ прежде, говоритъ Тень, въ мансардахъ студентовъ, въ меблированныхъ комнатахъ богемы, въ пустыхъ кабинетахъ врачей безъ пациентовъ и адвокатовъ безъ дѣлъ не мало Бриссо, Дантовоу, Маратовъ, Робеспьеровъ въ зародышѣ, но они не выдулаются по недостатку воздуха и мѣста на солнцѣ. Когда въ двадцать лѣтъ молодой человѣкъ вступаетъ въ свѣтъ, онъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ и въ своемъ разумѣ, и въ своей гордости. Во-первыхъ, общество охватывающее его, каково бы оно ни было, всегда есть въ нѣкоторомъ родѣ скандалъ для отвлеченнаго разума: оно не организовано законодателемъ-философомъ по какому-либо простому началу, его устроили послѣдовательныя поколѣнія для своихъ многообразныхъ и измѣняющихся нуждъ. Оно дѣло исторіи, а не логики. И мыслитель-новичекъ пожимаетъ плечами на старое зданіе... Во-вторыхъ, какъ бы ни были хороши учрежденія, законы права, онъ не давалъ на нихъ согласія; другіе, его предшественники, сдѣлали выборъ за него и заключили его въ ту нравственную, политическую и общественную форму какая имъ была по праву...“ вотъ мечтатель начинаетъ помышлять о томъ чтобы сверху до низу перевернуть весь общественный строй. Ему и не приходится въ голову сомнѣваться въ благихъ послѣдствіяхъ подобнаго эксперимента. Для этого онъ слѣпкомъ увѣренъ въ самомъ себѣ. То что онъ называетъ своими принципами, имѣетъ для него значеніе аксіомы политической геометріи. Человѣкъ вообще, права человѣка, общественный договоръ, разумъ, природа, народъ, тирани, свобода, равенство: вотъ его элементарныя идеи, точныя или нѣтъ, онѣ надломятъ его мозгъ, часто оставаясь только звонкими неопредѣленными фразами. Не бѣда! Какъ только засѣлъ онъ въ его головѣ, онъ для него аксіома которую онъ предлагаетъ тотчасъ, цѣлкомъ во всякомъ случаѣ, не смотря ни на что. О живыхъ людяхъ нѣтъ заботы. Онъ ихъ не видитъ и не имѣетъ надобности видѣть. Съ зажмуренными глазами онъ старается втиснуть въ извѣстную форму человѣческой матеріалъ. Предъ нимъ не живые люди съ ихъ

вѣрованіями, потребностями, понятіями, привычками, нравами, а какія-то лишеныя всякой опредѣленной физиономіи существа, которыя какъ убѣжденъ онъ легко подчиняются всему что изобрѣла для нихъ его фантазія. „Просмотрите, замѣчаютъ Тенъ, подлинные документы политическаго его мышленія: журналъ клуба *Amis de la constitution*, газеты Лустало, Камилла Демулена, Бриссо, Ковдорсе, Фрерона и Марата, брошюры и рѣчи Робеспьера и Свезъ-Жюста, отчеты о преніяхъ Конвента, адреса и докладныя записки жирондистовъ и монтаньяровъ, или же для сбереженія времени, ознакомьтесь съ компиляціей изъ всего этого Бюше и Ру: никогда еще не болтали такъ много чтобы не сказать ровно ничего васъ утомить лоразительная монотонность этихъ звукубрацій; историкъ дорожащій точными, опредѣленными свѣдѣніями тщетно искалъ бы лица для себя въ этомъ безбрежномъ морѣ пустословія; съ трудомъ встрѣтитъ онъ въ дѣломъ радѣ томовъ какой-либо фактъ, какую-либо подробность, документъ, который вызоветъ предъ вами индивидуальную физиономію, познакомитъ его съ дѣйствительнымъ настроеніемъ дворянина или крестьянина, дастъ ему вѣрное понятіе о томъ что происходило въ стѣнахъ городской ратуши или казармы. Если хотите имѣть свѣдѣнія объ этомъ, то обращайтесь къ корреспонденціямъ мѣстныхъ администрацій, къ судебнымъ протоколамъ, къ доносеніямъ полицейскихъ агентовъ, къ запискамъ иностранцевъ и вообще всѣхъ тѣхъ лицъ которыя не обольщаясь шумихой словъ способны были проникать въ сущность дѣла и смотрѣли на Францію не черезъ призму теорій *Contrat social*... Въ глазахъ якобинца всѣ люди совершенно одинаковы, отличаются однѣми и тѣми же наклонностями и готовы когда угодно заключать между собою новые контракты для своего общежитія; предъ ними не Французы съ плотью и кровью, которые встрѣчаются въ селахъ и на городскихъ улицахъ, а люди вообще, какими они должны выходить изъ рукъ природы или какими создаетъ ихъ разумъ...“

„Если государственныи человѣкъ, говоритъ Тенъ, встрѣчаетъ на своемъ пути какой-нибудь отвлекаемый принципъ въ родѣ верховенства народа, онъ прежде всего представитъ его себѣ осуществляемымъ въ условіяхъ дѣйствительности, и только пріобрѣта убѣжденіе въ полной исполнимости опыта, рѣшатся приступить къ нему медленно и осторожно, готовый измѣнить, поправить, ослабить его и даже отказаться

отъ него по указаніямъ практики. Другое дѣло якобинцевъ. Онъ не понимаетъ и не признаетъ необходимости дѣлать справки, сообразоваться съ прежними примѣрами, собирать статистическія данныя, предугадывать ближайшія и дальнѣйшія послѣдствія своихъ предначертаній, заботиться о томъ какъ отразятся они на интересахъ, привычкахъ, даже на страстяхъ развитыхъ классовъ общества. Все это считаетъ онъ устарѣлымъ, излишнимъ и безсмысленнымъ; онъ сразу знаетъ какое нужно установить хорошее правительство и какіе должны быть хорошіе законы. И логично: если надо долго ломать голову надъ тѣмъ что можетъ быть пригодно для двадцати шести милліоновъ живыхъ Французовъ, то достаточно одного взгляда чтобы догадаться чего желаютъ абстрактные люди какими они представляются въ теоріи. "Верховная власть народа, вотъ основной принципъ якобинца, но очевидно что народъ можетъ пользоваться этою властью только для установленія такого порядка вещей который придуманъ якобинскою теоріей. Если поэтому въ тѣхъ или другихъ классахъ общества обнаруживается противодѣйствіе ей, то недовольные не принадлежатъ народу, являются какими-то вырожденками, противъ которыхъ слѣдуетъ принимать самыя суровыя мѣры. „До сихъ поръ, продолжаемъ говорить словами Тева, считалось тяжкимъ преступленіемъ оскорбленіе величества королевской власти; съ точки зрѣнія якобинца къ еще болѣе тяжкимъ нужно отнести оскорбленіе величества власти народной, а преступленіе это совершается дѣломъ, словомъ и даже помышленіемъ когда дерзаютъ осларивать что въ раслораженіяхъ и дѣйствіяхъ революціонной партіи, захватившей власть въ свои руки, выражается воля всего народа. Такимъ образомъ догмать, провозглашающій верховенство народа, пораждаетъ въ дѣйствительности диктатуру немногочисленной клики и ведетъ къ проскрипціи всѣхъ другихъ. Если не принадлежишь къ сектѣ, то стоишь внѣ закона. Настоящій законный монархъ, неогрѣшимый папа, это мы, пять или шесть тысячъ парижскихъ якобинцевъ, и горе строптивымъ и непокорнымъ, горе духовенству, дворянству, негодяйкамъ, богатымъ, индифферентнымъ, которые упорствомъ своей оппозиціи или даже сомнительностью своей покорности думаютъ осларивать наше непреложное право!"

Въ обществѣ прочно организованномъ и при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, явленіе на которое указано выше

не представляет особенной опасности. „Большинство молодых людей, говорит Тень, особенно изъ тѣхъ кому предстоитъ самому проложить себѣ путь, сойдя со школьной скамьи бываютъ болѣе или менѣе якобинцами. Это болѣзнь роста, и она скоро исцѣляется. Пройдетъ лѣтъ десять, и молодой человѣкъ занимаетъ свое мѣсто въ ряду и подвигается шагъ за шагомъ въ своей кляткѣ, изъ которой не стремится выбиться, подъ глазомъ полицейскаго сержанта, котораго не думаетъ болѣе проклинать.“ Но не такъ бываетъ во времена смутныя, при возникающемъ въ обществѣ броженіи умовъ. Якобинцы, у которыхъ есть готовый лавъ радикальнаго пересозданія общества, проникнуты мыслью что не представляется никакихъ затрудненій вылолвить его:— для этого стоить лишь захватить власть въ свои руки. Главныя ихъ успія направлены вслѣдствіе того противъ законнаго правительства. Они проповѣдуютъ теорію что „правительство есть менѣе чѣмъ прикащикъ: оно слуга. Мы его поставили и послѣ, какъ и прежде поставленія, остаемся его господами. Мы ничѣмъ относительно его не связаны и свободны измѣнить его, ограничить, отнять у него власть.“ Подъ словомъ „мы“ подразумѣвается народъ, а подъ словомъ „народъ“ всѣ тѣ которые подъ руководствомъ своихъ вожаковъ готовы въ извѣстную минуту взяться за оружіе и произвести мятежъ. Сохрани Богъ, если правительство вздумаетъ обуздывать такого рода попытки: въ такомъ случаѣ оно посягаетъ на самыя священныя права „народа“. Словомъ, постепенное ослабленіе, а затѣмъ и совершенная отиѣла законной верховной власти, вотъ первоначальная цѣль якобинской партіи. Повторяемъ, въ обыкновенное время подобный горячечный бредъ вызываетъ лишь презрительную улыбку, но совсѣмъ не то когда большинство образованнаго общества проникается мыслью будто бы правительство главная причина всѣхъ удручающихъ его неудачъ и бѣдствій. Именно таково было настроеніе Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. Люди, не имѣвшіе повидимому ничего общаго съ революціонерами, были убѣждены что необходимо прежде всего ослабить королевскую власть, что затѣмъ, не встрѣчая помѣхи съ ея стороны, будетъ уже не трудно пересоздать политическій и общественный строй на основаніи разныхъ обольстительныхъ теорій и что такимъ образомъ въ короткое время страна достигнетъ рѣдкаго благополучія. Со всѣхъ

сторонѣ самшаались требованія созвать представителей народа; правительство было настолько безразсудно что уступило этому потоку; на первый планъ выступило національное собраніе которое, за исключеніемъ незначительнаго меньшинства, было озабочено тревожными опасеніями какъ бы верховная власть не посягнула на его права, какъ бы она не образумилась и не вспомнила о высокомъ своемъ призваніи: отсюда ревностныя старанія ограничить ея прерогативы, лишить ее всякой дѣйствительной силы и значенія, и эта задача была выполнена какъ нельзя болѣе успѣшно. Но по мѣрѣ того какъ падалъ авторитетъ власти, революціонный пожаръ все болѣе охватывалъ Францію. Партія якобинцевъ, явно стремившаяся къ полной и повсемѣстной анархіи, приступила къ систематическому ея завоеванію.

Какъ же могло это случиться? Еще не задало до того не самшаались ли со всѣхъ сторонѣ возгласы что общество получивъ широкія политическія права сумѣетъ водворить законный порядокъ, что оно легко справится съ отчаянными революціонерами, которые составляютъ въ странѣ лишь незначительное меньшинство. Дѣйствительно, ихъ было немного, а именно во всей Франціи съ ея двадцати шестимилліоннымъ народонаселеніемъ не болѣе 300.000, да и это число съ теченіемъ времени быстро уменьшалось. Отчего же борьба съ якобинцами оказалась не по силамъ обществу? „Это потому, говоритъ Тевъ, что какъ отъ нашествія вѣнскихъ враговъ, такъ и отъ всякой узурпаціи внутри, общество можетъ быть защищено только своимъ правительствомъ, которое является необходимымъ орудіемъ общаго дѣйствія. Если его вѣтъ, или если оно находится въ такихъ условіяхъ что не можетъ исполнить свое призваніе, то большинство занятое обычными своими дѣлами, всегда робкое или нерѣшительное, превращается въ лынь.“ Къ тому же развѣ еще задало до 1789 года не старались внушить обществу непродолаемое отвращеніе ко всякому сильному проявленію власти, развѣ не воспитывали его въ самыхъ превратныхъ и чудовищныхъ помятіяхъ? „Подъ конецъ XVIII вѣка, говоритъ Тевъ, сознаніе того что такое государство, совершенно извратилось у однихъ подъ вліяніемъ фальшивой гуманности, выведенной въ догмъ, у другихъ вслѣдствіе нежеланія поклоняться возведеннаго въ право. Повсюду чиновники и судьи забывали что огражденіе общества и цивилизаціи

составляетъ неизмѣримо болѣе драгоцѣнное благо чѣмъ жизнь нѣсколькихъ злоумышленниковъ и сумасбродовъ, что правительство прежде всего обязано охранять порядокъ опираясь на силу, что всякое колебаніе въ этомъ отношеніи преступно, что жандармъ не филантропъ, что когда нападаютъ на него онъ обязанъ дѣйствовать саблей, и что онъ высовеетъ въ измѣнѣ если ретируется предъ нападающими изъ боязни какъ-нибудь оцаралать ихъ.“ Событія 1789 года были естественнымъ послѣдствіемъ этого овладѣвшаго всѣми настроенія, и теперь когда оно уже принесло плоды, когда верховная власть если не рушилась еще окончательно, то была лишь жалкимъ подобіемъ того чѣмъ она должна быть на самомъ дѣлѣ, не странно ли было бы ожидать что общество, лишенное руководства, восторжествуетъ надъ анархическими элементами?

Что касается якобинцевъ, то они имѣли важныя преимущества на своей сторонѣ. Правда, они не могли похвалиться своею численностью, но сила не измѣряется лишь числомъ: по справедливому замѣчанію Тена, они представляли собой банду, а банда дерзкая, отчаянная, ни предъ чѣмъ не останавливающаяся, пробивается впередъ среди дезорганизованной толпы такъ же легко какъ острый гвоздь входитъ въ штукатурку. Другіе смущались, не знали что предпринять, куда идти, якобинцами же владало лихорадочное изступленіе, побуждавшее ихъ не останавливаться рѣшительно не предъ чѣмъ. Взгляните, говоритъ нашъ авторъ, на самаго обыкновеннаго изъ праверженцевъ этой партіи: на прокурора, мелкаго адвоката, лавочника, рабочаго, и сообразите, если можете, какое удивительное впечатлѣніе должна производить доктрина на эту голову, столь мало подготовленную, столь ограниченную, столь не соотвѣтствующую идеямъ овладѣвшимъ ею. Любой изъ нихъ создастъ для скромныхъ, рутинныхъ занятій своего званія и вдругъ онъ логачетъ цѣлымъ рядомъ философскихъ вопросовъ: теорія природы и человѣка, теорія религіи и общества, теорія всемірной исторіи, заключенія о прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ судьбахъ челоуѣчества, все это разомъ западаетъ въ его мозгъ и концентрируется въ нѣсколькихъ, какъ ему кажется, не допускающихъ возраженія формулахъ, напримѣръ: религія есть не что иное какъ суевѣріе; всѣ духовныя лица—обманщики; всѣ аристократы—вампиры; всѣ короли—тараны и чудовища и т. д. Онъ уже не въ состояніи справиться съ поработившими его идеями;

онъ уноситъ его какъ неудержимый потокъ; онъ не владеетъ собой, онъ говоритъ и дѣйствуетъ какъ изступленный. „Я схвачу, восклицаетъ якобинскій ораторъ въ одномъ изъ участковъ Парижа, за волосы свою голову, отрубая ее и подавая эту окровавленную голову деслоту, восклицая: тиранинъ, вотъ подвигъ истинно свободнаго человѣка“. Слушатели рукоплещутъ. Позднѣе, при Наполеонѣ I, обозрѣвая революціонную свою дѣятельность, одинъ изъ якобинцевъ говорилъ: „обыкновенно лихорадочный пароксизмъ мучить человѣка сутки, а у меня продолжался онъ непрерывно цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ“. Очевидно что эти люди, отуманенные революціонными своими теоріями, находились въ состояніи сумасшествія, а цѣлство какою громадною силою обладаетъ сумасшедшій человѣкъ; на улицѣ всѣ прохожіе съ ужасомъ сторонятся отъ него какъ отъ бѣшенаго животнаго. Да и нельзя не сторониться, ибо якобинецъ не только болѣзненно возбужденъ, но для него всѣ средства хороши: совѣсть его не останавливается рѣшительно ни предъ чѣмъ. Для другихъ гражданъ, какою бы запальчивостію ни отличались ихъ убѣжденія, все-таки есть известная черта, чрезъ которую они устроятся перейти; для якобинца этой черты не существуетъ. „Пусть лучше погибнуть коломъ чѣмъ принципъ“, восклицалъ одинъ изъ нихъ. „Мы превратимъ Францію въ кладбище, говорилъ Каррье, но не отступимъ отъ своего намѣренія преобразовать ее такъ, какъ нами задумано“.— „Какъ скоро приду я къ убѣженію, повторялъ Сень-Жюсть, что невозможно усвоить французскому народу нравы энергическіе, неумолимые относительно тиранинн и всякой несправедливости, то не задумаюсь воззить кинжалъ въ свою грудь“. И въ ожиданіи этого онъ преспокойно гильотинировалъ другихъ. „Чтобы овладѣть рулемъ, говорилъ Тень, якобинцы готовы ежеминутно потопить корабль. Съ самаго начала они прибѣгли къ борьбѣ съ обществомъ, къ мятежу на городскихъ улицахъ и къ рѣзвѣ въ селахъ, напустили на это общество разбойниковъ и проституттокъ, всякую погань и гадость; они не задумывались эксплуатировать самыя разрушительныя и грубыя страсти, ослѣпленіе, довѣрчивость, невѣжество толпы, побуждая ее къ грабежу, распространяя среди нея ложные слухи о заговорахъ, о вторженіи непріятеля. Захвативъ власть путемъ кроваваго переворота, они удерживаютъ ее за собой терроромъ и казнями. Непреклонная увѣренность въ своемъ

правъ и безграничное презрѣнiе къ правамъ другихъ, энергiя фанатиковъ и поступки злодѣевъ, вотъ что составляло силу якобинцевъ, а съ этою силой меньшинство можетъ работать большинство. Это до такой степени вѣрно что въ средѣ самой банды перевѣсъ оказывался всегда на сторонѣ той фракцiи которая отличалась наибольшимъ фанатизмомъ въ соединенiи съ наибольшою безсовѣстностью. Съ 1789 по 1794 годъ четыре раза политическiе игроки садились за столъ, на которомъ ставкою была верховная власть, и всѣ четыре раза сряду большинство, безпристрастные (*impartiaux*), фельяны, жирондисты, дактовасты, претерпѣвало поражение. Это потому что каждый разъ оно хотѣло придерживаться хотя какихъ-нибудь правилъ игры, не нарушать по крайней мѣрѣ самыхъ главныхъ изъ нихъ и всѣми признанныхъ; напротивъ меньшинство руководилось только одною мыслью, а именно что оно должно выиграть во что бы то ни стало; оно считало это своимъ правомъ; если правила противились этому, тѣмъ хуже для нихъ. Въ рѣшительную минуту оно приставляло пистолетъ ко лбу своего противника и опрокидывъ столъ, загребало ставку въ карманъ“.

По мѣрѣ того какъ правительство законное теряетъ авторитетъ, возникаютъ правительства самозванныя, сила которыхъ растетъ со дня на день. Сначала они не выстулаютъ наружу, но по истеченiи нѣкотораго времени ужъ открыто и съ несмысленною дерзостью распоряжаются судьбами страны. Главная задача ихъ состоитъ въ томъ чтобы не давать успокоиться обществу, поддерживать всюду смуты и броженiе, ибо это самый вѣрный для нихъ способъ не выпускать власти изъ своихъ рукъ. Въ 1791 году Парижскiй клубъ якобинцевъ обратился съ такого рода инструкцiей къ своимъ агентамъ: „ваша система должна состоять въ томъ чтобы даже послѣ того какъ утверждена конституцiя и обозначены границы дѣятельности разныхъ властей, поступать такъ, какъ будто въ странѣ все еще продолжается возстанiе, какъ будто вы облечены диктатурой, необходимою для спасенiя государства, какъ будто вы единственные законные предстатели власти“. Напрасно невиданные люди утѣшали себя мыслью что собранiе представителей народа сумѣетъ обуздать анархическiе элементы: это было бы лодъ силу только энергическому, утѣренному въ себѣ правительству, но правительство вслѣдствiе непрерывныхъ

нападокъ, которымъ подвергалось оно со всѣхъ сторонъ, давно ужь утратило всякую энергію. Не встрѣчая въ немъ опоры, благонамѣренные граждане сторонились отъ общественной дѣятельности, замыкались въ частную жизнь; помѣщики толпами переселялись въ города, полагая что это болѣе безопасное мѣсто; число эмигрантовъ возрастало съ каждымъ днемъ. Если возвышался мужественный и честный голосъ противъ царившихъ безобразій, онъ тотчасъ же былъ заглушаемъ воплями газетъ и клубовъ. Радикальная партія считала только себя единственною и истинною представительницею общественнаго мнѣнія; она изрыгала невѣроятныя клеветы противъ людей не хотѣвшихъ идти въ ея хвостъ и оспаривала право преслѣдовать ее за эти клеветы судомъ“. „Конечно, говоритъ Фреронъ въ своемъ *Orateur du peuple*, мы играемъ роль дощечиковъ, но дощечикъ не подлежитъ никакому трибуналу; онъ несетъ отвѣтственность только предъ народомъ за все то что считаетъ полезнымъ для его блага“. Адвокаты, рѣшавшіеся защищать честь поруганныхъ лицъ, должны были выслаивать увѣщанія такого рода: „благоразуміе было бы для васъ не упражняться въ краснорѣчіи, потому что это самый вѣрный шагъ къ висѣлицѣ“. Въ ноябрѣ 1790 года къ Малле-Дюлану, энергическому и талантливому издателю *Mercure de France*, лучшей газеты того времени, является депутація отъ такъ-называемыхъ „патріотическихъ обществъ“, заседавшихъ въ Пале-Рояль. Депутація требуетъ чтобъ онъ не дерзалъ изображать въ непривлекательномъ свѣтѣ то что происходило во Франціи, иначе будутъ приняты противъ него крайнія насильственныя мѣры (sans quoi on exerceait contre lui les dernières violences). Тщетно возражаетъ Малле-Дюланъ что дѣйствовать такимъ образомъ значитъ нарушать конституцію, уничтожать свободу печати. „Конституція, говорятъ ему, есть не что иное какъ выраженіе общей воли; законъ *право сильнаго*; сила на нашей сторонѣ потому что мы представляемъ собой народъ; противиться его желаніямъ значитъ возбуждать междоусобную войну“. Такимъ образомъ шайка увѣрила сама себя что облечена полномочіями ото всего народа, и если кто-нибудь оспариваетъ это, тому угрожаетъ она ножомъ.

Одно изъ огромныхъ достоинствъ книги Тена состоитъ въ томъ что нѣтъ въ ней ни одного положенія которое не было бы подтверждено множествомъ самыхъ убѣдительныхъ

фактовъ. Мы можемъ слѣдить шагъ за шагомъ какимъ образомъ громадное большинство общества постепенно обрекаетъ себя на роль лишь безучастныхъ и запуганныхъ зрителей тѣхъ ужасовъ которые совершаются на его глазахъ. А между тѣмъ это общество по своему образованію, по степени своего умственного развитія, не только не уступало, но едва ли не стояло выше всякаго другаго въ тогдашней Европѣ. Всѣ бѣдствія его объясняются тѣмъ что предоставляемое самому себѣ, оно не въ состояніи было бороться съ анархіей, для подавленія коей требовалась сильная власть. Взглянемъ, на выборы членовъ законодательнаго собранія доживавшаго замѣнить Конституанту. Масса гражданъ вовсе не участвуетъ въ нихъ; она знаетъ съ какими сопряжено это опасностями; есть впрочемъ не мало энергическихъ людей которые не хотятъ уступить побѣду якобинцамъ. Нужно имъ однако условиться относительно кандидатовъ, установить общую программу, и вотъ въ Парижѣ руководителемъ этого дѣла является графъ Клермонъ-Тоннеръ. Тотчасъ же распускаютъ о немъ слухъ будто бы онъ стоитъ во главѣ какой-то партіи, которая продаетъ народу отравленный хлѣбъ; разъяренная толпа цѣлые четыре дня сряду реветъ вокругъ его дома, разбиваетъ въ немъ окна, выламываетъ двери и предается грабежу. Графъ Клермонъ не улаз однако духомъ; онъ навязалъ гостиницу въ которой могли бы собираться люди его образа мыслей; содержателю ея говорятъ что если онъ дастъ помѣщеніе „гауснымъ аристократамъ“, то пусть не жалуются на послѣдствія, и содержатель слышитъ нарушить контрактъ. Въ Парижѣ подобныя насилія относительно приверженцевъ умеренной партіи возведены были въ систему; въ провинціи было еще хуже. Въ небольшомъ городкѣ Мортанѣ господствовалъ очень хорошій духъ. „Въ дворянствѣ, духовенствѣ, буржуазіи, говоритъ Тейъ, философское образованіе XVIII вѣка пробудило снова прежнюю провинціальную инициативу, и высшій классъ обнаружилъ готовность совершенно безвозмездно занимать выборныя должности въ мѣстномъ управленіи, относясь ко своимъ обязанностямъ съ примѣрною добросовѣстностью“. Но въ Мортанѣ возникъ якобинскій клубъ, которымъ руководилъ поваръ Раттье. Немедленно среди городской черни и среди крестьянъ распространяется слухъ будто въ Парижѣ существуетъ заговоръ съ цѣлью низвергнуть конституцію, будто все что есть сколько-

нибудь знатнаго въ Мортанѣ, участвуетъ въ этомъ заговорѣ и снабжаетъ руководителей его деньгами: разказываютъ даже съ мельчайшими подробностями сколько денегъ пожертвовала каждая семья и чрезъ кого онѣ отправлены въ столицу. Не долге ли „честныхъ“ гражданъ предотвратить недостойный замыселъ? Раттье и его сообщники предлагаютъ принять мѣры предосторожности, а именно обыскать дома дворянъ, духовенства и т. д., чтобы забрать все находящееся тамъ оружіе, и толпы народа въскольکو дней сразу занимаютъ обыскомъ, не оставляя въ локоѣ и загородные замки. Такимъ образомъ цѣль достигнута: высшій классъ обезоруженъ наканунѣ выборовъ и пусть теперь тягается онъ, если хочетъ, съ революціоннымъ сбродомъ. Мы привели только два примѣра, а въ книгѣ Тена помѣщены цѣлыя сотни ихъ. Удивительно ли что составъ законодательнаго собранія оказался таковъ какого могли желать лишь рыцарские лоборники авархіи и что оно менѣе всего представляло собой тогдашнюю Францію? „Прежняя палата, говоритъ одинъ изъ современниковъ, вмѣщала въ себѣ много талантовъ, много лицъ извѣстныхъ своею знатностью или богатствомъ; въ новой же палатѣ преобладаютъ главнымъ образомъ адвокаты, именно на 745 членовъ приходится 400 адвокатовъ весьма незавидной репутаціи, кромѣ того десятка три литераторовъ и журналистовъ: народъ все по большей части молодой и неимѣющій почти никакого состоянія“.

Въ Конституантѣ огромный перевѣсъ былъ на сторонѣ теоретиковъ, и мы знаемъ какого рода конституцію сочинили они для Франціи. Но теоретики законодательнаго собранія рѣзко отличались отъ нихъ. Якобинцы одержали тутъ первую побѣду на пути предпринятаго ими завоеванія страны. Прежніе представители народа увлекались планами которые были рѣшительно непримѣнимы ко французскому обществу, приемники ихъ мѣляли идеи служившія отрицаніемъ всякаго общества человеческого. Огромнымъ вліяніемъ пользовались такіе люди какъ Бриссо, который въ трактатѣ своемъ *Recherches philosophiques sur le droit de propriété* говоритъ: „если сорока эку достаточно чтобы поддержать наше существованіе, то обладать 200.000 эку, очевидное воровство, вопіющая несправедливость; частная собственность есть нарушеніе законовъ природы; у насъ строго наказывается воровство, тогда какъ это поступокъ вполнѣ благородный, условиваемый

естественнымъ ходомъ вещей“. Оттуда не лучше его былъ Ковдорсе, холодный фанатикъ, убѣжденный что математическій методъ какъ нельзя лучше примѣняется къ политической жизни, совершенно отуманенный своими абстрактными формулами. Трудно указать другаго челоѣка, говоритъ Темъ, который при обширной начитанности такъ мало зналъ бы людей, который добиваясь постоянно строгой научной точности, такъ легкомысленно извращалъ бы смыслъ самыхъ обыкновенныхъ фактовъ. Страшныя безобразія черни происходили предъ его глазами, а онъ безстрастно повторялъ: „сѣдя за образомъ дѣйствій народа можно подумать что онъ ежедневно по нѣскольку часовъ посвящаетъ изученію анализа“. Бриссо и Ковдорсе были еще выше другихъ; они были окружены такимъ персоналомъ что парламентъ, по выраженію Тена, превратился въ фабрику глупостей, школу сумасбродства, театръ безмысленной декламациі. Проекты законовъ, одинъ другаго чудяще, серьезно предлагались на обсужденіе палаты и встрѣчали ея сочувствіе, напрымѣръ, проектъ о томъ чтобы дѣвочкамъ, даже не достигшимъ совершеннолѣтія, было разрѣшено вступать въ бракъ безъ согласія ихъ родителей. И это на томъ основаніи что „молодая дѣвушка тринадцати или четырнадцати лѣтъ уже начинаетъ мечтать о брачныхъ узлахъ, что она борется со своими страстями и со своимъ долгомъ и если долгъ одерживаетъ въ этой борьбѣ побѣду, то становится мучившею; что весьма рѣдко можно восторжествовать надъ влеченіями природы, а скорѣе дѣвушка предпочитаетъ стыдъ паденія мукамъ борьбы...“ Въ обстоятельныхъ запискахъ къ проектамъ законовъ вмѣсто положительныхъ данныхъ, дѣльныхъ соображеній, преобладаетъ декламациа, ничего подобнаго коей не встрѣчалось ко-вечно ни въ какомъ собраніи міра. Рѣчь идетъ, напрымѣръ, объ изгнаніи изъ предѣловъ Франціи сорока тысячъ священниковъ. Докладчикъ, показывающій необходимость этой мѣры, прибѣгаетъ къ слѣдующей тирадѣ чтобы подѣйствовать на умъ своихъ слушателей: „Я видѣлъ что въ селахъ факелы гимея проливали лишь блѣдный свѣтъ или превращались въ свѣточа фурій, видѣлъ что отвратительные скелеты оувѣрія усаживались даже на брачное ложе, становились такъ-сказать между природою и супругами и обуздывали самую законную побужденія... О, папскій Римъ, дозволяешь ли ты? Или нужно тебѣ какъ Сатурну привосить

ежедневно новыя жертвы? Исчезаютъ же виновники нашихъ раздоровъ! Почва свободной страны не хочетъ болѣе носить васъ. Корабль уже готовъ; я слышу что на берегу раздаются матерливныя возгласы матросовъ“ и т. д. Значительнымъ участіемъ въ законодательномъ собраніи пользовались, какъ называли ихъ въ послѣдствіи, жиронасты, группа адвокатовъ, литераторовъ и журналистовъ, во главѣ коей стояли Верньо, Гаде, Бриссо, Жавсон, Кондорсе и Дюко. „По ихъ убѣжденію, говорить Темъ, какъ скоро усвоишь себѣ какой-либо отвлекаемый принципъ и не сомнѣваешься въ его истинѣ, то слѣдуетъ принимать его безъ оглядки; кто останавливается на полудорогѣ, тотъ или гаупецъ, или трусъ. Что касается ихъ самихъ, то они умѣютъ идти до конца, не смущаясь никакими выводами. Они одни истинныя патриоты, только себя считаютъ они на все способными. Единственно потому что они читали Руссо и Маблю, владѣютъ бойкимъ языкомъ и беззащитливо распускаются формулами заимствованными изъ книгъ, они воображаютъ себя государственными людьми; только потому что чуть не наизусть вытвердили они Паутарха и Юнаго Анахарсиса и приняли твердое намѣреніе пересоздать общество на основаніи метафизическихъ соображеній, они готовы преклоняться другъ предъ другомъ какъ предъ великими людьми, На этотъ счетъ нѣтъ и не будетъ у нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія даже когда все рухнетъ по ихъ винѣ, даже когда ихъ руки будутъ загрязнены руками бандитовъ, которыхъ вначалѣ они сами подстрекали на мерзкіе подвиги, и окровавленными руками палачей, которымъ отчасти служили они сообщниками. Раздутое самолюбіе можетъ довести до какихъ угодно софизмовъ. Твердо вѣря въ свое умственное превосходство и въ чистоту своихъ намѣреній, они выставляютъ непереложнымъ принципомъ что управленіе страной непременно должно принадлежать имъ; вслѣдствіе того въ законодательномъ собраніи они захватываютъ его такими способами которые въ Конвентѣ будутъ обращены противъ нихъ. Они не брезгаютъ содѣйствіемъ самыхъ отвратительныхъ демагоговъ лѣвой стороны: Шабо, Кутона, Туріо, Базира, а винъ законодательнаго собранія содѣйствіемъ такихъ людей какъ Дантонъ, Робеспьеръ, даже Марать, отъявленныхъ разрушителей и вивелировщиковъ, которыми они разчитываютъ пользоваться для своихъ цѣлей, а въ сущности сами служатъ ихъ орудіемъ...“

Анархія началась во Франціи еще съ 1789 года, но большинство общества обольщало себя надеждой что она прекратится лишь только войдетъ въ дѣйствіе новая конституція. Авось, говоря повсюду, водворится тогда въ странѣ законный порядокъ. Но вотъ конституція утверждена, представительное собраніе выработавшее ее замѣнено новымъ, а между тѣмъ смута развивается сильнѣе чѣмъ когда-нибудь и угрожаетъ еще бѣльшими дѣйствіями. Дѣло въ томъ что революціонная сволочь лишь расправляетъ свои крылья, она еще далеко не достигла всего того чего ей хочется, а съ другой стороны, мудрые политики заседающіе въ законодательномъ собраніи какъ нельзя лучше играютъ ей въ руку, ибо они медовольны конституціей, которая не вполнѣ соответствуетъ ихъ теоріямъ. Позади ихъ стоитъ Сіезъ, „самый крайній изъ теоретиковъ, человекъ, великое искусство коего состоитъ въ томъ чтобы не выдвигаться впередъ, направлять другихъ къ дѣламъ которыя извѣстны только одному ему, не выступать лубячно ни съ какими заявленіями, а дѣйствовать въ глубокой тайнѣ. Онъ руководитъ всѣмъ, хотя никто не догадывается что главная роль принадлежитъ ему. Не менѣе чѣмъ Руссо логический метафизикъ и не менѣе чѣмъ Макіавелли неразборчивый на средства, онъ въ каждый рѣшительный моментъ былъ главнымъ совѣтникомъ радикальной демократіи“. Лозунгомъ этой демократіи было, какъ мы уже видѣли выше, не давать усложниться обществу, постоянно держать его въ возбужденномъ состояніи. Однимъ изъ надежѣншихъ средствъ для этого служила война. Многие историки, между коими первое мѣсто принадлежитъ Зибеау, давно уже самымъ убѣдительнымъ образомъ опровергли то предположеніе будто Франція по вольѣ должна была взяться за оружіе, будто вначалѣ она только защищалась отъ ничѣмъ не вызванныхъ ею враждебныхъ дѣйствій со стороны Пруссіи и Австріи, которыя находились въ тайномъ соглашеніи съ королемъ Людовикомъ XVI. Въ свою очередь и Тенъ достаточно внимательно и безпристрастно изучалъ событія чтобъ увлекаться подобными взглядами, не выдерживающими ни малѣйшей критики. Для него совершенно ясно что ни Вѣнскій, ни Берлинскій дворы и не помышляли ни объ освобожденіи Людовика XVI, ни о завоеваніи французскихъ провинцій, ни о томъ чтобъ облегчить эмигрантамъ возвращеніе въ ихъ отечество; императоръ Леопольдъ радовался утвержденію конституціи, надѣясь

что это событіе положить конецъ революціонному броженію и король Фридрихъ - Вильгельмъ II вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе. Что касается Людовика XVI, то онъ менѣе чѣмъ кто-нибудь желалъ разрыва; въ частной корреспонденціи своей съ эмигрантами онъ всячески старался обуздать ихъ порывы; онъ обращался къ иностраннымъ государямъ съ просьбами не о вооруженной помощи, а лишь о нравственномъ содѣйствіи, чтобъ ободрить во Франціи всѣхъ приверженцевъ законнаго порядка и побудить ихъ ополчиться противъ анархіи. Даже въ рѣшительную минуту онъ со слезами на глазахъ изрекаетъ свое согласіе на войну, согласіе которое было вырвано у него вожаками законодательнаго собранія. Они натолкнули его на эту мѣру, ибо считали ее необходимою для своихъ замысловъ. „У насъ былъ планъ въ высшей степени благотворительнаго устройства для Франціи, говорилъ Бриссо, — но осуществленію этого плана мѣшала конституція; освобождаться отъ нея можно было лишь войною.“ Но такимъ людямъ какъ Бриссо война была желательна еще и по другой причинѣ. Людовикъ XVI, утвердивъ конституцію, рѣшился выполнять ее какъ можно добросовѣстнѣе, въ надеждѣ что на практикѣ не замедлятъ обнаружиться всѣ ея несообразности и что тогда само общество убѣдится въ необходимости произвести въ ней перемѣны. „Не слѣдуетъ ни на шагъ отступать отъ нея, говорилъ онъ одному изъ своихъ министровъ, Бертраму де-Мольвилю:—это единственно вѣрное средство доказать всѣмъ насколько она несостоятельна“. Разчетъ оказался бы быть-можетъ вѣрнымъ еслибы конституція продержалась хотя нѣсколько лѣтъ сряду. Людовикъ XVI надѣялся что произойдетъ мало-по-малу благоприятный для него переворотъ въ общественномъ мнѣніи, а что надежды эти имѣли нѣкоторое основаніе, подтверждается наблюденіями многихъ безпристрастныхъ современниковъ. „Повсюду господствуетъ безпримѣрная анархія, доносилъ своему правительству посланникъ Соединенныхъ-Штатовъ Моррисъ.—Клубы и мятежныя шайки возбуждаютъ такое отвращеніе и ужасъ что по всему вѣроятію значительное большинство французской націи сочло бы даже деспотизмъ благодѣяніемъ для себя если бы только личная безопасность и частная собственность ограждены были приемъ такими гарантіями, какими пользуются онѣ при самыхъ дурныхъ правительствахъ въ различныхъ странахъ Европы.“ „Для меня не подлежитъ

сомнѣнію, говорилъ другой иностранецъ, — что Лудовикъ XVI въ тотъ моментъ когда былъ низверженъ съ престола, имѣлъ несравненно болѣе приверженцевъ чѣмъ во время бѣгства своего въ Варенъ“. Якобинцы не могли не знать этого настроенія общества: неужели же допустить его созрѣть и укрѣпиться? Слова требуются чрезвычайными усиліями чтобы довести страну до отчаянія, поразить ее ужасомъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь предать ее въ руки разъяренной банды, а война самое удобное для этого средство. Каждая неудача ея можетъ быть возложена на отвѣтственность короля, который будто бы съ умысломъ навлекъ ее на страну, тогда какъ онъ не щадилъ никакихъ усилій чтобы отвратить отъ нея это бѣдствіе; какое широкое поле для самыхъ гнусныхъ клеветъ, какъ легко смущать невѣжественную толпу слухами будто находится онъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ враждебными державами и сообщаетъ имъ планы военныхъ дѣйствій, а отсюда прямой выводъ что слѣдуетъ низвергнуть конституцію которая облегчаетъ ему возможность столь чудовищной измѣны...

Планъ удался вполнѣ. Въ страшный день 10 августа 1792 года рушилась не только конституція, но и самый престолъ; рѣзня, послѣдовавшая затѣмъ въ Парижѣ и чуть ли не во всѣхъ провинціальныхъ городахъ, навела лавику на общество и заставила его отказаться отъ всякихъ попытокъ самообороны. Еще разъ якобинская партія уливалась побѣдой. Не надо думать что въ столицѣ, гдѣ совершились такіа страшныя событія, большинство народонаселенія принимало въ нихъ какое-нибудь участіе. Издали, говоритъ Тенъ, Парижъ можетъ показаться клубомъ 700.000 бѣсноватыхъ, которые волятъ и нецтовствуютъ на площадяхъ; вблизи нѣтъ ничего подобнаго. Тина, всплывъ на поверхность, даетъ окраску рѣкѣ, но рѣка вскользь не измѣнилась; изъ среды общества выдвигаются слои производящіе смуты, но общество остается такимъ же какъ и прежде. Мы видимъ городъ малоинтересный людьми которые поглощены своими обычными занятіями или ищутъ развлеченій; частная жизнь огромнаго большинства ихъ такъ сложна и отнимаетъ такъ много времени что для жизни публичной остается очень мало досуга. Всякій и по рутинѣ, и по необходимости озабоченъ прежде всего близкимъ и привычнымъ ему дѣломъ: прикащикъ сидитъ за конторкой, кулецъ въ лавкѣ, работникъ въ мастерской, ученый

въ своемъ кабинетѣ, чиновникъ въ департаментѣ; прежде всего имъ нужно заработать свой насущный хлѣбъ, исполнить свои обязанности, а для этого никогда не бываетъ достаточно времени. Политика отвлекаетъ ихъ на какую-нибудь четверть часа въ дѣлѣ сутки, да и то изъ любопытства, какъ драма которой они рукополагаютъ или шикаютъ, не появляясь однако сами на подмосткахъ. Декларация о томъ что „отечество находится въ опасности“, висколько не измѣнила, по рассказамъ очевидцевъ, обычной физиономіи Парижа; тѣ же удовольствія, точно такъ же полны театры, рестораны, повсюду разраженная толпа. Манифестъ герцога Брауншвейгскаго не смутилъ никого; даже въ день 10 августа, кромѣ тѣхъ улицъ гдѣ происходила кровавая свалка, спокойствіе господствуетъ въ Парижѣ. Англичанинъ Муръ изумлялся что безлечная толпа попрежнему наводняла Елисейскія поля, въ пассажахъ продавали прохладительные напитки, играли музыка, акробаты увеселяли публику. „Дѣйствительно ли эти люди такъ спокойны какъ кажется?“, спросилъ онъ одного сопровождавшаго его Француза. „А почему же имъ волноваться?“ „Развѣ не смущаетъ ихъ манифестъ герцога Брауншвейгскаго?“ „Повѣрьте что о герцогѣ Брауншвейгскомъ думаютъ они менѣе чѣмъ о чемъ бы то ни было въ мірѣ“. То же самое зрѣлище и позднѣе, при господствѣ Ковсента. Въ то время когда Барреръ предложилъ возвести терроръ въ систему (que la terreur soit mise à l'ordre du jour) Парижъ какъ будто и не создавалъ того что происходитъ въ его стѣнахъ. „Вчера вечеромъ, рассказываетъ очевидецъ, я гулялъ въ Елисейскихъ поляхъ. Всѣ аллеи были наполнены, какъ вы думаете кѣмъ? Негоціантами, кулцами, молодыми женщинами въ изящныхъ туалетахъ. Картина была какъ нельзя болѣе привлекательная; всѣ болтали, смѣялись, только я не смѣялся. Изъ Елисейскихъ полей отправился я въ Тюльрийскій садъ, и нашелъ тамъ то же самое...“ Очевидно, говорить Тень, это стадо барановъ, которое можно когда угодно вести на бойню. Эти люди ужъ и не помышляютъ о томъ чтобы защищаться; они отказались ото всякаго участія и въ администраціи, и въ мѣстномъ самоуправленіи въ пользу санкюотовъ; единственная ихъ забота ступешаться, заставить забыть о себѣ; словомъ, она совершенно устранилась отъ игры въ которую задумали играть въ 1789 году не имѣя о ней ни малѣйшаго понятія и въ которой терпѣли только

страшныя неудачи; пусть другіе принимаютъ за карты, особенно съ тѣхъ лоръ какъ карты загрязнились и игроки бросаютъ ими въ лицо другъ другу. При невѣроятномъ уладѣ духа овладѣвшемъ ими, они ограничиваются лишь горизонтомъ частной жизни, хотятъ исключительно замкнуться въ нее, да это не удается многимъ изъ нихъ. По словамъ одного изъ современниковъ, они „разчитываютъ сласти свою жизнь и свое достоиніе придерживаясь безобиднаго нейтралитета, ибо возможно ли предположить чтобы побѣдитель, кто бы онъ ни былъ, рѣшился поступать какъ со врагами съ людьми которые заранѣе склоняютъ предъ нимъ свою голову?“.

Чтобы справиться съ такимъ пришибленнымъ обществомъ побѣдителямъ даже не нужно обладать значительными силами. Число ихъ съ теченіемъ времени постепенно уменьшается, но соразмѣрно этому только возрастаетъ ихъ могущество. По самому точному расчету, послѣ 10 августа 1792 года Парижъ находился въ рукахъ шайки не болѣе какъ въ 6.000 человѣкъ, и эта-то шайка произвела всѣ тѣ ужасы о которыхъ и теперь нельзя вспоминать безъ содроганія; то же самое видимъ и въ провинціяхъ. Мы указали выше что послѣ того какъ въ самомъ началѣ революціи подорваны были сила и значеніе верховной власти, которую тогдашніе политическіе мудрецы считали помѣхой для осуществленія задуманныхъ ими реформъ, открыто было широкое лолрище для партій, политическая программа коей заключалась въ полной анархіи. Она шла неустрашимо ко своей цѣли, являясь непрощенною союзницей даже тѣхъ кто не хотѣлъ имѣть съ нею ничего общаго и тѣхъ кто пользовался ея услугами надеясь что когда нужно, не трудно будетъ отъ нея отдѣлаться. Сила ея заключалась въ томъ что бывали минуты когда другими овладѣвало сомнѣніе, когда они не дерзали преступить извѣстныхъ границы, она же не останавливалась ни предъ чѣмъ, ибо не было ничего такого къ чему относилась бы она съ уваженіемъ и что считало бы нужнымъ щадить. Она помогла жирондистамъ низвергнуть конституцію, но напрасно жирондисты полагали что теперь наступитъ ихъ царство, что они будутъ безмятежно устраивать Францію по своимъ излюбленнымъ идеаламъ. Прошло немного времени и они должны были убѣдиться что побѣда принадлежала далеко не имъ, хотя и въ Конвентѣ, точно такъ же какъ прежде въ

законодательномъ собраніи, они пользуются большинствомъ. „Конечно, говоритъ Тель, въ конвентѣ засѣдаютъ всѣ республиканцы отбрасываясь съ презрѣніемъ ко всякимъ традиціямъ, апостола чистаго разума, пропитанные принципами дедуктивной политики. Вотъ почему въ первомъ же своемъ засѣданіи они провозглашаютъ республику, а немного времени спустя передаютъ суду короля Людовика XVI. Но каковы бы ни были политическія ихъ воззрѣнія, нельзя вдругъ освободиться отъ унаслѣдованныхъ социальныхъ привычекъ. Уже потому только что человѣкъ родился и долго жилъ въ прежнемъ обществѣ, онъ носитъ на себѣ его отпечатокъ: онъ невольно усвоилъ себѣ, напримѣръ, уваженіе къ собственности и къ человѣческой жизни; у многихъ это чувство имѣетъ даже глубокіе корни, теорія не въ состояніи вдругъ искоренить его; это удается ей лишь въ рѣдкихъ случаяхъ относительно людей грубыхъ, съ чисто животными инстинктами. Члены Конвента, вышедшіе большею частью изъ рядовъ средней буржуазіи, остались, несмотря на крайнее возбужденіе своего ума, въ сущности тѣмъ чѣмъ они были прежде; при старомъ порядкѣ вещей они были адвокатами, прокурорами, негодянтами, священниками и дѣкарами, позавѣ превратились они въ покорныхъ и трудолюбивыхъ чиновниковъ Наполеоновской имперіи, т.-е. были болѣе или менѣе цивилизованными людьми обычнаго уровня, настолько честными въ частной жизни чтобы не отказываться отъ извѣстной честности и въ жизни общественной. Вслѣдствіе того они питаютъ отвращеніе къ дикой анархіи, къ ворами и разбойникамъ участвовавшимъ въ сентябрьскихъ убійствахъ. Они стоятъ за идеальную республику противъ республики которая служить синонимомъ рѣзни.“ Эти люди охотно примыкаютъ къ жирондистамъ, потому что и жирондисты, несмотря на тяжкую отвѣтственность лежащую на ихъ душѣ, все-таки рѣзко отличаются отъ тѣхъ кто ослариваетъ у нихъ власть. „Жирондисты, говоритъ Тель, давно ужъ усвоили себѣ республиканскія убѣжденія; это были люди образованные, начитанные, рѣзмеры и философы, ученики Руссо и Дидро, впервые, по ихъ мнѣнію, возвѣстившихъ міру вѣчную истину, безусловно восторгавшіеся *Encyclopedie* и *Contrat Social*. Въ тѣ годы когда умъ, начинающій созрѣвать, увлекается общими идеями, они усвоили себѣ извѣстную теорію и вознамѣрились пересоздать общество по отвлеченнымъ принципамъ.

Никакихъ привилегій, никакого цемза, всё одинаково избиратели и выборы, всё въ равной мѣрѣ участіе въ верховной власти, замѣщеніе всякихъ должностей не иначе какъ по выбору, одно народное собраніе, возобновляемое ежегодно путемъ выборовъ, выборные суды, инициатива избирателей относительно законовъ, обязанность предлагать эти законы на окончательное утвержденіе всего народа и т. д.—вотъ въ чемъ состояла конституція жирондистовъ.“ „Конституція англійская, говорилъ Кондорсе, предназначена для богачей, американская для зажиточныхъ гражданъ, а наша для всѣхъ безъ различія“. „На этомъ основаніи жирондисты утверждали что только ихъ конституція законна, что всѣ другія противорѣчатъ естественному праву, а потому должны быть извергаемы. Такъ и поступили они въ законодательномъ собраніи; извѣстно какимъ путемъ достигли они этого: неустово преслѣдуя католическое духовенство, посягая на собственность дворянскаго сословія, попирая права королевской власти, стараясь искоренить всѣ слѣды стараго порядка вещей, потворствуя безчестіямъ черни; сколько безразсудства, послѣдствіи, дерзости внесли они въ это дѣло подъ вліяніемъ руководившей ими мысли что разрушить весь прежній общественный строй, есть самое вѣрное средство подготовить господство философіи и торжество разума“.

Но какимъ бы въ этомъ отношеніи ни отличалась претупленнымъ характеромъ дѣятельность жирондистовъ, все-таки есть рѣзкая черта между ними и тѣми которые готовятся явиться на сцену ихъ. „Они отличаются, продолжаемъ говорить словами Тена, манерами порядочныхъ людей; имъ присущи потребности приличія и даже изящества. Площадная грубость Дантона, ругательства не сходившія съ его устъ, его вульгарная фамиліарность противны имъ. У нихъ есть свой салонъ, даже вѣскольکو чолорный и педантичный, салонъ гослужи Родавъ. Барбару занимаетъ стихотворствомъ; Кондорсе посѣщалъ когда-то знатное общество, а жена его по своей граціи, изяществу, образованію, можетъ даже служить типомъ истинной аристократки. Такіе люди не въ состояніи подчиниться господству грубой сволочи“. Они неисправимые утописты, но въ понятіяхъ ихъ, утопія не исключаетъ возможности и даже необходимости извѣстнаго порядка. Они хотятъ правильныхъ налоговъ, а не насильственной конфискаціи; они требуютъ чтобы для преступниковъ

существовали суды, а не глухая народія на судъ; они стоять за республику, но долгое время колеблются вотировать казнь короля. „Законы, а не кровь“ (*des lois et non du sang*), вотъ ихъ политическій лозунгъ. Послѣ побѣды, одержанной сволочью въ августѣ и сентябрѣ 1792 года, жирондисты больше чѣмъ когда-нибудь помышляютъ о томъ чтобы былъ положенъ конецъ насильственнымъ переворотамъ, чтобы утверждена была конституція самая демократическая, самая радикальная, но во всякомъ случаѣ такая которая встрѣчала бы повиновение со стороны всѣхъ гражданъ; какъ будто конституціей, замѣчаетъ Тень, особенно такую конституціей о которой мечтали жирондисты, можно укротить дикое животное! Какъ будто это животное охотно позволитъ надѣть на себя намордникъ! Но жирондисты не умывали; до послѣдней минуты казалось имъ что имъ удастся подѣйствовать на разнуздавныя страсти краснорѣчіемъ своихъ аргументовъ. „Эти несчастные философы, говоритъ о нихъ одинъ современникъ (разказъ его напечатанъ въ *Tableaux de la Révolution française*), полагаютъ что они обуздають своихъ противниковъ убѣжденіями; это все равно еслибы кто-нибудь вообразилъ что можно одержать побѣду надъ непріятельскою арміею пышными рѣчами. Имъ кажется что вмѣсто лупекъ достаточно привести на поле сраженія полныя изданія сочиненій Руссо, Монтескье, Дидеро, и имъ не приходитъ въ голову что каждый изъ этихъ замѣчательныхъ писателей не больше какъ глупецъ, если поставить его лицомъ къ лицу съ головоуломомъ вооруженнымъ хорошо отточеною саблей... Для бульдога изысканныя аргументы не имѣютъ никакого смысла; со сверкающими глазами и разинутою пастью онъ готовъ каждую минуту вцѣлиться въ своего противника“.

Впрочемъ, какъ ни осязательно различіе между жирондистами и тою бандою которою командовали Марать, Робеспьеръ и Сенъ-Жюсть, это различіе обнаруживалось лишь въ извѣстной степени образованія, въ темпераментѣ и привычкахъ, а основной принципъ и тѣхъ и другихъ былъ одинаковъ. Усвоивъ его себѣ, жирондисты должны были неминуемо, какъ выражается Тень, „погрузиться въ ту бездну въ которой государство, по формулѣ Ж. Ж. Руссо, всемогущее, философское, антихристіанское, подводящее все подъ одинъ уровень, преслѣдуетъ церковь, угнетаетъ свободу совѣсти, уравниваетъ людей не только по правамъ, но и по имуществу

и подавляетъ личность". Жирондистовъ возмущало что соперничавшая съ ними партія нагло и безъ церемоніи прибѣгала къ волю, но развѣ они сами не оправдывали и не узаконяли самую возмутительную насилья? Они негодовали что ничтожное меньшинство, имѣвшее въ Парижѣ своимъ органомъ коммуву, думало предписывать законы Конвенту, а чрезъ него и всей Франціи, но развѣ, когда шла дѣло объ ихъ сумасбродныхъ теоріяхъ, они справлялись съ желаніями и потребностями общества и думали подчиняться его волѣ? Напрасно удивлялись они потому что буря не только не утихаетъ, но принимаетъ все болѣе грозныя размѣры и что имъ не удается управиться съ кораблемъ. Тенъ рисуется мастерскую сцену: министръ внутреннихъ дѣлъ Роландъ, одинъ изъ корифеевъ-жирондистовъ, сидитъ, вскорѣ послѣ созванія конвента, поздно вечеромъ въ своемъ кабинетѣ; тутъ же и гжа Роландъ, нимфа Эгерія своего мужа; на столѣ огромная куча бумагъ, административныя доверенія изъ всѣхъ коммунъ Франціи за послѣдніе два мѣсяца; почтенныя супруги хотятъ отдать себѣ отчетъ, въ какомъ состояніи находится страна; при свѣтѣ лампы съ картою въ рукахъ сѣдять они по этимъ официальнымъ бумагамъ за событіями въ сѣверныхъ и южныхъ, въ восточныхъ и западныхъ провинціяхъ. Вездѣ одно и то же: убійства пожары и грабежъ; здѣсь зарѣзали какихъ-то офицеровъ, видовыхъ лишь въ томъ что они служили въ королевской гвардіи, воткнули ихъ головы на пики, явились съ ними на театральнѣйшей сценѣ, плясали вокругъ нихъ и подносили къ ихъ губамъ ливо; тамъ разорвали на части священника, случайно встрѣтивъ его на улицѣ; въ другомъ мѣстѣ разорили замокъ и объявили общественнымъ достояніемъ землю принадлежавшую помѣщику; сотни, тысячи побѣдъ примѣровъ, и ни малѣйшей надежды чтобы порядокъ могъ быть восстановленъ. Тщемо пытался бы Роландъ обуздать бандитовъ. Въ одинъ голосъ отвѣтили бы они ему: „развѣ вы забыли что еще недавно, въ разгаръ розы, вы не переставали повторять что народу нечего разчитывать на правительство, что онъ долженъ самъ распорядиться со своими врагами? Мы это и дѣлаемъ теперь"... Пора ловить Роланду что рѣзня и грабежи вовсе не минутный припадокъ бѣшенства, что это вполнѣ сознательная система цѣлой партіи, первый дебютъ новаго порядка вещей. Звуки набата

призывали уличную сволочь къ поголовному возстанію противъ всякой общественной анархіи, противъ всѣхъ установленныхъ властей, противъ землевладельцевъ, капиталистовъ, духовенства, противъ всѣхъ кто дерзалъ громко скорбѣть о позорномъ упадкѣ страны.

У новой фракціи якобинской партіи есть теоретики которые возводятъ въ догматъ дикое своеволие разбойничьихъ шайкъ, на примѣръ Сель-Жюсть, „скороспѣлый Сулла“, по выраженію Тена, „услѣдившій уже на двадцать лѣтъ году отъ роду занять среди другихъ одно изъ первыхъ мѣстъ, благодаря своимъ звѣрскимъ инстинктамъ; за шесть лѣтъ предъ тѣмъ совершилъ онъ домашнее воровство: пришелъ въ гости къ своей матери, ночью увезъ серебряныя вещи и драгоценности и проѣхалъ ихъ въ меблированныхъ комнатахъ въ улицѣ Фроманто, въ одномъ изъ главныхъ центровъ проституціи; по просьбѣ родственниковъ былъ на шесть мѣсяцевъ посаженъ въ тюрьму; выйдя оттуда употребилъ свой досугъ на сочиненіе какой-то постыдной лозвы по образцу Вольтеровской *Pucelle* и затѣмъ, очертя голову, бросился въ революцію.“ Другіе были еще хуже, но всѣхъ этихъ вождей превосходили неизмѣнимые ихъ союзники, члены парижской коммуны и руководители кровавыхъ безчинствъ совершавшихся на улицахъ столицы. Не столько даже Робеспьеръ и Дантонъ, Сель-Жюсть и Маратъ, сколько Павизъ, Сержанъ, Геберъ, Ганрио, Мальяръ и т. д. сдѣлались настоящими преемниками Рувелья и Колюбера, они управляли Франціей,—эти, говоритъ Тень, „кабачные оборванцы, пьяные съ утра до ночи, выработывавшіе въ промежутокъ между двумя отрывками свои политическія соображенія. Любой изъ такихъ героев всѣ свои свѣдѣнія и всю свою мудрость очерпаетъ въ уличныхъ саухахъ, и если вѣрить имъ то непременно въ каждомъ домѣ скрываются измѣнники. Разнообразныя части многосложной административной машины, дипломатія, финансы, юстиція, администрація, военное вѣдомство, совершенно недоступны ему; въ его жалкомъ мозгѣ, извращенномъ въсколькими схваченными на лету фразами, засѣла только одна мысль, мысль простая и вполнѣ соответствующая его животнымъ инстинктамъ, а именно что онъ долженъ умерщвлять всѣхъ своихъ враговъ, которыхъ онъ считаетъ и врагами государства, каковы бы они ни были, враговъ явныхъ и тайныхъ, настоящихъ, будущихъ и даже лишь предполагаемыхъ... Если

бы онъ былъ простымъ разбойникомъ, то убивалъ бы лишь для грабежа, вслѣдствіе чего жертвъ оказывалось бы меньше, но выступая во имя государственной идеи онъ предпринима-
етъ убійства на широкую ногу...“

Люди такого сорта хотѣли поведѣвать одви. Они приходи-
ли въ ярость при мысли что есть въ конвентѣ нѣсколько
лицъ принадлежавшихъ когда-то къ ихъ рядамъ, а теперь го-
товыхъ клеить ихъ какъ злодѣевъ. Отсюда необходимость
очистить конвентъ отъ заразы. Надо непремѣнно выгнать изъ
среды его жирондистовъ, другіе хотятъ исключить и тѣхъ
которые не пользуются такимъ влияніемъ какъ жирондисты,
но не менѣе виновны, потому что они большею частью пода-
ютъ голоса заодно съ ними. Въ первомъ случаѣ число об-
реченныхъ ограничилось бы 22, во второмъ простиралось
бы до 300. Но къ чему трогать стада, достаточно пока от-
дѣлаться отъ вожаковъ. Способы для этого придумываются
самые незатѣдливые: артисты уличныхъ революцій предла-
гаютъ нанять небольшой домикъ, всего въ какихъ-нибудь
три комнаты, арестовать ночью жирондистовъ и привести
ихъ въ эту заранѣе приготовленную бойню; поочередно бу-
дутъ вводить ихъ туда и рѣзать, потомъ бросать ихъ тѣла
въ общую могилу на дворѣ и польютъ ее известкой; публи-
къ будетъ объявлено что они находились въ дѣятельныхъ
свошеніяхъ съ эмигрантами, а доказательствомъ этого по-
служатъ подложныя письма. Нѣкоторые возражали противъ
этого плана лишь съ той точки зрѣнія что для экзекуціи
потребуется болѣе обширное помѣщеніе, что въ Бисетрѣ,
напримѣръ, несравненно удобнѣе „удалить жирондистовъ съ
лица земли“ (de la surface du globe). Дантонъ, Робеспьеръ,
даже Маратъ находили однако что нѣтъ причинъ безъ нуж-
ды нарушать формы. Зачѣмъ не воспользоваться конвен-
томъ, который согласится конечно на чтò угодно подъ угро-
зами уличной черни? „Пусть добрые граждане, воскликнулъ
Робеспьеръ, соберутся въ своихъ кварталахъ, пусть двинут-
ся они къ конвенту и заставятъ насъ объявить недостой-
ныхъ депутатовъ государственными измѣнниками...“ Резуль-
татъ тотъ же, смертная казнь, но по крайней мѣрѣ смерт-
ная казнь на гильотинѣ, отъ руки палача, а не въ какой-то
заладѣ подъ ножомъ неизвестныхъ убійцъ. Послѣдовавшія
затѣмъ сцены изображены Теломъ поразительными кра-
сками.

„Остановимся здѣсь на минуту, говоритъ оазъ: я не думаю чтобы въ какомъ бы то ни было вѣкѣ и въ какой бы то ни было странѣ міра обнаружилась такой контрастъ между націей и ея правителями. Постоянно отменяя отъ себя одинъ слой за другимъ, революціонная партія дошла наконецъ до самыхъ подонковъ; отъ обширнаго потока образованнаго въ 1789 году уцѣлѣла только тина и грязь; все остальное было отброшено или устранилось само собой: сначала высшій классъ, духовенство, дворянство, магистратура старыхъ парламентовъ; затѣмъ классъ средній, промышленники, негодіанты, зажиточные буржуа; наконецъ лучшій слой низшаго класса, мелкіе собственники, фермеры, хозяева мастерскихъ, словомъ все что отличалось происхожденіемъ, заслугами, богатствомъ, трудолюбіемъ, всѣ люди съ капиталомъ или вообще съ извѣстнымъ достаткомъ, люди съ самостоятельнымъ положеніемъ въ обществѣ, обладавшіе болѣе или менѣе умственною и нравственною культурой. Въ концѣ 1792 и въ 1793 году мы видимъ въ рядахъ революціонной партіи лишь предавшихся праздности рабочихъ, городскихъ и сельскихъ бродягъ непремѣнныхъ почитателей позорныхъ притоновъ*, развратниковъ, пьяницъ, словомъ самую отвратительную и опасную часть народонаселенія. Въ Парижѣ, откуда она командуетъ всею Франціей, эта шайка вербуетъ именно изъ того отребья человѣческаго рода который всегда можно найти въ большихъ столицахъ, изъ той эпикурейской и золотушавой сволочи которая унаслѣдовала отъ родителей испорченную кровь, портитъ ее еще болѣе собственнымъ распутствомъ...“

И потребовалось не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ чтобы повергнуть Францію въ этотъ омутъ!

* Въ день ареста жирондистовъ одинъ изъ предводителей враждебной имъ партіи счелъ не лишнимъ прибѣгнуть и къ содѣйствію проститутокъ. Онъ собралъ ихъ въ Тюльрийскомъ саду. „Гражданки, воскликнулъ оазъ, надѣюсь что вы дорожите репутацией?— „Еще бы, генералъ“, слышалось со всѣхъ сторонъ.— „Надѣюсь что вы не принимаете къ себѣ аристократовъ, монархистовъ, общниковъ Прусаконъ и Австрійцевъ?“— „Сохрани Богъ, мы ведемъ знакомство только съ санкюлотами“.

Темъ превосходно очертила партію которая въ концѣ прошлаго столѣтія носила названіе якобинской. Это тотъ же самый типъ что въ послѣднее время возникъ и у насъ: тѣ же стремленія, такой же индифферентизмъ въ выборѣ чудовищныхъ средствъ, такая же ненасытная кровожадность. Книга его весьма поучительна для насъ, но не по одному только этому: она наглядно показываетъ какимъ образомъ цѣлое государство могло очутиться вдругъ въ рукахъ шайки разбойниковъ, государство достигшее высокой степени образованности и утонченности нравовъ. Вотъ что должно служить предметомъ особеннаго вниманія. Въ этомъ отношеніи найдется у Тера много такого что примѣняется не къ одной только Франціи и не къ XVIII только вѣку, а изъ чего и теперь мы можемъ извлечь назидательные уроки.

P.

ПРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА*

VIII.

Положеніе яццкихъ казаковъ.—Приведеніе въ исполненіе приговора надъ виновными въ убіеніи генералъ-майора Траубенберга.—Вѣсть въ городкѣ о появленіи императора Петра III на Таловомъ уметѣ; совѣщаніе казаковъ.—Посылка двухъ человекъ на Таловый уметъ.—Аудіенція Пугачева съ казаками Караваевымъ и Кумишниковымъ.—Потѣдка Пугачева въ Мечетную слободу.—Погона.—Возвращеніе на Таловый уметъ.

Вскорѣ послѣ того какъ Пугачевъ переговоривъ съ Пьяновымъ уѣхалъ въ Мечетную, въ Яцкомъ городкѣ распространилася слухъ что у Пьянова былъ какой-то великій человекъ. Слухи эти дошли до коменданта полковника Симонова и онъ приказалъ арестовать Пьянова, но послѣдній успѣлъ бѣжать. Тогда взяли жену Пьянова, продержали ее всю зиму подъ карауломъ, но ничего не добились. Она говорила только что въ домѣ ихъ былъ кулець, который купилъ рыбы и уѣхалъ, но что онъ за человекъ, она не знаетъ. Такимъ образомъ ни правительство, ни казаки не могли узнать кто былъ этотъ человекъ и зачѣмъ пріѣзжалъ онъ въ Яцкій городокъ.

За отсутствіемъ Пьянова приходилось вѣрить народной молвѣ, и казаки подъ самымъ большимъ секретомъ передавали другъ другу что въ городкѣ былъ самъ государь Петръ

* См *Русскій Вѣстникъ* №№ 4, 5 и 6.

Федоровичъ, который намѣренъ объявиться и ожидаетъ только удобнаго времени. При этомъ одни говорили что онъ прїѣдетъ въ городокъ къ Рождеству, а другіе что весною, когда казаки соберутся на весеннюю лавню. * Никто конечно не могъ опредѣлить точнаго времени появленія государя, но всѣ ждали его, и слухъ распространился далеко за предѣлы городка и облетѣлъ почти всѣ хутора; въ немъ было много преувеличеннаго и видоизмѣненнаго.

— Слышалъ ли ты вѣсти? говорилъ встрѣтившійся съ Зарубинымъ (Чикю) казакъ Никифоръ Бребневъ, возвращавшійся на свой хуторъ, въ двадцати верстахъ отъ Яцкаго городка.

— Какія вѣсти? спросилъ Зарубинъ.

— Вѣсти добрыя. Слышалъ я отъ Григорія Закладнова что прїѣзжалъ на уметъ къ Еремивой Курецъ купецъ, и Григорій Закладновъ, бывъ тутъ жѣ на уметѣ, съ нимъ разговорился, и сталъ купецъ спрашивать: какія вамъ казакамъ есть обиды и какіе налоги? Закладновъ разказалъ ему какія мы обиды несемъ отъ командировъ нашихъ. Послѣ того купецъ выговорилъ что поѣдетъ на Яцкъ для покупки рыбы и когда изъ Яцка возвратится назадъ на уметъ къ Еремивой Курецъ, то хотѣлъ прислать за Закладновымъ. Итакъ Закладновъ, оставивъ кулца, поѣхалъ для ловаи звѣрей, а потомъ означенный купецъ возвратясь послалъ Еремиву Курецу сыскать Закладнова и когда тотъ прїѣхалъ и мочевалъ съ кулцомъ, то зачалъ его спрашивать: скажи ты намъ правду что ты за человекъ? на что купецъ сказалъ: „ну, другъ мой, господи казакъ, я скажу тебѣ суцую правду: ты меня признавай за государя, а я не для рыбы вашей ѣздилъ въ городъ, а только приглядѣть ваши обряды и какіе команды дѣлаютъ вамъ обиды“. Когда же Закладновъ спросилъ: у кого ты былъ въ Яцкѣ? то онъ сказалъ: „я стоялъ въ домѣ у Дениса Пьянова“. Закладновъ сталъ ему тогда говорить: „батюшка, обиды намъ дѣлаютъ великія: наши командиры насъ бьютъ и гоняютъ, жалованье наше захватываютъ и тому шесть лѣтъ какъ государыня намъ жалованье жалуетъ, а они

* Показаніе Зарубина (Чика) на очной ставкѣ съ Ульяновымъ. Госуд. Арх. VI д. № 422. Показанія Дениса Караваева и Максима Шагаева въ тайной экспедиціи. Тамъ же д. № 512.

не знаемо куда улоупребляютъ. А кто о жалованьѣ станетъ говорить, того сажаютъ подъ караулъ. Безъ государева указа въ ссылку разсылають и государыня о томъ не знаетъ. У насъ прежде не было пятидесятниковъ, а теперь оныя завелись; прежде въ сотнѣ былъ одинъ сотникъ, а теперь все новое.“ И такъ купецъ, поговоря съ Закладновымъ, поѣхалъ съ умага на Иргизъ, сказавъ: ждите меня весною, я къ вамъ буду... Такъ вотъ братъ вѣсти какія! заключилъ казакъ Гребневъ.

Въ такомъ пли въ еще болѣе измѣненномъ видѣ разказывалась первая поѣздка Пугачева на Яикъ. Она заинтересовала почти все населеніе и „мы казаки войсковой стороны, показывалъ въ послѣдствіи Зарубинъ (Чика)“, все о томъ думали и ожидали весны; гдѣ ни сойдемся, все говорили: а вотъ будетъ государь, и какъ придетъ готовились его принять“.

Но прошла весна и наступившее дѣто примесло новое горе яцкимъ казакамъ. Въ концѣ апрѣля 1778 года былъ полученъ въ Оренбургѣ указъ военной коллегіи, съ окончательнымъ приговоромъ по дѣлу объ убійствѣ генералъ-майора фонъ - Траубенберга. Въ этомъ приговорѣ участь подсудимыхъ была значительно облегчена, тѣмъ же менѣе было опредѣлено: 16 человекъ наказавъ кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя знаки, послать въ Сибирь на Нерчинскіе заводы вѣчно; 38 человекъ наказавъ кнутомъ и безъ постановленія знаковъ и вырѣзанія ноздрей, сослать съ женами и малолѣтними дѣтьми въ Сибирь на поселеніе; 5 человекъ „для омытія пролитой крови“ послать на службу противъ непріятели безъ очереди; 25 человекъ, менѣе виновныхъ, наказавъ плетью и распредѣлить: молодыхъ въ разные армейскіе полки, а престарѣлыхъ въ разные сибирскіе гарнизонныя баталіоны. „Что же до всего ихъ мятежническаго войска принадлежитъ, писала военная коллегія, ** коего по списку Яцкой командантской канцеляріи, кромѣ находящихся въ укрывательствѣ 53 человекъ служащихъ и отставныхъ, показано 2.461 человекъ, то въ разсужденіи такого знатнаго количества и что всѣ они большею частію къ сему дерзкому предпріятію

* Показаніе Зарубина (Чика) на очной ставкѣ съ Ульяновымъ безъ числа и мѣсяца. Госуд. Арх. VI д. № 506. .

** Отъ 8 марта 1778 г. за № 4.348. *Чтеніе Общества и Исторіи и Дрес.* 1860 г. кн. II, 35—51.

приступила по поводу главныхъ ихъ развратниковъ Кирличникова съ товарищи, отъ сущаго невѣжества и по незнанію истиннаго своего благоденствія, отъ наказанія освободить и привести вновь къ присягѣ. Относительно бѣглыхъ объявить по войску что кто изъ нихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ явится добровольно, тотъ будетъ прощень, а кто не явится и будетъ пойманъ, тотъ подвергнется всей строгости законовъ.“

„А какъ по особо произведенному слѣдствію, сказано въ томъ же указѣ военной коллегіи, показано при учиненномъ мятежѣ и бунтѣ разграбленныхъ: у воинскихъ чиновъ казенныхъ вещей на 97 рублей 49¹/₂ копѣекъ, у убитыхъ генералъ - майора Траубенберга, атамана Тамбовцева и другихъ разнаго званія воинскихъ чиновъ собственныхъ денегъ и пожитковъ на 20.107 руб. 70¹/₂ коп., да по показаніямъ тогожъ войска казаковъ 16.551 руб. 10¹/₂ коп., то въ удовольствіе сихъ безвинно пострадавшихъ, имѣніе всѣхъ показанныхъ заслужившихъ наказаніе продерзателей, ящюкой комендантской канцеляріи описать, съ публичнаго торга продать. А чего къ тому доставать не будетъ, расположа со всѣхъ бывшихъ въ мятежнической партіи, по состоянію каждаго имущества и промысловъ, взыскать вышеупомянутую сумму.“

Получивъ указъ военной коллегіи какъ разъ въ то время когда войско было на весенней плавнѣ, оренбургскій губернаторъ, генералъ Рейнсдорлъ, не признавъ возможнымъ отрывать казаковъ отъ рыбной ловли и отложилъ исполненіе приговора до возвращенія войска въ Яцкій городокъ. *

2 іюля всѣ служащіе и отставные старшины и казаки были собраны въ кругъ для выслушанія опредѣленія военной коллегіи и затѣмъ, по прочтеніи указа, было приступлено къ наказанію виновныхъ. Когда церемонія эта окончилась, тогда кругу было объявлено что императрица по своему милосердію прощаетъ остальныхъ казаковъ, но съ тѣмъ чтобъ они немедленно внесли наложенный на нихъ штрафъ и вновь присягнули на вѣрность службы. ** Съ этою послѣднею цѣлью были выбраны десятички и отправлены въ церковь, а прочіе

* Репортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 25 апрѣля 1773 года, Московск. Арх. Главн. Шт., опись 98, св. 492.

** Репортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 25 апрѣля 1773 года Московск. Арх. Главн. Шт., опись 98, св. 492.

десять давали имъ свои руки и клялись предъ ними служить вѣрно. * По окончаніи присяги, доносилъ Рейнсдорлъ, возжелали они (казаки) и прочіе съ ихъ старшинами, не расходясь изъ соборной церкви, въ знакъ вѣрноподданнической благодарности, привести Всевышнему о высочайшемъ Е. И. В. и его высочества здравіи и о благополучномъ государствованіи общее молебствіе, что черезъ тамошняго протоіерея со священники торжественно и отправлено.

„По выходѣ же изъ храма, каждый изъ нихъ бывший до сего преступитель свидѣльствовался, улавъ на землю, полнымъ раскаяніемъ, а потомъ, стоя на колѣнахъ, за изъявляя къ нимъ безприкладныя Е. И. В. щедроты съ достойнымъ раболѣпствіемъ благодарилъ и въ заключеніе общими радостными восклицаніями прославляя высочайшее имя превозносили оное изъявленіемъ крайняго о толь превосходномъ милосердіи чувствованія.“ **

Такъ писалъ Рейнсдорлъ, желая усложнить кого слѣдовало въ Петербургъ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Казаки не радовались, не раскаявались, но скорбѣли, считая жестокимъ для себя наказаніемъ наложеніе денежнаго штрафа. Такое взысканіе, простиравшееся въ суммѣ до 88.756 руб. 80 коп., было особенно тяжело для казаковъ, изъ коихъ многіе не признавали себя виновными въ расхищеніи, а платитъ за другихъ не желали и не имѣли средствъ. Послѣднія событія отвлекли ихъ отъ домашнихъ работъ и рыболовства, единственнаго почти источника ихъ существованія, и населеніе не знало чѣмъ прокормить свои семьи, а объ уплатѣ штрафа и думать было нечего. Они рѣшили въ послѣдній разъ попытаться счастья въ Петербургъ и опять послать депутатовъ. Отправившись на хуторъ Ивана Герасимова и встрѣтивъ тамъ скрывавшагося отъ преслѣдованія Аѳанасія Перфильева, казакъ Савелій Плотниковъ разказалъ о несчастіи постигшемъ войско и просилъ ихъ отъ имени всего населенія съѣздить въ Петербургъ и попросить императрицу не взыскивать наложеного на войско денежнаго штрафа. Перфильевъ и Герасимовъ согласились и тогда Плотниковъ съѣзжалъ въ Яицкій городокъ, привезъ оттуда на дорогу 150 руб.

* Показаніе Козьмы Кочурова. Госуд. арх. VI д., № 506.

** Репортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 10 іюля 1773 года Моск. Арх. Глав. Шт., оп. 93, св. 492.

общественныхъ денегъ и самъ присоединялся къ этому по-
сольству.

Между тѣмъ полковникъ Симоновъ, исполняя указъ воен-
ной коллегіи, выслаалъ изъ городка въ Сибирь 144 челаска
мужескаго и женскаго пола * и требовалъ чтобы каждый ка-
закъ заплатилъ денежнаго штрафа, смотря по назначенію
коммисіи, отъ 6 до 40 рублей. Раскладка эта была сдѣла-
на по указанію старшинъ и потому пристрастно: на бѣдныхъ
было наложено больше чѣмъ на богатыхъ. Казаки были не-
довольны, потому, говорили они **, что „когда уже на все
войско наложена выть, такъ и высканіе должно быть съ
каждаго равное, ибо богатый и бѣдный казакъ всѣ тягости
безъ различія несутъ наравнѣ“. Не зная что предпринять
чтобы избавиться отъ налога, казаки сходились иногда на
базарѣ чтобы посоветоваться другъ съ другомъ и потолоко-
вать о своихъ нуждахъ. А на базарѣ разказывалъ что на
Таловомъ уметѣ, у Еремимой Курицы, проявлася государь
Петръ Ѳеодоровичъ и что Григорій Закладывъ его уже ви-
дѣлъ ***.

Послѣдній, пріѣхавъ въ городокъ, тотчасъ же отправился къ
своему пріятелю казаку Ивану Чебакову и разказалъ ему
все что видѣлъ и слышалъ на уметѣ у Еремимой Курицы.

— Что это за причина, отвѣчалъ удивленный Чебаковъ,—
вѣдь сказывали что государь померъ! Надо объ этомъ дѣлѣ
хорошенько посоветоваться съ надежными людьми. Пойдемъ-
ка, братъ, скажемъ объ этомъ Ивану Ѳофанову, не съѣздить
ли онъ въ уметъ удостовѣриться подлинно ли онъ царь.

Пріятелю отправившись къ Ѳофанову, но не найдя его дома,
пошли сначала къ Максиму Шигаеву, а потомъ къ Денису
Караваеву, но и ихъ также дома не нашли. На другой день
Чебаковъ вмѣстѣ съ Караваевымъ пришли къ Закладыву,
который разказалъ имъ что видѣлъ и передалъ просьбу Пу-
гачева прислать къ нему какъ можно скорѣе надежныхъ ка-
зачковъ. Посоветовавшись съ казаками Плотниковымъ, Ша-
ринымъ и Портновымъ, Денисъ Караваевъ рѣшился ѣхать въ

* Московскій архивъ главнаго штаба. Опись 47, св. 249.

** *Памятники новой русской исторіи* т. II, 284.

*** Показаніе казака Якова Почталина. Госуд. Арх. VI д. № 506.
Показаніе Максима Шигаева. Тамъ же, дѣло № 512. Показаніе Ва-
силия Коловалова. Тамъ же, д. № 505.

Таловый уметь и пригласилъ съ собою пріятеля своего Сергѣя Кунишниковъ *. Выѣхавъ рано изъ городка, они только утромъ добрались до умета. Было уже темно и шелъ дождь, когда Оболяевъ, прибирая свой дворъ, увидѣлъ приближающихся казаковъ.

— Кто идетъ? окликнулъ уметчикъ.

— Казаки; мы ѣхали за сайгакми да запрягли, и чтобы укрыться отъ дождя, пріѣхали сюда мочевать.

— Милости прошу, отвѣчалъ Оболяевъ.

Казаки сѣзли съ лошадей и въ то время когда Кунишниковъ разсѣдывалъ лошадей, Каравасевъ подскочилъ къ Оболяеву:

— Не уметчикъ ли ты? спросилъ онъ.

— Уметчикъ.

— Мы слышали что у тебя живетъ такой человѣкъ который называется государемъ Петромъ Федоровичемъ; правда ли это?

— Кто вамъ оказалъ?

— Григорій Закладновъ.

Имя Закладнова уверило Оболяева что пріѣхавшіе казаки принадлежатъ къ войсковой сторонѣ и онъ сталъ съ ними говорить безо всякаго опасенія.

— Да, у меня есть такой человѣкъ, отвѣчалъ уметчикъ.

— Можно намъ съ нимъ поладиться?

— Теперь не время, есть посторонніе, а оставайтесь до утра.

Казаки лустали лошадей на траву, а сами расположились въ базу (сарай), въ другомъ углу котораго, на постелѣ за завѣтской лежалъ Пугачевъ. Тамъ былъ доставленъ столъ, нѣсколько скамеекъ и кровать уметчика. Ложась спать, Оболяевъ шепнулъ Пугачеву что къ нему пріѣхали янцкіе казаки, желаютъ его видѣть и остались мочевать.

— Хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ,—теперь некогда съ ними говорить.

На утро, готовясь принять прибывшихъ, Пугачевъ сочинилъ свой церемоніалъ.

— Ты поди, говорилъ онъ Оболяеву,—и спроси у тѣхъ казаковъ: бывали ли они въ Петербургѣ и знаютъ ли онѣ какъ должно къ государю подходить? Если они скажутъ что въ

* Показанія Григорія Закладнова 28 іюня и 17 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI д. № 506 и 512.

Петербургѣ не бывали и не знаютъ, то прикажи имъ по приходу ко мнѣ стать на колѣни и поцѣловать мою руку.

Оболяевъ пошелъ передать казакамъ приказаніе мнѣнаго государя, а Пугачевъ сѣлъ за столъ въ ожиданіи аудіенціи.

Ни Караваяевъ, ни Кумишниковъ никогда въ Петербургѣ не бывали и потому въ точности послѣдовали совѣту Оболяева. Войдя за перегородку, они стали на колѣна:

— Не прогнѣвайся, ваше величество, говорилъ Караваяевъ, — что мы путемъ и поклонами не умѣемъ.

Пугачевъ приказалъ имъ встать и протянулъ руку, которую они и поцѣвовали.

— Почему вы, мои друзья, узнали что я здѣсь? спросилъ онъ.

— Намъ Григорій Закадновъ сказалъ, отвѣчали казаки.

— А отчего же онъ самъ съ вами не пріѣхалъ?

— Онъ лѣхалъ за дровами.

— Экой безумный, я ему наказывалъ чтобъ онъ вмѣстѣ съ вами сюда пріѣхалъ, а онъ, смотри, за дровами уѣхалъ, дрова бы не ушли... Говорили ли вы со стариками?

— Сказывали человѣкамъ двумъ, тремъ, а нынѣ въ городкѣ большаго-то числа и нѣтъ, всѣ на сѣнокосѣ.

— Зачѣмъ же вы ко мнѣ пришли и какая ваша нужда?

— Мы, ваше царское величество, присламы къ вамъ просить милости и заступиться за насъ, а мы за васъ вступимся. Мы теперь въ конецъ разорены старшинами: дѣтей нашихъ въ солдаты хотятъ брать, а намъ бороды брить; вводятъ у насъ новыя штаты, а мы желаемъ служить по старому и по грамотамъ, какъ при царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ было.

— Хорошо, друзья мои, если вы хотите за меня заступиться, то и я за васъ вступлюсь, только скажите своимъ старикамъ, чтобъ они исполнили все то что я прикажу.

Караваяевъ и Кумишниковъ поклонились въ ноги.

— Изволь батюшка, надежа-государь, говорили они, все что вы ни прикажете будетъ исполнено.

Казаки заплакали, но были ли то слезы радости или горя, рѣшить трудно; Пугачевъ также принялъ на себя видъ человѣка прослезившагося.

— Да все ли войско принять меня желаетъ? спросилъ онъ.

— Когда вы за насъ хотите вступиться, отвѣчалъ Караваяевъ, — то войско наше васъ съ радостію приметъ.

— Ну, дѣтушки мои, соколы ясные, смотрите же не покиньте вы меня; теперь у васъ лѣшій сизый орелъ,

подправьте сизому орлу крылья; сумью я васъ нарядить и разрядить.

— Только не локинь ты насъ, надежа-государь, отвѣчали казаки кланяясь,—а мы съ яццкимъ войскомъ, все что вы ни прикажете и не потребуемъ сдѣлаемъ.

— Я вамъ даю свое обѣщаніе жаловать ваше войско такъ, какъ Донское; по двѣнадцати рублей жалованья и по двѣнадцати четвертей хлѣба, жалую васъ рѣкою Яикомъ и всѣми протоками, рыбными ловлями, землею и угодьями, сѣнными покосами безданно и безлошадью; я распространю соль на всѣ четыре стороны, вези кто куда хочетъ, и буду васъ жаловать такъ, какъ и прежніе государи, а вы мнѣ за то послужите вѣрою и правдою.

— Довольны государь вашею царскою милостію и готовы вамъ послужить.

Въ это время проходившій мимо сарая крестьянинъ Аевасій Чучковъ, услышавъ что казаки величаютъ Пугачева государемъ, вошелъ въ сарай и хотѣлъ было подойти къ разговаривавшимъ, но Пугачевъ удалилъ его.

— Поди, мой другъ, тутъ не твое дѣло, сказалъ онъ махая рукой и указывая на выходъ.

Чучковъ отошелъ, но остался тайнымъ слушателемъ происходившихъ разговоровъ и совѣщаній.

— Ну, друзья мои, говорилъ Пугачевъ казакамъ,—если вы согласны меня приять, такъ надобно приготовить знамена. Купите голы разныхъ цвѣтовъ, шелку и шпура; приготовьте мнѣ лѣатъе хорошее и шалку бархатную. Я не знаю только, мои други, справитесь ли вы съ деньгами?

— Какъ надежа-государь не справитесь; хотя бы и вдвое больше этого приказали, такъ Яццкое войско все исправитъ, но не можно ли записать для памяти что-да-что надобно купить.

— Я бы пожалуй вамъ написалъ, говорилъ неграмотный Пугачевъ, да видишь нѣтъ здѣсь ни бумаги, ни чернилъ. Да это можно и безъ записки такъ уломать.

— Хорошо, мы и такъ уломимъ, отвѣчалъ Караваевъ,—но не можно ли написать какого-либо указа въ войско.

— Какой указъ? у меня телерь ни писаря и никого здѣсь нѣтъ.

Пугачевъ предложилъ казакамъ сѣсть рядомъ съ нимъ на лавку, но тѣ отказывались.

— Что вамъ стоять предо мною, говорилъ мнѣ императоръ, вторично предлагая казакамъ сѣсть,—вѣдь въ ногахъ правды нѣтъ. Теперь дѣло идетъ еще по тайности и вы объявляйте обо мнѣ только надежнымъ людямъ, а молодымъ ребятамъ отнюдь не сказывайте, чтобы старшинская сторона не провѣдала. Такъ поѣзжайте теперь въ городокъ и объявите войску, а для чрезъ три пріѣзжайте опять ко мнѣ.

— Теперь у насъ люди всѣ въ дальнихъ разъѣздахъ, говорили казаки,—всѣ по хуторамъ и занимаются сѣнокосомъ. Не можно ли батюшка потерпѣть эту недѣлю, пока съ сѣнокосомъ управятся и соберутся въ городъ.

— Нѣтъ, други мои, это лустое, нечего еще на недѣлю откладывать; надобно теперь же вамъ хорошенько между собою условиться, надобно дѣлать какъ можно скорѣе, чтобы въ огласку не пошло. Вы старайтесь сами о себѣ; мнѣ есть нуждаца съѣздить на Ирғизъ, а вы поѣзжайте въ городокъ, да посоветуйтесь съ стариками, гдѣ они присудятъ собираться и пріѣзжайте ко мнѣ съ отвѣтомъ какъ можно скорѣе. Если вы будете худо стараться о себѣ и станете мѣшкать, такъ меня здѣсь и не сыщете.

— Какъ намъ не стараться, батюшка, будемъ.

Пугачевъ и казаки стали разсуждать гдѣ бы всего лучше было собраться войску? Сперва говорили что всего удобнѣе на Камелаяхъ, верстахъ въ двадцати ниже Таловаго умета, но потомъ отмѣнили, говоря что тамъ близко проходитъ большая дорога. Говорили о вершинахъ Таловой рѣчки, но и тамъ оказалось неудобно, по близости Сызранской дороги; наконецъ рѣшили направиться на рѣку Узень.

— Поѣзжайте же въ городокъ, сказалъ Пугачевъ, и возвращайтесь скорѣе и я вамъ, если хотите, покажу тогда царскіе знаки. Только смотрите объявляйте другъ другу по тайности.

Увидѣвъ стоявшаго въ отдаленіи Аеванасія Чучкова, Пугачевъ подозвалъ его къ себѣ.

— Если вы сюда пріѣдете прежде меня, сказалъ онъ,—такъ здѣсь подождите и у Аеванасія понавѣдайтесь: онъ останется дома, а Еремива Курица поѣдетъ со мною.

— Хорошо, отвѣчали казаки прощаясь.

— Дай Богъ счастливо, кричалъ Пугачевъ вслѣдъ уѣзжавшимъ.

— Благодарствуемъ, отвѣчали казаки сжавъ шалки.

Проводивъ гостей, Пугачевъ отправился въ избу, а

Оболяевъ и Чучковъ остались у лютая. Послѣдній не могъ ловить что вокругъ него дѣлалось; онъ слышалъ отрывочныя фразы, слышалъ какъ казаки называли Пугачева „надежею государемъ“ и какъ Пугачевъ общалъ имъ рѣки, дуга, вольность и проч. Все это вертѣлось въ головѣ Чучкова безо всякой связи и значенія и онъ рѣшился объясниться съ Оболяевымъ.

— Почему это Степанъ Максимычъ, спрашивалъ Чучковъ у уметчика, — давеча яцкіе казаки величали Петра Ивановича надежею государемъ?

— А вотъ почему, отвѣчалъ Оболяевъ, — потому что онъ государь Петръ Федорычъ.

— Какъ же это такъ! вѣдь слухъ былъ что государь померъ, да и самъ онъ называется дубовскимъ казакомъ; почему жь узнали что онъ такой большой человекъ?

— Самъ батюшка мнѣ повѣдалъ и сказалъ что онъ, оставивъ царство, принялъ на себя страствованіе, большой трудъ и бѣдность. Смотрите же не болтать никому постороннему, да и сами называйте его попрежнему дубовскимъ казакомъ и обходитесь съ нимъ просто.

Чучковъ былъ озадаченъ, но видя что уметчикъ и два казака съ такимъ почтеніемъ относились къ Пугачеву, онъ повѣрилъ словамъ Оболяева и такимъ образомъ явился однимъ изъ первыхъ пособниковъ самозванца и его приверженцомъ.

Черезъ часъ Пугачевъ сталъ собираться въ дорогу, чтобъ ѣхать на рѣку Иртызь. Хотя на Иртызѣ очень многіе знали Пугачева и лутешествіе это было весьма оласво, но онъ, какъ человекъ безграмотный, считалъ его необходимымъ послѣ просьбы казакѣвъ написать реестръ тѣмъ вещамъ которыя необходимо было купить и послать указъ яцкімъ казакамъ.

— Караванъ и другіе казаки, говорилъ онъ Оболяеву, — скоро опять къ намъ прїѣдутъ и что-нибудь рѣшать; надобно будетъ тогда писать, а у насъ грамотея нѣтъ, такъ я хочу съѣздить въ верхній монастырь и взять тамъ писаря, онъ будетъ намъ всякія дѣла писать. Къ тому же мнѣ надобно побывать въ Мечетной у кума и забрать у него рубашки и лошадь.

Пугачевъ просилъ уметчика ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но тотъ отговаривался.

— Тебѣ жители Мечетной и всѣ старцы знакомы, говорилъ онъ Оболяеву, — такъ съ тобою я вездѣ найду ночлегъ, а ежели

одна въ лошадѣ то, во первыхъ, страшно дорогою воровъ, а вторыхъ, незнакомые не пустятъ меня вочевать.

Убѣжденный этими словами Оболяевъ согласился ѣхать и сталъ запрягать лошадей. Предъ отъѣздомъ Пугачевъ призвалъ къ себѣ Чучкова.

— Смотри жь, Аавасій, сказалъ онъ,—никому о томъ что давеча слышалъ не болтай и постороннимъ ни одному человѣку что я государь не сказывай. Если кто изъ пріѣзжихъ станетъ спрашивать уметчика, такъ говори что онъ поѣхалъ въ Сызрань, снимать на будущій годъ уметъ, а не говори что со мною поѣхалъ на Иргизъ. Но если пріѣдутъ сюда казаки отъ войска яцкаго, такъ ты прикажи имъ меня дожидаться, только чтобъ они не въ уметъ дождались, а на стелы, и ты покажи гдѣ-нибудь мѣсто.

Чучковъ обѣщалъ исполнить въ точности данное ему наставленіе, а Пугачевъ сѣвъ въ кубитку съ Оболяевымъ, отправилась въ путь.

— Есть ли у тебя, спрашивалъ Пугачевъ дорогой Оболяева,—въ Исакіевомъ скитѣ знакомые старцы?

— Какъ не быть! Они вѣдь часто ѣздить мимо меня въ Яцкій городокъ и всегда останавливаются на уметъ.

— Ну такъ мы заѣдемъ въ ихъ хуторъ, и чѣмъ по грязи таскать телѣгу, такъ оставимъ ее тутъ, а ты выпроси у старцевъ себѣ лошадь, моя рыжая подъ верхомъ не ходитъ, и сѣздимъ въ Мечетную. Какъ пріѣдемъ мы на хуторъ, такъ ты сбѣгай въ монастырь; я знаю что тутъ много пришельцевъ есть, такъ ты откройся какому-нибудь старику и посоветуй ему чтобъ онъ уговорилъ тѣхъ пришельцевъ идти прямо къ Яцкому городку и тамъ меня ожидать. Особливо мнѣ лисьменные (грамотные) люди нужны, ихъ тутъ я чаю довольно. Да только смотри не долго мѣшкай, намъ надобно сегодня же назадъ вернуться.

Оболяевъ ходилъ въ монастырь и объявилъ одному изъ старцевъ что проявляется государь Петръ Федоровичъ, который приказалъ ему поспать для себя здѣсь писарей и пришельцевъ и сказать имъ чтобъ они всѣ шли къ Яцкому городку.

— Если это правда, отвѣчалъ старецъ,—такъ дай Господи, только теперь такихъ людей въ монастырѣ нѣтъ; набралось бы человѣкъ 20, но и тѣ отъ команды сыщиковъ разбѣжались.

Возвратившись изъ монастыря, Оболяевъ и Пугачевъ

ловхаи верхаи въ Мечетную и оставившаеь у двора Косова, малолѣтній сынъ котораго сказавъ прѣзжимъ что отца дома нѣтъ, что онъ возить съ поля хлѣбъ и скоро возвратится. Пугачевъ отправился на гумно, но на дорогѣ встрѣтился съ Косовымъ. Послѣдній, увидя Пугачева, удивился и „какъ бы чего испугался“.

— Ба! кумаекъ, ты здѣсь! проговорилъ Косовъ:—все ли въ добромъ здоровьи? откуда ты взялся?

— Слава Богу, живъ родительскими молитвами.

Видя что пріятели встрѣтились, Оболяевъ отправился на хуторъ за оставленною лошадыю, а Пугачевъ остался съ Косовымъ.

— Помнишь, говорилъ ему Пугачевъ,—что у тебя остались моя рубашка, рыба и лошадь.

— Все, братецъ, взяи отъ меня въ Малыковку, отвѣчалъ Косовъ,—да и самому мнѣ было много хлопотъ.

— Кому было брать, все вѣрно у тебя...

— Скажи-ка, какъ ты изъ Казани-то ушелъ, перебилъ его Косовъ.

— Богъ освободилъ.

— А есть ли у тебя паспортъ?

— Есть.

— А гдѣ жь онъ?

Пугачевъ видѣвъ что дѣло плохо и что Косовъ спрашиваетъ о паспортѣ не даромъ.

— У меня паспортъ лежитъ въ телѣгѣ, потому что видишь ли дождикъ идетъ, такъ чтобы не замочить я оставилъ его въ телѣгѣ.

— Пойдемъ-ка, братъ, мы лучше къ выборному, сказалъ Косовъ.

— Зачѣмъ теперь ходить, мы уже сходимъ, я къ тебѣ скоро вернусь, отвѣчалъ Пугачевъ и ударивъ по лошади ускатъ.

Догнавъ Оболева онъ разказалъ ему свой разговоръ съ кумомъ.

— Я уѣхалъ отъ него, а онъ пошелъ вдоль по улицѣ; конечно, у него есть какое-нибудь злодѣйство надо мною.

— Зачѣмъ же ты сюда вѣдлалъ, если ожидаешь злодѣйства,—говорилъ уметчикъ.

— Да что они со мною сдѣлаютъ; мнѣ лихо только добраться до монастыря, а тамъ ужъ имъ меня не сыскать.

— Я прятаться не буду, говорилъ Оболяевъ,—я за собою никакого дѣла не знаю; вотъ развѣ ты что знаешь, такъ прачься.

— Я имъ, кажется, тоже ничего не сдѣлаалъ, проговорилъ Пугачевъ, и оба поскакали къ монастырю.

Подъѣхавъ къ Пахоміеву скиту, оба всадника вѣхали на дворъ, но не услѣлъ Пугачевъ свести лошадь подъ сарай, какъ вышедшій изъ-за лекарни старецъ предупредилъ его о поговѣ.

— Чего ты съ лошадью возишься, сказалъ онъ Пугачеву,—цаи не слышишь какая толотня; вѣдь, это, конечно, за вами погона, убирайся скорѣе.

Пугачевъ бросилъ лошадь и скрылся за старческими кельями, переправился въ лодкѣ черезъ рѣку Иргизъ и ушелъ въ лѣсъ. Человѣкъ лятадцать преслѣдователей предводимыхъ Косовымъ ворвались во дворъ и схватили Оболяева.

— Гдѣ тотъ человѣкъ который съ тобою вѣхалъ? спрашивали они.

— Онъ любѣжалъ вонъ туда, отвѣчалъ уметчикъ, указывая на кельи старцевъ.

Обыскавъ всѣ кельи и не найдя въ нихъ Пугачева, сыщики ударили въ набатъ. На звукъ колокола всѣ старцы вышли изъ своихъ келій и даже прибыли изъ сосѣднаго Филаретовскаго скита; но Пугачева отыскать было трудно: за Иргизомъ былъ дремучій лѣсъ, въ которомъ легко было спрятаться отъ какой угодно погони. * Пугачевъ даже и не уходилъ далеко отъ берега и слышалъ все что происходило въ Пахоміевомъ скиту. Дождавшись въ лѣсу ночи и вида что все услокопилось, онъ снова перешелъ черезъ Иргизъ, дошелъ до монастырскаго хутора, запрегъ оставшуюся свою лошадь въ телегу и тайно отъ спящихъ старцевъ уѣхалъ на Таловый уметъ, гдѣ ожидали его яцкіе казаки. **

* Оболяевъ больше не видалъ Пугачева; посаженный въ тюрьму, онъ провелъ въ заключеніи все время варварской дѣятельности Пугачева.

** Показанія Оболяева 16 октября 1773 г., 10 января, 11 июня и 17 ноября 1774 г. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показанія Аенасія Чучкова 6 июня и 17 ноября 1774. Показаніе Караваева 17 ноября. Показаніе Григорія Закладнова 17 ноября. Госуд. Арх. VI д., №№ 506 и 512.

IX.

Свиданіе Пугачева съ казаками: Каравашевымъ, Шугаевымъ, Чкою и Мясниковымъ.—Осмотръ царскихъ знаменъ.—Переселеніе Пугачева съ Таловаго умета въ хутора Кожевниковыхъ.

Возвращеніе Каравашева и Куишишкова въ Яицкій городокъ и разказы ихъ о видѣнномъ и слышанномъ произвели сильное волненіе среди казаковъ войсковой стороны. Каждый кто только имѣлъ возможность, тайкомъ пробирался въ домъ того или другаго изъ прѣхавшихъ чтобъ удостовѣриться въ справедливости слуха облетѣвшаго весь городокъ.

Рано утромъ слѣдующаго дня молодой казакъ Тимошей Мясниковъ отправился къ Куишишкову и узнавъ что онъ у Каравашева, пошелъ къ послѣднему.

— Чтò, Сергѣй, обратился прѣшедшій къ Куишишкову,—подлинно ли вы на Таловой видѣли царя?

— Подлинно.

— Онъ велѣлъ, вмѣшался Каравашевъ,—прислать къ себѣ человека другаго, отъ войска; поговорить о чемъ-то хочеть. Мнѣ самому приказалъ онъ прѣзжать, да кого взять другаго не знаю, а мнѣ нельзя не ѣхать, потому что безъ меня другимъ не повѣрять.

Узнавъ такую новость, Мясниковъ пошелъ домой, а послѣ обѣда выйдя на базаръ встрѣтился опять съ Куишишковымъ.

— Кто же поѣдетъ? спросилъ Мясниковъ.

— Каравашеву непременно надо ѣхать, отвѣчалъ Куишишковъ,—а другаго-то мы не знаемъ кого послать. Смотри Тимошей, не балалакай этого никому до времени. Я вотъ боюсь за ливоху (львицу) Алексѣя Кочурова, чтобы львиный какъ не проболтался, и нелегкая меня дернула сказать ему вчера объ этомъ дѣлѣ.

На слѣдующій день любопытный Мясниковъ пошелъ и къ Кочурову узнать что онъ думаетъ, но не засталъ его дома, а нашель средняго его брата Петра Кочурова, который сидѣлъ съ Зарубинымъ (онъ же Чика, а въ послѣдствіи пугачевскій графъ Чернышевъ) въ предбанникѣ и упражнялся въ литьѣ свинцовыхъ пулъ.

— Чтò братцы, спрашивалъ прѣшедшій,—слышали вы, на Таловой чудо проявляется?

— Слышали, отвѣчали они.

— Богъ знаетъ, право правда ли это, замѣтилъ Петръ Кочуровъ;—вѣдь вотъ прошлаго года тоже слухъ былъ что государь проявился будто бы въ Царицынѣ, и что же вышло: только народу, сказываютъ, за нимъ много пролало.

— Говорятъ что подлинно онъ батюшка, сказалъ Мясниковъ съ видомъ нѣкоторой увѣренности.

Оставивъ Кочурова, Чика и Мясниковъ пошли на базаръ.

— Царь вѣдь приказалъ прислать къ себѣ отъ войска двухъ человекъ, говорилъ дорогой Мясниковъ.

— Такъ что же, отвѣчалъ Чика, — зачѣмъ дѣло стало, а первый поѣду.

— Ну, а другой-то кто же? развѣ мнѣ съ тобой поѣхать?

— Ну и поѣдемъ завтра.

— Я слышалъ отъ Караваява что и онъ хотѣлъ ѣхать.

— Да мнѣ-то до того какаа нужда, сказалъ Чика,—хота Перекараваевъ поѣзжай, я самъ хочу ѣхать и посмотреть. Вѣдь почему мы знаемъ что они поѣдутъ, а можетъ и не поѣдутъ.

Итакъ рѣшивъ завтра ѣхать на Тамовую, собесѣдники разошлись: Мясниковъ пошелъ домой, а Зарубинъ (Чика) направился къ небольшой кучкѣ казаковъ о чемъ то разговаривавшихъ и поминутно оглядывавшихся на всѣ стороны. Въ то время въ Яицкомъ городкѣ было очень строго и всякія собранія казакамъ войсковой руки были строго запрещены. За этимъ начальство и старшины тщательно слѣдили и если на базарѣ когда собиралась толпа, то тотчасъ же являлись солдаты и разговяли бесѣдовавшихъ. Чтобы подѣлиться новостями и попоковеть о чрезвычайномъ происшествіи, казаки сходились на улицѣ человекъ по два, по три и тайкомъ разговаривали. Одну изъ такихъ кучекъ и замѣтилъ Чика; она состояла изъ казаковъ: Андрея Кожевникова, Ивана Харчова, Тимофея Стракайкина и другихъ.

— Я слышалъ отъ Караваява, говорилъ Кожевниковъ собравшимся,—что на умѣтъ у Еремѣной Курицы онъ видѣлъ государя Петра Федоровича, который приказывалъ чтобы прислать къ нему человекъ другаго.

— Ковечю надо къ нему ѣхать, отвѣчали казаки.

— Куда и зачѣмъ ѣхать? спрашивалъ подошедшій къ разговаривавшимъ Чика, какъ будто ничего не знавшій.

— Развѣ ты теперъ только слышишь, отвѣчалъ Кожевниковъ,—что государь явился.

— Кто вамъ сказывалъ?

— Караваяевъ, овъ сейчасъ отъ него; государь на умѣтъ у Ереминой Курницы и, конечно, намъ надо его до времени спрятать.

Казаки поддакнули.

— Не съѣдешь-ли ты къ нему? спросилъ Кожевниковъ обращаясь къ Зарубину.

— Отчего не съѣздить, пожалуй съѣзжу, но куда мнѣ его спрятать?

— Вези прямо ко мнѣ на хуторъ, отвѣчалъ Кожевниковъ,— а тамъ уже не твоя печаль, у насъ есть локоп гдѣ его спрятать*.

— Зачѣмъ на хуторъ? Отчего не въ городокъ?

— Въ городокъ теперь привезти нельзя: цыне казаки не повѣрятъ, а старшинская сторона можетъ его поймать, а какъ отвезешь на хуторъ, такъ мы всѣ туда будемъ.

Зарубинъ согласился.

— Смотри и примѣчай, Зарубинъ, говорилъ ему Иванъ Харчовъ,— волосы у него должны быть черные, самъ смуглъ, между зубами щербинка, на одной щекѣ рубчикъ, на рукахъ крапивы, а ростомъ немного выше тебя.

— Однако не одному же мнѣ ѣхать, говорилъ вкрадчиво Зарубинъ, умалчивая что имѣеть уже товарища:—человѣка другаго все бы надобно было.

— Сыщи самъ съ кѣмъ ѣхать, отвѣчалъ Кожевниковъ, и казаки разошлись.

Въ тотъ же самый день, на другомъ концѣ городка, казакъ Петръ Орловъ отправился къ своему сосѣду и куму Максиму Шигаеву.

— Сходимъ кумъ, говорилъ Орловъ,—къ Деяису Караваяеву, понавѣдаемся правда ли что овъ видѣлъ на Таловой царя Петра Федоровича.

— Отъ коге ты это слышалъ? спрашивалъ Шигаевъ,—и можетъ ли это статься?

— Можно или не можно этому статься, только говорятъ что Караваяевъ точно его видѣлъ.

Шигаевъ и Орловъ отправились разузнавать правду.

* Кожевниковыхъ было три брата: Андрей, Михаилъ и Степанъ; всѣ они жили въ одномъ домѣ; вблизи ихъ жилъ и двоюродный братъ ихъ Сидоръ.

— Правда ли, спрашивали они Караваяева,—что ты видѣлъ царя на Таловой?

— Кто это вамъ навралъ, я ничего не знаю.

Шигаевъ и Орловъ отправились домой, а на слѣдующее утро Караваяевъ самъ пришелъ къ Шигаеву.

— А вѣдь я, Максимъ Григорьевичъ, говорилъ приходившій,—вечоръ отъ тебя для Орлова лотаилъ; я подлинно ѣздилъ на Таловую и видѣлъ тамъ того человѣка который называется царемъ Петромъ Федоровичемъ.

— Какимъ же это образомъ и гдѣ ты его видѣлъ?

— Мнѣ сказалъ о немъ Иванъ Чабаковъ, а ему Григорій Зкладновъ, которому тотъ человѣкъ приказалъ прислать къ себѣ отъ войска двухъ казаковъ, такъ вотъ я и ѣздилъ къ нему съ Сергѣемъ Кувишниковымъ.

Караваяевъ разказалъ подробно свое свиданіе съ Пугачевымъ.

— Царь приказалъ мнѣ, заключилъ свой разказъ Караваяевъ,—непремѣнно къ нему чрезъ три дня пріѣхать, такъ не хочешь ли поѣдемъ завтра со мною, ты его посмотришь и поговоришь со нимъ.

Шигаевъ согласился, а между тѣмъ рано утромъ слѣдующаго дня Кожевниковъ пришелъ къ Зарубину и торопилъ его ѣхать.

— Ты остерегайся многолюдства, говорилъ Кожевниковъ,—переговори съ нимъ вединѣ и скажи что прислаивъ отъ Караваяева и Кувишникова и чтобъ онъ безо всякаго опасенія ѣхалъ ко мнѣ на хуторъ.

Кожевниковъ предупредилъ Зарубина что онъ можетъ не застать Пугачева и чтобы тогда онъ спросилъ мужика Аванасія.

— Хорошо, отвѣчалъ Чика,—вотъ дома пообѣдаю, а потомъ и поѣду.

Зарубинъ пошелъ за Мясниковымъ, но тотъ отказывался отъ поѣздки. Наканунѣ Мясниковъ встрѣтился съ казакомъ Плотниковымъ и тотъ же совѣтовалъ ему ѣздить.

— Я слышалъ, говорилъ Плотниковъ,—что ты съ Чикою хочешь ѣхать на Таловую, такъ полно, ѣздить ли уже вамъ: отъ насъ люди къ нему поѣдутъ.

— То-то я и самъ не знаю, отвѣчалъ Мясниковъ,—да Чика меня зоветъ.

— Ну, какъ хочешь.

Мясниковъ былъ въ большомъ раздумьѣ, ѣхать или не

ѣхать, такъ что когда пришелъ къ нему Зарубинъ, то онъ сталъ отказываться.

— Я братъ и самъ не знаю, говорилъ Мясниковъ,—полно есть ли за чѣмъ ѣхать-то, вѣдь и безъ насъ поѣдутъ люди.

— Вотъ дуракъ-то, отвѣчалъ Зарубинъ,—еще и раздумье тебя взяло, поѣдемъ вмѣсто гуляки.

— Хорошо, поѣдемъ, я вотъ только осѣдлаю лошадь и возьму ружье, будто бы ѣдемъ стрѣлять сайгаковъ.

Послѣ обѣда Мясниковъ и Зарубинъ выѣхали верхами изъ Яцкаго городка на Таловый уметъ, а часа два спустя поѣхали туда же въ телѣгѣ Каравановъ и Шигаевъ, не подозревавшіе что впереди ихъ ѣдутъ другіе представители войска.

Былъ уже вечеръ когда два всадника приблизилась къ Таловскому умету. Замѣтивъ на дворѣ двухъ работавшихъ мужиковъ, пріѣзжіе прямо подѣхали къ нимъ.

— Хозяинъ дома? спросилъ Зарубинъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ одинъ изъ работниковъ,—онъ уѣхалъ въ Сызрань.

— Съ кѣмъ?

— У него живетъ одинъ человекъ, такъ съ нимъ и поѣхалъ.

— Этого-то человека мнѣ и надобно, а скоро они будутъ?

— Не знаю.

— Не ты ли Аванасій? говорилъ Зарубинъ улыбаясь.

— Я.

— Ну такъ что же ты меня обманываешь, вѣдь я знаю что Еремия Курица поѣхалъ на Иргизъ, да и знаю съ кѣмъ; вѣдь не святымъ же духомъ я узналъ твое имя, а намъ сказано.

— А кто вы таковы? спросилъ Чучковъ.

— Я Иванъ Зарубинъ, а онъ Тимофей Мясниковъ.

— Государь приказалъ, говорилъ Чучковъ,—чтобы вы его здѣсь подождали, онъ сегодня вечеромъ или завтра рано непременно будетъ.

— Ну ладно, мы отѣдемъ здѣсь по рѣчкѣ, уснемъ и коней покормимъ, а ты пожалуйста скажи мнѣ какъ они пріѣдутъ.

Чучковъ обѣщалъ исполнить просьбу, и Зарубинъ съ Мясниковымъ уѣхали въ степь ночевать. На другой день рано утромъ Зарубинъ и Мясниковъ лошади на уметъ узнать не пріѣхалъ ли Пугачевъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Чучковъ; да я не знаю отчего они такъ долго замѣшкались, ужь здоровы ли?

— Сохрани Господи! проговорили казаки и рѣшились не оставаться въ уметъ чтобы не возбудить подозрѣнія провожающихъ, а уйти въ степь.

— Чѣмъ вамъ здѣсь дожидаться, говорилъ Зарубинъ,—лучше поѣздимъ по степи, не поладится ли вамъ сайгачишка какой.

Мясниковъ согласился.

— Мы вотъ около этого мѣста будемъ, сказалъ Зарубинъ указывая рукой,—такъ прибѣги къ намъ когда они пріѣдутъ.

— Хорошо, поѣзжайте.

Лишь только Зарубинъ и Мясниковъ уѣхали въ степь, какъ на уметъ прискакалъ Денисъ Караваевъ.

— Чтò, пріѣхали? спросилъ онъ у Чучкова.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ тотъ.

— Ну такъ уѣдомь когда пріѣдутъ,—мы будемъ тамъ дожидаться, сказалъ Караваевъ указывая на другой беретъ р. Таловой.

— А ты съ кѣмъ пріѣхалъ?

— Съ казакомъ Максимомъ Шигаевымъ.

— Здѣсь, братъ, есть еще два казака: Зарубинъ (Чика) и Мясниковъ, они вчера еще пріѣхали и ждутъ ихъ же.

— Гдѣ же они?

— Они хотѣли около тѣхъ мѣстъ дожидаться, и Чучковъ показалъ въ сторону почти противоположную той, гдѣ остановились Шигаевъ и Караваевъ.

— А ты сказалъ имъ про государя?

— Оказалъ.

— Напрасно, лѣнчалъ Караваевъ Чучкову,—такъ теперь не сказывай же что я здѣсь былъ, и съ этими словами онъ уѣхалъ къ Шигаеву ожидавшему его въ степи, не подавляя отъ умета.

Караваевъ объяснилъ что самозванца нѣтъ дома и что надо подождать. Въ это самое время они увидѣли приближавшихся къ нимъ двухъ всадниковъ и скоро узнали въ нихъ Чика и Мясникова. Шигаевъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ находился подъ подозрѣніемъ казаковъ войсковой стороны. Принимая участіе въ возмущеніи бывшемъ въ Яицкомъ городкѣ, въ январѣ 1772 года, и будучи посланъ войскомъ въ Петербургъ въ числѣ

депутатовъ съ челобитвою, Шигаевъ одинъ изъ немногихъ былъ, какъ мы видѣли, помилованъ и избавленъ отъ наказанія. Прощеніе ему даровано было за спасеніе Дурново отъ смерти, а казаки полагаали что Шигаевъ избавился отъ наказанія тайнымъ переходомъ съ войсковою стороны на старшинскую. Считая его пзвѣнникомъ, войсковая сторона смотрѣла на Шигаева подозрительно и непріязненно и потому при приближеніи Чика и Мясникова оны счель лучшимъ не показываться имъ и скрылася въ камышахъ. У телѣги осталса одинъ Караваевъ и колошцлса надъ чѣмъ-то.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? спрашивалъ Чика здоровалса съ Караваевымъ.

— Пріѣхалъ стрѣлять сайгаковъ, отвѣчалъ спрошенный,— да теперь холодно, такъ остановилса, подожду когда солнце взойдетъ повыше и будетъ теплѣе.

— Съ кѣмъ же ты сюда пріѣхалъ, мы тебя видѣли самъ другъ.

— Со мной ѣхалъ одинъ кизилъ башемилъ, отвѣчалъ улыбалса Караваевъ;— оны пошелъ сайгаковъ стрѣлять.

— Полю отъ насъ таиться-то, вѣдъ мы знаемъ зачѣмъ вы сюда пріѣхали.

— Ну, зачѣмъ? какъ ты думаешь?

— Полю, братъ, лукавить, вы пріѣхали сюда не сайгаковъ стрѣлять, а смотретьъ государя Петра Федоровича, который слышно здѣсь живетъ.

— Полю врать-то, мы этого и не слыхивали и не знаемъ.

— Не таись, братъ, я знаю все, мнѣ все сказано.

— Ну это правда что за тѣмъ пріѣхали, только молчи.

— Чтѣ молчать! мы и сами зачѣмъ же пріѣхали.

— Теперь его здѣсь нѣтъ, подождите немного.

Чика и Мясниковъ олять поѣхали въ степь, а около полудна подѣхалъ къ умету и Пугачевъ. Оны пріѣхалъ на одной лошади, на телѣгѣ безъ кибитки, и уметчика съ нимъ не было.

— Гдѣ же Еремива Курица? спросилъ Чучковъ.

— Курицу мечетные мужики поймали, отвѣчалъ Пугачевъ,— да и хохоль чай ужъ ей опцлалц; я едва самъ убралса на этой лошаденкѣ, а другую не услѣлъ захватить... Былъ ли здѣсь кто изъ ацкаго войска?

— Есть четыре человекъ, двое тамъ: Чика (Зарубинъ) и Мясниковъ, а двое тутъ: Шигаевъ и Караваевъ, отвѣчалъ

Чучковъ показывая рукою въ разные стороны.—Только Караваяевъ пѣналъ что я про васъ сказалъ Чукѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ напрасно ты сказывалъ и если онъ придетъ опять, то про меня не сказывай.

Взобравшись на крышу сарая, Чучковъ сталъ махать шалкою, что увидя Караваяевъ съѣлъ верхомъ и пріѣхалъ въ уметь. Онъ просилъ Пугачева отправиться къ нему въ ставъ и когда тотъ согласился, то посадилъ его на свою лошадь, указавъ дорогу къ Шигаеву, а самъ пошелъ пѣшкомъ.

Пріѣхавъ къ Шигаеву, Пугачевъ сѣлъ съ лошади и поклонился. Одѣтый въ простой мужицкій армякъ и въ толстую холстинную рубашку, онъ имѣлъ на головѣ небольшую суконную шапку и своимъ видомъ возбудилъ въ Шигаевѣ предположеніе что Караваяевъ присаалъ къ нему мужичка съ какою-нибудь вѣстью. На поклонъ Пугачева Шигаевъ отвѣтилъ тѣмъ же и сѣлъ съ нимъ на траву, но въ это время подошелъ Караваяевъ.

— Вотъ нашъ батюшка, сказалъ онъ обращаясь къ Шигаеву и указывая на Пугачева.

Шигаевъ вскочилъ, оробѣлъ и не зналъ вѣрить ли тому что слышалъ и видѣлъ или не вѣрить. Когда прошелъ первый страхъ, онъ низко поклонился незнакомцу и сталъ извиняться что по незнакомію обошелся съ нимъ такъ просто.

— Ничего, ничего, ободрялъ его Пугачевъ;—ву какъ вы, други мои, кивѣ проживаете, я слышалъ что вы, бѣдные, въ конецъ разорены; разкажите-ка чѣмъ рѣшилась ваша тяжба?

— Рѣшилась, батюшка, тѣмъ, отвѣчалъ Шигаевъ,—что изъ насъ человекъ со сто пересѣченъ кнутомъ и плетью и разосланъ въ семаку, а нѣкоторымъ вырваны и воздря, но, слава Богу, я съ четырьмя человекѣми бывшими въ Петербургѣ челобитчиками, отъ милостивой государыни помилуваны и остались безъ наказанія.

— Какъ же быть-то, дѣтушки, говорилъ Пугачевъ,—потерпите, я вотъ и самъ двѣнадцать лѣтъ шатался по свѣту и терпѣлъ много нужды, былъ холодець и голодець, и мало ли гдѣ я былъ: въ Царьградѣ, во Иерусалимѣ, въ Некрасовщинѣ, въ Польшѣ и на Дову.

— Ахъ! батюшка, сказалъ Пугачеву Шигаевъ указывая на приближавшихся Чуку и Мясникова,—я боюсь этого вора Чуку, онъ у насъ человекъ причинный, того и гляди что

разболтаютъ: дѣла мы не сдѣлаемъ, а хлопотъ наведемъ, такъ не лучше ли намъ спрятаться отъ него въ кусты?

Пугачевъ конечно тотчасъ же согласился и они, отойдя саженъ пятьдесятъ отъ своего стана, скрылись въ камышахъ. Караваяевъ опять остался одинъ у телѣги и сталъ прятать арбузы и яблоки выложенные для угощешя самозванца на постлаваемый на травѣ вмѣсто скатерти платокъ.

— Гдѣ же государь? спрашивалъ Чика;—намъ сказали что онъ у васъ.

— Здѣсь нѣтъ, надо спросить на уметь, отвѣчалъ Караваяевъ.

Чика отправился на уметь, но тамъ ему сказали что Пугачевъ точно уѣхалъ съ Караваяевымъ.

— Вотъ, бездѣльники, ворчалъ Чика,—не окажутъ правду, а ты взадъ и впередъ ѣзди. Чего вы таитесь отъ меня, я буду здѣсь ожидать до ночи и отсюда не поѣду пока не увижу.

— Слушай, Чика, говорилъ Караваяевъ,—буде правду сказать, такъ мы тебя опасаемся; побожись что ты ничего дурнаго съ нами не сдѣлаешь, такъ мы тебѣ его покажемъ.

Чика побожился.

— Ну, слѣзай съ лошади, говорилъ Караваяевъ,—да привяжи ее.

Чика слѣзъ, а Караваяевъ досталъ образъ и поставилъ его на телѣгѣ.

— Помолись-ка, братъ, Богу, говорилъ Караваяевъ,—да локлявись предъ образомъ чтобы никому объ этомъ не сказывать, а безъ этого я тебѣ мало вѣрю.

Зарубивъ (Чика), а за нимъ и Мясниковъ локлялись что все будетъ сохранено ими въ совершенной тайнѣ, и тогда Караваяевъ закричалъ: „Максимъ выходъ“. Шигаевъ и Пугачевъ вышли изъ камышей.

— Здравствуйте войско яцкое, привѣтствовалъ Пугачевъ прибывшихъ;—доселѣ отцы ваши и дѣды въ Москву и Петербургъ къ монархамъ ѣзжали, а нынѣ монархъ къ вамъ самъ пріѣхалъ.

Прижавшіеся къ телѣгѣ Мясниковъ и Чика низко локлялись Пугачеву.

— Не кланяйтесь дѣтушки, а заступитесь за меня. Вы пришли сюда чтобы видѣть государя Петра Федоровича, а и есть тотъ кого вы ищете, и телерь своими глазами видите.

По ненависти бояръ я лишень былъ царства, долго странствовалъ, а теперъ хочу попрежнему вступить на престолъ: примете ли вы меня къ себѣ и возьмете ли на свои руки?

— Рады, батюшка, тебѣ служить, отвѣчали казаки.

Караваяевъ разостлалъ на землѣ платокъ, досталъ изъ тележки арбузы, и всѣ присутствующіе привалились за трапезу. Пугачевъ сидѣлъ на травѣ, возлѣ него стоялъ Шигаевъ, Караваяевъ занимался угощеніемъ, а Чика и Мясниковъ не смѣя сѣсть въ присутствіи государя, зашли по другую сторону тележки и присѣли на колесо. Къ этому обществу присоединилась и Аванасій Чучковъ, пришедшій изъ умета.

— Такъ-то дѣтушки, говорилъ Пугачевъ,—еще Богъ велѣлъ по двѣаадцатилѣтнемъ странствованіи свидѣться съ вами: много претерпѣлъ я въ это время бѣдности...

— Ну что, батюшка, о прошедшемъ много разговаривать, перебилъ Караваяевъ,—предъяви-ка ты намъ лучше свои царскіе знаки.

— Рабъ ты мой, а повелѣишь моею, сказалъ смѣло Пугачевъ и посмотрѣлъ сердито на Караваяева.

— Батюшка, замѣтилъ Шигаевъ,—наше дѣло казачье, не прогнѣвайся что мы говорить-то хорошо не умѣемъ.

— Развѣ вы сомнѣваетесь во мнѣ, проговорилъ съ горячностью Пугачевъ и схватилъ ножъ лежавшій у арбуза чтобы разрѣзать имъ воротъ рубашки, но Караваяевъ остановилъ его.

— Зачѣмъ батюшка, портить рубашку, сказалъ онъ,—вы бы лучше ее скинули.

Предложеніе это взволновало Пугачева настолько что онъ измѣнился въ лицѣ; ему не хотѣлось показывать казакамъ свою битую спину.

— Нѣтъ, сказалъ онъ строго,—не подобаетъ вамъ, простымъ людямъ, видѣть все мое тѣло, и разрѣзавъ воротъ рубашки обнажилъ свою грудь.

— Кто же изъ васъ знаетъ царскіе знаки? спросилъ онъ съ сердцемъ.

— Мы не знаемъ, надежа государь, слышались голоса,—ваше дѣло казачье и мы никогда ихъ не видывали.

— Такъ вотъ знайте же! и онъ указалъ на свою грудь.

На груди на лѣвой сторонѣ было два пятна отъ заросшихъ ранъ, да на правой одно. Знаки эти подѣйствовали на казаковъ, а Мясникова „такой страхъ обуялъ что ноги и руки

затрясаясь“. Одишь только Зарубишь сохранилъ сомнѣніе. „Вида Пугачева, показывалъ онъ въ посѣдствіи, думалъ я и разсуждалъ самъ съ собою что ему государемъ быть нельзя, а какой-нибудь простой человекъ, а притомъ замѣчалъ на немъ примѣты сказанныя отъ Харчева, то хотя и находилъ оныя по словамъ сходными, но думалъ что это только потому что Харчеву онъ конечно знакомъ“. Сомнѣніе Зарубина было на столько спально что онъ рѣшился въ присутствіи Пугачева разъяснить себѣ недоразумѣніе.

— Какъ же на немъ платье казакское? спрашивалъ Зарубишь Караваева;—онъ съ бородою и остриженъ по-казакки.

— Онъ нарочно такъ себя прикрываетъ, отвѣчалъ улыбаясь Караваевъ,—чтобъ его не признали; нарочно и бороду отросталъ.

Ободренный словами Караваева Пугачевъ рѣшился выдержать свою роль до конца.

— Такъ вотъ, други мои, говорилъ онъ,—видывали ли вы когда-нибудь знаки на простыхъ людяхъ.

— Нѣтъ, надежа государь, не видывали, отвѣчали казаки.

— А вотъ примѣчайте друзья мои, какъ царей узнаютъ, говорилъ Пугачевъ отодвигая волосы на лѣвомъ вискѣ.

Казаки замѣтили на указанномъ мѣстѣ какъ бы пятно отъ золотухи, но какой былъ именно знакъ разглядѣть не могли.

— Чтò это тамъ батюшка, спрашивалъ Шигаевъ, раздвигая волосы Пугачева,—орелъ что ли?

— Нѣтъ, мой другъ, отвѣчалъ Пугачевъ,—это царскій гербъ.

— Всѣ цари съ такимъ знакомъ рождаются, или это послѣ, Божіимъ изволеніемъ дѣлается?

— Не ваше это дѣло, мои други, простымъ людямъ этого вѣдать не подобаетъ.

Послѣ этихъ словъ казаки всѣ какъ бы оробѣли и не могли болѣе никакихъ вопросовъ ему дѣлать.

— Теперь вѣримъ, говорили они,—и признаемъ въ васъ великаго государя Петра Федоровича.

— Ну, когда признаете меня за государя, такъ обѣщайтесь за все люцкое войско мнѣ не измѣнять и никому въ руки живаго не отдавать. Напротивъ того и я дамъ клятву любить васъ и жаловать. Сберегите меня, дѣтушки. Если Господь допуститъ меня въ свое мѣсто (на царство), такъ я васъ не забуду и буду жаловать какъ первые монархи. Я самъ вижу что вы бѣдные обиженны и разорены, потерлите до времени.

— Хотя всё мы казаки проладемъ, отвѣчалъ Шигаевъ,—но васъ батюшка не выдадимъ, а буде не удастся, такъ выведемъ тебя на степь и пустимъ, а въ руки не отдадимъ.

— Ну, друзья, не забудьте же своего слова и будьте мнѣ вѣрны.

— Надѣйтесь на насъ, батюшка, крѣлко, говорили казаки:—мы васъ не выдадимъ.

— Теперь мнѣ надобно двоихъ изъ васъ послать въ городокъ для приготовления хорунговъ (знаменъ), и для меня одежды, а двое оставайтесь при мнѣ и сберегите меня до времени въ безопасномъ мѣстѣ.

Пугачевъ избиралъ для послышки въ городокъ Чуку и Масникова какъ людей проворныхъ.

— Мнѣ, надежа государь, яцкое войско не повѣрять, говорилъ Чука;—ничего таитья, надо правду сказать, я у войска приличный человекъ, не одинъ разъ съченъ, а позвольте послать лучше Шигаева и Караваева, имъ войско повѣрять, а я, батюшка, возьму тебя на свои руки и не опасайтесь ничего, я всё здѣшнія мѣста знаю. Вѣдь я сюда для того пришлъ чтобы за тобою слѣдовать.

Шигаевъ также отказывался отъ приготовления знаменъ и предлагалъ взять самозванца на свои руки.

— Я, надежа государь, сохраму васъ въ своемъ зимовьѣ, говорилъ онъ.

— Къ тебѣ на хуторъ много людей ѣздить, замѣтилъ Чука,—такъ того и смотри олозняють, а лучше я возьму его на свои руки.

Пугачевъ, такъ опасавшійся многолюдства, тотчасъ же принялъ сторону Зарубина.

— Нѣтъ, чадо мое, сказалъ онъ Шигаеву,—поѣзжай-ка ты съ Караваевымъ въ городокъ и исправьте все что я говорилъ, а Чуку и Масникова я оставаю при себѣ, они повѣстятъ васъ о мѣстѣ куда войску собираться.

Шигаевъ принужденъ былъ повиноваться.

— Возьми хоть ты, сказалъ онъ Чуку,—все равно, только надо сберечь... Куда же вы повезете его?

— У насъ уже мѣсто приготовлено, отвѣчалъ Чука и обратившись къ Пугачеву спросилъ:—есть ли у него лошадь?

— Лошадь-то есть, отвѣчалъ Пугачевъ,—да не ходитъ подъ сѣдомъ.

— Какъ ей не ходить, у насъ поидеть.

— У меня и сѣдла-то нѣтъ.

— Такъ дай ты мнѣ свое сѣдло, говорилъ Чука обратившись къ Шигаеву, — я привезу его тебѣ домой.

Шигаевъ далъ сѣдло, и Пугачевъ съ первыми пособниками разошлись въ разные стороны: Шигаевъ и Караваевъ поѣхали въ Яицкій городокъ, а Пугачевъ, Зарубинъ (Чука), Мясниковъ и Чучковъ пошли въ уметъ, гдѣ самозванецъ приказалъ Чучкову запретъ Еремину лошадь и вмѣстѣ съ двумя его товарищами крестьянами ѣхать сѣдомъ за Шигаевымъ и Караваевымъ и пробираться на Узени.

— Вамъ уже не мѣсто здѣсь оставаться, говорилъ Пугачевъ, — теперь того и смотри что изъ Мечетной слободы направятъ сюда команда.

Чтобъ избѣжать погони, самозванецъ приказалъ малолѣтнему племяннику Ереминой Курицы взлѣзть на сарай и смотрѣть, не покажется ли вдали какаа команда, но въ степи никого не было видно и временные обитатели умета спокойно собрались въ луть, забрали большую часть имущества Ереминой Курицы и, оставивъ на произволь судьбы малолѣтняго племянника уметчика, уѣхали по дорогѣ къ Яицкому городку. Впереди всѣхъ ѣхали Караваевъ съ Шигаевымъ, за ними Чучковъ съ товарищами, а далеко назадъ верхомъ Пугачевъ, Чука и Мясниковъ.

Отѣхавъ на довольно значительное разстояніе отъ Таловаго умета, Караваевъ и Шигаевъ замѣтили вдали по дорогѣ небольшую казачью команду, человекѣ въ 12, ѣхавшую имъ на встрѣчу. Они тотчасъ же остановились, выпрягли лошадь изъ телѣги и лустили ее на траву, а сами подъ видомъ охотниковъ стали ползать по землѣ, какъ будто за сайгаками, которые тогда стадами ходили по степи.

— Ба! Караваевъ, и ты вывѣ въ гулебщикахъ (охотникахъ) кричали казаки лоровнявшись съ ними.

— Какже, отвѣчалъ Караваевъ, — и мнѣ вѣдь дичинки хочется. А вы куда собрались?

— Мы ѣдемъ въ Малыковку, сказываютъ что тамъ нашего казака захватили, такъ комендантъ послалъ насъ за нимъ.

Оглянувшись назадъ вслѣдъ за проѣхавшими казаками, Чучковъ не замѣтилъ уже на дорогѣ ни Пугачева, ни его двухъ спутниковъ. Избѣгая встрѣчи, они повернули въ степь и направились прямо на казачій уметъ, гдѣ къ вечеру собрались Караваевъ, Шигаевъ и Чучковъ съ товарищами. Покормивъ

немного лошадей и лоужинавъ вмѣстѣ, Шигаевъ съ Караваевымъ отправились далѣе, а остальные остались ночевать. Предъ отъѣздомъ Шигаевъ спросилъ Чуку: куда онъ повезетъ самозванца.

— Куда глаза глядятъ, отвѣчалъ тотъ скрывая указанное ему мѣсто;—я и самъ незнаю куда, буду искать гдѣ возможно; и мы дадимъ вѣсть гдѣ будемъ.

Проснувшись до свѣта Пугачевъ съ бывшими при немъ слугами оставил казачій уметъ и поѣхал по дорогѣ до рѣки Деркулы; переѣхавъ ее въ бродъ, Чука указалъ Чучкову и его товарищамъ путь на Узени и приказалъ имъ туда ѣхать.

— Поѣжайте вы на рѣку Узень, говорилъ онъ имъ,—тамъ сыщите старика Дмитрія Ильина и дожидайтесь насъ.

— Помилуйте, говорилъ Чучковъ,—куда вы насъ посылаете, мы не знаемъ дороги, да и что мы будемъ тамъ лить и ѣсть.

— Этою дорогою вы прямо придете на Узени, сыщите тамъ хлѣбъ у стариковъ и найдется много людей которые васъ примутъ. Не опасайтесь ничего, мы къ вамъ дней черезъ четырнадцать, а если пойдетъ все благополучно, то конечно и черезъ двѣнадцать будемъ, всѣхъ васъ оттуда возвемъ, приведемъ лошадей и пойдемъ мы со славою подъ Яцкій городокъ, подъ видомъ будто бы снизу съ довскимъ войскомъ.

Чучковъ успокоился и вмѣстѣ съ товарищами отправился на Узени, а Пугачевъ, Чука и Мясниковъ черезъ сыртъ, степью, стали пробираться къ Кожевниковымъ хуторамъ.*

Пугачевъ ѣхалъ по незнакомой ему дорогѣ и не зналъ что будетъ впереди. Отдавшись въ руки казаковъ и не имѣя никакого выхода кромѣ бѣгства, онъ долженъ былъ подчиниться ихъ волѣ и стать въ зависимое положеніе. Изъ числа двухъ сопровождавшихъ его, Чука выразилъ уже сомнѣніе въ лояльности приклятого Пугачевымъ на себя званія, а что скажутъ остальные казаки? думалъ Пугачевъ, примутъ ли его какъ государя, или же ожидаютъ его опять тюрьма и наказаніе болѣе строгое чѣмъ за первое преступленіе? Всѣ эти вопросы толпились въ головѣ Пугачева и заставляли его изловчась и окольными путями разъяснить свое положеніе и

* Хутора эти находились на рѣкѣ Маломъ Чаганѣ, въ тридцатипяти верстахъ отъ Яцкаго города, верстахъ латнадцати отъ Усени и въ четырехъ верстахъ отъ Чаганскаго форпоста.

по возможности убѣждать казаковъ въ томъ что онъ истинный государь.

— Вашъ старшина Иванъ Акутинъ долженъ меня знать, говорилъ Пугачевъ, стараясь дорогой убѣдить Чуку;— онъ, я чаю, не забылъ какъ я жаловалъ его ковшемъ и саблей. Только братцы, какъ вы думаете, согласны ли будутъ принять меня къ себѣ ваши казаки?

— Не знаемъ ваше величество, примутъ ли, отвѣчали слугники,—однако мы всячески постараемся преклонить ихъ на свою сторону.

— Дядя мой, покойный императоръ Петръ I, въ чужихъ земляхъ странствовалъ семь лѣтъ, а меня Богъ привелъ постраивать двѣнадцать.

Казаки молчали и Пугачевъ, не получивъ опредѣленнаго отвѣта, остался въ сомнѣнн о будущемъ.

Не доѣзжая версты двухъ до Кожевниковыхъ хуторовъ, путники остановились въ лоцинѣ, и Чука отправилася впередъ чтобы переговорить съ хозяевами. Олусть часъ онъ возвратилася объявивъ что дѣло сдѣлано, но какъ было еще совершенно свѣтло, то опасаясь чтобы кто изъ постороннихъ не примѣтилъ ихъ прїѣзда и не явилось какого подозрѣнн, Пугачевъ и его товарищи оставались въ лоцинѣ пока смеркалось, и затѣмъ отправились на хуторъ.*

Сажеляхъ въ пятидесяти отъ дома встрѣтилъ гостей старшій братъ Кожевниковыхъ Андрей, и поклонился.

— Милости прошу, сказалъ онъ,—только оласаюсь я чтобы не провѣдали.

Прибывшіе сѣзлаи съ лошадей и лошли лѣшкомъ. Подходя къ хуторамъ они были замѣчены издали младшимъ братомъ Кожевникова Михаиломъ, сидѣвшимъ на лавочкѣ съ старикомъ, оставленнымъ казакомъ Романомъ Шаварновскимъ, жившимъ по бѣдности въ ихъ хуторѣ въ особой избѣ.

— Куда это братъ ходилъ? спросилъ Михаилъ старика Шаварновскаго.

— Ты знаешь, отвѣчалъ спрощенный,—вѣдь государь Петръ Федоровичъ проявился; къ намъ давеча Чука прїѣзжалъ и

* Показанн Пугачева 4 ноября 1774 г. Показанн: Масникова 9 мая и 16 июня, Шигаева 8 мая и 4 июня, Зарубина (Чука), Чукова 6 июня и 17 ноября и Караваева 17 ноября. Государ. Арх. VI д. №№ 422, 506 и 512.

объ этомъ сказывалъ, да и хотѣлъ его сюда привезти, чай и братъ твой съ вами.

Услышавъ это Михайло удивился и „оробѣлъ“, а между тѣмъ гости подошли, и онъ увидѣлъ незнакомаго ему чело-вѣка въ верблюжемъ армякѣ и въ крестьянской толстой рубашкѣ, „походившаго во всемъ на русскаго мужика“. Поздоровавшись съ Чикою и Мясниковымъ, Михайло Кожевниковъ спросилъ куда они ѣдутъ?

— Мы пріѣхали къ тебѣ ночевать, отвѣчалъ Чика,—и привезли гостя, радъ ли?

— Милости прошу, какъ не радъ, проговорилъ растерявшійся Михайлъ Кожевниковъ,—а что онъ за чело-вѣкъ?

— Это нашъ батюшка государь Петръ Федоровичъ.

Михайло Кожевниковъ остобенѣлъ и, не говоря ни слова, смотрѣлъ только на самозванца Шаварновскій, вида что Михайло измѣнился въ лицѣ и не привѣтствуетъ гостя, при-являя на себя обязанности хозяина.

— Милости просимъ, говорилъ онъ кланяясь,—мы всегда рады такому дорогому гостю.

— Воля ваша, господа, говорилъ испуганный Михайло,—я боюсь такого гостя къ себѣ принимать, потому что ко мнѣ многіе изъ городка заѣзжаютъ, да и родственники часто ѣздятъ, такъ чтобы не получить какой бѣды. Вотъ развѣ онъ, прибавилъ Михайло, указывая на Шаварновскаго,—къ себѣ приметъ, такъ я радъ... милости просимъ.

— Отчего же такого гостя и не принимать, отвѣчалъ старикъ,—я съ радостію приму, и пригласилъ всѣхъ въ свой домъ.

Безмолвный свидѣтель происходившей сцены, Пугачевъ, съ достоинствомъ и самоу-вѣренностью вошелъ въ избу Шаварновскаго, но рѣшилъ не долго оставаться на хуторѣ Кожевниковыхъ, гдѣ съ такимъ недо-вѣріемъ отнеслись къ его происхожденію. Онъ внимательно присматривался ко всему, вслушивался въ разговоры и намѣренъ былъ воспользо-ваться первымъ случаемъ чтобы убѣдить присутствующихъ что онъ подлинный государь. Случай этотъ скоро пред-ставился. Убѣждаемый Чикою и Мясниковымъ, Михайло Кожевниковъ пришелъ въ сомнѣніе: правда ли что Петръ III умеръ.

— Правда, о государѣ были опубликованы указы что онъ умеръ, говорилъ въ раздумьѣ Михайло,—а прошлаго года былъ слухъ будто бы онъ, батюшка, проявился въ Царь-цынѣ, но сказываютъ что тамъ залытанъ.

Пугачевъ ухватился за послѣднія слова.

— Нѣтъ, нѣтъ, друзья мои, говорилъ онъ,—все это вамъ сказано напрасно, а видите живъ.

Онъ разказаъ что былъ схваченъ въ Ораниенбаумѣ, посаженъ въ тюрьму, но караульный офицеръ Масловъ, ему покровительствовавшій, освободилъ его и онъ уѣхалъ странствовать въ чужія земли. Пугачевъ говорилъ что возвратившись на Донъ онъ былъ узнавъ, схваченъ съ нѣкоторыми казаками и отвезенъ въ Царицынъ, но при помощи тѣхъ же донскихъ казаковъ успѣлъ бѣжать на Иргизъ, откуда пріѣзжалъ въ прошломъ году на Якъ и при возвращеніи на Иргизъ былъ снова открытъ, арестованъ и отвезенъ въ Казань. Онъ не скрывалъ отъ казаковъ подробностей своего бѣготва съ Дружининымъ и своихъ походовъ съ Еремичею Курицей.

— Хотя въ писаніи и сказано, заключилъ онъ свою рѣчь,—чтобы мнѣ еще съ годъ не являться, но я принужденъ явиться вынѣ для того что не увижу какъ васъ всѣхъ у меня растащатъ. Вы держитесь за мою правую полу и если не отставете, то будете люди и станете жить попрежнему. Если вынѣ меня не примете, а себѣ найду мѣсто, а вы тогда уже на меня не левайте. Когда хотите, то вынѣ помогите, а подлинный государь Петръ III.

Поживавъ у Шаварювскаго, Михайло Кожевниковъ мигнулъ Чикѣ и они вышли изъ избы.

— Скажи пожадуста, какимъ способомъ вы его обрѣли? спрашивалъ Кожевниковъ.

— Не мы сперва нашли, отвѣтилъ Чика,—а Караваевъ сыскалъ.

— Что же вы съ нимъ намѣрены дѣлать?

— А намѣрены ѣхать въ войско и объявить о немъ.

Возвратившись въ комнату Чика высказалъ желаніе ѣхать въ Яцкій городокъ.

— Я, ваше величество, сказалъ онъ,—поѣду теперь къ войску.

— Хорошо, поѣзжай, но объявляй надежнымъ людямъ. Сроку я даю тебѣ только три дня, а потомъ пріѣзжай сюда и увѣдомь что стануть говорить, а я буду тебя здѣсь дожидаться. Никому не сказывай что я здѣсь, а буде увидишь что согласны будутъ, такъ послѣ можно назначить мѣсто гдѣ собираться.

На другой день рано утромъ Пугачевъ призвалъ къ себѣ

Мясникова, приказавъ ему также ѣхать въ городокъ купить красной козловой кожи и сшить для него сапоги, подушку на сѣдло и наметъ вмѣсто потника, на что и далъ ему два серебряныхъ рубля. Мясникову поручено было отыскать писаря и разрѣшено объявлять кому слѣдуетъ о появленіи государя Петра Федоровича, но о мѣстѣ гдѣ онъ находится никому не говорить.

Съ отъездомъ Чики и Мясникова въ городокъ, Пугачевъ остался подъ охраной новыхъ лицъ и исключительно старика Шавариновскаго, залершагося съ самозванцемъ въ избѣ и допускаяшаго къ нему лишь немногихъ имъ избранныхъ. Старый казакъ не показавъ Пугачева даже и младшему брату Кожевниковыхъ Стелану, опасаясь чтобы тотъ не проговорился, такъ какъ вообще братья Кожевниковы относились къ Пугачеву съ крайнею недовѣрчивостію. Андрей Кожевниковъ хотя и поручилъ Зарубину (Чикѣ) вести самозванца прямо въ Таловой къ себѣ на хуторъ, но когда увидалъ гостя, то сразу понялъ что это не государь, а лицо подставное. Онъ все время молчалъ, не принималъ участія въ разговорѣ и на другой день уѣхалъ въ городъ. Тамъ онъ жаловался Шигаеву на своевольный будто бы поступокъ Зарубина (Чики).

— Какъ намъ быть, Максимъ Григорьевичъ, говорилъ онъ, — воръ Чика навязалъ намъ на шею такую бѣду что мы не знаемъ что и дѣлать.

— Что за бѣда? спросилъ Шигаевъ, какъ будто ничего не знавшій.

— Да какъ же, привелъ къ намъ того человѣка котораго ты съ нимъ на Таловой видѣлъ.

— Какъ же это? зачѣмъ онъ къ намъ его привелъ, вѣдь онъ взялъ его на свои руки.

— Вотъ ты и говори!

— Смотрите, братцы, берегитесь! не лучше ли намъ отъ себя его выслатъ.

— Видно придется.

Слуста нѣсколько дней Шигаевъ зашелъ къ свояку Кожевникова, казаку Ивану Харчеву.

— У меня былъ твой своякъ Андрей Кожевниковъ, говорилъ Шигаевъ;—онъ что-то печаленъ мнѣ показался.

— Какъ братъ не печалиться, ты развѣ не слышалъ что Чика съ нимъ сдѣлалъ?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Такъ я тебѣ скажу. Привезъ воръ откуда-то къ намъ въ хуторъ какого-то человѣка, да и говорить что это царь Петръ Федоровичъ; ну подумай, не бѣда ли это имъ?

— Да, правда, не очень-то хорошо, отвѣчалъ Шигаевъ.

Съ другой стороны оставшіяся на хуторѣ братья Андрея Кожевникова, Михайло также тяготился первое время присутствіемъ Пугачева.

— Вотъ Василій, говорилъ Михайло Кожевниковъ казаку Коввалову, встрѣтившись съ нимъ на сѣнокосѣ,—мнѣ послалъ Господь такого гостя что и самъ я не радъ.

— Чтобъ это за гость такой былъ?

— Страшно братья и сказать-то, онъ называетъ себя гонимымъ Петромъ Федоровичемъ.

— Откуда же онъ взялся?

— Его привезли ко мнѣ вечеръ Чука и Мясниковъ, и Чука поѣхалъ въ городъ объявлять о немъ въ войскѣ.

— Ну братья, это дѣло на шутку не походить, надо и мнѣ къ нему съѣздить.

Въ ближайшій затѣмъ праздникъ Василій Ковваловъ и его отецъ Семень пріѣхали къ Шаварновскому, гдѣ встрѣтили Алексѣя Кочурова, братьевъ Кожевниковыхъ и видѣли самозванца.

— На меня, вознегодовали государыня и бояры, оттого я и ушелъ, говорилъ Пугачевъ собравшимся.—Вотъ, дѣтушки страдаю я 12 лѣтъ, былъ на Дому и въ Россіи во многихъ городахъ и примѣчалъ что народъ вездѣ разоремъ и вы терпите много обидъ и валоговъ.

Казаки поддакивали Пугачеву и жаловались ему на свое печальное положеніе.

— Слышалъ я объ этомъ, отвѣчалъ Пугачевъ,—самъ слышалъ. Когда настоящаго пастыря не станетъ, народъ всегда пропадетъ.

Побесѣдовавъ въ такомъ родѣ съ Пугачевымъ, казаки разѣхались по домамъ съ убѣжденіемъ что онъ истинный государь, явившійся для ихъ спасенія, и стали разглашать о немъ по хуторамъ и зимовьямъ... *

* Показанія казаконъ: Михайлы Кожевникова, Зарубина (Чука), Андрея Кожевникова, Тимофея Мясникова, Максима Шигаева и крестьянина Аеаласія Чучкова. Государ. Арх. VI д. №№ 467, 506, 506 и 512. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г., Государ. Арх. VI д. № 512.

X.

Знали ли яцкіе казаки что Пугачевъ самозванецъ.—Разговоръ Чуки съ Каравашевымъ.—Побѣда на р. Усичу.—Приманіе Пугачева.—Жизнь на Усичѣ.—Первый гость за государя Петра III.—На чье соудѣніе разсчитывалъ Пугачевъ.

Оставивъ Пугачева на хуторѣ Кожевниковыхъ и уйдя въ Яцкіи городокъ, Зарубинъ (Чика) былъ въ большомъ сомнѣніи относительно личности самозванца. Молчаливое поведеніе Андрея Кожевникова, при встрѣчѣ государя, и подозрительность брата его Михайлы, наводила на мысль и Чика что дѣло не чисто, что тутъ кроется подлогъ, и онъ, мучимый любопытствомъ, какъ только пріѣхалъ въ городъ, тотчасъ же отправился къ Каравашеву.

— Скажи правду, допытывалъ Чика, — что это за человекъ котораго мы почитаемъ за государя?

— Глухой ты! отвѣчалъ уклончиво Каравашевъ, — развѣ не слышалъ что давно идетъ молва у насъ въ городѣ что онъ государь.

— Скажи-ка ты мнѣ правду, откройся, улащивалъ Чика, — вѣдь я никому не вынесу и отыскать дѣло будетъ общее.

Каравашевъ молчалъ.

— Ну что ты Демисъ таишь-то отъ меня, пристаивалъ Зарубинъ, — когда онъ мнѣ самъ открылся что онъ донской казакъ.

Каравашевъ посмотрѣлъ на него вопросительно. Что злодѣй донской казакъ, намекнулъ онъ наугадъ, показывалъ въ послѣдствіи Зарубинъ, * потому что за годъ до сего времени былъ у нихъ на Яцкѣ слухъ такой что въ Царцинѣ одинъ донской казакъ также назвался государемъ Петромъ Федоровичемъ и былъ пойманъ, но ушелъ изъ-подъ кнута. А потому и думалъ онъ не тотъ ли самый и у нихъ явился, ибо онъ о самозванцѣ, по подлому его состоянію, усумнился чтобъ онъ подлинный былъ государь.

— Слушай Чика, говорилъ Каравашевъ, — не сказывай ты ни отцу, ни матери, ни жевѣ, ни дѣтямъ, ни постороннимъ людямъ и дай мнѣ въ томъ предъ Богомъ клятву.

* Государ. Арх. VI д. № 506.

Зарубивъ покляся что все сказанное ему будетъ сохранено въ глубочайшей тайнѣ.

— Пусть это не государь, продолжалъ Караваяевъ, — а донской казакъ, но оны вѣсто государя за насъ заступитъ, а намъ все равно лишь бы быть въ добрѣ.

— Ну, ладно, отвѣчалъ Зарубивъ, — такъ тому и быть. Значить это всему войсковому народу такъ надобно... Будешь ты сегодня на хуторѣ?

— Нѣтъ не буду; надо государю одежду приласта.

Неудовлетворивъ вполнѣ своего любопытства и все-таки не зная точно что за личность называющая себя государемъ, Зарубивъ ушелъ отъ Караваяева и оставааясь нѣсколько дней въ городѣ, прислушивался къ ходившимъ по городку толкамъ. Почти всѣ казаки войсковой руки знали о появленіи государя и относились къ этому извѣстію различно: одни хотѣли его принять въ войско и объявить, а другіе опасались чтобы не вышло чего худого.

— Хорошо если это подлинный государь, говорили посадыме, — а если не подлинный и часть войска его приметъ, а другая не согласится, вѣдь тогда будетъ междоусобная брань, а наши дома отъ мятежа и такъ вверхъ дномъ стапа.

Такъ разсуждали казаки различныхъ группъ, и Зарубивъ (Чика) наслушавшись базарныхъ рѣчей, отправился опять на хуторъ Кожевниковыхъ, куда и пріѣхалъ почти одновременно съ Масниковымъ, привезшимъ Пугачеву салогу, подушку и наметь.

— Что вы такъ долго заѣхали? спрашивалъ Пугачевъ.

— Замяшкался немножко, отвѣчалъ Зарубивъ, — потому что лошадей долго не сыскали.

— Сказывалъ ли ты кому-нибудь обо мнѣ? спрашивалъ самозванецъ обратившись къ Масникову.

— Многимъ надежнымъ людямъ объявляя, отвѣчалъ онъ обманывая Пугачева.

— И я надежа государь, вѣщала Зарубивъ, — многимъ казакамъ какъ въ городкѣ, такъ и по зимовьямъ (хуторамъ) про васъ разказывалъ.

— Что жь они говорятъ?

— Говорятъ разна: иные вѣрятъ, а иные не вѣрятъ. Я тѣмъ кои согласны принять васъ, велѣлъ собираться по нашей повѣсткѣ на рѣчку Усису.

— Хорошо, другъ мой, увидимъ что будетъ.

— Да и намъ надобно выѣхать туда, говорилъ Зарубинъ, — потому что на хуторѣ жить опасно, того и смотри что старшинская сторона провидаетъ. На Усихѣ же есть одно дерево съ котораго далеко видѣть можно и буде въ городкѣ и узнаютъ что мы тутъ и пошлютъ команду, такъ можно легко убраться.

— Мѣста этого я не знаю, замѣтилъ Пугачевъ, — такъ съѣздимъ посмотрѣть, караулисто ли оно.

Въ слѣдующую же ночь были осѣдлаемы четыре лошади и Пугачевъ съ Чикою и Мясниковымъ отправились на рѣчку Усиху * выбрать мѣсто для стана. Четвертая лошадь была взята заводная для Пугачева, „потому, показывалъ Мясниковъ, что она хотя и не толста, но очень тяжелъ и силенъ и какъ бы лошадь крѣпка ни была, не долго подъ нимъ бѣжать можетъ.“ Осмотрѣвъ окрестности рѣчки, Пугачевъ нашелъ что мѣсто это избрано Чикою весьма удачно и приказалъ Мясникову ѣхать въ городокъ и привести къ себѣ представителей войска, человекъ двухъ хорошихъ и пользующихся уваженіемъ.

— Я бы съ вами переговорилъ, добавилъ Пугачевъ, — какъ бы лучше оповѣстить войско чтобъ оно собралось ко маѣ сюда.

Мясниковъ отправился въ городокъ съ новымъ порученіемъ, а Чика и Пугачевъ отдохнувъ должны были ѣхать обратно на хуторъ Кожевниковыхъ. Мучимый любопытствомъ узнать, кто же въ самомъ дѣлѣ тотъ человекъ которому они оказываютъ такіа почести, Чика, какъ только остался съ глазу на глазъ съ Пугачевымъ, приступилъ прямо къ удовлетворенію своего любопытства.

— Скажи-ка мнѣ, батюшка, обратился Зарубинъ къ Пугачеву, — сущую правду про себя, точный ли ты государь?

— Точный я вамъ государь, отвѣчалъ Пугачевъ съ неудовольствіемъ и строго посмотрѣлъ на Зарубина, но послѣдній не испугался этого взгляда.

— Насъ, батюшка, здѣсь немного, только двоечка, замѣтилъ Зарубинъ, — а Каравановъ-то мнѣ все разказалъ о тебѣ какой ты человекъ.

* Рѣчка Усиха находилась отъ хутора Кожевниковыхъ верстахъ въ двадцати, а отъ Яницкаго городка верстахъ въ пятидесяти. Мѣсто это было степное, ни лѣсу ни жиалы тутъ не было, а на берегу рѣчки стояло одиноко высокое дерево.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Сказалъ что ты донской казакъ.

— Врешь, дуракъ! восклицнулъ Пугачевъ.

— Отъ людей-то утаишь, продолжалъ Зарубинъ,—да отъ Бога-то не утаишь... Я Каразаеву далъ клятву чтобъ о томъ никому не сказывать, такъ и тебѣ теперь даю; вѣдь мнѣ большой нужды вѣтъ, донской ты казакъ или вѣтъ, а если мы привали тебя за государя, значитъ тому такъ и быть.

— Если такъ, то смотри же, держи въ тайнѣ. Я подлинно донской казакъ Емельянъ Ивановъ. Я былъ на Дону и по всѣмъ тамошнимъ городкамъ, вездѣ молва есть что государь Петръ III живъ и здравствуетъ. Подъ его именемъ я могу взять Москву, ибо прежде наберу дорогой силу, и людей у меня будетъ много, а въ Москвѣ войска никакого вѣтъ. Не лгала я о себѣ и кто я таковъ сказывалъ Каразаеву, Шишаеву, а также и Пьянову.

Вызвавъ такое признаніе Пугачева, Зарубинъ былъ въ восторгѣ, и при первомъ свиданіи съ Мясниковымъ не утерпѣлъ чтобы не сообщить ему этой новости. *

— Намъ какое дѣло, государь онъ или вѣтъ, отвѣчалъ самонадѣянно Мясниковъ,—мы изъ грязи сумѣемъ сдѣлать князя. Если онъ не завладѣетъ московскимъ царствомъ, такъ мы на Янкѣ сдѣлаемъ свое царство.

Итакъ, происхожденіе и личность Пугачева для яицкихъ казаковъ не имѣли никакого значенія; имъ необходимъ былъ человѣкъ чужой среды, никому не извѣстный въ войскѣ, человѣкъ такой который, воспользовавшись увѣренностью Русскаго народа что Петръ III живъ, провозгласилъ бы себя государемъ и возвратилъ войску яицкому всѣ его прежнія права, привилегіи и вольности.

„Когда онъ (Пугачевъ) открылся намъ, говорилъ въ послѣдствіи Мясниковъ казаку Горшкову **, что бѣжалъ изъ Казани и, скитааясь по степямъ, ищетъ укрыться отъ строгихъ

* „Все отъ меня заодѣжаніе, показывалъ Пугачевъ, произошло чрезъ яицкихъ казаковъ, ибо они точно знали что я не государь, а донской казакъ“. Показаніе Пугачева 5 декабря 1774 года. Показаніе Зарубина (Чуки). Показаніе Зарубина и Ульякова на очной ставкѣ другъ съ другомъ. Показанія Мясникова 9 мая и 16 июня. Показаніе Михайлы Кожевникова. Госуд. Арх. VI д., №№ 422, 505 и 512.

** Показаніе Горшкова 8 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI д., № 421.

лоисковъ, — тогда мы, по многимъ соображеніямъ и разговорамъ, примѣтили въ немъ проворство и способность. Мы вздумали взять его подъ свое защищеніе и сдѣлать надъ собой властедльномъ и возстановителемъ своихъ притѣсенныхъ и уладшихъ обрядовъ и обычаевъ, которые давно стараются у насъ переменить. Хотя по бывшимъ у насъ на Яикѣ происшествіямъ и привуждены мы были остаться безо всякаго удовольствія и, какъ можетъ-быть многіе думали, въ спокойномъ духѣ, но искра злобы за такую несправедливость всегда у насъ крылась до тѣхъ поръ пока изобрѣли удобный случай и время. Итакъ для сихъ-то самыхъ причинъ вздумали мы принять его покойнымъ государемъ Петромъ Теодоровичемъ, дабы онъ возстановилъ прежніе наши обряды, а бояръ, которые больше всего въ семь дѣлъ умночаютъ, всѣхъ истребить, надѣясь на то что сіе наше предпріятіе будетъ подкрѣплено и сила наша умножится отъ черни которая тоже вся притѣснена и въ конецъ разорена.

Такъ думали главные вожаки и рѣшились не только не выдавать никому признавія Пугачева, а напротивъ убѣждать всѣхъ и каждаго что онъ истинный и природный государь. Эти убѣжденія, подкрѣпляемые тою пользой которую можетъ извлечь войско отъ принятія къ себѣ государя, были настолько сильны что многія лица, сначала сторонившіяся, какъ напримѣръ братья Кожевниковы, примкнули въ послѣдствіи къ вожакамъ и явились самыми дѣятельными ихъ пособниками. Тотъ же Харчовъ, который видѣлъ бѣду въ томъ что Пугачевъ поселился на хуторѣ Кожевниковыхъ, въ послѣдствіи самъ явился къ самозванцу съ поклономъ.

Послѣдній, признавшійся Зарубину (Чикѣ), похвалъ вмѣстѣ съ нимъ обратно къ Кожевниковымъ и на дорогѣ они встрѣтили двухъ казаковъ: Кузьму Кочурова и Петра Чалова. Оставивъ Пугачева, Чика послакалъ чтобы догнать казаковъ.

— Куда вы? кричалъ имъ Чика.

— Стрѣлять сайгаковъ? а ты куда? Кто съ тобой ѣдетъ?

— Государь Петръ Теодоровичъ.

Кучуровъ и Чаловъ остановились въ изумленіи. Зарубинъ (Чика) приказалъ имъ сойти съ лошадей и когда самозванецъ къ нимъ подъѣдетъ, то поклониться ему низко. То и другое приказаніе было исполнено.

— Здравствуйте, говорилъ Пугачевъ, — куда ѣдете?

— Стрѣлять сайгаковъ.

— Нѣтъ, други мои, если вы со мною встрѣтитесь, то оставайтесь при мнѣ. Я вашъ государь и смотрите, не уходите, а если убѣжите, то я, вступивъ въ городокъ, везу васъ повѣсить; отъ меня вы нигдѣ не укроетесь.

Казакъ повиновался и послѣдовалъ за Пугачевымъ и Чикою, которые, любявшись ѣхать на хуторъ Кожевникова, остановились ночевать у казака Василя Коновалова.

— Что, Василю Семеновичъ, спрашивалъ Пугачевъ, — не было ли изъ городка лосмаки?

— Нѣтъ, все было тихо, отвѣтилъ Коноваловъ и предложилъ прїѣзжавшимъ сходиться съ нимъ въ баню, случайно въ этотъ день истопленную.

Гости охотно согласились, и по выходѣ изъ бани Коноваловъ далъ Пугачеву свою выбойчатую рубашку, бумажный пестрый халатъ, а подъ него надѣлъ вагольный тулунъ. Послѣ бани Чика обѣгалъ къ Кожевниковымъ, выпросилъ у нихъ палатку, а у Коновалова хлѣбъ, котель, крутъ и маса и чуть свѣтъ на слѣдующее утро отправился обратно на Усиху. Съ Пугачевымъ были въ это время Чика, Сидоръ Кожевниковъ, Василю Коноваловъ, Алексѣй и Кузьма Кочуровы и Сидоръ Васильевъ. Добравшись до р. Усихи они разбили тамъ палатку для Пугачева, а сами жили бивакомъ подъ открытымъ небомъ дней десять.

Въ это время приходили къ Пугачеву съ разными мѣсто: одни для того чтобы только посмотрѣть на проваждавшаго самозванца, а другіе чтобы посмотрѣть и оставшись послужить государю, увеличить толпу самозванца. На другой день послѣ прїѣзда на Усиху прибылъ въ станъ Пугачева и Михайло Кожевниковъ.

— Что не прїѣзжали ли къ тебѣ какіе люди? спрашивалъ самозванецъ съ любопытствомъ.

— Нѣтъ, батюшка, никто не прїѣзжалъ, отвѣчалъ спрошенный.

Пугачевъ усложился и былъ особенно доволенъ когда ему сказали что изъ городка прїѣхалъ казакъ Иванъ Харчовъ и привезъ съ собою поведра водки.

— Чудо, ты зачѣмъ сюда прїѣхалъ? спрашивалъ Пугачевъ Харчова.

— Мы слышали о васъ, батюшка, что вы въ здѣшнихъ мѣстахъ обрѣтаетесь, такъ я прїѣхалъ васъ посмотрѣть.

— Смотрите, дѣтушки, смотрите, я весь тутъ. Если вы меда сбережете, то и я васъ сберегу и не оставлю.

— Если Богъ допуститъ, то мы рады вашему величеству послужить.

Харчовъ предложилъ самозванцу привезенный имъ подарокъ и всѣ съѣли объѣдать. Началась попойка.

— Здравствуй я, надежда государы! провозгласилъ Пугачевъ поднимая чарку.

Всѣ выпили за здоровье государя и хотѣли пить за здоровье императрицы.

— Нѣтъ, закричалъ Пугачевъ,—за здоровье ея не лейте, а не вею, а извольте кутать за здоровье Павла Петровича.

Казакъ исполнилъ приказаніе и Пугачевъ, поднимая чарку, провозгласилъ: „здравствуй наследникъ и государь Павелъ Петровичъ“!

— Охъ! жаль мнѣ Павла Петровича, прибавилъ онъ утирая какъ бы навернувшіеся на глазахъ слезы.

Казакъ смотрѣли на самозванца съ удивленіемъ и вѣрили въ искренность его родительскихъ чувствъ.

Послѣ объѣда и попойки, когда Пугачевъ легъ и притворился спящимъ, Харчовъ отозвалъ въ сторону Михайла Кожевникова и спросилъ его, замѣтилъ ли онъ всѣ примѣты государя.

— Я никогда не видывалъ государя, отвѣчалъ Кожевниковъ,—такъ почему же мнѣ знать его примѣты.

— Я самъ, братъ, никогда его не видывалъ, но одинъ отарикъ, отставной казакъ, мнѣ рассказывалъ что государь имѣлъ примѣты такіа: на одномъ вискѣ латало отъ золотухи, переднего зуба нѣтъ, на лицѣ есть черныя латышки и когда разсмѣется, то одинъ глазъ пращуривается.

Пугачевъ подслушалъ этотъ разговоръ и въ послѣдствіи, какъ увидимъ, воспользовался имъ въ свою пользу.

— Если у государя были такіа примѣты, замѣтилъ Кожевниковъ,—то онъ очень походитъ на него.

— И мнѣ кажется, отвѣчалъ Харчовъ,—что примѣтами онъ схожъ.

Пугачеву не нужно было болѣе притворяться и онъ сдѣлалъ видъ что проснулся. Харчовъ сталъ ему откладывать.

— Смотри же, послужи мнѣ, говорилъ ему самозванецъ,—рассказывай надежнымъ людямъ и выѣзжайте на плавию*, а я къ вамъ приѣду съ тѣми которые ко мнѣ соберутся.

* Плавия эта обыкновенно начиналась съ 1 октября и продолжалась до конца ноября.

— Хорошо, надежда государя, буду о васъ разказывать.

Харчовъ уѣхалъ и Пугачевъ остался съ Михайломъ Кожевниковымъ.

— Какъ же вы хотите явиться на плави? спрашивалъ, по отъѣздѣ Харчова, Михайло Кожевниковъ:—тамъ будутъ атаманъ и казаки съ послушной (старшинской) стороны, такъ я думаю васъ принять не согласятся.

— Если они станутъ противиться, отвѣчалъ Пугачевъ,—такъ мы всѣхъ ихъ переважемъ и пойдемъ въ городокъ.

— А они дадутъ знать и комендантъ Симоновъ съ регулярными войсками и старшинскими казаками не допустятъ васъ до городка.

— Я сначала съ вами обошлюсь: если примутъ, хорошо, а не примутъ, такъ пойду мимо и стану пробираться въ Русь.

— Какъ это? Съ кѣмъ въ Русь идти-то, вѣдь у васъ немного людей будетъ.

— Нѣтъ, я думаю ко мнѣ много пристанетъ. Если же людей будетъ мало, такъ я опять скроюсь; мнѣ не надлежало еще теперь являться, да не могъ я вытерпѣть притѣсненія народнаго. Во всей Россіи чернь бѣдная терпитъ великія обиды и разоренія, для нея-то хочу я теперь показаться, и она вся ко мнѣ пристанетъ. Самъ я царствовать уже не желаю, а возстановлю на царство государя цесаренича и во всѣхъ мѣстахъ поставлю новыхъ судей, такъ какъ у нынѣшнихъ усмотрѣна мною большая неправда. *

XI.

Дѣятельность въ Яицкомъ городкѣ.—Приготовленіе знаменъ. Посылка депутатовъ на рѣку Уссу. — Необходимость въ бумажкомъ челоуѣкѣ.—Иванъ Почиталинъ, первый секретарь Пугачева.—Пребываніе самозванца на Уссухъ открыто.

По возвращеніи въ городокъ Шигаева и Караваева, партія, посылавшая ихъ на Таловскій уметъ, дѣятельно работала въ пользу Пугачева. Старый казакъ Василій Плотниковъ

* Показанія: Зарубина (Чики), Михайлы Кожевникова, Василия Коловадова и Козьмы Кочурова. Госуд. Арх., VI д., №№ 422, 506 и 512. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г., Госуд. Арх., VI д., № 512. См. также Архивъ Главнаго Штаба, книга № 1, *Секретныя бумаги и манифесты Пугачева* листы 66—68.

пригласилъ къ себѣ соседа казака Якова Почталицу чтобы переговоры съ нимъ и посоветоваться.

— Что новенькаго? спрашивалъ Почталицу.

— Вотъ что а тебѣ скажу, отвѣчалъ Плотниковъ:— у насъ проваляется Государь Петръ Фёдоровичъ.

— Какъ это омы здѣсь обрѣтаются? кто его видѣлъ и гдѣ?

— Омы, говорятъ, пришёлъ на Таловый уметъ изъ Казани и сперва увидѣлъ его Грагорій Закладновъ, а потомъ издали смотрѣть Демисъ Караваевъ и Максимъ Шугаевъ. Кажется омы точный царь, потому что показывалъ имъ царскіе свои знаки, а Караваевъ говорить что видѣлъ у него гербъ на вискѣ подъ волосами. Омы (Пугачевъ) объявилъ Шугаеву и Караваеву что пришёлъ сюда на отеческую и нашу славу, проситъ людское войско принять его къ себѣ, проводить до Петербурга и возвести на царство дондрожному, а за это обѣщаетъ жаловать войско своими милостями, разобрать бывшія наши со старшинами тяжбы, за всѣ наши обиды и притѣсенія вступиться, виноватыхъ наказать, а насъ наградить. Я посоветовалъ Караваеву и Шугаеву, когда они ѣхали къ нему на Таловую, скрыть его, пока войско соберется въ городъ, а когда соберется, то омы и рѣшить: принять его или не принимать? По тому моему совету казаки Чика и Масниковъ взяли его на свои руки и теперь не знаю гдѣ омы находится... Какъ ты думаешь ладно ли я сдѣлалъ?

— Это вы очень хорошо сдѣлали, отвѣчалъ Почталицу,— да и нельзя иначе, можетъ омы и въ самомъ дѣлѣ государь, такъ, какъ ему откажешь! Видишь какія милости омы намъ обѣщалъ, а особливо по тяжбному нашему со старшинами дѣлу. Мы и теперь въ конецъ разорены, а не узнаешь еще что впередъ будетъ и сколько мы провь, видно что всегда дѣла будемъ виноваты, а не старшины.

— Я хотѣлъ съ тобою посоветоваться, какъ ты думаешь: принять намъ его, или нѣтъ?

— Какъ же не принимать-то! надо принимать.

— Конечно, нельзя отказать, рассуждалъ Плотниковъ,— можетъ омы и подлинно государь. Хотя по востествію на престолъ всемилостивѣйшей государыни и были публикованы указы о кончинѣ государя, но по причинѣ скорого объявленія о его кончинѣ, въ народѣ тогда происходили толки что омы живъ...

— Да вотъ и въ третьемъ году, перебилъ Почталицу,—

помнишь когда генералъ Фреймавъ къ намъ съ войскомъ вступилъ, базарная рѣчь была что въ Царицынѣ проявился будто бы государь Петръ Федоровичъ, былъ тамъ пойманъ, содержался въ тюрьмѣ и наконецъ изъ-подъ караула ушелъ.

— Конечно, говорилъ Плотниковъ, — если государь Петръ III подлинно живъ, такъ надобно же ему гдѣ-нибудь проявиться, а когда онъ къ намъ пожаловалъ, такъ чего лучше, лускай войско освидѣтельствуетъ его, и если онъ, батюшка, подлинный, то съ радостію его приметъ.

— Хуже же будетъ, замѣтилъ на это Почиталицъ, — если онъ точный государь и мы ему откажемъ, онъ отшатнется отъ насъ и проявится гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Разсуждая такъ, казаки приводили на память всѣ бывшіе о смерти покойнаго государя слухи и напоследокъ положили что надобно сего проявившагося государя неотмѣнно въ войско принять.*

— Когда такъ, сказалъ Плотниковъ, — то необходимо какъ можно скорѣе казакамъ нашимъ войсковымъ объявлять и ихъ подговаривать чтобъ они усовѣтывались всѣмъ войскомъ собраться куда-нибудь въ одно мѣсто. А какъ войско соберется, такъ мы и представимъ его туда и въ его будетъ разсужденіе: принять ли или не принять. Мы съ тобою въ Петербургъ не бывали и государя не видавали, а въ войскѣ много такихъ которые бывали въ Петербургѣ и ослышать государя могутъ. Я уже нѣкоторымъ говорилъ и всѣ согласны на это, да и ты кое-кому разказывай, только ради Бога берегись чтобъ изъ старшинской руки кто о томъ не провъдавалъ, а то тогда они насъ тотчасъ же введутъ въ сѣтя.

— Безъ сомнѣнія старшины и ихъ руки казаки, замѣтилъ Почиталицъ, — не согласятся его принять, по своей къ намъ ненависти, хотя бы и вся наша войсковая сторона его приняла.

Согласившись поступить такимъ образомъ, Почиталицъ и Плотниковъ положили: „какъ можно сего случая не улюкаты и дѣлать что надобно общимъ стараніемъ не мѣшкавши, дабы такимъ промедленіемъ не улуотить изъ рукъ государя.“ Не былъ рѣшенъ только вопросъ гдѣ собраться войску и какимъ способомъ объявить „проявившагося.“ Встрѣтившись на улицѣ съ казакомъ Иваномъ Харчовымъ, Плотниковъ спросилъ его, не слышалъ ли онъ чего о государѣ.

* Показанія казаковъ: Якова Почиталицы и Василя Плотникова, *Госуд. Арх.* VI д., № 506.

— Я видѣлъ его, отвѣчалъ Харчовъ, — и мы положили явиться ему на плавию.

Мысль эта понравилась Плотникову, и онъ передалъ ее Почитайшину.

— Харчовъ мнѣ сказывалъ, говорилъ Плотниковъ, — что казаки полагаютъ явиться государю на плавиѣ. Впрочемъ, надобно было бы спросить объ этомъ его самого какъ ему угодно: на плавиѣ ли объявиться или прямо сюда въ городокъ прійхать.

— Правда, отвѣчалъ Почитайшннъ, — лучше бы всего на плавиѣ, да только надо объ этомъ подумать и разсудить. Когда мы его на плавиѣ всѣмъ войскомъ примемъ, такъ неужели онъ тамъ на одномъ мѣстѣ и стоять будетъ съ нами до окончанія нашей плави. Плавля-то долго продолжается, а если онъ поведетъ насъ куда, такъ плавию-то придется оставить, а черезъ то лишимся мы своей добычи.

— На одномъ мѣстѣ стоять нельзя и плавить рыбу намъ уже будетъ не время, а пойдемъ мы съ нимъ въ городокъ. Да объ этомъ не печалься, онъ нашъ убытокъ наградитъ деньгами, чего же лучше, такъ ли?

— Это хорошо и слова объ этомъ больше нѣтъ. А вотъ когда съ плавию-то въ городъ мы вступимъ, такъ московскаго нашего судью (коменданта, полковника Симонова) мы свяжемъ и отдадимъ въ волю государеву, да и остальныхъ всѣхъ противниковъ отдадимъ въ его же волю, лускай дѣлаетъ съ ними что хочетъ.

Плотниковъ не одобрилъ послѣднихъ словъ Почитайшина и вообще былъ противъ звѣрства и насильственныхъ мѣръ. Какъ человѣкъ пожилой, пользовавшійся уваженіемъ среди казаковъ, Плотниковъ былъ средоточіемъ куда стекались всѣ новости, куда приходили казаки посоветоваться. Вскорѣ послѣ пріѣзда съ Таловой, Каравановъ нѣсколько разъ обращался къ Плотникову съ просьбой достать или приготовить знамена для самозванца.

Плотниковъ не зная откуда ихъ достать, отговаривался, но обстоятельства сложились такъ что все-таки ему пришлось послать первыя два знамя Пугачеву. Проходя по базару Плотниковъ встрѣтился съ казакомъ Дроздовымъ и какъ уже слухъ о томъ что государь требуетъ знаменъ распространился по городку, то Дроздовъ, увидя Плотникова, не находилъ ничего лучшаго какъ вѣрнуть ему свою тайну.

— Я слышалъ, Василій Якимычъ, говорилъ Дроздовъ, под-
ходя къ Плотникову, — что вамъ надобны знамена, такъ я ихъ
если хотите, достану.

— Какъ, братецъ, не хотѣть? Достань пожалуста, въ нихъ
крайняя нужда, государь требуетъ. А гдѣ же ты ихъ доста-
нешь?

— Есть у одного дѣтivity оставшіяся еще отъ того времени
какъ войско выходило противъ Фреймана. * Они остались
тогда у него, но онъ человекъ молодой, такъ боится и не
знаетъ куда ихъ дѣвать; такъ я ихъ тебѣ привесу.

— Привеси, отвѣчалъ Плотниковъ.

Это были два огромныя войсковыя знамени: одно ва-
сильковаго цвѣта, а другое дымчатого. Не успѣвъ Плотни-
ковъ получить ихъ, какъ къ нему явился Сидоръ Кожеви-
ковъ и объявилъ что государь проситъ „какъ можно поста-
раться о знаменахъ“.

— Да ты что ли повезешь ихъ къ нему? спросилъ Плот-
никовъ. — У меня есть два старыя войсковыя знамени, а на
новыя мы матерію не сыскали.

— Хорошо, отвѣчалъ Кожевиновъ, — привеси ихъ ко мнѣ,
пожалуй я ихъ отвезу.

Знамена были отвезены къ Пугачеву, но ему показалось
что двухъ мало, и онъ, приказавъ каждое разрѣзать на двѣ
части, требовалъ чтобы шили еще нѣсколько новыхъ.

— Надобно было бы употребить на это деньги общія вой-
сковыя, говорилъ Плотниковъ, — да гдѣ ихъ и какъ телеръ
взять? Видно что самимъ надо истратиться, это современемъ
не пропадетъ.

— Ну что объ этомъ болтать-то, замѣтилъ Почталина, —
безъ чего нельзя обойтись, такъ надо сдѣлать складчину:
вотъ тебѣ моихъ два рубля, приложи своихъ, да еще съ кого
знаешь собери, а потомъ на эти деньги и купи что потребно.

Плотниковъ собралъ такимъ лутемъ десять рублей ** и на
вопросъ Почталина какъ онъ съ ними распорядится, отвѣ-
чалъ что будетъ шить знамена.

* Во время бывшего возмущенія казаки захватили изъ войсковой
избы эти знамена пожалованныя атаманамъ.

** Въ числѣ десяти рублей были: Плотникова 2, Почталина 2, Ка-
раваева 2, Егора Павлухина 2, да еще человекъ добренькій, гово-
рилъ Плотниковъ, обѣщалъ дать 2 рубля.

— Кого же ты за покупкой пошлешь?

— Государь приказалъ купить голы разныхъ цвѣтовъ, отвѣчалъ Плотниковъ,—шелку, галуна, да еще кое-какой мелочи. А пошлю я покупать свою невѣстку, для того что ее дѣло жемское, а буде послать изъ насъ кого-нибудь, такъ пойдетъ дѣло въ огласку и увидя станутъ говорить на что такіа вещи надобны, а къ женщинамъ никто не приставетъ и привязки не сдѣлаетъ, будто на сарафанъ или на рукава себѣ покупаетъ.

Невѣстка ходила на базаръ, но голы не нашла и деньги остались у Плотникова.

Между тѣмъ съ Усичиной розсоши пріѣхалъ Мясниковъ чтобы разузнать что дѣлается въ городѣ. Придя въ домъ Почталина и найдя тамъ Плотникова, Мясниковъ спрашивалъ ихъ, что говорятъ народъ?

— Иные соглашаются, отвѣчали ему,—принять государя, а другіе сумнительны.

Плотниковъ и Почталинъ совѣтовали Мясникову съѣздить къ государю и попросить его чтобъ онъ потихомьку пожаловалъ въ городокъ, для того чтобы можно было показать его тѣмъ которые сомнѣваются.

— Очень мнѣ нужно, отвѣчалъ Пугачевъ на предложеніе прискакавшаго къ нему Мясникова,—воровски къ нимъ ѣздить, а лучше выѣду на лавню, потому что тутъ все войско будетъ въ сборѣ и оттуда уже со славой вступлю въ городъ.

Съ такимъ отвѣтомъ Мясниковъ возвратился въ городокъ и объявилъ что государь приказалъ прислать къ нему отъ войска двухъ казаковъ, старичковъ или середовичей, но только надежныхъ и хорошихъ и тогда онъ съ ними посоветуется какъ лучше сдѣлать.

— Мнѣ и Харчовъ, замѣтилъ Плотниковъ,—о такомъ его намѣреніи сказывалъ...

— Такъ это онъ, въ ротъ ему собаку, перебилъ Мясниковъ,—все дѣло наше испортилъ; мы всегда считали лучшимъ если бы государь показался въ городѣ и вывелъ изъ сомнѣнія тѣхъ кои худо вѣрятъ. Однако кого же вы думаете послать къ государю?

— Да кого послать, мы и сами не знаемъ. Вѣдь это не шутка, надобно послать надежныхъ людей: развѣ Андрей Овчинниковъ и Давида Побѣдимовъ согласятся къ нему съѣздить?

Избранныя лица согласились было ѣхать, но потомъ отказались: Побѣдимовъ сказалъ что у него нѣтъ лошади, а Овчинниковъ отговаривался тѣмъ что ему необходимо быть на свадьбѣ у казака Василя Сидоровкина. Отказъ этотъ поста, вилъ Плотникова, Почиталина и Мясникова въ затруднительное положеніе, изъ котораго они были выведены приходившимъ казакомъ Кузьмою Фофановымъ.

— Я слышалъ отъ лаянника своего Андрея Овчинникова, говорилъ вошедшій,—что вы хотите послать отъ войска двухъ человекъ къ проявившемуся государю и для того нарядили было Андрея, но онъ просилъ меня чтобы я туда вмѣсто его съѣздили и если вы еще никого не послали, такъ пошлите меня, а съ охотой туда поѣду.

— Позвай Кузьма Ивановичъ, говорили обрадовавшіеся Плотниковъ и Почиталинъ,—съѣзди ты къ государю-то ото всего войска Яцкаго, да и отъ насъ изъяви ему поклонъ. Если онъ станетъ тебя о чемъ спрашивать, такъ изъясни ему и разкажи хорошенько, а особливо о нашемъ житіи. Какъ мы теперь всё разорены и обижены и что недавно нашихъ войсковыхъ старшихъ, сотниковъ и казаковъ многихъ наказывали кнутомъ, ноздри рвали, въ ссылку послали, а многихъ лаями сѣкали и въ солдаты малосали, вотъ какая наша крайность. Попроси ты его чтобы онъ заступился за насъ сиротъ и защитилъ, а мы, скажи ему, до послѣдней капли крови вѣрные ему слуги, охотно принимаемъ его въ войско, лишь бы онъ насъ не покинулъ. Да проси его какъ онъ прикажетъ намъ видѣться съ нимъ, гдѣ прикажетъ собраться и когда? Всего бы лучше просить его такъ: не можно ли, батюшка, вашему величеству явиться къ намъ въ войско тогда когда мы выйдемъ на плавию; мы васъ тамъ всѣмъ войскомъ примемъ съ радостью.

Получивъ такую инструкцію, Фофановъ подговорилъ ѣхать съ нимъ Дмитрія Лысова (онъ же Сергѣевъ), но такъ какъ въ глазахъ Пугачева они могли быть *депутатами* отъ всего войска только въ томъ случаѣ когда ихъ приведетъ Мясниковъ, то Лысовъ отправился къ послѣднему съ заявленіемъ что и онъ поѣдетъ.

— Чтѣ братъ, спрашивалъ онъ Мясникова,—куда вы государя-то спровадили?

— Я ничего не знаю.

Мясниковъ любилъ сказать Лысову гдѣ находился

Пугачевъ потому что въ бывшіе беспорядки на Яикѣ въ 1772 году Лысовъ былъ однимъ изъ главныхъ сообщниковъ, но подобно Шигаеву остался безъ наказанія, и казаки подозрѣвали что онъ передался на сторону старшинъ. Лысовъ былъ человѣкъ промырливый, смѣтливый и чрезвычайно настойчивый. Онъ долго приставалъ къ Мясникову чтобы тотъ сказалъ гдѣ государь.

— Ну на что тебѣ? спросилъ наконецъ Мясниковъ выведенный изъ терпѣнія.

— Мнѣ хочется его посмотреть.

— Провались ты отъ меня... Приѣзжай если хочешь завтра ко мнѣ въ Сластивы зимовья * и дождайся меня тамъ.

Лысову только это и было надобно. На другой день онъ былъ уже въ Сластивыхъ зимовьяхъ, куда по одимочкѣ, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе, приѣхали Мясниковъ и Фофановъ. Отсюда всѣ трое поѣхали на Успуху въ станъ Пугачева. При приближеніи ихъ, Чика завидя издали трехъ всадниковъ и полагая что это *эртаулы*, то-есть передовые объѣздныхъ командъ, выѣхалъ верхомъ на встрѣчу и сталъ *малчить* *якою*, то-есть показывать видъ сопротивленія. Лысовъ для шутки сдѣлалъ то же самое, но Чика скоро узналъ Мясникова, сдѣлалъ на лошади кругъ, а затѣмъ такой же кругъ былъ сдѣланъ и Лысовымъ. **

— Ну рожа, на силу-то тебя привнесло, говорилъ Чика обращаясь къ Лысову.

— А почему мнѣ знать-то, отвѣчалъ онъ,—видишь вы все секретничаете, а то я бы давно уже приѣхалъ.

Пугачевъ сидѣлъ у костра разложеннаго подъ деревомъ и увидя Мясникова съ двумя казаками очень обрадовался, предполагая что прибыли наконецъ представители ото всего войска. Рѣшившись принять ихъ съ почетомъ и съ нѣкоторою торжественностью, Пугачевъ лишь только увидѣлъ что казаки сѣзаютъ съ лошадей, тотчасъ же отправилъ къ нимъ бывшихъ при немъ Василія Комовалова и Сидора Кожевинова.

— Подите ребята, сказалъ Пугачевъ,—примите отъ стариковъ лошадей.

* Зимовья принадлежали Мясникову и были въ десяти верстахъ отъ городка.

** Дѣлая кругъ казаки показываютъ тѣмъ что сѣзжаются не враги, а пріатели.

Хотя Фофановъ и Лысовъ были далеко не старики, но Коволодовъ и Кожевниковъ исполняли приказаніе. Прибывшіе подошли къ самозванцу.

— Здравствуйте, други мои, войско Яицкое, сказалъ онъ.

Лысовъ и Фофановъ низко поклонились Пугачеву и поцѣловали его руку.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? спросилъ самозванецъ.

— Мы пріѣхали, отвѣчалъ Фофановъ,—для отдавіа вашему величеству локлона и для увѣренія подлинно ли вы здѣсь.

— Благодарствую что вы меня нашли. Я великій государь Петръ Федоровичъ прішелъ къ Яицкому войску съ тѣмъ чтобы вы меня приняли и возвели на царство попрежнему, а я за васъ вступаюсь. Слышалъ я что вы бѣдные разорены.

— Подлинно, батюшка, говорилъ Лысовъ,—мы всѣ обижены и заступиться за насъ некому, не оставь насъ.

— Извольте други мои, я за васъ вступаюсь, только вы послужите мнѣ, великому государю, вѣрою и правдой.

— Рады тебѣ, батюшка, служить до послѣдней капли крови.

— Чтѣ слышно у васъ обо мнѣ въ войскѣ Яицкомъ, хотѣть ли меня принять?

— Говорятъ, ваше величество, разнѣ: иные вѣрять, а иные не вѣрять: вѣдь вы знаете народную рѣчь; но когда же было чтобы войско Яицкое васъ не приняло если вы вступите въ городокъ.

— Я затѣмъ васъ сюда призвалъ чтобы вы повѣстали войску собраться ко мнѣ сюда. Еслибы собралось ко мнѣ сотъ до пяти, такъ я бы вышелъ съ вами на лавню и явлася войску тогда когда оно останется на первомъ обѣдѣ. *

— Врядъ ли, ваше величество, будетъ у насъ лавня; чутъ ли не отказана будетъ.

— Ну, такъ что же, тогда я пойду съ вами прямо въ городъ со славой, будто бы съ Донскимъ войскомъ, а не съ Яицкимъ.

* Подъ именемъ перваго обѣда называлась первая остановка казачковъ при выѣздѣ изъ Яицкаго городка на лавню. „Обыкновенно, выѣхавъ изъ городка, атаманъ останавливался на кормномъ мѣстѣ и стоялъ тутъ дня два для того что сюда отвсюда сѣзжались казаки и присоединялись къ выѣхавшимъ изъ городка. Съ этого уже мѣста казаки отправляются на лавню, спускаютъ на воду будары и, по данному отъ атамана сигналу, пускаются вдругъ и стараются захватить удобное мѣсто теряютъ порядокъ, такъ что случается иногда бывають и покойники“.

— Хорошо, ваше величество, мы будемъ повищать объ этомъ войско.

— Мнѣ телерь, други мои, надобеть письменный человекъ, такъ сыщите и пришлите его ко мнѣ.

— Есть у насъ такой на примѣтѣ, отвѣчалъ Фофановъ,— пошлите за нами Мясникова, онъ вамъ его привезетъ.

— Ну, хорошо, поѣжай съ ними, говорилъ Пугачевъ обращаясь къ Мясникову,— и привези мнѣ грамота, а вы повищайте въ войскѣ надежнымъ людямъ чтобы скорѣ сюда ко мнѣ выѣзжали... Вотъ у меня одежка плоха, такъ привезите получше.

— Когда сыщемъ, то привеземъ, отвѣчалъ Лысовъ, которому Зарубинъ (Чика) успѣлъ сообщить что Пугачевъ не государь, а довской казакъ, но что его необходимо поддержать для народной пользы.

Пока Фофановъ и Лысовъ ѣздили къ самозванцу, молва о появленіи государя широко распространилась по городку и достигла до старшинъ и ихъ партіи. Хотя они имѣли весьма смутное поватіе о томъ что дѣлалось у войсковыхъ казаковъ и зорко слѣдили за ними, но нескромность старшины Мартемьяна Бородина, какъ увидимъ ниже, ускорила развязку и дала возможность Пугачеву избѣжать преслѣдованій.

Проходя однажды по улицѣ пьяный, Мартемьянъ Бородинъ увидѣлъ старика Плотникова, съ которымъ у него были личные счеты, сидящаго возлѣ дома и разговаривающаго съ сосѣдями.

— Чтò у васъ за сборище, говорилъ Бородинъ привазываясь къ Плотникову,—вы, конечно, сваряжаетесь царя встрѣчать.

Плотниковъ отвѣчалъ что они ни о какомъ царѣ не знаютъ, а говорятъ о предстоящей лавнѣ, но Бородинъ сталъ его сначала ругать, а потомъ бить. Плотниковъ замѣтилъ что старшина бьетъ его напрасно.

— Я тебѣ дамъ напрасно, кричалъ Бородинъ,—ты скажешь мнѣ кто брата твоего посылалъ въ Петербургъ.

Бородинъ приказалъ казаку Автилову посадить Плотникова подъ караулъ, но послѣдній успѣлъ скрыться въ домѣ Якова Почиталина.

Постулокъ Бородина показалъ казакамъ войсковой сторукомъ что старшинская партія также провѣдала о появленіи государя и возбудилъ въ нихъ новое неудовольствіе и ненависть къ старшинамъ.

— Погодите, не долго вы будете надъ нами ломаться, разсуждали Плотниковъ и Почитайицъ говоря про старшинъ,— можете забудете насъ безъ вины обижать!

На другой день послѣ этого происшествія Фофаловъ возвратился въ городокъ и прямо отправился къ Почитайицу.

— Ну что видѣлъ государя? спрашивали его.

— Видѣлъ, онъ вамъ и всему войску кланяется и говорить что совѣтъ вашъ хорошъ чтобъ ему явиться на лавки; онъ неотвѣнно положилъ прійхать когда войско остановится на первомъ обѣдѣ. Вы тутъ его смотрите, онъ прійдетъ съ тѣми которые теперь при немъ находятся, а именно: Чука, Василий Коноваловъ и Тимошей Мясниковъ. Теперь же велѣлъ у васъ попросить чтобы прислали къ нему если можно двухъ, а нѣтъ такъ одного писара для письма, да еще зилуаъ хорошій, чтобы было ему въ чемъ явиться предъ войскомъ. Онъ оказывалъ что у него ничего нѣтъ и что онъ весь тутъ въ чемъ его видите, то-есть зилуаъ крестьянскій и рубашка толстая.

Пока Почитайицъ разсуждалъ о томъ кого бы изъ грамотныхъ людей послать къ Пугачеву, пришелъ къ нему и Мясниковъ.

— Чѣмъ далеко ходить да искать, говорилъ Фофаловъ,— у тебя есть свой грамотей, сывъ Иванушка, такъ пошли ты его.

— И впрямь такъ, подхватил Плотниковъ и Мясниковъ,— чего же лучше, благословясь и посылай съ Богомъ.

— Какъ его послать, отвѣчалъ Яковъ Почитайицъ,— онъ человекъ еще молодой, небывалый при такихъ дѣлахъ, гдѣ ему справиться.

— Вотъ пустяки какіе, какъ не справится, вѣдь на немъ государь строго взыскивать не будетъ, онъ знаетъ что сывъ твой въ такихъ дѣлахъ небывалый; онъ же человекъ молодой, такъ лучше и скорѣе поваторѣть, а зато, самъ ты знаешь, будетъ человекъ и не будетъ оставленъ.

Послѣднія слова льстили самолюбію Почитайица-отца, и онъ рѣшился отправить сына, „давъ ему, говорилъ онъ,— чистое свое родительское благословеніе, приказывая вѣрно служить государю и все дѣлать что заставитъ, учиться къ добру и привыкать къ дѣламъ“.

— Вотъ тебѣ, бумажный человекъ, сказалъ Яковъ Почитайицъ обращаясь къ Мясникову,— отвези его къ государю; теперь что ли ты его съ собою возьмешь?

— Пускай ѣдетъ въ Славянъ зимовья, отвѣчалъ Мясниковъ,— и тамъ меня дожидается.

Молодой Почитайцъ выѣхалъ изъ городка съ Василиемъ Плотниковымъ, оласавшимся пресаѣдованій Бородинъ и рѣшившимся также побывать у государя.

Вмѣстѣ съ сыномъ Почитайцъ послаалъ залуиъ новый, зеленый съ золотымъ позументомъ, бешметъ подержанный, кушакъ шелковый хорошій, да шалку бархатную черную, съ приказаніемъ все это вручить государю съ пожеланіемъ „чтобъ онъ изволилъ носить оное на здравіе“.

— Смотри же, Иванушка, говорилъ Почитайцъ сыну,— какъ придеши предъ государя, то покажись въ землю, ставъ предъ нимъ на колѣни, поцѣлуй ручку и называй его ваше величество.

Сѣхавшись на Сластивыхъ зимовьяхъ, Плотниковъ, Мясниковъ и молодой Почитайцъ отправились на Усису, гдѣ увидѣли что для самозванца была разбита близъ рѣки палатка, и ставъ его увеличился прибытіемъ нѣсколькихъ новыхъ лицъ, въ числѣ которыхъ были и Татары Идеркей Алметьевъ, извѣстный лодъ именемъ Идорки, сынъ его Болтай, Барышъ Мустаевъ, котораго казаки называли Баранка и Аманушъ.

Мясниковъ приказалъ своимъ слутникамъ сѣзсть съ лошадей и, введя ихъ въ палатку, представилъ самозванцу. Плотниковъ и Почитайцъ стали на колѣни и поцѣловали руку Пугачева.

— Вотъ, ваше царское величество, сказалъ Мясниковъ укаывая на Почитайца,—этотъ яцкій казакъ грамотный человекъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ,—будь при мнѣ и лишь что я вею.

— Ваше величество, я пишу худо, отвѣчалъ робко Почитайцъ.

— Ничего, письма будетъ мало; ты человекъ еще молодой, выучишься; послужи мнѣ вѣроу и правдой, а тебя же оставлю.

Молодой Почитайцъ ловиновался и передалъ Пугачеву залуиъ, бешметъ, кушакъ и шалку.

— Кто это мнѣ прислаалъ? спросилъ самозванецъ.

— Это мое, отвѣчалъ Почитайцъ,—я симъ вашему величеству кланяюсь.

— Благодарствую.

— Что обо мнѣ въ городѣ говорятъ? спросилъ Пугачевъ обращаясь къ старику Плотникову.

— Происходить, надежа государь, о васъ многіе толки, однакоже многіе соглашаются васъ принять.

По окончаніи аудіенціи, Мясниковъ, все время ѣздавшій изъ города въ станъ самозванца и обратно, просилъ у Пугачева позволенія отправиться опять въ городокъ чтобы спить себѣ салога.

— А еще чеботарь, говорилъ шутя самозванецъ, — а безъ салоговъ; да можно, ѣздить ли тебѣ и не лучше ли здѣсь остаться.

— Я, ваше величество, только сошью салоги и тотчасъ же вернусь къ вамъ.

— Ну, какъ хочешь, лоѣзжай себѣ.

Пріѣхавъ домой, Тимоеей Мясниковъ нашелъ въ слезахъ всѣхъ своихъ домашнихъ.

— Чтѣ ты, проклятый, надѣлалъ, налустилась на него мать, — вѣдь тебя ищутъ и вмѣсто тебя взяли больнаго меньшаго брата Гаврилу. Мы про тебя сказали что ты съ Ивановомъ въ зимовьѣ.

Тимоеей Мясниковъ догадался тогда что Пугачевъ открытъ, что за нимъ будетъ погоня *.

Скрывшись у казака Лукманова и узнавъ что въ городкѣ находится Степанъ Кожевниковъ, Мясниковъ послалъ за нимъ дочь Лукманова чтобъ она позвала его къ отцу. Кожевниковъ отправился къ Лукманову и когда вошелъ на дворъ, то посланная, указавъ рукой на избную подволоку, направилъ туда Кожевникова.

— Поди туда, сказала она, — тамъ лежитъ Тимоеей Мясниковъ, онь, а не отецъ меня къ тебѣ посылалъ.

— Бога ради, улащивалъ Мясниковъ, — лоѣзжай, братъ, скорѣе на Усису увѣдомить государя и скажи что Мартемьянъ Бородинъ выступилъ въ походъ для поимки его. Смотри же, Степанушка, послѣшай туда проворнѣе, не погуби всѣхъ насъ, вѣдь и вамъ бѣда будетъ за то что вы держали его у себя.

Степанъ Кожевниковъ тотчасъ же осѣдлалъ лошадь и поспекалъ на Усису предупредить государя и своихъ товарищей объ угрожающей имъ опасности.

(До слѣдующаго №.)

Н. ДУБРОВИНЪ.

* Показанія казаковъ: Якова Почталина, Василія Плотникова, Кузьмы Феофанова, Ивана Почталина и Тимоееа Мясникова. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. д. № 505, № 506 и № 512.

ТЕОРІЯ РИТМА

ВЪ ПРИМѢНЕНІИ

КЪ РУССКИМЪ ПОЭТАМЪ.

Ритмъ является образовательнымъ элементомъ, главнымъ образомъ въ тѣхъ двухъ искусствахъ котормя у Грековъ назывались преимущественно *музыкаскими*, то-есть въ поэзіи и въ музыкѣ. Когда стихотворная рѣчь и музыкальные звуки подчиняются ритму, знаменитый греческій музыкантъ и ритмикъ Аристоксезъ называетъ ихъ *rhythmizomena*, то-есть сложившимся по законамъ ритма подвижнымъ матеріаломъ.

Хотя извѣстныя различія въ ритмической формациіи и обуславливаются различіемъ этого подвижнаго матеріала, однако они на самую суть ритма не имѣютъ вліянія: ритмическіе законы тѣ же для различныхъ *rhythmizomena*, все равно выражена ли поѣтическая мысль на латинскомъ, на греческомъ языкѣ, или же на одномъ изъ современныхъ; предназначается ли она для чтенія, для декламациіи, или же для пѣнія; относятся ли звуки къ вокальной музыкѣ или же къ инструментальной. Дѣло въ томъ что ритмъ (по вѣроному и донынѣ вѣрнымъ точнѣе не выраженному опредѣленію того же Аристоксеза) состоитъ *изъ осязательнаго для слушателя дѣленія времени занимаемаго данными поѣтическими или музыкальными*

произведениямъ. Такимъ образомъ ритмическіе законы относятся къ промежуткамъ времени ощутительнымъ при посредствѣ рѣчи и звуковъ и называемымъ ритмическими отдѣлами. * Они одинаковы у разныхъ rhythmicisomena, независимо отъ различныхъ свойствъ послѣднихъ.

Существуетъ четыре рода ритмическихъ отдѣловъ, не соизмѣнныхъ между собою, а подчиненныхъ другъ другу, т.-е. высшій разрядъ содержитъ въ себѣ низшіе. Въ поэзіи мы ихъ называемъ: первый, — *стопой*, второй, — *стихомъ* или *колономъ* (т.-е. ритмическимъ членомъ), третій, — *періодомъ*, четвертый, — *системою* или *строфою*. Значеніе этихъ ритмическихъ терминовъ ясно изъ слѣдующаго примѣра, взятаго изъ оды Ломоносова: „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.“

Строфа (система)	{	Періодъ	{	колонокъ:	Уже прекрасное свѣтло
			{	колонокъ:	Простѣрао блѣскъ свой по землѣ
		Періодъ	{	колонокъ:	И Божія дѣла открыла.
			{	колонокъ:	Мой дѣхъ, съ веселіемъ внемлю;
			{	колонокъ:	Чудеса ясныхъ стѣлъ лучамъ,
			{	колонокъ:	Представъ, какѣвъ видѣтель самъ.

Весь комплектъ шести строкъ образуетъ *строфу* или *систему*, состоящую изъ двухъ трехчленныхъ *періодовъ*. Каждая строка или стихъ образуетъ *колонокъ* или ритмическій членъ, почему оба періода и суть трехчленные. Каждый *колонокъ* содержитъ 4 двухсложныя *стопы*, въ которыхъ тотъ слогъ на которомъ слышится удареніе называется *тезисомъ*, а слогъ безъ ударенія *арзисомъ*.

Такова истинно античная терминологія ритмическихъ отдѣловъ классической древности, находившаяся въ употребленіи уже со временъ Платона. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія она встрѣчается у Зюльцера (*Allgemeine Theorie der schönen Künste*, отдѣлъ о ритмѣ), затѣмъ появляется все рѣже и рѣже, а въ наше время она почти совсѣмъ исчезла.

Часть ритмики, имѣющая своимъ предметомъ подвижной матеріалъ поэтической *рѣчи*, обозначается особымъ названіемъ *метрики*. Метрика то же самое что и ритмика, съ тою лишь разницею что метрика имѣетъ значеніе болѣе спеціальное,

* Аристоксенъ называетъ ихъ ритмическими моментами; на ритмическіе отдѣлы 3го и 4го разряда (періодъ и система) дошедшая до насъ часть его ритмики не простирается. Относящуюся сюда теорію древнихъ мы должны заимствовать у Гестіона и Марія Викторина.

такъ какъ она трактуеть о ритмической формѣ только поэтическаго *metron*; ритмика же обладаетъ бóльшимъ объемомъ, такъ какъ относится и къ поэтическому *metron* и къ *музыкѣ*. Боле спеціальныи терминъ „метрика“ можно употреблять и въ боле обширномъ смыслѣ, какъ Морицъ Гауптманъ въ своемъ сочиненіи *Die (Natur der Harmonik und Metrik*. Однако въ сочиненіи Люсси (*Lussy, Traité de l'expression musicale*) названія заимствованныя у древнихъ употребляются совершенно произвольно: авторъ называетъ удареніе отдѣльнаго такта метрическимъ, главное же удареніе колона ритмическимъ акцентомъ. При равенствѣ ритмическихъ частей для всѣхъ *rhythmizomena* и терминологія должна бы быть тождественною; въ ритмикѣ и метрикѣ не должно бы быть разницы относительно номенклатуры ритмическихъ отдѣловъ. Такъ оно и было прежде; къ сожалѣнію нельзя сказать чтобъ оно и теперь такъ было. Хотя ритмическіе термины Грековъ удержаны какъ въ латиникѣ, такъ и въ переводѣ, однако они употребляются въ иномъ смыслѣ чѣмъ у древнихъ техниковъ; къ тому же, часто одни и тѣ же термины въ музыкѣ имѣютъ одно значеніе, а въ поэзіи другое. Такъ какъ наши ритмическіе термины заимствованы у древнихъ Грековъ, у которыхъ составила полная, весьма совершенная теорія ритмики (изъ которой мы многому могли бы научиться для нашего современнаго искусства), то ясно что намъ, современнымъ людямъ, слѣдуетъ употреблять ритмическіе термины, въ особенности же термины для ритмическихъ отдѣловъ, въ томъ же смыслѣ какъ и Греки, и слѣдовательно намъ придется возвратиться къ способу выраженія Зуальдера, отвергая все и пренебрегая всѣмъ тѣмъ что послѣ него было измѣнено въ ритмической номенклатурѣ. Иначе намъ не избѣжать смѣшенія языковъ, нынѣ существующаго въ области музыкальной ритмики и въ первыхъ десятилѣтіяхъ нашего вѣка сдѣлавшагося истинно вавилонскимъ. Изъ четырехъ терминовъ, объясненныхъ нами по поводу оды Ломоносова, едва ли найдется одинъ который не употреблялся бы нынѣ въ смыслѣ уклоняющемся отъ упомянутаго нами древне-греческаго значенія. Мы назвали комплектъ шести строкъ *строфой* или *системою*; по другому обыкновенному употребленію (согласно также съ учебникомъ Маркса) * *каждая*

* Marx, *Die Lehre von der musikalischen Composition*.

строка уже называлась бы *строфой*, между тѣмъ какъ всѣ шесть строкъ были-бы только *стихомъ*. То что мы назвали *периодомъ*, по мнѣнію Аятуана Рейха, Маркса, Лобе и др., не есть періодъ, а только *членъ* (шестьге, кдловъ) періода; лишь совокупность шести строкъ составила бы періодъ. Правда, названіе *стопы* употребляется въ вышеприведенномъ нами настоящемъ смыслѣ, хотъ и тутъ отраднаго мало. Волервыхъ, каждая изъ двухъ частей стопы называется то *арзисомъ*, то *тезисомъ* (смѣшеніе въ которомъ виноваты на этотъ разъ не музыканты, а филологи); а во вторыхъ, хотъ каждый и согласится съ тѣмъ что въ приведенномъ нами примѣрѣ слово „ужѣ“ составляетъ *стопу*, и что музыкальные звуки, которые соответствовали бы этимъ двумъ слогамъ, составили бы также *стопу*; однако немало найдется музыкантовъ которые будутъ протестовать противъ того что *стопы* составляетъ необходимый элементъ музыкальной ритмики, особенно въ инструментальной музыкѣ.

Истинно безпримѣрное смѣшеніе въ терминологіи музыкальной ритмики сводится, главнымъ образомъ, къ двумъ причинамъ: волервыхъ, къ появившемуся въ протестантскомъ богослуженіи злоупотребленію придавать слову *стихъ* (*Vers*) въ церковныхъ лѣсахъ значеніе уклоняющееся отъ античнаго смысла его, и примѣняющееся къ тому что называли библейскимъ стихомъ; во вторыхъ, къ попыткѣ сдѣланной въ Парижѣ во второмъ десятилѣтіи нашего вѣка и, къ сожалѣнію, слухомъ хорошо удавшейся, къ попыткѣ офранцузившагося Нѣмца, Чеха Аятуана Рейха ввести въ употребленіе, какъ ритмически-музыкальный терминъ, слово *периодъ*, античнаго значенія котораго онъ не понималъ. Реактивныя попытки Готфрида Вебера остались безъ успѣха. Слѣдовало возвратиться прямо къ ритмической терминологіи Грековъ (чего не сдѣлалъ Веберъ) и къ тому же, къ терминологіи Грековъ не византийскихъ и не временъ римскихъ императоровъ, а Грековъ классической древности. Пока это не будетъ произведено рѣшительнымъ образомъ, музыкальная ритмика попрежнему останется злосчастною, *неуважаемою* составною частью музыкальной теоріи, отъ чего, по несправедливости, пострадала сама *музыка*.

Въ современной повзи *стихъ* состоитъ изъ ряда *словосъ*, попеременно съ *удареніемъ* и *безъ ударенія*, и притомъ такъ что за *однимъ* слогомъ съ *удареніемъ* слѣдуютъ *одни* или

два слога *безъ ударенія*. Слогъ съ удареніемъ называется *повышеніемъ* (thesis), а слогъ или слоги безъ ударенія называются *пониженіемъ* (arsis). Итакъ, у современныхъ стихотворцевъ повышение всегда *односложное*, пониженіе или *односложное*, или же *двухсложное*. Повышеніе вмѣстѣ со слѣдующимъ за нимъ пониженіемъ образуетъ *стопу*; отало-быть, бываютъ *столпы двухсложныя и трехсложныя*. Односложное повышение съ односложнымъ пониженіемъ образуетъ *двухсложную стопу*, а односложное повышение съ двухсложнымъ пониженіемъ, — *столпу трехсложную*.

Стихъ можетъ *начинаться съ повышения* или съ *понижения*. Последнее въ такомъ случаѣ называется *анактиксисъ* (Anaktaxis). Такимъ же образомъ онъ можетъ *оканчиваться повыше-ніемъ* или *пониженіемъ*: первое можно назвать *мужскимъ*, второе *женскимъ окончаніемъ* стиха. Что же касается числа повыше-ній или стопъ, что въ сущности одно и то же, то въ лирической поэзіи, которая по связи своей съ музыкой наиболѣе интересуетъ насъ, стихи содержащіе *четыре* повыше-нія самые обыкновенныя. Такой стихъ мы называемъ, упо-требляя античный терминъ, „*тетраподію*“ (то-есть стихомъ *четыре-стопнымъ*). На тетраподіяхъ мы объяснимъ приведенныя выше роды и виды стиховъ: *два главные* рода (I и II), опре-дѣляемые *начальнымъ повыше-ніемъ* или *пониженіемъ*; въ *каждомъ* изъ нихъ по *два степенныя* вида (I, 1 и I, 2; II, 1 и II, 2), смотря потому, *односложное* ли повышение или *двухсложное*, — всего 4 рода, въ *каждомъ* изъ которыхъ пони-женіе или повышение *последняго* слога образуетъ *два* раз-личныя вида (a и b), *мужское* и *женское* окончаніе стиха.

I. Стихъ начинается съ *повышенія*.

1) Пониженіе *односложное*:

- a. Даръ напрасный, даръ случайный,
- b. Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
- a. Иль зачѣмъ судьбою тайной
- b. Ты на казнь осуждена?

(Пушкинъ.)

- a. Нѣ грозѣ-жь ты мнѣ бѣдою,
- b. Нѣ зовѣ, судьба, на бѣи.
- a. Бѣться я готовъ съ тобою,
- b. Но не сладить ты со мною!

(Кольцовъ.)

2) Пониженіе *двухсложное*; довольно часто поэтъ по-воляетъ себѣ въ *любомъ* мѣстѣ стиха вмѣсто *двухсложнаго*

повиженія ставить односложное; въ концѣ стиха это происходитъ постоянно: двухсложное повиженіе употребляется тамъ только въ извѣстныхъ рѣдкихъ случаяхъ.

- а. Пить-ли начнѣтъ предпочтѣльнѣй тобою,
 б. Вѣсело слѣва въ любви свой успѣхъ,
 а. Сѣрдце твоѣ отравляютъ тоскою
 б. Пѣсни мой о любви безъ утѣхъ.

Корнѣ.

Въ обоихъ примѣрахъ (1 и 2) стихи обозначенные литерой *a* оканчиваются *пониженіемъ* (*женская* рима), стихи же подъ литерой *b* *повышеніемъ* (*мужская* рима). Въ первыхъ мы слышимъ *четыре* повышенія и столько же пониженій, а во вторыхъ также *четыре* повышенія, но только *три* пониженія; недостаетъ ожидаемаго пониженія въ концѣ стиха и поэтому эти стихи подъ литерой *b* называются *неполными* или *каталектическими*, стихи же *a* *полными* или *акаталектическими*.

II. Стихъ начинается съ *пониженія* (стихъ съ *Auftakt'омъ*, *анакрусическій* стихъ).

1) Повиженіе односложное:

- а. Мы льбѣмъ изъ чѣши бѣтій
 б. Съ закрытымъ очамъ,
 а. Златѣ омочивъ край
 б. Своими жѣ слезами.

(Лермонтовъ).

- а. То было въ утро нашихъ лѣтъ—
 б. О счастіи! о слезы!
 а. О лѣтъ! о жизнь! о облаца свѣтъ!
 б. О связій дѣхъ березы!

(Толстой).

2) Повиженіе *двухсложное*, однако, подобно № I, 2, замѣняется иногда *односложнымъ*.

- а. Почуло сѣрдце что жизнь хороша,
 б. Вы, вѣбаны, размѣкали горе;
 а. Отъ грома и лѣска проснулась душа,—
 б. Средней ей шумящее море.

(Толстой).

Въ № II (1 и 2) стихи подъ литерой *a* *полные* (*каталектические*) и содержатъ *четыре* повышенія и столько же пониженій, но послѣдній слогъ (въ противоположность къ I, 1 и 2) съ удареніемъ (именно потому что стихъ начинается не съ

повышенія, а съ пониженія). Стихи подъ лутерою *в неполные* (*каталектические*) и содержатъ четыре пониженія, но только три повышенія; ожидаемое въ концѣ четвертое повышеніе не выражено слогомъ; взаимнѣя этого ритмъ требуетъ паузу въ концѣ стиха, занимающую собою время четвертаго повышенія. При выразительномъ чтеніи каждый и бессознательно выдержитъ эту паузу.

Другой видъ *неполныхъ* стиховъ представляютъ *бракикаталектические*, въ которыхъ при концѣ недостаетъ цѣлой стопы:

- a. Вѣсны катятся одна за другою
 b. Съ лѣскомъ и шумомъ глужимъ;
 a. Люди проходятъ ничтожной толою
 b. Также одиѣ за другимъ.

(Держомтовъ).

- a. Ты помнишь ли рѣвъ дождеваго потока,
 b. И лѣву, и брызги кругомъ?
 a. И какъ наше горе казалось далѣко,
 b. И какъ мы забыли о немъ?

(Толстой).

- a. И долго на свѣтъ томилась она,
 b. Желаніемъ чуднымъ полна;
 a. И звуковъ небесъ замѣнить не могла
 b. Ей скучныя лѣсны земаи.

(Держомтовъ).

Стихи *б* („И лѣву, и брызги кругомъ“, „И какъ мы забыли о немъ“, „Желаніемъ чуднымъ полна“, „Ей скучныя лѣсны земаи“) сами по себѣ *триподіи* (съ *тремя* повышеніями), но по связи со стихами *а* мы должны разсматривать ихъ какъ *бракикаталектическія тетраподіи*.

По той терминологіи которой придерживаются безъ изъятія античные метрики, полныя и неполныя тетраподіи, которыя мы употребили въ предыдущемъ какъ примѣры современныхъ стиховъ, не могли бы называться *стихами* „*versus*“, по-гречески „*stichos*“, то-есть строка; они, напротивъ, были бы только *полустихіями*, по античной терминологіи *кдолами* (*κῶλα*), то-есть ритмическими и метрическими *членами*; одно только сочетаніе полвой тетраподіи съ неполвою (стало-быть *а* и *б* вмѣстѣ взяты) составили бы *versus* или *stichos*. Притомъ словомъ *кдола*, то-есть ритмическій *членъ*, слѣдуетъ обозначать только *полную* тетраподію; *неполная* же тетраподіа

(каталектическая) и каждое сочетаніе меньшаго количества стопъ имѣеть особое названіе „*колла*“, то-есть ритмическая часть, хотя обыкновенно эта разница между коловомъ и коммой оставляется безъ вниманія и вмѣсто коммы употребляютъ также терминъ коловъ, какъ общее выраженіе. Итакъ, то что Пупкинъ пишетъ въ *деуахъ* строкахъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

древніе написали бы въ видѣ *одного* stichos или versus или стиха:

Даръ напрасный, даръ случайный, | жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

Итакъ, античная номенклатура довольно проста. Но она становится нѣсколько сложною вслѣдствіе того что древніе называли *стиахъ* также *метромъ*. По словамъ древнихъ теоретиковъ, въ особенности Александрина Гестіона (въ его небольшомъ руководствѣ метрики), *метръ* „*metron*“ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) метръ постоянно долженъ оказываться цѣлымъ словомъ; слоговъ послѣдняго слова разъединять нельзя. Античные метры престоупающіе этотъ законъ приблизительно также безобразны какъ и русскіе шуточные стихи:

Вѣтры сѣверные ду-
ютъ; гулять я не пойду.

2) Въ самомъ метрѣ слоги подвержены опредѣленной просодіи, въ зависимости отъ образуемаго ими ритма; каждый слогъ, по своему положенію въ предѣлахъ метра, долженъ быть или долгимъ, или короткимъ. При концѣ стиха этого не соблюдаютъ; сочинитель можетъ употреблять короткій слогъ вмѣсто требуемаго ритмомъ долгаго и, наоборотъ, долгій вмѣсто короткаго.

Къ этому присоединяется еще третій не упомянутый у Гестіона законъ: 3) *внутри* метра, подобно тому какъ въ итальянскихъ и французскихъ стихахъ, *зіаніе* (hiatus) не допускается; въ *концѣ* же метра (значить, на границѣ между двумя метрами) зіаніе допускается.

Метры состоящіе изъ двухъ колововъ, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, называются *составными*; (ср. Roszbach и Westphal, *Griechische Metrik*, томъ II, стр. 141 и далѣе). Составной метръ называется stichos или versus, коль скоро онъ содержитъ въ себѣ 2 колова. ♣ Но изъ числа

метровъ *несоставныхъ* (состоящихъ изъ одного колона каждый) тѣ только называются *stichoi* которые содержатъ по 5 или 6 удареній. Такъ ямбическій триметръ, *stichos*, какъ напри- мѣръ:

Какъ праздничный мнѣ ликъ веснѣ тепѣрь неслобентъ!
Какъ грустенъ бѣзъ тебѣ деревъ зеленыхъ видъ!

(Толстой.)

Въ современной же поэзiи *каждый* коловъ, несмотря на его величину, считается за самостоятельный стихъ. Современные стихотворцы только въ томъ случаѣ пишутъ два колона, какъ *одинъ* стихъ, когда они подражаютъ версификациі стихотворцевъ древняго міра и Среднихъ Вѣковъ. Такъ, напри- мѣръ, у Толстаго:

Плачь неутѣшной душѣ | надъ погубшей великою миссю.

То же самое мы встрѣчаемъ во французскомъ александрій-скомъ стихѣ:

Je chante ce héros | qui régna sur la France,

(Voltaire.)

дальше нѣмецкiй средневѣковой стихъ (Nibelungenvers).

Es stând in älten Zeiten | ein Schloß so hoch und héhr.

(Uhland.)*

Сюда же относится героическiй и элегическiй стихъ состо- ящiй изъ двухъ триподическихъ колововъ.

Слышу умолкнувшiй звукъ | божественной Эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣмъ | чью смущенной душой.

(Пушкинъ.)

Когда метръ состоитъ изъ тетраподическихъ колововъ (изъ колововъ съ 4 стопами), то онъ называется по числу содержащихся въ немъ *dipodii* (*двойныхъ стопъ*). Следова- тельно, *тетраметръ* есть метръ или *stichos* состоящiй изъ 4 диподiй. Мы непремѣнно должны примѣнить эту номенкла- туру къ современной поэзiи, все равно написано ли данное сти- хотворенiе по новому обще-употребительному слобобу (по отдѣльной строкѣ для каждаго ритмическаго члена), или такъ что по два колона соединены стихотворцемъ въ одну стро- ку (въ подражанiе стихамъ древнимъ и средневѣковымъ).

* Въ переводѣ Миллера:

Стоялъ когда-то замокъ | угрюмый великанъ.

Примѣры:

Тетраметръ

диподія	диподія	диподія	диподія
Пóздно нóчью мѣ лежáли нá землѣ средѣ равнѣны У ковѣи своѣхъ устáдыхъ чутко спáли Бóдущиы.			
диподія	диподія	диподія	диподія
Тетраподическій кóломъ		Тетраподическій кóломъ.	

или по „новому способу“:

		тетраподическій кóломъ	
		диподія	диподія
Тетраметръ	{	Я пѣрежѣлъ свой желáнья,	
		Я рáзлюбѣлъ свой мечтá.	
		диподія	диподія
		тетраподическій кóломъ.	

Когда метръ состоитъ изъ *триподическихъ* кóломовъ (то есть изъ кóломовъ съ тремя столами), то онъ называется по числу содержащихся въ немъ *стопъ*. Метръ состоящій изъ двухъ триподическихъ кóломовъ будетъ слѣдовательно называться *гекзаметромъ* (т.-е. шестистопнымъ метромъ), какъ напримѣръ, героическій стихъ древнихъ:

Гекзаметръ

стопа	стопа	стопа	стопа	стопа	стопа
Хóчешь узнатьъ ты себя? смотрѣ на людѣи и учѣи					
триподическій кóломъ			триподическій кóломъ.		

Въ приведенныхъ нами стихахъ современныхъ поэтовъ *акаталектической* стихъ подъ литерой *a* весьма тѣсно соединяется со стихомъ *b* въ легко различимую цѣлостную группу, ибо такая группа отъ слѣдующей за ней отдѣляется небольшою паузою въ концѣ каталектического стиха (о чемъ было говорено выше).

Мы замѣчаемъ что во всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ примѣрахъ каталектической кóломъ стоитъ на второмъ мѣстѣ,

стало-быть составляетъ заключеніе метра. Рѣже попадаетъ заключительный коловъ акатаlecticескій:

Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
О нихъ не даромъ вспоминалъ я.
(Пушкинъ.)

Иногда тетраметръ устроенъ и такъ что неполная тетраподія составляетъ начало, а полная конецъ:

Нѣ пугай насъ, мѣлый другъ,
Грѣба близкимъ лѣвосѣлемъ.

Но названный сперва родъ метровъ (начальный коловъ полный, заключительный неполный) встрѣчается гораздо чаще; у древнихъ же онъ преобладаетъ исключительно въ стихахъ состоящихъ изъ одинаковыхъ метровъ. Ибо, какъ было замѣчено выше, при заключеніи катаlecticескомъ бываетъ небольшая пауза занимающая мѣста слога. Такъ какъ два колова должны составить ритмическое цѣлое, то эти паузы являются наибольше естественными въ концѣ второго колова; это натуральный отдыхъ для читающаго.

По тѣмъ же законамъ какъ двучленные метры, сочетаются и три колова и болѣе въ ритмическое и метрическое цѣлое. Эткихъ сочетаній писать въ одну строку нельзя: каждый коловъ помѣщается отдѣльно; притомъ это сочетаніе называется уже не метромъ, а „гиперметромъ“ (hypermetron) потому что сочетаніе заходитъ за предѣлы метра. Въ нашей современной лирикѣ имѣется вѣчто весьма похожее на гиперметрическія образованія древнихъ:

{ Какъ капля, въ морѣ блущѣнна, |
{ Вся твѣрдь перѣдъ тобѣи сія; ||
{ Но что мной зрѣмай вселѣнна |
{ И что перѣдъ тобѣю я? ||
• { Въ воздушномъ океанѣ блонъ |
{ Міръ умѣжа мѣлѣионѣмъ |
{ Другѣхъ міровъ,—и тѣ ||
{ Когда дерзну сравнѣть съ тобѣю, |
{ Лишь будетъ точкой однѣю, |
{ А я перѣдъ тобѣи,—ничто. ||

(Державинъ.)

Здѣсь два тетраметра, то-есть сочетанія состояція каждое изъ двухъ тетраподическихъ коловъ начинаютъ собою строфу; далѣе слѣдуютъ два триметра, т.-е. два сочетанія трехчленныхъ метровъ, составленныхъ изъ трехъ тетраподій, двухъ полной и одной неполной.

Другой примѣръ:

{ Побѣда! сѣрцу сладкій часъ! |
 { Россія, встань и возвышайся! |
 { Гремѣ, восторговъ общій гласъ!... ||
 { Но тѣше, тѣше раздавайся |
 { Вокругъ одра, гдѣ оны лежѣтъ, |
 { Могучій мститель зайхъ обидѣ, ||
 { Кто покорилъ вершины Тавра, |
 { Предъ кѣмъ смирилась Эривань, ||
 { Кому суворовскаго лавра
 { Вѣнокъ сплела тройная брань. ||

(Пушкинъ.)

Начало этой строфы составляютъ два *трехчленные* сочетанія; заключеніе: два сочетанія *двухчленные* (два тетраметра) предѣлы отдѣльныхъ сочетаній опредѣляются каталексисомъ римою и перерывами мысли.

Соединеніе четырехъ колоновъ въ четырехчленную группу встрѣчается рѣже:

{ Набѣднѣ съ тобою, братъ, |
 { Хотѣлъ бы я побѣтъ: ||
 { На свѣтѣ мало, говорятъ, |
 { Мнѣ остаѣтся жить. ||
 { Поѣдешь скоро ты домой, |
 { Смотри жь, да что! мой судьбой, |
 { Сказать по правдѣ, очень |
 { Никто не забочень. ||

(Лермонтовъ.)

Древніе утверждаютъ что сочетаніе трехъ и четырехъ колоновъ уже болѣе не метры. Однако эти большія по объему сочетанія слагаются по тѣмъ же принципамъ какъ метры состоящія изъ двухъ колоновъ. Какъ въ вышелприведенныхъ примѣрахъ современной лирики, такъ и въ драматической поэзіи древнихъ, метры двухчленные чередуются съ многочленными (гиперметрами). Всѣ прочіе законы образованія метровъ и гиперметровъ совершенно тождественны; единственная разница между метромъ и гиперметромъ состоитъ въ количествѣ ритмическихъ членовъ,—разница не качественная, а просто количественная. Можно полагать что для двухъ видовъ, различныхъ только по количеству, а не по качеству, должно существовать и общее наименованіе.

Со времяемъ Августа Бѣка (Voeskh) вошло въ употребленіе издавать стихотворенія Пиндара, отчасти и кантики греческихъ драматурговъ такъ что въ одну строку печатались не

только одночленные и двухчленные, но также трехчленные и многочленные сочетанія. Ихъ называютъ „стихами“, наравнѣ съ сочетаніями одночленными и двухчленными. Но это названіе неправильно. По традиціи древнихъ слѣдуетъ говорить вмѣсто „стихъ“—„періодъ“. Это античный техническій терминъ, простирающийся на метры и на гиперметрическія образованія. Чаще всего, правда, терминъ „періодъ“ встрѣчается для обозначенія сочетаній гиперметрическихъ и еще во времена Римской имперіи онъ употреблялся въ этомъ смыслѣ, особенно метрикомъ Маріемъ Викторовичемъ. Для обозначенія метровъ одночленного и двухчленного терминъ „періодъ“ тогда ужъ устарѣлъ: говорили не иначе какъ „метрон“, въ особенности метрикъ Гестіонъ. Однако слово „періодъ“, какъ было доказано, появилось гораздо раньше, а именно во времена классической Греціи, и притомъ же, что не лишено интереса, оно перешло въ ритмику и метрику не изъ терминологіи риторовъ. Напротивъ, во времена Платона названіе „періодъ“ вмѣстѣ съ терминами „кóлонъ“ и „комма“ перенесено было риторомъ Тразимахомъ Халкедонскимъ изъ ученія о ритмикѣ и метриктѣ въ школьный языкъ риторовъ (см. Rossbach u. Westphal, *Griechische Metrik*. I, стр. 145 2 изд.)

Необходимо снова ввести въ употребленіе выраженіе „періодъ“, и притомъ въ древнемъ, болѣе обширномъ его значеніи. Къ тому древнѣйшему времени относится раздѣленіе періодовъ на *составные* и *несоставные*. Простые періоды у греческихъ риторовъ называются „periodoi monokoloi“, то-есть *одночленными*, составные—„dikoloi“ или „trikoloi“ или „tetrakoloi“, то-есть *двухчленные*, *трехчленные* и *четыречленные*. Если отдѣльный кóлонъ по изложеннымъ выше законамъ о заключительномъ слогѣ и т. д. образуетъ самъ по себѣ метръ, или, другими словами, отдѣльный періодъ, то это будетъ *periodos monokolos*. Подобные одночленные періоды въ греческой поэзіи встрѣчаются весьма часто. Въ слѣдующей строфѣ Толстаго (въ которой мы соединяемъ въ одну строку то что составляетъ одинъ періодъ) вторая строка представляетъ собой *одночленный* періодъ, *periodos monokolos*:

Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моею, | то ясно вы нынѣ
познайте ||

Дни правды дороже воинственныхъ дней! ||
Гребите же, други, гребите сильнѣй, | на весла дружнѣй налегайте! ||

Встрѣчается иногда что рядомъ съ періодами составленными изъ двухъ и болѣе тетралодій помѣщены періоды вмѣщающіе въ себѣ вмѣсто тетралодій только дилодіи. Чаще всего такіе періоды попадаются у античныхъ поетовъ въ анапестическихъ частяхъ драмы. Такъ, напримѣръ, въ *Эвменидахъ* Эсхила:

- 1) Такъ сомкнемъ же скорѣи вокругъ него хороводъ, |
Если вздумали мы |
Затянуть свою странную пѣсню. ||
- 2) И открыто сказать, какъ надъ родомъ людскимъ |
Свою должность нашъ сомъ исполняетъ: ||
- 3) Кто грѣхомъ никогда своихъ рукъ не латнналъ, |
На того не падетъ нашъ карающій гнѣвъ, |
И живетъ онъ свой вѣкъ безопасно. ||

Здѣсь предъ нами три періода: второй тетраметръ, оба другихъ, гиперметрические, притомъ № 1 trikolon dekametron или 10 дилодій, а № 3 tetrakolon dodekametron или 12 дилодій. Въ современной лирицѣ подобныя явленія принадлежать къ наиболѣе рѣдкимъ. Въ слѣдующей строфѣ Пушкина у насъ гекзаметрической триколонъ, т.-е. 3 тетралодіи или 6 дилодій и тетраметрической триколонъ (одна тетралодія и двѣ дилодіи, всего четыре дилодіи).

Ревѣтъ ли звѣръ въ лѣсу глухомъ, | трубѣтъ ли рогъ, гремѣтъ
ли грѣмъ, | поетъ ли дѣва за холмомъ ||
На всякій звукъ | своей откликъ въ воздухъ пустомъ | родѣтъ
ты вдрѣтъ ||

Слѣдуетъ предполагать что древнѣйшая поэзія предназначалась для пѣнія и что поэтому расчлененіе на кодоны и періоды развилось на почвѣ пѣнія, слѣдовательно *музыки*. Это относится особенно къ дѣленію на *системы* или *строфы*, уже въ древнѣйшей лирицѣ составлявшія существенный элементъ ритмической формаціи. Согласно ученію древнихъ метриковъ, сочетаніе метровъ между собою можетъ быть или *стихическое*, или *систематическое* (т.-е. безъ пересѣченія, сплошь, или же расчлененное, представляющее собою правильно организованнаго сочетанія). Если двѣ системы одинаковы, то первая называется *строфой*, вторая *антистрофой*. Если всѣ системы одинаковы по метрической формѣ, то такое стихотвореніе называется *монострофическимъ*; если же онѣ неодинаковы—*перикопическимъ*. Рядъ повторяющихся въ стихотвореніи неодинаковыхъ системъ (регикоре) чаще всего состоитъ изъ

трехъ системъ: *строфы*, *антистрофы* и третьей, называющей-ся *продолж.*, *мездолж.* или *эподолж.*, смотря по занимаемому имъ мѣсту, т.-е. смотря потому находится ли оно *передъ* строфой или *между* строфой и антистрофой или же, наконецъ, *послѣ* антистрофы. Стихотвореніе съ различными строфами не возвращающимися чрезъ извѣстный промежутокъ называется *аллоистрофическимъ* или *гетерострофическимъ*, смотря по тому, двѣ ли системы въ стихотвореніи или же болѣе.

Наиболѣе простой видъ строфы: *дистихъ*, т.-е. два періода соединенные въ одно метрическое цѣлое; сюда отнесется такъ-называемый элегическій дистихъ:

Неводъ рыбакъ разсталааъ | по берегу отуденаго моря;
Мальчикъ отцу помогааъ: | отрокъ, оставъ рыбака.

(Пушкинъ.)

Впрочемъ, у современныхъ стихотворцевъ дистихическая строфа обыкновенно пишется въ четыре строчки: тѣмъ не менѣе, это дистихъ, напимѣръ:

Ты не спрашивай, не распытывай, | умомъ разумомъ не рас-
кидывай, ||

Какъ люблю тебя, почему люблю, | и за что люблю, и на до-
го ли. ||

(Толстой.)

И хоть безчувственному тѣлу | равно повсюду уставать, ||
Но ближе къ милому предѣлу | мнѣ бъ все хотѣлось почивать. ||

(Пушкинъ.)

Онъ имѣлъ одно видѣнье, | непостижное уму,— ||
И глубоко впечатѣнье | въ сердце вѣвалось ему. ||

(Пушкинъ.)

По аналогіи строфы и антистрофы мы называемъ двѣ половины дистихической строфы „*періодолж.*“ и „*антиперіодолж.*“.

Три колона также могутъ составить дистихическую строфу (какъ у древнихъ героической стихъ соединялся съ половиной элегического):

О машъ Сіонъ священный! | О Кремль, свидѣтель славный дней, ||
Красуйся, обновленный! ||

(Жуковский.)

Въ лѣвиі второй колонъ повторяется и такимъ образомъ дистихъ тоже состоитъ изъ трехъ членовъ:

Ты зора ль моя зорюшка, | зорюшка вечерная, ||
Зорюшка вечерная. ||

Дистическія строфы назывались *простыми*, всѣ прочія—*сложными*. Отдѣльныя части сложныхъ строфъ въ древней германской лирицѣ назывались *Stollen* и *Abgesang*. За отсутствіемъ соответствующихъ терминовъ мы скажемъ „1я часть“ вмѣсто *Stollen* и „2я часть“ вмѣсто *Abgesang*.

Различныя формы сложныхъ строфъ:

1) 2я часть строфы составляетъ *одинъ* періодъ, и притомъ

а) *двучленный*:

1я часть. Цвѣты послѣдніе мнѣ |
 Роскошныхъ первоцвѣтовъ полей. ||
 Они унылыя мечтаныя |
 Живѣе пробуждаютъ въ насъ. ||
 2я часть: { Такъ иногда разлуки часъ |
 { Милѣе самого свиданья. ||

(Пушкинъ.)

б) *трехчленный*:

1я часть. Колышется море; волна за волной |
 Бѣгутъ и шумятъ торопиво... ||
 О другъ ты мой милый, боюся, со мной |
 Не быть тебѣ долго счастливой! ||
 2я часть. { Во мнѣ и надеждъ, и отчаяній рои, |
 { Кочующей мысли прибой и отбой, |
 { Приливы любви и отливы! ||

(Толстой.)

с) *четыречленный* (какъ, на примѣръ, у Лермонтова въ стихотвореніи „Завѣщаніе“, приведенномъ нѣсколько выше).

2) 2я часть строфы содержитъ *два* періода.

а) періоды 2й части по объему *равны* періодамъ 1й части (двойной дистихъ).

I. { Но не хочу, о други, умирать! |
 { Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать. ||
 { Я вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья |
 { Межъ горестей, заботъ и тревоженья. ||
 II. { Порой олятъ гармоніей ушьюсь, |
 { Надъ вымысломъ слезами оболаюсь, ||
 { И, можетъ-быть, на мой закатъ печальный |
 { Вблеснетъ любовь улыбкою прощальной. ||

(Пушкинъ.)

б) періоды 2й части *больше* или *меньше* періодовъ 1й части.

а) *трехчленные* періоды въ 1й части, *двучленные* во 2й:

- I. { Оставь же мнѣ мои желанья, |
 { Удивительныя мечты, |
 { Воспоминанья, грусть и слезы! ||
 { Ихъ радѣвать не можешь ты: |
 { Ты сердца слышала признанье, |
 { Прости, дай руку на прощанье! ||
- II. { Не долго женскую любовь |
 { Печалить долгая разлука, ||
 { Пройдетъ любовь, настанетъ скука, |
 { Красавица полюбитъ вновь. ||

(Пушкинъ.)

3) *двухчленные* періоды въ 1й части, *трехчленные* во 2й:

- I. { Науки юншей питають, | |
 { Отраду старцамъ подаютъ, ||
 { Въ счастливой жизни украшаютъ, |
 { Въ несчастной случай берегутъ, ||
- II. { Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха |
 { И въ дальнихъ странствахъ не помѣха, |
 { Науки похваляютъ вездѣ: ||
 { Среди народовъ и въ пустыняхъ, |
 { Въ градскомъ шуму и наединѣ, |
 { Въ покоѣ сладкомъ и въ трудѣ. ||

(Ломоносовъ.)

Последняя форма, впрочемъ, встрѣчается въ вѣмецкой поэзіи гораздо чаще нежели въ русской, гдѣ она составляетъ исключеніе. Важна она въ томъ отношеніи что полагается весьма часто въ поэзіи музыкальной, а именно въ фугахъ Баха, о которыхъ намъ можетъ-быть еще придется поговорить.

P. ВЕСТФАЛЬ.

ДУРБАРЪ ВЪ ЛАХОРЪ *

ИЗЪ ДНЕВНИКА РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

V.

Британскій Нимродъ и „полосатые“.—Что творится на дурбарахъ.— Въ ожиданіи пріѣзда маркиза.— Слоны и ихъ раджи.— Принцы и ихъ политическіе дядьки.— Торжественный пріѣздъ вице-короля.— Адресъ муниципалитета.— Видъ процессіи со старой башни.— Странное поведеніе махараджи кашмирскаго.— Трехъярусная процессія слоновъ.— Что думаетъ о дурбарахъ туземная печать.

Вице-король охотился за тиграми въ „джонглахъ“ Кадиръ-Дуна, возлѣ Мазры и вдоль нагорныхъ владѣній (*Hill-States*) ** тридцати семи царьковъ Гималайскаго ската, и вслѣдствіе этого на цѣлый день олоздалъ своимъ пріѣздомъ въ Лахоръ.

Маркизь Риловъ считаетъ послаť своего сына, лорда Грея, лучшимъ стрѣльцомъ въ Англіи. Страстный охотникъ, овъ спѣшилъ, по увѣренію газетъ, отличиться до пріѣзда своего наслѣдника въ Индію и оставилъ по себѣ ужасную ламать

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 6.

** Размыпанная по всему скату Гималайскихъ передовыхъ холмовъ, по сю сторону въ Индіи, владѣнія независимыхъ раджей и подвластныхъ имъ сердарей, подъ протекторатомъ Англіи, зовутся *Hill-States* „холмовые штаты“.

„полосатымъ“. Въ первый день охоты овъ собственноручно убилъ двухъ тигровъ наловаль и изувѣчилъ третьяго, котораго тотчасъ же слонъ доканаль хоботомъ...

Церемонія представленія происходитъ въ дурбарной палаткѣ. Въ глубинѣ сцены, на тронѣ, затаившій въ шитый золотомъ синій мундиръ и съ треуголкой на лѣвомъ колѣнѣ, сидитъ неподвижно вице-король и ждетъ... Вотъ ведетъ подъ руку „независимаго“ представленный къ нему политическій резидентъ и оба останавливаются на верхней ступени у входа въ палатку. Оттуда раджа отвѣшиваетъ поклонъ приложивъ обѣ ладони ко лбу. Затѣмъ его подводятъ поближе къ священной персонѣ репрезентирующей Великобританію, и раджа снова сгибается предъ неподвижною фигурой, которая послѣ этого надѣваетъ треуголку. Лишь тогда только, когда представляемый униженно подноситъ на латкѣ *неззеръ* * состоящій изъ пригоршни золотыхъ *мохуровъ* **, вице-король обязанъ подать признакъ жизни. Отдавъ раджѣ легкій поклонъ, овъ дотрогивается кончиками пальцевъ до предлагаемаго злата и, мгновенно отдернувъ ее отъ *неззера*, избражаетъ на лицѣ своемъ какъ бы отвращеніе и гадливость къ презрѣнному металлу... Говорятъ игра лорда Литтона въ этомъ отношеніи была великолѣпна!

Эта часть церемоніала съ мимикой введена въ началѣ настоящаго столѣтія, въ виду практическаго преподаванія нравственности „продажнымъ азіатамъ“. *Неззеръ*, та же взятка власть имѣющимъ, переша въ Индію изъ Персіи, съ мусульманами и, какъ обычай, существуетъ, конечно, съ незапамятныхъ временъ. Чтобы не уничтожить съ одной стороны обычая, во лишить его оскорбительнаго или, точнѣе, унизительнаго характера, придумали эту аллегорію-пантомиму. Она извѣстна подъ именемъ *touché and remitted*: „дотронуться и отдать“. Для благороднаго маркиза, обладающаго 80.000 фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода, не считая громаднаго содержанія въ 300.000 рупій въ годъ съ прибавочными на разѣзды, полагаемъ, не большое искушеніе представлялъ *неззеръ* изъ блестящихъ *мохуровъ*!...

Наковецъ, съ усиленіемъ оторвавшись отъ дурбаровъ, *неззеровъ*, дрожащихъ предъ нимъ раджей, а главное, отъ

* *Неззеръ* примошеніе властямъ, знакъ покорности.

** *Мохуръ* золотая монета стоимостью въ 32 пиллинга.

позабланныхъ имъ тигровъ, маркизь Риловъ направилъ свои столы въ Лахоръ. Съ утра, 10 ноября, все въ городѣ и за городомъ пришло въ волненіе. Съ разсвѣта уже полиціены и экстремные почтаальоны на верблюдахъ развозили прѣзжимъ постановленія полиціи на этотъ высокочественный день. Въ виду огромнаго числа слововъ, назначеннаго для вице-королевской процессіи, частнымъ экипажамъ дозволялось прѣзжать лишь по глухимъ переулкамъ. Тотъ кто желалъ присутствовать на дебаркадерѣ желѣзной дороги при прибытіи его вице-вельчества и представленіи ему махараджей обязанъ былъ явиться съ билетомъ ровно въ 2 часа пополудни, хотя вице-королевскій поѣздъ ожидали только въ пять. Привявъ это распоряженіе сперва съ ворчаніемъ, мы въ послѣдствіи почувствовали большую благодарность властямъ: трехъ часовъ оказалось еле достаточнымъ для того чтобы хорошо разглядѣть эту необычайно-фантастическую картину!...

Подѣхавъ ровно въ 2 часа къ барьеру дороги ведущей къ обширному двору вокзала, построеннаго за городомъ, мы нашли уже всю огромную площадь и пустыри за нею биткомъ набитые народомъ. Кавалерійскіе полки, исключительно изъ Европейцевъ, обрамляли съ артиллеріей весь горизонтъ въ видѣ подковы; предъ ними стояла построенная въ шеренгу инфантерія, а предъ этою человѣческой стѣной красовались жиденькіе батальоны солдатъ изъ войскъ независимыхъ раджей. Въ этомъ замкнутомъ въ полверсты въ диаметръ пространствѣ тѣснились безконечныя веревцы слововъ съ башмаки, лапачикимы и верховыя лошади махараджей; затѣмъ цѣлое волнующееся море различныхъ разукрашенныхъ народностей.

Оставивъ экипажъ за барьеромъ, намъ пришлось пробираться между слововъ шагъ за шагомъ и съ нѣкоторою оласностью для нашихъ туалетовъ, а что вышло еще оласнѣе, между ногъ лошадей и верблюдовъ. Словъ существо велемудрое и весьма осторожное. Онъ ни за что не наступитъ на живое существо, хотя бы то была букашка, если только онъ замѣтитъ ее вовремя; подвывая свою мясистую, морщинистую ногу, онъ глубокомысленно уткнетъ хоботъ въ землю и станетъ спокойно ожидать пока она выползетъ изъ-подъ ноги, а уже затѣмъ только, фыркнувъ, установитъ свое прерванное равновѣсіе. А верблюдъ существо и глупое и грязное.

Такъ и въ этомъ случаѣ: въ то время какъ слоны, лыхтя, тяжело сторонились отъ насъ, богопротивные верблюды оплавали нашу компанію... Туземные мистаки пребываютъ въ полной увѣренности что въ слонахъ обитаютъ души браминовъ, считающія тяжкимъ грѣхомъ лишить жизни даже клола; а въ верблюдовъ переселяются лишь одніе низкія души магометавъ...

Не легко было пробираться среди этой толпы. Къ счастью, въ нашей компаніи находились мистрисъ У—, жена гусарскаго капитана, полкъ котораго участвовалъ въ церемоніалѣ, да одинъ изъ вліятельнѣйшихъ желѣзнодорожниковъ рая туземцевъ.

Добравшись съ величайшими усиліями до главнаго подѣзда, нашъ желѣзнодорожникъ сунулъ насъ предварительно въ коморку кассира, а самъ пошелъ на верхнюю платформу приготовить намъ мѣста на переброшенномъ надъ поѣздами мосту. Оттуда лублика, не смѣшиваясь съ туземными примцами и не мѣшая распорядителямъ и властямъ, могла видѣть, вся на три аршина надъ платформой, все что на ней происходитъ. Пока же, сидя у окошечка выходящаго на крыльцо подѣзда, мы имѣли довольно времени любоваться на безпрестанно подѣзжавшихъ раджей и, конечно, не теряли времени глазѣть на диковинное зрѣлище...

Предъ нами огромный дворъ наполненный разряженными „царскими“ словами. Въ длинныхъ до земли половахъ изъ золотой ларчи вышитой жемчугомъ и драгоценными камешьями, съ золотыми, украшенными изумрудами кольцами въ огромныхъ хлопающихъ ушахъ и на концѣ хобота, съ лучками великолѣпныхъ магволий и страусовыхъ перьевъ на головѣ и у корня хвоста, эти дюжія животныя представляли для насъ, неживыхъ западниковъ, самое оригинальное диковинное въ мірѣ зрѣлище!... За одною слонокой необычнаго роста бѣжалъ ея слонокъ несущій на спинѣ длинную лѣстницу изъ чистаго серебра, по которой его хозяинъ, раджа, готовясь садиться въ башню, влѣзалъ на его гигантскую родительницу. Слоновъ на дворѣ было такъ много что не было возможности разглядѣть даже и половину. Нѣкоторыя изъ *slouds* были закрыты отъ солнца красивыми бархатными занавѣсками съ богатою золотою вышивкой, тогда какъ самые слоны буквально исчезали подъ чалраками изъ такого же бархата, съ золотыми вышитыми по немъ

цвѣтами; каждая изъ лоповъ стоила въ Индіи, гдѣ ручная работа почти ничего не стоитъ, отъ 5.000 до 10.000 рупій! У многихъ слововъ ихъ умныя, важныя лица были разрисованы геометрическими фигурами, линиями и звѣздами, перемѣшанными съ астрологическими знаками, отъ дурнаго глаза. Почти у всѣхъ на толстыхъ ногахъ красовались дорогіе браслеты изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней, а на концѣ кычковъ были надѣты золотыя шарикъ величиною съ яблоко. У другихъ весь лобъ до глазъ и крестецъ были покрыты золотомъ сѣткой съ камешками. На словѣ махараджи кашмирскаго было наведено на 250.000 рупій однихъ драгоценностей! Его кольцо изъ чистаго золота, вислапающее на всю грудь слова безчисленными монетами и въ нѣсколько аршинъ въ окружности, охватывало его толстую шею кольцами величиною въ московскій бубалкъ; а его *лаутъ* (возвица) сидящій между ушей животнаго словно человѣческая бородавка, колотилъ его въ голову острою булавой изъ чистаго золота, украшеною бирюзой и крупнымъ жемчугомъ. На каждомъ словѣ была или башня, или же открытое сидѣніе въ видѣ двухмѣстнаго задка фаэтона. *Хауда* на вице-королевскомъ словѣ, самомъ огромномъ изъ всѣхъ слововъ на дурбарѣ, была изъ чистаго серебра съ золотыми украшеніями и стоила казна 25.000 рупій...

Касательно невѣжливыхъ „кораблей лустыни“ ихъ было гораздо менѣе нежели слововъ, но и эти горбатыя существа были не менѣе разряжены. У одного эта горба была покрыта ларчей вышитой шелками и жемчугомъ; на уродливой мордѣ сілаа узда съ золотомъ насажкой, а на макушкѣ красовалась золотая коронка. У махараджи Путтіала былъ цѣлый артиллерійскій верблюжій полкъ. Какъ животныя, такъ и ихъ ѣздоки одѣты въ красныя съ желтымъ мундиры и чапраки. Говорятъ что этотъ полкъ изъ самыхъ ловезныхъ и бравыхъ. Каждый артиллеристъ имѣеть предъ собою длинную винтовку прицѣленную къ передней шпикѣ сѣдла, на вертлюгѣ, и крутящуюся по всѣмъ направленіямъ. По словамъ очевидца, бомбардиръ, сидя верхомъ между двумя горбами, заряжаетъ и стрѣляетъ изъ этой винтовки съ удивительною быстротой и великимъ рискомъ прострѣлять голову своему верблюду.

„Эти послушныя животныя, описываетъ офицеръ видавшій ихъ въ дваѣ, движутся учащенною рысью, одинъ за другимъ, далеко вытянувъ впередъ шею, словно гонимое мальчикомъ

стадо гаулыхъ гусей. Но при первомъ тако произнесенномъ ихъ сѣдокомъ словѣ верблюды остаиваются какъ вкола- ный и, услышавъ въ двухъ верхкахъ отъ головы свистъ пули и выстрѣлъ, онъ снова лускается во всю прыть, дѣлая по пятнадцати миль въ часъ.“

Не менѣе своихъ словозъ и верблюдовъ были разодѣ- ты махараджи и наубы, которымъ я никакъ не могу про- стить ихъ привычки протыкать насквозь какъ бусы самые дорогіе изумруды и оправлять рубины, почти неопытной стоимости, въ серебро! Къ покрытому красивымъ сукномъ крыльцу ежеминутно подѣзжали раззолоченныя викторіи, коляски, фаэтоны и кареты, которыя показались бы верхомъ безвкусія въ Лондонѣ или Парижѣ, но въ Индіи превосходно гармонируютъ съ остальнымъ. Въ каждомъ экипажѣ сѣдало по два человѣка: раджа ошю, и англійскій офицеръ въ мундирѣ одесскую. Вотъ худенькая, блѣдно-зеленоватая фи- гурка науба Бахавульпурскаго, въ ринсе-нез, фіолетовомъ бархатномъ кафтанѣ, шоковыхъ чулкахъ и башмакахъ тан- цовщицы. Наубъ принадлежитъ къ партіи „реформаторовъ, то-есть дуетъ вино и водку и, не желая являться босикомъ, обучается въ женскіе розовые чулки и башмаки. * Его ве- деть подъ руку приставленный къ нему „политическій офи- церъ“. За ними новая пара: громадный раджа Калартаалы съ накурмаешными бровями и вымазанными *гезалла* ** рѣс- ницами, тащить какъ на буксирѣ крошечнаго полковника В***. За ними раджа Манди со знакомъ Вишну на лбу, съ мож- ными браслетами до коленъ и сіяющею на солдцѣ амазоню діадемой на тюрбанѣ, угрюмо шествуетъ возаѣ своего над- зирателя. Вотъ подкатили одинъ за другимъ раджи Чамбы и Сукета; сирдаръ Кальзи и наубы Малеръ-Котли, Логару и Дуджапы, блистающіе всеми цвѣтами радуги и похожіе на ходячія ювелирскія выставки. Всѣ эти дивнѣйшныя царьки распространяютъ вокругъ себя одуряющій запахъ мускуса, розоваго масла и амбры... Издали легко принять ихъ пестрыя

* Туземцы обязаны, являясь къ Англичанамъ, быть или босыми, оставая гудачи у порога, или же надѣвать чулки и обувь.

** Сурьма,—антимоніи. Въ Индіи многіе, ббольшая часть мушницъ, красятъ себѣ глаза антимоніемъ, чрезвычайно, говорятъ, предохра- ляющимъ зрѣніе.

входящія по лѣстницѣ поларно съ британскими офицерами фигуры за дамъ въ маскарадѣ совершающихъ съ кавалерами торжественный поцелезъ...

Оставивъ кассирскую конурку и взойдя на платформу мы очутились словно въ ложѣ надъ сценой. Представшая предъ нами картина оказалась еще оживленнѣе и интереснѣе... Прямо подъ ногами у насъ стоялъ махараджа Кашмирскій, пріѣхавшій съ восемнадцатью подвластными ему сирдарами: одна сплошная масса драгоценностей!... Жемчужный съ бриллиантами подуршиный лавашъ на его тюрбанѣ почти касался перилъ моста гдѣ насъ помѣстили; а бѣлая атласная одежда сіяла алмазами. Рядомъ съ нимъ стоялъ, косясь на него, престарѣлый махараджа Наббы. Въ излюбленныхъ имъ изумрудныхъ гроздахъ обрамлявшихъ его лицо, словно зеленый вѣнокъ водяного лѣшаго, онъ стоялъ гордо, опираясь на дорогую саблю, увь, едва ли не осужденную на вѣки пребывать въ заржавлевенныхъ ножнахъ!

Пріѣхавъ ковчею въ своей серебряной коляскѣ, „старый Джинадъ“, сожалѣя быть-можетъ что не могъ въ ней взѣхать на платформу и тѣмъ снова растравить рану въ сердцѣ соперника, удовольствовался на сей разъ тѣмъ что маццпалъ на себя въ десять разъ болѣе изумрудовъ нежели болталось на головѣ повелителя Наббы. Далѣе, между ногъ какого-то савовника въ мундирѣ и треугольной шляпѣ, колотилось крошечное существо въ фуларѣ изъ ларчи локрытой бриллиантами... Многие изъ второразрядныхъ раджей подходили къ этой сіяющей крошкѣ и уваженно кланялись, становясь для этого почти на колѣна; а британскіе савовники, проходя мимо и локровительственно *гауду-ю-ду-кнувъ*, кивали маленькой драгоценной маскѣ головой и протягивали ей два пальца для *shake hands*. То былъ махараджа Путтіалы, семилѣтній ребенокъ, которому на видъ никто не далъ бы болѣе пяти, хоть его свѣтлость уже года три какъ женатъ.

Но все-таки и это не разъясняетъ мнѣ почему у маленькаго махараджи путтіальскаго ужъ есть заравѣ приготовленный „предполагаемый наследникъ“?

Но у всѣхъ *дурбарныхъ* махараджей, сердарей и наубовъ такія постылыя лица! Не взирая на весь вышній блескъ, роскошь обстановки и торжественность встрѣчи, эта многочисленная компанія туземцевъ, имена которыхъ всѣ внесены въ

Золотую книгу *, напоминала собою гораздо болѣе вымогъ тѣла на богатыхъ похоровахъ нежели собраніе величайшей знати Индіи, съѣхавшейся для радостнаго привѣта новому вице-королю. Пріѣхавшіе за два часа до поѣзда, одни, безъ обычной свиты и прислуживающихъ (которыхъ изъ боязни толкотни вѣроятно не пустили на узкую платформу), всѣ эти принцы ходили и стояли словно приговоренныя тѣла изъ Дантона Ада. Имъ даже нельзя было присѣсть отдохнуть, такъ какъ не было тамъ ни одного стула,⁶ а сѣсть по обычаю на кончикъ позвонокъ имъ вѣрно не позволяли. Сумрачны лица суровыхъ Сикховъ; какъ-то боязливо разбѣгаются по сторонамъ хитрые, ледяные затаеннаго лукавства и немыслига глаза мусульманскихъ принцевъ; хмурятся разрисованные сектантскими знаками дѣла владѣтельныхъ Индусовъ, а паче всѣхъ чело махараджи „счастливой кашмирской долины“. Даже толпы затаенныхъ въ мудрицы Англичанъ осмотрятъ двое пальченице, и съ гордо поднятими головами прохаживаются мѣрными шагами по платформѣ въ ожиданіи поѣзда. Всѣ молчатъ, одишь лишь еле-слышимый шолотъ доносится по временамъ изъ группы англійскихъ городскихъ властей, стоящихъ отдѣльно отъ прочихъ и не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на представителей династій, изъ коихъ многіе ведутъ свой родъ далеко за Ксеркса. Никогда не приходилось мнѣ видѣть въ двухъ шагахъ отъ себя такую толпу, человекъ до трехсотъ, и въ то же время присутствовать при такомъ молчаніи: словно они всѣ превратились въ глухо-нѣмыхъ. Одинокая какъ персть фигурка, маленькая, сгорбленная, худая, въ старенькомъ ломотенномъ сюртукѣ, въ бѣлой подвязкѣ вмѣсто галстука и когда-то черномъ, а нынѣ порыжѣломъ и изломанномъ цилиндрѣ, сѣмевала тонкими ножками по платформѣ, перебѣгая отъ одной группы къ другой и заговаривая со всѣми махараджами. Невзрачная фигурка оказалась ни болѣе ни менѣе какъ его высокопреосвященство, епископъ лахорскій. Не услѣвъ въ продолженіе своей многолѣтней карьеры обратиться въ христіанство ни единого Индуса, онъ, говорятъ, поклялся выстроить на деньги *однихъ* махараджей-язычниковъ кафедральный соборъ въ Лахорѣ. До сихъ поръ, хотъ

* Всѣ вѣстнѣйшія имена страны махараджей, раджей и брамановъ внесены въ *Золотую книгу*.

этому обѣту уже минуло нѣсколько лѣтъ, къ будущему собору выстроены одинъ только фундаментъ, да двѣ стѣны; но за то его высокопреосвященство услѣлъ только надѣсть заплodучнымъ раджамъ.

Чул... свистокъ, одинъ, другой... третій, затѣмъ трезвонъ на платформѣ и все на минуту замираетъ... Британское начальство вытягивается; раджи и науабы превращаются въ соевые столбы. Съ шилъниемъ и свистомъ все близится поѣздъ, задерживаетъ ходъ и наконецъ останавливается. Предъ вице-королевскимъ вагономъ становятся во фронтъ лахорскій генераль-губернаторъ * и главнокомандующій войсками генераль Гейнсъ, и первые привѣтствуютъ выходящаго маркиза Рилова. Мы ожидаемъ взрыва привѣтствій, ура!... Намъ отвѣчаетъ одно лыхтѣніе успокоивающагося локомотива, сдержанный говоръ, да глухой гулъ тихо обмѣливаемыхъ фразъ... Сгибаются спины, вздымаются шляпы золотомъ фадды видъ-мундровъ, мелькаютъ обтянутыя въ бѣлыя перчатки руки во время взаимныхъ рукопожатій, и болѣе влчегол... Вице-короля трудно отличить отъ другихъ. Довольно полный, низенькій человекъ, лѣтъ латдесати, съ большою длинною бородою съ просѣдою; лицо добродушное и красивое, но, выражаясь паспортнымъ языкомъ, „особыхъ примѣтъ не имѣется“. Однако, присмотрѣвшись, вы видите предъ собою настоящаго джетамъена, съ мягкими, сложойными и полными достоинства мамерами... Впрочемъ, въ Симаѣ, въ своемъ простомъ сѣромъ пиджакѣ, онъ намъ нравился еще болѣе нежели въ Лахорѣ въ регалияхъ, треуголкѣ и съ грудью покрытою ордемами и алмазными звѣздами...

Не услѣлъ благородный лордъ положить и поддюжины рукъ какъ предъ нимъ предсталъ президентъ Лахорскаго муниципальнаго комитета съ адресомъ. Адресъ былъ напечатанъ золотыми буквами по бѣлому атласу и покопаса въ прелестномъ серебряномъ футлярѣ работы артистовъ въ Люкнау.** Приведу лишь одинъ параграфъ изъ этого спича, прочитаннаго твердымъ и официально растроганнымъ голосомъ.

„Не находимъ достаточно словъ поздравить себя съ тѣмъ что съ перваго же года намѣстничества вашей милости

* *Lieutenant Governor.*

** Люкнау и Дельци славятся своими золотыми и серебряными издѣльями.

выладо на нашу счастливую долю принимать ваше превосходительство въ столицѣ Пенджаба подъ столь радостнымъ для насъ предзнаменованіемъ. Мы говоримъ о миссіи вашей, первому привѣтствовать и сдѣлать смотръ тѣмъ храбрымъ воинамъ которые такъ благодарно и геройски защищали честь своей императрицы и отечества въ послѣдней Афганистанской кампаніи. Дозвольте же намъ, благородный лордъ, привести вашему высокопревосходительству наши сердечныя поздравленія въ необычайно блестящемъ услѣхѣ, который такъ постоянно сопровождалъ наши доблестныя британскія войска на полѣ брани, въ Кабулѣ, Шерлурѣ и другихъ мѣстахъ, и въ томъ также что довелось намъ мирнымъ путемъ водрузить эмира Абдуррахмана на престолѣ афганистанскомъ, подъ высокимъ британскимъ покровительствомъ...“

Подпасамо семью Европейцами, 12 Сингами, Пандитами и разными *багадурами* и девятью магометанскими ханами, шейками, и науабами, членами муниципалитета города Лахора.

Цвѣтистое краснорѣчіе этихъ пожеланій и выраженій восторга было принято въ глубокомъ и благоговѣнномъ молчаніи... Два или три героя столь блестящей афганской кампаніи кракнули, но ничего не сказали...

Пожавъ руки всѣмъ представляемымъ ему Англичанамъ, вице-король сталъ пожимать длани и подводимыхъ къ нему, разыгрывавшихъ до того роль шпалеръ, махараджей. Въ это самое время ему стали отдавать королевскій салютъ: сперва стоящая на платформѣ европейская почетная гвардія, за ней желѣзнодорожная артиллерійская батарея. * Однимъ изъ первыхъ былъ представленъ малевскій Путтіалла, которому вице-король ласково пожалъ только-что вынутую изо рта руку и погладилъ его по усѣянному алмазами тюрбанчику. Затѣмъ рука маркиза протягивалась еще нѣсколько разъ къ темнымъ рукамъ различнымъ туземнымъ свѣтлостей:

Чтобы лучше видѣть торжественную процессію на словахъ и верблюдахъ, наломившую мнѣ сцену изъ „Сандрильоны“ гдѣ поется:

„Un cortège magnifique
Composé d' beaucoup d' chameaux“,

* Зданіе желѣзной дороги въ Лахорѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ Индіи, вмѣстѣ съ тѣмъ и *вооруженная крѣпость*.

мы оставили нашъ мостъ и отправились на старую высокую башню у воротъ вокзала. Оттуда дорога, усыпанная триумфальными арками, украшенная по обѣимъ сторонамъ значками и флагами и обрамленная 10.000 войскомъ, разстлалась предъ нами до самаго города какъ на ладони. Процессія состояла изъ пятидесяти девяти слоновъ. Во главѣ, на самомъ огромномъ изъ нихъ, ѣхалъ вице-король. За нимъ по два въ рядъ шли слоны немного поменьше ростомъ перваго, удостоившіеся вестн драгоцѣнныя ноши, генералъ - губернатора и главнокомандующаго, престарѣлаго генерала Гейлса, свиту и лахорскихъ высшихъ властей. Совсѣмъ въ аррьергардѣ, уже по три въ рядъ и обязательно меньше ростомъ двухъ первыхъ рядовъ слоновъ, выступали слоны съ махараджами и наубами....

Дойдя до этой страницы моего правдиваго повѣствованія, заранѣе привошу извѣщеніе тѣмъ изъ англо-индійскихъ властей которымъ случится прочесть эти строки.* Но истина заставляетъ меня сознаться въ слѣдующемъ, быть-можетъ не совсѣмъ лестномъ для нихъ фактѣ: насколько истый Индеецъ въ своемъ живописномъ костюмѣ красиво и роскошно выглядываетъ въ хаудѣ на слонѣ, настолько Британецъ въ мундирѣ и треугольной шляпѣ смѣшновъ на немъ.... Не было возможности не расхохотаться при видѣ этихъ важныхъ сановниковъ балагурящихъ на своихъ слонахъ.... Издали имъ дать имъ взять облаченные въ красные генеральскіе мундиры и треугольники съ лаюмажемъ мартышки, на большихъ, покрытыхъ полною пуделяхъ!... Не доставало для полнаго сходства одной шармавки: но она вполнѣ замѣнялась тремя военными оркестрами, которые гремѣли съ замѣчательнымъ единодушіемъ *Rule Britannia* и *God Save the Queen*, каждый въ собственномъ тоуѣ....

* А что многіе изъ нихъ читаютъ, конечно въ переводѣ, мои письма въ *Моск. Вѣдом.*, то не подлежитъ сомнѣнію и даже весьма леститъ моему самолюбію. *Bombay Gazette* недавно цитировала цѣлая фраза, немного перековерканная, изъ *Пенсера* и *Доброй Индостана*. Какъ эта газета, такъ и пресѣдующій меня за мою национальность *Times of India*, сдѣлали мнѣ честь довести на меня публикацѣ. „Подъ псевдонимомъ „Радды-Бай“, начиная отъ № 305 30 ноября 1879 г. *Моск. Вѣдом.*, а де пишу объ Индіи „въ самомъ анаглофобскомъ (*Anti-English*) органѣ Россіи, въ „Московской Газетѣ“!!!... (Зри *Bombay Gazette*, ноябра 6, 1880).

Вдругъ пронеслась съ быстротою молнии страшная вѣсть: „махараджа кампирскій отказался участвовать въ вице-королевской процессіи“. „Онъ уѣхалъ домой, въ лагерь“!... Скандалъ и общее смятеніе. Одни говорили что онъ притворился больнымъ; другіе что онъ обидѣлся, потому что какъ генералъ англійской арміи его мѣсто было съ европейскими генералами, возлѣ главнокомандующаго, а не позади со второстепенными раджами; еще другіе, что онъ полагалъ подѣ опалу и вице-король даже не подалъ ему руки въ вокзалѣ и т. д. Но отчего и почему, мы ничего не узнали; а газеты объ этомъ даже не заикнулись. Очень скромный народъ здѣшніе репортеры и дѣйствуютъ съ большимъ единодушіемъ съ правителями Индіи...

Процессія двинулась однако и безъ своего праваго махараджи.

— Вообразите, повѣствовалъ прибѣжавшій на башню лѣкій юный чиновникъ,—махараджа настаивалъ чтобъ ему привели его слона къ главному подъѣзду, гдѣ въ то время устраивалась процессія и вице-король взлѣзалъ уже по лѣстницѣ на своего мамонта!... Удивительныя невѣжество и безтактность...

— И что жь? пустили его?

— Конечно не пустили! Или ступай на предназначенное тебѣ мѣсто въ процессіи, или исчезай съ задняго крыльца!...

— Да вѣдь онъ этимъ еще болѣе оскорбится...

— Непремѣнно!.. слѣдовало бы его еще болѣе проучить!...

Наше правительство слишкомъ вѣжничаетъ съ этими черномазыми!...

— Ну ужь, будто бы!... сорвалось у меня съ языка.—Такъ вы бы ихъ лучше ужь всѣхъ разомъ повѣсали, безъ дальнихъ хлопотъ, добавила я, постоянно забывая о своемъ щекотливомъ положеніи въ Индіи.

Юноша покосился на меня, а я прикусила язычокъ. Къ счастью, мистрисъ У. совершила счастливую для меня диверсію, спросивъ его: что же наконецъ случилось съ махараджей!...

— Ничего особеннаго... Онъ сѣлъ на верховую лошадь и ускакалъ со своими сердарями домой, въ лагерь... оставивъ слона въ процессіи...

— Да какъ же это? развѣ слонъ такъ и отправится одинъ и безъ сѣдока?...

— О вѣтъ!... имъ воспользовался кто-то... кажется нашъ старый епископъ!...

Мы всё расхотѣлись. Вообразите вышеописанную фигуру, во взѣрошенномъ цилиндрѣ и одеждѣ продавца стараго платья, на словѣ, оди украшенія на которомъ стоили 250.000 рупій.

Наконецъ процессія устроилась. Послѣдній слонъ вывезъ изъ воротъ и лотынулась длинная, сіяющая въ дегорающихъ лучахъ заходящаго солнца золотомъ, лурлуромъ и дорогими камнями вереница порабощенныхъ лѣсныхъ гигантовъ... Впереди вице-король, за нимъ Европейцы, а въ хвостѣ порабощенные не мѣтѣ своихъ слоновъ раджи и когда-то великіе міра сего, представители угасающихъ династій Востока. Всѣхъ слоновъ было, какъ выше показано, сверхъ пятидесяти, и возлѣ этихъ махинъ самыя россыя лошади кавалеристовъ и гарцующихъ сердарей казачьихъ издали и съ высоты нашей башни собачкамъ. Но вотъ приблизился нестрѣмъ кортежъ къ триумфальной аркѣ изъ зелени и повернулъ по дорогѣ къ городу между двумя сплошными стѣнами войскъ. Снова вылапали царскіи саають, снова музыка прогремѣла національнѣйшій гимнъ, а затѣмъ снова гробовое молчаніе! Ни крика привѣтствія, ни одного ура, ни малѣйшаго изъясненія радости, словно на эти массы пала съ столбаиъ! Похоронная процессія бываетъ оживленнѣе.

Что за притча такая? недоумѣвали мы, ожидавшіе конечно хоть искусственно-восторженнаго, но все же не такого холоднаго приѣма. Тайна отчасти разъясняется откровенною передовою статьей появившеюся нѣсколько дней спустя въ одной туземной газетѣ. Съ перемѣной министерства Индусы расхрабрились, слѣша воспользоваться короткимъ орокомъ отдыха гарантированнаго имъ побѣдившею партіей. Предоставляю говорить за себя самимъ туземцамъ, стараясь сохранивъ въ переводѣ ихъ оригинальнѣйшій языкъ.

„Коричи лягушки бросающихъ въ нихъ камнями мальчишекъ: вамъ забава, вамъ смерть“! Жители Пенджаба имѣютъ полное право сказать то же самое о лахорскомъ дурбарѣ. Безъ сомнѣнія, это празднество доставило огромное развлеченіе индійскимъ властямъ, отъ вице-короля до послѣдняго чиновника включительно. Но для туземцевъ вообще, а особенно для тѣхъ несчастныхъ владѣтельныхъ принцевъ и махараджей которымъ было приказано явиться на поклонъ, дурбаръ оказался неизсякающимъ источникомъ страданія. Чтобы не оставаться предъ другими въ посрамленіи, каждый

на половину, если не совсѣмъ, разоренный раджа обязанъ затрачивать огромныя суммы, которыхъ у него нѣтъ и которыя онъ долженъ занимать, и ѣхать со свитой и цѣлымъ лагеремъ, иногда за нѣсколько сотъ миль, на покловъ. Конечно, цѣль такихъ дурбаровъ извѣстна каждому. Наши правители ищутъ сдѣлать по возможности сильное впечатлѣнiе на насъ, туземцевъ, подавить насъ величiемъ британской наци. За какихъ же глупыхъ ословъ они насъ привимаютъ? Неужто они надѣются лѣплять насъ стеклянными бусами и блестящими мѣдными луговницами, какъ нѣкогда лѣпляли оными во дни вторженiя въ южную Америку Испанцы краснокожихъ Индiйцевъ? Но хотя мы и Индiйцы, но не краснокожие... Воззванiями къ одному воображенiю довольно трудно локорить сердца нашихъ народовъ, а великолѣпiю Англичанъ никогда не сравнится съ великолѣпiемъ и пышностью дворовъ нашихъ прежнихъ правителей. Подобная тактика можетъ быть удачною лишь съ дикарями, но и съ ними не всегда, такъ какъ вѣдь и дикари скоро поймутъ что однимъ воображенiемъ да зрѣлищами чужаго богатства не насытишь лустаго желудка. Довольно Англичане лоржали воображенiе нашихъ невѣжественныхъ массъ. Мы ожидаемъ теперь отъ ихъ сановниковъ чего-либо лосущественнаго, хотя бы удоваотворенiя нашихъ самыхъ насущныхъ нуждъ. Ничего не можетъ быть дааѣе отъ истины какъ идея что Индусы ладки на роскошь и наружный блескъ. Издревле въ высшей степени штедлгентная даровитая нация, Индiйцы, какъ раса, всегда отличались чрезвычайною воздержностью въ своемъ образѣ жизни. Трудно найти людей проще насъ въ лицѣ, въ одеждѣ и во всемъ касающемся нашихъ всадневныхъ привычекъ. Магометане любятъ роскошь и блескъ, но Индусы также просты и воздержны теперь какъ и тридцать столѣтiй тому назадъ. Высшая цѣль нашихъ кастъ, брамины, превышающiе своею численностью всѣ другiя сословiя въ Индiи, почти аскеты. Раджпуты: современные Спартамцы, и развѣ однакъ магометанъ удастся нашимъ правителямъ привлечь своими дурбарамн... Такъ долой мишура и лустыя забавы! Ихъ желѣзныя дороги, ихъ телеграфы, превосходная дисциплина въ ихъ армiи, вотъ что внушало и внушаетъ намъ уваженiе къ англiйской наци, но уже никакъ не эти глупыя выставки роскоши, налрасная затрата капиталовъ изъ ежечасно иссакающей казны нашего отечества!"

VI.

Сады Шалимарскіе и незабудки съ береговъ Рейма.—Допотопные экипажи.—Нисходящія іерархіи раджи и восходящая іерархія завоевателей.—Британскія идеи о Русскихъ.—Что Англо-Индійцы почитаютъ за *res plus ultra* „бонъ-тока“?—Оаимпъ и отсутствіе амврозіи.—Счастливые раджи и голодные кули.—Кого Ангаи сѣдуетъ страшиться?—Объѣдъ шотландскихъ героевъ.—Кашмирскій Вильгельмъ Телль.—Долговязый майоръ въ западнѣ.—Правда глаза колетъ даже героямъ!

Вице-король оставался въ Лахоръ до 17 ноября, и вся недѣля его пребыванія ознаменовалась ежедневными праздниками. Общій „большой дурбаръ“ былъ назначенъ 15 числа, послѣ чего онъ уѣзжалъ на свой „офіціальныи туръ“, намѣреваясь объѣздить почти всю Индію. Зрѣлищъ и „выставокъ роскоши“ являлось повтому въ изобиліи, и мы едва послѣвали на всевозможные кортежи, смотры и увеселенія, со словами и безъ оныхъ, но всегда съ махараджами, какъ непримѣнною частью этихъ „выставокъ“ величія побѣдосмыныхъ Бритовъ.

Самыми замѣчательными изъ всѣхъ увеселеній являлись три: гулянье въ цалюцированныхъ садахъ Шалимарскихъ; праздникъ съ обѣдомъ, данный городомъ, по подпискѣ впрочемъ, полку Шотландцевъ и „общій дурбаръ“. Смотри всѣмъ войскамъ которыхъ было не 10.000, какъ это передавалось въ газетахъ,* а всего около шести тысячъ человекъ, такъ какъ большая часть остальныхъ лежала по госпиталямъ, ничего для меня не представлялъ особеннаго. Кто видѣлъ петербургскіе маневры и смотры въ Парижѣ, во дни Наполеона III, не потерялъ бы ровню ничего оставаясь у себя дома во время смотра въ Лахоръ. Но о двухъ остальныхъ увеселеніяхъ стоить сказать нѣсколько словъ, особенно о садахъ Шалимарскихъ. Эти чудные сады, расположенные милицетыре отъ города, обязаны своимъ существованіемъ mogulскому императору Шахъ-Джегану, злополучному строителю Таджъ-Махала и еще болѣе злополучному отцу

* Туземная войска независимыхъ махараджей не присутвовали на смотру и поэтому не могутъ быть взяты въ расчетъ.

своего сына Аурунгзеба, посадившаго родителя въ крѣпость и продержавшаго его тамъ до самой смерти. Шалимаръ въ переводѣ „Обитель радости“. Паркъ почти на цѣлу милю въ длину и разбитъ на трехъ вздымающихся одна надъ другою террасахъ; цмѣтъ 450 фонтановъ, съ водою бьющею изъ нихъ въ полной исправности, и столько же жарморныхъ бассейновъ въ которые вода этихъ фонтановъ, прозрачная какъ слеза и холодная во всѣ времена года, переливается съ болѣе или менѣе повтическимъ журчаніемъ, смотря по душевному настроенію посѣтителя.

Удивительные садоводы были эти магометане! Европейскіе Турки своими разбитыми по западной системѣ садами не могутъ дать даже и приблизительнаго понятія о садахъ индійскихъ Могуловъ. Туристы посѣщающіе Алаамбу могутъ судить по развалинамъ мавританскихъ кіосковъ, фонтановъ и вымъ заросшихъ, перелутанныхъ какъ лабиринтъ аллей, о красотѣ садовъ Индіи. Правда, Шалимаръ, какъ садъ не уступающій парку махараджи Путтіальскаго близъ Кальки, лишень его обстановки: великолѣпной маюраммы безкомечнаго хребта стараго *Гилласама*. * За то ничто не можетъ сравниться съ его чудною растительностью, въ которой соединились цвѣты всѣхъ частей свѣта. Слово и растительное царство собралось держать въ Шалимарѣ дурбаръ. Долго не забыть намъ неподдѣльнаго чувства радости когда у подножія огромнаго стараго манго, укутаннаго какъ подагрикъ обвивающимъ его кактусомъ, мы нашли небольшую грядку съ фіалками и незабудками! Послѣднія цвѣли на берегу старой канавы, лосѣянная, какъ намъ сказали, жемой одного вѣмецкаго миссіонера. Вообразите себѣ Рейвъ у подножія Гималаевъ, далекій сѣверъ забредшій въ гости къ своему южному брату, почти подъ самыми тропиками!.. Я сорвала нѣсколько вѣточекъ цвѣтовъ какихъ никогда мнѣ и во свѣ не сподось увидать въ лалличихъ долинахъ Индостана...

Подъ вечеръ, 12 ноября, мы отиравились на иллюминацію Лахорскаго сада. Нашъ путь лежалъ черезъ безконечныя

* *Гилласама* санскритскій двухсложный терминъ, означющій „слѣгомъ увѣчанный“ отъ слова *Гилла* слѣгъ и *самъ* покрытый, а *Гилласама* въ буквальной переводѣ „обитель вѣчнаго свѣта“, *алама* „обитель“.

густыя аллеи, превращающія въ главныя города Индіи въ Фонтенеблоскій лѣсъ. Уже вѣковыя деревья бросали длинными косыми тѣнями на старыя полуразрушенныя мечети и мусульманскія кладбища разстилающіяся по обѣимъ сторонамъ дороги. Ни въ самомъ Лахорѣ, ни въ его окрестностяхъ не осталось почти ни одного вломиа удивительнаго памятника Моголовъ. Ненависть послѣдняго царя Лахорскаго ко всему мусульманскому разрушила все что только могла разрушить, пока не погибъ, полавъ въ ловушку, и самъ разрушитель, и царство его...

Широкія аллеи были буквально загромождены слѣдившими на празднество экилажами, всадниками и скороходами британской и туземной знати. Между колесъ аристократическихъ коласокъ и *барушей* проскользали какъ молнія крошечныя *экки* туземцевъ, представляющія самый любопытный контрастъ съ экилажами остальнаго міра...

Экка состоитъ изъ голой доски положенной на два большія колеса. Надъ этою доскою родъ багдахина, иногда изъ бархата и дорогихъ матерій, а чаще изъ простаго одыяльнаго ситца, прикрѣпленнаго на четыре столбика воткнутые по четыремъ концамъ платформы. Въ этотъ примитивный экилажъ, о которомъ упоминается въ древнѣйшихъ рукописяхъ Индіи, впрягается крошечный бычокъ изъ породы гималайскихъ горскихъ быковъ-караиковъ, или же такой же миниатюрной породы *ломи*, величиною съ большую ньюфаундлендскую собаку*. Оба животныя, обладая изумительною по своему росту силой и выносливостью, скачутъ, особенно бычки, быстрее иной лошади. Въ этомъ экилажѣ, гдѣ едва ли могъ бы помѣститься одинъ Европеецъ, ухитряются усясться на корточкахъ иногда до четырехъ туземцевъ съ возницей самъ лять!.. И летитъ такая *экка* словно вѣтеръ въ полѣ, летитъ оглушая прохожихъ своими погремучками и колокольчиками, покрывающими бычка отъ лозолоченныхъ рожковъ до хвоста; а главная въ ней прелесть та что она не можетъ опрокинуться!.. И вотъ мчащись и теперь по дорогѣ къ Шаамару такіа делотолпная таратайки, вахально опережая кровныхъ рысаковъ раджей отправлявшихся на локахъ къ вице-королю, теперь уже въ

* Въ Индіи такіа лошади продаются за 5—10 рупій; но есть между ними порода такая же крошечная, но изъ столь быстрыхъ скакуновъ что за нихъ платятся для скачекъ большія деньги.

болѣе европейскомъ видѣ, въ модныхъ коляскахъ и безъ словъ... Не смотря на всю царскую обстановку, скороходовъ и другія затѣи, ихъ свѣтаости находились, какъ и всегда, вынужденными давать дорогу всякому Англичанину-писарю ѣхавшему въ наемномъ *garri* (биржевой каретѣ).

Вдали, въ золотистомъ туманѣ быстро потухающаго для еще горѣли ананасо-подобныя верхушки лагодъ и храмовъ, но подвозя ихъ уже стемнѣли и словно плавали въ свѣтѣвшихъ подымавшихся надъ рѣкою парахъ когда мы стали приближаться къ саду. Красиво выглядывала вся эта огромная темно-зеленая, теперь почти черная масса, словно уходившая своими террасами въ темно-синее уже устлываемое блѣдыми звѣздами небо. Кое-гдѣ зажигались огоньки; но когда послѣ многочисленныхъ остановокъ и осторожнаго лавирования среди сплошной массы народа нашъ экипажъ остановился у широкой аллеи ведущей къ главному входу, черная масса давно превратилась въ огненную, разбѣгаясь цѣлыми волнами пламени справа, слева и позади насъ... Не желая входить вмѣстѣ съ аристократическою толпой, гдѣ намъ пришлось бы давать дорогу всякому английскому сержанту, такъ какъ съ нами было много туземцевъ, мы рѣшили обождать. Не выходя изъ коляски мы приказали отѣхать къ сторонѣ и, ставъ подъ груллою развѣсцныхъ смоковницъ, получили возможность вновь любоваться постоянно прибывающими раджами.

На всѣхъ этихъ политическихъ празднествахъ, какъ въ царствіи небесномъ, „много званыхъ да мало избранныхъ“. Въ садъ на иллюминацію пускали лишь по билетамъ, но и тамъ, какъ и въ процессіи и на всѣхъ дурбарахъ, каждый сверчокъ долженъ былъ знать свой шестокъ. Изъ туземцевъ въ саду были одни раджи со свитами, да главная городская знать изъ Индусовъ съ мусульманами. Билетовъ было всего три тысячи, а зрителей сверхъ ста тысячъ.

Аллея ведущая къ воротамъ сада по обѣимъ сторонамъ была освѣщена тысячами китайскихъ фонарей. По высокимъ стѣнамъ тянулась огненною линіей лампочки, странной и столь любимой въ Индіи формы атрибута богини или *Дурги*, то-есть женской производительной силы въ природѣ. Надъ сіяющими прихотливыми узорами, въ восточномъ вкусѣ, дышали выше безчисленныя павелы съ монограммой и гербами маркиза Рилова. Въ саду за воротами, оквизная бесѣдка, — цѣлый дворецъ въ мавританскомъ стилѣ съ широкою аркой

вмѣсто дверей и минаретами по бокамъ, сіяла словно усыпанная сверху до визу огненнымъ бисеромъ, являясь воображенію какимъ-то огнедышащимъ дракономъ охраняющимъ заколдованные сады. Громадное зданіе заслоняло весь видъ во внутрь парка. Далѣе открывалась просто волшебная панорама, достойная *Тысячи и одной ночи*. На первомъ планѣ пространнѣйшій цвѣтникъ, перекрещенный какъ лабиринтъ дорожками изъ цвѣтныхъ изразцовыхъ плитъ. Межъ ними, словно узлы перевязывающіе эту сѣть дорожекъ, возвышались бѣлые мраморные бассейны, круглые и звѣздообразные, по каждый въ видѣ геометрической фигуры, съ высоко бьющими фонтанами, посреди корзинъ самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. А надо всѣмъ этимъ, опускаясь надъ корзинами и фонтанами какъ потолокъ палатки, гирлянды разноцвѣтныхъ огней, сверкающія всѣми радужными переливками олазовъ въ брызгахъ сорока водометовъ!...

Надъ волшебною площадкой воздымается первая терраса сада, а на ней вторая бесѣдка помельше, съ большимъ балкономъ впереди. Она почти виситъ на краю скалы, надъ головами знатныхъ туземцевъ получившихъ *высокую привилегію* входа въ садъ, гдѣ находились вице-король и англійскіе чиновники* *. Водопады и бассейны отдѣляютъ гостей ея отъ массы менѣе знатнаго, хоть и не простаго, но все же *чернаго* народа, допущеннаго дышать однимъ воздухомъ съ ихъ бѣлыми владыками. Балконъ, или скорѣе платформа съ перилами покрыта дорогами коврами, уставлена тронами и креслами, на которыхъ воссѣдаютъ сами боги и богини Олимпа съ Юпитеромъ во главѣ. Боги скучаютъ вѣроятно за амброзіей, такъ какъ вельющіе сыны Инда и мумиципалитета забыли о буфетѣ и, какъ вѣрное отраженіе ихъ ласмурнаго лица, и у „знатныхъ туземцевъ“ лица изрядно вытравуты... Въ саду, какъ и на дебаркадерѣ, несмотря на тысячную толпу, царствуетъ торжественное молчаніе. Но оно придаетъ тѣмъ болѣе величія картицѣ въ которой общее впечатлѣніе немного портится черными фраками и цилиндрами, да бѣлыми гаалстуками *боговъ*. Но эта маленькая какъ бы фальшивая нота въ общей массѣ гармоніи замѣчается лишь нами, прихотливыми Европейцами. Въ глазахъ суетливыхъ туземцевъ привыкшихъ представлять свою главную

* См. *Civild Military Gazette*. Ноября 14. 1880.

богиню *Кали* подъ видомъ черной какъ смоль фигуры, съ ожерельемъ изъ бѣлыхъ человѣческихъ череповъ на груди и шеѣ, черные костюмы побѣдителей являются еще знаменательнѣе...

За то костюмы туземцевъ были до такой степени оригинальны и богаты что можно было забыть что мы въ странѣ Священной Коровы и вообразить себя на царскомъ *bal costumé*. Шелковая лц, бархатная, или изъ тончайшаго кашмира матерія, все было зашито золотомъ, жемчугомъ и рубинами; верхнія одежды, турбаны и пояса, одивъ богаче другаго и всегда соблюдена удивительная гармонія въ цвѣлмъ, необычайное сочетаніе цвѣтовъ. Вспомнимъ что въ Кашемирѣ извѣстны болѣе трехсотъ тѣмъ недоступныхъ европейскимъ фабрикамъ. Въ глазахъ лестрило и двоилось отъ такого непривычнаго перелца цвѣтовъ и блеска дорогихъ камней. Даже ручки махаалокъ изъ хвоста тибетскаго *ака*, которыми слуги отмахиваютъ здѣсь назойливыхъ мухъ и комаровъ отъ носовъ своихъ властелиновъ, были у многихъ сдѣланы изъ золота и локрты словно *porte-bouquet* у модной красавицы цвѣрустаціей изъ драгоценныхъ камней!

Молчаніе было прервано наконецъ громомъ и лальбой фейерверка. Взлетѣли подъ темпо-синее небо бираки и прочія лротехническія затица. Между послѣдними отличались воздушныя надписи съ привѣтомъ и пожеланіями на двухъ языкахъ, ангалійскомъ и цвдоставскомъ, вице-королю всего лучшаго.

Всталъ вице-король Индіи; вскочило за нимъ и все совмище боговъ. Какъ по пріѣздѣ въ садъ, такъ и при отъѣздѣ, лунки вылацали салютъ, и конецъ Шалимарскому лраздвеству. Другое люболытное торжество, во въ цвомъ родѣ, представило собою лублицный обѣдъ даанный двумъ шотландскимъ полкамъ. По программѣ за обѣдомъ слѣдовали олимпійскія игры, шотландскія пляски подъ національную музыку, лѣсви, борьба атлетовъ и т. д. Исполненіе программы увѣчалось „ловыми успѣхомъ“, по выраженію лахорскаго органа Англо-Индійцевъ... „особенно атлетическіе лодвиги, безо всякаго солнпнія убѣдившіе туземцевъ еще разъ въ велолбдимости британской націи, доказавъ имъ фактически насколько мускулярная сила народа управляющаго ими превосходитъ ту же силу въ ихъ щедушныхъ тѣлахъ“. Газета могла бы, во забыла добавить къ этому интересному анатомическому заявленію другое, чисто физиологическое сѣдвіе: насколько растяжимость сытаго британскаго желудка превышаетъ свою

емкостью эту способность голодного желудка Индуса. Покойный Гангангива навѣрно умеръ бы отъ объѣденія еслабы только пожелаея соревновать въ этотъ день съ чествуемыми Бельтами!...

Цѣлая гора ростбифа и жареныхъ барановъ; гекатомбы окороковъ и поросятъ, при видѣ коихъ мусульмане слѣшши удалялись, отлаиваясь за первыми окрившими ихъ угаомъ; пирамиды лѣимъ-лѣддинговъ и фруктовъ и разливавное море пива и водки! Все это подъ двумя навѣсами, подъ которыми были накрыты два стола на шестьсотъ персонъ каждый. Предъ навѣсами украшенными значками полковъ триумфальная арка съ лавишными на ней привѣтствіями „покорителямъ Афгана“. Патриотическіе стихи и имена афганскихъ вѣстоостей, гдѣ оба полка *Highlanders* наиболее отличались, сіади арками цвѣтами на темномъ фонѣ изъ лальмовыхъ листьевъ.

Навѣшись, налившись и накурившись, голодного войство направило свои столы къ полянѣ приготовленной для національныхъ *спортовъ*. У многихъ изъ героевъ ноги, вслѣдствіе загара подъ солнцемъ Кабула цвѣта сырой говядины, тряслись и лошатывались послѣ столькихъ усердныхъ возліаній Бахусу. Но шотландскіе гадіаторы вообще вышли изъ боя съ честью. Наслушавшись лѣмія мистрелей, музыки волынокъ и свирѣлей и насмотрѣвшись вдоволь на полковыхъ клоуновъ и атлетовъ, мы разошлись съ побѣжденными и побѣдителями. Оставивъ первыхъ, громко храпѣвшихъ въ глубокомъ пьяномъ снѣ на пыльной аренѣ, а вторыхъ, получающихъ призь въ 300 рупій изъ вѣжныхъ ручекъ мистрисъ Р., жены главнаго распорядителя Шотландца, мы отправились было домой, но были задержаны оказавшимся затѣмъ весьма необычайнымъ зрѣлищемъ по дорогѣ...

Подъ раскидистымъ, зеленымъ мангановымъ деревомъ, окруженные полудюжиной голыхъ мальчишекъ, два *туземные* атлета, изъ уличныхъ фокусниковъ, давали въ свою очередь представленіе. Увидѣвъ насъ и предчувствуя рѣдко выпадавшее на ихъ долю счастье заработать нѣсколько мѣдныхъ монетъ, они предложили намъ показать свое искусство, между прочимъ знаменитую въ Индіи „пляску съ мечами“, извѣстную болѣе подъ именемъ „пляски смерти“. Мы согласились...

Актеровъ было всего двое: активный и пассивный. Первый, высокій, тонкій какъ жердь Камширецъ, съ движеніями

голаго коричневаго тѣла, напомиавшими габкіе и граціозныя прыжки арабской левретки; второй, такой же голый Индусъ, мальчикъ лѣтъ лятнадцати, косматый и грязный, но съ глазами горѣвшими какъ у лѣсной кошки. Главнѣйшій актеръ, весь костюмъ котораго состоялъ изъ пояса отъ покойныхъ *инекспрессиблей* да блестящей сабли, поднесъ намъ показывая прося убѣдиться въ ея качествахъ. Лезвее оказалось до того острымъ что одишь въ нашихъ слухачковъ еме дотронувшись до него лорѣзався: сабля была настоящею бритвой. Рядъ нашихъ удивленій начался съ того что Кашмирецъ, увидавъ сильно каляющую изъ пальца кровь, прыгнувъ неслышно, какъ тѣнь, къ небольшому мѣшечку и вынулъ изъ него какую-то тряпку (кусочекъ ярко-желтой, видимо выкрашенной кожи) такъ же быстро приложилъ ее или скорѣе дотронулся до обрѣзаннаго пальца Сикка и въ одну секунду остановилъ кровь. *

Въ то время какъ за четверть версты отъ него Британцы получали премію въ 300 рупій за выказанную силу „мускуловъ“, доажествовавшую внушить туземцамъ такой страхъ и уваженіе къ ихъ „необѣдимости“, нашъ голый фокусникъ выкидывалъ такіе неслыханные подвиги, почти сверхъестественной ловкости въ фехтованіи что намъ оставалось лишь открыть ротъ и сожалѣть что его въ эту минуту не видать „необѣдимые“. Приведу лишь два для примѣра.

Положивъ мальчика неподвижно растянутаго на землѣ, со слегка растолпыренными пальцами рукъ и ногъ, Кашмирецъ съ саблей въ рукахъ, стоя на полъ-аршина отъ головы лежавшаго и обернувшись къ нему все время спиной, началъ плясать, выкидывая какія-то невиданныя дотолѣ нами пля. Все быстрѣе и быстрѣе дѣлались его движенія, и онъ сталъ высоко подкидывать свою саблю, хватая ее и ловя на воздухъ голою рукой, безразлично за лезвее какъ и за рукоятку, пока наконецъ, не прерывая движеній, онъ попросилъ

* Мы предлагали ему до ста рупій за такой кусочекъ, но голодный, нищенски бѣдный Кашмирецъ, только отрицательно качая головой намъ въ отвѣтъ. „Этотъ таисманъ переданъ мнѣ въ наследство умершимъ отцомъ моимъ, который досталъ его ризкуа живью и я поклялся возратить его ему предъ смертью“, повторилъ онъ намъ. Но посредствомъ какого именно процесса онъ надѣялся вернуть умершему родителю вѣренную ему драгоценность, этого мы не могли добиться отъ него.

насъ „приказывать“ ему между какими именно пальцами рукъ или ногъ мальчика онъ долженъ бросить свою саблю. Сперва мы не ловили, а ловя въ ужасулись и отказались отъ выбора. Но у нашихъ Сикковъ разгорѣлись глаза, и они стали называть и указывать на разные части распростертаго предъ нами тѣла. „Между большимъ и вторымъ пальцемъ правой руки“!..“ закричалъ одинъ изъ Сикковъ.

И острая какъ бритва сабля взвилась на воздухъ и, перевертываясь въ своемъ ладеніи на землю, стукнула тупымъ ребромъ по переломкѣ между названными пальцами, за спиною у бросающаго ее фокусника. Въ ту же секунду мальчикъ, не пошевеливъ ни однимъ мускуломъ лица или тѣла, въ свою очередь высоко подкинулъ незамѣтнымъ движеніемъ кисти правой руки саблю въ воздухъ. Кашмирецъ, все танцуя къ нему спиной, поймалъ ее на лету и опять потребовалъ выбора. На этотъ разъ была выбрана лѣвая нога между третьимъ и четвертымъ пальцами, и послушная сабля спустилась изъ-подъ небесъ прямо на указанное мѣсто; а лѣвая нога движеніемъ ступни вновь отправила ее вверхъ, и вновь очутилась она въ проворной рукѣ старшаго Индуса. Затѣмъ было выбрано мѣсто между макушкой головы мальчика и стеблемъ растущимъ на нѣсколько линій отъ нея, и сабля воткнулась остриемъ глубоко въ землю, на одну линію отъ головы, а рукоятка поймана заброшенною за спину рукой танцора. Потомъ выбирались другія опасныя мѣста на тѣлѣ мальчика. Въ десять минутъ времени сабля взвилась разъ тридцать на воздухъ. Падая она олукалась ребромъ буквально на среднюю линію выбраннаго наудачу мѣста; перебывала между всеми пальцами рукъ и ногъ и всегда безошибочно, какъ бы олукаемая вѣрною и осторожною рукой какого-нибудь сообщника невидимки!

Казалось бы что одного удара простой тяжести сабли усиленною быстротою ладенія было бы достаточно чтобы перебить мальчику всѣ суставы. Ни чуть не бывало. По окончаніи операціи, онъ весело вскочилъ на ноги, подпрыгнулъ и лагувъ ногами въ воздухъ, усѣлся на корточки въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній.

Кашмирецъ попросилъ затѣмъ у одного изъ Сикковъ алей-синя и получивъ его сдѣлалъ знакъ мальчику, тотъ мгновенно исполнилъ требуемое, раставувшись снова на землѣ, на этотъ разъ вичкомъ, и упираясь подбородкомъ въ

алельсинъ подкаченный къ нему ногой хозяина. Тогда старшій Ивдусъ снова луптался въ „пласку смерти“, повернувшись, какъ и прежде, спиной къ лежащему. Его движенія сдѣлались еще быстрее, прыжки все выше и изумительнѣе, и перешли наконецъ въ бѣшеную скачку на одномъ мѣстѣ. Онъ уже не подбрасывалъ въ воздухъ сабли, а извиваясь какъ змѣя, то подаваясь всѣмъ тѣломъ впередъ, то перегибаясь назадъ лока голова его почти касалась земли, онъ махал острымъ лезвиемъ по землѣ, словно *брѣя ее*, и буквально косилъ пожелтѣвшую траву на лету. У меня кружилась голова, глядя на эти змѣеобразныя, быстрыя какъ молнія движенія. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ онъ описывалъ такимъ образомъ своимъ страшнымъ оружіемъ полу-кругъ предъ собою; но вдругъ не повертываясь, закинулъ далеко руку за спину и однимъ быстрымъ движеніемъ, вперивъ горячіе глаза въ стоявшаго возлѣ меня Сикка, разсѣкъ алельсинъ подъ подбородкомъ у мальчика однимъ ударомъ!... Ударъ пришелся ровно по срединѣ и бритва не могла бы разрѣзать его удачнѣе...

Сикка завыл отъ восхищенія, а я, признаюсь, полюбивъ-ла. Какимъ жалкимъ показался въ моемъ воображеніи Вильгельмъ Телль съ его подвигомъ надъ яблокомъ; а голологіе Шотландцы, крики торжества которыхъ доносились до насъ съ ихъ поляны чѣмъ-то въ родѣ пляшущихъ по деревьямъ медвѣдей. Въ сравненіи со сверхъестественною ловкостью этого нищаго Кашмирца, всѣ доселѣ виданныя мною лодвиги фокусниковъ и даже Яловцевъ блѣднѣли и исчезали въ лучахъ презрѣнія.

Онъ повторилъ свой фокусъ не разъ и не два, а двадцать разъ въ тотъ день и послѣдующіе. Онъ разсѣкалъ своею окодованною саблей все что мы ему ни давали: яблоки, орѣхи, даже яйца, и непременно или въ рукѣ мальчика, или подъ его подбородкомъ. Мы пригласили на этотъ феноменъ всѣхъ друзей и знакомыхъ и въ томъ числѣ нѣсколько Англичанъ, и моего долговязаго пріятеля майора, между прочими. Съ послѣднимъ случилось слѣдующее.

Замѣтивъ что фокусникъ разсѣкаетъ предметы непремѣнно съ помощью своего мальчика и такъ быстро что являлось почти невозможнымъ слѣдить за молвіелодобнымъ движеніемъ стали, майоръ усомнился.

— Быть-можетъ, говорилъ онъ,—мальчикъ поддѣвываетъ уже

готовыми и напередъ разрѣзанными яблоками и апельсинами еще ветровутые плоды... Какъ знать?..

— Ну, а яйцо, зашпорила я съ нимъ. — Развѣ возможно поддѣлать такое разсѣченныя?.. Вѣдь оно при малѣйшемъ движеніи вытечетъ!..

— Гораздо легче предположить послѣднее, какъ оно ни трудно, нежели повѣрить что фокусникъ, обернувшись къ вамъ спиной, разсѣчетъ у васъ яблоко которое вы держите между двухъ лалцевъ, какъ онъ только-что сдѣлалъ это...

— Если вамъ угодно, то я готовъ держать выбранное вами яблоко, сейчасъ же, здѣсь и подъ вашимъ наблюдениемъ, „майоръ Сабъ“, предложилъ ему одинъ изъ молодыхъ Сикковъ.—Я вполнѣ увѣренъ въ искусство Камширца...

— Не сомнѣваюсь... не сомнѣваюсь, мой добрый другъ, покровительственно процѣдилъ майоръ въ отвѣтъ Индусу, сыну богатаго судьи, произнесъ слово „другъ“ какъ бы сказавъ „болаванъ“;—вы туземцы всѣ ладки вѣрить въ сверхъестественное...

— Да въ этомъ ничего нѣтъ сверхъестественнаго... кромѣ феноменальной ловкости этого чловѣка...

— А... вы давно его знаете? перебилъ майоръ, презрительно, словно подозрѣвалъ Сикка въ стачкѣ съ фокусникомъ.

— Я вижу его со вчерашняго дня въ первый разъ въ жизни! съ достоинствомъ отвѣтилъ оскорбленный туземецъ.

— Стойте!.. вмѣшалась я.—Если вы, майоръ, думаете что этотъ подвигъ просто ловкій фокусъ и ударъ сабли проходить мимо, не задѣвая яйца, то оно и останется цѣлымъ въ вашихъ рукахъ и риска вамъ нѣтъ никакого, почему бы вамъ не сдѣлать личнаго опыта?.. Вотъ нѣсколько дюжину яицъ въ корзинѣ... Выбирайте и становитесь въ позицію!..

Майоръ покраснѣлъ и видимо растерялся.

— Неужели вы боитесь?.. продолжала я. — Полноте!.. Я женщина, а сію же минуту готова подвергнуть себя этому опыту!.. поддразнивала я его.

И взявъ яйцо между большимъ и указательнымъ пальцами, я стала за Индусомъ продолжавшимъ все время нашего слора лаять потрасая острою саблей.

Индусы разинули ротъ, а майоръ воспользовался этимъ случаемъ чтобы совершить диверсію.

— Надѣюсь что вы не сдѣлаете этой неосторожности!..

воскакинулъ онъ бросающъ ко мнѣ съ аффектированной послѣдностью и отымая лицо.

— Ну такъ держите его сами!..

— Позвольте, спокойно замѣтилъ сынъ судьи.—Идце въ вашихъ рукахъ совершенно цѣлое, господинъ-майоръ, не такъ ли?

— Ну да, это цѣлое!.. а почему я знаю что у мальчишки *es dotiti** не лежитъ другое приготовленное?.. отвѣчалъ майоръ, чувствуя себя въ очень неловкомъ положеніи.

— Такъ неудобно ли вамъ потрудиться подложить его мнѣ подъ подбородокъ... сказалъ Сиккъ, бросающъ на земаю ничкомъ и заложивъ обѣ руки за спину.—Прошу васъ, не скажите съ него глазъ доколѣ Каммирець не разсвѣчетъ его..

Майоръ желчно разсмѣялся, но сдѣлалъ какъ его просили. Онъ собственноручно положилъ лицо подъ безбородый подбородокъ юнаго Сикка.

— Ну, а теперь, произнесъ онъ, грозно обращаясь къ Каммирець, дабы заявивъ свою верховную власть лучше скрыть свое замѣшательство подъ видомъ сугубой суровости,—если ты... либо промахнешься, либо порѣжешь *саабу* лицо, я тебя заставаю стнть въ тюрьмѣ!..

Въ эту минуту, зная на майора за его придирки, у меня родилась въ головѣ мысль отомстить ему. Мнѣ была извѣстна его чрезвычайная скулость, а также и причина почему онъ, несомнѣнно храбрый человекъ, отказывался подвергнуть себя лично опыту.

— Стойте, господа!.. одну минуту... Я желаю вамъ сдѣлать одно предложеніе... Вотъ вы, майоръ, безо всякой причины напустились на фокусника и быть-можетъ напрасно обругали и напугали его... Ну, а что если онъ и не равнъ *сааба* и не промахнется? Чѣмъ вы его вознаградите?.. Обѣщаете ли вы ему въ случаѣ успѣха двадцать лять рупій, или же лично подчиниться тому же опыту?..

— Съ какой стати желаете вы заставить меня дать этому шарлатану такую сумму?.. вскинулись скулой майоръ.

— Только въ случаѣ если онъ окажется не шарлатаномъ... А не то, такъ держите лицо или яблоко сами и тѣмъ составьте ему громкую славу и репутацію. Это... тѣ же деньги.

— И этого я не сдѣлаю!.. Надо мною всѣ товарищи стали бы смѣяться...

* Поясная одежда.

— А не сдѣлаете, такъ надъ вами еще хуже стануть смѣяться... сказала я, отводя его въ сторону:—потому что въ такомъ случаѣ... я сама подвергнусь этому *risky*, даю вамъ честное слово!.. И завтра же всѣ въ городѣ узнають, а между прочими и мистрисъ Р. что тамъ гдѣ не побоялась опасности женщина, герой трансваальскій и афганскій, майоръ *** славовалъ, если не отрусилъ!..

Нервы у него разыгрались...

— Вы не сдѣлаете этого!.. Все это лустая затѣя!..

— Нѣтъ сдѣлаю... А вы знаете какого мѣнѣя мистрисъ Р. о *перемыхъ* мушкетерахъ и что она вчера говорила что...

Майоръ побѣднѣлъ. Мистрисъ Р. была молоденькая богатая вдова и мой долговязый пріятель былъ спьяно влюбленъ въ ея прудаво. Онъ послѣднѣю перебилъ меня.

— Ну, перестаньте шутить... Пожалуй, ради вашего калприза я дамъ этому дураку... ну пять рупій.

— Двадцать латъ!.. ни *пайсомъ* меньше. Не то я завтра же поведу моего Вильгельма Телла къ мистрисъ Р. и подыму васъ у нея на смѣхъ.

— Вы мстительны. Ну такъ и быть... даю!..

— Господа! громко заявила я,—вашъ достойный майоръ, сознавая что быть-можетъ онъ и напрасно обидѣлъ *джадусаллу* (фокусника), обѣщаетъ ему 25 рупій въ случаѣ успеха. Начинайте!

Мы находились въ саду отеля и *тамаша* (представленіе) привлекало много зрителей. Кашмирецъ попробовалъ лезвее на пальцѣ и сталъ въ позу, то-есть повернулся спиной къ лежащему на землѣ добровольцу. У меня замерло сердце. Ну что если онъ въ дурной часъ промахнется! Пролалъ нашъ бѣдный Сиккъ!..

Съ тяжелымъ вздохомъ майоръ, еще разъ прѣсѣвъ на землю, овладѣлъ лѣвомъ и въ послѣдній разъ пожелалъ убѣдиться что это не подмѣнено во время нашего разговора. Онъ довелъ свою предосторожность до того что начерталъ на немъ карандашемъ знакъ. Затѣмъ онъ тихо подложилъ его подъ подбородокъ Сикка и, отойдя въ сторону, далъ знакъ Кашмирцу начинать.

На этотъ разъ, противъ обыкновенія, послѣдній даже не *косилъ* травы. Подпрыгнувъ раза три, онъ перегнулся назадъ дугой и однимъ взмахомъ мощной руки совершилъ обычную *слисиду* лезвеемъ на четверть вершка отъ горла Сикка.

Сверкнула сталь и нѣсколько сухихъ стебельковъ полетѣло въ сторону. Но яйцо не распалось...

— Промажулся! промахнулся! съ злобною радостью восклицалъ майоръ.— Что я вамъ говорилъ?..

— Напрасно радуетесь... Лежите спокойно Раттавъ-Чамдъ!... Не двигайтесь на одну секунду... Смотрите всѣ!..

И не дозволяя никому дотронуться до яйца, я подвела майора ближе къ нему... Ровно по срединѣ овальнаго бѣлаго шарика появилась желтая полоска, словно кто обмоталъ его этого цвѣта ниткой. Мѣстами изъ-подъ этой полоски вытекали капли жидкаго бѣака. Яйцо оказалось разсѣченнымъ пополамъ словно бритвой!..

Торжество было полное. Даже скупой майоръ не очень хмурился опорожняая свои карманы въ поискѣ за двадцатью пятью рупіями, хотя подъ предлогомъ что съ намъ не было достаточно денегъ онъ и успѣлъ обсчитать Кашмирца на четыре рупіи, обѣщая отдать ихъ ему *послѣ*....

Но случая къ „послѣ“ не представлялось болѣе никогда. Кашмирецъ исчезъ съ того дня, и ни майоръ, ни мы уже не встрѣчали его... Когда онъ уходилъ, долговязый Британецъ пожелалъ разсмотрѣть поближе его чудодѣльную саблю. Пробуя и глядя лезвие, онъ ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Подобной стали я никогда не встрѣчалъ!.. Откуда этотъ вищій могъ достать ее!... Гей ты, продашь мнѣ эту... штуку?....

Талашавалла только отрицательно покачалъ головой, замѣтивъ что это „сабля отца“ и онъ не можетъ продать ее....

VII.

Великій Дурбаръ. — Раджи готовятся. — Суднище Озириса-Аменты. — Озирисъ, Тифонъ и осужденныя души. — „Русская интрига.“ — 500 искушеній. — Чѣмъ можетъ иногда разрѣшиться тайна „русской интриги“ въ Индіи. — *Данса*. — Меня аччятъ астрологи. — Популярность маркиза Рипона. — Гомеръ и я. — Спасуюсь въ Веларесъ. — Финалъ.

Дрожали сердца махараджей приготовлявшихся къ Великому *Дурбару* въ утро 15 ноября 1880 года. Кивали сонными головами ихъ астрологи, проведеніе цѣлую ночь въ наблюденіяхъ за звѣздами, тщетно вопрошая отуманенное дождевыми

облаками небо и получивъ въ отвѣтъ лишь нѣсколько капель дождя на бритые макушки... Ныли желудки бѣдвыхъ *кули* работавшихъ дено и ношно надъ сооруженіемъ вице-королевскаго лагеря и приготовленіемъ дурбарной палатки. Тысячи клерковъ-писарей, одна изъ высшихъ доступныхъ туземцамъ должностей на коронной службѣ, изгнаны далеко за полночь свои щедушныя груди надъ экстремною работою за своими конторками. Быстро какъ птицы мелькали *сами* развоя приглашительныя билеты...

Безъ билетовъ *point de salut!* Не было пропуски въ священнѣйшій политическій *adytum*, гдѣ жрецы приготовлялись въ тотъ день представлять избранныя жертвы главному идолу храма. Ровно шестнадцать лѣтъ со дня послѣдняго дурбара лорда Лоренса, въ 1864 году, спалъ Лахоръ забытый въ торжествахъ послѣдующими вице-королями. Счастливыи городъ! Для него дланнѣйшій рядъ вице-королей, бѣлыхъ, черныхъ, красныхъ, пестрыхъ, всѣхъ тѣней витговъ и торіевъ, пролетѣлъ мимо какъ ночной кошмаръ. Онъ заснулъ при лордѣ Лоренсѣ, самомъ любимомъ изъ всѣхъ вице-королей Индіи, который такъ любилъ ее что и по возвращеніи своемъ въ Англію всегда заступался за ея интересы, даже противъ прямыхъ выгодъ Манчестера; и вотъ Лахоръ снова просыпается при лордѣ Рилонѣ, который обѣщаетъ сдѣлаться вторымъ Лоренсомъ, достойнымъ преемникомъ справедливѣйшаго изъ правителей Индіи...

Но махараджи еще не знаютъ своего новаго вице-короля. Въ ихъ еще свѣжихъ воспоминаніяхъ о лордѣ Латтонѣ, маркизъ смутно рисуетъ такимъ же сладкорѣчивымъ, бьющимъ на театральнѣйшій эффектъ „Латъ-Саабомъ“, какъ и ихъ бывшій вице-король, знаменитый Оуэнъ Мередитъ,* обѣщанія котораго туманны какъ небо его родины, измѣнчивы какъ Индійскій океанъ, а нововведенія и реформы убійственны какъ дыханіе *Насса*... **

Звѣзды не успѣли усложнить ихъ на счетъ событій предстоящаго дурбара. Даже обычно ясное небо ихъ родины отуманилось на рѣдкость накавалъ и оставило бѣдвыхъ раджей въ полномъ невѣдѣніи будущаго... Вотъ почему страшатся

* Owen Meredith — псевдонимъ лорда Латтона въ литературѣ.

** *Nasse*, богъ подъ видомъ змѣи, которая въ Индіи почитается священнойю.

они приближающагося дурбара съ его „саламами“, „веззарами“ и грозными *коммисонеръ-саабами* * какъ некогда страшилса умирающій Египтявинъ судилица Озириса... Ихъ не прельщаютъ даже ожидающіе ихъ дорогіе подарки отъ имени королевы-императрицы, ибо познавъ давно всю суету и оласность оныхъ, они и теперь готовы, въ душевной горечи своей, воскликнуть вѣсть съ древними мудрецами: *Timeo Danaos et dona ferentes!*...

Дурбаръ происходилъ на полянѣ востѣ городскаго сада. Широкая дорога, обрамленная по обѣимъ сторонамъ рядами фонарныхъ столбовъ, вела къ вице-королевской палаткѣ. Этыхъ столбовъ прежде не было на этомъ мѣстѣ и они поставлены съ ихъ фонарями нарочно для торжества. Кругомъ главной, какъ маленькія оленки вокругъ величественнаго мухомора, группировались другія палатки помельше, предназначенныя для свиты; каждая съ такою же, но еще болѣе загадочною нежели первая дорогой, разстилающеюся предъ ея входомъ. Говорю „загадочная“ потому что макадамизированная свѣжимъ слоемъ смолы (подозрѣваю даже дегтемъ) въ то самое время какъ слѣдившіе на дурбаръ смертные на засохшихъ уже мѣстахъ ея скользяи и чуть не падаи, на другихъ, еще не услѣвшихъ затвердѣть, приапали подошвами какъ мухи къ мухоловному пластырю. Аллегорическое ли то было представленіе ловческой слособности Англичанъ въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ, не знаю, такъ какъ разспрашивать не дерзнула...

Прямо предъ входомъ вице-королевской палатки, гдѣ долженъ былъ происходить *Дурбаръ*, былъ помѣщенъ артиллерійскій ларкъ, пушки коего салютовали каждаго входящаго гостя по чину и заслугамъ. Такъ перворазрядные махараджи получали право на 21 выстрѣлъ; раджи помельше, на 18, 12 7; а нѣкоторые такъ даже всего на три.

Одинъ за другимъ проходили по *avenue* фонарныхъ столбовъ, между двойнымъ рядомъ Шотландцевъ и двухъ баталіоновъ туземнаго войска, въ сопровожденіи почетнаго караула британскихъ воиновъ, благоухающіе восточною амброй раджи и махараджи. Это оригинальное совокупленіе ориентальныхъ одеждъ и европейскихъ мундировъ, а особенно озабоченныя, торжественно кислая физиономіи Гималайскихъ

* „Коммисіонеръ-господинъ.“ Въ Индіи все наизворотъ.

потентатовъ, словно они всё отираваались на заказаніе, напомнило мнѣ известную карикатуру Гаварни изъ оперы парижскаго опернаго бала. Точь въ точь закостюмированные султанами и набобами Парижа, увлеканные за пазуху канкана неумолимыми полицейскими сержантами, — *аи violon!* Потентаты подходили одинъ послѣ другаго къ наѣсу, снимали туфли, смиренно ждали пока окончатъ назначенный каждому салютъ, а затѣмъ печезали, словно колибри поглощаемые въ разинутой пасти полосатого боа-констриктора, въ широко зіяющей во глубинѣ наѣса двери въ палатку.

Но предлагаю читателю проскользнуть за мною внутрь приемной залы устроенной въ палаткѣ, или вѣрнѣе въ двухъ палаткахъ, такъ какъ наружная сливается со внутренней, или, какъ это здѣсь называютъ, „шаміаной“. Все здѣсь рассчитано на политическій эффектъ. Все обдуманно, и актеры хорошо заучившіе свои роли готовы. Въ эффекту произведенному на туземную публику, опшю въ видѣ добавленія и эффектъ произведенный собственно на меня.

Общая обстановка вокругъ насъ напомнила мнѣ картину которую можно найти въ Люксорѣ, какъ и на стѣнахъ многихъ другихъ египетскихъ руинъ, изображающую „Судъ Озириса“ надъ представшими предъ нимъ душами въ области Аменъ. Даже внутреннія стѣны и потолокъ первой палатки, подбитой матеріей столь изящнаго дерева Египтянами цвѣта всѣхъ тѣмъ охры, какъ бы срисованы съ „залы суда“, какъ мы находимъ ее на саркофагахъ и памятникахъ Египта. Взгляните, по обѣимъ сторонамъ, прямо отъ входной двери до глубины второй или внутренней палатки, тянутся двумя длиннѣйшими рядами сидѣній: направо для туземцевъ; направо для Европейцевъ. Ошю сидятъ подъ видомъ раджей, сердарей и *дегановъ* грѣшныя подоудимыя души въ Аменъ, ожидающія рѣшеніе своей дальнѣйшей судьбы. Вотъ сейчасъ станутъ звѣнчать на адскихъ вѣсахъ ихъ сердца и помысленія, а затѣмъ, либо пошлютъ въ изгнаніе въ кромѣшную тьму, либо подарятъ нестрымъ халятомъ. Одесную же, гдѣ весь первый рядъ занятъ официальными лицами, расположились не европейскіе „саабы“, не коллекторы и коммиссіонеры, а „сорокъ два ассессора“. По ихъ какъ бы окаменѣлымъ лицамъ и безстрастному выраженію можно навѣрно предположить что

они судьи неумолимые. А вотъ и Тифонъ, обвивающій под-судимыхъ. Сегодня онъ наряженъ въ военный мундиръ шефа полиціи, главнаго *секретнаго* надзирающаго надъ поведеніемъ всѣхъ большихъ и малыхъ раджей въ Индіи.

Далѣе, за квадратною палаткой, сияетъ словно гаубъ звѣзднаго неба видекорольская „шаміана“, круглая, съ кулолообразнымъ потокомъ, подбитая темно-голубою шолковою матеріей. По витымъ столбамъ и кулолу ея горятъ какъ звѣзды золотыя канделябры, лампы и разныя блестящія украшенія. А въ самой гаубинѣ, на покрытой золотомъ ларчѣй встрадѣ, возвышается серебряный тронъ съ серебряными съ лозою британскими львами по бокамъ; съ огромнымъ гербомъ Англіи на спинкѣ престола; серебряною же скамеечкой съ красною бархатною на ней подушкой, а за спинкой трона,—королевскимъ знаменемъ Великобританіи!.. Подъ сѣнью гигантскаго штандарта сидитъ маркизъ Риловъ, Озарисъ дна. Онъ опирается обѣими руками на лбы британскихъ львовъ, какъ бы сдерживая ихъ львиною яростью... Направо отъ вице-короля груда военныхъ перемѣшанная съ нѣсколькими высокими чиновниками гражданскаго управленія. То отборный букетъ присланный Марсомъ и Фемидой; самыя замѣчательныя личности въ Индіи подъ предводительствомъ сэръ-Дональда Стюарта. Только что пожалованный командоромъ ордена Бану, главнокомандующій войсками Индіи * стоялъ какъ Агубисъ, стражъ боговъ, охраняя вице-короля по программѣ.

За Агубисомъ толпился цѣлый рой туземныхъ босомогахъ слугъ въ королевской красной съ золотомъ лаврѣй. Одни съ непечезающими съ горизонта Индіи махалками изъ локонныхъ хвостовъ, которыми они такъ усердно класкали воздухъ вокругъ видекорольской головы что развѣваемые во всѣ стороны волосы вкорѣ образовали ореолъ вокругъ чела благороднаго лорда; другіе стояли неподвижно, словно бронзовыя каріатиды, приподнявъ обѣими руками *золотыя рога изобилія!*... Увы! „золотыя“, но пустыя! Не намекъ ли то на истощеніе индійской казны?..

Да, казна пуста, но махараджи, раджи все еще сіяютъ, какъ будто окунулись мырмузъ съ головою въ Голкондскій рудникъ,

* Онъ получилъ эту высокую должность за Афганстанскую войну и былъ назначенъ на мѣсто драхаго Гейкса во время дурбара.

да еще не успѣли высохнуть. Когда, среди пушечной пальбы и звуковъ національнаго гимна, вице-король появился изъ боковой двери возлѣ эстрады, словно бриллиантовая струя покатилась по направлению къ серебряному трону. Низко согнувшись слышны, зашуршали парчевыя одежды, зазвенѣли хрустальную ябоску грозды алмазныхъ, рубиновыхъ и жемчужныхъ алтокъ, висѣвшихъ *бунтами* на темныхъ абахъ. Кто сказалъ что Индія бѣдна?...

Еще разъ сверкнула струя, отливаясь назадъ отъ трона, и теперь, когда настала торжественная минута затишья предъ началомъ дѣла, стало легче разсматривать эта блестящія ряды вѣнчавшихъ Индусовъ и Могуловъ. Каждый изъ нихъ еще до появленія маркиза былъ торжественно приведенъ и посаженъ на означенное ему по раугу мѣсто, малѣе отъ вице-королевской эстрады. Главныхъ раджей вводилъ министр-секретарь иностранныхъ дѣлъ; второстепенныхъ, чиновникъ не столь важный; а третьяго, то-есть послѣдняго разряда, чуть не писарь.

Вице-король былъ одѣтъ въ помпозный придворный костюмъ, то-есть въ бархатное (если не ошибаюсь) верхнее платье или кафтанъ, въ бѣлыхъ атласные брюки и такую же жилетку, въ шелковыхъ чулкахъ, въ помпонахъ и башмакахъ съ алмазными пряжками, и при шлягѣ; онъ выглядывалъ настоящимъ портретнымъ маркизомъ время короля Георга, не доставало только лудры. Но за то его широкая голубая лента ордена Бани черезъ плечо, орденъ Подвязки съ бриллиантовою пряжкой и куча другихъ орденовъ и звѣздъ позволяли ему соперничать даже съ нѣкоторыми раджами по части сіянія и блеска...

Принцы были разсажены по чину. Такъ владѣтель Кашмира сидѣлъ возлѣ трона первымъ; возлѣ него, еле достагая локтя махараджи, сидѣлъ болатя крошечною голою ножкой съ ноготками выкрашенными въ *чандани* * и поджавъ подъ себя другую ногу, младенецъ-властитель Путтіалы. Хорошенькій ребенокъ дулся. Ровно ничего не понимая въ торжествѣ, онъ часто подымалъ свои огромные полные слезъ глаза на воспитателя, дѣлая отъ времени до времени видимыя попытки оставить свое мѣсто. Но стоявшій за кресломъ воспитатель

* Желто-красная краска, употребляемая также въ Персіи, родъ хны.

останавливая его быстрымъ движеніемъ глазъ и губъ, а бѣд-
ное дитя свое привыкалось отчаянно бѣгать ногою. Возо-
давшій на другую сторону его „старый Дживадъ“, укутанный
съ ногъ до головы въ золотую парчу, издали, въ своей мило-
движной торжественности и со сложными на груди руками,
казался высунувшимъ голову изъ-за покрова гребя покойни-
никомъ. Но эта неподвижность была искусственная. При-
смотрѣвшись, легко можно было замѣтить что онъ коварно
и вихомолку наблюдаетъ за своимъ солерникомъ, маха-
раджей Наббы. Последний отворачивалъ голову, дѣлая отча-
янную усмія чтобы не смотрѣть въ сторону счастливаго
обладателя серебряной коляски... Все напрасно! Беслѣзъ у
его наббской свѣтлости голова была вся наполнена старыми
гвоздями, а въ рукахъ Дживада была сильнѣйшій магнитъ, то
и то послѣдній не въ состояніи былъ бы притягивать эту
голову сильнѣе чѣмъ то дѣлалъ лустыя руки раджи Джива-
дскаго. Тайна разъяснилась весьма скоро: на старомъ эксцен-
трикѣ были надѣты изъ золотой сѣтки перчатка, густо зашпи-
тыя букетами изъ алмазовъ и цвѣтныхъ драгоценныхъ кам-
ней! Для того чтобы удовлетворить своему тщеславію и лиш-
ній разъ раздавить солерника, онъ не пожалѣлъ погубить
дѣвую горсть превосходныхъ дорогихъ изумрудовъ, сапфи-
ровъ и рубиновъ! Всѣ эти камни были пробурываемы какъ
бусы и, понятно, потеряли двѣ трети своей цѣны.

Наконецъ успокоилась лутка, замолчала музыка и на-
стала минута затишья. Не было туземца въ палаткѣ у кото-
раго бы не забилось учащенно сердце, у кого отъ страха не-
извѣстности, а у кого изъ простаго, но въ высшей степени
возбужденнаго любопытства, вслѣдствіе многорѣчивыхъ за-
лосажданіе дни толковъ. Всѣ глаза были обращены на маха-
раджу кашмирскаго. Произведенный имъ скандалъ на стан-
ціи желѣзной дороги былъ перетолкованъ многими газе-
тами въ предумишаемое оскорбленіе Англіи. Стало-быть,
не говоря уже о подозрѣваемой якобы перепишкѣ Рамбиръ
Спига съ Россіей, несчастный махараджа находился еще
подъ прямымъ обвиненіемъ такъ-сказать *lèse-majesté*. При-
режнему министретѣ съ его неутомимымъ суровымъ вѣ-
ніемъ духа торіевъ и практическимъ приложеніемъ закона
Моисеева „зубъ за зубъ“ и „око за око“ немедленно послѣ-
довали бы репрессаліи.

Теперь, не взирая на толки и слезы, никто даже изъ

высшихъ самовлакозъ, вѣроятно, не зналъ *махърое* махърейей вице-короля въ отношеніи махараджи кашмирскаго. Да и помилуй маркиза Ришона въ Индіи еще далеко тогда не вы-
яснилась. Поэтому, когда настала минута въ которую она
впервые должна была обрисоваться, вся дурбарная публика
пришла въ сильную ажитацию.

— Интересно знать.... что ожидаетъ махараджу?..

— Что-то будетъ сейчасъ!.. Слышали что говорятъ?..

— Да, да.... тише!.. письмо изъ Петербурга.... за подлин-
ною подписью.... Это махърое!

— Неужели!.. а что жь?... развѣ его не сошлютъ?..

— Да амексировать бы.... да и кончить разомъ!

— Говорятъ, ожидаютъ махърое со стороны вице-короля
лубачное заявленіе неудовольствія....

— А какъ вы думаете, обратилась я въ полголоса къ тол-
стому сосѣду, знакомому по отелю,—плохо придется раджѣ
или нѣтъ?..

— Да уже махърое эта выходка его на станціи *не можетъ*
ему пройти даромъ, отрѣзалъ рѣшительно толстакъ.

— Но мнѣ говорилъ капитанъ М^{***} что махараджѣ приго-
товлены великодушные дорогіе подарки отъ имени королевы,
между прочимъ хрустальный столъ?

— Что жь? подарка сами по себѣ, а выговоръ своимъ че-
редомъ. Только вотъ увидите что онъ и отъ подарковъ от-
кажется!

Между тѣмъ герой этихъ толковъ сидѣлъ неподвижно,
немного блѣдный, но совершенно спокойный. На его темно-
бронзовомъ лицѣ образовались подъ глазами два большіе
почти черные круга и по временамъ онъ едва замѣтно кор-
чился и слегка, какъ бы отъ холода, вздрагивалъ. Но даже
эта дрожь замѣчалась скорѣе въ шелесть высокой бриллиан-
товой вретки его тюрбана нежели въ безстрастныхъ чер-
тахъ его лица. Круто нафабренные усы махараджи такъ же
были молодецки завиты кольцами какъ и всегда, а черные
какъ чпширь глаза смотрѣли дѣлнвѣе, но не угрюмѣе обык-
новеннаго; изъ-за полузакрытыхъ вѣкъ онъ глядѣлъ скорѣе
нездоровымъ чѣмъ встревоженнымъ.

Вотъ раздастся чей-то громкій, сѣдовательно передающій
нѣчто официальное, голосъ.

Дурбаръ открытъ!.. Ихъ свѣтлости махараджи и раджи,
имѣющие честь присутствовать на немъ, приглашаются

приготовиться къ предтаваеию его высокопревосходительству вице-королю, избранному и т. д. и т. д.“

Часы пробилъ.... черезъ нѣсколько секундъ участь махараджи должна рѣшиться! Матушка Россія, полюбуясь на великую жертву твоихъ политическихъ козней!.. Вѣдь то что бѣдный махараджа удрааъ отъ процессиіи только!.. Въ лицѣ Русской, я вдругъ чувствую себя какъ бы виноватою за всю Россію. Я не смѣю взглянуть на него.... Мнѣ мнится будто я сама погубила махараджу.

Къ нему подходитъ секретарь шотландскаго департамента дляъ Индіи, и принцъ медленно подымается. Настаетъ минута такого гробоваго молчанія въ палаткѣ что мнится будто я слышу жужжаніе комара' пляшущаго въ воздухѣ надъ носомъ „старога Дживда“. Вижу какъ подводятъ махараджу къ вице-королю. На темноглубомъ фонѣ *Шалианъ* кашмирскій правдъ сіаетъ какъ окруженный своими кольцами Сатурнъ въ телескопѣ, ослабляетъ глаза словно длиннохвостая комета!.. Его бѣлая атавская мантия „Великаго Командора Звѣзды Индіи“ разсталается по ларчевымъ ступенямъ, словно сверкающій на солнцѣ водопадъ, искрясь и брызгая бриллиантовою пылью; а смуглыя украшенныя цѣлымъ капиталомъ руки покорно подносятъ на вышитой салфеткѣ *нэззеръ*,— тяжеловѣсную горсть золотыхъ мохуровъ. Трижды поднимаются и руки, и *нэззеръ* ко абу махараджи въ *саламъ* и трижды протягиваются онѣ съ привошеиіемъ къ вице-королю. Маркизь привстаетъ, отдаетъ съ учтивою улыбкой поклонъ и, протянувъ руку къ *нэззеру*, слегка касается золота и тотчасъ же отдергиваетъ ее назадъ... Солнце оттолкнуло вещество кометы, по природѣ вещей, а также и по программѣ дурбара... Но что будетъ далѣе!..

Я глажу съ замираеиіемъ сердца и вижу какъ, убѣдась въ тщетности своихъ успій подкупить своимъ веществомъ солнце, комета начинаетъ неловко латиться, ретируясь назадъ къ своему креслу, избѣгая, согласно этикету, обернуться къ представителю императрицы Индіи сливой и тщетно стараясь совладать съ собственнымъ командорскимъ хвостомъ. Этотъ пожалованный ему Англіей хвостъ вмѣстѣ съ алмазною звѣздой Индіи на груди оказываются въ эту минуту для него какъ бы орудіемъ бичеванія, посланнымъ самою же Англіей!..

Еще нѣсколько брыканій ногой изъ-подъ залупаннаго

шейфа, и его свѣтлость ладаетъ въ объятія, къ счастью, собственнаго кресла. Сцена первая кончается... прошла благополучно.

Всѣ переглядываются, а нѣсколько раджей потупляются. Публика въ недоумѣннн. Неужели ожидаемый всѣми „публичный выговоръ“ такъ и умеръ въ зародышѣ?..

Но церемоніаль еще далеко не конченъ. Быть-можетъ „выговоръ“ отложенъ къ концу онаго, когда будутъ раздаваться подарки. Я начинаю снова тревожиться, тѣмъ болѣе что великолѣпный Рамбиръ Сингъ „компаніонъ Индійской имперіи“ также начинаетъ сильно морщиться и безпокойно поворачивается на своемъ креслѣ. Вотъ подвели, а затѣмъ и приподняли „младенца“, маленькія ручки котораго насилу сдерживаютъ тяжелый *нѣззеръ*. Слѣдуя приказаніямъ воспитателя въ своихъ усиліяхъ совершить *саламъ*, онъ роняетъ на полъ нѣсколько золотыхъ монетъ, заявляетъ оласное желаніе разрешиться и его послѣшню уносить... За младенцемъ слѣдуетъ Джиндъ, принужденный къ огорченію своему скрывать оригинальныя перчатки подъ салфеткой. За Джиндомъ какой-то четвертый раджа.. пятый.. шестой.. седьмой.. Каждый изъ нихъ, подводимый по рангу тѣмъ или другимъ британскимъ сановникомъ, подходитъ, слышитъ свое произнесенное громкимъ голосомъ и перековерканное англійскими устами имя, кланяется, предлагаетъ свой *нѣззеръ*, получаетъ отказъ, олять кланяется, латица предъ вице-королемъ назадъ, иногда садясь вмѣсто своего кресла на колѣна сосѣдняго раджи и, благополучно достигнувъ порта, опускается на свое мѣсто со вздохомъ облегченія.

До пяти сотъ представленій!... Пять сотъ разъ *трижды* протягивается рука вице-короля къ *нѣззеру* и столько же разъ пересиливаетъ искушеніе. Подозрѣваю что вице-король спряталъ собственную руку, замѣнивъ ее механическою. Между публикой многіе заснули. Но время все лобѣждаетъ, все прелпровождаетъ въ Лету, даже вице-королевскіе дурбары и самихъ вице-королей. Часамъ къ двумъ (представленіе началось съ 11^{1/2}) послѣдній сердаръ былъ представленъ и послѣдній *деванъ* попытлся назадъ къ своему мѣсту.

Перерывъ и моментальное затишье. Слышится лишь одио тяжелое дыханіе чиновниковъ, да солгнне усталыхъ махараджей.

— Подарка для его свѣтлости, махараджи кашмирскаго! раздается визгливый теворъ Тифона.

Всѣ снова навостряютъ уши, а глаза публики направляются

къ толпѣ ливрейныхъ силаевъ вносящихъ изъ соседней палатки, одѣвъ другими, груды дорогихъ подарковъ.

Чего тутъ не было! индійскія шааи и нитки крутившаго жемчуга; кожные и ручные браслеты и дорогіе сабли и мечи; почетные халаты и ащики съ музыкой; уборы изъ драгоценныхъ камней и золотые цоды; хрустальный столъ и щитъ изъ носороговой кожи; листолеты, ружья, серебряные кубки и т. д. Махараджи кашмирскій, вмѣсто ожидаемаго выговора, получилъ на 50.000 рупій подарковъ отъ своей императрицы!

Слуги, сложивъ принесенные подарки въ кучу у подножія вице-королевскаго трона, отвѣсивъ земной поклонъ, удаляются. Маркизь Рилонъ произноситъ имя махараджи кашмирскаго, подзываетъ его и указываетъ рукою на подарки. Тотъ кланяется, прижимаетъ руки ко лбу и сердцу и съ трудомъ возвращается на свое мѣсто. Публика объясняетъ эту слабость волненіемъ и сильною реакціей отъ боязни къ радости и успокоивается собственнымъ объясненіемъ. Являются слуги махараджи и захвативъ подарки въ охапку исчезаютъ... Конецъ сценѣ второй и послѣдней.

Взавать вице-король изъ лагеря виговъ!... Ура Гладстону и его политикѣ!...

Въ третій разъ все снова умолкаетъ.... Подарки розданы всѣмъ раджамъ и сардарамъ по заслугамъ и чину, и всѣ снова усѣлись и приготовляются слушать вице-королевскій *сичъ*. Слова легкая тревога съ моей стороны, но надежда теперь преобладаетъ...

Эта рѣчь оказалась настоящимъ политическимъ манифестомъ. Она давала ключъ къ только-что выказанной вице-королемъ сдержанности и, во мнѣніи недовольныхъ консерваторовъ, чуть не преступной свисходительности въ отношеніи къ простулку владѣтеля Кашмира. Маркизь прямо объявилъ что онъ, лордъ Рилонъ, всею душой и помышленіями принадлежитъ къ политической системѣ лорда Лоренса, раздѣляетъ съ нимъ всѣ его взгляды и твердо рѣшился, не уклоняясь ни на шагъ, слѣдовать по стопамъ этого государственнаго мужа. Обращаясь къ принципамъ и вождямъ Пенджабскихъ племенъ, онъ въ одно и то же время лощекоталъ ихъ самолюбіе, воздавъ заслуженную хвалу ихъ „воинственнымъ цвстанктамъ“ и плеснувъ холодною водою на ихъ патріотическій жаръ. „Не взирая на 30 лѣтъ мира подъ британскимъ управленіемъ, говорилъ онъ имъ, я знаю что ваша храбрость на полѣ битвы была бы столь же

замѣчательною теперь, какъ и въ тѣ бурные дни когда война у васъ была скорѣе правиломъ нежели исключеніемъ.“ Но, добавляя оны, „по моему, истинная слава страны состоитъ не въ вѣчныхъ войнахъ, а скорѣе въ ея мирѣ со всеми“. Оны напомнили имъ что верховное правительство полагается на нихъ, на ихъ мудрость и искреннее желаніе возвысить родину въ дѣлѣ скорѣйшаго введенія необходимыхъ въ ней реформъ и улучшеній въ собственныхъ ихъ „независимыхъ владѣніяхъ.“ Самъ же оны лично „отринувъ въ ихъ (принцевъ) *отрыноподанныя чувства и честь*. Оны (лордъ Рипонъ) надѣется на нихъ, ожидаетъ что они посвятятъ свои первыя и главныя заботы благоденствію своихъ подданныхъ; употребить всѣ усилія дабы спасти свой народъ отъ ожидающей его страшной участи невѣжества, среди цивилизаціи остающагося міра: голодной смерти по собственной винѣ“... Оны окончили выразивъ надежду что съ этой минуты „Индія будетъ надолго, если не навсегда, освобождена отъ *измѣны* и страшнаго призрака какъ междоусобныхъ, такъ и пограничныхъ войнъ“...

Грануль оркестръ *God save the Queen*; затрубили трубы загремѣли литавры, залищали шотландскіе рожки и стали махараджи и раджи, сардары и наубаы исчезать одинъ за другимъ изъ палатки, лодѣ аккомпаниментъ салютующихъ ихъ свѣтаости лущекъ, рева верблюдовъ, ржавія лошадей и всего того невообразимаго гама который въ Индіи всегда сопровождаетъ скопища туземцевъ.

Одинъ изъ первыхъ послѣшво удалился махараджа кашмирскій, такъ послѣшво что удаленіе его было скорѣе похоже на бѣгство изгнанника нежели на возвращеніе домой могущественнаго и одареннаго императрицей Индіи принца. Лица стоявшія близъ подъѣзда, у конца „аллея фонарей“, слышали, а потомъ и передавали другимъ съ какою послѣшвною и „дикимъ блескомъ въ глазахъ“ оны приказывалъ людямъ везти его домой во весь духъ, словно оны бѣжалъ отъ какой-то опасности....

Нечего и говорить какъ всѣ эти слухи цитриговали непосвященную въ тайны „секретной“ или закулисной политики публичку. Не было конца догадкамъ и предположеніямъ. Нѣкоторые открыто обвиняли вице-короля въ „опасной оплошности“, въ отсутствіи всякаго „политическаго инстинкта“.

— Омъ не знакомъ еще съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Индіи, говорилъ одинъ.

— Да, придется ему еще раскусить, какъ и всѣмъ намъ, глубокое, почти бездонное для вновь пріѣзжаго въ страну Европейца коварство Азіатовъ, кричалъ другой старый Англо-Индіецъ, очевидецъ сцены 1857 года.

— Эти либералы погубятъ нашъ „престижъ“ въ Индіи, жаловался третій.

— Такой поступокъ просто ни съ чѣмъ не сообразенъ!... Омъ идетъ прямо противъ всѣхъ традицій минувшаго правительства. Но таше, таше!... вотъ идетъ второй секретарь...

— О!... а!... вельло!... ужасно неосторожно! шелтали торіи всѣхъ отъѣзжающихъ.

Не было почти группы изъ многихъ поджидавшихъ экипажей Европейцевъ откуда не раздавались бы подобныя этимъ восклицанія. Полное недоумѣніе и даже до нѣкоторой степени смущеніе овладѣли англо-индіею колоніей. Нѣкоторые изъ алармистовъ зашли такъ далеко что стали наконецъ прямо намекать на возможность „неожиданной и немедленной атаки со стороны войскъ генераловъ Кауфмана и Скобелева“. Ободренный гарантированною ему вице-королемъ на дурбарѣ безнаказанностью, принцу кашмирскому стоить лишь теперь свиснуть. У Русскихъ ухо чуткое... Какъ знать? быть-можетъ они и зашли гдѣ-нибудь по близости, на границѣ въ одной изъ сотенъ еще не эксплуатированныхъ долинъ Гималайскихъ дремучихъ лѣсовъ...

Вѣрвая своей задачѣ аккуратнаго и правдиваго лѣтописца дурбара 1880 года, считаю долгомъ своимъ замѣтить что подобная чушь исходила изъ устъ не совсѣмъ официальныхъ. Вышеупомянутые послѣдніе взгляды и предположенія принадлежали почти всецѣло пессимистамъ прекраснаго, но легковѣрнаго пола, и весьма юнымъ, только что оперившимся и прилетѣвшимъ изъ-за родныхъ тумановъ лтецамъ. Но тѣмъ не менѣе вѣрно и то что даже убѣленные сдѣлками старцы, въ виду такой „ветрадиціональной“ линіи въ индіею политику, качали головой, предвидя всевозможныя complicacіи, если не въ скоромъ настоящемъ, то въ туманномъ будущемъ.

— Слышали вы какъ вице-король сказалъ принцамъ что онъ „вѣрить въ ихъ вѣрнополуданная чувства“, довѣряетъ ихъ чести... Довѣрять руку осамъ, засунувъ ее въ ихъ

гвѣздо!.. презрительно фыркнувъ одинъ желѣзнодорожный чиновникъ.

— Дѣйствительно!.. смотрѣть сквозь пальцы на такія неприличныя выходки!.. видимо преднамѣренное оскорбленіе дѣлой Англіи въ лицѣ вице-короля!.. Это уже слишкомъ... слишкомъ спяиво заявлять себя либераломъ!..

— Это значитъ просто давать... пощечиву публичному мянью Англо-Индійцевъ!.. отрясалъ одинъ изъ лтецловъ.

— Повернуться спиной къ его высокопревосходительству и вышшимъ правителямъ страны въ самую минуту торжественной процессіи въѣзда того кто здѣсь представляетъ ея величество осмѣлятся сдѣлать лишь тотъ кто чувствуетъ поддержку спяивой и враждебной вамъ руки, глубокомысленно замѣтилъ мой сосѣдъ, толстый Англичанинъ.

Я потупилась чувствуя что подо мною снова слегка какъ бы дрогнула только что укѣпившаяся почва.

— Гей!.. саабы!.. вдругъ закричалъ толстякъ проходившему мимо насъ съ верховою лошадыю Кашмирку.—Моти-Сахай!.. на минутку... сюда!.. Я желаю вамъ сказать нѣсколько словъ... Вотъ этотъ *Негра*... быть-можетъ разъяснитъ намъ что-нибудь... Онъ изъ свиты раджи... добавилъ прозорливый дипломатъ, обращаясь къ намъ.

Отодвинутые отъ нашихъ экипажей громадною толлою уѣжающихъ раджей и высокосфернаго савонничества, мы стояли на лужайкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги.

Кашмирецъ, рослый дѣтина, съ *рысью* бородой, подошелъ къ нашей группѣ, бросивъ поводья бѣжавшему за нимъ слугѣ. Онъ уваженно поклонился толстяку и другимъ бѣлымъ саабамъ.

— Ну что ламдить, * обратился къ нему по-англійски и околлою тропой жирный дипломатъ.—Какъ поживаетъ астрологія?..

— Звѣзды неблагопріятны вамъ, саабы... все дурныя предзнаменованія!.. совершенно серьезно отвѣчалъ ламдить совершенно свободно по-англійски.

— *The devil they are!*.. Неужто?... Вашъ махараджи только что забралъ на 50.000 рупій отъ ея величества подарковъ и

* „Пандитамъ“ называются въ Индіи всѣ ученые лингвисты, особенно тѣ которые знаютъ санскритскій языкъ и изучаютъ астрологію.

вдругъ „звѣзды ему еще неблагопріятны!“... Да чего жь ему еще?...

— Не въ матеріальныхъ отношеніяхъ, сэръ... Этими его свѣтлостъ весьма доволенъ... а вотъ онъ все нездоровъ и астрологи его давно уже предсказываютъ ему что Лахоръ будетъ когда-нибудь пагубенъ для его свѣтлости... Оттого махараджа такъ долго и отказывался ѣхать на дурбаръ...

— Гм-м...м!... промѣчалъ Англичанинъ:—Отъ того, а?... Ну, а разъ въ Лахоръ... развѣ звѣзды ему и здѣсь пророчили несчаствіе... а?... Планеты воспрелютствовали ему занять назначенное ему мѣсто въ процессіи, заставили его ударить противъ приказаній властей домой въ лагерь?...

— Нѣтъ, сэръ. Но его свѣтлостъ былъ вынужденъ противъ своего желанія такъ поступить...

— Вынужденъ, противъ своего желанія... передразнилъ Англичанинъ:—Это что за чушь!... Кто же могъ его примудить къ тому?

— Обстоятельства и... тотъ фактъ что его свѣтлостъ находилась въ то время въ европейскомъ зданіи, на станціи англійской желѣзной дороги... махараджа очень набоженъ!...

— Что за чортъ... ничего не понимаю!... И какое же можетъ имѣть отношеніе его бѣгство съ желѣзною дорогою и... его набожностью?...

— Наши религіозныя постановленія очень строги въ этомъ отношеніи, сэръ... *шастры* * предписываютъ особый, священнѣйшій церемоніалъ для каждаго дѣйствія, для малѣйшаго отпрашенія въ жизни человѣка, сэръ... и нашъ махараджа не могъ... не рискуя лишиться каоты и попасть подъ обвиненіе въ тяжеломъ грѣхѣ, оставаться одною минутой долѣе среди англійскихъ властей и въ принадлежащемъ имъ зданіи.

— Да что жь такое случилось, наконецъ?... Кто заставлялъ его идти противъ его религіи... его *шастры*?... Вѣдь не на коровѣ же его заставляли ѣхать!..

Пандитъ искоса взглянулъ на груллу жадно слушающихъ его дамъ и промолчалъ.

— Да отвѣчайте же, пандитъ! востерлѣливо приставалъ къ

* *Шастры* книга браминовъ съ религіозными постановленіями и предписаніями для ежедневнаго обихода Индусовъ. Последній обязанъ отъ рожденія до смерти ѣсть, пить, спать и вообще жить по *шастрамъ*.

Кашмирцу Англичанинъ.—Что такое услужало вашего махараджу... что случилось?...

— Его свѣтлость уже нѣсколько недѣль какъ отдалъ себя въ полное распоряженіе самаго ученаго въ Кашмирѣ *хакима* *.

— И что жь?... Хакимъ его что ли не велѣлъ ему вѣхать?...

— Н-вѣтъ, какъ бы нехота отвѣчалъ припертый къ стѣнѣ Кашмирецъ.— Не хакимъ-саабъ, а... а... послѣдствіа его лѣченія. *Его свѣтлость въ то утро, какъ и во вся послѣдующія, принималъ сильное очистительное...*

Англичанки чуть было не попадали въ обморокъ.

Эффектъ вышелъ великолѣпный! Самъ паквизиторъ переконфузился и послѣдовалъ усадить своихъ дамъ въ экипажи. Кашмирецъ, съ которымъ всѣ кромѣ меня позабыли проститься, сѣлъ на лошадь и тихо направился къ „лагерю махараджей“...

Такъ просто, прозаически и неожиданно разрядилась грозная, нависшая надъ политическимъ горизонтомъ туча, разрядилась тайна смутившая было всю Англо-Индійскую колонию, тайна „русской интриги“ и „безпримѣрной“ *слабости* *своей* дерзости махараджу Кашмирскаго...

—

Конецъ *великому дурбару!*... На другой день Лахоръ ужь опустѣлъ, разъѣхались его гости, полделись каждый во свояси махараджи. Иные съ истинно царскими подарками въ своихъ выюкахъ; другіе истративъ на пріѣздъ тысячи и получивъ за это посеребряный кубокъ. Собирались уѣзжать и мы, да не уѣхали. Меня постигла въ тотъ же вечеръ *дамеи*, самая злокачественная въ Индіи лихорадка. Эта интересная туземка продержала меня много дней одну въ *Дакъ-бэнглову*, куда меня перевезли изъ сырыхъ комнатъ отеля, грозя все время прибрать меня, но подъ конецъ выпустивъ какъ-то невзначай изъ своихъ хищныхъ когтей.

Много страннаго, изумительно страннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошаго узнала я во время моей тяжкой болѣзни. Напримѣръ, то чего Англичане уже конечно не подозреваютъ, а еще менѣе заслуживаютъ. Ихъ обращеніе съ

* Хакимъ, туземный докторъ.

туземцами довело послѣднихъ до такихъ утрированныхъ на ихъ счетъ подозрѣній что не одинъ, а человекъ двадцать туземцевъ, изъ которыхъ многіе были образованные, солидные люди, умоляли меня пресеріозно не посылать за англійскимъ докторомъ изъ боязни *что тотъ нарочно убьетъ меня, залѣчить не потому что я Русская, а главное потому что я „не презираю, а люблю Индусовъ!“* Я насилу ихъ разуверила въ возможности такого неалаго подозрѣнія, а быть-можетъ и не разуверила, а только они перестали сопротивляться моему желанію.

Но европейскій докторъ не помогъ мнѣ. Его наука, какъ самъ онъ сознался, безсильна противъ свирѣлой туземной *данеи* *. Когда два англійскіе медика отказались отъ лѣченія, испробовавъ на мнѣ всѣ средства, туземцы заявили свои права и примаясь лѣчить меня по своему. И только тогда, въ дни страшной муки узнала и оцѣнила я вполнѣ этотъ народъ. Никогда не забуду я ту неисчерпаемую доброту, терпѣливость въ обращеніи со мною и преданность этихъ бѣдныхъ загнанныхъ туземцевъ. Чтò они спасли мнѣ жизнь, это вѣрно; и оцѣнить справедливо эту расу можетъ лишь тотъ кто какъ я испыталъ эту преданность на самомъ себѣ, не на словахъ, а на дѣлѣ. И я увѣрена что всякій другой, будь онъ хотя сто разъ Англичаниномъ, найдетъ въ нихъ то же чтò и я, если только потрудится узнать Индусовъ покорооче, подружиться съ ними, третирова ихъ какъ равныхъ себѣ, а не какъ собаки! Десятки *арій-самарджій* ** и брамовъ *** присоединились къ членамъ теософическаго общества и, лотащивъ отцовъ и матерей на совѣтъ, многіе бросивъ на все время болѣзни слушаніе курсовъ въ университетѣ, стерегли меня и днемъ, и ночью, кто отъ воображаемаго

* Для свѣдѣнія русской медицины скажу что, по словамъ англійскихъ медиковъ, такого рода лихорадка нигдѣ неизвѣстна кромѣ Индіи. Это нѣчто среднее между тифомъ и самымъ мучительнымъ ревматизмомъ во всѣхъ частяхъ тѣла. Единственные часы успокоенія отъ муки когда лежишь въ безсознательномъ состояніи, въ бреду. Для *данеи* нѣтъ лѣкарствъ.

** Члены-монотеисты одного реформаторскаго религіознаго общества (см. *Изы исцеленіи и дебрей Индостана*).

*** Члены бенгальскаго Брам-Самаджъ, послѣдователи Бабу Кешуба Чендеръ-Сена.

„глаза“, а кто отъ простуды во время пароксизма, что при *данги* ведетъ къ вѣрной смерти.

Въ то время какъ отцы ихъ тащили мнѣ ежедневно на квартиру дюжины двѣ обѣдовъ, состоящихъ изъ всевозможныхъ туземныхъ *деликатесъ*, до которыхъ я конечно и не могла даже дотронуться и которые тутъ же раздавались *безкастными* нищимъ *, сыновья бѣгали по городу и окрестностямъ собирая всѣхъ извѣстныхъ какимовъ, астрологовъ и браминовъ-закапителей. Хакимы приказывали мнѣ посылать голову какому-то перцомъ, глядѣть не слуская глазъ на бумажку со стихомъ изъ *Шастры*, отъ восхода до захода солнечнаго, а затѣмъ, свернувъ бумажку въ комокъ и спрятавъ ее въ кускъ тѣста, съ кокосовымъ масломъ и сахаромъ, *дать съѣсть ее черной собацѣ*. Брамины-закапители выгоняли изъ меня *дангу*, позоря ее и всю родню ея самымъ обиднымъ для нея образомъ, а астрологи (которымъ мои друзья навѣрное платили очень дорого, благодаря моему европейству, которое оскверняло ихъ на время), никакъ не могли валасть на созвѣздіе подъ которымъ я родилась въ моемъ *предыдущемъ* образѣ. Я же рѣшительно не могла помочь имъ въ этомъ затрудненіи: память моя отказывалась припомнить метампсихозы какъ души, такъ и тѣла моего. Наконецъ астрологъ, старшій и самый ученый изъ нихъ, рѣшилъ что я должно-быть была когда-то травой *кузи*, такъ какъ *данги* очень любить ее и всегда сильно привязывается къ той мѣстности гдѣ она растетъ. Рѣшили достать этой травы и посылать ею уголь лустыря въ саду, надѣясь заманить *данги* изъ моего измученнаго тѣла въ лустырь... Но увы, ни черной собаки годной для прихотливой *данги* не наша; не тронулась она названіемъ *фориени* (Француженки, цыганки) и ни пожелала отправиться въ лустырь, гдѣ ее „сѣлаи бы желтоногіе коршуны“. Но тѣмъ не менѣе, я остаюсь на вѣкъ благодарною моимъ преданнымъ, добрымъ Индусамъ, которымъ моя болѣзнь стоила не мало трудовъ и даже денегъ. Въ Аллахабадѣ, куда я наконецъ добралась, пользуясь короткими перерывами между пароксизмами, да и то контрбандой, такъ какъ *данги* заразительна, и узнай ее во мнѣ желѣзнодорожные чиновники, мнѣ бы и

* Нищія принадлежащія къ одной изъ кастъ не станутъ ѣсть чего-либо выходящаго изъ дома Европейцевъ, даже и нетронутаго.

билета не дали;—тамъ въ домѣ лучшихъ пріятелей моихъ изъ Англичанъ я наконецъ оправилась. Но вытѣчилъ меня отъ этой египетской язвы туземецъ *бабу* изъ Бенгала, только что оперившійся студентъ медицины, а не Европеецъ...

Я провела всего нѣсколько дней въ Аллахабадѣ. Несмотря на мою искреннюю дружбу къ хозяевамъ и ихъ улаживанія остаться, я нашла что силъ моихъ не хватаетъ жить долѣе въ этой атмосферѣ политики. Господи, что за скучный народъ эти Англичане и что за подозрительный народъ! Они положительно владыкуютъ въ Индіи изъ одной галлюцинаціи въ другую. Только что освободившись отъ ихъ *idée fixe*, „русской пштриги“ въ Кашмирѣ, я попала на другаго тако-го „блага бычка“ въ Аллахабадѣ! Теперь они съ ума сошли по Мерву. Я имъ про свою *дангу*, а они мнѣ про Мервъ, слѣться намъ оказалось невозможнымъ. Этотъ несчастный Мервъ не сходилъ у нихъ съ языка, а *этикеты* требовалъ чтобы собравшись вмѣстѣ, Англичане въ Индіи ни о чемъ другомъ не говорили какъ о политикѣ и непремѣнно о „заобѣ дѣя“, какъ теперь выражаются наши газеты. А какой же имъ еще лучшей „заобы“ какъ Мервъ? За эти нѣсколько дней я чувствовала что одна *данги* спасаетъ меня отъ одури разжиженія мозговъ. По ночамъ и во время лароксизмовъ мнѣ чудилось будто я иду одна на Мервъ и съ помощью моей вѣрной *данги* мы сжигаемъ городъ до тла чтобы только Англичане перестали говорить о немъ, усложнили свои нервы... Наконецъ я имъ предложила издать новый англо-индійскій политическій лексиконъ и замѣнить слово „вервъ“ на „мервъ“ и „мервозность“ на „мервозность“. Чуть не обидѣлись. Тогда, воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ махараджи Бенареса, я уѣхала къ нему и такимъ образомъ освободилась въ одно время и отъ *данги* и отъ *Мерва*...

Три мѣсяца уже прошло со дня великаго дурбара, а маркизъ Рилокъ дѣлается съ каждымъ днемъ популярнѣе. Когда, вернувшись мѣсяцъ спустя изъ Бомбея, по дорогѣ въ Калькутту, онъ серьезно заболѣлъ (и его хватала *данга*!) и слегъ въ Аллахабадѣ, гдѣ и пролежалъ около семи недѣль между жизнью и смертью, вся Индія искренно горевала о его опасномъ положеніи. И да простится мнѣ невольный грѣхъ если я ошибаюсь, мнѣ кажется что сочувствовала ему болѣе *туземная* Индія нежели сами Англо-Индійцы! Сердце народное что сердце и чутье ребенка. Массы

бессознательно, инстинктивно чувствуютъ, кто имъ желаетъ добра и кто имъ врагъ и даже кто равнодушенъ къ нимъ. Простая и безыскусственная рѣчь новаго вице-короля, задуманная во всякое время бывшая на эффектъ какъ слуги его предшественника, лорда Литтона, производила съ самаго начала и продолжаютъ производить на туземцевъ неотразимое вліяніе. Такъ и слышится въ нихъ, лодъ сдержаннымъ тономъ высокопоставленнаго самовластнаго, теплое, искреннее чувство симпатіи къ этому залуганному, забитому народу, къ этой почти нищенской разоренной его предшественниками землѣ. „Радъ бы сдѣлать для васъ многое!“... говорятъ его добрые глаза, а симпатическій голосъ еще болѣе глазъ вкрадывается въ душу слушающаго... Да, маркизь Рилевъ добрый и благонамѣренный человѣкъ. Это вполнѣ честная душа, и выбравъ не взирая на сильную оппозицію именно его, а не кого другаго, вѣхать замѣчывать, если еще не поздно, раны Индіи, Гладстонъ доказалъ еще разъ что онъ обладаетъ вѣрнымъ тактомъ государственнаго мужа.

А теперь конецъ и моей Англо-Индійской *Иліадѣ*. Чувствую что если что и имѣю общаго съ Гомеромъ, то развѣ его сѣпноту, и заранѣе прошу прощенія если въ чемъ погрѣшила касательно Англо-Индійской политики. Но да не заподозрить вслѣдствіе этого русская публика ни искренности моего желанія держаться по мѣрѣ возможности однихъ фактовъ, ни истинны и правдивости моего незатѣливаго разказа вообще. Успѣвъ въ эти два года исколесить вдоль и поперекъ эту своеобразную, столь привлекательную для каждаго Европейца и еще столь мало извѣстную страну, на протяженіи около 12.000 миль и проведя болѣшую часть времени съ Индусами, надѣюсь что могу сообщить о нихъ не одно интересное свидѣніе. Ихъ религія, исконные обычаи, какъ и сами они, неиссякаемый источникъ для наблюдателя...

Проведя весь послѣдній декабрь въ гостяхъ у такъ кстати приглашеннаго насъ махараджи Бенареса, а наша болѣе чѣмъ когда-либо случай для такихъ наблюденій. Тамъ, вдали отъ англійскаго общества и ихъ этикета, превращающаго человѣка въ мумію, я наконецъ свободно вздохнула. Послѣ почти пяти мѣсяцевъ проведенныхъ мною въ обществахъ Симаы и Алахабада, гдѣ самый воздухъ кажется зараженнымъ политикофильствомъ, а древесная листва въ аллеяхъ „каштовементовъ“ шелчетъ проходящему Бриту о „русскихъ

замыслахъ“, мнѣ впервые удалось отдохнуть и заняться дѣломъ.

Добрый старый принцъ оказался самымъ радушнымъ, любезнымъ хозяиномъ. Онъ принималъ насъ на славу, давалъ намъ въ полное распоряженіе свои экипажи, слоновъ и лодку на Гангесѣ, доставивъ намъ этимъ всѣ средства изучать какъ религію, такъ и древности которыми столь изобилуетъ знаменитый Бенаресъ. Матеріала для *Дневника* накопилась бездна. Въ скоромъ будущемъ надѣюсь (съ позволенія *дамем*) слова подѣлиться съ русскою публикой своими впечатлѣніями о Бенаресѣ. Тамъ, вдали отъ городского шума, въ вѣчно зеленомъ *Рамбагъ*, саду бога Рамы въ замкѣ махараджи, я и начала писать эти воспоминавія о знаменитомъ мнѣ въ дѣтисяхъ Индіи *дурбаръ съ Лакоръ*...

Вомбей.
январь 1880.

РАДДА-БАЙ.

ЗЛОЙ ДУХЪ *

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

XXIX.

Клеопатра Михайловна нѣсколько минутъ смотрѣла вслѣдъ Ларисѣ, съ выраженіемъ озабоченной задумчивости въ глазахъ. Ей было невозможно страшно того что она сдѣлала, и этотъ страхъ отравлялъ торжествующее, злорадное чувство которымъ ей хотѣлось насладиться. Она досадовала. Что за охота мѣшаться въ этотъ неабытный романъ, разстраивать дѣтское счастье, предостерегать, отъ кого? Отъ армейскаго гусара, воображающаго что онъ что-то такое представляетъ изъ себя потому что носить порядочное имя и учился въ университетѣ... Она, Клеопатра Михайловна Хвоцева... это даже удивительно. „А впрочемъ я хотѣла сдѣлать доброе дѣло. Лариса славная, нельзя же ставить ей въ вину что она такъ молода и выросла подъ надзоромъ Марьи Ивановны. Въ Петербургѣ ее ожидало бы другое, о! совсѣмъ другое; она сводила бы съ ума. Право, если она такъ умна какъ кажется и сумѣетъ воспользоваться сегодняшнимъ урокомъ, она

* См. *Русск. Вѣст.* № 4 и 5.

должна будетъ поблагодарить меня“, заключила свое раздумье Клеопатра Михайловна.

Она пошла по дорожкѣ, не домой, а по тому самому направленію по которому скрылась Лариса. Ей хотѣлось взглянуть на эту мѣстность, сообразить какимъ образомъ Лариса могла ходить лѣшкомъ такъ далеко. Но день былъ жаркій, солнце лекало. Клеопатра Михайловна дошла до конца сада, и увидавъ что дальше дорожка подымается въ гору, не рѣшилась идти. Она присѣла на широкій сухой лень и оглядывала весь пологій оврагъ, упиравшійся въ перелѣсокъ. Узкая пыльная дорога тянулась по дву оврага и по ней вѣхали двѣ телеги. Ларисы нигдѣ не было видно, вѣроятно она ужъ успѣла перебѣжать на верхъ и скрылась за деревьями.

Вдругъ шорохъ прошлагодней листвы выдавалъ чьи-то шаги. Клеопатра Михайловна оглянулась и встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Извоевымъ, который задумчиво цѣпъ можетъ-быть совсѣмъ ни о чемъ не думая шелъ безо всякой дороги по самому краю пересохшей канавки, прокопанной вокругъ сада. Клеопатра Михайловна тотчасъ его узнала и очень приветливо кивнула головой. Извоевъ, никакъ не ожидавшій этой встрѣчи, совсѣмъ растерялся и пробормоталъ что-то въ родѣ извѣщенія. Хвоцева, смѣясь, протянула руку.

— Судьба васъ наказываетъ за то что вы въ прошлый разъ обратились въ бѣгство отъ меня, сказала она.—А теперь не угодно ли вамъ назвать свое имя и отчество, такъ какъ я все-таки не знаю какъ васъ зовутъ.

Извоевъ отвѣтилъ.

— А я, Клеопатра Михайловна Хвоцева, немножко сродни Волчезъ-Соколицскимъ, пріѣхала сюда на лѣто и... и кажется скоро уѣду.

— Отчего же? спросилъ, не зная что оказать, Извоевъ.

— Оттого что... мнѣ не очень здѣсь нравится, Михайло Ивановичъ, и притомъ здѣсь вѣчего дѣлать. Это конечно не значитъ чтобъ я что-нибудь дѣлала въ Петербургѣ, но тамъ этого и не надо, а тутъ часы какіе-то длинные... сто двадцать минутъ вмѣсто шестидесяти, говорила смѣясь Клеопатра Михайловна.—Да садьте, вотъ такъ точно какъ я... скамейки мы здѣсь не найдемъ.

Извоевъ оглянулся, и такъ какъ по близости другаго лива не оказалось, то продолжалъ стоять. Его очень удивляла и даже смущала любезность петербургской дамы, и онъ ловить

не могъ какъ это она такъ почти насильно съ нами познакомилась, и что ей собственно нужно? „Скука должно-быть тамъ въ домѣ преужасная“, подумалъ онъ. А Клеопатра Михайловна въ эту минуту тоже спрашивала себя: что ей надо и зачѣмъ она все это дѣлаетъ? и отвѣтила мысленно: „Да такъ, Лариса разозлила“...

— Куда вы шли? спросила она громко.

— Въ школу. Учитель у меня знакомый, а къ нему часто хожу... отвѣтилъ Извоевъ.

— Ахъ, школа... Это интересно; представьте, я никогда не видела, оживилась Хвоцева.—Теперь это такъ важно, образованіе народа. Знаете, мнѣ хочется пойти вмѣстѣ съ вами, взглянуть; говорить между крестьянскими мальчиками попадаются такіа развитыя натуры. Мы произвели бы вѣчто въ родѣ маленькаго экзамена...

— Да вѣдь теперь вѣтъ ученых! возразилъ съ удивленіемъ Михайло Ивановичъ.

— Нѣтъ? Какъ жаль! воскликнула Хвоцева.—Да, конечно кандидатъ, а я и не сообразила. Но все-таки любопытно взглянуть на самую школу, на учителя. Онъ безъ сомнѣнія образованный человекъ?...

— Да, то-есть какъ вамъ сказать... изъ учительской семинаріи...

— Ахъ, семинаристъ! отозвалась съ нѣкоторымъ разочарованіемъ Хвоцева.—Но скажите, развѣ все еще нельзя обойтись безъ семинаристовъ? Вѣдь это значитъ какой-нибудь выгнанный, котораго нельзя сдѣлать священникомъ?

— Учительская семинарія, это совсѣмъ не то что вы думаете. Это свѣтское заведеніе, специально для приготовленія народныхъ учителей, объяснилъ Извоевъ, невольно усмѣхнувшись наивности петербургской дамы.

— Но тогда это очень любопытно. Пойдемте, проведите меня, рѣшительно предложила Клеопатра Михайловна, вставая и раскрывая зонтикъ.

Извоевъ долженъ былъ согласиться, хотя мысль „смотреть учителя“ казалась ему очень странною и даже совсѣмъ неудобною.—„Какъ это я скажу Федору Степанычу что привелъ барыню на него смотреть!“ думалъ онъ, заранѣе смущаясь предстоящему и безъ сомнѣнія весьмагаулой сценой.—„А впрочемъ, это очень хорошо съ ея стороны что она интересуется“... добавилъ онъ тутъ же со свойственнымъ ему добродушіемъ.

Они пошелъ рядомъ по притомтанной травѣ, надъ дугою, одна сторона котораго ярко зеленѣла, зацѣная солнцемъ. Это солнце жгло ихъ обоимъ, врывааясь сверкающими полосами сквозь рѣдкіе стволы березокъ и сосенъ. Извоевъ, отмахавшій уже нѣсколько верстъ по прилеку, совсѣмъ изжарился, и сдернувъ фуражку, обтиралъ платкомъ мокрый, бѣлый лобъ, рѣзко отдѣлявшійся отъ загорѣлаго лица. Но кажется ему не отъ солнца только было жарко, а скорѣе отъ непривычнаго положенія въ которомъ онъ внезапно очутился. Разговаривать со свѣтскою дамой, да еще такою красивою и должно-быть ужасно бойкою и насмѣшливою, этого Михайлу Ивановичу еще никогда не приходилось!

А Клеопатра Михайловна, взглядывая на него сбоку изъ-подъ зонтика, думала: „вотъ тутъ на солнцѣ, надъ пустымъ оврагомъ, онъ очень милъ со своимъ краснымъ воротомъ и мужицкими сапогами. И даже лицо у него интересное въ своемъ родѣ“.

— Знаете, вѣдь я въ сущности совсѣмъ не умѣю жить въ деревнѣ... сказала она.—Мнѣ случалось проводить лѣто у себя въ Орловской губерніи, но я знала только свой домъ, потому лѣтздки en рѣіс-пѣіс въ лѣсъ или на сѣнокосъ, но затѣмъ все это остальное, вся настоящая деревенская жизнь, представляетъ для меня до сихъ поръ вѣчто неизвѣстное... Кое-что случалось читать въ русскихъ журналахъ; но тамъ какъ-то страшно разказывается, а мало поняла...

Извоевъ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ провелъ рукой по бородѣ.

— Н-да... въ деревнѣ дѣйствительно есть своя жизнь... проговорилъ онъ.—Но только вѣдь такъ посмотрѣть, ничего не увидишь.

— Нѣтъ, не посмотрѣть, мнѣ хотѣлось бы узнать, понять... продолжала Хвоцева.—Картинки-то я ужъ видѣла, а мнѣ любопытство было бы разгадать содержаніе жизни, войти въ интересы... однимъ словомъ чтобъ это меня касалось, сблизилось со мной, вотъ какъ съ вами.

— Да вѣдь какъ же это сдѣлать! возразилъ Извоевъ.

— А вотъ вы не можете мнѣ, продолжала Хвоцева.—Пожалуста, не принимайте это за фантазію, мнѣ въ самомъ дѣлѣ хочется. Вы не можете себя представить какъ скучна въ сущности та жизнь которую я прожила. Раньше, въ молодости она затягивается, не замѣчается какъ-то; но подъ конецъ

надо же поумнѣть, понять какъ все это пусто и пошло. Большиство, разумѣется, никогда не выходитъ изъ своего заколдованнаго круга, а я всемогъ же такаа... Миѣ не хотѣлось бы задохнуться. Хотя ноздво, хотъ растерявъ свои лучшіе годы, хочется пожить иначе, дать волю чему-то не совсѣмъ заглохшему. Вы понимаете что я хочу сказать? Какіе-то инстинкты живы еще, мысль иногда рвется, ищетъ другаго, свѣжаго... это не блажь, тутъ много страдаія, утѣраю васъ!

Клеопатра Михайловна когда была всемогъ возбуждена умѣла необыкновенно хорошо говорить. Въ ея гибкомъ голосѣ звучали такіа красивыя, мягкіа и глубокія ноты что Извоевъ сразу весь встрепенулся и настоорожился.

— Н-да, такъ вотъ вы такаа! проговорилъ онъ, отвѣчая своей собственной мыслью и разглядывая петербургскую даму удивленными и засвѣтившимися глазами.

— Я такаа! подтвердила Клеопатра Михайловна, чувствуя что она взяла самую настоящую ноту.—Къ сожалѣнію, добавила она нѣскольکو грустно.

— Отчего же къ сожалѣнію? спросилъ Извоевъ.

— Оттого что съ этими лишними требованіями труднѣе живется на свѣтѣ, отвѣтила Хвоцева.—Вы молоды, вы еще полны надеждъ, вы вѣроятно не знаете что значитъ потерять вкусъ къ тому чѣмъ васъ окружаетъ жизнь, перестать удовлетворяться интересами и впечатлѣніями которыхъ перемѣнить нельзя.

Лицо Извоева сдѣлалось совершенно серьезно.

— Нѣтъ, жалѣть нельзя объ этомъ! сказалъ онъ тономъ убѣжденія.—Вѣдь это самое лучшее что есть въ человѣкѣ.

— Потому-то и трудно... молвила съ задумчивымъ и печальнымъ видомъ Хвоцева.—Ахъ, Михайло Ивановичъ, жизнь иногда прескверно складывается.

— Знаю, но вы сами указали гдѣ выходъ, гдѣ другая жизнь, продолжалъ возражать Извоевъ.—Вы говорите что потеряли вкусъ къ вашимъ телерешнымъ интересамъ и впечатлѣніямъ, и что будто ихъ перемѣнить нельзя. Почему же нельзя? Миѣ кажется что если разъ въ человѣкѣ загорѣлось это... вотъ эта искра Божія... онъ непременно уйдетъ душой изъ прежней жизни. А вы даже знаете куда уйти.

— Да; но какъ? возразила въ свою очередь Хвоцева.—Не забывайте что миѣ не двадцать лѣтъ, что лучшіе годы уже прожиты, что въ душѣ нѣтъ свѣжести... Знаете, то что я

говорила, вѣдь это не загорающаяся жажда чего-то новаго, а больше сожалѣнiе, раскаянiе... Надеждъ ужъ нѣтъ, да и быть не можетъ, Михайло Ивановичъ!

Извоевъ опять поглядѣлъ на нее удивленными и восхищенными глазами.

— Не знаю отчего вы такъ рѣшили! сказалъ онъ.

Хвоцева улыбулась.

— Не я, а жизнь рѣшила... старость! молвила она.

— Ну, если вы такъ говорите... а вѣдь не умѣю комплиментовъ дѣлать, вы пожалуста ужъ простите меня, возразилъ Извоевъ.—По моему вы какъ разъ въ томъ возрастѣ когда женщина начинаетъ все серьезно ловчить и можетъ показать весь свой характеръ, всю натуру. А натура у васъ, а вижу, богатая.

Клеопатра Михайловна отвѣтила благодарнымъ взглядомъ.

— Я заранѣе была увѣрена въ вашемъ сочувствiи, потому что именно теперь, на этомъ переломѣ, у насъ является столько точекъ солрикопосовенiя, продолжала она.—Оттого-то я такъ откровенно говорю съ вами, хотя мы еще почти незнакомы... Нѣсколько лѣтъ назадъ я же рѣшилась бы... А можетъ-быть... можетъ-быть было бы лучше еслибы мы встрѣтились гораздо раньше. Вы дали бы мнѣ толчекъ въ то время когда еще силъ было много, энергiи...

— Я? нѣтъ, куда жъ мнѣ! возразилъ смущенный этимъ быстрымъ натискомъ Извоевъ.

И ему вспомнились предостерегающiя слова Глѣба Дмитрича: „Кокетка, привыкла головы рвать...“ Омъ сбоку, украдкой взглянулъ на Клеопатру Михайловну. Ея лицо сохраняло слегка возбужденное выраженiе, но въ этомъ выраженiи, ему показалось, было такъ много задумчивой, искренней печали. „Глупости... на чтѣ ей моя голова?“ подумалъ Извоевъ, внутренно упрекая и Глѣба Дмитрича, и себя.

XXX.

Они дошли до деревни. Старенькiй, неказистый домикъ въ которомъ помѣщалась школа былъ пустъ. Оказалось что учитель съ утра ушелъ на рѣку ловить рыбу, и вѣроятно заочуетъ тамъ. Извоевъ былъ очень радъ неудачѣ. „Непремѣнно Федоръ Степанчычъ ругалъ бы меня что я привелъ барыню, да еще и смѣялся бы“, мелькнуло у него въ умѣ.

На крылечкѣ волостнаго правленія, помѣщавшагося рядомъ со школой, стоялъ незнакомый Извоеву человекъ, дѣтъ тридцати, съ умнымъ худощавымъ лицомъ, маленькими русыми усами не прикрывавшими узкихъ, провическихкихъ, нѣсколько надменныхъ губъ, и съ хитрыми, холодными, еще болѣе провическими и надменными глазами. Одѣтъ онъ былъ въ городское, хотя запыленное, но очень приличное платье. Пока Извоевъ разговаривалъ со школьнымъ сторожемъ, этотъ господинъ все время пристально смотрѣлъ и на него, и на Хвоцеву, и явно прислушивался. „Кто бы такой могъ быть?“ подумалъ Извоевъ, удивляясь что не можетъ сразу отнести его ни къ одному изъ разрядовъ сельскихъ обывателей. Странный, уловный взглядъ незнакомаго господина неловятымъ образомъ смущалъ его; и даже повернувъ вмѣстѣ съ Хвоцевой и отходя отъ школы, онъ еще чувствовалъ и этотъ взглядъ, и свое смущеніе.

— Вотъ теперь опять сколько вамъ по солнцу назадъ идти, сказалъ онъ, взглянувъ въ разгорѣвшееся отъ ходьбы и жару лицо Клеопатры Михайловны. „Красавица... такихъ красавицъ здѣсь и не видѣли никогда“... прибавилъ онъ тутъ же мысленно.

— Дайте мнѣ руку, а то въ самомъ дѣлѣ я очень устану, сказала Хвоцева. — Вѣдь вы проводите меня?

Извоевъ предлагалъ перемѣнить дорогу чтобъ идти все время лѣсомъ. Такъ было вѣроятно дальше, но за то они спасались отъ солнца.

Едва только они свернули къ лѣсу, какъ за ними явственно послышались послѣдшіе шаги. Извоевъ оглянулся: незнакомый господинъ быстро шелъ за ними и догнавъ дотронулся рукой до шляпы. При этомъ сѣрые съ зеленоватымъ отливомъ глаза его взглянули такъ выразительно и настоятельно что Извоевъ, пробормотавъ извиненіе, оставилъ руку Клеопатры Михайловны и сдѣлалъ два шага навстрѣчу.

— Простите пожалуйста; вы Извоевъ? произнесъ незнакомый господинъ, продолжая все также глядѣть въ лицо Извоева.

Михаилъ Ивановичъ отвѣтилъ утвердительно.

— Потрудитесь пожалуйста придти вечеромъ туда гдѣ Федоръ Степановичъ, на рѣку... вы знаете... сказалъ незнакомецъ настоятельнымъ, какъ бы властнымъ тономъ. — Мнѣ очень, очень нужно васъ обоихъ видѣть.

И какъ будто то что онъ оказалъ не вызывало никакихъ недоумѣній и возраженій, онъ снова дотронулся рукой до шляпы и повернулъ назадъ.

— Кто это? спросила Хвоцева.

Извоевъ цѣлъ очень удивленный и задумчивый видъ. Онъ рѣшительно не могъ понять кто этотъ господинъ и въ силу чего онъ обратился къ нему съ такимъ настоятельнымъ приглашеніемъ.

— Это знакомый здѣшняго учителя... отвѣтилъ онъ неопредѣленно.

Красивая, сквозившая подъ кисеей рука Клеопатры Михайловны снова оперлась на его руку. „А я-то, Господи! красная рубаха, салопи на выпускъ: мужикъ мужикомъ!“ внутренно бранила себя Извоевъ, смущаясь и не подозревая что въ это самое время Хвоцева думала о немъ: „Право, онъ очень интересенъ въ этомъ хуторянскомъ нарядѣ, гораздо интереснѣ стереотипныхъ ничтожностей нашего свѣта... Дикое что-то и въѣтъ мягкое, покрепнее какъ дѣтская сказка. Мнѣ кажется я была бы рада еслибъ онъ ввезалъ волюбился въ меня“...

Тѣмъ не менѣе она улыбнулась этой мысли какъ чему-то забавному.

— Ваше цѣлѣнье очень близко отсюда если вы лѣшкомъ ходите? спросила она.

— Версты три; да мнѣ все равно, я по десяти верстъ въ конецъ дѣлаю: я вѣдь деревенщина, у меня ноги мужицкія, отвѣтилъ добродушно усмѣхнувшись Извоевъ.

Клеопатра Михайловна невольно бросила взглядъ на его ноги и замѣтила что онъ вовсе не мужицкія, а напротивъ очень маленькія.

— Неможко кокетство своего рода... ничего, это къ вамъ идетъ, сказала она.— Впрочемъ я шучу, я никогда не подумала бы что вы рисуетесь ради оригинальности, что у васъ не совершенно искренно это ваше... народничество? какъ назвать?.. добавила она тотчасъ.

— Чѣмъ же тутъ рисоваться? я даже не знаю, отвѣтилъ Извоевъ.— Мнѣ, напротивъ, стыдно подлѣ васъ идти въ этомъ нарядѣ... Еслибъ я предполагалъ съ вами встрѣтиться...

— Ахъ вѣтъ, пожалуйста не портите себя... перебила Хвоцева.— Неужели вы думаете что для меня такъ необходима эта условная вѣжливость? Вѣдь я нарочно бѣжала отъ нея въ

деревню и, увѣряю васъ, не для того чтобъ удивлять здѣсь собою въ качествѣ петербургской дамы. Если я еще не умѣла бросить все что ко мнѣ прикипѣло тамъ, повѣрьте это не моя вина. Вы видите, я встрѣтила въ васъ перваго настоящаго деревенскаго человѣка и кажется такъ просто, съ такимъ искреннимъ интересомъ отнеслась къ вамъ...

Извоевъ въ смущеніи помахалъ ладкой и не нашелся что сказать. Ему было жарко и онъ чувствовалъ что съ нимъ дѣлаютъ что-то необыкновенное, чего никогда въ жизни не случалось, и что причиняетъ ему неизвѣданное, жуткое и соблазнительное страданіе.

Лѣсъ тѣсно обступалъ узенькую тропинку по которой они шли, и сверху, надъ ихъ головами, солнечные лучи дробились въ листь и не могли проникнуть сквозь ея гущину. Отъ земли тянуло влажною сыростью, тогда какъ раскаленный воздухъ, врываясь съ поля, обжигалъ зноемъ. Хвощева совсѣмъ утомилась и крѣпко опиралась на руку Извоева.

— Вы всегда, постоянно жили въ деревнѣ? Разкажите про себя, чтобъ я могла совсѣмъ понять... мнѣ хотѣлось бы умѣть представить себѣ васъ такъ какъ будто я сто лѣтъ прожила съ вами... заговорила она, задерживая шагъ.

— Что жъ я могу про себя разказать? Живу на хуторѣ, хозяйничаю, зимой читаю, учусь... а вѣдь въ университетѣ не былъ, отвѣтилъ Извоевъ.—Въ этихъ занятіяхъ ничего любопытнаго нѣтъ.

— Да, но я не то хотѣла знать... Вы довольны? не чувствуете пустоты, не ищете переменъ? спрашивала Хвощева.

— Доволенъ... чего я могу ждать? отвѣтилъ какъ-то неувѣренно Извоевъ.

— То-есть вы хотите сами себя заслокоить, урѣзать... возразила Хвощева.—Но вѣдь хозяйство, это не круглый годъ; книги... да, разумеется; но онѣ занимаютъ одинъ только умъ, и притомъ это пассивная сторона жизни. Мнѣ кажется нельзя себя усмирить до такой степени чтобы не явилась потребность въ болѣе остромъ интересѣ, въ такомъ который ставить предъ нами извѣстную цѣль...

Извоевъ съ видомъ затрудненія повелъ плечами.

— Да, я тоже думаю что нельзя. Но вѣдь цѣль есть, сказалъ онъ.

— Читать, учиться, развивать себя? это только подготовка, возразила Хвощева.

— Я учусь не для себя, вотъ почему я говорю что у меня есть дѣль, отвѣтилъ Извоевъ.

Клеопатра Михайловна взглянула на него, не понимая.

— Никакъ не можете представить себѣ чтобъ у меня „острый“ интересъ былъ? А вѣдь сами заподозрили меня въ народничествѣ. Народъ, это и есть дѣль. Я для него учусь, для него живу, объяснилъ какъ бы неохотно Извоевъ.

— Но это опять что-то далекое, лассивное... не удовлетворилась Хвоцева;—я говорю о живой дѣятельности, о томъ въ чемъ есть страсть.

— И страсть! подтвердилъ Извоевъ;—кто вамъ сказалъ что въ моей дѣятельности нѣтъ страсти? Если... если я для нея головы не пожалѣю! вдругъ высказался овъ, и краска мгновенно залила ему лицо.

Клеопатра Михайловна еще по звуку голоса почувствовала что внезапно, жгучее признаніе сорвалось съ языка Извоева. Она взглянула на него изумленными глазами, какъ будто представившаяся ей догадка необычайно поразила ее.

— Вы принадлежите къ тайному обществу! воскликнула она страшнымъ шелотомъ, въ которомъ выразились и любопытство, и страхъ.

Извоева это восклицаніе явно локоробило.

— Ни къ какому тайному обществу я не принадлежу, и на этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны, отвѣтилъ овъ почти рѣзко.

— Но вы социалистъ?

— Не знаю... усмѣхнулся Извоевъ.—Зачѣмъ такіа громкіа слова? У нашего народа есть нѣчто поллучше социализма.

— То-есть чтò же?

— Община, не выдуманная, не алгебраическая, какъ у социалистовъ, а коренная, стихійная, историческая, вышедшая изъ народнаго представленія о землѣ-кормилицѣ и о правѣ каждаго на участіе въ общемъ народномъ землевладѣніи, объяснилъ Извоевъ.

— Но у крестьянъ, какъ это уже извѣстно, распространено мнѣніе что вся земля должна имъ однимъ принадлежать, возразила Хвоцева.

— Это и есть стихійная правовая идея, и вмѣстѣ съ тѣмъ историческая, подтвердилъ Извоевъ.—Личное или государственное землевладѣніе было всегда результатомъ насилія.

„Я не ошиблась“, подумала Хвоцева;—„но это во всякомъ

случаѣ очень любоблѣтно. И учитель, и этотъ неизвѣстный господина должно-быть такіе же... А Григорій Никитичъ и не подозреваетъ... это забавно.“

— Но вы, конечно, сознаете что осуществить ваши идеи можно только путемъ революціи? сказала она.

Извоевъ помахалъ ладкой.

— За осуществленіе я не берусь, отвѣтилъ онъ;— я только хочу чтобы народъ понималъ самого себя и свой идеалъ.

— Другими словами, вы занимаетесь пропагандой? продолжала Хвоцева.

Извоевъ нахмурился.

— Къ чему опять мудренныя слова? Я говорю народу то самое что сейчасъ сказалъ вамъ, что говорю Глѣбу Дмитричу и всякому кто захочетъ со мною разговаривать, отвѣтилъ онъ.— Но вотъ мы и дошли.

Они дѣйствительно были ужь у самого сада. Клеопатра Михайловна оставовилась и съ задумчивымъ видомъ протянула руку.

— Я не ожидала что мы такъ скоро станемъ такими близкими другъ другу... сказала она съ зазвучавшею въ голосѣ лаской.

— Близкими? переспросилъ съ страннымъ выраженіемъ глазъ Извоевъ.— Близкими по образу мыслей? Я не думаю.

— Вы еще не знаете что у женщинъ не бываетъ своего образа мыслей? возразила Хвоцева.

Ея рука оставалась въ рукѣ Извоева. Она, засмѣявшись, подвела ее къ его губамъ.

— Развѣ вы не хотите поцѣловать? сказала она.

Извоевъ вслыхнулъ и наклонившись прижалъ къ губамъ красивую, нѣжную, лахнувшую какими-то неизвѣстными ему дулами руку.

— Я бы хотѣла васъ часто, очень часто видѣть, Михайло Ивановичъ, продолжала Хвоцева.— То о чемъ мы говорили не такъ незначительно чтобы могло окончатся случайными встрѣчами... Вы должны быть у насъ.

Извоевъ въ смущеніи двигалъ по головѣ фуражкой.

— Я здѣсь кромѣ какъ у Глѣба Дмитрича рѣшительно ни у кого не бываю... отговаривался онъ.

— Ну приходите въ садъ... пригласила Хвоцева.

Извоевъ взглянулъ на нее внимательными и недовѣрчивыми глазами.

— Вы хотите? спросилъ онъ какъ-то странно.

Клеопатра Михайловна отвѣтила такимъ же выразительнымъ взглядомъ.

— Хочу, сказала она, и принужденно засмѣялась.

Отъ этого смѣха нервы Извоева жутко вздрогнули...

XXXI .

Въ губернской гимназiи, куда его отдали уже въ запоздаломъ возрастѣ, Извоевъ учился хорошо, хотя способности развивались въ немъ туго. Боря прилежанiемъ и въ особенности физическою неутомимостью, онъ надѣялся благополучно окончить курсъ и мечталъ объ университетѣ, но судьба его повернулась иначе. Вѣчно львовскiй отецъ вдругъ взял его изъ лятаго класса и увезъ на хуторъ. Мальчикъ, сбитый съ толку, сперва заскучалъ, потомъ ловемногу втянулся въ деревенскую прелесть. Отецъ продолжалъ пить и безобразничать; Миша привыкъ проводить дни безо всякаго умственного дѣла и даже радъ былъ что уже не придется твердить уроки и готовиться къ экзаменамъ. Здоровый, подвижной, непроницаемый ни для какихъ нематерiальныхъ впечатлѣнiй, онъ велъ благополучное существованiе недоросля, которому въ будущемъ не угрожаетъ даже бремя юнкерскаго званiя. Но къ двадцати годамъ и мысли, и характеръ его значительно измѣнились. Столкновенiе ли съ другими болѣе сильными натурами поваяло на него, или просто годы взяли свое, только онъ сталъ очень тяготиться своимъ положенiемъ и тосковать о недоковченномъ ученьи. Вернуться на прежнюю дорогу было уже невозможно. Извоевъ привыкъ читать сначала изъ любопытства, изъ смутнаго стремленiя узнать что знаютъ другiе, потомъ систематически, настойчиво, съ опредѣленною цѣлью доковчить прерванное образованiе. Читалъ онъ только по-русски, руководствуясь новизной и газетною рекламой, и читая всасывалъ въ себя все недомыслимое, бездарно-хлесткое, тощее и вымученное, наводящее нашу литературу. Съ его природнымъ добродушиемъ и со здоровыми соками, высосанными изъ деревенской жизни, чтенiе это произвело страшное, диковинное сочетанiе. Онъ, стоявшiй въ такихъ простыхъ и близкихъ отношенiяхъ къ мужику-сосѣду, сдѣлался носителемъ какой-то химически

разогрѣтой любви къ „народу“, какой-то окисленной въ чернилахъ идеи народной правды, какой-то необъятной фальши, въ которой всякая живая, незамученная мысль грязна какъ въ слякоти. На немъ осыла колючь литературныхъ самолюбій оны угоралъ въ похвѣльи чужаго лира: жалкой оргіи недомыслия, мстительной пошлости и холомскаго бунтованія. А простая, хорошая, мягкая натура все-таки брала свое, проявляясь въ безконечныхъ противорѣчійхъ съ потугами замутившейся мысли, въ истинной любви къ тому что окружало его и жила дѣйствительною жизнью, въ дружескомъ чувствѣ къ Глѣбу Дмитричу, въ болѣзненной отзывчивости къ положенію отца, наконецъ въ неутомкающихъ, смутныхъ голосахъ, звучавшихъ гдѣ-то въ душѣ, въ сердцѣ, звавшихъ къ неискалѣченнымъ, къ мелодогрѣтымъ химически, къ здоровымъ ощущеніямъ молодости.

Сегодня эти голоса звучали особенно рѣзко и настойчиво. Неожиданная встрѣча съ Клеопатрой Михайловной, красота которой съ перваго раза произвела на него очень сильное впечатлѣніе, ихъ долгій разговоръ, полный откровенныхъ и неожиданныхъ признаній, обаяніе почувствованной ласки, все смущало и раздражало Извоева, и олутовало воображеніе и мысль незримыми и властными лутами, заставлявшими мечтать. Но это не были неопредѣленные, неустановившіяся мечты о женщинѣ, о любви, о счастьи. Ему казалось что оны ужь умель въ себя частицу этого неизданнаго и необъятнаго счастья, и нервы радостно и жутко отзывались на новое ощущеніе, и чувствовать въ себя это ощущеніе было страшно. Оны припоминалъ все сказанное, весь обѣтъ признаній, и боялся довериться, лугался неотразимаго обаянія... „Пустое, не повѣрю я чтобъ она въ самомъ дѣлѣ томилась своею жизнью... Ушла бы... Капризъ воображенія, привычка создавать красивые положенія“... думалъ оны и припоминалъ опять предостерегающія слова Глѣба Дмитрича. Оны усиливался отодвинуться отъ неотступнаго образа, чтобы лучше разглядѣть его живыя краски. Но живой образъ властвовалъ, и оны чувствовалъ эту власть. А тутъ еще какой-то неизвестный господивъ съ загадочнымъ приглашеніемъ... Извоевъ никогда еще не былъ такъ смущенъ и растревоженъ.

Оны рѣшилася во всякомъ случаѣ пойти куда его звали и посмотреть что окажется.

Много гдѣ Федоръ Степановичъ обыкновенно располагался со своими рыболовными принадлежностями было ему хорошо извѣстно. Придя туда, онъ однако никого не засталъ. Но шагахъ въ пятьдесятъ стояла полуразвалившаяся сторожка, изъ которой нѣкогда караулили господскій покосъ, отомедшій теперь къ крестьянамъ. Извоевъ прошелъ туда и увидѣлъ Федора Степановича, сидѣвшаго на обрубкѣ предъ копной соломой, на которой расположился давшій незнакомецъ. При видѣ Извоева оба они встали и пожали ему руку.

— Вотъ прекрасно, я очень вамъ благодаренъ, проговорилъ незнакомецъ, бросивъ на него свой допытывающійся взглядъ и тотчасъ потупившись. — Чтобъ объяснить вамъ почему я такъ хотѣлъ васъ видѣть, я долженъ сказать что давно уже знаю васъ по разказамъ и письмамъ Федора Степановича... и другихъ лицъ. Ваша дѣятельность мнѣ близко извѣстна, и незначимъ прибавить съ какимъ сочувствіемъ мы къ ней относимся, то-есть я и... другіе.

Употребленное два раза слово „другіе“ онъ произнесъ скороговоркой, какъ-то вполосицу, и потупился.

— Позвольте узнать съ кѣмъ я имѣю честь говорить? спросилъ Извоевъ.

— Стышичъ, отвѣтилъ такую же скороговоркой незнакомецъ. — Имя мое впрочемъ ничего не можетъ вамъ объяснить, такъ какъ я здѣсь всего второй разъ въ жизни, и на самое короткое время. Я къ вамъ обратился не отъ своего лица, а отъ имени тѣхъ кто меня послалъ, добавилъ онъ, и бросилъ въ глаза Извоеву быстрый, допытывающій взглядъ.

— Кто же васъ послалъ? спросилъ Михайло Ивановичъ.

Назвавшій себя Стышичемъ чуть примѣтно улыбнулся. Извоеву не понравилась эта скользящая, сухая и нѣсколько надменная улыбка.

— Люди, которые съ величайшимъ интересомъ слѣдятъ за вами и совершенно одобряютъ вашу... дѣятельность, отвѣтилъ Стышичъ.

— Но какая же моя дѣятельность и кому любопытно слѣдить за мною? возразилъ Извоевъ, начиная впрочемъ догадываться съ какимъ таинственнымъ посланцемъ онъ имѣетъ дѣло.

Стышичъ между тѣмъ досталъ изъ кармана портъ-сигаръ, взялъ папирску и предложилъ Извоеву и Федору Степановичу.

Посадивъ, усѣвшись опять на своемъ обручкѣ, все время молчалъ и только изподлобья, мрачно и вѣсть какъ бы съ тайнымъ торжествомъ взглядывалъ на Михаила Иваныча.

— Кто эти люди, для насъ съ вами покажѣтъ все равно, продолжалъ Стышичъ съ тою же полубрезгаивою улыбкой на тонкихъ губахъ;—довольно что они насъ знаютъ и имѣютъ въ виду. Мое появленіе здѣсь вызвано именно потребностью соединить людей идущихъ въ одиночку къ одной и той же цѣли, работающихъ въ разбродъ и теряющихъ при этомъ значительнѣйшую часть силъ. Мнѣ извѣстно что я могу говорить съ вами откровенно, и потому прибавлю что время настало, часъ пробѣлъ, переходъ отъ подготовительной работы къ открытой и организованной дѣятельности рѣшенъ безповорото. Выстрѣлъ сдѣланный Второю Засудичъ оловѣстилъ объ этомъ друзей и враговъ.

Извоевъ провелъ рукой по абу и посмотрѣлъ на Федора Степановича: тотъ продолжалъ молчать, мрачно уставя глаза въ копы сѣна. Михайло Ивановичъ перенесъ взглядъ на Стышича.

— Но кто же собственно насъ прислалъ? спросилъ онъ.

— Тѣ которые стоятъ во главѣ дѣла, отвѣтилъ таинственный посланецъ.—Вы можетъ-быть хотите знать имена? добавилъ онъ съ провнческою усмѣшкой.—Ихъ никто не знаетъ.

— Я хочу знать, почему ко мнѣ обращаются, возразилъ Извоевъ.—Я не революціонеръ, и никогда ни съ кѣмъ изъ революціонеровъ не имѣлъ никакихъ сношеній. И я собственно ничего не дѣлаю. Я толкую съ крестьянами, потому что живу среди нихъ, но до этого кажется никому нѣтъ дѣла если не считать полиціи... Она впрочемъ у насъ не очень любопытна.

— Но вы видите что кому-то есть до насъ дѣло, возразилъ въ свою очередь Стышичъ все съ тою же презрительною усмѣшкой на губахъ и въ глазахъ.—Вы здѣсь живете удивленно, знаете только себя, только непосредственно окружающее васъ; но есть люди стоящіе на верху, въ центрѣ, которые видятъ все, не одну даже Россію, а весь міръ, всю огромную часть человѣчества, томящуюся подъ бременемъ неразрѣшеннаго соціальнаго вопроса. Предоставьте людямъ съ такимъ обширнымъ кругозоромъ руководить общимъ движеніемъ, соображать часъ и мѣсто, отдавать пароль и лозунгъ.

Извоевъ пожалъ плечами.

— Я долженъ вамъ ясно сказать что не принадлежу ни къ какой организаціи и не буду принадлежать, отвѣтилъ онъ.

— Никто васъ не тянетъ ни въ какую организацію, возражалъ Стышичъ;—я вамъ говорю только что настала часъ дѣйствовать, что силы сосчитаны и каждый рядовой долженъ находиться на своемъ посту. Ничего новаго вамъ противнаго вашимъ убѣжденіямъ отъ васъ не потребуютъ. Я уловомячю только пригласить васъ дѣйствовать попрежнему и сообщить что эту дѣятельность признаютъ въ высшей степени важною, и что отнынѣ она будетъ еще важнѣе, потому что мы приведемъ ее въ связь съ общимъ движеніемъ. Я вамъ сказалъ: шедшіе въ разбродъ будутъ идти вмѣстѣ.

Федоръ Стелановичъ при этомъ вдругъ повернулъ лицо къ Извоеву.

— Что жь, лучше сидѣть у моря да погоды ждать? произнесъ онъ семинарскимъ баскомъ.—Слышите вѣдь: каичъ каикаютъ. Небось тамъ лучше знаютъ. Или: и хочется, и колется, и бабушка не велитъ?

Извоевъ повторилъ движеніе плечами. Онъ убѣдился что волче-дольскій учитель уже столкнулся со Стышичемъ и не только за свой, но и за его счетъ. Это его раздражало. Онъ бросилъ окурокъ палпирсы и сѣлъ въ углу на солому.

— Мыѣ рѣшительно все равно какъ тамъ меня считаютъ... какіе-то неизвѣстные мыѣ люди... сказалъ онъ.—Я бы желалъ только чтобы меня оставили въ покоѣ. Въ революцію я не пойду и даже не вѣрю въ нее.

По губамъ Стышича пробѣжала зѣбная улыбка.

— А во что же вы вѣрите? спросилъ онъ.

— Въ народъ, отвѣтилъ Извоевъ;—вотъ когда онъ самъ подымется, тогда я пойду съ нимъ.

— Такъ-съ, вѣжливо и спокойно промолвилъ Стышичъ, хотя глаза его сохраняли прѣжнее ироническое выраженіе.—Только извѣстно ли вамъ хотя бы изъ исторіи чтобы когда-нибудь народъ самъ подымался? И позвольте васъ спросить, вотъ эта ваша дѣятельность... ваши толки съ мужичками, все это не имѣетъ цѣлью помочь народу... подыгаться?

— Да, то-есть объяснить ему его собственную душу... отвѣтилъ Извоевъ.

— Идеология... небрежно промолвилъ Стышичъ.—Но въ концѣ концовъ вы признаете что „подыгаться“ надо и что

безъ этого ничего не сдѣлается? Я, сдѣловательно, принципиально не имѣю надобности съ вами спорить. Но обратитесь къ сторонѣ практической. Полагаете ли вы что будетъ лучше если народъ подымется самъ по себѣ, только потому что разнуздаются инстинкты? Миѣ кажется что мы уже далеко ушли отъ времени Пугачева и этотъ идеалъ вѣскольکو устарѣлъ для нашего времени.

— То-есть что именно вы хотите сказать? не повялъ Извоевъ.

— Я хочу сказать, продолжалъ докторальнымъ тономъ Стыщичъ,— что революція должна быть сдѣлана интеллигенціей при помощи народа. И такъ полагаютъ *тамъ*. Поэтому необходимо ловить настоящій моментъ когда всеобщее недовольство достигло высшей стелени. Вы отдаете ли себѣ отчетъ въ современномъ положеніи дѣла? Война тяжкая и жестокая только-что кончилась; несмотря на финальные эффекты, общество глубоко поражено и раздражено обнаруженною въ ней неурядицей, неспособностью, эгоизмомъ, безнаказанностью. Затѣмъ что? Санъ-Отефанскій миръ отдавъ въ каскаціонную инстанцію европейскаго концерта... вы посмотрите что намъ приготовить въ Берлинѣ! Национальное чувство оскорблено больше чѣмъ во времена Тильзитскаго свиданія, и это оскорбленіе почувствовано всюду, о немъ кричатъ въ гостиницахъ и въ кабакахъ. А тутъ неурожай, какаѣ-то новыя чума, жукъ, пожаръ: цѣлыя города горятъ! неоплатный дефицитъ, бумажный рубль доведенный до полтавника, паника не только на биржѣ, но въ каждой лавкѣ, въ каждомъ хозяйствѣ. И вы думаете что можно безнаказанно пропускать такіе моменты? Одно изъ двухъ: или у васъ есть смыслъ и дѣла, или нѣтъ; или вы годитесь на что-нибудь, или нигуда не годитесь!

При послѣднихъ словахъ голосъ Стыщича зазвенѣлъ такимъ презрѣніемъ что Извоева неволью передернуло.

— Да, Михайло Ивановичъ, одно изъ двухъ! вдругъ сказалъ Федоръ Степановичъ, поднимаясь во весь свой огромный ростъ, съ лицомъ озареннымъ какимъ-то бессмысленнымъ восторгомъ.

Извоевъ сдѣлъ на солонѣ, согнувшись, залустивъ пальцы въ волосы и не глядя ни на кого.

XXXII.

Разказывая такъ нескромно о легкомыслии Нестужева, Блелопатра Михайловна можетъ-быть не представляла себѣ насколько серьезно ея разказъ будетъ принятъ Ларисой. Она не хотѣла причивить ей большаго зла. Она привыкла къ беспощадности, съ которою въ свѣтѣ женщины наносятъ другъ другу ядовитыя раны и знала очень хорошо что боль отъ этихъ ранъ обыкновенно не продолжается дальше сѣдующаго дня.

Но Лариса не была свѣтская дѣвушка. Она не выросла въ томъ преждевременномъ и фальшивомъ знааніи жизни которое въ сущности есть лишь знааніе мелкаго эгоизма, управляющаго мелкими натурами. Ее не учили что чувство двигаетъ людьми только въ романахъ, что любятъ только на словахъ и что эти слова нужны только какъ нарядная отдѣлка на некрасивой, но прочной матеріи, сотканной изъ серьезной пряжи: изъ богатства, положенія, карьеры, приличія. Она, напротивъ, думала совсѣмъ другое, искала другаго, вѣрила въ другое. Она думала что самый серьезный вопросъ для женщины: полюбить человѣка котораго можно любить всю жизнь. Когда ей случалось мечтать, будущее представлялось ей не иначе какъ въ этихъ необходимыхъ условіяхъ своего собственнаго личнаго счастья. Жизнь въ которой люди живутъ для себя и другъ для друга не изъ эгоизма, а оттого что это собственное счастье слишкомъ серьезно,— вотъ о чемъ думала Лариса, оглядываясь, сравнивая себя съ другими, усаживаясь разрѣшить своею неопытною мыслью мудреный вопросъ будущаго.

Когда она ближе узнала Нестужева, когда она убѣдилась что онъ не просто интересенъ и симпатиченъ для нея, но что она любитъ его, ей показалось будто этотъ мудреный вопросъ разрѣшается самъ собой. Она видѣла въ Иллотѣ именно такого человѣка съ которымъ легко жить, котораго легко любить: мягкая, впечатлительная натура, обѣщающая долго оставаться молодою, тонкіе нервы, достаточно ума и сердца и очень много жажды труда, дѣятельности, щедрого расхода еще ветромутыхъ силъ... Лариса вѣрила въ этотъ образъ, и чувство спокойнаго, тихаго счастья закралось ей

въ душу и словно заворожило ее. Этимъ чувствомъ она жила длинныя два года, проведенныя Нестужевымъ на войнѣ. Ей бывало скучно, ей бывало тревожно, но она говорила себѣ: когда онъ вернется, я буду знать... и ужъ тогда навсегда... И она была рада испытанію, рада этимъ двумъ годамъ уединенія, серьезной думы, услокоенной надеждой ожиданія.

Съ его прїѣздомъ все олять задрѣло, зазвучало веселыми лѣсьями, заговорило въ душѣ горячими, полными совершенно новой силы голосами. Любовь сказалась. Лариса и не подозрѣвала что въ эти два года разлуки чувство укоренилось, созрѣло, обогатилось еще неизвѣданными волненіями. И всякій кто наблюдалъ бы спокойное выраженіе ея неразгорающихся глазъ, его мраморную улыбку, какъ бы холодное сіяніе всего этого прелестнаго, серьезнаго и неотразимо привлекательнаго лица, безъ сомнѣнія не догадался бы сколько глубокихъ впечатлѣній и перваго трепета таить начинающее жить сердце. Въ ней продолжалась все та же внутренняя работа, оглядка назадъ и по сторонамъ, провѣрка всего что она видѣла и понимала въ Нестужевѣ, но эта работа становилась все труднѣе. Лариса замѣчала что два года не прошаи даромъ, что она стала требовательнѣе, что являлась страшная, жуткія и тяжелыя минуты, когда мысль расходилась съ сердцемъ, когда она заставляла себя что-то такое не думать, чего-то не принимать такъ какъ говорило первое впечатлѣніе. Ей бывало страшно лоймать себя на этомъ невольномъ насиліи...

„Нѣтъ, не надо допускать себя“, думала она въ такіа минуты, словно стараясь взять себя въ руки. „Такъ можно создать изъ себя отвратительный характеръ. Ипполитъ славный. Онъ такой честный... ужасно честный. Что онъ ушелъ на войну когда ничто не принуждало его, и не хочетъ оставаться въ военной службѣ когда война кончилась, это тоже ужасно хорошо въ немъ. Онъ искренній и... мягкій какъ его шелковые волосы. И наконецъ я люблю его. Развѣ я могла бы полюбить еслибъ онъ не былъ такой!“

И вдругъ нѣсколько минутъ разговора съ Клеопатрой Михайловной, незамысловатый разказъ услужливо сообщенный для назиданія неопытнаго сердца, нѣсколько капелекъ провіи, той надменной, ядовитой провіи, которою всегда сильныя люди матеріальныя, не вѣрующіе и презирающіе.... Лариса внутренне вся вздрогнула, какъ подъ ударомъ бича.

Совнце немилосердо легло когда она торопливыми шагами

перевѣгала садъ, потомъ оврагъ. Горячій воздухъ, наносимый съ поля, обжигалъ лицо. А она шла все скорѣе, пересиливая усталость. Ей было душно, больно, въ глазахъ стояли слезы, сердце безпокойно трепетало подъ внезапно надавившею на него тяжестью. Но она хотѣла скорѣе увидѣть его, сказать ему.... что сказать, она не знала, это скажется само собою..

Нестужевъ не ожидалъ ея въ этотъ часъ и не вышелъ на встрѣчу. Лариса вбѣжала въ комнату, не подумавъ о своемъ взволнованномъ, разгорѣвшемся лицѣ и о красныхъ пятнахъ остававшихся высушенными горячимъ вѣтромъ слезами. Въ залѣ она столкнулась съ Василиемъ Андреевичемъ.

— Что съ вами? Неужели лѣшкомъ въ такую жару? удивилась она.

— Да, лѣшкомъ... разсѣянно, еще не придя въ себя, подтвердила Лариса.—Въ саду мнѣ показалось не такъ жарко, я и пошла; а потомъ уже не стоило возвращаться, прибавила она съ ласковою, словно виноватою улыбкой.

— Но у васъ даже пятна на лицѣ... посмотрите, еще сыль будетъ... безпокойнася Василий Андреевичъ.—Экая вы неосторожная! А Настя съ вами?

— Нѣтъ, она.... не пошла, отвѣтила Лариса, взглядывая въ зеркало, и сама испугалась не красоты, а страннаго выраженія своего лица.

Анна Петровна тоже пришла въ ужасъ.

— Уксусомъ, уксусомъ съ водой обереться надо. Огуречной-то воды у меня нѣтъ теперь.... Какъ это можно, право! укоризненно замѣчала она.

Все это участіе, люболытство, раздражало Ларису.

— Ахъ, не надо! капризно отказалась она.—Вы точно всѣмъ не рады, зачѣмъ я пришла, тотчасъ прибавила она мягко, съ насильною улыбкой.

— Ну, вотъ ужъ неудачно сказали! отозвался почти обидѣвшись Василий Андреевичъ.

Анна Петровна такъ кончила тѣмъ что увлекла Ларису въ свою комнату и заставила вытереть лицо уксусомъ съ водой. Ничего не знаяшій Нестужевъ не появлялся. „Можетъ-быть его нѣтъ?“ подумала съ тоской Лариса, не рѣшаясь спросить. Наконецъ Василий Андреевичъ догадался сходить за нимъ и пригласилъ всѣхъ на балконъ, куда въ виду неопредѣленнаго времени между завтракомъ и обѣдомъ подали чай и землянику со сливками. Надо было просидѣть по крайней мѣрѣ

полчаса на этомъ балконѣ, слушая неутраченную боковую счастливыхъ сулруговъ, у которыхъ къ несчастію въ этотъ день совсѣмъ не было гостей. У Ларисы наконецъ не хватило терпѣнія; при томъ Зимовьевы безъ сомнѣнія догадывались объ отношеніяхъ молодыхъ людей и сѣдовѣтельно не было необходимости саишкомъ стѣсняться предъ ними.

— Нѣтъ, въ саду все-таки лучше, сказала Лариса, отодвигая тарелочку съ клубникой, которую должна была насильно ѣсть.—Пойдемте, добавила она Нестужеву.

Тотъ давно съ безпокойствомъ замѣчалъ извѣщенное выраженіе ея лица и боялся узнать что-нибудь непріятное, о какой-нибудь враждебной выходкѣ Григорія Никитича.

— Вы хотите что-то сообщить мнѣ? спросилъ онъ, тревожно наклонясь къ ней какъ только они очутились одна подъ непроходимую тѣнь дубковъ и кленовъ.

— Да, отвѣтила Лариса, послѣшшо уда впередъ, какъ будто ей хотѣлось начать разговоръ дальше отъ дома.

— Что-нибудь нехорошее случилось?

— Да, очень нехорошее, подтвердила Лариса.

Она вдругъ остановилась и быстрымъ, лоянымъ горькаго недоумѣнія взглядомъ оглянула Нестужева съ головы до ногъ.

— Но что такое? Ради Бога! проговорилъ онъ, невольно смутившись подъ этимъ взглядомъ.

— Мнѣ надо съ вами объясниться, Ипполитъ Сергѣичъ, сказала Лариса.—Я для того и пришла.... нарочно....

Позади нея стояла скамейка. Она оглянулась и сѣла. Только теперь она почувствовала страшную усталость, которая совсѣмъ разбила ее. „Но вѣдь я еще ничего не знаю, вѣдь все это вѣроятно вздоръ.... Не можетъ этого быть, не можетъ....“ носилось въ ея разбѣгающихся мысляхъ. Нестужевъ присѣлъ подѣл нея и схватилъ ея руки.

— Да скажите же, не мучьте меня! проговорилъ онъ.—Вы такъ странно на меня смотрите.... я готовъ Богъ знаетъ что подумать!

Лицо Ларисы въ самомъ дѣлѣ имѣло такое страшное выраженіе какого онъ никогда не видѣлъ.

— Другая на моемъ мѣстѣ вѣроятно поступила бы иначе... сѣдела бы видѣ что смѣется, стала бы спасать прежде всего свое самолюбіе... продолжала Лариса, опустивъ къ ногамъ зонтикъ который забыла закрыть.—Я и пытаться не буду; какая надобность? Вы знаете что я... что я считала что вы

любите меня, и что это важно... не для самолюбія. Я не притворялась и мнѣ въ голову не приходило чтобы можно было притворяться. Я вамъ прямо скажу: у меня былъ разговоръ съ Клеопатрой Михайловной...

Нестужевъ встрелемулся.

— И что жь она вамъ сказала? спросилъ онъ, слегка блѣднѣя.

— Она очень удивила меня своею откровенностью, которой я вовсе не добивалась отъ нея, отвѣтила Лариса.— Ей вѣроятно было очень пріятно разказать мнѣ всю эту сцену которая произошла между вами въ тотъ день какъ пріѣзжалъ Глѣбъ Дмитричъ... въ саду, въ лавальюнѣ.

— Она разказала вамъ! воскликнулъ, кусая усы, Нестужевъ.— Но вѣдь вы съ самаго начала замѣтили что она за что-то ненавидитъ насъ обоихъ!

— Такъ это правда! вымолвила внезапно улавшимъ голосомъ Лариса, и откинулась на спинку скамейки. Зонтикъ выскользнулъ изъ ея руки и покачиваясь описалъ кругъ по песку дорожки.— Такъ она не солгала! повторила она, сжимая похолодѣвшими пальцами мягкія складки платья.

— То-есть я не знаю какъ она вамъ разказала, произнесъ Нестужевъ;— можно вѣдь совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ представить....

Лариса не отвѣчала. Она глядѣла прямо предъ собой широко раскрытыми, темными глазами, и лобнѣднѣвшее лицо ея приняло неподвижное, мраморное выраженіе. Нестужевъ, еще не оправившись отъ смущенія, молча кусалъ комчики усовъ. Лариса вдругъ выпрямилась и мечаяннымъ движеніемъ ноги толкнула зонтикъ который олять сдѣлалъ кругъ по песку. Нестужевъ наконецъ догадался поднять его.

— Мерсі, поблагодарила Лариса и встала. Плечи ея чуть замѣтно вздрагивали.

— Такъ вотъ чѣмъ... чѣмъ кончилось, проговорила она съ короткимъ, страннымъ смѣхомъ, и не въ силахъ больше владѣть собой, снова опустилась на скамью и сжала лицо холодными, блѣдными руками.

XXXIII.

Нестужевъ бросился къ ней, схватилъ ея руки и съ силой отвылъ ихъ.

— Лара, что вы такое сказали, Богъ съ вами! проговорилъ онъ подавленнымъ голосомъ, чувствуя что самъ весь холодеетъ.— Да развѣ можно такъ? Одна глупая минута неосторожности, и вы Богъ знаете какъ все приняли... развѣ я знаю что такое она наговорила вамъ? Лара, вы всегда такая умная были... не мучьте же насъ обоихъ, рассудите, выслушайте меня!

Лариса вырвала руки и встала. Выраженіе ея лица было холодное, почти жестокое.

— Если это было, то было такъ какъ мнѣ рассказали, возразила она съ такою же спокойною жестокостью въ голосъ.— Зачѣмъ мнѣ еще васъ смущать? Что вы можете сказать? Что поддались увлеченію? что съ вами кокетничали, играли на самолюбіи, на тщеславіи? что не было ничего серьезнаго? Ахъ, да у васъ и не можетъ быть ничего серьезнаго, ничего, ничего!

Она сдѣлала шагъ по лѣску аллеи. Плечи ея все также вздрагивали.

— Лара! крикнулъ съ испуганнымъ отчаяніемъ Нестужевъ, и норманство бросившись къ ней, снова схватилъ ея руки и опустился на колѣна. Она съ видомъ нетерпѣнія отвернула голову.

— Лара, вѣдь это невозможно, это бессмысленно! повторилъ онъ потераннымъ голосомъ.— Я знаю, я виноватъ, не такъ какъ вы думаете, но не оправдываюсь, признаю свою вину. Но развѣ нельзя простить? Развѣ я не могу заслужить прощенья, загладить всю жизнь? И что такое? неосторожность, глупость, неумѣнье отвѣчать хитрой интриганкѣ! Еслибъ я самъ искалъ ее, вы могли бы иначе судить. Лара, я виноватъ, я можетъ-быть не стою васъ. Но разорвать... послѣ того что было, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ... разорвать накаанувъ счастья о которомъ я мечталъ, ожиданіемъ котораго жилъ... Лара, это не разсудокъ и не сердце вамъ велятъ, это говоритъ чувство оскорбленія. Дайте ему пройти, умоляю васъ. Не рѣшайте, подождите хоть одинъ день, хоть одинъ часъ: вы будете спокойнѣе...

Лариса медленно повернула къ нему тоскующее лицо.

— Ахъ, вы не понимаете... это скучно, сказала она, чувствуя все ту же боль въ сердцѣ.—Я не оскорблена, я не сержусь, а даже не считаю васъ виноватымъ. Вы такой, что жь тутъ дѣлать! Я считала васъ другомъ, а сама виновата. И я сама прошу васъ прѣстить меня, потому что... потому что вѣдь это больно... тяжело...

Она, шатаясь, вернулась къ скамьѣ и снова опустилась на нее. Голова ея упала на руку, а другою рукой она судорожно искала въ карманѣ платокъ. Платка не было. Слезы медленно текли по ея блѣднымъ щекамъ, и она утирала ихъ ладонями.

— Вы думаете мнѣ ничего не значить... разорвать... говорила она сквозь подавленные, тихія рыданія.—Я знаю, этого не надо показывать... но когда такъ больно... гдѣ ужь тутъ до самолюбія!

— Лара, вѣдь это бессмысленно! за что вы насъ обижаете мучите! повторялъ онъ.—Ну, я виноватъ, вы находите что мнѣ по дѣломъ, хотя это жестоко... Но за что же вы надѣ собой такое дѣлаете? Хотите доставить торжество и Григорію Никитичу, и Клеопатрѣ Михайловнѣ, и сосѣдямъ которые разумеется всё будутъ знать, и Габбу Дмитріичу?

Лариса медленно подняла голову.

— Я объ этомъ не подумала... сказала она съ прошепком.— Нѣтъ, Ипполитъ Сергѣичъ, не берите на себя труда убѣждать меня: не стоить того. Больно, а не скрываю; но когда-нибудь пройдетъ. А предъ сосѣдами я сумью держать себя чтобы не очень уласть въ ихъ мнѣніи. И Габбъ Дмитріичъ если будетъ радоваться, это не оскорбитъ меня.

— Да развѣ я это хотѣлъ сказать! воскликнулъ только теперь появившій свою безтактность Нестужевъ.

Лариса не плакала. Мысль о Габбѣ Дмитріевичѣ внесла новое раздраженіе въ напоявшее ее горькое чувство. Ей хотѣлось не думать о немъ, не припоминать въ эту заую минуту ихъ послѣднихъ разговоровъ, его прощальныхъ предостерегающихъ словъ. Но эти слова, вопреки всему, звучали въ ея ушахъ. „Онъ не стоить васъ. Онъ никогда не дастъ вамъ счастья“... Развѣ онъ могъ это повѣтъ? спрашивала Лариса, и ей казалось будто издалека протянулась надъ нею властная рука, и съ выраженіемъ спокойнаго торжества глядя на нее глубокіе, строгіе и ласковые глаза.

Нестужевъ, смущенный ея молчаніемъ, робко опустила

къ ей встала и дотронулася до ея рука. Лариса какъ будто не замѣчала его.

— Лара, скажите же что-нибудь! скажите что еще не все кончено, что вы еще можете простить меня! молилъ онъ.

Дѣвушка опустила на него тоскующій взглядъ и пожала плечами.

— Вы меня все еще не понимаете, Ипполитъ Сергѣичъ, сказала она спокойно.— Увѣряю васъ, мнѣ нечего прощать. У меня ни одной минуты не было никакого враждебнаго чувства къ вамъ. Мнѣ жаль того что было, жаль своей мечты, я привыкла находить въ ней счастье. Вѣдь вы не хотѣли отнять у меня это счастье? И я не вижу васъ. А вернуть нельзя, надо покориться...

Нестужевъ кажется теперь только поналъ. Онъ внутренно похолодѣлъ весь и проговорилъ глухо:

— Вы не любите меня больше!

Лариса повторила движеніе плечами, и тоскующая улыбка скользнула по ея лицу.

— Нѣтъ, люблю, отвѣтила она съ серіозною и мягкою лаской въ голосъ.— Развѣ можно разлюбить въ одинъ день? Я къ вамъ привыкла... вѣдь вѣсколько лѣтъ... Еслибъ я ужъ не любила, мнѣ не было бы больно. И я долго буду помнить васъ, и долго будетъ больно. Видите какъ у меня мало самолюбія, какъ я откровенно говорю то въ чемъ не сознается ни одна женщина! добавила она съ тою же печальною улыбкой.

Нестужевъ мгновенно засіялъ весь.

— Ну такъ это все вздоръ, я не дамъ вамъ сдѣлать такую глупость, мучить себя, портить двѣ жизни... Лара, вы будете моею женой! вскричалъ онъ, подымаясь во весь ростъ.

Лариса съ разсѣяннымъ видомъ покачала головой.

— Мы имѣли и не должны портить наши двѣ жизни, сказала она.— И не говорите что я хочу что-то сдѣлать; это сдѣлалось безъ меня. Я олятъ скажу: развѣ мнѣ легко? Но быть вашею женой когда вѣтъ вѣры, когда я знаю что не могу забыть что между нами вѣчно будетъ стоять память о разрушенномъ очарованіи, о разсѣянномъ заблужденіи... подумайте какими оласностями мы оба рисковали бы!

— Ничего, ничего этого не будетъ! горячо возразилъ Нестужевъ.— Я не позволялъ бы себѣ убѣждать, молить васъ, еслибы не зналъ какъ я безмѣрно люблю васъ, еслибъ я не былъ увѣренъ въ себѣ. Неужели вы думаете что можно

прожить, сколько-нибудь серьезный романъ безъ водоемій, сомнѣній, взаимныхъ терзаній? Вы говорите: да, вѣрно. Но до вѣрнаго является когда люди ближе знаютъ другъ друга. Чувство въ началѣ всегда подозрительно, въ немъ всегда есть страданіе. Не вы первая, вы должны пройти черезъ страданіе. Не случись Клеопатры Михайловны, случилось бы что-нибудь другое. А то счастье, спокойное, невозмутимое, котораго вы ищете, оно сразу не приходитъ. Развѣ я не мучился пока здѣсь былъ Гдѣтъ Дмитричъ? развѣ вы можете сказать что если мы будемъ мужемъ и женой, вы никогда не дадите мнѣ ни одного терзанія, ни одной мучительной минуты? И вотъ видите, я не боюсь, не отступаю, не говорю что какой-нибудь калрызъ кокетства, шалость самолюбія, могутъ лишить меня вѣры...

Голосъ Нестужева звучалъ искренностью, лицо горѣло. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ искрененъ въ эту минуту, ему было мучительно потерять свою первую молодую любовь, и онъ зналъ что ни съ кѣмъ не найдетъ того счастья которае обѣщала Лариса.

Она молчала и, наклонивъ голову, задумчиво перебирала пальцами кружевную обшивку зонтика. На блѣдомъ лицѣ ея опять легло мраморное выраженіе, и можно было бы подумать что мысль ея блуждаетъ гдѣ-то безконечно далеко отъ того что она слышала.

— Вспомните что вы произнесли приговоръ не позволить мнѣ ни одного слова оправданія, продолжалъ тѣмъ же взволнованнымъ и страстнымъ тономъ Нестужевъ.—Развѣ можно до вѣрять Клеопатрѣ Михайловнѣ? Вы сами съ перваго дня замѣтили что ее раздражаютъ наши отношенія, а теперь она должна быть еще больше зла, потому что вашъ отъѣздъ ставить ее въ глупое положеніе. Разумѣется захотѣлось отомстить и бросить между нами эту глупую слезянку. Ну, она кокетничала, я сначала отвѣчалъ ей почти дерзостями, потому мнѣ это забавно стало, хотѣлось посмотреть что будетъ дальше. Боже мой, да жеужели можно заподозрить здѣсь хоть каплю увлеченія? Если я виноватъ, то только тѣмъ что далъ ей поводъ оскорбить васъ. Но я еще припомню ей это!

Лариса съ видомъ усталости подвинулась со скамьи.

— Дайте мнѣ руку, сказала она равнодушно.

— Лара, одну минуту! испуганнымъ и страстнымъ шепотомъ

могилъ Нестужевъ. — Еслибы все было конечно, есмьбы я въ одну минуту сталъ чужой для васъ, я не смѣлъ бы умолять васъ; но вы сами сказали что еще... любите меня. За что же это насилюе, эта жестокость? Я вамъ говорю, я вамъ клянусь что ни на одно мгновеніе не перестаювалъ все такъ же любить васъ... Я понимаю, словами не убѣдишь, не докажешь. Но вы увидите что вся моя жизнь принадлежитъ вамъ, что придетъ и довѣріе, и счастье...

Лариса стояла, опираясь на его руку, и глаза и все лицо ея хмурились съ выраженіемъ тягостнаго раздумья.

— Намъ обоимъ очень тяжело эта сцена, Ипполитъ Сергѣичъ. Проведите меня въ комнаты... сказала она.

Нестужевъ замолчалъ. Злое отчаяніе овладѣло имъ, мѣшало думать и говорить. Онъ чувствовалъ что уже ничего не можетъ прибавить къ тому что такъ искренно высказалъ.

Оба сдѣлали нѣсколько шаговъ по узенькой тѣнистой дорожкѣ, такъ хорошо укрывавшей ихъ. Дальше, за поворотомъ, шла ужъ открытая аллея прямо къ дому.

— Значитъ мы видимся въ послѣдній разъ? проговорилъ Нестужевъ съ явно выразившеюся злобною нотой въ голосъ.

Онъ взглянулъ на Ларису. Выраженіе тоскливой боли сжало ея похолодѣвшія губы и свело двѣ рѣзкія складки между бровями.

— Да, до Петербурга... произнесла она тихо.

Нестужевъ встрепенулся.

— Вы все-таки ѣдете? спросилъ онъ, недоумѣвая, не зная какъ повать ее.

— Мы ѣдемъ, отвѣтила Лариса. — Что же здѣсь дѣлать? добавила она со своею тоскующею улыбкой, медленно повернувъ къ нему обтаившееся, словно похолодѣвшее лицо.

Нестужевъ внутренно вздрогнулъ, встрѣтившись съ ея полнымъ усмиренаго страданія взглядомъ.

— Но въ Петербургъ... вы мнѣ позволите тотчасъ найти васъ? спросилъ онъ также тихо, съ разгорѣвшеюся, тайною и робкою радостью.

Лариса сдѣлала неопредѣленное выраженіе головой и плечами.

— Ахъ, мнѣ тяжело, Ипполитъ Сергѣичъ, отвѣтила она усталымъ, почти умоляющимъ голосомъ, и отвернулась.

Нестужевъ опять замолчалъ. Они вступили въ полосу яркаго солнечнаго свѣта, и ему казалось какъ будто это солнце

оказало не одну только широкую песчаную дорожку, но и тотъ лачный, собственный его луть, который минуту назадъ прощадъ въ тускломъ мракъ.

На балконтъ видого не было. Лариса осталась и, не свободная руку.

— Просту васъ, не ищите больше случая мама здѣсь увидѣть, не добивайтесь.... сказала она, и быстро отвернувшись, взбѣжала по низенькимъ ступенькамъ.

XXXIV.

Марья Ивановна по лицу Ларисы тотчасъ залодозрила что что-то произошло, что въ ней „что-то дѣлается“. Она всегда очень боялась этихъ невидимыхъ и непонятныхъ для нея внутреннихъ катастрофъ, и по безпредѣльной мнительности своего страстно-любящаго материнскаго сердца считала характеръ дочери гораздо болѣе взбалмошнымъ и опаснымъ чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

— Ты устала вѣрно.... Какъ по такой жарѣ бѣгать! Право, лица на тебѣ нѣтъ.... упрекнула она, когда Лариса, блѣдная серьезная, тихо вошла къ ней въ комнату и сѣла подлѣ окна.— Неужели туда ходила?

— Да.... Мама, когда мы уѣзжаемъ? спросила дочь.

— Да когда? вотъ какъ соберемся, уложимся.... отвѣтила Марья Ивановна.— У тебя не болитъ ли что-нибудь, Ларочка? Право, на себя не похожа.

— Давно все уложено, вѣдь я вижу, возразила Лариса.— Поѣдемъ завтра?

— Что ты, какъ это вдругъ завтра! почти испугалась Марья Ивановна.

Она хоть и знала окончательно что онѣ уѣзжаютъ, что имъ надо уѣхать, но такой близкій срокъ отъѣзда снова подымалъ въ ея робкомъ сердцѣ тревогу и страхъ.

— Да, мама, завтра, повторила Лариса потерявшимъ звучность голосомъ, и скользнувъ равнодушнымъ взглядомъ по встревоженному лицу матери, отвернулась и принялась глядѣть въ окно.

Сердце Марьи Ивановны совсѣмъ упало. И по этому гоносу, и по этому взгляду она убѣдилась что дѣйствительно „что-то дѣлается“, и непонятное, тоскающее чувство мгновенно сообщилось ей самой.

— Дарюка, да кто таков? встревожилась она, подойдя къ дочери и автореально облизнув ее за щеку. — Что-нибудь там?

Лариса, не оборачиваясь, молча показала головой.

— Скажи! кому ждешь? робко настаивала Марья Ивановна.

— Да ничего, мама. Отдайте потя, чтобы дантъ загра ухватить, и все окончено будетъ, отвѣтила наконецъ Лариса, и улыбнулась на встрѣчу беззастѣнливому, допытывающему взгляду матери.

Она встала и разсѣянно оглянулась по комнатѣ. Висѣвшее въ простѣвкѣ зеркало отразило блѣдное, измученное лице. Это отраженіе заставило Ларису съ недовольными видомъ облизнуть брови.

— А что дѣвушка? спросила она.

— Да все не выходитъ, болеть, отвѣтила Марья Ивановна. — Англичахъ разказывалъ, онъ намеднѣсь вздумалъ самъ себя кровь отворять. Сузасобродить ждѣть.

— Я пройду къ нему, сказала Лариса, и пошла.

Марья Ивановна вдругъ чего-то перепугалась и бросилась къ ней.

— Лара, ты что же это затѣвала? спросила она съ побѣднѣвшимъ лицомъ.

— Да полюбите, мама... отвѣтила дѣвушка, черезъ силу улыбувшись своею тоскующею улыбкой.

Ей надо было пройти черезъ весь домъ. На половинѣ дороги она вдругъ остановилась и сѣла на попавшійся стулъ, какъ будто силы разомъ оставили ее. Напряженные нервы просили отдыха, и къ душѣ опять возникало чувство утомленія, недоверія къ самой себѣ, недоверія къ этому трудному шагу который предстояло сдѣлать. Ей вдругъ стало жаль этого стараго дома гдѣ было такъ скучно, этихъ пустыющихъ комнатъ отъ которыхъ вѣяло холодомъ одиноко разцвѣтающей молодости, всей этой жизни, такъ мало дававшей и такъ мало требовавшей. Она обвела глазами вокругъ себя и вспоминала что въ это самое окно видѣла какъ Габъ Дмитріевичъ уѣзжалъ отъ нихъ въ послѣдній разъ. Это случайное воспоминаніе разбудило цѣлый рядъ другихъ. Внезапно ей сталъ понятенъ завопщій смыслъ ихъ послѣднихъ разговоровъ, всего того что въ его словахъ казалось ей высокомерною угрозою, отщепеніемъ уязвимаго самолюбія. „О, вы еще научитесь любить, научитесь и настрадаетесь!“ говорилъ

дѣтъ. И она страдала, и больше чѣмъ когда-нибудь сознавала что любить, но чѣмъ печальнее, больше, перенесла была эта любовь! Неужели чувство только тогда такъ сильно и важно когда заставляетъ страдать? А между тѣмъ онъ, Габъ Джизриавичъ, не вѣрилъ въ ея вѣроуемое. Съ жуткимъ, только теперь объяснившимся ей значеніемъ звучали въ ушахъ его молодяція слова: „Черезъ годъ, черезъ два, черезъ пять лѣтъ изъ васъ выйдетъ превосходная женщина. Тогда будьте осторожны, не шутите своимъ сердцемъ какъ теперь...“ Теперь, развѣ это шутка? развѣ шутка эта тоскующая боля которая давитъ грудь? Но онъ правъ, только страданіе научаетъ любить и понимать чужое сердце. Какъ онъ долженъ былъ страдать!

Она продолжала несколько думать о немъ, и ее не удивляло что она думаетъ какъ-то иначе. Все что ей казалось въ немъ жесткимъ, эгоистически-отрастнымъ, вся его суровая, сухая и презрительная замкнутость, все что лугало и отталкивало въ немъ, теперь привлекало ее. Кто много страдалъ и кто умѣетъ любить, тотъ долженъ быть такой. Это мученіе, но оно кладетъ на человѣка печать отпугивающую его въ толлѣ. Какъ могло случиться что она прежде не понимала его?

Какъ что-то острое и жгучее, въ нейшевельнулась мысль что этотъ человѣкъ тоже можетъ заставить страдать, но не тѣмъ уважительнымъ чувствомъ которое она испытывала теперь. Нельзя потерять вѣру въ того кто овладѣетъ любимую женщиной безпредѣльной силой страсти и могуществомъ ума и воли, кто вѣрство поведетъ ее по своей дорогѣ... Да, но любить его... вѣтъ, любить его нельзя, не надо... Она не даромъ инстинктивно боялась его. Его злой духъ послалъ чѣмъ отнять прелесть неопытныхъ очарованій, чтобы всѣ другіе, которыхъ можно любить, казались такими маленькими, такъ мало заслуживающими любви.

Лариса встала, машинально поправила разстроенную за день прическу, и пошла къ дѣдушкѣ.

Со времени оригинальнаго кровопусканія, Григорій Никитичъ чувствовалъ себя очень слабымъ, не выходилъ изъ кабинета и почти постоянно лежалъ на диванѣ. Онъ даже не могъ играть въ карты и потому комитетъ трехъ генераловъ давно уже не собирался въ полномъ составѣ. Замѣчая что силы не возвращаются, старикъ тайнѣ начиналъ уже

осмыслилась, хорошо ли онъ сдѣлалъ прибѣгнуть къ такому рѣшительному средству, но поспѣть за докторомъ все-таки не согласилась.

Антимъчъ вѣроятно имѣлъ приказаніе влустить Ларису, потому что тотчасъ отворилъ ей дверь.

Голева Григорія Никитича покоилась на высокихъ подушкахъ и лицо имѣло такой желтый, безкровный, болѣзненный видъ что Лариса почувствовала жалость.

— Это ты, внучка, сказала почти ласково старику, олукая снятъ листъ газеты и быстро взглядывая на вопещую слабо оживившимися глазами.—Ну, присядь, спасибо. Я вотъ разнемогся, валяюсь.

— Я боялась раньше потревожить васъ, проговорила Лариса, лица гдѣ бы ей сѣсть. Но податъ нея не было ни стула, ни кресла, и ей пришлось присѣсть на тотъ самый диванъ на которомъ лежалъ дѣдушка.

Она оба чувствовали что имъ ужасно трудно говорить. Въ первый разъ, словно завязавшее въ одинъ общій узелъ, встало между ними все что должно было таиться въ ихъ отношеніяхъ, не имѣя до сихъ поръ повода высказаться. Лариса рѣшилась объяснить прямо.

— Я пришла проститься съ вами и просить васъ простить меня, если въ нашемъ отъѣздѣ что-нибудь... не нравится вамъ, сказала она.

Григорій Никитичъ пересталъ смотрѣть на нее, и на мигновенько вспыхнувшая ласка пропала въ его глазахъ.

— Прощать мнѣ тебѣ нечего... что за вздоръ! проговорилъ онъ, какъ-то странно шевеля углами губъ.—Да и никогда я не прощаю, не умѣю. Уѣзжаете, что жь такое? Опасибо что зашла, навѣдалась. Мнѣ мамаша уже говорила, знаю.

— Я рада если вы такъ на это смотрите, сказала Лариса.— А что я зашла... неужели вы думали что я уѣхала бы не простившись? Я должна поблагодарить васъ за всѣ ваши леченія, за эти восемнадцать лѣтъ которыя мы такъ спокойно прожили у васъ...

Она нагнулась и быстро, прежде чѣмъ Григорій Никитичъ догадался о ея намѣреніи, дотронулась губами до сухой, желтой руки, лежавшей на колѣняхъ. Старика какъ будто передернуло отъ этой неожиданной ласки.

— Что такое? не люблю я.... проговорилъ онъ съ

раздраженіемъ, выхватывая руку.— Проститесь, прошу! ну спасибо. Твоя воля, дѣдушка,—какъ скажешь. Тутъ, окунуть, кто жь говорить! Старый дѣдъ, укарающій, неприятно. Пусть безъ насъ подыхаетъ.

— Что вы, дѣдушка! вы здоровы были, возразила Лариса.— Еслибы мы могли думать что вы нуждаетесь въ нашихъ услугахъ, мы съ радостью остались бы...

Григорій Никитичъ замахаля рукою.

— Пустяки, слова, не люблю, сказалъ онъ.— Словами не сдѣлаешь! Да и не надо. Мнѣ не надо. Я восьмой десятокъ кончаю и никогда не искалъ у людей сердца. Давно... давно ихъ узналъ. И отъ тебя не ждалъ. У тебя кровь бабушки твоей... Нестужевская! Ты тоже будешь врагомъ тѣхъ кто полюбилъ тебя. Зава кровь!

Лицо старика потемнѣло, въ голосѣ слышался хрипъ. Ларисѣ было жалко его и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда онъ не представлялся ей такимъ чужимъ какъ въ эту минуту. „А онъ тоже любилъ... и страдалъ“, шевельнулось въ ея мысли, а почему-то ей показалось какъ будто между нимъ и Гайбомъ Дмитриевичемъ есть что-то общее, какая-то проклятая завязка, что-то эгоистически-страстное и восторженно-гордое, мешающее жить имъ самимъ и тѣмъ кого они любятъ. Она тихо подвинулась съ мѣста.

— Мнѣ жалъ что я, не желая того, причинила вамъ столько огорченія, сказала она.

— Огорченія? повторилъ съ дѣланною проницательностію Григорій Никитичъ.— Я слышкомъ высокъ чтобы огорчаться... Благодарю тебя Богъ, желаю всякаго счастья. Подъумаемъ!

Онъ протянулъ сухую, костлявую руку, обхватилъ Ларису за плечо и поцѣловалъ въ лобъ. На мгновенье что-то жарко блеснуло въ его глазахъ, и они опять потускнѣли.

— Дѣдушка! тихо сказала Лариса.— Вы меня обвинить хотите; за что? Еслибы вы когда-нибудь, хоть вечаанно показали что я не чужая для васъ...

Григорій Никитичъ торопливо заморгалъ слезами рѣсницами.

— Ну что? пустое... по-жельски судить. Не обвиняю, вздоръ. Благодарю тебя Богъ... проговорилъ онъ почти сердито и закрылъ глаза.

Лариса тихо вышла изъ комнаты.

А Григорій Никитичъ приподнялся на подушкахъ, посмотрѣлъ на затворившуюся за нею дверь, обвелъ глазами комнату,

которую сонде прорывало двумя широкими, яркими желтосаами, и веревцы мыслей и воспоминаній, смутныхъ, подвижныхъ то укоризны и горечи, то сокращенія и расквашія, то ожесточенной и ронущей гордыни, овладева ея утомленною головою.

XXXV.

Со времени болѣзни Григорія Никитича и отъѣзда Нестужева, въ Волчьемъ Долѣ обѣдали въ маленькой столовой, на половинѣ Марьи Ивановны. Когда Лариса являлась къ столу, Клеопатра Михайловна напрасно старалась прочитать что-нибудь на ея лицѣ: спокойно-задумчивая, равнодушная и болѣе чѣмъ когда-нибудь сдержанная, Лариса ничѣмъ не обнаруживала пережитыхъ ею въ эти нѣсколько часовъ волненій, и только въ загадочной игрѣ глазъ обнаруживалось что-то новое, созрѣвшее, какое-то нравственное приобритеніе, о которомъ Клеопатра Михайловна не могла судить. Марья Ивановна удивлялась этому спокойствію и невозможно пугалась, какъ пугалась она всегда когда Лариса, какъ ей казалось, „уходила въ себя“, и ея взглядъ часто съ озабченными и словно умоляющими выраженіемъ оставалась на дочери.

„Право, у нея есть характеръ... Какъ жаль что она выросла въ этомъ неаѣломъ домѣ и влюбилась въ армейскаго гусара“... думала Хвощева, раздражаясь меуязвимо-равнодушнымъ видомъ Ларисы и втайнѣ, вопреки этому раздраженію, любясь ею.— „Что мы, съ десяти лѣтъ узнавшія циническую извѣлку жизни, умѣемъ владѣть собою, это не удивительно; но деревенская дѣвушка, воспитанная Марьей Ивановной... въ обществѣ какой-то голубятницы (она взглянула на Настю), какихъ-то рассылающихся кашеевъ и Париса изъ вольноопредѣляющихся... право, она заслуживала бы лучшей участи“.

— Что подѣмывается у нашихъ сосѣдей? вы кажется отъправились туда послѣ нашего маленькаго разговора въ саду? вдругъ спросила она, ловиуясь все-таки увлекавшему ее враждебному чувству.

Ни малѣйшаго смущенія или злобы не выразилось на лицѣ Ларисы. Она даже улыбнулась и весело взглянула на Настю.

— Сосѣди наши очень удивлены что у васъ сегодня нѣтъ

какого изъ гостей, отвѣтила она.—Василій Андреевичъ притомъ чтобъ у него постоянно толкался народъ.

— Но monsieur Нестужевъ безъ сомнѣння продолжаетъ гостить тамъ? не оставилась Клеопатра Михайловна.

— Да, онъ тамъ, объяснила кратко Лариса.

— Впрочемъ онъ такой близкій человѣкъ... его безъ сомнѣння не считаютъ гостемъ, замѣтила петербургская дама.— Следовательно вы имѣли возможность сдѣлать нѣкоторую повѣрку нашего разговора? добавила она, улыбаясь внезапно пріимавшими злой изгибъ губами.

На этотъ разъ что-то злое блеснуло и въ глазахъ Ларисы. Она не могла простить что Хвощева заводитъ этотъ разговоръ въ присутствіи ея матери.

— Да, невозможно... отвѣтила она спокойно.— Больше не могла, мнѣ не хотѣлось касаться вашей собственной роли... Вы должны отдать справедливость моей скромности.

— Но когда же я не отдавала вамъ справедливости! отозвалась совсѣмъ злымъ голосомъ Клеопатра Михайловна.

Марья Ивановна съ тревогой взглядывала то на нее, то на дочь. Она не понимала въ чемъ дѣло, но по мнѣтельности своей уже боялась чего-то. Лариса оставалась совершенно равнодушною.

— Такъ завтра, мама? навѣрное? спросила она, обращаясь къ ней.

— Уѣзжаемъ-то? ужъ не знаю, право, какъ мнѣ собраться-то... отозвалась въ нерѣшительности Марья Ивановна.

Ее и этотъ скорый срокъ все еще смущалъ, но еще болѣе она чувствовала неловкость относительно петербургской гостьи. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, вдругъ такъ уѣхать, а та съ чѣмъ же останется? Она мысленно очень разсердилась на дочь: зачѣмъ заводитъ объ этомъ рѣчь при Клеопатрѣ Михайловнѣ?

— Нѣтъ, мама, ужъ пожалуста, это рѣшено, сказала Лариса, притворяясь что не замѣтила улрекающаго взгляда матери.

На лицѣ Хвощевой выразилось нѣкоторое замѣшательство.

— Вы завтра уѣзжаете? переспросила она съ невольнo проскочившимъ въ голосѣ выраженіемъ непріятной неожиданности.

— Да, сверхъ чаяння такъ это все сошлось... намъ гораздо пріятнѣе было бы остаться до осени, такъ какъ нынѣшнее лѣто, какъ нарочно, предстояло удовольствіе пользоваться вашимъ обществомъ... бормотала Марья Ивановна, конфузясь

и бросая смущенные, укоризненные взгляды на дочь — Григорій Никитичъ, по обыкновенію, ни словомъ не предупредилъ ни насъ, ни васъ, и такъ это какъ-то вышло... я и не знаю что вы подумаете... Какъ намъ извиниться...

— Ахъ, полноте, какія же извиненія? я была бы въ отчаяніи стѣснить васъ, оправдалась Хвоцева. — Григорій Никитичъ вѣроятно ничѣмъ не виноватъ, вѣдь онъ едва ли былъ посвященъ въ ваши намѣренія... Я ему очень обязана, онъ такъ любезно принялъ мое безцеремонное предложеніе...

— Нѣтъ, а вотъ все твержу Ларочкѣ: какъ это мы такую недовкость дѣлаемъ предъ Клеолатрой Михайловной! продолжала Марья Ивановна, не догадываясь что эти извиненія должны быть очень неприятны для петербургской гостыи. — Къ намъ изъ Петербурга, а мы въ Петербургъ!

Лариса, втайнѣ усмѣхаясь, глядѣла на всѣхъ совершенно невинными глазами.

— Но вѣдь я вовсе не собиралась надоедать вамъ тутъ цѣлое лѣто, возразила Хвоцева. — Притомъ, все чего я искала въ деревнѣ, природа, удивленіе, отдыхъ... И я право не понимаю, въ чемъ вы можете извиняться?

„Куда я однако двнусь? Мужъ въ Болгарію, дачи у меня подъ Петербургомъ нѣтъ... Развѣ опять за границу? сообразила она въ то же время про себя. Это мнѣ урокъ. Какъ будто я раньше не знала что нѣтъ ничего хуже провинціальныхъ родственниковъ. Они меня тутъ чуть ли не за нахлѣбницу приняли. Ну, да мы вѣроятно еще встрѣтимся... и я васъ отучу дѣлать эти невинные глаза, Лариса Григорьевна!“

Неожиданное звяканье какого-то надтреснутаго колокольца заставило въ эту минуту всѣхъ взглянуть въ окно. Къ крыльцу подѣхала запыленная бричка самаго невзрачнаго вида, и изъ нея, сгибаясь и вылачивая голову, вытѣзала долговазая фигура, обремененная въ гороховый „макферланчикъ“.

— Кто бы такой? удивилась и поморщилась Марья Ивановна. Лариса тоже не знала.

— Ахъ, это тотъ что былъ у брата! важный такой, еще за Татьяной Ивановной ухаживалъ! припомнила Настя, обладавшая необычайно острымъ зрѣніемъ и памятью на лица.

Пріѣзжій дѣйствительно былъ никто иной какъ Кокъ, прибывшій въ Волчій Долъ „знакомиться съ помѣщиками и искать хорошаго общества“, потребность въ которомъ онъ ощущалъ особенно сильно послѣ продолжительнаго пребыванія въ лѣтнюю у Татьяны Ивановны.

— Правда, онъ не могъ выбрать для начала болѣе неудобнаго времени. Дакей на его вопросъ о Григоріи Никитичѣ отвѣчалъ что ихъ превосходительство нездоровы и никакого не могутъ принять. Но Кокдъ былъ не изъ тѣхъ кого можетъ смутить подобная неудача.

— А Марья Ивановна? спросилъ онъ, слегка вылачивая губу.

Откуда онъ зналъ о существованіи Марьи Ивановны, это одному Богу вѣстно, и можетъ быть объяснено только особеннымъ чутьемъ, благодаря которому люди подобные Кокдъ, куда бы ни занесла ихъ судьба, всегда тотчасъ узнаютъ весь составъ мѣстнаго общества.

— Марья Ивановна дома-съ... отвѣтилъ слуга, которому чуть ли не впервые приходилось принимать незнакомаго посетителя.

Кокдъ растегнулъ макферлачикъ, сбросилъ его на руки лакею и приказалъ доложить о себѣ.

Черезъ минуту онъ уже входилъ въ пустую гостиную, презрительно оглаживаясь на ея подливное убранство и охорашиваясь предъ огромнымъ зеркаломъ, отразившимъ его съ головы до ногъ. Марья Ивановна, покорная долгу деревенскаго гостепріимства, вышла наконецъ принять его. Кокдъ отрекомендовался съ необычайнымъ достоинствомъ, выразилъ сожалѣніе по поводу болѣзни Григоріи Никитича, вмѣстѣ съ надеждой что завтра ему будетъ лучше и что онъ увидитъ его. Это означало что онъ предполагаетъ остаться. Марья Ивановна, нѣсколько озабоченная, сказала что ему приготовить комнату и кстату вспомнила что онъ можетъ быть не обѣдалъ. Кокдъ выразилъ совершенное согласіе отобѣдать.

— Но мы кочичаи, и потому позвольте чтобы подали къ вамъ въ комнату, предложила Марья Ивановна и приказала слугѣ провести гостя во флигель, очень довольная что можетъ такъ скоро отъ него отдѣлаться.

Кокдъ поблагодарилъ за вниманіе, но прибавилъ что чрезъ часъ онъ разчитываетъ присоединиться къ обществу и быть представленнымъ Ларисѣ Григорьевнѣ, которую имѣлъ удовольствіе видѣть у здѣшняго мирового судьи. Предъ такою настойчивостью Марья Ивановна совѣмъ растерялась и только когда Кокдъ съ небрежнымъ поклономъ уже направился изъ гостиной, догадалась крикнуть ему вслѣдъ:

— У насъ чай въ девять часовъ. Тогда прошу пожаловать.

„Вотъ уяв некоего; и не какому случаю? А все-таки не принимать вельза“, думала она.

В назначенному часу Кокд явился, облеченный въ лѣтнюю пару, хоть и спитую въ Парижѣ еще въ прошломъ году, но представлявшую и своимъ фасомъ, и рисункомъ совершенную новостъ даже для Клеопатры Михайловны. На жилетку ояъ выгустилъ невѣроятное количество самыхъ затѣйливыхъ брелоковъ (одинъ изъ нихъ изображалъ свинью, что также составляло новостъ), а въ тугихъ манжетахъ его сверкали и переливались огнями брилліантова залонки, подарокъ Татьяны Ивановны. Подкрѣпленный такими значительными вѣншинами средотвами, Кокд съ необычайною развязностью вступилъ въ роль свѣтскаго молодого человѣка, окруженнаго дамами. Къ сожалѣнію, дамы были очень мало расположены оказывать ему вниманіе. Марья Иванова думала только о томъ какъ бы поскорѣе отъ него отдѣлаться; Лариса была занята своими собственными мечтами и заботами, и только когда Кокд произнесъ нѣчто совсѣмъ удивительное, взглядывала на него изумленными глазами, и на губахъ у нея дрожалъ смѣхъ. Клеопатра Михайловна чувствовала себя почти оскорбленною появленіемъ этого петербургскаго госта, и старалась дать понять что между ея свѣтомъ и тѣмъ обществомъ гдѣ ояъ вращается нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Очевидно ни парижское платье, ни парижскіе анекдоты, которыми Кокд такъ успѣшно лѣлалъ Татьяну Ивановну, не производили здѣсь впечатлѣнія. Одна только Настя слушала и разглядывала госта съ величайшимъ любопытствомъ; но Кокд сразу понялъ чутвемъ своимъ что Настя существо сравнительно неважное.

„Ну, ояъ хотѣть чтооъ я хвалю деревенскую жизнь“, рѣшилъ Кокд и объявилъ что Волчій Долъ пользуется на его взглядъ прекраснымъ мѣстоложеніемъ и что ояъ съ удовольствіемъ проведетъ здѣсь нѣкоторое время въ такомъ пріятномъ обществѣ.

На этотъ разъ Марья Ивановна не могла удержать улыбки.

— Что до меня съ дочерью, мы завтра уѣзжаемъ отсюда, сказала она.

— Завтра? но зачѣмъ же такъ скоро? спросилъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ Кокд.— Впрочемъ я съ удовольствіемъ буду сопровождать васъ если вы возьмете на себя любезность представить меня тѣмъ къ кому вы ѣдете, вашеся ояъ тутъ же.

— Да мы ѣдемъ въ Петербургъ, объяснила съ ласковою улыбкой Марья Ивановна. Какò одрекинулась на ошибку стула и толкнувъ ногами столъ, такъ что чашки зазвенѣли.

— Какъ же это вдругъ въ Петербургъ? Я не могу остаться въ Петербургѣ... И это за фантазія? гонимъ выте въ Петербургъ не ѣдутъ. Нѣтъ, это... это... нѣ!

Онъ остался въ состояніи неподвижности и только переводилъ озадаченнымъ взглядомъ, словно ища на лицахъ присутствующихъ объясненія страшной мистификаціи.

— И такъ какъ вамъ еще многое надо приготовить къ отъѣзду, то извините если мы теперь же пожелаемъ вамъ спокойной ночи, добавила Марья Ивановна, вставая изъ-за стола.

Какò догадался что находится въ очень глупомъ положеніи.

— Нѣ! а конечно тоже ухажалъ бы еслибы мнѣ не надо было видѣть Григорія Никитича, сказалъ онъ, надменно выпячивая губу.

И вдругъ внезапная мысль осенила его.

— Я имѣю къ нему порученіе отъ Пустобрюхова, объявилъ онъ.—Пустобрюховъ, это который покупаетъ здѣсь все имѣніа.

Онъ конечно не подозревалъ, какой тайный смыслъ имѣла для присутствующихъ его вадорная выдумка. Марья Ивановна слегка даже побѣдилась.

— Развѣ Григорій Никитичъ имѣлъ какія-нибудь сношенія съ этимъ... съ Пустобрюховымъ? спросила она.

— Ну, я не знаю, но Пустобрюховъ желаетъ купить Волчій Долъ. Гораздо лучше продать его теперь чѣмъ послѣ смерти, объяснилъ Какò.

— Послѣ чьей смерти? не поняла Марья Ивановна.

— Нѣ, разумѣется Григорія Никитича, процѣдилъ Какò.

Это было неудачно. Марья Ивановна, какъ тигрица защищающая дѣтенышей, мгновенно рѣшила выгнать во что бы то ни стало Какò. Онъ ей вдругъ представился искусителемъ, подосланнымъ самимъ адомъ.

— Григорій Никитичъ находится въ такомъ состояніи что ему нельзя будетъ васъ видѣть, сказала она.—И такъ какъ мы завтра уѣзжаемъ, то я не имѣю возможности васъ удерживать въ Волчьемъ Долѣ. Поэтому позвольте съ вами проститься, завтра ужъ не до того будетъ, и надѣяться съ вами встрѣтаться въ Петербургѣ...

Она протянула ему руку и поспѣшно увела Ларису. Настя бросилась за ними. Какъ перемесь вытаращенный взглядъ на Хвощеву.

— Но вы вѣдь остаетесь? сказалъ онъ.

— Да, только я здѣсь не хозяйка... отвѣтила съ лживо насмѣшливою улыбкой Клеопатра Михайловна, и кивнувъ головой, тоже вышла изъ комнаты.

Какъ продолжалъ стоять, недоумѣвая, покачиваясь на ногахъ и вперяя задумчивый взоръ въ невозмутимое лицо дворецкого. Онъ былъ недоволенъ.

На другой день онъ рано утромъ выѣхалъ изъ-подъ гостеприимнаго крова Волчьего Дола, высокомерно отказавшись даже отъ предложеннаго ему въ видѣ завтрака цыпленка. Онъ намѣревался искать менѣе невѣжественныхъ сосѣдей, и подпрыгивая въ своемъ развѣвченномъ „фаздончикѣ“, раздумывалъ къ кому бы именно повернуть. Но видно судьбѣ еще не надобно тѣшиться надъ нимъ, потому что приказаніе отданное имъ наконецъ кучеру, было ѣхать ко Глѣбу Дмитриевичу!...

XXXVI.

Въ домѣ послѣ его отъѣзда подвѣялась суета. Изъ комнаты выносили сундуки и чемоданы, хлопали дверьми; прислуга учила и бранила другъ друга. Ковюхи хлопотали около лошадей, у крыльца собралась дворня проститься съ барыней и барышней. Коротенькая фигура Милованова шмырала назадъ и впередъ. Ему сегодня былъ праздникъ: онъ то катился по комнатамъ, то кидался къ коляскѣ, утирался фуляровымъ платкомъ, и приподнявъ его двумя пальцами за середину, деликатно встраивалъ на воздухъ.

— Погодка, погодка-то какая выдалась! изъ саду духъ идетъ... Каждая травка радуется и благодарить Создателя... сладко лѣтъ онъ, щурясь отъ солнца и втягивая губами, словно напитокъ, утренній воздухъ.—Пожить бы теперь тутъ самое время. Въ Петербургѣ-то развѣ это есть? Тутъ сирень, черемуха, въ лѣсу земляника, грибы скоро будутъ. Въ Петербургѣ-то ягоду десяточками продають, а то и ляточками, право! Переважутъ иточкой ляточекъ ягодокъ и несутъ продавать.

— Вотъ такъ коммерція! засмѣялся стоявшій подлѣ
т. сив.

староста Павтелей, тотъ самый который по убѣжденію Глаба Дмитріевича долженъ былъ повѣсить Извоева.

— Право! я вѣдь бывалъ въ Петербургѣ-то, продолжалъ Миловановъ.—Тѣснота, дороговизна, прахъ его поברי совѣмъ. Такъ ужъ тамъ люди жмутся, такъ жмутся, словно коровятъ спихнуть другъ друга. А здѣсь-то! Просторъ, приволье; отъ цвѣточковъ духъ идетъ. Ужъ своею охотой не ухалъ бы отсюда...

— Ну, а господамъ, извѣстно, скучно. Имъ это сейчасъ театры надо, музыку... вмѣшался буфетчикъ.

— А ты языкъ-то придержи о господахъ толковать, тотчасъ строго остановилъ его Миловановъ.—Ты какъ можешь понимать что имъ нужно? Развѣ у нихъ природа такая какъ у тебя?

— У меня, Илья Петровичъ, природа какъ слѣдуетъ... обидѣлся буфетчикъ, и оставилъ ногу.

Миловановъ встряхнулъ платочкомъ и пролѣлъ совершенно ослабленнымъ голосомъ:

— Избаловался народъ въ нынѣшнее время; не знаютъ что Господь взыщетъ!

Марья Ивановна и Лариса были уже въ дорожныхъ пластьяхъ.

— А какъ же, Ларочка, съ Ипполитомъ Сергѣичемъ развѣ простилась уже? спросила мать.

— Да, отвѣтила Лариса, и тѣнь быстро пробѣжала по ея лицу.

— То-то ты вчера такая страшная была... И про что это Хвоцева толковала за обѣдомъ? продолжала Марья Ивановна.—Показалось мнѣ, не насплетничала ли она чего.

— Нѣтъ, пустяки... молвила неохотно Лариса.—Мама, я думаю надо зайти къ дѣдушкѣ? перемѣнила она разговоръ.

— Надо бы... зайдѣмъ вмѣстѣ?

Григорій Никитичъ все еще не могъ встать и даже находилъ что чувствуетъ себя хуже, но за докторомъ попрежнему отказывался послать.

Прощаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Все что они хотѣли сказать другъ другу было уже сказано, а другое не сказывалось...

Увѣжающіе надѣли шляпки. Настя, какъ увидѣла Ларису совѣмъ собравшуюся, бросилась ей на шею и залпла слезами. У Ларисы и у самой было тяжело и безпокойно на сердцѣ.

— Я вѣдь знаю что никогда, никогда больше не увижу тебя, что съ завтрашняго дня я совсѣмъ не существую для тебя... говорила Настя утирая голыми руками лившіяся ручьемъ слезы.

— Съ чего ты взяла? Ты вѣдь обѣщала писать мнѣ; наломвила въ видѣ утѣшенія Лариса.

Настя повала истуканомъ что онѣ не будутъ переписываться.

— Ни за что я не стану писать, потому что ты... не отвѣтишь... не отвѣтишь, я знаю! повторала она сквозь подступавшія къ горлу рыданія.

Марья Ивановна, чтобъ освободить дочь, сама обняла Настю и расцѣловала ея мокрая отъ слезъ щеки.

Лариса обернулась къ Хвоцевой.

— Съ вами мы ужъ навѣрное встрѣтимся? сказала она безо всякаго враждебнаго тона.

Клеопатра Михайловна стремительно взяла ея руки и съ очаровательно улыбкой отвѣтила что надѣется свидѣться съ ней въ Петербургѣ какъ съ другомъ.

— Разчитываю что вы дадите мнѣ возможность отблагодарить васъ за ваше радушное гостепріимство, добавила она, и трудно было бы поручиться, звучала ли въ ея словахъ промія.

— Ну, вѣхать, такъ вѣхать! прервала Марья Ивановна, олававшаяся чтобы долгіе проводы не разстроили ихъ обѣихъ.

Всѣ вышли на крыльцо. Миловановъ съ опущеннымъ ллаточкомъ приблизился къ ручкѣ.

— Счастливаго пути... дай Богъ всякаго счастья... Лошадушекъ я приготовилъ первый сортъ! Тѣ самыя что Иллалита Сергѣича отвозили... лѣлъ овъ, деликатно подсаживая дамъ.—Пошли вамъ Богъ что не обижали старика... Эхъ, вѣкъ-то мой коротокъ, а захочетъ Господь взискать своею милостію, приведетъ еще встрѣтить Ларису Григорьевну, такъ прійдутъ съ супругомъ вступать во владѣніе отцивымъ и дѣдцивымъ. Вѣдь кому больше и владѣть-то, наследница она у насъ единственная. Полустилъ бы только Господь дождаться счастливаго дня. Удивлялся я всегда какъ это Григорій Никитичъ, собственнаго ради спокойствія, при жизни еще не сдѣлалъ распоряженія...

Настя бросилась въ коляску и еще разъ обняла и перещѣловала обѣихъ увѣжающихъ. На ней бѣдой лица не было. Лошади тронули.

— До свиданья! до Петербурга! крикнула Клеопатра Михайловна.

Миловановъ подмалъ платочекъ надъ головой и минуты двѣ, словно въ упоеніи, помахивалъ имъ въ воздухъ. Легкое облако льна подмалось и медленно разстлалось въ золотыхъ лучахъ солнца.

Клеопатра Михайловна вернулась въ свою комнату, бросила на окно подушку, и лежа на ней грудью, долго глядя въ неподвижную, зачарованную глубину сада. Она думала о себѣ, о прошедшемъ и настоящемъ, о Ларисѣ, о томъ далекомъ, надменно ставшемъ на краю родной земли городѣ, къ которому влечется все молодое, щущее, надѣющееся. Ей казалось что сама она уже стара, что ей уже нечего искать, не на что надѣяться, что ей хотѣлось бы никогда больше не видѣть тѣхъ надменныхъ дворцовъ и пресыщенныхъ лицъ, той презрѣнной и полной почти преступнаго значенія комедіи которая разыгрывается на подмооткахъ петербургскаго свѣта. Забиться въ глушь, затеряться, перестать жить, то есть перестать отзываться на все ничтожное и живое, чѣмъ живутъ тамъ... Неужели изъ этого ничтожества, изъ этой жи уже нѣтъ возврата? Неужели нѣтъ возврата и для той которая нѣсколько минутъ назадъ безъ сожалѣнія покинула этотъ тихій уголокъ?

„Она счастлива. Ей кажется что она получила крылья и однимъ взмахомъ этихъ крыльевъ можетъ перелетѣть на очарованный островъ котораго искалъ Пантагрюэль. Бѣдное дитя!... Но вѣдь есаубы мы все знаемъ, все понимаемъ, есаубы начиная мы видѣли конецъ, тогда не было бы и счастья“, добавила Клеопатра Михайловна съ обращеннымъ къ Ларисѣ сарказмомъ.

Предъ ней точно изъ-подъ земли вдруть выросла чья-то фигура. Хвощева вздрогнула и невольнымъ движеніемъ откинулась отъ окна.

— Ахъ, это вы! сказала она, узнавъ Извоева.

— Простите, услугааъ васъ! извѣщался Михайло Ивановичъ.— Вы вѣрно очень задумавшись были. Я давно уже васъ вижу вонъ съ той дорожки.

Странная фантазія мелькнула въ умѣ Клеопатры Михайловны. Ей показалось удивительнымъ что Извоевъ появился именно въ эту минуту. Или можетъ-быть судьба еще не думала ее своей благосклонности и хочетъ позаботиться чтобъ ей не было такъ скучно? подумала она.

— Зайдите же наконецъ, пригласила она.

— Нѣтъ, благодарствуйте; вѣдь можно и такъ разговаривать, отказался Извоевъ.

— Что за упрямство! Въ домѣ теперь кромѣ меня никого нѣтъ, одинъ Григорій Никитичъ, да и тотъ боленъ, не выходитъ изъ комнаты, продолжала Хвоцева.

— Да развѣ такъ не хорошо? возразилъ Извоевъ, поставивъ ногу на пристулочку стѣны и облакачиваясь на котико.

Она была въ своемъ неизмѣнномъ полу-русскомъ нарядѣ, только на этотъ разъ рубаха на немъ была не кумачевая, а камусовая; эту маленькую подробность Хвоцева тотчасъ замѣтила. Она замѣтила также что Михайло Ивановичъ какъ будто меньше конфузился и вообще имѣлъ болѣе оживленный и даже возбужденный видъ.

— Вы опять въ школу? спросила она.

— Да, пройду потомъ. Мнѣ хотѣлось васъ видѣть.

— Мерси, уамбуалась Хвоцева.

Она легла на подушку, сложивъ на ней свои красивые, обнаженные по локоть руки, и блазко взглянула прямо въ глаза Извоеву.

— Это не простая любезность что вы захотѣли меня видѣть? спросила она.

— Нѣтъ, я хотѣлъ говорить съ вами, отвѣтилъ очень серьезно Извоевъ:—по поводу нашего вчерашняго разговора, добавилъ онъ, и тоже прямо и пытливо взглянулъ въ глаза Клеопатрѣ Михайловнѣ.

— Я не забыла ни одного слова изъ того разговора, сказала она.

— И я также. Мы оба очень много объяснили другъ другу, и мнѣ хочется знать.... мнѣ надо знать какъ вы пришли то что я сообщилъ вамъ.

— Вы, Михайло Ивановичъ? Но мнѣ кажется вы говорили только о вашихъ взглядахъ, идеяхъ.... вашъ разговоръ былъ чисто политическій, возразила Хвоцева.

— Я объ этомъ и хочу васъ спросить, продолжалъ Извоевъ.—Я былъ совершенно откровененъ, и вы настолько знаете мои идеи и стремленія что могли бы.... даже довести на меня, усмѣхнулся онъ какъ-то меловко.—Потому мнѣ надо знать, сочувствуете ли вы мнѣ, можете ли сочувствовать?

— Что значить „потому“? потому что я могу довести на васъ? засмѣялась Хвоцева.

Извоевъ слегка нахмурился.

— Простите за глупость и пожалуйста дайте отвѣтъ, оказалъ онъ.—Я знаю что въ вашемъ обществѣ, въ томъ кругу къ которому вы принадлежите, такія идеи не пользуются сочувствіемъ. Насъ тамъ не ловимають и презирають. И потому скажите прямо.

Клеопатра Михайловна поджала сверкавшую на солнцѣ руку и положила на нее голову.

— Хотите чтобъ я вмѣсто отвѣта напомнила вамъ кое-что изъ нашего вчерашняго разговора? оказала она. — Во-первыхъ, я говорила что женщины въ политикѣ не имѣютъ своего собственнаго образа мыслей; онѣ берутъ свои общественныя идеи у того кто стоитъ подаѣ нихъ, кому онѣ вѣрять, кому повинуются.

— Вы! вы никогда не будете повиноваться! перебилъ со взвезавшою горячностью Извоевъ.

— Вамъ кажется? задумчиво улыбулась Клеопатра Михайловна.—Но дайте мнѣ кончить. Я вамъ говорила также, или по крайней мѣрѣ вы могли ловать что общество къ которому я принадлежу, въ сущности совершенно чужое для меня. Я неможно переросла его... и вы легко догадаетесь что идеи, симпатіи этого круга для меня не обязательны. Я, Михайло Ивановичъ, въ дѣсь гляжу....

Глаза и все лицо Извоева мгновенно радостно вспыхнули. Онъ подвинулся и положилъ руку на лодушку на которой лежала Хвоцева.

— И волковъ не боитесь? сказалъ онъ.

— Такихъ какъ вы? Нѣтъ! со смѣхомъ отвѣтила Хвоцева.

Извоевъ прямо глядѣлъ ей въ глаза загоравшимся взглядомъ.

— Да, когда у женщины есть этотъ огонекъ, она любого мужчину за лоясь заткнетъ, раздумчиво молвилъ онъ.

— Но скажите, почему васъ интересуетъ этотъ вопросъ? Вѣдь вы и сами сочувствуете только платонически. Вчера вы объясняли мнѣ что не принадлежите ни къ какому тайному обществу и вообще держитесь вдали отъ революціонной дѣятельности... напомнила Хвоцева.

— Да, вчера! отозвался Извоевъ, и посмотрѣлъ въ сторону.—Вы думаете можно предъ собой заборъ поставить, да такъ и просидѣть за нимъ?

— А, я была въ этомъ увѣрена! сказала почти радостно

Клеопатра Михайловна.—Я знала что вы не такой, что у васъ кровь есть....

— Да, и такая что иной разъ душишь, жжетъ.... проговорилъ Извоевъ, продолжая глядѣть въ сторону. — Знаете, Клеопатра Михайловна, бываетъ въ жизни что самый обыкновенный, простой, смирный человекъ, которому казалось бы вѣковать тихоуко въ своемъ застѣвкѣ, вдругъ другимъ дѣлается.... Сыщеть его жизнь, подойдетъ, суесть карты въ руки: направо или налево? Какъ ему тутъ быть?

Онъ быстро повернулся къ Хвоцевой, и его лицо какъ будто горѣло этимъ вопросомъ. Давно остывшая, опытная, презрительно-недовѣряющая Клеопатра Михайловна внутренно вздрогнула.

— Это.... тотъ незнакомый господинъ что нагналъ васъ вчера по дорогѣ? спросила она, договаривая свою мысль выразительнымъ взглядомъ.

Извоевъ встряхнулъ головой.

— Можетъ-быть онъ, а можетъ-быть.... вы! отвѣтилъ онъ и въ упоръ подымалъ на нее глаза.

Клеопатра Михайловна встала и оперлась руками о подушку.

— Какъ быть, вы спрашиваете? Но развѣ можетъ быть сомнѣнiе? Отвѣчать на призывъ, идти на встрѣчу! Брать то что не вѣсть дается, а немногимъ, тѣмъ кого сама жизнь толкаетъ на большую дорогу! сказала она.

— Что бы ни сулила она тамъ впереди? глухо проговорилъ Извоевъ.

— Ахъ, лишь бы умѣть бросить то что за вами позади! отвѣтила Клеопатра Михайловна, съ быстро промелькнувшимъ въ глазахъ выраженiемъ злой, „волчьей“ тоски.

Извоевъ молчалъ. Онъ былъ блѣденъ, легкая судорога трогала одинъ уголокъ его рта.

— И вы не отказали бы въ вашемъ сочувствiи человекъ который идетъ этою дорогой? Вы въ самомъ дѣлѣ способны были бы уйти „въ лѣсъ“? спросилъ онъ тѣмъ же напряженнымъ, глухимъ голосомъ.

Клеопатра Михайловна усмѣхнулась.

— А вы способны были бы.... войти въ эту комнату? сказала она, и отойдя отъ окна, распахнула рядомъ дверь въ садъ.

Извоевъ вбѣжалъ въ эту дверь.

XXXVII.

Давнѣйшій шпаль-дугъ вышедшій изъ Эдкунена ичался по знакомой воѣмъ русскимъ туристамъ сѣверо-восточной желѣзной дорогѣ.

Въ одномъ изъ отдѣленій перваго класса, съ раскрытыми настежь окнами, сядъли Глѣбъ Дмитричъ Зимовьевъ и господня лѣтъ тридцати, высокй, сухощавый, съ рыжеватыми бакенами къ лицу, съ большимъ ртомъ, подлѣ котораго природа посадила весьма замѣтную бородавку съ выросшимъ на ней лучкомъ рыжей шерсти, и съ выпуклыми, блѣдно-голубыми, сонными глазами. Одѣтъ онъ былъ въ лестрельскй костюмъ серьезнаго англйскаго покроя, въ башмаки съ пряжками и въ синие чулки. Толстое черепаховое *pinse-nez* на черной ленточкѣ лежало на ладонѣ, закинутое небрежнымъ движенiемъ руки. Рядомъ стоялъ щегольской чемоданчикъ, отдѣланный бронзой и красною кожей, и на него спускались лопы мамто, весьма похожаго на извѣстный макферланчикъ Кокѣ.

Господня этотъ пересѣлъ въ Эдкуненъ изъ петербургскаго поѣзда, а Глѣбъ Дмитричъ ѣхалъ изъ Бреста. Между ними уже съ часъ какъ завязался разговоръ, и въ настоящую минуту приостановился, дойдя до той точки на которой разговаривающйе начинаютъ замѣчать что они чѣмъ дальше тѣмъ меньше понимаютъ другъ друга. Глѣбъ Дмитричъ, поворачивая въ зубахъ сигару, глядѣлъ на своего собесѣдника съ такимъ выраженiемъ какъ будто ему было безконечно жаль его... нѣтъ, не его, а чего-то другаго, чѣмъ была замѣта его мысль и что отражалось въ его задумчивыхъ, не то замыхъ, не то унымыхъ глазахъ.

Господня съ бородавкой, хоть и прѣсполомилась нѣкотораго обиднаго пренебреженiя ко взглядамъ Глѣба Дмитрича, былъ однако недоволенъ прекращенiемъ разговора. Онъ что называется разошелся, ему хотѣлось еще многое объяснить о себѣ, выразить свою идею. Доставъ изъ кармана крошечный толстой кожи портсигаръ, похожй на тавлинку, онъ какъ-то пощелкалъ, вынулъ пахитоску, раскурнулъ и затянувшись глоткомъ отвратительнаго дыма, проговорилъ съ видомъ человека понимающаго толкъ въ наслажденiяхъ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознающаго свой гражданскй долгъ:

— Работы тамъ будетъ до сихъ поръ!

И провелъ пальцемъ надъ тугимъ воротничкомъ.

— Полагаю и одѣнется она тоже недурно, молвилъ на это Глѣбъ Дмитричъ.

Господинъ съ бородавкой усмѣхнулся, но тотчасъ принялъ серьезный видъ.

— Нѣтъ, вѣдь у насъ туго, ужасно туго! возразилъ онъ.— Посудите, много ли можетъ быть вакансій. Прежде, когда существовали миссиі при второстепенныхъ германскихъ дворахъ, а еще лучше при итальянскихъ, тогда выгоднѣе было.

— Такъ что вы съ пожертвованіемъ собственныхъ интересовъ допустили объединеніе Италіи и Германіи? отозвался на такое практическое замѣчаніе Глѣбъ Дмитричъ.

Дипломатъ благоослабно улыбнулся.

— Какой вы заой! сказалъ онъ, обжывая здоровые, желтые зубы.— Нѣтъ, не шута, на насъ смотреть какъ на бабоней счастья, а если разсудить безпристрастно, все что мы приобретаемъ на нашемъ поприщѣ гораздо ниже труда, отвѣтственности, пожертвованія своею личностью, и смѣю прибавить, ниже тѣхъ исключительныхъ условій и требованій которыми мы должны удовлетворять въ смыслѣ способности и опытности.

— О, конечно, произнесъ съ непроницаемымъ отгѣнкомъ прокии Глѣбъ Дмитричъ.— Между исключительными требованіями, о которыхъ вы говорите, вѣдь есть и такое трудное условіе: быть Русскимъ, не будучи имъ ни по воспитанію, ни по чувству, ни по образу мыслей, а чаще всего даже и не по шкеки! добавилъ онъ не моргнувъ рѣсницами.

Дипломатъ значительно усмѣхнулся.

— Очень трудное условіе, вы совершенно справедливо замѣтили, сказалъ онъ.— Трудно потому что мы чувствуя себя на каждомъ шагѣ учениками Европы должны мѣряться съ нею силами и, право, бываютъ моменты въ родѣ, напримеръ, вышшняго, когда мы сознаемъ что силъ-то никакихъ больше и нѣтъ, кромѣ нашего собственного искусства.

Глѣбъ Дмитричъ на эту неожиданную реллику даже не разсмѣялся.

— А знаете, какой-нибудь хивинскій или бухарскій пославецъ, договариваясь съ европейскими дипломатами, навѣрное нисколько не чувствовалъ бы себя стѣсненнымъ своимъ

положеніемъ ученика! промолвилъ онъ какъ бы вскользь, и сталъ глядѣть въ окно.

— Опять вы совершенно правы, но только вы забываете что Азіятецъ не сознаетъ своей принадлежности къ европейскому концерту и не имѣетъ обязательныхъ отношеній къ обще-европейской культурѣ, которой мы, Русскіе, должны служить наравнѣ съ другими народами образованной семьи, возражать, отчеканивая каждое слово, дипломатъ.

И гдѣ только ихъ такимъ гаулостамъ учить? подумалъ Габъ Дмитричъ, и добавилъ вслухъ:

— Такъ что вы идете въ Берлинъ собственно служить обще-европейской культурѣ?

— Безъ сомнѣнія. Мы (дипломатъ сдѣлаалъ непередаваемое удареніе на этомъ „мы“) измѣнили бы своему долгу еслибы взглянули на дѣло иначе. Наша задача доказать что Россія никогда, ни при какихъ международныхъ усложненіяхъ, не уступаетъ изъ виду интересовъ Европы и что она честно несетъ свои обязанности члена европейской семьи. Мы въ Берлинѣ должны сгладить все что встало между нами и Европой, благодаря нашимъ ошибкамъ. Мы регулируемъ частное въ отношеніи къ общему, настоящее къ будущему...

— Но позвольте, перебилъ Габъ Дмитричъ, вѣдывая насколько терять хладнокровіе:—вѣдь Россія вела войну, Русскіе унесли своими трупами Балканскій полуостровъ. Вѣроятно не для того это дѣлалось чтобы заявить почтеніе обще-человѣческой культурѣ, или, какъ тамъ вы выразились... европейскому концерту. Предполагаете ли что дѣла ради которой лилась кровь, приносились несмысленныя жертвы, не обязательна для господъ дипломатовъ? Допускаете ли что они могутъ имѣть какую-то свою дѣла, служить какому-то призраку, ковырять лерьями въ этомъ живомъ изравномъ мясѣ?

Господишь съ рыжею бородавкой взглянулъ на собесѣдника почти веселыми глазами.

— Война! это было несчастіе, ошибка, недоразумѣніе, все что хотите... сказалъ онъ съ торжествующею звонкостью въ голосѣ, словно обрадовавшись чему-то,—роковая ошибка, которую мы должны поправить во что бы то ни стало, дѣломъ какихъ бы то ни было пожертвованій. Война! она насъ выбросила изъ европейскаго концерта, заставила дѣйствовать на свой страхъ и счетъ. Надо это поправить, надо показать

что Россія въ сущности никогда не удавалась отъ согласія съ Европой, что она дѣйствовала какъ бы по уполномочію великихъ державъ.

Глѣбъ Дмитричъ со злостью швырнулъ въ окно окурокъ сигары.

— Но скажите же по крайней мѣрѣ что вы свое личное мнѣніе выражаете, а не мнѣніе тѣхъ кто будетъ представлять Россію на конгрессѣ! возразилъ онъ рѣзко.

Дипломатъ все съ тѣмъ же, какъ бы обрадованнымъ видомъ пожалъ плечами и поправился на своемъ сидѣньѣ.

— Я высказываю не мое мнѣніе или другаго лица, а политическую традицію, общій тезисъ, вытекающій изъ существующаго положенія! отвѣтилъ онъ: — не сообразоваться съ нимъ, значитъ работать для собственнаго удовольствія, какъ въ Санъ-Стефано...

— Вы, безъ сомнѣнія, и санъ-стефанскій трактатъ считаете... несчастіемъ? молвилъ уже со злобой Глѣбъ Дмитричъ.

— Нѣтъ, я его считаю больше ошибкой! отчеканилъ дипломатъ.

— Которую теперь поправляютъ въ Берлинѣ?

— Непремѣнно.

Глѣбъ Дмитричъ пересталъ зацѣпляться.

— Простите мнѣ мое невѣжество, но я былъ бы радъ еслибы нашей дипломатіи почаще удавались такіа ошибки, сказалъ онъ холодно.

Собесѣдникъ его свисходительно улыбнулся.

— Вы рассуждаете немножко какъ мечтатель, молвилъ онъ какимъ-то засахареннымъ тономъ.

— Мнѣ кажется что я рассуждаю какъ русскій человекъ, возразилъ Зимовьевъ, и подвинувшись въ уголъ купе, сталъ глядѣть въ окно.

Предъ нимъ мелькали поля, крошечные и подчищенные какъ лаласадникъ дѣвочки, деревушки съ черепичными кровлями и коротенькими шпиками на церковькахъ, платформы со свующими по нимъ кондукторами, лакеями и торговцами. Поездъ останавливался на минутку, раздавались требованія лива и бутербродовъ, провзительно рѣзалъ ухо свистокъ и всколыхнувшійся длинный рядъ вагоновъ мчался дальше. Глѣбъ Дмитричъ мрачно глядѣлъ на поля, деревни, городки, на все что торопиво бѣжало мимо поезда, словно слѣша

подавить воображеніе русскаго туриста тѣснотой и избыткомъ „европейской культуры“, и въ немъ накопилась какъ бы ненависть къ этой культурѣ, чужой, торжествующей, оскорбительной для его возбужденнаго русскаго чувства. „Да, какой-нибудь померанскій крестьянинъ, прочитавшій въ своей грошовой газеткѣ что Бисмаркъ не хочетъ пожертвовать его костями ради Восточнаго вопроса, читаетъ теперь въ той же газеткѣ самодовольное глумленіе надъ нашею кровью, надъ нашею славой, и искренно вѣритъ что мы пришли къ нему на поклонъ... А тѣ десятки тысячъ безыменныхъ героевъ покрывшихъ костями далекую единавѣрную отраму, тѣ вѣрили въ свой подвигъ, въ дѣло за которое умирали... И Габъ Дмитричъ готовъ былъ ненавидѣть этого ни въ чемъ мелочиваго померанскаго крестьянина именно за то что у него есть какой-то Бисмаркъ, который никому не даетъ его въ обиду. Ему противны были эти тучныя поля, эти чистельскія, самодовольно убравшіяся деревеньки, этотъ видъ благоустроеннаго довольства, потому что въ воображеніи его возникали шумы, грустныя и до боли близкія сердцу картины.

Онъ вдругъ быстро повернулся къ господину съ рыжею бородавкой и какъ будто желая еще больше раздражить свое возбужденное чувство, спросилъ:

— Вы выразились что война ошибка; но цѣль ради которой мы воевали, вы о ней имѣете такое же отрицательное мнѣніе?

— Даже болѣе отрицательное чѣмъ о самой войнѣ, отвѣтилъ дипломатъ.— Помните, мы этою несчастною идеей махали предъ Европой словно поднятою палкой, и чего же мы можемъ ожидать взамѣнъ? заговорилъ онъ, оживляясь.— Никто и ничто не портитъ до такой степени нашего политическаго положенія какъ эти славянскіе комитеты, патриотическія газеты, московскія рѣчи и тосты. Благодаря имъ, наша дипломатія имѣетъ вѣчнаго врага у себя дома. Вы думаете легко разуверять Европу, доказывать что Россія, то есть Русское правительство, висколько не солидарно съ тѣмъ что вы называете русскою идеей и русскимъ чувствомъ?

— Да какъ же вы смѣете это доказывать? почти закричалъ Габъ Дмитричъ, и глаза его такъ выразительно вслыхнули что дипломатъ невольно даже подвинулся.— По какому праву вы будете унижаться предъ Европой именемъ Русскаго народа, отнимать у него то что можетъ-быть для него

дороже всего? Этотъ народъ умиралъ, истекалъ кровью, замерзалъ безъ стона, безъ ропота, потому что вѣрить въ свое правое дѣло, а вы что хотите сдѣлать? Вы Санъ-Стефанскій миръ, купленный потоками русской крови, называете ошибкой, хотите представить его Европѣ какъ какой-то фарсъ, отъ котораго Россія будто бы отказывается...

Дипломатъ слегка сдвинулъ брови, желая выразить что хоть онъ и не отказывается отвѣтить на софизмы непосвященнаго ума, но не одобряетъ обнаруженной собесѣдникомъ горячности.

— Вы упускаете изъ виду, возражалъ онъ съ преувеличенною важностью, — что Бисмаркъ или Беконсфильдъ не обязаны раздѣлять ваши взгляды или сочувствія, и что при настоящемъ положеніи дѣлъ, къ сожалѣнію, сила находится на ихъ сторонѣ.

— Вы въ этомъ совершенно увѣрены? вы не полагаете что если Россія захочетъ во что бы то ни стало довести дѣло до конца, то всѣ эти дутыя претензіи европейскаго концерта разлетятся прахомъ, какъ разлетѣлись въ 1863 году?

— Eh, mon Dieu, les jours ne suivent et ne se ressemblent pas, отозвался дипломатъ. — Въ 1863 году мы не были истощены войной...

— Войны завершающіяся побѣдами не истощаютъ! возразилъ Глѣбъ Дмитричъ.

— И притомъ, продолжалъ дипломатъ, — тогда не было Германской имперіи („которую вы прозѣвали“! вспомнилъ Зимоньевъ слова Григорія Никитича), — не было Беконсфильда...

— Но былъ Наполеонъ! Словомъ, сколько я могу понять, вы ѣдете на конгрессъ съ полнымъ убѣжденіемъ что мы безспальны, что намъ остается только спрятаться за „честнаго маклера“ и положиться на великодушіе Европы? проговорилъ почти презрительнымъ тономъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Ну, слово великодушіе въ политикѣ неумѣство, усмѣхнулся господинъ съ бородавкой. — Мы имѣемъ за себя нѣчто лучшее: мы можемъ дѣлать уступки!

— Тѣмъ болѣе что въ Санъ-Стефано мы слишкомъ много запросили?

— Совершенно вѣрно! снова усмѣхнулся дипломатъ.

Глѣбъ Дмитричъ молча повернулся къ окну и разговоръ прекратился.

XXXVIII.

Въ Берлинѣ все было повоено конгрессомъ. Въ отеляхъ занятыхъ второстепенными инструментами пресловутаго „концерта“ съ трудомъ можно было достать мѣсто. На улицахъ, предъ зданіями нѣкоторыхъ посольствъ, въ извѣстные часы стояли толпы народа, ожидая выѣзда политическихъ знаменитостей. Газеты почти ничего не печатали кромѣ отчетовъ о конференціяхъ и дипломатическихъ слетень.

Глѣбъ Дмитричъ пріѣхалъ уже послѣ первыхъ засѣданій. Онъ думалъ только переночевать въ Берлинѣ, и вмѣсто того застрялъ въ немъ, повинувшись мучительному и горькому любопытству, возбужденному тѣмъ что совершалось теперь въ этомъ скучномъ городѣ, внезапно возведенномъ на ступень „всемирной столицы“. Ему было не по себѣ, онъ зналъ что только больше раздражаетъ наболѣвшую рану, что лучше уѣхать, не видать этихъ знакомыхъ и безконечно чужихъ ему лицъ, не слышать этого нестерпимаго жужжанья, кичливаго злорадства стоявшаго гудомъ въ воздухѣ, и не имѣлъ силы оторваться отъ того что онъ называлъ своею Голгозой— онъ, въ которомъ оскорбленное русское чувство перегорало и выло съ такою болью какъ будто въ этомъ чувствѣ сосредоточилась вся безмѣрная тоска придавившая Россію. Онъ осязалъ эту тоску, томясь бездѣйствіемъ и чуть не плача злыми слезами. „А Григорій Никитичъ или Михайло Ивановичъ удивляются, попрекаютъ что я сижу сложа руки... да развѣ можно приложить руки къ тому что дѣлается?“ говорилъ онъ мысленно, швыряя скомканный листокъ газеты или припоминая все чего наслышался и посмотрѣлся за день. И все чаще воспался предъ нимъ величавый въ своихъ разодранныхъ одеждахъ образъ нарисованный повтомъ:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа,—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Русскаго народа!
Не пойметъ и не сдѣлать
Гордый взоръ иноплеменный
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ красотѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
 Всю тебя, земля родная,
 Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
 Исходилъ благословая.

Глѣбъ Дмитричъ чувствовалъ что сталъ болѣе русскимъ человѣкомъ чѣмъ былъ когда-нибудь, и это была единственная отрада которую онъ находилъ на своей Голгофѣ...

На изящной верандѣ, примыкавшей къ табльдоту, по вечерамъ собирался иногда кое-кто изъ второстепенныхъ инструментовъ дипломатическаго оркестра съѣхавшагося въ Берлинъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Глѣбъ Дмитричъ зналъ раньше, съ другими познакомился теперь. Дипломаты кушали мороженое, курили сигары и вообще освѣжали себя. Зимовьеву уже давно наскучило ихъ видѣть, слушать ихъ разговоры, слѣдить за обязательнымъ остроуміемъ вежливыхъ фразъ или выкапывать въ значеніе обязательно-непроницаемыхъ взглядовъ; но тоскующее чувство каждый вечеръ влекло его на эту веранду: удавалось все-таки что-нибудь прочесть на смущенномъ или торжествующемъ лицѣ, въ скользящемъ или вызывающемъ взглядѣ...

Въ одинъ изъ особенно тихихъ и теплыхъ вечеровъ, на верандѣ замѣчалось нѣчто въ родѣ переломоха. Дипломаты сохранили болѣе всегдашняго озабоченный и непроницаемый видъ, говорили другъ съ другомъ вполголоса и даже болѣе взглядами чѣмъ словами, и знаменательно пожимали плечами; за то лица постороннія суетились и разговаривали оживленнѣе чѣмъ когда-либо. У всѣхъ на языкѣ была только-что схваченная новость: лордъ Беконсфильдъ послалъ на желѣзную дорогу заказъ на отдѣльный поѣздъ къ завтрашнему дню. Лордъ Беконсфильдъ раздраженный колебаніями русскихъ уполномоченныхъ покидалъ конгрессъ, предоставляя пресловутый концертъ его собственной участи.

— Фарсъ, говорили одни;—его лордство можетъ уѣхать и безъ отдѣльнаго поѣзда.

— Ну, Беконсфильдъ не изъ тѣхъ которые прибѣгаютъ къ водевильнымъ средствамъ, возражали другіе.

Мнѣніе что Беконсфильдъ уйдетъ, что конгрессъ закроется и что между Россіей и Англіей послѣдуетъ разрывъ, видимо преобладало. Толковали что Австрія въ виду такой случайности уже придвинула къ русской границѣ войска, что Франція окажетъ Англіи дипломатическую поддержку и что

Германія. вѣрная политикѣ „честнаго маклерства“, замкнется въ строгомъ нейтралитетѣ.

— Но Россія не можетъ вести войны, она уже поставила послѣдняго солдата и сдѣлала миллиардный долгъ, возражали въ некоторые.

— Тогда мы предпшемъ ей условія... и покончимъ съ лавизмомъ... mit diesem Panalavismus! восклицали рыжеусые бароны прѣхавшіе въ Берлинъ посмотрѣть на невзданную и несдыканную помпу въ своемъ новомъ Weltstadt'ѣ.

Глѣбъ Дмитричъ отыскалъ одного изъ юнѣйшихъ и потому болѣе откровенныхъ *attaché* и отвелъ его въ сторону.

— Скажите по совѣсти, правда ли это? то-есть считаютъ ли угрозу Беконсфальда совершенно серіозною? спросилъ онъ улавшимъ отъ волненія голосомъ.

Дипломатъ прѣдалъ своему лицу безразличное выраженіе и отвѣтилъ, скользнувъ взглядомъ по собравшимся на верандѣ группамъ:

— Вы видите, ваши друзья уже торжествуютъ...

— Но тамъ, какъ тамъ смотрятъ?

— Тамъ? повторилъ съ небрежною улыбкой дипломатъ:— тамъ спрашиваютъ Петербургъ. Я сейчасъ пробылъ три часа на стациіи, отправляя делеши. Кстати вы наломали мнѣ что я еще не обѣдалъ.

И онъ, повернувшись, быстро ткнулъ въ луговку звонка. Но Глѣбъ Дмитричъ не былъ расположенъ такъ скоро отпустить его.

— Послушайте, я вѣдь не дипломатъ, не агентъ, не журналистъ и не болтувъ, я спрашиваю потому что эта невѣстность изводитъ душу... продолжалъ онъ, садясь съ юнымъ *attaché* къ столу.— Неужели ваше положеніе считаютъ безвыходнымъ?

— Считають что надо поладить во что бы то ни стало.

— Съ Беконсфальдомъ?

— Пс, со всѣми!

Изящный *jeune homme* неможко выдвинулъ нижнюю губу и подбросилъ монокль. Онъ въ эту минуту очень походилъ на Кокò...

— Слѣдовательно мы пойдемъ на дальнѣйшія уступки? спросилъ Глѣбъ Дмитричъ.

— Разумѣется. Вѣдь мы до сихъ поръ были уже сашкомъ упрямы! отвѣтилъ дипломатъ.

Зимовьевъ посмотрѣлъ на него, не понимая шутить онъ или нѣтъ.

— Но не подлишемся же мы подъ условіями Беконсфильда! сказалъ онъ уже со злостью.

— Dieu sait! пожалъ плечами юный атташе и углубился въ поданный ему меню.

— Желаю вамъ хорошаго аппетита, проговорилъ Зимовьевъ, отходя отъ столика.

Онъ сошелъ съ террасы и принялся большими шагами ходить взадъ и впередъ по коротенькой аллеѣ, которую хозяйка отеля называла „садомъ предоставленнымъ въ распоряженіе высокопочтенныхъ путешественниковъ“. Безрадостныя, злыя мысли вихремъ кружились въ его умѣ. „Ахъ, еслибы я здѣсь не безъ дѣла толкался, еслибы въ моемъ паспортѣ не былъ прописанъ отставной статскій совѣтникъ“... думалъ онъ, разгораясь давно усмирившимъ въ немъ желаніемъ власти, не той власти которою тѣшится честолюбивая ничтожность, замученная въ душномъ воздухѣ цытриги чиновная слѣшь: ему хотѣлось большого тяжелаго дѣла, бодро подаятаго ради нуждающейся, оскорбленной, расхищаемой Россіи. „И нѣтъ такого дѣла, нѣтъ“.

Надъ нимъ на верандѣ слышались громкіе разговоры, споры, взрывы смѣха. Этотъ смѣхъ нагло звучалъ въ его ушахъ; ему казалось что смѣются надъ нимъ самимъ. Вдругъ женскій голосъ окликнулъ его. Онъ подвѣлъ голову: какая-то нарядная дама, которой онъ никакъ не могъ узнать сразу, кивала ему и подзывала рукой. За ней стоялъ мужчина высокаго роста, лѣтъ тридцати, съ красивымъ гладко-выбритымъ лицомъ, прямымъ носомъ и великолѣпными русыми усами.

— Не узнаете? рѣшительно не узнаете? неужели я такъ переѣхалась, постарѣла? спрашивала по-русски дама, наклоняясь надъ перилами.

Глѣбъ Дмитричъ усиливался припомнить, но память не помогала.

— Впрочемъ мы такъ мало были знакомы, и вы такъ давно не были въ Петербургѣ. Каричъ, по первому мужу Ольжанская! назвала себя соотечественница.

Теперь Зимовьевъ вспомнилъ что дѣйствительно когда-то встрѣчался съ нею. Онъ послѣдилъ извиниться. Madame Каричъ, перекинувшись еще нѣсколькими словами и видя что

оу не располагаетъ подняться на террасу, сама сбѣжала въ садикъ.

Обтянутое, связанное какъ пеленки лаатье ея, такъ и зашуршало мягкимъ, шелковымъ шелестомъ, къ очевидному удовольствію сидѣвшихъ на верандѣ мушавъ.

— Я здѣсь проѣздомъ, но меня задержало любопытство: Берлинъ переживаетъ такіе интересные дни! заговорила она, цдя съ Зимовьевымъ по желто-красному леску единственной въ садикѣ аллеи.—Отсюда я хотѣла проѣхать въ Швейцарію, гдѣ теперь главное движеніе, но по случаю конгресса всѣ почти сбѣхались сюда, и я уже многихъ видѣла...

— Какое движеніе въ Швейцаріи? ничего не появляъ Зимовьевъ.

Каричъ окинула его взглядомъ, который показался бы знаменательнымъ еслибы не выражалъ столько легкомыслія.

— Движеніе среди нашей эмиграціи, будто вы не знаете! воскликнула она.—Вѣдь Вѣра Засулицъ теперь тамъ и ей устроили такой приемъ...

— Чтѣ мнѣ за дѣло! проговорилъ Глѣбъ Дмитричъ пожимая плечами и не постигая откуда у этой нарядной соотечественницы такой интересъ къ швейцарской эмиграціи.

— Вы индифферентъ? это не можетъ быть! удивилась дама.—Прежде, я ловимаю мы всѣ были заняты Богъ знаетъ чѣмъ... тряпками, балами, визитами... другаго ничего и не оставалось. Чтѣ до меня впрочемъ, я всегда была очень опредѣленнаго образа мыслей, и посвящала себя женскому вопросу. Но теперь все это поднялось, ждетъ... Вы не можете себѣ представить какія замѣчательныя личности сюда сбѣхались. Весь революціонный *état-major*! Графъ меня уже со многими познакомилъ.

Она подняла голову и оглянулась на высокаго господина съ великолѣпными усами, который облокотившись о перила сѣдиль за ними сверху.

— Вы не знаете? графъ Вовсовичъ, онъ выѣхавшею зимой сводилъ съ ума весь Петербургъ. Мы съ нимъ познакомились въ австрійскомъ посольствѣ и теперь вмѣстѣ путешествуемъ... объяснила она.

Глѣбъ Дмитричъ мевольно тоже взглянулъ наверхъ. Ему теперь показалось что онъ совершенно ловилъ чтѣ такое этотъ графъ. „Покрайней мѣрѣ у нея есть вкусъ“, подумалъ онъ. „Прежде я ее съ какимъ-то адвокатомъ видѣлъ, тотъ тоже красивый былъ, и тоже блондинъ.“

— Простите, если я давно не бывая въ Петербургѣ ничего не знала о вашемъ вторичномъ замужествѣ, сказала она. — Впрочемъ, такимъ молодымъ и прелестнымъ вдовамъ какъ вы не даютъ слишкомъ долго носить трауръ...

— Да я вовсе и не носила траура, я развелась съ моимъ первымъ мужемъ! возразила Софья Александровна такимъ радостнымъ тономъ какъ будто въ этомъ обстоятельствѣ заключалось нѣчто чрезвычайно для нея выгодное. — Но моего теперешняго мужа вы безъ сомнѣнія знаете? Къ сожалѣнію, дѣла задержали его въ Россіи.

— Нѣтъ, я не имѣю удовольствія знать monsieur Карича, отвѣтила Зимовьевъ.

— Какъ, можетъ ли быть? но по имени по крайней мѣрѣ? удивилась Софья Александровна. — Еще онъ фигурировалъ въ процессѣ... Его дочь теперь за Безбѣднымъ... тоже не знаете?

Глѣбъ Дмитричъ пожалъ плечами.

— Доказательство, какой предъ вами провинціалъ! сказалъ онъ.

Madame Каричъ была такъ удивлена что даже перемѣнила разговоръ.

— Не правда ли какое интересное время мы переживаемъ! заговорила она снова и все тѣмъ же оживленнымъ, веселымъ тономъ, какъ будто происходящее въ политическомъ мірѣ представляло любопытѣйшую мелодраму эффектно раздѣченную бенгальскими огнями. — Вы конечно знаете новость? Беконсфилдъ „срываетъ“ конгрессъ какъ срываютъ банкъ... Завтра должно все рѣшиться... но они уступать, они сами не понимаютъ куда идти и что себѣ готовить!

— Кто они? спросилъ Зимовьевъ.

— Ну, наши! отвѣтила легкомыслѣнѣйшимъ тономъ Софья Александровна. — Вы увидите какой взрывъ общественнаго удовольствія произведетъ Берлинскій трактатъ. Эмиграція только того и ждетъ.

— Но вы сами, тоже эмигрировали? спросилъ съ нескрываемою уже провѣей Глѣбъ Дмитричъ.

Madame Каричъ этой провѣи совершенно не замѣтила.

— Нѣтъ, мы съ графомъ пройдемъ въ Женеву и оттуда возвратимся въ Петербургъ, отвѣтила она. — Entre nous, тамъ скоро надо ждать очень важныхъ событій! добавила она тихо, оглядываясь и закрываясь вѣеромъ. — Но pardon, у меня

еще много разъѣздовъ и дѣлъ сегодня. Вы здѣсь стоите? Еще увидимся, п'est-ce pas? Я познакомаю васъ съ графомъ...

Она торопливо протянула руку, кивнула головой, сопровождая это движеніе очаровательною улыбкой, и граціозно взбѣжала по ступенькамъ.

XXXIX.

Глѣбу Дмитричу не хотѣлось опять проходить черезъ вѣраду. Онъ вышелъ на дворикъ, оттуда на улицу, и направился по знаменитому липовому бульвару къ зданію нашего посольства. Онъ вспомнилъ что у него тамъ есть давнишній знакомый, почти пріятель, который долженъ знать гораздо больше юныхъ атташе болтающихся по отелямъ. Ему все еще не вѣрилось, не хотѣлось вѣрить...

Но знакомаго дипломата не оказалось дома. Зимовьевъ уже собирался выйти изъ посольства, когда вдругъ увидѣлъ на балконѣ маленькаго внутреннего дворика передвижное кресло и въ немъ престарѣлаго государственнаго человѣка, котораго въ этотъ день болѣзнь приковала къ дому. Глѣбъ Дмитричъ, смѣвшій случай раньше встрѣчаться съ нимъ, поклонился и подошелъ. Больной тотчасъ узналъ его и пригласилъ присѣсть тутъ же на балконѣ.

— Развѣмогся опять, подваться не могу... сказалъ онъ, съ трудомъ поворачиваясь въ своемъ покойномъ сидѣньѣ.

— Какое несчастье! въ такое время когда ваше присутствіе можетъ-быть сласто бы отъ удивленія, отъ потери! воскликнулъ Глѣбъ Дмитричъ.

Маститый государственный человѣкъ какъ бы нехотя улыбнулся.

— Нѣтъ, состарѣлся... есть помоложе меня, и я счастливъ что за дѣла могли взяться искусныя руки, сказалъ онъ.— А вы здѣсь что же дѣлаете?

Глѣбъ Дмитричъ объяснилъ. Онъ былъ радъ этой неожиданной встрѣчѣ съ тѣмъ на кого больше всего надѣялся, кто долженъ былъ ловить его русскую печаль.

Больной глядѣлъ на него умными, ласковыми глазами.

— Мы вѣдь рабы своего положенія, сказалъ онъ.—Вы видите, всѣ противъ насъ.

— Да, но вопросъ именно въ томъ, не преувеличиваютъ ли опасность нашего положенія? возразилъ Зимовьевъ.—Миръ

кулачный цѣмой тяжкихъ жертвованій не дастъ ни счастья, ни покоя. Онъ подыметъ внутреннихъ враговъ. Мнѣ кажется что люди чувствующие что за ними стоитъ Россія, люди устами которыхъ говорятъ предъ Европой восемьдесятъ милліоновъ Русскаго народа... эти люди могли бы найти голосъ!

Въ глазахъ больнаго промелькнула тѣнь.

— Я въ исчерпаемыя силы Россіи всегда вѣрилъ! сказалъ онъ, отвѣчая какъ бы не Зимовьеву, а своей собственной мысли.—Но дѣйствуетъ не Россія, дѣйствуютъ отдѣльные люди.

— А, если будемъ говорить объ отдѣльныхъ людяхъ.. знаете, мнѣ на дняхъ тутъ въ Берлинѣ одинъ русскій человѣкъ очень зло сказалъ: награды розданы, чего жь еще! перебилъ съ желчнымъ смѣхомъ Зимовьевъ.

— Да, хотятъ мира... проговорилъ съ неуловимымъ оттѣнкомъ провіи больнои.—Я знаю, война обошлась слишкомъ дорого, миръ вамъ нуженъ; но вѣдь не кричать же объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ! Можно выиграть игру съ плохими картами, но не тогда когда партнеры предупреждены что у васъ нѣтъ козырей.

— Вѣчная, роковая неувѣренность! продолжалъ Зимовьевъ.— Неужели все еще такъ мало знаютъ Россію что не понимаютъ въ какую цѣну обходится раздраженіе народнаго чувства? Я былъ мальчикомъ во время Крымской войны, но помню подъ какимъ ужаснымъ впечатлѣніемъ всё жила. И это впечатлѣніе застряло, завязало въ обществѣ; нигилизмъ былъ его прямымъ результатомъ. Посмотрите какъ онъ опять подыметъ голову и какъ мало отпора дастъ ему оскорбленное, угнетенное въ своемъ русскомъ чувствѣ общество.

Больной съ трудомъ повернулся въ креслѣ и взглянулъ въ стеклянную дверь, выходившую изъ внутреннихъ комнатъ. Оттуда тотчасъ появился какой-то молодой человѣкъ очень серьезной наружности.

— Что, нѣтъ еще? спросилъ его больше взглядомъ, чѣмъ словами, больнои.

— Ничего нѣтъ, пожалъ плечами молодой человѣкъ.

Маститый дипломатъ задумчиво повелъ глазами и вдругъ остановилъ ихъ на Зимовьевѣ.

— А вы попрежнему не хотите служить? обратилась онъ

къ нему.—Теперь люди нужны, я могъ бы сейчасъ же зачислить васъ...

Зимовьеву показалось какъ будто по губамъ его скользнула тонкая усмѣшка.

— Нѣтъ, благодарю васъ, сказалъ онъ послѣшво;—я на дняхъ уѣду отсюда, и подальше. На этой Голгоѣѣ мнѣ не втерпежь становится.

— На Голгоѣѣ? улыбнулся больной.—Да, Голгоѣа... и не для васъ только... добавилъ онъ, указывая взглядомъ на свое безпомощно распростертое тѣло.

Глѣбъ Дмитричъ простоялъ и вышелъ. Позднія лѣтнія сумерки уже колышались надъ Берлиномъ, тѣни тянулись и сливались. По улицамъ толкалась толпа, изъ раскрытыхъ дверей кофеенъ неслаась то смѣхъ, то громкіе спорящіе голоса. Большой, парадно-чистый, и бѣдный въ своей парадной чистотѣ городъ, какъ будто жилъ двойною жизнью. „Неужели и эту толпу алтекарей и прикащиковъ всколыхнула все та же злая радость?“ думалъ Зимовьевъ, взглядывая по сторонамъ и поспѣгивая хлыстикомъ по своимъ залыленнымъ сапогамъ. Рука вертѣвшая этотъ хлыстикъ была совсѣмъ горячая.

Онъ купилъ листокъ какой-то вечерней газетки и на ходу пробѣжалъ первую страницу. Тамъ, въ лицемѣрно сдержанныхъ и какъ бы соболевующихъ выраженіяхъ, изъ-подъ которыхъ такъ и прыгала торжествующая злоба, сообщалось за вѣрное что въ послѣднемъ засѣданіи русскіе уполномоченные понесли полное пораженіе, что они ужъ отступили ото всѣхъ притязаній и ждутъ только инструкцій чтобы принять программу лорда Беконсфилда. „Въ виду окончательнаго выясненія положенія дѣла, прибавляла газетка, нѣтъ мѣста сомнѣнію что такіа инструкціи будутъ сегодня же получены“. Затѣмъ слѣдовали комплименты Русскому правительству обнаружившему такъ много мудрой умѣренности, и высокому искусству нашей дипломатіи сумѣвшей стать выше національныхъ предрасудковъ и панславистскихъ увлеченій. „Но величайшая услуга человечеству, заканчивалъ берлинскій публицистъ, оказана нашимъ великимъ канцлеромъ, который въ своей роли честнаго маклера нашель кровавому Восточному вопросу рѣшеніе способное одинаково удовлетворить Европу и Россію. Трактатъ имѣющій быть подписаннымъ на дняхъ надолго останется краеугольнымъ камнемъ мира, просвѣщенія и прогресса.“

Глѣбъ Дмитричъ скомкалъ газету и швырнулъ ее въ вымытый какъ тарелка тротуаръ, къ величайшему изумленію полицейскаго, пораженнаго этимъ наглымъ безпорядкомъ до степени столбняка. Ему было жарко, душно и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось еще больше утомить себя физически, придавить неугомонную возню въ головѣ, въ сердцѣ, въ нервахъ. Онъ пошелъ бродить по городу, стараясь уйти подальше отъ людныхъ улицъ, отъ суетящейся и словно торжествующей толпы, которая никогда не была такъ ненавистна ему какъ сегодня. Проматавшійся съ часъ Богъ знаетъ по какимъ за коулкамъ, онъ очутился въ маленькомъ садикѣ, гдѣ Нѣмцы лили пиво, курили и читали газеты подъ звуки плохенькаго оркестра и подъ стукъ кегельбана. Зимовьева мучила усталость и жажда, онъ присѣлъ къ столу и спросилъ сельтерской воды.

Направо отъ него человѣкъ пять пожилыхъ и степенныхъ бюргеровъ съ разстегнутыми жилетками и задвинутыми на затылокъ шляпами чокались кружками и разсуждали очень громко о политикѣ. Если публицистъ вечерней газетки считалъ необходимымъ маскировать свое злорадство, то подгулявшіе бюргеры не стѣсняясь высказывали все что можетъ думать о Россіи никогда не видавшая ее нѣмецкая голова.

Зимовьевъ подозвалъ слугу и съ намѣреніемъ очень громко велѣлъ подать себѣ какую-нибудь русскую газету. Нѣмцы переглянулись, но сообразивъ вѣроятно что ихъ тутъ много, а Русскій одинъ, возобновили прежній разговоръ. Самый пьяненькій изъ нихъ даже нарочно старался говорить громко и еще болѣе дерзкимъ образомъ.

— Еслибы желѣзный князь не удержалъ Австрію, Русскіе всѣ были бы перебиты, всѣ до единого человѣка! ораторствовалъ онъ. — Турки не могли ихъ добить, потому что такіе же дураки какъ и Русскіе. Но еслибъ Австрія не знала что нашъ кейзеръ жалѣетъ ихъ, она сама завоевала бы всѣхъ этихъ Славянъ и выгнала бы Русскихъ съ полуострова. Но Русскіе неблагодарны какъ всякая нецивилизованная нація.

Зимовьевъ всталъ и подошелъ къ бюргерамъ.

— Господа, позвольте васъ предупредить что я Русскій и понимаю по-нѣмецки, и прошу васъ прекратить этотъ разговоръ! сказалъ онъ сдержанно, хотя губы его замѣтно вздрагивали.

Нѣмцы молча переглянулись и спросили еще пива. Но черезъ минуту все тотъ же изъ нихъ опять началъ ругаться.

— О, я знаю Русскихъ! говорилъ онъ, задвигая шляпу еще дальше затылка.—У меня дядя былъ въ Петербургѣ и его тамъ обобрали, не заплатили долговъ. Русскіе никогда не платятъ долговъ, потому что они не честны.

— Ну, что ты говоришь, lieber Kranz! остававивави его другіе.—Въ Россіи какъ и вездѣ есть такіе что платятъ и такіе что не платятъ. Ты очень много пилъ пива, lieber Kranz, и это не хорошо, хотя для честнаго Нѣмца пить пиво очень хорошо!

— Нѣтъ, Русскіе никогда не платятъ! настаивалъ расхвалившійся бюргеръ.—Они когда пріѣзжаютъ за границу, то сначала швыряютъ деньгами чтобы лустить намъ въ глаза, а потомъ уязжаютъ потихоньку, не заплативъ долговъ. Я въ моемъ заведеніи приказалъ ничего не давать Русскимъ безъ денегъ.

— Ну, тебѣ случилось имѣть дѣло съ нехорошими русскими господами, убѣждали его пріятели;—а есть хорошіе русскіе вельможи, которые за все платятъ чистыми деньгами, lieber Kranz. Не надо такъ говорить о Русскихъ, lieber Kranz, потому что нашъ кейзеръ очень любитъ ихъ кейзера.

Но тотъ котораго называли lieber Kranz никакъ не унимался.

— Что вы мнѣ толкуете про русскихъ вельможъ, у нихъ совсѣмъ нѣтъ настоящей рыцарской чести! кричалъ онъ.—Русскій никогда не можетъ быть благороднымъ человекомъ, потому что онъ свинья.

— О, фуй, lieber Kranz! воскликнули нѣсколько уже смущившіеся бюргеры.—Ты честный хозяинъ и хорошій патриотъ, но ты пилъ очень много пива, lieber Kranz!

Глѣбъ Дмитричъ медленно поднялся со стула и подошелъ ко столу; лицо его было блѣдно, а бѣлки глазъ желты.

— Господа, сказалъ онъ спокойно, несмотря на дрожавшіе въ лицѣ мускулы,—такъ какъ вы не можете образумить вашего товарища, то я съ сожалѣніемъ долженъ взять это на себя.

И въ то же мгновеніе толстый хлыстъ его, рѣзавъ по воздуху, олустился на мясистое плечо Кранца.

Ошалѣлый отъ боли и ярости бюргеръ схватился руками за столъ, желая подняться, но дѣйствіе выпитаго пива взяло верхъ и онъ грузно рухнулъ на песокъ. Нѣмцы повскакали съ мѣтой и окружили Зимовьева.

— О, это нельзя! это никакъ нельзя! это надо судить! кричали они кивая головами и закладывая руки въ карманы.

Гдѣбъ Дмитричъ оглянулся, приложившая гдѣ выходъ.

— Прочь! крикнулъ онъ, идя прямо на огромнаго толстяка загородившаго ему дорогу. И въ его голосѣ прозвучала такая необузданная бѣшеная воля что толстякъ пассивно посторонился.

XI.

„Ахъ, какъ глупо!“ воскликнулъ чуть не въ слухъ Зимовьевъ, очутившись снова на улицѣ и чувствуя что сцена въ садикѣ не только не усложнила его злой тоски, но еще прибавила новое неприятное впечатлѣніе. „Ну да чертъ съ ними, съ этими Крапцями и со всеми Нѣмцами... продолжалъ онъ мысленно;—дождусь что будетъ завтра и уйду подальше, какъ можно подальше... въ Исламію, въ Америку... Въ самомъ дѣлѣ, не поѣхать ли въ Америку? Въ Европѣ становится ужь очень гадко.“

Страшный шумъ раздавшійся надъ самою его головою неожиданно привлекъ его вниманіе. Какъ будто тысячи голосовъ гудѣли наверху и этотъ гулъ, врываясь въ раскрытыя окна, стоялъ надо всею улицей.

— Что тамъ такое? спросилъ Зимовьевъ у прохаживавшагося предъ домомъ полицейскаго.

Тотъ объяснилъ что происходитъ сходка социалистовъ. „Взглянуть развѣ?“ подумалъ Зимовьевъ, и войдя въ ворота поднялся по узкой и не совсемъ опрятной лѣстницѣ въ верхній этажъ.

Большая и лишенная всякаго убранства зала была переполнена народомъ. Баузы рабочихъ составляли главную массу, но было много интеллигентныхъ физиономій въ лиджакахъ и даже черныхъ сюртукахъ. Почти все это стояло на ногахъ, такъ какъ скамеекъ и стульевъ не хватало бы и для сотой доли собравшихся. Впереди помѣщался столъ, а на этомъ столѣ какой-то невзрачный на видъ господивъ, въ повешенномъ сюртукѣ и съ такими же повешенными баками на обвисломъ лицѣ. Господивъ этотъ не говорилъ, а хрипѣлъ на всю залу, надрываясь извлекъ цѣзъ своей чахоточной груди достаточно громкіе звуки. Но его едва слушали, судя по несомнѣемому гулу происходившему отъ отдѣльныхъ рѣчей

и разговоровъ. Зимовьевъ, пробившись насколько могъ впередъ, прислонился къ стѣнѣ и старался ловить о чемъ говорить ораторъ. По отдѣльнымъ долетавшимъ словамъ можно было догадаться что рѣчь шла о какомъ-то „обществѣ свободной мысли“, въ которое присутствующіе приглашались вступить. Результаты приглашенія однако не опредѣлялись, потому что чрезъ минуту на столъ влѣзъ другой господинъ и, слухнувъ оттуда прѣжняго, заговорилъ совсѣмъ о другомъ. Новый ораторъ повидимому еще меньше понравился лубайкѣ, такъ какъ немедленно раздались крики: „долой, не надо!“ Тогда съ двухъ концовъ влѣзли на столъ уже два субъекта, а сзади поплѣзъ третій; всѣ они махали руками, толкали другъ друга плечами и кричали. Въ залѣ тоже кричали и хохотали.

— Ну, пошла писать губернія! вдругъ сказалъ кто-то подлѣ Зимовьева по-русски, да еще съ сильнѣйшимъ малороссійскимъ акцентомъ.

Глазѣ Дмитричъ съ любопытствомъ взглянулъ на соотечественника. Это былъ мущина лѣтъ сорока, выше средняго роста, съ продолговатымъ лицомъ, густыми темнорусыми бакками и длинными волосами, зачесанными à la Добролюбовъ. Лицо его, вѣсколько грубое, носило отпечатокъ ума и характера, а въ насмѣшливыхъ губахъ и задорномъ выраженіи глазъ чувствовалось что-то безграницно самолюбивое и самоуверенное.

— Погодите, вотъ сейчасъ самое интересное будетъ, оказался тоже по-русски другой господинъ.

Этотъ другой былъ не кто иной какъ Стышичъ, услѣзшій уже перелетѣть въ Берлинъ изъ того далекаго уголка гдѣ мы его недавно видѣли.

„Самое интересное“ вышло однако совсѣмъ неинтересно. Какой-то социаль-демократъ, одѣтый въ рабочую блузу, съ жиделькою черною бородкою и такими завалившимися щеками какъ будто кто-то связалъ ихъ во рту тесемочками, овладѣвъ столомъ, и отрекомендовавшись въ качествѣ швейцарскаго делегата, принялся разказывать объ оваціяхъ устроившихъ въ Женевѣ и Цюрихѣ во славу Вѣры Засуличъ. Публика минуту лять молчала, но затѣмъ съ явнымъ намѣреніемъ прервать оратора принялась кричать: hoch! швейцарскимъ социаль-демократамъ. Ораторъ, не понявшій этой деликатности, принялъ ее за поощреніе и хотѣлъ продолжать рѣчь, приглашая почтенное собраніе принять резолюцію о

заявленію сочувствія русской революціонной партіи. Но тутъ стали кричать, стучать палками и каблуками, свистать, а кто-то даже промаукалъ по-кошачьи. Гвалтъ вышелъ невообразимый, и сконфуженный делегатъ швейцарскихъ социаловъ незамѣтно слѣзъ со стола.

— Экое стадо! выругался нашъ соотечественникъ, зачесавшій à la Добролюбовъ.

Стышичь тоже казался очень недоволенъ, и зеленватые глаза надменно и презрительно оглядывали залу.

— Для нѣмецкаго рабочаго весь социальный вопросъ заключается въ дешевомъ ливнѣ! продолжалъ онъ, пожимая плечами.

Толпа поемвогу начала расходиться. Какой-то плечистый дѣтина, смахивавшій на кузнечнаго мастера, тѣтено звалъ въ колокольчикъ, уверяя что необходимо прослушать резолюцію: у Нѣмцевъ ужь очень пересохло въ горахъ и они стремились изъ залы чтобы разсыпаться по ливнымъ.

Глѣбъ Дмитричь тоже вышелъ. Оба соотечественника оказались на вѣсколько шаговъ предъ нимъ и, къ удивленію его, шли по одѣмъ и тѣмъ же улицамъ до самаго отеля. Но еще больше было удивленіе Зимовьева, когда они поднялись вмѣстѣ съ нимъ по лѣстницѣ и вошли въ одну изъ большихъ и дорогихъ нумеровъ.

— Кто здѣсь стоитъ? спросилъ онъ кельнера.

— Русская дама изъ Петербурга, отвѣтилъ тотъ, полагая очевидно что національность дамы избавляетъ его отъ всякой необходимости знать ея фамилію.

„Да это вѣрно *ci-devant* Ольжанская!“ подумалъ Зимовьевъ—и не ошибся.

Хозяйкою просторной и нарядной гостиной, въ которую вошли посѣтителю социаль-демократической сходки, была дѣйствительно Софья Александровна Карачъ. И она принимала ихъ не просто какъ гостей, у нея было назначено вѣ которое политическое *rendez-vous*, на которомъ кто-то долженъ былъ сблизиться съ кѣмъ-то, объяснить въ принципахъ и условиться относительно программы дѣйствія. Какъ и почему случилось что пзаящая и легкомысленная Софья Александровна выступаетъ предъ нами въ столь значительной политической роли, этого вѣроятно она и сама объяснить хорошенько не могла бы. На ея взглядъ все случилось чрезвычайно просто. Она привыкла и раньше засѣдать въ какихъ-то ужасно либеральныхъ обществахъ (которыя,

впрочемъ, въ умѣ ея не очень точно разграничивалась съ обществомъ ассенизаціи, учрежденнымъ Каричемъ и Безбѣднымъ), принимать какихъ-то ищущихъ свободнаго труда дѣвицъ, устраивать какіе-то литературно-музыкальные вечера, имѣющіе не совсѣмъ опредѣленное отношеніе къ женскому вопросу и вообще участвовать въ той кружевной и парфюмерной революціи, которая съ давнихъ поръ уже происходила въ свѣтскихъ домахъ въ Петербургѣ и въ провинціи. А тутъ Богъ знаетъ откуда явился графъ Воиновичъ, красивый, любезный, хитрый, повидимому богатый и пролитанный до мозга костей аристократизмомъ совсѣмъ заграничнаго склада, и увлекъ беззащитное сердце женщины. У графа была маленькая и совершенно невинная слабость къ представителямъ международной политической авантюры. У него появлялись польскіе эмигранты, русскіе „незаконные“ (выраженіе это тогда только-что приобрѣло права гражданства), какіе-то очень страшные на видъ и очень не элегантные Французы и, наконецъ, разъ даже оказался праладскій феній. Графъ объявлялъ свою слабость тѣмъ что все это были въ нѣкоторомъ родѣ знаменитости, имѣющія передать свои имена исторіи и что онъ непотѣрно тяготится обществомъ обыкновенныхъ, буржуазныхъ, ничтожныхъ людей. Софья Александровна какъ нельзя болѣе сочувствовала склонности къ необыкновеннымъ и знаменитымъ людямъ. О какихъ-нибудь дальнѣйшихъ дѣлахъ, руководившихъ графомъ, между ними никогда не было рѣчи; да для ште Каричъ вообще какъ-то и не существовало дѣлей: она все въ жизни понимала лишь со стороны впечатлѣнія и формы, и дѣвила какъ средство болѣе или менѣе пріятно провести настоящую минуту. Ей представлялось попятнымъ само собою что графъ, при его умѣ и сочувствіяхъ, долженъ интересоваться социальнымъ вопросомъ; а самый вопросъ плавалъ предъ нею въ какомъ-то почта поэтическомъ туманѣ, и какъ существенное она дѣвила въ немъ лишь то что онъ можетъ сблизить ее со знаменитыми людьми и создать для нея интересное положеніе. Въ природѣ толпы всегда лежитъ инстинктивное любопытство къ знаменитостямъ и въ особенности къ такимъ которыя льстятъ ей. Великіе писатели, художники, артисты вращаются въ очень ограниченномъ кругу; толпа нашла себѣ своихъ собственныхъ кумировъ въ той области гдѣ дорога къ извѣстности открыта всякому наглому, бездарному и безпринципному

честолюбію,—въ области политической авантюры. Нельзя безъ гевія или таланта прославиться въ искусствѣ, но можно сдѣлать выстрѣлъ на улицѣ, или подбить пьяную чернь свалить Вандомскую колонну... Есть извѣстное честолюбіе даже въ томъ чтобъ украсть нѣсколько милліоновъ, и найдутся люди для которыхъ украшій ихъ сдѣлается любопытною знаменитостію.

Софья Александровна была совершенно права: все случилось какъ нельзя болѣе просто. Она присутствовала на процессѣ Вѣры Засулчъ. Вокругъ нея, на обширной трибунѣ, перелопаченной велегавною и чиновною публичкой, слышались шлопотъ сочувствія, вѣялъ воздухъ либеральнаго восторга, носилось какое-то легкое и соблазнительное ольвяннѣе. Молодые, но ужь очень выслужившіеся бюрократы повторяли съ восхищеніемъ что ничего столь блистательнаго какъ знаменитая „экскурсія въ область розга“ не раздавалось еще въ стѣнахъ суда; маленькія, изящныя ручки аллодировали. Софья Александровна была очарована всѣмъ что она видѣла и улосена своимъ собственнымъ возбужденіемъ. Графъ восторгался очень сдержанно и даже выражалъ сожалѣніе, разумѣется шута, что героиня процесса не обладаетъ болѣе интересною наружностію; но затѣмъ овъ съ озабоченнымъ видомъ передалъ шпе Каричъ будто полиція, вопреки оправдательному приговору суда, хочетъ арестовать Засулчъ и дѣлаетъ обыски. Софья Александровна заволновалась: ей хотѣлось спасти свою героиню, а главное, увидѣть ее и потомъ разказывать во всѣхъ гостивыхъ о своемъ знакомствѣ съ нею. Все это, очевидно, не вышло изъ предѣловъ кружевной революціи, которую Софья Александровна невинно занималась столько лѣтъ... однако дѣло обошлось безъ нея. Слуста мѣсяць, графъ привнесъ ей брошюрку посвященную „лодвигу“ Засулчъ, и нѣсколько нумеровъ жевевскихъ газетъ, описывавшихъ торжественныя оваціи которыми была встрѣчена отнынѣ знаменитая соотечественница въ кружкахъ русской эмиграціи. При этомъ графъ объяснилъ что теперь центръ всей дѣятельности находится въ Швейцаріи, и что овъ предлагаетъ туда съѣздить „посмотрѣть“. Софья Александровна тоже ужасно хотѣлось „посмотрѣть“ заграничный воажъ, соединившій интересъ политической роли съ обществомъ любимаго человека, удовольствіями роскошныхъ отелей, модныхъ магазиновъ и ни къ чему не обязывающихъ ежедневно

новыхъ знакомствъ, представляя слѣшкомъ много соблазновъ. Мужъ, болѣе чѣмъ когда-либо занятый самимъ собою, ничего не возражалъ противъ такой поѣздки.

Въ Берлинѣ она застряла, потому что графъ интересовался ходомъ конгресса, и притомъ получилъ свѣдѣнiе что нѣкоторыя знаменитости международной революцiи, изъ Швейцарiи, изъ Парижа и Лондона, должны сюда съѣхаться. Къ нему дѣйствительно стали ходить какiя-то странныя личности, то залугавныя, озирающiяся изподлобья, шмыгающiя по улицамъ съ поднятыми воротничками и нахлобученными шляпами, то необычайно развязныя, крикливыя, съ вызывающимъ и любѣдвымъ видомъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, и между прочимъ Стышича, онъ приводилъ къ Софьѣ Александровнѣ. Разъ, недѣли черезъ три берлинской жизни, онъ объявилъ ей что познакомился еще съ однимъ очень важнымъ революционнѣмъ дѣятелемъ, но что такъ какъ полицiя по вѣдомому начинаетъ слѣдить за нимъ, то онъ желалъ бы принять его не у себя, а въ ея номерѣ. Мисс Каричъ была совершенно счастлива...

— Но я прошу васъ быть *très-discrète*, потому что это свиданiе должно имѣть очень важныя послѣдствiя! предупредилъ графъ.

Софья Александровна обѣщала быть нѣма какъ рыба.

Въ сущности же Воесовичъ еще не былъ знакомъ съ господиномъ носившимъ прическу à la Добролюбовъ, и устроилъ это свиданiе у Софьи Александровны просто потому что по нѣкоторымъ соображенiямъ считалъ нужнымъ держать себя какъ бы на второмъ планѣ.

XLI.

Стышичъ, представляя гостя Софьѣ Александровнѣ, называлъ его Алексѣемъ Михайловичемъ Чубатымъ.

— Можете догадаться и по фамилiи, и по выговору что предъ вами настоящiй хохолъ, добавилъ гость, и дѣйствительно съ такимъ малороссiйскимъ акцентомъ какого лѣтербургская дама и не слышала еще.

Графъ стоявшiй у окна на другомъ концѣ комнаты ограничился молчаливымъ локауномъ. Это нѣсколько удивило Софью Александровну, но она тотчасъ подумала что вѣроятно такъ для чего-нибудь нужно.

— Каково наше положеніе на конгрессѣ! Вы конечно знаете послѣднюю новость: Беконсфильдъ заказалъ на завтра поѣздъ... начала она прямо, усадивъ любителей.—Графъ, что вы такъ далеко? Вы знакомы, господа?

Произошло обычное представленіе. Вонсовичъ, со свойственною ему вкрадчивою и вмѣстѣ холодною, какъ бы даже презрительною любезностью, сказалъ что давно уже знаетъ господина Чубатаго какъ даровитаго публициста и извѣстнаго знатока украинской литературы.

— А вы вѣрите въ украинскую литературу? спросилъ съ провѣей на своихъ крутыхъ губахъ Чубатый.

— Я къ сожалѣнію никогда не жилъ на Украинѣ, и не могъ посвятить себя ея изученію, отвѣтилъ какъ бы съ сожалѣніемъ графъ;—но кто же не знаетъ, хотя бы по имени, вашего великаго поэта?

— Ахъ, да, Шевченко! подхватила хозяйка;—я читала что-то такое въ переводѣ... Коврадъ Валеродъ кажется...

— Это Мицкевича! поправилъ со свисходительною улыбкой графъ.—Я впрочемъ интересовался больше политическою стороною вопроса, продолжалъ онъ, обращаясь къ Чубатому;—и если заговорилъ о вашемъ поэтѣ, то потому что онъ принадлежалъ къ кружку патріотовъ, стремившихся къ освобожденію Украины.

— А вы и въ освобожденіе Украины вѣрите? опять съ тою же провѣей спросилъ Чубатый.

— О, безъ сомнѣнія! отвѣтилъ какъ бы не замѣчая этой провѣи Вонсовичъ.—Малорусская національность обладаетъ всѣми данными для независимаго существованія.

— Такъ что вы могли бы представить себѣ Украину какъ самостоятельное государство? опять спросилъ Чубатый.

— Разумѣется! отвѣтилъ слегка даже пожавъ плечами графъ, какъ бы желая тѣмъ сказать: что-жь тутъ еще спрашивать!

— И даже размежеваніе границъ между Украиной и Польшею вамъ представляется въ опредѣленномъ и окончательномъ видѣ? продолжалъ Чубатый.

Графъ хотѣлъ отвѣчать, но его перебилъ Стышичъ.

— Господа, это уже слишкомъ напоминаетъ извѣстную басню, сказалъ онъ.—Мнѣ кажется, теперь можно говорить только о борьбѣ съ общимъ врагомъ, а не о дѣлѣхъ добычи.

— Это совершенно справедливое замѣчаніе! вставила Софья Александровна.—Курите, господа, если желаете.

Чубатый досталъ какой-то странный портъ-табакъ, какіе употребляютъ только на югѣ, скрутилъ папироску и зажегъ. Отъ этой рыхлаой, толстой папироски комната въ одну минуту наполнилась дымомъ.

— Я смотрю на дѣло совершенно иначе, сказалъ онъ собирая толстыя складки на лбу, низко заросшемъ волосами;— я полагаю что вопросъ о границахъ не мѣшало бы разъяснить прежде всего. По моему крайнему убѣжденію, Поляки въ 1863 году проиграли свое дѣло именно потому что явилась лутаища во взаимныхъ притязаніяхъ на территорію.

Войсочичъ вѣжливо наклонилъ голову.

— Я совершенно съ вами согласенъ; благодаря этому несчастному вопросу объ историческихъ и политическихъ границахъ, Поляки въ 1863 году потеряли могущественнаго союзника, но полагаю что дѣло было бы во всякомъ случаѣ проиграно, сказалъ онъ чисто-дипломатическимъ тономъ.

— Какъ, вы хотите сказать что даже общихъ успѣиіи Украйны и Польши недостаточно чтобы вырвать ту и другую изъ московскихъ когтей? возразилъ Чубатый.

На красивомъ лицѣ графа явилась тонкая улыбка.

— О, вѣтъ, мнѣ было бы слишкомъ тяжело придти къ такому безнадѣжному выводу! сказалъ онъ почти весело.— Нѣтъ, мои слова имѣютъ только такъ-сказать историческій смыслъ. Вы заговорили о 1863 годѣ. Это очень печальное воспоминаіе, потому что дѣло искусно подготовленное и стоившее неисчислимыхъ жертвъ было заранѣе осуждено на неудачу, такъ какъ въ основаніи его лежала ложная идея. За дѣло взялись не съ того конца съ котораго слѣдовало.

Чубатый лыхнулъ изъ папироски и посмотрѣлъ на графа очень серьезно.

— Я не совсѣмъ понимаю вашу мысль, сказалъ онъ.

— Моя мысль заключается въ томъ, объяснилъ графъ,— что пока Польша или Украйна, вмѣстѣ или порознь, будутъ стоять противъ Россіи, какъ бунтующія массы противъ организованнаго и располагающаго всѣми силами государства, до тѣхъ поръ перевѣсъ всегда будетъ на сторонѣ Россіи. Но совсѣмъ другое дѣло если это государство обратится въ такую же бунтующую массу какъ мы сами. Другими словами, Польша и Украйна могутъ освободиться не посредствомъ польской или украинской, а посредствомъ русской революціи.

— Которую, я полагаю, нельзя произвести теми средствами, какими до сихъ поръ дѣйствовала русская революціонная партія, вставилъ Стышичъ.

Чубатый поправилъ свои густые, отчесанные назадъ волосы.

— Все это не очень ново, и въ 1863 году русская партія искала союза съ польскою, но Поляки сами отвергли ее, сказавъ оуъ.

— Ахъ, надо забыть объ этомъ несчастіи 1863 года, продолжалъ графъ;— съ тѣхъ поръ Поляки многому научились и на многое смотрятъ иначе. Они не торопятся, не ищутъ безумно мѣряться силами въ открытомъ полѣ, и могу васъ увѣрить, менѣе всего расположены пренебрегать союзниками.

— Мнѣ даже кажется что Поляки настолько изменились что предпочитаютъ мирно прозябать подъ русскою властью, уязвилъ Чубатый.

Вовсовичъ вскользя улыбулся, а холодные глаза Стышича блеснули.

— Вы вѣроятно не станете утверждать чтобы въ Россіи или даже въ Украйнѣ масса населенія принадлежала революціи, возразилъ оуъ;— насъ всегда и вездѣ было одинъ противъ тысячи. Мы составляемъ регулярную армию посреди стада, а одинъ взводъ солдатъ легко опрокидываетъ безтоаковое скопище. Но вотъ тутъ-то и зааючается главный вопросъ...

Оуъ остановился и вопросительно взглянулъ на графа, какъ бы спрашивая его совѣта: говорить или нѣтъ?

— Вопросъ объ организаціи, молвилъ послѣдній, опускаая взглядъ на свои красивые, мягкіе усы.

— Да, объ организаціи, подхватилъ Стышичъ. — Мы дѣйствуемъ въ разбродѣ, посылаемъ шайтаться по деревнямъ и толковать съ мужиками, которые насъ вяжутъ и тащатъ къ становому, и вообще тратимъ силы и время. Такъ мы вѣчно будемъ толтаться на одномъ мѣстѣ. Надо чего-то другаго...

— Ужъ не пресловутой ли организаціи жовда! возразилъ Чубатый.

— Да, неможко и оттуда, продолжалъ Стышичъ.— Вообще, я полагаю, вѣкоторыя традиціи 1863 года было бь очень кстати вспомнить.

— Напримѣръ? полюболытствовалъ Чубатый.

— Напримѣръ, есть очень хорошее средство: терроръ, объявилъ Стышичъ.— Какъ вы полагаете: есаибы за одною Вѣрой

Засулцъ являлся десять другихъ, не почувствовало ли бы дрожь такое мертво-бюрократическое государство какъ Россія?

Вомсовичъ, съ тѣхъ поръ какъ Стышичъ ввязался въ разговоръ, снова отодвинулся на второй планъ и принималъ видъ чловѣка не заинтересованнаго лично въ происходящемъ спорѣ. Онъ даже повернулся къ Софьѣ Александровнѣ и сказалъ тономъ свѣтскаго чловѣка:

— Мы кажется злоупотребляемъ тѣмъ что вышшіе нравы позволяютъ говорить о политикѣ при дамахъ.

— О, я даже не помню другаго разговора! отвѣтила съ убѣжденіемъ madame Каричъ и обратившись къ Стышичу, возразила на его вопросъ:

— Но гдѣ ихъ взять, такихъ какъ Вѣра Засулцъ?

Стышичъ улыбнулся съ вѣсколько презрительнымъ выраженіемъ.

— Я вѣдь только для примѣра назвалъ Засулцъ. Мужская рука бьетъ вѣрнѣе, сказалъ онъ.

Софья Александровна какъ бы даже немного оскорбилась за свою героиню.

— Однако мужскія руки до сихъ поръ не сдѣлали того что она сдѣлала, возразила она.

— Потому что это не тѣ люди, отвѣтилъ Стышичъ. — Въ 1863 году въ Варшавѣ было много такихъ что умѣли владѣть и револьверомъ, и кинжаломъ.

— А, то въ Варшавѣ! отозвался со своей „исторической“ точки зрѣнія Вомсовичъ.

Чубатый всталъ, сдѣлалъ вѣсколько шаговъ по ковру и вдругъ, круто повернувшись на каблучкахъ, остановилъ на графѣ въ упоръ выразительный взглядъ.

— Вы знаете такихъ людей? спросилъ онъ.

— Какимъ образомъ я могу ихъ знать! отвѣтилъ вѣсколько не смутившись графъ. — Да и развѣ есть люди заранѣе посвящающіе себя подобной спеціальности? Ихъ создаетъ ходъ вещей, создаетъ само дѣло: когда его ведетъ твердая рука, тогда союзники являються со всѣхъ сторонъ.

— И деньги? добавилъ вопросительно Чубатый.

— Обыкновенно являються и деньги, подтвердилъ Вомсовичъ. — Но не слишкомъ ли мы пользуемся гостеприимствомъ хозяйки? вдругъ схватился онъ, ища глазами шаялу. — И притомъ здѣсь, въ Берлинѣ, не мѣняется соблюдать осторожность. Мнѣ кажется было бы хорошо еслибы васъ не видали

больше въ этомъ отелѣ. Автокъ Казиміровичъ (онъ указалъ на Стышича) можетъ сообщить вамъ свой адресъ, и если вы захотите доставить мнѣ удовольствіе еще разъ васъ видѣть, онъ это устроитъ. А теперь я долженъ привести мои извиненія хозяйкѣ...

Онъ подошелъ къ ручкѣ, простился съ мушкетерами и вышелъ.

Такъ какъ онъ стоялъ въ томъ же отелѣ, только въ другомъ этажѣ, то черезъ минуту онъ уже былъ у себя. Присѣвъ къ письменному столу, онъ набросалъ на листкѣ бѣлой безо всякаго везела бумаги слѣдующія строки:

„Видѣлся съ Ч. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка на гаулаго и съ характеромъ, который, презирая въ душѣ окружающую его революціонную сволочь, способенъ сблизиться съ нею ради политическихъ цѣлей и жертвовать для этихъ цѣлей личнымъ чувствомъ безразличности. Самолюбіе его, кажется, безпредѣльное и необузданное. Идея освобожденія Малороссіи представляется ему какъ вещь болѣе бытовою, и этого не надо забывать. Я держалъ себя осторожно и высказывался вполониву, предоставляя докончить Ст—чу. На даяхъ онъ безъ сомнѣнія будетъ искать снова увидѣться со мною и просить денегъ. По свѣдѣніямъ, у него на пролитаніи уже порядочная команда, и надо будетъ дать что-нибудь. Вообще, мнѣ кажется, господинъ этотъ совершенно пригоденъ для того чтобы сохранить свое нынѣшнее положеніе въ Швейцаріи. Теперь я въ поискахъ за князьейкой.“

Залечатавъ это письмо въ конвертъ, Восовичъ надписалъ адресъ и спустился внизъ чтобы забросить его въ почтовый ящикъ.

XLII.

Глубь Дмитричъ пережилъ въ Берлинѣ тотъ мучительный день въ который Россія въ нѣсколько часовъ утратила большую часть результатовъ кулевныхъ годовъ войны, кровавыми жертвами, несмысленными подвигами и сказочными любдами. Онъ былъ очевидцемъ впечатлѣнія, словно придавишаго своею тяжестью даже Берлинъ, гдѣ еще накануне всѣ ждали событія и относились къ нему съ тѣмъ нѣсколько злораднымъ легкомысліемъ, съ какимъ люди встрѣчаютъ чужое пораженіе. Онъ проболѣлъ до конца этою мучительною болью,

поразившею всякое русское сердце, и мрачный, влады и сѣраменю душой выѣхалъ изъ Берлина, отряса прахъ отъ ногъ своихъ. Глухая тоска наполняла его и какимъ-то противнымъ холодомъ студила мысли и нервы. Ему уже не хотѣлось никакого дѣла, никакого собственнаго, личнаго подвига; хотѣлось только забыть все что передумалъ и переживалъ онъ въ эти двѣ недѣли, забыть Берлинъ, конгрессъ, забыть Россію.

Предъ отъѣздомъ онъ отправилъ въ Петербургъ къ своему старому, близкому пріятелю и почти другу небольшое письмо:

„Увѣжаю разбитый нравственно, никуда негодный и злой. Вы знаете что натура моя не изъ очень податливыхъ, что я держу свои нервы въ ловцовеніи и не такъ-то легко ладаю духомъ. Но послѣ всего что здѣсь въ Берлинѣ пришлось видѣть, слышать, ловять и выстрадать, я чувствую себя точно переломленнымъ пополамъ и окончателъно выброшеннымъ за бортъ. Помните наши споры, ваши упрёки и мое упрямство? Вы звали меня къ дѣлу, вы показывали мнѣ Россію не такою какою мы оба ее знали, а такою какъ живописало ее ваше горячее сердце, ваше глубокое чутъе идеала, ваша вѣчно творящая мысль. И вотъ опять съ несказанною тоскою и болью, я повторяю вамъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я увѣжалъ изъ Россіи съ тѣмъ чтобъ осеью быть въ Петербургѣ и (сознаюсь со стыдомъ) присмотрѣться, нельзя ли въ самомъ дѣлѣ пристроить себя къ какому-нибудь дѣлу, отстать отъ своего злостнаго тунеядства, которымъ вы меня такъ много попрекали, — однимъ словомъ, сдѣлаться такимъ же полезнымъ человѣкомъ какъ всѣ. Въмсто этого у меня теперь только одно желаніе: забыть васъ всѣхъ, не васъ лично, мой дорогой другъ, но всѣхъ вашихъ полезныхъ людей, людей дѣла, добрыхъ гражданъ, усердно служащихъ роднѣ, и на этой службѣ достигшихъ или достигающихъ степеней извѣстныхъ. И потому я ѣду, ѣду какъ можно дальше, туда гдѣ заходитъ солнце, гдѣ все чужое безразлично, гдѣ ничто не тревожитъ и не заставляетъ страдать. Не знаю до какой послѣдней станціи добѣгу я, спасаюсь отъ берлинскаго кошмара. Пишите мнѣ въ Парижъ, я распоряджусь чтобъ оттуда письма дошли до меня. Пишите обо всемъ и преимущественно о пустякахъ, это кажется единственно о чемъ я могу думать безъ заости и боли.“

Глѣбъ Дмитріевичъ проѣхалъ въ Вѣну, оттуда въ Парижъ. Ему казалось что праздная жизнь большихъ городовъ скорѣе разсвѣтъ хандру, отодвинетъ впечатлѣнія послѣднихъ недѣль. Онъ ошибся: хандра, какъ ревнивая жена, слѣдовала за нимъ по латамъ, подстерегая каждую минуту его жизни, ложила съ зловѣщею тѣнью на каждое развлеченіе. Лихорадочный пульсъ большихъ столицъ не отвѣчалъ его собственному настроенію. Часто, сѣдя предъ какимъ-нибудь буаварнымъ кафе или возвращаясь изъ театра, онъ вглядывался замыи глазами въ свую толлу, облитую раздражающимъ газовымъ свѣтомъ, прислушивался къ немолчному гулу и грохоту, лохожему на кипѣнье въ раскаленномъ котлѣ и на душѣ вставало какое-то челоѣко-ненавистное чувство, какъ будто самъ онъ ни однимъ атомомъ своего существа не принадлежалъ этой толлѣ, этой жизни, этому кипѣнью крошечныхъ страстей и интересовъ, собранныхъ въ неодолимую массу. Ему казалось что онъ одинъ во всей этой милліонно-головой толлѣ осужденъ на скучную независимость въ сторонѣ стоящаго наблюдателя, что онъ, попавшій за кулисы всемірной траги-комедіи, видитъ размазанные холсты и скрипячіе канаты, слышитъ суетливый шопотъ режиссера—и для него одного не существуетъ волшебной иллюзіи, очаровывающей зрительную залу. Но тогда стоить ли присутствовать на спектаклѣ?

Его опять съ неудержимой силой потянуло вдаль, въ уединеніе, туда гдѣ можно чувствовать себя такимъ же одинокимъ и независимымъ какъ въ Парижѣ, но не видѣть этой раздражающей толлы, этой переигранной ліесы ничтожныхъ страстей и стремленій, кажущихся чѣмъ-то громаднымъ потому что они скопились тамъ въ бурливую массу.

Въ душное, знойное утро въ концѣ іюля, онъ внезапно заперъ свои чемоданы и взялъ билетъ до испанской границы. На одной изъ станцій въ Пиренеяхъ онъ вышелъ изъ вагона, приказалъ сложить свою поклажу въ какую-то страннаго вида колымагу, запряженную ларою муловъ, и къ вечеру пріѣхалъ въ маленькую, совершенно неизвѣстную ему деревеньку, прилѣпившуюся къ подошвѣ горы почти у самаго моря, по обоимъ берегамъ коротенькой, необычайно быстрой рѣчки, прядавшей съ меланхолическимъ звономъ по камнямъ и шуршавшей въ лескѣ. Деревенька была бѣдная, затерянная; окружающая мѣстность носила угрюмый и точно разбойничій характеръ; но Глѣбу Дмитріевичу она понравилась. Въ

единственной комнатѣ онъ нашелъ чистую комнату, съ каменнымъ поломъ и лающимъ вокругъ оконъ, а хозяинъ оказался очень искусенъ въ поджариваньи баранины и въ приготовленіи какихъ-то полуиспанскихъ блюдъ, очень печальныхъ какъ ежедневное меню, но любопытныхъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ресторанной кухни. Гдѣбъ Дмитріевичъ рѣшилъ что онъ поселится тутъ на неопредѣленное время.

И онъ дѣйствительно прожилъ нѣсколько недѣль въ этой невѣдомой деревенькѣ, лицомъ къ лицу со скалами, съ моремъ, съ солнцемъ, съ угрюмыми Басками, удивляемо глядѣвшими на страннаго сеньора, которому полюбилась ихъ бѣдная сторона. А сеньору въ самомъ дѣлѣ нравилось здѣсь, онъ былъ доволенъ что избавился отъ раздражающаго, бурливаго килъвья большого города, и что его втягиваютъ совсѣмъ другія впечатлѣнія, полныя здоровой, успокаивающей, примиряющей ласки. Онъ вставалъ рано, бродилъ по крутымъ тропинкамъ, по узкой песчаной полосѣ перерѣзанной скалами и окроляемой морскими брызгами, выѣзжалъ на рыбацкой лодкѣ въ море или уходилъ далеко въ горы, гдѣ даже въ полдень воздухъ дышалъ холодною свѣжестью и гдѣ можно было стрѣлять дикихъ козъ.

А на душѣ было все такъ же невесело. „Да, здѣсь хорошо, мирно, тутъ можно отдохнуть... а дальше что жь?“ думалъ онъ, глядя въ туманную морскую даль и словно успаваясь разсмотрѣть въ ней что-то другое что неотвязно и тоскливо тревожило мысль. И въ этомъ волнующемся туманѣ ему представлялся все тотъ же призракъ далекой Россіи, и онъ чувствовалъ что нѣтъ власти оторваться отъ этого призрака такъ чтобъ онъ пересталъ тревожить. Онъ находилась въ положеніи челоуѣка которому вдругъ нечѣмъ стало жить, которому внезапно перестало свѣтить солнце. О Петербургѣ онъ не могъ думать безъ отвращенія. Что онъ сталъ бы тамъ дѣлать? „Толкаться по гостиницѣмъ, по обѣдамъ, слушать Итальянцевъ или смотрѣть Михайловскіе бенефисы, спорить съ людьми у которыхъ мысли расчесаны какъ волосы, съ пробормомъ à l'anglaise, и только лимають или вылазуютъ изъ году въ годъ? Или запереться въ деревнѣ и ждать, ждать годы, десятки лѣтъ, пока Волга-матушка вспять потечетъ, пока брызметъ живая вода, раздастся могучее слово, отъ котораго изъ конца въ конецъ встрепенется великая страна и встанетъ, какъ сказочный богатырь, на свои расплетатые ноги?“

„Но вѣдь будетъ же это когда-нибудь, будетъ!“ повторялъ Глѣбъ Дмитричъ, чувствуя что не ждать этого часа, не вѣрить въ него, было бы уже слишкомъ бессмысленно.

Съѣздивъ разъ въ ближайшій городокъ, куда онъ распорядился пересылать изъ Парижа всю почту, Глѣбъ Дмитричъ нашелъ тамъ нѣсколько писемъ изъ Петербурга. Въ нихъ, между прочими городскими новостями, сообщалось что на горизонтѣ появилась новая звѣзда, которую онъ долженъ знать, потому что она его сосѣдка по имѣнью: mille Волчепъ-Соколицкая, съ матерью. „Здѣсь давно не видали такой прелестной дѣвушки, вдобавокъ еще и очень богатой, и потому можете себѣ представить до какой степени ею завлѣты и ее балуютъ, прибавляя корреспондентъ. Говорили сначала будто она помолвлена съ какимъ-то молодымъ человекомъ, кажется Нестужевымъ, но потомъ слухи эти, не находя лица, замолкли, и претендентамъ открылось широкое поле для соперничества. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобъ она имѣла видъ барышни прѣхавшей въ Петербургъ на поиски за жеманомъ; въ ея обращеніи есть что-то необычайно равнодушное и дѣтски-безпритязательное, приводящее въ отчаяніе ея поклонниковъ.“

Глѣбъ Дмитричъ, прочитавъ эти строки, въ тотъ же день исчезъ изъ деревеньки, такъ же внезапно какъ внезапно тамъ появилась.

В. АВСѢНКО.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ВЪИСКАГО КОНГРЕССА

Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne, publiée sur les manuscrits conservés au dépôt des affaires étrangères par G. Pallain.

Талейранъ, умершій въ 1838 году, оставилъ мемуары которые по неизвестнымъ причинамъ не обнародованы еще до сихъ поръ, хотя и истекъ назначенный имъ для этого срокъ. Можно впрочемъ надѣяться что публика скоро ознакомится съ ними, а въ ожиданіи этого предлагаютъ ей цѣлый рядъ документовъ относящихся къ его дѣятельности на Вѣискомъ конгрессѣ. Они появились одновременно въ оригиналѣ и въ переводѣ на англійскій языкъ, но хотя они еще не были изданы вполнѣ, тѣмъ не менѣе содержаніе ихъ было уже отчасти извѣстно. Теперь пользуется ими для того тома своей *Истории консульства и имперіи* который посвященъ Вѣискому конгрессу, многіе изъ нихъ помѣщены были Вьель-Кастелемъ въ его *Истории реставраціи* и Оссоввелемъ въ любопытной статьѣ появившейся въ *Revue des deux mondes* 1862 года. Но все это были лишь отрывки, а теперь предъ нами полное собраніе частныхъ депешъ Талейрана къ Людовику XVIII и отвѣтныхъ писемъ короля. Издатель г. Палленъ справедливо считаетъ ихъ весьма интересными между

прочинь и для характеристики самого Талейрана. „Этот дипломатъ, говоритъ онъ, въ теченіе всей своей жизни постоянно разыгрывалъ роль, старался казаться не тѣмъ чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ и по всему вѣроятію въ своихъ мемуарахъ особенно позаботился о томъ чтобы выставить себя въ возможно болѣе выгодномъ свѣтѣ, не слишкомъ гоняясь за истиной; тѣмъ любобытѣе захватить его, такъ сказать, врасплохъ, на основаніи документовъ писанныхъ имъ со дня на день и безъ надлежащей подготовки.“ Мы думаемъ, напротивъ, что читатель придетъ къ совершенно иному заключенію; несомнѣнно что обнародованная кнѣ корреспонденція Талейрана поражаетъ необычайнымъ искусствомъ съ которымъ онъ устроилъ перспективу такъ чтобы ему принадлежало самое видное мѣсто и чтобы всѣ его дѣйствія въ Вѣнѣ способны были свискать ему расположеніе его новаго монарха. По мнѣнію Тьера, делети были писаны даже не имъ самимъ, а Ла-Бернардьеромъ, однимъ изъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ, отащавшимся замѣчательнымъ мастерствомъ изложенія, которому словесно сообщалъ онъ матеріалъ, а потомъ своею рукой переписывалъ то что было сочинено имъ; но многіе не согласны съ этимъ предположеніемъ и кажется не безъ основанія.

Когда появилась книга изданная г. Палленомъ, то англійскою критикою замѣчено было что все-таки въ исторію Вѣнскаго конгресса останется не мало пробѣловъ до тѣхъ поръ пока не будутъ обнародованы делети лорда Кастльри. И это дѣйствительно такъ. Всѣ государи которымъ принадлежалъ рѣшающій голосъ императоры Александръ и Францъ, король Фридрихъ Вильгельмъ, находились въ Вѣнѣ, окруженные своими министрами; они лично руководили совѣщаніями и имъ нечего было получать письменныя донесенія о томъ какъ шло дѣло, потому въ канцеляріяхъ ихъ сохранились вѣроятно болшею частью лишь такіе документы въ которыхъ не отражается того что происходило за кулисами. Но представители Франціи и Австріи обязаны были подробно сообщать своимъ правительствамъ о дѣятельности конгресса, о всѣхъ эпизодахъ сложной дипломатической компаніи, едва не породившей вмѣсто мира новую ожесточенную войну. Мы знаемъ теперь какъ выполнялъ эту задачу Талейранъ; корреспонденція Кастльри представила бы конечно не меньшій интересъ, хотя относительно лишь разныхъ болѣе или менѣе

важныхъ подробностей, ибо общій характеръ знаменитаго ареопага, рѣшавшаго судьбу Европы, уже достаточно опредѣлился въ настоящее время. Многие историки занимались имъ и, между прочимъ, еще весьма недавно Тревичка который выдвинулъ обширную о немъ статью въ одномъ изъ периодическихъ изданій и затѣмъ посвятилъ ему столь же обширную главу въ своей *Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert*. Такъ какъ онъ имѣлъ случай пользоваться свидѣнiями недоступными другимъ, то мы оставимся въ скольку подробнѣе на его трудѣ, замѣчательномъ прежде всего высказанными въ немъ сужденiями.

Никто не думаетъ отрицать что Талейрану принадлежала очень видная роль на Вѣнскомъ конгрессѣ и если принять во вниманiе то положенiе въ какомъ находилось его отечество, то онъ могъ справедливо гордиться этою заслугой предъ своимъ правительствомъ. Францiя была побѣждена, унижена, повидимому на конгрессѣ предстояло ей почти безмолвно присутствовать при тѣхъ рѣшенiяхъ которыя будутъ постановлены союзниками нанесшими ей ударъ, и вдругъ, благодаря искусству своего представителя, она выдвигается впередъ, является посредницей между державами, заставляетъ ихъ придавать важное значенiе тому какую изъ спорящихъ сторонъ поддержитъ она своимъ влiянiемъ. Во всемъ этомъ было много блеска, но другой вопросъ: принималось ли тутъ во вниманiе дѣйствительныя интересы Францiи. Какъ извѣстно, Тьеръ безусловно осуждалъ политику Талейрана на Вѣнскомъ конгрессѣ, другiе историки находили приговоръ его не совсемъ справедливымъ, но почти всѣ держатся того мнѣнiя что политика эта въ значительной степени условивалась личными соображенiями и расчетами человека котораго Лудовикъ XVIII избралъ своимъ уполномоченнымъ. Что касается ловкости и искусства, то онъ обладалъ ими болѣе чѣмъ кто-нибудь; вся его жизнь свидѣтельствуешь объ этомъ; онъ перешелъ чрезъ всѣ страшныя кризисы которымъ подвергалась Францiя, всегда оставаясь на первомъ планѣ, служя поочередно всѣмъ правительствамъ съ тѣмъ болѣею готовностью что ему не приходилось насиловать свои убѣжденiя, ибо никогда не было у него никакихъ; онъ презиралъ людей увлекавшихся идеями, проникнутыхъ высокими стремленiями, былъ воплощенiемъ самаго сухаго и черстваго эгоизма, не связавъ своего имени ни съ какимъ полезнымъ

дьякомъ и все-таки умѣлъ составить себѣ между современниками репутацію великаго мудреца. Физическій недостатокъ (хромота) обнаружившійся у него еще въ ранней молодости имѣлъ огромное вліяніе на всю послѣдующую его жизнь; военная служба, считавшаяся вѣрнѣйшимъ средствомъ сдѣлать блестящую карьеру, была для него закрыта, и хотя онъ былъ старшей сына, но семейный совѣтъ рѣшилъ что права старшинства должны перейти къ его брату, графу Аршамбо-Пермору, славившемуся въ послѣдствіи своею красотой. Никогда Талейранъ не могъ забыть этой несправедливости. Его стали готовить къ духовному званію, то-есть именно къ такому съ которымъ онъ не могъ имѣть ничего общаго ни по складу своего ума, ни по своимъ наклонностямъ; въ семинаріи S. Sulpice изучалъ онъ богословскія книги и издѣвался надъ ними. „Настроеніе мое было таково, говорилъ онъ, вспоминая объ этомъ періодѣ своей жизни, что не разъ приходила мнѣ мысль покончить съ собой; я возненавидѣлъ весь человѣчскій родъ, и литаю отвращеніе даже къ самому себѣ“. По выходѣ изъ семинаріи Талейранъ занялъ мѣсто въ ряду тѣхъ аббатовъ которые носили расу, но не имѣли ничего общаго съ церковью и были для нея лишь соблазномъ. Своимъ образомъ жизни онъ какъ бы умышленно и болѣе чѣмъ кто-нибудь другой старался озорить духовенство; имя его встрѣчается непрерывно въ скандальной хроникѣ того времени. Расточая направо и направо *bons mots* на которыхъ былъ онъ такой мастеръ, вошелъ онъ въ милость къ г-жѣ Дюбарри, но даже Лудовикъ XV не рѣшился содѣйствовать возвышенію этого щеголя и развратника. Лудовикъ XVI ненавидѣлъ его, а между тѣмъ—одно изъ доказательствъ поразительной слабости этого короля—возвелъ его въ санъ епископа Отёнскаго. Наступила революція и Талейранъ бросился въ нее очерта голову; напрасно было бы предполагать что и на этотъ разъ поддастся онъ увлеченію которое охватило окружающее его общество; менѣе чѣмъ кто-нибудь могъ онъ примѣнить къ себѣ слова сказанныя напримѣръ Сегюромъ: „дѣла въ умѣ и сердце были ольгивны сладостною филантропией, которая побуждала насъ приискивать всѣ средства быть полезными человѣчеству и сдѣлать участь людей болѣе счастливою“. Разчетъ и тутъ руководилъ имъ какъ онъ самъ признавался въ послѣдствіи г-жѣ Ремюза. „Давно уже хотѣлось мнѣ, рассказывалъ онъ ей, освободиться

отъ неслыханнаго мнѣ духовнаго званія; вотъ почему съ вос-
торгомъ привѣтствовалъ я революцію; вѣдь она была на-
правлена противъ тѣхъ порядковъ отъ которыхъ пришлось
пострадать и мнѣ, она должна была разбить таготившія на
мнѣ дѣли; а тотчасъ же усвоилъ ея принципы, и событія
увлекли меня въ свой водоворотъ". Талейранъ видѣлъ въ ка-
комъ безпомощномъ положеніи находилось правительство и
вовсе не принадлежалъ къ числу людей готовыхъ привести
жертвы чтобы сласти его; недаромъ любимомъ его поговоркой
было: „только сумашедшіе остаются въ домѣ который охва-
ченъ пламенемъ"; къ тому же какая была ему выгода отстаи-
вать этотъ домъ когда онъ зналъ что при старомъ порядкѣ
вещей не найдетъ средства удовлетворить свое честолюбіе.
Напротивъ, революція открывала предъ нимъ, повидимому,
самую обольстительную перспективу, и онъ являлся жаркимъ
ея адептомъ. Было бы излишне излагать здѣсь подробно его
дѣятельность въ это время. Онъ увлекъ за собой духовенство
когда шла рѣчь о преобразованіи генеральныхъ штатовъ въ
конституціонное собраніе; онъ былъ однимъ изъ членовъ
комиссіи выработавшей ту пресловутую конституцію ко-
торая узаконила анархію во Франціи; онъ доказывалъ необ-
ходимость предослать ей деклараціи о „правахъ человѣка";
онъ былъ однимъ изъ основателей клуба якобинцевъ; онъ
предложилъ прибѣгнуть къ конфискаціи церковныхъ иму-
ществъ, онъ первый вмѣстѣ съ двумя другими епископами,
извѣстными подобно ему своимъ утонченнымъ развратомъ,
подчинился такъ-называемой гражданской конституціи духо-
венства". По странной провіи судьбы, этотъ человѣкъ, не
вѣровавшій въ Бога, торжественно совершалъ богослуженіе
въ годовщину взятія Бастиліи, во время празднествъ Фе-
дераціи. Пала отлучилъ его отъ церкви, но это конечно не
причинило ему особаго огорченія. Однако онъ не могъ не
замѣтить что революціонный потокъ начинаетъ угрожать
опасностью даже и тѣмъ кто такъ ревностно старался зна-
чать разрушать всѣ стѣсненія его плотины; Мирабо дѣлалъ
отчаянныя попытки чтобы поддержать потчавшую король-
скую власть и Талейранъ присоединился къ нему; когда это
не удалось и краснорѣчивый трибунъ сошелъ въ могилу,
явилась мысль, не замѣнить ли Людовика XVI герцогомъ
Орлеанскимъ, и Талейранъ радъ былъ содѣйствовать этому,
хотя потомъ самъ же говорилъ что герцогъ Орлеанскій былъ

„сосудъ въ который стекались всѣ нечистоты революціи“. Онъ выхлопоталъ себѣ дипломатическое порученіе въ Англію, но извѣстіе о казни короля произвело такое удручающее впечатлѣніе въ этой странѣ что онъ не могъ оставаться въ ея предѣлахъ и вынужденъ былъ искать приубѣжища въ Соединенныхъ Штатахъ; никогда не покидала его обычная его предусмотрительность: онъ очутился въ числѣ немногихъ коноводовъ революціи, успѣвшихъ вовремя убраться со сцены своихъ печальныхъ подвиговъ. Мировала опасность, и снова появилась онъ во Франціи съ большою самоувѣренностію чѣмъ когда-нибудь, ни въ чемъ не раскаиваясь, ни о чемъ не сожалѣя, помышляла лишь о томъ чтобъ и при измѣнившихся обстоятельствахъ занять мѣсто въ первыхъ рядахъ. „La révolution a déossé la France“, повторялъ онъ кому угодно какъ будто самъ не несъ на себѣ отвѣтственности за страшный разгромъ постигшій его отечество. Ему сдѣланъ былъ весьма сочувственный приемъ: новое правительство было не прочь привлечь къ себѣ „grand seigneur“, принимавшаго дѣятельное участіе въ революціи, а „grands sieigneurs“ радовались что очутится во власти человекъ одинаково съ ними знатнаго происхожденія. Вскорѣ занялъ онъ должность министра иностранныхъ дѣлъ. Когда Наполеонъ Бонапарте сдѣлался влестелиномъ Франціи, то трудно было найти ему лучшаго сотрудника; правда, онъ никогда не любилъ Талейрана, но цѣнилъ въ немъ безграничное презрѣніе ко всякимъ принципамъ, способность не теряться предъ какими угодно задачами, наконецъ необыкновенную его представительность. Они какъ бы дополняли другъ друга: у Наполеона его политическіе и военные замыслы доходили не рѣдко до артистическаго увлеченія, увлеченіе было совершенно недоступно Талейрану, холодный скептицизмъ ни на минуту не покидалъ его и въ этомъ отношеніи его совѣты вѣдали иногда отрезвляющимъ образомъ на Бонапарте. Но въ сущности онъ по-прежнему слѣдовалъ за его звѣздой до тѣхъ поръ пока эта звѣзда сіяла яркимъ блескомъ; онъ не возмущался ничѣмъ, даже такими дѣлами которыя возбуждали общее негодованіе и которыя онъ самъ находилъ по малой мѣрѣ неумѣстными, напримѣръ, убійствомъ герцога Энгіенскаго. По поводу этого событія многіе удивлялись что онъ не вышелъ въ отставку. „Къ чему?“ отвѣчалъ онъ: если перваго консула обвиняютъ въ преступленіи, то это еще не причина чтобы меня обвиняли.

въ глулостѣ“. Политика Наполеона представляла цѣлымъ рядъ волюнтарныхъ нарушеній самыхъ неоспоримыхъ основъ международного права, Талейбранъ служилъ официальнымъ ея глашатаемъ; изъ грубаго насилия извлекалъ онъ для себя частную пользу; онъ страшно обогатился вымогая деньги отъ правительствъ съ которыми велъ переговоры, особенно обирая вѣнецкихъ владѣтельныхъ князей когда шла перетасовка ихъ территорій, когда вломилъ отъ него зависѣло погубить или поддержать тѣхъ или другихъ изъ нихъ. Друзья его утверждали будто бы онъ удалился отъ дѣлъ потому что обнаружилась рознь между нимъ и Наполеономъ, по вопросу внимательствъ въ испанскія дѣла, но чѣмъ же это предпріятіе было хуже дѣлаго ряда другихъ? Не оно смутило хитраго дипломата, а смутило его то обстоятельство что отуманенный своими успѣхами Наполеонъ видимо терялъ почву подъ собой, что онъ утрачивалъ всякое чувство мѣры, что даже люди не обладавшіе особенною дальновидностью со страхомъ взирали на будущее. Огонь уже показался въ домѣ и надо было выбраться изъ этого дома пока еще не былъ онъ охваченъ пламенемъ. Талейбранъ и тутъ остался вѣрнѣе себя. Въ послѣдствіи Лудовикъ XVIII съ удивленіемъ спрашивалъ его какъ ухитрился онъ служба разнымъ правительствамъ устраниваться отъ нихъ именно въ то время когда начинало угрожать имъ паденіе. „Для меня самого это неслостижимо, отвѣчалъ Талейбранъ; очевидно есть во мнѣ что-то такое что привноситъ несчастіе тѣмъ кто пренебрегаютъ мною“...

Нужно было приобрести расположеніе новаго государя, дѣло трудное, ибо родной братъ Лудовика XVI не могъ забыть всего что было ненавистнаго въ прошлой дѣятельности Талейбрана; но обстоятельства противъ воли короля заставили его прибѣгнуть къ этому совѣтнику. Волерыхъ, Талейбранъ не мало содѣйствовалъ тому что онъ возвратился на престолъ своихъ предковъ,—заслуга огромной важности. Затѣмъ, въ первое время приходилось еще сводить счеты съ державами любившими Францію, предстояло участвовать на Вѣнскомъ конгрессѣ, рѣшенія коего должны были имѣть столь великую важность,—въ виду всего этого нельзя было обойтись безъ Талейбрана, но онъ отращался что минуетъ трудное время и сочтутъ долгомъ удалить его. Избѣжать этого во что бы то ни стало, разсѣять предубѣжденія противъ него короля—вотъ о чемъ главнымъ образомъ заботился онъ. Объ этомъ

свидѣтельствуеъ вся обнародованная нынѣ его переписка, въ которой онъ расточаетъ самую утонченную лесть Лудовику XVIII, старается дѣйствовать на его тщеславіе. „Вискій дворъ, говоритъ онъ на примѣръ, оказываетъ своимъ царственнымъ гостямъ широкое гостепріимство, которое должно быть очень обременительно для него среди теперешаго положенія его финансовъ; повсюду только и видишь императоровъ, королей, императрицъ, королевъ, наслѣдственныхъ принцевъ, владѣтельныхъ князей. Всѣ расходы принимаетъ на себя дворъ; полагаютъ что ежедневно простираются они до 220.000 флоринновъ ассигнаціями. Блестящія собранія сдѣлаются одно другимъ, но нельзя не сказать что царское достоинство терпѣть въ нихъ отчасти свое обаяніе; встрѣчать непрерывно на балахъ и раутахъ у частныхъ, хотя и знатныхъ лицъ по три или четыре короля, не говоря уже о принцахъ, кажется нынѣ не совсѣмъ приличнымъ. Нужно вѣхать теперь во Францію чтобы видѣть королевскую власть во всемъ томъ блескѣ и окруженную тѣмъ величіемъ которые дѣлаютъ ее столь привлекательною въ глазахъ народовъ.“ Зная характеръ Лудовика XVIII можно сказать безошибочно что онъ принималъ съ большимъ сочувствіемъ заявленія такого рода. Что касается политическихъ его плановъ, то они были далеко не обширны и условивались прежде всего личными его ощущеніями. Лудовикъ сознавалъ что Франція не можетъ оставаться въ изолированномъ своемъ положеніи, что ей нужны союзники, но обсуждая вопросъ о томъ въ комъ сдѣлало бы ей искать опоры, онъ менѣе всего останавливался на императорѣ Александрѣ. Было время когда онъ усердно заискивалъ его расположенія и даже выступилъ съ предложеніемъ о бракѣ своего племянника герцога Беррійскаго съ великою княжною Анною Павловною, но затѣмъ событія 1814 года, когда Александръ долго не обнаруживалъ сочувствія къ интересамъ Бурбоновъ, когда онъ согласился на реставрацію ихъ лишь подъ условіемъ чтобы Франція получила либеральныя учрежденія, внушили ему не совсѣмъ пріязненные чувства къ русскому государю. Не могъ онъ не прибѣгнуть къ его докровительству, но таготился этимъ. Достигнувъ власти онъ хотѣлъ бы какъ можно скорѣе освободиться отъ олеки Россіи. Талейрану извѣстемъ былъ образъ мыслей Лудовика XVIII, и онъ не замедлялъ сообразовать съ нимъ свою программу. Онъ рѣшился доставить дѣло такъ что о прочномъ союзѣ съ

Россіей не могло быть и рѣчи; вои заботы его были обращены на то чтобы достигнуть сближенія съ Англіей, хотя и не совсѣмъ ясно какія преслѣдовалъ онъ при этомъ цѣли. Защитники его политики указываютъ на то обстоятельство что еще въ началѣ революціи, засѣдая въ конституціонномъ собраніи, онъ былъ поборникомъ союза съ Англіей, предполагая что прочнею основой для него могутъ быть одинаковыя въ той и другой странѣ либеральныя учрежденія, но съ тѣхъ поръ онъ имѣлъ достаточно времени отрезвиться отъ своихъ симпатій къ этой державѣ; онъ былъ министромъ Наполеона, который былъ готовъ, елибы только это зависѣло отъ него, стереть Англію съ лица земли. Какъ бы то ни было, на Вѣнскомъ конгрессѣ онъ сдѣлалъ все зависѣвшее отъ него чтобы не расположить ко Франціи императора Александра. Онъ объяснял конечно свой образъ дѣйствій высшими политическими соображеніями, но въ то же время никогда не упускалъ случая придать имъ такой характеръ чтобы было имъ удовлетворено и личное самолюбіе Лудовика XVIII. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно письмо Талейрана объ упомянутомъ нами выше проектѣ родственнаго союза между рускимъ и французскимъ дворами; относится это письмо къ тому времени когда Талейранъ уже одержалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ блестящую побѣду; формальный договоръ съ Австріей и Англіей былъ заключенъ; мысль о бракѣ великой княжны Анны Павловны съ герцогомъ Беррійскимъ устранилась сама собой, тѣмъ болѣе что Лудовикъ XVIII ставилъ условіемъ чтобы великая княжна предварительно приняла католическую вѣру. Талейранъ не только не скорбитъ объ этой неудачѣ, но старается поддержать короля въ томъ пріятномъ для него заблужденіи что теряетъ тутъ не столько Франція сколько Россія. Конечно, говорить онъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ можно было желать подобнаго союза. „Но въ настоящее время, когда само Провидѣніе заботится объ утверженіи престола столь чудесно возстановленнаго имъ, когда этотъ престолъ окруженъ и охраняемъ любовью и уваженіемъ народовъ, когда коалиція разрушена и Франція не только не нуждается въ чужеземной помощи, но напротивъ другія державы ищутъ въ ней опоры (!), ваше величество пользуетесь полною свободой выбора. Изъ всѣхъ дочерей императора Павла великая княжна Анна особенно отличается красотой, даромъ весьма драгоценнымъ и желательнымъ для

принцесса, которая вступила бы на французскій престолъ, ибо Французы болѣе чѣмъ какой-либо другой народъ нуждаются чтобы къ повелителямъ ихъ могъ быть примѣненъ стихъ:

Le monde en les voyant, reconnoitrait ses maîtres.

„Воспитана великая княжна очень тщательно; при своей красотѣ обладаетъ она также весьма добрымъ сердцемъ. Одно время ходила слухи что она должна была выдти за герцога Саксенъ-Кобургскаго, а потомъ Бонапарте просилъ ея руки. Не знаю въ какой мѣрѣ эти два обстоятельства могли бы служить препятствіемъ для брака ея съ герцогомъ Беррійскимъ, но по моему мнѣнію было бы гораздо лучше еслибы ихъ не существовало...“ Конечно, продолжаетъ Талейранъ, вступая въ семью Бурбоновъ великая княжна должна была бы переимѣнить мѣру, но съ другой стороны, еслибы она и согласилась на это, то нельзя было бы радоваться такому поступку, ибо онъ „неизбѣжно послужилъ бы въ средѣ общества поощреніемъ того чувства религиознаго индифферентизма которое составляетъ главную болѣзнь нашей эпохи“. Последнія слова особенно интересны въ устахъ человѣка который постоянно кощунствовалъ надъ религіей! Но это еще не все: сестры великой княжны находились въ замужествѣ съ германскими князьями, — не пострадало ли бы достоинство герцога Беррійскаго, будущаго короля, еслибы онъ очутился близкимъ родственникомъ этихъ князей? Наконецъ „Россія всегда изыскивала разные предлоги и способы для вмѣшательства въ дѣла Европы, которой не болѣе столѣтія тому назадъ она была почти вовсе неизвестна; повѣтливо какъ возросло бы ея вліяніе еслибы удалось ей одной изъ своихъ принцессъ открыть путь ко французскому престолу“. И все это говорилось въ концѣ января 1815 года, а чрезъ три мѣсяца послѣ того Людовикъ XVIII снова былъ изгнанникомъ и долженъ былъ обращаться съ мольбами къ императору Александру, но въ то время о которомъ мы говоримъ онъ пересчитывалъ конечно съ наслажденіемъ денги своего министра. Онъ дѣйствительно ублажалъ себя мыслью что не ему сѣдуетъ записывать въ комъ-нибудь, а въ немъ ищутъ опоры. „Императоръ Александръ, лишетъ онъ, очень ошибается разчитывая сложить мѣла къ союзу съ нимъ. Вамъ известна моя система—союзъ общій со всеми, а не какіе-либо частные

союзы, ибо эти послѣдніе служатъ только источникомъ войны, а я всеми силами стремлюсь къ сохраненію мира*...

Вообще во всѣхъ вопросахъ подлежащихъ обсужденію Вѣнскаго конгресса Лудовикъ XVIII былъ какъ нельзя болѣе склоненъ подчинять свою политику личнымъ своимъ предубѣжденіямъ и взглядамъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, не имѣвшимъ въ сущности особенной важности, придавалъ онъ громадное значеніе. Такъ напримѣръ ему казалось что онъ, глава Бурбонской династіи, долженъ особенно заботиться объ изгнаніи изъ Неаполя Мюрата и о возстановленіи тамъ Бурбоновъ. Онъ непрерывно повторялъ объ этомъ въ своихъ письмахъ къ Талейрану: „не забудьте, говорилъ онъ, что вопросъ о Мюрата для насъ—*delenda est Carthago*“. Затѣмъ онъ принималъ живое участіе въ судьбѣ короля Саксонскаго, въслѣдствіе родства съ нимъ, такъ какъ его матерью была саксонская принцесса. Относительно этихъ пунктовъ былъ онъ очень твердъ, что же касается общей программы, то онъ предоставлялъ широкую свободу Талейрану, который если не самъ выработалъ необходимыя для себя цѣлостныя цѣли, то по крайней мѣрѣ намѣтилъ всѣ главныя ихъ основанія. На Вѣнскій конгрессъ являлся онъ съ цѣлью отстаивать все то чѣмъ могъ привлечь къ себѣ симпатіи своего короля, а именно ратовать за права Неаполитанскихъ Бурбоновъ и короля Саксонскаго; такъ какъ Саксоніей хотѣла завладѣть Пруссія, то Франція естественно являлась ея противницей, а такъ какъ Пруссія шла къ своей цѣли опираясь на Россію, то и императору Александру предстояло встрѣтить со стороны Французскаго правительства помѣху своимъ планамъ. Оставалось только приискать принципъ во имя котораго было бы наиболее удобно исполнить задуманную дипломатическую кампанію. Талейранъ вознамѣрился выступить во имя строгой законности (слово „*légitimité*“ было цѣлемъ въ ходъ имъ и съ его легкой руки сдѣлалось политическимъ терминомъ) и уваженія ко всемъ правамъ; онъ рѣшился доказывать что война, революція и вообще какіе бы то ни было насильственные перевороты не могутъ пролатствовать изверженнымъ государямъ возвратиться въ ихъ владѣнія. Нечего и говорить что самъ Талейранъ нисколько не вѣрилъ въ эту теорію; онъ пускалъ ее въ ходъ потому что она была ему пригодна при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, и это отнюдь не удивительно съ его стороны; но по истинѣ достойно

удивленія что никто на Вѣнскомъ конгрессѣ не смелъ долго маломнить ему до какой степени страшны подобныя заявленія въ его устахъ,—въ устахъ человѣка который, будучи однимъ изъ главныхъ агентовъ безсовѣстнаго завоевателя, оправдывалъ самое грубое насиліе, презиралъ самыя неосторимыя права. Многие изъ иностранныхъ министровъ, его соотавищей въ Вѣнѣ, слышали въ прежнее время своими ушами какъ онъ въ отвѣтъ на всѣ возраженія ссылался на непреклонную волю своего властелина и не понималъ что подобное доказательство могло для кого-нибудь казаться не совсѣмъ убѣдительнымъ. Но онъ вошелъ теперь въ свою роль и разыгрывалъ ее съ валускимымъ одушевленіемъ. При первомъ же свиданіи съ нимъ, императоръ Александръ заявилъ что никто не заставитъ его отказаться отъ польскихъ областей, которыя заняты его войсками и принадлежать ему по праву сильного. „Услышавъ это, разказываетъ Талейранъ Лудовику XVIII, я обернулся къ стѣнѣ, около которой сидѣлъ, прислонился къ ней головой и воскликнулъ: Европа, о несчастная Европа!“ Онъ разчитывалъ произвести потрясающее впечатлѣніе, но сцена представляется скорѣе комическою именно потому что онъ былъ въ ней дѣйствующимъ лицомъ.

Мы не станемъ разказывать здѣсь подробно все что происходило на Вѣнскомъ конгрессѣ. Талейранъ, лишь только появился на немъ, занялъ тотчасъ же весьма выгодное положеніе. „J'ai vu m'asseoir“, говорилъ онъ. Самая его наружность производила сильное впечатлѣніе: сутуловатый, такъ что голова едва видѣлась изъ-за плечъ, съ безобразнымъ мертвенной блѣдності лицомъ окаймленнымъ длинными сѣдыми волосами, хромоногий, державшійся въ своей одеждѣ устарѣлыхъ модъ времени Директоріи, говорившій гробовымъ голосомъ, онъ казался чѣмъ-то необычайнымъ среди блестящаго вѣнскаго общества. Въ манерахъ его поражала высокомерная, презрительная небрежность (слово „nonchalance“ неизбѣжно встрѣчается у всѣхъ писателей старавшихся изобразить его фигуру); никому не удавалось подмѣтить въ его чертахъ ни малѣйшаго душевнаго движенія; съ одинаково невозмутимою флегмой расточалъ онъ остроты дамамъ и какъ бы не хотя обитывавшая нѣсколькими словами съ дипломатами. Гарденбергъ говоритъ что было въ немъ что-то Мефистофельское, во всякомъ случаѣ много оригинальнаго.

Второстепенные германскіе государи, нахамкнувшіе толпой въ Вѣну и со страхомъ видѣвшіе что четыре великія державы вознамѣрились подготовить по взаимному между собою соглашенію рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ, возлагая свои надежды на Талейрана, который настаивалъ что напротивъ участіе на конгрессѣ должно быть обезпечено одинаково для всѣхъ. Они заваливали его многословными мемуарами; они составляли его свиту, и онъ одетно готовъ былъ оказывать имъ великодушное покровительство. „Талейранъ разыгрываетъ роль министра Людовика XIV,“ выражался о немъ императоръ Александръ. Утверждаютъ что цѣлью его было разрушить коалицію возникшую въ 1813 году, но если онъ помышлялъ о будущемъ, то не трудно было ему убѣдиться что коалиція не могла бы устоять именно въ томъ случаѣ когда Пруссія и Россія удалось бы вполне осуществить свои требованія. Австрія никогда не примиралась бы съ тѣмъ что одна изъ этихъ державъ захватила бы всю Саксонію, а другая присоединила бы къ себѣ всѣ польскія земли. Весьма вѣроятно что Вѣнскій дворъ самъ началъ бы тогда склоняться къ союзу съ Франціей. Много было писано объ образѣ дѣйствій Талейрана на конгрессѣ, но намъ кажется что замѣчанія высказанныя Тьеромъ остаются и до сихъ поръ въ полной силѣ. „Еслибы мы, говоритъ онъ, обнаружили уступчивость относительно Россіи и Пруссіи, то неужели это причинило бы намъ существенный вредъ? Россія, захвативъ всѣ польскія земли, придвинулась бы отъ Вислы къ Вартѣ, а Пруссія, получивъ Саксонію, граничила бы съ Австріей. Вслѣдствіе того Россія причиняла бы безпокойство Германіи, а Пруссія возбуждала бы зависть въ Австріи. Но неужели намъ надлежало заботиться о поддержаніи добраго согласія между тремя континентальными державами, которыя навесели намъ пораженіе, которыя, побѣдивъ Францію, заставили ее подписать договоръ 30 мая, и которыя потомъ, въ теченіе сорока лѣтъ, не переставали непрерывно угрожать коалиціей? Было бы гораздо лучше чтобы Пруссія, приобретя Дрезденъ, угрожала Австріи, чѣмъ домогаться того чтобы, ставъ твердою ногой въ Кельнѣ и Ахенѣ, сдѣлалась она нашею ближайшею соседкой. Конечно, еслибы Саксонскій царствующій домъ былъ перемѣщенъ съ береговъ Эльбы на берега Рейна, какъ хотѣли императоръ Александръ и король Фридрихъ Вильгельмъ, то

равновѣсіе Германіи отчасти пострадало бы отъ этого, но какая была намъ польза поддерживать это равновѣсіе уже столь сильно поколебленное въ нынѣшнемъ столѣтіи? Нужно ли было чтобы между обширными государствами съ цѣлью по возможности не допускать ихъ до столкновенія находились государства второстепенныя? Но въ такомъ случаѣ интересъ нашъ требовалъ чтобы эти второстепенныя государства расположены были между Франціей и Пруссіей, служа для нихъ преградой, а не между Пруссіей и Австріей, чтобы не допускать эти державы до кровопролитія. Словомъ, вопросы эти такъ ясны что совершенно понятно какимъ образомъ наша политика на Вѣскомъ конгрессѣ увлеклась на совершенно несвойственный ей путь⁶. Приведенное здѣсь мнѣніе Тьера встрѣчало однако сильныя возраженія: самое вѣское изъ нихъ основано было на томъ что Талейранъ намѣревался непременно довести дѣло до войны и еслибъ услѣлъ въ этомъ, то результаты могли бы быть весьма выгодны для Франціи, ибо все снова было бы оставлено на карту, и Франція имѣла бы право разчитывать на измѣненіе не-равнѣстнаго ей трактата 1814 года. Дѣйствительно, мы видимъ что Талейранъ направлялъ всѣ свои усилія въ этомъ смыслѣ. Онъ прибылъ въ Вѣну въ концѣ сентября, а ровно чрезъ три недѣли въ письмѣ своемъ отъ 17 октября онъ говоритъ Лудовику XVIII: „Повидимому Австрія желала бы противопоставить силу домогательствамъ Россіи и Пруссіи, но у нея не хватаетъ для этого рѣшимости. Она имѣетъ многочисленную армію, но страшится возмущеній въ Италіи; она можетъ разчитывать на Баварію, которая въ случаѣ нужды выставитъ пятидесятитысячный вспомогательный корпусъ, и Виртембергъ двинетъ 10.000 человекъ. Но всего этого ей кажется недостаточно чтобы вести борьбу съ соединенными силами Россіи и Пруссіи. Она желала бы разчитывать на наше содѣйствіе, но считаетъ его весьма сомнительнымъ. Пруссаки со своей стороны распускаютъ самыя неблагоприятныя для насъ слухи. Они разказываютъ будто уполномоченные вашего величества снабжены двоякими инструкціями, на основаніи коихъ говорятъ очень рѣшительнымъ тономъ, но не должны принимать на себя никакихъ положительныхъ обязательствъ. Князь Меттернихъ заявилъ недавно фельдмаршалу Бреде что и онъ держится такого же мнѣнія. Одинъ изъ близкихъ ему людей выразился недавно такимъ образомъ въ интимной

бесѣдѣ съ г. Дальбергомъ (товарищемъ Талебрана въ Вѣнѣ) ваше посольство разсуждаетъ очень краснорѣчиво, но вы не хотите дѣйствовать, а мы не можемъ дѣйствовать безъ васъ; мнѣ кажется что опасенія войны не должны проиграться до такой степени чтобы допустить зло несравненно худшее чѣмъ война. Очень можетъ быть что князь Меттернихъ обратится ко мнѣ съ формальнымъ вопросомъ намѣрены ли мы помогать Австріи. Чтобы дать ему опредѣленный отвѣтъ я нуждаюсь въ полномочіи и въ специальныхъ инструкціяхъ. Умоляю ваше величество снабдить меня ими: можете быть увѣрены что я воспользуюсь ими лишь въ случаѣ крайней и очевидной необходимости“. Надо замѣтить что письмо это относится къ тому времени когда ни Меттернихъ, а еще менѣе лордъ Кастари и не помышляли о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Пруссіи и Россіи. Лудовикъ XVIII, утверждавшій что ему ничто такъ не дорого какъ сохраненіе мира, тотчасъ же выражаетъ полное одобреніе своему министру. „Недостаточно заявить“, пишетъ онъ о нашей готовности дѣйствовать заодно съ Австріей, „нужно доказать что за этими заявленіями есть что-нибудь гораздо болѣе серьезное, и потому я теперь же принимаю мѣры для увеличенія численнаго состава дѣйствующей арміи“. Лудовикъ XVIII посылаетъ въ Вѣну генерала Рикара на тотъ случай если будутъ тамъ обсуждаться планы военныхъ дѣйствій, а Талебранъ уже мечтаетъ привлечь къ войнѣ Турцію, во въ то же самое время происходитъ у него такой разговоръ съ англійскимъ уполномоченнымъ: „Я сказалъ лорду Кастари что было бы очень хорошо еслибы между мною, имъ и княземъ Меттернихомъ заключена была *маленькая конвенція* (une petite convention).— Конвенція? спросилъ онъ:—то-есть вы предлагаете союзъ.— Конвенція могла бы существовать и безъ союза, возразилъ я, но пожалуй буду говорить прямо о союзѣ; я несколько не пугаюсь этого. — Но союзъ предполагаетъ войну; во всякомъ случаѣ можетъ повести къ ней, а мы должны заботиться о водвореніи мира. — Совершенно раздѣляю вашъ образъ мыслей; нельзя однако пожертвовать заботамъ о мирѣ справедливостью, честью и будущностью Европы.— Война, отвѣчалъ лордъ Кастари,—возбудила бы въ Англійи сильное неудовольствіе.— Она была бы популярна и у васъ еслибы мы рѣшились преслѣдовать ея великую, вполнѣ европейскую цѣль.— Какую же имеемъ?—Возстановленіе Польши.— Ну, объ

этомъ не время думать". Меттернихъ былъ податливѣе, но и его долгое время не обольщала мысль о войнѣ. Только Талейранъ старался увѣрить что это единственное средство закончить со войнѣ затрудненіями.

Если дѣло не подвигалось такъ быстро какъ ему хотѣлось, то главною причиною этого была, по его мнѣнію, крайняя несостоятельность австрійскаго и англійскаго министровъ. Въ письмахъ своихъ къ Лудовику XVIII онъ непрерывно говоритъ о „деломѣрномъ легкомысліи“ князя Меттерниха, а о лордѣ Кастальри выражается такимъ образомъ: „Къ сожалѣнію, лордъ Кастальри, помимо своей всегдашней склонности къ Пруссіи, имѣетъ чрезвычайно скудные свѣдѣнія о восточной топографіи или даже просто о континентальной географіи. Приходится растолковывать ему самыя обыкновенныя вещи и все-таки трудно убѣдить его. Разказываютъ что во времена Кауница посѣтилъ Вѣну какой-то Англичанинъ и сталъ излагать этому министру всякаго рода неаѣлости о германскихъ государствахъ. Кауницъ долго слушалъ его и наконецъ восклицалъ съ неподдѣльнымъ удивленіемъ: *c'est prodigieux tout ce que les Anglais ignorent!* Сколько разъ готово было сорваться у меня съ языка то же самое восклицаніе когда я бесѣдовалъ съ лордомъ Кастальри"... Талейранъ доказывалъ что на первомъ планѣ долженъ стоять вопросъ Саксонскій, что имъ слѣдуетъ заняться прежде всего; напротивъ, къ его удивленію, Кастальри и Меттернихъ придавали особенную важность вопросу Польскому. Но это отнюдь не потому чтобъ они сами не понимали, какъ ему казалось, своихъ интересовъ; съ ихъ точки зрѣнія были для этого весьма уважительныя причины. Англійское правительство было одинаково расположено какъ къ своей старой союзницѣ Австріи, такъ и къ Пруссіи, съ которою въ послѣдніе годы Наполеоновскаго владычества возникли у нея тѣсныя сношенія. Завѣтная его мысль заключалась въ томъ чтобъ установить связь между этими державами, соединить ихъ узлами прочнаго союза для того чтобъ онѣ служили олотомъ противъ Франціи и чтобы на будущее время устралилась возможность сближенія ихъ съ Россіей, которая уже начинала возбуждать въ Англіи не совсѣмъ ясныя, но тѣмъ не менѣе сильныя опасенія. Чего было лучше какъ поссорить ихъ съ сосѣднею имъ великою державой? Въ такомъ случаѣ онѣ пошевотъ искали бы сближенія съ Англіей и Англія опиралась бы на нихъ чтобы съ одной

стороны обуздывать воинственный духъ Французскаго народа, а съ другой препятствовать мнимымъ завоевательнымъ замысламъ Россіи.

Осуществить подобный планъ было очень трудно, но одно время, въ самомъ началѣ Вѣнскаго конгресса, лордъ Кастальри серьезно вѣрилъ въ его успѣхъ. Оправданіемъ ему служилъ отчасти страшный образъ дѣйствій Прусскаго правительства. Нѣмецкіе историки, говоря о конгрессѣ, привыкли обвинять всѣхъ и все въ неудачахъ, которыя потерпѣла Пруссія, и даже образъ дѣйствій ея союзницы, Россіи, старались они выставить въ сомнительномъ свѣтѣ. Лишь въ послѣднее время Трейчке выставилъ всю несостоятельность подобныхъ нареканій: онъ неопровержимо доказалъ что если прусская политика была недовольна достигнутыми ею результатами, то должна была винить въ этомъ самую себя и что Русское правительство, напротивъ, съ рѣдкою добровѣстностью исполняло все что можно было требовать отъ него. Императоръ Александръ неоднократно имѣлъ поводы къ неудовольствію противъ Пруссаковъ и оставался однако неизмѣнно вѣренъ тѣмъ обѣщаніямъ которыя онъ далъ. Всѣ попытки отвачь его отъ союза съ ними не достигали цѣли, какъ показываетъ, между прочимъ, письмо Талейрана къ Лудовику XVIII (стр. 118—135), въ которомъ этотъ дипломатъ излагаетъ одну изъ своихъ бесѣдъ съ нашимъ государемъ. Не такъ дѣйствовали прусскіе министры. Они не могли не понимать что интересы Пруссіи тѣсно связаны съ интересами Россіи, но все-таки обольщались мыслью нельзя ли Пруссіи получить все, а Россіи предоставить если не ничего, то очень мало. Но къ чему, спрашиваетъ Трейчке, не особенно впрочемъ возмущающійся подобнымъ образомъ дѣйствій, могло бы привести противодѣйствіе планамъ Русскаго императора? Очевидно къ тому что если не всѣ, то значительная часть польскихъ земель, которыми прежде владела Пруссія, осталась бы за нею, но въ такомъ случаѣ не странно ли было ожидать что она получитъ еще и Саксонію? Оскорбленный ею императоръ отказалъ бы ей въ содѣйствіи и такимъ образомъ она осталась бы совершенно изолированной. Здравый смыслъ говорилъ слѣдовательно о необходимости не отдѣляться отъ Россіи, дѣйствовать съ нею заодно, — не изъ какого-нибудь влеченія къ ней, не изъ признательности за то что еслибы не она, то Пруссія еще долго не освободилась

бы отъ вражескаго ига, а просто потому что обойтись безъ нея было нельзя. Советники Фридриха-Вильгельма были однако такъ предубѣждены противъ Россіи что не могли примириться съ этимъ взглядомъ. Король съ своей стороны не одобрялъ ихъ образа дѣйствій, но не привыкшій полагаться на себя, глубоко вѣровавшій въ дипломатическія способности Гарденберга, онъ только качалъ головою, а тотъ равнодушно выслушивалъ его замѣчанія, и съ провѣей записывалъ въ своемъ дневникѣ: „*jurat in verba des Kaisers von Ruessland.*“ Не безъ удовольствія отнесся Гарденбергъ къ тому что лордъ Кастльри повелъ атаку по Польскому вопросу: письменныя объясненія представленныя англійскимъ уполномоченнымъ императору Александру достаточно извѣстны; они отличались такимъ тономъ и такимъ содержаніемъ что должны были вызвать сильное раздраженіе и дѣйствительно вызвали его: лордъ Кастльри осмѣлился, вопреки истинѣ, утверждать будто требованія Русскаго императора не согласны ни съ духомъ, ни съ буквою трактатовъ заключенныхъ между союзниками; онъ говорилъ что расширеніе предѣловъ Россіи, принесшей столь великія жертвы въ борьбѣ со врагомъ общеевропейскаго спокойствія, будетъ угрозой для Европы. Вопросъ сразу принялъ очень жгучій характеръ. Пруссія оставалась въ сторонѣ въ то время какъ Англія, при содѣйствіи Австріи и Франціи, отлучалась въ маладкахъ на Россію. У Гарденберга явилась наконецъ мысль что быть-можетъ все это очень хорошо, но не безполезно однако разъяснить—намѣрены ли три названныя сей часъ державы, въ случаѣ если удастся имъ склонить къ уступчивости императора Александра, удовлетворить домогательства Прусскаго правительства на счетъ Саксоніи? Несомнѣнно что ему было бы гораздо пріятнѣе достигнуть этой цѣли при ихъ содѣйствіи не будучи обязаннымъ Россіи. Онъ обратился лютому къ князю Меттерниху и къ лорду Кастльри (въ деленіи отъ 9 октября) съ формальнымъ запросомъ, въ которомъ говорилъ что Пруссія охотно присоединяется къ системѣ d'une Europe intermédiaire, но должна однако заботиться о собственныхъ интересахъ и требуетъ отвѣта на слѣдующіе пункты: будетъ ли присоединена къ ней Саксонія? будетъ ли Саксонскій король Фридрихъ-Августъ перемѣщенъ съ этою цѣлью въ какое-либо другое мѣсто? получить ли Пруссія ерцѣвство Майнцъ? Если, прибавлялъ Гарденбергъ,

Англія и Австрія признають законность этихъ требованій и обѣщаются исполнить ихъ, то Прусское правительство со своей стороны готово „вступитъ съ ними въ полнѣйшее соглашеніе по Польскому вопросу“ (wird mit ihnen hinsichtlich der polnischen Frage in das vollkommenste Einvernehmen treten).

Англіискій министръ не замедлилъ отвѣтомъ на обращенный къ нему запросъ. Онъ соглашался на присоединеніе къ Пруссіи всей Саксоніи, но подъ однимъ лишь условіемъ, а именно: чтобъ это „не послужило вознагражденіемъ за тѣ потери которыя пришлось бы Пруссіи потерпѣть вслѣдствіе тревожныхъ и опасныхъ замысловъ со стороны Русскаго правительства.“ То-есть, другими словами: мы готовы отдать вамъ Саксонію, но не иначе какъ въ томъ случаѣ если вы сохраните за собой доставшіяся вамъ по раздѣламъ польскія земли, если вы не пожертвуете ими въ пользу вашего союзника. Не отказывайтесь отъ Варшавы и вы получите Дрезденъ! Все это было очень мало усложнительно. Гарденбергъ намекалъ что Пруссія не прочь поссориться съ Россіей если будетъ ей гарантировано обладаніе Саксоніей, а ему говорили что Пруссія должна сначала поссориться съ Россіей чтобъ имѣть право разчитывать на достиженіе своей заветной цѣли. Впрочемъ, къ чести лорда Кастляри слѣдуетъ замѣтить что онъ, кажется, не сомнѣвался въ возможности подобнаго плана; еслибы дѣло зависѣло отъ него, то притязанія Пруссаковъ были бы удовлетворены вполнѣ, но онъ не хотѣлъ или не умѣлъ понять что ни въ Австрію, ни во Францію не встрѣтитъ ни малѣйшей поддержки. Князь Меттернихъ дѣйствовалъ съ нимъ заодно, разчитывая компрометировать Прусское правительство въ глазахъ императора Александра. Очень естественно что еслибы въ эту критическую минуту Пруссія окончательно отшатнулась отъ Россіи и усвоила себѣ замыслы ея противниковъ, то императоръ имѣлъ бы законныя причины негодовать на ея образъ дѣйствій. Тогда можно было и Саксонскому вопросу дать совершенно иное направленіе. Князь Меттернихъ никогда не колебался относительно его, но до извѣстнаго времени нужно было не разочаровывать Пруссію, тѣмъ болѣе что она сама шла охотно на приманку. Въ отвѣтной депешѣ, которую получалъ отъ него Гарденбергъ, говорилось что Вѣнскій дворъ не въ состояніи сочувствовать инаверженію Саксонскаго

короля, что это противно интересам Австрiи, возбудить неудовольствiе во всѣхъ германскихъ владѣтеляхъ, но что, конечно, „сила обстоятельствъ“ можетъ заставить рѣшиться на подобный шагъ и тогда будетъ время договориться о подробностяхъ. Повидимому, нельзя представить себѣ ничего двусмысленнѣе подобныхъ заявленiй, а между тѣмъ даже и мысль этого советника Фридриха-Вильгельма не образумилась. Меттернихъ такъ былъ увѣренъ въ актъ податливости что не задумался даже обратиться къ нимъ съ формальнымъ предложениемъ о томъ чтобы Пруссiя поддерживала программу лорда Кастльри. Согласно этой программѣ, она должна была требовать или восстановленiя Польши въ границахъ 1771 года, или возвращенiя къ status quo существовавшему въ 1791 году, или же, наконецъ, новаго раздѣла Польши, вслѣдствiе коего границей между Пруссiей и Россiей была бы рѣка Висла.

Было бы ужъ черезчуръ безумно ополчиться въ этотъ походъ на имя никакихъ прочныхъ ручательствъ относительно будущаго. Прусские дипломаты дерзнули возражать, но любопытно въ какой формѣ было это сдѣлано имъ. В. Гумбольдтъ, въ нотѣ отъ 23 октября, замѣчаетъ что конечно расширенiе предѣловъ Россiи не желательно, но противиться этому событiю нельзя, ибо оно служитъ „естественнымъ послѣдствiемъ фальшивой системы укоренившейся съ конца прошлаго столѣтiя, системы состоявшей въ томъ чтобы бороться съ преобладанiемъ Запада, опираясь на Востокъ“. Эта туманная фраза означала что напрасно съ той самой поры какъ Австрiйцы призвали къ себѣ на помощь русскiя войска подъ начальствомъ Суворова европейскiя государства искали въ Россiи опоры для противодѣйствiя завоевательнымъ стремленiямъ Францiи! И это говорила Пруссiя, за которую мы проливали кровь подъ Прейсшиц-Эйлау и Фриландомъ, которой такъ безкорыстно мы помогали потомъ освободиться отъ Наполеоновскаго ига! Именно для того, продолжалъ Гумбольдтъ, чтобы на будущее время не могло случиться ничего подобнаго, чтобы Германiя не вуждалась въ помощи Россiи и слѣдуетъ успѣить Пруссiю присоединенiемъ къ ней Саксонiи: это необходимо не столько даже въ ея интересахъ сколько въ интересахъ Европы. Отъ Прусскаго правительства требуютъ чтобы оно въ союзъ съ Англiей и Австрiей воспротивилось намѣренiямъ императора Александра по Польскому вопросу, но благоразумно ли

противиться имъ когда они — если только суждено имъ осуществиться, принесутъ вредъ самой Россіи? И Вельгельмъ Гумбольдтъ подробно развивалъ эту мысль, нужно сознаться, съ замѣчательною проицательностью.

Неизвѣстно сколько времени продолжалась бы еще страшная комедія которую разыгрывали прусскіе дипломаты, если бы не положилъ ей конецъ самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ. Онъ отважился на поступокъ который, говоритъ Трейчке, слѣдуетъ считать едва ли не самымъ знаменательнымъ и благотворнымъ по слѣдствіямъ поступкомъ въ его жизни. Король откровенно объяснился съ императоромъ Александромъ, причемъ разсѣялись всѣ господствовавшія недоразумѣнія и у него хватило на этотъ разъ твердости навязать свою волю министрамъ. По словамъ однихъ, инициатива принадлежала вполне ему, другіе же утверждали будто нашъ государь открылъ ему глаза на то что происходило вокругъ него. Последнее изъ этихъ предположеній усвоено было и Талейраномъ. Вотъ какъ разказываетъ онъ объ упомянутомъ событіи въ письмѣ къ Лудовику XVIII: „Нѣсколько дней тому назадъ императоръ Александръ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ короля Прусскаго и имѣлъ съ нимъ бесѣду, подробности коей сообщены мнѣ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ. Онъ говорилъ ему о соединявшихъ ихъ узакъ дружбы и о желаніи своемъ чтобъ эта дружба навсегда оставалась неизмѣнною; о томъ что такъ какъ они почти одинаковыхъ лѣтъ, то ему пріятно думать что еще долго будетъ онъ свидѣтелемъ благополучія которымъ отразится на подвластныхъ имъ народахъ тѣсный ихъ союзъ; о своихъ намѣреніяхъ осчастливить Поляковъ. Неужели же въ ту самую минуту, когда уже близокъ онъ былъ къ своей цѣли, суждено ему видѣть между своими противниками близкаго друга, единственнаго государя, на симпатіи котораго онъ разчитывалъ? Король размыслился въ заявленіяхъ и клятвенно обѣщался поддерживать его въ Польскомъ вопросѣ.—Недостаточно, оказалъ императоръ,—если вы сами усвоите подобный образъ мыслей; нужно чтобъ и ваши министры сообразовались съ нимъ. И онъ убѣдилъ короля тотчасъ же позвать Гарденберга. Когда явился канцлеръ, императоръ повторилъ ему все что было сказано королевемъ...“

Не знаемъ такъ ли происходила сцена какъ она описана у Талейрана, но несомнѣнно что Гарденбергъ, крайне разоблаженный, думалъ подать въ отставку, а Меттернихъ и лордъ

Кастальри очень поддерживал его въ этомъ мѣнреніи. Они были вѣдъ себя отъ ярости. Талейранъ, напротивъ, ликовалъ, ибо теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь надѣялся онъ что совѣщанія державъ объ упроченіи мира приведуть къ войнѣ между ними. Тонъ его становился съ каждымъ днемъ самоуврѣненнѣе; онъ поручилъ своимъ помощникамъ Дальбергу и Ла-Бенардьеру составить апологію короля Саксонскаго; въ *Монитеръ* появилась статья, содержащая слѣдующую фразу: „Быть-можетъ, только одинъ государь имѣлъ бы право судить короля Фридриха-Августа, это—король Французскій, но король не признаетъ за нимъ никакой вины.“ Официальный органъ правительства доказывалъ невозможность присоединенія Саксоніи къ Пруссіи, потому что это послужило бы однимъ изъ залоговъ Германскаго единства, а „въ основѣ вѣрнскаго характера лежитъ привязанность къ вѣковымъ обычаямъ, между которыми наиболѣе священнымъ нужно считать обычай повиноваться не одному, а вѣсколькимъ отдѣльнымъ государямъ“. При измѣнившемся положеніи дѣлъ лордъ Кастальри и князь Меттернихъ гораздо охотнѣе чѣмъ прежде выслашивали предложенія Талейрана о союзѣ трехъ державъ—Франціи, Англіи и Австріи. Договоръ по этому предмету былъ подписанъ 8 января 1815 года и дѣломъ его была наступательная война. Талейранъ торжествовалъ. „Теперь, государь,—такъ извѣщалъ онъ своего короля объ этомъ событіи,—коалиція разрушена, и разрушена навсегда. Не только Франція не изолирована, но ваше величество занимаете такое твердое положеніе что кажется лопуѣвковыхъ трудовъ недостаточно было бы чтобы приготовить его. Франція находится въ тѣсномъ соглашеніи съ двумя великими державами, съ тремя второстепенными государствами, а въ непродолжительномъ времени присоединятся къ ней и всѣ другія государства придерживающіяся принциповъ которые не имѣютъ ничего общаго съ принципами революціонными. Она будетъ въ полномъ смыслѣ слова главой и душой этого союза, возмѣншаго для огражденія принциповъ впервые провозглашенныхъ ею. Столь счастливый и великій переворотъ долженъ явиться дѣйствиельно Промысла столь осязательно выразившагося въ возвращеніи вашему на престолъ. Послѣ Бога подготавливалъ его... мои письма къ князю Меттерниху и лорду Кастальри“ и т. д. Здѣсь Талейранъ подробно перечисляетъ

всѣ свои подвиги на конгрессѣ съ цѣлью показать что Франція действительно обязана была своими успѣхами Богу и ему.

Трактатъ 3 января замѣчательно въ томъ отношеніи что онъ какъ бы бросаетъ прозрѣніе на будущее. Между державами образовалась группировка долженствовавшая оставаться неизмѣнною въ теченіе долгаго ряда лѣтъ: съ одной стороны, Англія, Австрія и Франція, къ которымъ не замедлила бы примкнуть Порта, съ другой—Россія и Пруссія. Любопытно что произошло это, какъ мы видѣли, почти противъ желанія прусскихъ государственныхъ людей. По крайней мѣрѣ они сдѣлали со своей стороны все возможное чтобы этого не случилось. „Конечно, говорить Трейчке, можно обвинять Гарденберга, Вильгельма Гумбольдта и ихъ товарищей въ чемъ угодно, но только не въ сѣбной преданности Россіи; до послѣдней минуты стояли они за сближеніе съ Австріей. Какъ бы не замѣчая недоброжелательства императора Франца и князя Меттерниха, Гумбольдтъ настойчиво утверждалъ что „ничего помышлять о спокойствіи, равновѣсіи и без-опасности если Пруссія уклонится отъ своей естественной „политической системы, то-есть отъ союза съ Австріей, Англіей и Голландіей“; Гарденбергъ вторилъ ему въ томъ же смыслѣ. Къ счастью, король, руководимый вѣрнымъ инстинктомъ, успѣлъ обуздать ихъ, но еслибы одержали верхъ они, то Пруссія очутилась бы на Вѣнскомъ конгрессѣ въ самомъ жалкомъ положеніи. Императоръ Александръ добросовѣстно поддерживалъ всѣ требованія своего друга, и такъ какъ противники, за исключеніемъ лишь Франціи, въ сущности не хотѣли войны, то Пруссія достигла значительной части того къ чему стремилась. Въ теченіе всѣхъ переговоровъ на Вѣнскомъ конгрессѣ нельзя указать ни на одинъ случай когда Русское правительство попыталось бы отдѣлаться отъ насъ. Если въ концѣ концовъ императоръ Александръ могъ позволить большіе значительными приобрѣтеніями чѣмъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, то объясняется это не какою-нибудь измѣной Русскихъ, а единственно тѣмъ обстоятельствомъ что по нашей же винѣ Саксонскій вопросъ все еще оставался нерѣшеннымъ когда по вопросу польскому рѣшеніе уже состоялось. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что если мы получили бѣльшую часть Саксоніи, то лишь благодаря содѣйствію Россіи.“

Таково признаніе нѣмецкаго историка, котораго нельзя заложить въ недостатокъ патріотизма. Россія помогала Пруссіи

оружіемъ и затѣмъ на конгрессѣ старалась содѣйствовать ея возвышенію, и все-таки не успѣла внушить ей добродетельнаго къ себѣ чувства; Россія отнеслась къ любимаго Франціи съ моральными великодушіемъ и взаимно этого не встрѣтила съ ея стороны ничего кромѣ вражды. Россіи приписывали самые коварные замыслы, считали вмешательство ея въ европейскія дѣла великимъ бѣдствіемъ, но какъ скоро оказывалась нужда въ ея услугахъ, тоя и мгновенно измѣнялась. Подтвержденіе этого мы находимъ, между прочимъ, въ депешахъ Талейрана. Въ мартѣ 1815 года доходитъ Вѣннъ слухъ о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы и о высадкѣ его на южномъ берегу Франціи. Талейранъ, на этотъ разъ вѣроятно искренно, не вѣритъ въ успѣхъ развѣдываемаго героя; онъ убѣжденъ что все народонаселеніе страны поднимется противъ него, а еслибы даже отважная попытка его и увѣнчалась успѣхомъ, то развѣ не придется ему снова имѣть дѣло съ европейскою коалиціей? Можно, слѣдовательно, не тревожиться, и французскій уполномоченный попрежнему адресуетъ своему государю письма полныя лесть и въ каждой строкѣ коихъ проглядываетъ ненависть къ Россіи. „Императоръ Александръ, говоритъ онъ, очень расположенъ къ намъ; чрезъ посредство Поццо ди-Борго, который отправляется въ Парижъ, онъ намѣренъ предложить вашему величеству содѣйствіе всѣхъ вооруженныхъ своихъ силъ. Было бы печально еслибы пришлось Франціи прибѣгнуть къ этой помощи, а между тѣмъ нельзя положительно отказаться отъ нея; надѣюсь впрочемъ что вы примете ее лишь въ случаѣ крайней необходимости.“ Но извѣстія становятся все мрачнѣе; Наполеонъ приватъ съ восторгомъ въ Греноблѣ, идетъ къ Парижу,—тогда новое письмо: „Сегодня утромъ представился я императору Александру; съ тѣхъ поръ какъ я въ Вѣнѣ, никогда еще не былъ онъ ко мнѣ любезенъ:—нужно, сказалъ онъ, забыть всѣ раздоры и искренно, безо всякой задней мысли, заниматься лишь настоящими бѣдствіями, не для того чтобъ изыскивать ихъ причины, а чтобъ избавиться отъ нихъ.—Съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ говорилъ онъ мнѣ о своихъ чувствахъ къ вашему величеству. Онъ готовъ пожертвовать для васъ даже послѣднимъ своимъ солдатомъ и послѣднимъ своимъ рублемъ.... Съ своей стороны я распространялся о нашемъ безграничномъ къ нему довѣрїи. Дѣйствительно, если помощь илюстрированныхъ державъ окажется

намъ необходимаю, то несравненно лучше чтобы первая роль принадлежала ему, ибо онъ не можетъ считать никакихъ честолюбивыхъ замысловъ относительно Франціи....“ А между тѣмъ, названный рѣшить, съ кѣмъ Франція должна искать союза, Талейранъ проповѣдывалъ что лучше всего желательна для нея союзъ съ государемъ, который не можетъ угрожать ей честолюбіемъ, и усердно хлопоталъ о томъ чтобы образовать противъ него коалицію!

Многіе между приближенными Лудовика XVIII не разделяли взглядовъ Талейрана. Они дорожили упроченіемъ добрыхъ сношеній съ Россіей, а нашъ извѣстный дипломатъ въ Парижѣ, Поццо-ди-Борго, старался поддержать ихъ своимъ вліяніемъ. По этому поводу издатель разбираемой нами книги г. Палленъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Поццо-ди-Борго никогда не отказывался отъ той мысли установить тѣсную связь между Франціей и Россіей которая, будучи исполнена въ Тильзитѣ затѣмъ возобновлена по вызрѣніи Наполеона, когда шли переговоры о бракѣ герцога Беррійскаго съ одною изъ сестеръ императора Александра, не переставала служить главной его цѣлью во все время реставраціи. Мы знаемъ теперь что почти наканунѣ революціи 1830 года планъ Поццо-ди-Борго готовъ былъ осуществиться. Франціи обѣщанъ былъ лѣвый берегъ Рейна, а Россія обезпечивала себя путь къ Константинополю; Алжирская экспедиція, увѣнчавшаяся успѣхомъ именно въ это время, несмотря на недоброжелательство Англіи, свидѣтельствуетъ о томъ что Франція предоставлено было участіе и въ разгромѣ Оттоманской имперіи. Сожалѣніе о неудачѣ этого плана играло не маловажную роль въ нерасположеніи съ какимъ императоръ Николай створился къ королю Лудовику-Филиппу. Предположеніе наше тѣмъ болѣе основательно что Русское правительство никогда не увлекалось слѣшкомъ принципомъ легитимизма: изъ обнародованной нами корреспонденціи Талейрана можно, между прочимъ, убѣдиться что императоръ Александръ былъ не прочь въ 1815 году устроить старшую ливію Бурбоновъ и возвести на престолъ герцога Орлеанскаго, который былъ въ посабствіи королемъ Лудовикомъ-Филиппомъ.“ Хотя г. Палленъ и имѣлъ доступъ къ французскому государственному архиву, мы не думаемъ чтобъ онъ нашелъ въ немъ документы вполне подтверждающіе его предположеніе; несомнѣнно что въ послѣдніе

годы реставрація все болѣе и болѣе устанавливалась ближе между Франціей и Россіей, но чтобы при этомъ была прямо указана дѣль—разрушеніе Турціи, и чтобы роли были уже распределены, а именно Россія получила бы Константинополь, Франція же стала бы твердою ногой на Средиземномъ морѣ и захватила бы берегъ Рейна, — все это не основано ни на чемъ. Не находится въ связи съ этимъ и образъ дѣйствій русской политики по отношенію ко Франціи при преемникѣ Александра I. Императоръ Николай не могъ примириться съ тѣмъ что Лудовикъ-Филиппъ вступилъ на престолъ во вѣдствіе насильственнаго переворота; Лудовикъ-Филиппъ былъ въ его глазахъ воплощеніемъ революціоннаго принципа, и это вполне согласовалось со всѣмъ строемъ мыслей нашего государя, но конечно соображенія такого рода не имѣли бы мѣста еслибы герцогъ Орлеанскій поставленъ былъ во главѣ Франціи волею державъ. Во всякомъ случаѣ весьма интересно что еще въ 1815 году императоръ Александръ высказался за него въ бесѣдѣ съ однимъ изъ англійскихъ уполномоченныхъ, лордомъ Клаварти,—бесѣдѣ которую Талейранъ излагаетъ такимъ образомъ: „Недостаточно низвергнуть Наполеона, это только половина дѣла, говорилъ императоръ; необходимо позаботиться о безопасности Европы, которая не можетъ оставаться спокойна до тѣхъ поръ пока Франція обречена на смуты, а Франція успокоится лишь когда получитъ правительство пригодное для всего ея народонаселенія“. „Франція была счастлива при королѣ Лудовикѣ XVIII, отвѣчалъ Клаварти; онъ пользовался симпатіями всей націи“. „Не всей, а лишь той ея части, которая всегда играетъ пассивную роль, которая въ послѣднія двадцать шесть лѣтъ подчинялась всякимъ переворотамъ, втайнѣ быть-можетъ сѣтовала на нихъ, но не имѣла мужества противостать имъ. Но другая часть, которая дѣйствуетъ и обнаруживаетъ свое вліяніе, едва ли пристанетъ къ Бурбонамъ. Думаете ли вы навязать ихъ силой? Вѣрите ли вы въ успѣхъ такой попытки?“ Лордъ Клаварти продолжалъ доказывать что долгъ побуждаетъ державы не отступать отъ принципа строгой законности. „Первый нашъ долгъ заботиться объ Европѣ и о самихъ себѣ, отвѣчалъ императоръ. Зачѣмъ готовить въ будущемъ новыя бѣдствія? Развѣ то что случилось теперь (война съ Наполеономъ) не можетъ повториться еще разъ и не достигнетъ ли

насъ врасплохъ? Будетъ ли у насъ тогда подъ рукою миліонъ войска? Къ чему же допускать это, гдѣ гарантіи что правительство Лудовика XVIII окажется болѣе прочнымъ? Во всякомъ случаѣ сѣдовало бы обсудить внимательнѣе вопросъ такой важности. Въ прошломъ году можно было бы установить регентство, но эрцгерцогиня Марія-Луиза, съ которою я говорилъ объ этомъ, не хочетъ и слышать о возвращеніи во Францію; всѣ ея помыслы обращены лишь на то чтобъ ея сыну было обезпечено приличное положеніе въ Австріи. Стало-быть нечего и останавливаться на этомъ. Только кандидатура герцога Орлеанскаго устраняетъ всѣ неудобства: онъ Французъ, Бурбонъ, женатъ на принцессѣ Бурбонскаго дома, у него есть сынъ, въ молодости онъ служилъ конституціонному порядку вещей и носилъ трехцвѣтную кокарду... Онъ соединилъ бы вокругъ себя всѣ партіи. Какого мнѣнія на этотъ счетъ Англія?" „Мнѣ неизвѣстно мнѣіе моего правительства по такому совершенно новому вопросу, отвѣчалъ лордъ Клаккарти, но что касается лично меня, я считаю чрезвычайно опаснымъ поощрять кандидатуру герцога Орлеанскаго, которая была бы ни чѣмъ инымъ какъ узурпаціей“.

Талейранъ еще оставался болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Вѣнѣ послѣ того какъ Наполеонъ вступилъ въ Парижъ, а Бурбоны отправились искать убѣжища въ Гентѣ. Находящіеся тамъ государи сносидись съ нимъ какъ съ законнымъ представителемъ Французскаго правительства. Лишь послѣ того какъ разыгралась кровавая драма на поляхъ Ватерлоо сдѣлался онъ съ Лудовикомъ XVIII. Онъ явился къ нему еще не освободившись отъ обаянія одержанныхъ имъ успѣховъ. „Въ Мюнхенѣ, разсказываетъ Шатобрианъ, Талейранъ подъѣхалъ къ королевскому дому въ какой-то долготопной каретѣ, занимавшей всю ширину улицы; онъ торжественно сошелъ съ своей колесницы и прочелъ мемуаръ, въ которомъ содержались поученія какъ нужно дѣйствовать на будущее время.“ Этотъ мемуаръ напечатанъ въ книгѣ изданной г. Паллеюмъ. Прежде всего поражаетъ въ немъ необыкновенно вальщевый тонъ: Талейранъ обращается къ своему государю не какъ министръ, не какъ подданный, а какъ делегатъ отъ европейскихкихъ державъ. Излагая свои мнѣнія, онъ говоритъ: „я очерпнулъ ихъ въ совѣтахъ всей собранной на конгрессъ Европы; государи и государственные люди, съ которыми

бесѣдовалъ я, думаютъ именно такимъ образомъ; я не могъ не довести эти мнѣнія до свѣдѣнія вашего величества, ибо сами монархи побуждали меня къ тому" и т. д. Очевидно, Талейбранъ считалъ роль свою въ Вѣнѣ до такой степени славною что теперь ему казалось вполне удобнымъ выступить въ качествѣ ментора. Впрочемъ, дѣйствительно онъ имѣлъ право хвалиться своею политикою. Результаты ея были блестящи, но не былъ ли то блескъ эфемерный? Даже лавегристы его говорятъ что весь его планъ былъ разчитанъ на то что трактатъ 3 января 1815 года будетъ имѣть практическія послѣдствія, породитъ войну: въ такомъ случаѣ Франція могла бы разчитывать на болѣе или менѣе выгодное для нея измѣненіе границъ которыя были предначертаны ей послѣ перваго низверженія Наполеона. Но войны не послѣдовало, да и не совсѣмъ вѣрится чтобы какъ бы ни были сильны раздоры на Вѣнскомъ конгрессѣ могли они окончиться войной. Талейбранъ вѣрилъ въ это и приходилъ въ восторгъ отъ трактата 3 января, но представители Австріи и Англіи, подписавшіе вмѣстѣ съ нимъ этотъ трактатъ, не скрывали своего смущенія. Особенно тяготилася лордъ Кастльри. „Онъ похожъ на путешественника, говоритъ Талейбранъ, который потерялъ дорогу и тщетно старается найти ее; онъ не знаетъ чего держаться и страшно безлокоится относительно общественнаго мнѣнія въ Англіи“. Если же державы отвергли мысль ваяться за оружіе для рѣшенія своихъ распрей, то чего же достигъ уполномоченный Людовика XVIII? Что приобрѣла Франція и въ какой мѣрѣ обезпечила она въ будущемъ свое вліяніе на ходъ европейскіхъ дѣлъ? Не думаемъ чтобы отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ въ пользу Талейбрана.

А. КР—Ъ.

ПЕРЕЛОМЪ *

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

XIV.

'Tis melancholy, and a fearful sign
Of human frailty, folly, also crime
That love and marriage rarely can combine.
Byron. Don-Juan.

Другой... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдава бы сердца я!

Евг. Огнѣ. Глава третья.

— Борисъ, смотри *кто* къ намъ пріѣхалъ, говорила Александра Павловна, входя часу въ одиннадцатомъ утра, посажъ завтрака, въ сопровожденіи гостя, въ кабинетъ мужа (когда его срослась и онъ уже ходилъ свободно).

— Сергій Михайловичъ! вскрикнулъ онъ, болѣе учтиво впрочемъ чѣмъ обрадованно, подымаясь съ дивана на встрѣчу входившему, — добро пожаловать! Откуда вы? Изъ города?

— Нѣтъ; я былъ въ деревнѣ, потомъ ѣздилъ дней на десять въ Москву повидаться съ Бековичемъ, отвѣтилъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4, 6, 9 и 10 1880, 1, 3 и 4 1881 года.

Гудуровъ. И поздоровавшись съ нами:—Здравствуйте, княжна, сказалъ онъ оборачиваясь къ столу, за которымъ сидѣла Кира съ перомъ въ рукѣ и протягивая ей руку. Троекурову показалось что глаза его какъ-то особенно радостно загорѣлись при этомъ.

— Здравствуйте, очень рада васъ видѣть, промолвила она съ пріятливою улыбкой.—Что князь подѣлываетъ?...

— Онъ также на нѣсколько дней пріѣхалъ свидѣться со мною въ Москву изъ своей кѣствости, гдѣ также пооредничаетъ какъ Борисъ Васильевичъ вотъ...

— Все такъ же остеръ и насмѣшливъ? съ новою улыбкой спросила она.

— Да, не сейчасъ и нѣсколько сквозь зубы произнесъ Гудуровъ усаживаясь въ кресло на которое указывала ему хозяйка;—вы знаете текстъ, промолвилъ онъ черезъ нѣтъ,—на памятникъ Гоголя: *Горькимъ слезамъ моимъ подлѣпись!*...

Троекуровъ взглянулъ на него покусывая губу:

— А что, проницески пророчилъ онъ:—медовый мѣсяцъ вашихъ *коммиссионныхъ* плаюзій уже пережить, какъ видно?

Гудуровъ повелъ на него недовольнымъ взглядомъ. Но онъ уважалъ своего собесѣдника и прівыкъ спорить съ нами съ первыхъ же словъ каждый разъ какъ имъ случалось встрѣтиться; онъ оцѣлъ нужнымъ теперь, хотя какъ бы нѣсколько противъ воли, отвѣтить на то что привалъ онъ со стороны того какъ вызовъ на новое преніе:

— Не знаю про какія „плаюзіи“ вы говорите. Мы въ „коммиссіяхъ“ видѣли предъ собой одну задачу: освободить народъ отъ рабства и поставить его на ноги,—а что затѣмъ водворится рай на землѣ Русской, такую ребяческую мечтой, повѣрьте мнѣ, никто изъ насъ себя не гѣшилъ... Задачи своей мы достигаемъ; *Положеніе 19 февраля* одѣлало свое дѣло. Народъ поднимаясь, преобразился. Видъ его, походка, рѣчь, все измѣнилось въ немъ,—вы съ этимъ, надѣюсь, спорить не станете?... Это *добыто*, это уже не отыметса, а это главное. Въ расчетъ съ высшимъ ословіемъ, съ бывшими ихъ помѣщиками, крестьяне совершаютъ теперь свое гражданское воспитаніе. Мы, мы точильный камень о который отшлифовывается, выострятся теперь народъ нашъ...

— Покорнѣйше благодаримъ! прервалъ его насмѣшливый взглядъ Троекурова.

Онъ невольно усмѣхнулся:

— Я не спорю: эта роль можетъ часто казаться намъ не особенно пріятною...

— Вы это признаете?

Гудуровъ покачалъ плечами:

— Что же дѣлать!...

— Да, это легко говорить, Сергѣй Михайловичъ, воскликнула вся вспыхнувъ Александра Павловна, — а вотъ какъ если изъ-за этого ему (она кивнула на мужа) ногу перепибли...

— Какъ ногу? Что такое?... Я ничего не слышала...

— Тамъ... случай одинъ. Не интересно! досадливо взглянувъ на жену слышала отвѣчать Троекуровъ на вопросъ и изумленное выраженіе лица своего гостя; — какъ-нибудь потому сообщу вамъ... А теперь позволяете отъ васъ самихъ позаинтересоваться новостей свѣжихъ, это гораздо занимательнѣе... Что въ Петербургѣ дѣлается, что ваши друзья?... Дипломатія все за границей?

Вопросъ новизинному пришелся по сердцу Гудурову; лицо его на мигъ осветилось какъ бы радостною улыбкой.

— Да, онъ пробывъ часть зимы въ Римѣ, отъ котораго былъ въ восторгѣ, порузился тамъ въ классицизмъ и называлъ въ своихъ письмахъ „настоящимъ варварствомъ“ наше русское равнодушіе къ нимъ *. Потомъ былъ въ Парижѣ, теперь на водахъ въ Германіи...

— А о возвращеніи его въ Россію вѣтъ рѣчи?

— То-есть, къ дѣлу, хотите вы сказать?

— Само собою.

— Во всякомъ случаѣ не скоро, полагаю... Крулень саникомъ онъ, выше требуемой въ настоящую минуту мѣрки, объяснилъ Сергѣй Михайловичъ съ презрительнымъ движеніемъ губъ; — вы видите *l'homme* и что дѣлается у насъ теперь...

— Стараюсь, признаться вамъ, какъ можно менѣе *видеть*, оказалъ на это Троекуровъ помаргивая нервно глазами, — спокойнѣе какъ будто...

Гудуровъ обернулся ко княжнѣ. Онъ слегка улыбнулся словно говоря: „Такъ что жь объ этомъ и толковать!“... Но внимательно устремленные на него глаза дѣвушки какъ бы говорили въ свою очередь: „Продолжайте пожалуйста, меня очень интересуешь!“

* См. *Un homme d'état russe*, par Leroy-Beaulieu (*Revue des deux mondes*, 1880, 15 octobra).

Она помолчала чуточку, сосредоточивалась, по привычкѣ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію своей мысли, и началъ затѣмъ весельишо, съ замѣтно желчнымъ оттенкомъ въ интонаціи.

Прежняя самоувѣренность, служившая — какъ ни нехотѣла она была — въ некоторую замѣную *действительной* энергии исчезла теперь безъ возврата. Старые правительственные приемы отброшены, но жизнь ничего не создала поставить на мѣсто ихъ. Положеніе въ настоящую минуту представляется въ такомъ видѣ: наверху нестерпимый зудъ законодательствовать во что бы ни стало, при безпримѣрномъ, несравнимомъ недостаткѣ даровитостей, государственныхъ талантовъ; со стороны общества вялость, хроническая лѣнь, отсутствіе всякой инициативы, съ желаніемъ, каждый день все болѣе рѣзко высказывающимся, дразнить безнаказанно правительство...

— *Qui le laisse faire*, саркастически свернулъ Троюкуровъ, — съ благодушіемъ достойнымъ лучшей участи.

Собесѣдникъ его кивнулъ одобрительно головой и продолжалъ:

— Какъ за двѣста лѣтъ до этого такъ и теперь во всей землѣ русской только двѣ живыя силы: личная власть наверху и сельская община на противоположномъ концѣ. Но эти двѣ силы отбавены другъ отъ друга промежуточными силами. Эта же желѣзная промежуточная *среда*, лишенная всякихъ корней въ народѣ и въ продолженіе вѣковъ цѣлѣвавшаяся за верхушку, начинаетъ храбриться и подыматься на дыбы подъ рукою этой своей настоящей, своей *единственной* опоры. Возьмите дворянскія собранія, университеты, печать; вы знаете что все это творить теперь... Весь этотъ бессмысленный крикъ и пугаетъ правительство, и возбуждаетъ массы. Правительство дѣлаетъ уступку за уступкой, безо всякой пользы для общества, которое дразнить его единственно для удовольствія дразнить...

— Совершенныя дѣти! пролетѣла Александра Павловна, съ видимымъ сочувствіемъ внимавшая этимъ словамъ.

— Но долго такъ идти не можетъ, говорилъ все оживленнѣе Гундуровъ: — въ противномъ случаѣ нельзя было бы избѣгнуть тѣснѣйшаго соединенія двухъ оконечностей, верховной власти и низшаго слоя народа, а тогда уже все что нахо-

дится въ срединѣ было бы раздавлено, разгромлено... А въ этой серединѣ вся грамотная Россія, вся наша культура... *

— Славное будущее ждетъ насъ, нечего сказать! сорвалось съ губъ Бориса Васильевича.

Александра Павловна даже вскрикнула:

— Это ужасно что вы говорите, Сергій Михайловичъ!... Борисъ, знаешь что: уйдемъ скорѣй за границу, а то съ нами Богъ знаетъ что еще сдѣлаютъ здѣсь...

Невольная улыбка пробѣжала по всемъ устамъ. Гундуровъ смолкъ. Троекуровъ, закусивъ кончикъ уса, поднялся съ мѣста и прошелъ къ двери отворенной въ садъ; онъ остановился у нея, вперивъ призмуренные глаза въ верхушку ближайшей къ террасѣ липы.

Его *поводило* внутренно и отъ „давности“ жены, и еще болѣе отъ вершешнаго въ головѣ его вопроса *какое* впечатлѣнiе производилъ „этотъ красобай изъ славянофиловъ“ на княжну Кирю. Онъ тамъ, со своего мѣста на диванѣ, не видалъ ея лица. Она какъ сидѣла за лисьменнымъ столомъ, такъ и осталась,—и только когда онъ, „се beau parleur“, началъ говорить, обратилась къ нему въ поборота и, опершись локтемъ о столъ, закрыла „нарочиво“,—злобно говорилъ себѣ Троекуровъ,—весь профиль своими раскинувшимися по лицу длинными, блѣдыми пальцами... „И не отымала ихъ все время... а изъ-за нихъ вся, и взглядомъ и слухомъ, прикована была очевидно къ его рѣчамъ... Что жь, отлично! Не даромъ же гудѣла два года сряду эта демократическая шарманка на потѣху петербургскихъ дворцовъ: обрадовалась знакомымъ лѣснямъ...“

„Мерзость и ложь!“ сказалъ себѣ вдругъ Троекуровъ, и почувствовалъ что все лицо его покрылось краской отъ этого внутреннего сознанiя;—„вѣдь еслибъ я выговорилъ громко то что дѣлало мнѣ теперь въ голову, меня мало было бы выстыть“...

Онъ провелъ рукой по лицу и, приведя себя, какъ выражался онъ мысленно, „въ порядокъ“, направился опять въ стору гостя.

Но тѣмъ уже овладѣла хозяйка. Бесѣда съ *политической* почвы перешла на свѣтскiй, вѣрнѣе, на цѣлительный разговоръ, такъ какъ Александра Павловна главнымъ образомъ допрашивала Гундурова о томъ какъ ему живется въ его губернскомъ

* Ibid. стр. 858.

городъ, и не скучаетъ ли онъ одинокомъ „однимъ“, и кого онъ видитъ, и есть ли тамъ „женское общество“ et des jeunes filles jolies et bien élevées? И что же мало удивляло Троекурова, этотъ угрюмый „славянофилъ“, такъ безотрадно только что относившійся „о положеніи дѣла въ Россіи“, находилъ повидимому удовольствіе въ такомъ „пустомъ“ разговорѣ, добродушно и весело отвѣчалъ на вопросы, признавался что скучаетъ иногда „до лютаго бѣшенства“, и къ замѣтному и неожиданному удовольствію своихъ собеседницъ, рисовалъ весьма забавные очерки всякихъ провинціальныхъ типовъ. Что касается „губернскаго прекраснаго пола“, говорилъ Гундуровъ, то ему извѣстно только то что онъ въ полномъ составѣ своемъ, дамы и дѣвщцы, ловально влюблены въ недавно назначеннаго новаго губернатора, изъ правыхъ-добръ, еще молодого и бойкаго, а главное „ужасно либеральнаго“ челоуѣка, мужа безобразной и глупой какъ пидюшка жены, къ которой „ses dames“ съѣзжаются по вечерамъ „на чтеніе *Полярной звезды* и *Колокола* Герцена en petit comité“...

— Куда васъ, какъ видно, не приглашаютъ? спрашивала со смѣхомъ княжна Кира.

— Нѣтъ, княжна, отвѣтилъ онъ комически жалобнымъ тономъ: — его превосходительство позволено производить эти чтенія самолично, и находить что къ такой чести можетъ быть допущены лишь однимъ auditoire féminin.

— И вамъ за этимъ auditoire никого уже не остается на долю? продолжала она тѣмъ же шутовскимъ тономъ.

— Есть двѣ, три богомольныя и притомъ глупія старушки, которыхъ тоже туда не приглашаютъ; я къ нимъ и ѣзжу утѣшаться...

— Вотъ какой вы добродѣтельный! расхохоталась Сашенька.

У нея было очень хорошо на душѣ въ эту минуту. Веселое расположеніе гостя, вниманіе видимо оказываемое ему Кирой,—все это было какъ разъ на руку ей, вызывало въ ней новыя надежды на то что призывала она въ послѣднее время болѣе чѣмъ когда-либо прежде всѣми заветными мечтаніями своими... „Ахъ, еслибы оно могло сегодня, сегодня же кончиться!“ пронеслось у нея въ мысли какими-то лучезарными взрывами: „онъ никогда еще не былъ такъ aimable какъ нынче, а она si pleine d'attentions къ нему... И вѣдь они созданы, созданы другъ для друга! Я не понимаю даже какъ это давно, еще въ Петербургѣ, не сдѣлалось?.. Правду говорить что мушкетеры такъ глупы!“

Гуадуровъ, со своей стороны, находилась подъ нежданнымъ приливомъ необычнаго ему добраго настроенія духа. Горечь долгихъ, одинокихъ помысловъ и недавнихъ задушевно скорбныхъ бесѣдъ съ друзьями въ Москвѣ,—горечь о судьбахъ страстно любимой родины, сказавшаяся сейчасъ въ его словахъ Троекурову,—словно вся выпалась вдругъ изъ души его за этими словами. Наставала какаа-то временная реакція, какой-то *отпускъ* болѣзненно-натянутыхъ нервовъ. Хотѣлось *передышиться*, отдохнуть, отдаться хоть на мигновеніе личной, субъективной жизни, забывая всякую заботу для и вѣчную заботу „о томъ, объ общемъ“... Онъ не безъ нѣкотораго внутреннего страха поглядывалъ даже теперь отъ времени до времени на Бориса Васильевича,—не вздумалъ бы тотъ опять вызывать его на споръ о „матеріяхъ важныхъ“. Ему именно нужны были въ эту минуту эти „неумудренныя рѣчи“, это женское „безо всякой логики перескакиваніе съ предмета на предметъ“, эти дружески насмѣшливыя улыбки на женскихъ, молодыхъ и красивыхъ лицахъ. Болѣе того: на княжну онъ смотрѣлъ съ какимъ-то особеннымъ, еще имъ не испытаннымъ къ ней чувствомъ; онъ какъ-то неслыханно благодаренъ былъ ей за то что она была теперь „просто женщина“, какою онъ ее еще не зналъ, что она видимо не озабочена никакими „вопросами“ и не спрашиваетъ его ни о чемъ подобномъ, какъ бывало это въ Петербургѣ, во дворцѣ на Михайловской площади, а просто весела и шутитъ,—и говорилъ себѣ что мысленно это по цѣлѣ „гораздо лучше ей пристало чѣмъ то, прежнее“...

Княжна будто отгадывала это новое впечатлѣніе производимое ею на него, и словно желала еще усилить его. Есаибъ онъ хотѣлъ быть болѣе наблюдателемъ, онъ замѣтилъ бы то лихорадочное возбужденіе съ какимъ старалась она держаться принятаго ею тона полу-вебрежной, полу-задирающей шутки, и попытался бы можетъ-быть объяснить себѣ причины такого, столь мало похожаго на ея обычай вообще, образа обхожденія... Но Гуадуровъ переживалъ лишь ощущеніе нежданной, „хорошей“ минуты, очень радъ былъ ему, но не спрашивалъ себя чему именно обязанъ онъ былъ имъ.

Все видѣлъ, все замѣчалъ Троекуровъ и, давно искушенный въ дѣлѣ „женской стратегіи“, все способенъ былъ угадать онъ. Но вѣтъ, какъ извѣстно, опытности которая не ступенчалась бы предъ страстью, не осталась бы обезпамятавшее

предъ нею въ тѣ самыя минуты когда наиболее важны для человека воспоминанія о ея мученіяхъ... Троекуровъ видѣлъ „игру“ княжны, чулъ неискренность ея „судорожной веселости“, но все равно: всѣ фибры его существа болезненно натягивались и корбились отъ того что являлись предметомъ и мотивомъ этой игры, этой веселости былъ все этотъ же „смазанофиалъ“, который, казалось ему, гадить на нее теперь все болѣе и болѣе разгорающимися глазами и мажетъ самъ „подъ огнемъ ея до невыносимаго раздраженія его глазъ“... „Вздоръ, она его не любитъ!“ вскакивалъ онъ мысленно чрезъ мигъ, и чрезъ жизнь опять словно весь съезжался внутренно отъ внезапно налетавшей къ нему мысли что „это ничего не значитъ“, что она преспокойно могла наконецъ убѣдить себя въ необходимости закончить безъ дальнѣйшихъ затѣй прозаическимъ замужествомъ *свои идеальныя исканія несощественной правды*, и что на это наталкиваетъ ее все и вся кругомъ“... „Стоить ей только поглядѣть на мою Александру Павловну чтобъ уже почувствовать себя всю заквашенною въ тѣстѣ и коряжкѣ семейнаго кренделя!“ говорилъ себѣ Троекуровъ, промически, чуть не злобно косясь на бѣдную Саменьку, которая, вся сіяющая, гадѣла въ свою очередь на кузину и на ея воображаемаго „претендента“ любовно ободряющимъ взглядомъ: „Ну вотъ—моль, и чудесно! Еще, еще немножко и все такъ отлично выйдетъ: и вы будете счастливы, и моему частію ничего уже грозить не будетъ...“

Троекуровъ не видѣлъ конца этому „испытанію“. Онъ настолько ослабевалъ себя что ничто въ его наружности не изоблачало мучающаго его внутренняго чувства. Глаза его спокойно глядѣли на собеседниковъ, по губамъ пробѣгала какъ бы поощрительная улыбка ихъ рѣчамъ... Онъ вытѣшался въ разговорѣ, владея въ общій, шутовскій тонъ его, — и вскорѣ овладалъ имъ совсѣмъ. Но яснѣе и яснѣе его стала вскорѣ принимать чѣмъ далѣе тѣмъ сильнѣе язвительный характеръ, его замѣчанія и отзывы о людяхъ и дѣлахъ ихъ становились все рѣзче и суровѣе...

— Ты ужасно золъ сегодня, Борисъ! невольнымъ упрекомъ сорвалось съ устъ Саменьки подъ впечатлѣніемъ его цинично-пугавшихъ ее сарказмовъ.

— Не замъ въ нашъ вѣкъ одніи овцы и новоназначенные министры... да и то пожалуй эти лишь въ первый день ихъ назначенія, возразилъ онъ, нервно заморгавъ глазами.

Гундуровъ засмѣялся.

— Прибавьте: и *счастливые* люди! промолвила Кира съ какимъ-то страшнымъ отгѣнкомъ въ выраженіи.

— Вотъ это правда! быстро и негромко одобрила Александра Павловна; и она такъ и влилась взглядомъ въ лицо мужа.

Онъ обернулся на нее съ улыбкой, которой тщался придать какъ можно болѣе мягкое выраженіе:

— Если вы съ княжною хотите мнѣ этимъ сказать что на мнѣ лежитъ обязанность овечьей кротости въ силу моего званья „счастливаго человека“, подчеркнул онъ,—то мнѣ само собою остается только согласиться и замолчать... Замолчать, повторилъ Троекуровъ мгновенно обращаясь въ сторону гостя,—и пожелать лишь развѣ тѣхъ же условій *счастія* другу нашему, Сѣргію Михайловичу.

Гундуровъ не то удивленно, не то уныло поднял на него глаза въ свою очередь:

— Я давно отвыкъ думать о личномъ счастьѣ, выговорилъ онъ какъ бы противъ воли.

— А *общаго* имѣете въ настоящую минуту въ наличности мнѣе чѣмъ когда-нибудь, сказалъ на это Троекуровъ;—какъ же быть тогда?...

— Очень просто, Сѣргій Михайловичъ, пылко выговорила Сашенька, участливо глядя на него:—забыть вашу вѣчную *политику*, ваши *государственные дѣла*, а вспомнить что вы тоже *человѣкъ*, имѣете тоже право какъ все на то что Богъ даетъ намъ въ жизни,—на семью, на дѣтей, на тихое и мирное житіе, какъ говоритъ церковь... и что это даже долгъ вашъ какъ христіанина, промолвила она, вся покраснѣвъ, и быстро подвинулась съ мѣста.—Съ Борисомъ не стоить говорить сегодня, засмѣялась она полускрѣпно, полудумственно,—у него это лежанье съ ногой—вы понимаете какая это скука!—совсѣмъ характеръ испортило; я его не узнаю просто... Пойдемте въ садъ, я покажу вамъ мои *roses grimpantes*, прелесты вы увидите... *et je vous sermopnerai en chemin...*

— Сдѣлайте милость, весело отгѣчалъ Гундуровъ,—сегодня я чувствую себя особенно воспріимчивымъ къ женской проповѣди... Но съ условіемъ чтобъ я въ случаѣ нужды имѣлъ право защищать теоріи вашего мужа.

— Избалованъ онъ сашкомъ! вырвалось опять у Александры Павловны. И она тутъ же лопылыми любви и тревоги

глазами повела въ сторону мужа, какъ бы прося у него извиненія.

Она улыбалась своею обыкновенною, вебрежною улыбкой...

— Такъ идемте же, идемъ!... Кира, ты съ мамой?

— И сейчасъ, отвѣтила княжна,—только вотъ одну бумагу докончу, перелицикъ давно дожидается...

— Вы знаете что Кира исправляетъ у Бориса должность писмоводителя? молвила Сашенька, смѣясь и выходя съ гостиной въ садъ.

Троекуровъ довелъ ихъ до первой аллеи, и вернулся въ кабинетъ...

Княжна сидѣла за его письменнымъ столомъ и, внако опустивъ голову надъ бумагой, дописывала какое-то составленное ею циркулярное предписаніе волостнымъ правленіямъ.

Она прошелъ позади ея кресла, остановился на мигъ, заглядывая машинально сверху, черезъ ея плечо, на ея писанье... и тутъ же послѣшью отодвинулся, шагнулъ къ своему дивану, и опустился разомъ въ какомъ-то изнеможеніи... Видя ея тонкой, нѣжной до прозрачности шеи, съ безчисленными колечками волосковъ кудравившихся на ея затылкѣ, кинулся ему какъ вино въ голову... Она судорожно прижала руку къ вѣкамъ, какъ бы съ тѣмъ чтобъ изгнать изъ мыслей неодолимое искушеніе...

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Она дописала, перечла, оглянувшись и, подавившись съ мѣсто, подошла къ дивану со своимъ *отпускомъ* въ рукѣ:

— Прочтите, хорошо ли такъ?..

Рука ея мгновенно опустилась... Не принимая протакутаго ея листа, недвижно и бессмысленно глядя на нее во всѣ глаза Троекуровъ... И что говорила она ей теперь!..

Никогда еще въ жизни не бывало у нея сердце такъ какъ забилось оно въ груди ея въ эту минуту.

— Что же... не нужно? прошептала она, стараясь одолѣть себя и отворачиваясь взглядомъ отъ этихъ глазъ—отъ этихъ прожигавшихъ ее глазъ...

Она... она уже не владала собою.

— Скажите мнѣ одно, зашептала она въ свою очередь путавшихся отъ волненія языкомъ:—вы рѣшились? Да?

— „Рѣшилась“? повторила она,—на что?

— Вы знаете... Не даромъ же вы... Я никогда еще не видалъ васъ *такою*... И *его* также. Вы этого хотѣли, да? Съ

какою цѣлью? Вы всю жизнь презирали кокетство, и вдругъ такъ, здорово живешь, стали бы это продѣлывать!... Нѣтъ, признайтесь, вы послушались *ея*... моей супруги; она увѣрила васъ что „такъ надо“, что счастье и правда только въ *этомъ*, что само небо посылаетъ вамъ этого человѣка...

— Не она одна, молвила неудержимо Бира,—сами вы, давно ли говорили мнѣ то же?

— Я?... Я говорилъ, да вспомнилъ *онъ*,—говорилъ когда...

— И хорошо дѣлали, перебила она его:—*вамъ* *долгъ* былъ такъ говорить мнѣ на случай что „этотъ человѣкъ дѣйствительно думаетъ обо мнѣ“...

Онъ въ свою очередь не далъ ей договорить:

— Если въ васъ было тогда еще сомнѣнiе на этотъ счетъ, пропустилъ *онъ* сквозь стиснутыя зубы,—то сегодня вы кажется имѣете полное право его отложить. „Суровый Славянинъ“ очевидно сдается на всѣхъ лункахъ: *онъ* объявляетъ громкогласно сейчасъ что чувствуетъ себя готовымъ *воспринимать* обиданную ему „проповѣдь“... А проповѣдь Александра Павловича *завѣстно куда бѣдетъ!*...

Надменно и горько въ то же время зазвучалъ голосъ княжны:

— А еслибъ это было и такъ, еслибъ *онъ* дѣйствительно имѣлъ намѣренiе... а я бы „рѣшилась“, что бы вы могли сказать на это?

Глаза его загорѣлись какъ два пылающiе угля.

— Чтѣ? вскакинулъ *онъ* задыхаясь;—вы не видите *что?* Не видите что я не хочу... не могу отдать васъ никому... что я люблю васъ безумно...

Вся кровь мгновенно кипулась въ голову Бире,—и такъ же мгновенно отхлынула; мраморно-блѣдная, вскакинула она свои зеленые глаза на Троекурова и, какъ привороженная, не была уже въ состоянiи оторвать ихъ отъ него.

Слово было сказано, сомнѣнiй не оставалось,—*онъ* любилъ ее... Все минувшее,—страхъ, предчувствiя, борьба которую она въ теченiе всего этого времени вела со своимъ собственнымъ чувствомъ, весь этотъ приѣмъ холодности и равнодушiя чтобы заставить его забыть мгновенный порывъ неодолимой влѣбности,—все это разлеталось какъ дымъ предъ этимъ словомъ. *Онъ* любитъ ее, *любитъ!*... Вотъ она жизнь... вотъ настоящiя, какъ говоритъ *онъ*, „счастье и правда“!... Да это, *это*,—и ничто другое на свѣтѣ!...

Но съ тѣмъ же гордымъ выраженіемъ откинулась чрезъ масть голова ея назадъ; тонкія ноздри затрепетали и расширились, словно вызывая на бой какую-то невидимую силу..

— Знаете ли вы, медленно произнесла она,—на, что вы идете говоря мнѣ то что вы сказали?

Онъ отвѣтилъ ей взглядомъ горѣвшимъ какою-то беззаветно страстною отвагой.

— На все! промолвилъ онъ коротко.

Она вздрогнула.

— Вы губите жизнь... и не одну, добавила она чуть слышно.

— По тому чьей я жертвою судите о томъ что вы для меня!..

Онъ схватилъ ея руки и, притянувъ къ себѣ, прижался лгмающимъ лицомъ къ ея ладонямъ, покрывая ихъ безкомичными поцѣлуями...

Голова ея безвольно наклонилась... Она коснулась его два оледенѣлыми губами... и вдругъ вырвалась, отбѣжала.

— Нѣтъ, мнѣ!.. Я завтра же уйду отсюда!..

Онъ кинулся къ ней, схватилъ ея стаяъ, прижалъ его до боли къ груди:

— Безъ меня ни за вероту, прошепталъ онъ замирающимъ голосомъ,—со мною туда гдѣ никто въ мірѣ насъ не отыщетъ!..

— Оставьте меня... Оставьте! Идутъ!.. могла только выговорить она...

XV.

Candor dat viribus alas.

Шумъ чьихъ-то шаговъ доносился, дѣйствительно, изъ соседней съ кабинетомъ библіотеки.

Княжна—подъ нею, казалось ей, дрожала земля—едва успѣла дотащиться до прежняго мѣста, упала въ кресло предъ письменнымъ столомъ, и опершись о него обоими локтями, уронила голову на сложенные руки...

Дверь отворилась.

— Василій Григорьевичъ Юшковъ, докладываетъ входя слуга.

И за докладомъ, не ожидая зова, вбѣжалъ, ворвался старикъ-смотритель. На немъ, какъ говорится, лица не было. Сѣдые; вкоченные волосы разлетались во все стороны, изподъ опухшихъ, красныхъ вѣкъ большіе голубые глаза его

блаждали какъ у безумнаго, грудь вся колыбалась отъ дыханія, не находившаго себѣ выхода сквозь судорожно-спертое горло...

Только что самъ успѣвшій овладѣть собою Троекуровъ былъ пораженъ этимъ видомъ.

— Василій Григорьевичъ, что съ вами? воскликнулъ онъ, послѣшно идя къ нему на встрѣчу и высылая знакомъ слугу изъ комнаты.

— Я... я къ вамъ... какъ къ спасителю... могъ только выговорить тотъ, спинаясь весь, какъ человѣкъ готовый уласть.

Борисъ Васильевичъ подхватилъ его лодъ мышки, подвелъ къ дивану, опустилъ его:

— Успокойтесь, ради Бога... Воды, вина не хотите ли? Онъ протянулъ руку къ коакоальчику.

— Я сейчасъ принесу, молвила Кира, пробужденная какъ ото сна изъ своего оцѣлѣвннн отчаянннмъ сказавшимся въ этомъ голосѣ,— тутъ лишннхъ не нужно...

— Ахъ, ваше сннтельство, княжна, пролетѣлъ старикъ,— извините, я васъ не видѣлъ...

Но она уже вышла изъ кабинета, и вернулась чрезъ мигъ со стаканомъ воды и флакономъ флердоранжа.

Онъ выпилъ, отдышался нѣсколько... Она приняла у него стаканъ...

— Несчастнн?.. У Павла Григорьевича? спрашивалъ его между тѣмъ невольнымъ шелотомъ Троекуровъ.

Онъ качнулъ утвердительно головой, приподымаясь въ то же время, по неизмѣнной привычкѣ почтительности чтобъ отвѣсить княжнѣ благодарственный поклонъ.

— Вы отъ него?

— Изъ города.

— Да ли вамъ знать?..

— Тамъ узналъ-съ... въ городѣ...

— Что? Что именно? Говорите, Василій Григорьевичъ!.. Прнсутствн Кнры Ннкнтнчны васъ не отъсвнняетъ, надѣюсь?

— Помните, воскликнулъ старикъ;— я знаю какъ онъ ко всей семьѣ нашей благорасположенъ... Да и вѣдь ни отъ кого въ скорости скрыть нельзя будетъ, промолвилъ онъ съ громкимъ, вырвавшимся у него вдругъ всхлнпывающнмъ.

— Что же случилось? торопнлъ его Троекуровъ.

— Грнша вашъ, Грнша...

Онъ не былъ въ состояннн продолжать...

— Гриша? повторила Кира, поднимая невольно глаза на Троекурова.

Онъ похвально.

— Полагая? такъ и вырвалось у него.

Смотритель схватилъ его обѣими руками за локоть, нагнулся къ самому его уху и прошепталъ:

— Да въ чемъ-съ! Въ государ-ственномъ преступленіи, въ распространеніи возмутительныхъ прокламацій... Господи!— перебилъ онъ себя, закрывая глаза дрожащими ладонями, представьте себѣ что это съ отцомъ его, съ братомъ Пашей будетъ... Въдъ единственный сынъ... обожаемый, можно сказать!.. Вотъ я къ вамъ прямо, Борисъ Васильевичъ, какъ... какъ къ единственному спасителю... Пашѣ-то, по крайней мѣрѣ, брату Павлу Григорьевичу какъ бы умягчить этотъ ударъ...

И онъ разрыдался какъ ребенокъ.

Троекуровъ взялъ его за обѣ руки и участливо пожалъ ихъ.

— Вы знаете что все что отъ меня зависить будетъ сдѣлано. Но передайте мнѣ подробно что вамъ извѣстно обо всемъ этомъ? Гдѣ Гриша, волервыхъ?... Я просилъ давно Павла Григорьевича послать его ко мнѣ. Я имѣлъ еще тогда основаніе опасаться за него, вслѣдствіе одного обстоятельства... Братъ вашъ обѣщалъ, но Гриша не былъ; все же это время, какъ вы знаете, я лежалъ съ ногой... а Павелъ Григорьевичъ писалъ мнѣ что тоже не двигается, подагра. Такъ мы съ нимъ болѣе мѣсяца не видались... Судя по вашимъ словамъ, онъ еще не знаетъ о томъ что случилось?

— Съ этимъ вотъ ѣду къ нему... И ума ужъ не приложу какъ и приступить будетъ... объяснялъ развода руками совершенно растерянный Василій Григорьевичъ.—А Гриша лятаа ужъ ведѣла какъ съ матерью къ бабушкѣ уѣхалъ, къ ея матери то-есть, да и застряла они тамъ, такъ какъ старушка очень больна была. Оттого и у васъ не былъ. А я съ братомъ прожилъ въ Углахъ до конца ваканта. Подагра у него дѣйствительно разыгралась, вставать не могъ, скучалъ очень... особенно вотъ безъ него-то, безъ сына... Пятнадцатаго числа августа, къ открытію ученія, я по своей должности долженъ былъ въ городъ вернуться. На прошлой недѣлѣ это было... и дошло тутъ до меня что къ намъ въ городъ изъ губерніи жандармъ пріѣхалъ, и слѣдствіе идетъ по почтовой конторѣ: отправлены были чрезъ нее въ разные города экземпляры возмутительныхъ

прокламацій, и что подозрѣвается одинъ молодой человекъ... Оказалось—Гриша! вскрикнулъ старикъ съ новымъ порывомъ отчаянія.

— Вы какъ же узнали?

— Учитель одинъ мой, преданный человекъ, прослышалъ какъ-то, забывалъ сегодня утромъ... Я повѣрить не хотѣлъ спервоначала... Сами понимаете: такого отца... героя сыновъ и на такое дѣло пойти... противъ правительства!... Господи!... Къ исправнику нашему кинулся, оный человекъ хорошій, молодой, еще студентомъ его лоплюю. „Ради Бога, говорю, скажите, вотъ что мнѣ передавала... ошибки нѣтъ ли тутъ какой?“ А оный, гляжу, и самъ не свой, блѣдный весь сидитъ, губы кусаетъ: „Я, говорить, изъ этой проклятой должности вонъ прошусь, мѣсяцъ какъ ужъ подаю; отчисленія еще не вышло, а вотъ пока, говорить, приходится горячайшее изъ этой чаши лить... Вашъ племянникъ, говорить, дѣйствительно уличается многими свидѣтельскими показаніями въ сдачу на почту писемъ съ этими прокламаціями, и я получалъ предписаніе вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ присланнымъ по этому дѣлу произвести обыскъ въ мѣстѣ его жительства, въ усадьбѣ нашего почтеннаго Павла Григорьевича, и арестовать его...“ Я завылъ просто, обмеръ... „Да не можетъ же это быть! говорю,—юноша благословитанный, кроткій...—“ Увлечень былъ, надо думать“, отвѣчаетъ оный мнѣ на это сквозь зубы.—Кѣмъ? хотѣлъ спросить,—и вдругъ вспомнилъ: студентъ тутъ одинъ по сосѣдству проживалъ, пріѣзжалъ къ нему, и Гриша ѣздилъ... Да вы знаете, Борисъ Васильевичъ, перебилъ оный олатъ себя, тревожно при этомъ скинувъ глаза на княжну, безмолвно, съ широко раскрывшимися вѣками влимавшую его разказу.

— Знаю, знаю, послѣшилъ сказать Троекуровъ, очевидно не желая останавливаться на этомъ пунктѣ.

— Вспомнилъ я тутъ, скорбно покачивая сѣдою головою продолжалъ смотритель,—что съ того самаго времени неизвѣнаемъ сталъ нашъ Гриша... Сужденія такіа рѣзкіа, странныя... Оный вздохнулъ и махнулъ рукой;—о нашихъ чистыхъ старыхъ идеалахъ я ужъ не говорю-съ, выкинуло ихъ давно изъ окошка съ поруганіями и смѣхомъ новое поколѣніе. На Бѣлицкаго сначала молились, вольнолюбивое направленіе пошло; да, по крайности, искренній, горячій культъ искусства чувствовался въ человекѣ!... А теперь, я вотъ скажу за журналами, такъ вѣдь это куда же ведутъ! И отлору ни съ

какой стороны... Съ дозволенія правительства проповѣдуется! Огуломъ-съ всю эту заполучивую молодежь въ пропасть толкають... А роднымъ-то, а отцамъ каково видѣть это, поминать, и беспальными, безоружными себя чувствовать супротивъ общаго потока... Вотъ-съ, какого еще лучше примѣра, какого руководства нужно для молодаго человѣка какъ братъ мой Паша! Только гордиться такимъ отцомъ, благоговѣть предъ нимъ... И вѣдь любилъ его всегда мальчикъ, горячо любилъ, знаю я!... И вдругъ стоило побить ему въ университетѣ, да явлася какой-то проходимецъ, проповѣдникъ всякой злобы и лжи,—такъ я поминую,—и вся эта вѣжность къ родителю, довѣріе, все это летитъ прахомъ, смыслъ видимо начинается чуждаться отца, сидитъ залершись въ своей комнатѣ, таится... Вѣдь это Паша замѣчалъ все. Ничего не говоритъ, а только взглянетъ на меня цвой разъ... Чѣмъ же я могъ тутъ пособить? Попробовалъ я было заговорить съ Гришей наединѣ: „Огорчаешь ты молъ очень отца своимъ уныніемъ.“ Такъ онъ меня даже сразу оборвалъ: „Вы, говоритъ, извѣстно, дада, старый романтикъ, чувствительныя слова любите произносить, никакого у меня „унынія“ вѣту, а просто скучно!...“ Я, признаюсь вамъ, послѣ этого даже радъ былъ что онъ уѣхалъ съ матерью—бабушка очень желала видѣть его,—„авось, думаю, провѣтрится“... А это, какъ поминую я теперь, раскаяніе мучило его, бѣдвяжку, страхъ... Вѣдь за такое его преступленіе покойный государь—да въ ту пору это даже въ умѣ никто бы держать не смѣлъ!—приказалъ бы его на Кавказъ солдатомъ, безъ выслуги. А нынче и того хуже пожалуй, задрожавшимъ голосомъ вскрикнулъ старикъ, вливаясь глазами въ лицо Бориса Васильевича,—судить будутъ, въ Сибирь, на каторгу порѣшать...

— Ну ужъ и „въ Сибирь“! качуалъ вверхъ головой Троекуровъ. Вы говорите что сегодня должны быть произведенъ обыскъ въ Углахъ?

— Сегодня.

— Такъ вѣдь Гриши же они тамъ не найдутъ: онъ, говорите вы, съ матерью у бабушки.

— Дома! Они непременно должны были вернуться къ его, Гриши, рожденію. Ему, представьте себѣ эту насмѣшку судьбы, завтра гражданское совершенновѣтіе миметь, двадцать одинъ годъ...

— Ахъ, Господи! вскинулась опять Юшковъ,—время-то, время бѣжить, а я... Я вѣдь къ вамъ прїехалъ съ чѣмъ... Какъ оны это передалъ мнѣ, исправникъ-то: „ради Бога, говорю ему, дайте мнѣ хоть предварить брата, а то вѣдь страшно подумать какъ если вы такъ вдругъ, съ жандармомъ, нагрянете къ нему“. Оны на это тотчасъ же согласилась: „Пожайте, говорить, сейчасъ, а я вамъ обещаю что я его, жандарма то есть, удержу часа на два; у васъ такимъ образомъ все это время впереди будетъ“. Я сейчасъ же ямщика махнулъ до вашего Всесвятскаго. Вы, думаю, во всякомъ случаѣ не откажете мнѣ въ лошадахъ и экипажѣ скорѣе доѣхать до Угловъ... А кромѣ того, прибавилъ оны, и его большіе голубые глаза съ выраженіемъ страстной мольбы устремились еще разъ на его собесѣдника,—если только состояніе вашего здоровья позволить это вамъ, не откажетесь сами...

— Вѣсть съ вами? договорилъ за него Троекуровъ... И глаза его безотчетно обернулись въ сторону Киры.

Лицо ея мгновенно замѣло, но выраженіе его прямо сказало ему: „не обо мнѣ теперь думать“...

Оны всталъ, дернулъ за скурокъ колокольчика:

— Сказать Скоробогатову, приказалъ оны вошедшему слугѣ:—четверку подъ старую коляску; я вѣду сейчасъ въ Углы.

— Борисъ Васильевичъ, голубчикъ! вскрикнулъ старикъ, кидаясь обнимать его,—отъ сердца хотъ каледечку отлегло...

Тотъ ложалъ ему руку:

— А теперь надо будетъ предварить жену и гостя... У насъ Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ, объяснилъ оны.

— Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ! повторилъ смотритель, чуть-чуть вздрогнувъ и послѣшнво провода рукой по лицу;—не видалъ я его съ самой смерти ангела моего, княжны, прощенталъ оны.

— Ахъ да: вѣдь весь этотъ романъ его вамъ близко извѣстенъ? быстро промолвилъ Троекуровъ. И глаза его еще разъ обернулись на Киру.

Она встала и, не отвѣчая на его взглядъ, направилась къ двери ведшей изъ кабинета въ приемные покои дома.

Въ ту же минуту на порогѣ двери открытой въ садъ показалась Александра Павловна въ сопровожденіи слугаика своего по прогулкѣ.

Она вся сіяла: она довела Гундурова „тонкимъ разговоромъ“ до признанія что „одинокая жизнь ему въ тягость“, къ чему оны прибавилъ однако что „перемѣнять ее на

„другую поздно“; но это послѣднее, разсуждала она, „чистѣйшій, разумѣется, вздоръ и говорится всегда мужчинами въ такихъ случаяхъ“, и что на это „никакого не надо обращать вниманія, тѣмъ болѣе что онъ общалъ непремѣнно пріѣхать опять во Всесвятское чрезъ недѣлю, а *уже на толькомо днѣ*“...

— Кара, крикнула она еще изъ дверей, замѣтивъ что та уходитъ,—куда же ты? Мы тебя тамъ все поджидали въ цвѣтникѣ...

— Я сейчасъ приду, голова разболѣлась, проговорила княжна, исчезая. Ее точно остреемъ иглы кольнула звукъ этого, ей, голоса...

— Василий Григорьевичъ, здравствуйте! молвила между тѣмъ Сашенька, замѣтивъ старика и послѣшью, съ ласковою улыбкой, пда къ нему протянувъ руку:—вы изъ Угловъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ ей за него мужъ;—мы сейчасъ туда ѣдемъ съ Василиемъ Григорьевичемъ.

Она такъ и вскрикнула:

— Ты ѣдешь, Борисъ! Ты только третій день сталъ ходить...

— Я и не пойду, а поѣду, возразилъ онъ съ короткою усмѣшкой.

— Доброе дѣло сдѣлать, Александра Павловна, примолвилъ старикъ-смотритель съ глубокимъ вздохомъ и такимъ же поклономъ;—не прелятствуйте, а Борисъ Васильевичъ, надѣюсь, и дождетъ, и вернется къ вамъ совершенно цѣлъ и невредимъ.

— Развѣ я могу... прелятствовать? озадаченно проговорила она,—но... развѣ это такъ необходимо сегодня же?

Троекуровъ сказалъ брови:

— Видно такъ коли мы ѣдемъ... Я все тебѣ расскажу по возвращеніи, добавилъ онъ мягче и стараясь улыбнуться.

— А теперь мнѣ остается только просить извиненія у дорогого гостя, обратился онъ къ Гундурову;—вы, я не сомнѣваюсь, поймете что я рѣшаюсь такъ безцеремонно покинуть васъ не изъ неучтивости...

— Полноте! сказалъ тотъ;—я впрочемъ самъ долженъ ѣхать...

— А я васъ не лущу! вскрикнула рѣшительнымъ тономъ молодая хозяйка,—вы должны остаться съ нами обѣдать... Ахъ, Боже мой, вспомнила она вдругъ,—мы знакомы, mes sieurs? Василий Григорьевичъ Юшковъ, Сергій Михайловичъ...

— Сергѣй Михайловичъ не помнитъ меня, не далъ ей до- сказать смотрителю; печально вскидывая глаза на того съ чѣмъ имеемъ на устахъ отошла предъ нимъ въ вѣчность его „ангелъ-княжна“, * кому на другой день по ея смерти онъ передавалъ ея послѣднія слова...

Тотъ пристально взглянулъ на него, узналъ—и, къ нѣкото- рому ужасу Александры Павловны, весь перемѣнился въ ли- цѣ. Прошлое, это замгшее такъ глубоко въ душѣ его прош- лое, проснулось въ немъ вдругъ съ новою, мучительною си- лой...

— Да, мы давно не видались, давно! проговорилъ онъ чрезъ силу, протягивая руку старику и слабымъ движеніемъ паль- цевъ отвѣчая на крѣпкое рукожатіе того.

Онъ отвелъ тутъ же отъ него глаза и оставилъ ихъ на молодой женщинѣ:

— Вы извините меня, Александра Павловна, сказалъ онъ какъ-то особенно слѣша теперь,—я никакъ не могу остаться у васъ обѣдать... Очень пріятно, но не могу, рѣшительно... Я далъ знать въ деревню что буду къ обѣду и меня тамъ ждутъ... Извините!..

— Богъ съ вами если такъ, вздохнула она,—но надѣюсь что вы не забудете вашего обѣщанія чрезъ недѣлю—помните, никакъ не позднѣе,—быть опять у насъ?

— Нѣтъ, конечно... я постараюсь, промямлилъ онъ, оты- ская глазами свою шляпу.

— Очень нелюбезно, очень, заключила Александра Павлов- на, полуулыбаясь, полувздыхая,—что вы оставляете насъ съ Кирой обѣдать вдвоемъ...

XVI.

Ничто не укротитъ желанна судьбы,
Не змѣющей къ прекрасному лещадь.
Батюшковъ.

—

О, Боже, Боже мой,
Какая честности худая мада на свѣтѣ!
Сумароковъ.

—

Слутники молчали всю дорогу... Старикъ-смотритель, при- жавшись къ уголку коляски, то глядѣлъ оттуда растерянны- ми, ничего не зрѣвшими глазами на мимо бѣжавшіе нивы и

* *Четвертъ съѣла назадъ.* Глава предпослѣдняя.

лѣса, то вскидывалъ ихъ и подоагу не отрывалъ отъ неба, шевеля неслышно своими доблестными старческими губами... Иные помыслы, иные ощущенія уносили Троекурова. Воздухъ, солнце, игра тѣней, это *жваніе* въ экилажѣ посабъ шестиведьливой мелодвижности, и *то*, то что сейчасъ произошло у него въ кабинетѣ „предъ тѣмъ какъ этотъ бѣдный старикъ ворвался къ нему“,—все это охватывало его, ольямало какимъ-то блаженнымъ дурманомъ. Онъ „жилъ“, жилъ олять „всею поавотою жизни“, сказывалось ему, жилъ „будто въ первый разъ“... Онъ совершенно забылъ куда, къ кому, зачѣмъ онъ ѣдетъ: несутъ его кони, одуваешь вѣтеръ разгоряченное лицо, бѣбуютъ въ рядахъ сосенъ стволы березъ подъ полуденными лучами... а впереди, впереди!... Онъ не договаривалъ и нервно, до боли закусывалъ усъ свой, въ какомъ-то аачномъ предвкушеніи того „что ждетъ“ его. „Она сдалась“,—и онъ безотчетно улыбался,—„гордая, упрямая... Да, я ошибался: это была не *игра*, а вотъ эти самыя упрямыя и гордыя... Поборотъ себя хотѣла, шесть ведѣвъ выдержала, томилась и томилась... и вотъ!...“ „Знаете ли куда вы идете говоря мнѣ это?“ повторялъ онъ ея слова: какая другая женщина поставила бы *такъ* этотъ вопросъ? Изъ орлиной породы она, съ нею компромиссовъ быть не можетъ... А эти зеленые глаза, дѣвственно-страстные, что обѣщаютъ они... Я найму въ Венеціи palazzo на Canale Grande и съ нею тамъ...

— Угавы! пробудилъ его словно испуганный возгласъ сосѣда.

Онъ оглянулся на него чуть не сердито. Старикъ, весь бѣдный, торопливо и учащенно крестилъ себѣ грудь дрожащими пальцами... Они прѣехали.

Павелъ Григорьевичъ Юшковъ не ждалъ гостей. Предъ отъѣздомъ брата изъ Угавъ тотъ, чуть не плача, выражалъ ему свое сожалѣніе что занятія его по училищу никакъ не позволяютъ ему прѣехать ко дню рожденія Гриши. А Бориса Васильевича Троекурова онъ предполагалъ не совсѣмъ еще оправившимся.

Онъ повтому настолько же удивился ихъ прѣезду насколько и обрадовался.

— Вотъ ужъ могу сказать, пріятный сюрпризъ! вскакнулъ онъ, съ подергиваніемъ боли на лицѣ подымаясь изъ своего глубокаго вальтера и стулая на обутую въ бархатный сапогъ

вогу, на встрѣчу имъ (они прямо прошли въ его кабинетъ). Вы ужъ молодцомъ, Борисъ Васильичъ, поздравляю, а мнѣ вотъ, какъ видите, еще не даетъ ходить проклятая подагра... Здравствуй, Василий, таки прикатилъ сегодня, старый, спасибо тебѣ! протягивая руку и любовно поведя взглядомъ на брата, промолвилъ онъ и тутъ же тревожно вскрикнулъ:—Да что съ тобою, боленъ?

Бѣдный смотритель подиалъ на него мучительно-умоляющій взглядъ:

— Нѣтъ, Паша, нѣтъ, я ничего... я собственно...

— Какое „ничего“! Лица на тебѣ нѣтъ. Боленъ, говорю, или... случилось что-нибудь?...

— Дѣйствительно, Паша, одно обстоятельство есть... Ты не смотри на меня, Паша, пожалуста, вскрикнулъ вдругъ старикъ:—я... Натура ужъ у меня такая... бабья... ничего сдержатъ въ себѣ не умѣетъ...

Онъ не договорилъ, и быстро отошелъ къ окну, глотая дупшившія его слезы.

Павелъ Григорьевичъ поглядѣлъ ему въ сидѣлъ, сжалъ свои нависшія брови и, олутившись слова въ кресло, обратился къ Троекурову.

— Что съ нимъ?... Что такое? какъ бы поправился онъ:— вы знаете?

Тотъ обернулся къ двери.

— Залереть можно?

— Можно, конечно... А что?

— Чтобы кто-нибудь... изъ *сашитъ*, подчеркнул онъ—не вошелъ. Поговорить надо.

— Жены еще нѣтъ; она вечеромъ только придетъ. Удержала ее мать больная. А Гришу прислала мнѣ сюда вчера... Онъ сейчасъ у меня сидѣлъ, пошелъ на озеро погулять...

Борисъ Васильевичъ одобрительно качнулъ головой.

— О немъ именно и рѣчь пойдетъ, сказалъ онъ.

Судорога пробѣжала по лицу моряка. Глаза его такъ и влились въ говорившаго

— О Гришѣ? повторилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Да! вѣско уронилъ тотъ.

— Говорите... что бы тамъ ни было! вырвалось неожиданно для него самого у Павла Григорьевича.

— Вы помните нашъ разговоръ съ вами когда вы въ

последній разъ были у меня... послѣ случая со мною... о томъ переодѣтомъ негодяѣ?

— Да, да... котораго Гриша называетъ маѣ Федоровымъ, мрачно прошепталъ Юшковъ.

— Настоящая его фамилія—Овцынъ; онъ двоюродный братъ моей жены, давно потерянный человѣкъ... Пока, объясняя Троєкуровъ въ отвѣтъ на изумленіе оказавшееся за этики словами его въ глазахъ обоихъ братьевъ,—пока шло только дѣло обо мнѣ, я считалъ бесполезнымъ называть вамъ его... Я узналъ что онъ въ нашихъ мѣстахъ въ тотъ самый вечеръ когда, помните, былъ у васъ, возвращаясь изъ города, и велѣлъ ему сказать что если онъ немедленно не скроется отсюда я съ нимъ распоряжусь по-своему... Я его действительно встрѣтилъ чрезъ день послѣ этого въ компаніи Троєжкова, и избилъ плетью, имѣлъ на то основаніе... Жалію объ одномъ,—теперь что не положилъ на мѣстѣ, съ безпощадно сверкнувшими глазами отчеканилъ бывший Кавказецъ;—настаетъ такое, повидимому, время что охранять себя... и своимъ честнымъ людямъ придется не иначе какъ соборвенноручною расправой!... Вы знаете что произошло затѣмъ: маскарадъ, подстреканіе крестьянъ къ бунту... Молодца схватили на мѣстѣ преступленія,—и въ ту же ночь выпустили, или открыли са дали... Того и слѣдовало ожидать: нынче, какъ извѣстно, преступныхъ людей нѣтъ,—существуютъ „убѣжденія“, или аффекты“; за то и за другое, разумѣется, „мечество“ подводитъ людей подъ кару, и такого разумѣнія своего долга считаетъ нужнымъ держаться теперь каждый остоящій на службѣ просвѣтившагося Россійскаго правительства... Ну, и прелесть! Отпустили „убѣжденного“ молодца; наша сторона по крайней мѣрѣ избавлена отъ него. Таково было мое разсужденіе; я вамъ въ этомъ смыслѣ и говорилъ тогда, думая именно о нашемъ Гришѣ, о томъ скверномъ вліяніи какое могъ имѣть на него этотъ мерзавецъ...

Троєкуровъ говорилъ короткими, обрывистыми фразами, отдаваясь неволью захватывавшему его чувству негодованія, и замолчалъ на полусловѣ, проводя себѣ въ смущеніи рукою по лицу: оставалось сказать „настоящее“, поразить ударомъ этого почтеннаго, глубоко уважаемаго имъ человѣка, котормый, согнувшись въ своемъ креслѣ и машинально подергивая правую цѣлою рукою пустой рукавъ отрѣзанной лѣвой, глядѣлъ на него, не отрываясь, нетерпѣливо и тревожно...

Старикъ-смотритель несмышными шагами подошелъ тѣмъ временемъ къ нимъ и, опустивъ сложенные руки, съ замправшимъ дыханіемъ, не отводя въ свою очередь отъ брата своихъ голубыхъ, словно туманомъ подернутыхъ телерь глазъ.

— Вы успокоивали меня тогда, Борисъ Васильевичъ, тихо произнесъ младшій Юшковъ.

— Если это упрекъ, ласковымъ тономъ замѣтилъ Троекуровъ,—то я заслуживаю его только въ томъ отношеніи что не догадался тогда же что зао... уже было сдѣлаю.

Павелъ Григорьевичъ весь выпрямился:

— „Сдѣлаю?“ Чтѣ? Не томите!

Братъ его кинулся къ нему:

— Папа, голубчикъ, зашепетаъ онъ,—ты сильный человекъ... ты тысячу смертей, можно сказать, на своемъ вѣку выдывалъ и глядѣлъ имъ бодро въ глаза... Такъ ты ужъ и теперь... мужайся! Тяжело, голубчикъ, тяжело, да что же дѣлать!... Сына! твой... Вѣдь подумай: молодость, довѣрчивость пашинья...

— Чтѣ онъ сдѣлаалъ? гнѣвно прервалъ его тотъ, ударяя кулакомъ по ручкѣ своего кресла.

— Его обвиваютъ въ разсылкѣ по почтѣ конвертовъ съ революціонными прокламаціями, почелъ нужнымъ вышпаться опять Троекуровъ.

— Съ революціонными прокламаціями... Гриша?... Не можетъ быть! вскрикнулъ Павелъ Григорьевичъ, откидывая голову назадъ.

Борисъ Васильевичъ приподнял печально плечи:

— Пусть братъ вашъ разкажетъ вамъ чтѣ знаетъ!...

Смотритель, страшно лутаясь и испуганнымъ взглядомъ сѣдя за выраженіемъ лица брата, приваался сообщать все чтѣ было передано ему исправникомъ.

Тотъ не прерывалъ его ни единымъ словомъ. Онъ словно замеръ весь; только лобъ его и щеки становились съ каждымъ мгновеніемъ все баѣдѣй и баѣдѣй.

— „Обыскъ“, повторилъ онъ чуть внятно, дослушавъ до конца,—въ моемъ домѣ... у моего сына!...

— Павелъ Григорьевичъ, сказалъ Троекуровъ,—я пойду съ нимъ переговорю... съ Гришей...

— Съ государственнымъ преступникомъ! захохоталъ старый морякъ прорвавшимся у него неудержимо истерическимъ смѣхомъ—и смоалъ тутъ же, устремивъ глаза на отворившуюся

прямо противъ него дверь, въ которую, въ свѣжѣмъ лѣтнемъ костюмѣ, съ соломенной шляпой въ рукѣ, юный и милосивый какъ дѣвочка, входилъ въ эту минуту его сынъ.

— Борисъ Васильевичъ, еще съ порога заговорилъ онъ, — вообразите что я съ озера — вѣдь не близко! — услышалъ по звуку колесъ вашу старую коляску...

Онъ быстро направился къ нему, заранѣе протягивая руку... И вдругъ инстинктивно задержалъ шага, окинулъ торопливнымъ взглядомъ лица безмогильныхъ присутствующихъ, и побѣдѣлъ какъ полотно... Онъ какъ-то разомъ все лопая.

Троекурову стало ужасно жаль его:

— Гриша... началъ было онъ.

— Нѣтъ, ужъ вы позволяете отцу съ нимъ поговорить сначала! перебилъ его Павелъ Григорьевичъ. И онъ эмергическимъ движеніемъ руки указалъ сыну стать предъ нимъ.

Молодой человѣкъ повиновался, подвинулся; глаза его оступаясь въ землю, словно повинаясь какой-то вѣтхой, неодолимой силѣ.

Отецъ уставился на него, губы его зашевелились... но долго не былъ онъ въ состояніи произнести слова...

— Сейчасъ, началъ онъ наконецъ, — прійдетъ сюда полиція, жандармы... производить обыскъ, арестовать тебя... Ты знаешь за что?... Надѣюсь, вскрикнулъ онъ, предупреждая отвѣтъ сына, — что ты покрайней мѣрѣ агать не оставишь мѣнѣ!

— Я агать не стану, промолвилъ Гриша, поджавъ глаза, и обвелъ ими кругомъ себя, ни на комъ не останавливаясь. Слабый румянецъ выступилъ на его лицѣ, онъ видимо боролся: — я за поступки свои отвѣтчикъ!

— За какіе „поступки“? За безуміе, за несмысленное дурачество! Тебя подучили разосаать по почтѣ какія-то возмутительныя воззванія... И ты это взялъ на себя, взялъ сыграть шута... чтобы поплатиться за это Сибирью!...

Упрекъ задѣвалъ молодаго человѣка за самое большое мѣсто, — за его самолюбіе; онъ весь вспыхнулъ теперь.

— Для кого „шута“, для кого чего-нибудь лучше пожалуй! возразилъ онъ съ замѣтнымъ намѣреніемъ проміи въ тонѣ: — это вопросъ стараго и новаго поколѣнія... Мы не поймемъ другъ друга, батюшка!

— Чтѣ же мнѣ понимать-то, не потрудишься ли объяснить, вскрикнулъ Павелъ Григорьевичъ: — то ли что ты уже

не по легкомыслию, а съ полнымъ сознаниемъ, съ убѣжденіемъ что такъ тебѣ и сѣдуетъ, залюбуясь въ бунтовщика, во врага общественнаго порядка и правительства?..

Гриша приподнялъ плечи:

— Ни вашъ „порядокъ“, ни ваше „правительство“ мы, молодое поколѣніе, уважать не можемъ, и стремимся... къ ихъ улраздженію, договорилъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

Нестерпимую болью и гнѣвомъ засверкали глаза отставнаго Севастопольца. Онъ ухватился за кресло, какъ бы съ тѣмъ чтобы подняться, чтобы кинуться на сына... и упалъ опять, беспальный и дрожащій...

— Что же, заставлялъ его голосъ,—такъ мы для того тамъ одиннадцать мѣсяцевъ умирали каждый день за Русскую землю и ея Цара чтобы вы, вы... наши дѣти...

Горло свело ему судорогой, онъ говорить не могъ...

— Паша, голубчикъ! ринулся къ нему старикъ братъ, отчаянно протарая къ нему руки.

Троекуровъ схватилъ Гришу за руку и потянулъ его къ окну.

— Вы безумецъ, Гриша, строго заговорилъ онъ,—и что хуже, извивите,—просты не по дѣтамъ! Вы въ дѣйствительности такой же революціонеръ какъ я,—иначе вы были бы чудовище, а не сынъ вотъ этого человѣка, предъ которымъ каждый порядочный человѣкъ въ Россіи почтительно шалку скинетъ... И вы убиваете его, губите самого себя изъ-за чего? изъ-за бездѣяльника, который натравилъ васъ, а самъ удралъ, оставивъ васъ на жертву?... Видъ вы должны же знать что онъ скрылся... ему дали уйти,—а вы поплатитесь! Развѣ отецъ вашъ не правъ, развѣ не играетъ вы въ самомъ дѣлѣ во всемъ этомъ роль шута?... Вы хоть бы объ этомъ серьезно подумали, если сердце услѣли вы свое испортить уже настолько чтобы не понимать какую цѣмой залапатать за это ваши родители!..

Еслибы Гриша имѣлъ даръ ясновидѣнія и могъ прочесть то что сказывалось въ мысли Троекурова не дайте какъ часъ тому назадъ, онъ имѣлъ бы возможность спросить его въ эту минуту въ свою очередь: какою цѣмой и кѣмъ должно было быть залачено „безуміе“ самого преловѣдника?..

Но у бѣднаго юноши не было и этого аргумента въ запасъ. Онъ стоялъ лицомъ къ лицу со своимъ „леступкомъ“ и сознавалъ съ глубокимъ внутреннимъ смутеніемъ что ему

вечѣмъ, вечѣмъ серьезно оправдать его... Слова Бориса Васильевича разбивали какъ-то сразу въ прахъ весь его напускной задоръ. Какой онъ въ самомъ дѣлѣ революционеръ? Есть ли въ немъ тотъ огонь и мужество, есть ли та злоба какіе нужны для этого? Вотъ онъ „раскиосъ уже совсѣмъ“, не смѣетъ обернуться на старика отца, и сердце невыносимо ноетъ, и слезы такъ-таки сейчасъ, кажется, и брызнутъ изъ глазъ. А „тотъ“ повлекъ его, сгубилъ, и скрмаса, не почти даже нужнымъ извѣстить его о себѣ, справиться и о его участи. Онъ „пресѣдуетъ свое дѣло“ и пренебрегаетъ тѣми кто служилъ ему безсаовеснымъ орудіемъ, послушною, жалкою игрушкой... Да, это такъ, онъ, Григорій Юшковъ,—„шутъ“, надъ которымъ смѣется теперь этотъ же человекъ за котораго приходится ему „расплачиваться“... И какъ онъ могъ такъ сѣло отдаться ему въ руки, давно ли онъ его знаетъ?.. Онъ встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ, незадолго до экзаменовъ, въ одномъ студенческомъ кружкѣ съ которымъ водилса Гриша. Его звали тамъ Федоровымъ, и Гриша только позднѣе узналъ что это не была его настоящая фамилія, и что онъ „скрывается отъ полиціи“, для чего даже носить парикъ темнѣе собственныхъ волосъ... Студенты кружка, почти все первокурсники, благоговѣли предъ нимъ какъ предъ человекомъ „бывшимъ въ Лондонѣ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ самимъ Александромъ Ивановичемъ“, къ которому—передавали они шепотомъ другъ другу—„онъ былъ посылаемъ даже для особыхъ переговоровъ отъ редакціи *Современника*“, и съ восторженнымъ сочувствіемъ заслушивались его „прогрессивныхъ“ рѣчей... Гриша, савшій въ университетъ „красною дѣвицей“ и „аристократомъ“, былъ особенно польщенъ тѣмъ что столь „хорошо поставленное въ *либеральномъ лагерѣ*“ и авторитетное среди его товарищей лицо обратило на него съ перваго раза особое вниманіе и заявилъ даже что желаетъ „спеціально заняться его развитіемъ“. Нашъ юноша получилъ дѣйствительно отъ этого наставника указаніе на „нѣкоторыя необходимыя“ для такого его „развитія“ книги, въ которыя „сѣдовало ему *еникнуться*“. Первымъ номеромъ стояло извѣстное *Kraft und Stoff* Бюхнера, которое Гриша, знавшій хорошо по-нѣмецки и одаренный отаичною памятью, одолевъ весьма быстро и такъ что на ближайшемъ послѣ этого сборищѣ кружка могъ цитовать наизустъ цѣлыя страницы изъ этого сочиненія,

выводя изъ нихъ уже самыя рѣшительныя заключенія о необходимости „покончить со всякимъ евогониическимъ началомъ“. Овцынъ ударилъ его за это поощрительно по плечу и многозначительно проговорилъ: „Будетъ прокъ“! вслѣдъ за чѣмъ товарищи привалясь даже аплодировать Гришѣ... Затѣмъ наступили экзамены и собранія прекратились, но предъ самымъ отъѣздомъ Гриши домой къ нему неожиданно явился Овцынъ „сообщить ему“ что самъ онъ имѣетъ намѣреніе „для нѣкоторыхъ спеціальныхъ цѣлей“ побывать лѣтомъ въ его, Юшкова, мѣстахъ, и потому просить дать ему свой тамошній адресъ и „ждать его посѣщенія“, причемъ уже съ таинственнымъ видомъ передалъ что „нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ его быть осторожнымъ“, а потому онъ желаетъ чтобъ Юшковъ хранилъ ихъ отношенія въ тайнѣ „отъ своихъ домочадцевъ и отъ всякаго вообще провинціального старья, какого тамъ, надо думать, достасть“, и заключилъ тѣмъ что, по всей вѣроятности, будетъ имѣть надобность обратиться къ нему для содѣйствія этимъ своимъ „нѣкоторымъ цѣлямъ“.—„Какія же это такія цѣли?“ спросилъ озадаченно Гриша.—„Само собою не личныя, а для общаго блага“! высокомерно отрѣзалъ на это Овцынъ, но болѣе обстоятельное объясненіе отложилъ до ихъ встрѣчи „тамъ“.

„И вотъ онъ пріѣхалъ, и въ три свиданія *обработалъ* меня!“ говорилъ себѣ теперь Гриша съ мучительною тоской, съ невыносимымъ чувствомъ стыда...

Печально и участливо глядѣлъ на него Троекуровъ: онъ угадывалъ что происходило въ этой слабовольной молодой душѣ.

— Послушайте, сказалъ онъ,—вы слышали, сейчасъ у васъ обыскъ будетъ; надо уничтожить все что можетъ быть компрометирующаго въ вашихъ бумагахъ.

— У меня ничего нѣтъ, пролетѣлъ на это юноша.

— Не осталось экземпляровъ тѣхъ... прокламацій вашихъ?

— Ихъ у меня здѣсь никогда и не было...

Борисъ Васильевичъ воззрися ему въ лицо съ невольнымъ недоверіемъ.

— Не было, повторилъ тихо Гриша:—у отца подъ кровлею... я не хотѣлъ...

— Вы писали адреса у этого негодая... у Трожежкова? Гриша не отвѣчалъ.

— И ничего больше нѣтъ?

— Были запрещенные стихи, а ихъ съелъ.

— Давно?

— Тогда же...

— Пойдемте однако въ вашу комнату; посмотрѣть хорошенько не мѣшаетъ... къ мелочамъ могутъ придаться...

Но въ это самое время подъ окнами комнаты слышался лошадиный топотъ, и мимо ихъ ко крыльцу промчался дорожный тарантасъ, съ двумя сидѣвшими въ немъ господами въ форменныхъ фуражкахъ.

— Оя! глухимъ крикомъ вскрикнулъ оборачиваясь старикъ-смотритель, все время возившійся около брата.

— Пойди, проси ихъ! выговорилъ спокойнымъ голосомъ Павелъ Григорьевичъ, залахивая лопы длиннаго халата, въ который былъ онъ облеченъ по случаю нездоровья, и вытрямаясь на своемъ сидѣнии.

Гриша въ свою очередь вскинулъ вверхъ голову; глаза его глядѣли гордо и твердо.

„Хорошо!“ сказалъ себѣ Троекуровъ, зорко наблюдавшій за нимъ...

Вошли въ сопровожденіи старшаго Юшкова исправникъ Факирскій и жандармскій капитанъ въ голубомъ мундирѣ, весьма благообразной и какой-то невинно строгой наружности молодой человекъ (онъ служилъ когда-то въ одномъ изъ первыхъ полковъ гвардіи и промѣнялъ его на жандармскую должность, „по страсти, гворилъ онъ, къ слѣдственной дѣятельности“).

Факирскій былъ темень какъ туча. Онъ, вступивъ въ комнату, послѣшно обвелъ однимъ общимъ поклономъ всѣхъ присутствующихъ, замѣтно избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ Павломъ Григорьевичемъ, и пропустивъ впередъ офицера словно заслонился весь имъ.

— Хозяинъ? шлооткомъ, обернувшись къ нему въ полооборота, спросилъ его тотъ, и на утвердительный знакъ его подошелъ къ креслу съ почтительнымъ и вполнѣ свѣтскимъ наклопеніемъ головы.

— Покорнѣйше прошу васъ извинить... началъ было онъ; но Павелъ Григорьевичъ не далъ ему продолжать. Онъ отдалъ ему учтиво поклонъ и заговорилъ самъ:

— Пріѣздъ вашъ ко мнѣ не требуетъ объясненій... онъ гворитъ самъ за себя. Тотъ кому я, по всей вѣроятности, обязанъ честью видѣть васъ у себя въ домѣ, здѣсь, каллицо, (онъ, не глядя на сына, кивнулъ головой въ его сторону);—

а потому, если вамъ угодно, вы можете сейчасъ же приступить къ вашему дѣлу.

Благообразнаго голубаго офицера передернуло. Онъ чуть-чуть усмѣхнулся, но все также свѣтски наклонилъ еще разъ голову, прищурился слегка на Гришу и, шагнувъ къ отомедшному вѣсколку въ сторону исправнику:

— Этотъ самый молодой человекъ? спросилъ онъ его на ухо.

— Онъ! не могъ удержать вздоха Факирскій.

— Гриша, промолвилъ громко Троекуровъ, — пройдемте съ этими господами въ вашу комнату... Пожаайте, господа! пригласилъ онъ ихъ рукой садовать за молодымъ человекомъ, немедленно двинувшимся вслѣдъ за его словами къ двери.

— Борисъ Васильевичъ Троекуровъ, нашъ здѣшній мировой посредникъ и крупный землевладелецъ, счелъ нужнымъ объяснить Факирскій, наклонясь въ свою очередь къ уху офицера.

Тотъ повелъ только головой, и слегка покраснѣлъ. Онъ ломилъ Троекурова еще съ поры своего юнкерства въ полку, въ которомъ и тотъ служилъ еще тогда, но „ни ему, ни мнѣ не особенно пріятно возобновлять теперь знакомство“, основательно разсудилъ онъ...

— Папа, что же это будетъ? вскакивалъ неудержимо, вскидывая руки вверхъ, старикъ-смотритель, оставшись вдвоемъ въ комнатѣ съ братомъ.

Морякъ не отвѣчалъ; только грозныя брови его судорожно дрогнули надъ сверкнувшими на мигъ глазами...

XVII.

...Portavimus umbram

Imperii...

Sidonii Apollinaris Carmina.

Какъ другъ объявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

Пушкинъ.

— Это *ваше* именно помѣщеніе? спрашивалъ Гришу жандармскій капитанъ, оглядывая свѣтлую, уютную комнату въ которую вошла она, и въ которой все, отъ свѣжихъ сит-

цевыхъ завѣсѣй и до бездѣлушекъ разставленныхъ на столахъ и этажеркахъ, носило слѣды заботливой руки, руки матери, любовно уготовлявшей этотъ „уголокъ“ къ пріѣзду дорогого дѣтца.

— Да, это кабинетъ мой, а тутъ рядомъ маленькая комната, моя спальня.

Тотъ заглянулъ въ спальню, потянулъ кончикъ уса и спросилъ опять:

— Тутъ у васъ все *ваше*: книги, бумаги?..

— Да. Книги въ шкафу, бумаги здѣсь вотъ!

И Гриша нервнымъ движеніемъ дернулъ за ключъ и вытащилъ на половину большой ящикъ письменнаго стола съ мирно почивавшими тамъ тетрадями университетскихъ лекцій.

Голубой офицеръ деликатною рукой потянулъ къ себѣ одну изъ нихъ:

— Это ваша рука? мягчайшимъ тономъ проропнулъ онъ.

— Нѣтъ, усмѣхнулся невольно студентъ,—это литографированныя записки... А, вотъ это я строчилъ, примолвилъ онъ, подавая ему съ тою же усмѣшкой исписанный листъ.

— Позвольте посмотреть!..

Онъ взялъ этотъ листъ—отрывокъ изъ какого-то конспекта по энциклопедіи правовѣдѣнія,—отошелъ съ нимъ къ окну, пригласивъ глазами исправника туда же и, обернувшись спиной къ молодому человѣку и Борису Васильевичу, который, усѣвшись на диванъ, внимательно слѣдилъ за происходившимъ, запустилъ руку за бортъ сюртука, вытащилъ изъ кармана бумажникъ, а изъ него какой-то почтовый конвертъ, и показалъ его Факирскому... Головы ихъ на нѣсколько мгновеній низко наклонились обѣ надъ обоими „письменными документами“, очевидно случая ихъ.

— Несомнѣнно! прошепталъ голубой.

Исправникъ только насулился.

Тотъ вернулся къ Гришѣ.

— Вы изволили сказать что это ваша рука? сказалъ онъ показывая ему на конспектъ.

— Моя.

— А эту вы не признаете? И онъ, осторожно и крѣпко придерживая двумя пальцами конвертъ за верхъ его, поднесъ начертанный на немъ адресъ подъ глаза Гриши.

Гриша началъ громко:

„Его превосходительству, господину пензенскому губер...“

т. слв.

12

Онъ не дочелъ, поднявъ глаза—словно какая-то змѣйка пробѣжала по его лицу—и твердо выговорилъ:

— Это тоже я писалъ.

Факирскій, съ замѣтною озабоченностью въ лицѣ ожидавшій его отвѣта, болѣзненно поморщился и быстро отвернулся къ окну. Троекуровъ такъ и впился въ юношу...

Жандармскій капитанъ осторожно вынулъ изъ конверта листокъ въ осьмушку тонкой, отпечатанной убористымъ шрифтомъ бумаги, по всемъ признакамъ заграничнаго происхождения:

— Вамъ было извѣстно, спросилъ онъ, и глаза его въ свою очередь блеснули какъ бы невольнымъ участіемъ къ допрашиваемому,—о содержаніи того что заключалось какъ лодъ этою обложкой, такъ и подо многими другими такими же, съ адресами на нихъ вашей же руки и вами же лично сданными въ ^гской почтовой конторѣ, какъ показываютъ очевидцы?...

Гриша не успѣлъ отвѣтить.

— А если это ему извѣстно не было? воскликнулъ вдругъ Троекуровъ, вскакивая со своего мѣста;—если онъ просто по добродушію... или легкомыслію, если хотите, согласился надписать на готовыхъ залечатанныхъ конвертахъ адреса всякихъ неизвѣстныхъ ему лицъ, по списку данному ему тѣмъ кому нужно было разослать эти прокламаціи?... Вѣдь прокламаціи это были? Всемъ извѣстно что ихъ разбрасывали въ Петербургѣ, по Волгѣ... Одинъ изъ такихъ экземпляровъ вѣроятно и у васъ тутъ? указалъ онъ на листокъ, который голубой офицеръ, какъ бы внезапно испугавшись этихъ словъ, послѣдшилъ тутъ же вложить снова въ обложку... „Вотъ тебѣ исходъ, пользуйся!“ говорилъ въ то же время глаза Бориса Васильевича Гришѣ, все также не отрываясь отъ него.

— Въ такомъ случаѣ, съ живостью молвилъ капитанъ,—не потрудится ли господинъ Юшковъ назвать то лицо по просьбѣ котораго надписаны имъ адреса на этихъ обложкахъ?

Троекуровъ еще разъ не далъ юношѣ произнести слова:

— Капитанъ, вы должны понимать какъ трудно *порадочному* молодому человѣку, подчеркнулъ онъ,—выдавать кого бы то ни было... Вопросъ этотъ къ тому же, кажется, безплодезенъ. По имѣющимся, какъ мнѣ извѣстно, въ вашемъ вѣдомствѣ свѣдѣніямъ, сами вы должны догадываться, если и

не знаете достоверно, кто могъ быть „лицо“ о которомъ вы спрашиваете.

Фаватикъ „по слѣдственной части“ весь предался самъ теперь въ вопросительный знакъ.

— О комъ это вы изволите говорить?

Троекуровъ поглядывалъ ему въ глаза:

— Позвольте-съ, мы здѣсь не въ лрятки играемъ! Вы не можете не знать что въ здѣшней мѣстности, именно въ то время когда сданы были на почту эти прокламаціи, проживалъ нѣкто одинъ изъ выѣзжавшихъ агитаторовъ что ли,—какъ ихъ называть!—давно извѣстный вашему вѣдомству, которое, какъ это мнѣ, повторяю, лично извѣстно, и разыскивало его формально, проницески добавивъ оны.

Благообразный офицеръ съ тѣмъ же недоумѣвающимъ видомъ пожалъ плечомъ.

— Рѣшительно не понимаю-съ!...

— Такъ я вамъ прямо назову его, отрѣзалъ Борисъ Васильевичъ,—его все сильнѣе разбирала желчь:—зовутъ его Овцынымъ; бывшій студентъ Петербургскаго университета; эмигрировавшій за границу и вернувшійся оттуда лодъ чужимъ именемъ, подозрѣваемый въ участіи въ петербургскихъ пожарахъ...

Калитавъ закивалъ теперь утвердительно головой:

— Это совершенно такъ-съ, называемый вами господиномъ дѣйствительно разыскивается... И оны какъ бы невольно прибавилъ своимъ свѣтски-любезнымъ тономъ и съ легкою усмѣшкой:—мнѣ остается только удивиться откуда вамъ вѣдомы наши тайны.

— А я, возразилъ съ такою же усмѣшкой его собесѣдникъ,—удиваяюсь тому что вы вѣрите еще въ эти „тайны“. Въ русскихъ управленіяхъ *наисекретнѣйшая* бумага извѣстна тѣмъ отъ кого скрываютъ ея содержаніе прежде еще чѣмъ она подписана.

Калитавъ повелъ губами не то недоувѣрчиво, не то кисло:

— Такое утвержденіе мнѣ кажется нѣсколько преувеличено... Что же касается давняго случая, торопливо перебилъ оны себя,—относительно личности которую вы сейчасъ назвали, то считаю долгомъ завѣрить васъ что ея въ здѣшней мѣстности не было вовсе...

— И „вовсе“ даже? не могъ удержаться отъ смѣха Борисъ Васильевичъ:—таковы ваши свѣдѣнія?

— У насъ въ центральному управленіи имѣются объ этомъ самыя положительныя данныя, утвердительно и нѣсколько обиженный чимъ смѣхомъ промолвилъ тотъ.

Троекуровъ еще разъ воззрѣлся ему прямо въ лицо: оно дышало самою несомнѣнною, младенческою искренностию.

„О, sancta simplicitas въ лазоревомъ мундирѣ, подумалъ онъ, покойся безмятежно на шдивеніи благодушнаго отечества, а хранишь его предоставь ужь единому Господу Богу!“...

— А я вамъ вотъ что скажу-сь, громко выговорилъ онъ:— можете довести вашему начальству что, еслибъ это понадобилось, я, не говоря уже о моемъ собственномъ, соберу еще сколько угодно показаній свидѣтелей о пребываніи этого негодяя здѣсь, и притомъ самыхъ подробныхъ:—и когда, и гдѣ, и что...

Глаза его оставовились на мигъ на мрачно выпавшемъ этому разговору исправникѣ,—и тутъ же отвернулись. Онъ замолчалъ.

Но слова его видимо произвели вѣское впечатлѣніе на нашего капитана. Прирожденная его чертамъ строгость перешла даже телерь въ нѣкоторый отбѣнокъ грозности,—все также впрочемъ „девишмой“.

— Я не смѣю не довѣрять вашимъ словамъ, раздумчиво и протяжно произнесъ онъ. И обращаясь къ Гришѣ:

— Вы подтверждаете *нѣ* показаніе?

— Какое? какъ со сна спросилъ тотъ. Онъ стоялъ глубоко погружаясь въ свою тяжелую внутреннюю думу.

— Относительно пребыванія здѣсь бывшаго студента Овцына, а также и того что вы, по его просьбѣ, и не зная что содержится въ изготовленныхъ и запечатанныхъ имъ заранѣе конвертахъ, надписали на нихъ адреса по списку полученному вами отъ него же?

Потупленные до сихъ поръ глаза Гриши вскинулись на вопрошавшаго:

— Я никакого Овцына не знаю.

— Онъ называлъ себя здѣсь *Федоровымъ*, замѣтилъ на это Борисъ Васильевичъ.

— Онъ и въ Петербургѣ, какъ намъ извѣстно, проживалъ подъ этою фамиліей, подтвердилъ капитанъ;—такъ значить *Федорова*, все равно-сь, обратился онъ снова къ молодому Юшкову.

— Я и *Федорова* не знаю, рѣзко отвѣтилъ тотъ.

Троекуровъ вслыхнулъ весь, шагнулъ къ нему:

— Гриша, вскрикнулъ онъ,—знаете ли вы что говорите? Ваше отрицаніе—вѣдь это значить я солгалъ!...

Юноша съ задрожавшими губами обернулся на него:

— Вы хотите меня спасти, Борисъ Васильевичъ, залепеталъ онъ чрезъ силу,—спасибо вамъ... но... я... я не могу принять... Ни Овцына, ни Федорова, никого я не знаю, крикнулъ онъ внезапно высокимъ крикомъ, даваясь чтобы не разрыдаться рыданіемъ,—я одинъ, безъ нищей просьбы, одинъ дѣйствовалъ... Я не мальчишка и не хочу чтобы меня спасали... И дѣлайте со мною что хотите!...

— Сдѣлайте милость, успокойтесь! послѣшво заговорилъ благообразный офицеръ, очень смутившійся этимъ „припадкомъ“;—на меня возложена обязанность разъяснить обстоятельства дѣла... Но повѣрьте что въ господинѣ шефѣ жандармовъ вы найдете полную снисходительность... къ увлеченіямъ молодости...

— Садитесь, Гриша, и вылейте воды, прервалъ его Троекуровъ, строго взглянувъ на своего молодого пріятеля,—вы спашкомъ волнуетесь!

Гриша разомъ оспалъ себя, прошелся по комнатамъ, съѣлъ—и закурилъ папирску: „безъ воды—молъ обойдемся...“

Исправникъ Факирскій неожиданно подошелъ къ товарищу своему по *дознанію*:

— Позвольте мнѣ подтвердить показаніе Бориса Васильевича насчетъ бытности здѣсь этого... Овцына или Федорова, началъ онъ рѣшительнымъ, словно вызывающимъ, тономъ:—въ тѣхъ же приблизительно числахъ когда дааны были господиномъ Юшковымъ на почту эти конверты съ прокламаціями, арестованъ былъ мною на свѣжость, при свалкѣ крестьянъ, вслѣдствіе тамъ одного спора о владѣніи лугами, неизвѣстный молодой человекъ въ крестьянской одеждѣ и, какъ оказалось, съ накладною бородой, возбуждавшій крестьянъ противъ рѣшенія господина мирового посредника, причемъ онъ навесъ тутъ же ему, Борису Васильевичу, увѣще, швырнувъ ему дубиной въ колѣно... У него находился паспортъ на имя какого-то кавскаго мѣщанина, очевидно-фальшивый. Изъ его пріемовъ, наружности и того какъ отвѣчалъ онъ—я почитаю себя въ полномъ правѣ заключить теперь что этотъ неизвѣстный ни кто иной былъ какъ упомянутый Овцынъ... До отправленія его въ острогъ я велѣлъ

тогда, послѣ пропшества, привести его для допроса въ одну усадьбу, въ которой самъ я ночевалъ въ тотъ разъ, и залереть тамъ подъ стражей до утра...

Голосъ его оборвался... Онъ передохнулъ и продолжалъ, хмураясь и кусая себѣ губы:

— Господи! этотъ ушелъ изъ-подъ стражи тогда же, ночью... Я признаю себя вполнѣ виновнымъ въ этомъ, ралортовадъ въ этомъ смрысѣ начальнику губерніи, прося о немедленномъ отчисленіи меня отъ должности исправника, къ которой признаю себя ррѣдительно неспособнымъ... и готовъ нести всакую отвѣтственность за... небрежное отношеніе мое къ обязанности моей въ этомъ дѣлѣ, прибавилъ онъ, глядя бдесташими глазами на Трекурова.

Благообразный жандармскій офицеръ съ изумленіемъ глядѣлъ въ свою очередь на его возбужденный видъ:

— Я объ этомъ, само собою, доложу нашему начальнику штаба. Свидѣтельства ваше *и ниже*, указывая на Борца Васильевича, молвилъ онъ значительно, — весьма важны, такъ какъ князь, шефъ нашъ, особенно интересуется дѣломъ этихъ прокламацій... А изъ округа лишуть намъ что Овцынъ не бывалъ ни въ одной изъ этихъ губерній, — весьма странно! пропустилъ онъ сквозь зубы. И слыхавшійся вдругъ: — А теперь ужъ позвольте, обратился онъ къ молодому Юшкову, съ новымъ выраженіемъ строгости на лицѣ, вѣскольکو умѣрляемой учтывымъ вздохомъ, — позвольте приступить уже собственно къ исполненію возложеннаго на меня порученія.

— Пождуста! произнесъ Гриша прощически улыбаясь.

— Мнѣ необходимо вѣскольکو... внимательно пересмотрѣть ваша бумага.

— У меня ничего не залерто; смотрите гдѣ и что вамъ угодно!

Начался *обыскъ*. Голубой офицеръ съ необыкновенною добросовѣтностью относился къ своему дѣлу: онъ перешарилъ всѣ шкафы и ящики въ кабинетѣ и спальнѣ, перерылъ всѣ книги, перелистовалъ всѣ до одной страницы меловидныхъ лекцій студента, отложилъ въ одну отдѣльную кучку всѣ письма, записки, каждый лоскутокъ представлявшій подобіе клочка отъ разорванной переписки... Но все это, по тщательной разсортировкѣ и внимательномъ прочтеніи, оказалось самаго безупречнаго свойства: письма родителей или счета саложника и портнаго... Оставалась корзина подъ столомъ

для хама. Онъ вывернулъ весь этотъ хамъ на поль... и не даромъ. Въ немъ нашлась узковатая полоска грубой писчей бумаги, изъ которой, судя по свойству сохранившихся на ней складокъ, было очевидно, до сихъ послѣ полученія ея, сложенъ *пътушникъ*, и затѣмъ на половину порванный кинуть въ корзину. Сложивъ разъединенныя сторонки полоски, капитанъ, приглядываясь быстрымъ взглядомъ исправника читать вмѣстѣ съ нимъ, разобралъ саѣдующія писанныя по длинѣ ея строки:

„Видно васъ дома въ уздѣ держать, не отъявись сегодня по уговору въ Быковскій лѣсъ. Урвитесь отъ церберовъ хотя завтра, въ 2 часа, дѣло нужное, а мнѣ улетучиваться скоро.

Фед.“

Улыбка удовольствія скользнула подѣ усами капитана.

— Вы изволите утверждать, подмалъ онъ глаза на Гришу, протягивая ему вмѣстѣ съ этимъ свою находку, и все также крѣпко придерживая ее двумя пальцами,—что не знакомы ли съ господиномъ Овцынымъ, ни съ *Федоровымъ*, подчеркивалъ онъ;—а чья это подпись, не признаете ли?

Юноша взглянулъ на нее, поморщился, и молча отвернулся... Чтò пытки, чтò умаленія переиспыталъ онъ пока „этотъ учтивый господинъ“ обшаривалъ и переворачивалъ вверхъ двомъ его „бѣдный уголокъ!..“

— А чтò тамъ? тревожно выговорилъ Троекуровъ, подходя къ капитану.

— Полюбостствуйте! сказалъ любезно тотъ, приподымая ему къ глазамъ записку, но не выпуская ея изъ рукъ по-прежнему:—прямое подтвержденіе вашего показанія...

Капитанъ вложилъ *документъ* въ добытую имъ изъ бумажника обложку, зажегъ свѣчку и, залепетавъ пакетъ кусочкомъ сургуча вадавшимся на столѣ, надписалъ на немъ нѣсколько словъ и аккуратно сунулъ его въ тотъ же бумажникъ, рядомъ съ конвертомъ съ прокламаціей.

Настала затѣмъ минута общаго, натавутаго молчанія.

Благообразный офицеръ обвелъ глазами кругомъ комнаты и остановилъ ихъ на исправникѣ, который, все съ тѣмъ же сумрачно возбужденнымъ выраженіемъ лица, стоялъ опершись рукою о спинку кресла и барабанилъ нервно по ней пальцами.

— Здѣсь, какъ бы не совсѣмъ твердо произвесь онъ,—рѣшительно, кажется, все осмотрѣно?..

Факирскій передернулъ судорожно плечами, словно говоря: „а тебѣ чего еще нужно?“

— Развѣ... въ другихъ комнатахъ? молвилъ тотъ съ тѣмъ же нетвердымъ отгвѣнкомъ въ звукѣ голоса.

— Въ какихъ же это? рѣзко устремляя на него свои стальные глаза воскликнулъ Троекуровъ. — Ужъ не намѣрены ли вы распространить обыскъ вашъ на бумаги самого Павла Григорьевича Юшкова?

„А почему бы нѣтъ?“ промелькнуло въ отвѣтъ въ глазахъ капитана. Но врожденное чувство порядочности, да и точный смыслъ его инструкція восторжествовала надъ „страстью къ свѣдѣтельной дѣятельности.“ Онъ чуть чуть покраснѣлъ и затеребилъ себя за кончикъ уса съ озабоченнымъ видомъ.

— Въ такомъ случаѣ, слегка заикаясь и повода съ замѣтнымъ смущеніемъ глаза на Гришу, промолвилъ онъ, — мнѣ остается просить васъ... собраться въ путь. Мнѣ предписано доставить васъ... безъ промедленія... въ Петербургъ.

— Я готовъ! громко и спокойно проговорилъ студентъ, глядя не на него, а на Троекурова: „ты-молъ посмотришь стану ли я волноваться теперь!“

— Вы хотите... сейчасъ? воскликнулъ въ первую минуту тотъ: — его мать призываетъ сегодня вечеромъ, дайте имъ проститься...

Гриша прервалъ его; лицо его покрылось мгновенно смертельною блѣдностью:

— Нѣтъ, не надо, Борисъ Васильевичъ, ради Бога! Пусть сейчасъ ужь, сейчасъ и кончено!..

— Я не смѣю, возразилъ со своей стороны голубой офицеръ: — мнѣ предписано быть съ *вами* въ Петербургѣ 27го числа, а сегодня 25е; мы едва успѣемъ завтра въ Москву къ вечернему поѣзду.

„И то, подумалъ Троекуровъ, поѣдетъ въ Петербургъ, дадутъ ей съ вами свиданіе и не одно; а тутъ такое оравье поѣдетъ что и на сыну, на отцу духомъ не выдержать.“

— Вотъ что, если такъ, сказалъ онъ громко, — я пошлю вамъ сейчасъ кого-нибудь уложить вашъ чемоданъ, какъ бы чтобъ ѣхать къ намъ, во Всесвятское, на нѣсколько дней, а отсюда мы отправимся съ вами въ моей коляскѣ... Вы позволите, капитанъ? Мы избѣгнемъ такимъ образомъ суматохи въ домѣ, толковъ между прислугой. А лѣвничъ вашъ не уйдетъ, промолвилъ онъ съ насладившею улыбкой: — вы съ господиномъ

исправникомъ поѣдете впередъ или сзади насъ; не дожидая до Всесвятскаго онъ къ вамъ пересидеть.

— Извольте-съ! согласился подумавъ голубой офицеръ.

Борисъ Васильевичъ вышелъ изъ комнаты, послалъ встрѣтившагося ему слугу къ Гришѣ, а самъ направился въ кабинетъ.

Старики-братья сидѣли тамъ рядомъ другъ съ другомъ въ глубокомъ и скорбномъ молчаніи. Слова приходили, и тутъ же замирали на ихъ устахъ.. Паль громъ и все спалилъ, все разрушилъ,—о чемъ же тутъ въ самомъ дѣлѣ говорить?.. „Лить бы Паша, Паша *вынес* это!“ стояло гвоздемъ въ головѣ зрителя. „Сынъ... единственный, одна была надежда, сынъ—преступникъ!.. И чѣмъ же я теперь мать его утѣшу?“ тулымъ, безлощаднымъ ножомъ рѣзало по сердцу Павла Григорьевича;—„вернулася я живымъ изъ *того* ада, для чего?—чтобы до этого дожить!“

— Ну что? глухо вырвалось у зрителя при видѣ входившаго Троекурова.

— Ничего не нашли, кромѣ записки... отъ того мерзавца приглашаетъ его на свиданіе съ нимъ въ дѣвъ для „нужнаго дѣла.“ Вздоръ въ сущности...

— А самъ какъ себя держитъ? словно помимо воли и не глядя на него спросилъ морякъ.

— Ничего. Волновался было; утихъ. Объявлялъ, само собою, что никакого Овцына выше Федорова не знаетъ. А я прямо показалъ на того... Вообразите что они въ Петербургѣ не знаютъ даже что онъ былъ здѣсь, а въ Москвѣ жандармскій же полковникъ предварилъ объ этомъ отца его, стараго дурака, дядю моей жены, чтобы тотъ посоветовалъ сыну скрыться пока онъ, жандармъ, будетъ дѣлать распоряженіе о его поимкѣ. Не знаю ужъ что это: лошлость, или пзмѣна, если не то и не другое вмѣстѣ?... Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, Гришѣ большой бѣды не ждать. Отнесутъ къ „увлеченію молодости“, какъ говорилъ вотъ сейчасъ ему этотъ разлюбезный офицеръ...

— Мы въ молодости, прервалъ его голосомъ полнымъ гжучей горечи Павелъ Григорьевичъ,—мы честию Россіи увлекались; а онъ, вы слышали сейчасъ, и вовсе „упразднить“ ее желаетъ.

Борисъ Васильевичъ пожалъ плечами:

— Слова пустыя!

— Слова? А за нами что? Ни совѣсти, ни любви, ни вѣры въ святое!... Пустота безвыходная!

— У вашего сына все это напускное, сказалъ Троекуровъ,—
временная дань невольному времени; съ него все это очень
скоро соскочить....

— Тряпичныя душовки! перебилъ его еще разъ морякъ;—
вы говорите: „скоро соскочить“. Утѣшай, думаете? Намъ
железные воли на добро нужны теперь, а ихъ у насъ, вид-
но, только на гибель свою и чужую хватаетъ...

Старшій Юшковъ послѣдшилъ заговорить свое:

— Паша, ты только мучаешься безаконечю! Спроса лучше
Бориса Васильевича, какъ лучше поступить теперь чтобы
сласта Гришу? Еслибы ты валился, напримѣръ, прямо въ
руки государю, неужели бы онъ, при своей добротѣ и зная
твои заслуги, отказалъ тебѣ?

— Ни единой строчки не валишу, сурово оборвалъ его
братъ:—царь не откажетъ, да я не хочу! Писать ему, служ-
бой моею бывшею постыдно похваляться предъ нимъ,—да
чего? Чтобы онъ мнѣ отдалъ безнаказаннымъ преступнаго
мальчишку потому единственно что онъ сынъ мой? Такъ
мнѣ такого и даромъ не нужно! Если онъ въ отцовскомъ
домѣ не выучился до сихъ поръ мыслить здраво и чувство-
вать чество, по-русски и по-христіански чувствовать—такъ
пусть въ иной школѣ, въ ссылкѣ да въ нуждѣ этому вы-
учится... А не въ прокъ ему и это пойдетъ, намъ уже не ви-
даться съ нимъ въ жизни,—Богъ далъ, Богъ взялъ, да бу-
детъ Его воля святая!

— Его увозятъ сейчасъ, Павелъ Григорьевичъ, прогово-
рилъ морщась Троекуровъ.

Смотритель схватилъ себя обѣими руками за голову:

— Увозятъ! Ты слышишь, Паша, нашего Гришу увозятъ!..
Ты его хоть на муку-то на эту благослови!

Бѣдный отецъ повелъ на него помутившимися глазами:

— Увозятъ, безсознательно повторилъ онъ,—что жъ... мы
знали... И вдругъ съ неудержимымъ лорывомъ:—А они всѣ
тамъ, властители наши, что они дѣлаютъ, застоялъ онъ,—
за что даютъ губить нашихъ дѣтей! Все изъ рукъ повылу-
стили, безпомощно глядятъ какъ отравляютъ цѣлое поколѣніе...
Петрово наставленіе забыли: „Дадеса бо имъ власть въ со-
зидавіе, а не разрушеніе!...“ *

Дверь въ эту минуту отворилась, и на порогѣ ея, блѣдный,
съ судорожнымъ усиленіемъ казаться спокойнымъ, показался

* Указъ Петра I объ уничтоженіи патриаршества.

Гриша. Въ просвѣтъ за нимъ мелькнула на мигъ фигура въ голубомъ форменномъ сюртукѣ (рачительный офицеръ „на всякій случай“ счелъ нужнымъ провести самъ чрезъ локоп неизвѣстнаго ему дома своего арестанта до кабинета его отца), и тутъ же скрылась.

Въ комнатѣ водворилось мгновенно мертвенное молчаніе. Изъ-подъ насулившихся бровей глаза Павла Григорьевича лихорадочно устремились на сына; грудь его учащенно подымалась и осѣдала подъ заходившею тканью халата...

Гриша подошелъ къ самому креслу его:

— Я пришелъ проститься съ вами, папа, прошелталъ оны, осипавая дрожавшіе звуки своего голоса.

Тотъ глядя въ глаза ему уже прямо въ глаза съ выраженіемъ невыносимой тоски...

— Чтѣ же я теперь матери твоей скажу? былъ оны только въ силахъ выговорить сквозь залекшія губы.

Колѣни юноши такъ и подогнулись подъ нимъ; оны нагнулся и лапъ къ ногамъ отца, головою ему на грудь:

— Простите меня, папа, простите! прорвалось у него истерическимъ воплемъ...

Мускулистая руки стараго Севастопольца охватили какъ обручемъ эту молодую бѣлокурую голову, словно съ тѣмъ чтобы не вылустить, не отдать ее никому на свѣтъ... и тутъ же разомкнулись и лапи безвластно на его колѣни...

— Казнись напередъ предъ закономъ и государемъ, пусть оны тебя помилуютъ! съ какимъ-то сверхчеловѣческимъ усиленіемъ проговорилъ оны;—стулай!...

— На томъ и стоять будетъ, повѣрьте, Борисъ Васильевичъ! горопливымъ и прерывающимъ шелоткомъ говорилъ четверть часа послѣ этого старшій Юшковъ, выходя съ Троекуровымъ на крыльцо къ которому подавы были экилажи уѣзжающихъ.

— Я его знаю: „желѣзная воля“, вотъ какъ самъ говорить, такъ это у него именно! Истомится весь, псчухнетъ самъ, а какъ разъ сказалъ, такъ и не отступится.

— Все равно, мать прійдетъ, прошеніе подастъ, отвѣтилъ сквозь зубы Троекуровъ.

— И ея не лустить, повѣрьте! „Пусть какъ законъ“, скажетъ... А Гришу засудятъ между тѣмъ: благородный оны сердцемъ какъ отецъ—на себя будетъ все принимать, залупается... Если и не въ Сибирь, такъ въ дальнюю губернію сошлютъ, не дадутъ въ университетѣ курсъ кончить...

Борисъ Васильевичъ раздумчиво поглядѣлъ на него, прищурился.

— Ну такъ вотъ что, обрывисто уронилъ онъ:—я поѣду въ Петербургъ. У меня тамъ старыя отношенія... Перепортить дѣйствительно все будущее молодого человѣка не трудно...

— Голубчикъ, благодѣтель! вскрикнулъ, весь просіявъ, старикъ-смотритель, схватывая его руку обѣими руками и прижимая ее къ сердцу.

— Полноте, Василій Григорьевичъ, оставьте!.. Вотъ и племянникъ вашъ идетъ со своимъ ангеломъ-хранителемъ, насмѣшливо добавилъ Троекуровъ, кивая на выходившаго изъ стѣнъ въ сопровожденіи жандармскаго капитана Гришу;— ступайте, скажите ему: „до свиданія, до близкаго“!

— Вашими бы устами медъ лить, Борисъ Васильевичъ!
И старикъ кинулся къ племяннику...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Б. МАРКЕВИЧЪ.

НАБРОСКИ КАРАНДАШЕМЪ И ПЕРОМЪ

ИННСПРУКЪ *

Изъ садака разбитаго вокругъ статуи Валтера Фогельвейца въ Иннспрукѣ видна по другую сторону Инна поднимающаяся изъ-за густой листвы старыхъ деревьевъ высокая церковь. Гляжу я на нее и думаю: не въ русскомъ ли я какомъ городѣ; такъ она своими главами наломываетъ храмъ православный. Луковичную форму имѣютъ эти главы и завершены не пѣтухомъ апостола Петра какъ шпильцы протестантскихъ церквей въ Германіи, а крестомъ какъ у насъ, и недостаетъ только серповидной луны, чтобъ онѣ вполнѣ походили на русскія. Слова берусь я за карандашъ, снова рисую и не успѣвъ еще закончить абриса, слышу нѣкоторые изъ все еще окружающихъ меня и смотрящихъ на мою работу малютокъ шепчуть: „Hof-Kirche. Das ist die Hof-Kirche“. Дѣйствительно, это такъ называемая придворная церковь, составляющая, какъ всякій убѣдится по ея осмотру, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ предметовъ въ городѣ. Она служитъ Тирольцамъ мѣстомъ молитвы и благоговѣйныхъ воспоминаній

* См. Рус. Вѣстникъ № 56.

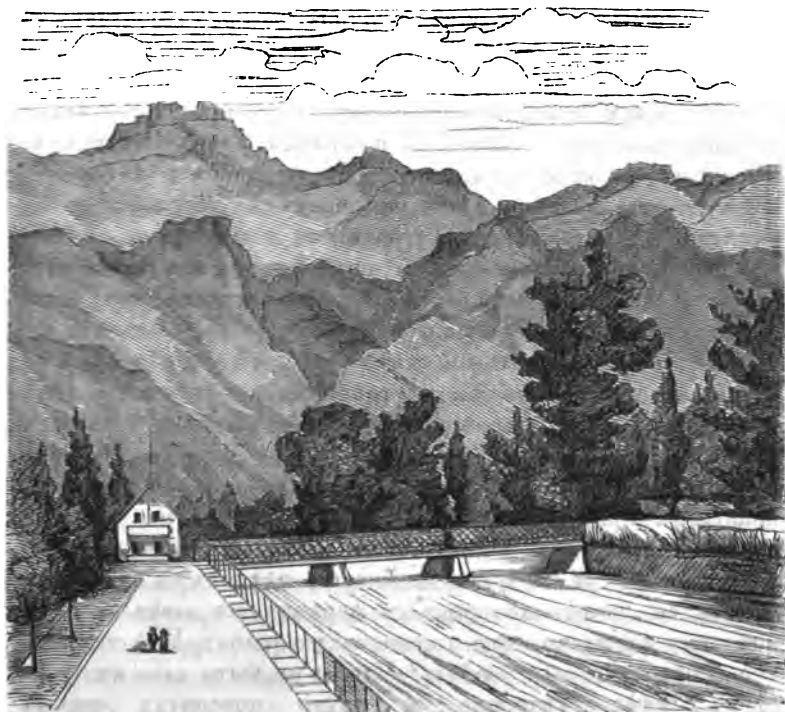

о лучшихъ людяхъ, о герояхъ ихъ отечества, сложившихъ свою жизнь за его свободу и въ примѣръ потомкамъ.

Иду ее осматривать, проставшись съ дѣтьми, причемъ мальчишки, снимая свои шляпки, протягивали мнѣ свои руки для пожатія, а дѣвочки дѣлали книксенъ что повидимому обязательно для школьничковъ и школьницъ въ обоихъ Тироляхъ, въ Австрійскомъ и Баварскомъ, равно и въ Зальцкаммергутъ, гдѣ въ особенности по деревьямъ часто встрѣчаются такіа, должно-быть въ школахъ прививаемыя, учтивость и привѣтливость. Чтобы не идти опять по разъ пройденному мосту, я направилась на другой, находящійся ниже по теченію въ разстояніи полуверсты на глазомѣрѣ. Этотъ второй мостъ довольно длинный, сажень въ тридцать пять по крайней мѣрѣ, но узкій, устроенный на двухъ быкахъ, служить только для лѣшеходовъ и состоитъ подъ наблюденіемъ стараго цинваца живущаго подлѣ него на лѣвомъ берегу въ красивой хижинѣ и взимающаго лошаппу въ нѣсколько крейцеровъ съ прохожихъ для погашенія калитала употребленнаго на постройку. Почтенный воиъ, украшенный большою

серебряною медалью, объяснилъ мнѣ что прежде, лѣтъ двадцать назадъ, здѣсь былъ перевозъ, дѣйствовавшій только въ холодное недождливое время, по мелководной рѣчкѣ, и конечно прекращавшійся въ пору обилія водъ подобнаго теперешнему, что и побудило городской магистратъ выстроить этотъ *Laufsteg* какъ онъ здѣсь называется. Военское отличие украсившее грудь старика послало мнѣ поводъ спросить его въ какомъ родѣ оружія служилъ онъ. „Въ императорскихъ королевскихъ егеряхъ. Тирольцы только въ егеряхъ и служатъ“, былъ его отвѣтъ и затѣмъ послѣдовалъ разка зъ какъ дана ему медаль въ 1849 году въ войнѣ съ Италіянами, въ дѣлѣ при Наварѣ, гдѣ онъ, молодой въ то время парень ломивъ напутственные слова своего отца при поступленіи на службу объ исконной чести тирольскихъ егерей, первый вскопчилъ на батарею непріателя, тогда же на голову и окончательнаго разбитаго Радецкимъ.

Перехода по лѣвшеходному мосту, невольно на немъ останавливаешься чтобъ еще разъ подивиться рѣкѣ шумно

крутящейся въ пролетахъ между быками, отбрасывающими своими острыми оконечностями по обѣ стороны отъ себя заляцывающіяся струи, свертывающіяся воронками и мгновенно скрывающіяся отъ глазъ подъ мостовою настилкой. Горы видны отсюда на сѣверъ и принадлежація къ числу самыхъ высокихъ въ тирольскихъ хребтахъ представлялись мнѣ сквозь раскаленную атмосферу какими-то полупрозрачными, какъ бы написанными на сквозящей китайской бумагѣ громадными декораціями, и мѣстами напоминали своимъ вершиннымъ очертаніемъ разваливающуюся нагорную стѣну отдѣляющую Китай отъ Монголіи: до того была правильны линіи, словно строительныя, въ нѣкоторыхъ уступахъ и выступахъ. Великолѣпная картина: смотришь на нее и не хочется глазъ оторвать,—заглядѣніе!

Ступивъ съ моста на твердую землю, вы входите подъ густую тѣнь тѣхъ самыхъ деревьевъ за которыми видна съ лѣваго берега рѣки церковь. Это Дворцовый садъ разведенный должно-быть очень давно, судя по величинѣ его превосходныхъ бѣлыхъ акацій, каштановъ и пирамидальныхъ тополей, образующихъ навѣсы широкихъ аллей связанныхъ между собою нѣсколькими боковыми дорожками. Садъ примыкаетъ къ старинному Бургу или дворцу теперь никѣмъ изъ высокихъ особъ необитаемому. Противъ этого зданія довольно большаго стоитъ на площадкѣ кованная статуя на высокомъ пьедесталѣ до того ему не пропорціональная и сама по себѣ маленькая что она предъ окружающими ее значительными по размѣрамъ строевіями и деревьями кажется игрушкой, поставленною на шкафъ—конемъ изъ палье-маше съ посаженнымъ на него ребенкомъ. Это, видите, монументъ литой изъ бронзы. Гуляющихъ въ саду очень не много, все больше вѣянки съ дѣтьми, одѣтыя въ свой національный костюмъ, въ соломенные шляпки грибокъ, корсажи и коротенькія не много ниже колѣвъ юлки. Въ одной изъ аллей въ тѣнистомъ уголкѣ я набрелъ на юную чету—тирольскаго егеря въ ларусиномъ военномъ полукафтанѣ, въ круглой шляпѣ съ широкими полями, украшенной густымъ лучкомъ черныхъ лѣтушкихъ перьевъ, и дѣвушку съ лежавшею у ней на колѣвахъ шляпкой и съ букетомъ живыхъ цвѣтовъ въ рукѣ. Овъ, обнявъ ее, что-то говорилъ съ жаромъ; она плакала, склонивъ ему на плечо свою хорошенькую голову. Чтò тутъ такое—коварство или любовь? Чтобы не быть для нихъ гостемъ хуже Татарина, я круто повернулъ назадъ.

Вотъ наконецъ и Придворная церковь. Она снаружѣ ничего особеннаго въ архитектурномъ отношеніи не представляетъ, и путешественникъ не знающій что въ ней находится можетъ статья минуешь ее, не обративъ на нее никакого вниманія. Если же случайно онъ войдетъ нѣкимъ не предупрежденный въ ея внутренность, его тамъ на первомъ же шагу поразитъ своею неожиданностью зрѣище могущее наполнить душу благоговѣйнымъ трепетомъ. Въ ней какъ будто бы совершается печально и безмолвно какой-то обрядъ исполненный торжественности. Среди церкви, на высокомъ и массивномъ саркофагѣ, стоитъ величавая человѣческая фигура колѣнопреклоненная въ положеніи молящагося, простирающая къ алтарю свои смиренно сложенные руки. По обѣ стороны саркофага размѣстился во храмѣ сонмъ гигантовъ и какъ бы свидѣтельски, въ богобоязненномъ молчаніи, сопутствуетъ колѣнопреклоненному въ его покаянномъ моленіи. Всѣ они смотрятъ на него; всѣ, мнутъ, слышатъ свои молитвы съ его молитвою. Это люди далеко отошедшихъ вѣковъ; рыцари закованные въ латы, прикрытые шлемами съ поднятмъ забраломъ и жены въ лышныхъ головныхъ уборахъ и въ тяжеломъ одѣяніи давно минувшаго времени. Неподвижны на своихъ мѣстахъ, они всѣ кажутся проникнутыми мыслию подойти къ стоящему на колѣнахъ при первомъ съ его стороны знакѣ и поднять его удрученнаго и болящаго сознаемъ своей грѣховности. Но молящійся не измѣняетъ своего положенія, голова его неуклонно обращена къ высящемуся надъ алтаремъ святому распятію. Вокругъ ни единого звука, ни малѣйшаго движенія. Въ церкви полусвѣтъ, скользящійся къ западу день умѣрилъ яркость своихъ лучей, тѣни сгустѣли и все теперь изъ нихъ выдѣляемое просвѣтомъ представляется призрачнымъ и сверхъестественнымъ. Что творится здѣсь, кто эти люди, откуда и зачѣмъ они собрались сюда?

Подошедшій ко мнѣ ловидимому причетникъ объясняетъ что церковь и видимый мною монументъ въ ней стоящій воздвигнуты по завѣщанію императора Максимиліана I желавшаго быть тутъ погребеннымъ, но не погребеннаго, такъ какъ онъ умеръ не здѣсь и кости его покоятся въ иномъ мѣстѣ. Колѣнопреклоненная фигура есть изображеніе самого императора; стоящіе вокругъ него рыцари и дамы—все образы царственныхъ лицъ болѣе или менѣе связанныхъ родствомъ съ австрійскимъ домомъ или исторически прославленныхъ.

Всѣхъ статуй, помимо Максимилиановой, двадцать восемь, болѣе трехъ аршинъ въ вышину каждая, какъ мнѣ казалось. Четыре изъ нихъ впереди гробницы поставлены попарно направо и налево отъ высокой арки ведущей въ алтарную часть церкви; остальные на нѣкоторомъ возвышеніи отъ полу размѣщены поровну на обѣихъ сторонахъ; рядомъ на постаментѣ и при томъ группами, въ четыре паванія каждая, въ промежуткахъ колоннъ поддерживающихъ ихъ лотолокъ. Все это, за исключеніемъ самой гробницы, отлито изъ бронзы мнѣ совершенно почернѣвшей и ваятое въ совокупности представляетъ такой мавзолей, подобный которому едвали гдѣ-либо сыщется. Кто составлялъ планъ его, кто выгалъ тутъ первыя мысли, кто дѣлалъ выборъ лицъ, изображенія которыхъ вошли въ его составъ, самъ ли Максимилианъ при своей жизни или тѣ кто главнымъ образомъ трудился надъ исполненіемъ задачи,—на эти вопросы мой чичерове не далъ отвѣта. Работавшими художниками были Лудовико - деаль - Дука исполнившій статую Максимилиана; потомъ два брата Годаль и еще Лёфферъ сформовавшие и отлившіе всѣ остальные, между которыми числятся прадедъ Максимилиана, его дѣдъ и бабушка, отецъ и мать, двѣ его супруги, сестры и другіе родственники. Все сработано съ необыкновеннымъ совершенствомъ: выраженіе лица молодягоса государя поразительно; остальные фигуры превосходны; выдѣлка частей—панцирей, кольчугъ, мечей и щитовъ въ мужскомъ вооруженіи, равно прошивокъ, простежекъ, воротничковъ, залястій и лосковъ въ женской одеждѣ возбуждаетъ удивленіе. Меня остановили предъ собою дальше другихъ пять статуй: Теодорикъ Остроготскій, Артуръ Англійскій, Карлъ Смѣлый Бургундскій, Фердинандъ католикъ Арагонскій и Годфридъ Буллионскій; они изображены такими молодцами, въ такой пріятельской воинственной позѣ, съ такими исполненными душевной силы чертами лица, что ими невольно любуешься и они глубоко вѣзываются въ память и надолго.

Описаннымъ выше не почерпывается художническое богатство и великолѣпіе Максимилианова мавзолея. Проводникъ, показавъ всѣ статуарныя изображенія къ нему принадлежащія, отпираетъ высокую, выкованную на подобіе перелетѣлыхъ вѣтвей желѣзную рѣшетку, окружающую самую гробницу изъ мрамора, вводитъ васъ въ эту

ограду и показываетъ вблизи и объясняетъ блѣдно-розовые рельефы которыми гробница со всѣхъ четырехъ сторонъ украшена. Сюжеты ихъ взяты изъ жизни императора. Ихъ двадцать четыре; они вышли изъ-подъ рѣзца бельгийскаго скульптора Колина и до того тонко, высоко-художественно исполнены что привели въ восторгъ знаменитаго Торвальдсена, признавашаго ихъ верхомъ рельефнаго дѣла, почему они и хранятся теперь какъ драгоценность, единственная въ своемъ родѣ за толстыми стеклами и, какъ уже сказано, за металлическою рѣшеткой.

Триста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ этотъ чудный монументъ былъ оконченъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ стоитъ нынѣ, и многія поколѣнія Тирольцевъ смотрѣли на него съ чувствомъ гордости и съ удивленіемъ; но онъ едва ли возбуждалъ въ нихъ такой патріотизмъ какой горѣлъ въ груди горцевъ нынѣшняго столѣтія при видѣ другаго сравнительно скромнаго монумента въ этой же церкви. Надъ вхоомъ въ нее видно мраморное изображение Тирольца въ національномъ одѣянн, со штуцеромъ на поясѣ черезъ плечо и съ распушеннымъ знаменемъ въ рукѣ. На овальной бляхѣ его широкаго пояса число „1809“ арабскими цифрами. Въ пьедесталѣ изъ сѣченого барельефа представляющій Тирольцевъ, клянущагося на опущенномъ къ землѣ знамени и тутъ же видѣлись „Andreas Hofer“. Гоферъ жилъ въ началѣ текущаго столѣтія въ трудно доступной Пассерской долинѣ и тамъ на урочищѣ называемомъ *На Пескахъ* содержалъ небольшую гостиницу, производя въ то же время торговлю льномъ и скотомъ, что и сдѣлало имя его извѣстнымъ во всей странѣ. Онъ смѣлъ за человѣка честнаго, набожнаго и безгранично преданнаго отечеству. Когда открылась война, Гоферъ и его друзья собрали вокругъ себя соотечественниковъ, ударили на пріемельцевъ враговъ, боролись долго сколько могли и наконецъ, подавленные громадною численностью непріятелей разсѣялись и затѣлись. Гоферъ укрылся на почти недосыгаемыхъ горныхъ вершинахъ позади своего дома и при содѣйствіи своихъ почитателей былъ тамъ нѣкоторое время въ безопасности; но нашелся проклятый предатель въ Тироли, нѣкто Рюфаль, католическій попъ, указалъ его убѣжище за назначенную Наллеою цѣну. Патріота схватили, заковали въ кандалы, перевезли въ Мантуу и тамъ 20 января посѣдовашаго года расстрѣляли. Въ 1823 году тирольскіе егеря

бмвѣ въ Италіи, подняли кости своего прославленнаго соотечественника, привезли ихъ въ отечество и олустили въ родную имъ землю тамъ гдѣ въ послѣдствіи поставленъ надъ ними телерешній памятникъ. Имя этого человѣка священо въ Тироли.

— Посмотрите на противоположную стѣну, указываетъ проводникъ:—возлѣ нея еще памятникъ состоящій такъ сказать въ связи съ Гофферовскимъ.

Подхожу и на изваянномъ мраморѣ читаю: „Своимъ въ бояхъ за освобожденіе лавшимъ сынамъ благодарное отечество“.

Теперь я близъ выхода изъ церкви; я готовъ выйти изъ ея освѣжающей прохлады на жгучій воздухъ, полагая что затверженная какъ ле тетрадьъ пояснительная лекція кончилась, и уже вручаю церковнику гульденъ за сообщенныя имъ свѣдѣнія какъ онъ объявляетъ что *необходимо* взглянуть на тутъ же находящуюся Серебряную Калеллу такъ называемую по имѣющемуся въ ней серебряному изображенію Богоматери. Это усыпальница Филиппы Вельзеръ и ея супруга, Эрцъ-герцога Фердинанда сына императора Фердинанда I и племянника Карла V. Жизнь этой четы—романъ. Филиппа изъ богатой дворянской фамиліи жившей въ Аугсбургѣ была красавица не имѣвшая себя равной; на семнадцатомъ году ея жизни, во время императорскаго сейма въ этомъ городѣ, эрцъ-герцогъ, тогда девятнадцатилѣтній юноша, прибывшій туда въ свитѣ своего дяди, встрѣтился съ нею и рѣшивъ твердо въ умѣ „или ты моя или я ни чей“, чрезъ два года скрытно женился на ней вопреки всѣмъ прелестствіямъ. Тайна вскорѣ нарушилась. Опала государя, гнѣвъ отца, осуда со всѣхъ сторонъ пали всею своею тяжестью на влюбленныхъ супруговъ; но невзгода не разметала ихъ счастья. Прошло восемь лѣтъ; на императорскомъ престолѣ, наследовавъ Карлу, воссѣдалъ его братъ Фердинандъ, и вотъ однажды предстала предъ него невиданная имъ женщина въ одѣяніи простолюдинки, съ малолѣтними дѣтьми и пала на колѣна. Въ увлекательной рѣчи, изобразивъ свое семейное счастье, она высказала что для его полноты не достаетъ только прощенія ей самой и ея мужу со стороны родителя послѣдняго за неравенство ихъ брака, и молила о монаршемъ посредничествѣ, да обратитъ оно гнѣвъ отца на малость сына. Прокнутый красотою и молодостью просительницы,

ея горящими слезами и видомъ робостно прижавшихъ къ ней дѣтей, императоръ спросилъ ее: Кто ты?—Я Филипина Вельзеръ, болзвенно проговорила плачущая.—Законная супруга моего сына Фердинанда! подтвердилъ государь, подвѣлъ ее, прижалъ къ своей груди и сказавъ что все прощаетъ, далъ ей титулъ маркграфини фонъ-Бюргау, а ввучать своихъ, подвѣвъ на руки, приласкалъ и затѣмъ облакъ ихъ всѣми прерогативами членовъ императорскаго дома.

Мой неутомимый жокакъ, порядкомъ утомивъ меня, хотѣлъ еще показать какую-то старинную, хранящуюся въ церкви картину пожара, бывшаго въ Инсбрукѣ въ 1661 году, и уже было повелъ меня къ ней; но я, поравнявшись съ выходомъ, простился съ нимъ удивленнымъ моимъ равнодушіемъ къ старинѣ и сплсся отъ него на улицу, гдѣ чрезъ нѣскольکو шаговъ очутился возлѣ Университета, по случаю вакаціоннаго времени закрытаго; а отъ него, нѣскольکو залаутовавшись въ поворотахъ, прошелъ мимо Музея тоже залертаго, такъ какъ уже наступалъ вечеръ. Инсбрукскій Университетъ называется Theresianum, а Музей Ferdinandum. Здѣсь кстати замѣтить что латыни въ городѣ не мало; она встрѣчается на многихъ памятникѣхъ въ надписяхъ. Добравшись до своей гостиницы по улицамъ начинавшимъ ожидатьсѣ съ появленіемъ на нихъ обывателей, такъ какъ жара стала спадать и майда въ полугаевомъ садикѣ нѣсколькихъ лостояльцевъ за бутылкою пива, Pilsner-Bier, я тоже спросилъ себѣ этого привознаго поила. Отдохнуть вдоволь же удалось, послышались гдѣ-то вдали выстрѣлы и напомнили о приглашеніи на стрѣльбище. Удоставрившись что грохотъ пальбы доносился именно оттуда, я новымъ путемъ отъ пройденнаго предъ этимъ къ старому мосту отправился туда и вступилъ во вновь проектированную улицу только-что начавшую застраиваться. Тутъ работало нѣскольکو артелей Италиянцевъ-каменщиковъ; они возводили три-четыре дома изъ конгломерата—горной породы состоящей изъ голышей величиною въ кулакъ, сцементованныхъ окрѣпавшею глиной или известью. Молотками разбивали они его на массы болѣе или менѣе подходящія подъ кубическую форму и клали ихъ на известкѣ въ стѣны, обдѣлывая только окна и двери кирпичемъ.

Въ сторонѣ отсюда за чертою возводимыхъ строеній стелется дугъ съ поставленнымъ на немъ распятіемъ подъ узкимъ навѣсомъ и съ торною къ нему тропинкой. Какъ хорошо убрана эта святая полемыми цвѣтами и травами связанными въ вѣнки и букеты, или на половину увядшими, или совершенно сѣдыми, и какъ вся площадка вокругъ ея выметена! Подобныхъ священныхъ изображеній вы встрѣтите въ Тиролѣ повсюду много; всѣ они берегаются и украшаются ближайшими къ нимъ

обитателями съ величайшею набожностію и съ самымъ усерднымъ радніемъ. Они никогда не забыты. По горнымъ путямъ во множествѣ мѣстъ, въ особености на кручахъ, видны по сторонамъ на столбикахъ иконы кого-либо изъ святыхъ и тутъ же ниже на одной и той же доскѣ намалеванная картина бѣдствія когда-то бывшаго на этомъ пунктѣ дороги; изображена, напримѣръ, опрокинутая фура съ задремавшимъ подъ ней вошикомъ, упавшая лошадь раздавившая ѣздока, скатившееся съ горъ бревно и погибшая подъ нимъ женщина, сорвавшаяся съ горъ скала раздавившая и искалѣчившая разомъ нѣсколькихъ прохожихъ. Подо всѣми картинами непремѣнно подпись—обращеніе къ проѣзжимъ и прохожимъ помолиться за пострадавшихъ. Рядомъ съ ними почти вездѣ выставлены дощечки съ предписаніемъ. Тутъ каждый возица обязанъ свои колеса затормозить; не исполнившій этого столько-то гульденами оштрафованъ будетъ.

Стрѣльба учащалась, нужно было послѣдить. Слѣдуя указанному кратчайшему направленію и пройдя подъ какую-то триумфальную арку изъ бѣлаго мрамора перекинутую полерекъ всей улицы, очень невзрачную, испещренную латинскими надписями, я уже не глаза по магазиннымъ окнамъ Нейштадта и выхожу на рѣку. Она все такъ же неистово мчитъ; но теперь возлѣ нея уже вѣетъ нѣкоторою прохладою;

ло мосту стоять неподвижному вышедшіе на прогулку люди и смотреть на бѣлую воду своего родимаго Инна. Иду мимо ихъ не останавливаясь по мосту и забираю малѣе по берегу. На окраинѣ города, не вдалекѣ видно двухэтажное продолговатое строеніе съ флагштокомъ безъ флага—это цѣль моего шествія. Подхожу ближе. На лорогѣ входа кто-то стоитъ и приветливо мнѣ кланяется; вглядываюсь—мой единственный въ Иннсбрукѣ знакомецъ пригласившій меня сюда и какъ будто бы лоджидавшій моего прихода. Какъ онъ преобразился! На немъ черная шляпа гречневикомъ съ широкою зеленою лентой, съ двумя хвостовыми перьями тетерева-косача и съ какою-то горною травкой въ цвѣту, черная куртка съ красными отворотами, зеленый жилетъ, широкій кожаный поясъ съ металлическою кованюю въ узоръ бляхой спереди, въ черныхъ брюкахъ спущенныхъ немного ниже колѣна и тутъ нѣсколько разрѣзанныхъ въ подколѣнкахъ, бѣлые шерстяные чулки не достигающіе до колѣнъ и крѣпкіе башмаки съ пряжками подбитые гвоздями съ крулыми шляпками. Таковъ общій національный тирольскій костюмъ съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями въ цвѣтъ тканей. Особенность костюма та что ноги между чулками и брюками обнажены; это постоянно видно у сельчанъ.

Мой знакомецъ ввелъ меня въ нижнюю галерею Стрѣльбища. Она раздѣлялась на двѣ продолжныя половинъ; въ задней стоялъ длинный столъ съ пороховницами, пулями, съ разложенными на немъ штуцерами старинными и новыми разныхъ системъ; а другая была подраздѣлена легкими перегородками на небольшія такъ-сказать каморки открытыя со стороны мишеней. Присутствовавшіе человѣкъ двадцать молодыхъ и старыхъ тщательно заряжали, входилъ по одному въ каморки и послѣ довольно долгихъ прицѣловъ и прилаживаній лускали пулю на значительное разстояніе всегда болѣе или менѣе удачно. Совершенныхъ промаховъ при мнѣ, въ продолженіе полчаса, не было. Въ верхней галереѣ, по видимому болѣе приспособленной для зрителей во время стрѣльбы на призы, хранится нѣсколько мишеней прострѣленныхъ извѣстными лицами; въ числѣ ихъ мишень вывѣ царствующаго императора Австрійскаго—въ ней пуля ударила далеко не въ центръ.

— Если хотя третья доля Тирольцевъ способныхъ носить оружіе стрѣляетъ столь же мѣтко какъ эти, сказалъ а

своему пріятелю,—то вѣшному врагу съ вами не сладить и невозможному вторженію въ ваше отечество не бывать. Омъ подалъ мнѣ свою руку, моя въ ней утопула и опять какъ давеча хрустнула.

Говорятъ лапорома представляющаяся съ верхней галлерей великолѣпна; но теперь ее нельзя было вполнѣ видѣть. Наступилъ вечеръ, надъ Инномъ и Силлемъ поднимались туманы, горы заволакивались мглою, на небо вылозали тучи и между ними начала разыгрываться зарница.

ГЕОРГЪ МИНЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Пять томовъ и атласъ рисунковъ. С.-Петербургъ, 1881. Печатаемо по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Д. А. Ровинскій давно уже оставилъ себѣ почетную извѣстность какъ знатокъ, собиратель и описатель произведеній русской гравюры. Онъ издалъ цѣлый рядъ сочиненій имѣющихъ капитальное значеніе для исторіи русскаго искусства. * Въ настоящее время появилась новый трудъ его точно также относящійся къ области русскаго искусства, но вышѣе съ тѣмъ представляющій огромный интересъ съ точки зрѣнія такъ-называемой исторіи культуры. Въ трудѣ этомъ заключается подробнѣйшее систематическое описаніе

* *Исторія русскыхъ иконовъ иконописанія до конца XVII вѣка.* С.-Петербургъ, 1856.

Русскіе граверы и ихъ произведенія. Москва, 1870.

Словарь русскыхъ гравированныхъ портретовъ. С.-Петербургъ, 1872.

Русскій граверъ Челюсовъ. С.-Петербургъ, 1878.

Tchéstessoff graveur russe, élève de G. F. Schmidt. Son oeuvre reproduit par le procédé de Scamoni. St.-Petersbourg, 1878.

нѣсколько тысяч (4.700) русскія народныя картинки. Авторъ не только описываетъ содержаніе каждой картинки, но цѣлкомъ приводитъ принадлежащій къ ней текстъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ имѣющій совершенно самостоятельный интересъ и при томъ интересъ столь значительный что онъ далеко оставляетъ за собою самую картинку. Приложимъ роль народныхъ картинокъ въ воспитаніи и образованіи массы, и намъ станетъ ясно какое важное, часто первенствующее значеніе играетъ здѣсь текстъ. Въ четырехъ громадныхъ томахъ вмѣщающихъ въ себѣ до 3.000 страницъ г. Ровинскій представляетъ намъ, съ дипломатическою точностію воспроизведенія, какъ бы полный курсъ религіознаго, нравственнаго, историческаго, литературнаго воспитанія Русскаго народа. Это громадный трудъ исполненный въ высшей степени старательно и добросовѣстно, цѣлая энциклопедія народной русской литературы и народнаго русскаго искусства. Заключительный, пятый томъ содержитъ связное обзорное собраннаго матеріала, описаніе словесовъ гравированія и печатанія народныхъ картинокъ, указы, уставы и распоряженія по части ихъ цензурованія. Огромный атласъ, вмѣщающій болѣе 500 картинокъ, даетъ факсимильныя воспроизведенія наиболее интересныхъ рисунковъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою новый капитальный трудъ г. Ровинскаго сразу выдвигающій имя автора въ одинъ рядъ съ самыми уважаемыми изслѣдователями русской старины, русскаго быта и русской исторіи. Трудъ этотъ одинаково важенъ для историка, для изслѣдователя русскаго быта, для мыслителя, филолога и художника. Онъ въ высшей степени интересенъ для образованнаго русскаго читателя вообще. Каждый прочтетъ его съ величайшимъ любопытствомъ, каждый найдетъ въ немъ обильный матеріалъ для изученія и неистощаемую сокровищницу для справокъ.

Изслѣдованіе г. Ровинскаго представляетъ такъ много фактическаго матеріала что мы не будемъ долго останавливаться на общей его оцѣнкѣ чтобы по возможности выиграть мѣсто для ознакомленія читателей съ его содержаніемъ. Ознакомленіе это, какъ бы ни было оно сжато по отношенію къ громадности труда, всего лучше можетъ возбудить интересъ къ изученію этой замѣчательной книги. Прежде всего необходимо ознакомиться съ расположеніемъ изслѣдованія г. Ровинскаго и его системою.

Что такое *русскія народныя картинки*? Это тѣ картинки которыя привыкли называть у нас *лубочными*, а если г. Ровинскій не называетъ ихъ такъ, то онъ дѣлаетъ это по двумъ причинамъ. Названіе *лубочная картинка* появилось не ранѣе нынѣшняго столѣтія, а до того времени не встрѣчается ни въ актахъ, ни въ книжномъ языкѣ. Въ Олеуфьевскомъ собраніи такъ-называемыя „лубочныя“ картинки названы *Московскими*, на заголовкѣ цензурнаго экземпляра Ахметьевской фабрики они называются *забавными и историческими листами*, въ просторѣчьи называютъ ихъ *Суздальскими* (по разносящимъ ихъ Суздаляцкамъ и лѣтѣ близкому къ ласкому Суздальскому иконному письму), называютъ *простовиками*, въ Осташковѣ зовутъ *богатырями*, въ Сибири—*панками*. Названіе *лубочныхъ* картинокъ (отъ слова *лубъ*, то-есть липовая кора, а также липовое дерево, на которомъ рѣзаны первыя народныя картинки, ил отъ *лубочныхъ* коробовъ въ которыхъ картинки эти укладывались и разносились офенями) въ первый разъ было употреблено на научномъ языкѣ И. М. Снеггаревымъ въ серединѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Итакъ выраженіе *лубочная картинка* есть выраженіе новѣйшее, болѣе или менѣе искусственное, не народное. Съ другой стороны г. Ровинскій включаетъ въ свое описаніе много „листовъ“ собственно не относящихся къ картинкамъ простонароднымъ, ибо такіе листы какъ, напримѣръ, *Апокалипсисъ* діакона Проколія, *Лучевая Библия* монаха Ілія и цѣлый рядъ другихъ произведеній издававшихся въ то время когда не выдѣлялся еще особый видъ *простонародныхъ* картинокъ, когда „листы“ раскулались одинаково людьми всѣхъ сословій и наклеивались на стѣны какъ въ царскихъ палатахъ и барокскихъ хорошахъ, такъ и въ простыхъ избахъ. Въ послѣдствіи большинство оригинальныхъ досокъ, съ которыхъ печатались эти гравюры, поступило въ собственность разныхъ фабрикъ и онѣ стали печатать ихъ на ряду съ разными другими картинками для простонародья.

Свое описаніе народныхъ картинокъ г. Ровинскій раздѣляетъ на три части. Въ *первой* (XVI+569 стр.) помѣщены *сказки и басни, житіе Езона и забавные листы*. Во *второй* (580 стр.) помѣщены *листы историческіе*, извѣстія о разныхъ *явленіяхъ въ природѣ и происшествіяхъ*; лицевыя афиши о прибытіи разныхъ *комедіантовъ, великашовъ, слоновъ; военныя извѣстія* съ текстомъ заимствованнымъ изъ вѣдомостей;

каррикатуры 1812 года; портреты русскіе и иностранныя, выходящія изъ народныхъ типографій; карты и виды монастырей и городов; календари, гадательныя книжки и буквары. Въ третьей части (750 стр.) описаны *лиственныя картины, симодики, эмблемы, лиственныя библіи, послѣдованія Страстей Господнихъ, святцы, праздники, аллегорическія иконы и изображенія Спасителя, Богородицы и святыхъ.* Въ духовнымъ притчамъ отнесены также всѣ лица сколько-нибудь намекающія на духовную сторону челоѵка и затрагивающія предметы духовнаго обихода, а въ концѣ тома приложено описаніе *подносимыхъ листовъ*, то-есть картинокъ которыя были подносимы граверами своимъ патронамъ въ день загла и при другихъ случаяхъ. Здѣсь же перечислены произведенія псаломшныя „черною манерой“ и представляющія почти безъ исключенія духовное содержаніе. Четвертый томъ (788 стр.) заключаетъ *примѣчанія и дополненія* къ тремъ первымъ томамъ, равно какъ и описаніе картинокъ не вошедшихъ въ первые томы и вновь приобретенныхъ авторомъ уже послѣ отпечатанія трехъ первыхъ книгъ. Пятый томъ (567 стр.) носитъ названіе „Заключеніе“. Авторъ сознается самъ что „заключеніе“ это замѣляетъ обычное *предисловіе*, и вотъ почему каждый желающій ознакомиться съ предметомъ изслѣдованія г. Ровинскаго долженъ начинать чтеніе не съ перваго, а съ пятаго тома. Здѣсь изложены свѣдѣнія о производствѣ народныхъ картинокъ въ Россіи, о значеніи ихъ въ народной жизни, объ отношеніи къ нимъ цензуры, сжатый очеркъ самаго текста народныхъ картинокъ и всего что можетъ представить интересъ для читателя не спеціалиста. Г. Ровинскій предупреждаетъ читателей что пятый томъ имѣетъ характеръ „чисто компілятивный.“ Авторъ „старался занести сюда все что случилось ему найти по части народныхъ картинокъ въ просмотрѣнныхъ имъ книгахъ и рукописяхъ, а также и то что было извѣстно ему изъ устныхъ преданій московскихъ старожиловъ.“ Этотъ компілятивный пятый томъ чрезвычайно интересенъ. Онъ вполнѣ знакомитъ съ предметомъ и по отношенію ко всему труду представляется какъ бы рядъ тезисовъ, подтвержденія и доказательства которымъ читатель отыскиваетъ самъ въ предыдущихъ томахъ по сдѣланнымъ на нихъ ссылкамъ. Быть-можетъ не каждый читатель нашелъ бы удовольствіе читать подъ рядъ описанія и тексты народныхъ картинокъ начиная

съ перваго тома. Прочитываніе этихъ текстовъ становится дѣйствительнымъ удовольствіемъ когда оно совершается въ системѣ которую отдѣльныя явленія приводятся въ связь и выдѣляются въ осмысленныя, органическія группы. Постараемся прослѣдить въ общихъ чертахъ исторію русскихъ народныхъ картинокъ по изслѣдованію г. Ровинскаго.

Гравированіе на деревѣ появилось въ Россіи одновременно съ книгопечатаніемъ во второй половинѣ XVI вѣка. На западѣ гравированіе началось въ видѣ отдѣльныхъ листовъ съ разными изображеніями духовнаго содержанія; въ Россіи первая гравюра на деревѣ, изображающая евангелиста Луку, появилась въ видѣ приложенія къ первой напечатанной въ Москвѣ книгѣ, Апостолу 1564 года. Отдѣльные гравированные листки появляются гораздо позже, во второй четверти XVII столѣтія; всѣ они гравированы такъ-называемымъ книжнымъ манеромъ, то-есть тѣми самыми приѣмами которые употреблялись граверами при исполненіи картинокъ для книгъ. Въ продолженіи всего XVIII вѣка тянется непрерывный рядъ народныхъ картинокъ на деревѣ той же толстой работы. Картинки эти по преимуществу свѣтскаго содержанія, ибо указомъ 6 ноября 1760 года запрещена была продажа „духовныхъ листовъ“ рѣзныхъ на деревѣ. Въ позднѣйшее время народныя картинки, рѣдко гравировались на деревѣ, такъ какъ при длинныхъ текстахъ, которые требовались современными покупателями, несравненно удобнѣе было производить гравированіе на мѣдныхъ доскахъ посредствомъ рѣзца и крѣпкой водки. Первыми русскими граверами были *знаменщичи* или рисовальщичи Серебряной Палаты, составлявшей отдѣленіе Оружейной Палаты. Эти *знаменщичи* дѣлали рисунки для *траевъ* (украшеній), фигуръ и надписей которыя вырѣзывались всегда на всѣхъ предметахъ царскаго обихода. Для управленія работами и для обученія русскихъ учениковъ разнымъ искусствамъ, вѣроятно и гравировому, постоянно выписывались иностраные мастера. Въ числѣ первыхъ русскихъ граверовъ встрѣчаются имена Аѳанасія Трухменскаго, ученика его Василія Андреева, *знаменщича* Серебряной Палаты Леонтія Букина, царскаго „изографа“ Симона Ушакова. При вступленіи на престолъ Петра Великаго гравированіе на мѣди находилось въ Москвѣ въ совершенномъ упадкѣ. Во время перваго путешествія за границу Петръ пригласилъ находившихся въ

Амстердамъ граверовъ Адриана Шхомебека и Петра Пикара. Шхомебекъ принятъ на службу 13 мая 1698 года, Пикаръ работалъ въ Россіи уже съ 1697 года. Оба эти мастера были плохіе рисовальщики и плохіе граверы; изъ ихъ собственныхъ трудовъ въ число народныхъ картинокъ включено немного, и то случайно, вслѣдствіе того что нѣкоторые изъ выгравированныхъ ими досокъ попали на фабрику издававшихъ лубочныя картинки. За то произведенія учениковъ ихъ, въ особенности двухъ Зубовыхъ (Алексея и Ивана), составляютъ въ этихъ картинкахъ цѣлый особый отдѣлъ плохихъ копій съ голландскихъ образцовъ и преимущественно изъ привезенной Шхомебекомъ во многихъ экземплярахъ Библии Пискатора. Такимъ образомъ первыя русскія народныя картинки на мѣди вышли изъ рукъ типографскихъ учениковъ. „Достойными“ подражателями этихъ учениковъ являются граверы второй половины XVIII вѣка: Мартинъ Нехорошевскій „представляющій одну цѣлую фабрику граверовъ“, Пастуховъ, Скобелкинъ, Тихоміровъ и наконецъ Чуваевъ. Но по большей части доски для народныхъ картинокъ рѣзали во второй половинѣ XVIII вѣка серебряники жившіе въ подмосковномъ селѣ Измаиловѣ. Печатаніе съ этихъ досокъ производилось въ Москвѣ, у Сласса во Спасокой, на *фигурной фабриктѣ* купца Ахметьева, которая славилась своими произведеніями болѣе 50 лѣтъ. На этой фабриктѣ, кромѣ новыхъ картинокъ, печаталось много старыхъ досокъ (Петровскаго времени); печатаніе производилось на 20 станкахъ. Кромѣ Ахметьевской фабрики, въ Москвѣ существовала съ XVIII вѣка еще другая фабрика отдѣльно печатавшая народныя картинки рѣзанныя на деревѣ; имя владѣльца этой фабрики неизвѣстно. Въ концѣ прошлаго столѣтія производство народныхъ картинокъ перешло въ руки мелкихъ фабричныхъ торговцевъ имѣвшихъ свои типографіи. Въ Москвѣ славилась печатаніемъ простонародныхъ картинокъ и издавнй купецъ Иванъ Логиновъ, наследникъ Ахметьева; устроились печати даже въ нѣкоторыхъ селахъ Владимірской губерніи. Такъ въ селѣ Мстерѣ, И. А. Голышевъ, извѣстный своими археологическими статьями о русскихъ древностяхъ, съ 1858 года имѣетъ свою типографію въ которой печатается до 530.000 народныхъ картинокъ въ годъ, цѣною отъ 55 коп. до 5 руб. за сотню. Раскрашиваніемъ (*ульчечилъ*) этихъ картинокъ занимается болѣе 200 жемчанъ. По замѣчанію самого г. Голышева,

раскраска народныхъ картинокъ въ селѣ Мстерѣ Вязниковскаго уѣзда сдѣлалась господствующею промысловостію бѣднѣе двѣдцѣ и женщинъ съ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Подъ Москвою занимается раскрашиваніемъ „лѣстовика“ до 1.000 человекъ самоучекъ въ селѣ Никольскомъ и окрестныхъ деревняхъ. До сего времени раскраска эта очень немногосложна и употребляетъ только четыре краски: *малиновую* (сидлакъ вареный въ водѣ съ примѣсью квасцовъ), *зеленую* (яръ-мѣдѣлка, разведенная на водѣ съ медомъ, та самая которая идетъ на окраску крышъ), *желтую* (круковая, вареная съ молокомъ) и *красную* (сурикъ, разведенный на личномъ желткѣ съ квасомъ). Въ старину раскраска народныхъ картинокъ производилась съ большимъ стараніемъ и не представляетъ ничего общаго съ нынѣшней раскраской „по носамъ“. Наибольшую тщательностію илюминаловки отличается лицевая Библия и Апокалипсисъ Кореня (1698 года); въ собраніи народныхъ картинокъ приобретенныхъ Штетлинскимъ въ Москвѣ въ 1766 году краски положены сплошными, густыми и яркими колерами, безо всякихъ оттѣнковъ. Однако раскраска этихъ послѣднихъ картинокъ, по словамъ г. Ровинскаго, настолько же превосходитъ современный способъ раскраски, насколько она уступаетъ иллюминаловкѣ картинокъ Кореня.

Относительно „лошца“ или характера рисунка народныхъ картинокъ г. Ровинскій различаетъ *шесть отдѣловъ*. Къ *первому отдѣлу* принадлежатъ гравюры на деревѣ кievскихъ мастеровъ (монаха Маіи, Проколія и другихъ); сочиненія ихъ хотя и заимствованы съ голландскихъ образцовъ, но имъ придавъ своеобразный *иконный* характеръ, сильно напоминающій греческое иконное письмо съ длинными фигурами и бумажными драпировками. Ко *второму отдѣлу* принадлежатъ Библия съ Апокалипсисомъ Кореня 1698 года, рѣзко отличающіеся по рисунку и грубой работѣ, а также не большому размѣру рисунковъ отъ всего что было издаво до того времени; сюда же должно быть присоединено и большинство картинокъ гравированныхъ на деревѣ въ XVIII вѣкѣ такимъ же грубымъ и толорнымъ способомъ. Къ *третьему отдѣлу* г. Ровинскій относитъ небольшое число картинокъ также гравированныхъ на деревѣ и скальпированныхъ съ большихъ французскихъ гравюръ Буше и Лавкре; работа этихъ картинокъ отличается большою умѣlostію, рисунокъ изобладуетъ закруглен-

ными очертаніями которыхъ въ картинкахъ предмущаго разряда почти не встрѣчается. Къ *четвертому разряду* принадлежатъ работы на мѣди граверовъ-серебряниковъ Московской Оружейной Палаты которыя по своей художественности выходятъ изъ ряда прочихъ народныхъ картинокъ. *Пятый отдѣлъ* составляютъ фабричныя и нерафинированныя работы разныхъ учениковъ голландскихъ граверовъ Шхошебека и Пикара (Матвѣева, Зубовыхъ, Любецкаго, Ростовцева, Никитина и др.); сюда же относятся работы ихъ продолжателей. *Шестой разрядъ* народныхъ картинокъ представляетъ передѣла на ново всѣхъ переводовъ прежнихъ картинокъ въ чисто иконный стиль. Такая передѣла даже самыхъ „забавныхъ и скоромныхъ“ листовъ произведена въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія мастерами придерживавшимися „старой“ вѣрѣ. По *формату и стилю* русскія народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ, всего ближе подходятъ, говорить г. Ровинскій, къ стариннымъ нѣмецкимъ картинкамъ; по *мастерству и раскраскѣ* онѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ индійскими народными картинками, а также со старинными китайскими и японскими картинками на деревѣ. Въ настоящее время въ Европѣ нѣтъ простонародныхъ картинокъ въ нашемъ смыслѣ. Картинки для народа дѣлаютъ хорошіе мастера и онѣ отличаются только упрощеніемъ способа ихъ выдѣлки, печатаніемъ на бумагѣ не высокаго разбора и своею дешевизной которая дѣлаетъ ихъ общедоступными. Только во Франціи и Италіи можно еще найти на рынкахъ отвратительно плохія картинки духовнаго содержанія. Въ описаніе и изслѣдованіе г. Ровинскаго включены лишь картинки до 1839 года, то-есть до того времени когда всѣ сказки и вновь издаваемые отдѣльные листы стали выходить съ дозволеніемъ цензуры. Этимъ объясняется то обстоятельство что въ своей классификаціи авторъ совершенно не упоминаетъ про листы литографированные, несомнѣнно принадлежащіе въ настоящее время также къ разряду народныхъ картинокъ.

Изъ какихъ источниковъ заимствовали русскіе мастера рисунки для своихъ *переводовъ* (картинокъ)? Источники эти были довольно разнообразны. Духовные листы иконнаго разряда, то-есть замѣлявшіе образа, копировались съ миниатюръ при книгахъ или же прямо съ церковныхъ иконъ. Для лицевыхъ легендъ и притчей представляли богатый матеріалъ народной картинкѣ церковныя палерты, по стѣнамъ

которыхъ расплывались разныя исторіи и апокрифическія лжѣствія. Появленіе большой *Библии Пискагора* * въ началѣ XVII вѣка составило эпоху въ нашемъ русскомъ гравированіи на деревѣ. Изъ этой Библии копировались картинки въ ту же мѣру, копировались съ уменьшеніемъ и увеличеніемъ формата; мастеръ Григорій процѣлалъ фигурамъ Библии Пискагора совершенно польскій характеръ, одѣлъ ихъ въ польскіе кафтаны и сдѣлалъ въ сочиненіи Пискагора столько измѣненій что трудъ его (рисунки для Апокалипсиса гравированнаго Коремемъ 1696 года) можно назвать почти оригинальнымъ. Народныя картинки заимствовали свои переводы и съ живописныхъ картинъ украшавшихъ царскія палаты. Въ этомъ отношеніи замѣчательна огромная картина *Солнце съ зодіаками* заимствованная съ плафона царской столовой Коломенскаго деревяннаго дворца. По всей вѣроятности изъ того же источника заимствованы народныя картинки изображающія Александра Македонскаго и Пера, царя Персидскаго. Въ XVIII вѣкѣ народныя картинки забавнаго содержанія копировались, въ большинствѣ случаевъ, прямо съ иностранныхъ образцовъ, съ издавій вѣнскихъ, голландскихъ, французскихъ. Встрѣчаются и такіе случаи что скопировалъ иностранный оригиналъ, а къ нему прицѣплялъ русскій текстъ нисколько не относящійся къ изображенію.

Легучія народныя картинки прежде всего обращены были на удовлетвореніе амбициозности читавшаго люда. Хотя печать и замѣчала рукопись, но такъ какъ въ первое время печатались одніи духовныя книги, а въ обществѣ все болѣе развивалась охота къ чтенію сочиненій свѣтскихъ, то сочиненія эти, остававшіеся попрежнему въ рукописи, перелисывались несчетное число разъ въ ядѣ сборниковъ, причемъ въ рукописи съ рисунками, вмѣсто копирования послѣднихъ, стали вклеивать нарочно изготовленные на этотъ случай легучія гравюры. Большинство старинныхъ мелкихъ гравюръ только потому и сохранились до нашего времени что были вклеены въ перелетѣнныя рукописи. Такъ - называемыя *брауфскими листами* употреблялись царскія хоромы, и мало-

* *Theatrum Biblicum, hoc est historiae sacrae veteris et novi testamenti tabulis aeneis expressae. Opus praestantissimorum hujus ac superioris aevi pictorum atque sculptorum summo studio conquistum et in lucem editum per Nicolaum Iohannis Piscatorem. Anno 1650.*

дѣтніе царевичи и царевны, забавляясь этими листами, вѣсть съ тѣмъ получали изъ нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи, географіи, естественной исторіи и другихъ наукъ. Такими фряжскими листами увѣшаны были стѣны въ палатахъ царевича Петра Алексѣевича; по нимъ наставникъ царевича Зотовъ преподавалъ ему первоначальныя свѣдѣнія о наукахъ. Изъ описей XVII вѣка извѣстно что въ домовой казнѣ патриарха Никола находилось 270 листовъ фряжскихъ; въ описи имущества князя В. В. Голицына упоминаются *денгадуаты персонъ нѣмецкихъ почтальныхъ* и т. д. Летучія картинки составляли необходимую принадлежность почти каждой избы. Картинки духовнаго содержанія наклеивались преимущественно на стѣнахъ и дополняли обиходный крестьянскій иконостазъ, точно также какъ въ XVII вѣкѣ даже во многихъ церквяхъ были бумажные образа вмѣсто живописныхъ, а печатные святцы и до настоящаго времени находятся почти въ каждой церкви. Летучія картинки горѣли вѣсть съ избою, уничтожались при перестройкахъ, пропадали отъ сырости и гнили, такъ что несмотря на громадное количество экземпляровъ въ которомъ онѣ выходили, почти каждый старинный листъ лучиннаго производства составляетъ вѣсть съ тѣмъ и единственный дошедшій до насъ экземпляръ извѣстнаго изданія картинки. Собранія русскихъ народныхъ картинокъ находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ рускомъ отдѣленіи бібліотека Академіи Наукъ, въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ и въ Московскомъ Музеѣ. Изъ частныхъ коллекцій самая замѣчательная по числу древнихъ экземпляровъ есть коллекція Адама Васильевича Олсуфьева находящаяся въ бібліотекѣ князя К. Ѡ. Вяземскаго-Вяззерскаго. Затѣмъ слѣдуютъ собранія гг. Демидова (принадлежащее В. И. Яковлеву), П. А. Ефремова, Д. А. Ровинскаго, А. И. Голышева, князя П. П. Вяземскаго, А. И. Панина, Ѡ. И. Буслаева, и т. д. При описаніи каждой отдѣльной картинки г. Ровинскій дословно приводитъ ея текстъ и всѣ ея варианты, указываетъ всѣ различныя изданія картинки, обозначаетъ ея мѣру, поясняетъ какимъ способомъ она гравирована, опредѣляетъ по возможности время когда она сдѣлана и отмѣчаетъ собраніе въ которомъ картинка находится.

Намъ не хотѣлось бы разстаться съ книгой г. Ровинскаго не приведя изъ нея хотя бы какого-нибудь образчика

собранныхъ въ ней текстъ къ народнымъ картинкамъ. Выборъ тутъ весьма затруднителенъ, ибо текстъ эти всѣ представляютъ интересъ. Возьмемъ примѣръ народного юмора:

Картинка называется *Разговоръ между женихомъ и свахой*. Женихъ стоитъ въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ, съ огромнымъ носомъ, со шляпой съ перомъ подъ мышкой и съ тростью въ лѣвой рукѣ. Надъ нимъ надпись *Женихъ*. Справа стоитъ сваха, старуха съ клюкой, въ коротенькой шубекѣ и калорѣ. Надъ нею подпись *сваха*. Таковъ рисунокъ. Теперь вотъ текстъ который мы передаемъ съ опущеніемъ орфографическихъ ошибокъ.

— Здравствуй, мой любезный, приходъ мой къ тебѣ полезный, говорить сваха.

Слѣдуетъ отвѣтъ жениха:

— Здравствуй, душемяка, откуда взялась такая старушенька?

— Я нарочно къ тебѣ пришла, хорошую невесту нашла.

— Ахъ, родная моя мать, вѣдьмъ васъ поблагодарить, не уснѣвъ киселя наварить. А вѣдая что вы худы зубами и кисель кушаетъ съ трудами, не поведаите ли колченого аду, такъ я про васъ въ печи найду. У меня, свашенька, немного вещей кромѣ пустыхъ щей. Хотѣлъ было варить кашу, да куры расклевали чашу. А теперь отъ тебя требую совѣта: уже пришла моя совершенная лѣта, хочется мнѣ жениться и съ любезною веселиться. А я, какъ сама видишь, чѣмъ не молодецъ, и носъ у себя имѣю съ немаалый огурецъ, колбечка водится у меня, то надѣюсь и въ кокошникѣ (?) полюбить меня. Изрѣдка наливаюсь, щегольски наражаюсь, трость, штаны и шляпа, заброшена немалая ялата, а объ чулкахъ и башмакахъ что ужъ и калякать, постарайся поскорѣе свадебку спалать.

Женихъ говоритъ что даже воробей имѣетъ подругу:

— Неужели я отжѣвенъ отъ людей, будто лучше меня воробей? Не промѣнай меня на птицу, высватай за меня красивую дѣвицу.

— Надѣйся на меня, будешь доволенъ, я имѣю приворотный корень, видя твою дурацкую рожу приведу съ рогами къ тебѣ козу.

Жениться, однако, очень трудно. На другой картинкѣ, *Разсужденіе о женитѣбѣ*, женихъ перечисляетъ эти затрудненія:

„Богатую взять—будеть попрекать; хорошую взять—много будутъ люди звать; умную взять—не дастъ слова сказать; проземку взять—не умѣетъ крестьянскихъ работъ работать; изъ крестьянства взять—отъ компаніи отстать; худую взять—стыдно въ люди показать и т. д.“

Но тамъ гдѣ много затрудненій, изобрѣтаются и способы къ ихъ устраниенію. Народныя картинки предлагаютъ подробный *Рестръ о далахъ и о прекрасныхъ дѣвицахъ*. Имя первыя составляетъ какъ бы ручательство за ея качества:

„Постоянная дама—Варвара.

„Веселый разговор—Аграфена.

„Нагая слѣзь—Маремьяна.

„Пѣсань слѣзь—Дарья.

„Хорошій голосъ—Домна.

„Худое совратъ—Агаея.

„Умильный взглядъ—Фекла.

„Скорая походка—Акулина.

„Смиренная бесѣда—Пелагея.

„Обѣщать не солгать—Софья.

„Хорошая походка—Настасья.

„Пріятна въ любви—Натаалья.

„Лукавый разговоръ—Татьяна, и т. д.

Всѣ эти дамы имѣютъ безспорно отличныя качества. Но когда однако жемухъ заявляетъ что онъ хочетъ „имѣть покой“, то сваха отвѣчаетъ на это: „такъ лучше не бери, пожалуй, никакой“.

Мы не имѣли еще случая видѣть атласъ рисунковъ къ изслѣдованію г. Ровинскаго и поэтому не можемъ ничего сказать про выборъ картинокъ и ихъ исполненіе. Число экземпляровъ этого атласа ограничено, какъ мы слышали, 250 экземплярами. Къ каждому изъ пяти лежащихъ предъ нами томовъ приложено по одной раскрашенной картинкѣ. Картинки эти съ изумительною вѣрностью передаютъ оригиналы.

II.

Калевала. Финскій народный эпосъ. Перевелъ Э. Гравотремъ. С.-Петербургъ, 1861.

Удивительны судьбы народнаго творчества. Въ его созданіяхъ сокрыта такая могучая живучесть, такая сила жизнеспособности что созданія эти переживаютъ вѣка не утрачивая своей

роскошной свѣжести, оставаясь понятными и дорогими потомству точно такъ же какъ были они понятны и дороги давно уже истѣвшимъ поколѣнїямъ. Удивительна мощь повѣческаго слова. Изъ дали минувшихъ вѣковъ продолжаетъ оно звучать среди нашихъ дней и своею чародѣйственною силой все вновь и вновь вызываетъ предъ нашими духовными очами живые, яркіе и мощные образы. Болѣе тысячи лѣтъ звучать уже въ устахъ Финскаго народа глѣси *Калевалы*. Въ первый разъ доводятся онѣ до слуха „читающей русской публики“ въ полномъ своемъ видѣ. Заслуга ознакомленїя насъ посредствомъ русскаго перевода съ глѣсиями *Калевалы* принадлежитъ г. Гранстрему.

Въ чемъ состоитъ эта заслуга? Каждый изъ насъ безъ сомнѣнїя знаетъ о существованїи финскаго эпоса называемаго *Калевалой*. Насъ учатъ этому на школьной скамьѣ. Но если мы захотимъ быть откровенными предъ собою, то намъ придется сознаться что мы имѣемъ самое неопредѣленное представленіе о *Калевалѣ*. Въ сущности намъ извѣстно лишь одно заглавіе; *Калевала* для насъ такой же ярлычекъ или листокъ каталога какіе въ изобилїи тѣсятся въ нашей памяти съ именами множества другихъ произведенїй извѣстныхъ намъ лишь по имени. Народный финскїй эпосъ не связывается въ нашихъ представленїяхъ съ живыми, реальными образами. *Калевала* составляетъ для насъ такую же блѣдную и смутную тѣнь какъ *Мессіада*, *Генриада*, *Луизиада*, какъ великое множество „извѣстныхъ“ произведенїй, въ сущности извѣстныхъ лишь по имени. Не бѣда если мы поверхностно, если мы даже совсѣмъ незнакомы со многими произведенїями искусственнаго, условно-литературнаго творчества, хотя бы эти произведенїя и были занесены въ исторїю литературы. Литературные вкусы, теченїя и приемы измѣняются, искусственныя и условныя красоты блѣднѣютъ и исчезаютъ подъ рукою времени; многое что прежде казалось возвышеннымъ кажется намъ только напыщеннымъ; мы видимъ риторство тамъ гдѣ предки наши видѣли истинное красворѣчіе, находимъ ложную сентиментальность въ томъ что восхищало прежнія поколѣнїя какъ выраженїе дѣйствительнаго чувства. Неизмѣнную прелесть и свѣжесть сохраняютъ навсегда лишь произведенїя народнаго творчества, эти живыя струи вѣчно неизмѣннаго народнаго духа, пробивающїяся изъ глубочайшихъ вѣдръ, изъ сокрытѣйшихъ тайниковъ народнаго

существованія. Пренебрегать знакомствомъ съ произведеніями безличнаго народнаго творчества, съ поэтическими откровеніями народнаго духа значитъ произвольно лишать себя освѣжающаго и успокоивающаго общенія, съ чудесною областью чуждою всѣхъ житейскихъ волненій, областью гдѣ въ таинственномъ полусвѣтѣ легенды безмятежно витають въ поэтическихъ образахъ вѣковѣчныя, основныя народныя представленія. Заслуга г. Гранстрема состоитъ въ томъ что онъ открываетъ намъ доступъ къ сокровищницѣ мифическихъ представленій и образовъ Финскаго народа. *Калевала* была до настоящаго времени болѣе достоиніемъ ученыхъ нежели читающей публики. Непосредственное наслажденіе этимъ эпосомъ становится возможнымъ для русскихъ читателей только съ появленіемъ перевода г. Гранстрема. Переводъ этотъ представляетъ замѣчательно изящно издаванную книгу, книгу напечатанную на отличной бумагѣ, украшенную прелестными заставками и цѣлымъ рядомъ рисунковъ. Цѣна книги назначена очень недорогая: она стоить *два рубля*. При этихъ условіяхъ не можетъ подлежать сомнѣнію что переводъ г. Гранстрема найдетъ обширный кругъ читателей и что такимъ образомъ за переводчикомъ слѣдуетъ признать заслугу перваго *дѣйствительнаго ознакомленія русской публики съ народнымъ финскимъ эпосомъ*. Въ своемъ предисловіи г. Гранстремъ выражаетъ надежду на то что „доброе, родственное сочувствіе, соединяющее Россію съ Финляндіей, можетъ служить „надежною порукой“ на вниманіе публики къ его послѣднему опыту. Намъ остается только присоединиться къ этому взгляду. Дѣйствительно, судьбы Финскаго народа такъ близко связаны съ Россіей что ознакомленіе съ финскимъ народнымъ эпосомъ, помимо интереса чисто литературнаго, представляетъ еще для русскаго читателя интересъ „добраго, родственнаго сочувствія“.

По легко повѣтвымъ причинамъ мы поставлены въ невозможность произнести какое-либо сужденіе о достоинствахъ перевода г. Гранстрема по отношенію къ вѣрной передачѣ имъ подлинника. Такое сужденіе должны будутъ произнести знатоки финскаго языка. Едва ли слѣдуетъ позволять себѣ какія-либо сомнѣнія и колебанія въ этомъ случаѣ, ибо очевидно уже по фамиліи г. Гранстрема что опасенія относительно точнаго знанія языка могли бы касаться развѣ только умѣнія владѣть русскимъ языкомъ. Эти послѣднія опасенія

разсказываются на первых же страницахъ книги. Переводчикъ не только вполнѣ владѣеть русскимъ языкомъ, но даже знакомъ со складомъ эпической народной русской рѣчи и слѣды этого знакомства проглядываютъ во многихъ оборотахъ и реченіяхъ его перевода. Гораздо существеннѣе другой вопросъ. Переводъ г. Грамстрема не снабженъ поясненіями. Это не чтò иное какъ простой текстъ, которому предпослано небольшое историко-литературное введеніе, простой рядъ изъ 25 эпическихъ разказовъ связанныхъ между собою развѣ только тѣмъ что въ нихъ являются почти все одни и тѣ же лица. На такой приемъ изданія можно имѣть два взгляда.

Съ одной стороны это хорошо. Произведенія народного творчества болѣе чѣмъ какія-либо иныя требуютъ непосредственнаго отношенія. Чѣмъ прямѣе дѣйствіе простаго и вѣрнаго народного творчества, чѣмъ менѣе указаній на эту простоту и наивность ставоватся между произведеніемъ и читателемъ, тѣмъ болѣе можно быть увѣреннымъ въ томъ что впечатлѣніе будетъ свѣжо и дѣльно. Подобно красотамъ природы красоты народного творчества немыслимы и доступны безъ толкованій. Это одна сторона дѣла.

Но есть и другая, можно предъавлять и другой взглядъ, который получаетъ особенную правоиспособность когда рѣчь идетъ о произведеніи чуждаго духа, чуждой національности. Въ *Калевалѣ* часто встрѣчаются непонятныя намъ обозначенія. Намъ интересно вѣсколько ориентироваться въ мифологию и демонологию *Калевалы*. Намъ хотѣлось бы знать значеніе собственныхъ именъ, ибо по всей вѣроятности это суть *nomina et omina*; мы не совсѣмъ ясно представляемъ себѣ даже чудодѣйственный таисманъ Сампо, обладаніе которымъ приноситъ столько благъ людямъ и странѣ. Есть много мѣстъ въ которыхъ полезно и желательно было бы встрѣтить со стороны переводчика содѣйствіе любознательности читателя. Мы думаемъ что г. Грамстремъ съ успѣхомъ могъ бы соединить въ своемъ изданіи *Калевалы* хорошія стороны обоихъ методовъ, примирить оба взгляда которые можетъ имѣть читатель и удовлетворить оба разряда требованій. Для этого ему слѣдовало бы, не испещряя самаго текста выносками и оставляя его въ его наивномъ спокойствіи, дополнить свое изданіе такъ сказать конструктивною, систематическою частью, сдѣлать вѣсколько общихъ выводовъ изъ *Калевалы*, привести къ единству ея отрывочныя

части. Было бы желательно дополнить изданіе этюдомъ сравнительной миеологии, который, нисколько не нарушая текста и не вѣсиваясь въ него учеными кличками, содѣйствовалъ бы обогащенію и въ некоторой систематизаціи нашихъ познаній. Мы не дѣлаемъ этимъ упрека изданію г. Грамстрема; мы только выражаемъ желаніе. Отсутствіе конструктивной части не есть недостатокъ: это простой пробѣлъ.

Какое содержаніе *Калевалы*? Она описываетъ жизнь, обычай и ратные подвиги древнихъ Финновъ и представляетъ единственный древній памятникъ Финскаго народа и языка. Пѣсни *Калевалы* поются до настоящаго времени. Самый полный и богатый складъ ихъ составляетъ теперь приходъ *Вуоккинеми* въ Архангельской губерніи. На востокъ отсюда пѣсни эти поются уже не въ такой полнотѣ, и чѣмъ болѣе на востокъ, тѣмъ рѣже приходится ихъ слышать. Онѣ отчасти сохранились также въ Олонецкой губерніи (приходы *Репюла* и *Химюла*); отрывки этихъ пѣсней помнятъ во многихъ приходахъ въ предѣлахъ Финляндіи, по лѣвому берегу Ладожскаго озера вплоть до Ингерманландіи. Родиною пѣсней *Калевалы* считалась некогда богатая и могущественная страна Біармовъ или Беормовъ, извѣстныхъ въ исторіи съ IX вѣка и занимавшихъ юговосточные берега Бѣлаго Моря или окрестности большихъ озеръ Вонкоярви, Онежскаго и Ладожскаго. Пѣсни *Калевалы* поются на обыкновенномъ карельскомъ нарѣчій, очень мало разнящемся отъ остальныхъ нарѣчій Финляндіи. Предполагаютъ что со времени перваго сложенія этихъ пѣсней прошло около 1.000 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онѣ все болѣе развивались, передаваясь исключительно азустаннымъ образомъ. Передавались онѣ приблизительно слѣдующимъ способомъ: на свадьбахъ или при какихъ-либо другихъ торжественныхъ случаяхъ кто-нибудь слышитъ новую пѣсню и затѣмъ старается ее запомнить. Когда потомъ ему случится пѣть эту пѣсню предъ новыми слушателями, то обыкновенно онъ помнитъ болѣе самое *содержаніе* слышанной имъ пѣсни нежели буквальное изложеніе слова въ слово. Тѣ мѣста въ пѣснѣ которыя онъ при этомъ не припоминаетъ слово въ слово, онъ поетъ *своими словами* и часто передаетъ ихъ даже лучше чѣмъ самъ слышалъ. Такимъ образомъ пѣсня передается другому, третьему и т. д., измѣняясь только въ выраженіи, но не въ содержаніи. Рядомъ съ этимъ способомъ передачи существуетъ другой, когда пѣсня переходитъ отъ отца къ сыну. Вотъ какъ говорить про это *Калевала*:

„Эта лѣсна, бывало, лѣтъ мнѣ отъѣзъ, вырѣзая топорнице. Этими лѣснами научнаа мѣня мать, вертя свое веретено, между тѣмъ какъ я, еще ребенокъ, ползалъ на полу у ногъ ея. Узнавалъ я отъ вѣкъ много таинственныхъ словъ про оокровище Самло и не мало заклинаній вѣдьмы Лоухи. Когда я зѣтѣмъ, ребенкомъ, ходилъ паста коровъ, мнѣ пришлось еще много набрать другихъ чудесныхъ словъ для моихъ лѣсенъ: одни я поднималъ на дорогахъ и на разныхъ тропинкахъ; другія сорвалъ съ жойбговъ деревьевъ, верхушекъ травъ и кустовъ; нѣкоторыя пѣзъ вѣкъ подарилъ мнѣ морозъ; другія добылъ я изъ дождя; не мало такихъ лѣсенъ принесла мнѣ вѣтеръ и волны; не мало подарилъ мнѣ ильъ и штаци.“

Содержаніе *Калевалы* не поддается связной передачѣ, ибо ему недостаетъ связи. Единственный образъ проведенный болѣе или менѣе послѣдовательно, это образъ Вейнемейнена, „лѣсновѣснаго лѣсновѣсна“. Образъ этотъ проходитъ чрезъ всю *Калевалу*. Мы узнаемъ что Илматаръ, „мать водъ“, родилъ Вейнемейнена, что отцомъ его былъ вѣтеръ, что море способствовало его развитію и въ теченіе восьми лѣтъ носило его по своимъ волнамъ, прежде чѣмъ Вейнемейнесъ выплылъ на берегъ. Много лѣтъ провелъ онъ на безыменномъ островѣ, долины котораго были совершенно пусты и не украшались никакою зеленью. По просьбѣ Вейнемейнена молодой Самло изъ Леллервильнесъ, लेकरъ пашель и луговъ, засадилъ деревьями, кустарниками и растеніями долины, горы и бѣлота. Финскій эпосъ не знаетъ Вейнемейнена молодымъ; едва успѣлъ онъ разказать про рожденіе „лѣсновѣснаго лѣсновѣсна“, какъ уже прямо называетъ его въ слѣдующей лѣсенѣ старымъ, мудрымъ Вейнемейнесомъ“ и этотъ эпосъ старика и мудраго неразлучно сопровождаетъ зѣтѣмъ имя чудеснаго финскаго лѣсновѣсна. Едва ли найдется другое произведеніе народнаго творчества въ которомъ чудотворная, волшебная, творческая сила лѣсновѣсна и вѣщаго слова выступала бы въ такихъ могучихъ созданіяхъ народной фантазіи какъ въ *Калевалѣ*.

Когда молодой Лалаандецъ Юкагейнесъ зѣтѣваетъ вступить въ бой съ Вейнемейнесомъ, послѣдній начинаетъ лѣтъ могучую лѣсна отъ которой воуваются море, рѣки и озера, трескаются скалы на берегахъ и потрясаются горы. Отъ этой лѣсна на дугѣ удраки Юкагейнеса появляются лѣсныя лѣсновѣсны, на хомутѣ вырастаютъ ивовые кусты, на шоракѣ—

верба, вызолоченныя сами превращаются въ бревно, лошадь— въ камень, кнутъ— въ тростникъ, а самъ Юкагейнемъ начинаетъ погружаться въ болото и весь въ него уходитъ. Не касаясь топора и не перубивъ ни одной доски Вейнемейнемъ строитъ лодку при помощи лѣсиш: при первой лѣсшъ соединяется дно лодки; при второй закругляются бока и т. д. Когда у него ломаются сами, онъ зовъваетъ могучую руку и отъ нея по краямъ дороги вырастаютъ красныя лѣсы, изъ деревъ котораго Вейнемейнемъ дѣлаетъ себѣ новыя полозья. Отъ лѣсиш Вейнемейнема одна сторона его лодки называется снѣжными бойцами, а другая сторона— прекрасными дѣвами. Вотъ какъ описываетъ *Калевала* чудное дѣйствіе лѣсеиш Вейнемейнема и игры его на кантеле (*на гулялахъ*).

„Расправивъ персты и усѣвшись на скалѣ, старый, мудрый Вейнемейнемъ положилъ гусакъ къ себѣ на колѣни и сказалъ нуть всякій кто не слышалъ старыхъ рувъ придетъ теперь послушать ихъ.

„Заигралъ старый Вейнемейнемъ и чудесно зазвучали струны подъ его искусными перстами. Раздались вѣжные серебрястые звуки и помесаясь далеко по окрестности. Это была такая лѣсшъ радости и веселья что ни едно живое существо не могло удержаться чтобы не послѣшить посаушать чудеснаго лѣвца. Перелпрыгивая съ дерева на дерево, бѣака снѣжила къ мѣсту откуда раздавалась лѣсшъ; горностай, лѣси и рыса бѣжали туда же; прослуся въ болотѣ волкъ, подвляса съ песчанаго бора медвѣдь и вскарабкаса на самую верхушку ели чтобы не пропуститъ ни одного звука изъ этой чудной лѣсиш. Самъ Талло, покровитель лѣсовъ, въ сопровожденіи остальныхъ лѣсовиковъ, взобрася на гору слушать эту вѣжную музыку, а покровительница лѣса, разодѣтая въ савіе чулки и перевязанные красными шнурками башмаки, задумчиво облокотилась о березу. Быстро разсѣкая воздухъ крыльями летѣла со всѣхъ сторонъ птицы. Услышавъ эти звуки ореазъ и полетѣлъ въ ту сторону, оставивъ въ тѣнѣ дѣ своихъ птенцовъ. Стрѣлою провесся изъ-за облаковъ ястребъ. Лебеди и утки подвляса со своихъ мѣстъ и подлетѣли къ мѣсту откуда раздавались чудесные звуки; заблукки, жаворонки, чижики и всѣ остальные лѣвцы лѣсовъ радостно защебетали и залѣли около Вейнемейнема, а нѣкоторые изъ нихъ усѣлись даже на плечи вѣжнаго лѣвца. Даже Луомметареть, дѣвмъ воздуха, сидя на краю радуги засаушавъсь

этихъ дивныхъ лѣсенъ. Куутаръ, дочь мѣсяца, и Пейветеръ, дочь солнца, сидѣли на краю облака и ткали золотыя и серебряныя пряжи, но какъ только услышали чудесный звонъ кантеле Вейнемейнена, то заслушавшись вырвали изъ рукъ челноки. Къ берегу подплывали тюлени, щуки, лещи, сига и другія рыбы чтобы послушать чудесную лѣсню. Показался на поверхности воды Ахто, царь морской, съ бородой изъ тростника, и заслушавшись этихъ звуковъ проговорилъ: никогда не приходилось мнѣ слышать подобныхъ рунъ какія теперь поетъ Вейнемейненъ. Русалки, которыя до той поры расчесывали свои прекрасныя волосы, заслышавъ эти чудные звуки въ изумленіи вырвали изъ рукъ свои гребни и стали подплывать ближе къ берегу. Даже мать воды, показавшись нѣсколько разъ надъ волнами, наконецъ облокотилась на выступающую изъ воды скалу и заслушавшись этихъ звуковъ позабылась. Такъ два дня игралъ Вейнемейненъ, причемъ не только дѣвочки, юности, дѣти и женщины были до глубины души тронуты этими лѣсками и плакали отъ удивленія, но даже старцы, мужи и храбрые витязи не могли удержаться отъ слезъ. Обильныя слезы текли также изъ глазъ Вейнемейнена, скатываясь крупными, тяжелыми каплями об щеку на его густую бороду, съ бороды на широкую грудь, съ груди на могучія колѣни, а съ колѣнъ на стулѣю, откуда потомъ покатались къ берегу, гдѣ и канули на дно морское.

— Не найдется ли между вами кого-нибудь кто бы со дня морскаго добылъ мои слезы? спросилъ Вейнемейненъ окружающихъ его.

„Отвѣчаютъ ему всѣ въ одинъ голосъ:

„Нѣтъ, между нами никто не сумѣетъ изъ моря добыть твоихъ слезъ.

„Тому кто добудетъ ихъ, я подарю шелковую одежду, сказалъ Вейнемейненъ.

„Услышавъ это обѣщаніе, каркая полетѣвъ къ морю воронъ, но однако воротилась безъ слезъ. Услышала это обѣщаніе синекрылая утка и, нырнувъ на дно морское, собрала слезы Вейнемейнена и положила къ нему на колѣни. Но при этомъ оказалось что слезы эти чудеснымъ образомъ уже были превращены въ прекрасныя жемчужины.“

Финскій эпосъ не знаетъ ничего про смерть Вейнемейнена. Вѣковѣчный лѣснолѣвецъ только покинулъ Финляндію, оставивъ въ ней свои дивныя гусли и чудесныя лѣски на вѣчную радость своему народу. Причина по которо-

Вейнемейнемъ покинулъ свой край заключается въ томъ что онъ устыдился словъ страшнаго двухдѣльнаго мааютки котораго онъ досовѣтовалъ убить и который внезапно заговорилъ:

„О ты жалкій старичекъ, о ты сонный гаупецъ, поставивъ ты теперь несправедливое и гаупое рѣшенье! За грѣхи гораздо большіе не подвергали тебя подобному наказанію! Не убивая тебя на болотѣ за то что ты, ради спасенія своей жизни, пожертвовалъ сыномъ своей матери. Не лишилъ тебя жизни и за то что ты, когда былъ моложе, доводилъ молодыхъ дѣвушекъ до того что онѣ бросались въ море и гибли въ морской пучинѣ.“

Этотъ послѣдній упрекъ очень характеристиченъ. Онъ указываетъ, вопервыхъ, на молодость Вейнемейнема, про которую ничего не знаютъ лежація предъ нами лѣсныя *Каллавы*, а во вторыхъ, на чарующую силу Вейнемейнема по отношенію къ женщинамъ. Про это обстоятельство также не упоминается въ лѣсахъ переведенныхъ г. Грамстромомъ. Остается предполагать, за отсутствіемъ болѣе точныхъ указаній, что лѣсныя относящіяся къ молодости Вейнемейнема утрачены или позабыты. Какъ мы говорили уже выше, Вейнемейнемъ изображается въ *Калламахъ* не иначе какъ старымъ. Онъ нѣсколько разъ желаетъ найти себѣ подругу жизни, но постоянно терпитъ неудачу и горько сожалеетъ что не подумалъ жениться въ болѣе молодыхъ годахъ. Всѣдствие этого Вейнемейнемъ даетъ сѣдующимъ поколѣніямъ совѣтъ, ни когда въ позднихъ годахъ не свататься къ молодымъ дѣвушкамъ, и въ особенности еще тогда, когда за вами ухаживаетъ молодой солдрикъ. Устыдившись словъ чуднаго мальчика, котораго при крещеніи называютъ королемъ Карелии, Вейнемейнемъ идетъ къ морскому берегу и въ послѣдній разъ залѣзаетъ тамъ могучую руку, при помощи которой является мѣдная ладья. Онъ вступаетъ въ нее и произноситъ прощальныя слова:

„Дни насталутъ, дни пройдутъ; наступитъ еще время когда съ сожалѣніемъ вспомнятъ обо мнѣ и будутъ ждать меня чтобъ я опять добылъ новое Сампо и сдѣлалъ другое кателе, а когда не будетъ ни яркаго свѣта солнца, ни яснаго блеска мѣсяца и когда вмѣстѣ съ вами счастье и радость исчезнутъ съ лица земли, то пожелають чтобъ я опять явился и освободилъ золотое солнце и ясный мѣсяцъ“. Ладья увозитъ Вейнемейнема на край свѣта, туда гдѣ небо съ землею сходится.

Пископъвецъ Вейнемейненъ занимаетъ наиболѣе широкое и видное мѣсто въ лѣсныхъ *Калевалахъ*. Второе мѣсто въ лѣсныхъ занимаетъ братъ его, кузнецъ Ильмариненъ. Это удивительный кузнецъ, который изъ ничего ковалъ небесный сводъ, который изъ комочка лебединого пера, капли молока пчельной коровы, зародыша хлѣбнаго зерна и одной перстивки овцы выковываетъ при помощи вѣтровъ, раздувающихъ ему мѣхи, удивительный Самло. Вотъ описаніе этого необыкновеннаго предмета который весьма трудно представить себѣ въ образной формѣ:

„Три дня неутомимо работалъ вѣтромъ. По простотѣ этихъ дней Ильмариненъ заглянулъ въ горнило и къ своей великой радости увидѣлъ что Самло сталъ образовываться; не теряя времени, онъ схватилъ молотъ и приступилъ къ работѣ. На трехъ различныхъ сторонахъ Самло онъ искусно выковалъ три мельницы: соляную, мукомольную и демежную, причемъ, сверхъ того, устроилъ искусно и вычурно единакую крышку. Только что Ильмариненъ кончилъ работу, какъ крышка уже завертѣлась и Самло начало молотъ. Оно съ одного разу смѣло одѣвъ ларь для дневнаго употребленія, второй для продажи, а третій для запаса“.

Старая вѣдьма Лоухи, для которой выкованъ Самло, прачетъ его въ середину громадной скалы за девятью замками и засовами, прикрѣпивъ предварительно корни (P) его на кубинѣхъ девяти саженьхъ подъ землей. Одинъ корень прикрѣпленъ къ землѣ, другой къ водопаду, третій къ горѣ. Когда мудрый Вейнемейненъ рѣшается похитить Самло, онъ впрягаетъ въ плугъ огромнаго быка, у котораго рожъ въ сажень длинны, а морда имѣетъ полторы сажени ширины. Корни Самло выкалываются посредствомъ плуга и Самло колеблется въ горѣ, а „пестра“ крышка его наклоняется. Вейнемейненъ и Ильмариненъ подходятъ къ Самло, берутъ его, укладываютъ въ лодку и отправляются отвезти его по морю на островъ покрытый густыми туманами, на которомъ растутъ еще дѣвственныя лѣса, на которомъ не бывала нога человѣческая и не звучали мечи. Вѣдьма Лоухи обращается съ мольбой къ дочери тумана и та окружаетъ ладью Вейнемейнена непроглядною мглою. По просьбѣ Лоухи изъ моря поднимается чудовище Ико-Турси чтобы затолпить ладью, а всемогущій Укко посылаетъ на море бурю. Наконецъ сама Лоухи пускается преслѣдовать похитителей. Она обираетъ своихъ подданныхъ, обитателей „мрачной Пойсоы“,

вооружаетъ ихъ, усаживаетъ на корабль и мчится долго-мать Вейлемейнена и его спутникъ камъ. Старый цѣловникъ-ецъ припоминаетъ одно заклинаніе. Онъ вынимаетъ изъ кармана кремль и небольшой кусокъ твута, бросаетъ ихъ черезъ лѣвое плечо въ море и говоритъ: будь скалой и подводнымъ камнемъ о который пусть разобьется въ куски корабль Лоухи. Корабль разбивается. Тогда Лоухи обертывается громаднымъ ораомъ. вмѣсто когтей она беретъ себѣ пять старыхъ косъ, вмѣсто туловища—половину сломаннаго корабля, вмѣсто крыльевъ—боковыя части судна, вмѣсто хвоста—руль. На каждое крыло сажаетъ она по сотнѣ воиновъ, а на хвостъ цѣлую тысячу. Побѣда остается за Вейлемейненомъ и его спутниками, но вѣдьма все-таки успѣваетъ отскочить Самло въ море, гдѣ онъ и распадается на множество кусковъ. Тѣ куски которые были покрутивше, тотчасъ же пришли ко дву и сдѣлались сокровищами владыки моря и его подданныхъ. Съ тѣхъ поръ и обладаетъ море тѣмъ неистощимымъ богатствомъ которое остается его неотъемлемою собственностію, пока будетъ свѣтитися на землѣ яркое солнце. Другіе куски повесао вѣтромъ и волнами къ берегамъ *Калевалы*. Несказанно обрадовалася этому Вейлемейненъ и громко произнесъ:

— *Куски* эти носятъ въ себѣ зародышъ необыкновеннаго счастья; будетъ съ этихъ поръ у насъ умноженіе стада, урожаи и богатая жатва и засіяетъ навсегда солнце счастья надъ прекрасною Фимладіей.

Ильмариненъ такой необыкновенный кузнецъ что даже выковываетъ себѣ жену изъ золота и серебра. Она однако недовадетъ ему, ибо не можетъ сгибать ни рукъ, ни ногъ, не слышитъ и не говоритъ. Ильмариненъ даритъ ее Вейлемейнену, но тотъ ослѣдуетъ бросить ее обратно въ огонь и выковать изъ нея полезныя вещи, или же отвезти ее въ Русь или Германію, гдѣ она будетъ подругой богатымъ и знатымъ. По этому поводу Вейлемейненъ обращается съ поученіемъ къ молодому поколѣнію:

— Не выбирайте себѣ подруги изъ золота и серебра, выходящія суетоляіе, и вы, бѣдные! Холодомъ вѣетъ отъ краснаго золота и морозомъ обдаетъ чистое серебро.

Третье выдающееся лицо *Калевалы*, это „веселый“ Лейпикайненъ который славится красотой, веселымъ нравомъ, непостоянствомъ и чрезмѣрною любовью къ приключеніямъ. Эпизодическими лицами выступаютъ „страшокъ“ Юкарейненъ

и силачъ Буллера, трагически кончающій свою жизнь въ молодомъ возрастѣ. Изъ жемчужныхъ фигуръ стоятъ на первомъ планѣ: старая вѣдьма Лоуха, грустная молодая Айдо которая не хочетъ выходить замужъ за стараго Нейнемейлена и погружается въ воды моря, мать Леймикайнена и жена его Кинакки. Что касается существъ собственно мифологическихъ, высшихъ силъ, добрыхъ и злыхъ, то онѣ не выступаютъ въ *Калевалѣ* въ какихъ-либо олицетвореніяхъ. Присутствіе ихъ на каждомъ шагѣ чувствуется въ лѣсахъ финскаго эпоса, но оно сказывается лишь постоянными просьбами и обращеніями къ „отцу небесному“ Юмаа, къ „всемогущему“ Укко, къ „морскому царю“ Ахто, къ „богу смерти“ Туони, къ „злому духу“ Хивии, къ „доброй“ Миеакки и т. д. Всѣ эти существа не обрисовываются и не описываются ближе; вѣшній видъ ихъ остается неопредѣленнымъ. За то часто упоминаются и описываются чудовищныя животныя. Пѣсни *Калевалы* знаютъ про щуку „насть которой равняется тремъ водопадамъ, языкъ—двумъ толорощамъ, каждый зубъ—рукояткѣ граба, слона—семи лодкамъ.“ Онѣ знаютъ про ерпа у котораго клювъ во сто сажень, языкъ равняется шести копытамъ, а когти—пять косамъ. Когда нужно праздновать свадьбу, то изъ Карелии приводятъ быка у котораго рога вышиной во сто сажень; ласточки повадобилась бы дѣлать дель чтобы перелетѣть съ одного рога на другой, а быкъ пришлось бы употребить мѣсяцъ чтобы перебѣжать отъ одного конца хвоста до другаго. Быка этого вида изъ Карелии тысяча человекъ; по всей Финляндіи, Россіи и Шведціи нельзя найти человека который могъ бы убить этого быка; наконецъ рѣшаются искать въ морѣ, и отсюда выйдеть „черный человекъ“ ростомъ въ большой палецъ. Руки у него желѣзныя, на головѣ каменный шлемъ, на ногахъ каменные башмаки, а въ рукахъ золотой ножъ съ мѣднымъ черенкомъ. Черный человекъ съ одного удара убиваетъ чудовищнаго быка. Рядомъ съ обращеніями къ существамъ представляющимся какъ олицетворенія стихійныхъ силъ природы, встрѣчаются намеки на христіанство: Айдо снимаетъ съ шеи крестъ, дѣвшаго мальчика, сына дѣвушки Мариатты, родившагося носомъ того какъ Мариатта проглотила ягоду похожую на бруснику, ягоду, которая сама тихо пробралась къ ней въ ротъ, мальчика этого крестатъ. Съ другой стороны, лѣсная озаглавленная „Сотвореніе міра“ знаетъ только про одну „мать воды Илматаръ“ и ничего не упоминаетъ объ остальныхъ

представителяхъ финской мифологіи; остается неизвѣстнымъ какъ и когда онъ появился. Очевидно что въ лѣсахъ *Калевалы* есть цѣлый рядъ наслоеній мифологическихъ, историческихъ, бытовыхъ. Интересно объясненіе происхожденія болѣзней. Дочь бога смерти Туова, безобразная, сѣлая и отратительная, тайно, при помощи злой вѣдьмы Лоухи, родитъ девятерыхъ сыновей, изъ которыхъ каждый морить людей недугами: первый—колотьемъ, второй—козломъ,—третья локотомъ въ костяхъ, четвертый—чахоткою и т. д. Девятый сынъ распространяетъ зависть. Чтобы избавить свой народъ отъ посланныхъ на него болѣзней, мудрый Вейемейненъ молитъ Юмаау „привести ему огненный мѣчъ“ которымъ бы онъ могъ „прогнать болѣзни на дорогу проложенную бурей“. Обращаясь къ „повелителю болѣзней“, Вейемейненъ говоритъ еще — Собери ты всѣ страданія отсюда и перенеси ихъ на скалы и камни которые не будутъ чувствовать отъ нихъ никакой боли, или же брось ихъ просто на дно морское, гдѣ не носится вѣтеръ и не свѣтитъ золотое солнце. Собери ты всѣ болѣзни въ золотой ларецъ и сvari ты ихъ на горѣ Кивуари, посреди которой есть расщелина. Туда-то ты и брось всѣ недуги чтобы они не могли болѣе вредить намъ.

Закончимъ наше благое ознакомленіе съ финскимъ эпосомъ любопытными разказами о происхожденіи змѣи и медвѣди. Мы видѣли уже какую мощь имѣетъ вѣщее слово въ представленіяхъ народа сложившаго *Калевалу*. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ заклинаній служить объясненіе извѣстному чудовищу его происхожденія. Когда Вейемейнену нужно пройтись мимо стогозлой змѣи имѣющей тысячу языковъ дайвою въ кольцо, онъ обращается къ ней со слѣдующею рѣчью:

— Если ты не захочешь дать мнѣ дороги, то я разкажу о твоёмъ происхожденіи, послѣ чего ты согласишься и согласишься отъ внутренней боли. Знаю я откуда произошла ты: васъ породило морское чудовище Систеръ. Оно лежало въ морѣ и долго слыла эта женщина по волнамъ, вытягивалась все болѣе и болѣе въ длину, пока наконецъ, согрѣтая солнечными лучами, не была выкинута волнами на берегъ. Въ это время вдоль берега проходила три дѣвы, которыя, увидавъ эту женщину, проговорили: „чтобы изъ этой женщины вышло еслибы Творецъ одарилъ ее глазами и жизнью?“ Услышавъ эти слова, всемогущій Укко произнесъ: „изъ дурного можетъ выйти только дурное, изъ глупаго—только глупое.“ Случилось что злой духъ Хива услышалъ эти слова и тутъ

же рѣшилъ самъ создать чудовище изъ этой слякы. Жизнь оно получило отъ угла ядскаго пламени, сердце отъ самой Сіетеръ, мозгъ образовался изъ лѣвны быстрины, суставы отъ рыбы огненнаго водопада, а голова отъ бобоваго зерна. Глаза образовались изъ льва, уши изъ листьевъ березы Хіузи, пасть—изъ пражки дочери Сіетеръ, языкъ—изъ боеваго кольца лѣшаго, зубы—изъ остей колоса Туови, десны—изъ десенъ дочери бога смерти. Наконецъ спина сложилась изъ пшста, а хвостъ выточень изъ косъ Хіузи; кашки изъ пояса смерти. Вотъ откуда происходишь ты, черная тварь вышедшая изъ земли. Дай же мнѣ дорогу.

Вейнемейненъ убиваетъ медвѣдя. На вопросъ о происхожденіи медвѣдя Вейнемейненъ заливаетъ руну:

— Одажды вдоль края облака гуляла ода изъ дѣвъ воздуха, держа въ рукахъ корзину съ шерстью. Нечаянно она уронила эту шерсть въ море; вѣтромъ и волнами прибило ее къ берегу, покрытому роскошною зеленью и благоухающимъ лѣсомъ. Увидала эту шерсть Миеликки, покровительница лѣса; подняла она ее, сплела, затѣмъ положила въ кленовую люльку которую повѣсила на самой густой вѣтви цвѣтущаго дерева. Тутъ-то въ лѣсу богатомъ медомъ она качала и воспитывала своего любимца который быстро развился. Кривыя ноги, тулая и круглая морда, широкій лобъ и красивая взъерошенная шерсть придавали ему величавый и статный видъ. Недоставало только зубовъ и когтей.

— Дала бы я ему зубы и когти, есабы только знала что онъ ими не будетъ навосить никому вреда, проговорила Миеликки глядя на своего любимца.

При этихъ словахъ медвѣдь далъ клятвенное обѣщаніе не вредить никому, послѣ чего Миеликки пошла искать по лѣсу зубовъ и когтей для своего питомца. Искала она ихъ около твердаго можжевельника, около крѣпкой рабины и около сухихъ и смолистыхъ стволовъ, но напрасно: не нашла она между ними ни зубовъ, ни когтей. Увидѣла она роскошную сосну, на которой блестяла серебряная вѣтвь. Сала она ее съ дерева и сдѣлала изъ нея когти и зубы своему любимцу. и потомъ послала его бродить по болотамъ и лѣсамъ. При этомъ наказала она ему благонаравно и скромно вести себя, а затѣмъ, когда наступитъ зима, устроить себѣ жилище у корни какого-нибудь дерева и укрыться въ немъ отъ холода и вьюги.

Вслѣдствіе того что медвѣдь есть „любимецъ“ покровительницы лѣса, Вейвмейнень старается „смягчить гавъ“ убитаго звѣря. Онъ обращается къ нему „съ ласковою рѣчью“:

— Не гавись на меня, звѣрь лѣсной! Вѣдь же я убилъ тебя. Самъ же ты свалился съ высокаго дерева и разорвалъ свою грудь объ острые сучья его. Пойдемъ же, гордость лѣса, съ нами въ мой домъ и оставь теперь свое тѣсное жилище.

Когда медвѣдь съѣденъ за веселымъ ларомъ, Вейвмейнень беретъ голову звѣря, выходитъ изъ избы и насаживаетъ голову на самую верхушку красивой сосны:

— Хорошо тебѣ будетъ здѣсь и пріятно проведешь ты тутъ время подъ звуки колокольчиковъ ласущагося здѣсь стада. *

Переводъ г. Гранстрема читается съ большимъ интересомъ и нужно пожелать чтобы ни одинъ образованный русскій чело-вѣкъ не олустилъ случая ознакомиться съ этимъ любопытнымъ и единственнымъ древнимъ ламатацкомъ Финскаго народа давно уже ставшаго намъ близкимъ. Замѣчательное изящество и опрятность изданія, въ которомъ мы нашли только одну опечатку, въ связи съ доступностью цѣны также облегчатъ, по всей вѣроятности, успѣхъ книги среди лубяки. Г. Гранстремъ хорошо сдѣлаетъ прибавивъ ко второму изданію вступительный этюдъ поясняющій мифическую и историко-бытовую сторону Калевалы. Было бы весьма интересно записать музыкальные налѣвы на которые до настоящаго времени поются ея лѣсн и присоединить эти налѣвы къ изданію самаго текста.

* Интересно сравнить съ этимъ разказомъ *финскаго* эпоса существующіе въ настоящее время обычаи *Айносовъ*, живущихъ въ сѣверныхъ областяхъ Японіи. Айносы питаютъ какъ бы религиозное уваженіе къ медвѣдю. Маленькихъ медвѣжатъ, пойманыхъ весной, держать въ кѣткахъ и *женщины кормятъ ихъ грудью*. Осенью справляется „правдикъ медвѣда“, на который собирается множество народа. Всѣ собравшіеся веселятся и пляшутъ. Медвѣда подрамливаютъ въ его кѣткѣ; глава племени ранитъ его стрѣлой; потомъ кѣтку открываютъ и всѣ присутствующіе мушкетеры вступаютъ въ бой съ разъяреннымъ животнымъ, которое быстро падаетъ подъ наносимыми ему ударами. Когда медвѣдь убитъ, ему отрубаютъ голову и кладутъ предъ нимъ все оружіе которымъ противъ него сражались, приглашая медвѣда „отомстить“. Затѣмъ голова втыкается на колы, а мясо съѣдается за пиршествомъ. Женщина выкормившая медвѣда должна плакать и причитать; кромѣ того она ударяетъ розгой каждаго кто ранилъ медвѣда.

III.

Материалы и документы для русской литературы и истории.

Въ январьской книжкѣ (№ 1) журнала *Полярная Звезда*, издаваемого въ Петербургѣ графомъ Салиасомъ Турнемиротъ, помѣщено неизданное стихотвореніе Пушкина. Вотъ это стихотвореніе.

ИСПОВѢДЬ БѢДНАГО СТИХОТВОРЦА.

СВЯЩЕННИКЪ.

Кто ты мой сынъ?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Отецъ, я бѣдный одноклассникъ;
Сперва подъячій былъ, а нынѣ стихотворецъ...
Довольно въ цѣлый годъ бумага исчертала.
Пришелъ покаяться—я много согрѣшилъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Готовъ ли отвѣчать на все мнѣ откровенно?
Намѣрекъ ли себя исправить непременно?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Отецъ, я духомъ слабъ. Не смѣю слова дать.

СВЯЩЕННИКЪ.

Стараясь ль заповѣдь ты строго соблюдать
И кромѣ Вышняго же знать иного Бога?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Ахъ, съ этой стороны я грѣшнѣе очень много.
Мнѣ богомъ было—Я, любви предметомъ—Я,
Въ Я заключался и братья и друзья.
Лихъ Я былъ мой и царь, и демонъ обладатель;
А чтó всего тошнѣй... лишь Я былъ мой читатель.

СВЯЩЕННИКЪ.

Вторую заповѣдь исполнилъ ли, мой сынъ?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Кумировъ у меня бывало—не одинъ.
Любилъ я золото и знатнымъ поклонялся,
Во всякой пѣсенкѣ я дѣвами лѣнялся,
Которыхъ и въ глаза, отецъ мой, не видалъ
Но тѣмъ же мнѣе безбожно обожалъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

А има Божіе?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Когда не доставало

Иль рюемы, иль стопы, то признаюсь, бывало
И има Божіе вклею въ упрямый стихъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

А часто ль?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Да во всѣхъ елегіяхъ моихъ;

Тамъ можешь, батюшка, прочесть на каждой строчкѣ:
„Увы“ и „се“! И „Ахъ, мой Богъ!“ тире, да точку...

СВЯЩЕННИКЪ.

Не хорошо, мой сынокъ... А чтишь ли ты родныхъ?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Не много. Да къ тому жь не знаю вовсе ихъ...
За то своихъ я чадъ люблю и чту душою.

СВЯЩЕННИКЪ.

Какъ время проводилъ?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Я лѣтомъ и зимою

Пять дней пишу—печатаю въ шестой,
Чтобъ съ горемъ пополамъ насытиться въ седьмой;
А въ церковь некогда! Въ передней Глазунова
Я по три жду часа съ лакеями Хвостова.

СВЯЩЕННИКЪ.

Убийцей не былъ ли?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Ахъ этому грѣху

Отецъ, причастенъ я, покаюсь на духу.
Пріятель мой одинъ лежалъ при смерти боленъ.
Я навѣстилъ его. Омъ очемъ былъ доволенъ.
Желаю бѣдному страдалицу угодить,
Я оду сталъ ему торжественно твердить
И чтѣ же? Бѣднымъ другъ! Омъ со стрфы начальной
Поморщилася, вдохнулъ и умеръ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Не похваляю.

Но вотъ ужъ грѣхъ прямой, да ты жь прелюбодѣй,
Твои стихи...

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Всѣ агутъ! А на душѣ моей,

Ей Богу, я грѣха такого не имѣю.
По модѣ лшвій грѣхъ взваивалъ себя на мою,
А вправду вымолвить,—я сущій Эпиктетъ—
Водой не замутишь, предобренькій поэтъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Да, агать не хорошо. Скажи мнѣ, Бога ради,
Соблюда ты заповѣдь хоть эту: „не укради“!

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Ахъ грѣшенъ, мой отецъ. Я краду завсегда,
Къ тому приучены поеты-господа:
Словцо изъ Коцебу, стихъ цѣлый изъ Вольтера,
А мысль у Байрона, а шутку изъ Мольера.
Да какъ же безъ того бѣднѣе и писать?
Коль мало своего, такъ надо признаться.

СВЯЩЕННИКЪ.

Не хорошо, мой сынъ, на счетъ чужой живиться!
Совѣтую тебѣ скорѣе отучиться
Отъ этого грѣха. На друга своего
Не доносишь ли ты и ложнаго чего?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Лукавый соблазнилъ. Я малый не богатый,
За деньги написалъ посланье длинновато
И Мецената въ мѣхъ усердно утѣшалъ:
Онъ, батюшка, жему недавно потерялъ.
Я публицѣ донесъ что бѣдный горько тужить—
А онъ отъ радости молебны Богу служить.

СВЯЩЕННИКЪ.

Впередъ не затѣвай, мой сынъ, такихъ проказъ.
Завидовалъ ли ты?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Завидовалъ не разъ,

Грѣха не утаю, богатому сосѣду:
Хоть не осуду его, не вкусно обѣду;
Хоть не воду, а рыжей четверня,
Которыхъ не пить мнѣ даже и во сна.
Завидовалъ купцу и сытому монаху,
Глупцу заснувшему безъ мысли и безъ страху
И, словомъ, всякому кто только не поэтъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Худаго за собой не знаешь больше?

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Нѣтъ!

Во всемъ покаялся; грѣха не вспомню болѣ...
Я вѣчно трезво жилъ, постился померомъ...
Усладу ближнему частенько доставлялъ,
Стихомъ единственнымъ мгновенно усыпалъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Послушай же теперь полезнаго совѣта:
Будь добрый человекъ изъ грѣшнаго поэта.

Во второй книжкѣ *Русскаго Архива* за 1881 годъ помѣщено нѣсколько писемъ Пушкина къ Натальѣ Ивановнѣ и Анастасію Николаевичу Говчаровымъ. Наталья Ивановна была мать, Анастасій Ивановичъ былъ дѣдъ жены Пушкина. Письма эти напечатаны съ подлинниковъ полученныхъ отъ О. К. Говчаровой чрезъ посредство С. С. Ершова. Они рисуютъ намъ Пушкина—женуха и всѣ относятся къ эпохѣ его сватовства. Вотъ *первое письмо* Пушкина къ будущей его тещѣ, письмо написанное послѣ того какъ графъ Ф. И. Толстой, известный подъ именемъ *Американца*, ѣздилъ по просьбѣ Пушкина сватать за него Наталью Николаевну. Оригиналъ на французскомъ языкѣ; мы переводимъ его на русскій.

„На колѣнахъ и со слезами благодарности долженъ былъ бы я писать вамъ теперь что графъ Толстой привезъ мнѣ вашъ отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ не есть отказъ: вы позволяете мнѣ надѣяться. Не обвиняйте меня въ неблагодарности если я еще ролю, если печаль и горечь примѣшиваются къ чувству счастья. Я понимаю осторожность и вѣжливость матери. Простите нетерпѣвную больнаго и *опьяненного* * счастьемъ сердца. Я сейчасъ уѣзжаю ** и уношу въ глубинѣ моей души образъ небеснаго существа которое вамъ обязано жизнью. Если вы имѣете дать мнѣ какія-нибудь приказанія, то благоволите сообщить ихъ графу Толстому который передастъ ихъ мнѣ. Благоволите, милостивая государыня, принять давь глубокаго моего уваженія. Пушкинъ. 1 мая 1829.“

Второе письмо писано въ 1830 году, безъ обозначенія числа, и непосредственно примыкаетъ по своему содержанію къ первому. Пушкинъ описываетъ что испыталъ онъ съ той минуты когда ему „позволили надѣяться“ до того мгновенія когда наконецъ онъ услышалъ отъ Натальи Ивановны *quelques paroles gracieuses*. Эти *paroles gracieuses* должны были бы, пасть онъ, исполнить его радостію. Но онъ чувствуетъ себя болѣе несчастнымъ чѣмъ когда-либо и объясняетъ причины. Письмо также на французскомъ языкѣ.

„Теперь, когда вы позволили мнѣ писать вамъ, я такъ же взволнованъ прививаясь за перо какъ еслибы я находился въ вашемъ присутствіи. Я такъ много имѣю сказать вамъ!

* Въ подлинникѣ слово пропущено.

** Письмо писано предъ самымъ отъѣздомъ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году.

Но чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ печальнѣе и умы-
лѣе мысли приходящія мнѣ на умъ. Я откровенно и безо
всякаго порядка издожу вамъ эти мысли, умоляя васъ быть
терпѣливомъ и, что главное,—снисходительномъ.

„Когда я увидалъ ее въ первый разъ, красота ея едва только
начала быть замѣчаема въ свѣтѣ. Я полюбилъ ее, голова моя
закружилась, я попросилъ ея руки. Вамъ отвѣтъ, какъ ни
былъ онъ неопредѣленъ, свелъ меня съ ума отъ восторга; а
въ ту же ночь уѣхалъ въ армию. Если вы спросите зачѣмъ
я туда ѣхалъ, клянусь вамъ что я этого не знаю. Какой-то
невольный, неопредѣленный страхъ (*une angoisse involontaire*)
гналъ меня изъ Москвы; я не въ состоянни былъ бы выдер-
жать ни вашего, ни ея присутствія. Я вамъ писалъ; я
надѣялся на отвѣтъ, я ожидалъ его; отвѣта не было. Замуж-
дствія (*les torts*) первой моей юности представлялись моему
воображенію. Они были уже сапшкомъ велики сами по себѣ
(*ils n'ont été que trop violents*), а клевета еще болѣе отягчала
ихъ. По несчастію мова о нихъ провѣкла всюду. Вы могли
ей повѣрить; я не смѣю на это жаловаться, но я былъ въ
отчаяннн.

„Сколько мученій ожидало меня по возвращенію! Вы мол-
чали, вы были холодны; ея приемъ скользнулъ по мнѣ съ та-
кою невнимательностію! У меня недоставало смѣлости объ-
ясниться. Я поѣхалъ въ Петербургъ, унося въ душѣ смерть.
Я чувствовалъ что сыгралъ очень смѣшную роль. Я въ пер-
вый разъ въ жизни былъ робокъ, а между тѣмъ не робость
можетъ нравиться въ человѣкѣ моихъ лѣтъ молодой дѣвушкѣ
въ возрастѣ вашей дочери. Одинъ изъ моихъ друзей ѣдетъ
въ Москву. Онъ привозитъ мнѣ оттуда благосклонное слово
возвращающее мнѣ жизнь. Теперь я получилъ отъ васъ нѣ-
сколько привѣтливыхъ словъ, которыя должны были испол-
нить меня радостью,—а я болѣе несчастенъ чѣмъ когда-либо.
Постараюсь объяснитьсь.

„Привычка, продолжительное и близкое знакомство одни
только могли бы помочь мнѣ свискать благосклонность ва-
шей дочери. Я могу надѣяться что съ теченіемъ времени
мнѣ удастся свискать ея привязанность, но во мнѣ нѣтъ
ничего что могло бы ей нравиться. Если она согласится
отдать мнѣ свою руку, то я буду видѣть въ этомъ лишь
доказательство спокойнаго безразачія ея сердца. Продол-
жится ли у нея это спокойствіе, когда она будетъ окружена

обожаемъ, покловеніемъ, обольщеніями? Ей будутъ говорить что лишь одна несчастная случайность (*un malheur en sort*) помѣшала ей заключить другой союзъ, болѣе равный, болѣе блестящій, болѣе достойный ея. Быть-можетъ такія рѣчи будутъ и искренни; но она навѣрное будетъ считать ихъ искренними. Не появится ли въ ней сожалѣніе? Не станетъ ли она смотрѣть на меня какъ на прелестствіе, какъ на человѣка лохитившаго ее обманомъ? Не почувствуетъ ли она ко мнѣ отвращенія? Богъ свидѣтель что я готовъ умереть за нее. Но быть вынужденнымъ умереть для того чтобъ оставить ее блестящею вдовой которая свободна завтра выбрать себѣ новаго мужа, мысль эта—цѣлый адъ.

„Ставемъ говорить о средствахъ (*fortune*). Я мало придаю имъ значенія. Мои средства были для меня достаточны до настоящаго времени. Достанетъ ли ихъ когда я буду женатъ? Я не потерплю ни за что на свѣтѣ чтобы моя жена знала лишенія, чтобъ она не была тамъ гдѣ она призвана бластать, веселиться. Она въ правѣ этого требовать. Чтобъ удовлетворить ее, я готовъ пожертвовать ей всеми кусами, всеми страстями моей жизни, моимъ совершенно свободнымъ и прихотливымъ существованіемъ. Не станетъ ли она, однако, роптать если ея положеніе въ свѣтѣ не будетъ такъ блестятельно какъ она того заслуживаетъ и какъ я того желаю бы?“

„Такова часть моихъ волненій и страховъ. Я дрожу при мысли чтобы вы не нашли ихъ слишкомъ справедливыми. Есть еще обстоятельство которое я не могу рѣшиться до-вѣрить бумагѣ.... Благоволите принять, милостивая государыня, дань полной моей преданности и высокаго уваженія.
А. Пушкинъ.“

Для поясненія этого письма интересна сообщаемая издательемъ *Русскаго Архива* выдержка изъ записаннаго имъ въ 1864 году разказа Сергѣя Николаевича Гончарова:

„Пушкинъ, влюбившись въ Гончарову, просилъ Американца графа Толстаго, стариннаго знакомаго Гончаровыхъ, чтобъ онъ къ нимъ съѣзжалъ и испросилъ позволеніе привезти Пушкина. На первыхъ порахъ Пушкинъ былъ очень застѣчивъ, тѣмъ болѣе что вся семья обращала на него большое вниманіе. Наталья Николаевна была младшая дочь. Пушкину позволили ѣздить. Онъ безпрестанно бывалъ. А. П. Малиновская (супруга извѣстнаго археолога) по его просьбѣ

уговаривала въ его пользу; но съ Натальей Ивановною (матерью) у нихъ бывали частыя размовки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявленіяхъ благочестія и объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ; а у Натальи Ивановны была особая молебелья со множествомъ образовъ, и про покойнаго государя она выражалась не иначе какъ съ благоговѣніемъ. Пушкину напрямикъ не отказали; но отозвались что надо подождать и посмотреть, что дочь еще слишкомъ молода и проч. С. Н. Гончаровъ помнитъ хорошо прїездъ Пушкина съ Кавказа. Было утро; мать еще спала, а дѣти сидѣли въ столовой за чаемъ. Вдругъ стукъ на крыльцѣ, и вслѣдъ затѣмъ въ самую столовую влетаетъ изъ прихожей калоша. Это Пушкинъ, торопливо раздѣвавшійся. Войдя онъ тотчасъ спрашиваетъ про Наталью Николаевну. За ней пошла, но она не смѣла выйти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща привала Пушкина въ постели.

Вотъ письмо Пушкина къ дѣдушкѣ его мевъоты, А. Н. Гончарову:

„Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

„Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ вамъ какъ главѣ семейства, которому отнынѣ принадлежу. Благослови въ Наталію Николаевну, благословили вы и меня. Вамъ обязанъ я больше нежели жизнию. Счастіе вашей внучки будетъ священная, единственная моя цѣль и все чѣмъ могу воздать вамъ за ваше благодѣяніе.

„Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

„Александръ Пушкинъ.“

3 мая 1830, Москва.

Весьма интересно другое письмо Пушкина къ тому же лицу:

„Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ!

„Изъ письма, которое удостоился я получить, съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я что вы предполагали во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по вашему дѣлу единственно потому что опасался получить отказъ не въ пору приступая съ просьбой къ Государю или министрамъ. Сношенію моему съ правительствомъ подобны вѣшней погодѣ, поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла

тучка. Вамъ угодно было спросить у меня совѣта на счетъ пути по которому препроводить вамъ къ Государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и короче чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человекъ сноходительный, благонамѣренный и чуть ли не единственный вельможа чрезъ котораго намъ доходятъ частныя благодѣянія Государя.

„Препоручая себя вашему благорасположенію, имѣю счастье быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

„Александръ Пушкина.“

9 сентября 1830. Село Болдино.

Пушкинъ женился на Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой. Вотъ письмо которое онъ пишетъ Аѳанасію Николаевичу.

„Милостивый государь, дѣдушка Аѳанасій Николаевичъ!

„Слѣду извѣстать васъ о счастіи моемъ и препоручить себя вашему отеческому благорасположенію какъ мужа безцѣвной внуки вашей Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были бы ѣхать къ вамъ въ деревню; но мы опасаемся васъ беспокоить и не знаемъ въ пору ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичъ (*старшій братъ Натальи Николаевны*) сказывалъ мнѣ что вы все еще тревожитесь на счетъ приданого; моя усильная просьба состоитъ въ томъ чтобы вы не разстраивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія; мы же въ состояніи ждать. Что касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу оного и предоставляю все это на ваше благоусмотрѣніе.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю счастье быть, милостивый государь дѣдушка, вашимъ покорнѣйшимъ слугою и внукомъ

„Александръ Пушкинъ.“

24 февраля 1831. Москва.

Наталья Николаевна дѣлаетъ на томъ же письмѣ приписку:

„Любезный дѣдушка!

„Имѣю счастье извѣстать васъ наконецъ о свадьбѣ моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположенію. Съ моей же стороны чувства преданности, любви и почтенія никогда не измѣнятся. Сердечно надѣюсь что вы попрежнему останетесь моимъ вѣрнѣйшимъ благодѣтелемъ. При семъ цѣлую ручки ваши и честь имѣю пребыть навсегда покорная внучка

„Наталья Пушкина.“

Подъ названіемъ „Языкъ любви сто лѣтъ назадъ“ въ польской книжкѣ *Русской Старины* за 1881 годъ напечатанъ рядъ „коротенькихъ вѣжно-любовныхъ отвѣтныхъ цидулокъ“ графу Григорію Александровичу Потемкину. Редакція *Русской Старины* приводитъ ихъ „исключительно какъ матеріалъ для нашихъ романистовъ, матеріалъ не безполезный при обработкѣ ими сюжетовъ изъ жизни русскаго общества во второй половинѣ прошлаго столѣтія“. Со своей стороны мы заимствуемъ изъ *Русской Старины* нѣкоторыя изъ этихъ „цидулокъ“, какъ чрезвычайно характерныя образцы русскаго слога XVIII столѣтія.

—

Батюшка, сударушка, здравствуй, ты мнѣ милъ наравнѣ съ душою, чтобы ни говорилъ противное знай что джешь и для того не вѣрь бредни подобной.

—

Душенька разчвайствъ ты очевъ, изволишь ли быть сегоддя и играть на биллярды, прошу прислать сказать на словахъ да или вѣтъ, для того что письмо въ комедию безъ очковъ прочествъ вельзя. Мррр. разчвайствъ ты душенька.

—

Милуша что ты мнѣ ни слова не скажешь и не пишешь, сейчасъ слышала я, что не можешь и не выйдешь, est ce que vous êtes fâché contre moi et pourquoi?

—

Bon jour mon soeur comment vous portés vous? Моей головѣ есть легче и я васъ чрезвычайно люблю.

—

Весьма мнѣ прискорбно миленькой что не домогаешь, а наплаче что моими разсужденіями, кои тебѣ а пріятны были вчерась, можетъ быть что я умвожила въ тебѣ болѣзнь, ибо они тебя мнѣ казалось обезпокоили. Милая душа, вѣрь что я тебя люблю до безконечности.

—

Я и съ губками сижу на кожаномъ канале, ноги протянувши, ибо бродила по горамъ и лоциламъ часа два, не лодалася мнѣ на встрѣчу окромѣ трехъ камеръ-юнгферовъ

моихъ и Авдотьиной собаки, никто; теперь привалась за дѣло любя тебя безмыслию и веселясь твоею ко мнѣ любовью, милой и бездѣланой мой другъ, собственный голубчикъ, ангель.

Съ благодареніемъ принимаю присланные отъ васъ ко мнѣ богатые подарки, и все то что при семъ случаѣ ко мнѣ ли- шешь, таковой образъ мысли благородной душѣ свойственъ, а я бываю ли благодарна или нѣтъ, тому свѣтъ на судъ отдаю.

.....
Ахъ-ти какое долгое письмо намарала. Виновата, позабы- ла что ты ихъ не любишь, впередъ не стану.

Душеньокъ мой, сердечно жалѣю что не домогаешь и про- шу объ васъ не забыть, а мы душой и сердцемъ на вѣкъ Грешаткѣ крѣпки.

Батюшка голубчикъ, весьма тоскую что ты не домогаешь, сдѣлай мнѣ ту ласку, пошли по Кельхена, явить всѣ твои болѣзни, очень боюсь, знаю какъ худо трактуешь болѣзни. *Mon cher ami Dieu donne, que vous vous portiez mieux demain.*

Душенька, я взяла веревочку и съ камнемъ, да навязала ихъ на шею всѣмъ ссорамъ, да погрузила ихъ въ прорубь; не прогнѣвайся, душенька, что я такъ учинила, а буде по- нравится, изволь перенять; здравствуй, миленькій, безъ ссоръ, слоровъ и раздоровъ.

Милая, милуша, письмо твое весьма меня обрадовало.
Сожалѣю, душа безпримѣрная, что не домогаешь, впредь по лѣствицѣ босикомъ не бѣгай, а есть ли захочешь отъ насмор- ка скорѣе отдѣлаться, поюхай табаку крошечку, тотъ же часъ лучше будетъ. *Adieu m'amour mon soeur, мой дорогой, славный и сладкій, и все что себѣ милое, пріятное, умное предста- вить можешь.*

Длинное ваше письмо и разказы весьма црядны, но то весьма глупо что ни единого ласковаго слова нѣту; мнѣ что

нужды до того, кто какъ вретъ въ душу и поперегъ, а вы перевираючи мнѣ казалось по себѣ суда обязаны были вспомнить что и я на свѣту и что я ласки желать право имѣю, дуракъ, Татаринъ, казакъ, ауръ Московъ morbleu!

Начальство Николаевского Кавалерійскаго Училища „желая осязательно увѣковѣчить память о Лермонтовѣ“ въ учебномъ заведеніи гдѣ воспитывался поэтъ „и такимъ образомъ ловиаятъ на развитіе въ юншества уваженія къ выдающимся дѣятелямъ прошлаго“, а также „вслѣдствіе сознанія нравственной обязанности помочь обществу полнѣе ознакомиться съ поэтической дѣятельностью Лермонтова“ рѣшило устроить въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ *Лермонтовскій Музей*. Здѣсь желательно собрать:

1) Всѣ книги журналовъ (начиная съ *Библиотеки для Чтенія* 1887 года, въ какомъ журналѣ появилась первое его произведеніе), альманахи и разные литературные сборники, въ которыхъ печатались произведенія поэта, а также всѣ отдѣльныя изданія его сочиненій.

2) Всѣ статьи и отдѣльныя сочиненія о личности Лермонтова, его произведеніяхъ и вообще литературной дѣятельности, а также важнѣйшія изъ тѣхъ которыя знакомятъ съ его временемъ.

3) Всѣ многочисленныя переводы Лермонтова на всѣ иностранныя языки и отзывы о немъ иностранныхъ писателей.

4) Всѣ гравюры и произведенія живописи или скульптуры, темы для которыхъ взяты изъ сочиненій Лермонтова, а также изображенія лицъ и мѣстъ имѣвшихъ значеніе въ жизни поэта или играющихъ роль въ его произведеніяхъ.

5) Всѣ музыкальныя произведенія на Лермонтовскія темы и слова.

6) Рукописи Лермонтова, его портреты, вещи ему принадлежащія, словомъ все что имѣетъ отношеніе до него и его жизни.

Увѣренное въ полное сочувствіи русскаго общества Николаевское Кавалерійское Училище черезъ посредство *Русской Старины* обращается ко всѣмъ почитателямъ памяти Лермонтова съ приглашеніемъ высылать все относящееся до *Лермонтовскаго Музея* въ Петербургъ, прямо въ Николаевское Кавалерійское Училище (на углу 12й роты Измайловскаго

юлка и Ново-Петергофскаго проспекта) или туда же через редакцію журнала *Русская Старина*.

Во Владикавказѣ образованъ комитетъ по сооруженію въ Пятигорскѣ памятника Лермонтову. Къ первому января 1881 года собрано всего 15.233 руб. 38 коп.

IV.

Иностранная библиографія.

Къ вопросу о германской колонизации. Hübbe-Schleiden, Dr., *Deutsche Colonisation*. Hamburg, 1881, Friederichsen u. C.

Брошюра эта встрѣчена въ Германіи съ большимъ сочувствіемъ и возбуждаетъ сильный интересъ „какъ программа того чего требуетъ отъ трансатлантической политики Германскаго правительства значительное количество талантливыхъ и дѣятельныхъ людей.“ Авторъ находитъ въ Германіи признаки дѣйствительнаго избытка населенія; но, по мнѣнію его, нѣмецкая эмиграція не достигаетъ своей цѣли въ томъ отношеніи что большинство германскихъ переселенцевъ черезъ нѣсколько времени прямикаетъ къ англо-саксонскому племени. Отъ этого выигрываетъ только Англія. Страны находящіяся подъ ея владычествомъ въ 13¹/₂ разъ превосходятъ своимъ объемомъ владѣнія Франціи, Германіи и Австріи взятыя вмѣстѣ. Торговые обороты Англо-Саксовъ составляютъ 20.559 милліардовъ франковъ, торговые обороты Франціи — 2.875 милліардовъ, Германіи — 0.780 милліардовъ. Паровой флотъ Англо-Саксовъ въ семь разъ превосходитъ флоты Германіи и Франціи. Въ періодъ съ 1800—80 нѣмецкій языкъ, въ качествѣ официального языка, распространился съ 38 на 70 милліоновъ людей, французскій — съ 34 на 43, англійскій — съ 50 на 291 милліоновъ. Если этотъ порядокъ вещей будетъ продолжаться, то въ 1980 году Англо-Саксонцы распространятъ свое владычество на 927, а Германцы на 146 милліоновъ людей. Въ концѣ концовъ Германцы, равно какъ Французы и Итальянцы, исчезнутъ въ англо-саксонскомъ типѣ. Такому преобладанію послѣдняго оказываютъ не мало услугъ нѣмецкіе переселенцы, унесшіе съ собою въ Америку въ продолженіе шестидесяти лѣтъ капиталъ отъ

18—20 миллиардовъ марокъ. Слѣдуетъ прекратить такое потощеніе родной страны. Слѣдуетъ отказаться отъ мысли что Германцы по ту сторону Океана могутъ что-нибудь значить лишь въ качествѣ частныхъ лицъ; пора прекратить отправку для Америки учителей и воспитателей. Авторъ брошюры возстаетъ противъ „мелочнаго предубѣжденія“ выражаемаго Германскимъ правительствомъ относительно выселеній въ Бразилію и называетъ бреднями мысль будто всѣ земли для колоній уже разобраны и для Германцевъ не осталось болѣе такихъ земель.

Жизнь и правленіе Септимія Севера. Ceuleneer, Ad. de, sousbibliothécaire: *Essai sur la vie et le régime de Septime Sévère.* Berlin, 1880, Calvary et C.

Сочиненіе это получило премію Бельгійской Академіи. Оно раздѣляется на двѣ части. Первая заключаетъ въ себѣ первоначальную исторію Севера, описаніе его борьбы съ другими претендентами на царство и его войнъ на Востокъ и въ Британію. Во второй части описывается внутреннее положеніе Римской имперіи, политика Севера вообще, христіанство при Северѣ и измѣненія сдѣланныя Северомъ въ управленіи и въ законахъ. Признавая спорными многія положенія автора, нѣмецкая критика съ полнымъ уваженіемъ относится къ его основательному знакомству съ источниками и литературой предмета, а также къ добросовѣстности и тщательности изслѣдованія.

Исторія политическаго развитія Соединенныхъ Штатовъ Америки. Holst, Dr. H. v., Prof.: *Verfassungsgeschichte der Vereinigten Staaten von Amerika seit der Administration Jackson's.* 2. Band. Von der Annexion von Texas bis zum Compromiss von 1850. Berlin, 1881, Springer.

Первый томъ сочиненія профессора Гольста появился въ 1873 году и носилъ названіе *Staatensouveränität und Sklaverei.* Въ появившемся теперь второмъ томѣ авторъ описываетъ событія возникшія изъ присоединенія Техаса: мексиканскую войну, рѣшеніе орегонскаго вопроса и соглашеніе 1850 года. Присоединеніе Техаса сдѣлало вопросъ о рабствѣ однимъ изъ важнѣйшихъ въ американской политикѣ; соглашеніе 1850 года превратило вопросъ этотъ въ преобладающій; вотъ

почему Гольцъ посвящаетъ цѣлый томъ сравнительно весьма небольшому періоду обнимающему собою только пять лѣтъ. Нѣмецкая критика называетъ это сочиненіе „пролагающимъ дорогу ко всемъ позднѣйшимъ изслѣдованіямъ,“ *bahnbrechend*. Гольцъ обладаетъ необыкновенною силою анализа, посредствомъ котораго онъ „развязываетъ самые запутанные узлы.“

Исторія Кастиліи въ XII и XIII столѣтіяхъ. Schirrmacher, Dr. Fr. Wilh., Prof.: *Geschichte Castiliens im XII und XIII Jahrhundert.* Gotha, 1881, F. A. Perthes.

Сочиненіе профессора Ширрмахера имѣетъ предметомъ исторію Кастиліи со смерти Альфонса VI и смуть возникшихъ при дочери его Урракъ до смерти Санчо IV, или, другими словами, періодъ времени отъ завоеванія Толедо до взятія Тарифы. Это одинъ изъ самыхъ интересныхъ періодовъ въ исторіи Испаніи и въ то же время одинъ изъ самыхъ трудныхъ для изслѣдователя. Автору мало приходилось пользоваться трудами другихъ; въ большинствѣ случаевъ онъ долженъ былъ работать совершенно самостоятельно. Особенную услугу оказала ему арабская хроника хранящаяся въ Колепгагенѣ. По отзывамъ нѣмецкой критики сочиненіе это во многихъ мѣстахъ читается съ такимъ же интересомъ какъ романъ, хотя оно постоянно и вездѣ остается на почвѣ строгаго историческаго изслѣдованія.

Новѣйшее сочиненіе о Японіи. I. I. Rein: *Japan, nach Reisen und Studien im Auftrage der königl. preussischen Regierung dargestellt.* Erster Band: *Natur und Volk des Micadoreiches.* Mit 5 Lichtdruckbildern, 12 Holzschnitten, 3 lithographirten Tafeln und 2 Karten. Leipzig, 1881, Engelmann.

Авторъ этого сочиненія занимаетъ кафедру земледѣвія въ Марбургскомъ университетѣ. По порученію Прусскаго правительства онъ два года провелъ въ Японіи для изученія мѣстной промышленности. Ученый и очевидецъ соединяются въ авторѣ съ наблюдателемъ; по отзыву нѣмецкой критики профессоръ Рейнъ вполнѣ осуществляетъ своимъ сочиненіемъ избранный имъ девизъ *wahr und klar*, справедливо и ясно. Особенной похвалы заслуживаетъ безпристрастіе автора и отсутствіе въ его сочиненіи какъ неумѣренныхъ похвалъ, такъ и слишкомъ рѣзкихъ осужденій. Первый томъ посвященъ описанію страны и людей; второй томъ будетъ содержать описаніе японской промышленности и торговли.

Нѣмецкій романъ о двухъ русскихъ вѣнчанкахъ. Johannes van Dwall, *Die beiden Russinnen.* Roman in zwei Bänden. Stuttgart, 1881, Hallberger.

Въ небольшой нѣмецкй „городокъ водъ“ прѣѣхали отдохнуть двѣ русскія дамы. Вслѣдствіе незнанія нѣмецкаго языка и несплатичности первыхъ же знакомствъ, онѣ отдѣлились отъ остальнаго общества и уединенно живутъ въ особой виллѣ. Пошлое и незанятое общество городка начинаетъ всячески сплетничать про этихъ дамъ и всячески ихъ оскорблять, пока не является наконецъ владѣтельный князь, лично знающій и уважающій обѣихъ русскихъ дамъ, вслѣдствіе чего всѣ сплетни прекращаются сами собою. По словамъ нѣмецкой критики тѣлы сплетничковъ и сплетницъ очерчены весьма правдиво, но мотивъ романа страдаетъ однообразіемъ и растянутостію.

Новая библиотека французскихъ классическихъ писателей. Nouvelle Bibliothèque classique Les Maximes de La Rochefoucauld, suivies des Reflexions diverses, publiées avec une préface et des notes par F. Thénard. 1 vol. in—16, alexévrien. Paris, 1881, Librairie des Bibliophiles. Prix: 3 francs.

Новое собраніе французскихъ классическихъ писателей поставило себѣ цѣлью давать по дешевой цѣнѣ дѣйствительно „любительскія“ изданія. Для достиженія этой цѣли издатель Touaust воспроизводитъ не полныя собранія сочиненій извѣстнаго автора, но ограничивается лишь лучшими его твореніями. Въ изданіи принята слѣдующая система. Перепечатывается послѣднее изданіе сдѣланное при жизни автора, съ полнымъ соблюденіемъ современной ему орфографіи, но безъ допущенія излишнихъ архаизмовъ, какъ напримѣръ, замѣны буква *r* буквою *u*; прамѣчаній немного; всѣ они помѣщаются въ концѣ книги и дѣлаются лучшими знатоками французской литературы. Послѣдній появившійся томикъ этой коллекціи содержитъ такъ-называемыя *Maximes* Ларошфуко, печатанныя въ подражаніе ельзевировскимъ изданіямъ.

Заимствуемъ изъ послѣдняго произведенія Виктора Гюго, *Les quatre vents de l'esprit*, описаніе современнаго поэта:

Oui, tel est le poète aujourd'hui. Grands, petits,
Tous dans Pan effaré nous sommes engloutis.
т. сѣѣ.

Et ces secrets surpris, ces splendeurs contemplées,
 Ces pages de la nuit et du jour épelées,
 Ce qu'affirme Newton, ce qu'aperçoit Mesmer,
 La grande liberté des soufflés sur la mer,
 La forêt qui craint Dieu dans l'ombre et qui le nomme,
 Les eaux, les fleurs, les champs font naître en nous un homme,
 Mystérieux, semblable aux profondeurs qu'il voit.
 La nature aux songeurs montre les cieux du doigt.
 Le cèdre au torse énorme, athlète des tempêtes,
 Sur le fauve Liban conseillait les prophètes,
 Et se fut son exemple austère qui poussa
 Nahum contre Ninive, Amos contre Gaza.
 Les sphères en roulant nous jettent la justice.
 Oui, l'âme monte au bien, comme l'astre au solstice.
 Et le monde équilibre a fait l'homme devoir.
 Quand l'homme voit mal Dieu, l'aube le fait mieux voir.
 La nuit, quand Aquilon sonne de la trompette,
 Ce qu'il dit, notre cœur frémissant le répète.
 Nous vivons libres, fiers, tressaillants, prosternés,
 Eblouis du grand Dieu formidable; et, tournés
 Vers tous les idéals et vers tous les possibles,
 Nous cueillons dans l'azur les roses invisibles.
 L'ombre est notre palais. Nous sommes commensaux
 De l'abeille, du jonc nourri par les ruisseaux,
 Du papillon qui boit dans la fleur arrosée.
 Nos âmes aux oiseaux disputent la rosée.
 Laisant le passé mort dans les siècles defunts,
 Nous vivons de rayons, de soupirs, de parfums,
 Et nous nous abreuvons de l'immense ambroisie
 Qu'Homère appelle amour et Platon poésie.
 Sous les branchages noirs du destin nous errons,
 Pars et graves, avec les souffles sur nos fronts.
 Notre adoration, notre autel, notre Louvre,
 C'est la vertu qui saigne ou le matin qui s'ouvre;
 Les grands levers auxquels nous ne manquons jamais,
 C'est Venus des monts noirs blanchissant les sommets;
 C'est le lis fleurissant, chaste, charmant, sévère;
 C'est Jesus se dressant, pâle, sur le Calvaire.

Какую трескучую шумихой, какіи фейерверкомъ словъ и
 фразъ кажутся эти стихи сравнительно съ величественными,
 благородными, дѣйствительно возвышенными стихами нашего
 Пушкина, обращенными къ лѣту!

C. В.

V.

Мелочи.

Во Франціи и Англіи появились одновременно два большія сочиненія на темы уже послужившія предметомъ исследования для Прескота и Карлейла. Подъ названіемъ *Histoire de Philippe II* г. Форверожъ еще разъ обработалъ одну изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ исторіи Испаніи, воспользовавшись для этого новооткрытымъ матеріаломъ, по преимуществу же документами отысканными въ Бельгіи. Въ Лондонѣ, у Лонгмана, вышла новая исторія Семилѣтней войны. Сочиненіе это называется *Epochs of Modern History. Frederick the Great and the Seven Years' War*, by F. W. Longman.

Въ Лондонѣ появились двѣ біографіи Карлейла:
Thomas Carlyle, the Man and his Books, by W. Howie Wylie.
Thomas Carlyle, by Henry I. Nicoll.

Гг. Туссо и Амеро сочинили книгу подъ названіемъ *La vie en Sibirie, aventures de trois fugitifs*. Лондонскій журналъ *Athenaeum* очень характеристично отзывается объ этомъ изданіи: „книга эта такъ глупа что ее вѣроятно переведутъ на англійскій языкъ.“

Извѣстный Легуве изложилъ свой взглядъ на „женскій вопросъ“ въ брошюрѣ озаглавленной *La question des femmes*. Онъ отрицаетъ если не логическое, то практическое право женщинъ принимать участіе въ избирательныхъ собраніяхъ и засѣдать въ палатахъ.

Двое итальянскихъ ученыхъ, Гобриель Роза и профессоръ Джероламо Боккардо задались цѣлью представить „естественную исторію“ исторіи въ замѣну такъ - называемой „философіи“ исторіи. Первый изъ нихъ, извѣстный уже своимъ сочиненіемъ *Storia generale delle Storie*, написалъ теперь книгу подъ заглавіемъ *Storia naturale della civiltà*. Второй издалъ сочиненіе *L'Animale et l'Uomo. Fondamenti dottrinali e melodici della moderna Sociologia nelle sue relazioni con le scienze biologiche, economiche e statistiche*. Трактатъ этотъ былъ уже напечатанъ равнѣ, какъ введеніе къ 7 тому итальянской *Biblioteca dell'Economista*.

Въ Берлинѣ появились *Рѣчи Бисмарка* съ 1849 по 1851 годъ. Книга эта снабжена введеніями и примѣчаніями. Она называется; *Die Reden des Abgeordneten von Bismarck - Schönhofen in den Parlamenten 1847—1851*. Herausgegeben, mit Einleitungen und Anmerkungen versehen von Th. Riedel. Berlin, 1881, Heymann.

Изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ сочиненій по гигиенѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

Constitution und constitutionelles Kranksein des Menschen. Von Friedrich Wilhelm Beneke. Marburg, 1881, Elwert.

Lehrbuch der hygienischen Untersuchungsmethoden. Eine Anleitung zur Anstellung hygienischer Untersuchungen und zur Begutachtung hygienischer Fragen für Aerzte und Chemiker, Sanitäts- und Verwaltungsbeamte, sowie Studirende. Von C. Flüge. Leipzig, 1881, Veit u. C.

Lehrbuch der Pflege des menschlichen Körpers in gesunden und kranken Tagen. Ein Wegweiser zur Erreichung eines rüstigen Alters unter Vermeidung aller Krankheiten. Für gebildete aller Stände von Joseph Lauterer. Freiburg i. Br., 1879, Herder.

Послѣднее изъ этихъ сочиненій появилось еще въ 1879 году. Отзывъ о немъ помѣщенъ однако лишь въ послѣднихъ выпускахъ лежащихъ передъ нами критическихъ нѣмецкихъ журналовъ, и такъ какъ отзывъ этотъ очень благоприятенъ, то мы сочли не излишнимъ привести здѣсь заглавіе этой книги.

Въ коллекціи Шлемава, *Deutsche Hand- und Haus-Bibliothek* (Русскій Вѣстникъ *Нов. Лит.*, май) появились томы 2—5. Они содержатъ знаменитый разказъ Иммермана *Der Oberhof*, такъ-называемыя „нравственныя повѣсти“, *Novelas exemplares*, Сервантеса (*Señora Cornelia, la Gitanella de Madrid, Rinconete Cortadillo*, въ нѣмецкомъ переводѣ) и разказъ *Die Hallig*, Бердацкаго. Напомнимъ что каждый томъ этой коллекціи стоитъ въ переплетѣ *пятьдесятъ коп. сер.*

Подъ названіемъ *Das erste Jahrtausend der Schachliteratur* въ Германіи появилась подробнѣйшая библиографія всѣхъ сочиненій относящихся къ шахматной игрѣ съ 850 по 1880 годъ.

Въ Лейпцигѣ (у издателей *Velhagen und Klasing*) только что вышло новое сочиненіе Рихарда Андре, известнаго своими изслѣдованіями по антропологии и бытовой исторіи. Сочиненіе это называется *Zur Volkskunde der Juden*. Оно снабжено картой распространенія Евреевъ въ средней Европѣ и разсматриваетъ племенные и физическія особенности Евреевъ, смѣшеніе ихъ съ другими народами, ихъ языкъ, нравы, имена и распространеніе.

По свидѣніямъ англійскихъ журналовъ маршалъ Макъ-Магонъ готовить сочиненіе подъ названіемъ *Histoire de ma présidence*.

Въ Парижѣ появилось изслѣдованіе „о демонахъ“ въ греческой литературѣ и религіи. Книга называется *Etude sur les demons dans la littérature et la religion des Grecs*, par I. A. Hell. Paris, 1881, Hachette et C.

Въ Парижѣ, у издателя Гашетта, появились первые выпуски новой *Исторіи искусства въ древнѣе мѣръ*. Авторы этого сочиненія гг. Перро и Шилье. Сочиненіе будетъ обнимать исторію искусства въ Египтѣ, Ассиріи, Персіи, Малой Азіи, Греціи, Этрурціи и Римѣ. Всего выпусковъ предполагается 300; каждый выпускъ, заключающій въ себѣ 16 страницъ съ рисунками, продается по 50 сантимовъ (20 коп.); выпуски заключающіе раскрашенный рисунокъ продаются по одному франку. Что касается авторовъ, то г. Перро (*Perrot*) членъ Французскаго института и профессоръ классической археологіи, а г. Шилье (*Chipiez*) ученый архитекторъ, известный своимъ сочиненіемъ *Histoire critique des origines et de la formation des ordres grecs*.

У книгопродавцевъ Dentu и Charpentier выходятъ въ Парижѣ новое изданіе известнаго романа Альфонса Додэ *Fronton jeune et Risler aîné*. Въ предисловіи Додэ описываетъ способъ своей работы. Подобно живописцамъ, малоопытнымъ цѣлые альбомы этюдами съ натуры, Додэ имѣетъ множество записныхъ тетрадокъ въ которыя онъ постоянно вноситъ замѣчанія, наблюденія, фразы, слова и жесты встрѣчаемыхъ имъ людей. Авторъ увѣряетъ что никогда не описывалъ и не описываетъ въ своихъ романахъ какія-нибудь извѣстныя всему Парижу личности, какъ это утверждаютъ про него. Въ

герои его суть лица собирательныя, но матеріалъ для ихъ созданія взятъ непосредственно съ натуры.

Изъ новѣйшихъ явленій нѣмецкой литературы обращаютъ на себя вниманіе:

Heisterbergk, Bernh.: *Ueber den Namen Italien*. Eine historische Untersuchung. Freiburg i. Br., 1881, Mohr.

Hübbe-Schleiden, Dr. j. u.: *Ueberseeische Politik*, eine culturwissenschaftliche Studie mit Zahlenbildern. Hamburg, 1881, Friederichsen u. C.

Müller - Strübing, *Thukydideische Forschungen*. Wien, 1881, Konegen.

Becker, *Die heidnische Weiheformel D. M. (Diis Manibus sc. Sacrum) auf altchristlichen Grabschriften*. Ein Beitrag zur Kenntniss des christlichen Alterthums. Mit vielen Abbildungen. Gera, 1881, Reisewitz.

Brück, Dr. Heinr. Prof.: *Die geheimen Gesellschaften in Spanien und ihre Stellung zu Kirche und Staat von ihrem Eindringen in das Königreich bis zum Tode Ferdinand's VII.* Mainz, 1881, Kirchheim.

Simony, Dr. Oskar: Gemeinfaßliche Lösung der Aufgabe in ein ringförmig geschlossenes Band einen Knoten zu machen. 2 Aufl. Wien, 1881, Gerold u. C.

Schäffle, Dr. Alb. C. Fr., Minister a. D.: *Für internationale Doppelwährung*. Tübingen, 1881, Saupp.

Wagner, Ad.: *Für bimetallische Münzpolitik Deutschlands*. Berlin, 1881, Puttkammer u. Mühlbrecht.

Gustav Rümelin, Kanzler der Universität Tübingen: *Reden und Aufsätze*. Tübingen, 1881, Mohr.

Въ Берлинѣ появилось сочиненіе Роденберга, редактора известнаго нѣмецкаго журнала *Deutsche Rundschau*, подъ названіемъ *Belgien und die Belgier*. Сочиненіе это представляеть рядъ интересныхъ этюдовъ сдѣланныхъ авторомъ во время пребыванія его въ Бельгіи въ минувшемъ году, во время празднованія пятидесятилѣтія независимости Бельгіи.

Сочиненіе американскаго судьи г. Турджи (*Tourgee*), подъ названіемъ *A fool's errand*, менѣе нежели въ годъ разошлось въ Америкѣ въ количествѣ 270.000 экземпляровъ, изъ которыхъ едва ли одна тысяча перешла по сю сторону Океана.

Книга эта представляет весьма любопытно написанный приключенія Североамериканца въ Южныхъ Штатахъ.

Извѣстный археологъ Шапманъ пишетъ отчетъ о раскопкахъ произведенныхъ имъ осенью прошедшаго года въ Орхоменѣ. Отчетъ этотъ, украшенный рисунками, появится въ скоромъ времени у Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Парижская Академія Изящныхъ Искусствъ назначила на конкурсѣ премію въ 1883 году слѣдующую тему: „Изыскать и изучить наименѣе спорныя характеристическія признаки различныхъ архитектурныхъ стилей во все времяа и у всехъ народовъ, какъ въ общихъ созданіяхъ, такъ и въ спеціальныхъ формахъ и орнаментальныхъ подробностяхъ. Результаты должны быть представены въ методической таблицѣ которая кратко, но точно указывала бы все эти различныя особенности и элементы.“

Французское общество историческихъ изслѣдованій, *Société des études historiques*, присудило премію за сочиненіе *Histoire des institutions de prévoyance*, par Antony Rouillet.

Парижская издательская фирма Morel предпринимаетъ изданіе весьма интереснаго сочиненія о китайскомъ фарфорѣ *La Porcelaine de Chine*, par du-Sartel.

Г. Шапютисъ, авторъ сочиненія *Histoire de l'instruction publique chez les Grecs depuis la prise de Constantinople par les Turcs jusqu'à nos jours*, готовитъ къ печатанію новый трудъ подъ названіемъ *Monument vivants de la langue grecque*. Трудъ этотъ будетъ обнимать десять томовъ, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ:

Chansons populaires, 3 тома. *Proverbes et énigmes populaires de la Grèce*, 1 томъ. *Contes populaires grecs*, 1 томъ. *Collection complète des glossaires de la langue populaire*, 3 тома. *Grammaire comparée des dialectes modernes de la langue grecque*, 1 томъ.

Подъ названіемъ *The Queen printing and publishing Company*, въ Лондонѣ открылась тилографія въ которой будутъ работать исключительно одні женщины. Королева приняла патронать надъ этимъ учрежденіемъ.

Самое крупное новѣйшее явленіе книжнаго дѣла въ Англіи есть изданіе пересмотрѣннаго текста *Новаго Завета*. Пересмотромъ этимъ занимался въ продолженіе слѣдующихъ десяти лѣтъ особый комитетъ изъ 27 членовъ. Занятія начались въ маѣ 1870 года, изданіе вышло 17 мая 1881 года. Слѣдственно было 1.760 рукописей и 150.000 греческихъ переводовъ. Еще до появленія изданія на него получено уже было до милліона требованій; теперь продается уже второй милліонъ экземпляровъ. Въ качествѣ издателей выступаютъ Кембриджскій и Оксфордскій университеты. Съ полуночи и до восхода солнца фирма А. I. Holman сбросьюровала и переплела 12.000 экземпляровъ въ день 17 мая; въ тотъ же самый день одинъ только книгопродавецъ, М. Stoneham, продалъ 50.000 экземпляровъ. Интересъ публики становится повѣстнымъ когда мы вспоминаемъ что это изданіе должно было замѣнить переводъ три съ половиною вѣка обращавшійся въ Англіи подъ именемъ *authorized version*. Черезъ два дня послѣ его появленія въ Лондонѣ новое изданіе было уже въ Америкѣ, гдѣ все присланное количество экземпляровъ—800.000 экземпляровъ—мгновенно разошлось. Нѣсколько газетъ дали своимъ подписчикамъ въ видѣ приложения это новое изданіе въ тотъ же день когда оно появилось въ Лондонѣ. Для этого весь Новый Заветъ былъ протелеграфированъ изъ Лондона въ Нью-Йоркъ. Замѣтимъ кстати что Англійское Библейское Общество, *British and foreign Bible Society*, со времени своего основанія распространяло уже 94.014.448 экземпляровъ Библии и Новаго Завета.

23 іюня во Франкфуртѣ на Майнѣ скончался извѣстный ученый Шлейденъ, авторъ сочиненія *Растеніе и его жизнь* переведеннаго чуть ли ни на всѣ европейскіе языки. Шлейденъ родился въ 1804 году въ Гамбургѣ, съ 1824 по 1827 годъ изучалъ юридическія науки, съ 1833 года принялся за изученіе медицины, въ 1839 году сдѣлалъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Іенѣ, въ 1863 году былъ назначенъ профессоромъ растительной химіи и антропологии въ Дерптскомъ университетѣ; въ послѣдствіи онъ жилъ въ Дрезденѣ и Висбаденѣ. Главное ученое сочиненіе его было: *Основы научной ботаники*, изданныя въ 1842—43 году.

С. В.

РАЗСТРИГИ ДѢВКИ КВАКЕРЕИ

На правомъ берегу прекрасной Томи, въ тѣни столѣтнихъ елей и березъ, стояла вѣкогда лустынная обитель отшельницъ суеты мірской. Хорошій человекъ, благочестивый обыватель Томска, казачій голова Литосовъ Зимовей, на память праотцевъ усолшихъ и во спасеніе душъ своей многоматерной, устроилъ эту тихую обитель по благословенной грамотѣ великаго господина преосвященнаго Корнилія, митрополита тобольскаго и сибирскаго *. Обитель была небольшая, но по внѣшнему своему виду, благодаря прекрасной мѣстности, казалась весьма благообразною: святая церковь въ честь Рождества Христова воздвигнута была въ ней на возвышенномъ склонѣ огромной Юрточной горы, сплошь на необозримое пространство поросшей великолѣпною березовою рощей; внизу, въ десяти саженьяхъ отъ алтаря, въ крутыхъ, скалистыхъ берегахъ, шумно катилась бурливая горная рѣчка Ушайка, въ полуверстѣ сливавшаяся съ Томью. На другой сторонѣ Ушайки,

* Митрополитъ Корнилій управлялъ сибирскою паствою 14 лѣтъ (1664—1678). Томскій Христорождественскій дѣвичій монастырь основанъ былъ въ 1671 г. Свидѣніе это заимствовано изъ променоріи настоятеля томскаго мужскаго Алексѣевского монастыря, архимандрита Лавренція, представленной имъ исторіографу Миллеру въ 1740 году.

какъ разъ противъ монастыря, обрывистою скалою подымалась громадная Воскресенская гора со своимъ первобытнымъ рубленымъ острогомъ (крѣпость), посреди котораго возвышался лятиглавый Троицкій соборъ. Этотъ пунктъ командовалъ всѣми окрестностями и виденъ былъ на цѣлые десятки верстъ. Съ западной стороны видѣлась въ туманной сивевѣ обширная луговая равнина, заросшая могучими, дѣвственными дѣсами, и на ней красавица, широкая, многоводная Томь. Самый городъ, старинный Томскъ, тянулся по узкой, наводной луговинѣ между Воскресенскою горой и обрывистымъ берегомъ Томи; изъ монастыря онъ виденъ былъ весь какъ на ладони... Но главную прелесть окрестнаго ландшафта составляло пространство вверхъ по теченію бурливой Ушайки: тутъ открывалось глазамъ прекрасное горное ущелье заросшее могучимъ сосновымъ боромъ; въ глубинѣ ущелья, среди размытыхъ скалъ, подтачивая корни столѣтнихъ сосенъ, чудными зигзагами катилась шумная Ушайка, образуя своими изгибами и поворотами какъ разъ у стѣнъ монастыря великолѣпный горный полукругъ, амфитеатръ, на уступахъ котораго и были расположены всѣ монастырскія зданія: больница, общая трапеза и одинокія отшельническія кельи въ видѣ сельскихъ домиковъ, раскинувшихся подъ стѣною могучихъ елей и березъ, группами наклонившихъ весь монастырскій довольно обширный дворъ. Вокругъ всего монастыря обведена была высокая стѣна-ограда изъ толстаго сплошнаго частокола съ заостренными верхушками для безопасности отъ нападений дѣснаго звѣря или недобраго человѣка.

Въ этой-то тихой, безмолвной обители наши себѣ пріютъ многія спроты, въ особенноти же вдовы тѣхъ первоначальныхъ, отважныхъ колонизаторовъ Сибири которые съ истинно удивительною предпримчивостію забирались все дальше и дальше вглубь обширной страны, локоря „землицы“ ея аборигеновъ подъ крѣпкую государеву руку... Не многіе изъ этихъ отважныхъ удалцовъ-піонеровъ благополучно возвращались ко своимъ лѣвтамъ; большинство изъ нихъ складывали свои буйныя головы гдѣ-нибудь на Левѣ, на Амурѣ или въ другихъ не менѣе отдаленныхъ трупобахъ Сибири: ихъ опротивѣлымъ семействамъ, ихъ безпріютнымъ вдовамъ, ничега не оставалось болѣе какъ цѣти доживать свой вѣкъ подъ стѣною мирной обители. И дѣйствительно, по прошествіи какихъ-нибудь двадцати, тридцати лѣтъ отъ

основанія томскаго Христорождественскаго дѣвичьяго монастыря въ немъ оказались обитательницами однѣ только хилыя, престарѣлыя старушки такъ по списку 1712 года въ числѣ тридцати трехъ монахинь самая младшая Катерина имѣла отъ роду сорокъ девять лѣтъ, прочія же всѣ были отъ шестидесяти до восьмидесяти лѣтъ и болѣе. Очень вѣроятно что всѣ эти старушки были томскія казачьи вдовы, для которыхъ и самую обитель устроилъ томскій же казачій голова.

Между тѣмъ пока былъ живъ самъ благочестивый строитель монастыря, пока и первыя обитательницы тихой обители еще въ силахъ были зарабатывать себѣ насущный кусокъ хлѣба, самый монастырь и живущія въ немъ существовали относительно безбѣдно; но прошли десятки лѣтъ, благочестивый строитель умеръ, обитательницы состарѣлись, одряхлаѣли, а съ ними вмѣстѣ началъ ветшать и самый монастырь, не имѣя ни откуда никакой поддержки. При самомъ устройствѣ монастыря, къ нему не было приписано никакихъ земель и угодій, не было ни значительныхъ вкладчиковъ, ни монастырскихъ служителей крестьянъ. Въ описаніи этого монастыря за 1740 годъ говорится слѣдующее „въ Дѣвичьемъ монастырѣ церковь одна деревянная, *всѣма ветхал*; таковая же и ограда, келій шесть, больница одна *вси ветхія же*; вкладчиковъ, монастырскихъ крестьянъ и никакихъ приписаныхъ деревень и земель и угодій не имѣется“ *. Въ 1751 году причтъ этого же монастыря слезно жаловался митрополиту тобольскому Сильвестру ** на свое бѣдственное положеніе: „прихода у насъ нѣтъ, церковь почти въ развалинахъ, въ монастырѣ монахинь нѣтъ, а *сильныя разстриги дѣвки квакерев* живутъ на мірскомъ подаваніи; жалованье отъ казны назначено скудное: священнику въ годъ *шесть* рублей да хлѣба 24 луда; причетвикамъ жалованье полагается не отъ казны, а изъ церковныхъ суммъ, *дьячку одинъ рубль восемьдесятъ коп.*, а попомарю *шестьдесятъ коп. въ годъ*; но и этой суммы взять негдѣ, потому что въ нашу церковь никто не ходитъ изъ опаски что она развалится“. Спустя тридцать лѣтъ послѣ того, въ 1764 году

* Изъ той же променоріи архимандрита Лаврентія. Подлинная переписка съ академикомъ Миллеромъ будетъ мною издана въ продолжительномъ времени. *Асторъ*.

** Управлялъ сибирскою паствою шесть лѣтъ (1749—1755).

монахиня Олимпіада доносила митрополиту тобольскому Павлу * „что въ монастырѣ находится она одна со званіемъ монахи и кромѣ приходской церкви въ монастырѣ нѣтъ ни земель, ни угодій, ни даже келій и ограды, а одно только остается его ила“.

Такимъ образомъ Томскій дѣвичій монастырь, не имѣя ни откуда поддержки, постепенно годъ за годомъ еще „до состоянія духовнымъ мѣстамъ штатовъ“ совершенно обветшала и самъ собою улразднися. На мѣстѣ его, по благословенной грамотѣ того же митрополита Павла, воздвигнута была (въ 1766 г.) новая деревянная, приходская Христорожественская церковь съ приделомъ святителя Николая, которая въ свою очередь весьма скоро пришла въ ветхость, и на ея мѣсто въ 1792 г. по грамотѣ епископа Тобольскаго Варлаама ** заложена новая каменная того же наименованія церковь, которая существуетъ и по днесь. Отъ древняго дѣвичьяго монастыря не осталось теперь никакихъ видныхъ слѣдовъ, и только въ сохранившихся письменныхъ документахъ *** какъ самого монастыря, такъ и возникшей на его мѣстѣ приходской церкви, до самаго 1784 года въ числѣ другихъ прихожанъ значатся и ссыльныя *растриги дѣвки квакеры*.

* Митрополитъ Павелъ II (Колышковичъ) управлялъ епархіей 10 лѣтъ (1758—1768). Онъ былъ послѣднимъ митрополитомъ тобольскимъ и сибирскимъ.

** Преосвященный Варлаамъ управлялъ Тобольскою епархіей долѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, именно 34 года (1768—1802).

*** Въ забытомъ отдѣленіи архива Томской духовной консисторіи (о которомъ будетъ говорится ниже) сохранились духовныя исповѣдныя росписи съ 1784 года. При каждой книгѣ росписей Томскаго дѣвичьяго монастыря съ 1745 года и приходской Христорожественской церкви по 1784 г. включительно, на особо принятомъ листѣ помѣщалась всегда списокъ „ссыльныхъ раскольниковъ“, гдѣ подъ № 1 значились: „растриги-дѣвки квакеры“, которыхъ по списку 1745 г. было 22 души; въ 1746 г.—20; въ 1752 г.—17; въ 1760 г.—10; въ 1772 г. 6 человекъ и наконецъ въ 1784 г. 2 души и тѣ весьма престарѣлыя: одной изъ нихъ Марья Дмитріевой было въ то время 88 лѣтъ, а другой Анна Васильевой 86 лѣтъ.

I.

Кто же были эти разстриги дѣвки квакерев? Когда и за что онѣ сосланы были въ Томскій Христорожественскій дѣвчій монастырь?

Въ памяти народной, въ разказахъ томскихъ старожиловъ сохраняются и доселѣ многочисленныя преданія какъ о самомъ дѣвчьемъ монастырѣ, такъ и о многихъ несчастныхъ колодницахъ въ разное время содержавшихся въ немъ, въ болѣе или менѣе тяжкомъ заключеніи. Такъ свѣтлый образъ злополучной княжны Екатерины Алексѣевны Долгорукой, несчастной невѣсты императора Петра II, живо еще сохраняется въ памяти старыхъ томокихъ обывателей и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе съ какимъ-то благоговѣннымъ сочувствіемъ къ ея горькой судьбинѣ. Не столь ясны, но не менѣе сочувственныя преданія живутъ и доселѣ въ устахъ народа о какой-то другой именной колодницѣ съ урѣзаннымъ языкомъ (не о Бестужевой ли?), которая недолгое время по случаю болѣзни проживала въ томъ же монастырѣ. Но всего яснѣе и отчетливѣе сохраняются преданія и устные разказы именно объ этихъ узницахъ „квакеряхъ“, съ которыми отцы и дѣды нынѣшнихъ томскихъ старожиловъ находились въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ ближайшемъ непосредственномъ общеніи. Разказы эти, какъ и всѣ вообще преданія касательно сибирской старины, имѣютъ двойную мѣстную окраску, потому что исходятъ отъ двухъ противоположныхъ партій, на которыя томское городское общество и до настоящаго времени весьма замѣтно распадается, именно: партію строго православныхъ и тайныхъ раскольниковъ. Къ первой категоріи принадлежатъ: духовенство, чиновничество, военные люди и всякіе разночинцы недавно поселившіеся въ Томскѣ; къ другой относятся всѣ старыя купеческія фамиліи, мѣщане, казаки и другіе сословія старожиловъ. Представители послѣдней группы хотя и состоятъ официально въ числѣ православныхъ, доселѣ еще не могутъ отказаться отъ многихъ раскольническихъ взглядовъ и убѣжденій, унаслѣдованныхъ ими отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ: всѣ они молятся двуперство, почитаютъ только старыя иконы, читаютъ у себя дома

только старыя церковныя книги и за великій грѣхъ считаютъ подстригать бороды или усы; а нѣкоторые изъ нихъ, особенно живущіе по окраинамъ города на заимкахъ (дачахъ) и заводахъ, принимаютъ у себя по ночамъ и укрываютъ бѣгствующее раскольническое духовенство, которое и совершаетъ у нихъ различныя требоисправленія. Такое раздвоеніе современнаго томскаго городского общества даетъ свою окраску и всѣмъ разказамъ и преданіямъ уцѣлѣвшимъ еще въ памяти народной. Поэтому и всѣ мѣстные разказы о „квакерахъ“ имѣютъ также двойной оттѣнокъ, суда потому изъ какого лагеря они выходятъ. Такъ по сказаніямъ стороны православной эти „квакеры“ были хитрыя, пронырливыя старушонки-святости, лодъ видомъ смиренія и благочестія тайнымъ образомъ распространявшія разныя раскольническія заблужденія по всѣмъ тѣмъ домамъ гдѣ ихъ принимали и чествовали. Главнѣйшимъ и самымъ удобнымъ способомъ распространенія всяческихъ заблужденій служила для нихъ грамотность. Зная славянскую церковную грамоту, чего тогда еще многіе не знали, онѣ ходили по городу читать *Псалтырь* по усолшимъ, а въ вочное время служили даже панихиды и молебны, отправляли вечерни и полунощницы, даже исповѣдали и причащали больныхъ и здоровыхъ какими-то благословенными сухариками или краснымъ виномъ смѣшаннымъ съ богоявленскою водою. * Дѣйствуя такимъ образомъ, хитрыя „квакеры“ внушали своимъ почитателямъ строго соблюдать всѣ вѣщныя обряды православія, казаться наружно православными и какъ можно задабривать своихъ приходскихъ священниковъ чтобы они не пѣли на нихъ никакихъ подозрѣній. Эти фарисейскія наставленія лустили глубокіе корни въ церковно-общественной жизни стараго томскаго кулечества и мѣщанства (да и одного ли томскаго?), и

* Что такая форма раскольническаго причащенія дѣйствительно практиковалась даже относительно въ недавнее время, на это имѣются официальные указанія; такъ напримеръ: священникъ Томскаго Благовѣщенскаго собора Никифоръ Большакинъ въ 1826 году доносилъ Томскому духовному правленію „что прихожанка его мѣщанская жена Марья Матосова во время болѣзни была старообрядческимъ попомъ Иваномъ Чубаровымъ исповѣдана и приобщена *любимымъ таинствомъ святаго Евхаристіа*, именно: краснымъ виномъ смѣшаннымъ съ богоявленскою водою, *тѣла же Христова не имѣлось*“.—Указъ Тоб. дух. консисторіи 1826 г. № 3067.

доселѣ между этими сословіями не мало еще можно найти такихъ которые руководятся подобными правилами...

По сказаніямъ же другой, тайно раскольнической партіи эти „квакерев“ были несчастныя страдалицы, честныя, благочестивыя и богобоязненныя старушки, которыя въ своемъ несчастномъ положеніи въ ссылкѣ сдѣлались еще болѣе смиренными, чуть не живо святыми; онѣ служили де для всѣхъ жителей города нагляднымъ примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей и были наставницами жизни по вѣрѣ и древнему благочестію. Случалось ли въ домѣ какое несчастье, повсюду подобныя разкащики, старушки эти являлись истинными утѣшительницами: при постели болящихъ онѣ были постоянными сидѣлками; въ случаяхъ смерти онѣ же читали *Псалтырь* и научали всѣмъ погребальнымъ обрядамъ и обрядамъ.* Восхваляя и превознося этихъ усердныхъ и трудолюбивыхъ старушекъ „квакерев“, разкащики старой партіи не упускаютъ при этомъ удобнаго случая обрисовать самыя черныя краски поведеніе и жизнь тогдашняго приходскаго и даже монастырскаго духовенства, которое и по officialнымъ документамъ дѣйствительно не отличалось тогда высокою нравственностью....

Такое видимое противорѣчіе устныхъ преданій нужно было провѣрить болѣе или менѣе положительными историческими данными, на основаніи которыхъ можно было бы съ болѣею достовѣрностью рѣшить интересовавшій насъ вопросъ: кто же дѣйствительно были эти „разстриги дѣвки квакерев“. Когда и за что именно сосланы онѣ были въ Томскій дѣвчій монастырь? Такого рода историческія данныя можно было найти единственно въ мѣстныхъ архивахъ духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Но объ этихъ архивахъ тѣ же старожилы разказываютъ что когда явился сюда извѣстный исторіографъ Миллеръ и по высочайшему повелѣнію потребовалъ чтобъ его допустили во всѣ архивы, тогда мѣстные администраторы, духовные и гражданскіе, подозрѣвая въ этомъ требованіи что-то для себя недоброе, угрожающее, рѣшились

* И теперь еще во всѣхъ почти старокупеческихъ и мѣщанскихъ домахъ Томска исполняются многоразличныя суевѣрные обычаи въ родѣ того что въ той комнатѣ гдѣ лежитъ покойникъ ставить на окошко стаканъ воды въ той увѣренности что душа умершаго, возвращаясь къ тѣлу черезъ окно, обмывается этою водою и утоляетъ свою жажду. *Летопись.*

на такой подвигъ: ночью на вѣсколькихъ подводкахъ они начали вывозить архивные свѣтки и дѣла и погрузили ихъ въ быстрыя волны рѣки Томи. Это варварское погруженіе производилось въ теченіе вѣсколькихъ ночей сразу, и такимъ образомъ безчисленное множество драгоценнѣйшихъ актовъ и документовъ погибло невозвратно. Въ другой разъ подобное же погруженіе совершилось уже въ самое недавнее время, именно: предъ ревизіей генералъ-адъютанта Анненкова. Тутъ отправлены были въ ту же рѣку всѣ уцѣлѣвшіе еще остатки архивныхъ дѣлъ конца прошлаго и первыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Объ этомъ послѣднемъ погруженіи намъ разказывали очевидцы и даже участники этого историческаго влодѣлія. Такимъ образомъ на мѣстные архивы разчитывать было нечего; но одинъ старый консисторскій служитель сообщилъ намъ по секрету что на колокольѣ вышшняго Алексѣевскаго монастыря въ какомъ-то застѣнкѣ сложены старыя консисторскія дѣла, свезенныя туда предъ самую ревизію Анненкова, и что объ нихъ теперь всѣ уже забыли, такъ какъ въ нихъ не представляется никакой надобности для текущихъ епархіальныхъ дѣлъ. Благодаря просвѣщенному содѣйствию бывшаго епископа Томскаго Пареева * намъ удалось наконецъ проникнуть въ этотъ таинственный монастырскій застѣнокъ. Въ небольшой комнатѣ на колокольѣ дѣйствительно найдены были цѣлыя кучи старыхъ дѣлъ и документовъ духовнаго вѣдомства; толстый слой пыли покрывалъ эти вороха, такъ что сначала трудно было повѣтъ что скрывается подъ этою пылью. Началась раскопка архивныхъ кургановъ и въ теченіе вѣсколькихъ мѣсяцевъ намъ удалось открыть не мало весьма важныхъ историческихъ документовъ. Прежде всего попалась интересная переписка съ „академіи наукъ профессоромъ Герхардомъ Фридриховымъ Миллеромъ“; потомъ подлинныя документы о ссылкѣ и постриженіи несчастной княжны Долгоруковой; наконецъ между многими другими стали попадаться и разрозненные документы о разстригахъ дѣвкахъ квакереяхъ. Вотъ эти, къ сожалѣнію, весьма немногочисленные документы оставшіеся отъ варварскихъ погруженій.

1) Списокъ монахинь томскаго Христорождественскаго дѣвчья монастыря, составленный 28 февраля 1712 года по

* Скопчанъ архіепископомъ иркутскимъ 21 января 1873 года.

указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексіевича.

2) Указъ великаго господина пресвященнаго Антонія, * митрополита тобольскаго и сибирскаго, изъ его архіерейской канцеляріи заказчику томскаго Алексіевскаго монастыря наместнику іеромонаху Рафаилу отъ 22 октября 1735 года, за № 611. Въ этомъ указѣ говорится о шести монахиняхъ присланныхъ изъ Кузнецкаго женскаго монастыря въ томскій дѣвичій въ непогодное заточеніе. Настоятель Кузнецкаго монастыря игумень Трофимъ, по изашней горлапшости и неумѣстному усердію, тотчасъ по прибытіи этихъ ссыльныхъ въ Кузнецкъ совершилъ надъ ними обрядъ постриженія въ монахию по прежде бывшимъ, какъ онъ оправдывался, примѣрамъ. Указомъ этимъ предписывалось томскому наместнику Рафаилу „по прибытіи оныхъ колодницъ въ Томскъ немедленно ихъ разстричь, а игумена Трофима за самовольство подвергнуть штрафованію. Разстриженныхъ колодницъ въ табеляхъ съ прочими монахинями дѣвичья монастыря не показывать, а писать ихъ на особыхъ листахъ подъ именемъ „рострига дѣвки“ и ежемѣсячно о поведеніи ихъ его пресвященству рапортовать“.

3) Печатный высочайшій указъ, объявленный во всеародное извѣстіе отъ имени Святѣйшаго Синода 9 декабря 1756 года, съ изложеніемъ цѣлой исторіи „какимъ образомъ отъ нѣкотораго недавняго времени богомерзкая называвшаяся квакерская ересь отъ живыхъ оныхъ ереси учителей заворедными ученіями и дѣйствіями возникла.“ Въ этомъ интересномъ указѣ между прочимъ излагается что „несмотря на тяжкія наказанія, которымъ еще въ 1734 году подверглись послѣдователи этой ереси, а заводчики и учителя смертію казнены, оная богопротивная проклятая ересь какъ въ 1745 году возникла и по свидѣнію, učinенному въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, въ той ереси оказалось учителей и причлчившихся оной мужеска и женска пола людей всего чотыреста шестнадцать человекъ.“ Затѣмъ излагаются главнѣйшія черты ученія квакерской ереси: „дѣйствія же въ той богопротивной ереси отъ джеучителей и ересіарховъ оной происходили почти таковыя жъ, каковы и въ указѣ 1734 года объявлены съ нѣкоторымъ тоцію замысленнымъ

* Управляетъ Сибирскою епархіей съ 1721 по 1740 годъ.

обольщеніемъ и съ такимъ при томъ проклятымъ предпріятіемъ что всякому вступившему въ оную богомерзкую ересь въ началѣ отъ жеучителей оной о бытіи въ той ереси непревратнымъ, и несказываніи о томъ ни отцу родному, ни отцу духовному, также и предъ судомъ и якому, хотя бъ ихъ въ томъ куда и взяли, чинима была ложно вымышленная присяга съ такимъ между прочимъ закланіемъ что де ежели кто изъ ихъ согласниковъ куда будетъ взятъ и объ ономъ ихъ злодѣяніи будетъ показывать и объявлять, тотъ де ввержется въ тартаръ,—и при томъ учили тѣ ересіархи воіхъ равно креститься двуперстнымъ знаменіемъ, а крестящихся трехперстнымъ сложеніемъ называли мелотребными людьми и антихристовою печатью; поступившимъ въ оную ересь имена свои для прикритія и смыску перемѣнять, а исповѣдываться у духовныхъ ихъ отцовъ и святыхъ таинъ причащаться не запрещали, дабы ихъ въ той ереси никто не признавалъ; притомъ же бракъ законный возбраняли и чтобы съ имѣющимися законными женами совокупаенія не имѣть, тако жъ холостымъ мужеска пола не жениться, а дѣвкамъ замужъ не ходить, и къ тому приводили изъ книги *Трубы*, да изъ Апокалипсиса что якобы вси святіи, же съ женами не осквернишася, зане дѣвственница суть, послѣдуютъ агаду, что и они разсуждали въ такой же силѣ. А кто отставъ отъ ихъ сборищъ женится, или замужъ дѣвка или женка выдетъ, таковыхъ называли блудодѣями“. Въ заключеніи указа говорится: „а дабы таковой ереси и того вѣдателя ни едина персона въ невѣдѣніи не осталася и отъ того оная ересь не возрасла бы въ великое: ибо чаятельно есть что и еще оная остаткіи свои имѣтъ (какъ о томъ и по обстоятельству самаго дѣла видно есть что оное злодѣяніе начало произрастать уже изъ давныхъ лѣтъ), приказали: во всей Россійской Имперіи лубаковать указами, дабы оной богопротивной ереси участницы и ересіархи ихъ являлись съ приношеніемъ о томъ вины своей“ и т. д.

4) Репортъ въ Томское духовное правленіе города Томска Рождественскаго дѣвичья монастыря священника Андрея Шипова отъ 1 декабря 1760 года. „По полученнымъ изъ Тобольской духовной консисторіи указамъ повелѣно надъ содержащимися въ дѣвичьѣ монастырѣ *кезерской ереси ростриемли-дѣлками* въ содержаніи ими христіанской вѣры и о состояніи житія ихъ каждаго дня въ декабрѣ мѣсца въ

духовное правленіе репортовать, того ради Томскому духовному правленію симъ покорно довшу: уломиваемыя квакерской ереси присылаемыя „ростриги - дѣвки“ житіемъ пребываютъ исправно и вѣру христіанскую содержатъ во всемъ какъ христіанская должность повелѣваетъ; до церкви святой для слушанія славословія Божія всегда ходятъ вѣжливо; во исповѣди у меня, Шихова, и у св. причастія бываютъ цѣлы по дважды, а другія по единому въ годъ не отмѣнно и прежняго за ними злодѣйства вывѣ не оказывается“....

5) Росписаніе составленное въ Томскомъ духовномъ правленіи отъ 14 октября 1775 года „о отосланныхъ въ 1745 году изъ губерніи (Тобольска) въ Томскій дѣвичій монастырь въ работу и содержаніе женска пола „квакерей“: сколько ихъ мовѣ въ живыхъ на лицо состоитъ и сколькихъ отъ роду лѣтъ и которыя изъ оныхъ померли и въ другія мѣста были, о томъ значить ниже сего....“ Изъ этого росписанія видно что въ 1775 году изъ числа 22 колодницъ „квакерей“, находившихся въ Томскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, оставалось въ живыхъ только шесть, именно: Марья Дмитриева, 80 лѣтъ, Анна Васильева — 78, Калитолдина Петрова — 92, Дарья Дмитриева — 82, Ирина Семенова — 82 и Акулина Иванова — 92 лѣтъ. Противъ имени послѣдней сдѣлана слѣдующая отмѣтка: „сказкою оная колодница показала что когда возвращалась всѣмъ изъ Енисейска на прежнія свои жилища въ Москву и она, Акулина, въ то время оставлена была въ Тобольску и послѣ паки бывшія въ Москвѣ сосланы были сюда же въ Сибирь въ ссылку и отъ Тобольской губернской канцеляріи опредѣлены быть въ Томскомъ дѣвичьѣ монастырѣ, съ коими и она, Акулина, и до нынѣ здѣ находится.“ Въ графѣ: отъ чего пролитіе имѣютъ? противъ всѣхъ налицыхъ колодницъ отмѣчено: „пролитываются отъ подаванія милостыни“.

6) Указъ изъ Тобольской духовной консисторіи въ Томское духовное правленіе, отъ 22 марта 1784 года, за № 429. „Въ минувшемъ 1783 году отъ 5 ноября при ралортѣ Св. Синоду отъ его преосвященства представлена была вѣдомость о содержащихся Тобольской епархіи въ монастыряхъ по разнымъ дѣламъ колодникахъ и колодницахъ всего о десяти человекахъ, которые изъ нихъ по содержанію всемилостивѣйшаго ея императорскаго величества 1782 г. августа 7 дня высочайшаго манифеста сдѣловали къ освобожденію изъ содержанія;

а въ той вѣдомости показаны были и находящіяся въ городѣ Томску при приходской Христорождественской церкви (гдѣ былъ до состоянiя духовнымъ мѣстамъ штатовъ двѣичъ монастырь) колодницы бывшія старицы-рострига: Марья Дмитриева и Анна Васильева съ 1744 года за богопротивныя ихъ сборища, мерзкія дѣйства и ложныя противу церкви святой ученiя, и хотя онѣ осуждены были на вѣчное содержаніе, но какъ онѣ находятся въ Сибири чрезъ 39 лѣтъ и весьма престарѣлыя (коимъ Марья 88, а Анна 86 лѣтъ) и чрезъ такіе многіе годы отъ нихъ противности церкви святой не оказывается, то учиненнымъ въ духовной консисторiи опредѣленіемъ заключено было: ихъ, колодницъ, по старости ихъ не перевода изъ онаго мѣста по отдаленности въ содержаніе въ Енисейскій штатный двѣичъ монастырь оставить по смерти ихъ при той же въ городѣ Томскѣ приходской церкви, при коей онѣ нынѣ находятся, на *подавннхъ мѣстахъ* *мирскомъ подѣ смотрѣніемъ* духовнаго правленiя и приходскаго ихъ священника и *тамошняго городничаго* и впредь ихъ въ числѣ колодниковъ уже не показывать.“ Это консисторское опредѣленіе Св. Синодомъ утверждено и исполнить повелѣно, „о чемъ онаго города Томска и господишу городничему изъ духовнаго правленiя сообщить“.

Вотъ и всѣ официальные документы случайно отысканные нами въ забытомъ архивѣ томскаго Алексіевскаго монастыря. Хотя этими архивными остатками не вполнѣ разъясняется интересующій насъ вопросъ о „квакереяхъ“; но тѣмъ не менѣе на основанiи ихъ можно придти къ извѣстнымъ заключенiямъ и сдѣлать болѣе или менѣе достовѣрные выводы.

Несомнѣнно по крайней мѣрѣ то что сосланныя въ Томскій двѣичій монастырь „ростриги двѣчки квакереи“ принадлежали къ той именно сектѣ которая была открыта въ Москвѣ въ 1733 году и о которой безъ особаго ей названiя производилось тогда же въ тайной разыскныхъ дѣлъ канцелярiи обширное сѣдственное дѣло. Эта же самая секта, не болѣе какъ чрезъ 10 лѣтъ, вновь была открыта въ той же Москвѣ и въ произведенномъ о ней въ 1744—1745 годахъ сѣдственномъ дѣлѣ официально была названа уже ересью „квакерскою“. Значить: томскiя „разстриги двѣчки квакереи“ могли быть сосланы въ Сибирь и послѣ первого и послѣ второго производившагося о нихъ дѣла, то-есть и послѣ 1733 и 1744 годовъ. Такъ оно дѣйствительно и было: первая шесть

колодницы были присланы изъ Кузнецка въ Томскій дѣвичъ монастырь въ неисходное заточеніе именно въ 1735 году. А такъ какъ и самая секта, о которой производилось дѣло въ 1733—34 годахъ, не получила еще тогда никакого officialнаго названія, то и эти колодницы присланы были въ Томскъ также безъ особаго имъ какого-либо наименованія; когда же по новому дѣлу, возникшему въ 1744 году, самая секта названа была „квакерскою ересью“, то и сосланные въ то время въ Томскій дѣвичій монастырь разстригидѣвки стали именоваться „квакерейми“. Это вполнѣ подтверждается вышеприведеннымъ расписаніемъ составленнымъ въ Томскомъ духовномъ правленіи „о отосланныхъ въ 1745 году изъ губерніи въ Томскій дѣвичій монастырь въ работу и содержаніе женска пола „квакерей“. Далѣе: при восшествіи на престолъ заолучнаго младенца Іоанна Антоновича, а потомъ черезъ годъ съ небольшимъ при восшествіи императрицы Елисаветы Петровны изданы были всемилостивѣйшіе манифесты, въ силу коихъ всѣ осужденные въ 1734 году и сосланные въ Сибирь сектанты были помилованы и возвращены въ прежнія мѣста жительства. * Этими монаршими милостями воспользовались и колодницы находившіяся въ Томскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и вмѣстѣ со своими подругами сосланными въ Вицеискій женскій монастырь возвратились въ прежнее гнѣздо своей секты, Москву. Сюда же, въ Москву, стали возвращаться и другіе единомышленныя имъ сектанты, ускользнушіе отъ перваго слѣдствія (1733—34) и тайно разбѣжавшіеся въ то время по разнымъ закоулкамъ и окраинамъ Россіи. ** Слова составила многочисленная секта; слова начались ихъ „богопротивныя сборища, мерскія дѣйства и ложныя противу церкви святой ученія“. При многочисленности послѣдователей секты, такіа собранія, болѣе или менѣе многолюдныя, не могли долго оставаться незамѣченными. Секта вновь была открыта правительствомъ въ 1744 году. Возвращенныя изъ дальнихъ сибирскихъ монастырей разстригидѣвки, снова пойманіяся въ руки правительства въ числѣ послѣдователей вновь обнаруженной секты, немедленно были отправлены назадъ въ прежнія мѣста ихъ первой

* *Исторія Россіи* С. Соловьева, т. XXI, стр. 197.

** *Правосл. Обзор.* 1862, августъ, стр. 451. Показаніе іеромонаха Варлаама Фодотова.

смысли; а о другихъ новыхъ членахъ и „заводчикахъ ереси“ (джехристъ Андришка и купецъ Саложниковъ) началось обширное слѣдственное дѣло, производившееся въ 1745—46 годахъ особою слѣдственною комиссіею и извѣстное подъ именемъ дѣла „о квакерской ереси“.

Всѣ эти обстоятельства влодѣ подтверждаются вышешриведенною сказкой, данною въ Томскомъ духовномъ правленіи колодницей Акулиной Ивановой, въ которой она показываетъ что „когда возвращались всѣ оны (вѣроятно въ 1741 и 1742 годахъ) изъ Енисейска на прежнія свои жилища въ Москву, и она, Акулина, въ то время оставлена была въ Тобольску и послѣ лаки бывшія въ Москвѣ сосланы были сюда же, въ Сибирь, въ ссылку и отъ Тобольской губернской канцеляріи опредѣлены быть въ Томскомъ дѣвичьемъ монастырѣ“. Эта новая, вторичная ссылка состоялась именно въ 1744 году, а въ слѣдующемъ 1745 году колодницы эти подъ новымъ названіемъ „квакерей“ прибыли въ Томскъ, но уже въ болѣе значительномъ числѣ; изъ Томска въ Москву отправлялись только *шесть*, а въ Томскъ изъ Москвы прибыло уже 22 души. Съ этого времени во всѣхъ официальныхъ документахъ колодницы эти значатся уже подъ общимъ именемъ: „ростриги дѣвки квакерей“.

Названіе „разстриги“ указываетъ на то что эти „квакерей“ принадлежали прежде къ монашескому званію, при поступленіи въ которое совершается, какъ извѣстно, особый обрядъ постриженія, а при выходѣ изъ него: обрядъ разстриженія. Такъ оно и было дѣйствительно. По дѣлу производившемуся въ 1733 году видно что главнымъ притономъ открытой тогда секты были московскіе женскіе монастыри: Ивановскій, Новодѣвичій, Вознесенскій и др. Во всѣхъ этихъ монастыряхъ большинство монахинь принадлежало къ тайной сектѣ, въ особенности же монахини Ивановскаго монастыря, въ стѣнахъ котораго погребены были главнѣйшіе заправители секты, Иванъ Сусловъ и Проколій Лулкий; въ этомъ монастырѣ имѣла постоянное пребываніе и главная богородица секты, цюкиня Настасья, публично казненная на Сытномъ рынкѣ въ Петербургѣ (октябрь 1733); здѣсь же по смерти главнаго ковоода секты Лулкина приняла постриженіе жена его Акулина Ивановна, вижегородская богородица, которая также по приговору слѣдственной комиссіи была разстрижена, наказана кнутомъ и сослана на „мелеходное заточеніе“

въ Сибирь; прочія же монашки этого монастыря, уличенныя въ ереси, также по разстриженіи и наказаніи кнутомъ разсланы были въ сымаку по разнымъ боѣе или менѣе отдаленнымъ сибирскимъ женскимъ монастырямъ. Однаковой съ ними участи подверглись и всѣ послѣдовательницы секты, монахини другихъ московскихъ монастырей. Такимъ образомъ есть основаніе достоверно полагать что и тѣ „разстриги дѣвки квакерей“, которыя сосланы были въ Томскій дѣвичій монастырь, были прежде того монахинями какого-либо изъ московскихъ женскихъ монастырей, такъ какъ въ силу вышеприведенныхъ высочайшихъ манифестовъ онѣ возвращались назадъ изъ сымаки не въ какія-либо другія мѣста жительства, а именно въ Москву. Даже есть основаніе предполагать что одна изъ этихъ томскихъ разстригъ-квакерей была именно, если не жена ересіарха Лупкина, нижегородская богородица Акулина Ивановна, то по крайней мѣрѣ ея родная сестра, также Акулина, постриженная въ томъ же Ивановскомъ монастырѣ подъ именемъ Александры. Въ черновомъ расписаніи, составленномъ въ 1775 году въ Томскомъ духовномъ правленіи „о отосланныхъ въ 1745 году въ Томскій дѣвичій монастырь женска пола квакерей“, послѣднею изъ нихъ значится именно Акулина Иванова 92 лѣтъ, которая по какимъ-то особеннымъ причинамъ не могла даже воспользоваться всемилостивѣйшими манифестами и была задержана въ Тобольскѣ, тогда какъ другія подобныя ей колодницы одной съ нею секты безпрепятственно возвратились въ Москву; когда же эти самыя подруги ея чрезъ два или три года снова были сосланы въ Сибирь, онѣ застаю ея въ Тобольскѣ и съ нимъ-то „и она, Акулина, отъ Тобольской губернской канцеляріи снова опредѣлена была въ работу и содержаніе въ томскій Христорожественскій дѣвичь монастырь“. Но она въ Москву не возвращалась и въ другой разъ въ сектантствѣ не была уличена,—за что же она и въ Москву не была допущена и вновь маравѣ съ другими сослана? Значитъ: имѣлись же какія-то особыя и весьма уважительныя причины, по которымъ эту колодницу Акулину Иванову, несмотря даже на всемилостивѣйшіе манифесты, и въ Москву не пустили, и снова безъ суда и слѣдствія сослали... По всей вѣроятности, ее считали весьма опасною сектанткой, одною изъ

* Русск. Вѣстн. 1868 г. V. „Тайныя секты“. стр. 62.

главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ сектѣ, а такою именно и была жена ересіарха Лукина, нижегородская богородица Акулина Ивановна.

Итакъ, сосланныя въ Томскій дѣвичій монастырь и такъ долго проживавшія въ самомъ Томскѣ разстриги-дѣвки квакеры, на основаніи вышеприведенныхъ историческихъ документовъ и соображеній, были несомнѣнно монахиня одного изъ московскихъ монастырей, по преимуществу Ивановскаго, принадлежавшія къ той сектѣ о которой два раза производились въ Москвѣ весьма обширныя дѣла въ 30хъ и 40хъ годахъ прошлаго столѣтія. За принадлежность къ этой сектѣ, по приговорамъ слѣдственныхъ комиссій, онѣ были лишены монашескаго званія, разстрижены, наказаны кнутомъ и сосланы въ ссылку по разнымъ сибирскимъ женскимъ монастырямъ. А такъ какъ секта эта въ 40хъ годахъ прошлаго столѣтія получила официальное названіе „квакерской ереси“, то и всѣ колодницы осужденныя за эту ересь стали именоваться во всѣхъ официальныхъ актахъ не иначе какъ „квакерыми“.

II.

Что же это за секта получившая официальное названіе „квакерской ереси“? Почему она была такъ названа?

Мы уже видѣли что секта открыта правительствомъ въ 1744 г. по существу своему была та же самая о которой производилось такое же обширное слѣдственное дѣло въ 1733—1734 годахъ, даже дѣйствующія лица въ большинствѣ были одни и тѣ же, напримѣръ: монахини возвратившіяся въ Москву изъ Сибири послѣ первой ихъ ссылки туда, а также и всѣ ихъ единомышленники ускользнувшіе отъ перваго слѣдствія и разбѣжавшіеся по разнымъ концамъ Россіи, а потомъ чрезъ десять лѣтъ, по минованіи опасности, снова возвратившіеся въ Москву; перемѣнились собственно одни только заправители и заводчики секты: въ первомъ случаѣ (въ 1732—33 гг.) главными дѣйствующими лицами были монахиня московскаго Ивановскаго монастыря Анастасія (въ мѣрѣ Агаея Карлова) и важнѣйшіе ея сотрудники московскаго Высоколетровскаго монастыря іеромонахи Фидлареть и Тихонъ; * теперь же (1744—45 гг.) главными

* Всѣ трое были казнены въ Петербургѣ на Сытномъ рынкѣ въ октябрѣ 1738 года.

руководителями секты были какой-то Андриушка-юродъ * и московскій купецъ Григорій Саложниковъ. Самыя ихъ „богопротивныя сборища, мерзкія дѣйства и ложныя противу церкви святой ученія“ были опять тѣ же самыя. Переменялось собственно одно только названіе: въ тридцатыхъ годахъ секта называлась просто „богопротивною и богомерзкою ересію“ а теперь, въ сороковыхъ годахъ, получила новое офціальное и при томъ пноземное наименованіе „квакерской ереси“. Отъ чего жъ это могло произойти? Развѣ новымъ разслѣдованіемъ открыта была несомнѣнная связь этой секты съ пноземнымъ квакерствомъ? Что могло повести къ такому открытію: собственныя ли показанія опрошенныхъ сектантовъ, отобранныя ли у нихъ символическія книги и рукописи секты, или къ такому заключенію должны были придти сами слѣдователи и судьи на основаніи очевидно сходныхъ пунктовъ ученія и обрядовъ изслѣдуемой ими секты съ пноземнымъ квакерствомъ? Или, наконецъ, имѣлись на то особыя причины, оставшіяся секретомъ самихъ слѣдователей и судей? Мы знаемъ что во главѣ слѣдственной комиссіи тридцатыхъ годовъ стоялъ знаменитый Теофанъ Прокоповичъ, несомнѣнно ученѣйшій мужъ своего времени, котораго даже подозрѣвали и не разъ укоряли въ сочувствіи протестантству, въ приверженности ко всему пноземному: ему бы всего удобнѣе было опредѣлять сходство ученій секты, о которой производилось дѣло, съ какимъ-либо пноземнымъ вѣроученіемъ и согласно тому дать ей названіе; однако онъ этого не сдѣлалъ, а назвалъ секту просто неопредѣленнымъ именемъ богопротивной и богомерзкой ереси. Вторымъ не менѣе вліятельнымъ членомъ слѣдственной комиссіи былъ нижегородскій архіепископъ Питиримъ, отличный знатокъ и ревностный противникъ раскола. Безъ сомнѣнія онъ не могъ не видѣть что изслѣдуемая секта ни по духу своего ученія, ни по своимъ обрядамъ, а въ особенности по своимъ вѣшнимъ отношеніямъ къ православной церкви, положительно не имѣетъ ничего общаго со всѣми хорошо ему извѣстными раскольничьими толками и согласіями. При такихъ данныхъ Питириму, знатоку раскола, всего естественнѣе было высказать мнѣніе объ пноземномъ

* Помѣщикъ крестьянъ Орловской губ., Стѣвскаго уѣзда, села Брасова, Андрей Петровъ.

происхожденіи секты, однако оны этого также не сдѣлали, а согласились назвать изслѣдуемую секту самымъ общимъ, самымъ неопредѣленнымъ названіемъ богопротивной и богомерзкой ереси. Причина этого весьма понятна и проста: въ то время въ Россіи господствовали и верховодили всѣмъ цоземцы со страшнымъ Биромъ во главѣ, и многіе изъ іерарховъ русскихъ за одно только неосторожное слово объ цоземцахъ поплатились очень жестоко, нѣкоторые изъ нихъ даже томидись въ душевыхъ темницахъ, будучи предварительно „ошельмованы“, то-есть безчестнѣйшимъ образомъ биты лублично кнутомъ. Въ такое время объявлять преслѣдуемую секту цоземною, давать ей какое-нибудь нѣмецкое названіе было сапшкомъ рискованно и опасно. Теофанъ и Питиримъ отлично это понимали и знали, и еслибы секта была дѣйствительно и завѣдомо цоземскаго происхожденія, все же они не рѣшились бы назвать ее собственнымъ цоземнымъ именемъ, опасаясь за то неминуемой ослалы. Въ цвомъ положеніи находились слѣдователи сороковыхъ годовъ: царство цоземцевъ на Руси кончилось; кормило правленія государственнаго перешло въ руки русскихъ людей и всѣ потерлѣвшіе въ предыдущее царствованіе прирожденные русскіе свѣтскаго и духовнаго чина люди, кто уцѣлѣлъ, всѣ возвращены изъ заточеній, выведены изъ темницъ, взысканы разными милостями. Десятками лѣтъ накопившая народная ненависть къ цоземцамъ сказывалась теперь громко, открыто на площадяхъ и даже въ соборныхъ храмахъ, въ присутствіи самой императрицы. Такъ первевствующій членъ Святѣйшаго Синода архіелісколь новгородскій Амвросій произносилъ проповѣдь въ день рожденія императрицы (18 декабря 1741 года) оцель возможнымъ употребить объ цоземцахъ такіа смѣлыа выраженія: „смотри, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость: волевыхъ, на благочестіе и вѣру нашу православную наступили, но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но неолребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняють. О коль многое множество людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ (изъ Русскихъ) истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную (канцелярію) лохищали, въ смрадныхъ узницлахъ и темницлахъ заключали,

гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невняную потоками проливали.“ Въ тотъ же самый день другой церковный проповѣдникъ въ одномъ изъ московскихъ соборовъ выражался еще свободнѣе, не стѣсняясь даже указывать прямо на личности: „древо сіе (то-есть русское царство) ови челоувѣкоядцы-лтицы, Остермавъ и Минихъ со своимъ стадищемъ начали было сѣщи и терзати... Яко же бо Диу и Ермію во языцѣхъ, тако Остермавъ и Минихъ были въ Россіи кумиры златые, имъ же яко болвавомъ вѣщныи жрѣтви не устыдѣшася“... * Озлобленіе народное противъ иноземцевъ не разъ доходило въ то время до кровавой расправы, причемъ народная толпа громко высказывала свои намѣренія и желанія: „всѣхъ васъ, вѣмецкихъ собакъ, уходитъ надобно“. ** При такомъ всеобщемъ настроеніи достаточно было окрестить иноземнымъ прозвищемъ какое угодно дѣло, постулокъ, учрежденіе или цѣлое сообщество, секту, чтобы возбудить къ нимъ всеобщее отвращеніе и ненависть. А такое именно отношеніе къ богопротивной и богомерзкой ереси и желательно было возбудить во всѣхъ слояхъ озлобленнаго народа. Назови тогда эту секту какимъ угодно русскимъ именемъ: акулловщиной, Сусловщиной, Филалловцами, этимъ названіемъ можно было только обратитъ на нее народное вниманіе и даже благорасположеніе; но окрестить ее вѣмецкимъ прозвищемъ, дать ей иноземную клачку да еще съ прибавленіемъ такихъ внушительныхъ словъ какъ „богопротивная и богомерзкая“, это значило по тогдашнему времени и всеобщему настроенію возбудить къ ней народную ненависть и омерзеніе. Какое же можно было подыскать ей подходящее иноземное прозвище? Назвать лютеранствомъ или протестантствомъ было неудобно, неполитично и несправедливо въ виду того что и въ Москвѣ и въ Петербургѣ были тогда многія открытыя, дозволенные правительствомъ лютеранскія кирхи съ учеными и краснорѣчивыми пасторами, которые не преминули бы вступать по этому поводу въ открытую полемику и обличить несправедливость подобнаго наименованія секты. При томъ же и само правительство тогдашнее ничѣмъ не выразило своего нерасположенія къ лютеранству или протестантству, какъ религіознымъ исповѣданіямъ, а въ высшихъ

* *Исторія Россіи*. С. Соловьева. Т. XXI, стр. 180, 181 и 183.

** Тамъ же.

придворныхъ и правительственныхъ кругахъ еще пользовались большимъ значеніемъ и имѣли огромное вліяніе нѣкоторые иностранцы (Лестокъ, Брюмеръ, Шетарди и пр.). Поэтому всего удобнѣе было отыскать изъ появлявшихся когда-либо въ Россіи иноземныхъ сектъ такую именно которая не пользовалась бы особымъ значеніемъ, не имѣла бы открытыхъ храмовъ и богослуженія, или значительныхъ по своему политическому и общественному положенію приверженцевъ, — словомъ, такую имя которой не раздражало бы ничего національнаго самолюбія, не возбуждало бы жалобъ или придворныхъ интригъ или открытаго полемическаго препирательства. Такою подходящею и для всѣхъ безобидною иноземною сектой была именно „ересь квакерская“, послѣдователи которой были и малочисленны и не значительны какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Кромѣ того, ересь эта во всѣхъ слояхъ тогдашняго русскаго общества была малоизвѣстна: въ народной памяти могъ сохраниться только одинъ случай напоминавшій о какомъ-то иноземномъ квакерствѣ, именно: страшная казнь нѣмецкаго Квирина Кульмана и товарища его Нордермана, сожженныхъ въ Москвѣ въ 1689 году. Ни самое вѣроученіе полуломѣшанскаго мистика Кульмана, съ проповѣдью котораго онъ обращался преимущественно только къ иноземцамъ, проживавшимъ въ нѣмецкой слободѣ, Англичанамъ, Голландцамъ и Нѣмцамъ, ни его жалкія книжонки (прохладительная псалтирь), распространившіяся въ небольшомъ количествѣ только двумя его приверженцами, Генивомъ и Нордерманомъ, не могли быть извѣстны большинству русскихъ людей уже потому что и проповѣдь и книжки были изложены на иностранномъ языкѣ, недоступномъ массѣ Русскаго народа. Сама проповѣдь Кульмана продолжалась всего только одинъ мѣсяцъ и за такое короткое время не могла конечно приобрести ни широкаго распространенія, ни значительнаго вліянія на умы: 28 числа апрѣля 1689 года Кульманъ пріѣхалъ въ Москву, а 28 мая его уже схватили, подвергли страшнымъ пыткамъ съ крючьями и дыбой и 4 октября того же года публично сожгли на кострѣ *. Будь это русскій раскольникъ,

* Русскій Вѣстникъ 1867 г. кн. XI и XII. „Квирина Кульманъ“ г. Тихомирова.

народная толпа увѣчала бы его ореоломъ мученичества; но это былъ ненавистный иноземецъ, выданный и пресѣдуемый своими же собратьями Нѣмцами, еретикъ, бредни котораго публично признаны „хульными и богомерзкими“. Что же могла почувствовать къ такому человѣку собравшаяся вокругъ его костра любопытная толпа московскихъ обывателей? Какое сочувствіе могла она высказать ему при этомъ? „Туда тебѣ и дорога, вражій сывъ“, вотъ что могли сказать при этомъ глубоко предубѣжденные противъ всѣхъ иноземцевъ настоящіе русскіе люди тогдашняго времени. Такимъ образомъ ни самая личность перваго заводчика квакерской ереси въ Москвѣ, ни его вѣроученіе, почти никому изъ Русскихъ неизвѣстное, не представляли для нашихъ слѣдователей и судей никакихъ опасеній какъ въ политическомъ, такъ и въ вѣрословѣнномъ отношеніи, а между тѣмъ этимъ безобиднымъ для всѣхъ способомъ, иноземнымъ наименованіемъ секты достигалась, какъ мы указали выше, весьма важная политико-религіозная цѣль. Впрочемъ, нельзя отвергать совершенно и той мысли что лобудительною причиною и нѣкоторымъ основаніемъ для присвоенія этой сектѣ иноземнаго наименованія квакерской ереси могло служить то обстоятельство что члены слѣдственной комиссіи, ознакомившись со всѣми подробностями дѣла, не могли не подмѣтить нѣкотораго сходства во внѣшнихъ дѣйствіяхъ культа этой секты съ такими же дѣйствіями и приѣмами употреблявшимися и между послѣдователями настоящей иноземной квакерской секты. Тамъ наши русскіе сектанты въ своихъ богопротивныхъ сборищахъ и мерзкихъ дѣйствіяхъ „кружились, вертѣлись, тряслись, якобы вдохновлялись свыше, приходили въ религіозный экстазъ и въ этомъ невмѣльномъ состояніи якобы пророчествовали“. Нѣкоторыя черты и приѣмы этихъ наружныхъ возбудительныхъ тѣлодвиженій приписывались и настоящимъ иноземнымъ квакерамъ, чего не могли не знать и члены слѣдственной комиссіи сороковыхъ годовъ, люди все-таки относительно умные и ученые*. Но такіе ничтожные признаки сходства внѣшнихъ дѣйствій въ нашей русской и иноземной квакерской сектѣ могли служить

* Бергъ-Коллегія совѣтниковъ Казариновъ съ двумя ассессорами и Саваяно-Греко-Латинской Академіи ректоръ архим. Порфирій съ двумя священниками. *Исторія Россіи* С. Соловьева т. XXII, стр. 30.

только второстепенною причиною къ наименованію первой именемъ второй. Что же касается внутренней, духовной связи, какая существуетъ между всѣми мистическими и рационалистическими сектами, а въ томъ числѣ и между этою сектою и квакерствомъ, то до этой широкой мысли едва ли въ состояніи были возвыситься означенные, хоть и ученые по тогдашнему, члены слѣдственной комиссіи. Эта внутренняя, идейная связь между сектами мистическаго направленія подмѣчена и указана не въ то время и не такими учеными исследователями каковы были члены нашей русскою слѣдственной комиссіи сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Обращаясь затѣмъ къ самой процедурѣ слѣдственнаго дѣла о квакерской ереси, мы не находимъ въ немъ никакихъ данныхъ или, выражаясь современнымъ юридическимъ языкомъ, никакихъ „вещественныхъ“ доказательствъ, на основаніи которыхъ члены слѣдственной комиссіи имѣли бы право дать сектѣ именно такое, а не какое-нибудь другое названіе. При всѣхъ обыскахъ и розыскахъ ни у кого изъ послѣдователей этой секты не найдено ни единой еретической книги или рукописи, не только квакерской, но и какой бы то ни было другой пноземной секты; напротивъ, изъ единогласнаго показанія всѣхъ сектантовъ открывалось ясно что они не содержатъ никакого печатнаго или писаннаго ученія, что даже одинъ изъ главныхъ заводчиковъ секты Давидъ Фицпильвъ имѣвшіеся у него печатныя книги, даже священныя, оцель необходимымъ потопить въ Воугѣ, убѣдившись въ непригодности ихъ для служенія Богу и спасенія души *. Никонецъ всѣ очень многочисленныя послѣдователи секты, во всѣхъ своихъ показаніяхъ данныхъ ими слѣдственной комиссіи, ни въ случаяхъ истиннаго раскаянія, ни среди жесточайшихъ пытокъ въ застѣнкахъ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, ни гдѣ ни однимъ словомъ не указали членамъ комиссіи ни малѣйшей своей связи не только съ квакерствомъ или другимъ какимъ-либо пноземнымъ вѣроучиемъ, но даже и съ нашимъ доморожденнымъ расколомъ. Очевидно было изъ всего этого что слѣдственная комиссія имѣеть дѣло съ оригинальною, самобытною русскою сектою, не имѣющею ничего общаго ни съ квакерствомъ, ни

* Русскій Вѣстникъ 1869 г. V. „Бѣлые голуби“, стр. 317.

съ какимъ-либо другимъ проземнымъ вѣроученіемъ и, несмотря на все это, члены комиссіи сочли нужнымъ дать ей проземное названіе вопреки всѣмъ заявленіямъ и показаніямъ самыхъ сектантовъ; ясно что это проземное названіе „квакерская ересь“ было придумано съ намѣреніемъ, съ какою-то задвѣю мыслію.

Далѣе, если мы обратимъ строгое вниманіе на самую исторію происхожденія секты, о которой идетъ рѣчь, на ея догматическое и нравственное ученіе, на вѣщныя приемы работавшаго сектантами богослужебнаго ихъ культа, во всѣхъ этихъ соотношеніяхъ мы также не найдемъ никакой близкой связи ея съ настоящимъ квакерствомъ. Генеалогія разсматриваемой нами секты въ непрерывной фактической связи восходитъ гораздо далѣе того времени когда появилось у насъ на Руси не только проземное квакерство, но и самый нашъ расколъ. Мы видѣли уже что секта официально названная въ 40хъ годахъ прошлаго столѣтія квакерскою ересью была прямымъ продолженіемъ секты 30хъ годовъ того же вѣка, а эта въ свою очередь имѣла непрерывную связь съ тѣми сектами о которыхъ производились сѣдственыя дѣла въ 1721, 1717, въ 1713 гт. и т. д. Главнымъ заводчикомъ секты 30хъ годовъ былъ нижегородскій отставной стрѣлецъ Прокопій Давидовъ Дулкинъ, стоявшій во главѣ секты съ 1713 года. Силу и значеніе между своими послѣдователями онъ преемственно унаследовалъ отъ другаго также главнаго заводчика секты Ивана Тимоѣева Суслова, умершаго въ глубокой старости въ 1717 году. Этотъ Сусловъ былъ заправителемъ секты болѣе 60ти лѣтъ, съ 1649 по 1713 годъ. Главное верховодство въ сектѣ онъ также преемственно унаследовалъ отъ нѣкогого Давида Филиппова, который былъ въ свою очередь ученикомъ лустыньника и въ послѣдствіи важнаго расколоучителя Калитова. Все это лица не мифическія, * не вымышленныя, а дѣйствительно существовавшія, историческія, о которыхъ въ свое время производились обширныя официальные дѣла. Хотя многіе факты изъ ихъ жизни принимаютъ въ разказахъ позднѣйшихъ ихъ послѣдователей фантастическій, баснословный характеръ и обстановку; но что они были люди

* Какъ полагаетъ г. Соколовъ, „Отношеніе протест. къ Россіи“ стр. 171.

дѣйствительные, а не мѣны, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Такимъ образомъ историческое начало разсматриваемой нами секты въ непрерывномъ, преемственномъ порядкѣ восходитъ къ самому началу XVII вѣка, когда ни квакерства, ни самаго раскола старообрядства еще не было на русской землѣ. *

Перейдемъ къ ученію секты. Основная идея всѣхъ религиозно-мистическихъ сектъ, когда-либо существовавшихъ въ человѣчествѣ, заключается главнымъ образомъ въ прирожденномъ духу человѣческому стремленіи къ болѣе или менѣе тѣсному и такъ или иначе доступному для человѣка сближенію и единенію съ божествомъ. Въ этомъ стремленіи, въ этомъ основномъ пунктѣ религіознаго вѣроученія, сходятся между собою всѣ мистическія и рационалистическія секты всѣхъ вѣковъ и народовъ; но въ выраженіи, въ примѣненіи, въ реализаціи этой самой идеи оны расходились и будутъ расходиться между собою до безконечности, до невозможности услѣдить всѣ разнородные отбѣлки и варіанты этой реализаціи. Тутъ, какъ говорится, „всякій молодецъ на свой образецъ“. Это разнообразіе, эта почти неудовимая разность въ реальномъ выраженіи всѣхъ подробностей своего вѣроученія и составляетъ отличительную черту, существенную особенность каждой секты; въ этомъ отношеніи каждая секта можетъ быть вполнѣ оригинальною, самобытною. Нагляднымъ доказательствомъ этому можетъ служить разсматриваемая нами секта названная „квакерскою ересью“: по общей идее она, пожалуй, имѣетъ нѣчто сходное не съ однимъ только квакерствомъ въ частности, а со всеми вообще мистическими и рационалистическими сектами когда-либо существовавшими; но въ примѣненіи, въ осуществленіи, въ реализаціи этой идеи она выработала для себя такія особенности, такія рѣзкія, своеобразныя, ей одной исключительно принадлежація черты какихъ мы при всемъ стараніи

* Предположеніе г. Соколова что „и прежде появленія Кульмана въ Москвѣ квакеры могли тайно проживать въ ней между протестантами, такъ что эти самые протестанты не знали что въ ихъ обществѣ скрывались потаенные квакеры“, черезчуръ произвольно. На такихъ смѣлыхъ догадкахъ можно строить какіе угодно выводы, только не историческіе. „Отнош. протест. къ Россіи“, стр. 176, 177.

не можемъ найти ни въ какой другой сектѣ, ни нвоземной ни туземной. Возьмемъ для примѣра основные догматы вѣроученія нашей оригинальной секты, догматъ № 1: Наши сектанты несомнѣнно вѣрують въ возможность воплощенія всѣхъ трехъ лицъ Св. Троицы, но съ тѣмъ различіемъ что первое лицо Св. Троицы Богъ-Отецъ воплощался только одинъ разъ въ лицѣ ихъ первоначальнаго заводчика Давида Фидилловича, второе лицо, Сынъ Божій воплощался уже нѣсколько разъ подъ именемъ Ивана Тимофеевича Суслова, Проколія Давидовича Лулкина, блаженнаго юрода, Андрея Петрова и т. д. Третье лицо Св. Троицы, Духъ Святый воплощается постоянно, непрерывно въ лицѣ ихъ пророковъ и пророчицъ. Догматъ № 2: сектанты допускають и глубоко вѣрують въ возможность личнаго (выражаясь богословски: уностаснаго) соединенія Бога съ человѣкомъ, отождествляють Бога и человѣка, такъ что какой-нибудь Давидъ Фидилловъ былъ, по ихъ глубокому и несомнѣнному убѣжденію, дѣйствительное истинный Богъ-Савасоѣ, творецъ міра, а Иванъ Сусловъ и отставной страдлецъ Лулкинъ были, каждый въ свою очередь, истинный Сынъ Божій, второе лицо Св. Троицы*. Изъ самаго существа этихъ двухъ основныхъ догматовъ вытекаетъ самъ собою догматъ № 3: обоготвореніе человѣка и воздаваніе ему божескихъ почестей, что дѣйствительно и практиковалось (а можетъ-быть гдѣ-нибудь и доселѣ практикуется) у нашихъ безразсудныхъ сектантовъ: предъ своими „живыми богами“, Сусловымъ и Лулкинымъ, они молчали съ крестнымъ знаменіемъ (объими руками), какали предъ ними земные поклоны, возглагали овѣщ, воскуряли енциамъ, привослаи слезное покаяніе во грѣхахъ. Достаточно этихъ трехъ главныхъ догматовъ чтобъ убѣдиться въ томъ что разсматриваемая нами секта не имѣла и не имѣеть ничего сходнаго ни съ квакерствомъ, ни съ какимъ-либо другимъ нвоземнымъ мистическимъ ученіемъ.

Обширный кодексъ нравственнаго ученія нашихъ сектантовъ по буквѣ своей весьма строгъ; но въ приложеніи на практикѣ онъ допускаетъ такое безцеремонное извращеніе

* Тамъ же, *Русск. Вѣсти.* 1868 г. V. 33. Нѣчто подобное въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія практиковалось у нѣмецкихъ пѣтистовъ. Диксонъ, *Духовный ъзвѣнъ*, стр. 91.

всѣхъ нравственныхъ понятій и отношеній, какого такъ же мы не можемъ отыскать и даже заподозрить ни въ какой другой мистической сектѣ. По буквѣ нравственнаго ученія нашихъ сектантовъ, предписывается, напримѣръ, строжайшее цѣломудріе: „не жемимые не жемитею, жемимые разжемите“, * и рядомъ съ этою строгою заповѣдію уживается тутъ же самый открытый развратъ, не одноличное ладеніе извѣщаемое слабостію человѣческою, а развратъ общественный, допускающій воѣ противоестественныя виды кровосмѣшенія (свадьный грѣхъ). На чердакѣ келій монахини московскаго Ивасьоваго монастыря Анастасіи, каменной въ 1733 году и бывшей тогда богородицей секты, у которой собирались сектанты по ночамъ для своихъ „радѣній“, найдены были свѣдѣственною комиссіей напередъ приготовленныя кровати въ немаломъ количествѣ... Къ такому отвратительному, свадьному разврату сектанты возбуждались своими богослужбыными обрядами; въ собраніяхъ своихъ они, между прочимъ, скакали, кружились мушкетеры и женщины вмѣстѣ до тѣхъ поръ какъ отъ обильнаго пота взмокнутъ на нихъ рубашки и тогда, скинувъ ихъ, продолжаютъ свое дѣло нагишемъ... ** И все это безобразіе они кощунственно называютъ „любовію христовою“; даже болѣе того, когда одного изъ недавнихъ (1855 г.) сектантскихъ „христовъ“ Василія Радаева изобличили въ преступной связи со тринадцатію женщинами и дѣвушками, онъ открыто и самоуверенно заявилъ предъ свѣдѣственною комиссіей „что такъ онъ поступалъ не по своей волѣ, а по волѣ Св. Духа въ немъ дѣйствующаго“... ***

Наконецъ вышній богослужбыный куланъ, совершенно отвергаемый настоящими квакерами и другими мистическими и рационалистическими сектами, у нашихъ сектантовъ напротивъ развитъ довольно широко. Кроме особаго церемоніала совершаемаго при вступленіи въ секту новаго члена, у нихъ существуетъ напримѣръ особое

* Шестая заповѣдь превышняго бога Давиды Филипповича. *Русск. Вѣстн.* 1868 г. V, стр. 33.

** *Русск. Вѣстн.* 1869 г. V, стр. 357.

*** Тамъ же, стр. 346. По ученію сектантскихъ моралистовъ въ духѣ Радаева, самое цѣломудріе есть смертный грѣхъ гордыни; а потому всякая дѣвушка не должна хранить своего дѣвства, чтобы ей нечѣмъ было гордиться предъ потерявшими себя подругами. Тамъ же, стр. 346.

богослужбное облаченіе, такъ-называемыя „радѣльныя“ рубахи и полатенца или платки (знамя); кромѣ того употребляютъ восковыя свѣчи, елей, ладанъ, кадильницы, совершается хоровое пѣніе, затѣмъ странныя хожденія по моленной комнатѣ, кругообразныя, крестовидныя, бѣганье, скаканье, верченье до упаду, все это своего рода обряды. Наконецъ крестное знаменіе и земныя поклоны предъ своими живыми „христами и богородицами“, причащеніе сухарями и квасомъ, иногда изюмомъ и проч., все это такія вѣщныя принадлежності культа которыхъ нѣтъ въ цюземномъ квакерствѣ, запрещающемъ своимъ членамъ даже скидывать шляпы предъ самими государями, чтобы не выразить тѣмъ какого-либо предпочтенія кому бы то ни было изъ людей. Воздавая божеское покловеніе своимъ живымъ христамъ и богородицамъ, сектанты наши не отвергаютъ поклоненія и предъ истинными иконами почитаемыми православною церковію: не только въ своихъ домахъ, но даже и въ общественныхъ молебныхъ они имѣютъ и чувствуютъ иконы Христа Спасителя, Божіей Матери, Святителя Николая, которыхъ они называютъ „старыми богами“ и наряду съ этими иконами ставятъ лубочныя изображенія своихъ новыхъ боговъ, напримѣръ, вижегородской богородицы Арины Нестеровны, московской богородицы Агафьи Карповы. На вопросъ: почему они такъ поступаютъ, сектанты отвѣчаютъ обыкновенно что они дѣлаютъ это для того чтобы и *старыхъ боговъ не сердить, и новыхъ угодить!*... Руководствуясь такою двоедушною моралью они практикуютъ ее и въ своихъ отношеніяхъ съ православною церковію и со своимъ приходскимъ православнымъ духовенствомъ: ревностно посѣщаютъ святыя храмы, служатъ въ нихъ молебны, панихиды, принимаютъ всѣ таинства, всѣми способами стараются показать себя истинно православными и усердными прихожанами, щедро награждаютъ свое приходское духовенство за всѣ совершаемыя въ ихъ домахъ духовныя требы, дѣлаютъ большія пожертвованія на постройку и украшеніе православныхъ храмовъ. Такія видимыя, вѣщныя отношенія сектантовъ ко православною церкви составляютъ исключительную особенность ихъ секты, особенность выдѣляющую ихъ изъ ряда всѣхъ другихъ и цюземныхъ, и туземныхъ сектъ, не исключая и всѣхъ толковъ и согласій нашего русскаго раскола.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы считаемъ себя въ правѣ утверждать что секта названная въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія „квакерскою ересью“ получила это иноземное названіе не по существу дѣла, не по какому-либо сходству или связи своей съ настоящимъ иноземнымъ квакерствомъ, а предумышленно, преднамѣренно, по особымъ соображеніямъ и съ особою цѣлю.

III.

Какое же настоящее наименованіе этой секты, вполнѣ соответствующее ея вѣроученію и внѣшней обрядности?

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія великій ревнитель православія Святитель Димитрій Ростовскій въ своемъ замѣчаніи *Розыскъ о Брянской ерѣ* далъ этой сектѣ названіе *Христовщины*, на томъ основаніи что послѣдователи ея вѣрятъ въ живыхъ „христовъ“, которыхъ они почитаютъ и боготворятъ. Названіе вполнѣ вѣрное и справедливое; но оно не сохранилось за этою сектою въ послѣдующіе періоды ея существованія. Напротивъ, и въ нашемъ простомъ народѣ, и въ самой исторической литературѣ нашей, и свѣтской и духовной, присвоено ей особое, весьма мѣткое и характерное прозвище *Хлестовщины*.... Это названіе остается за сектою до настоящаго времени и имѣетъ свою исторію. Въ 1721 году въ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи производилось большое дѣло о сектантахъ, къ числу которыхъ принадлежалъ между прочими князь Ефимъ Васильевичъ Мещерскій, проживавшій въ своемъ имѣніи, селѣ Козьмодемьянскомъ Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи. Князь былъ чело-вѣкъ именитый, очень богатый, съ большими связями, родственникъ олаальной царицы Евдокіи Федоровны Лолухиной. Въ своемъ барскомъ домѣ онъ устроилъ обширную моленную съ какимъ-то необыкновеннымъ стекляннмъ колоколомъ; въ этой моленной были у него и мощи, и святая цѣлебная вода, и чудотворная икона Смоленской Божіей Матери, и этотъ таинственный колоколъ съ диковицинымъ звономъ. О князѣ ходила въ народѣ молва что онъ самъ отправляетъ въ своей моленной всѣ церковныя службы, радушно принимаетъ всѣхъ приходящихъ къ нему моельщиковъ, много по-даетъ милостыни, принимаетъ у себя странниковъ, болящихъ,

увѣчныхъ, но что всего важнѣе и удивительнѣе, князь изгоняетъ даже бѣсовъ своими усердными молитвами и отчитываніемъ, а также кропленіемъ святою водою и *мелетаньемъ* какими-то таинственными деревянными четками. Помянуто что къ такому благодѣтелю, къ такому „божественному“ человѣку народъ стекался огромными массами со всѣхъ концовъ Московскаго царства, куда только доходила стоустая молва о князѣ; въ особенности же его посѣщали ближайшіе единомышленники-сектанты одного съ нимъ направленія. Объ одномъ такомъ посѣщеніи сохранились въ дѣлахъ тайной канцеляріи очень любопытныя подробности: еще въ 1718 году въ московскомъ женскомъ Рождественскомъ монастырѣ приключился слѣдующій замѣчательный казусъ: во время всемогущей, наканунѣ праздника Рождества Богородицы, среди соборной монастырской церкви явилась какая-то юродствующая Марьюшка, босая, съ растрепавшимися волосами, еле-еле прикрытая какими-то лохмотьями, чуть не нагишомъ... Предъ самымъ выносомъ Евангелія юродивая завизжала на всю церковь, стала ломать себѣ руки, закинула назадъ голову и, трясясь всѣмъ тѣломъ, начала вертѣться на одномъ мѣстѣ... Народъ разступился... Марьюшка вертѣлась, вертѣлась и въ страшныхъ конвульсіяхъ упала на полъ; ее подняли, отнесли въ одну ближайшую келью, въ которой она съ того времени и поселилась. Начались посѣщенія „одержимой“, пошли разговоры о видѣніяхъ, составила порядочная секта, къ которой примкнули не только монахи Рождественскаго монастыря, но и многіе посторонніе люди изъ города. Въ одно прекрасное утро все это сообщество съ босою Марьюшкой во главѣ задумало совершить путешествіе на богомолье къ дивному князю, „божественному“ человѣку. Отправились, взяли съ собою на всякій случай какую-то бѣсноватую Аринушку, которую всѣ называли „верижницей“, потому что она носила тяжелыя вериги... Благодушный князь весьма ласково встрѣтилъ благочестивыхъ странниковъ и сейчасъ же повелѣлъ ихъ въ свою молельню. Тутъ онъ три раза ударилъ въ свой таинственный стеклянный колоколь, и чудные, неслыханные звуки сразу поразили пришедшихъ, они остановились въ изумленіи, въ какомъ-то очарованіи, какъ бы слушая неземные звуки... Среди наступившей мертвой тишины, лишь только стихли дивные звуки, князь началъ медленно, торжественно-заумно читать утреню... Бѣсъ сидѣвшій въ Аринушкѣ не

выдержалъ... Она застонала, завизжала, ее начало коробить, корчить: то подпрыгнетъ она вверхъ, то грохнется объ землю, произнося бессмысленныя рѣчи, прерываемыя собачьимъ лаемъ или свиннымъ хрюканьемъ... Присутствующіе пришли въ ужасъ, били себя руками въ грудь, охали, воздыхали, многіе прослезилась... Князь подошелъ къ Ариѣ и началъ *алестать* ее деревянными четками по головѣ, по плечамъ, по груди, грозно, самоувѣренно приговаривая: „изыди, нечистый душе!“ Ариѣ стихла, присмирѣла, и торжествующій князь самъ пришелъ въ восторженное состояніе... Тутъ вышелъ на средину зарайскій подъячій Федоръ Григорьевъ, занимавшій въ сектѣ весьма видное мѣсто, и началъ „радѣть“: онъ кружился, кружился и какъ мертвый улалъ на землю. Восторженный князь и его *алесталъ* четками... * Отъ этого хлестанья четками и пошло прозвище сектантамъ и самой сектѣ: *алысты*, *алыстовщина*... Впрочемъ приемъ употреблявшійся княземъ Мещерскимъ со спеціальною цѣлю изгнанія бѣсовъ практикуется и повсюду въ нѣкоторыхъ сектантскихъ общинахъ, только съ другою цѣлю, для измуренія плоти, для возбужденія духа... Нѣкоторые сектанты и теперь во время своихъ радѣній хлещутъ самихъ себя или взаимно другъ друга тонкими прутьями или жгутиками скрученными изъ платковъ или длиннаго холста. Говорятъ что у нихъ существуетъ еще особый обрядъ моленія надъ водою валитою въ большой чайъ, вокругъ котораго они бѣгаютъ, прыгаютъ, кувыркаются и въ то же время хлещутъ по водѣ тонкими прутьями, приговаривая слова: *алыцу, алыцу, Христа ицу*.

Такимъ образомъ эта „христовщина“ или по народному названію „алыстовщина“ существуетъ у насъ на Руси уже болѣе двухъ столѣтій и есть прямой продуктъ нашего домашнего измышленія, секта самобытная, доморощенная. Изъ всѣхъ многочисленныхъ дѣлъ производившихся о ней, и въ прошломъ и въ настоящемъ столѣтіи, не видно и ни одною слѣдственной комиссіей не усмотрѣно ни малѣйшаго соотношенія ея съ настоящимъ англійскимъ или американскимъ квакерствомъ. Всѣ дѣйствовавшія въ ней лица, всѣ эти Сусловы, Лулкины, Радаевы, Колымовы, Давилы, Иваны, Авдюшки, Акулины, Настасы, Марыюшки, все это чисто русскіе люди; всѣ ихъ измышленія и устыя и рукописныя,

* *Русскій Вѣстникъ* 1868, V, стр. 54.

изложенныя въ разныхъ „роствѣцахъ“ и заповѣдяхъ, не заключаютъ въ себѣ ни единого намека на что-либо заимствованное у иноземцевъ, напротивъ все это чистая русская самодѣльщина. Возьмемъ для образца одно хмыстовское пророчество, импровизованное на одномъ корабельномъ (общинномъ) радѣннѣ. Нужно при этомъ знать что по убѣжденію хмыстовъ, когда на кого-либо изъ ихъ пророковъ *накатитъ* духъ святой, то въ эти минуты человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ, *завладѣваетъ самими богами* и что говорить или дѣлаетъ въ это время, то говорить и дѣлаетъ уже не какъ человѣкъ, а какъ самъ богъ. духъ святой. Вотъ эта импровизація, впрочемъ не единственная въ своемъ родѣ, ея варианты повторяются на всѣхъ почти хмыстовскихъ радѣннѣхъ, только въ разныхъ видахъ и формахъ, но всегда въ одномъ и томъ же духѣ: „я, возлюбленные, саваоѣ, вамъ окажу, въ сердца ваши благодать вложу, покровомъ васъ покрою и отъ злыхъ звѣрей закрою. Я, богъ, васъ награжу и хлѣбушка вамъ на весну урожу. Я, святой духъ, васъ защищу и сюда никакихъ *аравоѣ* не допущу. Я, богъ, благодать вамъ съ седьмага неба принесу и всю вселенную потрясу. Вы живите, возлюбленные, какъ птицы и никакія не поладутъ на сердце вамъ слѣзы... Я васъ, возлюбленные, защищу и до явного острога не допущу. Я вами вѣдь много дорожу и явной казной васъ награжу. Я сошлю вамъ со седьмага неба мамму, такъ что не узнаетъ объ ней никакая Анна“... * И такимъ мелкими пророчествами, такимъ сумасброднымъ рѣчамъ несчастные сектанты внимаютъ съ лодящимъ благоговѣніемъ, съ мелкоколебимой вѣрой, какъ словамъ самого Бога. Впрочемъ такое психическое явленіе объясняется тѣмъ ненормальнымъ, экзальтированнымъ состояніемъ въ какомъ находятся и сами пророчествующіе и ихъ вѣрующіе слушатели. Пророчества произносятся обыкновенно послѣ успевшихъ круженій, верченій, когда всѣ участвующіе въ радѣннѣ приходятъ въ возбужденное, восторженное состояніе. Но вотъ что представляется еще болѣе удивительнымъ и едва ли повятымъ для самихъ ученыхъ психіатровъ, какъ человѣкъ не въ экзальтированномъ, а въ совершенно нормальномъ состояніи, т.е. будучи въ здоровомъ умѣ и твердой памяти можетъ дойти до такого крайняго ослабленія

* *Прав. Собес.* 1858 г. VII, стр. 393 и 394.

и самообольщенія что не затрудняется нисколько называть самого себя живымъ богомъ и присвоить себѣ всѣ высочайшія свойства Божества? И эти смѣлыя, дерзкія заявленія дѣлаеть не предъ одними только своими предубѣжденными и слѣпо ему вѣрящими поклоунниками, а предъ лицами совершенно посторонними, предъ членами слѣдственной комиссіи, дѣлаеть не въ своей сборной избѣ, молебнѣ, гдѣ онъ безусловно царюеть, а въ тюремномъ замкѣ, куда онъ посаженъ не только какъ сектантъ, но какъ преступникъ учаемый въ весьма важныхъ преступленіяхъ. — „Земной власти надомной не существуетъ, говорилъ на допросѣ хлыстовскій христоръ Василій Радаевъ (1850 г.), потому что Духъ Святой поставилъ меня выше всякаго начала и власти. Всѣ правители, всѣ цари земные,—его рабы; не онъ подлежитъ ихъ суду, а они его, ибо онъ богъ, а они его созданія.“ Этого мало, даже на небѣ вѣтъ надъ нимъ власти: „Богъ на меня не гнѣвается, спокойно утверждалъ тотъ же лже-христоръ, а все равно какъ вѣрныи и любимый сынъ уже исповазавшій всю волю Отца и за то имѣющій во всемъ свою волю. На маѣ отецъ уже взыскать ничего не хочетъ, *да и не можетъ.*“ * При такомъ безграничномъ всемогуществѣ онъ „ло своему собственному усмотрѣнію низводитъ на людей духа святаго и одному даетъ золотыя вѣнцы, другаго вселяеть въ небесный горній Иерусалимъ, третьяго дѣлаеть серафимомъ и даетъ ему шесть огненныхъ крыль. ** Онъ властенъ возводить души изъ ада въ рай и пр.“ —

Можно себѣ представить какое неотразимое впечатлѣніе, какое подавляющее вліяніе должны были производить на души и сердца нашихъ темныхъ простолюдиновъ всѣ эти грозныя заявленія, эти широко-льстивыя обѣщанія обоготворяющихъ себя изуверовъ, подобныхъ Радаеву. А безъ сомнѣнія такія же заявленія и такіе же посулы въ седьмомъ небѣ предлагали и всѣ прежде бывшіе лжелророки и лжебоги, начиная съ самаго саванова Давиды Филлиповича. И разъ удалось какому-нибудь дерзкому изуверу, Суслову, Дулкину,

* Русск. Вѣстн. 1869 г. V, стр. 341.

** Тамъ же. Дѣвка Евгенія Круглова показала на допросѣ что „Радаевъ велѣлъ ей уступить его желаніямъ, говоря что это должно сдѣлать по волѣ Божіей, за что обѣщалъ мнѣ огненныя крылья, чему я вѣрю“, стр. 340.

Радаву, убѣдить своихъ недалекихъ слушателей въ томъ что въ его особѣ совмѣщается вся полнота божества „тѣлеснѣ“, и вотъ культъ обоготворенія, челоѣтѣкообожанія готовъ. Предъ живымъ божествомъ все лагаетъ ницъ, трелецетъ, молится, благоугождаетъ....

Удивительнѣе всего то что къ этой богопротавной сектѣ принадлежали не всегда одни только наши несчастные, во тѣмъ невѣжества заматорѣльные простолюдины; въ числѣ ея прозедитовъ бывали люди не только среднихъ сословій, кулцы, чиновники, духовные, но и высокопоставленная, европейскія образованная лица. Мы видѣли уже что въ первой половинѣ прошлаго вѣка къ этой сектѣ принадлежалъ именитый князь Мещерскій, игравшій въ ней не послѣднюю роль какъ искусный изговетель бѣсовъ; по его рекомендаціи сочувственно отослались къ ней его родственники, также люди именитые: Троекуровы, Лолухины, Головины. Въ сороковыхъ годахъ того же столѣтія, юрдастзовавшего джехриста Андрюшку принимали у себя и чествовали многія высокопоставленные московскія барыни. Въ двадцатыхъ годахъ выѣзжавшаго вѣка къ этой сектѣ, конечно въ самомъ обаягорованномъ видѣ, принадлежали и такіа лица какъ извѣстный мистикъ оберъ-прокуроръ Св. Синода и министръ Народнаго Просвѣщенія князь Голицынъ, тайный совѣтникъ Половъ, генералъ-отъ-инфантеріи Головинъ, князь Енгальцевъ, баронъ и баронесса Вуксгевденъ, полковница Татаршова, ломѣщикъ Дубовицкій и многіе другіе изъ сямаго высшего образованнаго петербургскаго общества *. Мы не можемъ допустить мысли чтобы всѣ эти болѣе или менѣе высокообразованная лица раздѣляли вполнѣ всѣ сумасбродная идеи хлыстовщины или участвовали во всѣхъ скандалезныхъ подчасъ „радѣвнйяхъ“; но что полковница Татаршова скакала и вертѣлась даже въ Михайловскомъ дворцѣ, это, къ сожалѣнію, фактъ уже историческій... ** Не къ этой ли сектѣ слѣдуетъ причислить и новоявленную петербургскую „пашковщину“? Вѣдь и настоящая хлыстовщина начиналась и начинается всегда благовидно и благочестиво: читають св. Евангеліе, вѣдутъ благочестивыа бесѣды, поють священныа церковныа

* Русск. Вѣстн. 1869 г., V, стр. 328—329.

** Русск. Вѣстн. 1868 г., V, стр. 12, 15.

лѣсни или псалмы, сообща молятся, болѣзнуютъ и печалуются объ уладкѣ истинной вѣры въ вышшемъ вѣкѣ, объ оскудѣннн апостольской ревности и благочестія, а въ концѣ-концовъ доходить до верченія и челоуѣкообоготворенія...

Такова секта къ которой принадлежали несомнѣнно и сибирскія разстрига дѣвки квакереи. Хотя въ сохранившихся преданіяхъ томскихъ старожиловъ и не упоминается объ основннхъ догматахъ ученія котораго придерживались эти мнимыя квакереи, но образъ ихъ дѣйствій, всѣ эти чтенія Псалтири по ночамъ, служеніе лавничидъ и молебновъ, причащеніе какими-то сухариками и проч. служатъ подтвржденіемъ ихъ принадлежности къ хлыстовцидъ; въ этомъ еще болѣе удостовѣряютъ насъ ихъ вышнія отношенія къ православной церкви и мѣстному духовенству, влодѣ совладающія съ тѣми правилами которыхъ всегда и вездѣ придерживались и придерживаются эти сектанты. Достаточно припомнить ужъ извѣстный намъ рапортъ священника Шихова. удостовѣряющій что упоминаемая „квакерской ереси разстрига-дѣвки“ житіемъ пребываютъ, исправно и вѣру христіанскую содержать во всемъ какъ христіанская должнсть повелѣваетъ; до церкви святой для слушанія славословія Божія всегда ходятъ неслѣбно; во исповѣди и св. причастія бываютъ ѣвныя по дважды, а другіяЕ по единожды въ годъ не отнѣнно и прежняго за вими злодѣяства нынѣ не окануется.“ Настоящіе хлысты!...

ВАКХЪ ГУРЬЕВЪ.

20 мая 1881.

Тамбовъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

ВЪ МОГИЛЕВЪ ВЪ 1780 ГОДУ.

Екатерина II въ продолженіе своего царствованія имѣла нѣсколько разъ, болѣе или менѣе обильныя послѣдствіями, свиданія съ коронованными лицами и съ ихъ близкими родственниками. Принцъ Генрихъ, братъ короля Фридриха II, два раза былъ въ Петербургѣ. При этомъ происходили весьма важныя совѣщанія, относящіяся къ раздѣлу Польши, ко второму браку великаго князя Павла Петровича и проч. Съ королемъ Густавомъ III императрица видѣлась въ 1777 году въ Петербургѣ, въ 1783 году во Фридрихсгамѣ. Король польскій Станиславъ Августъ Понятовскій встрѣтился съ Екатериной въ 1787 году въ Каневѣ. Братъ короля Лудовика XVI вступившій въ послѣдствіи на французскій престолъ, въ концѣ царствованія Екатерины II находился нѣкоторое время въ Петербургѣ и т. п.

Изъ этихъ свиданій важнѣйшимъ слѣдуетъ считать свиданіе императрицы Екатерины съ императоромъ Иосифомъ II въ 1780 году. Встрѣчи въ Могилевѣ, въ Царскомъ Селѣ и въ С.-Петербургѣ были симптомомъ существенной перемѣны въ исторіи вѣдшей политикѣ во время

царствованія Екатерины. До 1780 года на первомъ планѣ были близкія отношенія Россіи къ Пруссіи, въ содѣйствіи которой императрица нуждалась для рѣшенія польскаго дѣла. Послѣ 1780 года въ продолженіе дѣлаго десятилѣтія союзъ съ Австріей, имѣвшій главнымъ образомъ цѣлю привліятіе рѣшительныхъ мѣръ противъ Турціи, былъ самымъ важнымъ явленіемъ въ области высшей политики Россіи. Такимъ образомъ свиданіе Екатерины II съ императоромъ Іосифомъ II въ Могилевѣ было началомъ новой эпохи, имѣвшимъ много въ обще-европейской политической системѣ. Отношенія королеванныхъ лицъ другъ ко другу, отношенія между правительствами сильнѣйшихъ державъ измѣнились совершенно, можно сказать, съ той минуты когда императрица Екатерина въ первый разъ встрѣтилась съ императоромъ Іосифомъ. Не даромъ въ то время взоры всей Европы, какъ мы увидимъ, были обращены на Могилевъ. Не даромъ это событіе служило предметомъ весьма дѣятельной переписки въ кругахъ королеванныхъ лицъ, министровъ и дипломатовъ.

Важнѣйшіе источники для изученія этого эпизода, имѣвшаго большое историческое значеніе, сдѣлались доступными лишь въ новѣйшее время. До шестидесятыхъ годовъ самымъ важнымъ пособіемъ могли служить дописанія англійскаго посла Джемса Гарриса, находившагося въ то время въ Петербургѣ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившаго за этимъ событіемъ. * Довольно важными также были нѣкоторыя замѣтки въ запискахъ Дома, ** въ сочиненіи Цинкейзера о восточномъ вопросѣ *** и т. п. За то особенно важный матеріалъ относящійся къ этому событію былъ помещенъ въ заимствованныхъ изъ австрійскихъ архивовъ изданіяхъ Арета **** и въ *Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества*. † Эти изданія доставляютъ возможность подробно изучить исторію свиданія Екатерины съ Іосифомъ II въ 1780 году.

* *Diaries and correspondence of James Harris*, London, 1844.

** *Domn, Denkwürdigkeiten meiner Zeit*, Lemgo und Hannover, 1814.

*** *Zinkeisen, Gesch. d. osman. Reiches*. VI. Gotha, 1859.

**** *Переписка Маріи Терезіи, Іосифа, Маріи Антуанеты и проч.*

† Томы I, XXIII, XXVI и пр.

I. Отношенія Россіи къ Пруссіи и Австріи
до 1780 года.

Россія въ послѣднее время царствованія императрицы Елисаветы была самымъ опаснымъ противникомъ Пруссіи и самымъ ревностнымъ союзникомъ Австріи. Комичная императрица Елисавета была такъ сказать спасеніемъ для Фридриха II. Петръ III былъ другомъ и поклонникомъ Прусскаго короля. Положеніе Австріи измѣнилась совершенно. Отношенія ея къ Россіи становились натапнутыми. Дѣятельность австрійскаго дипломата, графа Мерси д'Аржанто, сдѣлалась невозможною. Вступленіе на престолъ императрицы Екатерины II не измѣнило въ сущности отношеній Россіи къ Австріи и Пруссіи. Отношенія Екатерины къ Австріи оставались холодными; за то она постоянно находилась въ перепискѣ съ королемъ Фридрихомъ II. Графъ Паничъ и Остерманъ находились подъ вліяніемъ прусскаго дипломата въ Петербургѣ, Сельмса, въ послѣдствіи Гёрца. Въ то время какъ существовала некоторая личная неприязнь между Екатериной и Маріей Терезіей Фридрихъ II и Екатерина уважали другъ друга.

Въ 1778 году, по случаю войны за баварское наслѣдство, императрица Екатерина противодействовала умысламъ Вѣнскаго кабинета, поддерживая интересы Пруссіи. Фридрихъ придавалъ большое значеніе посредничеству Россіи. Въ его письмѣ къ императрицѣ Екатерины II отъ 24 февраля 1779 года сказано: „Ваше императорское величество сказали: да будетъ миръ и миръ совершился... Да позволить мнѣ ваше императорское величество изъяснить вамъ всю необъятность моей признательности, которая твердо укоренилась во мнѣ столькими различными одолженіями что не будетъ имѣть другихъ границъ кромѣ границъ моего существованія. Оружіе вашего императорскаго величества ослабило оттоманское могущество, вашъ побѣдоносный флотъ распространилъ ужасъ отъ Проповтиды до Дарданеллъ; ваши законы становятся предметомъ изумленія и подражанія для самыхъ образованныхъ народовъ въ Европѣ, и къ довершенію вашей славы одно ваше желаніе возстановляетъ миръ между несообразными народами и пр.“ *

* Сборникъ Ист. Общ. 383—384.

Англійскій дипломатъ Гаррисъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ началѣ 1778 года и тотчасъ же сообщилъ своему правительству о безусловномъ перевѣсѣ Фридриха Великаго въ Петербургѣ *; въ это время въ доносеніяхъ Гаррисса постоянно повторяются жалобы на сильное вліяніе Прусскаго короля, умѣвшаго льстить императрицѣ, руководить дѣйствіями Панина и въ добавокъ всегда готоваго обманывать не только своихъ противниковъ, но даже и своихъ союзниковъ **. Гаррисъ старался во что бы то ни стало противодействовать вліянію Пруссіи въ С.-Петербургѣ. Въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ онъ говорилъ о коварствѣ короля и о слабости Панина и Екатерины, поднимавшихся вліянію Берлинскаго кабинета.

Скоро однако Гаррисъ сталъ замѣчать что прусское вліяніе начало мало-по-малу ослабѣвать. Сольмсъ, прусскій посланникъ сталъ жаловаться что на его мнѣнія и предложенія не обращаютъ достаточнаго вниманія въ Петербургѣ ***. Гаррисъ узналъ кое-что о лопыткахъ Фридриха въ 1779 году дѣйствовать въ Петербургѣ посредствомъ лодкула. Наконецъ зимою 1779—80 года Гаррисъ могъ сообщить англійскому посланнику въ Вѣнѣ что Русскій дворъ уже не желаетъ болѣе поступать въ духѣ Прусскаго короля и что хотя Панинъ постоянно остается поборникомъ интересовъ Пруссіи, императрица болѣе и болѣе освобождается отъ прусскаго вліянія. Положеніе Герца, занявшаго мѣсто графа Сольмса въ качествѣ прусскаго посла при Петербургскомъ дворѣ, становилось менѣе выгоднымъ. Гаррисъ, завзятый врагъ Пруссіи, былъ очень доволенъ и надѣялся на успѣшную дѣятельность австрійскаго посла, старавшагося усилить вліяніе Вѣнскаго кабинета. Графъ Кобенцель, прибывшій въ Петербургъ въ это время въ качествѣ посла, дѣйствовалъ въ пользу заключенія союза между Австріей, Россіей и Англіей ****. Отъ Потемкина, съ которымъ Гаррисъ находился въ

* Harris 175: *The preponderance of the King of Prussia exists here in full force.*

** Harris 179.

*** Harris 182; на стр. 188 даже сказано (въ маѣ 1778): *The King of Prussia has lost his influence.*

**** Harris I. 236, 268, 277, въ февралѣ Гаррисъ пишетъ: *The King of Prussia has overshot the merh, and as is often the case, by being too cunning, betrayed himself.*

весьма близких отношеніяхъ, Гаррисъ узналъ въ началѣ 1780 года что императрица была медовольна Фридрихомъ, особенно потому что послѣдній обращалъ вниманіе на желанія великаго князя Павла Петровича.

Дружелюбныя отношенія между Россіей и Пруссіей, продолжавшіяся до 1780 года, обуславливались главнымъ образомъ солидарностью интересовъ обѣихъ державъ въ отношеніи Польши. Съ самаго начала польскія дѣла служили поводомъ къ сближенію между Фридрихомъ и Екатериной. Избраніе короля Станислава Августа Понятовскаго въ первое время царствованія Екатерины, затѣмъ вопросъ о первомъ раздѣлѣ Польши занимали равнымъ образомъ и Екатерину и Фридриха. За то уже во время первой турецкой войны оказалось что интересы обѣихъ державъ въ отношеніи восточнаго вопроса были не одинаковы. Дружеская переписка между Фридрихомъ и Екатериной превращалась иногда въ обмѣнъ дипломатическихъ вѣсть свидѣтельствовавшихъ о нѣкоторомъ раздраженіи. Фридрихъ требовалъ отъ императрицы умѣренности, уступчивости при заключеніи мира съ Оттоманскою Портою; онъ давалъ совѣты; онъ даже нѣкоторымъ образомъ грозилъ Екатеринѣ въ случаѣ настойчивости съ ея стороны. Онъ объявилъ что не одобряетъ намѣренія Россіи приобрести Крымскій полуостровъ и пр. *

Хоть и послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира были восстановлены дружескія отношенія между королемою и императрицей, можно было предвидѣть столкновенія именно по поводу восточнаго вопроса. Фридрихъ не хотѣлъ допустить дальнѣйшихъ завоеваній Россіи въ ущербъ Турціи. Поэтому онъ въ 1779 хлопоталъ о заключеніи союза между Пруссіей, Россіей и Турціей, имѣя въ виду такимъ образомъ обезпечить дальнѣйшее существованіе Порты. Хоть Остерманъ и Панинъ изъявляли готовность содѣйствовать заключенію такого союза, но ни Екатерина, ни Потемкинъ не одобряли этого предположенія. **

На каждомъ шагѣ обнаруживался антагонизмъ между Австріей и Пруссіей. Во время своего пребыванія во Франціи, императоръ Іосифъ II хлопоталъ о заключеніи союза между Австріей, Россіей и Франціей ***; немногимъ позже

* См. *Сб. Ист. Общ.* XX. 290 и слѣд.

** См. Неггманн, *Gesch. d. russ. Staats*, VI, 27.

*** См. Неггманн, VI, 9.

Фридрихъ II началъ думать о заключеніи союза между Пруссіей, Россіей и Франціей *. Всѣ эти комбинаціи оказались невозможными, потому что Австрія и Россія стали серьезно помышлять о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ Оттоманской Порты.

Съ другой стороны, сближеніе между Россіей и Австріей встрѣчало сильное затрудненіе въ личной ненависти другъ ко другу Маріи Терезіи и Екатерины.

Марія Терезія въ 1778 году, въ письмѣ къ своей дочерѣ Маріи Антуанеттѣ, горько жаловалась на образъ дѣйствій Русскаго двора, на то что Екатерина свѣдуетъ примѣру Фридриха, что Павелъ Петровичъ можетъ сдѣлаться еще болѣе равностороннимъ сторонникомъ прусскихъ интересовъ и что на Екатерину, хоть она нѣсколько болѣе самостоятельна, нельзя надѣяться, такъ какъ она всегда склонна къ коварству и обману. ** Когда Екатерина, по случаю войны за баварское наследство, была посредницей между воюющими державами и при этомъ поддерживала интересы Пруссіи, Марія Терезія осталась чрезвычайно недовольна такимъ образомъ дѣйствій Россіи. ***

Екатерина въ свою очередь также была весьма недовольна Маріей Терезіей и даже насмѣхалась надъ Іосифомъ II, называя его „l'homme à double face“ и „маленькимъ ребенкомъ“ (piccolo rambiuo). Она любила шутить надъ ханжествомъ и лицемеріемъ Маріи Терезіи. Такія рѣзкія выраженія особенно часто попадаются въ письмахъ Екатерины къ барону Гримму, и вотъ почему императрица просила Гримма ни подъ какимъ видомъ не допускать впечатанія ея писемъ.

Несмотря на все это, однако, сближеніе между Австріей и Россіей было возможнымъ, даже необходимымъ. Одновременно и Екатерина, и Іосифъ II начали заниматься серьезно восточнымъ вопросомъ. Екатерина надѣялась на

* Arneth, *Maria Theresia und Maria Antoinette*, Paris-Wien, 1865, стр. 244.

** Arneth, *Maria Theresia und Maria Antoinette*, 245: „Le successeur est plus prussien que son soi-disant père l'était, et sa mère qui en est un peu revenue, mais jamais autant pour rien espérer contre le roi de Prusse, pas même des tentatives; très-généreuse en belles paroles qui ne disent rien, et selon la foi grecque: *græca fides*.“

*** Тамъ же, 267 и 273.

присоединеніе къ Россіи Крымскаго полуострова; мало того, она начала думать о такъ-называемомъ греческомъ проектѣ. Иосифъ также желалъ простора для торговли на Черномъ Морѣ. Овъ началъ серьезно помышлять о сближеніи съ Россіей.

Графъ Кобенцель явился въ качествѣ австрійскаго дипломата въ Петербургъ въ концѣ 1779 года. Овъ тамъ очень скоро сблизился съ англійскимъ дипломатомъ Гаррисомъ. Фридрихъ II старался, какъ сообщаетъ Гаррисъ, по возможности вредить Кобенцею*. Однако послѣдній вскорѣ занялъ довольно выгодное положеніе при Петербургскомъ дворѣ. Въ апрѣлѣ 1780 овъ получалъ отъ своего правительства приказъ: „Не щадить ни труда, ни денегъ для того чтобъ отторгнуть Россію отъ союза съ Пруссіей и возстановить прежнія дружескія отношенія между императорскими дворами“**.

Около этого времени Екатерина собиралась посѣтить Бѣлоруссію.

II. Административная цѣль путешествія императрицы Екатерины II въ Могилевъ.

Мысль о путешествіи Екатерины въ Бѣлоруссію возникла независимо отъ дипломатическихъ соображеній. Императрица пожелала осмотрѣть вообще нѣкоторыя губерціи, въ особенности же тотъ край который былъ присоединенъ къ Россіи вслѣдствіе перваго раздѣла Польши. Ей хотѣлось лично удостовѣриться насколько привалось учрежденіе наместничества; словомъ, ей предстояло путешествовать по губерціямъ „въ новомъ образѣ правленія устроеннымъ.“

Подобное же соединеніе цѣлей внѣшней политики съ вопросами внутренней администраціи встрѣчаемъ и въ путешествіи императрицы въ Херсонъ и Крымъ въ 1787 году. Оба путешествія, въ Могилевъ въ 1780 и въ Крымъ въ 1787 году, были вызваны желаніемъ посѣтить пріобрѣтенныя въ послѣднее время провинціи, оба путешествія имѣли значеніе ревизій; оба они превратились въ политическія демонстраціи и находились въ тѣсной связи съ восточнымъ вопросомъ.

Императрица полагала что ея присутствіе можетъ послужить контролемъ администраціи, что оно принесетъ пользу.

* Harris, I, 269.

** Herrmann, VI, 28.

Сообщая своей подругѣ, гжѣ Бьелькѣ, въ 1766 году, о своемъ намѣреніи отпратиться въ Казань, она замѣтила относительно цѣли этого путешествія: „говорятъ что глазъ хозяина кормить лошадей.“ *

Путешествіе въ Могилевъ должно было имѣть характеръ обривизованія разныхъ мѣстностей. Почти за полгода до путешествія императрица поручила Безбородко сообщить о немъ начальникамъ тѣхъ губерній которыя она намѣрена была посѣтить. 12 іюня 1779 года Безбородко писалъ ко князю Н. В. Репнину: „Ея величество отозваться соизволила что путешествіе свое она такъ располагаетъ чтобы на каждый день до обѣда двѣ, а послѣ обѣда другія двѣ станицы отъѣзжать, почитая сіе выгоднѣйшимъ и удобнѣйшимъ для примѣчанія на состояніе лежащихъ по дорогѣ мѣстъ. Плазы дворцамъ путевымъ ея величеству показанъ достаточнымъ, но притомъ указывать изволила на таковой же деревянный дворецъ въ Климу, буде оный не сгорѣлъ, что оны лучше другихъ расположень.“ Въ письмѣ отъ 26 августа того же года Безбородко вновь писалъ ко князю Репнину: „Дорога для путешествія оставлена старая, и ей сдѣлана карта и по станамъ расписаніе. Она уже конечно не подвержена перемѣнамъ, такъ какъ мнѣ ея величество указать изволила увѣдомить васъ съ нарочною эстафетой.“

Множество подобныхъ писемъ Безбородко къ разнымъ лицамъ съ мельчайшими подробностями о путешествіи свидѣтельствуя о сложности приготовленій къ этой поѣздкѣ. **

Довольно любопытныя данныя о приготовленіяхъ къ путешествію и объ административныхъ цѣляхъ послѣдняго заключаются во введеніи къ дневной запискѣ, составленной Безбородко. Тутъ сказано:

„По воспріятіи ея императорскимъ величествомъ намѣренія удостоить всемилостивѣйшаго своего посѣщенія лять губерній въ новомъ образѣ правленія устроенныхъ, а именно: Псковскую, Полоцкую, Могилевскую, Смоленскую и Новгородскую, отъ Правительствующаго Сената, а вслѣдствіе его повелѣній отъ господъ генералъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность, заблаговременно учинены были надлежащія приуготовленія поставленіемъ на каждой станицѣ по четыреста

* Сб. И. Общ. X, 106.

** Сб. И. Общ. XXVI, 63.

по пятидесяти лошадей, приведеніемъ въ наилучшую исправность дорогъ и мостовъ, построениемъ на станціяхъ дворцовъ и назначеніемъ особъ отъ общества дворянскаго выбранныхъ на каждую станцію для достоюжнаго приянтія ея величества.

„Въ свиту ея величества для сего похода назначены изъ дамъ: камеръ-фрейлина Александра Васильевна Энгельгартова, фрейлины: Катерина Васильевна Энгельгартова, Варвара Петровна Пассекова и Елизавета Дмитріевна Ланская; изъ кавалеровъ: дежурный генералъ-адъютантъ, генералъ-аншефъ и государственной военной коллегіи вице-президентъ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, государственной адмиралтейской коллегіи вице-президентъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, генералъ-аншефъ и сенаторъ графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, гофмаршалъ князь Федоръ Сергѣевичъ Барятинскій, шталмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ, дѣйствительный камергеръ, флигель-адъютантъ Александръ Дмитріевичъ Ланской, находящійся при ея величествѣ у приянтіи челобителъ и прочихъ дѣлъ бригадиръ Александръ Андреевичъ Безбородко и полковникъ Петръ Ивановичъ Турчаниновъ, да дежурные дѣйствительные камергеры: князь Михаилъ Васильевичъ Долгоруковъ, князь Сергій Сергѣевичъ Гагаринъ, флигель-адъютантъ генералъ-майоръ Василій Ивановичъ Левашовъ; камеръ-юнкеры: Адрианъ Ивановичъ Дивовъ и Александръ Львовичъ Нарышкинъ, а двѣи за пять отправлены прямо въ Могилевъ, яко мѣста гдѣ Ея Императорское Величество долже пребыть положила, тайные совѣтники и дѣйствительные камергеры: Иванъ Васильевичъ Обуховъ, князь Иванъ Васильевичъ Несвицкій; камеръ-юнкеры: графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ и Федоръ Федоровичъ Вадковскій, да тайный совѣтникъ и дѣйствительный камергеръ Василій Ильичъ Бибииковъ съ отборною италянскою труллою и музыкой, и статскій совѣтникъ Маркъ Федоровичъ Полтарацкій съ отборнымъ хоромъ лѣвчицъ.

„Для всевозможнаго облегченія всѣмъ тѣмъ городскимъ жителямъ, ямщикамъ и другимъ поселянамъ, отъ коихъ къ шествію Ея Императорскаго Величества поставлены были лошади, Ея Величество повелѣтъ соизволаа: съ 1 мая (1780 г.) платитъ по всѣмъ симъ дорогамъ двойные прогоны до тѣхъ поръ локуда оныя лошади распущены будутъ.“

„Предъ отбытіемъ изъ Царскаго Села, Ея Императорское Величество повелѣтъ (соизволила господамъ сенаторамъ графамъ: Брюсу и Страгонову, бригадирю Безбородку и подковнику Турчанинову, во время сего путешествія, въ каждомъ городѣ уѣздномъ или губернскомъ осведомляться о порядкѣ въ управленіи, о нуждахъ и пользахъ всякаго мѣста, свабдѣвъ каждаго запиской въ чемъ таковыя свѣдѣнія состоятъ должны, и коя заключаетъ въ себѣ слѣдующіе пункты:

„1. О раздѣленіи губерній на уѣзды, дѣйствительно ли каждый имѣетъ назначенную ему окрѣдѣность, и какое число душъ.

„2. Всѣ ли мѣста по учрежденіямъ для управленія установленныя въ дѣйствіи находятся, или же которыя не учреждены и для чего?

„3. Всѣ ли они наполнены установленнымъ числомъ застѣдателей и снабжены потребными канцелярскими саужителями и о причинахъ недостатка, если оный гдѣ-либо окажется?

„4. О наблюденіи сроковъ засѣданія, и всѣ ли дѣла отъ одного до другаго срока очищаются.

„5. О числѣ нерѣшенныхъ дѣлъ и особаццо уголовныхъ, и о количествѣ колодниковъ. *

„6. Разсмотрѣть порядокъ канцелярскій, веденіе журналовъ, формы для всякихъ актовъ и тому подобное.

„7. По казенной палатѣ и казначействамъ губернскому и уѣзднымъ: о различныхъ девергахъ, съ означеніемъ званія и для чего остаются безъ доставленія по мѣстамъ куда подлежатъ, о недоимкахъ, о причинахъ онымъ и объ услугахъ во взысканіяхъ.

„8. По инспекціи директора домоводства: о приращеніи и упадкѣ оборотныхъ статей и о причинахъ сему послѣднему.

„9. О состояніи городовъ, разумѣя тутъ промыслы, торга и упражненія мѣщанскія, фабрики, рукодѣлія и ремесла, а подобнымъ тому образомъ и о поселеніяхъ.

„10. Объ услугахъ въ казенныхъ строеніяхъ.

„11. О дѣлахъ приказа общественного призрѣнія: все ли нужное и полезное, на основаніи учрежденій, заведено, о приращеніяхъ доходовъ его и о причинахъ ежели гдѣ окажется улучшение.

* Рукой Безбородка которому, полагать надо, принадлежитъ составленіе вполропныхъ пунктовъ: „Объ оныхъ списки, съ показаніемъ ихъ преступленія, когда вогупило дѣло и зачѣмъ продолжается безъ рѣшенія.“

„12. Объ олекахъ и сиротскихъ судахъ: въ дѣйствиіи ли они находятя, точно ли исполняютъ по законамъ на нихъ возложенное и вѣтъ ли отъ нихъ какова злоупотребленія?

„13. О нуждахъ, недостаткахъ и пользахъ общихъ, получая свѣдѣнія отъ чиновъ правленія и особливо по увѣздамъ отъ дворянскихъ предводителей, по городамъ отъ головъ и по селеніямъ вѣдомства казеннаго отъ директора экономіи.

„14. О дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ и прочаго нужнаго.

„15. О таможенныхъ: гдѣ онѣ учреждены, на какомъ тарифѣ, о числѣ сборовъ и поведеніи ихъ?

„16. Не собираются ли какіе сборы сверхъ узаконенныхъ именными указами; по чьимъ повелѣніямъ и какіе имели?“*

Какъ видно, программа ревизіи была довольно широкая. Такъ какъ Екатерина нигдѣ долго не оставалась, а лица которымъ было поручено собраніе свѣдѣній, Брюсъ, Строгановъ, Безбородко и Турчаниновъ, оставались въ свѣтѣ императрицы, то они естественно должны были собирать данныя о состояніи губерній, увѣздовъ, городовъ и проч., такъ-сказать на лету. Изъ дневной записки Безбородка, которую онъ же велъ во время всего путешествія, мы видимъ что цѣль ревизіи отчасти была достигнута, что всюду были собираемы статистическія данныя, впрочемъ довольно разноразличными, и что значить повѣзка императрицы имѣла вѣкоторымъ образомъ характеръ enquête, изученія состоянія по-свѣщенныхъ ею губерній.

Главное значеніе этой повѣзки, однако, не должно было заключаться въ административномъ контролѣ и въ статистическихъ наблюденіяхъ. Центръ тяжести этого путешествія находился въ области вѣншей политики.

На этотъ счетъ достойно вниманія слѣдующее распоряженіе, заключающее въ себѣ намекъ на ожидаемое свиданіе императрицы съ Иосифомъ II. За мѣсяць до путешествія, когда все было готово, Безбородко въ письмѣ къ Вѣлорусскому намѣстнику графу З. Г. Чернышеву, 4 апрѣля 1780 года, между прочимъ писалъ: „въ плаюмнѣнцѣхъ и другихъ праздникахъ могилевскихъ ваше сіятельство постарайтѣся избѣжать постановленія имени ея величества, учреждая оныя такъ чтобы могли они сходствовать, наприимѣръ, къ

* Сб. Истор. Общ. I, 384—386.

доброму согласію государей, утверждаемому персональнымъ знакомствомъ ихъ и происходящему изъ того благоденствію и тиши въ для державъ ихъ. По словамъ ея величества, ваше сіятельство не дозволите чтобы тутъ гдѣ-нибудь названіемъ или символомъ былъ воспоминаютъ миръ Тешевскій“.*

III. Ожиданія, надежды, опасенія по поводу предстоявшаго свиданія Іосифа съ Екатериной.

„Доброе согласіе государей, утверждаемое персональнымъ знакомствомъ“, было главною цѣлью путешествія императрицы Екатерины въ Могилевъ.

Посмотримъ какъ объ этомъ предметѣ думали въ то время не только въ С.-Петербургѣ, но и въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ.

Переписка между Іосифомъ II и Екатериной II началась уже въ 1774 году. Императрица послала ему изъ Царскаго Села 26 мая 1774 не собственноручное письмо по поводу состоявшагося не задолго до того раздѣла Польши, выражая надежду на доброе согласіе между Россіей и Австріей. Письмо это императоръ получалъ черезъ русскаго посла, князя Голицына. Въ отвѣтъ своемъ изъ Вѣны, 16 іюля 1774 года, Іосифъ говорилъ о выгодахъ сближенія обѣихъ державъ, выражая чрезвычайное удовольствіе что можетъ увѣрить въ собственноручномъ письмѣ Екатерину въ своемъ глубокомъ уваженіи и въ своей дружбѣ.**

Съ тѣхъ поръ до 1780 года Іосифъ II и Екатерина не лгали другъ другу. Есть основаніе предполагать что планъ свиданія родился въ головѣ Іосифа; такъ по крайней мѣрѣ думали объ этомъ безпристрастные современники, какъ напримѣръ Домъ, находившійся въ то время въ прусской службѣ, наблюдавшій за событіями и сообщавшій въ послѣдствіи

* Сб. Ист. Общ. XXVI, 65.

** *Arneht Joseph II und Katharina von Russland*, Wien, 1869 стр. 56 „Elle peut juger ce que, rempli de désir pour le bien de ma patrie et aiguillonnée à mériter la gloire, je dois sentir, lorsque j'ai le plaisir d'assurer V. M. (qui remplit si bien chez Elle et aux yeux de toute l'Europe ces deux objets) pour la première fois de ma propre main de toute l'étendue de mon admiration et de l'amitié la plus invariable.“

въ своихъ запискахъ нѣкоторыя подробности объ этомъ фактѣ. Домъ замѣчаетъ что Іосифъ II вообще любилъ путешествовать для расширенія круга знаній и что онъ для полученія согласія Маріи Терезіи на это путешествіе указалъ на пользу заключающуюся въ ознакомленіи съ Россіей. Іосифъ, говоритъ Домъ, желалъ составить себѣ болѣе точное помятіе о силахъ и средствахъ которыми располагала Россія. *

Какъ бы то ни было, уже въ февралѣ 1780 года было рѣшено что Іосифъ II и Екатерина встрѣтятся въ Могилевѣ. Ко князю Кауниццу Іосифъ писалъ 1 марта 1780 года:

„Во всѣхъ моихъ поѣздкахъ я строго держался титула графа Фалькенштейна: выгода этого титула заключается въ томъ что я освобождаюсь отъ этикета, церемоніала, отъ празднествъ, отъ почетной стражи, свиты и квартиры. Такъ со мною обращались во Франціи, въ Итали и въ Германіи, и я при этомъ чувствовалъ себя хорошо. Я надѣюсь что ея величество императрица предоставитъ мнѣ тѣ же самыя выгоды; въ особености же я желалъ бы никоимъ образомъ не беспокоить ее, не измѣнять ея предположеній. Всѣ мои желанія клонятся лишь къ тому: познакомиться съ императрицей. Поэтому я былъ бы въ отчаяніи еслибъ она изъ-за меня хотѣла оставаться въ Могилевѣ дольше нежели въ другихъ городахъ; я предпочелъ бы этому совершить съ нею путешествіе до Смоленска. Я во всѣхъ отношеніяхъ намѣренъ сообразоваться съ занятіями императрицы и для графа Фалькенштейна желалъ бы только дозволенія занять мѣсто между кавалерами ея свиты и воспользоваться нѣкоторыми минутами досуга императрицы для бесѣды съ нею.“ **

Очевидно это письмо было написано для сообщенія княземъ Кауницемъ русскому послу Голицыну. Въ этомъ письмѣ говорилось лишь о желаніи личнаго общенія съ Екатериной. Хотя въ немъ ни слова не было сказано о заключеніи союза между Россіей и Австріей, но разумѣется главная цѣль путешествія Іосифа была не столько личная дружба къ Екатеринѣ, сколько попытка сближенія политическихъ интересовъ обѣихъ державъ.

* *Domn, Denkwürdigkeiten* I. 414.

** *Arneth, Joseph II und Katharina*, VI—VII.

Нельзя удивляться тому что въ кругахъ дипломатовъ очень скоро узнали о предстоящемъ важномъ событіи. Гаррисъ 25 февраля (7 марта) 1780 года, въ письмѣ къ англійскому посланнику Мортону Илеву (Eolen), уже сообщалъ что: „императоръ и императрица намѣрены устроить свиданіе вътомъ, не далеко отъ польской границы“.*

Какъ думали въ Австріи о значеніи предстоящаго свиданія между Иосифомъ и Екатериной, можно видѣть, между прочимъ, изъ переписки Маріи Терезіи съ графомъ Мерси д'Аржанто. Мы узнаемъ изъ этихъ писемъ что ни мать императора Иосифа, ни австрійскій посланникъ въ Парижѣ не были довольны желаніемъ Иосифа сблизиться съ Екатериной.

Мы уже выше указали на личное нерасположеніе Маріи Терезіи къ Россіи вообще и къ императрицѣ Екатериной въ особенности. Что касается графа Мерси, то мы знаемъ что онъ былъ свидѣтелемъ государственныхъ переворотовъ по случаю кончины императрицы Елисаветы и затѣмъ по случаю вступленія на престолъ Екатерины. Положеніе Мерси въ качествѣ австрійскаго посланника при Петербургскомъ дворѣ въ 1762 году было чрезвычайно труднымъ и даже сдѣлалось вскорѣ невозможнымъ. Надежда графа Мерси на царствованіе императрицы Екатерины послѣ катастрофы Петра III вскорѣ оказалась тщетною. Екатерина не искала сначала союза съ Австріей и потому графъ Мерси былъ чрезвычайно недоволенъ ею. Скоро послѣ этого онъ выѣхалъ изъ Россіи. Его отзывъ о Екатеринѣ въ 1762 году былъ весьма неблагоприятенъ и рѣзокъ. Онъ замѣтилъ въ одномъ изъ послѣднихъ донесеній писанныхъ въ Петербургѣ ко князю Кауницю: „болѣе чѣмъ вѣроятно что личный, составленный изъ бурныхъ страстей и странныхъ идей, характеръ новой государыни сдѣлаетъ это царствованіе какъ въ хорошемъ, такъ и въ худомъ, весьма оживленнымъ и дѣятельнымъ, съ тѣмъ однако различіемъ что не такъ легко надѣяться на первое, какъ сдѣдуетъ опасаться послѣдняго что можно съ достовѣрностію увидѣть изъ того что высокоуміе преобладаетъ во всѣхъ ея рѣшеніяхъ и что съ этихъ поръ она постарается принять на себя во всѣхъ дѣлахъ повелительный диктаторскій тонъ.“**

* The court of Vienna makes strong advances here and believe how may depend upon an interview taking place etc.* Harris I. 285.

** Сборн. Ист. Общ. XVIII, 460.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе восемнадцати лѣтъ, до 1780 года, отношенія между Россіей и Австріей оставались холодными. Отзывъ графа Мерси, съ точки зрѣнія австрійской политики, оказался весьма справедливымъ. Въ 1780 году Мерси находилъ ся въ качествѣ австрійскаго дипломата въ Парижѣ. Оттуда онъ часто писалъ къ Маріи Терезіи. Разумѣется, предлагаемое путешествіе Иосифа въ Россію должно было также сдѣлаться предметомъ этой переписки.

Марія Терезія изъ Вѣны писала ко графу Мерси 3 марта (21 февраля) 1780: „Императоръ еще зимою, въ бесѣдѣ со мною, шута (en badinant) заговорилъ о своемъ желаніи видѣться съ русскою императрицей, по случаю ея поѣздки въ Могилевъ... Вы можете представить себѣ что такое предположеніе не соотвѣтствуетъ моему вкусу; къ тому же это свиданіе, благодаря ненависти и ужасу возбуждаемымъ такою личностью какова русская императрица, произвело бы неблагопріятное впечатлѣніе на другія державы. Однако императоръ, совершенно занятый этою мыслью, сообщилъ тайно о своемъ намѣреніи, даже безъ вѣдома Кауница, русскому послу, князю Голицыну. Послѣдній довѣсь объ этомъ своей государынѣ. Курьеръ отправляемый съ этимъ извѣстіемъ въ Петербургъ только-что возвратился сюда съ самымъ лестнымъ отвѣтомъ, выражающимъ удовольствіе императрицы встрѣтиться съ императоромъ; къ этому было прибавлено что императрица никому не сообщитъ объ этомъ и даже Павинъ не узнаетъ объ этомъ намѣреніи. Я однако не сомнѣваюсь что она прежде всего уведомила короля Прусскаго. Вотъ новое доказательство невозможности съ моей стороны остававлять предположенія императора, хотя я всегда по необходимости раздѣляю неблагопріятные результаты. Императоръ воображаетъ себѣ что это свиданіе будетъ имѣть самую выгодную послѣдствія. Онъ уже напередъ наслаждается заботой короля Прусскаго при этомъ случаѣ. Я не увѣрена въ пользѣ этого предпріятія и съ сожалѣніемъ вижу какъ такимъ образомъ доставляется новая причина нерасположенію короля Прусскаго и неудовольствію нашихъ союзниковъ*.“

Предположеніе Иосифа встрѣтиться съ Екатериной въ

* Arneth et Geffroy. *Marie Antoinette*. Correspondance secrète entre Marie Therese et le comte de Mercy-Argenteau. Paris, 1874. III. 404—405 т. сlv.

Могилевъ не могло остаться тайной. Объ этомъ заговорили не только въ Петербургѣ, какъ мы видали выше изъ делеша Гарриса, но и въ Парижѣ. Графъ Мерси писалъ Маріи Терезіи 18 марта (7 марта) изъ Парижа: „Что касается проекта свиданія императора съ русскою императрицей, то государственная канцелярія не только сообщила мнѣ объ этомъ предметѣ, но даже поручила мнѣ посвятить въ эту тайну (de le confier) графа Верженна, что я и исполнилъ, какъ ваше величество можете усмотрѣть изъ моей сегодняшней делеша. Такое довѣріе можетъ быть оласнымъ, но и умолчаніе объ этомъ предметѣ могло бы представить еще большую оласность. Въ первую минуту графъ Верженнъ казался нѣсколько изумленнымъ, я однако надѣюсь для избѣжанія всякаго безлокойства устроить дѣло такъ чтобы онъ могъ свыкнуться съ этою мыслію. Этотъ министръ тотчасъ же догадался что проектъ императора не можетъ понравиться вашему величеству. Я употреблялъ разныя выраженія для избѣжанія болѣе сложныхъ на этотъ счетъ соображеній. Что касается самой сущности дѣла, то нельзя не желать чтобы императоръ извлекалъ изъ этого случая ожидаемыя имъ выгоды; мнѣ однако кажется что нельзя уловить слишкомъ твердо на это, благодаря, вопервыхъ, столь извѣстному характеру императрицы, вовторыхъ, вообще ея вывѣшней политической системѣ. Готовность съ которою эта государыня приняла предложеніе такой встрѣчи, заставляетъ думать что она тотчасъ же уведомила объ этомъ Прусскаго короля, который безъ сомнѣнія тотчасъ же усилитъ свои непріязненные дѣйствія. Главная задача заключается теперь въ предупреденіи послѣднихъ и пр.“ *

„Я полагаю, говоритъ графъ Мерси въ другомъ своемъ письмѣ къ Маріи Терезіи, отъ 2 апрѣля (22 марта) 1780 года, что это событіе нѣкоторое время надѣлаетъ шуму и затѣмъ останется безъ послѣдствій, не сдѣлавшись новою злохой; особенно если императоръ не измѣнитъ своихъ мыслей относительно Франціи и пр.“ **

Иосифъ наслаждался мыслію о раздраженіи Фридриха II по случаю извѣстія о предстоящемъ свиданіи въ Могилевѣ. Графъ Мерси ожидалъ непріязненныхъ мѣръ со стороны Пруссіи по поводу этого событія.

* Arneth et Geffroy III, 413.

** Arneth et Geffroy III, 417.

Дѣйствительно, Фридрихъ II былъ чрезвычайно недоволенъ этимъ симлтомомъ сближенія между Австріей и Россіей. Въ письмѣ отъ 6 (17) апрѣля графъ Мерси сообщалъ Маріи Терезіи о раслушеніи Фридрихомъ II злоумышлхъ слуховъ насчетъ предполагаемой встрѣчи Іосифа съ Екатериной. Въ этомъ смыслѣ и съ дѣлью повредить Россіи и Австріи, прусскій посланникъ въ Парижѣ, баронъ Гольцъ, сдѣлаалъ нѣкоторыя сообщенія графу Вержену, однако, какъ писалъ графъ Мерси, всѣ эти непріязненные вѣщанія Прусскаго короля не произвели глубокаго впечатлѣнія на Французское правительство, хотя послѣднее также не могло желать сближенія между Россіей и Австріей. *

Въ какой степени Прусское правительство безлокомлось по поводу предстоявшаго свиданія Іосифа съ Екатериной, видно изъ бесѣдъ графа Панина съ прусскимъ посланникомъ графомъ Гёрдомъ, а также изъ делешъ англійскаго дипломата Гарриса, свидѣвшаго за дѣйствіями Прусскаго кабинета.

Въ началѣ марта 1780 года графъ Гёрдъ въ бесѣдѣ съ Панинымъ выразилъ опасеніе что предполагаемое путешествіе императора можетъ повести къ коренному измѣненію политической системы и потому имѣть лагубныя послѣдствія. Панинь возразилъ на это: „Если кто во глубинѣ души до того не расположенъ къ Австріи, какъ мы въ настоящее время, едва ли можно ожидать какой-либо перемѣны“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы скорѣе уничтожить всякое вліяніе Австріи, Панинь сдѣлаалъ предложеніе отправить племянника Прусскаго короля, наследника прусскаго престола, принца Фридриха Вильгельма, для свиданія съ императрицей въ Петербургъ. Уже и прежде Потемкинъ дѣлаалъ то же самое предложеніе графу Гёрду. Панинь однако выставилъ на видъ что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ скоро, потому что иначе предложеніе поѣздки принца прусскаго въ Россію могло бы имѣть характеръ прямой демонстраціи противъ могилевской встрѣчи. Къ тому же Панинь полагалъ что нужно показать видъ будто мысль о поѣздкѣ племянника Фридриха II въ Россію появилась впервые въ Берлинѣ, а не въ Петербургѣ.

* Arneth et Geffroy, III, 125. И въ делешѣ графа Мерси отъ 6 (17) мая говорится объ этихъ „insinuations odieuses“ Прусскаго короля и барона Гольца; см. Arneth et Geffroy, III, 433.

Въ концѣ марта Панивъ увѣрялъ графа Гёрца въ томъ что встрѣча Иосифа съ Екатериной можетъ имѣть значеніе развѣ только лустой демонстраціи, что она не будетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на политическую систему и что впечатлѣніе котораго можно ожидать отъ этого свиданія будетъ лишь временнымъ. Панивъ былъ вполне убѣжденъ въ томъ что твердость принятой политической системы обуславливалась не столько личностями правителей сколько солидарностью интересовъ Пруссіи и Россіи.

Несмотря на такой образъ мыслей графа Панива, который въ это время не пользовался уже довѣріемъ императрицы, графъ Гёрцъ не переставалъ сильно беспокоиться. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ что могилевское свиданіе непременно усилитъ гордость и тщеславіе императрицы, Русскаго двора и народа. Въ делѣшѣ графа Гёрца къ королю Фридриху II, отъ 19 апрѣля, сказано между прочимъ: „Этого еще не доставало что Германскій императоръ, первый государь въ Европѣ, представитель надмсаваго Австрійскаго дома, призываетъ въ Россію для оказанія глубокаго почтенія императрицѣ. Всѣ это не можетъ не содѣйствовать затрудненію вести переговоры съ этимъ дворомъ; нельзя сомнѣваться въ томъ что Россія въ отвѣтъ на такую любезность со стороны Австріи, по крайней мѣрѣ въ продолженіе вѣкотораго времени, будетъ уступчивою и готовою къ услугамъ. Будутъ кокетничать съ Австріей. Особенно важныхъ результатовъ, пожаауи, не достигнутъ этимъ путемъ. По моему мнѣнію мы въ продолженіе этого такъ-сказать автракта (*cet espèce d'entre-acte*) должны быть терпѣливы и, не показывая вида какаго-либо безлокойства, не дремать окомъ. Нужно продолжать оказывать лояное довѣріе къ прочности вышней господствующей системы; нужно дать здѣшнему двору время опомниться (*de se ressourcir*); нужно дать Вѣнскому двору случай раскрыть всю хитрость его политики.“

Панивъ все это время не переставалъ говорить о томъ что свиданіе Иосифа съ Екатериной будетъ не чѣмъ инымъ какъ простымъ визитомъ и что оно насколько не повредитъ союзу Пруссіи съ Россіей, котораго императрица твердо намѣрена держаться и въ будущемъ, и при которомъ Россія чувствуетъ себя какъ нельзя лучше.

Какъ кажется и самъ король Фридрихъ II раздѣлялъ это мнѣніе. Получивъ эти извѣстія отъ графа Гёрца изъ

Петербурга, оны въ апрѣлѣ выразилъ надежду что всѣ ожиданія князя Кауница, разчитывающаго на всевозможныя выгоды отъ этого путешествія императора Иосифа, превратятся въ дымъ *. Тѣмъ охотнѣе однако Фридрихъ согласился на поѣздку принца Фридриха Вильгельма, который долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ въ сентябрѣ. И Екатерина и Потемкинъ казались особенно довольны этимъ предложеніемъ сдѣланномъ Прусскимъ королемъ, который впрочемъ поручилъ своему посланнику при Петербургскомъ дворѣ оставаться хотя слободнымъ, но внимательнымъ наблюдателемъ ожидаемыхъ событій.

Изъ Вѣны французскій дипломатъ, баронъ Брётель, доноситъ въ концѣ марта 1780 года что Екатерина согласилась на свиданіе съ императоромъ Иосифомъ не иначе какъ испросивъ предварительно мѣтніе короля Прусскаго. ** Разумѣется такіе толки были лишены всякаго основанія. Екатерина дѣйствовала вполнѣ самостоятельно. Развѣ Панинъ могъ бы думать о переговорахъ съ Пруссіей до рѣшенія вопроса о свиданіи; Екатерина однако рѣшила этотъ вопросъ совершенно независимо отъ взглядовъ Панина.

Англійскій дипломатъ Гаррисъ сообщалъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1780 своему правительству о стараніяхъ прусскаго дѣйствовать на князя Потемкина. Послѣдній находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ Гаррису, между тѣмъ какъ Фридрихъ II старался по возможности вредить Англій вообще и Гаррису въ особенности. Такимъ образомъ Гаррисъ могъ узнать кое-что о закулисныхъ дѣйствіяхъ короля. *** Гаррисъ узналъ, между прочимъ, что императрица не была особенно довольна предложеніемъ короля Прусскаго отправить въ Россію своего племянника принца Фридриха Вильгельма, что она нѣсколько дней медлила отвѣтомъ; что въ то же самое время графъ Гёрцъ старался вредить Вѣнскому двору сообщеніемъ разныхъ данныхъ о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Австріи во время послѣдней Турецкой войны и что Гёрцъ сообщалъ слухъ о неodobреніи путешествія

* Всѣ эти данныя были заимствованы Цинкейзенемъ изъ Берлинскаго Архива, см. его *Geschichte des oestmanischen Reiches* VI 258—260.

** Raumer, *Beiträge z. neueren Gesch.* V. 441.

*** См. напр. депешу Гарриса I. 291.

Иосифа Маріей Терезіей. Гаррисъ прибавлялъ что всѣ эти впушенія прусскаго дипломата не произвели никакого впечатлѣнія на императрицу. Гаррисъ узналъ даже что графъ Гёрцъ имѣлъ свиданіе съ княземъ Потемкинымъ съ цѣлю задобрить его, обѣщать ему разныя личныя выгоды, если князь во время этого роковаго свиданія будетъ дѣйствовать въ пользу Пруссіи. Гаррисъ считалъ возможнымъ что Фридрихъ II имѣлъ въ виду доставить Потемкину Курляндію въ награду за ожидаемыя отъ него услуги. Даже Гаррисъ узналъ, будто Пруссіи король обѣщалъ Потемкину обезпечить его общественное и матеріальное положеніе въ случаѣ вступленія на престолъ великаго князя Павла Петровича. Все это Гаррисъ узналъ очевидно путемъ подкула отъ разныхъ лицъ окружавшихъ Потемкина, Панина и пр. Трудно сказать насколько можно вѣрить этимъ слухамъ. *

Изъ всего этого видно что проектъ свиданія Иосифа съ Екатериной надѣлалъ много шума во всей Европѣ. Во Франціи и въ Пруссіи опасались вреднаго вліянія Австріи на Россію, въ Англіи разсчитывали на сближеніе Австріи съ Россіей какъ на средство разьединенія Россіи и Пруссіи. Въ Австріи мы встрѣчаемъ совершенно противоположныя мнѣнія.

Иосифъ II былъ очень доволенъ и ожидалъ самыхъ благоприятныхъ и важныхъ результатовъ отъ своей поѣздки въ Россію. Ко своему брату Леопольду онъ писалъ 3 (14) апрѣля 1780: „Мнѣ хотѣлось бы знать, какъ все будетъ, въ какомъ состояніи я найду Россію. Какъ бы то ни было, эта

* Дункейземъ, (VI. 258) считаетъ всю эту исторію о письмѣ Фридриха II къ Потемкину выдумкой Гарриса. Такой скептицизмъ намъ кажется преувеличеннымъ. Вотъ содержаніе этой важной депеши Гарриса: „After taking infinite pains, I have discovered, that at the same time, when Count Goerty proposed the Prince of Prussia's visit, he delivered, in the most secret manuer, a letter from the King to Prince Potemkin. It was conceived in terms of the vilest adulation and most fulsome flattery... His Majesty intreats Prince Potemkin to support and maintain his interests on this occasion; and that if he will assist him with his influence, *il tâchera de rendre possible, ce qui parait impossible*; words though vague, are yet very expressive and which, I fear, have sunk very deep in Prince Potemkin's mind since they either refer to the putting him in possession of Courland or what, for many reasons, I think more probable, imply a promise to reconcile him so far with the Grand Duke, as to insure him, in case of the Empress's demise, safety for his person, honours and property“.

страна съ начала этого вѣка измѣнилась совершенно, была такъ-сказать создана заново. Она производительна и почти неприступна для нападена и пр. Немногомъ позже Иосифъ II писалъ ко своей матери что надѣется заслужить похвалу ея этимъ путешествіемъ, что онъ вѣроятно рѣшится участвовать въ поѣздкѣ императрицы въ Смоленскъ, что оттуда онъ вѣроятно отправится въ Москву и др. *

Изъ перелиски Маріи Терезіи съ Маріей Антуанетой мы видимъ что ни мать, ни сестра Иосифа не раздѣляли оптимизма императора и даже съ нѣкоторымъ отвращеніемъ говорили объ этомъ путешествіи.

Марія Антуанета писала 3 (14) мая: „Несмотря на мое мнѣніе объ императрицѣ, я была бы довольна еслюбъ ея политика измѣнилась и повела бы къ доставленію намъ мира.“ **

Сообщая нѣкоторыя данныя о путешествіи Иосифа, Марія Терезія писала дочери: „Это путешествіе меня мучитъ“. *** Марія Антуанета отвѣчала: „Я не знаю толку въ политикѣ, но я не думаю чтобы можно было выиграть что-либо чрезъ знакомство съ этою императрицей. Но такъ какъ мой братъ остроуменъ и остороженъ, я убѣждена что онъ по крайней мѣрѣ ничего не испортитъ и что тѣ кто предпримуть путешествіе послабъ него, не перецеголаютъ его.“ **** Послѣднее замѣчаніе очевидно относилось къ правду Прусскому.

IV. Путешествіе императрицы въ Могилевъ.

Благодаря дневнику составленному во время путешествія графомъ Безбородко и письмамъ Екатерины къ Павлу Петровичу и Маріи Феодоровнѣ, мы знаемъ подробно какъ происходило „шествіе“ императрицы и ея многочисленной свиты изъ Петербурга до Могилева.

9 мая Екатерина послѣ обѣда отправилась изъ Царскаго Села въ Красное Село. Тамъ она остановилась для ночлега. †

* Arneth, *Maria Theresia und Joseph II.* Wien, 1868, 241, 244 и 245.

** Въ то время Франція участвовала въ войнѣ Американскихъ колоній съ Англіей.

*** „Ce voyage me fait bien de la peine.“

**** Arneth, *Maria Theresia und Marie Antoinette*, стр. 313, 317—319.

† *Сб. Ист. Общ.* I, 386.

Оттуда она писала: „Любезныя дѣти мои! Не стану говорить объ отъѣздѣ моемъ, потому что не люблю грустныхъ разговоровъ. Первые три версты я была очень грустна, скажу вамъ только что сюда я прѣѣхала около четырехъ часовъ, въ вождѣвномъ здравіи; упоминаю объ этомъ, зная что порадуя васъ; васъ же прошу быть здоровыми и веселиться въ ожиданіи возвращенія моего; обнимаю васъ и дѣтей вашихъ; изъ нихъ особенно Александра. Прощайте! я васъ очень люблю.“ *

На другой день до отправленія въ Ямбургъ и Нарву императрица писала: „Любезныя дѣти мои! Нѣжныя ваши письма живо тронули меня и возобновили во мнѣ грусть о разлукѣ съ вами. Будьте увѣрены что я васъ люблю всѣмъ сердцемъ и очень признательна за ваши чувства ко мнѣ. Въ послѣднее время мнѣ было очень тяжело на сердцѣ, но я молчала чтобы не опечалить васъ еще болѣе, я видѣла слезы ваши и часто съ трудомъ удерживала свои. Постараюсь какъ можно скорѣе возвратиться къ вамъ... Посылаю вамъ образчики всего что есть здѣсь лучшаго, хоть и боюсь что у васъ они не будутъ въ такой чести... Желаю симъ красносельскимъ платкамъ свойство умножительное (la vertu augmentative) чтобы по возвращеніи моемъ найти третьяго малютку и проч... Вчера я провела вечеръ играя въ ломберъ, а потомъ въ бердамы.“

Затѣмъ императрица писала изъ Ямбурга: „Дорога отлична и погода прояснилась; вы видите, я слышу возвращеніемъ.“ **

Въ Ямбургѣ императрица была встрѣчена предъ городомъ городничимъ, а въ городѣ дворянскимъ предводителемъ со дворянами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ предмѣстій Нарвы выѣхали на встрѣчу многіе изъ мѣщанъ, въ городѣ началась лущечная пальба, при вступленіи въ предмѣстье были поставлены триумфальныя ворота; по сторонамъ улицы стояли „юные отроки и дѣвицы, одѣтые въ ластушьи пластья, бѣлое съ селадоновымъ, и съ корзинками наполненными цвѣтовъ, коими устилали луть ея величества.“ Пробѣжавъ мостъ черезъ рѣку Нарову, у третьихъ триумфальныхъ воротъ императрица была встрѣчена знатнѣйшими изъ гражданства, архимандритомъ и прочимъ духовенствомъ, при колокольномъ

* Сб. Ист. Общ. IX, 40.

** Сб. Ист. Общ. IX, 40—41.

звонѣ. Тутъ она вышла изъ кареты и по двѣнадцати на гору съѣзжанной „позволила шествовать“ во дворецъ, гдѣ ее встрѣтили нѣкоторые савовники. Въ журналѣ говорится подробно объ плаюминаціи, объ аллегорическихъ изображеніяхъ: „и всю ночь улицы наполнены были великимъ стеченіемъ людей обоего пола.“

На другой день императрица принимала дамъ, офицеровъ, членовъ магистрата и пр. „Бургомистръ юстиціи“ готовъ былъ сказать рѣчь, но „дабы не навести безлокойства подвесь оную на письмо“, и пр.

Въ 11 часовъ Екатерина отправилась къ извѣстному водопладу, какъ сказано въ журналѣ „на Нарвскіе пороги“; тутъ на острову, въ домѣ кулца Сутгофа, она „была трактована отъ города обѣданнымъ столомъ“. Послѣ обѣда она осматривала Нарвскую пристань и планы предполагаемыхъ работъ.

Между тѣмъ были собраны разныя свѣдѣнія о состояніи Нарвы, о приготовленіи ко введенію въ Нарвскомъ уѣздѣ правленія по новому образу, о домѣ назначенномъ для дворянскаго собранія, о кругѣ дѣйствій магистрата, о канцелярскомъ порядкѣ присутственныхъ мѣстъ и пр. Узнали, наприкладъ, что городскіе доходы составляютъ ежегодно сумму отъ 10—12.000 рублей, что мѣщанскіе промыслы состоятъ въ льняныхъ и мучныхъ мельницахъ, въ торгѣ мясомъ, ленькой, хлѣбомъ, табакомъ и желѣзомъ на 500.000 рублей въ одной фабрикѣ и проч. Были далѣе собраны свѣдѣнія о госпиталѣхъ, о воспитательномъ домѣ для сиротъ, о школахъ, о таможнѣ и пр. Оказалось что городъ нуждался въ приведеніи гавани въ слободное для корабельнаго хода состояніе и въ исправленіи тарифа облегченіемъ лошадей и пр. Императрица приняла мѣры чтобъ и русскимъ купцамъ въ Нарвѣ было дозволено заниматься вышшею торговлею и пр. *

Въ письмѣ отъ 11 мая изъ Нарвы, къ великому князю Павлу Петровичу и великой княгинѣ Маріи Феодоровнѣ, Екатерина въ веселомъ расположеніи духа хвалила дорогу и разказывала кое-что о своемъ пребываніи въ Нарвѣ. Между прочимъ она насмѣхалась надъ слѣдующимъ случаемъ. Одинъ курьеръ искалъ въ Нарвѣ князя Безбородка нѣсколько часовъ: „Подумаешь Нарва по обширности другой Парижъ; въ немъ пропадаютъ безъ вѣсти. Посылаю вамъ“, продолжала

* Сб. И. О. I. 386—390.

императрица, „всякихъ здѣшнихъ диковинокъ, то-есть кусокъ матеріи государымъ великой княгинѣ, ащикъ съ игрушками доброму пріятелю моему Александру и пр.“ Немногоимъ позже она писала: „я обѣдала у водолазовъ; теченіе въ нихъ гораздо быстрее нежели въ первое мое пребываніе здѣсь: говорятъ причиною тому весенній наплывъ воды. Оттуда я отправилась смотрѣть устье Нарвы; здѣшніе жители нуждаются въ убѣжищѣ для кулеческихъ судовъ которыя на рейдѣ слытываютъ всякаго рода бѣдствія и едва могутъ нагружаться... Я весьма устала отъ вчерашняго дня и нынѣшняго; я была преслѣдуема внимательностью городскихъ красавицъ, вѣжливость которыхъ дошла до того что онѣ прислуживали мнѣ за столомъ,“ и т. д. *

Не особенно забываемъ это путешествіе казавшее Безбородку, который изъ Нарвы писалъ ко графу А. Р. Воронцову: „Большой походъ который мы въ одинъ день сдѣлали съ заботами отъ встрѣчъ привелъ насъ въ такую усталость что мы насилу, теперь отдохнувъ, лаки въ луть собираемся. Здѣшній городокъ оказалъ всю пристойность и благоволеніе ему свойственное, въ пріемѣ государыни и двора ея... Мы здѣсь направи г. Броуна Гротенгельма, Сиверса и псковскаго губернатора. ...Исключая хорошихъ обѣдовъ и что нѣтъ на много дѣла, ни челобитчиковъ, впрочемъ весьма скучно. Вы знаете изъ какихъ людей составлена вся компанія; знаете и мое съ ними положеніе; и высланшись довольно, ломивутно дремаю или зѣваю... Желаю чтобы время нашего путешествія сократилось...“ и пр. **

Изъ Нарвы императрица отправилась во Гдовъ. На пути въ разныхъ мѣстахъ опять были торжественныя встрѣчи. На границѣ Псковской губерніи императрицу встрѣтилъ генералъ-губернаторъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ. Во Гдовѣ опять были собраны разные статистическія и прочія свѣдѣнія о состояніи города и уѣзда. Узнали напр. о числѣ кулцовъ, мѣщанъ, разночинцевъ въ городѣ, крестьянъ въ уѣздѣ, о числѣ церквей, лавокъ, о состояніи присутственныхъ мѣстъ, о мѣрѣ соблюденія канцелярскаго порядка, о доходахъ города. Оказалось что „мѣщане торгуютъ мелочнымъ лавочнымъ товаромъ не болѣе какъ на три тысячи рублей. Заимствуютъ

* Сб. И. О. IX. 42—43.

** Сб. И. О. XXVI. 371.

пропитаніе бѣльшю частью отъ лашки около города. Фабрикъ и промысловъ никакихъ не имѣютъ и въ ремесленникахъ такъ скудно что одѣяніе и обувь получаютъ изъ другихъ городовъ“. Давѣ узнали кое-что о дороговизнѣ, о соляныхъ магазинахъ, о богадѣльняхъ, о предполагаемыхъ, но еще не начатыхъ постройкахъ. Императрицей были приняты нѣкоторыя мѣры для поощренія постройки домовъ, для развитія въ городѣ разныхъ промысловъ и пр. *

Екатерина писала изъ Гдова: „Славное здѣсь мѣсто, любезныя дѣти мои! Въ немъ найдешь все кромѣ того что нужно. Пожары немного повредятъ этому городу, такъ какъ въ немъ почти нѣтъ здавій, да и воровъ опасаться не стоить: ни добра, ни жителей почти въ немъ не имѣется! Мѣстоположеніе очень пріятно и земля пахотная, съ Петербурга очень хорошо обработана, но по всей дорогѣ ни одного жилища; они появляются только въ сторонѣ отъ нея и раскинуты на большое разстояніе другъ отъ друга. Я бѣгу изъ этого мѣста.“ **

Пріѣхавъ во Псковъ императрица писала что на пути во Псковъ она обѣдала „у одной княгини, населенной какъ ветчина, буквально населенной. Тайна эта открылась слѣдующимъ образомъ: при прощаніи со мною, она лодошла къ рукѣ моей и я лодѣловала ее въ щеку; послѣ того я на мѣстницѣ подала руку оберъ-штаамейстеру чтобы сойти внизъ; говоря съ нимъ, я вдругъ почувствовала что у меня губы пропитаны солью; я смѣясь сказала ему это, и онъ, посмотрѣвъ на меня, увидѣвъ что у меня весь ротъ лобѣлялъ. По возвращеніи въ кабинетъ мой, двѣца Энгельгардтъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ терла мнѣ губы, но краска сошла только съ трудомъ. Если ея мужъ часто цалуется съ нею, то ему вѣроятно каждый разъ лить хочется. Я при этомъ и узнала что краска эта соломовата и пр.“ ***

* Сб. Ист. Общ. I. 390—392.

** См. Сб. Ист. Общ. IX. 43. Во Гдовѣ въ послѣднее время считалось около 1.400 жителей.

*** Сб. Ист. Общ. IX. 44. Сегюръ въ своихъ запискахъ разказываетъ по случаю путешествія императрицы въ 1785 году, въ которомъ она принимала участіе: „Elle donnait à tous sa main à baiser, et embrassait toutes les femmes, ce qui l'obligeait après à une sorte de seconde toilette; car, à la fin de ces audiences, comme l'usage du fard était universel dans les provinces chez toutes les femmes, même celle des bourgeois et des paysans, le visage de l'impératrice se trouvait couvert de rouge et de blanc“. *Mémoires, anecdotes et souvenirs* II. 320.

Во Псковѣ императрица оставалась отъ 13 до 16 мая. Тутъ она присутствовала при богослуженіи; былъ торжественный приѣмъ самовицкамъ, духовенству, дворянамъ и пр. „Народъ“, оказано въ журналѣ, „весь день съ утра и до глубокой ночи находилась предъ ложемъ ея величества въ великомъ множествѣ и съ прямымъ оказаніемъ своей радости“. Екатерина ѣздила по городу для осмотра оного; затѣмъ были „привеселены всеподданнѣйшія поздравленія отъ семинаріи Псковской говоренными рѣчьми отъ учениковъ и ректора“.*

По случаю знаменитаго путешествія императрицы въ 1787 году, графъ Сегюръ, находившійся между ея слугами, выразилъ сомнѣніе въ пользѣ такой поѣздки, во время которой Екатерина почти исключительно участвовала въ торжественныхъ религіозныхъ обрядахъ, въ большихъ собраніяхъ и т. п. Екатерина возражала на это: „Я путешествую не столько для того чтобы видѣть разные города и пр., сколько для того чтобы видѣть людей; изъ плановъ и описаній мнѣ довольно хорошо извѣстно все то что я бы все-таки, при быстротѣ моей поѣздки, не могла осмотрѣть тщательно. Мнѣ главнымъ образомъ нужно чтобы народъ имѣлъ возможность приблизиться ко мнѣ, чтобы ему былъ доставленъ случай къ заявленію о своихъ нуждахъ, чтобы трелетали тѣ кто уполтребляютъ во зло мое довѣріе“ и т. д.**

Все это можно отнести и къ путешествію 1780 года. Во Псковѣ были особенно тщательно собраны разные данныя о состояніи города и его окрестностей. Оказалось, между прочимъ, что вершенныхъ дѣлъ по всѣмъ высшимъ мѣстамъ насчитывалось до 233, а по уѣзду до 79, что колодниковъ по всѣмъ мѣстамъ было 19. Были собраны свѣдѣнія о состояніи фабрикъ и торговли, о запасныхъ магазинахъ. Особенно важнымъ оказалось принятіе мѣръ для межеванія съ цѣлью прекращенія безконечныхъ споровъ, для умноженія фабрикъ и пр.***

Изъ Пскова Екатерина писала: „Удивительно какая перемена произошла въ 24 часа! Около Гдова едва показывались листья, здѣсь же яблоки и вишни въ цвѣту и хлѣбъ въ лопаршан. Говорятъ разница между Псковомъ и Петербургомъ въ трехъ градусахъ... Милой дочери я посылаю псковскій

* Сб. Ист. Общ. I. 396.

** Segur III. 56.

*** Сб. Ист. Общ. I. 393—395.

вѣрѣ лучшаго сорта; гдовскія же рѣдкости выбраны графомъ Чернышевымъ для великаго князя... я уже успѣла сократить путешествіе двумя днями и надѣюсь пріѣхать къ вамъ ранѣе нежели предполагалось по плану. Кто видѣлъ Псковъ, знаетъ и Новгородъ: оба города сіи когда-то были соперниками въ величіи, а теперь оба наравнѣ улали и похожи въ всемъ другъ на друга.“ *

Во Гдовѣ и во Псковѣ не обошлось безъ нѣкоторыхъ не-пріятныхъ впечатлѣній. Изъ Пскова Безбородко писалъ графу Воронцову 15 мая: „Завтра поѣдемъ далѣе, посмотрѣвшись много нехорошаго между дворянствомъ, мѣщанами и прочими“. **

Изъ Пскова императрица чрезъ Островъ, Опочку и Долоццы отправилась въ Полоцкъ. И въ этихъ мѣстахъ, какъ во Гдовѣ и др., были ассигнованы деньги на постройку новыхъ домовъ, богадѣленъ, церквей и т. п. Свѣдѣнія собраныя относительно состоянія этихъ мѣстностей не представляли ничего особеннаго.

Изъ Острова императрица писала: „Островъ весьма живописенъ по своему мѣстоположенію; это безконечный рядъ холмовъ; словомъ, мѣстность волнообразная по выраженію Англичанъ. Между холмами протекаетъ рѣка Великая; вездѣ земля воздѣлана; не пройдешь ста шаговъ, по пригоркамъ вездѣ разбросаны села, которыхъ множество; вдали возвышенности окаймлены лѣсомъ; словомъ, все дышетъ жизнью; здѣсь центръ торговли льномъ, или, лучше сказать, центръ обработки его; дороговизна въ лоловину меньше нежели въ Псковѣ... Со дня представленія соленой княгини, я привимаю не иначе какъ приказавъ приготовить стаканъ воды чтобы смыть лято со щекъ моихъ... Одна изъ здѣшнихъ барынь только что прислала мнѣ своихъ издѣлій; такъ-какъ онѣ изящнѣе всего что попалось мнѣ до сихъ поръ, слѣшу доставить ихъ: вамъ, любезный сынъ, портфель, а вамъ, милая дочка, громадный рабочій мѣшокъ; въ него вы можете прятать доскутки для вышивной работы.“

Изъ Долоцъ (въ нынѣшней Витебской губ.) Екатерина писала: „Съ самаго Острова тянутся все холмы да холмики, между которыми множество озеръ, что очень красиво; здѣсь

* Сб. Ист. Общ. IX, 45.

** Сб. Ист. Общ. XXVI, 371.

населеніе самое разнородное, сплошь да рядомъ обитають православные, католики, укіаты, Евреи, Русскіе, Поляки, Чухонцы, Нѣмцы, Курлявцы, словомъ, не увидишь двухъ крестьянъ одинаково одѣтыхъ и говорящихъ правильно на одномъ нарѣчій; смѣшеніе племенъ и нарѣчій наломываетъ Вавилонское столпотвореніе. Судя по письмамъ полученнымъ вчера отъ графа Румянцева, графъ Фалькенштейнъ намѣревался пріѣхать въ Кіевъ 15 мая: такимъ образомъ онъ двумя днями раньше меня пріѣдетъ въ Могилевъ. Но Богъ съ нимъ (*que le ciel le bénisse*); я доберусь завтра до Полоцка не слѣша... съ отъѣзда изъ Пскова я поручила старшей изъ дѣвицъ Энгельгардтъ надзоръ надъ глазами моими: предъ тѣмъ какъ принимать, она поправляетъ ленты и головные уборы у представляющихся дамъ; я сильно пострадала отъ уборовъ сихъ во Псковѣ; вотъ что значитъ путешествовать; многому научишься!^а *

Вѣздъ императрицы и ея свиты въ Полоцкъ былъ особенно торжественный: впереди губернской почтмейстеръ, за нимъ 12 почталіоновъ, военная команда, дворяне верхами и пр. Вечеромъ, въ то время когда императрица играла въ карты, явились къ ней графъ Кобенцель, князь Полятовскій „и прочія иностранныя знатныя особы“. На другой день депутаты отъ разныхъ исповѣданій, въ томъ числѣ и провинціалъ іезуитскаго ордена, говорили рѣчи. Императрица, посѣтивъ разные присутственныя мѣста, отправилась и въ іезуитскій монастырь, въ коемъ вослѣсто было „Тебѣ Бога хвалимъ“ при торжественной процессіи; отъ провинціала при этомъ случаѣ было принесено императрицѣ благодареніе рѣчью. Вечеромъ былъ маскарадъ. При иллюминаціи „особливо отличался“, какъ сказано въ дневной запискѣ, „іезуитскій и базилианскій монастыри и представленная отъ еврейскаго кагала на Движѣ иллюминація.“ На другой день былъ торжественный обѣдъ на 100 кувертовъ, вечеромъ балъ и проч. **

Во время своего путешествія императрица написала нѣсколько писемъ къ барону Гримму. Въ нихъ говорилось впрочемъ большею частью о другихъ предметахъ, о картинахъ, статуяхъ, новыхъ книгахъ и пр. гораздо болѣе нежели о путешествіи.

* *Сб. Ист. Общ.* IX, 47—48.

** *Сб. Ист. Общ.* I, 399—400.

Довольно любопытна однако сѣдующая замѣтка набросанная ею на клочкѣ бумаги: „въ Полоцкѣ 20 мая 1780, по возвращеніи отъ іезуитовъ, я была у нихъ нынче утромъ, слушала *Тебѣ Бога гваллилъ* и послѣтила ихъ дома. Тамъ полное веселіе. Вчера, вѣзжая сюда, я была поражена великолѣпіемъ ихъ представительности. Всѣ остальные католическіе ордена—свѣи въ сравненіи съ ними. Одно только что эти люди не пляшутъ. Къ вамъ они пожаловали изъ всѣхъ странъ. Ей-ей покладные люди! У нихъ здѣсь прекраснѣйшая церковь. Мнѣ они наговорили всяческихъ сладостей на всяческихъ язвкахъ кромѣ только тѣхъ впрочемъ которые я разумѣю. Ахъ, что за лутовскія фізіономіи есть между вами!“ *

На другой день императрица писала Гримму: „Здѣсь множество народу; изъ моего окна я вижу чужія земаи, то-есть польскую границу, такъ какъ Двина течетъ между моимъ домомъ и тою страной. Вы видите что я нахожусь къ вамъ уже близко; но это скоро измѣнится, потому что завтра я уѣзжаю въ Могилевъ. Графъ Фалькенштейнъ въ Кіевъ пріѣхалъ 14го; оттуда онъ долженъ былъ выѣхать 18го.“ **

Въ письмахъ изъ Полоцка къ великому князю и великой княгинѣ сказано между прочимъ: „Здѣсь много Поляковъ и между ними князь Полятовскій... Между окнами моими и Польшей только одна Двина, которая здѣсь не очень широка. Вѣздъ мой въ Полоцкъ представлялъ прекрасную картину... При вѣздѣ я видѣла зрѣлище совершенно для меня новое: іезуиты, доминиканцы и Жиды стоящіе фронтомъ; послѣдніе весьма непрятны, первые представляли собою величественный маскарадъ.“ 21 мая императрица писала: „Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, постоянный *куртагъ*. Здѣсь большое стеченіе и мужчинъ и женщинъ высшаго полета, пріѣхавшихъ изъ Польши, и пр“. Императрица разказывала затѣмъ о своемъ пребываніи въ іезуитскомъ монастырѣ; сыну она отправила въ подарокъ кафтанъ, Маріи Фредериковнѣ газовую ткань, Александру и Комстанову голубые шарфы вышитые серебромъ. „Завтра“, писала Екатерина, „я ѣду въ Могилевъ и когда отдѣлаюсь отъ суматохи, то бѣгу къ вамъ съ открытыми объятіями.“ ***

* „Ah, qu'il y en a qui ont l'air coquin“. *Сб. Ист. Общ.* XXIII, 182.

** *Сб. Ист. Общ.*, XXIII, 179.

*** *Сб. Ист. Общ.*, IX, 48—50.

Что касается собранія свѣдѣній о состояніи Полоцкой губерніи, то, между прочимъ, оказалось что дѣла шлогда рѣшались медленно, съ остановкой, потому что нерѣдко было необходимо дѣлать справки съ заграничными архивами. Далѣе узнали что торговля въ городѣ Полоцкѣ со времени присоединенія его къ Россіи стала возрастать. Были собраны наковецъ въкоторыя статистическія данныя о промышленности, о школахъ, о дѣйствіяхъ совѣстнаго суда, о дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, о необходимости межеванія. Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Полоцкѣ императрица назначила къ раздачѣ довольно значительныя суммы денегъ школамъ, богадѣльнямъ, церквамъ, монастырямъ и пр. *

22 мая, выѣхавъ утромъ изъ Полоцка, императрица къ вечеру пріѣхала въ мѣстечко Сѣмяо. На другой день она отправилась далѣе во Шкловъ, гдѣ она была особенно торжественно встрѣчена своимъ бывшимъ фаворитомъ, генералъ-майоромъ Зоричемъ. Дорога до Шклова особенно понравилась императрицѣ. Она писала: „Дорога между Сѣмяою и Шкловомъ мѣстами очень живописна и похожа на англійскій паркъ.“ **

Шкловъ былъ самымъ цѣннымъ подаркомъ который сдѣлала Екатерина Зоричу, бывшему „въ случаѣ“ отъ 1777 до 1778 года. Шкловъ, населенный Евреями, по своей прістани на Двѣпрѣ былъ въ ту пору чрезвычайно важнымъ торговымъ пунктомъ во всемъ западномъ краѣ Россіи. Имѣніе это было изстари мѣстопребываніемъ богатѣйшихъ польскихъ магнатовъ. Сперва оно принадлежало знаменитой фамиліи Ходкевичей, а отъ нихъ по наследству перешло къ князьямъ Черторыйскимъ. У одного изъ нихъ, князя Адама, императрица купила это имѣніе, залативъ за Шкловъ 450.000 рублей. Этимъ не ограничивалось богатство Зорича, такъ какъ подаренные ему въ разное время брилліанты оцѣнивались въ вѣскарько сотенъ тысячъ рублей. Зоричъ оставилъ Петербургъ въ 1778 году и переселился во Шкловъ, гдѣ около него образовался цѣлый дворъ прихлебателей. Пожива около добраго, радушнаго, веселаго и безпечнаго богача была не затруднительна. Кромѣ капиталовъ и драгоценностей, у Зорича въ одной Могилевской губерніи было 14.000

* Сб. Ист. Общ., I, 401—404.

** Сб. Ист. Общ., IX, 53.

душъ. Ояъ жилъ настоящимъ магнатомъ, въ лышннхъ раззолоченныхъ залахъ, давая почти ежедневно обѣды на сто приборовъ, съ лучешною лаальбой, своею собственною музыкой, иллюминаціями и маскарадами. Кромѣ всевозможныхъ увеселеній, у него происходила страшная картежная игра.

Не мудрено что Зоричъ не жалѣлъ денегъ для великолѣпнаго приѣма царственной гостыи. Ояъ употребилъ 4.000 червонныхъ на отдѣлку своего, ужъ и безъ того роскошнаго, замка, выписалъ изъ Саксоніи одного фарфору на 60.000 рублей и пригласилъ работать надъ устройствомъ фейерверка генерал-майора Меллсина, который въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ трудился надъ заготовкой въ Шкловскомъ саду павильона изъ 50.000 ракетъ.

На 23 мая былъ назначенъ ночлегъ императрицы въ Шкловѣ, и вечеромъ императрица прибыла въ раззолоченной каретѣ. Впереди ея скакали по два въ рядѣ, на богато-украшенныхъ лошадяхъ, знатные дворяне, за ними почтмейстеръ съ двѣнадцатью почтальфонами въ красныхъ кафтанахъ, за ними лаконеры Зорича въ великолѣпномъ убранствѣ. Поѣздъ замыкали кирасиры и длинная вереница придворныхъ каретъ запряженныхъ шестерикомъ. Зоричъ, встрѣтивъ императрицу у триумфальныхъ воротъ, обогналъ поѣздъ государыни и привѣтствовалъ ее у лѣстницы своего замка. *

Вечеромъ того же дня императрица „изволила“, какъ сказано въ дневной запискѣ, „забавляться въ карты и смотрѣть нѣмецкую оперу комическую, представляемую на домашнемъ театрѣ шкловскаго помѣщика, послѣ коей начался балъ и потомъ данъ былъ для свиты государыни великолѣпный ужинъ. Домъ помѣщичій и все мѣстечко были иллюминированы.“ **

Если принять въ соображеніе что Екатерина, уѣхавъ изъ Полоцка въ тотъ же день утромъ въ девятомъ часу, проѣхала до Шклова не менѣе 78 верстъ, то нельзя не удивиться ея способности вечеромъ участвовать во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ, несмотря на утомительное трехдневное пребываніе въ Полоцкѣ.

* См. соч. Карповича. *Замѣчательная боюствва частныиъ лнцъ въ Россіи*. Спб. 1874, стр. 323—326.

** Сб. И. О. I. 404.

24 мая, уѣхавъ изъ Шклова уже поутру въ 8 часовъ, Екатерина прибыла наконецъ въ Могилевъ, гдѣ ожидалъ ее графъ Фалькенштейнъ.

V. Пребываніе Іосифа II и Екатерины въ Могилевѣ.

Не безъ вѣкотораго волненія императрица ожидала встрѣчи съ императоромъ Іосифомъ.

Изъ Полоцкѣ она писала Павлу Петровичу и его супругѣ: „Я приѣду въ Могилевъ въ воскресенье до обѣда и надѣюсь опередить Фалькенштейна. Вы угадали, любезный сынъ, полагая что, мнѣ будетъ очень жарко, я въ поту отъ одной только мысли. Фельдмаршалъ Румянцевъ пишетъ что Фалькенштейнъ думаетъ ѣхать въ Москву; кто знаетъ, онъ бытъ-можетъ оттуда завернетъ и въ Петербургъ. Какъ видно, ему вездѣ хорошо, лишь бы не въ Вѣнѣ.“ Въ городѣ Свѣно Екатерина узнала что Іосифъ уже 22 мая прибылъ въ Могилевъ. *

Еще прежде, находясь въ Петербургѣ, императрица сообщила Гримму о предполагаемомъ свиданіи съ Іосифомъ, сознавалась въ томъ что мысль объ этомъ свиданіи беспокоитъ ее, что она находится въ вѣкоторомъ волненіи. „Вы хорошо помните какъ ужасно я боялась встрѣчи съ графомъ Готландскимъ ** и вотъ я теперь нахожусь въ такомъ же положеніи. Боже мой! не лучше ли было бы есaubъ эти господа сидѣли дома, не заставляя другихъ людей потѣть такъ страшно. Вотъ я олять принуждена разыгрывать жалкую роль Нинетты очутившейся при дворѣ и вся моя неукаюжность, моя обыкновенная застѣчивость, должны будутъ явиться въ полномъ свѣтѣ. Молите Бога за меня!“ *** Екатерина

* *Сб. И. О.* IX. 51 и 52.

** Густавъ III, бывшій въ Петербургѣ въ 1777 году.

*** См. письмо ко Гримму въ изданіи Я. К. Грота въ *Сб. И. О.* XXIII 128. По ошибкѣ однако это письмо, которое не можетъ откоиситься къ 1779 году, напечатано между письмами этого года. Оно очевидно откоисится къ марту 1780 года. „Me voilà de nouveau dans le rôle de Ninette à la cour, et toute ma gaucherie et mon embarras ordinaire qui va paraitre dans son lustre“ etc.

казалась саншкомъ скромною. Въ письмѣ къ Гримму между прочимъ сказано: „Графъ Фалькенштейнъ желаетъ видѣть меня въ Могилевѣ. Я ему отвѣтила что игра не стоить свѣчъ; онъ хочетъ чтобъ я забыла кто онъ; я сказала что это невозможно“ и пр.

За два дня до свиданія съ Иосифомъ II императрица писала къ Потемкину, уже отправленному въ Могилевъ, гдѣ онъ встрѣтилъ императора: „Батенька, письмо твое изъ Могилева я сейчасъ, пріѣхавши, въ Сынномъ получила, то-есть въ 10 часовъ за полдень; весьма ласкательныя рѣчи графа Фалькенштейна приписываю я болѣе желанію его одѣваться пріятнымъ нежели иной причинѣ. Россія велика сама по себѣ, а я что ни дѣлаю, подобно каплѣ падающей въ море; что же его рѣчи обо мнѣ тебя веселятъ, о томъ не сумѣваюсь, зная koliko меня любитъ любезный и признательный мой питомецъ. О свиданіи съ графомъ Фалькенштейномъ отдаю на собственный его выборъ, какъ дѣль такъ и часъ вѣдлю когда съ нимъ познакомиться безъ людей. Еслибъ я сдѣлала только движеніямъ терпѣнія и природной живости, то какъ только дошло бы до меня ваше письмо, то-есть въ 10 часовъ вечера, я сѣла бы въ карету и устремилась бы, вездѣ не останавливаясь, прямо въ Могилевъ, гдѣ я къ сожалѣнію узнала, опередилъ меня графъ Фалькенштейнъ; но какъ это причинило бы вредъ его цѣлѣ, то размышленіе удержало мое первое движеніе, и я буду продолжать свой путь такъ какъ вамъ извѣстно онъ былъ начертанъ. Буду ночевать завтра въ Шкловѣ, а въ воскресенье пріѣду къ обѣду въ Могилевъ; только тутъ не знаю какъ выгоднѣе будетъ условиться о свиданіи безъ людей, ибо какъ приду изъ обѣда, тутъ люди ко мнѣ повалятъ; опять отложить до послѣ-обѣда не учтиво будетъ, развѣ пока всѣ люди со мной у обѣда будутъ, не пожалуетъ ли ко мнѣ, дабы вошедъ во внутренніе покои, то-есть предъ спальней, уже бы-туть его наша, но только буде лучше найдешь способъ, то уведоми меня, а кажется и такъ ловко быть можетъ. Какъ графъ Румянцевъ ко мнѣ пишетъ что гость вездѣ не хочетъ обѣдать, то заключаю что и со мной обѣдать не станетъ за большимъ столомъ, о чемъ буду ждательнаго уведоменія; письмо его прилагаю, дабы вы знали какъ и что писать. Ничто не можетъ быть болѣе лестнымъ и пріятнымъ какъ письмо пріятнаго мнѣ вамъ; прошу повторить графу Фалькенштейну

мое увѣреніе что мое первое желаніе: всѣми способами собразоваться съ тѣмъ что можетъ сдѣлать ему спосовымъ пребываніе его въ Могилевѣ.“ * Изъ Шклова Екатерина написала еще краткую записку: „Сейчасъ получила твое письмо, мой сердечный; я завтра къ вамъ надѣюсь быть рано; всѣмъ скучно безъ васъ; что пишешь, во всемъ томъ вижу твою ко мнѣ дружбу. О Фалькенштейнѣ стараться будемъ разобратъ вѣстѣ. Добра ночь; Сама Дмитр. ** какается и тоскуетъ весьма по тебѣ.“ ***

О путешествіи императора Иосифа до Могилева мы почти никакихъ свѣдѣній не имѣемъ. Какъ мы уже знаемъ, онъ нѣсколько дней прожилъ въ Кіевѣ. Екатерина писала къ нему изъ Полоцка 19 мая: „Я чувствую въ эту минуту что вѣтъ ничего труднѣе какъ скрывать чувства радости. Одно имя господина графа Фалькенштейна меня исполняетъ полнымъ довѣріемъ и пр.“ Затѣмъ слѣдуютъ выраженія нетерпѣнія въ ожиданіи свѣданія и т. д. Иосифъ отвѣчалъ 29 мая изъ Могилева, куда онъ прибылъ въ этотъ день, въ томъ же самомъ томѣ, благодаря государыню за ея милость и „дружбу“. „Никогда еще, было сказано между прочимъ въ письмѣ Иосифа, титулъ графа не имѣлъ для меня такой цѣны какъ вышѣ, когда я обязалъ вашему величеству возможностью познакомиться чрезъ нѣсколько часовъ съ великою государыней“ и т. д. ****

Въ запискахъ Добрынина сохранилось нѣкоторыя данныя о пребываніи Иосифа въ Могилевѣ. Тутъ сказано: „Императоръ прибылъ за день † прежде императрицы. Извѣстно что онъ имѣлъ обмысловеніе всѣ свои путешествія продолжать илкогомто. Въ Могилевѣ это уже знали и всякій заботился узнавать время пріѣзда императора и его особу; однакожь никто не могъ примѣтить ни время пріѣзда, ни мѣста его пріѣзда или входа въ городъ; и каждый, вида между народомъ офицера въ зеленомъ гарнизонномъ мундирѣ, безъ

* Сб. Ист. Общ. XXVII, 180—181. Нѣкоторыя фразы въ этомъ письмѣ, написанныя на французскомъ языкѣ, очевидно были писаны съ цѣлю сообщенія Потемкинскимъ Иосифу.

** Ланской.

*** Сб. Ист. Общ., XXVII, 182.

**** *Almoth, Joseph II und Katharina*, стр. 6—8. Объ этомъ послѣднемъ письмѣ Иосифа упоминаютъ въ письмѣ Екатерины къ Потемкину.

† Ошибка: за два дня.

компазіона и слуги, роста средняго, лица нѣмецкаго, больше темно-красноватаго нежели бѣлаго, причесаваго въ одну лукаю съ косой, никто не могъ догадываться чтобъ это былъ императоръ, почему и никто не былъ любопытенъ его разсматривать. Нечаянный случай открылъ его нублакъ. Онъ взомель на башню магистратскую, которая выше всѣхъ въ городѣ строеній и, скоро съ нея сошедши, шель къ замку, гдѣ квартира нашего губернатора. Многіе изъ насъ бывшихъ тогда въ наместническомъ правленіи при должности, въ первую половину дня, смотрѣли изъ окна со втораго этажа на народъ ходящій во множествѣ на площади, глядящій на пирамиды, фонтены или приборы изъ сальника, и на прозрачныя символическія картины и проч., и завидя губернатора Пассека, выходящаго изъ замка съ нѣсколькими чиновниками, ожидали его въ присутствіе; но мы, противъ чаянія, увидѣли что онъ вдругъ сбѣжалъ на своемъ пути скорее и необыкновенное движеніе въ сторону, и вдругъ идущему противъ его офицеру поклонился очень низко. (Пассекъ зналъ лично императора). Офицеръ сбѣжалъ знакъ рукой, приподнял свою шляпу и, приостановясь съ губернаторомъ на одну секунду, пошелъ въ свой путь. Окно двѣркіе открыло всѣмъ императора, а губернаторъ, пришедши въ правленіе, сказалъ что онъ „сбѣжалъ ошибку происшедшую отъ нечаянности. Не надобно было кланяться императору, послѣку не угодно его величеству чтобы кто его уважалъ, а надлежало бы виѣсто сего лѣйти на квартиру, а то одному.“ (Квартира отведена была въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ гражданина Опоско).

„Императоръ хозяину дома, у котораго квартировалъ, подарилъ портреты: свой и своей родительницы, императрицы Маріи Терезіи.

„Я присмотрѣлся къ императору очень близко, какъ онъ того же дня послѣ полудни боате часа съ княземъ Потемкинымъ, стоя одиѣмъ противъ другаго на одиѣмъ мѣстѣ и держа въ рукахъ шляпы, разговариваель въ саду Могиленскаго архіерея, при углу архіерейскихъ келій, въ которыхъ квартировалъ князь Потемкинъ. Тогда я съ другими лавировалъ по городскому валу, съ котораго въ садъ все было видно черезъ низкую деревянную ограду, и не боате отъ вала до нихъ было разстояніа какъ саженъ восемь.“

Послѣ этого разказа, въ запискахъ Добрынина слѣдуютъ разныя размышленія о величіи и необыкновенныхъ

качествахъ Иосифа. „Возможно ли, думалъ я, пишетъ Добрынинъ чтобы встрѣтись съ нимъ, можно было замѣтить что онъ глава двадцати шести милліоновъ званѣйшаго на земномъ шарѣ Нѣмецкаго народа? и почему природа осмѣивается такъ шутить что онъ похожъ на нашего могилевскаго столара Стеллера? и т. д.“ *

О своемъ пребываніи въ Могилевѣ, до свиданія съ императрицей, Иосифъ II въ письмѣ къ матери пишетъ, слѣдующее: „Я начинаю это письмо до пріѣзда императрицы чтобы сообщить вамъ о всемъ случившемся со времени отправления моего послѣдняго курьера. Только-что пріѣхалъ въ Черниговъ, я получилъ по эстафетѣ извѣстіе отъ графа Кобенцеля что ея величество намѣрена сократить нѣсколько свое пребываніе въ разныхъ городахъ и ускорить свое путешествіе четырьмя днями. Поэтому я полагалъ что мнѣ остается только отправиться тотчасъ же далѣе и ускорить мою поѣзду съ цѣлью опередить императрицу пріѣздомъ въ Могилевъ. Мнѣ это и удалось сдѣлать; я скакалъ два дня и одну ночь, и пріѣхалъ сюда благополучно. Городъ построенъ скверно, дома деревянныя, улицы грязны. Я живу у одного польскаго кулца и устроился удобно. Скоро послѣ моего пріѣзда прибыла изъ Полоцка графъ Кобенцель и Потемкинъ. Потемкинъ желалъ меня видѣть и передалъ мнѣ собственноручное письмо отъ императрицы. Я счелъ нужнымъ тотчасъ же отвѣтить на оное и имѣю честь приложить копіи обоимъ писемъ. Я обѣдалъ у себя дома съ Кобенцелемъ и моими господами. Я никого не принимаю; тѣмъ особамъ которыя записываются у моихъ дверей я посылаю визитныя карточки. Такъ какъ я однако пріялъ Потемкина, я былъ и у него; онъ меня повелъ въ греческую церковь, гдѣ лѣта мотеть. ** Музыканты придворные мнѣ казались хорошими, особенно басисты; они похожи на калеллу дамы. ***

„Пока предметомъ моихъ бесѣдъ съ Потемкинымъ служили лишь общія мѣста, онъ еще ни слова не проронилъ о политическихъ вопросахъ; я былъ не менѣе остороженъ.

* Записки Добрынина въ *Русской Старинѣ*, томъ IV, стр. 110—112.

** „En plein chant“ т.-е. „cantus firmus“ въ противоположность къ *cantus figuralis*.“

*** „Hors que les châtres manquent“, т.-е. только не достаетъ кастратовъ.

Императрица чрезъ него дала мнѣ знать что не желаетъ видѣть меня впервые въ тоалѣ; но такъ какъ она вездѣ совершаетъ торжественный въездъ при всей публикѣ, причемъ всѣ дворяне встрѣчаютъ ее верхомъ, и она каждый разъ останавливается у собора, она мнѣ предложила около времени окончанія богослуженія отправиться въ деревянный, нарочно для нея построенный большой домъ, чтобъ она тотчасъ же послѣ обѣда могла видѣть меня тамъ наединѣ и частнымъ образомъ; до этого я ее увижу во время торжественнаго въезда. Я отправляюсь въ ея дворецъ, гдѣ буду ей представлять княземъ Потемкинымъ, такъ какъ онъ въ эту недѣлю исполняетъ должность генералъ-адъютанта; затѣмъ она, какъ я полагаю, выйдетъ ко всѣмъ другимъ людямъ.

„Я не хотѣлъ здѣсь побывать ни въ лагерѣ, ни на оперныхъ репетиціяхъ; мнѣ казалось что лучше ждать главнаго предмета. Литовская земля, которая досталась императрицѣ отъ Польши, очень плоха и мало населена; все почти лѣса и болота; комаровъ тьма тьмуцаа; они насъ измучили страшно; населеніе ничтожно.

„Я очень радъ что Кобенцель здѣсь; для меня необходимо имѣть человека котораго я могу отправлять куда нужно и который можетъ бесѣдовать съ этими господами. Пока меня еще вовсе не мучили такими церемоніями; увидимъ что дальше будетъ.“ *

Торжественный въездъ императрицы подробно описанъ въ дневной запискѣ составленной Безбородкомъ. Укажемъ на впечатлѣніе которое произвело это зрѣлище на двухъ свидѣтелей, на Добрынина и на Иосифа II.

Добрынинъ пишетъ: „Въездъ ея въ городъ былъ съ ковоемъ эскадрона кирасирскаго, не помню какого, полку. Предъ городомъ, за полверсты, на триумфальныхъ деревянныхъ, выкрашенныхъ воротахъ сдѣланы были золотыми литами приличныя надписи, съ приѣзда: *Felici adventui*, а на другой сторонѣ: *Patent superis*, съ означеніемъ времени приѣзда римскимъ счетомъ: MDCCLXXX. Шествіе было мимо присутственныхъ мѣстъ, про которыхъ стояли всѣ мы должности, отъ губернатора и судьи до канцелярскаго служителя, придверника и сторожа, отдѣльно каждое присутственное мѣсто,—прямо въ соборную церковь, гдѣ преосвященный

* Agneth, *Maria Theresia und Joseph*, III, 246—249.

Могилевскій Георгій Ковицкій, встрѣтивъ монархію съ духовенствомъ и каиромъ по чиноположенію Греко-Восточной церкви, и ставъ на проповѣдническомъ мѣстѣ, провозгласилъ проповѣдную сему случаю рѣчь. Изъ церкви,—въ казенный генералъ-губернаторскій домъ.“

Говоря еще о другихъ случаяхъ присутствія Екатерины при богослуженіи, Добрынинъ замѣчаетъ: „Извѣстно что государыня императрица рождена и воспитана въ законѣ евангелическомъ, а грекороссійскій приняла уже предъ бракосочетаніемъ. Но съ какимъ достойнымъ зрѣніемъ благочестіемъ и нравственною простотою предстала она тогда священному алтарю и, при важнѣйшихъ дѣйствіяхъ, заключающихъ въ себѣ таинство Греко-Восточной церкви, изображала на себѣ полный крестъ и поклонялась столь низко сколь позволяетъ сложіе человеческой Сіе примѣтно было всѣмъ тогда, и едиповѣрцамъ и католикамъ.“ *

Иосифъ II писалъ къ матери о своемъ первомъ свиданіи съ императрицей: „Наконецъ я прихожу изъ собранія при дворѣ. Около 10 часовъ былъ въѣздъ ея величества, который я смотрѣлъ во фракѣ. Въѣздъ былъ великолѣпнѣе; вся польская знать верхомъ, гусары, кирасиры, многіе генералы окружавшіе карету, наконецъ въ двухмѣстной каретѣ она сама съ камеръ-фрейлиною Энгельгардтъ. За нею множество каретъ. Между тѣмъ какъ она въ соборѣ слушала литургію, я перешелъ въ мундиръ. Потемкинъ повелъ меня ко двору, гдѣ я въ покояхъ ея величества ждалъ ея прихода изъ церкви. Какъ скоро она вошла, я хотѣлъ поцѣловать у нея руку, она меня обняла. ** Бесѣда продолжалась лишь минуту; затѣмъ она удалилась въ свою комнату: когда она вышла оттуда, мои господа были представлены ей и былъ общій разговоръ; говорили о неважныхъ предметахъ, но съ остроуміемъ и любезностью. Затѣмъ всѣ пошли обѣдать; было пятьдесятъ кувертовъ: я имѣлъ честь сидѣть возлѣ нея; говорили о разныхъ предметахъ. Наконецъ она удалилась въ свои покои и я возвратился домой въ шесть часовъ. Ея величество будетъ принимать сегодня, и я отправлюсь къ ней; пока я сдѣлаю нѣсколько визитовъ.

„По сю пору я имѣю основаніе быть довольно дружескимъ и непринужденнымъ пріемомъ мнѣ здѣсь оказаннымъ.

* Русская Старина. IV, 114.

** En voulant lui baiser la main, elle m'a embrassé.

Если это продолжится, мое пребываніе здѣсь будетъ споспѣшнымъ; вы знаете что я не создамъ для торжественныхъ случаевъ и что я при таковыхъ не отличаюсь остроуміемъ“ и пр. *

Императрица въ свою очередь, послѣ этого перваго свиданія съ Іосифомъ, писала къ Павлу Петровичу и Маріи Теодоровнѣ: „Первое наше свиданіе прошло подобно свиданію со Шведскимъ королемъ, и мы послѣ оного съѣли обѣдать. Онъ охотникъ говорить и ученъ; замѣтно у него стремленіе къ простотѣ въ обращеніи. Не видавъ его, нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о сей личности, ибо портреты его весьма не совершенны. Боже мой! что здѣсь за жар! какъ я вслѣдила! Всѣ говорятъ что я отлично умѣю переносить ее и что незамѣтно чтобъ я чѣмъ-либо затруднилась. Я очень рада что графиня Чернышева приказала приготовить ванну рядомъ съ спальнею моею; я намѣрена окунуться въ ней завтра же. Графъ Фалькенштейнъ отлучился мнѣ самые изящные комплименты, и я старалась какъ можно лучше отвѣчать ему; мнѣ кажется что я по этой части весьма недолжна.“ **

Въ дневной запискѣ сказано что вечеромъ того же дня у генералъ-губернатора былъ балъ, на коемъ былъ графъ Фалькенштейнъ. Иллюминація, приготовленная къ этому случаю, не состоялась, „за дождемъ она дѣйствія имѣть не могла.“ ***

Князь Волконскій, участвовавшій во всѣхъ этихъ празднествахъ, разказывалъ собирателю анекдотовъ Карабелову слѣдующій эпизодъ, случившійся вечеромъ 24 мая. Въ продолженіе вечера знатнѣйшіе вельможи, составлявшіе свиту императрицы, подъ предлогомъ усталости разошлись по своимъ комнатамъ. Когда доложили о вечернемъ столѣ, Екатерина сказала что не ужинаетъ. При этомъ Іосифъ II замѣтилъ: „такъ позвольте мнѣ остаться съ вашимъ величествомъ“. Тутъ-то Екатерина умомъ своимъ обворожила Іосифа, который безпрекословно принявъ, ея политическія предложенія (sic). Послѣ ужина государыня, по обыкновенію привѣтствуя каждаго разговоромъ, подошла къ Левашеву съ Волконскимъ

* Arneth, *Maria Theresia und Joseph*, III, 249—250.

** Сб. И. О. IX. 52—53.

*** Сб. И. О. I. 405—406.

и въ погломоса по-французски сказала: „Овъ въ моемъ рукавѣ“ (то-есть въ кармавѣ). *

На другой день утромъ императрица писала ко Гримму: „Я прѣѣхала сюда вчера утромъ и нашла графа Фалькенштейна, который находился здѣсь уже двое сутокъ. Узнавъ что я ускорила мое путешествіе на четыре дня съ цѣлю прѣѣхать раньше его, овъ поскакалъ днемъ и ночью и прѣѣхалъ сюда до меня. Вчера мы цѣлый день провели вмѣстѣ. Повидимому овъ не скучалъ. Я нашла что овъ очень образованъ, любить говорить и говорить очень хорошо. Цѣлый день шелъ дождь, заставившій насъ провести вечеръ вмѣстѣ, точно какъ бы въ зимнее время года. Образцовыя училища (Normalschulen) были вчера однимъ изъ предметовъ нашей бесѣды. Суда по тому что я объ нихъ слышала, это должно-быть превосходное изобрѣтеніе; но намъ-то нужны будутъ образцовые учителя. И тутъ тоже я нашла что дѣти шой разъ не похожи на своихъ родителей. ** Мы, кажется, не особенно богомольны, что выражается особливо въ выборѣ книгъ для чтенія. Однако *Эпохи* *** еще не попались ему въ руки. Знаете, когда видишь переодѣтыхъ кесарей, точно будто лодымаешься на воздухъ: носъ къ верху, и обмываешь воздухъ, что, какъ вы сами можете понять, мѣняется съ должною тщательностью отвѣчать на получаемыя письма.“ ****

Очевидно что Иосифъ и Екатерина скоро заговорили о постыщеніи императоромъ Петербурга. Императрица писала 25 мая послѣ обѣда своимъ „дѣтямъ“: „Путешествіе графа Фалькенштейна рѣшено; овъ изъ Смоленска поѣдетъ въ Москву, а оттуда въ Петербургъ, куда овъ отправляется, по его словамъ, съ цѣлю познакомиться съ вами, милыя дѣти; въ Смоленскъ овъ ѣдетъ со мною и въ свитѣ моей. Пріемъ состоятъ графъ Броуъ и три офицера. Овъ кушаетъ только разъ въ сутки, ложится и встаетъ рано, въ пицѣ не брезгаивъ и пьетъ одну воду; два дня овъ обѣдалъ со мною

* *Русская Старина* V. 137.

** Намекъ на нерасположеніе Екатерины къ матери Иосифа, Маріи Терезіи.

*** „*Eraques de la nature*“, знаменитое сочиненіе Бюффона, котормъ Екатерина много занималась въ это время. Въ перепискѣ съ Гриммомъ часто упоминается о Бюффонѣ; см. *Сб. И. О. XXIII*, 149, 166, 175, 215.

**** *Сб. И. О. XXIII*. 180—181.

и хотя поставленъ былъ ему приборъ съ правой стороны отъ меня, онъ сѣлъ однако съ лѣвой. Онъ охотникъ говорить; у него много свидѣній. Къ тому же онъ не безъ остроумія. * Вчера онъ провелъ вечеръ съ нами. Вы уже знаете какъ мы проводили оный; сегодня же будетъ спектакль: опера буфа. Погода отвратительна, и за отсутствіемъ дождя подуваетъ холодный вѣтеръ... Я вздумала на царско-сельскую турецкую баню, что на террасѣ, повѣсить вывѣску: *Трактиръ* и опредѣлить трактирщикомъ садовника Буша, чтобы графъ Фалькенштейнъ нашелъ все готовымъ къ его прїѣзду; онъ будетъ къ намъ къ Иванову дню; мнѣ помнится красный левъ который служилъ вывѣскою, когда у меня тамъ же завтракали; онъ пригодится и теперь, и другаго расхода не будетъ... Здѣсь бездна народу и съ каждымъ часомъ наѣзжаютъ вновь; Поляковъ много всѣхъ сортовъ и всякаго покроя. **

25 мая Екатерина утромъ принимала епископа Могилевскаго, преосвященнаго Георгія Комисскаго и епископа Бѣлорусскаго католическихъ церквей Станислава Сестржевецка съ канониками и другими духовными лицами. Оба епископа говорили прївѣтственные рѣчи. Затѣмъ генераль-губернаторъ представилъ императрицѣ присутствующихъ въ наместническомъ правленіи и пр. За обѣдомъ былъ Іосифъ II. Вечеромъ въ домѣ генераль-губернатора давали итальянскую оперу *La fiuta amante*. Затѣмъ былъ балъ и ужинъ. Почти то же самое происходило и 26 мая, и въ слѣдующіе дни. Іосифъ ежедневно обѣдалъ вмѣстѣ съ императрицей. Вечеромъ танцовали, 27 мая давали оперу *La Frascatura*, а затѣмъ былъ маскарадъ. 28 мая былъ концертъ; 29 давали оперу *Astrologus* и пр. ***

„27 мая императрица, какъ сказано въ дневной запискѣ, въ сопровожденіи графа Фалькенштейна и знатнѣйшихъ прїѣзжихъ персонъ, удостоила высочайшаго посѣщенія наместническое правленіе и палаты. **** Во время высочайшаго

* Je ne manque pas d'esprit.

** Сб. И. О. IX, 53—54.

*** Сб. Ист. Общ. I, 806.

**** Странно что Добрынинъ, упоминающій въ своихъ запискахъ о посѣщеніи императрицей присутственныхъ мѣстъ и насчитывая лицъ ее окружавшихъ, не говоритъ при этомъ объ Іосифѣ II. Русск. Стар. IV. 114.

шествія играла музыка на Магистратской башнѣ и на площади; изъ присутствующихъ мѣстъ ея императорское величество изволила слѣдовать въ Кармелитской монастырь, въ коемъ совершалъ службу господиизъ епископъ Вѣлорусскій, католицкихъ церквей Станиславъ Сестрѣнецовичъ съ соборомъ, причемъ вокальная и инструментальная двора ея императорскаго величества музыка, вмѣстѣ съ органами, хоръ составляла.“ Послѣ обѣда происходило ученіе въ лагерѣ въ присутствіи Іосифа П. На другой день Екатерина и Іосифъ посетили Братскій Богоявленскій монастырь, въ коемъ совершалъ божественную литургію преосвященный Георгій Ковпскій. *

Добрыниизъ упоминаетъ также въ запискахъ о театральныизъ представленіизъ, о военныхъ маневрахъ, объ иллюминаціизъ. „А Евреи“, пишетъ онъ далѣе, „воздвигнула, среда площади, между фестовами изъ ельника и пирамидами, оркестръ съ надписью со входа: *торжественнѣе, яко эсе во время Соломона*, гдѣ и играли на разныхъ инструментахъ, попеременно почти деномъ и ночью“. **

Ко Гримму Екатерина писала 26 и 27 мая: „Вчера вечеромъ мы были въ комической оперѣ и, бесѣдуя со мною, графъ Фалькенштейнъ наговорилъ вещей достойныхъ впечатанія. Мысли у него глубокія и конечно послужатъ къ безконечной его славѣ если онъ приведетъ ихъ въ исполненіе. Я не смѣю оглашать ихъ изъ скромности, потому что онѣ были мнѣ передаваемы на ухо“... „Отсюда, сидя въ шести-мѣстной каретѣ, рядомъ другъ съ другомъ, графъ Фалькенштейнъ и я, мы ѣдемъ въ Смоленскъ, до котораго двѣсти верстъ. Оттуда онъ поѣдетъ въ Москву и возвратится черезъ Петербургъ, куда я отправляюсь ждать его. Мы говорили про все на свѣтѣ, слѣдовательно и про васъ. Нынче утромъ графъ Фалькенштейнъ и я были у католической обѣды, которую служилъ Могилевскій епископъ въ сослуженіи иезуитовъ, экз-іезуитовъ и представителей всякаго рода духовныхъ и ведуховныхъ ордемовъ; мы больше смѣялись и болтали чѣмъ слушали; онъ мнѣ разъяснял, а я, раскрывала ротъ, поучалась.“ ***

* Сб. Ист. Общ. I, 406—408.

** Русск. Стар. IV. 114.

*** Сб. Ист. Общ. XXIII, стр. 181.

Посѣщеніе католическаго богослуженія императрицею подало поводъ къ разнымъ толкамъ въ западной Европѣ. Гриммъ немногимъ позже писалъ императрицѣ: „Милордъ Джорджъ Гордонъ писалъ мнѣ чтобы спросить у меня, правда ли что императрица греческая (l'impératrice des Grecs) осквернила себя (a commis l'abomination) присутствуяиъ при католической обѣднѣ. Я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и отвѣчалъ его lordству что она была тамъ только въ качествѣ зѣваки (en sa qualité de badaudes) и пр.“ *

Въ письмѣ ко своимъ „дѣтямъ“, отъ 28 мая, императрица замѣтила: „Графъ Фалькенштейнъ, какъ мнѣ кажется, веселъ и доволенъ... говорить умѣетъ онъ весьма дѣльно, и то что знаетъ, знаетъ хорошо; онъ охотникъ до разговоровъ; послѣ первыхъ усилій, отъ которыхъ я вснотѣла, разговоръ кажется вѣдетъ безъ затрудненій... Графъ Фалькенштейнъ два раза слушалъ обѣдню въ нашей церкви. Я присутствовала при архіерейской службѣ въ католической церкви, но пришла гораздо менѣ торжественности нежели у насъ.“ **

До отъѣзда изъ Могилева Екатерина и Іосифъ заложилъ въ Могилевѣ церковь Св. Іосифа. *** Добрыниинъ разказываетъ: „При заложеніи, видѣлъ я, подъ однимъ шатромъ двухъ коронованныхъ главъ и всѣхъ вышесказанныхъ лицъ (Кобенецка, Потемкина, Чернышева, Румянцева и пр.). По окончаніи заложенія епископомъ Могилевскій Георгій Комисскій сказалъ предъ императрицею краткую рѣчь, безъ сомнѣнія приготовившись, а императрица отвѣтствовала ему еще короче, безъ сомнѣнія, не готовившись; ибо, не слыхавъ вопроса, нельзя пригготовиться съ отвѣтомъ. Мнѣ, въ тѣснотѣ воинской и губернской благородной знати, хотя очень близко досталось стоять, однакожь не слыхалъ я ни одного слова, ни царскаго, ни мастырскаго. По несмысленному распоряженію зазвонили во всѣ колокола тогда когда надлежало умоакупуть всему что мѣшаетъ слуху... А Іосифъ взаимно у себя заложилъ и сдѣлалъ церковь во имя Св. Екатерины! Въ два года отъ заложенія, какъ говорили, отправлялось уже въ ней богослуженіе; а въ нашей могилевской: чрезъ 18

* Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II изд. Гротомъ. Спб. 1880, стр. 46.

** Сб. Ист. Общ., IX, 56.

*** См. дневную записку, 30 мая. Сб. Ист. Общ., I, 409.

лѣтъ. Не потому чтобъ огромность ея требовала такого времени, но потому что таково было послѣ графа (Чернышева) могилевское правительство.“ Затѣмъ слѣдуютъ у Добрынина разныя замѣчанія о причинахъ замедлившихъ при управленіи Пассека окончаніе постройки этой церкви, *, которая, какъ сказано въ дневной запискѣ, должна была „служить монументомъ знаменитаго свиданія въ семъ городѣ происшедшаго.“ **

„Кромѣ сего мѣста, замѣчаетъ Добрынинъ, упоминая объ этой церемоніи закладки церкви, императора нигдѣ не видно было соимство съ императрицей, и на маневрахъ онъ былъ одиъ.“

Во время пребыванія въ Могилевѣ были сдѣланы обычныя справки о состояніи города и губерніи. Въ дневной запискѣ говорится подробно о раздѣленіи губерніи на уѣзды, объ оброчныхъ статьяхъ и недоимкахъ, о торговлѣ и промышленности и пр. Школъ и богадѣленъ оказалось очень много. Въ сѣвѣсныхъ припасахъ замѣчалось изобиліе. Одно только скотоводство требовало распространенія... Нужды были представляемы: въ ссудѣ городскимъ обывателямъ на строеніе, въ новой ревизіи и въ межеваніи для пресѣченія частныхъ споровъ. Императрица пожертвовала значительныя суммы денегъ на училища, монастыри, церкви и пр. Георгію Ковицкому она пожаловала крестъ дорогими камнями украшенный и тысячу рублей, а еписколу Сестрженцевичу табатерку съ алмазами. ***

„Екатерина, разказываетъ Добрынинъ, приказала Чернышеву подать ей списокъ всѣхъ служащихъ по выбору отъ

* *Русская Старина*, IV, 115.

** По случаю втораго свиданія Іосифа съ Екатериной въ 1787, въ Екатеринославѣ, происходила также закладка церкви обоими лицами. Планъ этому собору былъ великокапелъ. Потемкинъ приказалъ архитектору „пустить на аршинчикъ длиннѣе чѣмъ соборъ Св. Петра въ Римѣ“; см. *Русскій Архивъ*, 1865, стр. 870. Разказываютъ будто Іосифъ II съ саркастическою улыбкой сказалъ при этомъ случаѣ что въ одинъ день совершилъ вмѣстѣ съ императрицей великое дѣло: „она положила первый камень новаго города, онъ же второй и послѣдній“. Массон, *Mémoires secrets sur la Russie*, I, 105. Фундаментъ собора былъ построенъ и обошелся казѣ 71.102 р. 45½ к. Строеніе затѣмъ было приостановлено. Предсказаніе Сенюра что въ этомъ соборѣ никогда не будетъ службы сбылось. См. Массон, III, 212.

*** *Сб. Ист. Общ.* I, 408—409.

дворянства новыхъ своихъ подданныхъ и пожаловала ихъ чинами тѣхъ степеней какія они по выбору заурядъ занимали. Такимъ образомъ не одному хорунжему или простому шляхтичу досталось въ рангъ подполковника, т.-е. въ надворные совѣтники.*

„Забавно было слышать какъ многіе изъ пожалованныхъ, не привыкшіе къ чинамъ російскимъ, приходя въ намѣстническое правленіе, спрашивали насъ служащихъ: „что такое титулярный совѣтникъ? что такое надворный совѣтникъ?“ „Я былъ“, одинъ говорить,—„подстой“, другой „мостовничій“, „коморникъ ржевичскій“... „мечникъ стародубовскій“... „реентъ опшляскій“... и пр. „За что у насъ вычитаютъ изъ жалованья ежели насъ подарилъ чинами?“ и пр.; а предсѣдатель верхней расправы г. Курчъ предлагалъ на разрѣшеніе каждому кто хотѣлъ его слушать: „Говорятъ что я въ рангъ подполковника. Гдѣ жь мой полкъ?“

„Природные Россіане, служащіе отъ короны, не имѣли причины дѣлать подобныхъ вопросовъ. Имъ ничего не дано; а причиною тому архіерейскій крестъ или игра случая. Предъ выѣздомъ императрица пожаловала брилліантовый крестъ Могилевскому епископу Георгію Комисскому и поручила его князю Потемкину, а князь вынеши въ залу, вручилъ его графу Чернышеву, яко бѣлорусскому генералъ-губернатору, для доставленія ко преосвященному, но графъ, не отступая ни на волосъ отъ службы, въ которой состарѣлся, спросилъ князя: по какимъ артикуламъ осмѣивается онъ, будучи генералъ, приказывать фельдмаршалу? Князь хотѣлъ отвѣчать что онъ дѣлаетъ это не по долгу генерала, но по долгу генералъ-адъютанта исполняетъ повелѣніе императорское; однакожь графъ между тѣмъ такъ небрежно положилъ на столъ крестъ что онъ отъ одного края добѣжалъ до другаго.

„Нѣтъ сомнѣнія что ревнивость къ милостямъ императорскимъ давно уже сдѣлала ихъ взаимными неприятелями; но какъ бы то ни было, крестъ пролежалъ на столѣ до тѣхъ поръ пока графъ, бросивъ нѣсколько своихъ зарядовъ на князя, вспомнилъ приказать своему генералъ-адъютанту Вязмитинову отнестъ его къ преосвященному, гдѣ онъ принять

* Безбородко писалъ о Полякахъ: „Они довольно не дики стали. Вся жь амбіція простирается къ полученію чиновъ російскихъ и къ запискѣ дѣтей въ гвардію.“ *Сб. Ист. Общ.* XXVI, 59.

былъ непрекословно и, безъ сомнѣнія, съ лучшимъ уваженіемъ нежели какое оказали къ нему генералы не знающіе богословія.

„За симъ графъ остался въ претензіяхъ. Князь его не уважалъ. Государыня узнавъ была недовольна графомъ, безъ сомнѣнія не за вопросъ или лоступокъ, но что не въ нору захотѣлъ поддерживать порядокъ службы.

„Все сдѣлалось скучно, все уныло, и списокъ подвешенный отъ графа о наградахъ служащихъ отъ короны утомилъ въ волнахъ воздвигнутыхъ сердитыми богами вѣтровъ.“ *

Въ публикѣ было распространено мнѣніе что Екатерина и Иосифъ въ Могилевѣ серьезно занимались восточнымъ вопросомъ. Добрынинъ на этотъ счетъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: „Во всю бытность императрицы въ Могилевѣ царствовала въ ея дворцѣ и въ квартирѣ императора тишина, видно что двое на земномъ шарѣ владыкъ имѣли чѣмъ заниматься, кромѣ народныхъ шумныхъ забавъ. „„Великимъ особамъ““, сказалъ нѣгдѣ великій духъ,—„„потребны великіе замыслы““, дѣйствіе которыхъ открылось противъ ладшага турецкаго. Россія взяла отъ него Крымъ, за который потомъ возгорѣлась война, и миръ утѣчалъ Россію приобрѣтеніемъ Очакова съ землями въ 1788 году.“ **

Мы видѣли что Екатерина въ своихъ письмахъ ко Гримму и къ Павлу Петровичу о своихъ бесѣдахъ съ Иосифомъ говорила въ общихъ выраженіяхъ. Только въ одномъ мѣстѣ она въ письмѣ ко Гримму замѣтила что нѣкоторая „discretion“ заставляетъ ее умалчивать о содержаніи разговоровъ съ императоромъ. ***

Иосифъ II въ письмахъ къ матери былъ болѣе откровененъ. 8 іюня (28 мая) онъ писалъ изъ Могилева: „Я могу быть чрезвычайно доволенъ дружескимъ приемомъ и свидѣтельствами дружбы оказываемыми мнѣ ея величествомъ. Пока я впрочемъ на на одну минуту не имѣлъ

* Любимшій подшучивать Добрынинъ оканчиваетъ свой разказъ: „Всѣ исторіографы, хронографы, моралео-графы, и все то что кончится на графы, согласно увѣряютъ что многія великія въ мірѣ происшествія или перемены случались не отъ важнѣйшихъ причинъ.“ Рус. Стр. IX. 116—117.

** Сб. И. О. XXIII. 181.

*** Сб. И. О. XXIII. 181.

случай оставаться съ нею воедино; тѣмъ не менѣе въ частныхъ разговорахъ, которые мы имѣли за столомъ, гдѣ я всегда сижу возлѣ нея, за игрой на балахъ, въ оперѣ, мы иногда могли бесѣдовать безъ слушателей, хоть и отрывками (*quoiqu'à propos rompus*) и намеками. Кромѣ множества неважныхъ замѣчаній, въ которыхъ ея величество обнаруживала свои познанія и свою способность бесѣдовать, нашелся случай открыть слѣдующіе интересные политическіе результаты:

1. „Я думаю что ея величество очень довольна мною; со дня на день ея замѣчанія становятся все менѣе принужденными и все болѣе важными, потому что обнаруживается нѣкоторое ко мнѣ довѣріе.

2. „Впрочемъ ея величество не склонна къ разговорамъ о политикѣ; нужно воспользоваться минутой удобною для того чтобы сдѣлать какое-либо замѣчаніе болѣе важное.

3. „Вчера въ оперѣ я наконецъ могъ заговорить о невыгодныхъ и живыхъ слухахъ распространенныхъ на мой счетъ Прусскимъ королемъ. Она меня увѣряла что это лишь сплетни, что онъ имѣетъ неточныя свѣдѣнія получаемыя чрезъ людей не важныхъ, и что наконецъ онъ дойдетъ до того что, благодаря его разнымъ лишениямъ основанія разказамъ, никто не станетъ вѣрить ему и тогда когда онъ будетъ говорить правду.

4. „Она не желаетъ взять на себя посредничества, * за то она очень довольна своею деклараціей (о вооруженномъ нейтралитетѣ), но недовольна Англичанами, которые не хотятъ принять эту декларацію въ томъ видѣ какъ она составлена; она желаетъ мира съ тѣмъ чтобы часть колоній получила свободу.

5. „Она слегка коснулась вопроса, не пожелаетъ ли я приобрести Италію, въ особенности Палскую область, какъ бы въ качествѣ отчины или родового имѣнія императора и потому что хорошо получить столь прекрасную страну. Я отвѣтилъ сначала шуткой; затѣмъ однако я замѣтилъ серьезно что сохраненіе „*status quo*“ въ Италіи обуславливается интересомъ многихъ державъ и что поэтому для меня было бы трудно настаивать на правахъ Августа; за то, прибавилъ я, для нея было бы гораздо легче завладѣть *своими* Римомъ,

* Въ войнѣ между Англіей и Франціей.

то-есть Комстатипололемъ. Она извинялась что обратилась ко мнѣ съ этимъ вопросомъ и даже казалась нѣсколько смущенною сдѣлавъ оный, причемъ увѣряла что ничего иного не желаетъ какъ мира и не думаетъ вовсе о такомъ завоеваніи.

„Вотъ все болѣе существенное что можно было извлечь изъ множества замѣчаній и разговоровъ.

„Здѣшній образъ жизни, какъ говорить ея величество, прелятствуетъ большей интимности. Во время путешествія она ежедневно обѣдаетъ со всѣми иностранцами и кавалерами свиты. Она должна видѣть ихъ по вечерамъ при карточной игрѣ или на балахъ. Повтому она требуетъ чтобъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, указывая при этомъ на довольно интересные поводы. Между прочимъ она утверждаетъ что отправится на дачу, гдѣ она живетъ такъ-сказать частнымъ образомъ и гдѣ я могъ бы видѣться съ нею совершенно безцеремонно и наединѣ; даде она выставляетъ на видъ что видѣ какъ въ Петербургѣ я бы не могъ получить понятіе о томъ что было сдѣлаемо Петромъ Великимъ и ею самою, что не видавъ ея столицы я еще ничего не видѣлъ, и что она желала бы показать мнѣ три эскадры которыя готовы къ отплытію въ мѣсто назначенія и которыя могли бы дать мнѣ понятіе о ея морскомъ вооруженіи.

„Къ этимъ довольно сильнымъ доводамъ нужно прибавить еще другіе. Находясь такъ близко къ Петербургу, я бы полюбозытствовалъ посмотреть на этотъ интересный городъ; я предвижу что при здѣшнемъ образѣ жизни, не плаче какъ въ Петербургѣ можно будетъ пріидти къ солиднымъ результатамъ нѣкотораго соглашенія. Это путешествіе было бы пріятнымъ ея величеству, такъ какъ она желаетъ чтобъ я предпринялъ его и для короля Прусскаго и для другихъ оно будетъ служить доказательствомъ моего здѣшняго услѣха. Знакомство съ великимъ княземъ и графомъ Павичимъ можетъ быть дѣломъ весьма важнымъ. Мое пребываніе въ Петербургѣ изгладитъ хотя бы нѣсколько то впечатлѣніе которое могъ бы имѣть осевью пріѣздъ привца прусскаго на этихъ двухъ лицъ (Павла и Павича), которые плаче меня бы вовсе не видали. Наконецъ, не посмотрѣвъ на все устройство правленія, на всѣ разныя учрежденія, я не могъ бы составить себѣ обо всемъ этомъ точное понятіе.

„Все это убѣждаетъ меня согласиться на поѣздку въ Петербургъ. Я отъ души желаю чтобъ это рѣшеніе было одобрено

вашимъ величествомъ; въ этомъ заключается главная цѣль моихъ желаній. Я могу васъ увѣрить что Кобенцель и всѣ мои господа считаютъ мою поѣздку нужною. Я думаю что она соответствуетъ вашимъ интересамъ, что она даже необходима. Итакъ 10 іюня (30 мая) я отсюда уѣду вмѣстѣ съ императрицей; я поѣду съ нею до Смоленска: это путешествіе потребуетъ двухъ дней; тамъ мы пробудемъ два дня. 15го я отправлюсь въ Москву, гдѣ я остаюсь пять или шесть дней. Путешествіе туда потребуетъ не болѣе двухъ дней. Оттуда я поѣду въ Петербургъ, куда императрица возвратится до моего пріѣзда. На дорогу изъ Москвы въ Петербургъ должно считать пять или шесть дней. Оставаясь въ Петербургѣ двѣ или много три недѣли, а къ концу іюля могу быть уже въ Галиціи въ Замосць, мимовавъ Варшаву и пр. Князь Потемкинъ хочетъ со мною поѣхать въ Москву для объясненія мнѣ всего тамошняго. Она пользуется самымъ большимъ довѣріемъ. Ея величество за столомъ назвала его настоящимъ своимъ ученикомъ; мнѣ она сказала что главное заключается въ полномъ согласіи образа мыслей и что никто въ этомъ отношеніи такъ не отвѣчаетъ ея требованіямъ какъ Потемкинъ. Пока этотъ человекъ говорилъ со мною довольно сдержанно; однако я не сомнѣваюсь что онъ рано или поздно сдѣлается развязнѣе; можетъ-быть для этого и назначено путешествіе въ Москву. Я видѣлъ его кирасирскій полкъ, который великолѣпенъ и обученъ отлично.“ *

Какъ видно, результаты перваго свиданія Іосифа II и Екатерины въ Могилевѣ были далеко не маловажны. Впечатлѣніе произведенное ими другъ на друга было чрезвычайно благопріятное; наконецъ, въ разговорѣ они затронули предметъ такой важности какъ вопросъ о Римѣ и Константинополѣ; непосредственнымъ слѣдствіемъ свиданія была поѣздка Іосифа въ Петербургъ.

Странно что Пампъ и Фридрихъ II сначала составили себѣ совершенно иное понятіе объ исходѣ могилевскаго свиданія. Въ іюлѣ, Пампъ въ бесѣдѣ съ прусскимъ дипломатомъ графомъ Гёрцомъ замѣтилъ: „Императоръ нескромный болтуна (un bavard indiscret). Многимъ онъ этимъ понравится;

* Arneth, *Maria Theresia und Joseph II.* 251—255. Въ концѣ письма Іосифъ проситъ доставить ему два экземпляра регламента объ австрійскихъ нормальныхъ школахъ.

однако у императрицы это качество, которое не по ея вкусу, не послужитъ рекомендаціей.“ Поэтому Павицъ не ожидалъ отъ этого свиданія какой-либо перемены для существовавшей политической системы и усложнялъ короля въ этомъ отношеніи. Онъ замѣтилъ: „первый жаръ скоро пройдетъ и легкое впечатлѣніе остающееся на нѣкоторое время уничтожится въ краткое время, особенно тогда когда никто не обнаружитъ какого-либо безлокояства. Впрочемъ, заключая Павицъ, нельзя не считать лутешествіе императора вообще неприличнымъ. Монархъ, который вмѣсто того чтобы дома заботиться о благѣ своихъ государствъ, бѣгаетъ по всему свѣту, по необходимости становится смѣшнымъ“ и пр.

Все это могло успокоить до нѣкоторой степени Фридриха II. За то ему не понравилось письмо Екатерины ко князю Голицыну въ Вѣну, отъ 8 іюня, въ которомъ она, очевидно для сообщенія Кауницу, говорила о впечатлѣніи произведенномъ на нее императоромъ Іосифомъ II: „Вамъ извѣстно какими глубокими познаніями и другими отличными качествами отличается императоръ. Вы не пропустите случая увѣрить ея величество императрицу-королеву и всѣхъ и каждого въ томъ что я отдаю полную справедливость императору, и что я особенно рада была встрѣтить въ немъ ту самую любовь къ справедливости которою я сама одушевлена. Послѣ этого вы можете представить себя въ какой степени я чувствую себя хорошо въ его обществѣ. Вотъ мой истинный образъ мыслей въ этомъ отношеніи *.“

Въ письмѣ Гарриса, отъ 2 (13) іюня 1780 года, сказано: „Каждое письмо (изъ Могалева) свидѣтельствуетъ о томъ что обѣ августѣйшія особы въ высшей степени довольны свиданіемъ; прекрасныя качества императора какъ бы разчитаны на то чтобы понравиться императрицѣ владѣющей какъ нельзя болѣе искусствомъ нравиться. Прусская партія не мало встревожена продолженіемъ пребыванія императора въ этой странѣ, особенно потому что нельзя сомнѣваться въ томъ что императрица подаде поводъ къ этому. Не говоря уже о томъ что она чувствуетъ себя польщенною такимъ

* *Zinkeisen, Gesch. d. osman. Reiches VI. 260—261.*

посѣтителемъ, она въ самомъ дѣлѣ лѣтена ловкостью и любезностью его. Онъ же въ свою очередь сдѣлалъ все возможное чтобы понравиться ей; приладившись совершенно къ ея нраву, онъ безъ разбора хвалилъ все что было сдѣлано ему или что она готова еще сдѣлать... Князь Потемкинъ также старается нравиться императору и устроить невыгодное мнѣніе Вѣнскаго двора о немъ и пр.“*

А. БРИКНЕРЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* *Harris I*, 313—314.

МИЛЬТОНЪ

Въ послѣднее время литература о Мильтонѣ обогатилась важными приобрѣтеніями. Давидъ Массонъ довелъ до конца свой огромный трудъ подъ заглавіемъ *The life of John Milton narrated in connexion with the political, ecclesiastical and literary history of his time*, трудъ которому посвятилъ онъ не мало лѣтъ своей жизни. Всѣ согласны въ томъ что по тщательности, добросовѣстности и даже, если можно такъ выразиться, мелочности изслѣдованія, книга эта не оставляетъ желать ничего лучшаго, но предназначена она преимущественно для ученыхъ, для людей спеціально занимающихся злою Мильтона, а отнюдь не для большинства публики. Самое изложеніе Массона вовсе не таково чтобы привлечь обыкновеннаго читателя. Вотъ почему, когда уже появились первые томы упомянутого сочиненія, профессоръ Бернскаго университета Альфредъ Штеръ не задумался, со своей стороны, приступить къ біографіи великаго англійскаго поэта. Она вышла въ четырехъ томахъ подъ заглавіемъ *Milton und seine Zeit*. Авторъ ея много обязанъ Массому, но онъ не просто шелъ по его слѣдамъ, а предпринималъ самостоятельныя изысканія и въ англійскихъ, и въ германскихъ архивахъ. Ему удалось найти нѣсколько новыхъ документовъ, хотя и не первостепенной важности, но тѣмъ не менѣе очень

интересныхъ. Такъ, между прочимъ, впервые обнаружены имъ шесть писемъ на латинскомъ языкѣ адресованныхъ Мильтону къ Герману Миліусу, посѣтившему въ 1651 году Лондонъ въ званіи посланника герцога Ольденбургскаго, и отрывки изъ дневника Миліуса. Штерръ обнаружилъ въ своей книгѣ замѣчательный талантъ. Многие найдутъ, быть-можетъ, что и она черезчуръ подробна, но весьма законнымъ оправданіемъ для автора служить то что нельзя судить о Мильтонѣ лишь по его поэтическимъ произведеніямъ, что онъ былъ столько же публицистъ сколько и поэтъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ своего времени, что они наложили сильный отпечатокъ на весь складъ его ума и отразились въ его творчествѣ. „Изъ важныхъ вопросовъ волновавшихъ тогдашнее общество, говоритъ Штерръ, не было рѣшительно ни одного который не встрѣчалъ бы отзыва въ его груди, на который не старался бы онъ дать отвѣтъ, и въ этомъ отношеніи было совершенно справедливо замѣчено о немъ что онъ игралъ роль античнаго хора. Хотя жизнь его и небогата происшествіями, хотя она протекла исключительно за письменнымъ столомъ, необходимо для точной ея оцѣнки обращаться непрерывно къ великой драмѣ разыгравшейся вокругъ него“. Штерръ не могъ слѣдовательно попустить плаче какъ изобразить картину политическаго и релігіознаго движенія, совершавшагося въ Англіи XVII вѣка и на этомъ общемъ фонѣ старался онъ какъ можно рельефнѣе выставить фигуру Мильтона. Одивъ изъ его критиковъ выразился что если въ Англіи появилась едва ли не лучшая біографія Гёте, написанная Луисомъ, то Нѣмцы могутъ сказать что у нихъ есть теперь такая біографія одного изъ первоклассныхъ англійскихъ писателей, которая сдѣлала бы честь его отечеству. На ряду съ нею можно рекомендовать другую книгу появившуюся недавно въ изданіи *English men of letters*: авторъ ея, Маркъ Паттисонъ, въ сжатомъ разказѣ, на какихъ-нибудь двухъ стахъ страницахъ, чрезвычайно искусно резюмировалъ всѣ новѣйшія изслѣдованія о Мильтонѣ.

Знаменитый поэтъ, прославившійся своимъ *Потеряннымъ Раемъ*, извѣстенъ у насъ очень мало. Этюдъ Маколея, глава посвященная Мильтону въ *Исторіи англійской литературы* Тева, быть-можетъ талантливая статья нѣмецкаго историка Трейчке въ его *Historische und politische Aufsätze*, — вотъ откуда ваша публика черпала свои свѣдѣнія о немъ. Конечно,

страницы вышедшія изъ-подъ пера означенныхъ писателей отличаются огромными достоинствами, блестящіе очерки **Макодея** и **Тева** навсегда остаются въ памяти тѣхъ кто ознакомился съ ними, но мы полагаемъ что изображеніе жизни и дѣятельности **Мильтона** на основаніи монографій **Штерна** и **Паттисона** не лишено будетъ интереса.

I.

Джонъ Мильтонъ родился въ **Лондонѣ** въ декабрѣ 1608 года и провелъ молодость въ своей семьѣ отличавшейся строгими пуританскими вѣрованіями. Отецъ его, по званію нотариусъ, обладалъ извѣстнымъ достаткомъ; то былъ человекъ образованный, у котораго искривляя набожность не доходила до ханжества, страстно любившій музыку и даже отчасти самъ композиторъ. Онъ писалъ также и стихи, но, по сознанію его сына, природа отказала ему въ логическомъ дарованіи. Вообще же все заставляетъ думать что **Мильтонъ** могъ вынести лишь самыя отрадныя впечатлѣнія изъ семейной своей среды, глубоко честной, трудолюбивой и умѣвшей цѣлѣть занятія возвышающія и облагораживающія душу. „Съ дѣтскихъ лѣтъ, говоритъ онъ, благодаря неутомимой работавотности моего отца, котораго да вознаградить за это Богъ, былъ я обучаемъ особыми учителями, и дома, и въ школѣ, разными наукамъ и языкамъ“. Изъ этихъ учителей преимущественно заслуживаетъ вниманія одинъ, **Томасъ Йонгъ**, имѣвшій сильное вліяніе на своего воспитанника; принадлежалъ онъ къ числу ревностныхъ пуританъ; о немъ сохранилось, между прочимъ, извѣстіе будто бы сдѣлавшись наставникомъ юнаго **Мильтона** онъ тотчасъ же „коротко остригъ ему волосы“, то-есть подчинилъ его обычаю которымъ отличались такъ-называемые въ послѣдствіи „кругаголовые“. Извѣстіе это сомнительно, но не подлежитъ сомнѣнію что **Йонгъ** не допускалъ ни малѣйшихъ сдѣлокъ со своими религіозными убѣжденіями; онъ доказалъ это тѣмъ что одно время предпочелъ удалиться изъ-за нихъ въ **Германію** и вернулся въ свое отечество лишь когда начался въ немъ смуты, служившія прологомъ кровавой революціи. Намъ еще придется упоминать объ его дѣятельности въ это грозное время. Получивъ первоначальное образованіе, **Мильтонъ** сталъ посѣщать школу **Св.**

Павла, въ которой и оставался до семнадцатилѣтняго возраста. Курсъ ея былъ весьма обширенъ. Мы знаемъ что Мильтонъ изучалъ языки латинскій, греческій, еврейскій, основныя начала математики, лирику, исторію, не говоря уже объ изученіи священнаго писанія которому въ тогдашнихъ школахъ отведено было такое видное мѣсто. Мильтонъ дѣлалъ быстрые успѣхи, такъ что еще въ юныхъ годахъ положилъ твердыя основы той обширной учености которая составляла удивленіе его современниковъ. Прислать это слѣдуетъ быть-можетъ хорошимъ методамъ преподаванія, но главнымъ образомъ необычайному, поразительному его трудолюбію. „Отецъ мой предназначалъ меня, когда еще я былъ ребенкомъ, разказываетъ онъ, къ изученію разныхъ наукъ, и я занимался имъ съ такимъ рвеніемъ что начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста никогда не ложился спать ранее полуночи; это было первою причиною поврежденія моихъ глазъ, къ природной слабости коихъ присоединялись также частыя головныя боли.“ То же самое подтверждается и показаніями другихъ лицъ: сохранилось извѣстіе что отецъ Мильтона, не будучи въ состояніи отучить его отъ ночныхъ занятій, вынужденъ былъ наматывать особую горничную для того чтобы наблюдать за нимъ. Мальчикъ не ограничивался школьными работами, но читалъ неутомимо: читалъ богословскія, историческія сочиненія, а также и повести, между которыми особенно любилъ его Спенсеръ. Могущественно дѣйствовалъ на него и давно забытый теперь французскій авторъ, съ которымъ читалъ онъ возможность ознакомиться въ переводѣ дю-Бартасъ (Guillaume de Saluste, seigneur du Bartas). Этотъ, какъ называютъ его, „патріархъ луританской поэзіи“ извѣстенъ былъ своею поэмой „Божественныя медвѣи и дѣлвіа“, проникнутою сильными релігіознымъ чувствомъ. Подъ вліяніемъ ея Мильтонъ рано началъ перелагать псалмы въ стихотворную форму.

По окончаніи Мильтономъ курса въ школѣ Св. Павла, отецъ его хотѣлъ чтобъ онъ непремѣнно продолжалъ образованіе въ Кембриджскомъ университетѣ. При своихъ наклонностяхъ молодой человекъ могъ не иначе какъ съ восторгомъ пріивѣтствовать это рѣшеніе. Онъ отправился въ Кембриджъ и сразу очутился въ совершенно новомъ для него мірѣ, мірѣ замкнутомъ, своеобразномъ и исполненномъ удивительнаго обаянія. Предъ нами находится роскошное изданіе

„Le Keux's Memorials of Cambridge“, въ которомъ множество рисунковъ изображаютъ во всѣхъ подробностяхъ вѣншній и внутренній видъ этой старинной высшей школы съ ея шестнадцатью коллегіумами: цѣлымъ рядъ дворцовъ великолѣпной архитектуры, тѣнистые сады, огромные залы для библіотекъ и для товарищескихъ сборищъ во время рекреаций, какъ вся эта обстановка должна была дѣйствовать на молодую душу развивая въ ней чувство изящнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ располагая ее къ благотворной сосредоточенности! Воспитанники подчинялись строгой дисциплинѣ, но дисциплина такого рода которая, нисколько не привыкая ихъ характера, могла лишь закалить его, вырабатывала изъ нихъ людей со строгимъ сознаниемъ своего долга, готовыхъ въ послѣдствіи мужественно бороться со всѣми невзгодами на житейскомъ поприщѣ. Каждый день, и утромъ и вечеромъ, колоколъ созывалъ ихъ на общую молитву. Собирались они также вмѣстѣ и для обѣда. Въ непремѣнную обязанность поставлено было имъ разговаривать между собою по-латински, по-гречески и по-еврейски, за исключеніемъ лишь часовъ предначиненныхъ для отдыха; карты и игра въ кости были воспрещены, но и ими могли они развлекаться въ Рождественскіе праздники. Молодые люди имѣли право выходить безо всякаго присмотра изъ заведенія, но съ обязательствомъ не посѣщать ярмарокъ, литейныхъ домовъ, мѣстъ для траваи звѣрей и возвращаться не позднѣе десяти часовъ вечера. Въ каждомъ коллегіумѣ находились они подъ руководствомъ тьюторовъ, которые принимали на себя полную отвѣтственность за ихъ воспитаніе и занятія науками. Для провинившихся установлены были различныя кары, тажеяшею изъ которыхъ считалось *rustication*, удаленіе изъ школы на болѣе или менѣе продолжительный срокъ; для младшихъ студентовъ допускались и тѣлесныя наказанія. У коллегіумовъ были свои традиціи, они соперничали между собою главнымъ образомъ заслугами своихъ наставниковъ, числомъ замѣчательныхъ людей получившихъ образованіе въ стѣнахъ того или другаго изъ нихъ. Такъ напримѣръ Christ-College славился тѣмъ что между его воспитанниками находились нѣкогда Латимеръ, одинъ изъ сподвижниковъ и мучениковъ реформаціи, ученый антикварій Леландъ, поэтъ Филиппъ Сидней. Въ этотъ коллегіумъ поступалъ и Милтонъ. Еще и теперь указываютъ тамъ двѣ небольшія комнаты

которыя нѣсколько лѣтъ сряду занималъ онъ со своимъ товарищемъ Робертомъ Пори; среди обширнаго сада еще стоитъ тутовое дерево посаженное, какъ гласитъ преданіе, его руками.

Религіозныя распри свирѣлствовавшія въ то время когда Мильтонъ поселился въ Кембриджъ отражались отчасти и на университетѣ. Конечно, онъ нисколько не нарушалъ обычнаго строя его жизни, необытный глазъ не подмѣтилъ бы въ ней ни малѣйшей перемѣны, но несомнѣнно однако что между наставниками уже не было прежняго единодушія, что нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ горячимъ приверженцамъ пуританскихъ идей, тогда какъ огромное большинство было предано англиканской церкви. Вѣроятно глухая борьба двухъ партій еще долго не вышла бы наружу есаибы само правительство съ поразительнымъ легкомысліемъ не постаралось обострить ее. Въ то время умы во всей странѣ были сильно возбуждены противъ герцога Бѣккингема, политическаго дилетанта въ худшемъ значеніи этого слова; неизвестно чѣмъ сильнѣе вызывалъ онъ негодованіе, неудачными ли своими мѣрами во внутреннемъ управленіи страны или тою позорною ролью на которую осуждала Англію его внѣшняя политика; парламентъ выступилъ наконецъ съ формальнымъ противъ него обвиненіемъ, но Карлъ I не хотѣлъ разстаться съ министромъ, который не только какъ государственный дѣятель, но и какъ частный человекъ никому не внушалъ къ себѣ уваженія. Въ эту тревожную минуту умеръ графъ Суффокъ, престарѣлый канцлеръ Кембриджскаго университета, и король выразилъ настойчивое желаніе чтобы на мѣсто его былъ избранъ герцогъ Бѣккингемъ. Университетъ оказался въ крайне затруднительномъ положеніи: съ одной стороны не рѣшался онъ поступить вопреки королевской волѣ; съ другой, боялся раздражить общественное мнѣніе, во главѣ коего стояло огромное большинство парламента; небывалое возбужденіе господствовало въ его средѣ, интригамъ, проискамъ не было конца. Герцогъ Бѣккингемъ восторжествовалъ, впрочемъ лишь съ весьма незначительнымъ перевѣсомъ голосовъ въ его пользу. Упомянутое нами событіе послужило къ сильному возбужденію религіозныхъ страстей въ университетѣ и надолго оставило по себѣ слѣдъ.

Есть основаніе предполагать что въ связи съ настроеніемъ

господствовавшимъ въ то время въ Кембриджѣ находится одно обстоятельство въ жизни Мильтона, о которомъ было писано очень много, но которое все-таки не удается объяснить вполне удовлетворительно. Оказывается что этотъ юноша, отличававшійся безупречною нравственностью и необычайнымъ трудолюбіемъ, подвергся въ 1626 году самой тяжелой карѣ, а именно былъ временно удаленъ изъ школы. Онъ самъ намекаетъ на это въ запискѣ къ своему другу Дюдата, относящейся къ тому же году. Онъ говоритъ въ ней что живетъ въ Лондонѣ, въ домѣ своего отца, что не помышляетъ о компаняхъ въ которыхъ еще недавно сидѣлъ за уроками, что нѣтъ у него охоты „переносить угрозы суровога наставника и другое чему не въ состояніи подчиниться его природа...“ Очевидно здѣсь идетъ рѣчь не объ обычномъ посѣщеніи родительскаго дома во время вакансій. Еслибы могли быть сомнѣнія на этотъ счетъ, то они развеиваются въ виду того что въ послѣдствіи враги Мильтона настойчиво утверждали будто онъ былъ удаленъ изъ университета. У одного изъ старѣйшихъ его биографовъ д'Обре находится по этому поводу слѣдующее извѣстіе: „первымъ тьюторомъ его въ Кембриджѣ былъ мистеръ Чалель, который поступилъ съ нимъ сурово (высѣкъ его); вслѣдствіе того Мильтонъ былъ отданъ (хоть и вопрека правиламъ коллегіума) подъ надзоръ другаго тьютора, мистера Товелла, который позднѣе былъ пасторомъ въ Люттерворѣ“. Что касается тѣлеснаго наказанія, то едва ли Мильтонъ испыталъ его, потому что уже вышелъ изъ того возраста къ которому примѣнялось оно какъ въ Кембриджѣ, такъ и въ Оксфордѣ; это показаніе д'Обре не имѣетъ большой цѣны, ибо вообще онъ отличается крайнею доверчивостью и готовъ безъ разбора сообщать самые неосновательные слухи. Несомнѣннымъ остается тотъ фактъ что одно время Мильтонъ дѣйствительно долженъ былъ покинуть Кембриджъ, а затѣмъ являются догадки что причиною этого было столкновение между нимъ и тьюторомъ Чалелемъ изъ-за религіозныхъ вопросовъ, ибо въ тогдашнихъ стихотворныхъ его опытахъ уже рѣзко проглядываютъ религіозныя убѣжденія, къ которымъ Чалель относился съ крайнею нетерпимостью.

Событіе о которомъ упоминали мы не помѣшало однако Мильтону окончить курсъ въ Кембриджскомъ университетѣ и смискать тамъ общія къ себѣ симпатіи. На его товарищей

и на наставниковъ обаятельно дѣйствовала уже самая его наружность. Не даромъ дали ему прозвище: „the lady of Christ's College“. Онъ самъ говорилъ о себѣ въ послѣдствіи: „сколько мнѣ извѣстно, никто, кому случалось меня видѣть въ молодости, не находилъ меня безобразнымъ“. Къ концу г. Штерна приложены снимокъ съ портрета Мильтона когда ему было двадцать четыре года отъ роду: трудно представить себѣ что-либо привлекательнѣе этого лица окаймленнаго длинными свѣтлокаштановыми волосами, съ темносѣрыми задумчивыми глазами, лица, черты коего были исполнены жемчужной мягкости, но общее выраженіе говорило о сильной волѣ и о привычкѣ къ сосредоточенному мышленію; то былъ юноша достигшій всесторонняго развитія своихъ духовныхъ и физическихъ силъ. Мильтонъ не чуждался товарищескихъ игръ; онъ былъ очень искусенъ въ фехтованіи; почти ежедневно находилъ время заниматься музыкой, любовью къ которой унаслѣдовалъ у своего отца и которая въ послѣдствіи, когда онъ совсемъ лишился зрѣнія, замѣняла ему всѣ житейскія радости; онъ превосходно игралъ на органѣ, хорошо пѣлъ и принималъ дѣятельное участіе въ вокальныхъ и инструментальныхъ концертахъ устраиваемыхъ въ коллегіумѣ. Но главный его интересъ сосредоточивался на научныхъ занятіяхъ. Стихотворенія, относящіяся къ этому періоду его жизни, дошедшія до насъ рѣчи, которыя произносилъ онъ на уставовленныхъ въ Кембриджѣ диспутахъ, обнаруживаютъ поразительную начитанность, глубокое изученіе древнихъ авторовъ. Необходимо однако замѣтить что Кембриджскій университетъ не удовлетворялъ человѣка съ такими способностями какъ Мильтонъ. Онъ давалъ солидное образованіе своимъ воспитанникамъ, но учебный его курсъ основанъ былъ на компромиссѣ между отжившими преданіями и новыми требованіями, между средневѣковой схоластикой и духомъ гуманизма, что сильно возмущало Мильтона. Въ одной изъ рѣчей съ которою онъ обратился къ своимъ товарищамъ вскорѣ послѣ того какъ былъ удостоенъ степеніи magister artium Мильтонъ открыто возставалъ противъ уцѣлѣвшей рутины въ преподаваніи. „Нерѣдко, говорилъ онъ, по необходимости просиживалъ я цѣлые дни за чудовищными томами, въ которыхъ сохранялась монашеская мудрость; прилежно изучалъ я всѣ эти вычурныя тонкости, такъ что глаза утомлялись и головная боль одолевала меня; сколько ни

трудился я, все еще однако много оставалось непрочитаннымъ; съ какою готовностью, вмѣсто того чтобы сосредоточивать свой умъ на этихъ неаппетитныхъ, согласился бы я читать комюшю Авгія и какъ, казалось мнѣ, Гераклею былъ несравненно счастливѣе меня что на него была возложена подобная работа. Всякій разъ, приступая къ этой безсодержательной казуистикѣ, я словно бродилъ по песчанымъ степямъ или безпредѣльнымъ пустынямъ“.. Если Мильтонъ еще въ школѣ обладалъ рѣдкимъ для его лѣтъ знакомствомъ съ классическою литературой, то въ значительной степени былъ онъ обязанъ этимъ самому себѣ. Предметомъ особенно ревностнаго его изученія былъ Платонъ, которому почти вовсе не было отведено мѣста въ учебномъ курсѣ тогдашняго Кембриджскаго университета. Проникнутый пуританскими идеями умъ Мильтона, какъ нельзя болѣе склонный возвышаться ото всего видимаго и осязаемаго до чистѣйшихъ лоятій духовнаго міра, находилъ обильную и весьма привлекательную для него пищу въ твореніяхъ великаго древняго философа. Вліяніе на него Платона отражалось въ послѣдствіи во многихъ его воззрѣніяхъ, въ мистическомъ его представленіи о музыкѣ, въ помятияхъ его о семейной жизни, объ отношеніяхъ подданныхъ къ правителямъ и т. д. Если Мильтонъ еще сидя на школьной скамьѣ выражалъ недовольство господствовавшею учебною системою, то въ послѣдствіи наладки его на Кембриджскій университетъ превосходили всякую мѣру. Онъ не находилъ въ немъ ничего хорошаго; онъ упрекалъ его профессоровъ за то что „и устная и письменная латинская ихъ рѣчь не отличается надлежащимъ изяществомъ“, что они недостаточно свѣдущи въ еврейскомъ языкѣ и литературѣ, что философія ихъ есть „не болѣе какъ жалкій отголосокъ того что преподавалось некогда въ Парижѣ и Саламанкѣ“. Нельзя однако полагаться на эти рѣзкія сужденія. Мильтонъ высказывалъ ихъ въ то время когда въ церковныхъ вопросахъ усвоилъ онъ себѣ извѣстное направленіе, противъ котораго оба университета, и Кембриджскій, и Оксфордскій, возставали всею силою своего авторитета. Онъ имѣлъ право считать ихъ наиболѣе опасными своими противниками, а мы увидимъ что въ отношеніи къ противникамъ онъ вообще не отличался безпристрастіемъ.

II.

По выходѣ изъ университета Мильтонъ не обнаружилъ никакого желанія занять мѣсто въ рядахъ духовенства. Далѣе, говоря о состояніи Англіи въ описываемое время, мы упомянемъ о причинахъ руководившихъ имъ въ этомъ случаѣ. Онъ поселился въ загородномъ домѣ своего отца, въ деревнѣ Гортоуъ, которую можно видѣть и теперь въ пяти часахъ разстоянія отъ Лондона. Мѣстность чрезвычайно живописна: по тучнымъ лугамъ изгабами пробѣгаетъ рѣка Коуль, съ одной стороны густой лѣсъ, съ другой виднѣются вдали зубцы башенъ Виндзорскаго замка. Все располагаетъ здѣсь къ сосредоточенности, къ спокойному и безмятежному настроенію духа. Самъ Мильтонъ сознавался въ послѣдствіи что годы проведенные имъ въ Гортоуъ были счастливѣйшими годами его жизни. „Ты не принуждалъ меня, обращается онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній къ своему отцу, выступить на протоптанный путь ведущій къ матеріальному благосостоянію; ты дозволилъ мнѣ предпочесть городскому шуму тихое одиночество и вкушать блаженство въ бесѣдѣ съ Аполлономъ.“ Ужь изъ этихъ словъ видно на что направлена была его дѣятельность тотчасъ по выходѣ изъ школы. Съ одной стороны онъ не думалъ покидать своихъ научныхъ занятій; напротивъ, работалъ очень много и увѣряютъ даже будто въ бытность свою въ Гортоуъ прочелъ „всѣхъ“ извѣстныхъ тогда греческихъ и латинскихъ писателей. Вѣроятно это чересчуръ преувеличено, но не подлежитъ сомнѣнію что Мильтонъ значительно усовершенствовалъ свои свѣдѣнія по классической литературѣ; въ письмахъ къ другу своему Дюдату онъ говоритъ что не раздается съ „божественными твореніями Платона и родственнаго ему по духу Ксенофонта“, но на ряду съ этимъ отнюдь не менѣе привлекала его и поэзія.

Мильтону принадлежитъ выраженіе: „въ молодости видѣвъ уже весь человѣкъ точно такъ какъ по утру можно судить каковъ будетъ день“. Едва ли сѣдуетъ считать по доброе правило безусловно вѣрнымъ. Нерѣдко видимъ мы что день начавшійся яркимъ блескомъ солнца оканчивается ненастьемъ, и точно также въ человѣкѣ, подъ вліяніемъ пережитыхъ имъ испытаній, обнаруживается перевероть, который

дѣлаетъ изъ него вовсе не то чѣмъ онъ обѣщалъ быть въ юныхъ годахъ. Но мысль высказанная Мильтономъ вполне принимается къ нему самому. Строго серьезное настроеніе духа, глубокое цѣломудріе чувства, неутомимое трудолюбіе, такимъ видимъ мы его на школьной скамьѣ и въ тотъ періодъ времени когда человѣкъ, вступая въ жизнь съ богатымъ запасомъ силъ, особенно подвергается искушеніямъ, и эти же качества неизмѣнно сохранилъ онъ до гробовой доски. Онъ имѣлъ право сказать о себѣ что всегда старался „согласовать свои поступки со своими убѣжденіями“. О многихъ великихъ поэтахъ можно замѣтить что въ молодости они не обуздывали своихъ страстей, жадно предавались наслаженіямъ, даже такимъ которыхъ казалось бы съ отвращеніемъ должна была чуждаться ихъ избранная натура: ничего подобнаго у Мильтона. Онъ шелъ по избранному имъ пути, ни на шагъ не уклоняясь отъ него; онъ жилъ исключительно въ самомъ себѣ, не соприкасаясь ни съ чѣмъ что могло бы нарушить и оскорбить высокое настроеніе его помысловъ. Окружавшій его міръ былъ ему интересенъ лишь настолько насколько находилъ онъ въ немъ отзывъ на тревожившіе его вопросы и на волновавшія его ощущенія. Именно поэтому былъ онъ едва ли не самый субъективный изъ всѣхъ субъективныхъ поэтовъ. Онъ неспособенъ былъ изображать жизнь во всемъ разнообразіи ея явленій: въ произведеніяхъ его отражалась лишь его собственная великая душа. Поэтъ, какъ выразился онъ самъ, былъ въ его глазахъ „религіозною личностію, пророкомъ, котораго вдохновляетъ Богъ“. „Поэтическое дарованіе, говоритъ онъ, есть даръ и откровеніе Божества; хоть изрѣдко, но у каждаго народа бываетъ оно счастливымъ удѣломъ нѣкоторыхъ, причѣмъ многіе злоупотребляютъ имъ. Поэтъ, подобно пророку, призванъ насаждать въ массѣ народа сѣмена добродѣтели и нравственности, смягать душевныя тревоги, въ звучныхъ и торжественныхъ гимнахъ вослѣдовать величію и славу всемогущаго Бога, восхвалять мученическіе подвиги святыхъ, геройскія дѣянія благочестивыхъ народовъ, которые, воодушевленные крѣпкою вѣрой, сокрушали враговъ Христа, ослѣпляютъ уклоненіе цѣлыхъ царствъ отъ справедливости и покаянія истинному Богу. Все что только есть священнаго и возвышеннаго въ религіи, все что есть привлекательнаго въ добродѣтели, все что способно возбуждать удивленіе и восторги людей,—

все это изображаетъ поэтъ яркими красками. Въ изящныхъ образахъ и поучительныхъ примѣрахъ воплощаетъ онъ все доброе и благородное и вслѣдствіе того дѣйствуетъ преимущественно на робкія и нѣжныя сердца, которыя способны смотрѣть прямо въ глаза истинѣ лишь когда она является предъ ними въ очаровательной оболочкѣ; если путь добродѣтели многимъ кажется труднымъ и суровымъ, хотя въ сущности онъ пріятенъ, то задача поэта доказывать что этотъ путь исполненъ прелести, хотя бы дѣйствительно и былъ онъ сопряженъ съ великими препятствіями.“ Мильтонъ сознавался что въ оцѣнкѣ замѣчательнѣйшихъ писателей привыкъ онъ съ равныхъ поръ руководиться прежде всего нравственными, а не эстетическими соображеніями: вотъ почему особенно сильное впечатлѣніе производилъ на него Данте и Петрарка, которые, воспѣвая Беатрису и Лауру, „высказывали лишь высокіе и чистые помыслы безо всякой недостойной примѣси“. Естественно возникаетъ вопросъ, какъ относился Мильтонъ къ своему великому предшественнику Шекспиру? Онъ не могъ конечно не цѣнить его, хотя почти не упоминаетъ о немъ; во всѣхъ его произведеніяхъ не болѣе двухъ разъ встрѣчается имя Шекспира, впрочемъ съ самыми сочувственными эпитетами. Но если и преклонялся онъ предъ его гевіемъ, то не бралъ его себѣ образцомъ, ибо по духу у Мильтона было мало родственнаго съ нимъ. Мы видѣли сейчасъ какъ понималъ онъ назначеніе поэта; онъ готовъ былъ порицать тѣхъ художниковъ, „безмятежныхъ людей фантазій“, которые не задаются никакими цѣлями, не имѣющими прямаго отношенія къ искусству. Шекспиръ до такой степени объективный поэтъ что можно лишь догадываться и то не безъ труда какъ относился онъ къ политическимъ и религіознымъ вопросамъ своего времени, изумляя его гигантскою силой своего творчества, но именно творчество этого рода было чуждо Мильтону. Къ тому же и время было другое. Англія переживала тяжкій кризисъ; блестящимъ царствованіемъ Елисаветы закончилась періодъ старой веселой Англіи (old merry England), въ общественной жизни господствовалъ разладъ служившій предвѣстіемъ кровавыхъ потрясеній, вся страна распалась на нѣсколько дышавшихъ непримиримую враждою лагерей,—среди этого тревожнаго настроенія умовъ трудно было сохранить олимпійское спокойствіе и во всякомъ случаѣ менѣе чѣмъ кто-нибудь способенъ

былъ на это Мильтомъ. Его до крайности чуткая, впечатлительная и нервная натура отзывалась на все что волновало его современниковъ.

Извѣстно что въ послѣдствіи, въ разгаръ междуусобной войны охватившей Англію, онъ присоединился къ рядамъ самой вѣтерпимой фракціи пуританъ,—обстоятельство отнюдь не удивительное, вполне соответствовавшее и его характеру, и настроенію его ума. Переворотъ этотъ совершился не вдругъ, онъ подготавливался мало-по-малу, и въ молодости Мильтона, въ то счастливое время когда проживалъ онъ въ Гортовѣ, ничто еще не предвѣщало его возможности. Мильтомъ только-что сошелъ со школьной скамьи, рано было ему усвоить суровый взглядъ на жизнь, онъ сапшкомъ былъ проникнуть духомъ классицизма, снова зацвѣтшимъ послѣ долгаго усыленія такимъ роскошнымъ цвѣтомъ въ эпоху Возрожденія. Лишь слабыя намеки, не совсѣмъ опредѣленныя указанія на то что ожидало его впереди можно встрѣтить въ произведеніяхъ его относящихся къ упомянутому времени. Между ними особенно привлекательны *Allegro* и *Il Penseroso*, два перла описательной поэзіи. Въ первомъ изъ нихъ рисуется онъ безмятежное настроеніе человѣка который чутко къ вѣкогда не увядающимъ красотамъ природы и умѣетъ наслаждаться всѣмъ что есть привлекательнаго въ жизни. Рано утромъ выходитъ онъ въ поле и взоръ его съ восторгомъ останавливается на великолѣпномъ ландшафтѣ: на поляхъ и лѣсахъ, горахъ и долинахъ, на башняхъ высокихъ замковъ и на кровляхъ скромныхъ хижинъ; онъ вѣтшаивается въ толлу поселявъ пляшущихъ людъ звуки свирѣли или радушно бесѣдуетъ съ ними; все радуется его, всѣмъ онъ доволенъ потому что миръ господствуетъ въ его душѣ; ничего не нужно ему какъ только бродить, смотрѣть по сторонамъ, слышать „какъ жаворонокъ привѣтствуетъ своею пѣсней зарождающуюся зарю, какъ косарь оттачиваетъ свою косу сѣдя подъ тѣнью густаго дуба, пахарь посвистываетъ провода бородаы по полю;“ онъ самъ исполняетъ музыку и все вокругъ него отзывается дивною гармоніей и вызываетъ въ немъ золотые сны. Не такъвъ *Il Penseroso*. Другія картины дѣйствуютъ на его душу. Его богиня, „Меланхолія, задумчивая, строгая отшельница въ черномъ одѣяніи, которая обративъ очи къ небу погружена въ глубокое созерцаніе.“ Онъ любитъ сидѣть одинокимъ поздно вечеромъ когда мѣсяцъ едва

проникаетъ черезъ разорванныя облака и когда до его уха доносятся замирающіе звуки церковнаго колокола; или ночью въ мрачной комнатѣ смотритъ онъ неподвижно на тлѣющей кампалѣ и прислушивается къ окликаемъ ночнаго сторожа. При свѣтѣ лампы изучаетъ онъ памятники человѣческой мудрости, ведетъ таинственную бесѣду съ духами, вызываетъ Платона чтобы получить отъ него отвѣтъ „черезъ какіе міры, черезъ какія престраштва проходитъ безсмертная душа послѣ того какъ освобождается она отъ земной своей оболочки.“ Въ обоихъ произведеніяхъ, о которыхъ говоримъ мы, одинаково выразилась необычайный талантъ Мильтона, но не трудно догадаться которое изъ нихъ отличало наиболее его собственному настроенію. Справедливо замѣчено было что даже на первомъ изъ нихъ, такъ рельефно рисуящемъ красоты природы и житейскія радости, лежитъ отчасти печать меланхоліи. По словамъ знаменитаго нѣмецкаго историка Паули, въ *Allegro* и въ *Il Penseroso*, быть-можетъ безо всякой предвзятой мысли со стороны самого поэта, какъ нельзя болѣе вѣрно схваченъ контрастъ обнаружившійся тогда въ средѣ англійскаго общества; но если такъ, то несомнѣнно что Мильтонъ еще былъ въ состояніи относиться совершенно свободно къ тому что было истинно человѣческаго и въ стремленіяхъ „кавалеровъ“, и въ стремленіяхъ пуританъ. Онъ еще возвышался надъ духомъ партій, и въ той и другой изъ нихъ искалъ идеалъ человѣка. Не совсѣмъ можно оказать то же самое о другомъ его стихотвореніи, относящемся также къ періоду его пребыванія въ Гортонаѣ, а именно о превосходной элегіи его *Lycidas*. Подъ этимъ именемъ воспѣвалъ онъ своего друга и отовараша по университету Эдуарда Кинга, который въ очень молодыхъ годахъ погибъ въ морѣ. Элегія отличается первоклассными красотою, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ пльхъ ея мѣстахъ рѣзкою залальчивостью пуританина. Быть-можетъ именно поэтому самъ Мильтонъ въ послѣдствіи особенно гордился ею. При полномъ изданіи своихъ стихотвореній онъ отмѣтилъ что въ означенной элегіи „предсказалъ гибель духовенства когда оно еще находилось на высотѣ своего могущества.“

Впрочемъ, повторяемъ, въ тотъ періодъ его жизни о которомъ идетъ рѣчь ничто еще не обнаруживало въ немъ упорнаго сектанта. Онъ не прочь былъ принимать участіе въ благородныхъ развлеченіяхъ которымъ предавалось окружавшее

его общество. Недалеко отъ Гортона, въ великолѣпномъ своемъ помѣстьѣ Hagfield House проживала вдовствовавшая графиня Дарби, женщина въ высшей степени замѣчательная. При дворѣ Елисаветы блистала она красотой и умомъ; Спенсеръ неоднократно воспитывалъ ее и посвятилъ ей нѣкоторыя изъ своихъ элегій; въ бывшее время собиравшись вокругъ нея лучшіе представители литературы, чему не мало способствовалъ и покойный ея мужъ, самъ занимавшійся стихотворствомъ и любившій поощрять таланты. Окруженная своими дѣтьми и племянниками, принимая почти ежедневно многочисленныхъ гостей, она заботилась чтобы въ Hagfield House всѣмъ жилось хорошо, и дѣйствительно празднества сдѣлались тамъ одми другими. Особенно процвѣтали театральныя представленія. Устройство ихъ охотно принимали на себя два брата: Виліамъ и Генри Ловсъ, считавшіеся едва ли не лучшими музыкантами того времени, талантъ коихъ цѣнился такъ высоко что они встрѣчали самый радушный приемъ въ высшемъ обществѣ. Мильтонъ, который, какъ мы знаемъ, страстно любилъ музыку, былъ связанъ съ обоими братьями узами тѣсной дружбы. Неудивительно что имъ удалось привлечь Мильтона къ своимъ занятіямъ. Въ это время не проявлялось въ немъ и признака той нетерпимости къ театру которая составляла одну изъ отличительныхъ чертъ пуританской партіи. „Во всей философіи, говорилъ онъ, не найдется ничего болѣе серьезнаго, возвышающаго и облагораживающаго душу какъ отличная трагедія.“ Онъ написалъ либретто фантастической пьесы для сцены Hagfield House, но хотя она и имѣла большой успѣхъ, нельзя поставить ее на ряду съ другимъ его произведеніемъ которое многіе считаютъ лучшимъ что когда-нибудь вышло изъ-подъ его пера. Возникло оно по слѣдующему обстоятельству: графъ Бриджуотера, мужъ старшей дочери графини Дарби, однимъ изъ знатнѣйшихъ представителей англійской аристократіи, назначенъ былъ въ 1681 году вице-королемъ Уэльса; въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца праздновалось это событіе въ его замкѣ Лудлоу; со всѣхъ концовъ стекались его друзья чтобы примести ему поздравленія съ королевскою милостью и дѣти графа задумали устроить спектакль, въ которомъ имъ самимъ должны были принадлежать главныя роли. Братья Ловсъ взяли на себя музыкальную часть, а Мильтонъ написалъ пьесу Колуса, вѣчто въ родѣ пользовавшейся тогда громаднымъ успѣхомъ

комедіи масокъ,—чисто фантастической комедіи, въ которой не сѣдовало искать ни правильности дѣйствія, ни характеровъ, но въ которой аллегорія, мифологія, средневѣковая романтика соединялись для того чтобы лѣзвать зрителя чудесными приключеніями полубоговъ, героевъ, сляфовъ, нимфъ, и все это при самой заманчивой обстановкѣ, требовавшей необыкновенной изобрѣтательности со стороны машиниста. Мильтонъ обнаружилъ тутъ всю силу своего поэтического вдохновенія.

Фабула пьесы не сложна. Комусъ, сынъ Вакха и Цирцеи, воплощеніе разнуздаввой чувственности, старающійся ослѣпить заблудшихъ лутниковъ вальткомъ который лишаетъ ихъ разума и возбуждаетъ въ нихъ безстыдное сладострастіе, бродитъ по густому лѣсу. Вокругъ него чудовища со звѣриными головами, съ факелами въ рукахъ, раслѣваютъ лѣсамъ; они предаются дикой вакханаліи, но вдругъ Комусъ слышитъ шаги приближающейся дѣвушки и по мимовѣнію его жезла все скрылось, все замолкло. Появляется леди Алиса, младшая дочь графа Бриджютера; братья, съ которыми она гуляла въ лѣсу, лошади ищутъ ей ягодъ, а она сбилась съ луга, зашла въ чащу привлеченная какими-то страшными голосами, а между тѣмъ наступила ночь и несчастная дѣвушка въ глубокомъ отчаяніи. Въ эту минуту подходитъ къ ней Комусъ ужъ успѣвшій преобразиться въ ластуха; она такъ тронута его участіемъ, его льстивыми рѣчами, увѣреніями его что онъ недавно встрѣтилъ въ лѣсу двухъ молодыхъ людей совершенно похожихъ на тѣхъ которые сопровождали ее, и обѣщаніями его найти ихъ, что соглашается укрыться въ его хижинѣ. Липь только удалились они какъ приближаютъ братья въ поискахъ за сестрой; одинъ изъ нихъ исполненъ непреодолимаго страха, другой убѣжденъ на противъ что какія бы осласности на угрожали Алисѣ, она будетъ въ состояніи преодолѣть ихъ, ибо есть въ ней таинственная сила противъ которой ничтожны всѣ локушенія. На помощь имъ является добрый духъ въ образѣ Тирсита, стараго служителя ихъ отца, который говоритъ что нужно опасаться самыхъ ужасныхъ послѣдствій, что Комусъ давно ужъ избралъ этотъ лѣсъ сценой своихъ подвиговъ, что онъ на глазахъ его увлекъ невидную дѣвушку, что безумно было бы бороться съ нимъ открытою силой, но что есть таинственный корень, имѣющій свойство раслѣвать всѣ его

чары. Этимъ корнемъ обладаетъ Тирситъ и вооруженный имъ надѣется спасти дѣвушку. Декорація мѣняется: предъ нами великолѣпный дворецъ, столы накрыты роскошными яствами, слышны звуки очаровательной музыки. Аллса въ глубокомъ отчаяннѣ сидитъ на стулѣ, Комусъ предлагаетъ ей кубокъ съ виномъ, но она отталкиваетъ его и между ними происходитъ разговоръ на которомъ и сосредоточивается главный интересъ пьесы. Съ одной стороны всевозможные софизмы чтобы восторжествовать надъ невинностью: къ чему всѣ красоты природы, вся роскошь творенія если мы не будемъ пользоваться ими? Не значитъ ли оскорблять Творца пренебрегая его дарами? „Не будь же недоступною, переставай обольщать себя такимъ пустымъ словомъ какъ цѣломудріе. Красота, это монета предвѣщавшая для обращенія, а не для того чтобы окуло хранить ее. Если пропустимъ время, не дозволишь никому сорвать эту розу, она пощиплетъ головой и увянетъ на стеблѣ“. Въ отвѣтъ на эти страстные призывы Мильтонаъ вылетаетъ въ уста Аллсы слова невыразимой прелесть, слова свидѣтельствующія, между прочимъ, какимъ идеальнымъ воззрѣніемъ на жизнь, какою чистотой стремленій одушевляемъ былъ самъ поэтъ. Многие находятъ что это скорѣе проповѣдь и что, какъ проповѣдь, рѣчь Аллсы не совсемъ гармонируетъ съ общимъ содержаніемъ пьесы, но какъ бы то ни было, сама по себѣ она изобилуетъ рѣдкими красотами. Комусъ становится все назойливѣе, но появляются братья въ сопровожденіи Тирсита и обращаютъ его въ бѣгство; къ сожалѣнію они забыли отнять у него волшебный жезлъ безъ котораго все-таки нельзя совсемъ освободить Аллсу, но на этотъ разъ помогаетъ имъ Сабрина, богиня протекающей близъ Луддоу рѣки Северна, покровительница юныхъ дѣвъ. Слова перемѣна декораціи: братья и сестра, послѣ столькихъ опасныхъ приключеній, вступаютъ въ замокъ, предъ воротами коего встрѣчаютъ ихъ толпа разряженныхъ поселенцевъ и начинаются танцы, неизбежная принадлежность комедіи масокъ.

О *Комусъ* было писано очень много. И англійская, и нѣмецкая критика старалась, между прочимъ, всесторонне изслѣдовать была ли эта пьеса плодомъ непосредственнаго вдохновенія Мильтона, или прибѣгалъ онъ въ ней къ заимствованіямъ. Сохранилось преданіе будто въ семействѣ графа Бриджутера случилось вѣчто такое что послужило ея сюжетомъ,

будто дѣйствительно одна изъ дочерей его заблудилась въ лѣсу и братья долго отыскивали ее. Очень можетъ быть что Мильтонъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, но съ другой стороны утверждаютъ что и основная мысль, и главнѣйшія подробности могли быть почерпнуты имъ изъ разныхъ произведеній относящихся къ его времени, но мы не будемъ останавливаться здѣсь на вопросѣ, въ какой мѣрѣ обязанъ былъ онъ сочиненію Генриха фонъ-Путтена (*Erucius Puttani*): *Comus sive Phagesiposia Cimmerica*, піесѣ Бенъ-Джонсона *Pleasure reconciled to Virtue* или піесѣ Флетчера *Faithful Shepherdess*. Извѣстно что и Шекспиръ, и Мольеръ обильно черпали изъ другихъ авторовъ, но подобно имъ Мильтонъ пользовался чужимъ такъ что оно дѣлалось вполне его достояніемъ, налагая на него печать собственного гения. Гораздо важнѣе вопросъ вообще о литературныхъ достоинствахъ *Комуса*. Извѣстный англійскій критикъ прошлаго столѣтія Джонсонъ находилъ что эта піеса исполнена необыкновенныхъ красотъ, но въ драматическомъ отношеніи слаба, и съ приговоромъ его не могутъ не согласиться даже тѣ которые ставятъ ее особенно высоко. Вредитъ ей преимущественно то обстоятельство что авторъ задается нравственною тенденціей, хотѣлъ выставить непреодолимую силу дѣйствительной чистоты и невинности въ борьбѣ съ порокомъ: отъ этого такъ мало у него дѣйствія и такъ много декламациі и хотя декламациа его дѣйствуетъ сильно на умъ и сердце, она не могла бы не утомить зрителя еслбы на ряду съ ней авторъ не внесъ въ піесу весьма привлекательный сказочный элементъ.

III.

Въ ту пору жизни Мильтона о которой мы говоримъ онъ такъ благоговѣлъ предъ великими памятниками завѣщанными эпохой Возрожденія что томился желаніемъ посѣтить страну въ которой эта эпоха оставила наиболѣе блестящіе слѣды. Въ апрѣлѣ 1638 года отправился онъ въ Италію. Для Англичанъ путешествія были въ то время, точно такъ же какъ и теперь, дѣломъ не только обыкновеннымъ, но даже необходимымъ. Молодой человѣкъ не считалъ своего образованія вполне законченнымъ до тѣхъ поръ пока не удавалось ему ознакомиться съ чужими странами. Бѣгомъ придавалъ этому

огромную важность и даже сочинилъ небольшой трактатъ, содержащій совѣты какъ нужно располагать временемъ для полезныхъ наблюдений. Цѣлью путешествія Мильтона, продолжавшагося около полтора года, была, какъ мы замѣтили сейчасъ, преимущественно Италия. Онъ остановился на весьма короткое время въ Парижѣ, гдѣ имѣлъ однако случай познакомиться со знаменитымъ Гуго Гроціемъ, и послѣдшилъ во Флоренцію. Несомнѣнно что пребываніе въ этомъ городѣ, точно такъ же какъ въ Римѣ и Неаполѣ, произвело на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Доказательства этого находятса во всѣхъ мелкихъ его стихотвореніяхъ, относящихся къ тому времени. Конечно, для Италіи начинался ужъ упадокъ: блестящій періодъ развитія литературы и искусства завершился,—Тассъ былъ послѣднимъ представителемъ прежняго славнаго направленія; клерикальная реакція тяготѣла надъ умами, но въ общественной жизни было еще много чрезвычайно привлекательнаго, много такого что должно было прельщать Англичанина своею оригинальностью. И въ Англіи были избранные кружки, для которыхъ искусство и литература представляли жизненный интересъ, въ средѣ коихъ шли одушевленные бесѣды о картинахъ Рубенса, о новой піесѣ Бель-Джонсона или элегіяхъ Брауна, но все это ограничивалось лишь самыми высшими слоями общества, было достояніемъ немногихъ. Совсѣмъ другое въ Италіи: въ такъ-называемыхъ ея академіяхъ, собиравшихся или въ тѣмныхъ садахъ или въ роскошныхъ залахъ какого-нибудь знатнаго мецената, Мильтонъ видѣлъ людей различнаго званія, связанныхъ лишь узами пламеннаго интереса ко всему что облагораживаетъ душу человѣка. Онъ восхищался непринужденностью господствовавшей въ этихъ многолюдныхъ собраніяхъ и тою пріятливостью которую встрѣчалъ въ нихъ посторонній человѣкъ принимавшій участіе въ ихъ занятіяхъ. Все это испыталъ онъ на себѣ. Въ самое короткое время удалось ему завязать здѣсь тѣсныя знакомства, о которыхъ долго сохранялись у него отрадные воспоминанія. Не мало поражала его также терпимость къ религіознымъ вѣрованіямъ которою отличалось италіанское общество. Вопреки поговоркѣ: „i pensieri stretti e il viso sciolto“, онъ не задумывался открыто касаться этого вопроса и, какъ говоритъ онъ самъ, „мои италіанскіе друзья относились къ свободѣ моихъ мнѣній съ крайнеюнисходительностью“. Правда, когда

онъ находится въ Неаполѣ, то ему не совѣтовали возвращаться чрезъ Римъ, ибо распространился слухъ что іезуиты замыслили тамъ противъ него что-то недоброе, но онъ не обратилъ вниманія на это предостереженіе. Онъ оставался въ Вѣчномъ Городѣ два мѣсяца не тревожимый никѣмъ. „Ни отъ кого не скрывалъ я своего имени,—читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ,—и точно также какъ прежде, отнюдь не стѣсняясь отстаивалъ я свою православную вѣру (orthodoxam religionem) въ столицѣ палы“. Быть-можетъ образъ дѣйствій Римскаго правительства объясняется въ этомъ случаѣ тѣмъ что оно не хотѣло посягнуть на цѣлостность, ибо если большинство образованной италянской публики было чуждо фанатизма, то нельзя сказать того же самаго о Римскомъ правительствѣ. Живою примѣрою былъ на глазахъ у всѣхъ. Недалеко отъ Флоренціи, въ одной изъ виллъ герцога Тосканскаго, влачилъ жалкое существованіе Галлаей, только что освободившійся изъ темницъ инквизиціи. Мильтонъ посѣтилъ достойнаго старца и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Образъ его такъ запечатлѣлся въ его памяти и такъ заинтересовалъ онъ было его ученіемъ что указанія на это встрѣчаются лотомъ неоднократно въ *Потерянномъ Райѣ*,—напримѣръ въ первой книгѣ, гдѣ поэтъ сравниваетъ щитъ Сатаны съ „лувою которую чрезъ олтическое стекло наблюдаетъ поздно ночью тосканскій астрономъ съ высоты Фіезоле или Вальдарно, съ цѣлю открыть на ней невѣдомыя земли, рѣки и горы“. Замѣчательно также начало восьмой главы, въ которой довольно ясно выражаются сомнѣнія относительно системы Птолемея.

Одинъ изъ нѣмецкихъ біографовъ Мильтона, Либертъ, сдѣлалъ остроумное замѣчаніе о пребываніи его въ Италиі. „Изъ его писемъ, а также изъ всѣхъ извѣстій о немъ, говорить онъ, видно что музыка производила на него несравненно болѣе сильное впечатлѣніе чѣмъ живопись и вааніе. Хоть онъ былъ достаточно Грекъ въ душѣ чтобы не цѣнить ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ слишкомъ протестантъ чтобы не понимать что новое язычество, столь ревностно поощряемое папами, имѣло, при всей своей привлекательности, также и опасную сторону. Когда не покидая еще Англіи писалъ онъ *Il Penseroso*, то жаждалъ насладиться красотами италянской скульптуры, но перевесшись въ Италию, онъ замѣтилъ что недосыгаемая прелесть ея можетъ служить ядомъ, способна породить въ цѣломъ народѣ извѣженность, чувствительность и

отвѣчь его отъ другихъ серьезныхъ задачъ жизни. Только музыку считалъ онъ настоящимъ искусствомъ христіанскаго міра; она, казалось ему, наиболѣе соответствовала потребностямъ души, стремящейся углубиться въ себя“. Дѣйствительно, вѣдая не удивляться что сообщая о своихъ впечатлѣніяхъ въ Италію, Мильтонъ вовсе не останавливается на статуяхъ и картинахъ; если нѣкоторые изъ его биографовъ утверждали будто страшный судъ Микаэль-Анджело въ Сикстинской капеллѣ и библейскія картины Рафаэля въ Ватиканѣ внушили ему мысль о *Потерянномъ Райѣ*, то это лишь догадки не основанныя ни на чемъ. Онъ не искалъ знакомства съ живописцами и скульпторами, напротивъ, охотно общался съ музыкантами и пѣвцами. Известно, между прочимъ, что сильное впечатлѣніе произвела на него Леонора Барона, которую встрѣчалъ онъ во дворцѣ кардинала Барберини; это была одна изъ превосходѣйшихъ глѣницъ того времени, возбуждавшая необычайный энтузіазмъ въ публикѣ. Каждый изъ мѣстныхъ поетовъ считалъ долгомъ прославлять ея дивный талантъ, и Мильтонъ посвятилъ ей три стихотворенія на латинскомъ языкѣ, отличающіяся такимъ восторженнымъ тономъ что многіе предполагаютъ будто имъ руководило въ этомъ случаѣ не одно только увлеченіе искусствомъ. Опять и это не болѣе какъ предположеніе. Вообще нужно замѣтить что распущенность нравовъ господствовавшая въ Италіи не обнаруживала никакого вліянія на Мильтона. Онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ и ему можно повѣрить.

„Призываю Бога во свидѣла, говоритъ онъ, что повсюду въ Италіи гдѣ многое считается дозволеннымъ, я оставался чистымъ и непорочнымъ; никогда не покидала меня мысль что еслибъ и могъ я избѣжать глазъ людей, то не удалось бы мнѣ укрыться отъ взора моего Создателя.“

Изъ друзей которыхъ приобрѣлъ Мильтонъ въ Италіи особенно слѣдуетъ упомянуть о Неаполитанцѣ маркизѣ Манзо. Это былъ человекъ горячо преданный литературѣ, писавшій очень много и имѣвшій счастье неразрывно связать свое имя съ именемъ Тасса. Удрученный духомъ великій поэтъ, котораго повсюду преслѣдовали болѣзненные призраки его фантазіи, нашелъ прибѣжище въ его домѣ. Манзо окружилъ его самую нѣжную заботливостью, до конца ухаживалъ за нимъ какъ за роднымъ братомъ и составилъ его біографію. Это свискало ему общія симпатіи, которыхъ онъ былъ вполнѣ

достопыль. Подъ подозрительнымъ окомъ Испанскаго правительства энергически содѣйствовалъ онъ процвѣтанію искусства и науки въ своемъ отечествѣ, принося для этого значительныя матеріальныя жертвы. Въ какой мѣрѣ цѣнилъ его Мильтонъ можно убѣдиться изъ обширнаго посланія которое онъ посвящалъ ему. Въ беседахъ съ нимъ Манно и другіе лучшіе представители италіанскаго общества горько сѣтовали на уладокъ своего отечества и выражали зависть что онъ рождается въ странѣ въ которой господствовала свобода мысли (in such a place of philosophic freedom, as they supposed England was). „Хоть я хорошо зналъ что именно въ это время Англія находилась подъ игомъ пролетовъ, говорить Мильтонъ, мнѣ было отрадно что иностранцы считали ее убѣжищемъ свободы, ибо это служило залогомъ ея будущаго благополучія.“

Время возвращенія Мильтона изъ заграничнаго путешествія было критическимъ для него временемъ. Силою и рѣшительно выступалъ онъ на такое поприще которое до тѣхъ поръ было ему совершенно чуждо. Мнѣ видѣнъ предъ собой только поэта, гуританяна по религиознымъ убѣжденіямъ, но не настолько чтобы гуританизмъ подавилъ въ немъ свѣтлыя взгляды на жизнь, воспитаннаго на великихъ образцахъ классической древности и эпохи Возрожденія и глубоко пропитаннаго ихъ духомъ. Искусство и наука, вотъ любимому та область на которой сосредоточилъ онъ свои силы. О политикѣ онъ не думаетъ вовсе или же крайней мѣрѣ очень мало. Въ то самое время когда въ его отечествѣ умы напряжены въ высшей степени и уже слышится гулъ приближающейся бури, онъ предпринимаетъ путешествіе на югъ чтобъ удовлетворить свою любезнательность и чувство изящнаго. Вернувшись на родину, онъ только и помышляетъ о цѣломъ рядѣ произведеній которыя, въ этомъ нѣтъ для него ни малѣйшаго сомнѣнія, должны обезсмертить его имя: на первомъ планѣ между ними обширная національная поэма изъ древней англійской исторіи, изъ романтической эпохи короля Артура, на подобіе великихъ поэмъ Гомера, Виргилія и Овидія; затѣмъ трагедія по образцу Софокла и Эврипида. Все это не должно было имѣть ничего общаго съ тѣмъ „жалкимъ ремесломъ“ которое порождается броженіемъ молодой крови или винными парами, въ которомъ улаживаются влюбленный дурачекъ или пресмыкающийся бледолицъ; то будетъ подвигъ

и нужно было достойнымъ совершить его; „нужно прибѣгать съ мольбой къ Вѣчному Духу чтобы онъ послалъ одного изъ своихъ серафимовъ который углемъ, раскаленнымъ на его жертвенникѣ, прикоснулся бы къ устамъ избранника“. Все это можетъ съ избыткомъ напомнить жизнь поэта и было бы легкомысленно ему обращать свои помыслы въ другую сторону. „При страшной смутѣ и брожени, господствовавшихъ въ государствѣ, говорятъ Мильтонъ, я только и думалъ о томъ, вернувшись въ Лондонъ, чтобы найти себѣ тихое пристанище, гдѣ могъ бы укрыться со своими книгами. Я нашелъ его и съ радостью предался любимымъ моимъ занятіямъ, предоставляя заботы о государственныхъ дѣлахъ тѣмъ которые облечены для того довѣріемъ народа“. Намѣренія поэта выражены, кажется, достаточно опредѣленно, а между тѣмъ проходитъ очень немного времени, какихъ-нибудь нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и Мильтонъ со страстью бросается въ борьбу, онъ весь поглощенъ ею, въ теченіе цѣлаго года гнѣтъ отонуть онъ въ первыхъ рядахъ своей партіи, нанесъ удары противникамъ, отражая ихъ нападки, проповѣдая ученія совершенно чуждыя ему до тѣхъ поръ, видоизмѣнившіяся постепенно, но мѣръ того какъ усилась его бурный потокъ. Поэзія почти забыта; лишь изрѣдка, въ часы досуга, беретъ онъ за перо. Слова и всецѣло отдается онъ ей уже лишь конецъ жизни, послѣ того какъ потерявъ зрѣніе, измученный невзгодами на политическомъ поприщѣ и семейными несчастіями, осужденъ онъ на тяжкое одиночество. Гений его не утратилъ силы, Мильтонъ создаетъ поэму, которая должна покрыть бессмертною славой его имя, но на каждой страницѣ ея видно что это уже не тотъ Мильтонъ какимъ обещалъ онъ быть въ молодости, что время ожесточенныхъ религіозныхъ и политическихъ распрей наложило неизгладимую печать на его міросозерцаніе.

IV.

Реформація въ Англіи отличалась особымъ характеромъ. Она относится къ тому времени когда въ этой странѣ, точно также какъ въ другихъ, королевская власть стремилась къ упроченію своего могущества, но въ Англіи стремленія эти имели въ религіозномъ переворотѣ встрѣтили твердую опору. Власть папы отменяема, но мѣсто римскаго

первосвященника занимаетъ король. Онъ глава церкви и духовенство находится въ полной отъ него зависимости. Органами его въ управленіи этою церковью служатъ епископы, которыхъ нѣтъ въ другихъ государствахъ, гдѣ утвердился протестантизмъ. Напротивъ, въ Англіи сохранили они свой прежній авторитетъ: имъ принадлежитъ право посвященія духовныхъ лицъ, право духовнаго суда, они пользуются значительными церковными доходами, имѣютъ участіе въ свѣтскомъ управленіи засѣдая въ верхней палатѣ парламента. Англиканская церковь не допускала никакаго уклона отъ своего ученія и на обязанности епископовъ лежало заботиться объ этомъ. Въ былое время они опирались на палу, теперь поддержкой для нихъ служитъ королевская власть. Все что способствовало къ ея возвышенію, отнѣчалъ и ихъ интересамъ, и такимъ образомъ между королею и высшимъ духовенствомъ устанавливается прочный союзъ. Епископы проповѣдуютъ теорію которая была какъ нельзя болѣе пригодна для стремленій къ абсолютизму одушевлявшихъ преемниковъ Генриха VIII. „Обороняй насъ мечомъ своимъ и мы будемъ тебѣ служить перомъ“, говоритъ одинъ изъ нихъ. „Безъ епископовъ нѣтъ короля“, такъво ихъ дозугъ, на который приверженцы абсолютной монархической власти охотно отвѣчаютъ другимъ: „безъ короля нѣтъ епископовъ“.

Старинному самоуправленію Англіи угрожала серьезная опасность. Зловѣщіе призывы борьбы, грозившей возбудить смуту въ государствѣ, проявлялись еще при Елизаветѣ, но необычайный тактъ этой королевы и обаяніе блестящихъ дѣлъ которыми ознаменовано было ея царствованіе отстраняли это бѣдствіе. Совсѣмъ другое когда на престолъ вступили Стюарты, почти чуждые націи и менѣе всего способные по своимъ возрѣніямъ и наклонностямъ отдалить столкновение. Вопросъ шелъ о томъ сохранить ли Англія свои вольности, лустившія столь глубокіе корни въ ея политическомъ устройствѣ, или погибнуть онѣ, какъ уже погибли во многихъ другихъ государствахъ Европы? „Не сядуетъ намъ забывать, говорилъ въ парламентѣ сэръ Робертъ Фелпсъ, что Англія единственная страна во всемъ христіанскомъ мірѣ, сохранившая еще до сихъ поръ свою вѣковую конституцію“. Конституція эта цѣла самоотверженныхъ защитниковъ, наполнявшихъ преимущественно палату общинъ, которая вслѣдствіе различныхъ причинъ приобретаетъ при

Тюдорахъ видное значеніе. Высшая аристократія была ослаблена во время войны Алой и Бѣлой розы и королевская власть пользовалась всякими средствами чтобы не дать ей опривиться отъ этого разгрома, но въ графствахъ и городахъ уже выступала на сцену многочисленный классъ *gentry*, не славившійся столь знатнымъ происхожденіемъ, не обладавшій такими громадными богатствами, но по своему патриотизму, образованію и дѣятельному участию въ общественныхъ дѣлахъ достойный быть господствующимъ классомъ въ полномъ значеніи этого слова.

Съ водареніемъ Карла I дѣла приняли такой оборотъ что съ года на годъ можно было ожидать катастрофы. Еще за долго прежде возникла многочисленная партія, негодовавшая что реформація совершена была лишь на половину. Зачѣмъ не послѣдовало полного разрыва съ католицизмомъ? Зачѣмъ въ ритуалѣ англиканской церкви уцѣлѣло многое изъ римскихъ обрядовъ? Зачѣмъ сохранена власть епископовъ не согласная съ духомъ истиннаго протестантизма? Если пуритане надѣялись что церковь будетъ очищена ото всего что наломивало о католицизмѣ и приблизится къ такому устройству которое господствовало напримѣръ въ Шотландіи, то при Карлѣ I надежды такого рода должны были лопнуть рожкомъ окончательно. Одинъ изъ главныхъ совѣтниковъ его, епископъ Кентерберійскій Лаудъ умотреблялъ всю непреодолимую свою энергію на то чтобы не допускаемо было ни малѣйшихъ измѣненій не только въ догматахъ господствовавшей церкви, но и въ томъ что не имѣло для нея существенной важности. Нигдѣ не долженствовало быть уклоненій; принципъ строгаго единства сѣдовало распространить безразлично на всѣ части королевства, на всѣхъ подданныхъ; Лаудъ стремился подчинить ему и Шотландію, и Ирландію. Онъ шелъ ко своей цѣли опираясь на содѣйствіе свѣтской власти и прибѣгая къ самымъ суровымъ мѣрамъ,—мѣрамъ такого рода что пуритане, которымъ непрерывно грозила опасность лишиться свободы, имущества, даже жизни, толпами переселялись за океанъ, въ страну гдѣ нечего было имъ страшиться, ни звѣздой камеры, ни верховной комиссіи. Враги Лауда подозрѣвали его въ томъ что онъ намѣревался возвратить Англію въ лоно католицизма, но обвиненія эти неосновательны: ни онъ, ни король отнюдь не пресѣдовали подобнаго плана, но несомнѣнно что

къ Римской церкви относились они иначе чѣмъ значительная часть націи. Пала не была для нихъ антихристомъ, и Римъ не считали они алокалитическимъ звѣремъ. Лаудъ, а вмѣстѣ съ нимъ и многіе другіе епископы держались того мнѣнія что между католическою и англійскою церквами различіе заключается не въ главномъ и существенномъ, а лишь въ томъ что имѣеть второстепенное значеніе. Они не думали о примиреніи съ Римомъ, но несомнѣнно что путь по которому сдѣловали они могъ привести къ примиренію. Именно это и приводило въ отчаяніе пуританъ, видѣвшихъ съ какою упорствомъ стремится Лаудъ подчинить всю націю исповѣданію которое не было католическимъ потому что отвергало папскую власть, но не было и вполнѣ протестантскимъ потому что угрожало подорвать главнѣйшія основы реформаціи.

Достигнуть этого можно было лишь въ тѣсномъ союзѣ со свѣтскою властью, а потому высшее духовенство съ увлеченіемъ и ревностью поощряло всѣ ея дѣйствія въ царствованіе Карла I, явно клонившіяся къ испроверженію стариннаго государственнаго строя. Король распустилъ парламентъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду не созывалъ его, устанавливалъ произвольно налоги, учреждалъ чрезвычайныя трибуналы, попиравшіе огражденныя закономъ права гражданъ, и каждая изъ этихъ мѣръ встрѣчала оправданіе со стороны епископовъ. Уевтвартъ, въ послѣдствіи графъ Страффордъ, первый министръ короля Карла, дѣйствовалъ въ тѣсномъ единодушіи съ Лаудомъ. Онъ громко заявлялъ о своей безграничной преданности господствующей церкви и о томъ что всѣ органы свѣтской и духовной власти обязаны дѣйствовать въ тѣсномъ союзѣ; средства къ которымъ прибѣгалъ онъ были тѣ же самыя какими сдѣлаался менавистенъ и архиеписколъ Кентерберійскій: оба эти совѣтника Карла I шли однимъ путемъ, къ одной и той же цѣли, должны были побѣдить или погибнуть вмѣстѣ. Если существовало между ними такое согласіе, то съ другой стороны и въ рядахъ оппозиціи установилось единство. Противники тѣхъ захватовъ къ которымъ прибѣгала королевская власть и противники господствовавшего церковнаго устройства, представителемъ коего былъ Лаудъ, сомкнулись въ одинъ рядъ. Пуританизмъ получилъ сильное преобладаніе въ парламентѣ. Въ первое время возгоравшейся борьбы онъ направлялъ свои удары главнѣйш

образомъ противъ епископовъ, но очевидно что удары эти должны были отразиться не на церковномъ только, но и на политическомъ строѣ вообще, ибо за епископами стоялъ король.

Таково было положеніе дѣлъ когда Мильтонъ выступилъ на сцену. Мы уже упоминали выше что родители предвзвѣщали его къ духовному званію, но онъ уклонился отъ него. Ему предстояло сдѣлать выборъ въ то самое время когда уже достаточно ясно обозначалась система Лауда, когда тяжкій гнетъ начиналъ уже тяготѣть надъ людьми подобно ему пуританскихъ убѣжденій и поватно что при такихъ обстоятельствахъ дѣятельность въ церковной сферѣ казалась ему несомнѣнною съ его совѣстью. Тѣмъ не менѣе онъ не считалъ себя призваннымъ возвышать свой голосъ въ вопросахъ поглощавшихъ вниманіе общества, но это не было продолжительно. Онъ отличался крайне, почти до болѣзненности впечатлительною натурой, вслѣдствіе чего раньше или позднѣе долженъ былъ неминуемо принять участіе въ борьбѣ, и вмѣшавшись въ нее не могъ, по складу своего характера и ума, не видѣть въ ней главное и чуть ли не единственное свое призваніе. Онъ былъ идеалистъ, но изъ такихъ которые требуютъ немедленнаго осуществленія своихъ идеаловъ. Взглядъ его не отличался шириной и потому какъ скоро замѣчалъ онъ себя дѣль, то шелъ къ ней не останавливаясь ни предъ чѣмъ, пренебрегая всякими препятствіями, отвергая съ негодованіемъ мысль о какихъ-нибудь уступкахъ или сдѣлкахъ. Вмѣстѣ съ логическою фантазіей онъ былъ одаренъ строго логическимъ умомъ, послѣдовательно переходилъ отъ одного вывода къ другому, не смущаясь никакими крайностями, и не ловилъ что условія общественной жизни, понятія, привычки и нравы людей не поддаются силлогизмамъ: этимъ объясняется что у противниковъ своихъ никогда не хотѣлъ онъ признать чистыхъ побужденій, что все они были въ его глазахъ идолопоклонниками, прелюбодѣями и жрецами мамоны. Нѣтъ ничего удивительнаго что человекъ вносившій въ борьбу столько глубокой искренности, таланта, обширныхъ знаній и страстнаго одушевленія какъ Мильтонъ, долженъ былъ занять въ ней одно изъ видныхъ мѣстъ и былъ важнымъ приобретеніемъ для партіи которой онъ рѣшился служить своимъ перомъ.

Какъ скоро Карлъ I вынужденъ былъ созвать парламентъ который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ *Долгаго*

парламента, то событія развиваются съ поражающею быстро-
той. Страффордъ арестованъ и такая же участь постига
Лауда; нѣкоторые изъ другихъ совѣтниковъ короля вынужде-
ны спасаться бѣгствомъ; отменены установленные имъ
налоги и чрезвычайная судная коммиссія, приняты мѣ-
ры для огражденія правъ народнаго представительства.
Вопросъ церковный былъ такъ тѣсно связанъ съ вопро-
сомъ политическимъ что тотчасъ же выступилъ на пер-
вый планъ. Началось сильное движеніе противъ епископ-
ской власти: одни хотѣли сохранить за нею прежнее ея по-
ложеніе, но это было лишь меньшинство, и притомъ мень-
шинство приверженное, которому послѣднія событія нанесли
тяжкій ударъ; другіе требовали чтобъ епископская власть бы-
ла сохранена, но подверглась бы важнымъ преобразованіямъ,
а именно чтобъ епископы не принимали участія въ свѣтскихъ
дѣлахъ, были бы удалены изъ парламента, чтобъ ограничено
было принадлежавшее имъ право духовнаго суда, уменьшены
ихъ доходы и т. п. Но въ то время о которомъ мы гово-
римъ гораздо болѣе сильнымъ вліаніемъ пользовалась пар-
тія настаивавшая на необходимости коренныхъ преобразова-
ній въ церкви, стремившаяся устроить ее на началахъ шот-
ландскаго пресвитеріанства, довести до конца дѣло реформа-
ціи предпринятой въ XVI вѣкѣ. Къ рядамъ этой партіи при-
надлежалъ и Мильтонъ. Съ ея точки зрѣнія епископамъ не
должествовало быть мѣста въ новой церковной организаціи.
Это радикальное воззрѣніе встрѣчало однако не мало про-
тивниковъ, и самымъ ученымъ и краснорѣчивымъ между ни-
ми былъ епископъ Голлъ. Онъ славился какъ поэтъ и какъ
прозаикъ. Значительный успѣхъ имѣли его сатеры, написан-
ныя въ подражаніе древнимъ и дѣйствительно отличавшіяся
не маловажными достоинствами по изяществу и энергіи язы-
ка; столь же удачны были его полемическія сочиненія по
разнымъ животрепещущимъ вопросамъ того времени. По-
клонники Голла называли его не иначе какъ англійскимъ
Персіемъ и Сенекой. Онъ рѣшился выступить на защиту
епископскаго сана, и въ обширной брошюрѣ, съ замѣчатель-
ною силой и знаніемъ дѣла, доказывалъ его священное про-
исхожденіе. Polemica привава въ вышей степени страстнымъ
характеръ. Безпрерывно появлялись возраженія Голлу, и меж-
ду ними приверженцы пресвитеріанства особенно горди-
лись однимъ, издаваемымъ подъ стариннымъ псевдонимомъ

„Smeetyhuus.“ Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ что псевдонимъ этотъ составился изъ буквъ которыми начинались имена и фамилиа авторовъ упомянутого памфлета: Stephen Marshall, Edmund Calamy, Thomas Young, Mathew Newcomen, W (U. U.) illiam Spurstow.

Между этими лицами мы видимъ одно находившееся въ очень близкихъ сношеніяхъ съ Мильтономъ. То былъ Томасъ Йомъ, прежній его учитель, вынужденный одно время, вслѣдствіе релігіозныхъ своихъ убѣжденій, скрыться за границу, но потомъ возвратившійся оттуда и занимавшій должность викарія въ Стоумаркетъ. Воспитанникъ не переставалъ читать самую живую привязанность ко своему наставнику, и все заставляетъ полагать что главнымъ образомъ подъ его вліяніемъ ополчился онъ на защиту идей пуританизма. Съ этого времени, въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ сряду, не переставалъ онъ съ перомъ въ рукахъ вращаться въ сферѣ церковныхъ и политическихъ вопросовъ, все болѣе и болѣе оставая позади себя друзей съ которыми вначалѣ связывало его полное согласіе убѣжденій.

Церковная реформа вызвала съ его стороны не менѣе лата брошюръ. Только подъ двумя послѣдними изъ нихъ онъ выставилъ свое имя,—выставилъ его потому что любопытство публики было въ высшей степени возбуждено неизвѣстнымъ авторомъ. Мильтонъ и приверженцы Голаа (самъ епископъ въ то время какъ происходила эта полемика находился уже въ темницѣ) наносили другъ другу удары несколько не заботясь о приличіи, обмѣниваясь позорными обвиненіями. Если съ одной стороны говорилось будто Мильтонъ былъ выгнанъ въ молодости изъ Кембриджскаго университета и „пріютился въ какой-то лондонской клоакѣ которая страдала неизвѣстно отъ чего болѣе, отъ его присутствія или отъ заразы“, то Мильтонъ слѣдилъ отвѣчать на это что „трудно рѣшить куда направлялъ Голаа свои утреннія прогулки, но всякій желавшій видѣть его послѣ обѣда могъ навѣрное найти этого почтеннаго прелата въ театрѣ или публичномъ домѣ“. Недостойныя выходки такого рода разсылаемы щедрою рукой въ памфлетахъ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ, но если тогдашняя публика не очень смущалась ими, то не могла она не замѣтить что Мильтонъ обладалъ такою манерой писать какою не могъ похвалиться ни одинъ изъ современныхъ ему авторовъ; многія страницы отащались у него недосыгаемымъ изяществомъ, обширная

его ученость была чужда того сухаго ледантизма котораго не умѣли избѣжать ни Голль, ни пасторы скрывавшіеся подъ псевдонимомъ *Smectymnus*; неподдѣльный лаосъ его дѣйствовалъ такъ же сильно какъ и язвительная теорія. Что касается его воззрѣній, то менѣе всего можно было ожидать отъ него безпристрастнаго отношенія къ вопросамъ волновавшимъ общество; онъ былъ вполне проникнутъ духомъ извѣстной партіи; ему было недоступно то консервативное направленіе въ характерѣ англійской націи которое побуждало ее не разрывать по возможности связи съ церковнымъ преданіемъ, сохранить по крайней мѣрѣ во вѣншности многое изъ того что составляло принадлежность католической церкви; онъ не задумывается высказывать что не слѣдуетъ воздвигать великолѣпные храмы, заботиться объ украшеніи алтарей, ибо это убыточно для казны, и что гораздо производительнѣе тратить деньги на учрежденіе школъ. Епископы преслѣдовали людей раздѣлявшихъ его образъ мыслей,—нужно слѣдовательно низложить епископовъ. Епископы были виновны въ томъ что „вопреки нашей Magna Charta, въ поруганіе нашихъ предковъ, которые съ невѣроятнымъ геройствомъ вырвали у норманскихъ разбойниковъ законы обезмечивающіе наши права, они старались испровергнуть эти права“,—этого достаточно чтобы стремиться къ отиѣнѣ епископскаго сана, къ радикальному преобразованію церковной іерархіи! Церковь должна быть устроена на демократическихъ началахъ, совершенно такъ какъ у пресвитеріанъ, и королевской власти нечего страшиться этого, напротивъ, она сдѣлается еще сильнѣе! Все это такъ ясно Мильтону что онъ даже не постигаетъ какъ можно возражать противъ столь очевидной истины. Увы, вскорѣ онъ самъ явился непримиримымъ ея противникомъ! Дѣло въ томъ что если въ первыхъ своихъ брошюрахъ, о которыхъ уломицали мы сейчасъ, выступаетъ онъ ревностнымъ пресвитеріанцемъ и отнюдь не врагомъ монархіи, то не долго суждено было ему оставаться на этой точкѣ зрѣнія.

V.

Прошло не болѣе года послѣ того какъ издалъ Мильтонъ послѣднюю свою брошюру о церковномъ вопросѣ и уже появилось новое его произведеніе которое смутило даже лучшихъ его друзей. Въ означенный здѣсь краткій промежутокъ

времени произошло важное событіе въ его жизни; онъ вступилъ въ бракъ съ Маріей Поуэллъ, дочерью одного изъ мировыхъ судей въ Оксфордширѣ. Семейство это давно уже находилось въ сношеніяхъ съ Мильтонами: старикъ Ричардъ Поуэллъ, имѣвшій достаточное хоть и не очень значительное состояніе, старался улучшить его различными предпріятіями, для которыхъ прибѣгалъ къ займамъ и въ числѣ его заимодавцевъ находился отецъ знаменитаго писателя. Джону Мильтону вѣрѣдко приходилось бывать у него по денежнымъ дѣламъ и при этихъ посѣщеніяхъ онъ сблизился съ его дочерью, хотя вѣроятно не настолько чтобы хорошо узнать ея характеръ. Она была еще очень молода; ей только что минуло семнадцать лѣтъ; бракъ его съ нею представлялся далеко неудачнымъ во многихъ отношеніяхъ, во первыхъ, потому что Мильтонъ былъ вдвое старше ея годами, во вторыхъ, по той причинѣ что все ея семейство извѣстно было своими строго монархическими убѣжденіями и преданностью господствующей церкви, но главное зло заключалось въ несходствѣ ихъ наклонностей и привычекъ. Марія Поуэллъ только что начинала жить и смотрѣла на жизнь легко, жаждала развлеченій, любила посѣщать общество; онъ, напротивъ, былъ погруженъ въ свои кабинетныя занятія и тяготился всѣмъ что могло его отвлекать отъ нихъ. случилось то чего слѣдовало ожидать: черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, молодой женщиной наскучило однообразіе и одиночество, на которыя осудилъ ея мужъ, и у нея явилось непреодолимое желаніе посѣтить своихъ родныхъ; Мильтонъ согласился, но подѣ условіемъ чтобы она вернулась непремѣнно въ назначенный имъ срокъ. „Когда срокъ этотъ наступилъ, а о возвращеніи ея не было и слуху, разкисываетъ лакеянникъ его Филлипсъ, дада рѣшился напомнить ей о себѣ письмомъ; отвѣта не было, онъ написалъ еще разъ и столь же безуспѣшно. Тогда онъ отправилъ къ ней нарочнаго, который не только не привезъ ему никакого утѣшительнаго извѣстія, но разказывалъ даже что его выпроводили изъ Форетгала (помѣстье Поуэлла) довольно презрительнымъ образомъ“. Мильтонъ былъ въ высшей степени раздраженъ поступкомъ жены и принялъ намѣреніе никогда уже не принимать ея подѣ свой кровъ; „онъ старался, продолжаетъ Филлипсъ, утвердиться въ этомъ различными аргументами, и плодомъ его размышленій былъ извѣстный его трактатъ, въ которомъ онъ доказывалъ

что ни священное писаніе, ни разумъ отнюдь не понуждаютъ мужа и жену быть прикованными другъ ко другу въ теченіе всей жизни, если они не сходятся характерами“. Мать Маріи Поуэлл во всемъ обвиняла Мильтона, жаловалась на его „желчный и угрюмый темпераментъ“; если вѣрить ей, то не жена покинула его, а онъ заставлялъ ее удалиться изъ своего дома. Филиппъ, какъ мы видали сейчасъ, представляетъ дѣло въ другомъ видѣ и можно было бы положить на его показаніе, такъ какъ онъ былъ менѣе заинтересованною стороною, но есть одно обстоятельство заставляющее думать что быть-можетъ виновникомъ разрыва былъ дѣйствительно Мильтонъ. Сохранился экземпляръ уломавутаго выше трактата его о разводѣ, съ пометкой его что трактатъ этотъ былъ написанъ въ августѣ 1643 года, то-есть въ то время когда Марія Поуэлл еще не увѣжала къ роднымъ. Что можетъ быть печальнѣе этого: человекъ только-что женился и употребляетъ медовый мѣсяцъ на то чтобы доказывать необходимость и законность расторженія супружескихъ узъ! Если Мильтонъ былъ до такой степени поглощенъ этими мыслями и готовился выступить съ ними предъ публикой, то вѣтъ ничего удивительнаго что онъ самъ заявилъ женѣ о невозможности для нихъ жить вмѣстѣ.

Исторія его семейнаго несчастья не обратила бы конечно на себя вниманіе, но его трактатъ, или вѣрнѣе сказать, цѣлый рядъ трактатовъ, въ которыхъ онъ отстаивалъ право развода, произвели сильное и далеко не выгодное для него впечатлѣніе. Не трудно было убѣдиться что имъ руководило личное чувство. „Когда человекъ, говоритъ онъ, провелъ непорочно свою молодость, литая надежды что въ счастливомъ бракѣ удастся ему вкусить житейскія радости, и съ ужасомъ замѣчаетъ что женщина избравшая имъ рѣшительно не въ состояніи быть его подругой, то можно было бы усомниться въ благодати Провидѣнія и въ добродѣтели еслибы не представлялось ему никакой возможности разорвать эти цѣли... Самый провицательный изъ людей способенъ ошибиться; самый честный и искренній изъ нихъ наименѣе опытенъ въ выборѣ такого рода, ибо кому неизвѣстно что цѣломудріе и скромность дѣвушки служатъ мерѣдко вѣншимъ покровомъ такихъ свойствъ которыя дѣлаютъ невозможнымъ искреннее сердечное общеніе съ нею.“ Подобныя замѣчанія, обильно разсѣяныя въ брошюрахъ Мильтона, доказываютъ что

онъ имѣлъ въ виду собственный опытъ. Пылакое воображеніе рисуетъ ему картину какимъ источникомъ несчастій можетъ служить для людей такое же событіе какое омрачило его жизнь, и онъ ополчается противъ зла одною изъ тѣхъ радикальныхъ мѣръ предъ которыми никогда не останавливался его умъ. Бракъ неудаченъ, следовательно нужно расторгнуть его. Для этого достаточно лишь заявленія о несходствѣ характеровъ. Люди не хотятъ жить вмѣстѣ, зачѣмъ же насильственно поддерживать соединяющія ихъ узы. Мильтону какъ будто не приходитъ мысль о томъ что изъ брака вытекаютъ многосложныя гражданскія отношенія, что имъ условливается судьба дѣтей, на все это нѣтъ даже намекъ въ его трактатахъ. Соображенія такого рода никогда не затрудняли его, т.-е. онъ просто-на-просто обходилъ ихъ презрительнымъ молчаніемъ. Нѣтъ ничего выше гражданской свободы, говоритъ онъ, а можетъ ли человѣкъ считать себя свободнымъ если онъ порабощенъ въ семейной своей жизни, если онъ опутанъ въ ней ненавистными сѣтями: вотъ главный его аргументъ предъ которымъ, какъ кажется ему, должны умолкнуть всякія возраженія. Онъ требуетъ чтобы парламентъ не колеблясь сталъ на его точку зрѣнія, ибо только въ такомъ случаѣ удастся ему утвердить въ странѣ истинную свободу, и если въ былое время англійскіе короли именовались „защитниками вѣры“, то онъ пріобрѣтетъ право на гораздо болѣе лестный титулъ „защитника человѣческой любви“. Въ трактатахъ Мильтона весьма ясно выражается, между прочимъ, взглядъ его на женщину. Онъ говоритъ положительно что правомъ развода долженъ пользоваться мужъ, а не жена, и это потому что между ними не существуетъ равноправности: развѣ женщина не создана была исключительно для мужчины чтобы быть ему подругой? Развѣ не она была виновницей первобытнаго грѣха повлекшаго за собою изгнаніе изъ рая, развѣ не обнаружилась духовная ея немощь въ томъ преступномъ легкомысліи съ которымъ поддавалась она искушенію врага человѣческаго рода и развѣ поэтому самому можетъ быть она поставлена на ряду со своимъ слуганкомъ? Конечно, „мужъ не долженъ обращаться съ нею какъ съ рабыней; напротивъ, онъ обязанъ и ей уделять часть, только нѣкоторую часть господства, дарованнаго ему Богомъ. Ему слѣдуетъ гордиться тѣмъ что столь подобное ему существо находится въ зависимости отъ него.

„Никакой человѣкъ, говоритъ Мильтонъ, неспособенъ поддерживать напряженіе своего духа въ занятіяхъ наукой, благочестивыми или какими-нибудь другими дѣлами, не давая отдохнуть своему мышленію и своимъ мускуламъ. Мы не способны на непрерывную работу; намъ необходимо сладостное усложненіе, подобно тому какъ юноша проводитъ вакантное отъ школьныхъ занятій время въ играхъ и прогулкахъ; но настоящій отдыхъ немислимъ безъ общества, а какое общество можетъ быть для насъ пріятнѣе какъ не общество другаго пола, который при всемъ существенномъ различіи имѣеть однако съ нами и много сходнаго?“. Словомъ, женщина, „эта обольстительная ошибка природы“, какъ выражался Мильтонъ, создана лишь для того чтобъ услаждать жизнь мужчины, и если она не только не услаждаетъ, но напротивъ отравляетъ жизнь, то можетъ быть отвергнута даже вопреки своему желанію, безо всякихъ другихъ поводовъ допускаемыхъ каноническимъ правомъ. Предположимъ, говоритъ Мильтонъ, что она противится разводу, но неужели сѣдуютъ останавливаться предъ этимъ? Что-нибудь одно изъ двухъ: или разводъ заслуженъ ею, въ такомъ случаѣ нечего смущаться ея противодѣйствіемъ, а если онъ незаслуженъ, если она не подала къ нему повода, то какое же счастье для нея принадлежать мужу который такъ мало ее цѣнитъ что не хочетъ жить съ нею вмѣстѣ? Очевидно что доказывая свою мысль Мильтонъ не отступалъ предъ весьма жалкими софизмами.

Онъ не хотѣлъ понять что та „свобода семейной жизни“ которую такъ дорожилъ онъ была равносильна совершенному уничтоженію семьи. Трактаты его произвели чрезвычайно неблагоприятное для него впечатлѣніе, но онъ объяснял это тѣмъ что противники его не хотѣли стать на настоящую точку зрѣнія, т. е., другими словами, не руководились исключительно Библіей, Моисеевымъ Второзаконіемъ, которое онъ толковалъ сообразно своимъ цѣлямъ. Христіанское каноническое право по вопросу о бракѣ не имѣло почти никакой цѣны въ его глазахъ, и онъ превозносилъ до небесъ короля Генриха VIII, „имѣвшаго мужество не подчиниться толкованіямъ римскихъ богослововъ“. Именно потому, утверждалъ онъ, реформація въ Англіи и благословлена была услѣхомъ что поводомъ къ ней послужилъ вопросъ о разводѣ. Впрочемъ, каковы бы ни были воззрѣнія общества, самъ

Мильтонъ хотѣлъ руководиться только собственнымъ убѣжденіемъ; если законъ былъ противъ него, то онъ намѣревался дѣйствовать такъ какъ будто закона не существовало; по словамъ его племянника онъ уже готовъ былъ вступить въ другой бракъ, хотя трудно догадаться какимъ образомъ надѣялся онъ согласовать его съ церковными и гражданскими постановленіями. Ничего подобнаго однако не случилось, а случилось то чего нельзя было ожидать. Черезъ два года послѣ разлуки съ женой онъ снова сошелся съ нею: позаботилса объ этомъ одинъ изъ его друзей, нѣкто Блэкборо, посѣтивъ котораго Мильтонъ неожиданно встрѣтилъ Марію Поуваль. Сначала онъ не хотѣлъ и слышать о примиреніи, но не могъ устоять предъ ея слезами и отчаяніемъ: съ этого времени, цѣлыхъ семь лѣтъ, до самой ея смерти, онъ жилъ съ нею неразлучно и имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей: поразительное доказательство какъ были несостоятельны его теоріи, будто бы обнаружившагося несходства характеровъ достаточно для порванія брачныхъ узъ. Никакими раздорами не омрачена была семейная его жизнь, хоть и не доставляла ему того идеальнаго счастья о которомъ онъ мечталъ. Тѣмъ не мене Мильтонъ не переставалъ отстаивать свое ученіе о разводѣ, ибо зашелъ уже слишкомъ далеко; брошюры его объ этомъ вопросѣ создали ему множество враговъ и не такова была его натура чтобы согласился онъ сложить оружіе въ вызванной имъ самой борьбѣ. Напротивъ, возраженія только раздражали его и подъ вліяніемъ ихъ совершался мало-по-малу рѣзкій переворотъ не только въ религіозныхъ, но и въ политическихъ его убѣжденіяхъ.

VI.

Англія была охвачена междуусобною войной. Вся страна распалась на два враждебные лагеря, во главѣ которыхъ стояли король и парламентъ. Повсюду гдѣ пуританизмъ торжествовалъ побѣду, онъ направлялъ беспощадные удары противъ англиканской церкви: вся организація ея была разрушена, отнята власть епископовъ, воздвигнуто гоненіе противъ церковныхъ украшеній, органовъ и другихъ остатковъ католицизма. Въ этомъ отношеніи побѣдители были вполне согласны между собою, но другое дѣло когда заходила рѣчь

о томъ что оставить на мѣсто испровергаемаго церковнаго устройства: тутъ съ самаго начала возникли пререканія, которыя только усиливались съ теченіемъ времени. Въ 1643 году парламентъ учредилъ синодъ, на обязанности коего лежало разрѣшить этотъ важный вопросъ. Но какъ нельзя сказать чтобъ онъ пользовался самостоятельностью: парламентъ указывалъ что имѣеть право засѣдать въ немъ, самъ назначалъ предсѣдателя этого собранія, не дозволяя обнародовать безъ своего огласія отчеты объ его преніяхъ, постановилъ что безъ его санкціи ни одно изъ рѣшеній синода не можетъ имѣть обязательной силы, словомъ, держалъ его въ полномъ подчиненіи себѣ. Если въ прежнее время враги англиканской церкви обвиняли ее въ раболѣпнн предъ свѣтскою властью, то не трудно было замѣтить что съ этой стороны и въ положеніи новой церкви не произойдетъ ни малѣйшей перемѣны. Напротивъ, Лаудъ и его сподвижники могли гордиться своею независимостью въ сравненіи съ членами синода, который былъ не болѣе какъ послушнымъ орудіемъ парламента.

Въ средѣ его значительное большинство принадлежало къ пресвитеріанамъ. Ревностно заботились они о томъ чтобы въ Англіи водворено было то же самое церковное устройство которое господствовало въ Шотландіи. Пресвитеріанизмъ, строго державшійся принциповъ Кальвина, отличавшійся въ своей организаціи демократическимъ характеромъ, столь же мало какъ англиканская церковь допускалъ какое бы то ни было уклоненіе отъ своего вѣрученія. И онъ стремился сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ, требуя отъ свѣтской власти чтобъ она оказывала энергическое содѣйствіе духовенству для борьбы съ ересями. Полное единообразіе, conformity, которое постоянно имѣлъ въ виду Лаудъ, было и его лозунгомъ. Обстоятельства сложились для него особенно благопріятно по той причинѣ что не говоря уже о многочисленности его приверженцевъ въ Англіи, парламентъ долженъ былъ дѣлать ему важныя уступки чтобы не отстранить отъ себя Шотландію, помощь которой была ему столь необходима въ борьбѣ съ кородемъ. Въ 1643 году заключенъ былъ съ этою страной тѣсный союзъ, отличавшійся столь же политическимъ сколько и религіознымъ характеромъ (такъ называемый *Liga and Covenant*),—союзъ, цѣлью коего было не покидать оружія до тѣхъ поръ пока не совершится на

одинаковыхъ началахъ преобразование церкви во всемъ Соединенномъ Королевствѣ, причемъ церковь шотландская должна была служить образцомъ. Каждый гражданинъ свыше восемнадцатилѣтняго возраста обязанъ былъ заявить о томъ что пребудетъ вѣрнымъ постановленіямъ выраженнымъ въ этомъ документѣ; тѣ кто отвѣчали отказомъ причислялись къ злонамѣреннымъ (malignants) и могли ожидать самыхъ дурныхъ для себя послѣдствій. Замѣтимъ мимоходомъ что Миллтоуъ присоединилъ свою подпись къ означенному документу, — обстоятельство отнюдь не страшное, ибо, какъ уже замѣчено нами выше, въ это время всѣ его симпатіи склонялись къ пресвитеріанизму. Такимъ образомъ, пресвитеріанизмъ имѣлъ повидимому право рассчитывать на то что въ непродолжительномъ времени удастся ему утвердить свое господство и въ Англіи, и въ Ирландіи, но уже выступила противъ него опасная противникъ. То была секта извѣстная подъ названіемъ индепендентовъ. Она имѣла и въ синагодѣ своихъ представителей, правда немногочисленныхъ, всего лишь лять человекъ, но производившихъ сильное впечатлѣніе своимъ крайнимъ фанатизмомъ и замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Индепенденты доводили до послѣдней крайности принципы кальвинизма; они не мирились съ помятѣмъ о государственной церкви, которая ото всѣхъ требовала бы подчиненія своему авторитету; они отстаивали свободныя независимыя (independent) общины, изъ коихъ каждая была бы особою церковью и которая безо всякаго вѣшняго принужденія, а лишь по доброй волѣ поддерживала бы связь между собой. Въ средѣ общинъ и конгрегацій не было мѣста духовенству: всякій, подъ наитіемъ религиознаго одушевленія, могъ проповѣдывать слово Божіе, толковать Библію и Евангеліе. Индепенденты не домогались того чтобы навязать свое ученіе людямъ которые не хотѣли присоединиться къ нему, но они требовали полной свободы для себя, они не допускали и мысли о томъ чтобы церковь, даже пресвитеріанская, распространяла и на нихъ свой авторитетъ. Они не имѣли ничего противъ того чтобы государство по своимъ соображеніямъ создало для той или другой церкви привилегированное положеніе, оказывало ей содѣйствіе для огражденія ея догматовъ и обрядовъ, заботилось о матеріальномъ обезпеченіи ея служителей, но они требовали чтобы на ряду съ этимъ признаваемымъ національнымъ культомъ обезпечена

была безусловная терпимость другимъ исповѣданіямъ. По-пятна важность поставленнаго такимъ образомъ вопроса: пресвитеріане особенно дорожили принципомъ церковнаго единства, но принципъ этотъ былъ бы подорванъ въ самыхъ своихъ основахъ еслибы восторжествовало то къ чему стремились индепенденты и въ чемъ конечно желая было бы отказать и послѣдователямъ другихъ релігіозныхъ толковъ.

По видимому не представлялось трудности лобороть индепендентовъ. Парламентъ былъ противъ нихъ; въ синодѣ громадное большинство отказывалось отъ малѣйшей уступки въ ихъ пользу; непрерывно принимаемы были суровыя мѣры чтобы заглушить ихъ голосъ,—парламентъ приказывалъ сожигать рукой палачей ихъ книги, и пресвитеріанскіе проповѣдники приписывали требованія съ которыми выступали они наважденію дьявола. Между многочисленными ихъ противниками никто не отличался такою запальчивостью какъ друзья Мильтона, которыхъ по усвоенному ими коллективному псевдониму называли обыкновенно „сметиміанами“. Они выступили съ цѣлымъ рядомъ брошюръ, съ одной стороны копья бросалась впрочемъ въ глаза при сравненіи ихъ съ тѣмъ что они писали прежде. „Развѣ, отвѣчали имъ индепенденты, тѣ самые доводы которыми вы старались поразить епископальную церковь не примѣняются вполнѣ къ пресвитеріанизму? Развѣ не выступаетъ онъ съ точно такими же притязаніями? Васъ клеймили тогда прозвищемъ еретиковъ, но слѣдуетъ ли намъ смущаться если теперь, занявъ выгодную позицію, вы въ свою очередь считаете еретиками людей нашего образа мыслей?“ Все показываетъ однако что индепендизму не удалось бы выиграть свое дѣло ни въ парламентѣ, ни въ синодѣ, но вдругъ онъ встрѣтилъ олоду тамъ гдѣ еще не задолго предъ тѣмъ никто не могъ предполагать ничего подобнаго. Въ рядахъ парламентской арміи распространились самыя крайнія пуританскія ученія и вскорѣ нашелся полководецъ довѣвшій какую громадную пользу можно извлечь изъ этой силы, давъ ей надлежащее направленіе. То былъ Кромвель. Будущій диктаторъ, какъ видно изъ извѣстнаго разговора его съ Гамденемъ, убѣдился что успѣхами своими королевское войско обязано было аристократіи гордившейся своимъ происхожденіемъ, проникнутой увасѣдованными ею отъ предковъ чувствомъ долга и съ которою, по его выраженію, не въ состояніи была бороться „лапочники,

трактирщики и всякій подобный сбродъ". Противопоставить ей нужно было другой элементъ, людей „носившихъ въ своемъ сердцѣ страхъ Божій“, готовыхъ безпрепятственно идти въ бой за одушевлявшую ихъ идею, твердо убѣжденныхъ что ими руководить персть Всевышняго для того чтобы водворить на землѣ новый порядокъ вещей. Словомъ, феодальная честь могла быть сокрушена только религиознымъ фанатизмомъ, а гдѣ же этотъ фанатизмъ былъ искреннѣе и сильнѣе какъ не въ рядахъ индепендентовъ? Къ нимъ-то обратился Кромвель, и битва при Марстонъ-Мурѣ, въ которой главнымъ образомъ его отрядъ вырвался, можно сказать, побѣду изъ рукъ одолевшаго непріятеля, не замедлила обнаружить поразительную вѣрность его предположеній. Съ этого времени становилось все болѣе очевиднымъ что если суждено восторжествовать врагамъ Карла I, то они обязаны будутъ этимъ энергіи сектантовъ составлявшихъ лишь незначительное меньшинство среди англійской націи. Послѣдствія этого были чрезвычайно важны въ отношеніи не только религіозномъ, ибо нечего было и думать пресвитеріанамъ объ установленіи строгаго церковнаго единства, но и въ политическомъ: пресвитеріане были бы не прочь отъ соглашенія съ королемъ есаибъ оны подчинялся ихъ условіямъ, главнѣйшимъ изъ которыхъ выставляли они призваніе ихъ церкви господствующею въ государствѣ, но именно притязанія такого рода были въ высшей степени неаппетитны индепендентамъ и нѣтъ ничего удивительнаго что война немилосердая, война должествовавшая привести страну къ радикальному перевороту, казалась имъ единственнымъ средствомъ покончить со всеми затрудненіями.

Событія о которыхъ мы говоримъ интересны для насъ преимущественно съ той точки зрѣнія какое положеніе занимала среди ихъ Мильтонъ. Зная его симпатіи къ пресвитеріанизму можно было бы ожидать что оны станетъ на сторонѣ тѣхъ которые отворачивались съ ужасомъ отъ Кромвеля и его изстулленныхъ приверженцевъ. Вѣроятно такъ и было бы есаобы не несчастная полемика возбужденная его ученіемъ о разводѣ. Вліятельнѣйшіе изъ пресвитеріанъ были, какъ и слѣдовало ожидать, въ высшей степени возмущены его доктриной; со всѣхъ сторонъ раздавался вопль что Мильтонъ стремится основать новую секту такъ-называемыхъ „Divorcees“, секту неаппетитную, ибо „она считаетъ законнымъ по

самымъ ничтожнымъ поводомъ разрывать супружескія узы“; памфлеты противъ Мильтона появились одинъ за другимъ; на дубочныхъ картинкахъ изображали какъ онъ лаской выгоняетъ жену изъ своего дома; соблазнамъ былъ тѣмъ сильнѣе что дѣйствительно имѣлось не мало такихъ которые послѣдствовали увонуть себя его принципы. Вопросъ былъ такъ важенъ что даже смеетиміане, связаннае съ нимъ узамъ тѣсною дружбы, сочли долгомъ публично выразить ему рѣзкое порицаніе. Но Мильтонъ не отступалъ. Чѣмъ болѣе хотѣлось его противникамъ чтобъ онъ хранилъ молчаніе, тѣмъ настойчивѣе проповѣдывалъ онъ свои осласныя идеи, не только не стараясь смягчить ихъ, но доводя ихъ до чудовищныхъ крайностей. Въ самодѣ Гербертъ Пальмеръ, директоръ Кембриджскаго Queen's College выступилъ съ формальнымъ противъ него обвиненіемъ по поводу того что онъ печаталъ свои брошюры безъ разрѣшенія цензуры, и тотчасъ же было постановлено принять противъ этого мѣры, тогда Мильтонъ написалъ свои знаменитыя *Areopagitica*, единственный изъ всѣхъ его трактатовъ который никогда не утратитъ значенія, который не переставали читать долго послѣ того какъ другія его брошюры были преданы забвенію, главнымъ образомъ потому что затронуть тутъ вопросъ представляющій интересъ не для его только времени. *Areopagitica* и понынѣ пользуются огромною популярностью въ Англіи: справедливо замѣтилъ Рамке что въ англійской литературѣ принадлежить имъ такое же видное мѣсто какое во французской занимаютъ *Lettres provinciales* Паскаля. Наканунѣ революціи 1789 года Мирабо перевелъ ихъ и предложилъ въ руководство своимъ соотечественникамъ. Въ трактатѣ о которомъ мы говоримъ Мильтонъ изложилъ всѣ аргументы противъ стѣсненій печатнаго слова; онъ требуетъ для него полной безграничной свободы; согласно своей натурѣ, не останавливавшейся ни предъ какими крайностями, онъ не допускаетъ чтобы можно было наложить узы на печать когда она распространяетъ даже завѣдомо вредныя идеи и обращается къ толлѣ, которую нѣтъ ничего легче какъ сбить съ толку. И въ *Areopagitica* не мало страницъ очевидно проникнутыхъ увлеченіемъ челоуѣка раздраженнаго, негодующаго на стѣсненія которымъ если не подвергли, то намѣревались подвергнуть его самого.

Во имя чего ратовалъ Мильтонъ въ своемъ трактатѣ? Во имя полной терлимости ко всякимъ убѣжденіямъ, ко всякимъ вѣрованіямъ. Но не тотъ ли же самый принципъ выставяли индепенденты на своемъ знамени? Не имъ ли прикрывались они въ своей ожесточенной борьбѣ съ пресвитеріанизмомъ, а если такъ, то логично что именно это и должно было послужить исходною точкой для сближенія между нимъ и чуждою ему до тѣхъ поръ сектой. Нѣкоторые изъ биографовъ Мильтона падутъ однако слишкомъ далеко когда рѣшаются выставять и его самого и индепендентовъ вообще поборниками терлимости, утверждая что въ этомъ отношеніи они значительно опередили свой вѣкъ. Истинная терлимость была чужда какъ индепендентамъ, такъ и Мильтону. Индепенденты отстаивали ее по необходимости и цѣлочи-тельно въ своемъ интересѣ: они составляли въ странѣ лишь меньшинство и не могли не видѣть что какія нибудь усилія не помогутъ имъ навязать свое ученіе всей націи; напротивъ, ихъ заставляли подчиниться такому церковному устройству какого они не хотѣли, и оградить себя могли они не иначе какъ требуя полной свободы вѣроисповѣданій. Въ послѣдствіи, когда индепенденты достигли господства, не замедлило обнаружиться до какой степени способны были они руководиться терлимостью въ своихъ дѣйствіяхъ. Точно такъ же и Мильтонъ. Въ своихъ *Areopagitica*, проникнутыхъ повидному столь либеральными принципами, онъ уже дѣлаетъ оговорки: „Я не считаю возможнымъ, замѣчаетъ онъ, примѣнять терлимость къ такому явному суевѣрію какъ лаллизмъ, ибо всему угрожаетъ онъ порабощеніемъ, а потому и самъ долженъ быть искорененъ, причемъ, конечно, слѣдуетъ предварительно кроткими мѣрами убѣдить людей слабыхъ и совращенныхъ отступиться отъ него“. Терлимостію отличался Мильтонъ столь же мало какъ вообще его современники: мы увидимъ дажѣ что онъ имѣлъ случай доказать это не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Въ его устахъ и въ устахъ всей партіи, къ которой не замедлилъ присоеди-ниться онъ, терлимостію имѣла лишь условное значеніе: это было удобное орудіе въ борьбѣ съ пресвитеріанизмомъ. „Новые тираны“, какъ называлъ онъ пресвитеріанъ съ которыми еще недавно было у него такъ много общаго, возбуждали неприимимую его ненависть; и въ стихахъ, и въ прозѣ пресѣду-еть онъ ихъ; отънынѣ индепенденты могли разчитывать на

него какъ на одного изъ ревностѣйшихъ своихъ приверженцевъ. Известны событія которыми ознаменовался послѣдній періодъ борьбы Карломъ I: страшное пораженіе его войскъ, бѣгство его въ Шотландію и нѣтъ, столкновение между побѣдоносною арміею и парламентомъ, торжество солдатчины, такъ-называемое „очищеніе“ парламента, вслѣдствіе коего около полсотни членовъ были изгнаны изъ его среды, все это считалъ онъ совершенно въ порядкѣ вещей, вполнѣ необходимымъ и неизбѣжнымъ. „Не слѣдуетъ жаловаться, говорилъ онъ въ одной изъ своихъ брошюръ, что любѣдители прибѣгали къ грубой силѣ, ибо они одни достойны были пользоваться любѣдой“. Пока Мильтонъ стоялъ въ рядахъ пресвитеріанъ, онъ былъ монархистъ; теперь онъ сдѣлался республиканцемъ. Каждый разъ, выступая на новый путь, занималъ онъ мѣсто впереди тѣхъ которые шли вмѣстѣ съ нимъ. Неудивительно поэтому что новыя свои убѣжденія старался онъ проводить такъ рѣзко и съ такою неумолимою послѣдовательностью что затмилъ самыхъ рьяныхъ публицистовъ партіи Кромвеля. Еще судьба короля не была рѣшена, какъ уже сочинилъ онъ брошюру (*The tenure of kings and magistrates*), въ которой доказывалъ необходимость предать его суду и поступить съ нимъ какъ съ обыкновеннымъ преступникомъ. Съ яростью набрасывался онъ въ ней на англійскихъ и шотландскихъ пресвитеріанъ, желавшихъ спасти жизнь Карла I, и упрекалъ ихъ за то что они предпочитали монархическую форму правленія республиканской. Превосходство республики надъ монархіею доказываетъ онъ чисто отвлеченными соображеніями. „Всѣ люди по природѣ своей свободны, всѣ они рождены для того чтобы господствовать, а не для того чтобы повиноваться“, вотъ основной его тезисъ, кажуційся ему до такой степени несомнѣннымъ что нечего и задумываться надъ нимъ. Въ основѣ первобытныхъ обществъ, говоритъ онъ, лежалъ свободный договоръ; правители были не болѣе какъ выборными, обязанными отдавать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; такъ было до тѣхъ лоръ пока ложь, хитрость, насиліе не восторжествовали надъ правдой, и такъ должно быть на будущее время. Аргументація Мильтона поражаетъ насъ своею страшною, но партія индепендентовъ была отъ нея въ восторгѣ. Никто не защищалъ совершившійся переворотъ съ большимъ краснорѣчіемъ, съ большею увѣренностью въ его

справедливости: нельзя было пренебрегать подобнымъ союзникомъ и мы видимъ что при новомъ порядкѣ вещей, смѣнившемъ монархію Карла I, создано было для Милтона такое положеніе которое должно было сдѣлать его имя извѣстнымъ не только въ его отечествѣ, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ.

VII.

Несомнѣнно что казнь короля и утвержденіе республики въ Англіи совершились вопреки волѣ громаднаго большинства націи. Въ самомъ началѣ новымъ образомъ не предвидѣла она что борьба между парламентомъ и Карломъ I приведетъ къ подобному исходу. Въ революціяхъ обыкновенно бываетъ такъ что перевѣсъ остается на сторонѣ партій незначительныхъ своею численностью, но сильныхъ своею отвагой, дерзостью, крайностью своихъ стремленій; то же самое видимъ мы и въ Англіи, которая неожиданно для себя очутилась въ рукахъ войска состоявшаго изъ отчаянныхъ фанатиковъ. Не мало труда стоило однако побѣдителямъ упрочить свое господство въ странѣ не избывшей своего монархическаго образа мыслей, но она была твердо намѣрена идти къ этой цѣли не колеблясь въ выборѣ средствъ, и великимъ счастьемъ было для нихъ что во главѣ ихъ находились люди отличавшіеся замѣчательными государственными способностями: извѣстно имя того кто превосходилъ всѣхъ другихъ въ этомъ отношеніи. Но какъ же было устроить новую правительственную систему? Еще существовало отрѣбье того парламента который, лишившись массы своихъ сочленовъ, извѣстенъ былъ подъ прозвищемъ Rump-parliament, но для всякаго было очевидно что онъ не можетъ служить руководящею силой. Исполнительная власть сосредоточивалась въ рукахъ государственнаго совѣта избраннаго изъ среды парламента: онъ располагалъ военными и морскими силами; завѣдывалъ дипломатическими сношеніями съ другими государствами; пріималъ на себя задачу заботиться объ охраненіи спокойствія въ странѣ, подавая смуты возбуждаемыя пражверженцами монархіи, содѣйствовать процвѣтанію промышленности и торговли. Протоколы этого совѣта, къ общеродовому конхъ приступлено въ недавнее время, доказываютъ что некогда еще въ Англіи не было власти болѣе суровой

и деспотической. Самыя невинныя увеселенія народа и въ городахъ и въ селахъ были запрещаемы подъ тѣмъ предлогомъ что они могутъ служить поводомъ къ безпорядкамъ; печать была подавлена до того что авторы и издатели восточивали о времени Лауда какъ о сравнительно блаженномъ времени; произвольные аресты были дѣломъ вполнѣ обыкновеннымъ; частная переписка подвергалась строжайшему надзору; уставлены были чрезвычайные суды для лицъ обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ. Въ обществѣ совершенно основательно называли членомъ страшнаго совѣта не иначе какъ тирадами, и вотъ этотъ-то совѣтъ предложилъ Мильтону занять при немъ мѣсто „секретаря для иностранныхъ языковъ“.

Обязанности сопряженныя съ этою должностію заключались главнымъ образомъ въ томъ чтобы служить переводчикомъ при приѣмѣ иностранныхъ пословъ и редактировать правительственныя депешы, редактировать ихъ напредѣло на латинскомъ языкѣ, который былъ признаванъ официальнымъ языкомъ въ сношеніяхъ съ европейскими дворами. Дѣятельность Мильтона впрочемъ этимъ не ограничивалась. Безпрерывно возлагаемы были на него другія порученія, которыя сначала онъ исполнялъ какъ бы случайно, но мало-по-малу они сдѣлались обычнымъ его занятіемъ. Целая была тутъ на первомъ планѣ. Онъ просматривалъ брошюры обращенія на себя почему-либо вниманіе совѣта; такъ напримѣръ, достоверно извѣстно что чрезъ его руки прошла брошюра Лидборна: „Новыя цѣли Англіи“, за которую авторъ ея поплатился тюремнымъ заключеніемъ. Къ нему же поступали переписанные частныя письма на иностранныхъ языкахъ и онъ занимался ихъ переводомъ. Все это, въ связи съ общимъ направленіемъ того учрежденія которому служилъ Мильтонъ, было не совсѣмъ согласно съ принципами изложенными въ *Areopagitica*, но было бы въ высшей степени несправедливо предположить будто онъ жертвовалъ своими убѣжденіями и въ официальной своей карьерѣ искалъ для себя какихъ-нибудь выгодъ! Что бы ни говорили его враги, упрекъ этотъ никогда не могъ быть применивъ къ нему. Занимая довольно видную должность, Мильтонъ оставался такъ же чистъ какъ прежде, но онъ подобно многимъ доктринерамъ часто не отдавалъ себѣ отчета въ томъ что дѣйствительность находилась въ явномъ противорѣчій съ его собственными

идеалами. Какъ на были обременительны его заветія, государственнѣй совѣтъ не задумывался усложнять ихъ: Милтънъ славился своими обширными свѣдѣніями и талантомъ, не естественно ли было что новое правительство рѣшилось прибѣгнуть къ его услугамъ противъ многочисленныхъ враговъ окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ? Если необходимо было дѣйствовать на общественное мнѣніе, отражать наладки, то на кого можно было удобнѣе возложить эту задачу какъ не на человека который уже составилъ себѣ репутацію одного изъ самыхъ блестящихъ публицистовъ Англіи? Отъ Милтъна требовали чтобъ онъ служилъ республикѣ своимъ перомъ, и онъ взялся за это дѣло съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ что оно какъ нельзя лучше отвѣчало его наклонностямъ.

Съ тѣхъ поръ какъ предоставлена была ему должность секретаря государственнаго совѣта онъ обнаруживаетъ изумительную литературную дѣятельность. Брошюры его, достигшія нерѣдко размѣровъ обширныхъ трактатовъ, касаются самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Первая изъ нихъ была направлена противъ Ирландіи, положеніе коей сильно озабочивало правительство, такъ что нѣсколько времени спустя подавались отчаянныя мѣры чтобы подавить происходившія тамъ смуты. Милтънъ былъ неумолимъ къ несчастному населенію этой страны: по его мнѣнію Ирландцы „варвары и дикари, не только сами неспособные выработать для себя культуру, но даже непригодные для того чтобы воспринять ее изъ другихъ рукъ“; „своими безпрерывными измѣнами и мятежами утратили она всякія права и управлять ими можетъ только вооруженная сила“; они возбуждаютъ отвращеніе своею преданностію грубому суевѣрію католической церкви; всякая уступка имъ была бы волюющимъ замомъ, ибо они мичуть не лучше отъявленныхъ атеистовъ, непримиримыхъ враговъ Христа. Справедливо было замѣчено что въ брошюрѣ Милтъна какъ бы содержится вся программа тѣхъ суровыхъ мѣръ которыя желѣзная рука Кромвеля примѣнила въ послѣдствіи къ Ирландіи съ ужасающею послѣдовательностію. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя появилось новое сочиненіе Милтъна, долженствовавшее произвести особенно тяжкое впечатлѣніе на значительную часть англійской публики. Изъ всѣхъ книгъ имѣвшихъ въ виду увѣковѣчить ламать Карла I, ни одна не имѣла такого огромнаго

успѣха какъ издавняя неувѣстна Кѣмъ подъ греческимъ заглавiемъ: *Εἰκὼν βασιλική* (Образъ монарха): тутъ изложены были соображенiя о важнѣйшихъ событiяхъ послѣднихъ девяти лѣтъ его царствованiя, включено было нѣсколько молитвъ, трогательное увѣщанiе короля наслѣдному принцу, предсмертныя размышленiя, и все это въ такой формѣ какъ будто вышло изъ-подъ пера самого Карла, какъ будто онъ самъ изложилъ заветныя свои думы когда томился въ тюремномъ заключенiи. Предъ взорами читателя выступаетъ образъ мученика, какимъ и былъ изображенъ онъ на заглавномъ листѣ, въ терновомъ вѣнцѣ, съ головой окруженною сiянiемъ. Рѣчь его исполнена высокаго христанскаго смиренiя и локорности судьбъ, онъ не проклинаетъ своихъ враговъ, а молить о томъ чтобъ и на нихъ распространилось милосердiе Божiе, но именно по этому самому книга должна была возбуждать непримиримое противъ нихъ негодованiе. Еще въ то время когда только появилась она начался сильный споръ о томъ кто былъ ея авторъ; многiе приписывали ее Гаудену, въ послѣдствiи еписколу Ворчестерскому, который и самъ не прочь былъ присвоить себѣ эту честь. Объ *Εἰκὼν βασιλική* существуетъ цѣлая литература: въ настоящее время признаво вообще что это не болѣе какъ чрезвычайно искусный подлогъ, но нѣкоторые все еще не присоединяются вполне къ подобному мнѣнiю, такъ между прочимъ Гизо полагаалъ что книга была просмотрѣна самимъ Карломъ, а Раакъ въ своей *Исторiи Англiи* высказалъ мысль что основное ея содержанiе было дано королемъ, окончательная же редакцiя принадлежала другому лицу. Во всякомъ случаѣ успѣхъ этого произведенiя было чрезвычайный; болѣе чѣмъ что-нибудь могло оно пробудить симпатiю къ преемнику казненнаго монарха и революцiонное правительство сочло необходимымъ принять мѣры: сначала думали поручить извѣстному ученому Сельдену написать возраженiе, но потомъ возложено было это на Мильтона. Брошюра его была не что иное какъ заглавчивый обвинительный актъ противъ Карла I; при его образѣ мыслей и при тогдашнихъ обстоятельствахъ нельзя было и ожидать отъ него чтобъ онъ отнесся сколько-нибудь безпристрастно къ личности несчастнаго государя и къ политикѣ его вызвавшей междуусобiя которымъ еще не предвидѣлось конца: онъ не допускаетъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ, онъ взваливаетъ всю вину на Карла I,

заподозрѣваетъ всѣ его намѣренія, выставляетъ въ ненавистномъ свѣтѣ каждое изъ его дѣйствій.

То было время когда партіи съ одинаковымъ ожесточеніемъ боролись не только междоу, но и деромъ, и борьба эта находила отголосокъ во всей просвѣщенной Европѣ. Революція, первый актъ коей завершился трагическою кончицею короля, и привилліи выставленныя ею сильно смущали даже людей не имѣвшихъ ничего общаго съ Англіей. Во многихъ европейскихъ государствахъ возвышались голоса противъ совершившагося переворота, но изъ всѣхъ появившихся по этому поводу сочиненій ни одно не могло въ такой степени заинтересовать публику какъ издаваемое Салмазіемъ подъ главіемъ *Defensio regia pro Carolo I.* Салмазія (французское его имя было Claude Salmaise) пользовался репутаціей замѣнитѣльнаго ученаго своего вѣка; познанія его были одинаково обширны въ богословіи, филологіи, исторіи и юриспруденціи; Лейденскій университетъ предлагалъ ему кафедру которую некогда занималъ Скадгеръ; многие государств. веды съ нѣмъ передиску, и королева шведская Христина счтала особеннымъ счастіемъ что на вѣкоторое время избрала оуъ своимъ мѣстолрѣбываіемъ ея дворъ. Словомъ, это былъ великій авторитетъ, и повидно съ какимъ восторгомъ узнали враги революціи что оуъ рѣшился выступить ея обдлицителемъ. Салмазію противопоставилъ былъ Мильтонъ. Полемика возгорѣвшаяся между ними имѣла важное значеніе для англійскаго писателя, ибо до того времени цвѣтущность его ограничивалась лишь предѣлами его родины, тогда какъ теперь провикла она и въ Европу. Долго колебался оуъ однако помѣряться силами съ новымъ противникомъ, такъ какъ и ему самому и его друзьямъ казалось что шансы ихъ далеко не равны: Салмазію повсюду имѣлъ ревностныхъ приверженцевъ привыкшихъ вѣрять въ его непогрѣшимость и выступалъ адвокатомъ такого дѣла которое пользовалось горячими симпатіями, тогда какъ о Мильтонѣ если и знали что-нибудь въ Европѣ, то развѣ только то что оуъ подвизался въ рядахъ одной изъ наиболѣе ненавистныхъ сектъ. Подъ брошюрой своей оуъ выставилъ подвое свое имя: *Tractatus Miltoni Angli pro populo anglicano defensio.* Если и прежде не церемонился оуъ въ полемикѣ съ литературными противниками, то теперь превзошелъ въ этомъ отношеніи всякую мѣру. Неоднократно называетъ оуъ Салмазія „болтающимъ

осломъ". „Разказываютъ, говорить онъ, что твоя жена обращается съ тобой какъ монархъ съ самыми презрѣнными изъ своихъ подданныхъ, что ты бѣжишь къ ней по первому ея зову, что она заставляетъ тебя дѣлать что ей угодно; удивительно ли что привыкну къ рабству у себя дома, ты прелюблудуешь необходимость тирании и для государства... Будь увѣренъ что тебя ожидаетъ такая же участь какая постигла Иуду Искариота, что мучишься не столько раскаянiемъ сколько отчаянiемъ, возненавидѣвъ самого себя, ты непремѣнно повѣсишься на деревѣ и допьешь у тебя животь...“ Ругательствами нельзя было конечно опровергнуть Салмазия, въ книгѣ котораго было много такого что ставило Мильтона въ крайне затруднительное положенiе. Мильтонъ выставилъ принципъ народной воли, но что следовало поминать подъ народомъ, какъ было доказать что все совершившееся въ Англіи согласовалось съ его потребностями и желанiями? Мильтонъ не могъ сослаться на большинство, ибо никогда не было оно на сторонѣ индепендентовъ; не могъ онъ прикритъся и авторитетомъ парламента, ибо парламентъ не былъ тѣмъ чѣмъ следовало ему быть послѣ того какъ отяжили существованiе палаты лордовъ; не представлялось также возможности утверждать что выраженiемъ народной воли служила палата общинъ послѣ того разгрома которому она подверглась. Все это было весьма убѣдительно выставлено Салмазiемъ. Онъ указывалъ на тотъ несомнѣнный фактъ что Англія, ополчившись за свободу, очутилась въ рукахъ войска, которое и держало ее подъ своимъ гнетомъ. Такова была дѣйствительность, и тщетно пытался Мильтонъ согласовать съ нею свои теории. Вообще же споръ двухъ ученыхъ не могъ привести ни къ какому положительному результату, потому что они оба стояли на паткѣ почвы: одинъ, не справляясь съ исторiей или явно искажая ее, утверждалъ что королевская власть въ Англіи не подвергалась и по существу своему не могла подвергаться никакимъ ограниченiямъ, другой, для котораго исторiя имѣла столь же мало смысла, хотѣлъ увѣрить что источникъ этой власти всегда лежалъ въ народѣ. На снѣжку Салмазiю явились другіе ученые и публицисты; Мильтонъ находилъ время отвѣчать почти всѣмъ имъ. Одушевленiе его росло все болѣе и болѣе. Его поддерживала вѣра что отстаивая извѣстныя идеи, онъ оказываетъ услугу не только своему отечеству, но и всему цивилизованному міру. „Духовнымъ

взоромъ видится мнѣ, говорилъ онъ, что я стою на горахъ, окруженный чутко прислушивающеюся къ моимъ словамъ Европой. Я обозрѣваю обширныя страны и громадныя толпы людей, на лицахъ коихъ обнаруживается, искренное мнѣ сочувствіе: вотъ мужественныя и свободолюбивыя, Германцы, затѣмъ Французы со своимъ благороднымъ энтузіазмомъ, даѣе проникнутые влеченіемъ ко всему высокому и изящному Италияцы. Всѣ друзья свободы и добродѣтели радостно приветствуютъ зрѣлище которое представляетъ имъ моя родина....“

Именно въ это время случилось съ Мильтономъ страшное несчастіе, онъ совершенно потерялъ зрѣніе. Быть-можетъ произошло это, какъ полагаютъ многіе, отъ усиленныхъ его занятій, но извѣстно что еще въ молодости страдалъ онъ глазами и болѣзнь эта постоянно тревожила его. Изъ письма его ко греческому ученому Фидарасу, видно что катастрофа наступила не вдругъ, что со дня на день можно было предвидѣть ее. Мильтонъ не потерялъ однако своего мѣста при государственномъ совѣтѣ, хотя конечно долженъ былъ отказаться отъ многихъ своихъ занятій, но редація правительственныхъ делъ попрежнему лежала на немъ, причемъ онъ долженъ былъ прибѣгать къ диктовкѣ. Упомянутое нами событіе отозвалось конечно очень тяжко на настроеніи его духа, къ тому же и общее положеніе дѣлъ не могло не удручать его. Мильтонъ ободрялъ себя надеждами что съ провозглашеніемъ республики осуществятся тѣ идеалы церковнаго и политическаго устройства которыми лелѣялъ онъ себя въ послѣдніе годы своей дѣятельности, но время шло и приносило ему лишь разочарованіе. Ни Rump-parliament, ни государственный совѣтъ не въ состояніи были совершить реформы; энергія ихъ была направлена лишь на то чтобы немощно подавлять всякія попытки враждебныя новому порядку вещей, но очевидно что для такимъ путемъ нельзя было создать ничего прочаго. Уже слышались голоса о необходимости диктатуры и не представлялось сомнѣнія относительно того кто достоинъ быть облеченнымъ диктаторскою властью. Повидимому это отчаянное средство не должно было прельщать Мильтона съ его идеями о широкой политической свободѣ, но и онъ не отступалъ предъ нимъ. Въ одномъ изъ своихъ советовъ онъ прямо говорить что спасеніемъ своимъ Англія можетъ быть обязана только Кромвелю.

Упомянувъ объ его геройскихъ подвигахъ, исчисливъ воѣ его побѣды, лордъ обращается къ нему съ такимъ призывомъ: „но многое остается еще завоевать вамъ; господство мира должно быть ознаменовано побѣдами своего рода, иначе новый врагъ снова олуцаетъ насъ цѣлями; помоги намъ отстаивать свободу совѣсти отъ явныхъ и тайныхъ ея враговъ.“ Кромвель не нуждался впрочемъ въ увѣщаніяхъ такого рода чтобы прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Давно уже былъ онъ недоволенъ парламентомъ и какъ скоро замѣтилъ, что тотъ старается продлить свое существованіе, отважился на такой поступокъ для котораго не хватало мужества даже у Карла I. Утромъ 20 апрѣля 1653 года явился онъ въ залъ его засѣданій, когда проходили тамъ пренія о реформѣ выборовъ. Нѣсколько времени сидѣлъ онъ спокойно на обычномъ своемъ мѣстѣ, затѣмъ всталъ, снялъ шапку и началъ рѣчь не предвѣщавшую лояльному ничего дурнаго, но вдругъ измѣнилъ тонъ и обратился къ присутствовавшимъ съ адоквитными упреками. Раздраженіе его возрастало ежеминутно; съ лихорадочною торопливостью шагая онъ изъ стороны въ сторону и изъ устъ его вырывались отрывочныя фразы: „вы недостойны засѣдать въ парламентѣ; я твердо намѣренъ положить конецъ вашей сессіи; уступите мѣсто болѣе честнымъ людямъ...“ Еще минута, и по знаку его ворвались солдаты, которымъ было поручено очистить залу; спикеръ сопротивлялся до послѣдней возможности, но вынужденъ былъ покориться; Кромвель приказалъ залереть двери и взялъ къ себѣ ключи. Такимъ образомъ новое и несравненно болѣе грубое насиліе завершило цѣлый рядъ прежнихъ. Кромвель не считалъ однако возможнымъ сосредоточить власть исключительно въ своихъ рукахъ. Давно ужъ его партія требовала созвать „людей проникнутыхъ страхомъ Божиимъ, людей испытанной честности,“ которые занялись бы преобразованіями въ ея духѣ, но выборъ такихъ людей не могъ быть предоставленъ самому обществу изъ боязни чтобы не оказались въ средѣ ихъ „зловѣрныя“. Слѣдовало нарочно назначить такихъ которые были бы пригодны для столь важнаго дѣла, а мѣриломъ ихъ правоспособности должна была служить ихъ преданность доктринамъ индепендентизма. Такъ и было поступлено. Собрался новый парламентъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ парламента „малаго“ или парламента Барсбона по имени торговца кожами который состоялъ его членомъ.

Наконецъ исполнилось, казалось, то о чемъ такъ долго мечтали „святые“. Судьба Англіи находилась въ ихъ рукахъ; приближался день Господень, день когда на землѣ должно было водвориться царство Божіе. Парламентъ обратился къ націи съ воззваніемъ въ которомъ торжественно заявлялъ что „исчезаетъ ночью жракъ и уже загорается заря“; ежедневно нѣсколько часовъ сряду проводилъ онъ въ молитвѣ; весьма усердно занялся онъ мыслью произвести радикальную реформу не только въ учрежденіяхъ, но и въ нравахъ, рѣшено было уменьшить число трактировъ, воспретить гражданамъ до извѣстнаго возраста употребленіе крѣпкихъ напитковъ, обязать всѣхъ сообразоваться въ одеждѣ съ установленными образцами, держать строгій постъ по субботамъ: въ этотъ день всякій долженъ былъ ходить пѣшкомъ; нарушавшій такое правило подвергался денежной пенѣ или тюремному заключенію; строго запрещены были вообще танцы и свѣтская музыка; лица уличеныя въ прелюбодѣйствѣ подвергались публично тѣлесному наказанію, а въ случаѣ если снова владали въ тотъ же грѣхъ, то имъ угрожала смертная казнь. Что касается государственныя учрежденія, то „малый“ парламентъ и въ этой сферѣ намѣревался дѣйствовать съ фанатическою послѣдовательностью, не отступая даже предъ такими мѣрами которыя отличались крайне опаснымъ антисоціальнымъ характеромъ. Полтора столѣтія позадѣ во Франціи совершилась революція именно на такихъ началахъ, но общественный строй Англіи былъ все-таки чтобы допустить возможность полнаго разрыва съ прошедшимъ, обнаружилось сильное движеніе противъ изуверовъ, думавшихъ своевольно распоряжаться судьбами страны, взоры всѣхъ матеріальныхъ интересовъ коихъ должны были пострадать отъ предстоящаго разрома обращены были на Кромвеля, да и между самими индепендентами обнаружился расколъ. Событія послѣдовавшія затѣмъ привели къ распущенію парламента Барбона и къ единовластію Кромвеля, который принялъ титулъ лорда-протектора Англіи.

Дѣйствительно, онъ одинъ былъ настоящимъ представителемъ власти. Хотя не хотѣлъ онъ обойтись безъ содѣйствія парламента и хотя находился при немъ государственный совѣтъ долженствовавшій подавать мнѣніе въ важнѣйшихъ вопросахъ, но обстоятельства все-таки заставляли его поступать такъ какъ будто не существовало ихъ вовсе. „Для

необходимости нѣтъ закона“ (necessity has no law), говорилъ онъ. Англія пережила при немъ времена самой суровой диктатуры, иѣла случай ознакомиться съ тѣмъ что такое значить осадное положеніе. Несомнѣнно что самъ Кромвель желалъ бы положить конецъ этому ненормальному состоянію страны, обезлечить широкое развитіе свободныхъ учрежденій, но примирить свободу съ преобладаніемъ войска, которое служило главною опорой его власти, было неразрѣшимой задачей. Всѣхъ биографовъ Мильтона, продолжавшаго исправлять свою прежнюю должность, занималъ вопросъ о томъ какъ относился онъ къ правительству протектора. Многое должно было быть сочувственно ему въ дѣятельности „малого“ парламента, но мы знаемъ что и возвышеніе Кромвеля казалось и ему событіемъ благотворнымъ для страны. Онъ прямо высказался на этотъ счетъ въ одной изъ своихъ брошюръ. „Всѣмъ покинуты мы, Кромвель, восклицаетъ онъ; ты одинъ остался намъ; къ тебѣ перешла верховная власть, и мы преклоняемся предъ несокрушимою твоею доблестью.“ Повидимому Мильтонъ разчитывалъ что диктаторъ осуществитъ дорогіе ему идеалы не впадая въ опасныя крайности. Онъ преклоняется предъ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подаетъ ему совѣты. „Не забывай, говоритъ онъ, что нѣтъ ничего драгоценнѣе свободы которую отечество вѣрило твоей охранѣ; не забывай что надежды которыя возлагало око доселѣ на своихъ избравниковъ сосредоточены теперь на тебѣ одномъ; оправдай это довѣріе; провикнись уваженіемъ къ памяти столькихъ храбрыхъ которые подѣ твоимъ же предводительствомъ проливали кровь за свободу; не пренебрегай мнѣніемъ чужихъ націй ожидающихъ великихъ и для нихъ послѣдствій отъ установленнаго нами порядка вещей; не допусти чтобы свобода, для которой ты самъ сдѣлалъ такъ много, пострадала отъ твоей руки. Не можешь ты считать себя свободнымъ если мы всѣ будемъ обречены на рабство. Ударъ нанесенный свободѣ не только омрачить твою память, но заставить всѣхъ честныхъ людей усомниться въ добродѣтели и правдѣ, повергнуть въ отчаяніе весь человѣчскій родъ.“ Какъ видно изъ этого, хотя Мильтонъ и становился на сторону Кромвеля, но далеко не безусловно. Оправдался ли ожиданія которыя возлагалъ онъ на него? На этотъ вопросъ нужно повидимому отвѣчать отрицательно. Во первыхъ, что касается политическихъ учрежденій, то изъ всѣхъ

республиканецъ Мильтонъ былъ едва ли не самымъ рьянымъ, но республика водворенная въ Англіи менѣе всего походила на ту которая рисовалась въ его воображеніи. Кромвелью недооставало только титула чтобы быть настоящимъ королемъ и не могло быть тайной для Мильтона что происходила уже дѣятельные переговоры о томъ, не сдѣлать ли ему рѣшительный шагъ, не возстановить ли монархію. Диктаторъ не отважился на это, но окружилъ себя царскимъ почетомъ, при дворѣ его соблюдался строгій этикетъ, имя его стояло въ заголовкѣ государственныхъ актовъ. Ничто не показывало чтобы съ теченіемъ времени онъ думалъ отказаться отъ тѣхъ или другихъ своихъ прерогативъ, напротивъ, принималъ мѣры для упроченія своего единовластія. Въ 1657 году конституція измѣнена была въ такомъ смыслѣ что хотя власть протектора и не должно была быть наследственной, но ему предоставлено было право назначить своего преемника; вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлена была верхняя палата парламента, впрочемъ не подъ обычнымъ своимъ названіемъ палаты лордовъ. Все это не могло не сокрушать Мильтона, который такъ настойчиво доказывалъ что только единое собраніе, состоящее изъ выборныхъ, служить законнымъ представителемъ верховной власти народа, да и можно ли было говорить о народномъ верховенствѣ, какъ понималъ его Мильтонъ, въ виду того что происходило на его глазахъ? Другой вопросъ, въ высшей степени занимавшій его, вопросъ которому посвящалъ онъ много лѣтъ своей жизни, касался церковнаго устройства. Мы уже знаемъ что онъ стоялъ за полное, безусловное отдѣленіе церкви отъ государства; въ цѣломъ радѣ своихъ трактатовъ и брошюръ онъ доказывалъ что никакая церковь не должна быть признаваема господствующею въ странѣ и отрицалъ право свѣтской власти вмешиваться въ то что должно быть предоставлено на волю самихъ вѣрующихъ. Кромвель отнюдь не раздѣлялъ однако этихъ крайнихъ воззрѣній индепендентизма. „Свобода совѣсти, говорилъ онъ въ парламентѣ, составляетъ неотъемлемое и естественное право гражданъ, но и за государствомъ нельзя не признать права даровать церкви такое устройство которое признаетъ оно наилучшимъ.“ Взглядъ протектора былъ слишкомъ широкъ для того чтобы руководиться требованіями сектантовъ, бывшихъ ревностныхъ его приверженцевъ; онъ заботился о примиреніи и если не думалъ отстранять

отъ себя иудействовъ, то съ другой стороны охотно протягивалъ руку пресвитеріанамъ. Мильтонъ былъ глубоко огорченъ. Въ письмѣ его къ одному изъ его друзей содержится слѣдующія строки: „Я не нахожусь въ душевныхъ отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ стоящихъ близко ко власти и предпочитаю спокойно сидѣть дома.“ Утверждала даже будто онъ намѣревался вовсе удаляться отъ дѣлъ, но предположеніе это не основано кажется ни на чемъ. Никогда не было явного разрыва между нимъ и знаменитымъ государственнымъ чело-вѣкомъ. [Кромвелъ зналъ его лично, уважалъ высокую его честность, цѣнилъ громадную его способности, но въ какой мѣрѣ приближалъ онъ его къ себѣ, на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Известный художникъ руководился лишь своею фантазіей когда изобразилъ на картинѣ Мильтона въ семейномъ кругу лорда-протектора, который, окруженный женой и дѣтьми, опершись на мечъ слушаетъ въ глубокой задумчивости игру его на органѣ.

Одна сторона дѣятельности Кромвеля должна была впрочемъ возбуждать безусловное сочувствіе Мильтона. Мы говоримъ о внѣшней его политикѣ. Если вспомнить какую жаакую роль играалъ Англія при первыхъ Стюартахъ и какъ высоко подыалъ ее Кромвелъ, если вспомнить что при немъ осуществилось наконецъ то о чемъ давно мечтали пуритане, а именно Англія сдѣлалась опорой протестантизма въ Европѣ, то повято что въ этомъ отношеніи патриотическое и религиозное чувство Мильтона было вполнѣ удовлетворено. До вѣкоторой степени честь и слава достигнутыхъ результатовъ принадлежали и ему: онъ былъ одинъ изъ главныхъ органовъ своего правительства, изъ-подъ его пера выходили всѣ важнѣйшія дела, въ которыхъ правительство возбуждало объ усвоенныхъ имъ принципахъ. Каждая страница этихъ документовъ свидѣтельствуетъ о томъ что занимался ими Мильтонъ не ограничивался только исполненіемъ долга, но вносилъ въ нихъ душу, выражалъ въ нихъ и собственными заветными убѣжденіями. Вотъ почему его образъ и образъ Кромвеля слились неразрывно въ представленіи послѣдующихъ поколѣній, не хотѣвшихъ вѣрить чтобы не существовало тѣсной, искренней связи между этими людьми, изъ которыхъ одинъ дѣйствовалъ мечомъ, а другой перомъ, но оба одинаково стремились возвеличить свое отечество.

VIII.

Мы не будемъ останавливаться на ходѣ событій которая по смерти Кромвеля привела къ реставраціи Стюартовъ. Переворотъ совершился съ поражающею быстротою и нагладю доказалъ что въ громадномъ большинствѣ своемъ англійская нація не сочувствовала республиканской формѣ правленія и не могла примириться съ нею. Пуритане утлали духомъ и оставались безмолвными зрителями того чему не въ состояніи были помѣшать. Лишь весьма немногіе изъ нихъ обольщали себя мыслью о возможности продолжать борьбу, и между этими немногими особенно громко возмущался гелосъ Мильтона. Каждый день все измѣнялось вокругъ него, а онъ до послѣдней минуты не отказывался ни отъ одного изъ дорогихъ ему вѣрованій. Вѣчно поглощенный своими теоріями и весьма мало чуткій къ дѣйствительнымъ явленіямъ жизни, онъ не хотѣлъ сложить оружіе и за нѣсколько мѣсяцевъ до вступленія въ Лондонъ Карла II, въ то время когда приверженцы монархіи готовались торжествовать полную побѣду, думалъ что еще есть возможность измѣнить общественное мнѣніе. Онъ издавалъ брошюру подъ заглавіемъ: „Вѣрнѣйшій и легчайшій способъ упрочить свободную республику и преимущественно ея по сравнению со вредомъ и опасностями которыми угрожаетъ Англійи возстановленіе королевской власти.“ Мильтонъ старался устыдить своихъ соотечественниковъ указывая имъ на Европу. „Не сдѣлаемся ли мы, восклицалъ онъ, посмѣшавшемъ въ глазахъ всѣхъ европейскихъ народовъ подобно тѣмъ строителямъ которые задумали воздвигнуть башню и не въ состояніи были окончить ее? Увы, гдѣ те величавое зданіе свободы надъ которымъ еще недавно трудялись Англичане, зданіе долженствовавшее изумить весь міръ и напомнить о славѣ древняго Рима? Фундаментъ былъ заложенъ, но затѣмъ началось смѣшеніе не ямокъ, а партій, и намъ угрожаетъ неслгладный мезоръ. Тѣмъ прискорбѣе это что въ сосѣдней съ нами Голландіи подобная же задача, несмотря на гораздо большія затрудненія, разрѣшена была съ удивительнымъ мужествомъ, мудростію и постоянствомъ.“ Мильтонъ резюмировалъ въ брошюру всѣ тѣ аргументы въ пользу республики которые были разсѣяны въ прежнихъ его произведеніяхъ. Никогда

еще не былъ оиъ такъ краснорѣчивъ, никогда еще слова его не дышала такою страстью. Я исподволь свои долги, говорилъ оиъ въ заключеніе; не утрашило бы меня возвысити голосъ за правое дѣло есаббы даже рѣчь моя обращалась не къ людямъ, а къ камнямъ и деревьямъ; подобно израильскому пророку я восклицалъ бы: о земля, земля, земля! что бы повѣдать ей то чего не хотятъ слушать ея обитатели. Да, я не остановился бы предъ этими есаббы даже слова мои были послѣдними словами издающей свободы.“ Едва ли кто-нибудь обратилъ вниманіе на увѣщанія Мильтона. Голосъ его былъ заглушенъ народными кликами приветствующащими возвращеніе Карла II.

Жажда мести одушевляла есау не самого короля, то тѣхъ которые дѣлали съ нимъ изгнаніе и заняли теперь лѣтъ немъ видное мѣсто въ государствѣ. Наступило страшное время. Люди играющіе значительную роль въ революціи трепетали за свою жизнь; многіе изъ членовъ Долгаго парламента погибли на эшафотѣ, въ томъ числѣ сѣръ Генри Велъ, покровительству крѣго обязавъ былъ Мильтонъ тѣмъ что получилъ мѣсто секретаря при государственномъ советѣ; аrostь обращена была не только на живыхъ, но и на мертвыхъ: труны Кромвеля, Бродшау, Иретона были вырыты изъ могилъ и выставлены на выставкахъ. Мильтонъ имѣлъ достаточное основаніе опасаться что и его достигнетъ такая участь: изъ всѣхъ публицистовъ, служившихъ республикѣ перомъ, оиъ былъ конечно самый вѣятельный; оиъ писалъ возраженіе потивъ Еіхунъ басилки; есау не придалъ оиъ никакого участія оъ гласномъ преступленіи, въ казни короля, то въ полемикѣ своей съ Салмазіемъ одраждалъ его предъ общественнымъ мнѣніемъ всей Бвропы; оиъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ агентовъ революціоннаго правительства. Многогочленные его враги не забыли о немъ, какъ видно изъ того что чрезъ нѣсколько мѣсцевъ по воцареніи Карла II появилась королевская прокламація повелѣвавшая сжечь рукою палача многія изъ его сочиненій и привлечь его самого къ отвѣтственности, но какимъ-то чудомъ Мильтонъ уцѣлѣлъ. Сохранился разказъ будто друзья его распустили слухъ оиъ его смерти и даже нарочно устроили церемонію похоронъ, что въ послѣдствіи самому королю казалось очень забавнымъ, но очевидно это пустая выдумка. Гораздо вѣроятнѣе что у Мильтона нашлись вѣятельные покровители, хотя и не възя

сказать съ достаточною опредѣленностію кто именно. Во всякомъ случаѣ съ этого времени вовсе прекратилась для него та дѣятельность которой онъ посвящалъ столь многіе годы.

Обреченный на удивленіе, имѣя возможность безпрелатственно предаться литературнымъ и ученымъ занятіямъ, къ которымъ, какъ выразилась онъ самъ, могущественно привлекалъ его гений природы⁴, Мильтонъ переживалъ тяжкіе дни. При стойкости своихъ убѣжденій и при крайней своей впечатлительности онъ не могъ относиться иначе какъ съ глубокимъ отчаяніемъ къ тому что происходило тогда въ Англіи. Во всемъ, во внутренней и внѣшней политикѣ, въ церковномъ устройствѣ, въ общественныхъ нравахъ и въ литературѣ господствовала реакція принциповъ во имя коихъ совершилась революція. Крайняя раслуцненность замѣнила ту внѣшнюю набожность которую луританизмъ суровыми принудительными мѣрами стремился сдѣлать обязательною для всѣхъ; никогда ни прежде, ни позднѣе англійское общество не предавалось такому разврату, и дворъ Карла II служилъ ему въ этомъ примѣромъ; самыя возмутительныя насмѣшки надъ нравственностію сдѣлались любимою темой тогдашнихъ модныхъ писателей. „Гудибрасъ“ Самуэля Ботлера былъ настольною книгою всѣхъ тѣхъ кто не представлялъ себя луританиномъ иначе какъ гнуснымъ лицемѣромъ съ коротко-остриженными волосами, гнусливымъ голосомъ, съ благочестивою проповѣдью на устахъ и съ самыми мерзкими лобужденіями въ душѣ; театръ сдѣлался притомомъ всего что только можно было придумать непристойнѣе. Даже Драйденъ, который стоялъ неизмѣримо выше своихъ собратьевъ по литературѣ, поддаваясь общему направлению, но къ чести его относится по крайней мѣрѣ что онъ сознавалъ до какой степени это направление было постыдно. „Мы профанировали небесный даръ поэзіи, говорилъ онъ въ послѣдствіи; мы низвели музу на роль продажной прелестницы, обрекли ее на служеніе пороку.... увы, чѣмъ могли бы оправдать это вторичное грѣхопаденіе?“ Что ни говорили бы враги Кромвеля, но по крайней мѣрѣ въ отношеніяхъ съ Европой онъ умѣлъ высоко поднимать значеніе Англіи, при Карлѣ II политика этой страны олять обречена была на тотъ позоръ который она не могла смыть съ себя при его дѣдѣ и отцѣ.

Если общее положеніе дѣлъ удручало Мильтона, то и въ

домашней своей жизни не испытывалъ онъ радостей. Въ 1652 году, четыре года спустя по смерти жены своей Маріи Поуэлль, еще въ то время когда находился онъ на службѣ при государственномъ совѣтѣ республики, сочетался онъ бракомъ съ Екатериной Вудкокъ, которая умерла въ родахъ проживъ съ нимъ не болѣе года. Отъ этого брака, семейство его, состоявшее изъ трехъ дочерей, умножилось еще одною. Нѣсколько позднѣе, а именно въ 1663 году, Мильтонъ, не могшій по слаботѣ самъ наблюдать за дѣтми, рѣшился ради ихъ жениться въ третій разъ и избранницей его была дальняя его родственница, Елизавета Мичель, женщина по сохранившимся о ней отзывамъ добрая, простая и усердно внимавшаяся хозяйствомъ. Матеріальныя его средства были незначительны, особенно послѣ того какъ во время страшнаго лондонскаго пожара сгорѣлъ домъ полученный имъ въ наслѣдство отъ отца. Въ прежнее время имѣлъ онъ у себя въчето въ родѣ школы, принималъ для обученія молодыхъ людей, но дѣшавшись зрѣнія вынужденъ былъ отказаться и отъ этого. Вопросъ о воспитаніи всегда въ высшей степени занималъ Мильтона; онъ выработалъ себѣ относительно его своеобразныя воззрѣнія, отчасти подъ вліяніемъ своего друга Самуила Гартауба, познакомившаго его съ извѣстнымъ педагогомъ Аммосомъ Коменіемъ который на время пріѣхалъ въ Лондонъ. Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ что система Мильтона значительно отличалась отъ той которую проповѣдывали эти лица. Предназначалась она преимущественно для молодыхъ людей высшаго сословія (*for our noble and our gentle youth*), которые по мысли его должныствовали усвоить себѣ такіа свѣдѣнія чтобы тотчасъ по выходѣ изъ школы дѣйствовать съ успѣхомъ на какомъ угодно поприщѣ. Изученіе филологіи въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ должно было идти на ряду съ усвоеніемъ техническихъ знаній; кромѣ первоэлементарныхъ писателей древности, юности обязаны были внимательно читать Катона, Варрона, Колумеллу, Теофраста, Никандра, Арата и др., потому что „произведенія ихъ имѣютъ значительную практическую важность“; кромѣ математическихъ наукъ имъ предстояло изощрять свой умъ надъ фортификаціей, инженернымъ искусствомъ, кораблестроеніемъ, архитектурой, садоводствомъ, медициной. Для богословія требовался не только еврейскій языкъ, но также халдейское и сирійскія нарѣчія. Словомъ, не было

кажется такого предмета который Мильтоуз не включилъ въ свой учебный курсъ. Справедливо замѣчено было что оиъ хотѣлъ „преподать своимъ воспитанникамъ всѣ возможныя науки, всѣ искусства и всѣ добродѣтели“. Конечно, говорить самъ оиъ въ своемъ трактатѣ о воспитаніи, „не всакій способѣхъ натамуъ тетиву на такомъ лукѣ“, но себя считалъ оиъ способнымъ для этого и надѣялся что примѣръ его встрѣтитъ подражателей. И здѣсь выразилась крайній идеализмъ Мильтона, побуждавшій его ставить самыя широкия, необычайныя задачи, не спрашиваясь съ тѣмъ есть ли средства разрѣшить ихъ. Въ то время о которомъ мы говоримъ, устранившійся поневолѣ отъ педагогическихъ занятій, Мильтоуз преподавалъ со всѣмъ пыломъ своей натуры литературу и науки. Но самъ оиъ не могъ ни читать, ни писать, нуждался въ помощникахъ: были у него друзья, охотно предлагавшіе ему свои услуги, но всего естественнѣе было ему обращаться къ содѣйствию своихъ дочерей. Старшая изъ нихъ, Анна, не могла помогать ему потому что по слабости здоровья сколько-нибудь усилевныя занятія оказывались вредными для нея и къ тому же она страдала косноязычіемъ; двѣ другія дочери, Марія и Дебора, исполняли при немъ секретарскія обязанности, но не думали скрывать что это крайне-непріятно имъ. Оиъ жаловался что даже среди ночи отецъ неоднократно будилъ ихъ, какъ скоро являлся у него мысли которыя ему хотѣлось тотчасъ же записать на бумагу; жаловался что оиъ заставлялъ ихъ читать вслухъ книги на совершенно неизвѣстныхъ имъ языкахъ, въ которыхъ не понимали оиъ ни единого слова, книги же только французскія, итальянскія и испанскія, но греческія, латинскія и даже еврейскія. Мильтоуз требовалъ отъ нихъ чтобъ оиъ выучились произносить слова на каждомъ изъ этихъ языковъ, но не находилъ нужнымъ чтобъ оиъ усвоили себѣ сколько-нибудь порядочно хоть одинъ изъ нихъ: къ женскому образованію относился оиъ равнодушно и былъ убѣжденъ что женщины вполнѣ достаточно природнаго ея языка. Трудно предположить однако что если дочери не любили къ нему вѣжкихъ чувствъ, то лишь потому что оиъ возлагалъ на нихъ скучныя занятія: вѣроятно объясняется это тѣмъ что лишившись въ раннемъ возрастѣ матери, оиъ не встрѣчалъ надлежащаго попеченія, жилъ особнякомъ отъ отца, который не имѣлъ досуга заботиться о нихъ; какъ бы

то ни было ни одна изъ нихъ не оказалась пригодною для роли Антигоны при Эдипѣ. Съ теченіемъ времени отношенія ихъ къ нему становились все враждебнѣе; у нихъ вырывались страшныя слова; еще въ то время когда Мильтонъ задумалъ жениться на Елизаветѣ Вудкокѣ, одна дѣвушка сообщила объ этомъ Деборѣ, которая отвѣчала: „это не новость; воть еслибы кто-нибудь сказалъ мнѣ что онъ собирается умирать, то можно было бы порадоваться“. Мильтонъ ждался что дочери обманываютъ его на каждомъ шагу и, повидимому, упреки эти были основательны. Нѣтъ сомнѣнія что онъ имѣлъ въ виду самого себя когда вложилъ въ уста своего „Самсона“ слѣдующія слова: „живя во мракѣ при блескѣ дня, подвергаясь ежедневно обману, насмѣшкамъ, презрѣнію, всякимъ несправедливостямъ, осужденный и у себя дома, и вѣвъ его на роль глупца, я на половину уже мертвъ...“

По истинѣ трагическая судьба человѣка безпомощнаго, нуждавшагося въ сердечномъ участіи и лишенаго этого утѣшенія! Но Мильтонъ не падалъ духомъ. Въ советѣ адресованномъ имъ своему другу Сиріаку Скиверсу онъ говорилъ: „Воть уже вѣсколько лѣтъ, Сиріакъ, какъ глаза мои, по вѣщности совершенно неповрежденные, утратили всякую способность различать предметы. Ни солнце, ни луна, ни звѣзды, ни женщина, ни мушкетеръ, ничто не отражается въ угасшихъ моихъ зрачкахъ. И все-таки я не ропщу на волю Всевышняго Промысла, вѣсколько не ослабѣло мое мужество и въ душѣ моей не умерли надежды. Чтѣ же, спросишь ты, поддерживаетъ меня? Сознаніе того мой другъ что потерялъ я зрѣніе на службѣ великому дѣлу, отстаивая дорогіе всему человѣчеству принципы свободы. Одушевляемый этою мыслью я иду твердыми шагами по житейскому полрщцу и не нуждаю мнѣ другаго руководителя.“ Мильтонъ не замедлил доказать что это были не пустыя слова: когда повидимому все уже было потеряно для него, когда глубокое разочарованіе должно было овладѣть имъ, онъ издалъ *Потерянный Рай*.

IX.

Прежде всего нельзя не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на томъ что Мильтонъ выступилъ съ поэмой доживавшей обезсмертить его имя, когда уже ему было

около шестидесяти лѣтъ отъ роду. Въ этомъ возрастѣ дѣятельность всякаго писателя уже влоаѣ опредѣлилась, а Мильтонъ не только не сказалъ своего послѣдняго слова, но если бы сошелъ онъ въ могилу оставивъ по себѣ лишь *Комуса* и мекія стихотворенія, то имя его далеко не заняло бы того мѣста въ литературѣ которое теперь по праву принадлежитъ ему. Къ великому своему произведенію приготовлялся онъ всею своею жизнью: этимъ уславиваются громадныя достоинства *Потеряннаго Раа*, но это же породило и его недостатки. Если Гёте находилъ неудачнымъ выборъ темы которая „лишь по вѣншности представляется содержательною, а въ сущности пуста и источена червами“ (innerlich hohl und wurmsichtig), то многіе упрекали его и за то какъ отнесся онъ къ своему предмету. Съ первыхъ же строкъ поэмы Мильтонъ является учителемъ, пророкомъ; онъ не хочетъ предаваться свободно полету своей фантазіи, его цѣль „оправдать Вѣчное Провидѣніе и истолковать людямъ пути которыми Оно ведетъ ихъ“, отсюда, на ряду съ удивительными картинами, утомительное резонерство, безконечныя разсужденія о богословскихъ вопросахъ. Мильтонъ внесъ въ поэзію то что интересовало его въ теченіе долгихъ лѣтъ, что съ поэзіей не имѣетъ ничего общаго.

Въ этомъ отношеніи, говорятъ нѣкоторые критики, жизнь Мильтона, общественная его дѣятельность отразилась губельно на его талантѣ. Въ молодости онъ былъ доступенъ всѣмъ свѣтлымъ впечатлѣніямъ, гаубоко проникнуть никогда неувядаемыми красотами классической древности, чувство изящнаго проявлялось у него съ поразительною силой, затѣмъ слѣдуетъ продолжительный періодъ времени когда литература почти не занимала его, но періодъ этотъ миновалъ, возвратился Мильтонъ къ тому что составляло для него главнѣйшій интересъ, и хотя талантъ его возмужалъ, окрѣпъ, нельзя было однако не замѣтить въ немъ рѣзкую перемѣну. Разгадка ея заключалась въ томъ что лучшіе годы своей жизни онъ посвящалъ служенію идеямъ пуританизма, велъ за нихъ упорную борьбу. Это оставило на Мильтонѣ неизгладимый слѣдъ. Пуританизмъ, относящійся съ неумолимою суровостью ко всякимъ житейскимъ радостямъ, преслѣдующій самыя невнятыя развлечения, требующій отъ человѣка постоянно строгаго душевнаго настроенія, принуждающій его, даже когда такое настроеніе не овладѣваетъ имъ вдругъ и во

всякое время, замѣнять его лицемѣриемъ, по самому существу своему враждебнѣе поэзіи. Она должна служить его цѣлямъ, иначе онъ видитъ въ ней только вредъ. Мильтонъ вполне усвоилъ себѣ это воззрѣніе. Подъ вліяніемъ его онъ не задумывался бросать камнями въ то что служило нѣкогда предметомъ его покловенія, высказывать мысли отъ которыхъ онъ отшатнулся бы въ былые годы. Въ *Возраженіи* *Ратъ* онъ утверждаетъ даже что никогда Гомеръ и Софоклъ не произвели бы того что прославило Грецію если бы не черпала своего вдохновенія, да и то не совсѣмъ искусно, въ Палестинѣ:

That rather Greece from us (Евреевъ) these arts derived,
 Illimitated, while they loudest sing
 The vices of their deities and their own
 In fable, hymn or song, so personating
 Their gods ridiculous and themselves past shame.
 Remove their swelling epithets, thick laid
 As varnish on a harlot's cheek; the rest
 This sown with aught of profit or delight,
 Will far be found unworthy to compare
 With Sion's songs, to all true taste excelling.

„Невольна хочется повторить, замѣчаетъ одинъ нѣмецкій критикъ, слова Офеліи: какой погибъ благородный умъ! Какъ не сказать этого когда дѣло идетъ не о второстепенномъ поэтѣ, не о Байронѣ, Гейне или Мюссе, но объ одномъ изъ тѣхъ рѣдкихъ избравниковъ человечества какіе не встрѣчаются въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Какъ не пожалѣть что столь громадный талантъ сбился съ пути и вынужденъ былъ бродить по безбрежнымъ пустынямъ протестантской схоластики.“ И это тѣмъ печальнѣе, продолжаемъ говорить словами людей безпощадно анализирующихъ слабыя стороны Мильтона, что онъ не былъ созданъ для дѣятельности которую избралъ себѣ. Великая борьба происходила въ Англіи, но онъ игралъ въ ней второстепенную роль, не оказывалъ рѣшительнаго вліянія на событія которыя шли бы предвѣстившимъ для нихъ ходомъ если бы и вовсе не замѣшано было въ нихъ его имя. Для того чтобы написать превосходный трактатъ о свободѣ печати вовсе не нужно было ему становиться въ ряды фанатической секты, а брошюры для прославленія республики и для

доказательства что Карлъ I заслужилъ свою судьбу могъ бы составить и всякій другой rédacteur auf affaires étrangères: вѣроятно, онъ былъ бы написанъ несравненно хуже, но что отъ этого? Poleмическія сочиненія Мильтона, несмотря на огромный талантъ обнаруженный въ нихъ, несомнѣнно свидѣтельствуютъ однако о томъ что ни какъ мыслитель, ни какъ политикъ онъ не внесъ ничего новаго и оригинальнаго въ сферу идей которыми жила современная ему Англія, а то что было у него оригинально и ново, возрѣвша его на семейныя узы, на отношенія церкви къ государству, не могло не встрѣтить рѣзкаго отпора со стороны общества.

Въ сужденіяхъ здѣсь изложенныхъ вами есть, конечно, много вѣрнаго, но все-таки нельзя влодитъ присоединиться къ нимъ. Какимъ бы гениемъ ни обладалъ человекъ, онъ принадлежитъ своему времени, нравственная атмосфера коего всецѣло отражается на немъ. Онъ не можетъ оставаться чуждъ его интересамъ, не можетъ не раздѣлять страстей и стремленій окружающаго его общества. Въ противоположность Мильтону указываютъ на Шекспира, но еслибъ и Шекспиръ жилъ въ среднѣ XVII вѣка, когда вся Англія охвачена была неслыханнымъ до тѣхъ поръ броженіемъ, то, при всемъ его олимпійскомъ спокойствіи, тревожное время и на его творчество наложило бы вѣроятно свою печать. Прибавимъ что сама природа Мильтона влекла его къ луританизму. По произведеніямъ его молодости уже можно судить о тѣхъ которыми ознаменовалась его старость, такъ что въ этомъ отношеніи совершенно неосновательно проводить между ними рѣзкое различіе. „Мильтонъ, говоритъ биографъ его Штеръ, стоялъ на рубежѣ двухъ вѣковъ. При появленіи своемъ на литературномъ поприщѣ онъ поглощенъ свѣтлыми образами эпохи Возрожденія, благоговѣетъ предъ всѣмъ что есть прекраснаго въ нравственномъ мірѣ и что есть нравственнаго въ мірѣ красоты, но уже въ это время можно замѣтить что энтузіазмъ его лишень той свободы и непринужденности которыми отличались его предшественники. Сила луританскихъ идей уже угрожаетъ отвлечь его отъ пути по которому слѣдовали лорты Елисаветинскаго царствованія. Нужно было ему только воспламениться участіемъ къ не замедлившей наступить борьбѣ, а онъ не былъ бы вѣренъ самому себѣ еслибы стоялъ въ сторонѣ отъ нея, чтобъ изъ Мильтона, послѣдшаго

ловта времени Возрожденія, сдѣлать перваго и величайшаго поэта пуританизма.“

Потерянный Рай появился въ 1667 году. Онъ былъ напечатанъ книгопродавцемъ Самуиломъ Симмонсомъ, который обязался уплатить автору 10 фунт. стерл. когда разоидется первое изданіе и столько же за два послѣдующія,—любобытное указаніе на то какъ цѣнились тогда труды даже такихъ писателей которые пользовались достаточною извѣстностью въ своемъ отечествѣ. Цензура была очень свисходительна: она требовала выкинуть только одно мѣсто въ первой книгѣ гдѣ находится сравненіе Сатаны съ солнцемъ:

as when the sun new-raisen
Looks through the horisontal misty air,
Shorn of his beams; or from behind the moon,
In dim eclipse, disastrous twilight sheds
On half the nations, and *with fear of change*
Perplexes monarchs,

но потомъ допустивъ и его. Разбирать подробно поэму Мильтона значило бы написать особый о ней этюдъ. Мы воздерживаемся отъ этого, не будемъ перечислять ея красоты, дѣлающія ее однимъ изъ перловъ англійской литературы. Творецъ вселенной, Мессія, Сатана, Адамъ и Ева, сонмы ангеловъ и вечистыхъ духовъ, небо и адъ, вотъ что изображаетъ Мильтонъ: даже его гевій не могъ совладать съ этою темой, по крайней мѣрѣ никто не думаетъ отрицать что далеко не всѣ части поэмы отличаются одинаковыми достоинствами. Образъ Сатаны особенно удался автору, такъ что еще Аддисонъ замѣтилъ что, конечно противъ его желанія, Сатану слѣдуетъ считать героемъ эполеи. Мильтонъ придалъ ему рѣзкія опредѣленные черты, что вообще встрѣчаемъ мы очень рѣдко въ *Потерянномъ Рай*: властолюбіе не знающее никакихъ границъ, самоувѣренность и гордыня, постоянныя воззванія къ свободѣ чтобы прикрыть свое чудовищное честолюбіе, притворная искренность за которою скрывается злобное коварство, все это заставляло многихъ предполагать будто изображая Сатану Мильтонъ имѣлъ въ виду Кромвеля. Странная догадка! Неужели авторъ рѣшился бы произвести хулу надъ собственною дѣятельностью, выставляя въ ненавистномъ свѣтѣ человека за знаменемъ котораго онъ шелъ послушно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ? Касаясь небесныхъ сферъ Мильтонъ обнаружилъ полное безспіе: онъ

хочетъ въ осязательныхъ образахъ представить непостижимое уму человеческому величіе Творца вселенной, но читатель остается холодеетъ. Предъ нимъ цѣлый рядъ картинъ, которыя вмѣсто помысловъ о Небѣ возводятъ его на земаю. Справедливо замѣчено было что его Богъ,—земной монархъ, окруженный такимъ же этикетомъ какой господствовалъ при дворѣ Карла I. Но поэтической геній Мильтона воплотивъ проявился въ описаніяхъ райской жизни: какія картины природы! Одинъ ландшафтъ восхитительнѣе другаго: блескъ солнца, тихое сіяніе луны, роскошь растительности, мамѣшіе переливы цвѣтовъ схвачены съ недосыгаемою вѣрностью, а между тѣмъ для человѣка который какъ будто созерцаетъ всю прелесть міроздавія когда воспроизводилъ ее въ своей повѣи давало уже наступила непроглядная ночь. Точно также неподражаемо оны въ изображеніи счастливаго, мелорочнаго существованія двухъ первыхъ людей: ни въ какой другой литературѣ нельзя указать на болѣе очаровательную цѣлію. Къ сожалѣнію Мильтонъ портитъ ее влагая въ уста Адама и Евы, чаще всего въ уста Адама, рѣчи исполненные отнюдь не поэтического резонерства. Адамъ непрерывно разсуждаетъ у него, разсуждаетъ съ Богомъ о неудобствахъ одиночной жизни, съ архангеломъ Рафаиломъ о свободной волѣ человѣка, съ Евой о вредѣ праздности, о необходимости для женщины заботиться домашнимъ хозяйствомъ и т. д. Хотя съ этой стороны Тевъ судить Мильтона слишкомъ строго, но есть однако не мало справедливаго въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ высказанныхъ имъ въ его *Исторіи англійской литературы*: „Адамъ и Ева, первобытная чета! Приближаюсь къ нимъ въ надеждѣ встрѣтить Адама и Еву Рафаиловскихъ, чудныхъ дѣтей, мощныхъ и граціозныхъ, нагихъ лодъ открытымъ небомъ, неподвижно и безмолвно созерцающихъ пламеннымъ и растеряннымъ взоромъ красоты природы. Прислушиваюсь къ ихъ бесѣдѣ, и предо мною почтенная англійская семья, два резонера, въ родѣ индѣпендента полковника Готчисона и его супруги. О Боже, одѣвайтесь покорнѣе! Такіе цивилизованные люди прежде всего избрѣли бы себѣ платье и привыкли бы стыдливостью. Чтѣ за разговоры! Академическія диссертаціи завершаемыя любезностями, проповѣди которыя окамчиваются реверансами. „Я поддалась, говорить Ева, и съ этой минуты для меня ясно, насколько красота ниже, мужественной граціи и мудрости которая только

одна по истинѣ привлекательна““. Дорогой и ученый поэтъ, ты былъ бы конечно влоливъ доволемъ еслабъ одна изъ твоихъ трехъ жевъ отвѣчала тебѣ подобнымъ афоризмомъ. А вотъ еще сцена, какъ бы цѣлкомъ выхваченная изъ твоей семейной жизни: „Такъ говорила прародительница рода человеческого объявъ Адама съ привлекательною принужденностью, со взоромъ исполненнымъ супружеской вѣжності, а овъ, восхищенный ея красотой и смиреніемъ, даритъ ее достойною улыбкой и напечатываетъ на устахъ ея цѣломудренный поцѣлуй““. Очевидно что этотъ Адамъ жилъ въ Англіи прежде чѣмъ вступить въ земной рай. Овъ усвоилъ тамъ себѣ известнаго рода геспектабилити. Адамъ Мильтона, почтенный отецъ семейства, избиратель, членъ палаты общинъ, бывшій студентъ Оксфордскаго университета, къ которому жена обращается за совѣтами, а овъ педантически изучаетъ ее. Завтра ждетъ овъ ангела и заставляеть Еву позаботиться о приличномъ угощеніи:

go with speed
And what thy stores contain bring forth and pour
Abundance, fit to honour and receive
Our heavenly stranger...

„и надо видѣть какое рвеніе овладѣваетъ гостепріимвою леди! Она удаляется послѣдними шагами съ озабоченнымъ взоромъ. Чтѣ бы выбрать поделукачье?“

What choice to choose for delicacy best,
What order so contrived as not to mix
Tastes not well join'd, inelegant, but bring
Taste after taste upheld with kindest change.“

Потерянный Рай представляетъ собою законченное цѣлое. Тема была исчерпана и не требовала дальнѣйшаго развитія. Мысль о томъ чтобы дополнить ее, идти далѣе по этому пути, могла быть внушена отнюдь не художественными, а развѣ богословскими соображеніями. Такъ повидимому и было въ дѣйствительности. „Однажды, разказываетъ другъ Мильтона, квакеръ Эальвудъ, бесѣдуя съ нимъ объ его поэмѣ, я спросилъ его шутя:—ты много повѣдалъ намъ о потерянномъ раѣ, но не приходитъ ли тебѣ на умъ разказать и о томъ какъ снова человекъ обрѣлъ путь къ утраченному блаженству? Мильтонъ ничего не отвѣчалъ мнѣ, но нѣсколько времени находился въ раздумьѣ. Разговоръ прервался на

этомъ. Когда прекратилась эпидемія и онъ счелъ возможнымъ вернуться изъ деревни въ городъ, я по обыкновенію не замедлялъ побѣтить его, причемъ онъ показалъ мнѣ новое свое произведеніе:—этимъ обязавъ я тебѣ, сказалъ онъ, ибо еслибы въ Чальфонтѣ (загородная дача Мильтона) ты не подавалъ мнѣ мысля, то вѣроятно никогда не принялся бы я за подобный трудъ“. Къ первой своей повѣсти Мильтонъ готовился очень долго, онъ выносилъ ее въ своей душѣ прежде чѣмъ выплала она на бумагу, что же касается *Возращеннаго Раа*, то онъ написалъ былъ въ сравнительно не долгій срокъ, подъ вліяніемъ посторонняго внушенія, а потому нѣтъ въ немъ такихъ красокъ, такой силы, отъ него вѣетъ холодомъ. Быть-можетъ объяснять это нужно еще и тѣмъ обстоятельствомъ что одновременно съ *Возращеннымъ Рааемъ* авторъ трудился надъ другимъ произведеніемъ, гораздо болѣе соответствовавшимъ настроенію его духа

Въ немъ не замоклали еще страсти волновавшія его въ былые годы, онъ не отказался ни отъ одного изъ своихъ заветныхъ убѣжденій, и въ сердцѣ его кипѣло непреодолимое негодованіе въ виду того какъ торжествующіе враги дорогого ему порядка вещей попирали все чтъ ему было дорого. Онъ вѣрнулъ что наступитъ часъ ихъ гибели и хотѣлъ предсказаніемъ этого часа смутить ихъ веселье. Аллегорія слѣшкомъ видна въ *Самсонѣ* (*Samson Agonistes*), этой лебединой пѣснѣ престарѣлаго поэта. Для новаго своего произведенія избралъ Мильтонъ драматическую форму, къ которой ни разу не обращался со времени своего *Колуса*. Въ предисловіи счелъ онъ необходимымъ изложить свои мысли по ея поводу. Извѣстно что пуритане относились крайне враждебно къ театру, Мильтонъ не становится вполнѣ на ихъ точку зрѣнія, но нельзя не замѣтить что не даромъ былъ онъ однимъ изъ сподвижниковъ пуританства, что на драматическое искусство смотрѣлъ онъ уже далеко не такъ какъ въ своей молодости. Национальная англійская драма встрѣчаетъ съ его стороны суровый приговоръ, и это потому что писатели „унизили достоинство и серьезность трагедіи примѣсью комическаго элемента, выводя на сцену низкихъ и вульгарныхъ лицъ“; неудивительно, говоритъ онъ, что „всѣ разсудительные люди находятъ подобную манеру нечлѣпою и безтактною“. Оужденіе это безусловно, оно должно относиться и къ Шекспиру. Столь печальный переворотъ произошелъ, по

миѣннѣю Мильтона, отъ того что драма удалась отъ вѣчныхъ и непреложныхъ образцовъ, какими должны служить для нея произведенія Эсхила, Софокла и Эврипида; малѣйшее уклоненіе отъ нихъ обращается ей во вредъ; она должна сообразоваться съ ними относительно какъ общаго тона, такъ и всѣхъ подробностей. Именно этого правила рѣшился держаться Мильтонъ. Въ своемъ *Самсонѣ* онъ возстановляетъ древній хоръ, хотъ и безо всякой необходимости; число дѣйствующихъ лицъ у него, какъ и въ античной трагедіи, очень ограничено; выведенъ также „вѣстникъ“, на обязанности котораго лежитъ сообщать зрителямъ о событіяхъ происходящихъ за сценою; все дѣйствіе обнимаетъ не болѣе сутокъ.

Сюжетомъ для своей драмы избралъ Мильтонъ послѣдній день жизни Самсона, тотъ день когда Филистимляне устроили празднество своему идолу Дагону и среди общаго ликованія разрѣшили и несчастному, который такъ долго былъ ихъ грозой, а нынѣ томился въ позорномъ рабствѣ, подышать на чистомъ воздухѣ. Самсона выводятъ подъ руки, онъ садится на скамью и олакиваетъ свою участь, сравнивая чѣмъ былъ онъ прежде и во что превратился теперь. Особенно удручаетъ его слѣпоты. „Слѣпецъ среди враговъ, ни цѣпи, ни тюрьма, ни нищета, ни старческая дряхлость, ничто не можетъ сравниться съ этимъ горемъ. Свѣтъ, одно изъ первыхъ созданій Бога, исчезъ для меня и негдѣ мнѣ искать источника утѣшенія. О мракъ, мракъ, глубокій мракъ среди дневнаго свѣта, вѣчная непроглядная ночь! Зачѣмъ великое слово: „да будетъ свѣтъ и бысть“ не простираетъ и на меня своей благотворной силы?...“ Хоръ старается утѣшить слѣпца, отецъ его обнадеживаетъ его мыслью что, быть-можетъ, удастся значительнымъ выкупомъ возвратитъ ему свободу. Входитъ Далила и умоляетъ его о прощеніи, но онъ неумолимъ, не въ состояніи забыть что она была виновницей его гибели. „Законы дарованные самимъ Богомъ, воскалцаетъ по удаленію ея хоръ, обезпечиваютъ мужу господство надъ женою, льстятъ ли она ему или ролцетъ, онъ долженъ лостоляно обуздывать ее своею непреклонною волею, иначе завладѣваетъ она имъ прежде чѣмъ онъ замѣтитъ это.“ Вѣстникъ отъ имени своихъ повелителей (*his lords*) приглашаетъ Самсона на площадь, гдѣ происходитъ торжество въ честь идола, чтобы попробовать тамъ свою силу; сначала Самсонъ не хочетъ и слышать объ этомъ: ему, прославившемуся вѣкогда

столь великими подвигами, кажется обиднымъ появиться „среди атлетовъ, фокусниковъ, танцоровъ и комедіантовъ“, но увѣщанія хора и настойчивыя требованія вѣстника заста-вляютъ его изменить свое рѣшеніе. Онъ идетъ съ твердою увѣренностью что ему еще суждено совершить вѣчто великое, что Богъ дастъ ему силы отомстить врагамъ и не полу-стать ихъ издѣваться надъ его несчастіемъ. Черезъ вѣсколко времени лица остающіяся на сценѣ слышатъ трескъ и вмѣ-стѣ съ тѣмъ такой стонъ „какъ будто цѣлый народъ умираетъ мученическою смертію“. Вѣстникъ приходитъ извѣстить что Самсоновъ погибъ, но что подъ разрушеннымъ имъ зданіемъ наша смерть и вожди Филлистимлявъ.

Интересъ драмы, о которой говоримъ мы, значительно воз-вышается тѣмъ что въ ней на каждомъ шагу разсланы ука-занія на личность самого автора. Не трудно убѣдиться что Мильтонъ писалъ ее съ мучительною болью сердца, обраща-ясь воспоминаніями ко всему что было пережито имъ. И онъ, подобно Самсону, напрягалъ вѣкогда силы въ борьбѣ, и онъ сдѣлался посмѣшищемъ для своихъ враговъ, Филлистимлявъ революціи; и онъ имѣлъ несчастіе соединить свою судьбу съ судьбой женщины вышедшей изъ непріятельскаго лагеря и причавившей ему не мало горя; и онъ былъ пораженъ слѣ-потой. Если Самсоновъ среди удручавшихъ его несчастій ни на минуту не сомнѣвался въ торжествѣ своего дѣла, то такая же непоколебимая вѣра одушевляла и автора *Потеряннаго Раа*. Онъ не дождалъ до переворота 1688 года, но уже пред-видѣвъ что сильныя руки сокрушатъ столбы на которыхъ покоилось зданіе реставраціи Стюартовъ.

Мильтонъ умеръ 8 ноября 1674 года, не переставая тру-диться до послѣдней минуты. Мы уже упоминали выше что кромѣ науки занимали его и различныя ученые предпріятія. Обширный латинскій лексиконъ и латинская грамматика, исторія Англіи съ древнѣйшихъ временъ до завоеванія ея Норманнами, богословскій трактатъ, въ которомъ изложилъ онъ свои религиозныя вѣрованія—все это исполнено было имъ въ то время когда онъ совершенно удался отъ дѣлъ. Онъ задумалъ также составить политическую географію раз-личныхъ странъ съ подробнымъ указаніемъ на ихъ рели-гію, образъ правленія, нравы, но не успѣвъ осуществить вполнѣ свое намѣреніе: памятникомъ его осталось только, какъ извѣстно, описаніе Московскаго государства. Время

свободное отъ занятій Мильтонъ любилъ проводить въ бесѣдѣ съ друзьями и съ людьми которыхъ привлекала къ нему его извѣстность; по словамъ Фелпса, посѣтителей бывало у него очень много, въ томъ числѣ „лица знатаго происхожденія и даже иностранцы“. Сохранился портретъ писанный съ него въ его старости: онъ изображенъ на немъ въ широкомъ плащѣ, переброшенномъ съ одного плеча на другое; вокругъ шеи большой бѣлый воротникъ; длинные сѣдые волосы, съ проборою посрединѣ, падающіе на плечи, окаймляютъ худошавое лицо; въ выраженіи что-то строгое, если не суровое, быть-можетъ отъ того что въ глазахъ вѣтъ жизни. Фелпсъ говоритъ о своемъ дядѣ что онъ отащанъ „серіознымъ, сосредоточеннымъ, но немеланхолическимъ характеромъ, не былъ угрюмъ, брюзгливъ и раздражителемъ, потому что умъ его возвышался надъ житейскими мелочами“. Мильтонъ не умѣлъ прощать. Онъ всегда былъ неумолимъ къ своимъ противникамъ и предъ смертью не хотѣлъ помириться съ дочерью. „Наслѣдство, говоритъ онъ въ завѣщаніи, которое должно перейти ко мнѣ отъ Поуэла, отца моей первой жены, оставляю я жестокосердымъ дѣтямъ (to the unkind children) которыхъ имѣлъ отъ нея; до сихъ поръ я еще ничего изъ него не получалъ. Полагаю что кромѣ этой части и кромѣ того что уже было мною затрачено на нихъ, онъ не имѣетъ права пользоваться остальнымъ моимъ достояніемъ, ибо не исполняя относительно меня своихъ обязанностей.“

Англичане гордятся Мильтономъ и отводятъ ему мѣсто почти на ряду съ Шекспиромъ. Слава его признана и вообще въ Европѣ, хотя нельзя отрицать что тамъ онъ далеко не такой любимый поэтъ, далеко не возбуждаетъ такихъ восторговъ какъ въ своемъ отечествѣ. Происходитъ это отъ того что англійскому обществу дорогъ онъ не поэтическимъ только своимъ гениемъ, но и чуждымъ другимъ націямъ настроеніемъ своего духа, всѣмъ складомъ своихъ убѣжденій и вѣрованій. Въ половинѣ XVII вѣка сложился тотъ типъ Англичанина какимъ мы знаемъ его теперь, точно также какъ основныя черты національнаго характера Италианцевъ обозначились вполнѣ опредѣленно въ первой половинѣ XVI столѣтія, а Французовъ, — въ періодъ времени послѣ релігіозныхъ войнъ, въ царствованіе Генриха IV и Лудовика XIII. Нигдѣ этотъ переворотъ не былъ такъ рѣзокъ какъ въ Англии. Поколѣніе пережившее время great Rebellion было уже

вовсе непохоже на то которое непосредственно ему предшествовало, оно носитъ характеръ несвойственный Англичанамъ прежде и который сохранился за ними донынѣ. Генрихъ Гейне утверждалъ будто для цстаго сына Альбиона театръ не что иное какъ дьявольское изобрѣтеніе и что трудно даже представить себѣ что Шекспиръ былъ Англичанинъ. Порождено было это пуританизмомъ, который хоть и не одержалъ полной побѣды, но тѣмъ не менѣе лустилъ глубокіе корни въ англійскомъ обществѣ. Мильтонъ служить самымъ блестящимъ представителемъ его въ литературѣ, и вотъ почему онъ такъ дорогъ своимъ соотечественникамъ. Они охотно мирятся съ его увлеченіями, забываютъ все что было непрактическаго и страннаго въ его теоріяхъ, ради того источника откуда онъ черпалъ живительную влагу, который не иссякъ для нихъ и до сихъ поръ.

Р.

ВОКРУГЪ АЗІИ

ЧРЕЗЪ СИБИРЬ

I.

Итакъ, я опять на твердой землѣ... Маленькая комнатка въ *Hôtel de Louvre*, единственной сносной гостиницы во Владивостокѣ, гдѣ я поселился уже нѣсколько дней, безпорядочно загромождена моими вещами и я сижу надъ ними какъ Маріи на развалинахъ Кареагена, недоумѣвая какъ упрятать всю эту массу въ три чемодана и двѣ тростниковыя корзины, привезенныя мною изъ Яловіи. Я собираюсь и укладываюсь въ дальнюю, утомительную, но интересную дорогу. Рѣшеніе возвратиться домой чрезъ Сибирь, неясно мелькавшее въ мысляхъ еще при началѣ путешествія, теперь принято безповоротво и окончательно, и уже не можетъ быть измѣнено, даже еслибъ я самъ захотѣлъ этого. Пароходъ *Нижній Новгородъ*, на которомъ я предполагалъ сначала отправиться въ обратный путь, ушелъ нѣсколько дней тому назадъ, а 29 іюня утромъ я проводилъ и *Владивостокъ*; онъ ушелъ тоже и ушелъ безъ меня; я остался на берегу и стоя на адмиральской пристани отъ души посылая ему прощальныя привѣтствія, лока онъ медленно пробирался по извѣстному рейду, направляясь къ открытому морю. Надвинувшіяся скалы

скоро скрыли его изъ глазъ, и только бѣлая верхушка мачты долго еще лыла въ воздухъ, высоко надъ серебряною поверхностью Золотога Рога. Когда онъ чрезъ двѣ недѣли снова вернется сюда, я буду уже далеко, въ глухихъ пустыняхъ и тайгахъ Сибири. Прощай же! мы не увидимся больше!

Прощайте и вы, мои кратковременные товарищи! Я не знаю гдѣ вы теперь; попрежнему „оживляете пустынные окраины“ путешествуя изъ Владивостока въ Николаевскъ, или терпите штормъ и треплетъ васъ лихая непогода у Сахалинскихъ скалъ, или отдыхаете гдѣ-нибудь на стоянкѣ въ Японскихъ водахъ, я не знаю; но во всякомъ случаѣ, гдѣ бы вы ни были, мой искренній привѣтъ вамъ!

Теперь меня ждетъ Сибирь, страна, съ именемъ которой у насъ соединяють неправильное помяте о холодѣ и смерти. Правда, здѣсь есть мѣста гдѣ мерзнетъ ртуть въ термометрѣ; Верхоявскій округъ, на примѣръ, по послѣднимъ метеорологическимъ наблюденіямъ можно считать самымъ холоднымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ. Но на громадномъ пространствѣ, занимающемъ почти $\frac{1}{7}$ часть суши, не одни эти мѣста; въ южной части своей Сибирь имѣетъ плодороднѣйшую въ мірѣ почву, урожаи хлѣба здѣсь бывають баснословные, а въ обширныхъ, безбрежныхъ какъ море степяхъ, фрукты вызрѣвають на открытомъ воздухѣ. Ея вѣковые лѣса, которыхъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій хватить на удовлетвореніе всѣхъ потребностей человѣка, изобилуютъ дичью и драгоценными звѣрами, ея громадная, тысячеверстная рѣка полна рыбой, въ ея нѣдрахъ скрываются неизчисленныя минеральныя богатства... А между тѣмъ она бѣдна и пустынна. Она можетъ прокормить свободно десятки и сотни милліоновъ, а въ ней считается всего три человѣка на квадратную милю. Когда же наступитъ поворотъ къ лучшему? И дождутся ли по крайней мѣрѣ наши праправнуки того времени когда эта прекрасная страна сдѣлается тѣмъ чѣмъ должна быть...

Въ общемъ мой маршрутъ былъ слѣдующій: сначала по Усури и Амуру, потомъ чрезъ Яблоновой хребетъ и Байкалъ до Иркутска, оттуда въ Томскъ, затѣмъ по системѣ рѣкъ Оби и Иртыша до Тюмени, далѣе чрезъ Уральскія горы и, наконецъ, по системѣ Камы и Волги. Мнѣ пришлось пробыть во Владивостокѣ нѣсколько дней, такъ какъ крошечный, подъ военнымъ флагомъ, пароходикъ *Польза*,

который долженъ былъ отвезти меня въ вершину Амурскаго залива, дѣлалъ рейсы только два раза въ недѣлю. Я отчасти былъ радъ этому; сборы мои по обыкновенію были непродолжительны, я накупилъ только провизіи, но за то много времени заняла укладка вещей, такъ какъ я хотѣлъ, по возможности, все купленное мною во время плаванія увести домой и оставлялъ только то что рѣшительно никуда не помещалось. Мнѣ помогали въ этомъ два моряка, изъ тѣхъ немногихъ лицъ съ которыми я познакомился во Владивостоки, надѣлая въ то же время совѣтами касательно дороги, къ сожалѣнію совершенно противорѣчивыми.

— Бросьте всѣ лишнія вещи, говорилъ одинъ,—и берите только самое необходимое, вы не повѣрите какая обуза имѣть съ собой столько поклажи. Если же вы поѣдете на легкѣ, то можно будетъ ѣхать безостановочно день и ночь; въ два мѣсяца вы доѣдете до Москвы и дорога покажется вамъ только долгимъ сномъ.

— Неправда, возражалъ другой, въ два мѣсяца лѣтомъ не проѣхать Сибири, нужно по крайней мѣрѣ три, а то и всѣ четыре. Да я и не совѣтую вамъ спѣшить; въ такой длинной дорогѣ только и хорошо когда ѣдешь съ комфортомъ; какую-нибудь тысячу верстъ можно проѣхать на спѣхъ, а десять тысячъ не тысяча, тутъ никакихъ силъ не доставить.

— Но вы забываете что придется большую часть дороги ѣхать на пароходѣ.

— Да, а за то дорога отъ Срѣтенска до Томска, она одна вытрясетъ всю душу. Да еще хорошо если удастся попасть въ Томскъ до осени, а то и впасть до Казани придется ѣхать на лошадаяхъ.

Я молчалъ слушая эти совѣты и оставлялъ за собой право поступить со временемъ по своему усмотрѣнію. Спѣшить конечно я не разчитывалъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ цѣль поѣздки совсѣмъ не достигалась. Я нарочно и ѣхалъ для того чтобъ увидеть Сибирь, хотя немного узнать ее, сравнить то что читалъ съ тѣмъ что есть на самомъ дѣлѣ и сдѣлать изъ этого кое-какіе выводы. Но и медлить очемъ было нельзя, необходимо было попасть въ Томскъ до конца навигаціоннаго періода, иначе предстояло путешествіе на саняхъ, а перспектива зимней дорога мнѣ нисколько не улыбалась. Впрочемъ мудро было загадывать что-нибудь впередъ и я рѣшилъ заботы о будущемъ предоставить самому будущему.

Наконецъ наступилъ и день отъѣзда; 1 июля пятеро Мангъ подхватили мои пожитки и поволокли ихъ на пароходъ, отчаянными свистками созывавшій своихъ пассажировъ. Впрочемъ *Пользу* даже нельзя назвать пароходомъ; это просто небольшой, хоть и довольно глубоко сидящій паровой катеръ, содержащій сообщеніе между Владивостокомъ и материкомъ.

Какъ я уже говорилъ выше, городъ расположенъ въ южной части полуострова Муравьевъ-Амурскій, между двумя большими заливами, Амурскимъ и Усурійскимъ. Въ Амурскій заливъ впадала рѣчка *Суйфунъ*, имѣющая начало въ китайскихъ предѣлахъ, и почтовая дорога идетъ по этой рѣкѣ, а потомъ степями до озера *Ханка*, составляющаго уже часть Усурійскаго бассейна. Хотя изъ Владивостока на Суйфунъ существуетъ прямой путь, но этотъ путь по горамъ неудобенъ и затруднителенъ, и потому правительство содержитъ на свой счетъ пароходъ для бесплатной перевозки пассажировъ и грузовъ по Амурскому заливу до устья Суйфуна, гдѣ ждетъ другой, тоже казенный пароходъ.

Отъ Владивостока до Суйфуна по прямой линіи всего 30 верстъ, и маленькій, легкій на ходу пароходъ быстро прошелъ это разстояніе. Послѣ такого большого, настоящаго океанскаго судна, какъ *Владивостокъ*, телерешивъ пароходъ производилъ какое-то странное впечатлѣніе и казался игрушкой. Но за то небольшое волненіе во время нашего переезда было для него ужъ ощутительно, такъ что онъ принялся раскачиваться и носомъ и кормой, и физиономіи его немощныхъ пассажировъ къ концу пути стали очень выразительно вытягиваться. А другой, совсѣмъ крошечный пароходикъ, который должны везти насъ по Суйфуну, такъ и во все не показывался изъ-за волненія, и мы, остановившись въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ берега, долго прождали его. Отъ нечего дѣлать я взобрался на близъ лежащій островъ, такъ-называемую *Косрижску*, громадную сѣрую скалу, ровную какъ столъ и наклонно спускающуюся къ морю; хотя на ней не было ничего, кромѣ чернобыльвика и лопыни да чаекъ, прятавшихся въ густой травѣ, но за то видъ съ нея открывался чудесный: Усурійскій заливъ лежалъ какъ чаша наполненная до краевъ, окаймленная горами, обступившими его амфитеатромъ со всѣхъ сторонъ; направо серебряною лентой видна Суйфунъ, а совсѣмъ на послѣднемъ планѣ неслышно бѣжали дома Владивостока, увѣнчанные двойнымъ ярусомъ холмовъ и залитые горячими лучами июльскаго солнца.

Но волею улеглась, другой пароходъ пришелъ на сѣчу нашему, и мы пошли по Суифуну. За первымъ же поворотомъ скрылось море, для меня можетъ-быть навсегда; вѣсто безбрежной скатерти водъ, единственной картины, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ бывшей у меня предъ глазами, теперь потянулись другіе ландшафты. Суифунъ маленькая, извилистая рѣчка, съ берегами густо заросшими ивой, тальникомъ и камышемъ. Окрестности вначалѣ пустыньны, такъ какъ въ толстой и болотистой мѣстности, окружающей рѣчку, нѣтъ ни одного селенія. Кое-гдѣ вдали видѣются невысокіе отлогіе холмы, покрытые травой. Рѣчка принадлежитъ намъ только среднимъ и нижнимъ теченіемъ и судоходна верстъ на сорокъ, отъ устья до поста Раздольнаго, за которымъ она принимаетъ характеръ простаго горнаго потока, извилистаго, мелкаго и загроможденнаго карчами и стволами деревьевъ. Въ этотъ разъ, за мелководьемъ, мы даже не дошли и до Раздольнаго и остановились верстъ за пять отъ деревни, въ глухой степи.

Впрочемъ и въ въ этой глухой степи въ настоящую минуту господствовало какое-то необычное оживленіе. На берегу расположился лагерьъ батальонъ солдатъ шедшихъ изъ Софійска въ Посьеть. Звуки команды и голоса людей скрепялись и перемѣшивались въ жаркомъ воздухѣ, въ разныхъ мѣстахъ по степи вилась сивеватый дымокъ отъ солдатскихъ кухонь, а подъ темными грулигами кленовъ и черной березы бѣжали ладатки, до половинъ скрывавшіяся въ густой, высокой травѣ.

За то ни пристави, ни чего-либо похожаго на нее, ни даже простыхъ мостковъ не было въ этомъ мѣстѣ, и начальство парохода, распорядившись перемести мои вещи на берегъ, считало всѣ свои обязанности относительно пассажировъ локомотивными, да по правдѣ сказать ничего больше и не могло сдѣлать. Отсюда черезъ Ханкайскія степи мнѣ предстоялъ переездъ на лошадяхъ, и одинъ свободный солдатикъ, соблазненный перспективою полученія рубля, вызвался съ нами въ деревню, а я воспользовался приглашеніемъ офицеровъ валиться чаю, что было очень кстати, такъ какъ на обоихъ пароходахъ не было буфета и я не ѣлъ съ самаго утра. Въ офицерскомъ кружкѣ, конечно, только и толковъ было что о предстоявшей нашей войнѣ съ Китаемъ, войнѣ, въ которой судя по ихъ передвиженію имъ было суждено

принять активное участіе. Кромѣ того, пришедши сюда съ сѣвера и привыкнувъ къ суровымъ пейзажамъ своей прежней стоянки, они всѣ восхищались здѣшней природой. Природа дѣйствительно прекрасная, и вообще Хавкайскія степи, т.-е. стотридцативерстное пространство между рѣкой Суифуномъ и озеромъ Ханка, лучшее мѣсто во всемъ Заусурійскомъ краѣ. Колонизація воспользовалась этимъ, и здѣсь уцѣлело довольно густое (конечно сравнительно) населеніе.

Случай привелъ меня прожить цѣлую недѣлю въ этихъ степяхъ: солдатъ посланный мною возвратился съ пустыми руками, сказавъ что у крестьянина бывшаго на очереди тигръ унесъ сегодня лошадь, и все взрослое мужское населеніе стаціи ушло караулить дерзкаго хищника. Тогда я отправился въ деревню самъ и узналъ тамъ что пароходъ на Ханка еще не приходилъ, а явится только черезъ недѣлю, такъ что у меня цѣлые шесть дней были свободны, и я рѣшилъ отлучку дней въ двухъ наиболѣе населенныхъ пунктахъ этой мѣстности, деревнѣ Никольской, посрединѣ дороги, и лѣсть Камель Рыболовъ на самомъ озерѣ Ханка.

Дорога здѣсь прекрасная, какую рѣдко можно встрѣтить въ другихъ мѣстахъ, что отчасти зависитъ и отъ мѣстоположенія. Мѣстность слегка всхолмленная, въ высшей степени удобная для хлѣбопашества, съ ровными отлогими холмами и длинными ладьями; холмы покрыты рошцами изъ дуба, черной березы и клена, а въ тѣнистыхъ мѣстахъ развивается роскошная растительность и въ изобиліи встрѣчаются плодовые деревья, акація, жасминъ, пробковое дерево, грецкій орѣхъ, красное дерево (маакія) и виноградъ, которымъ сплошь обвиты всѣ стволы. Только въ двухъ мѣстахъ дорога идетъ болотистыми долинами горныхъ рѣчекъ, но по нимъ устроены гати. Вхвать пришлось мнѣ ночью, такъ какъ днемъ во время лѣта здѣсь невыносимая жара; но за то ночи въ полномъ смыслѣ прелестныя, теплыя, вѣтряныя, съ яркими звѣздами, съ воздухомъ густо напоеннымъ ароматомъ цвѣтовъ... въ горныхъ ладьяхъ звукъ лошадиныхъ копытъ по твердой землѣ отдается тысячами перекатовъ, и почти на каждомъ шагу изъ-подъ ногъ словно искры вырываются свѣтяціяся мухи, оставающія за собой въ воздухѣ длинный огнистый слѣдъ.

Впрочемъ если дорога хороша внутри края, за то сообщеніе

его и съ моремъ и съ бассейномъ Усури изъ рукъ вовсе плохо. Всего лучше и аккуратнѣе возать здѣсь зимой, когда снѣгъ покроетъ землю, а суровые, хоть и непродолжительные холода закутютъ льдомъ воды. Лѣтомъ же, весной и осенью ѣзда на лошадяхъ невозможна, такъ какъ на югъ отъ Суйфуна до Владивостока идутъ невысокія, но труднопроходимыя горы, а на сѣверѣ около озера Ханка и дальше, вплоть до Усури, таятся топкія, болотистыя низменности. Остается пароходное сообщеніе, но пароходовъ здѣсь всего два и тѣ ходятъ очень неаккуратно. Расписаній рейсовъ или нѣтъ совсѣмъ, или же они нигдѣ не вывѣшены и иногда не исполняются. Пароходы то приходятъ раньше срока, то запаздываютъ по цѣлымъ недѣлямъ. Впрочемъ, въ то время когда я проѣзжалъ, рейсы были очень часты, такъ какъ слѣзили перевозить на югъ массу войскъ и провіанта.

Въ Ханкайскихъ степяхъ расположено довольно много деревень населенныхъ крестьянами, выходцами изъ Астраханской, Воронежской и Тамбовской губерній, кромѣ того небольшоимъ числомъ поселенцевъ и солдатами выслужившими свой срокъ и пожелавшими остаться здѣсь на житье, за что правительство выдаетъ каждому изъ нихъ до полутора ста рублей. Деревня Никольская одна изъ лучшихъ деревень края. Она выстроена въ 1867 году и хотя на слѣдующій же годъ была разорена и сожжена китайскими разбойниками (Хунхузами), но тотчасъ же была выстроена вновь, и теперь крестьяне живутъ въ ней замѣчательно хорошо.

Для этого существуютъ вѣдндо всѣ необходимыя условія; земля здѣсь не мѣрзлая и всякій беретъ столько сколько захочетъ и сколько въ состояніи обработать; плодородная, не требующая никакихъ удобреній почва даетъ богатые урожаи, а роскошные заливные луга, спускающіеся къ рѣкѣ Суйфунъ, находящейся отъ деревни всего въ пяти верстахъ, позволяютъ держать много скота. Относительно лодатей и повинностей жители пользуются различными льготами и вообще совершенно довольны своею судьбой. Вспоминая о Европейской Россіи и сравнивая свое привольное житье съ суровою жизнью на родинѣ, они всѣми силами стараются переманить оттуда къ себѣ своихъ родственниковъ и друзей; это иногда удается имъ, такъ что деревня постепенно увеличивается и насчитываетъ теперь до пятисотъ обитателей, но большинство эмигрантовъ не доходитъ сюда, такъ какъ дѣло

переселенія у насъ плохо обставлено; впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ мнѣ придется говорить объ этомъ подробно, теперь же замѣчу только что я считалъ бы свое отечество совершенно счастливымъ есабы всѣ крестьяне въ немъ могли жить такъ какъ живутъ здѣсь ихъ товарищи за десять тысячъ верстъ отъ родины.

Въ Никольскомъ есть даже общество, такъ какъ тутъ расположенъ 3й линейный баталіонъ, и офицеры устраиваютъ клубъ и выписываютъ разныя газеты. Вообще *Сибирь* для перваго начала показывается мнѣ очень хорошею стороною. Какова-то будетъ оборотная сторона медали?

Такое же пріятное впечатлѣніе оставило во мнѣ и двухдневное пребываніе въ *Камнѣ-Рыболовъ*, расположенномъ въ прекрасной мѣстности, на крутомъ берегу озера *Ханка*. Изъ ничтожнаго поста онъ постепенно разросся до степеней большаго селенія, ибо расположенъ на единственномъ мѣстѣ озера куда могутъ приставать пароходы. Всѣ переселенцы направляющіеся на югъ нашихъ зауссурійскихъ владѣній, должны такимъ образомъ по необходимости побывать въ *Камнѣ-Рыболовъ* и многіе изъ нихъ остаются здѣсь на постоянное жительство. Въ деревнѣ очень много каменныхъ домовъ, такъ какъ тутъ была стоялка баталіона, да и теперь находилась войска, но я не узналъ, мѣстныя ли или только расположенныя на время, такъ какъ въ то тревожное время вездѣ были войска и слышался звонъ оружія. Здѣсь же въ одномъ изъ многочисленныхъ магазиновъ я нашелъ даже и расписаніе пароходовъ *Амурскаго Товарищества*, гдѣ значилось что пароходы ходятъ по *Усури* разъ въ недѣлю, а по *Амуру* разъ въ двѣ недѣли, но хозяинъ магазина у котораго я купилъ два фунта варенья, въ порывѣ откровенности совѣтовалъ мнѣ лучше не полагаться на эти расписанія. Такъ какъ отсюда должно было начаться мое путешествіе водой, сначала по *Ханкѣ*, *Сунгачѣ* и *Усури*, а потомъ по *Амуру* и *Шпакѣ*, то часто гуляя по живописнымъ окрестностямъ *Камня-Рыболова* я съ нетерпѣніемъ всматривался вдаль, не покажется ли гдѣ-нибудь на сѣрыхъ, мутныхъ волнахъ знакомая синяя струйка дыма.

Наконецъ 6 іюля пришелъ пароходъ *Сунгача*, привеза по обыкновенію олять массу войскъ, и такъ какъ въ такомъ отдаленномъ глухомъ уголкѣ, какъ *Камень-Рыболовъ*, все выходящее изъ уровня обыденной жизни составляетъ

весьма помятое развлеченіе, то вся интеллигенція лоста, то-есть всѣ военные, пришли посмотрѣть на своихъ новыхъ товарищей, которыхъ посылала имъ судьба. Я тоже послѣдшилъ перебраться на пристань со своими вещами, но пароходъ, въ противность всѣмъ расписаніямъ, долго не уходилъ назадъ изъ-за расходившагося волненія. Для меня, привыкшаго къ океанскимъ волнамъ, это волненіе казалось совершенно ничтожнымъ, но жесточайшая головная боль, вскорѣ послѣ того какъ мы вышли, осязательно убѣдила меня въ его существованіи. Малемкій, мелкосидящій ласкодонный пароходъ бросало изъ стороны въ сторону, и небольшой перѣздъ въ теченіе одной ночи показался мнѣ хуже всего путешествія по морю. Озеро Ханка имѣетъ въ длину около 60, а въ ширину около 40 верстъ. При такой ширинѣ оно чрезвычайно мелко, и наибольшая глубина не превышаетъ 20 футовъ, да и то рѣдко, обыкновенно же 10, 12 футовъ, а у береговъ человѣкъ свободно можетъ уйти на нѣсколько верстъ по лодѣ въ водѣ. Но за то въ желтыхъ, всегда мутныхъ водахъ озера пропасть рыбы и эта единственная выгода которую оно приноситъ намъ. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ оно рѣшительно нѣкуда не годно; съ сѣвера, востока и юга его обступили болотистыя низменности, съ небольшими озерками, очевидно соединявшимися прежде съ бассейномъ главнаго озера, какъ это показываютъ небольшіе увалы. Эти низменности совершенно необитаемы, да и не могутъ быть обитаемы, и только на западномъ берегу Ханки, гдѣ мѣстность гориста, находятся наши поселенія, да и то дорога между нѣкоторыми лостами проходитъ иногда въ китайскихъ предѣлахъ. Въ озеро впадаетъ шесть рѣкъ, а вытекаетъ одна, Сунгача, впадающая въ Усури. Это глубокая протока, несущая весь избытокъ ханкскихъ водъ, съ весьма большимъ первоначальнымъ теченіемъ. Кромѣ того, по своимъ извилинамъ, это замѣчательная, въ своемъ родѣ единственная рѣка; въ то время какъ разстояніе между Ханкой и Усури равняется всего 87 верстамъ, если считать напрямикъ, длина Сунгачи 270 верстъ, т.-е. слѣшкомъ втрое, и несмотря на то что она очень глубока, вездѣ не менѣе 40, 50 футовъ и даже больше, такъ что нечего бояться свѣсть на мель, эти извилины въ соединеніи съ устьемъ рѣки сильно мѣшаютъ плаванію. Хотя мы шли днемъ и калитанъ принималъ всѣ возможныя мѣры предосторожности, все-таки часто кожухи

нашего парохода задѣвали и ломали прибрежные кусты, а баржа, которая шла на буксирѣ, чуть не выскакивала на берегъ. Съ точки зрѣнія красоты Сунгачивскія извилины пожалуй достойны замѣчанія, и вообще плаваніе по этой рѣкѣ производитъ особенное впечатлѣніе; рѣка вьется прихотливымъ узоромъ, поминутно на каждомъ поворотѣ открываются новые, и новые виды; берега густо заросли высокою травой, кустами тальника и другими древесными породами, и дикія птицы, прятвшіяся въ этой травѣ и потревоженные шумомъ пароходныхъ колесъ, съ крикомъ летѣли предъ нами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка такъ узка что кожухи парохода съ обѣихъ сторонъ почти касались береговъ, а нависшіе кусты образовали надъ нами шатеръ, такъ что мы шли какъ въ тоннелѣ. Но за то мѣстность орошаемая Сунгачей такъ же мало пригодна для чего-нибудь какъ и мѣстность около Ханки; по обѣимъ сторонамъ рѣки, вплоть до ея нижняго теченія, тянутся тѣ же толкія непроходимыя болота, гдѣ никакая осязательность немислима. По Сунгачѣ идетъ наша граница, и правый берегъ принадлежитъ намъ, а лѣвый Китаю; на китайскомъ берегу, на всемъ протяженіи вѣтъ ни одного дома, а съ нашей стороны, въ трехъ мѣстахъ расположены маленькія селенія въ три, четыре домика, не то сторожевые и пограничныя посты, не то почтовые стаціи. Живущіе въ нихъ казаки лѣтомъ должны доставлять дрова на пароходъ, а зимой перевозить проѣзжающихъ, ибо зима, когда замерзаютъ Сунгачивскія болота, единственное время для почтовой гоночки. Раннею же весной и позднею осенью, въ промежутокъ между лѣтнею навигаціей и зимнимъ саннымъ путемъ, здѣсь вѣтъ никакого сообщенія и въ Приморскую область со стороны Сибири невозможно попасть. Нечего и говорить что казаки получаютъ отъ казны хлѣбъ и всѣ необходимыя припасы, а сами ничего не сѣютъ, такъ какъ среди безконечныхъ болотъ едва можно найти мѣсто чтобы поставить домъ и развести огородъ. Печальны и увяды окрестности Сунгачи, по крайней мѣрѣ оны показались мнѣ такими когда я, воспользовавшись нагрузкою дровъ, отправился погулять по берегу. Мнѣ хотѣлось отыскать описанный Пржевальскимъ роскошный цвѣтокъ *Nelumbia pectinata*, родной братъ царственной Викторіи Амазонской рѣки; но или время цвѣтенія его еще не наступало, или я не углублялся далеко, только мои поиски были тщетны.

За то необозримыя Сунгачивскія болота лежали предо мною во всей красѣ. Эти болота начинаются уже въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ берега и издали походятъ на наши родимыя хлѣбныя поля, такъ какъ сплошь заросли камышомъ, тростникомъ и другими злаками почти сажennaго роста, и набѣгавшей изрѣдка вѣтеръ раздуваея по нимъ золотистыя волны. Но сходство было только кажущееся и вмѣсто плодородныхъ нивъ Средней Россіи здѣсь все было мертво и пустынно...

Къ вечеру втораго дня мы вступили въ воды Усури, этой русскои Миссисипи, какъ ее называютъ лыкіе охотники до саранки.

Переходъ былъ довольно рѣзокъ, ибо Усури даже въ мѣстѣ впаденія Сунгачи имѣетъ почти поперсты ширинны, и мы такимъ образомъ изъ узкой извилистой рѣки попали прямо на просторъ. Берега здѣсь измѣненны и покрыты кое-гдѣ рѣдкимъ кустарникомъ и тѣсомъ, а по рѣкѣ попадаются часто острова сплошь заросшіе ивнякомъ и представляющіеся въ видѣ большого зеленого латна. Мы перерѣзали рѣку вдоль и поперекъ, то пробирались впаоть около острововъ, то шли прямо серединой, такъ какъ Усури въ своемъ верхнемъ теченіи очень мелка, около 5 футовъ и того меньше, такъ что часто случалось что нашъ пароходъ, хотя сидѣлъ въ водѣ всего 2 $\frac{1}{2}$ фута, нѣсколько разъ доставалъ дно и принималася энергично работать колесами чтобы не увязнуть въ песокѣ.

По Усури, какъ и по Сунгачѣ, проходитъ наша граница съ Китаемъ, и по правому нашему берегу расположено 27 ставицъ въ которыхъ поселены казаки Уссурийскаго лѣшаго баталіона Амурскаго казачьяго войска. Китайскій берегъ пустыневъ, лишь изрѣдка встрѣчаются на немъ деревушки *гольдцовъ*.

Вообще ни Усури, ни весь нашъ Зауссурийскій край не можетъ похвастаться густымъ населеніемъ. Кромѣ 27 русскихъ ставицъ да небольшого числа Гольдцовъ, да еще меньшаго числа Манзѣ, безсемеинаго, пришлаго китайскаго населенія, здѣсь нѣтъ никого, и на нѣсколько десятковъ тысячъ квадратныхъ верствъ, впаоть до побережья Великаго Океана падетъ абсолютно необитаемая и совершенно неизвѣстная пустыня; уже въ 20, 30 верстахъ отъ Усури есть мѣсто гдѣ еще не ступала нога Европейца, а въ центральные отроги Сихотеллима даже жажда жизни не заводила никогда звѣропромышленниковъ...

Однако Гольды, несмотря на свою малочисленность, составляют преобладающее население въ Усурійскомъ краѣ; часто пробираясь недалеко отъ берега мы видѣли ихъ легонькія *оморочки*, длинныя, узкія лодки на которыхъ они развѣзжаютъ взадъ и впередъ по рѣкѣ. Гольды рыбаки по натурѣ и призванію и рыба для него все. Китайцы даже называютъ ихъ *юпи-та-туы*, рыбы кожи, такъ какъ и на одеждѣ они употребляютъ выдѣланныя шкуры рыбъ, по крайней мѣрѣ употребляли до послѣдняго времени, пока не научились локулатъ у Русскихъ грубыя шерстяныя и бумажныя матеріи. Не зная никакихъ прихотей, живя первобытною жизнью, они вполне довольны своею судьбой когда ловъ рыбы хорошъ; они не платятъ никому ничего и управляются сами собой.

Гдѣ-нибудь на скатѣ холма около ручья, или на отлогихъ долинахъ спускающихся къ рѣкѣ, или въ тѣнистыхъ горныхъ падахъ, которыхъ такъ много въ среднемъ теченіи Усури, причесутся гольдскія деревушки. Глиняные маленькіе дома совершенно похожи на *фанзы* Китайцевъ, которыя я видалъ во Владивостокѣ, а за деревней обыкновенно тянется длинный рядъ кольевъ съ поперечными перекладинами, вѣчто въ родѣ навѣса, гдѣ сушится рыба, знаменитая *юкола*, которая какъ *олуль* въ Забайкальѣ составляетъ преобладающую пищу и Русскихъ и инородцевъ въ Приморской и Амурской областяхъ. Это родъ лосося, *Salmo lagosephalus*, видомъ и вкусомъ не уступающій европейской семгѣ. Гольды ѣдятъ ее вяленою и сушеною въ теченіе продолжительной зимы, ѣдятъ ее сами, и кормятъ своихъ собакъ, а Русскіе солятъ и ѣдятъ подъ именемъ *куты*.

Гольды составляютъ въ этнографическомъ отношеніи совершенно самостоятельное племя, но повидать много инородцевъ на одномъ Амурѣ, и Гольдовъ, и Гиляковъ, и Орочовъ и Маньчжурь, а право не сумѣю отличить ихъ другъ отъ друга.

Обыкновенно, когда мы проѣзжали мимо, все население гольдской деревни высыпало на берегъ и съ любопытствомъ смотрѣло какъ мчится „водяное чудовище“ выбрасывая столбы дыма. Гольды до сихъ поръ не привыкли ни къ Русскимъ, ни къ ихъ пароходамъ, да и неудивительно, такъ какъ старожилы ихъ еще помнятъ то время когда „ни одинъ чужой глазъ не глядѣлъ на эту рѣку“. Дѣйствительно, Усури

можно назвать собою новою рѣкой, ибо до половины нынѣшняго столѣтія она была неизвѣстна для цивилизованнаго міра. Первый изъ Европейцевъ посетившій ее, былъ одинъ католическій миссіонеръ, жившій въ Китаѣ, Французъ де-ла-Брюньеръ. Отправившись въ 1846 году изъ Пакіадзе, онъ съ величайшимъ трудомъ и опасностями достигъ Санъ-Сина и Сунгаря, отсюда по глухой тропинкѣ дошелъ до Усури и спустился по ней до впаденія ея въ Амуръ, но тутъ поплатился жизнью за свою отважную попытку: Гуляки убили его и вырвали у него зубы и глаза, а изувѣченный трулъ подхватили волны великой рѣки и унесли въ океанъ.

Но вселокоряющая сила времени дѣлала свое дѣло; вскорѣ послѣ де-ла-Брюньера еще двое посетили эти пустынные мѣста, а чрезъ 12 лѣтъ Усури уже была присоединена къ Россіи и присоединена совершенно случайно.

Дѣло въ томъ что намъ нуженъ былъ Амуръ, который двѣсти лѣтъ тому назадъ мы такъ опрометчиво уступили, а между тѣмъ наша граница шла къ сѣверу отъ Амура по какимъ-то горамъ, которыхъ не знали ни мы, ни Китайцы. Пространство же отъ этихъ горъ до Амура было оставлено въ общемъ пользою, хотя мы имъ нисколько не пользовались, такъ какъ Китайцы гнали насъ при каждой попыткѣ. А между тѣмъ время шло и положеніе дѣлъ стало измѣняться. Мы узнали Амуръ лучше, узнали что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ и что доступъ въ Амурскій лиманъ съ моря возможенъ даже для большихъ судовъ. Амуръ такимъ образомъ пріобрѣталъ громадную важность для Россіи какъ единственная артерія края. Въ его устьѣ появилась нашъ портъ, другіе появились даже южнѣе, на Манчжурскомъ побережьи. Надо было не только пріобрѣсти Амуръ, но сохранить и это побережье, такъ какъ оно по обилію хорошихъ гаваней давало значеніе всей странѣ. А между тѣмъ, когда начаты были переговоры о приведеніи въ ясность границъ, то Китайцы насилью согласились уступить намъ Амуръ, и не давали ни ляди земли южнѣе его. Договоромъ заключеннымъ Муравьевымъ въ Айгунѣ, 16 мая 1858 года, было постановлено считать Амуръ границей двухъ государствъ; всѣ земли по лѣвую его сторону до устья отходили къ Русскимъ, а по правую до Усури оставались во владѣніи Дайцискаго (Китайскаго) государства; пространство же отъ

Усури до моря *оставалось въ общемъ пользованіи*, впредь до сѣдующаго соглашенія. Черезъ двѣ недѣли, 1 іюня, заключенъ былъ въ Тяньцзинѣ другой договоръ графомъ Путятинымъ, совершенно независимо отъ Айгунскаго, и границы тамъ были показаны прежнія, но богдыханъ, опасаясь что Русскіе подъ видомъ общаго пользованія опять современемъ отхватятъ значительный кусочекъ его собственныхъ владѣній, рѣшилъ уяснить дѣло и чрезъ три дня увѣдомилъ нашего посла такъ что онъ согласенъ считать границей Россіи *Усури вплоть до морскихъ портовъ*. Такимъ образомъ усурійскія владѣнія были намъ какъ бы подарены и мы съ радостью воспользовались этимъ подаркомъ, хотя до сихъ поръ не знаемъ что съ нами дѣлать.

Въ среднемъ теченіи Усури мѣстность терлетъ свой равнинный характеръ и появляются горы. Сначала онѣ тянутся вдали нѣсколькими отрогами, но потомъ доходятъ до самой рѣки и спускаются въ воду своими отлогими, поросшими дремучимъ лѣсомъ, скатами. Усури здѣсь уже быстрее и течетъ однимъ русломъ, не раздѣляясь на рукава. Иногда горы отходятъ далеко отъ берега, образуя обширныя возвышенныя долины. На лѣвомъ берегу горы выше чѣмъ на правомъ, но тутъ мѣстность совершенно пустынная и красоту ландшафта не оживляетъ присутствіе человѣка и его жилищъ, только въ разныхъ мѣстахъ по скатамъ холмовъ высятся поляныцы дровъ заготовляемыхъ для парохода, такъ какъ казаки не отвѣчаютъ тѣмъ что лѣвый берегъ не принадлежитъ намъ и преспокойно ѣздятъ сюда рубить дѣсь. Нѣсколько разъ во время стоянокъ парохода и я карабкался сюда чтобы получить понятіе о мѣстности. Трава по горамъ и въ лѣсу достигаетъ роста человѣка и вообще растительность здѣсь роскошная, притомъ вслѣдствіе континентальнаго климата и географически южнаго положенія, т. е. довольно низкой общей годичной температуры и чрезвычайно жаркаго мѣста, здѣсь страннымъ образомъ смѣшиваются сѣверныя и южныя формы. Рядомъ съ елью и сосной вы встрѣчаете вдругъ плодовые деревья и роскошныя заросли винограда, даже чисто подтропическіе виды, какъ напримѣръ, *Dymorphantus*, растущій въ Китаѣ и Японіи. Здѣсь же родина и драгоцѣннаго для Китайцевъ *жень-шеня* (*Panax Ginseng*), корни котораго, въ качествѣ универсальнаго, преимущественно же сильнаго

возбуждающаго средства продаются въ Китаѣ на вѣсъ золота. Впрочемъ, несмотря на такое разнообразіе растительности число извѣстныхъ видовъ растеній на Усури доведено только до 500, но это очевидно зависитъ отъ недостатка изслѣдованій, такъ какъ извѣстно что число растеній вообще увеличивается къ югу, а между тѣмъ въ Сѣверной и Средней Россіи растеній больше, такъ въ Петербургской губерніи ихъ 776 видовъ, въ Казани 780 и въ Москвѣ 795.

Въ здѣшнихъ горахъ живетъ пролать звѣрей, начиная отъ соболя и кончая тигромъ, и они единственные владѣтели края на далекое пространство внутрь страны, почти до самой Сунгары и большихъ городовъ Манчжуріи.

Не лучше и на нашемъ берегу. Во многихъ станицахъ мнѣ приходилось разспрашивать казаковъ и слушать отзывы постороннихъ лицъ, и отзывы эти были въ высшей степени неутѣшительны. Въ станицѣ Козакевичевой, напримѣръ, одной изъ самыхъ большихъ деревень края, гдѣ мы простояли около полу сутокъ, я былъ просто пораженъ бѣдностью жителей. Скота въ станицахъ мало, закладки почти нѣтъ, много развалившихся домовъ, между тѣмъ какъ кругомъ много прекраснаго строительнаго матеріала. Конечно, отчасти въ этомъ виноваты сами жители, такъ какъ трудно найти народъ лѣнивѣе и раслуцяннѣе Усурійскихъ казаковъ, но... виновато и многое другое. Казаки жалуются на недостатокъ обыва, когда есть что сбывать, Впрочемъ это бываетъ рѣдко, а чаще жалуются на бѣдность, на то что нечего сбывать. Жалуются на бездорожье, на то что тайга кругомъ, и конца ей нѣтъ, такъ что иной разъ нельзя привезти бревна за десять верстъ; жалуются на тигровъ, которые ѣдятъ ихъ скотъ. Неурожай здѣсь дѣло самое обыкновенное; станицы выстроены не тамъ гдѣ удобнѣе, а тамъ гдѣ придется, большею частію на низменныхъ мѣстахъ, по предписанію начальства, которое заботилось только о томъ чтобы между ними было приблизительно одинаковое разстояніе, для удобства почтовой гоньбы. Казаки не расчищаютъ лѣсъ на холмахъ подъ лашью, а сѣютъ хлѣбъ около домовъ, и часто высокая вода во время разливовъ Усури заливаецъ его, такъ что несмотря на плодороднѣйшую почву жители терпятъ постоянную голодовку и казна чуть не каждый годъ должна давать имъ хлѣба въ займы.

Да, плохо дѣло колонизаціи у насъ на Усури. Первая

ошибка правительства состояла въ томъ что переселеніе не совершилось здѣсь добровольно. Вскорѣ послѣ присоединенія этого края, въ періодъ времени отъ 58 до 60 года, намъ нужно было хоть какъ-нибудь заселить эти мѣста, хоть вдоль границы. Охотниковъ селиться здѣсь не было, ибо мѣстъ еще никто не зналъ, а еслибъ и нашлись желающіе изъ Россіи, то при тогдашнихъ условіяхъ путешествія на это потребовалось бы нѣсколько лѣтъ. Поэтому велѣно было выселить сюда казаковъ изъ Забайкалья. Повторялась та же исторія: добровольно никто не хотѣлъ бросить старыя насиженные мѣста и идти Богъ знаетъ куда, и пришлось кидать жребій. При этомъ богатымъ позволено было откулатъ и отправить за себя желающихъ, и такимъ образомъ на Усури отправилась голь, которой уже нечего было терять у себя дома. Конечно при такихъ условіяхъ переселенцы не внесли въ новую жизнь ни охоты, ни умѣнія, ни энергіи, ведутъ дѣло кое-какъ, справедливо убѣжденные что если правительство поселило ихъ здѣсь, то оно же и поддержитъ въ случаѣ крайности, что и дѣйствительно оправдывается на данномъ радѣ лѣтъ. Единственно чѣмъ можно тѣперь поправить дѣло, это, какъ уже многіе предлагали, позволить вернуться всѣмъ кто захочетъ, такъ какъ край все равно ничего не приобрететъ отъ людей принужденныхъ оставаться насильно, а взаимно предложить переселеніе изъ Россіи коренныхъ земледѣльцевъ, крестьянъ, конечно на льготныхъ условіяхъ. Къ сожалѣнію, вопросъ о переселеніи, о его правахъ и условіяхъ въ самой Россіи стоитъ еще на очереди и желательно только чтобы онъ скорѣе рѣшился въ ту или другую сторону. Вѣдь нѣтъ ничего утѣшительнаго при мысли что здѣсь, въ прекрасной странѣ, съ отличнымъ климатомъ, съ плодородною почвой, лежащею въ однихъ широтахъ съ Южною Франціей и Среднею Италіей, хозяйничаетъ пльвица-казакъ, лѣтливый и алатичный, да дикарь-гольдъ, чтущій тигра какъ высшее существо и поклаивающійся его слѣдамъ...

Кончался уже пятый день какъ я покинулъ Ханка. Время шло незамѣтно и пароходъ бѣжалъ да бѣжалъ впередъ, все по мерціональному направленію, прямо на сѣверъ. Скоро должна была показаться Хабаровка, городъ выстроенный при впадении Усури въ Амуръ и гдѣ намъ надо было пересѣсть на другой пароходъ. Въ нижнемъ теченіи Усури горы исчезаютъ

и олять по обѣимъ сторонамъ лоптались одообразныя равнины. Рѣка здѣсь разливается на большое пространство, она гораздо мельче и образуетъ множество рукавовъ. Между островками въ разныхъ мѣстахъ тянутся широкія отмели, и несмотря на все стараніе капитана мы, уже въ самомъ концѣ пути, такъ плотно съѣли на одну такую мель что простояли чуть не полдня. Это было тѣмъ болѣе обидно что въ этотъ самый день, по расписанію, отходилъ изъ Хабаровки пароходъ на которомъ я долженъ былъ ѣхать дальше. Подобныя случайности часто встрѣчаются на Уссуріи и сильно вредятъ правильности рейсовъ.

Интересно средство которое здѣсь употребляютъ чтобы снаться съ мели. Когда капитанъ увидалъ что, несмотря на самый полавый ходъ, пароходъ все-таки не можетъ сдвинуться съ мѣста, онъ позвалъ на верхъ всю прислугу и велѣлъ ей по командѣ бѣгать съ одного борта на другой, въ надеждѣ раскатать остовъ парохода и освободить его такимъ образомъ изъ несчастнаго ложа. Но къ сожалѣнію всѣ усилія были тщетны, а матросы между тѣмъ подмачи такую неистовую возню и бѣготню на палубѣ что вѣзду оставались рѣшительно не было никакой возможности. Наконецъ стали заводить якорь на шлюпкѣ и кое-какъ выбрались олять на глубокую воду, но уже наступала сумерки и я съ горестію убѣдился что благодаря этому непредвидѣнному казусу мнѣ придется пробывать въ Хабаровкѣ лишннихъ двѣ недѣли въ ожиданіи другаго парохода. Была уже глубокая ночь и окрестныя равнины подернулись густымъ туманомъ, когда наконецъ предъ нами по обѣимъ сторонамъ вдругъ показалась широкая, чистая скатерть воды, на которой въ разныхъ мѣстахъ блестяли дробась и переливались золотистыя полосы отъ береговыхъ отмей.

II.

Опасенія мои оказались напрасны; пароходъ съ верху еще не приходилъ. Его тоже задержали мели, и онъ явился спустя нѣсколько часовъ послѣ насъ, чему я былъ очень радъ, такъ какъ теперь предстояло отправиться завтраже дальше. Но за то въ эту ночь мнѣ уже не пришлось спать и я не могъ даже отыскать себѣ пристанища. Пароходная пристань въ Хабаровкѣ, несмотря на позднее время, была ярко освѣщена и полна

народомъ. Во всѣхъ комнатахъ толпились проѣзжающіе и всякое свободное мѣсто было занято. Въ разныхъ мѣстахъ за столами расположились группы военныхъ, шампанское лилось рѣкой. Причина такого необычайнаго оживленія была, во первыхъ, та что здѣсь въ ожиданіи пароходовъ собралось много офицеровъ пробравшихся на югъ, на предполагаемый театръ военныхъ дѣйствій съ Китаемъ, а главное то что въ это самое время, лѣтомъ 1880 года, Хабаровка была такъ-сказать ловышена въ чинъ, изъ незначительнаго уѣзднаго городишка сдѣлана областнымъ городомъ Амурской области. Какъ извѣстно, наши владѣнія на крайнемъ Востокѣ Сибири раздѣляются въ административномъ отношеніи на двѣ области: Амурскую, куда входитъ верхнее и среднее теченіе Амура до Усури, и Приморскую съ нижнимъ теченіемъ Амура, побережьемъ Великаго Океана, Камчаткою и Сахалиномъ. Въ Приморской области областнымъ городомъ былъ Николаевскъ, а теперь Владивостокъ, а въ Амурской областнымъ городомъ стала теперь Хабаровка, вмѣсто бывшаго Благовѣщенска. И давно пора! Во всякомъ случаѣ значеніе въ будущемъ принадлежитъ не верховью Амура съ его вѣчною тайгой, а плодородному Усурійскому краю, къ которому Хабаровка на сто верстъ ближе Благовѣщенска. Да и самый городъ, расположенный въ счастливой мѣстности, при слияніи двухъ большихъ рѣкъ, можетъ хорошо развиться со временемъ.

Хабаровка послѣдній городъ на правой сторонѣ Амура; отсюда правый берегъ принадлежитъ уже Китайцамъ и наша граница идетъ по лѣвому, вплоть до слиянія Шилки и Аргуня. Городъ основанъ въ 1858 году, тотчасъ по присоединеніи края; выстроенъ онъ все тѣми же домороженными нашими архитекторами, линейными солдатами, на двухъ террасахъ высокой береговой скалы, и выстроенъ очень хорошо. Красивые и удобные дома окружены садами, по улицамъ проложены досчатые тротуары, нижняя часть города соединена съ верхнею деревянными лѣстницами устроенными въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ. Здѣсь rendez-vous пароходовъ; они сходятся сюда одновременно изъ трехъ различныхъ мѣстъ: съ Усури, съ устья Амура (изъ Николаевска) и съ верховьевъ (изъ Срѣтенска) и обмѣниваются пассажирами. Въ городѣ много лавокъ и магазиновъ, и безъ сомнѣнія теперь, съ увеличеніемъ числа потребителей, будетъ еще больше. Здѣсь

же центръ торговли соболами; сюда съѣзжаются и Манчжуры и различные широдцы мѣнять ихъ на русское серебро; большія партіи этого цѣннаго товара отправляются отсюда на Нижегородскую ярмарку. Но несмотря на это произрастающему въ Хабаровкѣ рѣдко случится купить соболей, должно-быть въ силу пословицы что саложникъ всегда бываетъ безъ салогъ. Такъ я несмотря на всѣ старанія не могъ достать ни одного, и во всѣхъ лавкахъ мнѣ отвѣчали одно и то же что весь товаръ ужъ отправленъ. Да и въ другое время купцы продаютъ соболей только партіями въ 40 штукъ, такъ называемыми *сорочками*, и хотя цѣна сравнительно не высока на кругъ, по 10—12 рублей за шкурку, но въ сорочкѣ бываетъ обыкновенно только по нѣскольку штукъ хорошихъ и порядочныхъ, остальные же хуже всякой крысы. Да и вообще уссурійскіе соболя не въ чести здѣсь; лучшими въ краѣ считаются акутскіе и соболя изъ окрестностей Удака, затѣмъ идутъ хивганскіе, а затѣмъ уже уссурійскіе и сахалинскіе. Потерпѣвъ неудачу въ лавкахъ, я обратилась къ Китайцамъ, которымъ достаточно таки въ Хабаровкѣ, и одной Манза, на половину жестами, на половину вещадно искорвекаемымъ русскимъ языкомъ объявилъ мнѣ что у него есть нѣсколько хорошихъ шкурокъ; но оказалось что въ это время другой Манза уже продалъ ихъ, такъ что когда я прошель понапрасну весь городъ, то на дачныхъ нарахъ грязной и вонючей фамзы увидалъ только шестерыхъ Китайцевъ усердно курившихъ опиумъ и съ наслажденіемъ затягивавшихся и на одинъ и на оба бока. *

Ровно въ полдень другого дня пароходъ *Инеода* отвалилъ отъ набережной Хабаровки и отправился вверхъ по рѣкѣ. Итакъ 1.000 верстъ пути уже легло назадъ и остается еще саишкомъ 2.000 верстъ до Срѣтенска, гдѣ кончается пароходство по Амуру и откуда мнѣ придется ѣхать на лошадахъ. Очень красивъ Амуръ около Хабаровки; громадная рѣка, саишкомъ въ три версты шириной, тихо катитъ свои величественныя волны; только отдаленные, низменные берега, поросшіе рѣдкимъ кустарникомъ, неясно видѣются на горизонтѣ, да вправо одиноко высится грулла какихъ-то горъ, о которыя точно надломился Амуръ и въ безплодной борьбѣ круто повернулъ къ сѣверу.

* Техническое выраженіе.

Кстати, мы до сихъ поръ не знаемъ что значить слово *Амуръ*, откуда идетъ названіе этой рѣки. Извѣстно только что ни Китайцы, ни цородцы не называютъ его такъ и что это имя дано ему не въ честь древняго греческаго бога. Одни думаютъ что это глагское слово *амуръ*, большая вода, а другіе, съ повѣтическимъ темпераментомъ, производятъ его отъ исковерканнаго манчжурскаго *здрастелуй*, и что такимъ словомъ Шилка и Аргунь, составляющія Амуръ, сливаясь вмѣстѣ привѣтствуютъ другъ друга.*

Берега Амура на нѣсколько сотъ верстъ отъ Хабаровки сплошь измѣнены и по лѣвому берегу идутъ наши станицы, заселенныя тѣмъ же способомъ какъ и на Усури. Здѣсь отъ Хабаровки до Хингана поселенъ лѣпшій баталіонъ Амурскаго казачьяго войска, а за Хинганомъ къ верховьямъ Амура,—два конные казачьи полка. Живутъ казаки вообще худо, особенно по среднему теченію Амура. Разстроенное хозяйство, бѣдность въ настоящемъ и наибѣйшая необезпеченность въ будущемъ, вотъ въ общихъ чертахъ характеристика ихъ положенія, и кромѣ собственной лѣни и небрежности, кромѣ общихъ неблагопріятныхъ условій, они много терпятъ еще отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей края.

Въ числѣ этихъ особенностей на первомъ планѣ нужно поставить сибирскую язву, свирѣлствующую почти ежегодно и въ корень подрывающую крестьянское хозяйство. Въ 1879 году здѣсь была повальная эпидемія, унесшая много тысячъ головъ скота; въ 1880, когда я проѣзжалъ, скотъ тоже валялся повсемѣстно, и только теперь, по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ изъ Сибири, начинаютъ немного разъясняться причины, отчасти обуславливающія такое постоянство болѣзни. Оказывается что многіе спекулянты продавали Манчжурамъ шкуры зараженныхъ животныхъ, а тѣ въ свою очередь перепродавали ихъ на Амуръ, распространяя такимъ образомъ заразу. Кромѣ того, заразу разносятъ особая порода мухъ, такъ что часто заболѣваютъ и люди. Даже самая вода Амура заражена, потому что Манчжуры съ

* Китайцы зовутъ его *Куэнъ-тонголь* и *Хелонъ-Кланголь*, чернѣй драконъ, Манчжуры *Сашалынъ-ула*, черная вода. Ороцкомъ и Мамергы, живущіе по верхнему теченію Амура, называютъ его *Шилка*. Гольды, живущіе по серединѣ, зовутъ его *Манго*, а Гилаки обитающіе при устьѣ Амура, *Малу*. У Монголовъ онъ извѣстенъ подъ именемъ *Кара-туранъ*, черная вода.

правого берега безъ околичностей бросаютъ въ рѣку большыя лошадей и мимо нашего парохода не разъ проплывали полуразложившіяся трупы, окруженныя облакомъ мухъ. Противъ заразы обыкновенно не предпринимается ничего и дѣло предоставляемо на волю Божію, а если и предписываются иногда какія-нибудь мѣры, то мѣры эти до такой степени ничтожны что надо удивляться не тому что здѣсь дохнетъ скотъ, а тому какъ онъ не передохъ весь до сихъ поръ.

Кромѣ сибирской язвы, у здѣшнихъ жителей есть другой страшный врагъ, наводненіе. По обыкновенію, станицы вытаны въдоль берега Амура, такъ какъ при первоначальномъ быстромъ заселеніи рѣки пресѣдывались далеко не одніи сельско-хозяйственныя дѣла. Хотя съ теченіемъ времени многія станицы были отодвинуты на разстояніе одной и двухъ верстъ отъ берега, но вода достаетъ ихъ и тутъ. Источники Амура нигдѣ не питаются вѣчными снѣгами и потому уровень воды очень непостоянный; лѣтомъ, во время сильныхъ и частыхъ дождей бывающихъ здѣсь въ июлѣ и августѣ мѣсяцахъ, рѣка выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ деревни и поля. Жители многихъ станицъ говорили мнѣ что часто потерять хлѣбъ, и онъ уродится отлично и начинаетъ уже созрѣвать, какъ вдругъ приходитъ вода и смываетъ все. Часто случается что посеютъ, напримѣръ, пшеницу, придетъ вода и унесетъ ее; на этомъ мѣстѣ посеютъ гречиху, опять унесетъ вода; тогда обездоленные жители не сѣютъ уже ничего, а съ горя принимаютъ за *шумлу*, высушенныя глупушки дуба и березы, которыя завариваютъ въ горячей водѣ и пьютъ какъ чай.

Что неудобное расположеніе играетъ въ здѣшнемъ хозяйствѣ главную роль, видно на крестьянскихъ деревняхъ. На Амурѣ не одніи казачьи станицы, а кромѣ того 50 деревень крестьянъ пришедшихъ сюда изъ разныхъ мѣстностей Россіи, такъ какъ жажда переселенія, стремленія на новыя мѣста, присуща русскому крестьянину, составляетъ его характеристическую черту, начиная еще съ XVI столѣтія, когда людъ гнетомъ разныхъ невгодъ чуть не вся Русь разбрелась по окраинамъ. Будучи свободны въ выборѣ мѣста эти крестьяне не поселились на берегу Амура, а осѣли по его притокамъ; иногда далеко внутри страны, по возвышеннымъ раввинамъ, защищеннымъ со всѣхъ сторонъ горами и гдѣ нечего было

боятся воды. Теперь они живутъ хорошо и вполне довольны своею судьбой, но сколько мистарствъ должны были они пройти съ той минуты когда въ ихъ родномъ селѣ, гдѣ-нибудь въ Тамбовской или Воронежской губерціи, впервые проресся слухъ что объявилась какая-то рѣка Муръ, гдѣ китъ-рыба плаваетъ, а по берегамъ бисеръ растетъ, и до того времени когда они попали на эту рѣку Муръ. Зачастую они шли по три, по четыре года и уже съ помощью дороги должны были распродавать свое имущество и идти дальше, подбирая Христовымъ именемъ. Они приходили на новыя мѣста только съ котомкой за плечами и часто, попавъ уже въ верховья Амура, они дѣлалъ годъ не могли тронуться дальше, за отсутствіемъ правильныхъ пароходныхъ рейсовъ. Кроме того, по собственной ошибкѣ или по волѣ начальства, вообще игравшаго въ этихъ переселеніяхъ значительную роль, они селились на неудобныхъ мѣстахъ, а по простствіи въ некоторомъ времени бросали все, поднимались и уходили на какія-то бѣлыя воды, на озеро съ кисельными берегами (Ханка). Повторяю, они переместили все это и добились благосостоянія, но они вполне его заслужили.

Мы подходили къ устью Сунгари, самаго большаго притока Амура, впадающаго въ него съ правой стороны. Эта рѣка вся принадлежитъ Китайцамъ и пользуется у нихъ такимъ значеніемъ что считается даже за основную рѣку, а Амуръ за ея притокъ. Она ведетъ въ глубь Манчжуріи, въ крайне богатую и населенную мѣстность, но несмотря на то что мы по договору имѣемъ право плаванія по этой рѣкѣ, все наши попытки въ этомъ направленіи постоянно отклоняются Китайцами.

Время на пароходѣ шло крайне однообразно. Одинъ или два раза въ день пароходъ останавливался для загрузки дровъ и обыкновенно всѣ пассажиры, пользуясь часомъ свободнаго времени, отправлялись погулять по станціи, а жители станціи въ свою очередь высылали на берегъ и дѣлали на пароходъ, предлагая молоко, куръ и ягоды. Впрочемъ надо отдать справедливость Товариществу Амурскаго Пароходства: оно хоть и ведетъ свое дѣло слуха рукава и, пользуясь отсутствіемъ конкуренціи, дѣлаетъ много такихъ вещей какихъ не сдѣлало бы дѣлать, но по крайней мѣрѣ завело буфетъ и table d'hôte для пассажировъ, такъ что

этимъ несомненнымъ до, надо уже, самимъ описывать себя пропитаніе, какъ это было до сихъ поръ.

Но мы давно уже миновали Сунгарю и на горизонтѣ показались очертанія Хинганскихъ горъ.

Между 48° и 49° северной широты Амуръ пересѣкаютъ на пространствахъ саишкомъ 140 верстъ, Бурейскія горы (Малый Хинганъ). Онѣ называются у Китайцевъ *Голь-ма-дубань*, трехъвѣтвистыя горы, начинаются на югѣ, во глубинѣ Кореи, тянутся въ северо-восточномъ направленіи къ отраслямъ Становаго хребта. Амуръ тутъ суживается вдвоего противъ своего прежняго теченія, съ двухъ верстъ на двѣсти сажень, чрезвычайно глубока и, сжатый съ обѣихъ сторонъ отвѣсными громадами, стремительно несется въ этомъ безконечномъ каменномъ корридорѣ. Хинганъ начинается у станицы Екатерино-Никольской, гдѣ горы, до сихъ поръ вѣсно видѣвшіяся вдали, подходятъ къ самой рѣкѣ, сначала на лѣвый берегъ, а потомъ и на правый и остудаются прямо въ воду крутыми скатами. Горы вовсе не высоки, и ни одна изъ нихъ не превышаетъ 1.500—2.000 футовъ, но чрезвычайно живописны; онѣ состоятъ изъ острокопечныхъ сопокъ, безчисленною вереницей, въ нѣсколько рядовъ обступившихъ берега Амура, точно набросанныхъ нарочно чьею-нибудь могучею рукою. Вдали на горизонтѣ онѣ сливаются въ одинъ общій хребетъ, а здѣсь послѣдніе ряды ихъ совсѣмъ сошли въ воду. Каждая гора до крайней мѣрѣ на четверть своей окружности омывается водою, и эти крутыя, подвимающіяся прямо изъ воды громады извѣстны у казаковъ подъ названіемъ *щекъ*. Между горами идутъ длинныя, глубокія, мрачныя, почти черныя лады, а самые склоны густо покрыты лѣсомъ, внизу лиственнымъ, дубомъ, кленомъ, черною березой, съ чрезвычайно густымъ подлѣскомъ, а вверху хвойнымъ. Сплошная масса горъ состоитъ изъ гранита, и только иногда примѣшивается слюда и разные сланцы, а вершины часто покрыты голыми камнями. Сюда рѣдко проникаетъ солнечный лучъ; здѣсь постоянная тишина, и только вода, забываясь въ далекія лады, съ шумомъ плещется въ берегъ. Виды, одинъ другаго лучше, развертываются предъ глазами. Горы замыкаютъ горизонтъ со всѣхъ сторонъ, ландшафты постоянно мѣняются и кажется лывешь по какому-то волшебному озеру.

Здѣсь родина дикихъ звѣрей, барсовъ, тигровъ; здѣсь они

выводить своихъ дѣтей и распространяются отсюда по всему краю. Здѣсь же живетъ и лучший амурскій соболь. За то для населенія эта мѣста рѣшительно неудобны. Горы все время выдерживаютъ свой дикій характеръ; все время оны тянутся по самому берегу Амура, лишь изрѣдка выпуская впередъ себя маленькія изъясненности, такъ что на всемъ протяженіи Хингана расположено только пять маленькихъ станицъ.

У станицы Пашковой Хингаалъ кончается. Горы начинаютъ удаляться отъ берега и хотя нѣсколько разъ возвращаются къ нему, но съ каждымъ разомъ уходятъ все дальше и дальше и наконецъ совсѣмъ скрываются изъ глазъ. Опять по обѣ стороны легла безконечная равнина; Амуръ опять разлился до двухверстной ширины и замѣтно начинаетъ поворачивать къ сѣверо-западу. Тутъ впадалъ въ него съ нашей стороны рѣка Вурей, берущая начало въ невѣдомыхъ никому тундрахъ Восточной Сибири; устье ея не уже Амура и на ней въ послѣднее время замѣтно начинаетъ развиваться золотопромышленность.

Противъ станицы Неожиданной, названной такъ потому что къ великому удивленію Манчжуровъ она была выстроена въ одну ночь, хотя собственно удивляться тутъ нечему, такъ какъ въ то время она вся состояла только изъ одной избы, расположенъ городъ Айгунь, или *Сахалинъ-ула-хотонъ*, городъ черной рѣки, единственный китайскій городъ на всемъ пространствѣ Амура. Здѣсь 16 мая 1858 заключенъ былъ знаменитый договоръ, возвратившій Амуръ Россіи. Городу предшествуютъ множество манчжурскихъ деревень, хотя и трудно отличить гдѣ кончаются эти деревни и начинается собственно городъ. На берегу вдоль рѣки вытасены китайскія джойки, изъ которыхъ, по увѣренію Манчжуръ, во всякое время можно составить грозную флотилію. Въ Айгунѣ считается 15.000 жителей и въ центрѣ его, въ крѣпости обнесеной деревяннымъ лалисадомъ живетъ самъ *аюбанъ* (губернаторъ). За городомъ опять лотаяудись манчжурскія деревни, затѣмъ въ 30 верстахъ впадалъ въ Амуръ двухверстнымъ устьемъ большая рѣка Зея, вся принадлежащая намъ, а въ двухъ верстахъ отъ нея расположенъ городъ Благовѣщенскъ.

Благовѣщенскъ бывшій нашъ областной городъ и о немъ лучше не говорить ничего, такъ какъ телерь, съ переселеніемъ центра управленія въ Хабаровку, для его сочтены и оны умираетъ медленною смертію. Да и съ самаго начала

онъ не подавалъ никакихъ надеждъ; очевидно даже для чего онъ основанъ именно тутъ, въ самомъ неудобномъ мѣстѣ, на берегу постоянно подымаемой водой, въ цѣлыхъ 30 верстахъ отъ Айгуна и въ двухъ верстахъ отъ устья Веп. Городъ по обыкновенію вытянулся вдоль берега и въ немъ совсѣмъ нѣтъ растительности, хотя есть немалый клубъ. Есть даже двѣнадцать разъ въ году манчжурская ярмарка, такъ какъ по Айгудскому договору, Манчжуры изъ Айгуна въ первую недѣлю каждаго мѣсяца должны отправляться съ товарами въ Благовѣщенскъ и торговать тамъ въ теченіе семи дней, но это только парадія на ярмарку, ибо они могутъ торговать чѣмъ хотятъ, а у насъ Манчжура всего товару даѣ пачка табаку стоимостью въ четыре пятака.

Мы простояли въ Благовѣщенскѣ цѣлый день, хотя весь его можно осмотрѣть въ часъ времени.

Еще во время нашей стоянки вода сильно пошла на прибывъ; по мутнымъ волнамъ Амура носился карий, лѣдъ, стволы деревьевъ; съ верку долетали тревожныя шумы, грозный призракъ наводненія началъ тревожить жителей. За Благовѣщенскомъ Амуръ дѣлается замѣтно уже и мѣткость принимаетъ холмистый характеръ; горы, на этотъ разъ уже округи Ставоваго хребта, сопровождаютъ отсюда Амуръ вплоть до истоковъ. Онъ то подходитъ къ самому берегу невысокими холмами, то отходитъ далеко внутрь, оставляя предъ собою большія равнины. Семейя казаковъ и крестьянъ встрѣчаются чаще и жители живутъ лучше. Самый видъ становится какъ-то веселѣе. Амуръ здѣсь раздѣлился на много острововъ, и берега часто подмыты водой на большое пространство; неустановившаяся рѣка чуть не каждыи годъ мѣняетъ свои очертанія, то наноситъ новый слой тамъ гдѣ его не было, то въ другомъ мѣстѣ отрывая отъ берега цѣлыя десятка саженъ. Днемъ часто явились продолжительные дожди, но утромъ подымались густые туманы затруднявшіе плаваніе. Ночь стала холоднѣе; мы почувствительно подымались къ сѣверу и уже были въ пятидесятыхъ градусахъ широты.

Плаваніе наше разнообразилось различными эпизодами, и впечатлѣніе некоторыхъ изъ нихъ долго не изгладится изъ моей памяти. Недалеко отъ Благовѣщенска, между станицами Корсаковой и Казакевичевой, Амуръ дѣлаетъ крутую извилину въ

родъ Самарской лѣвки на Волгѣ; громадный каменный кряжъ; самый высокій на всемъ Амурѣ, вышелъ въ этомъ мѣстѣ прямо на берегъ и рѣка свернула въ сторону, но встрѣтивъ далѣе скалы на Манчжурскомъ берегу, повернула опять назадъ и образовавъ такимъ образомъ дугу въ 28 верстъ, подошла снова на двѣ версты къ прежнему мѣсту. Эту излучину мы должны были обходить въ теченіе, до крайней мѣры, трехъ или четырехъ часовъ, и капитанъ объявлялъ что желающіе могутъ отправиться гулять на берегъ и дожидаться парохода у противоложнаго конца дуги. Мы съ удовольствіемъ воспользовались этимъ предложеніемъ и рѣшили организовать настоящую ларушку, устроить лагерь на верховьяхъ Амура, въ дикихъ островахъ Яблоньныхъ горъ.

Насъ было пятеро; въ деревнѣ дали намъ проводника и накормили голубикой. Станица довольно велика, и жители живутъ въ ней гораздо зажиточнѣе противъ того какъ это встрѣчали мы раньше. За деревней тянутся огороды и клочки пашей, ибо гористая мѣстность не позволяетъ расплачивать склоны большіа пространства. Кромя того, у лодовія въсѣхъ почти горъ тянутся болота, такъ что эти мѣста годны только для сѣнокоса. Мы шли по какимъ-то жердочкамъ, перелѣзали черезъ заборы, влезли и лугались въ высокой травѣ. Растительность здѣсь роскошная и, какъ вездѣ на Амурѣ, южныя формы смѣшаны съ сѣверными; здѣсь, напримеръ, встрѣтуть на открытомъ воздухѣ липы, липы и тольняны, которые у насъ растутъ дико только въ средней полостъ Россіи. Изъ древесныхъ породъ все заполоняла собой черная береза (*Betula dahurica*); встрѣчаются уже и хвойныя дѣла, и хотя лиственницы еще нѣтъ, но ососа понадается довольно часто.

Дорога шла ущельемъ между горами. По обѣ стороны высоко надъ нами подвигались каменные громады; тропинка то проладала на поворотѣ скалы, то вилась гдѣ-то по карнизу. Навстрѣчу бѣжалъ горный ручей; пахло сыростью и свѣжею травой. Скоро показалась широкая полоса воды, и усталые отъ ходьбы мы съ радостью бросились въ холодныя воды Амура.

Между тѣмъ смерклобы; болѣе предусмотрительные уже поставили самоваръ, разложили костеръ; пошлаась закусокъ, нецѣблнна вино.

Красивъ былъ видъ отсюда; верхушки горъ уже подернуты

густою туманой, но рѣкъ кое-гдѣ сталася легкій туманъ, изъ-за дальней горы тиховько вставала мелодой мѣсяць. Но лучи его не проникали въ горную яду гдѣ мы сидѣли, и здѣсь все было темно; только изрѣдко вспыхивавшіи костеръ освѣщали иногда окрестные предметы. Сзади насъ чернѣло утѣлье обставленное горами, впереди блещалъ освѣщенный луною Амуръ, а за нами опять вставали горы какъ бы на встрѣчу первымъ. На одной изъ этихъ горъ стояла вѣроятно весьма почитаемая Манчжурская кумирня, но по приказанію начальства ее разрушили и сожгли; два раза возобновляли ее Манчжуры, два раза мы ее сжигали, пока наконецъ Манчжуры не отступились и не ушли на другой берегъ.

Мы захотѣли полюбоваться видомъ сверху и поѣхали на одну осыпку, на другую, на третью, лоша не выбились изъ силъ; но эти солки казались холмами предъ окрестными горами, а горы мрачныя и угрюмыя шли покроемъ толлою по берегу Амура, чѣмъ дальше тѣмъ выше, чѣмъ выше тѣмъ темнѣе. Кто-то закричалъ; кто-то выстрѣлилъ изъ револьвера. Разомъ вздрогнули горы въ ночной тишинѣ, и сердитое эхо пошло гулять по дальнимъ утѣльямъ. Мы собрались у костра; двое изъ пассажировъ, проводившіе много лѣтъ на Амурѣ, разказывали те что они видѣли и люди вылаемъ изъ словъ медленно вставали предъ мной картинами этой новой для меня земли.

Наконецъ, уже поздно пришла нашъ пароходъ, темъ за голою каменной осыпкой, гдѣ на крутомъ поворотѣ уходилъ въ даль серебряная скатерть рѣки, показався онъ весь облитый луннымъ свѣтомъ и призывной охватокъ его въ маргокъ, починивъ воздухъ доносился до насъ рѣвками потуги.

Чѣмъ дальше къ верховью Амура, тѣмъ чаще попадаются красныя, эффектные виды. Около ставлія Колецовой сланкомъ версту заняла громадная гора, вся заросшая хвойнымъ лѣсомъ и называемая казаками *Маамичной*. На вершникъ ея стоитъ крестъ, а по склонамъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ говорятъ, есть потоки нефтя. Дальше идутъ *бѣлыя горы (Дзасане)*, это группа высокихъ скалъ, до 400 футовъ высоты, изъ желтого и бѣлаго песчаника. Только вершины ихъ покрыты рѣдкимъ лѣсомъ, а по обрывистымъ склонамъ вѣтъ ни травы, ни деревца, и бѣлый цвѣтъ песчаника рѣзко отдѣляется отъ яркой зелени наверху и мутной воды Амура внизу. Въ разныхъ мѣстахъ идутъ темныя преслойки камендаго

угая и по нимъ толкими струйками шьетса сивій дымъ. Дымъ стелется и по самой водѣ, и все это выхотъ производить величественную картину. Горы курятся уже давно, и мѣсто это у *Орочонъ* и *Манзуровъ* считается священнымъ какъ жилище духовъ.

За станціей Торой, на крутыхъ скатахъ горъ видны развалины какой-то крѣпости. Двѣ каменные стѣны идутъ параллельно отъ верхушки горы и спускаются влѣдъ до воды, а между ними въ беспорядкѣ набросаны большіе камни. Все это можетъ-быть слѣдъ бывшей цивилизаціи, давно исчезнувшей и уже изгладившейся изъ памяти людей.

Слѣды прошлаго сохранились и въ развалинахъ укрѣпленій историческаго Албазина.

Теперь это мирная казачья станица, хоть одна изъ лучшихъ и самыхъ большихъ, но было время когда Албазинъ игралъ важную роль въ исторіи завоеванія рѣки Амура. Слѣшкомъ дѣйстви тѣмъ назадъ, въ половинѣ XVII столѣтія, мы владѣли большею частию этой рѣки; въ разныхъ мѣстахъ по ней были устроены наши острожки, и деревни в Албазинѣ, отнятыя по преданію у какого-то князя Албазы, были однимъ изъ главныхъ. Взятый самовольно казаками, этики первыми завоевателями Амура, онъ былъ официально наконецъ признанъ въ Москвѣ городомъ, получалъ гербъ и печать и въ него стали назначаться воеводы. Но Китайцы и раньше имѣвшіе малкія стычки съ казаками, теперь окончательно встревожились близостью Русскихъ и рѣшили прогнать ихъ отсюда. Въ 1685 году подъ Албазинъ, гдѣ было 450 человекъ, явилось 15.000 Китайцевъ съ 200 орудій и Русскіе должны были уступить. Провожаемые Китайцами съ воинскими почестями они удалились въ Нерчинскъ, а 25 человекъ согласившихся на предложенія Манчжуръ и взявъ съ собой священника Макаима Леонтьева, ушли въ Пекинъ. Тамъ они сохранили свою вѣру и обычаи, и основали маленькую русскую колонію, а по смерти Леонтьева наше правительство отирывало имъ другаго священника и продолжало посылать лотомъ постоянно, положивъ тѣмъ начало нашей духовной миссіи въ Пекинѣ. Но насаженное, хоть и отсутствовавшее мѣсто наполнило къ себѣ, и на слѣдующій же годъ Китайцы опять увидели Русскихъ въ Албазинѣ и опять восьматисячное войско богдыхана осадило городъ; но въ этотъ разъ казаки геройски защищались и черезъ полтора года Китайцы сняли осаду и

ушли, а еще чрезъ два года, 27 августа 1689 года, былъ заключенъ въ Нерчинскій договоръ, мерной данью договоръ съ Китаемъ, по которому мы отступились отъ Амура. Китайцами такъ надобно Албазину что въ Змѣ пунктѣ трактата прямо стоило: „А городъ Албазинъ, построенный со стороны царскаго величества, разорить до основанія“.

И городъ былъ разоренъ до основанія; уцѣлѣли только насыль и рвы кругомъ, которые видны и теперь, да слѣды китайской батареи на противоположномъ острову. Съ тѣхъ поръ прошло 200 лѣтъ и много воды утекло; Амуръ снова нашъ, вмѣсто прежняго города стоитъ богатая и торговая станція, громадныя мостовицы успѣли вырасти въ албазинскихъ рѣкахъ и большинство казаковъ даже не знаетъ какое одавное историческое прошлое окружаетъ то мѣсто гдѣ они живутъ...

При станціи Покровской Шилка и Аргуня, составляющія Амуръ, сливаются вмѣстѣ, пароходы ходятъ по Шилкѣ, такъ какъ Аргуня мелка и камениста. Водораздѣломъ между рѣками служатъ высокій каменистый край, и на острокъ ныль которого онъ сходитъ въ Амуръ стѣлѣя нѣкогда нашу мостъ Усть-Стрѣлькинскій, теперь давно снѣтый и заброшенный. Мрачная природа Сибіри впервые даетъ себя знать на Шилкѣ; берега сплошь обставлены горами, дикими, печальными, пустынными. Отъ всѣхъ заросли густыми хвойными лѣсомъ и до такой степени непреступны что на лѣвѣмъ двухъ стахъ верстахъ нѣтъ ни одного поселенія, а торчатъ только семь одинокихъ лѣтчиковъ дачковъ, прозванныхъ каеками мѣткимъ именемъ семи смертныхъ грѣховъ.

Наше плаваніе скоро должно было кончиться, да и конилось бы уже давно, еслибы не густые туманы, почти неотлинные здѣсь и заставляющіе насъ каждую ночь становиться на якорь. Кроме того, много мѣшало быстрое теченіе, такъ какъ вода сильно прибыва и стояла на нѣсколько аршинъ выше обыкновеннаго уровня. За то мелей нечего было опасаться, между тѣмъ какъ въ другое время Шилка очень мелководна и на перекатахъ воды бываетъ меньше 2 $\frac{1}{2}$ футовъ. Часто происходятъ забавные случаи: напримеръ, пароходу вдругъ пересѣкаетъ путь стадо коровъ или чрезъ рѣку переходитъ въ бродъ мужикъ и капитанъ кричитъ ему: „ей ты, постережись!“

Отъ села Гербацы опять идутъ деревни и между ними нѣкоторыя очень большія, даже есть одна, теперь уже

упражнений, сереброплавильный заводъ (Шилкинскій) принадлежатъ уже къ системе Нерчинскихъ заводовъ. Но все-таки общее впечатлѣніе отъ Шанга получается очень тяжелое, да и двадцатидневное плаваніе дало себя знать, такъ что и безъ особенной леталы простояла съ рѣхой, когда наконецъ 26 іюля нашъ пароходъ бросилъ якорь у Срѣтенской пристани.

III.

Срѣтенскъ—крайній пунктъ куда могутъ доходить якутскіе пароходы; впрочемъ только, въ болу или очень высокую воду они могутъ пробираться верстъ на сто дальше къ Нерчинску. Въ данныхъ случаяхъ, такъ какъ вода стояла на нѣсколько аршинъ выше своего обыкновеннаго уровня, канитанъ съ удовольствіемъ довелъ бы насъ до Нерчинска, но къ сожалѣнію пароходъ и те-опоздалъ и долженъ былъ тотчасъ же отправиться назадъ, такъ какъ уже набралась масса пассажировъ. Единственная гостиница была биткомъ набита проезжающими, а въ вокзалѣ, на берегу рѣки, гдѣ собрались офицеры, только и слышалось цѣлкаанье биллиардныхъ шаровъ. Какъ развѣстались жѣ влошь приближеніе, я не знала, маъ же досталась за тройную цѣну какая-то конура на чердакѣ, даже безъ постели. Говорить о жизни въ Срѣтенскѣ, значить повторять въ безчисленныхъ вариціяхъ слово „скука“. Единственное оживленіе приносятъ только пароходы и періодическій называвъ уѣзжанщина и приѣзжанщина пассажировъ. Въ двухъ верстахъ отъ города устроена гавань для лодки и зимней стоянки пароходовъ, но большинство пароходовъ предпочитаетъ уходить въ Николаевскъ.

Отъ Срѣтенска мнѣ предстояло проѣхать 2.700 верстъ на лошадакъ до Томска, по большому сибирскому тракту, этой главной артеріи края.

Давно извѣстно что оцелень цивилизаціи каждой страны узнается съ перваго же раза по ея путямъ сообщенія: гдѣ нѣтъ хорошихъ дорогъ, тамъ не можетъ быть ни широкой жизни, ни разнообразной, энергичной дѣятельности. Это въ особенности вѣрно по отношенію къ тѣмъ странамъ гдѣ громады, тысячевертная пространства прерастъ лоневолѣ очень важную роль въ жизни народа. Но въ то же время

известно что прилагать къ Сибири ту же мѣру какую ищутся цивилизованныя страны было бы самою глупою и неумною промѣной; „Сибирь сама по себѣ“ живет по своему, и надо быть къ нейнисходящими.

Впрочемъ относительно путей сообщения Сибирь имѣет блестящее прошлое. Даже въ Россіи повсемѣстно распространены слухи о скорости сибирской вѣды, а на глубочайшихъ картинкахъ подъ названіемъ „вѣда на почтовыхъ въ Сибирь“ вмѣсто лошадей изображаются какія-то лица небесныя. Но къ сожалѣнію и не принадлежу къ оптимистамъ и еще до путешествія, немного ознакомившись съ краемъ, а видѣвъ что прекрасное время хорошихъ дорогъ и скорой вѣды было да прошло, что теперь вѣдать по сибирскимъ дорогамъ не совсѣмъ удобно или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ неудобно и что проѣхать на лошадяхъ треть Сибиря подвиговъ, и подвиговъ не маловажныхъ. Но, „tu l'as voulu, Georges Dandin“, я самъ захотѣлъ этого; впрочемъ еще раньше наши же средне-азиатскія дорожа приучили меня ко всякимъ деревенскимъ неудобствамъ, а въ дальнемъ случаѣ возможность не слѣзть, не сбѣяться на деньги, на временныя, оставилъ меня въ исключительное положеніе. Поэтому я охотно привѣтствовалъ ко всему худшему, но то что я увидѣлъ на самомъ дѣлѣ превзошло самое смѣлое предположеніе. Невозможна какая организация почтового дѣла съ одной стороны, и крайне небрежно, часто прямо недобросовѣстное отношеніе смотрителей ко своимъ обязанностямъ съ другой, создали такой порядокъ вещей что у насъ теперь по всей Сибири дороги не существуетъ, а есть одне сплошное волнующее безобразіе. Въ Срѣтенскѣ легко достать лошадей, конечно не почтовыхъ, такъ какъ почтовыхъ не достанешь по всей Сибири. На лошадяхъ Срѣтенской почтовой станціи должно быть съ самаго ея основанія не уѣзжалъ никто; по крайней мѣрѣ пятьдесятъ человѣкъ прибывшіе на нашень пароходъ все отправился на вольныхъ. Да это и понятно: на станціяхъ между Срѣтенскомъ и Нерчинскомъ содержится всего во день пары лошадей. Изъ нихъ по закону одна тройка должна всегда стоять на готовѣ для курьеровъ, а многіе въ Сибири, пользуясь неясностью выраженія „курьеро-эстафетская тройка“, оставляютъ для этого даже двѣ тройки; остальнымъ (?) лошадямъ падутъ люди почту; а уже свободная же тройка осмѣливаетъ (?) возить провѣзвѣщающа. И все это изъ двухъ паръ! Отсюда

видно что получить здѣсь почтовыхъ лошадей такъ же трудно какъ выиграть двѣсти тысячъ, и благоразумные люди знающие съ порядкомъ вещей даже не заглядываютъ повсѣрскому на станцію, а прямо отправляются нанимать вольныхъ. Этимъ вольнымъ всегда достаточно, такъ какъ крестьяне, чуя поѣзду, къ каждому приходу парохода собираются въ Срѣтенскъ со всѣхъ окрестныхъ деревень. Берутъ конечно двойные и тройные прогоны протавъ почтовыхъ, да и те милость Божія; могла взять и ятерные и деятерные прогоны, и пришлось бы платить, такъ какъ не сидѣть же въ Срѣтенскѣ. Еще не бѣда что дорого берутъ, лишь бы везли, а вотъ въ Иркутскомъ, гдѣ я слышалъ и рядомъ не могъ достать ни почтовыхъ, ни вольныхъ лошадей, тамъ уже настоящая бѣда.

Обыкновенно приходится нанимать вплоть до Нерчинска (86 верстъ). На среднѣи пути дѣлаютъ привалы, помогая въ какой-нибудь деревнѣ, гдѣ кормятъ лошадей и на другой день ѣдутъ дальше. Такимъ образомъ мнѣ съ самаго начала пришлось отправиться на дальность и, выѣжая на другой день изъ Срѣтенска въ простой крестьянской телегѣ безо всякаго верха и покрывшка, а съ грустью думаю что если мнѣ все время придется такъ ѣхать, то при подобной быстротѣ сообщенія я не попаду къ концу навигаціи въ Томскъ не только въ этомъ году, но и въ будущемъ.

Подъ самымъ Срѣтенскомъ дорога переходитъ на ту сторону Шилки. Здѣсь, какъ и вообще по всей Сибири, переправа черезъ быстрыя горныя рѣки производится на особаго рода паромкахъ, такъ называемыхъ самокатахъ. Вдоль рѣки на мертвыхъ акорахъ устанавливается отъ 8 до 10 лодокъ; онѣ соединены канатами, одинъ конецъ котораго укрѣпляютъ на берегу, а другой на самокатъ паромѣ и этотъ послѣдній, повинаясь только рулю да силѣ теченія, описываетъ правильную дугу черезъ всю рѣку и пристаетъ къ противоположному берегу. Дорога сначала идетъ къ низу, по узкой закраинѣ между рѣкой и крутыми прибрежными горами и во многихъ мѣстахъ разработорана порокомъ. Разорванныя и растрескавшіяся скалы вносятъ надъ самою головой и достаточно, кажется, одного неосторожнаго движенія чтобы онѣ свалились отсюда. Но вскорѣ рѣка отааетъ въ сторону и до самаго Нерчинска таятся ровные отлогіе холмы, безлѣсные, но покрытые густою травой и чрезвычайно удобные для поселенія. Жители здѣсь вездѣ живутъ хорошо да и

неудивительно: земля, и земля хорошей довольно; при самомъ переселеніи имъ отводили не менѣе тридцати десятинъ на душу, а потомъ они сами брали сколько хотѣли. Мѣстность здѣсь очень пригодна для развитія скотоводства; скотъ дается на волю, не зная никакихъ пастуховъ; обыкновенно на смежныхъ хозахъ крестьяне отгораживаютъ обширное пространство въ нѣсколько квадратныхъ верстъ и въ эту загороду пускаютъ стадо на все лѣто. Когда я проѣзжалъ, скотъ былъ еще въ полномъ разгарѣ; растенія здѣсь отстаютъ въ развитіи отъ російскихъ, а рожа такъ еще выдѣ не была сжата и стояла зеленою.

На Шилкѣ, при впаденіи въ нее рѣки Нерчи, стоитъ городъ Нерчинскъ; онъ чуть не единственный изъ второстепенныхъ городовъ Сибири который, по крайней мѣрѣ по имени, извѣстенъ во всей Россіи, хотя извѣстность эта очень печальнаго свойства. Обыкновенно полагаютъ что онъ служитъ мѣстомъ самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ, но въ этомъ случаѣ смѣшиваютъ его съ Нерчинскими заводами, расположенными отъ города въ 200 верстахъ, и гдѣ дѣйствительно постоянно работаетъ не менѣе 5.000 сибирско-каторжныхъ. Нерчинскъ же просто мирный городокъ, одинъ изъ лучшихъ во всей Восточной Сибири, довольно населенный, торговый, хорошо выстроенный, съ нѣкоторыми даже влодѣ прекрасными зданіями, какъ напримѣръ домъ мѣтного капиталиста кулца Бутыла. Онъ принадлежитъ къ числу старинныхъ сибирскихъ городовъ и построенъ еще въ 1658 году енисейскимъ воеводой Пашковымъ во время экспедиціи его въ Амуръ; въ нерчинскихъ же церквяхъ хранятся иконы изъ разрушеннаго Албазина. Вообще послѣ Срѣтевска, Благовѣщенска и тому подобнымъ городовъ, онъ производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Въ Нерчинскѣ я долженъ былъ взять подорожную до Томска. Конечно, лошадей ни въ городѣ, ни на всѣхъ слѣдующихъ станціяхъ не было, и я ждалъ на вольныхъ, да есаибъ и были, то частная подорожная въ главахъ почтовыхъ смотрителей ровно ничего не значить, и я взялъ ее только потому чтобъ имѣть право ночевать и вообще останавливаться на станціяхъ. Въ Сибири, вообще всѣ кто только можетъ и имѣть хотя малѣйшее право, берутъ казенную подорожную, хотя при теперешнихъ почтовыхъ безобразіяхъ и она потеряла свою чудодѣйственную силу. Даже женщины, разныя чиновницы, жены офицеровъ и пр. и

тъ всегда изданы не казенной надобности, давая тѣмъ лицу деморализованному остроумію амщаксовъ разсуждающихъ, какаа въ бабѣ можетъ быть казенная надобность.

Отъ Нерчинска до Читы, куда теперь лежитъ мой путь, считается: 300 верстъ. Дорога идетъ сначала недалеко отъ рѣки Ингоды, то-есть той же Шлакп, которая называется здѣсь такъ до слиянія ея съ рѣкой Онономъ. Мѣстность на всемъ протяжении чрезвычайно гориста и подъемовъ и спусковъ здѣсь насчитывается столько же сколько верстъ. Дорога, хотя и раздѣлана порокомъ, но все-таки оставляетъ желать многого и неудобна и опасна для вѣды. На крутыхъ спускахъ она не огорожена ничѣмъ и ремонтируется развѣ боками проезжающихъ. Мнѣ приходилось ѣхать по большей части ночью, такъ какъ днемъ всѣ крестьяне были на сѣнокосѣ и нельзя было достать лошадей. Часто вмѣсто амщакса мнѣ давали какого-нибудь мальчика, который даже не умѣлъ тормозить экипажъ, да и вообще тормазъ здѣсь употребляютъ рѣдко, а больше надѣются на милосердіе Божіе. И впрочемъ, все шло благополучно! Часто ночью, когда кругомъ не было видно ни зги, лошади вдругъ пускались вскачь, такъ что нельзя было остановить ихъ, а тогда приваливая бѣшено прыгать по камнямъ; я догадывался что мы ѣдемъ по спуску и ожидалъ что вотъ-вотъ, сію минуту, все разсыплется въ дребезги. Но ни чуть не бывало; гора кончалась, лошади съ разбѣга вылетали на соседній холмъ, и я, потерявъ ушибенныя мѣста, благодарилъ судьбу что осталася цѣла и не сломавъ себѣ шею.

Предъ Читою пошли глубокіе сылчїе пески. Городъ расположенъ въ котловинѣ; его со всѣхъ сторонъ окружили холмы, а за ними вдали на горизонтѣ, освѣщенный послѣдними лучами заходящаго солнца лежалъ Яблоновый хребетъ. Чита получила свое названіе отъ имени рѣки, какъ это вообще принято въ Сибирѣ; она лежитъ на рѣкѣ Читѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Ингоду. Прежде тутъ былъ простой острогъ, конечно не въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, а въ томъ смыслѣ какой давали ему два вѣка тому назадъ, когда острогомъ называлось всякое укрѣпленное мѣсто. Теперь же Чита сдѣлана областнымъ городомъ Забайкальской области. Можетъ-быть въ административномъ отношеніи это очень удобно, но самый городъ рѣшительно не заслуживаетъ такого повышенія. Въ немъ нѣтъ ни жизни, ни торговли. Выстроены

онъ какъ-то беззащитно; улицы очень широки, большія площади покоя на пустыри. Весь городъ покрытъ пескомъ и при малѣйшемъ вѣтрѣ дѣлаютъ тучи желтой пыли носятся въ воздухъ. Кажется нельзя было найти хуже мѣста для постройки. Въ городѣ есть нѣсколько китайскихъ домовъ; незадолго до моего прѣзда всѣмъ Китайцамъ, въ виду войны, запрещено было торговать въ Алакашъ, и они могли продавать свои товары только у себя на дому. Впрочемъ можно опять развѣсивши. Не далеко еще ушло то время когда Забайкалье считалось житницей Сибири и снабжало даже хлѣбомъ другія мѣста; теперь же въ Читѣ, да и вообще во всей области страшная дороговизна всякъ живновныхъ припасовъ. Пудъ овса стоить, напримѣръ, 4 р. 50 коп., тогда какъ въ то же время въ Томскѣ онъ стоить всего 25 коп. Не удивительно поэтому что почтовая почта въ Читѣ едва волочатъ ноги. Простой ржаной хлѣбъ продавался по 30 коп. и дороже.

Въ Читѣ меня предостерегали не ходить по ночамъ, такъ какъ въ окрестностяхъ города въ послѣднее время появилось много бѣглыхъ.

Сибирскій бродяга вообще самое смирное лицо когда его не трогаютъ; въ Западной Сибири всѣ привыкли къ нему и существованіе бродяжества освящено обычаемъ. Тамъ онъ идетъ спокойно, и крестьяне на завазникахъ своихъ хлѣбъ даже часто ставятъ молоко и хлѣбъ для проходящихъ „несчастныхъ“. Но здѣсь не то; здѣсь бродяга встрѣчаетъ суровый отпоръ отъ жителей и въ особенности отъ Бурятъ, которые въ Братской степи охотятся за нимъ съ ружьемъ какъ за дикимъ звѣремъ. Не встрѣчая себя пощады ни со стороны общества, ни со стороны властей, онъ озлобляется и самъ при удобномъ случаѣ въ свою очередь не даетъ пощады. Вотъ чѣмъ опасны бродяги въ Восточной Сибири.

Интересно и поучительно явленіе бродяжества въ Сибири; поучительно уже потому что тутъ замѣтно не нѣсколько отдѣльныхъ личностей, нѣтъ, громадная масса людей отъ 20.000 до 30.000 человѣкъ постоянно принуждена вести эту жалкую ненормальную жизнь. Большинство бродягъ составляютъ ссыльно-каторжные, ссыльно-поселенцы и дезертиры. Лишеніе свободы, всегда чувствительное для самыхъ грубѣйшихъ натуръ, и тяжелыя работы, и плохое содержаніе,—

все побуждаетъ ихъ къ бѣготѣ. А достаточно ссыльному убивать только одинъ разъ чтобы вся дальнѣйшая жизнь его опредѣлялась роковымъ образомъ. Его ловятъ, наказываютъ лѣтми и увеличиваютъ срокъ работъ. Онь опять бѣжитъ, его опять наказываютъ и еще дальнѣе отдалается моментъ окончательнаго освобожденія. После нѣсколькихъ любящихъ ссыльному невозможно уже получить свободу на законномъ основаніи, такъ какъ въ такихъ случаяхъ оны обыкновенно назначается въ работы безъ орока. Такимъ несчастнымъ остается одно: бѣгать постоянно чтобы хотя на время, въ опасностяхъ и лишенияхъ скитальческой жизни, насладиться обманчивымъ призракомъ свободы.

И она бѣгутъ... По всей Сибіри, отъ большаго Нерчинскаго завода до Пермской губерніи, можно видѣть группы бѣглыхъ. Они плывутъ по рѣкамъ, пробираются тайгой, въ дремучемъ лѣсу, терпятъ голодъ и холодъ, тщательно избегаютъ опасна для нихъ мѣста, напримеръ, Братскую степь, чрезъ которую пускаются только отчаянные головорѣзы, и всѣ стремятся къ Иркутску. Тутъ она чувствуютъ себя сравнительно въ безопасности и отсюда идутъ уже не боясь преслѣдованій, часто даже большимъ трактомъ, вплоть до Томской губерніи. Но чѣмъ ближе къ Европейской Россіи, тѣмъ опасность больше; въ Томскѣ она опять рассылаются въ разныя стороны, спускаясь къ югу почти до Семипалатна и поднимаясь къ северу до Березова, гдѣ на лыжахъ переходятъ мерзлыми пустынями. Но рѣдко кому удается проникнуть въ Россію; ихъ ловятъ и полиція, и обыватели, ссылаютъ назадъ и наказываютъ, но она опять бѣгутъ, и на длинномъ, бесконечномъ пути крутъ какъ мухи..

Съ третьей станціи отъ Читы дорога пересѣкаетъ Яблоновыи хребтъ. Уже отъ самаго города приходится подниматься въ гору, но подъемъ до того незначителенъ что его во все не замѣчаешь. Дорога все время идетъ лѣсомъ, изъ мелкой лиственницы и березы и только нрѣдка взбирается зигзагами на пригорокъ. Нѣтъ ни отдѣльныхъ сопокъ, ни скалъ, и горная цѣпь походитъ здѣсь на громадный отлогій валъ залегшій въ ширину на нѣсколько десятковъ верстъ. Я очень удивился когда на средней станціи амщикъ сказалъ мнѣ что начиная отсюда уже будемъ спускаться. Только прекрасный видъ, разстилавшійся далеко на обѣ стороны, показывалъ что находишься на вершинѣ перевала. Въ хорошій солнечный

день, говорятъ, можно увидать даже Читу. Яблоновый хребтъ достигаетъ здѣсь 4.000 футовъ абсолютной высоты и кажется это самая низкая его точка. Чѣмъ дальше къ сѣверо-востоку, тѣмъ горы значительнѣе; все чаще и чаще попадаются гольцы и скалы, все выше и выше каменные гребни и наконецъ идутъ вѣчные снѣга, и хребтъ соединяется съ Камчатскими горами. Яблоновый хребтъ составляетъ водораздѣлъ между системами рѣкъ Лены и Амура и дѣйствительно мелкіе горные ручьи, которые до сихъ поръ бѣжали намъ навстрѣчу, теперь лотекали прочь отъ насъ.

За Яблоновыми горами на нѣсколько сотъ верстъ, почти до Верхнеудинска, разстилается Братская степь. Здѣсь на прострѣствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ живутъ Буряты, которыхъ Русскіе называютъ Братскими. Неизвѣстно откуда идетъ это названіе; одни говорятъ что отъ Братскаго острога, построеннаго въ предѣлахъ жительства этихъ кочевниковъ въ Нижнеудинскомъ округѣ Иркутской губерніи, а другіе возражаютъ что самый острогъ получилъ отъ нихъ свое имя. Какъ бы то ни было, это названіе сохранилось у нихъ до сихъ поръ. Буряты, это широдцы Монгольскаго племени; они исповѣдуютъ ламаискую вѣру, видоизмѣненную буддѣйскую, названную такъ оттого что жрецы ихъ зовутся *ламами*. Будду они называютъ *бурханомъ* и вѣрятъ что всеявной управляетъ верховное существо *Шикельмуни*, срокъ царствованія котораго 5.000 лѣтъ, послѣ чего его замѣнитъ другой бурханъ. Буряты раздѣляются на роды и племена, управляются своими правителями или тайшами и судятся по своимъ обычаямъ, за исключеніемъ важныхъ уголовныхъ преступленій, которыя подлежатъ вѣдѣнію обыкновенныхъ русскійскихъ закововъ. По природѣ они пастухи и звѣроловы; большинство изъ нихъ кочевники и часто владѣютъ цѣлыми тысячами головъ скота, а нѣкоторые уже начинаютъ привыкать къ земледѣію и, какъ нарочно, эти живутъ хуже всѣхъ. Какъ всѣ дикари, они отличные наѣздики и образуютъ изъ себя нѣсколько конныхъ полковъ несущихъ таможенную службу около Баяты на границѣ Китайской имперіи. Они ловки, смыслены, предприимчивы и по справедливости считаются однимъ изъ лучшихъ племенъ населяющихъ Сибирь. Тамъ гдѣ они живутъ осѣло, бурятскіе улусы перемежаются съ русскими деревнями. Многіе Буряты содержатъ почтовую гоньбу, другіе же занимаются въ ямщики; и именно

здѣсь, между Читой и Верхнеудинскомъ мнѣ нѣсколько разъ пришлось получить почтовыхъ лошадей, но лошади, замѣнитыя вѣкогда по силѣ и выносливости, ужасно заморены, что всѣми приписывается безкормицѣ и чрезвычайной дороговизнѣ овса.

Недалеко отъ Верхнеудинска возвышенныя, безлѣсныя, покрытыя прекрасною травой обширныя равнины, составляющія Братскую степь, опять сменяются горами. Невысокіе холмы и отдѣльно, и цѣлыми группами, появляются вдали по обѣимъ сторонамъ дороги, то подходя къ ней почти вплотъ, то опять удаляясь на значительное разстояніе. Въ образуемыхъ такимъ образомъ замкнутыхъ котловинахъ лежатъ деревни, которыя встрѣчаются довольно часто. Вообще мѣстность здѣсь хорошо населена; особенно много селеній около большой станицы Тарбагатайской; здѣсь деревни идутъ на разстояніи 5—10 верстъ. Грунтъ земли твердый, песчаный, дорога ровная и гладкая. Вездѣ еще былъ сѣнокосъ, и несмотря на начало августа, о жнитвѣ не было и помину; а между тѣмъ уже стояли холодныя ночи, скоро могли появиться утренники и жители боялись что опять будетъ неурожай.

Здѣсь въ первый разъ я встрѣтилъ партію ссыльныхъ; человекѣ 40 или 50 закованныхъ въ желѣзные кандалы шап, грѣя цѣпами, подъ кованымъ солдатъ. Сзади вѣшали телеги съ большими и женщинами; встрѣчные экипажи должны по закону сторониться предъ этою мрачною процессіей. Въ деревняхъ на выѣздѣ устроены эталмы лукты, угрюмые большіе дома съ высокими деревяннымъ частоколомъ. Эти эталмы и ссыльные,—характеристика сибирскихъ дорогъ.

Давно завелась и практикуется у насъ ссылка въ Сибирь; еще въ половинѣ семнадцатаго вѣка стали впервые отправлять въ эти пустынные мѣста воровъ и разбойниковъ приговоренныхъ къ отсѣченію руки. Потомъ сюда ссылали и бунтовщиковъ, и матежныхъ Псковичей, и крамольныхъ стрельцовъ, но только съ началомъ девятнадцатаго вѣка, когда въ 1807 году было учреждено общее колониальное присутствіе въ Тюмени, а въ 1828 году приказъ о ссыльныхъ въ Тобольскѣ, ссылка приняла правильные размѣры. Въ первыя 30 лѣтъ со времени учрежденія этого приказа (1822—1852) сюда, по свѣдѣніямъ, сослано 200.000 человекъ, да по расчету въ другія 30 лѣтъ (съ 1852 года до настоящаго времени) столько же, итого въ нынѣшнемъ столѣтіи сослано 400.000. Теперь все

чаще и чаще раздаются голоса о прекращеніи или по крайней мѣрѣ ограниченіи до *minimum'a* этой штрафной колонизаціи страны. Природные граждане Сибири, люди занимающіеся здѣсь земледѣліемъ или торговлею, справедливо негодуютъ что страну гдѣ они проводятъ добровольно свою жизнь считаютъ какъ бы зачужденною, что на ихъ землю, къ которой они приложили весь трудъ и обилии своимъ потомъ, посылаютъ людей осужденныхъ по суду, призванныхъ неспособными къ труду и гражданственности на себя и родины. Но пока у насъ нѣтъ своей Новой Каледоніи и не устроено обширныхъ центральныхъ тюремъ, ссылка въ Сибирь неминуемо будетъ продолжаться. Въ послѣднее время часть каторжныхъ стала отправлять на Сахалинъ; одинъ изъ судовъ Добровольнаго Флота ежегодно отвозитъ туда отъ 400 до 500 человекъ, но въ общемъ итогъ это составитъ довольно незначительный процентъ, ибо число ссыльныхъ ежегодно отправляемыхъ въ Сибирь доходитъ до шести, семи тысячъ человекъ.

Въ 450 верстахъ разстоянія отъ Читы, на рѣкахъ Удѣ и Селенгѣ лежитъ Верхнеудинскъ, послѣдній городъ предъ Иркутскомъ. Какъ вся Чита была покрыта глубокимъ слоемъ песку, такъ здѣсь, для разнообразія, на улицахъ города стояла невылазная жидкая грязь отъ проливныхъ дождей. Городъ лежитъ въ глубокой ложбинѣ, и вся вода съ окрестныхъ холмовъ сбѣгаетъ сюда внизъ. Путей сообщенія не было никакихъ, такъ какъ въ Верхнеудинскѣ нѣтъ извозчиковъ, а если и есть то они очень аккуратно прачутся, и я не могъ достать ни одного. Вдобавокъ, все время пока я тамъ былъ, шелъ проливной дождь, такъ что я и не видалъ города, а между тѣмъ онъ довольно великъ, имѣетъ много жителей и ведетъ хорошую торговлю чаемъ, особенно кирпичнымъ, который онъ поставляетъ на все Забайкалье. Впрочемъ, мнѣ не совѣтовали покупать здѣсь чай, такъ какъ предъ Иркутскомъ его пришлось бы оплатить лошадиной. Кромѣ чая, здѣсь складъ и средоточіе торговли китайскою шелковою матеріей, такъ называемою *че-чунъ-чой*, хорошо извѣстною въ Россіи, гдѣ она идетъ на лѣтніе костюмы; въ Верхнеудинскѣ она получается изъ первыхъ рукъ, изъ Кяхты, которая подъ бокомъ.

Отсюда до Байкала считается 150 верстъ, надо было спѣшить, такъ какъ Байкальскій пароходъ уходилъ черезъ два дня, а я ужъ успѣлъ убѣдиться что при намѣшномъ состояніи

сибирскихъ дорогъ не легко проѣхать потораста верстъ въ двое сутокъ.

Подъ самымъ городомъ мы переѣхали на паромъ-самолетъ Селеугу, большую горную рѣку текущую съ юга, изъ Монголіи, и впадающую въ озеро Байкалъ. Дорога, и отъ бывшихъ дождей, и отъ проходящихъ обозовъ, была разбита до невозможности; изурявныя лошади вазли по брюхо въ глубокой грязи и еле тащали тяжелую телегу, да и на сухомъ мѣстѣ, гдѣ такое попадалось, не бѣжали рысью, а шли какимъ-то церемоніальнымъ маршемъ. Но за то я могъ довольно любоваться окрестными видами, и они дѣйствительно заслуживали этого.

Представьте себѣ узкую долину или скорѣе ущелье между горами; справа и слева его лежатъ два хребта, а на днѣ ущелья, сверкая и лѣнясь, несется Селеуга. Съ лѣвой стороны рѣки, на прибрежныхъ утесахъ вьется змѣйкой какаа-то свѣтлая полоска. Это дорога; она проложена узкимъ карнизомъ почти по срединѣ горъ. Съ одной стороны, высоко надъ головой подымаются или голыя каменныя скалы, или вершины, покрытыя густымъ хвойнымъ лѣсомъ; съ другой, далеко внизъ идутъ груды камней спускаясь вплоть къ рѣкѣ, и только узкія деревянныя перила отдѣляютъ ихъ отъ обрыва и Селеуги. Съ горы дорога спускается внизъ, по гатямъ выстланнымъ жердями и хворостомъ и потомъ опять всползаетъ на другую гору. Горы идутъ вплоть до Байкала, но Селеуга скоро остается въ сторонѣ.

Мѣстность здѣсь плохо заселена; тутъ живутъ и Бураты и Русскіе, но деревень что-то мало видно. Отсюда уже начинается настоящая тайга, та безконечная сибирская тайга которая за Иркутскомъ тянется на тысячу верстъ, вплоть до Красноярска. Впрочемъ непроезжимость, характеристическій признакъ сибирской тайги, здѣсь пока еще отсутствуетъ. Холмы сплошь покрыты ровнымъ, не крупнымъ лѣсомъ изъ лиственницы, ели и березы; изрѣдка начинается попадаться и аристократъ сибирскихъ лѣсовъ, кедръ. Но лѣсъ довольно рѣдокъ и всѣ стволы снизу стоятъ безъ вѣтокъ, точно подчищены нарочно, такъ что далеко видно какъ этотъ рѣдечій лѣсокъ спускается внизъ по покатости холма и взбирается на другой холмъ. Получается впечатлѣніе какъ будто попалъ въ какую-то безконечную сѣтку или паутину. Дорога похожа на тропинку и такъ и ждешь что она исчезнетъ,

погорается сію минуту и очутишься одинъ въ лабиринтъ деревьевъ. Ни лужайки, ни поляны не попадаетея на восемь пути и вездѣ стоитъ одинъ и тотъ же угрюмый, тоску наводящій лѣсъ.

Въ глухую ночь подѣзжалъ я къ Байкалу; возвышенныя всхолмленныя равнины, спускающіяся мало-по-малу, приводили меня къ озеру. Последнее поселіе предъ Байкаломъ Посольское, гдѣ выстроены монастырь на мѣстѣ убитаго когда-то здѣсь Монголами московскаго посла. Но отъ деревни до пристави, гдѣ находится вокзалъ и гостиница, еще 10 верстъ.

Байкалъ шумѣлъ; на озерѣ была буря. Дорога шла берегомъ, и часто мелькала вдали въ ночномъ мракѣ поверхность воды и слышно было какъ разгулявшіеся волны Святаго моря бѣшено хлестали въ камешные утесы. И ревъ волвъ, и шумъ и свистъ вѣтра, и трескъ сучьевъ ломавшихся въ лѣсу, все это сливалось вмѣстѣ въ какой-то огушительный концертъ. Каково же здѣсь осенью, когда къ бурѣ присоединяется еще сибирскій холодъ. Теперь только половина августа, а уже по ночамъ нельзя было ѣхать безъ мѣховаго пальто. Очень невесело принялъ меня Байкалъ, да еще благодаря бурѣ я цѣлый часъ простоялъ на холодѣ предъ гостиницей и не могъ достучаться, такъ какъ единственный слуга давно уже привыкъ къ капризамъ здѣшнихъ стужъ и сладко спалъ, не обращая вниманія ни на шумъ вѣтра, ни на мой отчаянный стукъ.

Озеро Байкалъ лежитъ между 51° и 55° сѣверной широты и имѣетъ въ длину 600, а въ ширину 75 верстъ, стало-быть представляетъ собою одно изъ величайшихъ озеръ земнаго шара. Оно со всѣхъ сторонъ окружено высокими горами которыя придаютъ ему мрачный, угрюмый отпечатокъ. По преданію, озеро образовалось изъ вѣкогда бѣзднаго здѣсь провала, а окрестные жители до сихъ поръ окружаютъ его какими-то фантастическимъ ореоломъ. Монголы называютъ его *Далай-Норъ*, святое озеро, Буряты поклоняются здѣсь своему *Шаманскому камню*, а Русскіе съ таинственнымъ ужасомъ на лицѣ увѣряютъ что Святое море не имѣетъ дна и говорятъ что въ тихую погоду у береговъ его видны цѣлыя скалы и лѣса. Что оно очень глубоко, это фактъ; хотя здѣсь конечно не дѣлали правильныхъ промѣровъ, но по тракту пароходовъ, между Посольскимъ и Листвяничной, иногда бросали лотъ и находили наибольшую глубину до 7.000 футовъ.

Въ Байкаль впадаютъ двѣсти рѣкъ и рѣчекъ, а вытекаеть только одна Ангара и съ такою скоростью о которой мы по своимъ европейскимъ рѣкамъ не можемъ составить никакого понятія. Кругомъ озера живутъ Тунгусы, Русскіе и Бураты; Бураты всего больше; они же живутъ и на Ольхонѣ, большомъ островѣ посреди Байкала. Байкаль истинное сокровище для здѣшняго края, такъ какъ въ немъ ловится масса рыбы и въ особенности омуля (*Salmo omul*, *Salmo autumnalis migratorius*) неизмѣннаго омуля, который вмѣстѣ съ кирличнымъ чаемъ составляетъ почти единственную пищу и Сибиряковъ, и ивородцевъ. Каждый годъ десятки тысячъ пудовъ этой рыбы везутся отсюда и въ Иркутскъ, и въ Забайкалье, и эта отрасль промышленности породила собой даже другую, именно сильное развитіе судоходства, въ видѣ большаго количества туземныхъ парусныхъ судовъ и простыхъ большихъ лодокъ.

За то пароходство здѣсь несчастливается; пароходы и гонимы, и товули, а управленіе ими постоянно переходило изъ рукъ въ руки и все какъ-то безъ толку. До сихъ лоръ перевозная плата очень высока, пароходы ходятъ не всегда правильно и не всегда счастливо, доказательствомъ чему служить то что они не берутъ даже на свою отвѣтственность почтовой корреспонденціи, и потому вся почта идетъ сухимъ путемъ, по южному берегу Байкала, по высокимъ горамъ, такъ-называемымъ Круго-Байкальскимъ трактомъ, не только просто отвратительнымъ, но осеью и весной даже совершенно невозможнымъ.

Скучно ждять пароходъ на берегу Байкала: пароходъ не приходилъ цѣлый день; хотя буря начала стихать, но здѣсь въ сильное волненіе нельзя приставать къ берегу и пароходы предпочитаютъ качаться по срединѣ озера. Въ гостиницѣ отъ скуки шла самая ожесточенная карточная игра, въ любимую сибирскую игру, вивтъ. Горы, полузакрытыя бѣлою замаявской тумана, картинно стояли кругомъ. Я было попробовалъ отправиться лодальше, полюбоваться окрестностями, но ноги развѣзались во всѣ стороны по намокшей глинѣ. На пристани, чуть не на полверсты ушедшей въ озеро, тоже скучно; другой берегъ ясно сивѣлъ въ отдаленіи, холодный вѣтеръ пропизывалъ насквозь, а крутой валъ Байкала однообразно и глухо ударялъ въ сваи, обдавая брызгами деревянный помостъ.

Но на другой день погода окончательно прояснилась, и когда я проснулся, ярко светило солнце, а пришедшей ночью пароходъ *Платонъ* уже нагруженъ и собирался въ обратный путь.

Дорога идетъ наискось къ пристани Листвяничной, и озеромъ приходится ѣхать на разстояніи 90 верстъ. Переездъ дается отъ восьми часовъ до нѣскольکو сутокъ, смотря по состоянію погоды. На этотъ разъ все обошлось благополучно, даже качки не было, такъ какъ здѣсь, какъ и въ каждомъ со всѣхъ сторонъ замкнутомъ бассейнѣ, волны скоро разбиваются о берега. Только Байкальскія горы были покрыты туманомъ, и ихъ живописныя очертанія были скрыты отъ насъ.

Отъ пристани Листвяничной, гдѣ нѣтъ ничего кромѣ вокзала да неизбежной гостиницы, до ближайшаго селенія Никольскаго полторы версты. Въ гостиницѣ всѣ удобства сводятся къ тому что можно выпить рюмку водки, а о мочалгѣ нечего и думать. А между тѣмъ была уже ночь. Одна партія пассажировъ послѣшила ѣхать на вольныхъ, благо нѣскольکو ямщиковъ собралось на пристань; но ихъ было далеко недостаточно для всѣхъ, поэтому другая часть отправилась въ лодкѣ Ангарой, вплоть до Иркутска. Но плаваніе ночью по такой рѣкѣ какъ Ангара не всегда проходитъ даромъ, да и бесполезно, такъ какъ ночью рѣкой чрезъ таможену не пускаютъ. Поэтому остальные пассажиры, и я въ томъ числѣ, сошли за благо отправиться на станцію лѣшкомъ и въ деревнѣ уже наняли какого-то мужика перевозить наши вещи, по рублю за каждый ковецъ, причемъ онъ ухитрился съѣздить двѣнадцать разъ и перевозилъ вещи всю ночь.

Станціи предъ Иркутскомъ содержатъ сама казна, за неимѣніемъ желающихъ взять таковыя на себя, и тутъ уже совсѣмъ нельзя добиться толку. Если прежде было гадко, такъ теперь стало еще хуже. Каждую недѣлю почти сюда приѣзжаютъ почтовые чиновники для ревизіи и провѣрки другъ друга, а о проезжающихъ рѣшительно никто не заботится. Мы на другой день должны были два часа ходить по деревнѣ и даже отправляться въ поле, пока наши лошадей.

Отъ Байкала до Иркутска считается всего 60 верстъ. Дорога такая же какъ и до Байкала, съ тою только разницей что вмѣсто Селеенги здѣсь Ангара. Но Ангара не чета Селеенгѣ; составляя единственный истокъ Байкала, она имѣетъ двѣ версты въ ширину и течетъ со скоростью почти 20 верстъ

въ часть, такъ какъ на 60 верстѣ до Иркутска имѣеть болѣе 400 футовъ паденія. Это самая быстрая рѣка Сибири. Она вытекаетъ изъ Байкала тотчасъ около Листвяничной, и въ самомъ устьѣ ея, по срединѣ, высоко подымается изъ воды остроконечный каменный утесъ, называемый *Шаманскимъ камнемъ*. Буряты считаютъ его святымъ; они думаютъ что здѣсь живутъ ихъ духи *онгомы*, и пріѣзжаютъ издалека поклониться ему. Въ трехъ верстахъ отъ станціи выстроена караулка и поперекъ дороги протянутъ полосатый шлагбаумъ; это таможня. Какъ извѣстно, вся Восточная Сибирь до Иркутска считается лорто-франко, и сюда со стороны моря можно везти что угодно, жаль только что никто ничего не возитъ. Здѣсь первая и, не считая Кяхтинской, единственная таможня въ Сибири. Предметы обложенія: чай, сигары, мѣха и, кажется, китайскій шелкъ. Главное же смотрятъ чтобы не провезли какъ-нибудь лотаховку золота. Все золото добываемое въ Восточной Сибири золотопромышленники должны предъявлять въ Иркутскѣ, гдѣ имъ выдаютъ квитанціи, а золото отправляютъ въ Барнаулъ, переплавляютъ въ *штыки* или чекавятъ въ монету, и тогда уже выдаютъ властямъ. Этимъ путемъ хотятъ предупредить продажу его на сторону и вывозъ изъ Россіи, но конечно цѣль не достигается, и контрабанда все-таки развита. Не имѣя золота мнѣ было лѣтство даже подозрѣніе что я могу его имѣть, но таможенные чиновники вслѣдствіе долгой привычки видятъ лтицу по полету, и мои вещи почти не осматривали, такъ что я сожалѣлъ что не купилъ въ Верхнеудинскѣ хоть чаю. Въ тотъ же день вечеромъ на закатѣ солнца вдали показался Иркутскъ, и я вѣхалъ въ обгорѣлый городъ, столицу Восточной Сибири.

IV.

Крайне тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня Иркутскъ, точно ангель смерти и истребленія промесса надъ городомъ. Вездѣ стоятъ черныя, обгорѣлыя руины, наскоро обнесены заборомъ; вездѣ строятся и поправляются дома. Страшный двухдневный пожаръ 22 и 24 іюня 1879 года истребилъ бѣольшую и лучшую часть города, который врядъ ли скоро оправится послѣ такого бѣдствія. Я остановился не въ гостиницѣ, а въ частномъ домѣ рекомендованномъ мнѣ еще

раньше, и хозяинъ его, владеющъ многихъ другихъ домовъ погибшихъ отъ пожара, разказаа мнѣ много потрясающихъ подробностей.

Городъ расположенъ на рѣкѣ Малый Иркутъ, при впадѣніи ея въ Ангару, и имѣеть до 40 тысячъ жителей. До пожара онъ считался лучшимъ городомъ Сибири, но теперь врядъ ли сохранилъ это преимущество, такъ какъ съ нимъ успѣшно конкурируетъ Томскъ, за который стоитъ его выгодное положеніе. Осматривать въ городѣ послѣ пожара рѣшительно нечего, да и некогда было; надо было слѣзнуть. Еще полторы тысячи верстъ остается до Томска, между тѣмъ уже половина августа, а 15 сентября уходитъ изъ Томска послѣдній пароходъ. Скорѣе въ путь, скорѣе!... Паромъ-самолетъ живо доставилъ меня на другой берегъ Ангары. Это благодѣтельное изобрѣтеніе какого-то Нѣнца имѣеть то удобство что требуетъ мало людей для своего управленія и чѣмъ быстрѣе рѣка, тѣмъ ходитъ скорѣе. Между тѣмъ прежніе паромы по Ангарѣ почти не могли ходить. Черезъ три станціи отъ Иркутска дорога вступаетъ въ тайгу и идетъ такъ же до Красноярска и даже далѣе. Опять встрѣтилась тѣ же неудобства; опять выгдѣ нельзя было достать почтовыхъ лошадей, а часто и вольныхъ. Всѣ люди были заняты полевыми работами, такъ какъ сѣнокосъ былъ въ полномъ разгарѣ и кое-гдѣ начиналась жатва. Мнѣ пришлось просидѣвать по многу часовъ на самыхъ глухихъ станціяхъ, и всѣ эти невзгоды до такой степени разстроили мои нервы что я махнулъ рукой и, несмотря на всю привычку ѣхать одному, взялъ себѣ полутчика. Мой полутчикъ былъ Полякъ Р. сосланный въ 1863 году и теперь получившій прощеніе. Онъ былъ безконечно полезенъ мнѣ во время путешествія, обязательно принималъ на себя всѣ хлопоты, и мы ѣхали съ нимъ вмѣстѣ до Москвы.

Онъ происходилъ изъ хорошей фамиліи, служилъ въ гвардіи, а братъ его до сихъ поръ занимаетъ важный постъ въ Петербургѣ. Но возстаніе 1863 года увлекло его въ свой водоворотъ, и онъ поплатился ссылкой въ Балаганскъ, глухой городокъ къ сѣверу отъ Иркутска. Здѣсь прошелъ надъ его головой длинный рядъ годовъ и они легли на него полувѣковой тяжестью. Теперь онъ смотритъ старикомъ, хоть ему только

сорокъ лѣтъ. Онъ примирялся со всѣмъ и относился ко всему въ мѣрѣ съ замѣчательными, чисто-восточными равнодушіемъ, оживляясь только при воспоминаніяхъ о Варшавѣ, куда онъ ѣхалъ и гдѣ оставилъ семью. Онъ отчасти узналъ сибирскую жизнь и былъ неопытный товарищъ въ путешествіи; а съ удовольствіемъ вспоминаю о немъ, и если ему когда-нибудь попадутся эти строки, пусть онъ прочтетъ себя въ нихъ мое искреннее и душевное спасибо.

Наше путешествіе опредѣлялось слѣдующимъ образомъ. Мы ѣхали день и ночь, смотря по тому какъ было удобнѣе. Конечно ѣхали чаще ночью, такъ какъ тогда легче можно было достать лошадей. Во время безконечнаго пути мы испытали все что можно было испытать при подобныхъ условіяхъ, и еслибъ я вздумалъ описывать всѣ дорожныя приключенія, то наполнилъ бы ими цѣлую книгу. Не говоря уже про постоянныя задержки въ лошадяхъ, про то что часто приходилось ждать какого-нибудь проѣзжающаго и потомъ ѣхать шагомъ на обратныхъ, радуюсь что по крайней мѣрѣ везутъ, даже самыя стихіи были точно въ заговорѣ противъ насъ. Какъ нарочно, когда было тепло, стояла великолѣпная погода, ярко сіяло солнце, намъ приходилось сидѣть на станціи, такъ какъ все населеніе деревни, и мужское и женское, пользовалось этими рѣдкими уамбками капризной природы, работало въ полѣ изо всѣхъ силъ. За то когда погода начинала хмуриться, собирались облака и шло дождь, тогда являлись крестьяне съ предложеніемъ своихъ услугъ и надо было ѣхать, иначе мы рисковали просидѣть Богъ знаетъ сколько. Такимъ образомъ бѣольшую часть нашего путешествія можно было охарактеризовать словами: мы ѣхали шагомъ и мокали, мокали безъ конца и безъ защиты, такъ какъ у здѣшнихъ крестьянъ единственный экипажъ простая, открытая телега. Нѣсколько разъ были такіе дожди какихъ я не встрѣчалъ и подъ экваторомъ. Помню я одинъ такой ливень ночью 19 августа; это было вѣчто въ родѣ потопа, точно разверзлись всѣ хляби небесныя. Мало того что къ намъ въ телегу напала цѣлая лужа, что мой зонтикъ вывернуло и унесло порывомъ вѣтра, что лошади оставались отъ страха при огулающихъ ударахъ грома, что мы промокли до нитки, даже промокли деньги въ кожаномъ бумажникѣ лежавшемъ въ боковомъ карманѣ сюртука. Мои чемоданы и корзины еще равнѣе растрескались по всѣмъ швамъ отъ сибирскихъ

ухабыть, и въ цѣли теперь хамула вода, переносившая массу вещей, которая пришлось выкинуть въ Томскѣ вмѣстѣ съ чемодами. И безъ того худая дорога испортилась отъ частыхъ дождей до невозможности. Нерѣдко у насъ ломались колеса, и хотя въ большинствѣ случаевъ предусмотрительные крестьяне, зная свои пути сообщенія, брали и запасное колесо и запасную ось, но иногда забывали дѣлать это, и тогда ямщикъ отправлялся за помощью на ближайшую станцію и возвращался часто только къ разсвѣту, а мы въ глухую ночь, въ безкомочной сибирской тайгѣ, на телегѣ увязшей по ступицу въ грязь, или подъ проливнымъ дождемъ, могли на свободѣ и не слѣша предаваться размышленіямъ о превратностяхъ міра сего. Бывало и хуже этого: иногда намъ ямщикъ выпрашивалъ въ видѣ задатка часть денегъ впередъ и, отправляясь запрягать лошадей, наливался пьянъ; тогда мы легкая слома голову нѣсколько верстъ по колесамъ и ухабамъ, иногда въ сторону отъ дороги черезъ кочки и овраги, если обступившая со всѣхъ сторонъ дорогу тайга немного уходила вдаль, и часто вылетали вонъ, такъ что приходилось какъ въ баснѣ ощупывать себѣ шею чтобы узнать остался ли живъ по крайней мѣрѣ. Разъ потеряли такимъ образомъ чемоданъ и не замѣтили даже этого, такъ какъ была ночь и только уже подѣзжая къ станціи, когда на крутомъ поворотѣ вылетѣлъ вонъ изъ телеги мой спутникъ и несмотря на свое постоянное хладнокровіе, отчаянно ругая и дорогу, и себя, и ямщика, и лошадей, приваляся усаживаться опять, только тогда увидали что одного чемодана не достаетъ. Впрочемъ такъ скакали мы рѣдко, а чаще лошади шли торжественнымъ шагомъ, и въ ночной темнотѣ эта ѣзда, это однообразное переваливанье телеги изъ стороны въ сторону, изъ ухаба въ ухабъ, до такой степени усилительно дѣйствовало на нервы что и мы утомленные всѣми передрагами, и ямщикъ уставшій отъ дневныхъ работъ, всѣ засылали глубокимъ сномъ; тогда лошади сворачивали въ ближайшую канаву и принимались спокойно щипать траву, пока чрезъ нѣсколько часовъ не просыпался кто-нибудь изъ насъ. Было, всего было!

За то съ какою радостію принималось каждое развлеченіе! Часто на станціи намъ попадались проѣзжающіе, также какъ и мы, за неимѣніемъ лошадей, чающіе движенія воды, или горячелая молоденькій офицерикъ, въ первый разъ попавшій въ Сибирь и въ простотѣ души думавшій что его казенная

подорожная слободна утрашить смотрителей; но смотритель на всѣ увѣщанія дать лошадей подсовывалъ только жалобную книгу и обыкновенно дѣло кончалось тѣмъ что офицеръ окрикнулъ отъ крика и замолчить, и тогда мы разливали вмѣстѣ чай и разспрашивали друга друга о дальнѣйшей дорогѣ, или я отъ нечего дѣлать принимался пугать его тѣмъ что предстоитъ ему еще испытать впереди, такъ какъ подъ постояннымъ впечатлѣніемъ неудобствъ я не могъ отнестись къ нимъ такъ индифферентно какъ отнѣшусь теперь, когда мнѣ кажется мелкимъ до смѣшного многое что тогда волевалось до заоста.

Дорогой мой товарищъ, ставшій истымъ Сибирякомъ, постоянно грызъ кедровые орѣхи, и я смотрѣлъ, смотрѣлъ и наконецъ тоже рѣшилъ послѣдовать его примѣру, благо орѣхи были свѣжіе, прямо съ дерева. Это спасеніе отъ сибирской скуки; здѣсь не любятъ разговаривать, а въ каждомъ домѣ стоятъ кулечекъ съ орѣхами и собесѣдники приходя въ гости молча принимаютъ за кулекъ, такъ что кедровые орѣхи извѣстны здѣсь подъ мѣткимъ именемъ „сибирскихъ разговоровъ“. За то и достигли же непостигаемой ловкости Сибиряки въ искусство грызть ихъ. Орѣхи падутъ на масло, и баба здѣсь получаетъ 50 кол. за то чтобы *перезерзать зубами пудъ орѣжовъ!* Здѣшніе орѣхи стоятъ на мѣстѣ отъ 2 до 5 кол. фунтъ и считаются лучше амурскихъ, которые хоть и больше, но очень пахнутъ смолой и имѣютъ толстую скорлупу. Вообще сибирскій кедръ (*Pinus Sembra*) полезнѣйшее дерево здѣшнихъ лѣсовъ. Онъ даетъ великолѣпнѣйшій матеріалъ для построекъ и толщива, а орѣхи его служатъ пищей и человѣку, и звѣрямъ, и птицамъ.

Къ тому же и мѣста которыми мы проѣзжали какъ нельзя болѣе способствуютъ его развитію. Дорога все время, начиная отъ Иркутска, шла непроходимую безконечною тайгой. Въ Россіи не знаютъ что такое тайга, такъ какъ тайги у насъ нѣтъ. Есть обширные дремучіе лѣса, но собственно тайги нѣтъ. А между лѣсомъ и тайгой есть существенная разница. Лѣсомъ называется собраніе деревьевъ одного или разныхъ сортовъ растущихъ вмѣстѣ, собраніе всегда имѣющее границы и конецъ. Мы знаемъ что въ извѣстномъ мѣстѣ лѣсъ кончается и за нимъ идутъ дуга или поля, другія рощи или деревца. Тайга же это безграничное и неизмѣримое, непроходимое пространство, обросшее деревьями;

безграничное и неизмѣримое, потому что тянется чрезъ всю Сибирь, на нѣсколько милліоновъ квадратныхъ верстъ, занимающая пространство больше всей Европы; непроходимое потому что тутъ деревья растутъ, лежатъ и гниютъ вмѣстѣ, что лѣн и улавшіе стволы заграждаютъ путь, а густой подлесокъ и кустарники соединяютъ все въ одну непроницаемую массу. Это самый большой лѣсъ на земномъ шарѣ; къ северу тайга тянется до предѣловъ Ледовитаго океана, постепенно переходя въ тундру, занимающую тоже около трети Сибири. Тундра та же тайга, только вмѣсто деревьевъ, которыя не растутъ отъ холода, здѣсь стелются низкорослые кустарники и растутъ мхи и ягели; даже камни здѣсь нѣтъ, такъ какъ и тѣ растрескиваются и вывѣтриваются въ дресву отъ жестокихъ морозовъ. Къ югу тайга упирается въ гранитныя горы окаймляющія здѣсь Сибирь. И только за этими горами ужь идутъ ровныя возвышенныя степи и вообще мѣста удобныя для заселенія; такимъ образомъ этихъ удобныхъ мѣстъ сравнительно со всѣмъ пространствомъ очень мало, какая-нибудь десятая часть, но и эта малая часть все еще безконечно велика и въ состояніи съ избыткомъ прокормить десятки милліоновъ людей.

Тайга тянется по обширнымъ болотамъ, по каменистымъ пространствамъ, по горнымъ хребтамъ и совершенно необитаема. Какъ звѣри у насъ въ лѣсу прокладываютъ извѣстныя тропки, такъ и Русскіе пришедши въ Сибирь обнаружили что могли проложити чрезъ тайгу тропки-дороги, построили по нимъ деревушки и поставили кое-гдѣ города. Но тайга все-таки осталась тайгой, и человѣку не справиться съ ней во вѣки вѣковъ. Помимо главнаго тракта, изъ одного сибирскаго города въ другой абсолютно невозможно и добраться. Крестьяне нигдѣ не углубляются въ тайгу дальше 20—30 верстъ и что дѣлается внутри ея, не знаютъ; знаютъ только что медвѣди и другіе звѣри тамъ начинаютъ ходить уже „артелями.“ Кое-гдѣ только, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ почтоваго тракта, въ тайгѣ стоятъ *заимки*, небольшія расчищенныя пространства для лошади и сѣнокоса, да на югѣ и востокѣ Сибири, въ глухихъ отрасляхъ Саянскихъ и Яблоновыхъ горъ, бродятъ золотопромышленники отыскивая золото, или добываютъ ужь отысканное, работая на глубинахъ ста, двухсотъ и болѣе четвертей подъ землей, въ вѣчно мерзлой почвѣ. Такова сибирская тайга!

Зимой здѣсь стоятъ жестокіе морозы, дуютъ суровыя вѣтры наметая на дорогу огромныя сугробы снѣгу; лѣтомъ здѣсь нѣтъ житья ни человѣку, ни скотинѣ отъ безчисленнаго множества мошекъ. Эти мучительныя насекомыя часто закусываютъ до смерти лошадей, а жители вѣкуда не выходятъ безъ тонкой кисейной сѣтки. Мы впрочемъ мало страдали отъ мошекъ, такъ какъ ѣхали большею частію по вочамъ, когда ихъ нѣтъ.

Чѣмъ ближе къ Томску, тѣмъ чаще стали попадаться намъ безкомечные обозы; они шли и въ Сибирь, и изъ Сибири, и везли только два рода товаровъ: изъ Сибири шелъ чай, а изъ Россіи или собственно изъ Сибири же, именно изъ Тюмени шелъ спиртъ, необходимая вещь въ здѣшней жизни, гдѣ скука не всегда прогоняется такимъ невеселымъ средствомъ, какъ „сибирскіе разговоры“. Много неприятностей надылали намъ эти обозы; по закону, они должны сворачивать предъ почтовыми экипажами, но къ сожалѣнію мы ѣхали на вольныхъ, да они и не всегда могли сворачивать есаубъ и хотѣли, такъ какъ заморенныя лошаденки едва переставляли ноги. Обѣзжать ихъ часто бывало невозможно, ибо у самой дороги, и справа и слѣва, стояла тайга глухою стѣной. Да и когда мѣстность позволяла это, и то не всегда удавалось; въ обозахъ часто бывало по 200—300 возовъ и они растягивались на нѣсколько верстъ, а по сибирскимъ дорогамъ тоже не раскочешься. Часто мы ѣхали за ними шагомъ цѣлыми верстами, а иногда объѣхавъ съ большимъ трудомъ одинъ обозъ, тотчасъ ватыкались на другой.

Какъ неизбѣжное слѣдствіе обозовъ стали попадаться и лаяма лошади, что тоже вовсе не красило ландшафтъ. Раздутые, обезображенные трупы ихъ валялись у самой дороги, такъ какъ вошикамъ лѣнь было оттащить ихъ въ лѣсъ. Ночью около этихъ мѣстъ слышался вой волковъ и испуганныя лошади часто шарахались въ сторону.

Такимъ утомительно однообразнымъ образомъ шло наше путешествіе; мы проѣхали Нижнеудинскъ, печальный городъ на рѣкѣ Урѣ, замѣчательный развѣ тѣмъ что на его улицы изъ сосѣдней тайги часто заходятъ медвѣди; проѣхали Канскъ, даже и этимъ не замѣчательный, и приближались къ Красноярску. Теперь, когда осталось только 500 верстъ до Томска, когда пройдена уже бóльшая часть пути, предо мной по-прежнему стали обрисовываться причины безнадежно плохаго

положенія почтовой части въ Сибири. Многое что прежде приводило меня въ изумленіе и негодованіе, теперь въ моихъ глазахъ получило если не оправданіе, то по крайней мѣрѣ объясненіе. Во время своего длиннаго пути я воспользовался чѣмъ могъ: разспрашивалъ проезжающихъ и смотрителей, собиралъ свидѣнія отъ почтмейстеровъ, смотрѣлъ различные документы, предписанія и разъясненія, поскольку она была мнѣ доступна, почтовые книги и собралъ много любопытныхъ данныхъ. Въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ я постараюсь познакомить читателя съ сибирскими почтовыми порядками.

Начнемъ съ правительства. Оно конечно прямо заинтересовано въ томъ чтобы у насъ были хорошіе пути сообщенія и, надо отдать ему справедливость, дѣлаетъ что можетъ. На всемъ громадномъ 10.000верстовомъ трактѣ оно платитъ почтосодержателямъ за каждую пару лошадей извѣстную сумму, иногда очень значительную, отъ 500 до 2.000 рублей (въ городѣ Читѣ). На весь трактъ это составитъ около милліона. Не хорошо только то что благодаря представленіямъ нѣкоторыхъ лицъ оно, несмотря на увеличившійся разгонъ, не только не увеличило противъ прежняго число лошадей на станціяхъ, но даже сократило его: такъ на нѣкоторыхъ станціяхъ Московскаго тракта вмѣсто десяти паръ лошадей оставлено только девять.

Плохо и безтолково составлено расписаніе прихода и ухода почты. Почты приходятъ и уходятъ въ опредѣленные, заранѣе разчитанные по числу верстъ дни и часы. По Московскому тракту онѣ идутъ въ Европейскую Россію пять разъ въ недѣлю, а оттуда каждый день. Первое что тутъ нужно соблюдать, это чтобы перевозка почты не шла въ ущербъ проезжающимъ. А такъ именно и происходитъ. Смотритель къ назначенному часу оставляетъ лошадей подъ почту, но почта не приходитъ, такъ какъ по сибирскимъ дорогамъ вообще мѣрено послѣтъ въ срокъ. Но смотритель уже никому и ни за что не отпуститъ лошадей назначенныхъ подъ почту, такъ какъ идетъ ее каждую минуту. Почта опоздала на день, на два или нѣсколько часовъ, это все равно; важно то что она слѣдовательно и на всѣхъ слѣдующихъ станціяхъ будетъ опаздывать противъ расписанія и на всѣхъ станціяхъ лошади будутъ стоять безъ дѣла нѣсколько часовъ или дней. Наконецъ почта отправлена, но отъ этого не легче, такъ

какъ уже приблизилось время когда должна придти другая почта. И дѣйствительно, она или тотчасъ же приходитъ въ срокъ, а на станціи уже нѣтъ лошадей, такъ какъ всѣ отправлены съ прежнею, и тогда ее сваливаютъ въ сарай или оставляютъ въ конюшняхъ, какъ вещественное предостереженіе проезжающимъ чтобъ они и не заикались о лошадяхъ. И пока эта почта лежитъ въ сараѣ, ее конечно напрасно будутъ ждать на всѣхъ слѣдующихъ станціяхъ. Или же и вторая почта не приходитъ въ срокъ, а лежитъ въ сараѣ, на одной изъ предыдущихъ станціи, и результатъ одинъ и тотъ же: ее повнапрасу ждутъ. При дурныхъ сибирскихъ дорогахъ и измуренныхъ лошадяхъ создавался постепенно такой порядокъ вещей что по всей Сибири почты не приходять въ срокъ, а являются когда вздумаютъ: въ субботу, на примѣръ, является почта, которая должна была придти еще въ среду и которую тѣтветно ожидаютъ, потомъ въ субботу же является въ видѣ сюрприза и четверговая почта, и если есть лошади, отправляется дальше, а нѣтъ, сваливается въ сарай, потомъ два, три дня совсемъ нѣтъ почты, и т. д. Такимъ образомъ всѣ сибирскія станціи постоянно находятся въ хроническомъ ожиданіи почты, и этотъ безпорядокъ, важный самъ по себѣ, даетъ еще, какъ я покажу ниже, могучее орудіе въ руки станціонныхъ смотрителей. Кромѣ того, нигдѣ въ правилахъ не сказано, на сколькихъ парахъ ожидать почту: на одной, двухъ, пяти или больше? Обыкновенно требуютъ чтобы безъ задержекъ перевозили всю почту, на сколькихъ бы парахъ она ни пришла, и потому смотрители, ожидая худшаго, оставляютъ всегда большее число лошадей; а чѣмъ больше паръ держится подъ почту, тѣмъ меньше остается проезжающимъ. Если, на примѣръ, изъ девяти паръ одна или двѣ стоятъ для курьера или эстафеты, да пять паръ оставаемы подъ почту, то для всѣхъ проезжающихъ остается только двѣ; расчетъ короткій. А на двухъ парахъ всѣхъ не перевозишь.

И дѣйствительно, громадная почта ходятъ теперь; кромѣ увеличившейся корреспонденціи, жители стали выписывать по почтѣ все, начиная отъ предметовъ роскоши и кончая мыломъ и стеариновыми свѣчами. Каждый рассчитываетъ что ему выгоднѣе отдать 30, 40 коп. съ фунта за пересылку и имѣть желаемую вещь, нежели заплатить въ мѣстномъ магазинѣ вдвое или втрое дороже и получить товаръ худшаго

достоинства. При насъ часто приходили почты въ 60—75 пудовъ и болѣе, и лодей ихъ требовалось пять, шесть паръ лошадей. Конечно, при правильномъ веденіи дѣла можно было бы избѣжать этого, но въ томъ-то и суть что о правильномъ веденіи дѣла въ Сибири никто и не думаетъ. Смотрители стараются только какъ бы отправить почту и знаютъ что если она у нихъ исправна или сравнительно мало задерживается, то еслибы проѣзжающіе и вѣкъ сѣдали на станціяхъ, почтовое начальство все-таки будетъ на ихъ сторонѣ. Такъ и бываетъ. Жалобы проѣзжающихъ почти всегда оставляются безъ вниманія. Жалуется, напримѣръ, кто-нибудь что его вмѣсто законныхъ 10 верстъ въ часъ, везли всего по три версты; почтмейстеръ пишетъ: оставить жалобу безъ послѣдствій, такъ какъ по качеству дороги везли съ достаточною скоростью. Я самъ читалъ нѣсколько такихъ рѣшеній. А между тѣмъ рѣшеніе неправильное. Въ правилахъ при опредѣленіи скорости ѣзды принимается въ расчетъ только время года, а не качество дороги. Тамъ прямо сказано: по обыкновеннымъ почтовымъ дорогамъ везти по 10 верстъ въ часъ, а въ распутицу, отъ такого-то до такого-то времени, по 8 верстъ. А какая же распутица въ июль мѣсяцъ? Положимъ что сибирскія дороги находятся въ состояніи постоянной распутицы, но это не оправданіе. Винаваты тѣ кто ихъ сѣдали такими. Впрочемъ, тутъ какая-то круговая порука и виноватаго не найдешь. Смотрители и ящики жалуются на плохую дорогу и ругаютъ исправника который ничего не дѣлаетъ; исправникъ ругаетъ подлецовъ крестьянъ, которые не чинятъ какъ слѣдуетъ, а подлецы крестьяне только вздыхаютъ да лочесываютъ спину, вспоминая во сколько обошлась имъ эта почта.

Въ то время когда я проѣзжалъ, еще одно распоряженіе со стороны почтоваго начальства возбуждало противъ себя негодованіе. Въ 1880 году была вообще масса проѣзжающихъ, преимущественно офицерства, въ виду предстоявшей войны; кромѣ того, ѣхало много генераловъ, губернаторовъ отдѣльныхъ областей, слѣшившихъ къ мѣсту своего назначенія. Въ правилахъ сказано что лица проѣзжающія по казенной надобности получаютъ лошадей предпочтительно предъ частными проѣзжающими, а курьеры и лица слѣдующія по Высочайшему повелѣнію первыми изъ всѣхъ лицъ казенной надобности. Но нигдѣ не сказано чтобы почтовые

лошади ждали кого бы то ни было сутки, двое или больше. Здѣсь же дѣлается не такъ. Почтовое начальство предписываетъ смотрителямъ держать наготовѣ подѣ проѣздъ такого генерала столько-то лошадей: десять, двѣнадцать или больше; а усердствующіе смотрители обыкновенно оставляютъ всѣхъ и тогда никому изъ проѣзжающихъ не удается проѣхать дальше. Съ этимъ, собственно говоря, можно бы еще помириться. Хоть и помимо закона, но все-таки отплатятъ и, какъ каждое отплатятъ, оно почетно; губернаторы ѣздятъ не каждый день, и всакій охотно согласится оказать должный почетъ лицу облеченному въ край обширными полномочіями. Но почтовое начальство пересолпло: оно извѣщаетъ за нѣсколько дней, за недѣлю, и заставляетъ держать лошадей наготовѣ все это время. Генералъ можетъ заболѣть, его могутъ задержать различными обстоятельствами, а его все-таки ждутъ и лошадей не даютъ никому. Буду говорить про то что я самъ видѣлъ. Губернатора Ильяшевича ждали недѣлю; я въ это время проѣзжалъ между Нерчинскомъ и Читой и видѣлъ бумагу изъ Читинской почтовой конторы, въ которой предписывалось смотрителямъ держать наготовѣ лошадей подѣ четыре экипажа, для двухъ по четыре лошади и для двухъ по три, причемъ говорилось что дышлавыя лошади должны быть смиренныя. Про губернатора Баранова была бумага извѣщавшая что онъ перѣѣхалъ Байкалъ 5 августа и потому его въ Верхнеудинскѣ и слѣдующихъ станціяхъ ждали начиная съ 5 числа, а я ѣхалъ Байкаломъ 9го, между тѣмъ губернаторъ все еще не было, такъ какъ онъ заболѣлъ въ Иркутскѣ и выѣхалъ только около 15го. Конечно губернаторы ничего этого не знаютъ; они пріѣзжаютъ на станцію, получаютъ лошадей и уѣзжаютъ дальше. Наконецъ плохо то что не на однихъ губернаторовъ распространяется эта привилегія. Всякое лицо власть имѣющее, или мнѣющее себя такимъ, старается достать бланкъ для безпрелатственаго полученія лошадей. Эти господа обыкновенно ѣдутъ въ нѣсколькихъ экипажахъ, съ семействомъ и прислугой, а всѣ проѣзжающіе должны ждать.

Нарушенія почтовыхъ правилъ зачастую исходятъ отъ самихъ станціонныхъ смотрителей. Начать съ того что смотритель, это какой-то деспотъ въ предѣлахъ своей станціи. Проѣзжающіе совершенно въ его рукахъ и онъ можетъ дать или не дать лошадей, какъ вздумается. Нѣкоторые

соблюдаютъ при этомъ хотя тѣнь законности. Они приходятъ и объявляютъ что лошадей нѣтъ, приносятъ книгу и показываютъ что разговъ выведенъ правильно, что лошадей действительно нѣтъ. Приходится ждать до извѣстнаго срока; наконецъ лошади по закону должны снова поступать въ гомьбу. Тогда смотритель объявляетъ что хотя лошади и освободились, но теперь ожидается почта и потому онѣ не могутъ быть отпущены. Терпѣливый проѣзжающій ждетъ и почту, ждетъ сутки и болѣе. Наконецъ приходитъ и уходитъ почта, а лошадей все-таки не даютъ, говоря что будетъ скоро другая почта или что та почта была не настоящая, а одна изъ залоздавшахъ прежнихъ. Провѣрить его нѣтъ никакой возможности и обыкновенно потерявъ терпѣніе всякій уѣзжаетъ на вольныхъ. А этого только и надобно смотрителю; у него лошади стояли дома и были свободны, но онъ не хотѣлъ дать ихъ. Вывести же правильный разговъ очень легко. Каждый проѣзжающій, пріѣзжая на станцію, обязанъ предъявить свою подорожную чтобы имѣть право остановиться въ станціонномъ домѣ. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ онъ уѣзжаетъ обыкновенно на вольныхъ, а смотритель прописываетъ его подорожную и отмѣчаетъ въ книгѣ что ему отпущены почтовые лошади. Съ другимъ проѣзжающимъ повторяется та же исторія и въ концѣ концовъ оказывается что всѣ лошади въ разговѣ, хотя всѣ онѣ налицо.

Но иногда смотритель совершенно не стѣсняется и говорить прямо: не дамъ лошадей; хотите, такъ лишите жалобу. И не дастъ.

Но спрашивается: что же за цѣль держать лошадей на станціи и не давать ихъ проѣзжающимъ? Цѣль очень попятная. Кромѣ лицъ ѣдущихъ за прогоны, чиновниковъ и офицеровъ, есть масса другихъ проѣзжающихъ: купцовъ слѣдующихъ на ярмарку, разныхъ золотопромышленниковъ, которые сорятъ деньгами и платятъ тройные и четверные прогоны, только бы ѣхать скорѣе. Вотъ къ услугамъ такихъ-то лицъ и являются почтовые лошади. Я самъ, грѣшный человекъ, нѣсколько разъ когда нельзя было достать вольныхъ и не хотѣлось долго сидѣть на станціи, давалъ смотрителю 5 или 8 рублей, формулируя это тѣмъ что ему какъ жителю деревни хорошо извѣстно у кого есть свободныя лошади и что я прошу его нанять мнѣ ихъ за даваемую

сумму. И смотритель тотчасъ же напимаетъ вольныхъ, то-есть выводитъ лошадей изъ почтоваго сарая.

Часто какой-нибудь проезжающій по казенной надобности горячится и кричитъ, требуя лошадей которыхъ ему не даютъ, а потомъ долго спустя послѣ его прїѣзда является купецъ и переговоривъ со смотрителемъ получаетъ лошадей тотчасъ же. Чиновникъ бѣсится, угрожая написать жалобу, а услужливый смотритель самъ приноситъ ему жалобную книгу и, чувствуя себя въ безопасности, говоритъ приблизительно слѣдующее: „лишите что угодно; по вашей жалобѣ я сумѣю оправдаться, такъ какъ ее будутъ разбирать когда и слѣдъ вашъ простынетъ. А если даже и не оправдаюсь, то самое большое къ чему могутъ меня присудить, это къ двухрублевому штрафу. А такъ какъ я получаю отъ кулца пять рублей, то и въ этомъ случаѣ мнѣ все-таки останется три рубля чистаго барыша.“ Вообще при выѣздившей системѣ выискаемой со смотрителей, этимъ послѣднимъ не только безопасно, но даже выгодно лаутовать.

Но положеніе смотрителей тоже не особенно хорошо, ибо постоянная бравь, попреки и непріятности наскучаютъ наконецъ каждому. Тогда они обращаются къ своему начальству, прося инструкцій. Такъ напримѣръ, смотритель Ингалашской почтовой станціи просилъ дать ему предписаніе на различные случаи, чтобъ онъ могъ показывать его проезжающимъ и чтобы тѣ „вѣрили и не прелатствовали“. Должно-быть солово пришлось! На его рапортъ послѣдовало предписаніе Кавской почтовой конторы отъ 10 февраля, за № 4, которое я не привожу по совершенной его безграмотности; замѣчу только что въ немъ предписывалось держать на станціи не менѣе двухъ паръ на случай прїѣзда „высококомѣстныхъ“ лицъ. Какимъ закономъ мотивировала контора свое распоряженіе, остается покрыто мракомъ неизвѣстности. Что же должны дѣлать всѣ „невысококомѣстные“ лица? Они ждутъ или „прелатствуютъ“ (sic)!

Даже ямщики вносятъ свою лепту въ общую сумму безобразій. По закону, лошади должны бѣжать въ передній луть со скоростію десяти верстъ въ часъ, въ обратный, по 5 верстъ и кромѣ того имъ полагается 3 часа на выкормку. Смотритель всегда отмѣчаетъ въ книгу, въ какой срокъ лошади должны быть снова готовы въ гоньбу. Но ямщикъ въ обратный луть обыкновенно завадывается въ тарантасѣ спать, а

лошади оставались. Пропускаются всё сроки и когда наконецъ ямщикъ являлся на станцію, уже давно пора хватить олять. Смотритель помято не можетъ отлучиться некормленныхъ и голодныхъ лошадей, ибо въ такомъ случаѣ ихъ хватить не на долго, а проѣзжающій совершенно основательно требуетъ ихъ, указывая ему на его же книгу въ которой значится что срокъ давно истекъ и что лошади должны быть свободны. Происходитъ олять круговая порука. Ямщикъ хлещетъ ни въ чемъ виновныхъ лошадей, вымещая на нихъ свою злобу, смотритель ругаетъ и бьетъ ямщика, а проѣзжающій бранитъ смотрителя и „препятствуетъ“ ему болѣе или менѣе сильно, смотря по темпераменту; а самъ нѣсколько разъ видалъ смотрителей съ чрезвычайнымъ обиліемъ на лицѣ боевыхъ знаковъ.

Возвращаясь къ прерванному разказу.

Подъ Красноярскомъ намъ пришлось переправляться черезъ Енисей. Енисей здѣсь шире Волги и раздѣлался на два рукава, образовавъ между ними громадный островъ. Городъ Красноярскъ очень красивъ и принадлежитъ къ числу лучшихъ городовъ Сибири. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ горами и получилъ свое названіе отъ скалъ Красный Яръ лежащихъ недалеко. За городомъ олять пошла тайга, но уже не такая мрачная и замѣтно начинавшая рѣдѣть по мѣрѣ приближенія къ границамъ Томской губерніи.

У небольшого городка Ачинска кончается Енисейская губернія. Мало-по-малу мѣстность становится болѣе ровною, появляются чистыя поляны или пространства поросшія мелкимъ кустарникомъ. Въ городѣ Мариинскѣ, еще недавно возведенномъ на стелень города изъ небольшого села Кія, насъ задержала партія государственныхъ преступниковъ очень долго переправлявшихся черезъ рѣку, и на слѣдующихъ станціяхъ было трудно доставать лошадей, такъ какъ крестьяне всѣхъ окрестныхъ деревень были лоржены везти ихъ. Въ партіи было человекъ 60, по большей части лицъ изъ такъ называемой интеллигенціи. Было много женщинъ и дѣвушекъ едва достигшихъ совершеннолѣтія. Въ Томской губерніи жители живутъ зажиточно, даже богато. У нихъ хорошіе дома, много скота и хлѣба, и хлѣбъ здѣсь вдесятеро дешевле чѣмъ въ Восточной Сибири. Полагаются слободы по 1.000 и 1.500 душъ. Но дороги и въ Томской губерніи весьма плохія, такъ какъ совершенно разбиты проходящими обозами, и

почтовыхъ лошадей здѣсь также вѣтъ, такъ что я какъ началъ свое путешествіе, такъ и кончилъ его на вольныхъ. 2 сентября, послѣ 38 дней ѣзды на лошадяхъ, мы прибыли наконецъ въ Томскъ.

V.

Томскъ, губернской городъ Томской губерніи, расположенъ въ красивой мѣстности, на вѣсколькихъ холмахъ близъ рѣки Томи, притока Оби. Это городъ лучший въ Сибири, а главное, онъ до сихъ поръ увеличивается и улучшается съ каждымъ годомъ. Еслибы мы послѣли сюда вѣсколькими днями раньше, то попали бы на торжественное событіе, самое важное не только въ жизни этого города, но и вообще въ жизни всей Сибири. 26 августа происходила здѣсь закладка университета, перваго сибирскаго университета. Дай Богъ чтобы съ этого времени началась новая эра въ жизни Сибири.

Городъ по виду не уступаетъ лучшимъ изъ губерскихъ городовъ Россіи. Въ немъ есть общественное собраніе, клубы, хорошая библіотека, театръ. Жаль только что вырубали часть прекрасной рощи, съ одной стороны окружавшей городъ, да неприятное впечатлѣніе производитъ соборъ, начатый и почему-то неконченный. Въ магазинахъ Томска можно достать что угодно; въ числѣ другихъ есть даже Гамбургскій магазинъ, получающій товары моремъ; уже два года какъ сюда является изъ Гамбурга корабль, приходящій Ледовитымъ океаномъ. Университетъ и открытіе морской торговли, вотъ чѣмъ со своей стороны можетъ похвастаться Томскъ на наступающемъ трехсотлѣтнемъ юбилей Сибири.

Для меня этотъ городъ былъ пріятенъ еще тѣмъ что здѣсь кончились мои мытарства по сибирскимъ дорогамъ; отсюда мнѣ предстоялъ легкій сравнительно путь на пароходѣ до Тюмени, хотя на разстояніи слишкомъ 2.000 верстъ. Тамъ опять вѣскольکو сотъ верстъ на лошадяхъ и Екатеринбургъ, желѣзная дорога черезъ Уральскій хребетъ, а тамъ и родная земля!

Пароходство по системѣ рѣки Оби существуетъ уже давно, съ 1842 года, когда выдана была первая привилегія купцу Мясникову. Теперь же на рѣкѣ Оби и ея притокахъ считается до 40 пароходовъ и они совершаютъ срочные

правильные рейсы, перевоза грузы и пассажировъ. Почти всё они выстроены въ Тюмени и ходятъ девять дней изъ Тюмени до Томска (2.200 верстѣ) и восемь дней въ обратный путь. Я слышалъ не малорасно, навигація не была еще окончена и пароходъ *M. Рейтернъ* на другой день моего прѣзда уходилъ отсюда въ предпоследній разъ въ нынѣшнемъ году.

Что совсѣмъ не хорошо въ Томскѣ, такъ это пристань. Она лежитъ на разстояніи шести верстѣ отъ города, и приходится ѣхать по отвратительнѣйшей дорогѣ, совсѣмъ избитой безконечными ежедневными обозами. Очень жаль что богатые томскіе кулцы до сихъ поръ не могутъ собраться шоссировать эту дорогу, тѣмъ болѣе что они первые остались бы отъ этого въ выигрышѣ.

Живо прошли мы Томъ, маленькую мелкую рѣчку, имѣющую всего 50 верстѣ отъ Томска до впаденія своего въ Обь, и даже не замѣтили ея, такъ какъ шли ночью, да собственно и замѣчать было нечего, развѣ только мелкій тальникъ да березы по берегамъ. Но на Оби картина, сохраняя все тотъ же унылый характеръ, дѣлается гораздо грандіознѣе.

Обь имѣетъ здѣсь около версты ширины, берега ея заросли дремучими лѣсами и чѣмъ дальше, тѣмъ гуще и непроходимѣе. Это та же тайга, повернувшая здѣсь къ сѣверу, только, кажется, еще болѣе дикая и неприютная. Какъ въ настоящей тайгѣ, такъ и въ здѣшнихъ урманахъ (лѣсахъ) нѣтъ человека и привольно живутъ одни дикіе звѣри. Коегдѣ кочуютъ только или живутъ по деревнямъ Самоѣды и Остяки, жалкое, несчастное племя, обреченное судьбой на вымирание. Число ихъ уменьшается съ каждымъ годомъ, и въ настоящее время есть остяцкія деревни гдѣ всего числится по двѣ души.

Осень, ранняя сибирская осень давала себя знать между тѣмъ и на лаубѣ нельзя было долго оставаться. Въ лицо билъ мелкій, холодный дождикъ, въ уши свисталъ рѣзкій, пронзительный вѣтеръ, утромъ начинались легкіе заморозки. Но вообще время шло незамѣтно, пароходы на Оби (Курбатова и Игнатова) отащиво, даже роскошно устроены и гораздо лучше самолетскихъ на Волгѣ, каюты помѣстительны и удобны, есть хорошій буфетъ и даже можно имѣть журналы и газеты. Но все-таки при первой же возможности, какъ только становилось теплѣе, тотчасъ же всё выходили на верхъ.

Объ чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ становилась шире и быстро катала свои мутныя волны между пустынными берегами. Окрестности были все тѣ же, и справа и слева по-прежнему стояли сплошною стѣной, уже одѣтыя сверкающимъ цвеемъ, угрюмые, дремучіе лѣса. Деревья были въ осеннемъ уборѣ и можно было наблюдать всѣ переходы цвѣтовъ, отъ пожелтѣвшей березы до темнозеленой сосны и яркокрасной осины. Немного увидишь веселаго путешествуя по Оби.

Мало и жизни здѣсь; на пространствѣ 1.200 верстъ отъ Томи до Иртыша на Оби расположены только два города: безувздный Нарымъ и увздный Сургутъ. Нарымъ лежитъ на маленькой рѣчкѣ Кети, важной тѣмъ что верховья ея притоковъ близко сходятся съ верховьями притоковъ Енисея. Поэтому въ послѣднее время нѣсколько разъ поднимался вопросъ: нельзя ли соединить каналомъ эти двѣ рѣчки? Въ 73 и 75 годахъ была даже двѣ экспедиціи (Фунтусова и Сиденсера), прошедшія со стороны Енисея въ притокъ этой рѣчки, Большой Касы, а изъ него въ Малый Касы. Отсюда же до верховьевъ рѣки Озерной владающей въ Кеть, всего четыре версты. Стоимость всѣхъ сооруженій была опредѣлена въ миллионъ рублей, но вопросъ почему-то опять заглохъ въ настоящее время. Другой городъ, Сургутъ, лежитъ уже чуть не подъ полярнымъ кругомъ и вѣдѣмъ рѣшительно незамѣчательнъ, развѣ тѣмъ что отъ него до пристани саишкомъ десять верстъ и что дороги иногда не бываетъ. Мимо, скорѣе мимо!

Безостановочно, день и ночь шелъ нашъ пароходъ внизъ по теченію Оби и уже на четвертый день пути колеса его бороздили быстрыя воды Иртыша.

Иртышъ гораздо глубже Оби и на немъ вѣтъ ни мелей, ни перекатовъ. Окрестности его похожи на окрестности вообще російскихъ рѣкъ; правый берегъ крутъ и высокъ, иногда достигаетъ нѣсколькихъ сотъ футовъ, лѣвый низменъ, покрытъ мелкимъ тальникомъ и часто залитъ водой на значительное пространство. По закону, общему всѣмъ рѣкамъ текущимъ съ юга на сѣверъ и зависящему отъ вращенія земли, Иртышъ постепенно отклоняется къ востоку, срывая правый берегъ и напоя лѣвый; здѣсь это проявляется даже съ какою-то особенною силой, такъ что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ онъ совершенно перемѣняетъ свое русло. Нѣкоторыя деревня

на правомъ берегу нѣсколько разъ должны были переместиться дальше, такъ какъ ихъ совершенно подрывало. Часто, въ совершенно тихую погоду, большая глуба берега, въ нѣсколько десятковъ сажень, съ глухимъ шумомъ обрывается и падаетъ въ воду, производя сильное волненіе, иногда губительное для небольшихъ лодокъ. Мѣстность здѣсь также уныла какъ и прежде. Семей въ сѣверной части Иртыша мало и жители въ нихъ живутъ бѣдно, такъ какъ хлѣбъ здѣсь иногда совсѣмъ не родится, или родится плохо.

На разстояніи 500 верстъ отъ устья Иртыша, въ него впадаетъ рѣка Тоболъ, противъ которой построены городъ Тобольскъ.

Тобольскъ второй по времени сибирскій городъ, основанный вскорѣ по завоеваніи Сибири въ 1587 году. Съ тѣхъ поръ онъ прошелъ всѣ ступени іерархической лѣстницы; сначала назывался столицей Сибирскаго царства. Затѣмъ, когда Сибирь раздѣлена была на два намѣстничества, Тобольское и Иркутское, окружнымъ городомъ, потомъ былъ резиденціей генералъ-губернаторовъ Западной Сибири, и наконецъ теперь, съ тѣхъ поръ какъ генералъ-губернаторство переведено въ Омскъ, сталъ простымъ губернскимъ городомъ Тобольской губерніи.

Пароходъ нашъ стоялъ въ Тобольскѣ два часа, и я успѣлъ осмотрѣть городъ и купить что-нибудь на память о немъ, тѣмъ болѣе что здѣсь можно найти великолѣпные голубые песчовые мѣха и довольно изящныя издѣлія изъ бересты и мамонтовой кости.

Тобольскъ выстроенъ на двухъ террасахъ праваго берега Иртыша. Внизу расположена худшая часть города, съ узкими кривыми улицами и низенькими домами, а всѣ лучшія зданія расположены на второй террасѣ. Здѣсь улицы вымощены деревомъ. На гору ведетъ широкая деревянная лѣстница для пѣшеходовъ, въ 900 ступеней, и особый взвѣздъ для экипажей, идущій ущельемъ между двумя холмами. На одномъ холмѣ разбитъ маленькій садикъ и въ немъ стоитъ невысокій обелискъ сѣраго мрамора съ надписью: „Ермаку, покорителю Сибири“. Кругомъ лампадка кучками сложены ядра, а на лучшей улицѣ города, по обѣимъ сторонамъ поставлено 100 пушекъ, нѣкогда завоевавшихъ Сибирь. На другомъ холмѣ, у архіерейскаго дома, въ небольшой часовнѣ находится замѣчательная историческая вещь, сомынымъ

колоколъ, съ отбѣченнымъ ухомъ. Это тотъ самый колоколъ въ который некогда, 15 мая 1591 года, ударилъ въ набатъ углицкій священникъ Федотъ Огурцовъ, увидавъ убійство царевича Дмитрія. Два года спустя у колокола какъ у свидѣтеля такого злодѣйскаго дѣла отбѣкало ухо и сослали въ Сибирь. На немъ, на славянскомъ языкѣ, надпись: „Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовернаго царевича Дмитрія, присланъ въ 1593 году изъ города Углича въ Сибирь, въ градъ Тобольскъ, къ церкви Всемилоствитаго Спаса что на Торгу, и потомъ на Софійской колокольнѣ часобитной, вѣсу въ немъ 19 пудовъ 20 фунтовъ“.

Въ Тобольскѣ, увы, намъ сообщили что по причинѣ мелководія по рѣкамъ Турѣ и Тоболу, мы не дойдемъ до Тюмени, а остановимся на станціи Левлевоѣ, во 120 верстахъ. Тамъ пароходное начальство съ удовольствіемъ предоставляетъ намъ полную свободу дѣйствій и мы можемъ оставаться въ деревнѣ, отправляться въ ближайшій мѣстъ, куда угодно, словомъ, можемъ дѣлать что хотимъ. Съ этимъ пріятнымъ извѣстіемъ мы покинули Тобольскъ.

Тотчасъ отъ Тобольска мы оставили и Иртышъ и пошли по рѣкѣ Тоболу. Устье этой рѣки находилось прежде какъ разъ противъ города, но потомъ искусственно было отведено, такъ какъ вода Тобола своимъ валоромъ сильно подымала правый берегъ Иртыша, на которомъ построены Тобольскъ. По Тоболу было довольно густое населеніе, русское и татарское, и чѣмъ дальше къ Екатеринбургъ тѣмъ деревни идутъ чаще и больше. Тутъ много остатковъ татарскихъ укрѣпленій, некогда разрушенныхъ Ермакомъ, для котораго путь по этой рѣкѣ былъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ и опасныхъ.

Изъ-за мелководья мы не дошли даже до р. Туры, владѣющей въ Тоболѣ, и пересѣли на другой маленькій пароходъ *И. Капитановъ*. Но это мелководье было не временное, какъ часто бываетъ во время лѣта, а начинался ужъ осенній спадъ воды, такъ что и маленькій пароходъ ничего не могъ сдѣлать. Даже вышло хуже; не успѣли отправиться какъ свѣла на мель и простояли цѣлую ночь, потомъ весь сабдующій день еле двигались, борясь съ сильнымъ теченіемъ, и только къ вечеру пришли на станцію Левлево.

Впрочемъ, по обыкновенію, чортъ оказался не такъ страшенъ какъ его малюютъ. Капитанъ далъ раньше знать по

телеграфу что пароходъ остановится въ Иевлевои и потому туда собралось множество извозчиковъ-дружокъ. Ихъ было гораздо больше чѣмъ пассажировъ, а они на перебой захватывали себѣ произжающихъ, такъ что я и мой неизмѣнный слугацкъ Р., мы были очень пріятно изумлены доставъ лошадей немедленно и за очень умѣренную плату. Тотчасъ же съ парохода мы тронулись въ путь, и въ ночь сдѣлали 120 верстъ до Тюмени, что прежде въ Сибири хватало бы намъ дня на два. Мы даже не заѣзжали на станціи. Обыкновенно ямцакъ везетъ къ своему пріятелю, *дружку*, какъ ихъ называютъ, и этотъ послѣдній не говоря ни слова запрашиваетъ лошадей за ту же поверстную плату какъ и первый; мы платили по 12 коп. на тройку. Задержки не было нигдѣ и даже везли слишкомъ скоро, такъ что бывало не успѣешь напиться чаю какъ уже является дружокъ и объявляетъ что лошади готовы. Утромъ на другой день мы были уже въ Тюмени.

Тюмень, первый сибирскій городъ основанный въ 1586 году, былъ для насъ въ то же время и послѣднимъ. Онъ расположенъ при рѣкѣ Турѣ, въ чрезвычайно неровной мѣстности, пересѣченной оврагами. Городъ довольно великъ и славится кожевнною промышленностію и производствомъ ковровъ. Тюменскіе ковры извѣстны по всей Россіи и хотя воѣ отащаются замѣчательно безвкуснымъ рисункомъ, но прочны и дешевы. Въ городѣ съ 30 августа 1880 года открыто новое реальное училище Александровское, слишкомъ уже роскошное для него и сдѣлавшее бы честь любой столицѣ. Въ зданіи около думы сохраняется старая лодка на которой въ 1887 году извоили переправляться черезъ р. Туру въ Бозѣ почившій Государь Императоръ и на которой оставилъ собственноручную надпись. На этой же лодкѣ ѣздили въ 1868 и 1873 году Великіе Князья Владиміръ Александровичъ и Алексій Александровичъ.

Въ будущемъ году Сибири предстоитъ отпраздновать свой трехсотлѣтній юбилей, и очень можетъ быть что Тюмени, какъ первому сибирскому городу, выпадетъ почетная роль на этомъ празднествѣ. По поводу этого юбилея возникаетъ любопытный вопросъ: спрашивается, съ какого времени слѣдуетъ считать присоединеніе Сибири къ Россіи? со дня ли паденія Кучумовой столицы, Искера, или со дня пріятія страны подъ „государеву высокую руку“. Недавно

сибирская администрація, желавшая хорошенько приготовить ся къ юбилею, предложила этотъ вопросъ Русскому Историческому Обществу, но оно до сихъ поръ не дало отвѣта. Всѣ согласны въ томъ что присоединеніе Сибири слѣдуетъ считать съ того дня въ который она поступила подъ руссiйское подданство, но не знаютъ какой это день. Мы знаемъ что 22 декабря 1581 года отправился изъ Сибири въ Москву, ко Грозному, казакъ Иванъ Кольцо съ товарищами, знаемъ что онъ прибылъ въ Москву 16 ноября 1582 года, но не знаемъ въ какой день онъ былъ принятъ царемъ и ударилъ ему челомъ Сибирскимъ царствомъ. Кромѣ того, и самое имя Ермака возбуждаетъ сомнѣніе, такъ какъ имя это не христіанское, а народное, и на Волгѣ такъ называется жерновой камень. Полагаютъ что христіанское имя завоевателя Сибири было Германъ или Василій. Интересно какъ наши ученые разрѣшать эти вопросы.

Отъ Тюмени до Екатеринбурга считается 300 верстъ и отсюда уже начинается вольная почта. Впрочемъ и она доживаетъ теперь послѣдніе дни, такъ какъ въ настоящее время строится желѣзная дорога между этими городами. Но что за прелесть эти вольныя почты! Вы являетесь въ контору, платите деньги за весь луть (по 4 к. за версту и лошадь), получаете квитанцію, берете если хотите экипажъ и ужъ ѣдете безостановочно, предъявляя эту квитанцію и не испытывая никакихъ задержекъ, которыхъ нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что по первому зову хозяина вся деревня согласится везти васъ за тѣ же прогоны. Это идеалъ, какого можно желать всей остальной Сибири, но именно потому что это идеалъ, онъ и неосуществимъ для нея. Вольная почта можетъ быть устроена только тамъ гдѣ жителямъ выгодно везти за прогоны, гдѣ все дешево, и хлѣбъ, и скотъ. Ее еще можно ввести въ нѣкоторыхъ частяхъ Западной Сибири, но въ Восточной она никогда не примется, развѣ измѣнится все экономическое положеніе страны: кто же повезетъ за одни прогоны, когда теперь при громадной приплатѣ со стороны казны на каждую пару лошадей все-таки возятъ отвратительно?

При самомъ выѣздѣ изъ города, на лѣвой сторонѣ дороги возвышается мраморный монументъ, поставленный тюменскимъ обществомъ на томъ мѣстѣ гдѣ въ 1868 году оно прощалось со своимъ высокимъ гостемъ, Великимъ Княземъ

Владиміромъ Александровичемъ. Дальше, на 70й верстѣ стоятъ два каменные столба съ гербами двухъ смежныхъ губерній: Тобольской и Пермской. Здѣсь кончается Сибирь, хотя все еще продолжается Азія. Какъ извѣстно, географическія границы Азіи не сходятся съ административными границами Сибири и гораздо дальше отсюда, между Пермью и Екатеринбургомъ, въ Уральскихъ горахъ, гдѣ стоитъ высокая пирамида съ двухстороннею надписью „Европа—Азія“, тамъ только кончается Азія. Тамъ за эту пирамидой и я сочту свой путь оконченнымъ, не обращая уже вниманія на послѣднія 2.000 верстѣ, которыя мнѣ придется пройти Камой и Волгой и по желѣзнымъ дорогамъ. И теперь, чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ я сильнѣе стремлюся къ ней. Жаръ путешествія совсѣмъ охладилъ во мнѣ сибирскія дороги, и я думалъ только объ одномъ: дойти поскорѣе. Теперешняя быстрая ѣзда мнѣ казалась своимъ; мнѣ не вѣрилось что я попалъ наконецъ въ такое мѣсто гдѣ я ѣду когда хочу, отдыхаю когда вдумается, и я все думалъ что вотъ сейчасъ наступитъ пробужденіе и начнутся тѣ утомительныя задержки которыми встрѣчала и провожала меня Сибирь. Но задержекъ не было, лошади вездѣ были готовы къ нашимъ услугамъ, станціи мелькали одна за другою, мы ѣхали безостановочно и черезъ двое сутокъ были въ Екатеринбургѣ.

Екатеринбургъ соединенъ съ Пермью желѣзною дорогою, пересекающею Уральскій хребетъ; эта дорога замѣнила собой знаменитый Пермскій трактъ, по которому въ послѣднее время не было ни проходу, ни проѣзду, и составляетъ начальную вѣтвь той дороги которая со временемъ должна прорѣзать половину Сибири. Я не имѣлъ времени осмотрѣть городъ, такъ какъ поѣздъ уходилъ на другой день утромъ, и не обзавелся даже тѣмъ чѣмъ считаетъ своимъ долгомъ запастись каждый путешественникъ: драгоценными камнями и малахитовыми издѣліями. Мнѣ не надо было ни камней, ни малахита: я слѣшилъ только домой.

Поѣздъ съ шумомъ и грохотомъ шелъ по горамъ; окрестности мелькали предо мною въ неясномъ туманѣ. Уральская желѣзная дорога пересекаетъ хребетъ въ косвенномъ направленіи; здѣсь нѣтъ ничего эффектнаго, поражающаго, ни мрачныхъ пропастей, ни неприступныхъ утесовъ, да и самъ Уральскій хребетъ здѣсь такъ низокъ что почти незамѣтень. Самые высокіе подѣмы не превышаютъ 1.000 футовъ, между

тѣмъ какъ у насъ же, на Кавказѣ, они достигаютъ 3.200 футовъ, въ Сель-Готардской желѣзной дорогѣ 3.800 футовъ, а въ Андской, въ Америкѣ, страшной высоты 16.000 футовъ. Поездъ идетъ очень тихо и на 400 съ небольшимъ веротъ улотребляетъ сутки. Вагоны устроены на американскій манеръ, съ поворотными осями. На вагонахъ написаны слова У. Г. Ж. Д. (Уральская Горнозаводская желѣзная дорога) которыя въ некоторыи путниками объясняются такъ: *Унеси Господи Живаго Долой*; но проиѣ несправедлива, такъ какъ во все время существованія дороги здѣсь не было ни одного несчастнаго случая. Такъ и въ этотъ разъ: поездъ шелъ себѣ да шелъ потихоньку и къ утру благополучно достигъ Перми. *Ура!* Я въ Европейской Россіи!

Дебаркадеръ устроенъ недалеко отъ набережной; проѣзжая мимо паромныхъ пристаней я велѣлъ извозчику остановиться, и предо мной, въ яркихъ лучахъ утренняго солнца, золотомъ заблестѣла Кама.

Съ поезда желѣзной дороги я прямо сѣлъ на пароходъ и черезъ два дня былъ уже на Волгѣ.

Привѣтствую тебя, царица рѣкъ нашихъ! Я видѣлъ Обь, Енисей и Амуръ, рѣки шире и больше тебя, но душой я стремился сюда, на родные берега, гдѣ я выросъ; и теперь, сдѣлавъ 30.000 верстъ, я снова здѣсь, и черезъ нѣсколько дней одинъ изъ твоихъ пароходовъ домесетъ меня по знакомымъ волнамъ туда гдѣ я оставилъ все дорогое, все милое сердцу....

Село Игрица
1881 г.

ИВ. ЗАРУБИНЪ.

ПРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА*

ХП.

Мѣры приняты полковникомъ Симоновымъ къ поимкѣ Пугачева.— Арестованіе Михаила Кожевинова.—Бѣгство самозванца съ Усихи въ Толкачевы хутора.—Прибытіе на Усиху посланнаго отъ киргизскаго хана.—Пребываніе Пугачева въ Толкачевыхъ хуторахъ.—Первый манифестъ самозванца.—Движеніе къ Яицкому городку.—Аудіенція съ посланнымъ отъ киргизскаго Нуръ-Али хана.—Письмо Пугачева хану.—Первая жертва.—Появленіе матежниковъ у Яицкаго городка.—Воззваніе къ Яицкимъ казакамъ.—Движеніе Пугачева вверхъ по рѣкѣ Яику.—Занятіе Илецкаго городка, Разсылкой и Нижне-Озерной крѣпостей.

Съ 9 сентября старшинская партія и комендантъ полковникъ Симоновъ знали что около Яицкаго городка „въ степныхъ мѣстахъ“ скрывается Пугачевъ и выдаетъ себя за императора Петра III, но гдѣ именно онъ основалъ свое мѣсто-пребываніе никакъ разумать не могли. Болтаивость пьянаго казака Кочурова вывела ихъ изъ затруднительнаго положенія и навела на слѣдъ.

Пріѣхавъ въ первый разъ съ Усихи въ Яицкій городокъ, Тимошей Мясниковъ встрѣтился съ казакомъ Петромъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 4, 5, 6 и 7.

Кочуровымъ и между прочимъ сказалъ ему что когда войско выѣдетъ на лавню, то государь явится и объявить всѣмъ указъ свой и если атаманъ не согласится его принять и не послушаетъ указа, то будетъ связанъ, а государь вступить въ городокъ.

— Да вѣдь не одинъ атаманъ, замѣтилъ Кочуровъ,—а можетъ-быть и казаки не согласятся его принять.

— Какъ его войску не принять, оно съ радостію его приметъ. Онъ хочетъ пожаловать каждому по двѣнадцати рублей денежнаго жалованья, да хлѣбнаго столько же и сверхъ того многія милости войску обѣщаетъ, а тѣмъ которые не склонятся на его сторону, обѣщаетъ казнь. Надобно объ этомъ поговорить съ казаками и склонять ихъ къ нему. Расскажи-ка ты кое-кому и я буду разказывать.

Вскорѣ послѣ этой встрѣчи, Кочуровъ налившись пьянъ отправился ко своему крестному отцу, отставному казаку, Степану Ковонову, пересказалъ ему всѣ слова Мясникова и просилъ совѣта какъ ему поступить въ этомъ случаѣ.

— Это дѣло важное, отвѣчалъ Ковоновъ,—надобно бы было довести объ этомъ командирамъ.

— Да какъ довести, я и самъ не знаю подлинно ли онъ царь или другой какой человекъ. Я его не видалъ: какъ тутъ объявишь! Можно напрасно пострадать, потому что къ этимъ словамъ сдѣлаютъ прицѣлку, а доказать мнѣ будетъ вечѣмъ. Я слышалъ отъ Мясникова что онъ на Усикѣ; мѣсто не дальнее, можно было бы съѣздить и посмотреть какой онъ подлинно человекъ.

— Ты вѣдь въ Петербургѣ не бывалъ и государя не видывалъ, такъ тебѣ окажутъ что онъ подлинный государь, ты повѣришь и пристанешь къ нему, а потомъ какъ окажется что какой-нибудь обманщикъ, то пропасть можешь. Будь онъ подлинно государь или неподлинный, а ѣхать туда все-таки не зачѣмъ и признавать намъ его не по чему не можно.

Принявъ совѣтъ крестнаго отца, Петръ Кочуровъ отиѣвалъ намѣреніе ѣхать на Усикъ и пошелъ домой; * а Ковоновъ въ тотъ же день донесъ полковнику Симонову что близъ Яицкаго городка появился государь и находится на рѣкѣ Усикѣ. ** Симоновъ тотчасъ же отправилъ для лоимки

* Показаніе Петра Кочурова. *Госуд. Арх.* VI д., № 506.

** Докосеніе Правительствующему Сенату Московскихъ Департаментовъ изъ управляющей войскомъ Яицкимъ комендантской канцеляріи отъ 12 октября. *Госуд. Арх.* VI д., № 504.

самозванца старшину Мартемьяна Бородина съ казаками и поручика Иглина съ нѣсколькими вѣхотными солдатами. Дойдя до Чаганскаго форпоста, Бородинъ и Иглинъ остановились и послали сотника Якова Витомнова на хуторъ Кожевникова чтобъ онъ тамъ развѣдалъ гдѣ находится самозванецъ. Не найдя на хуторѣ никого кромѣ Михайлы Кожевникова, сотникъ Витомновъ взялъ его и привезъ на Чаганскій форпостъ.

— Былъ у тебя сегодня Тимошей Мясниковъ? спросилъ Бородинъ.

— Нѣтъ, не былъ.

— Не слыхалъ ли ты объ одномъ ворѣ, который называетъ себя государемъ, и не знаешь ли гдѣ онъ теперь находится

— Ничего знать не знаю, отвѣчалъ Михайло Кожевниковъ.

Бородинъ и Иглинъ отправились обратно въ Яицкій городокъ, захвативъ съ собою Михайлу Кожевникова, а въ это время, окольными путями, скакалъ на хуторъ братъ его Степанъ. Послѣдній, узнавъ что Михайло арестованъ, не хотѣлъ было ѣхать на Уссуху, но старикъ Шаварновскій заставилъ его дать знать объ этомъ самозванцу и его сообщникамъ.

— Чтѣ ты вздумалъ, говорилъ Шаварновскій, — хочешь что ли погубить всѣхъ, скажи скорѣе.

Привѣзъ на Уссуху 15 сентября, Степанъ Кожевниковъ нашелъ Пугачева ужъ одѣтымъ въ платье привезенное ему Почталицынымъ и окруженнаго только девятью челоуѣками.*

— Меня прислалъ Мясниковъ сказать вамъ, объявилъ Кожевниковъ, — что старшина Бородинъ выступилъ уже въ походъ и чтобы вы отсюда убирались.

Пугачевъ растерялся; онъ бѣгалъ и кричалъ: „Казаки, на кони!“ Обитатели Уссухи быстро овладѣли лошадями, оставили на мѣстѣ палатку, бывшіе у нихъ съѣстные припасы и, предводимые Зарубинымъ (Чикою), поскакали влѣкъ по рѣкѣ Уссухѣ.

— Куда мы теперь поѣдемъ? спрашивалъ Пугачевъ, предполагавшій направиться во глубь степи.

— Почто бачка, говорилъ Идорка, — намъ по степи ѣздить, поѣзжайте лучше вы въ Бударинскія зимовья, на хуторъ къ Толкачевымъ, тамъ людей наберете, а я пойду къ татарскимъ кубиткамъ, скажу о васъ своей братьи Татарамъ,

* Свиту Пугачева составляли: Зарубинъ (Чика), Алексѣй Кочуровъ, Козьма Кочуровъ, Василій Коповаловъ, Иванъ Почталицы, Сидоръ Кожевниковъ, Василій Платниковъ, Сюзюкъ Малаевъ и Идорка.

наберу себѣ людей, выйду съ вами на дорогу и буду васъ ожидать. Если вы пойдете въ городокъ, такъ мы васъ увидимъ и съ вами вмѣстѣ войдемъ; если же вы въ городокъ не пойдете, то и мы оставемся въ своихъ кибиткахъ.

Зарубинъ (Чика) и Иванъ Почитаинъ поддержали совѣтъ Идорки.

— Вѣхать болеѣе некуда какъ на хуторъ Токачевыхъ, сказали они.—Если тамъ удастся собрать столько людей что можно будетъ появиться у городка, такъ и думать нечего: пойдѣмъ туда со славою. Когда же увидимъ что не съ чѣмъ, то скроемся на Узени.

— Сколько-бы на хуторъ людей ни собралось, мало или много, говорилъ Пугачевъ,—но непременно надо вѣхать въ городокъ и если удастся завладѣть имъ, то всѣхъ противниковъ нашихъ непременно переведемъ. А если удачи не будетъ и насъ мало будетъ, тогда бѣжать кто гдѣ спастись можетъ.

— Я думаю, продолжалъ Чика,—что когда мы подѣдемъ къ Яцкому городку, то многіе къ намъ приставутъ: вѣдь не захотятъ быть замучены, когда будетъ доведено что были съ нами согласны.

— Мы бы только набрать человекъ триста казаковъ, замѣтилъ Пугачевъ,—такъ и довольно бы было; мы лошади бы тогда прямо въ городокъ.

Итакъ, послѣ совѣщаній, Пугачевъ и его спутники отправились на хуторъ Токачева, * находившіяся верстахъ въ 40 отъ Усени и во 100 верстахъ отъ Яцкаго городка.

На мѣстѣ бывшего става осталася одинъ только старикъ Василій Плотниковъ, для котораго не было лошади. Къ нему некорѣ послѣ отъѣзда Пугачева пріѣхалъ изъ Киргизскихъ улусовъ посланный отъ Нуръ-Али хана. Кочуя въ степи, всего въ трехъ верстахъ отъ лѣваго берега рѣки Яика, и узнавъ о появленіи государя Нуръ-Али ханъ; съ цѣлю убѣдиться въ справедливости слуховъ и дѣйствительно ли появившіяся есть истинный государь, отправилъ своего писара, казанскаго Татарина Забира, жившаго прежде въ Яцкомъ городкѣ и бѣжавшаго въ улусы при приближеніи къ городку отряда генерала Фреймана. Съ Забиромъ были

* Показаніе казаковъ: Василія Конодалова и Зарубина (Чика). Госуд. Арх. VI д., №№ 506 и 512. Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Тамъ же, дѣла №№ 506 и 512.

отправлены ханомъ, по восточному обычаю, въ подарокъ Пугачеву: сабля, чаканъ (маленькій толорикъ, оправленный серебромъ), бухарскій шелковый халатъ и гвѣдая лошадь. Прибывъ въ аулъ Токай, находившійся въ 25 верстахъ отъ рѣки Усихи, Забиръ просилъ яицкаго казака (изъ Туркменъ) Уразгильда Аманова, бывавшаго нѣсколько разъ у Пугачева проводить его въ станъ самозванца. Прибывъ на Усиху, они нашли тамъ палатку въ которой жилъ Пугачевъ лустрою и расположились ночевать. На утро они узнали отъ бродившаго возле стана казака Василя Плотникова что Пугачевъ и его спутники уѣхали ввизъ по рѣкѣ Усихѣ. Едва только услѣли они осѣдлать лошадей, какъ въ степи показалась команда посланная изъ Яицкаго городка въ погоню за Пугачевымъ.

Доставленный Симонову казакъ Михайло Кожевниковъ былъ подвергнутъ допросу, сначала отговаривался полнымъ невѣдѣнiемъ, но подъ плетью принужденъ былъ сказать правду. Допросъ его записывали и дополняли часа четыре, а затѣмъ стали собирать команду. Назначивъ 30 человѣкъ казаковъ при двухъ сотникахъ и поручивъ ихъ сержанту Долгополову, полковникъ Симоновъ отправилъ его на Усиху съ приказанiемъ захватить и привести въ городокъ Пугачева и его сообщниковъ. Долгополовъ съ сотниками торопились исполнить приказанiе, но какъ до стана самозванца было далеко, то почти у половины казаковъ лошади стали. Оставивъ ихъ на дорогѣ, Долгополовъ двинулся далѣе и видѣлъ какъ Забиръ и Амановъ ускакали въ степь. Въ покинутомъ станѣ самозванца прибывшіе нашли только казака Плотникова, который объявлялъ что самозванецъ еще накачувъ, со всеми бывшими при немъ казаками, уѣхалъ ввизъ по рѣкѣ Усихѣ.

— Много ли съ самозванцемъ людей? спрашивалъ Долгополовъ.

— Человѣкъ до ста будетъ, отвѣчалъ Плотниковъ.

Долгополову показалась цифра эта сапшкомъ преувеличенною и онъ сталъ бить Плотникова плетью. Послѣдній подъ ударами показывалъ что у Пугачева только двѣнадцать человѣкъ казаковъ, а потомъ сказалъ что при немъ находится столько же Татаръ.

— Изъ всего видно что ихъ много, говорилъ Долгополовъ сотникамъ, — и моей силы недостаточно чтобъ ударить на нихъ.

Овъ рѣшился остаться на мѣстѣ и отправить нарочнаго къ полковнику Симонову съ просьбой прислать ему подкрѣпленіе, съ которымъ овъ могъ бы сдѣлать поискъ съ полнымъ успѣхомъ. Посланный съ этою цѣлью въ Яцкскій городокъ казакъ Тиминъ двое сутокъ не возвращался. Долголовъ стоялъ на Усикѣ въ ожиданіи подкрѣпленія, а Пугачевъ и его сообщники спокойно приводили въ исполненіе свое намѣреніе *.

— Мы ѣдемъ на хуторъ къ Токачеву чтобы собирать казаконъ, говорилъ Пугачевъ обращаясь къ Чикѣ (Зарубину) и Ивану Почиталину,—а у насъ нѣтъ ничего письменнаго чтобы мы могли объявить народу. Ну-ка, Почиталинъ, напиши хорошевайко.

Казаки одобрили мысль самозванца и всѣ оставовались въ полѣ; Почиталинъ слѣзъ съ лошади и расположившись на землѣ принялся за работу. Никто не давалъ ему совѣта и пока составлялась желанная бумага, всѣ стояли молча въ отдаленіи. Кончивъ писать Почиталинъ прочелъ вслухъ составленное имъ воззваніе и заслужилъ всеобщее одобреніе.

— Ты, братъ, Почиталинъ, гораздъ больно писать, замѣтилъ казаки.

— Это манифестъ, отвѣчалъ ободренный секретарь,—и вашему величеству необходимо подписать его.

— Нѣтъ, подпиши ты самъ, а я до времени подписывать не буду. До самой Москвы мнѣ подписывать невозможно. Для того что не надобно жнѣ казать свою руку и есть въ ономъ великая причина.

Почиталинъ подписалъ, и всѣ тронулись въ путь. Не доѣзжая до Токачевыхъ хуторовъ, Пугачевъ отправилъ впередъ Почиталина съ тѣмъ чтобы овъ спросилъ Токачевыхъ примутъ ли они гостей. Секретарь поскакалъ и скоро возвратился.

— Чтѣ, примутъ меня? спросилъ Пугачевъ.

— Я только Петру Токачеву объявилъ, отвѣчалъ Почиталинъ,—что ѣдетъ къ вамъ на хуторъ государь, такъ примете ли его, на чтѣ овъ мнѣ сказалъ: добро пожаловать, мы примемъ его съ радостью.

* Показанія казаконъ: Зарубина (Чикн), Михаила Кожевникова, Степана Кожевникова, Василия Кожвалова, Ивана Почиталина, Михаила Ерыкаинцова и Татарина Уразгильда Аманова. Госуд. Арх. VI. д., №№ 467, 505 и 506.

Пріѣхавъ около полудни 15 сентября на хуторъ Михайлы Толкачева, самозванецъ и его слуги не застали дома хозяина, а нашли брата его Петра, которому Чика и объявлялъ что царь желаетъ чтобы къ нему собрались всѣ казаки жившіе въ окрестностяхъ.

— Поди же, Толкачевъ, говорилъ Чика,—и скажи объ этомъ своимъ соседямъ.

Петръ Толкачевъ хотъ и обѣщавъ исполнить просьбу, но Зарубинъ (Чика), не надѣясь на его добротнѣ, въ ту же ночь отправилъ нѣсколькихъ человекъ и пошелъ самъ по хуторамъ созывать народъ къ дому Толкачева, причемъ всѣмъ говорилъ что причина ихъ призыва будетъ объявлена такимъ лицомъ отъ котораго зависить ихъ благополучіе.

Къ утру 16 сентября собралось человекъ 80—40, въ числѣ которыхъ были русскіе бѣглые, казаки и Калмыки.

Тѣ которые пришли очень рано утромъ успѣли пробраться въ домъ Толкачева и нашли Пугачева сидящимъ за столомъ, а волягъ него свиту стоящую въ отдаленіи.

— Олозайте меня, говорилъ самозванецъ входящимъ,—и не думайте что я умеръ. Выѣсто меня похоронили другаго, а я одиннадцатый годъ страдаю.

Пршедшіе съ любопытствомъ смотрѣли на Пугачева и затѣмъ по приказанію Чика (Зарубина) и вмѣстѣ съ нимъ отправились на сборное мѣсто, гдѣ собирались казаки не успѣвшіе продратъ въ хоромы Толкачева.

— Зачѣмъ ты насъ созвалъ? спрашивали собравшіеся Чика,—и кто съ тобою незнакомый намъ человекъ?

— Братцы, отвѣчалъ Чика,—намъ свѣтъ открылся, государь, третій императоръ Петръ Федоровичъ съ нами присутствуетъ.

Съ удивленіемъ слушала собравшіеся рѣчь Чика и съ почтеніемъ встрѣтили Пугачева вошедшаго въ средину толпы.

— Я вашъ истинный государь, говорилъ онъ;—послужите мнѣ вѣрою и правдою, и за то жалую васъ рѣкой Яикомъ, съ вершины до устья, жалую морями, травами, демежамъ жалованьемъ, хлѣбомъ, свинцомъ, порохомъ и всею вольностію. Я знаю что вы всѣмъ обижены, что васъ лишаютъ правилей и истребляютъ вашу вольность. Богъ за мою правую къ нему старую вѣру вручаетъ мнѣ царство попрежнему и я намѣренъ возстановить вашу вольность и дать вамъ благоденствіе. Я васъ не оставлю и вы будете у меня первыи люди.

Всѣ присутствовавшіе лади на колѣни.

— Рады тебѣ, батюшка, служить до послѣдней капли крови, слышались голоса.— Не только мы, но и отцы ваши царей не видавали, а теперь Богъ привелъ намъ тебя государя видѣть и мы всѣ служить тебѣ готовы.

Пугачевъ приказалъ привести образъ и привелъ всѣхъ къ присягѣ, состоявшей въ безмолвномъ цѣлованіи креста безъ Евангелія.

— Есть ли у васъ, други мои, лошади? спросилъ Пугачевъ.

— Есть, отвѣчали собравшіеся.

— Ну, теперь, дѣтушки, поѣзжайте по домамъ и разошлите отъ себя по форпостамъ нарочныхъ съ объявленіемъ что я здѣсь.

— Все исполнимъ, батюшка, и лошадемъ какъ къ казакамъ, такъ и къ Калмыкамъ.

— Завтра же рано съѣзъ на коня пріѣзжайте всѣ сюда ко мнѣ. Кто не пріѣдетъ, тотъ моихъ рукъ не минуетъ.

— Власть твою, что хочешь то надъ нами и сдѣлаешь...

Тогда разошлась, а на другой день собралась вновь и была усилена казаками прибывшими съ Кожехаровскаго и Бударинскаго форпостовъ. Такимъ образомъ къ утру 17 сентября свита Пугачева возрасла до 80 человекъ вооруженныхъ. Выѣдя къ собравшимся и обратившись къ Ивану Почиталину, самозванецъ велѣлъ ему прочитатъ манифестъ иди, лучше сказать, воззваніе къ Яицкому войску.

— Слушайте, дѣтушки, говорилъ Пугачевъ,—что будетъ читать вамъ Почиталинъ; будьте мнѣ вѣрны и усердны, а я васъ буду жаловать.

Почиталинъ развернулъ бумагу и прочелъ слѣдующее: *

„Самодержавнаго императора нашего, великаго государя Петра Федоровича всероссийскаго

и прочая, и прочая

„Во имяяномъ моемъ указѣ изображено яицкому войску: какъ вы, други мои, прежнимъ пріемъ служили до капли своей до крови дѣды и отцы ваши, такъ и вы послужите за свое отечество мнѣ великому государю императору Петру Федоровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и источаетъ ваша слава казачья отъ нынѣ и до веку и у детей вашихъ;

* Арх. Главн. Штаба. Книга № 1. „Секретная бумага и манифестъ Пугачева“.

будете мною, великимъ государемъ, жалованы казаки, Калмыки и Татары. И которые мне государю, амператорскому величеству Петру Ѳедаровичу, вивъныя были, и я государь Петръ Ѳедаровичъ во всехъ винахъ прощаю и жаловаю я васъ: ракою съ веръшицъ и до уся и землею, и травами и денежными жалованьями, и свивъномъ и порахамъ и хлебнымъ провизьятамъ, я, великій государь амператоръ, жалую васъ Петръ Ѳедаровичъ 1773 году сентября 17 числа.“

Во все время пока Почталиянъ читалъ, собравшіеся стояли съ поднятыми кверху руками.

— Ну что, хорошо? спросилъ самозванецъ по окончаніи чтенія, — все ли вы слышали?

— Хорошо, отвѣчала толпа; — мы все слышали и служить тебѣ готовы. Поведи насъ, государь, куда тебѣ угодно, мы вамъ поможемъ.

Пугачевъ приказалъ развернуть знамена, которыхъ было приготовлено штукъ пять разныхъ цвѣтовъ, съ нашитыми на нихъ осьмиконечными крестами. Всѣ знамена до сихъ поръ тщательно скрывались и потому были измяты и безъ древковъ; казаки кое-какъ разгадали полотно знаменъ, прикрѣпили ихъ къ кольямъ и, сѣвъ на лошадей, двинулись по направлению къ Яицкому городку. Впереди всѣхъ ѣхали знаменосцы,* за ними Пугачевъ со своими близкими, а затѣмъ въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовала приставшая къ нему толпа. По всѣмъ близъ лежащимъ хуторамъ были разсланы гонцы собирать людей къ государю, такъ что когда Пугачевъ остановился почевать на р. Кушумѣ, то свита его достигла 200 человекъ, считая въ томъ числѣ и тѣхъ Татаръ которые были привезены Идоркою.

Съ Кушумы на разсвѣтѣ 18 сентября Пугачевъ двинулся чрезъ Кошъ-Яицкій (Кошевскій тожь) на Чаганскій форпостъ. Пройдя первый, самозванецъ былъ встрѣченъ опередившимъ его писаремъ Забиромъ; поднесшимъ ему подарки присланные Нуръ-Али-ханомъ.

— Киргизъ-кайсацкій ханъ, говорилъ Забиръ чрезъ переводчика Идорку, — приказалъ вамъ кланяться и прислалъ вамъ подарки.

— Что ты за человекъ и зачѣмъ приславъ? спросилъ Пугачевъ.

* Знамена несли казаки: Ѳедоръ Бурякинъ, Максимъ и Иванъ Мерковцовы, Алексѣй Кочуровъ и одинъ Калмыкъ.

— Я муала и присаавъ ложаоматься и вась посмотриѣть, потому что я бываавъ въ Москѣѣ и Петербургѣ и государа видѣавъ.

— Узнаавшь ли мена?

— Какъ не узнать; я узнаавъ что ты государь. Нуръ-Али хавъ приказаавъ ваше величество просить чтобы вы написали къ нему письмо.

Отдавъ Забира подъ присмотрѣ, Пугачевъ поручилъ Идерику сыну, аяцкому казаку Болтаю, написать хаву отвѣтъ.*

„Я вашъ всемилостивѣйшій государь, писалъ Болтаѣ отъ имени Пугачева, ** куплю и всѣкъ моихъ подданныхъ и проч. проч. Петръ Федоровичъ. Сіе мое имевшее повелѣніе каргазъ-кайсаккому Нуръ-Али хаву, для отвѣтіа о состояніи моемъ сомнѣніа. Сегодня пришлите ко мнѣ одного вашего сына солтана, со ста человеками въ доказательство вѣрности вашей, съ посланными съ симъ отъ нашего величества къ вашему степенству, близкими нашими Уразомъ Амановымъ съ товарища: Императоръ Петръ Федоровичъ.“

Подозвавъ къ себѣ Аманова, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Забиромъ, Пугачевъ передалъ ему письмо съ приказаніемъ требовать отъ Нуръ-Али хавы 100 человекъ вооруженныхъ Киргизовъ, которыхъ и привести къ Песчанымъ хуторамъ.

Не успѣвъ Амановъ отвѣдать трехъ верстъ отъ стама самозванца какъ былъ задержанъ казачьимъ разъѣздомъ изъ отряда старшины Окутана, высланнаго полковникомъ Симоновымъ въ подкрѣпленіе сержанту Долгополову.

— Куда ты идешь? спросилъ казаки.

— Я послалъ, отвѣчалъ Амановъ,—отъ государа Петра Федоровича къ киргизскому хаву съ письмомъ.

Казаки оставили посланнаго и представили его старшинѣ Окутану.

— Гдѣ стоитъ самозванецъ? спрашивалъ Окутанъ;—сколько при немъ людей и кто они?

— Государь находится, отвѣчалъ Амановъ,—между Кошъ-Яацкаго и Чаганскаго форпостовъ и при немъ аяцкихъ казаковъ человекъ треста; они хотятъ идти прямо въ городокъ.

* Показаніе Уразгалды Аманова. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI д., №№ 467 и 512.

** Арх. Главн. Штаба. Книга № 1. „Секретныя бумаги и манифесты Пугачева“.

Получивъ такое свиданіе, Окутинъ тотчасъ же собралъ съ собою казаковъ и, послѣдствіемъ отступивъ въ городокъ, дошелъ коменданту лекавицку Симонову. Послѣдній имѣлъ въ своемъ распоряженіи части 6й и 7й легкихъ полевыхъ командъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ вѣстовыми считалось 923 человѣка и 112 человѣкъ оренбургскихъ казаковъ съ ихъ старшинами.* При полевыхъ командахъ находилось нѣсколько орудій, но съ весьма ограниченными запасами зарядовъ, а прислуга, „кромя капрала да и того изъ непріятельскихъ“, состояла вся изъ рекрутовъ.**

Зная что большинство населенія Яицкаго городка сочувствуетъ самозванцу и готово при первомъ удобномъ случаѣ перебраться на сторону Пугачева, лекавицкъ Симоновъ рѣшился оставить Яицкій городокъ безъ гарнизона и выйти со всею своею командою на встрѣчу прибавившейся толпѣ мятежниковъ. Онъ составилъ отрядъ изъ трехъ некомплектныхъ ротъ лѣхоты и приказалъ всемъ выѣхать для разгрома толпы Пугачева. Удачна такимъ распоряженіемъ сомнительный элементъ изъ городка, Симоновъ рѣшился защищаться съ оставшеюся командою и готовился къ встрѣчѣ Пугачева.

Между тѣмъ, собиравсь въ походъ, казаки: Яковъ Печнищевъ, Андрей Овчинниковъ, Феофановъ и другіе согласились перебраться на сторону самозванца, который послѣ полудня 18 сентября явился въ виду Яицкаго городка.***

Двигаясь по направленію къ городку, Пугачевъ забиралъ съ собою какъ съ форпостовъ, такъ и изъ зимовій всѣхъ находившихся тамъ казаковъ, вооруженныхъ и беворужныхъ.

* Въ отрядѣ Симонова находилось кавало: 1 штабъ-офицеръ, 2 адъютанта, 1 лѣкарь и 2 подлѣкаря; въ 6й и 7й легкихъ полевыхъ командахъ: 13 оберъ-офицеровъ, 53 сержанта и унтеръ-офицера, 670 рядовыхъ, 50 канонировъ, 187 вѣстовыхъ, всего 923 человѣка, изъ нихъ 736 человѣкъ строевыхъ и 112 оренбургскихъ казаковъ. Г. Д. Акуличъ, на основаніи показаній казака Синельникова (Арх. Главн. Штаба. Кн. II, 420) болѣе чѣмъ удвоилъ силы Симонова и на этомъ построилъ неправильныя заключенія (См. *Военн. Сборн.* 1869 г. №№ 5 и 6). Изъ этого можно видѣть какъ несправедливъ, не шлющій въ своихъ рукахъ точныхъ данныхъ, долженъ быть остороженъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ.

** Рамертъ Симонова Семату отъ 28 ноября.

*** Показаніе Амакова, Госуд. Арх. VI д. № 467.

Хотя всё она шла къ нему охотно, „но самозванецъ воишь приставившимъ къ нему приказывалъ чтобы никто не отставалъ и страдалъ смертью если кто отстанеть или уйдетъ“.*

На пути толпа захватила посланнаго лошаковникомъ Симоновымъ сержанта Дмитрія Николаева и представила его Пугачеву.

— Ты откуда? спросилъ Пугачевъ.

— Изъ Яицкаго городка, отвѣчалъ Николаевъ,—послалъ отъ коменданта до Астрахани курьеромъ.

— Есть у тебя бумаги?

— Бумагъ нѣтъ, а яду я но форпостамъ сказать караульнымъ чтобы стояли осторожно, потому что орда (Киргизъ-Кайсацкая) пришла къ Яику.

— Если за этимъ посланъ, то поѣзжай, отвѣчалъ Пугачевъ.

Николаевъ тронулся было въ дальнѣйшій путь, но подводчикъ, подозвавъ къ себѣ изъ толпы казака Давидана, заявилъ что Николаевъ солгалъ.

— Этотъ сержантъ государя-то обманулъ, говорилъ подводчикъ;—онъ везетъ указы во всё мѣсто чтобы государя ловить. Въ указахъ называютъ его не государемъ, а довскимъ казакомъ Пугачевымъ.

Давиданъ задержалъ Николаева и привелъ его опять къ самозванцу, которому и передалъ отобранные у Николаева пакеты. Пугачевъ передалъ бумаги своему секретарю Ивану Почталину, приказавъ ихъ распечатать и прочитати. Показанія подводчика оказались справедливыми и въ бумагахъ заключалось приказаніе форпостнымъ начальникамъ ловить довскаго казака Емельяна Пугачева, принявшаго на себя титулъ императора Петра III.

— Зачѣмъ Пугачева ловить, говорилъ спокойно самозванецъ, приказывая изорвать и бросить бумаги,—Пугачевъ самъ идетъ въ городокъ, а если я Пугачевъ, какъ они меня называютъ, такъ яустъ возьмутъ и свяжутъ, а если я государь, такъ съ честью примутъ въ городъ.

— Для чего ты обманулъ меня и не сказалъ правды? спрашивалъ съ гнѣвомъ Пугачевъ сержанта Николаева,—приготовьте-ка висѣлицу.

* Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 года; показанія Ивана Почталина, Степана Кожевникова, Кузьмы Кочурова, Петра Толкачева, Ивана Варубана (Чуки) и другихъ. Госуд. Арх. VI д., №№ 487, 506 и 512.

— Виновать предъ вашимъ величествомъ, говорилъ Николаевъ, кланяясь самозванцу въ ноги;—я вину свою засажу вамъ.

— Что на него смотреть! прикажи повѣсить, кричали казаки.

Пугачевъ однакоже не согласился, главнымъ образомъ потому что напелъ въ Николаевъ человека грамотнаго, ему крайне необходимаго.

— Добро, господа казацкое войско, а его прощаю, говорилъ самозванецъ,—пусть вамъ и мнѣ служить станетъ, и отдамъ его подъ команду Ивана Почитайлина.

Подходя къ Славянымъ хуторамъ, принадлежавшимъ братьямъ Мясниковымъ, толпа захватила въ свои руки старшинской руки казака Скворкина и привела его къ Пугачеву.

— Этотъ казакъ посланъ изъ городка шлюпомъ, говорили поймавшіе,—развѣдать о вашемъ величествѣ.

— Зачѣмъ ты здѣсь по хуторамъ позади моего войска ѣдишь, спрашивалъ самозванецъ,—и откуда ты посланъ?

— Я посланъ отъ старшины Мартеньяна Бородина изъ городка, развѣдать о васъ, гдѣ идете, сколько у васъ силы, чего ради сторожю мимо вашей команды и пробираюсь съ тѣмъ извѣстіемъ что вы идете въ городокъ.

— Ты человекъ молодой, говорилъ Пугачевъ наставительнымъ тономъ,—тебѣ бы надо мнѣ служить, а ты поѣхалъ противъ меня шлюпочать.

— Надежа-государь, прикажи его заодѣя повѣсить, просили казаки Давилицъ и Дубовъ,—отецъ его дѣлалъ намъ великія обиды, да и омы даромъ что молодежь, но также какъ и отецъ насъ смертельно обижалъ.

— Подлинно омы, батюшка, лаутъ, кричали казаки,—прикажи его повѣсить, таковскій.

— Если омы такой худой человекъ, отвѣчалъ Пугачевъ,—такъ повѣсьте его.

Скворкинъ былъ тотчасъ же повѣшенъ и эта казнь была первою изъ безчисленныхъ въ послѣдствіи жертвъ кровавой дѣятельности Пугачева и его сообщайковъ.

У Славяныхъ хуторовъ явился къ Пугачеву одинъ изъ первыхъ его сообщайковъ, Тимошей Мясниковъ, нѣсколько дней скрывавшійся въ кустахъ отъ преслѣдованія.

— Что дѣлается въ городѣ? спросилъ его самозванецъ.

— Я, батюшка, самъ едва-едва улепелся, отвѣчалъ Мясниковъ,—и не знаю что теперь тамъ дѣлается.

— Однакоже пойдѣмъ къ городку, сказалъ Пугачевъ съ рѣшимостью.

Замѣтивъ издали что впереди городка, перейдя черезъ Чаганскій мостъ, стоитъ команда казаковъ и небольшой отрядъ пѣхоты съ пушками, подъ начальствомъ секундъ-майора Наумова, самозванецъ остановился. Тогда Наумовъ, съ цѣлью осмотрѣть силы мятежниковъ, отправилъ впередъ старшому Окутину съ казаками, но старшина отошелъ на очень небольшое разстояніе отъ пѣхоты. Оба противника довольно долгое время не предпринимали ничего другъ противъ друга. Въ ставѣ Пугачева былъ возбужденъ вопросъ какъ дѣйствовать. Одни предлагали что слѣдуетъ напасть на городъ силой, а другіе советовали вступить въ переговоры съ высланными Симоновыми казаками. Пугачевъ склонился на сторону послѣдняго предложенія и желалъ чтобъ его „выпустили въ городъ безъ драки“.

— Я лошаю къ войску указъ, говорилъ онъ,—и когда насъ примутъ, то прямо въѣдемъ, а когда будутъ претивиться, то пойдѣмъ мимо, за Строгоновъ садъ, и тамъ ночуемъ.

Предложеніе было принято, и по приказанію самозванца Иванъ Почитайкинъ написалъ:

„Войска яцкаго коменданту, казакамъ, всѣмъ служивымъ и всякаго званія людямъ мое именное повелѣніе.

„Какъ дѣды и отцы ваши служили предкамъ моимъ, такъ и мы послужите великому государю и за то будете жалованы крестомъ и бородою, рѣками и морями, денежнымъ жалованьемъ и всякою волею. Повелѣніе мое исполняйте и со усердіемъ меня великаго государя встрѣчайте, а если будете противиться, то почувствуете какъ отъ Бога, такъ и отъ меня гнѣвъ. Великій государь Петръ III всероссійскій“.

Отправляя нарочнаго съ указомъ Пугачевъ приказалъ передать его старшинѣ Окутину и стараться убѣдить его и бывшихъ при немъ казаковъ чтобъ они приняли его съ честью:

— Если жъ они во мнѣ сомнѣваются и за точнаго государя не признають, говорилъ Пугачевъ,—то приняла бы меня съ тѣмъ чтобъ отвезти въ Петербургъ и сласти мою жизнь.

Держа надъ головою воззваніе самозванца, посланный * поспешилъ къ Чаганскому мосту.

* По свидѣтельству однихъ, то былъ казакъ Петръ Векотъ (показаніе Чики и Пугачева), а по другимъ, казакъ Барановъ (показаніе Ивана Почитайкина).

— Вотъ вамъ указъ отъ государя, оказалъ онъ передавая пакетъ Окутину,—прочтите его всѣмъ.

— У насъ есть государыня, отвѣчалъ Окутинъ,—а государя Петра Федоровича нѣтъ давно на свѣтѣ.

Посланный, не ожидая отвѣта, укакалъ обратно, а Окутинъ, не читая присланной ему бумаги, передалъ ее капитану Крылову.*

Казаки потребовали чтобъ указъ былъ прочтенъ, но Окутинъ не исполнялъ требованія и тогда, по заранѣе условленному плану, казаки Яковъ Почталинъ, Андрей Овчинниковъ, Дмитрій Лысовъ, Феофановъ и другіе подняли шумъ и затѣли въ числѣ пятидесяти человекъ укакала въ толпу мятежниковъ. Многие изъ нихъ махъ предъ самозванцемъ на колѣни, а Яковъ Почталинъ подошелъ и поцѣловалъ руку.

— Ты что за человекъ? спросалъ его Пугачевъ.

— Я, батюшка, отецъ Иванушки писаря, который при вѣшемъ величествѣ.

— Иванъ, это твой отецъ?

— Точно такъ.

— Ну, старикъ, коли хочешь мнѣ служить вѣрою и правдой, то садись на лошадь и ступай со мною.

Обратившись къ Андрею Овчинникову и Дмитрію Лысову, самозванецъ спросалъ ихъ что думаютъ о немъ остальные казаки?

— Почти всѣ желаютъ служить тебѣ, отвѣчалъ онъ,—но манифеста твоего не читали, хотя казаки сильно того просили.

Желая склонить на свою сторону остальныхъ казаковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдить при немъ бывшихъ въ томъ что онъ истинный государь, Пугачевъ отправилъ вторично своего посланнаго съ требованіемъ чтобы прислали къ нему Окутина для переговоровъ.

— Я его прежде жаловалъ, говорилъ самозванецъ,—такъ надѣюсь что онъ меня узнаетъ и увѣритъ васъ что я истинный государь.

Окутинъ, конечно, не лѣхалъ къ самозванцу и лишь только увидѣлъ что толпа мятежниковъ двинулась къ городу, онъ, не надѣясь на свою команду, сталъ отступать на лѣвоту.

* По какому случаю Крыловъ, отецъ нашего баскописца, находился при старшинѣ Окутинѣ, мы доискаться не могли, но что онъ былъ тамъ, это несомнѣнно и подтверждается показаніями почти всѣхъ участниковъ.

— Пропало теперь все Яицкое войско, замѣтилъ Крымовъ оставшимся казакамъ.

Между тѣмъ приближавшіе казаки объявили Пугачеву что на Чаганскомъ мосту приготовлены пушки и что имъ приказано открыть огонь.

— Съ голыми руками не сумешь на пушки, а у насъ ихъ нѣтъ, отвѣчалъ на это самозванецъ.— Чѣмъ терять напрасно людей, пойдемъ теперь вверхъ, авось либо завтра одумаются и, когда подѣдемъ, примутъ.

Повернувъ вверхъ по р. Чагану, толпа намѣрена была перейти въ бродъ на противоположный берегъ, но Наумовъ для воспрепятствованія переправы послалъ подъ начальствомъ старшины Витомнова партію казаковъ во 100 человекъ, въ числѣ коихъ былъ и казакъ Макошъ Шигаевъ, отряченный для убѣжденія казаковъ приваившихъ сторону самозванца. Подпустивъ команду Витомнова къ себѣ на довольно близкое разстояніе, Пугачевъ сразу охватилъ ее со всѣхъ сторонъ. Бывшіе въ командѣ казаки войсковой стороны тотчасъ же безо всякаго сопротивленія присоединились къ самозванцу, а незначительное число казаковъ старшинской руки было связано и приведено къ Пугачеву, причемъ Овчинниковъ, Давыдовъ, Лысовъ и другіе жаловались на приведенныхъ и просили казнить ихъ немедленно.

— Держите ихъ до завтра подъ карауломъ, отвѣчалъ Пугачевъ,—а завтра будетъ резолюція.

Мятежники переправились черезъ рѣку и расположились на вочагъ. *

Появленіе ихъ въ тылу высланнаго отряда, два случая передачи казаковъ на сторону Пугачева, невозможность поручиться за остальныхъ и наконецъ опасеніе быть отрѣзаннымъ отъ городка, заставили секундъ-майора Наумова отступить, причемъ онъ приказалъ уничтожить мостъ черезъ рѣку Чаганъ. Въ Яицкомъ городкѣ партія войсковыхъ казаковъ воювала и настолько ясно выражала свое сочувствіе что Ошеровъ принужденъ былъ объявить что въ случаѣ малѣйшаго замѣшательства онъ прикажетъ поджечь городокъ со всѣхъ сторонъ и поступить съ ними, ихъ женами и дѣтьми

* Показанія казаковъ: Григорія Бородина, Якова Почталина, Кузьмы Кочурова и Степана Кожевникова. Госуд. Арх. VI д. № 467 и № 506. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Тамъ же, д. № 512.

какъ съ своими злодѣями. Казаки присмирѣли, но не одинокѣ пробирались въ станъ самозванца, силы котораго быстро возрастали и, по показанію сообщниковъ, достигли 700 человѣкъ. * Цифра эта, конечно, увеличена вдвое, но она свидѣтельствуешь что толпа мятежниковъ возрастала настолько быстро что главнымъ сообщникамъ самозванца она казалась уже весьма значительною. Помѣръ возрастанія толпы, увеличивалась и самоуверенность Пугачева, который узнавъ что въ числѣ захваченныхъ казаковъ посаушной стороны находится старшина Витовшовъ, ** бывавшій нѣсколько разъ въ Петербургѣ и видѣвшій покойнаго императора Петра III, рѣшился употребить тотъ же способъ для убѣжденія толпы какой онъ думалъ примѣнить вызывая къ себѣ Окутина.— Пугачевъ потребовалъ чтобы привели къ нему Витовшова.

— Знаешь ли ты меня? спросилъ его самозванецъ.

Вопросъ этотъ былъ равносильнымъ тому: хочешь быть повѣшеннымъ? и если нѣтъ, то признавай во мнѣ государя.

— Видалъ еще маленькимъ, отвѣчалъ Витовшовъ уклончиво.

Пугачевъ былъ доволенъ такимъ отвѣтомъ.

— Вотъ спросите, онъ меня знаетъ, сказалъ самозванецъ обращаясь къ окружающимъ.

Ночь прошла спокойно, такъ какъ Симоновъ не могъ выйти изъ городка, справедливо опасаясь что непослушные казаки воспользуются случаемъ и не влустятъ его обратно.

Движеніе же съ пѣхотнымъ отрядомъ необезпеченнымъ ни продовольствіемъ, ни боевыми припасами, было безцѣльно противъ конной толпы мятежниковъ, положившихъ провозить „гдѣ день, гдѣ ночь, тамъ и сутки прочь“ и всегда имѣвшихъ способы уклониться отъ боя. Совсѣмъ иное дѣло было бы есаубы Симоновъ могъ одеретъ на казаковъ и употребить ихъ для преслѣдованія Пугачева, но съ пѣхотой нельзя было уничтожить шайку Пугачева, а можно было только отогнать отъ городка, т.-е. сдѣлать то что самозванецъ сдѣлалъ самъ безо всякаго боя. На утро ближайшіе

* Показаніе Зарубина (Чики). Госуд. Арх. VI д. № 422. Пугачевъ самъ показывалъ въ послѣдствіи что въ этотъ день у него было человѣкъ 500.

** Въ допросахъ Пугачева (Чтенія 1858 г. кн. II) и у всѣхъ авторовъ пользовавшихся этимъ источникомъ ошибочно напечатано Витовшовъ.

ообщника Пугачева явились къ самозванцу и возбудили вопросъ о лѣнныхъ казакахъ.

— Что, ваше величество, прикажете съ ними дѣлать?

— Надобно ихъ увѣрить и править къ присягѣ, отвѣчалъ Пугачевъ.

— Мы имъ не вѣримъ, говорили слодвижники самозванца, и просили его избавить ихъ отъ одиннадцати человекъ взятыхъ въ плѣнъ.

— Мы узнаемъ, говорили Овчинниковъ и Лысовъ,—кого можно простить и кого повѣсить; тутъ есть великіе злодѣи.

„Видя столь сильную ихъ жалобу, показывалъ Пугачевъ,* и хотя (желая) ихъ тѣмъ удовольствовать чтобъ они были усерднѣе, а другимъ, кои ему не хотѣть быть вѣрными, подать страхъ“, самозванецъ приказалъ повѣсить всѣхъ одиннадцать человекъ. Приказаніе было мгновенно исполнено, и „просители послѣ тѣхъ повѣщенныхъ раздѣлали по себѣ бывшую на нихъ одежду“. Старшина Витовновъ и лаемавникъ бывшего атамана Григорій Бородинъ были прощены.

Послѣ казни Пугачевъ поручилъ сержанту Николаеву написать указъ въ войско Яицкое чтобъ оно одумалось и встрѣтило его „яко великаго государя“. Указъ былъ написанъ, и самозванецъ, приказавъ подписать Ивану Почтаеву, отправилъ его съ казакомъ Барановымъ, который не возвратился, а какъ только толпа стала подходить къ городку, то по приказанію Симонова было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ.

— Что, други мои, васъ терять жалко,—сказалъ тогда Пугачевъ;—видно они мнѣ не рады, такъ пойдемъ мимо, туда гдѣ васъ примутъ.

— Пойдемъ, ваше величество, по линіи ** до Илецкой станицы, говорили казаки.

— А есть ли тамъ форпосты и на нихъ пушки? спросилъ самозванецъ.

— Есть, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Ну такъ пойдемъ.

Яицкіе форпосты состояли по большей части изъ шалашей, сдѣланныхъ изъ лѣтня. Они занимались обыкновенно

* 4 ноября 1774 г., Госуд. Арх. VI д., № 512.

** Въ допросахъ Пугачева (Чтенія 1858 г. кн. II) вмѣсто словъ „по линіи“ ошибочно напечатано „подемъ“, что и повторено авторами многихъ монографій.

20—25 человекъ казаковъ. Тамъ гдѣ былъ недостатокъ лѣса, форпосты укрѣплялись плетнемъ и землянымъ валомъ; въ мѣстахъ лѣсистыхъ устраивались бревенчатые стѣны или срубы. Каждый форпостъ имѣлъ одну или двѣ пушки, калачу или вышку для наблюденія, и маяки. * Предназначенные для защиты границы отъ дикихъ племенъ, разбланныхъ по степямъ Оренбургской губерніи, форпосты удовлетворяли своему назначенію, такъ какъ Киргизы были вооружены кольями и стрѣлами, и вторгались небольшими партіями. Но для такой шайки, какая была у Пугачева, они не могли оказать сопротивленія.

Обогнувъ городъ, толпа двинулась вверхъ по рѣкѣ Яику ко Гниловскому форпосту, гдѣ Пугачевъ присоединилъ къ себѣ всѣхъ форпостныхъ казаковъ и захватилъ одну пушку, „коя стояла въ телѣгѣ“. ** Не доходя до поста Рубежнаго и вида что силы его растутъ, самозванецъ рѣшился дать своему ополченію нѣкоторое устройство и назначить начальствующихъ лицъ.

— Надобно подкрѣплять васъ чинами, говорилъ самозванецъ Григорію Бородину, — чтобы вы отъ меня не бѣгали.

Онъ приказалъ собрать казачій кругъ, желая показать тѣмъ яццкимъ казакамъ что уважаетъ ихъ древніе обычаи, такъ недавно уничтоженныя учрежденіемъ комендантскаго управленія. Собравшись въ кругъ казаки выбрали: Андрея Овчинникова атаманомъ, Дмитрія Лысова (онъ же Сергѣевъ) полковникомъ; Андрея Витомнова есауломъ, Алексѣя Кочурова и еще нѣсколькихъ лицъ хорунжими. Выбранные отправлялись къ самозванцу и цѣловали его руку.

— Умѣешь ли ты написать присягу? спросилъ Пугачевъ обратившись къ сержанту Дмитрію Николаеву.

— Умѣю.

— Такъ люди же напишутъ.

Когда присяга была составлена, то Пугачевъ, передавъ ее Ивану Почтааину, приказалъ прочитать въ слухъ.

Почтааинъ читалъ.

* *Путешествіе Палласа* изд. 1809 г. ч. I. Путешествіе академика Фалька. См. *Собраніе ученыхъ путешествій*. Т. VI, изд. 1824 г.

** Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показанія Якова Почтааина и Степана Кожевникова. Госуд. Арх. VI д., №№ 467, 506 и 512.

„Я виже именованный обещаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ его Евангелиемъ въ томъ что хочу и должень всепресвѣтлѣйшему державнѣйшему, великому государю императору Петру-Федоровичу служить и во всемъ повиноваться не щадя живота своего до послѣдней капли крови въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ всемогущій.“ *

— Готовы тебѣ, надежа-государь, кричали казаки по окончаніи чтенія,—служить вѣрою и правдой.

— Куда же мы отсюда пойдемъ? спросилъ Пугачевъ.

— Пойдемъ мы отсюда, говорилъ Овчинниковъ,—черезъ всѣ форпосты нашего Яицкаго войска, кои всѣ намъ согласны, и заберемъ ихъ съ собою, а не доходя до Илецкаго городка я поѣду туда одинъ и навѣдаюсь примуть ли всѣ илецкіе казаки...

— Какъ не принять! перебилъ его Лысовъ, и толпа двинулась далѣе по берегу рѣки Яика.

Проходя черезъ форпосты Гемварцовскій, Бирсаповскій и Иртекской, мятежники забирали съ собою всѣхъ казаковъ и услѣди пріобрѣсти три пушки съ боевыми зарядами. Остановившись на ночлегъ, верстъ за 50 отъ хутора бывшаго войсковаго атамана Андрея Бородина, самозванецъ отправилъ къ нему казака Дмитрія Дубовова съ приказаніемъ чтобы Бородинъ встрѣтилъ государя съ почестью. Бородинъ обѣщавъ исполнить требованіе, но когда Дубововъ уѣхалъ то Бородинъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ Оренбургъ. Захвавъ въ Илецкій городокъ оный предупредилъ атамана Лазаря Портнова что къ нему идетъ толпа мятежниковъ. **

Илецкій казачій городокъ находится на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки Яика (Урала), при впаденіи въ него въ верстѣ ниже рѣки Илека. Городокъ былъ укрѣпленъ четырёхугольною бревенчатою стѣною съ батареями для 12 пушекъ и имѣлъ болѣе 300 казачьихъ домовъ. Обязанные выставлять отъ 350—400 человекъ служивыхъ, илецкіе казаки были причислены къ яицкимъ, но права на рыбную ловлю не имѣли, а занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Во главѣ казаковъ стоялъ атаманъ, подчиненный яицкой комендантской канцеляріи. ***

* Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Зарубина (Чика) Госуд. Арх. VI д. №№ 422, 506, 512.

** Путешествія Палласа и Фалька.

*** Показаніе илецкаго казака Максима Горшкова 8 мая 1774 года. Госуд. Арх. VI д. № 506.

Человѣкъ преданный правительству, атаманъ Портновъ, за два дня до прихода самозванца, получивъ ордеръ Симонова, въ которомъ тотъ сообщая о пріявтіи Пугачевымъ имени Петра Ш просилъ пріявлять всѣ мѣры осторожности и къ защитѣ городка. Портновъ собралъ кругъ, прочитавъ полученное предписаніе Симонова, и всѣ казаки согласились поступать по присягѣ. Такъ какъ Илецкій городокъ находился не на прямомъ пути къ Оренбургу, а на степной сторонѣ рѣки Яика, то для лучшаго обезпеченія отъ нападенія матежниковъ Портновъ приказалъ разобрать мостъ.

Атаманъ спокойно ожидалъ появленія самозванца, но не спокойно относился къ этому казаки. Въ тотъ же самый день когда было прочтено въ кругу предписаніе Симонова, казакъ Патавъ Дмитріевъ говорилъ окружающимъ.

— Чтѣ вы это слышаете, какой овъ Пугачевъ, овъ сказываютъ точный государь. Овъ скоро сюда будетъ съ яцкими казаками, какъ тутъ ставешь противиться!

На другой день илецкій казакъ Аѳанасій Новиковскій, вздвигшій въ Яцкій городъ, своими разказами произвелъ еще большее волненіе между казаками.

— Намъ, братцы, открывается свѣтъ, говорилъ Новиковскій;—сказывали что государь Петръ Федоровичъ умеръ, а овъ живъ и идетъ къ намъ на Илекъ. Я самъ его видѣлъ и овъ пожаловалъ мнѣ лошадь.

Новиковскій уговаривалъ товарищей не противиться и встрѣтить государя съ честью. * Казаки были въ вѣршиности, но на третій день явился въ Илецкомъ городкѣ Андрей Овчинниковъ, съ указомъ на имя Портнова, слѣдующаго содержания:

„Отъ великаго государя императора Петра Федоровича Всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая.

„Симъ моимъ именованымъ указомъ Илецкой станицы атаману Лазарю Портнову, старшинамъ и казакамъ повелѣваю какъ вы служили мнѣ и предкамъ моимъ до сего времени, такъ и нынѣ, вѣрные мои рабы, мнѣ послужите вѣрно и неизмѣнно и докажете мнѣ свою вѣроподданническую ревность тѣмъ что, вопервыхъ, ожидайте меня, великаго государя, къ себѣ съ истинною вѣроподданническою радостію

* Госуд. Арх. VI д. № 416. Въ послѣдствіи форма присяги была разослана всюду и употреблялась во всѣхъ случаяхъ.

и изъ городка на встрѣчу мнѣ съ оружіемъ своимъ выдѣте, и въ доказательство своей мнѣ вѣроподобнаго вѣроности, положите оружіе свое передъ знаменами моими. Почему и приму я васъ съ великою честью и удостою службы мнѣ, которую ежели такъ будете продолжать, какъ присяжный долгъ требуетъ, и такъ какъ мнѣ пріятно можетъ быть, то столько награждены будете, сколько заслуги ваши достойны. И чего вы ни пожелаете, во всѣхъ выгодахъ и жалованьяхъ отказано вамъ не будетъ, и слава ваша не истечетъ до вѣку, и какъ вы такъ и потомки ваши, первые при мнѣ, великомъ государѣ, учинитесь, а жалованья, провіанта, пороху и свинаду всегда достаточно отъ меня давано будетъ. Кто же сверхъ чаянія моего преслушаетъ и не исполнитъ сего моего великаго повелѣнія, тотъ вскорѣ почувствуетъ сколь жестоко приготовлены муки измѣнникамъ моимъ, а когда атаманы или старшины, вамъ, рядовымъ казакамъ, попрепятствуютъ, то и самихъ ихъ милою прѣдъ меня привести, за что награжденъ тотъ, кто приведетъ ихъ, будетъ. Я великій государь Петръ III императоръ Всероссийскій*.

Воззваніе это было передано Овчинникову въ двухъ экземплярахъ, съ тѣмъ что если его примутъ въ городъ, то одинъ онъ отдалъ бы Портвову, а другой казакамъ, чтобъ они могли прочесть сами, въ томъ случаѣ когда атаманы откажется читать. Лишь только въ городкѣ узнали о прибытіи Овчинникова съ нѣсколькими мятежниками, составлявшими его свиту, ** плечкіе казаки толпами слѣшили къ прѣзжимъ.

— Государь съ великою силою идетъ къ Илеку, говорилъ Овчинниковъ собравшимся, — и оставившись всего въ семи верстахъ отсюда, послалъ меня къ вамъ сказать чтобы вы встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью. Это истинный государь и смотрите атаманы-молодцы не дурачьтесь, а встрѣтите его съ подобающею честью. Если же вы хотя мало воспротивитесь, то государь приказалъ вамъ сказать что васъ онъ ставитъ въ шашку, а вашъ городъ выжжетъ и вырубитъ.

Казаки собрали кругъ и долго не могли условиться какъ поступить.

* Архивъ Глав. Штаба. Книга № 1, листъ 60.

** По показаніямъ однихъ, съ Овчинниковымъ было 6, а по другимъ, 20 человекъ свиты.

— Если его не встрѣтитъ, говорили они, — то овъ насъ перевѣшаетъ, а буде встрѣтимъ, то чтобы лотомъ не было хлопотъ какихъ.

Послѣ довольно долгихъ и оживленныхъ споровъ, большинство рѣшило однакоже встрѣтить самозванца съ честью, о чемъ и сообщая Овчинникову. Послѣдній отправился въ станъ самозванца, оставивъ казакамъ для передачи Портнову манифестъ Пугачева. Исполняя порученіе Овчинникова казаки требовали чтобы манифестъ былъ прочитанъ, но Портновъ отказался и положилъ его въ карманъ. Предвидя недоброе овъ хотѣлъ уѣхать изъ городка, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ казаки стали наблюдать за нимъ.

На утро 21 сентября плецкіе жетелі исправили мостъ, и предшествуемые духовенствомъ съ крестами и образами, вышли съ хлѣбомъ-солью и съ знаменами встрѣчать самозванца. Пугачевъ со своею толпою, идя въ авангардѣ Овчинникова, двинулся къ городку, причемъ Овчинниковъ пошелъ прямо въ городокъ и арестовалъ тамъ атамана Портнова. Пугачевъ же остановился предъ духовенствомъ, слѣзъ съ лошади и приложился ко кресту. Казаки преклонили знамена, а духовенство цѣловало государеву руку.

— Я подлинный государь, сказалъ овъ, — служите мнѣ вѣрою и правдою; за вѣрную службу я буду награждать, а за невѣрную казнить смертію.

Принявъ хлѣбъ-соль и обладавъ жителей, самозванецъ лѣшкомъ, въ сопровожденіи духовенства и при звонѣ колоколовъ, отправился въ церковь, приказавъ служить молебень и на ектеніяхъ уломивать имя государя Петра Федоровича, а государыню исключить.

— Когда Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, говорилъ Пугачевъ окружающимъ, — то зашаю ее въ монастырь и лускай за грѣхи свои Богу молится. А у бояръ села и деревни отберу и буду жаловать ихъ деньгами; а которыми я ищемъ престола, тѣхъ безо всякой пощады перевѣшаю. Сынъ мой человекъ молодой, такъ овъ меня и не знаетъ. Даи Богъ чтобы я могъ дойти до Петербурга и сына своего увидѣть здоровымъ!

По окончаніи молебна началась присяга. Первымъ присягнулъ попъ, который затѣмъ, по приказанію самозванца, сталъ приводить ко присягѣ и всѣхъ плецкихъ казаковъ.

Выйдя изъ церкви самозванецъ приказавъ отворить питейный домъ, обѣщалъ народу избавить его отъ „утѣсненія и

бѣдностей“ и затѣмъ при лучечныхъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, производимыхъ казаками въ честь государя, Пугачевъ отправился въ приготовленный ему Овчинниковымъ домъ казака Ивана Творогова, одивъ изъ лучшихъ въ городкѣ.

— А гдѣ здѣшній атаманъ Лазарь Портоновъ? спросилъ самозванецъ обращаясь къ Овчинникову.

— Я его арестовалъ.

— За что?

— Ваше величество приказали чтобы посланный отъ васъ манифестъ оный прочелъ казикамъ, а оный читать его не сталъ и положилъ въ карманъ. Оный же приказалъ разломать чрезъ Яикъ мостъ и вырубить два звена, чтобы вамъ съ войскомъ перейти было нельзя, а напоследокъ хотѣлъ бѣжать.

Едва Овчинниковъ окончилъ свою обвинительную рѣчь, какъ нѣсколько буйныхъ головъ пожаловались Пугачеву что Портоновъ ихъ постоянно обижалъ и въ конецъ разорилъ.

— Коли оный такой обидчикъ, сказалъ Пугачевъ Овчинникову,—то прикажи его повѣсить.

Приказаніе было немедленно исполнено. Портоновъ былъ повѣшенъ яцкимъ казакомъ Иваномъ Бурновымъ, исполнявшимъ должность лалача, и имѣніе несчастнаго атамана разграблено мятежниками, причемъ болѣе всѣхъ поживился Зарубинъ (Чика). Пугачеву же были доставлены лошади казни Портонова взятые въ его домѣ 300 рублей денегъ, жалованный ковшъ, два бешмета, кафтанъ, канаватная лпся шуба и кушакъ.

Два дня оставался Пугачевъ въ Илецкомъ городкѣ и въ домѣ Творогова, пользуясь радушіемъ хозяина и его желаніемъ угодить государю. Первое время Твороговъ былъ искренно убѣжденъ что Пугачевъ истинный Петръ III и потому, показывалъ оный, „былъ угощаемъ отъ меня, по возможности съ оказаніемъ всякаго почтенія.“ Пугачевъ награждалъ услуги Творогова должнымъ образомъ.

— Будь же ты у меня, сказалъ ему самозванецъ,—полковникомъ и командиромъ надъ яецкими казаками.

Довольный тѣмъ что Илецкій городокъ, одивъ изъ главныхъ населенныхъ пунктовъ той мѣстности, признавалъ надъ собою его власть какъ законнаго государя Петра III, Пугачевъ ободрился и сталъ помышлять о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Объявляя крѣпость оный приказалъ сматъ съ нея пушки и выбравъ изъ нихъ нѣсколько годныхъ, сдѣлать къ намъ

лафеты, которыхъ не было. Назначивъ начальникомъ артиллеріи ашкандкаго казака Федора Чумакова, самозванецъ приказалъ ему забрать изъ крѣпости весь порохъ, свинець, снаряды и присоединивъ къ себѣ до 300 человекъ плецкихъ казаковъ, двинулся далѣе къ Разсыльной крѣпости, * расположенной по скату горы праваго берега рѣки Яика.

Разсыльная крѣпость была построена на томъ мѣстѣ гдѣ обыкновенно Киргизъ-Кайсаки переправлялись вбродъ чрезъ Яикъ, для вторженія и грабежа въ нашия предѣлахъ. Она была укрѣплена только однимъ лапсадомъ, населена 50 человекъ оренбургскихъ казаковъ и имѣла одну гарнизонную роту, подъ начальствомъ коменданта майора Веловскаго, въ помощь которому изъ Нижне - Озерной крѣпости (она же и Столбовая) была отправлена команда подъ начальствомъ капитана Сурина изъ одной роты пѣхоты и сотни казаковъ. Команда эта была еще далеко отъ Разсыльной когда въ крѣпости явился посланный съ возмутительнымъ листомъ Пугачева слѣдующаго содержания: **

„Отъ самодержавнаго императора Петра Федоровича всероссійскаго и проч. и проч.

„Симъ моимъ именнымъ указомъ въ Разсыльной крѣпости всякаго званія людямъ повелѣваю: какъ вы, вѣрныя мои рабы, служили и покорны были напередъ сего мнѣ и предкамъ моимъ, такъ и нынѣ въ самомъ дѣлѣ будьте вѣрны и послушны, стремитесь съ истинною вѣроюлодавническою радостію и дѣтскою ко мнѣ, государю вашему и отцу, любовію; потомъ старайтесь служить вѣрно и неизмѣнно, за что жаловать буду всѣхъ сихъ вѣчною вольностію, рѣками, морями, всѣми выгодами, жалованьемъ, провіантомъ, порохомъ, свинцомъ, чинами и честію, а вольность на вѣки получать. Кто же сего моего указа не послушаетъ, тотъ самъ узнаетъ праведный гнѣвъ противникамъ моимъ.“

Веловскій не принявъ возмутительнаго листа и при приближеніи мятежниковъ открылъ огонь изъ ружей, но по

* Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 года. Показанія Ивана Творогова въ казанской комиссіи и въ тайной экспедиціи въ Москвѣ. Показанія Зарубина (Чинки), Тимоеева Мясникова 9 мая и Макоша Горшкова 8 мая 1774 года. *Госуд. Арх. VI д. №№ 492, 505, 506 и 512.*

** Арх. Главн. Штаба. Книга № 1. „Секретная бумага и манифесты Пугачева“, листъ 8.

малочисленности гарнизона не могъ долго сопротивляться. Толпа Пугачева, разбивъ ворота, ворвалась въ крѣпость. Майоръ Веловскій съ семействомъ, со всеми бывшими въ крѣпости офицерами и нѣсколькими нижними чинами, залерса въ комендантскомъ домѣ и поражаалъ мятежниковъ изъ оконъ. Казаки хотѣли зажечь домъ, но Пугачевъ, опасаясь чтобы не сгорѣла вся крѣпость и не пострадала напрасно тѣ кого онъ намѣренъ былъ склонить на свою сторону, запретилъ поджигать домъ, „а приказалъ оного коменданта достать такъ“. Послѣ довольно долгихъ успій, мятежники выломали дверь комендантскаго дома и захвативъ защитниковъ привели къ самозванцу, который приказалъ повѣсить: майора Веловскаго съ женою, поручика Толбаева и священника. Поверставъ всѣхъ солдатъ въ казаки, забравъ три чугунныя пушки, пять боченковъ пороху, нѣсколько снарядовъ, Пугачевъ двинулся на слѣдующій день къ Нижне-Озерной крѣпости *, и на пути уничтожилъ отрядъ капитана Сурима а самаго его повѣсилъ. **

Нижне-Озерная крѣпость (иначе Столбовая) находилась на берегу рѣки Яика, на утесистомъ мысу и была обнесена бревенчатою стѣной. Гарнизонъ ея состоялъ изъ нѣсколькихъ драгунъ, престарѣлыхъ гарнизонныхъ солдатъ и до 50 человекъ поселенныхъ оренбургскихъ казаковъ. *** Комендантъ крѣпости, майоръ Харловъ, какъ только узналъ о приближеніи Пугачева, приготовился къ защитѣ. Онъ отправилъ въ Татищеву крѣпость свою молодую жену, дочь тамошняго коменданта Елагина, и распредѣлялъ по стѣнамъ крѣпости свой малочисленный гарнизонъ. Съ наступленіемъ ночи бывшіе въ крѣпости казаки бѣжали въ ставъ самозванца расположившагося вблизи на ночлегъ, а майоръ Харловъ для обороны оставшихся гарнизонныхъ солдатъ всю ночь стрѣлялъ изъ пушекъ. Мѣра эта не помогла дѣлу и комендантъ, видя что гарнизонъ со страхомъ и робостію ожидаетъ прибытія

* Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показаніе ссыльнаго Семена Демидова. Госуд. Арх. VI д., №№ 467, 506 и 512.

** Записка Федора Сукана, изложенная имъ въ формѣ письма къ петербургскому губернатору отъ 25 ноября 1773 г. Рукописная книга изъ собранія рукописей графа А. Уварова № 559. Я обязанъ А. Ф. Вышкову тѣмъ что имѣлъ возможность воспользоваться этимъ любопытнымъ собраніемъ документовъ.

*** Путешествіе академиковъ Палласа и Фалька.

мятежниковъ, приказавъ затопить часть пороха бывшего въ крѣпости. Когда утромъ 26 сентября Пугачевъ со своимъ толпою сталъ подходить къ Нижне-Озерной крѣпости, то майоръ Харловъ, видя своихъ погнанныхъ окончательно оробѣвшими, самъ съ фитилемъ въ рукахъ бѣгалъ отъ одного орудія къ другому и производилъ выстрѣлы, хоть и безвредные для непріятеля. По словамъ Пугачева, стрельба изъ пушекъ продолжалась часа два, но наконецъ мятежники отбили ворота и ворвались въ крѣпость, причѣмъ майоръ Харловъ былъ изрубленъ казакомъ Давидынымъ и съ нимъ погибло нѣсколько офицеровъ и человекъ 10 нижнихъ чиновъ. *

Забравъ съ собою по обыкновенію весь уцѣлѣвшій гарнизонъ, годныя пушки и снаряды, Пугачевъ двинулся далѣе къ Татищевой крѣпости, гдѣ въ первый разъ встрѣтился съ регулярными войсками, высланными изъ Оренбурга по распоряженію губернатора Рейнсдорпа.

XIII.

Положеніе Оренбурга.—Переписка губернатора съ киргизскимъ ханомъ.—Отправленіе отряда бригадира барона Билова на встрѣчу Пугачеву.—Занятіе самозванцемъ Татищевой и Черморѣченской крѣпостей.—Игры къ защитѣ Оренбурга. Воззваніе Рейнсдорпа къ жителямъ.—Отправленіе въ отамъ самозванца съемно-каторжнаго Хлепуша.—Занятіе Пугачевымъ Кургавы и Сакмарскаго городка.—Свиданіе Пугачева съ Хаонушей.—Приближеніе толпы мятежниковъ къ Оренбургу.—Воззваніе Пугачева обращенное къ губернатору и жителямъ.—Отвѣтъ Рейнсдорпа.

До 21 сентября въ Оренбургѣ не только ничего не подозревали о дѣйствіяхъ Пугачева, но и не знали даже что онъ болѣе мѣсяца находится въ предѣлахъ губерніи. Въ этотъ день прискакалъ въ Оренбургъ илецкій казакъ ** съ извѣстіемъ

* Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI д. № 512. Пушкинъ, а затѣмъ и другіе авторы статей о пугачевскомъ бунтѣ рисуютъ страшную картину смерти Харлова, но откуда почерпнуты эти свѣдѣнія Пушкинъ не говоритъ. Разказъ Пугачева и его сообщниковъ намъ кажется болѣе согласнымъ съ истиною, а потому мы на немъ и остановились.

** Къ сожалѣнію, неизвестно кто былъ посланъ съ этимъ извѣстіемъ, но изъ показанія Пугачева видно что отецъ его былъ приведенъ къ самозванцу въ то время когда онъ подходилъ къ Нижне-Озерной крѣпости и за то что послалъ сына повѣшенъ Твороговымъ.

что городокъ занятъ самозванцемъ и что населеніе встрѣчало его съ хлѣбомъ-солью. Извѣстіе это было сочтено губернаторомъ Рейнсдорпомъ „дѣвѣроятымъ“, потому что прибывшій не привезъ письменнаго ралорта“. Рейнсдорпъ не принялъ никакихъ мѣръ чтобы провѣрить насколько достоверно полученное извѣстіе и вечеромъ 22 сентября совершенно спокойно устроилъ у себя балъ по случаю дня коронаціи императрицы. Балъ былъ въ полномъ разгарѣ; общество веселилось въ подожрѣвая объ угрожающей ему близкой опасности и предостоящихъ лишеніяхъ. Среди бала былъ полученъ ралортъ коменданта Татищевой крѣпости и начальника нижне-яицкой дистанціи, полковника Елагина, доносившаго о занятіи Пугачевымъ Илецкаго городка. Не придавая и на этотъ разъ серьезнаго значенія услышанъ самозванца, Рейнсдорпъ окрылъ полученное доносеніе отъ гостей и самъ до 24 числа не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Въ этотъ промежутокъ времени былъ полученъ ралортъ отъ полковника Симонова и явился въ Оренбургъ посланный отъ Нуръ-Али хана киргизъ-кайсацкаго.

По отбитіи Пугачева отъ Яицкаго городка, полковникъ Симоновъ и старшина послушныхъ казаковъ Мартемьянъ Бородинъ опасались чтобы Пугачевъ не оклопалъ на свою сторону Нуръ - Али - хана и тѣмъ не увеличилъ бы своихъ силъ. При малѣйшемъ сочувствіи Нуръ - Али - хана самозванцу, Киргизы легко могли переправиться черезъ рѣку Яикъ, ворваться въ Астраханскую губернію и опустошить ее. Считая необходимымъ убѣдиться въ видахъ и намѣреніяхъ хана, полковникъ Симоновъ и Мартемьянъ Бородинъ отправили въ степь гонца и просили хана прибыть для совѣта къ мосту, что у Яицкаго городка. Зная отъ Забира что Пугачевъ личность подозрительная и сомнительно чтобы онъ былъ истинный государь, Нуръ-Али откакался на призывъ и тотчасъ же пріѣхалъ на свиданіе. Заявивъ что искренно преданъ императрицѣ, ханъ предлагалъ свои услуги.

— Если вы сами со своею командой управитесь можете, говорилъ Нуръ-Али,—то поймите разбойниковъ, а если силъ вашихъ къ тому доставать не будетъ, то поведите мнѣ чтобы я съ моимъ народомъ, учивъ поискъ, тѣхъ разбойниковъ поймалъ; только безъ позволенія оренбургскаго губернатора за рѣку Яикъ перѣзжать я не въ состояніи (не имѣю права).

— Мы и со своими силами справимся, не заимствуя

вашей, отвѣчали Симоновъ и Бородинъ.—Мы и тѣмъ довольны что вы пріѣхали сюда на совѣтъ.

Не довольствуясь такимъ отвѣтомъ Нуръ-Али-ханъ, по возвращеніи въ свой станъ, отправилъ послаемаго въ Оренбургъ съ письмомъ къ Рейнсдорпу, въ которомъ писалъ что „мы на степи находящіеся люди не знаемъ: сей вѣдущій воръ ли, или реченный государь самъ? А для того что онъ называется государемъ послаемъ былъ отъ меня подъ однимъ pretextомъ нарочный который возвратясь объявилъ мнѣ что какой онъ человекъ не знаетъ и не опозналъ, только борода у него русая. Однако изъ-за сего думалъ я какимъ ли есть случаемъ поймать его, только безъ вашего извѣстія на то не поступалъ.“ *

Пользуясь конечно случаемъ, Нуръ-Али просилъ губернатора возвратить его аманатовъ, отогнанный скотъ и бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Какъ истый Азіатецъ, привыкшій главнѣйшую часть переговоровъ вести на словахъ чтобы въ случаѣ нужды можно было отказаться отъ заявляемаго, Нуръ-Али поручилъ своему послаемому сказать Рейнсдорпу что онъ готовъ собрать до пяти тысячъ человекъ Киргизовъ, идти съ ними по сѣвдамъ самозванца и разбить его. Губернаторъ отвѣчалъ также на словахъ что въ помощи хана нѣтъ надобности, что для разбитія „злодѣя“ довольно и однихъ русскихъ войскъ. ** Въ отвѣтъ же своемъ Рейнсдорпъ писалъ хану: *** „Бывшій императоръ Петръ III, какъ всему свѣту извѣстно, въ С.-Петербургѣ окончался и тѣло въ засвидѣтельствованіе кончины его, нарочно двѣ съ семь на парадномъ мѣстѣ лежало, которое я самъ видѣлъ и руку его цѣловать удостоился. А тотъ который въ войскѣ людкомъ проявился, лаутъ и злодѣй, бѣглый доводской казакъ именемъ Емельякъ Пугачевъ, коего указомъ ея императорскаго величества сыскавать и поймать велѣно.

„И такъ увѣряя васъ, высокопочтеннаго хана, прошу ежели сей злодѣй, съ приобщившимся къ нему при поискѣ здѣшнихъ командъ, лаче чаянія на вашу сторону перебѣжитъ

* Арх. Главн. Штаба. Книга № 1 „Секретныя бумаги и указы Пугачева.“

** О началѣ людскихъ несокойствъ и ежедневная записка во время Оренбургской осады. Госуд. Арх. VI д. № 485.

*** Въ письмѣ отъ 25 сентября. Архивъ Главн. Штаба. Книга № 1 и 65.

и будетъ искать вашего покровительства, то подчивеннымъ вашимъ Киргизъ-Кайсакамъ велѣть ихъ разбить и леределить, а особливо оного лаута самозванца и выдать въ здѣшную сторону, за что вы, высокопочтенный ханъ, не только высочайшаго ея императорскаго величества благоволенія, но и награжденія удостоены быть можете.

„Хотя я съ вами, высокопочтеннымъ ханомъ, и весьма свидѣться было желаю, но когда обстоятельства не допустили, то остаюсь съ сожалѣніемъ. Однако прошеніе ваше по справедливости удовольствовать не премину“...

Нуръ-Али-ханъ остался недоволенъ отвѣтомъ Рейнсдорла и откочевалъ со своими улусами въ глубь степи, а оставшіеся безъ хана Киргизы, переправляясь черезъ Яикъ, производили грабежи въ пограничныхъ селеніяхъ.

Отклонивъ содѣйствіе киргизскаго хана и считая достаточнымъ для уничтоженія Пугачева тѣхъ силъ которыя была въ его распоряженіи, Рейнсдорпъ отправилъ на встрѣчу самозванцу бригадира барона Билова съ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ 410 человекъ съ шестью полевыми пушками * и съ открытымъ орденомъ, въ подкрѣпленіе своего отряда, брать въ лежащихъ на пути укрѣпленіяхъ и форпостахъ столько людей сколько онъ признаетъ нужнымъ. Билову предписано было идти съ отрядомъ къ Илецкому городку, нагнать „зловѣдскую толпу“, разбить, и матежниковъ леределить, „а особливо уломявутаго Пугачева, обѣщая въ награжденіе ежелибы кто живаго поймалъ представить дачею изъ казны пяти-сотъ, а буде мертваго, то двухъ сотъ пятидесяти рублей.“ **

Для содѣйствія барону Билову было приказано полковнику Симонову составить сборный отрядъ изъ частей 6й и 7й легкихъ полевыхъ командъ и поручивъ его майору Наумову, отправить къ Илецкому городку. Сверхъ того, 500 человекъ Каамыковъ изъ Ставрополя должны были идти прямо на соединеніе съ Биловымъ и Наумовымъ, а для подкрѣпленія Оренбурга вытребованы изъ ближайшихъ селеній 500 человекъ Башкирцевъ и 300 человекъ сеитовскихъ Татаръ ***.

* Въ составъ отряда вошли: 110 чел. Алексѣевскаго полка, 90 чел. гарнизонныхъ, 150 оренбургскихъ казаковъ и 60 ставропольскихъ Каамыковъ.

** Репортъ Рейнсдорла военной коллегіи 25 сентября 1773 г. Архивъ Главн. Штаба. Книга № 1.

*** Тамъ же.

Дѣлая всё эти распоряженія Рейнсдорлъ и не подозрѣвая что въ сущности оны хлопоты для Пугачева и что бѣлая часть Каамыковъ, Башкирцевъ и Татаръ, отправляемыхъ на театръ дѣйствій, перейдутъ на сторону самозванца и увеличатъ его силы.

Баронъ Билловъ выступилъ изъ Оренбурга 24 сентября, оны не особенно торопилася своимъ движеніемъ и только къ ночи 25 сентября пришелъ въ Татищеву крѣпость, находившуюся отъ Оренбурга въ 64 верстахъ. Утромъ 26 числа оны двинулся къ Нижне-Озерной крѣпости и пройдя 18 верстъ, получилъ рапортъ отъ майора Харлова, которымъ тотъ доносилъ что отправленная имъ въ Разсылную крѣпость команда подъ начальствомъ капитана Сурина разбита мятежниками и оны осталася въ крѣпости „безлюдень.“ Харловъ просилъ помощи, но баронъ Билловъ, узнавъ о приближеніи Пугачева къ Нижне-Озерной крѣпости и опредѣлая, по слухамъ, силы самозванца въ 3.000 человекъ, совѣтовалъ ему спастись какъ знаетъ, * а самъ остановилася въ подѣ и не зналъ на что рѣшиться. Вслѣдъ за тѣмъ приближали два казака заявившіе что Пугачевъ взялъ уже Нижне-Озерную крѣпость. Баронъ Билловъ приказалъ тогда сотнику Падурову „сдѣлать изъ обоза осаду“ опасаясь чтобы самозванецъ не атаковалъ его врасплохъ. „И такъ принявъ всѣ предосторожности, простояли до полуночи, люди безъ сна, а лошади безъ корма“. Видя изнеможеніе людей, Билловъ спрашивалъ офицеровъ что дѣлать? и всѣ единогласно рѣшили возвратиться въ Татищеву крѣпость и тамъ ожидать прибытія мятежниковъ **.

Расположенная на горномъ увалѣ, при рѣчкѣ Камышъ-Самарѣ, за полверсты отъ владенія ея въ рѣку Инкѣ (Уралѣ), Татищева крѣпость построена была неправильнымъ четырехугольникомъ, обнесена бревенчатою стѣной, рогатками и имѣла по угламъ деревянныя батареи. Въ крѣпости насчитывалось до 200 обывательскихъ домовъ и находился комендантъ, бывший вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ части люцкой линіи.

Находясь на сообщеніи Оренбурга съ Самарскою линіей и Яикомъ, Татищева крѣпость считалася главнымъ опорнымъ

* О началѣ люцкихъ неспокойствъ и ежедневная записка во время Оренбургской осады 1773 г. Госуд. Арх. VI д., № 435.

** Показаніе Падурова 10 мая 1774 г. Госуд. Арх. VI д. № 506.

пунктомъ янцкой линіи и потому въ ней находились склады амуниціи, денежная казна, артиллерія и другіе запасы. Гарнизонъ крѣпости былъ значительно болѣе всѣхъ остальныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ и съ начала весны и до глубокой осени, для службы въ Татищевой крѣпости, призывались крещеные Калмыки и Башкирцы, смѣняемые погоды *. Однимъ словомъ, съ возвращеніемъ Билова въ Татищеву крѣпость гарнизонъ ея состоялъ не менѣе какъ изъ тысячи человекъ и 13 орудій.

Въ ожиданіи приближенія Пугачева, ставропольскіе Калмыки находившіеся въ отрядѣ бригадiera Билова, всѣ за исключеніемъ двухъ человекъ ушли изъ крѣпости, а на утро, 27 сентября, въ Татищевой увидѣли что версты за три на горахъ показалась толпа мятежниковъ. Командантъ крѣпости, полковникъ Елагинъ, какъ человекъ храбрый, предлагалъ Билову выдти изъ крѣпости и встрѣтить мятежниковъ въ полѣ, но Билонъ не согласился и тогда полковникъ Елагинъ выслалъ изъ крѣпости для развѣдыванія о неприятелѣ и опредѣленія силъ мятежниковъ одного офицера и съ нимъ человекъ 30 пѣхоты и 20 казаковъ при одномъ орудіи. Едва только команда эта отошла на незначительное разстояніе отъ Татищевой, какъ была атакована и почти уничтожена: офицеръ былъ убитъ, нижніе чины захвачены въ плѣнъ и только солдатъ 4го Оренбургскаго баталіона Степанъ Колесниковъ съ тремя товарищами успѣли спастись и увести въ крѣпость пушку. Вслѣдъ за ними подѣхали человекъ шесть или семь янцкихъ казаковъ и требовали чтобы къ нимъ было выслано изъ крѣпости столько же человекъ для переговоровъ. Бригадиръ Билонъ приказалъ сотнику Падурову выслать человекъ десять Оренбургскихъ казаковъ. Переговоры продолжались недолго.

— Съ нами ѣдетъ государь Петръ Федоровичъ, говорили депутаты Пугачева, — такъ смотрите же, ребята, сдайтесь ему безъ сопротивленія. Если вы не сдадитесь, то мы принуждены будемъ сдать вамъ кровопролитіе.

— Какой тамъ у васъ Петръ Федоровичъ? отвѣчали оренбургскіе казаки: — всѣмъ извѣстно что онъ давно скончался.

— Нѣтъ, это неправда; онъ точно съ нами и если у васъ есть такой человекъ который его знавалъ прежде, такъ

* *Путешествіе Палласа*. Изданіе 1809 г. ч. I, 339. О началѣ янцкихъ беспокойствъ и проч. Госуд. Арх. VI д., № 435.

попайте его съ вами; государь ничево дурнаго съ вами не сдѣластъ, а еще будетъ радъ.

Оренбургскіе казаки отказались исполнить послѣднее требованіе и возвратившись въ крѣпость, передали барону Билому содержаніе переговоровъ. Послѣдній выслалъ казака сказать депутатамъ Пугачева что все это „враки“.

— Государя Петра III нѣтъ больше на свѣтѣ, говорилъ посланный со словъ Билова,—а это самозванецъ и бродяга, бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ. Мы точно это знаемъ, а потому и не можетъ никогда статься чтобы мы почли бродягу за государя.

— Когда вы такъ упорствуете, отвѣчали мятежники,—то послаъ на васъ не лезайте.

Переговоры были прерваны и въ крѣпости замѣтили что часть толпы направляется къ вершинамъ рѣки Камышъ-Самары. Бригадиръ Биловъ приказалъ тогда сотнику Падурову со всеми оренбургскими казаками выѣхать въ поле и разсыпаться по степи, надѣясь тѣмъ устрашить мятежниковъ. Какъ только казаки показались изъ крѣпости, толпа Пугачева открыла по нимъ огонь и бригадиръ Биловъ послалъ Падурову приказаніе возвратиться обратно, но тотъ вмѣстѣ съ казаками передался на сторону самозванца. На выстрѣлы мятежниковъ отвѣчали огнемъ изъ крѣпостныхъ орудій, но ядра не вредили ихъ толпѣ, а перемосились черезъ головы. Пугачевъ раздѣлялъ свои силы на двѣ части: одна подъ начальствомъ Андрея Витюшкова двинулась въ атаку снизу Яика, а другая подъ предводительствомъ самого самозванца направилась съ верховой стороны. Бригадиръ Биловъ успѣлъ отбить эту атаку и тогда Пугачевъ, замѣтивъ близъ крѣпостной стѣны стога съ сѣномъ, приказалъ зажечь ихъ и какъ въ то время вѣтеръ былъ на крѣпость, то за стогами скоро загорѣлись сараи, а потомъ бревенчатая ограда крѣпости и дома обывателей. Большинство защитниковъ бросилось тушить пожаръ и спасать свои семейства и имущество, а мятежники воспользовавшись этимъ стали перебираться черезъ палисадъ и рогатки въ крѣпость. Бригадиръ Биловъ и комендантъ полковникъ Елагинъ съ женою были убиты. Дочь Елагина, бывшая въ замужествѣ за погибшимъ Харловымъ, была захвачена въ плѣнъ, а гарнизонъ не оказалъ почти никакого сопротивленія; солдаты бросали ружья и были выведены изъ крѣпости въ поле. Тамъ въ одной

общей и нестройной кучѣ собралось ихъ человекъ 300, по которымъ, для страха, матежники сдѣлали три выстрѣла и убили нѣсколькихъ человекъ.*

Объѣхавъ Татищеву крѣпость Пугачевъ приказалъ тушить пожаръ, снять годиныя пушки, забрать весь надичный порохъ, сварады, и затѣмъ отправился къ толгѣ лѣвннхъ. Впереди самозванца бѣжали яцкіе казаки чтобы предупредить солдатъ о скоромъ его прибытіи.

— Становитесь на колѣни, кричали они,—государь ѣдетъ.

Толпа лапа на колѣни и скоро увидѣла предъ собою Пугачева, одѣтаго въ красный казачій кафтанъ обшитый галунами.

— Чтѣ вы надѣлали? спрашивалъ онъ грозно;—развѣ вы меня не знаете? Вѣдъ я вашъ императоръ Петръ III. Станете ли вы мнѣ служить вѣрою и правдой?

— Станемъ, ваше величество, отвѣчали солдаты.

— Если такъ, то Богъ васъ проститъ, и я великій государь васъ прощаю; стулайте за мною.

Отъѣхавъ съ полверсты отъ крѣпости, Пугачевъ остановился на лугу и послалъ за священникомъ, для приведенія къ присягѣ лѣвннхъ. Онъ потребовалъ къ себѣ составителя присяги сержанта Дмитрія Николаева, но оказалось что его утопили яцкіе казаки, за то только что онъ былъ изъ дворянъ и сталъ близкимъ человекомъ къ самозванцу. Тогда Пугачевъ призвалъ къ себѣ Ивана Почиташина, и по прибытіи священника Самеона со крестомъ и евангеліемъ, приказалъ ему читать присягу, по окончаніи которой всѣмъ лѣвннмъ были острижены волосы и приказано именоваться *государевыми казаками*.**

Въ Татищевой Пугачевъ успѣлъ захватить значительную сумму денегъ, большой складъ амуниціи, провіанта, соли,

* Эти нѣсколько человекъ убитыхъ дали случай г. Мордочеву („Русскіе госуд. дѣятели прошлаго вѣка“ *Отч. Зап.* 1868 г. № 8) написать: „солдаты и Башкирцовъ разстрѣлали картечью“. Башкирцовъ тутъ не было, точно также не вѣрно и то что у самозванца была „сильная артиллерія“.

** Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показаніе солдата Степана Колесникова, показаніе сотника Тимофея Падурова 10 мая 1774 г. Показаніе Зарубина (Чуки). Госуд.Арх. VI д. № 431, 506 и 512. Письмо Федора Сукина отъ 25 ноября 1773 г. Рукописная книга № 559 изъ собранія гр. А. Уварова.

знае и нѣсколько орудій, лучшихъ изъ всѣхъ находившихся на видной линіи.

Паденіе Татищевой крѣпости имѣло весьма важное вліяніе на послѣдующія дѣйствія. Овладевъ довольно сильнымъ и важнымъ по своему положенію пунктомъ, Пугачевъ являлся уже не простымъ разбойникомъ, а грознымъ врагомъ предъ которымъ не могла устоять ни одна изъ лежавшихъ на пути крѣпостей и городковъ.

„Что касается мелкихъ городовъ, доносилъ императрицѣ капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ, * которые злодѣй разорилъ до основанія, то брать ему ихъ столь легко можно было какъ грибы. А хотя въ нихъ въ каждомъ и были воинскія команды, но только одно названіе, а душа коя должна быть въ томъ званіи давно на небесахъ, слѣдственно не близко, а вселить оную надобно. Въ доказательство тому довольно и сего: когда въ губерніяхъ служивые люди большею частію хлѣбопашцы, какъ же въ Сорочинской, Татищевой, въ Сакмарѣ и прочихъ крѣпостяхъ не быть промышленникамъ, да они въ томъ и невинновы, для того что всѣ командиры въ оныхъ мѣстахъ имѣютъ свои хутора и живутъ помѣщиками, а они ихъ давники. Крѣпости же только одно названіе имѣютъ, а чѣмъ были ограждены давно стѣна и въ развалинахъ. Но кто сему неприсмотру вивовевъ, о томъ долженъ кто ни есть быть свѣдомъ и дать вамъ, всемплощаднѣйшая государыня, отчетъ. А потому и должно быть раздѣленіе, ибо великая разница жить въ службѣ для себя и служить отечеству съ пользою, а чрезъ то сдѣлать угодность вашему величеству“.

Положеніе Татищевой давало возможность Пугачеву двинуться или къ Оренбургу или къ Казани, и конечно есаулы онъ обладалъ достаточнымъ соображеніемъ, то видя къ себѣ столь большое сочувствіе, онъ двинулся бы не на окраину Россіи, подъ Оренбургъ, а въ центръ, къ Казани и тогда, при отсутствіи тамъ войскъ, могъ произвести такое замѣшательство, результатъ котораго трудно и предвидѣть. Насколько опасно было бы послѣднее движеніе Пугачева, мы увидимъ изъ общаго очерка хода дѣйствій, а теперь должны сказать что Пугачевымъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не руководили никакія соображенія: онъ шелъ куда вели

* Отъ 21 мая 1774 г., Оренбургъ.

его лѣткіе казаки, въ повятіяхъ которыхъ овладѣніе Оренбургомъ, какъ главнымъ пунктомъ края, было первымъ и самою главною цѣлью. Къ Оренбургу они шли еще и потому что въ случаѣ неудачи имѣли путь отступленія и могли бѣжать въ Золотую Мечеть, Персію или Турцію, куда и звали ихъ Пугачевъ...

Послѣ трехъ-дневнаго шествія, лѣнства и неистовствъ въ Татищевой, Пугачевъ двинулся къ Чернорѣченской крѣпости. На половинѣ пути матежники остановились на хуторѣ статскаго совѣтника Рычкова, гдѣ всю скотину и домашнихъ птицъ перерѣзали, людей и лошадей забрали съ собой, а строеніе выжгли. Престарѣлый комендантъ Чернорѣчья премьеръ-майоръ Краузе, отдавъ въ отрядъ Билова большую часть гарнизона, остался съ людьми больными и къ службѣ неспособными. Еще задолго до приближенія Пугачева онъ довелъ о томъ губернатору и получалъ отъ Рейнсдорпа приказаніе со всѣми оставшимися людьми перейти въ Оренбургъ. Краузе оставилъ Чернорѣченскую крѣпость, но большая часть жившихъ тамъ казаковъ не согласилась идти съ нимъ и когда пришелъ самозванецъ, то встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью.

Въ Чернорѣченской крѣпости явилась къ Пугачеву дворовая дѣвка капитана Нечаева, взятаго въ плѣнъ въ Татищевой крѣпости, * и жаловалась самозванцу на жестокое обращеніе съ нею господина. Пугачевъ приказалъ повѣсить Нечаева, а дѣвку оставилъ при себѣ, „которая и была всегда при немъ въ стряпухахъ.“ **

Быстрые успѣхи самозванца произвели огромное впечатлѣніе на разнохарактерное населеніе Оренбургской губерніи и примѣръ Падурова подѣйствовалъ на многихъ: командированные въ числѣ 500 человекъ Башкирцы не пришли по назначенію и предалися самозванцу, а 300 человекъ севтозовскихъ Татаръ, посланные къ Билону, возвратились въ Оренбургъ, жители котораго съ ужасомъ узнали о

* Нечаевъ не былъ въ Чернорѣченской крѣпости командиромъ и не заступалъ мѣста майора Краузе, какъ говоритъ Пушкинъ въ своей *Исторіи Пугачевскаго бунта*.

** Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Падурова 10 мая 1774 г., Госуд. Арх. VI д., № 506 и № 512. Съ этою дѣвкой мы встрѣтимся еще при изложеніи дальнѣйшаго хода событій.

паденіи Татищевой, разбитіи отряда Билова и о занятіи Пугачевымъ Чернорычьевской крѣпости. Всего 28 верстѣ отдѣляли теперь самозванца отъ Оренбурга, и на этомъ пространствѣ не было ни одного пункта способнаго оказати сопротивленіе мятежникамъ: городъ прямо подпадалъ подъ ихъ удары, а между тѣмъ и онъ находился почти въ беззащитномъ состояніи. За выводомъ большей части полковъ въ дѣйствующія арміи, вся Оренбургская губернія охранялась тремя легкими полевыми командами *, нѣсколькими гарнизонными баталіонами и мѣстнымъ казачьимъ населеніемъ. Все это было разбросано на огромномъ протяженіи пограничной линіи охранявшей наши предѣлы отъ хищничества степныхъ народовъ и сѣдовѣтельно не могло быть скоро сосредоточено. Поэтому на первый случай генералъ Рейнсдорлъ предписалъ: 1) коменданту Верхне-Озерной дистанціи, бригадирю Корфу, командировать въ Оренбургъ съ пяти крѣпостей его дистанціи по 20 человекъ, и 2) Оренбургскому оберъ-коменданту, генералъ-майору Валленштерну, собрать немедленно въ городъ всѣхъ солдатъ изъ ближнихъ отаучекъ и указать каждому баталіону куда собираться по тревогѣ.

Сообщивъ 24 сентября о появленіи Пугачева и объ угрожающей опасности губернаторамъ Симбирскому, Казанскому, Астраханскому и въ подвѣдомственныя ему провинціальныя канцеляріи, ** генералъ Рейнсдорлъ на другой день послѣ паденія Татищевой крѣпости, и именно 28 сентября, собралъ совѣтъ, въ составъ котораго были приглашены: оберъ-комендантъ, генералъ-майоръ Валленштернъ, подполковникъ и легкихъ войскъ войсковой атаманъ Могутовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Старовъ-Милуковъ, коллежскіе совѣтники: Мясоедовъ и Тимашевъ, и директоръ пограничной таможи Обуховъ. Совѣщавшіеся положили: 1) у находящихся въ Оренбургѣ конфедератовъ отобрать оружіе и отправить ихъ тотчасъ же по линіи въ безопасныя мѣста, „даже до

* Въ каждой командѣ было: двѣ мушкетерскія роты по 146 нижнихъ чиновъ, 52 егера, 65 драгуновъ и четыре орудія; всего въ трехъ командахъ 1.227 человекъ.

** Въ этомъ отношеніи обвиненіе г. Д. Анучинымъ (см. „Первые успѣхи Пугачева“ *Военн. Сборн.* 1869, № 5) Рейнсдорла, будто онъ не сообщалъ никому о происшествіяхъ на Яикѣ, совершенно несправедливо.

Троицкой крѣлости,* гдѣ велѣть содержать ихъ подѣ строгимъ смотрѣніемъ; 2) всѣ мосты чрезъ Сакмару разломать и „комаяги“ сжечь или разломавъ лустить внизъ по рѣкѣ, дабы непріятель употребить ихъ для себя не могъ; 3) севтовскихъ Татаръ, жившихъ въ особой слободѣ, извѣстной подѣ именемъ Каргалы, взять всѣхъ въ городѣ и „велѣть имъ по партіямъ переѣзжать“, причемъ тѣхъ которые имѣютъ оружіе, подчинить коллежскому совѣтнику Тимашеву, а безоружныхъ употреблять для тушенія пожаровъ; 4) привести въ исправное состояніе артиллерію, снабдить ее всѣмъ необходимымъ и поручить въ полное распоряженіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Старова-Милюкова, бывшаго прежде полковникомъ артиллеріи; 5) разночинцамъ имѣющимъ ружья назначить мѣста для обороны крѣлости, а безоружныхъ опредѣлить для тушенія могущаго случиться внезапно пожара. Первыхъ подчинить оберъ-коменданту, въ помощь которому назначенъ коллежскій совѣтникъ Мясоѣдовъ, а безоружныхъ подчинить директору таможенъ Обухову; 6) „вслѣдствіе того, г. оберъ-коменданту дать строжайшіе приказы чтобы никто отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ кто назначенъ, хотя бы гдѣ и пожаръ увидѣли, отаудъ не отлучались, а буде кто отлучится, того въ страхъ другимъ застрѣлить, и 7) всѣ слабыя мѣста города которыя требуютъ укрѣпленія велѣть вышерѣченному статскому дѣйствительному совѣтнику Старову-Милюкову тотчасъ осмотрѣть и есабы къ перелазу способныя усмотрѣны были, оное къ предостереженію надлежащимъ образомъ учредить“.*

Послѣднее было особенно необходимо потому что укрѣпленія Оренбурга были въ весьма плохомъ состояніи. Правда что въ Петербургѣ считали Оренбургъ крѣпостью, построенною по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства и вооруженною 70 орудіями разныхъ калибровъ. Укрѣпленія Оренбурга состояли изъ десяти земляныхъ бастіоновъ и двухъ полу-бастіоновъ, примыкавшихъ къ крутому, правому берегу рѣки Яика. Между бастіонами было устроено четыре выхода изъ города: сѣверный или главный на Казанскую или Новомосковскую дорогу; восточный на Егорьевскую слободу, находившуюся тотчасъ за городскимъ рвомъ, и два западныхъ

* Постановленіе совѣта приложенное къ рапорту Рейнсдорпа въ военную коллегію отъ 28 сентября. Архивъ Главнаго Штаба, кн. № 1.

выхода: одинъ на Мѣшовой дворъ за рѣвкой Ликомъ, а другой по дорогѣ на Чернорѣченскую крѣпость. Таковъ былъ планъ крѣпости, для постройки которой одиннадцать лѣтъ жили въ Оренбургѣ инженерные генералъ-майоры: сначала Этингеръ, а потомъ Дирисевъ, успѣвшіе дать камнемъ только три бастіона, а остальные не были даже окончательно насыпаны. Забота ихъ о скорѣйшемъ приведеніи работъ къ окончанію была такъ мала что ровъ окружающій городъ былъ настолько заваленъ пескомъ, глинаю и землей что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ туземцы переѣзжали его на телегахъ, въ другихъ, — верхами, и только тамъ мезья было пробраться въ городъ, гдѣ ко рву прилежала каменная стѣна. Ровъ не былъ обнесень ни рогатками, ни палисадомъ, а въ крѣпостныхъ воротахъ не было затворовъ. *

Въ такомъ видѣ крѣпость не могла оставаться въ ожиданіи прибытія мятежниковъ, и потому тотчасъ же приступлено къ очищенію рва, къ устройству въ разныхъ мѣстахъ рогатокъ, и рѣшено городскія ворота завалить навозомъ. Съ этою цѣлью „у каждыхъ воротъ варочно навозъ былъ заготовленъ“; но вскорѣ распоряженіе это было отмѣнено, какъ неудобное и затруднительное.

Тогда же приведена была въ извѣстность численность защитниковъ, между которыми и распределены пункты обороны города. При этомъ оказалось что со всевозможными ватажками для защиты Оренбурга можно было собрать 2.906 человекъ, ** изъ которыхъ собственно регулярныхъ солдатъ было только 174 человекъ ***, гарнизонныхъ 1.314 человекъ, рекрутъ 105, казаковъ 467, Татаръ 350 и отставныхъ солдатъ вмѣстѣ съ обывателями 496 человекъ. Изъ этого числа гарнизонные солдаты были по преимуществу люди престарѣлые и плохо вооруженные, рекруты только-что собраны и необучены, Татары ненадежны, отставные солдаты калѣки, а обыватели вовсе не вооружены. Что же касается большей

* Рукописная книга № 559 изъ собранія гр. А. Уварова. Письмо Федора Сукина петербургскому губернатору отъ 25 ноября 1773.

** Къ этому числу надо прибавить 82 человекъ артиллерійскихъ инженерныхъ служителей, которыхъ было далеко недостаточно для дѣйствія изъ орудій.

*** Александровскаго пѣхотнаго полка 134 человекъ и 40 человекъ прибывшихъ съ арестантами изъ Архангельской губерніи.

части офицеровъ, говоритъ современникъ, „то о томъ лучше я умолчу“.*

Съ такимъ гарнизономъ, состоявшимъ изъ стариковъ, людей неподвижныхъ или не бывавшихъ на войнѣ, Рейнсдорлу трудно было выдти въ поле, и безъ обоза, съ плохимъ вооруженіемъ дѣйствовать противъ коннаго непріятеля, не имѣющаго точно опредѣленной цѣли и быстро возраставшаго въ численности своихъ силъ.

Почти ежедневно въ Оренбургѣ получались извѣстія что сосѣднія селенія ивородцевъ принимаютъ сторону мятежниковъ, а 30 сентября было получено донесеніе коменданта Верхне-Озерной дистанціи бригадира Корфа, о замѣшательствѣ между находящимися на службѣ Калмыками, которые, по его словамъ, самовольно уходятъ съ форпостовъ. Генералъ Рейнсдорлъ предложилъ Корфу собрать съ форпостовъ всѣхъ людей и орудія въ Верхне-Озерную крѣпость, гарнизонъ Пречистенской крѣпости съ орудіями отправить въ Оренбургъ, а находящимся въ его дистанціи конфедератамъ „толковать если они противъ непріятеля съ ревностію поступать будутъ и усердіе свое въ вѣрности докажутъ, то объ отлукѣ ихъ въ отечество къ ея императорскому величеству представлено будетъ“.**

При такихъ условіяхъ оренбургскій губернаторъ совершенно основательно оцѣнилъ значеніе Оренбурга и важность удержанія его за собою, но рѣшившись защищать городъ, Рейнсдорлъ сдѣлалъ большую ошибку что не обезлечилъ жителей провіантомъ, который, по словамъ Рычкова, оставался въ брошенной Чернорѣченской крѣпости и сверхъ того могъ быть закупаемъ у окрестныхъ обывателей, въ теченіе нѣсколькихъ дней свободно пріѣзжавшихъ въ городъ „съ хлѣбомъ и со всякимъ харчемъ“***

Если затѣмъ оренбургскій губернаторъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей этой эпохи, и не подлежитъ упреку относительно военныхъ мѣръ имъ принятыхъ, то

* Письмо Федора Сукина отъ 25 ноября 1773 г.

** Экстрактъ происшествій въ Оренбургѣ, приложенный къ донесенію Рейнсдорла Сенату отъ 25 ноября 1773 г. Архивъ кабинета ея императорскаго величества особое дѣло о Пугачевѣ.

*** Лѣтопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевскаго бунта* А. С. Пушкина.

политическія его дѣйствія ниже всякой критики: это рядъ ошибокъ послужившихъ къ усиленію Пугачева.

Скрывая весьма долгое время отъ жителей истинное положеніе дѣлъ, Рейнсдорлъ лишилъ ихъ возможности заластись продовольствіемъ и далъ пищу различнаго рода толкамъ особенно успавшимся съ появленіемъ въ городѣ агента самозванца.

Послѣ овладѣнія Чернорѣченскою крѣпостью Пугачевъ отправилъ въ Оренбургъ захваченнаго въ Чернорѣчѣ отставнаго сержанта Ивана Костицына и находившагося въ Разсылной крѣпости ссыльнаго Семена Демидова. Онъ поручилъ имъ подговорить жителей чтобы сдались безъ сопротивленія и если представится случай, то убить губернатора. Подѣхавъ къ Оренбургу, Демидовъ изъ боязни вернулся обратно въ ставъ самозванца и „сказалъ ложно что въ городѣ былъ и уговаривалъ жителей, но они на то не соглашались“, * а сержантъ Костицынъ пробрался въ городъ и пока его схватили, успѣлъ поработать въ пользу мятежниковъ.

По городу стали ходить слухи что Пугачевъ не простой казакъ, а „другаго состоянія“ и что Петръ III дѣйствительно живъ и успѣлъ скрыться изъ Петербурга. Для разсѣянія этихъ толковъ Рейнсдорлъ приказалъ оренбургской губернской канцеляріи написать воззваніе къ жителямъ, которое, въ воскресенье, 30 сентября, и было прочтано во всѣхъ церквяхъ, по окончаніи службы.

Воззваніе это было слѣдующаго содержанія: **

„По указу ея императорскаго величества, изъ Оренбургской губернской канцеляріи публикація.

„Извѣстно учинилось что, о злодѣйствующемъ съ людской стороны, въ здѣшнихъ обывателяхъ, по легкомыслію нѣкоторыхъ разгласителей, носится слухъ, якобы оъ другаго состоянія нежели какъ есть; но оъ злодѣйствующій въ самомъ дѣлѣ бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, который за его злодѣянія наказанъ кнутомъ, съ поставленіемъ на лбу его знаковъ; но, чтобъ онъ въ томъ познанъ не былъ, для того передъ предводителемъствуемъ имъ никогда шапки не снимаетъ, почему нѣкоторые изъ здѣшнихъ, бывшихъ у

* Показаніе ссыльнаго Семена Демидова. Госуд. Арх. VI д., № 467.

** Лѣтопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевского бунта* соч. А. С. Пущкина.

него въ рукахъ, самовидцы, изъ которыхъ одинъ солдатъ Демидъ Куликовъ, вчера выбѣжавшій, точно засвидѣтельствовать можетъ. А какъ онъ Пугачевъ съ измѣнническою его толпою, по учиненіи нѣкоторымъ крѣпостямъ вреда, сюда идетъ, то по причинѣ того ложнаго разглашенія всѣмъ здѣшнимъ обывателямъ объявляется что вслѣдъ самъ изъ поступковъ можетъ помять что онъ Пугачевъ злодѣи и какъ изверженный отъ честнаго общества, старается върноподанныхъ ея императорскаго величества честныхъ рабовъ доколебать и свергнуть въ бездну погибели, а при томъ имѣніемъ ихъ обогатиться, какъ то онъ въ разоренныхъ мѣстахъ и дѣлаетъ. Въ предвареніе чего всякій увѣщается: во время наступленія его съ измѣнническою толпою стараться, для сохраненія общества, дому и имѣнія своего, стоять противъ толпы его до послѣдней капли крови своей, такъ какъ върноподаннымъ ея императорскаго величества рабамъ надлежитъ и присяжная каждаго должность обязуетъ, и отнюдь никакимъ ложнымъ разглашеніемъ не вѣрять.“

Одновременно съ чтеніемъ этой публикаціи въ церквахъ, губернаторъ поручилъ оберъ-коменданту объявить ее и войскамъ, съ подтвержденіемъ чтобы каждый добросовѣстно исполнялъ „присяжную свою должность“ и съ назначеннаго ему мѣста до послѣдней капли крови не отступалъ. Вся войска были разставлены вдоль оборонительной линіи укрѣпленій раздѣленной на семь участковъ, причемъ къ каждому изъ 70 орудій было назначено по 5 человекъ прислуги. *

Публикація губернской канцеляріи не усложнила населенія, а напротивъ того разъяснила ему всю угрожающую опасность, для устраненія которой войскъ было недостаточно и жители призывались къ самозащитѣ. Съ другой стороны „публикація“ послужила въ пользу Пугачева, не имѣвшаго на лицѣ вложенныхъ знаковъ скрываемыхъ подъ шалкой. Оренбургскіе жители, показывая въ послѣдствіи Пугачевъ, ** „твердили часто что я Пугачевъ и бѣглый казакъ, однако же мои не вѣрили и говорили противное. Тутъ же говорено было, да и письменно звать даю что будто я битъ каутомъ

* Репортъ Рейнсдорпа военной коллегіи отъ 25 ноября 1773 г. Арх. Главн. Штаба. Книга №2. „Секретныя бумаги и манифесты Пугачева.“

** Показаніе Пугачева 16 сентября 1774 г. Госуд. Арх. VI д. № 508.

и рваны моздри, а какъ оного никогда не было, то сіе не только въ толгѣ моей разврату не причинило, но еще увѣреніе вселяло, ибо у меня моздри цѣлы и потому еще больше вѣрили что я государь“.

Такимъ образомъ Рейндорпъ сдѣлалъ важную ошибку допустивъ ложь въ отолъ серьезномъ дѣлѣ, но ошибка эта была не единственная и вслѣдъ за чтеніемъ лубликаціи была сдѣлана вторая. По совѣту коллежскихъ совѣтниковъ Масловъ и Тамашева, губернаторъ поручилъ послѣднему потребовать осмысленно-калужскаго Хлопушу къ себѣ въ домъ, куда и самъ вскорѣ пріѣхалъ. * Хлопуша былъ человѣкъ лѣтъ двадцать воровавшій и разбойничавшій въ предѣлахъ Оренбургской губерніи, человѣкъ съ вырванными моздрами, съ поставленными на лицѣ знаками, два раза бѣгавшій изъ Сибири, четыре раза битый кнутомъ и наконецъ содержавшійся скованнымъ по рукамъ и ногамъ въ Оренбургскомъ острогѣ **.

* О началѣ лужскихъ неспокойствъ, записка Обухова. Рукописная книга изъ собранія гр. А. Уварова № 559.

** Родившійся въ сел. Мотковичъ, Тверской губерніи, Хлопуша былъ крестьянинъ вотчины тверскаго архіерея Митрофана и по паспорту жилъ въ Москвѣ, въ извозчикахъ. Познакомившись съ двумя солдатами Коломенскаго полка, онъ вмѣстѣ съ ними былъ пойманъ въ воровствѣ серебряныхъ вещей. Назвавшись въ допросѣ бѣглымъ солдатомъ Черниговскаго полка, Хлопуша былъ отосланъ въ военный кригератъ и по конфирмаціи былъ прогнанъ сквозь строй шесть разъ чрезъ тысячу человѣкъ. Послѣ наказанія Хлопуша былъ отосланъ въ команду къ майору Есаянову, для содержанія съ такими же бѣглыми, откуда чрезъ мѣсяцъ бѣжалъ въ свой домъ, гдѣ и жилъ на свободѣ года съ три. Будучи въ Торжкѣ онъ вымѣнялъ краденую лошадь, былъ оговоренъ и содержался подъ карауломъ. Преосвященный Митрофанъ по просьбѣ крестьянъ заявилъ Тверской провинціальной канцеляріи что Хлопуша человѣкъ весьма дурнаго поведенія и что обыватели не желаютъ принять его къ себѣ въ общество. Хлопуша былъ выслеченъ кнутомъ и отправленъ на жительство въ Оренбургскую губернію. Поселившись въ Бердичской слободѣ, близъ Оренбурга, Хлопуша женился и ходилъ на работу къ коллежскому совѣтнику Тамашеву въ село Никольское, потомъ работалъ на Покровскомъ графа А. И. Шувалова мѣдномъ заводѣ. Узнавъ что съ Ирбитской ярмарки возвращаются четыре Татарина на 6 лошадяхъ съ деньгами и товаромъ, Хлопуша подготовилъ двухъ крестьянъ и вмѣстѣ съ ними отправился на грабежъ.

— Я посылаю тебя, Хаолуша, на службу, говорил Рейндорль;—возьми ты четыре указа и поѣзжай въ толпу Пугачева: одинъ отдай яццкимъ казакамъ, другой яеццкимъ, третій оренбургскимъ, а четвертый самому Пугачеву; разказывай всѣмъ что онъ не государь, и если подберешь партію, то постарайся увести Пугачева въ Оренбургъ.

Хаолуша, конечно, охотно согласился снять съ себя кандалы и получить свободу. Ему были переданы не указы, а увѣщательныя письма, подписанныя различными генералами и штабъ-офицерами. Въ этихъ письмахъ Рейндорль и всѣ подписавшіе ихъ уговаривали казаковъ не вдавая себя въ обманъ и „не ввергаясь въ вящую свою погибель“ отстать отъ самозванца. Чтобы не смѣшать писемъ и звать какое кому адресовано, Хаолуша разложилъ ихъ по разнымъ карманамъ и ночью отправился изъ Оренбурга къ Пугачеву, который не воспользовался, повидимому, выгодами своего близкаго положенія къ Оренбургу и на нѣсколько дней отдался отъ города.

Отъ Черморѣчья до Оренбурга было всего 28 верстъ и еслибы Пугачевъ двинулся прямо, то легко могъ овладѣть городомъ, но заявленіе Демидова что жители Оренбурга не соглашаются его принять, заставило Пугачева подумать объ увеличеніи своихъ силъ и потому онъ охотно принялъ приглашеніе Татаръ Сеитовской слободы побывать у нихъ, а затѣмъ, съ тою же цѣлью увеличенія своей толпы, онъ рѣшился соединиться съ Яццкими казаками, жившими въ Сакмарскомъ городкѣ. Повернувъ въ лѣвую сторону, самозванецъ двинулся степью на Сеитовскую слободу, извѣстную также подъ именемъ Каргаалинской, и тѣмъ далъ возможность жителямъ Оренбурга и его гарнизону приготовиться къ защитѣ.

По дорогѣ къ Каргаалу Пугачевъ разграбилъ многіе хутора, въ томъ числѣ и губернаторскій, только за годъ предъ тѣмъ

Связавъ Татаръ, грабители отняли у нихъ 28 руб. денегъ, 6 бумажныхъ халатовъ, 12 мерлушекъ и шесть лошадей, но въ послѣдствіи были пойманы и Хаолуша вторично былъ наказанъ кнутомъ съ вырваніемъ моздей, съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ и посланъ въ каторжную работу въ Тобольскъ. Изъ Тобольска онъ бѣжалъ съ настрѣиемъ пробраться въ Верду, гдѣ жила его жена, но въ Сакмарѣ былъ пойманъ, третій разъ высѣченъ кнутомъ и отправленъ въ Омскую крѣпость. Черезъ нѣсколько онъ бѣжалъ изъ Омска, былъ опять пойманъ въ Сакмарѣ, высѣченъ четвертый разъ кнутомъ, закованъ въ желѣза и оставленъ въ Оренбургской тюрьмѣ.

построенный, богато отдѣланный и состоявшій изъ 12 прекрасныхъ комнатъ. При хуторѣ была „съ хорошимъ украшеніемъ“ церковь, въ которую Яцкіе казаки и Татары въѣзжали верхомъ на лошадяхъ и разграбили богатую ризницу со всею утварью. Въ послѣдствіи у лопманыхъ матежниковъ находили образа писанные на холстѣ вмѣсто лотниковъ подъ сѣдаами, „а у Раслятія Господня, которое надъ царскими дверьми стояло, усмотрѣвъ гвоздь въ уста пробитый“.

Помѣстившись на нѣсколько часовъ въ губернаторскомъ домѣ и устроивъ здѣсь попойку, Пугачевъ приказалъ перебить всѣ стекла въ окнахъ и зеркалахъ, изрубить стулья, столы, канале и кровати. Шелковыя занавѣски и сукно, которымъ были устланы полы, матежники взяли съ собою. *

— Вотъ, господа, говорилъ самозванецъ смотря на разрушеніе прекраснаго дома, — какъ славно живутъ мои губернаторы, а на что имъ такіе локои когда я самъ, какъ видите, живу просто.

Въ полдень 1 октября Пугачевъ съ своею толпою пріѣхалъ въ деревню Каргалу, гдѣ жители давно приготовились ко встрѣчѣ: на площади разостлали коверъ и поставили ларандный стулъ. Какъ только Пугачевъ подѣхалъ и сталъ слѣзать съ лошади, двое Татаръ подхватили его подъ руки, а всѣ остальные слявъ шалки пали на землю и лежали до тѣхъ поръ пока самозванецъ не слѣз на приготовленный ему стулъ.

— Вставайте, дѣтушки, говорилъ Пугачевъ ободряя жителей, — гдѣ у васъ люди хорошіе (т.е. почтенные представители)?

— Въ Оренбургѣ всѣ забраны, отвѣчали Татары и стали подходить къ самозванцу и цѣловать протянутую имъ руку.

Приглашеніе Татаръ зайти въ ихъ Каргалинскую слободу навело самозванца и его ближайшихъ совѣтниковъ на мысль что и прочіе плородды также добровольно и охотно локолятся ихъ власти. „По мѣстолюбію Овчинникова, говорилъ Пугачевъ, ** и однимъ словомъ всѣхъ Яцкихъ казаковъ и каргалинскихъ Татаръ“ онъ рѣшился отправить указъ Башкирамъ и 1 октября каргалинскій Татаринъ скакалъ въ Башкирію съ указомъ самозванца, слѣдующаго содержанія: ***

* Сказаніе о Пугачевѣ Оренбургскаго священника Ивана Полянскаго. Госуд. Арх. VI д. № 525. Лѣтопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевскаго бунта* А. С. Пушкина.

** Въ показаніяхъ отъ 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI д. № 512.

*** Госуд. Арх. VI д. № 504.

„Я во свѣтъ всему войску и народамъ учрежденный великій государь, явившійся изъ тайнаго мѣста, прощающій народъ и животныхъ въ винахъ, дѣлатель благодѣяній, сладозычный, милостивый, мягкосердечный русскій царь императоръ Петръ Федоровичъ во всемъ свѣтъ вольный, въ усердіи часть и равнаго званія народовъ содержатель и проч. и проч. и проч.

„На семь свѣтъ живущему въ городахъ и крѣпостяхъ мнѣ подданному, благодѣтельному и продержательному народу съ домашними, то-есть съ дѣтьми и женами, объявляется сей мой указъ во всѣхъ сторонахъ, какъ-то: на всѣхъ дорогахъ, мѣстахъ, деревняхъ, на перекресткахъ и улицахъ публикуется.

„За нужное намелъ я желающимъ меня показать и для отворенія на сихъ двѣхъ пространно милостивой моей двери, послать нарочнаго къ башкирской области старшинамъ, деревенскимъ старикамъ и всѣмъ малымъ и большимъ; тѣмъ какъ гостинецъ посылаю мои поздравленія. Заблудившіе и измуренные, въ печали находящіеся, по мнѣ скучавшіе усамша мое имя, ко мнѣ идти, у меня въ подданствѣ и подъ моимъ повелѣніемъ быть желающіе, безо всякаго сомнѣнія идите и какъ прежде сего ваши отцы и дѣды моимъ отцамъ и дѣдамъ же служя выходили противъ злодѣевъ въ походы, проливали кровь, а съ пріятелями была пріятелья, такъ и вы ко мнѣ вѣрно, душевно и усердно, безсомнѣнно къ моему свѣтлому лицу и сладозычному вашему государю, для похода безъ измѣны и премѣненія сердець и безъ криводушія въ подданство и въ мои повелѣнія идите. А особливо первая надежда на Бога на семь свѣтъ, мнѣ вольному вашему государю служя душъ вашихъ не пожалейте, противъ моего непріятеля проливать кровь, когда прикажется быть готовымъ, то изготовьтесь. А что вѣрно я, то для увѣренія васъ своею рукой во всѣ стороны, какъ то и къ вамъ указы посылаю.

„Слушайте! когда на сію мою службу пойдете, такъ и я васъ помилую, а что я вашъ подданныи милостивый государь, признавайте и вѣрьте. Ныиѣ я васъ, вопервыхъ, даже до послѣдка землями, водами, лѣсами, жительствоми, травами, рѣками, рыбами, хлѣбомъ, лашнами, денежнымъ жалованьемъ, свинцомъ и порохомъ, какъ вы желали, пожаловалъ по жизнь вашу и пребывайте такъ, какъ стелые звѣри въ благодѣяніяхъ и продержностяхъ, всѣхъ васъ пребывающихъ на свѣтъ освобождаю и даю волю дѣтямъ вашимъ и внучатамъ вѣчно.

„Повелѣнія мои послушайте и исполните. А что точно вашъ государь самъ идетъ, то съ усердіемъ вашимъ, для

смотря на моего свѣтлаго лица встрѣчу выѣзжайте. А я уловаю на Бога и вамъ подтверждаю отъ такихъ продерзости размышляя на себя сумненія не возлагайте. Когда же кто на приказанія боярскія въ скоромъ времени положась измѣнитъ и повстрѣчается моему гнѣву, то таковые отъ меня благодѣянія уже не ожидайте и милости не просите и къ гнѣву моему прямо не идите. Сіе дѣйствительно Божиимъ именемъ подъ присягою я сказываю, послѣ истинно не прощу.

„Доброжелатель великій императоръ государь Петръ Федоровичъ и царь самъ третій руку приложилъ.

„Сей мой указъ писанъ и скрѣпленъ по исходѣ сентября мѣсяца во вторникъ то-есть въ Покровъ.“ *

Отправивъ этотъ указъ и приказавъ всѣмъ каргалинскимъ Татарамъ приготовиться къ походу, Пугачевъ 2го октября направился къ Сакмарскому городку.

За вѣсколько дней до его прихода была прислана въ городокъ изъ Оренбурга небольшая команда Алексѣевского полка, при двухъ офицерахъ, которымъ атаманъ Довской сдалъ бывшія въ городкѣ четыре пушки, порохъ и боевые заряды, а самъ уѣхалъ въ Оренбургъ. Недостатокъ войскъ въ Оренбургѣ заставилъ Рейнсдорла вытребовать эту команду обратно, приказавъ всѣмъ престарѣлымъ и малолѣтнимъ казакамъ съ семействами переселиться въ Красногорскую крѣпость, а атаману Довскому со служащими казаками, оставивъ только въ городкѣ 20 человекъ для почтовой гоньбы, идти въ Оренбургъ. Такъ какъ атамана Довского не было въ городкѣ, то оставшійся послѣ него старшимъ есауломъ Яковъ Крушинъ собралъ къ себѣ престарѣлыхъ казаковъ и приказалъ имъ приготовиться къ переселенію съ семействами въ Красногорскую крѣпость.

— Зачѣмъ намъ туда идти? говорили казаки:—пойдемъ лучше въ Оренбургъ.

Казаки просили Крушина съѣздить въ Оренбургъ и испросить на то позволеніе губернатора. Возвратившись въ тотъ же день обратно, Крушинъ объявилъ что ему приказано забрать изъ города порохъ, всѣ снаряды и идти въ Оренбургъ только со служащими казаками.

* На конвертѣ было написано: „Между народомъ красивый и сладкоязычный сей написанный указъ, отъ высоковременнаго и высокопочтеннаго, величайшаго императора и царя Петра Федоровича съѣздуетъ въ Башкирскую область.“

— А вы какъ хотите, говорилъ онъ старикамъ,—буде желаете, то идите въ Красногорскую крѣпость, а если не желаете, то оставайтесь дома.

Положивъ орудія и припасы на подводы и взявъ всѣхъ служащихъ казаковъ, Крушинъ отправился въ Оренбургъ, а для почтовой гоньбы и управленія престарѣлыми и малолѣтками оставилъ станичнаго писаря Ивана Бородина.

Въ ночь съ 1го на 2е октября пріѣхали въ Сакмарскій городокъ нѣсколько человекъ лицкихъ казаковъ, въ томъ числѣ Максимъ Шигаевъ и Петръ Митрасовъ, шурина Домскаго. Остановившись въ домѣ атамана, они поручили Дмитрію Домскому, отцу атамана, собрать къ себѣ народъ. Увидѣвъ въ числѣ собравшихся священника Ивана Михайлова, Шигаевъ и Митрасовъ обратились прежде всего къ нему.

— Здравствуй, батюшка, говорили они,—мы пріѣхали къ вамъ съ указомъ отъ государя.

— Государь скончался, замѣтилъ священникъ.

— Врешь, батька, онъ живъ, а вмѣсто него погребенъ другой; вотъ и указъ его читай.

— Я плохо вижу, отвѣчалъ священникъ.

Тогда прибывшіе предложили прочесть указъ писарю Бородину. Подъ предлогомъ глазной болѣзни Бородинъ также отказался отъ чтенія и бумага эта была передана жившему въ Сакмарскомъ городкѣ отставному солдату Степану Подхидимову. По прочтеніи манифеста, въ которомъ требовалось чтобы всѣ были локораны и служили императору Петру III, лицкіе казаки уѣхали, предупредивъ народъ что завтра будетъ въ городокъ самъ государь.

На утро 2го октября пріѣхало въ Сакмарскъ человекъ 30 казаковъ и объявивъ собравшемуся у станичной избы народу что государь Петръ Федоровичъ съ арміею слѣдуетъ въ городокъ, требовали чтобы населеніе встрѣтило его съ хлѣбомъ-солью. Сакмарцы повиновались. Полкъ Иванъ Михайловъ взялъ крестъ, дьячокъ Максимъ Федоровъ образъ, а старики-казаки хлѣбъ-соль и въ сопровожденіи толпы пошли за городъ до околицы, гдѣ на избранномъ мѣстѣ разостлали кошму (войлокъ), поставили на ней столъ, положили на немъ хлѣбъ-соль, а для самозванца поставили стулъ. Какъ только показался Пугачевъ, вѣхавшій верхомъ, населеніе сняло шапки, а когда сталъ сходить съ лошади, то всѣ лази на землю. Самозванецъ приложился ко кресту, поцѣловалъ хлѣбъ-соль и сѣлъ на стулъ.

— Вставайте, дѣтушки, пропавшесь Пугачевъ и протянулъ свою руку, которую Сакмарцы, подходя поочередно, съ почтениемъ цѣловали.

— Гдѣ ваши казаки? спросилъ самозванецъ.

— Одни на службѣ, а другіе забраны въ Оренбургъ, отвѣчалъ ему, — а для почтовой гоньбы оставлено двадцать человѣкъ, да и тѣхъ здѣсь нѣтъ.

— Чтобы были, сказалъ строго Пугачевъ обращаясь къ священнику; — для того тебѣ приказываю что ты священникъ и атаманъ, а если не смычете, то только и жить будете.

По окончаніи цѣлованія руки, Пугачевъ сѣлъ опять на лошадей и при колокольномъ звонѣ отправился въ городокъ, и прямо въ церковь, гдѣ священникъ Михайловъ служилъ молебень и упоминалъ имя императора Петра III. Послѣ молебна самозванецъ отправился въ домъ атамана, а большая часть его толпы, переправившись чрезъ рѣку Сакмару по мѣсту, расположилась лагеремъ недалеко отъ городка.

Старикъ Дмитрій Довской, отецъ атамана, приготовилъ обѣдъ для Пугачева и его приближенныхъ.

— Еслибы сынъ твой, говорилъ ему самозванецъ, — былъ здѣсь и при своей командѣ, то обѣдъ вашъ былъ бы высокъ и честенъ, но хлѣбъ-соль твоя помрачилась. Сынъ твой какой атаманъ если свое мѣсто покинулъ?

Сытно пообѣдавъ, и льяный конечно, Пугачевъ хотѣлъ было достойнымъ образомъ отблагодарить хозяина. Онъ приказалъ взять Дмитрія Довскаго и повѣсить за шиворотъ сына, но приближенные испросили помилованіе и старикъ отдался тѣмъ что былъ закованъ и посаженъ въ ставичную избу; домъ же атамана былъ разграбленъ. Самозванецъ отправился въ лагерь гдѣ и ночевалъ. На другой день толпа задержала въ разныхъ мѣстахъ трехъ человѣкъ посланныхъ изъ Оренбурга для разузнанія о самозванцѣ. Пугачевъ приказалъ ихъ повѣсить, а вслѣдъ затѣмъ ему доложили о прибытіи изъ Сакмарска казаковъ оставленныхъ для почтовой гоньбы. Самозванецъ обошелся съ ними ласково и приказалъ имъ присоединиться ко своей толпѣ. *

* Показанія священника гор. Сакмары Ивана Михайлова, сотника Тимофея Падурова 10 мая 1774 г. и ставичнаго писара Ивана Бородинна 18 мая 1774 г. Госуд. Арх. VI д., № 467 и 506. Показаніе крестьянина села Богородскаго Алексея Кириллова 7 октября 1773 г. Архивъ Главн. Штаба. Кн. № 1, листъ 49.

— Сколько изволите приказать взять съ собою провіанта? спрашивали казаки.

— Возьмите съ собою краюшку хлѣба, отвѣчалъ Пугачевъ, — вы проводите меня только до Оренбурга.

Отпустивъ казаковъ обратно въ городокъ для приготовленія къ походу, Пугачевъ остался съ Шигаевымъ и средъ разговора замѣтилъ что къ нимъ приближается человекъ съ вырванными поздравляющими и оставленными на лицѣ знаками. То былъ Хлолуша.

Выйдя ночью изъ Оренбурга и зная гдѣ искать самозванца, Хлолуша направилася въ свою родную слободу Берду и на дорогѣ встрѣтилъ со знакомымъ ему кузнецомъ Сидоромъ.

— Не знаешь ли гдѣ стоитъ Пугачевъ? спросилъ оный кузнецъ.

— Онъ стоитъ на Старицѣ рѣкѣ Сакмары, на самомъ берегу, отвѣчалъ Сидоръ, а чтобы тебѣ примѣтно было, то увидишь повѣшенныхъ трехъ человекъ.

Хлолуша отправилася по указанію и подойдя къ Пугачеву и Шигаеву, поклонилася.

— Ты что за человекъ и откуда? спросилъ самозванецъ.

— Это ваше величество Хлолуша, самый бѣдный человекъ, оказалъ Шигаевъ, судившій съ каторжникомъ въ одномъ острогѣ въ Оренбургѣ, когда судились яцкіе казаки.

Хлолуша подалъ Пугачеву всѣ четыре лагета даваемые ему Рейнсдорпомъ. Самозванецъ приказалъ положить ихъ къ себѣ на столъ и накормить Хлолушу, а самъ отправился съ молодыми казаками въ отель, на скачку и джигитовку. Возвратившись въ свою кабитку Пугачевъ потребовалъ къ себѣ Хлолушу.

— Кто ты и откуда? повторилъ самозванецъ свой вопросъ.

— Я оренбургскій смыльный и прислалъ къ тебѣ отъ оренбургскаго губернатора, съ тѣмъ чтобы въ толгѣ вашей людямъ отдать указъ, коимъ повелѣно чтобы отъ тебя народъ отсталъ и пришелъ къ ея величеству съ повинною, да и тебя бы изловили. Мнѣ приказано также чтобы у тебя сжечь порохъ и заклепать пушки, но я этого ничего дѣлать не хочу, а желаю послужить вамъ вѣрою и правдой.

— Развѣ лучше тебя, говорилъ шута Пугачевъ, — не кого было губернатору послать?

— И ваше величество этого не знаю, отвѣчалъ Хлолуша.

— Знать у губернатора только и дѣло что людей бить кнутомъ да поздравлять.

Самозванецъ приказалъ своему секретарю Почтаиду по-
дать ему пакеты привнесенныя Хлопушею, распечаталъ ихъ
и показывая видъ будто читаетъ, повертывалъ предъ глазами,
а затѣмъ приказалъ разорвать и бросить въ огонь.

— Что же ты, Хлопуша, спросилъ Пугачевъ,—въ Оренбургъ
хочешь ѣхать обратно или у меня остаться служить?

— Зачѣмъ мнѣ батюшка въ Оренбургъ ѣхать, а желаю вашему
величеству служить.

— Пошло, ты подославъ къ намъ, говорилъ Овчинниковъ,—
и подмѣта все, уйдешь отсюда. Лучше скажи правду, а то
попысьмъ.

— Я всю правду сказалъ, отвѣчалъ Хлопуша.

— Есть ли же у тебя деньги? спросилъ самозванецъ.

— Четыре аатья только.

Пугачевъ вынулъ изъ кармана 7 рублей, отдалъ ихъ Хло-
пушѣ чтобы оны купилъ себѣ платье.

— Какъ удержишь, сказалъ оны,—приходи опять ко мнѣ,
также скажи когда не будетъ у тебя хлѣба.

Хлопуша поблагодарилъ и вышелъ, а Овчинниковъ совѣ-
товалъ Пугачеву не доверять словамъ присланнаго.

— Воля твоя, говорилъ оны,—прикажи его похѣсать; оны
лаутъ, уйдетъ и все что здѣсь увидитъ, тамъ перескажетъ,
а притомъ и людей нашихъ станетъ подговаривать.

— Пусть его бѣжить и скажетъ, въ этомъ худаго нѣтъ;
безъ одного человѣка армія пуста не будетъ.

Пугачевъ приказалъ только первое время слѣдить за всѣ-
ми дѣйствіями Хлопуши и какъ доносъ не было, то оны ско-
ро былъ освобожденъ ото всякаго надзора.*

Двигался сначала на Каргаинскую слободу, а потомъ на
Сакмарскій городокъ, Пугачевъ, какъ человѣкъ вовсе незна-
комый съ географическимъ положеніемъ этихъ пунктовъ,
имѣлъ въ виду одну цѣль: увеличить свою толпу. Каргаин-
ская слобода „имѣющимъ въ ней дворовымъ числомъ“ рав-
нялась Оренбургу** и слѣдовательно не воспользоваться при-
глашеніемъ столь значительнаго населенія значило отка-
заться отъ увеличенія своихъ силъ по крайней мѣрѣ 500

* Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Хлопуши 10 мая
1774 г. Госуд. Арх. VI д., № 467 и 512.

** Лѣтопись Рычкова въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевскаго бун-
та* А. С. Пушкина § 24.

человѣкъ. Вблизи Каргаалинской слободы находилась Сакмарскій городокъ населенный 250—300 лицами казаковъ, отъ содѣйствія которыхъ отказаться также было невозможно, потому что все это были люди наиболее надежные, лучший контингентъ тоалы матаевиковъ. *

Все это привело Пугачева въ Сакмарскій городокъ, но когда онъ занялъ его, то все-таки не замѣтилъ что кромѣ комплектованія тоалы, приобрѣтались весьма важныя выгоды. Матаевики овладѣли обоими берегами р. Сакмары и тѣмъ отрѣзали Оренбургъ отъ Россіи, лишили его возможности снабдить себя продовольствіемъ и тогда уже поставили городъ почти въ блокадное положеніе. Изъ Сакмарска можно было сдѣлать за подкрѣпленіями идущими къ Оренбургу, какъ съ Самарской линіи и Московской дороги, такъ съ Верхне-Яицкой линіи и изъ Сибари. Еслибы Пугачевъ и его сообщники поняли важное стратегическое положеніе Сакмарскаго городка, то для обезпеченія своего тыла оставили бы въ немъ часть своихъ силъ и подъ прикрытіемъ этого отряда могли свободно дѣйствовать подъ Оренбургомъ. Но двигатели матаежа поступили иначе; они забрали съ собою изъ Каргаалы и Сакмарска все населеніе способное носить оружіе и оставили въ этихъ пунктахъ однихъ престарѣлыхъ и дѣтей. **

Собираясь идти къ Оренбургу и желая подготовить себѣ нѣкоторый успѣхъ, Пугачевъ отправилъ въ городъ два указа, изъ коихъ одинъ былъ на имя губернатора, а другой на имя оренбургскаго атамана, подполковника Могутова. Самозванецъ обманывалъ атамана что за вѣрность и службу

* О каргаалинскихъ Татаряхъ и сакмарскихъ казакахъ Пугачевъ свидѣтельствуеетъ что это были лучшіе дѣтаны въ его шайкѣ и „во все время его злодѣяній безотлучны“. См. показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI д, № 512.

** Говора о занятіи Сакмарскаго городка мы не можемъ согласиться со словами Д. Алучица (*Военн. Сборн.* 1869 г. № 5, 31) будто „Пугачевъ дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ военнымъ тактомъ“. Можно ли допустить военный тактъ и соображенія у человѣка незнающаго карты, не имѣющаго никакого понятія о мѣстности, спрашивающаго у своихъ приближенныхъ куда идти, что дѣлать и гдѣ находится указываемый ему пунктъ. Если самозванецъ имѣлъ военный тактъ и сознавалъ важное значеніе Сакмарскаго городка, то почему онъ не воспользовался его значеніемъ, не укрѣпилъ его и не оставилъ въ немъ надежнаго гарнизона.

загражденъ будетъ кафтаномъ, рѣсками, озерами, бородой, крестомъ и пр. Воззвание же къ губернатору было слѣдующаго содержания:

„Сей мой именной указъ Оренбургской губернской канцеляріи и гослодину губернатору Рейнздоргу и рядовымъ казакамъ и всякаго званія людямъ мое именное повелѣніе.

„Какъ дѣды и отцы ваши служили предкамъ моимъ такъ и вы послужите мнѣ великому государю вѣрно и неизмѣнно до капли своей крови, а какъ я къ Оренбургу къ городу прибуду, такъ все съ усердіемъ могаи соответствовать достойно лицу моему. Второе когда вы исполните мое именное повелѣніе и за то будете жалованы чинами и нарядки ваши рякою и землею и травами и морями и денежными жалованьемъ и хлѣбнымъ провіантомъ и свинцомъ и порохомъ и вѣчною вольностію и повелѣніе мое исполните со усердіемъ моего государя встрѣчайте, то совершенно меня за оное пріобрѣсти можете къ себѣ мою монаршую милость. А ежели вы моему указу противиться будете, то въ скорости восчувствуете на себѣ праведный гнѣвъ мой и власти Всевышняго создателя нашего и гнѣва моего избѣгнуть не можете. Никто тебя (губернатора) отъ сильныя нашей руки защитить не можетъ.“ *

Въ отвѣтъ на это изъ Оренбурга былъ отправленъ 2 октября подписанный многими лицами указъ слѣдующаго содержания: **

„Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской.

„Находящимся при самозванцѣмъ людскимъ и плеткимъ казакамъ.

„Къ крайнему всякаго прискорбію оказались вы въ такомъ состояніи что забывъ страхъ Божій и учиненную во вѣрности Ея Императорскому Величеству присягу, повѣра лестному и совѣсьмъ на ажи основанному представленію самозванца,

* Архивъ главнаго штаба. Книга № 1, листъ 71.

** Указъ этотъ подписали: Иванъ Рейнсдорпъ, Карлъ Валленгеръ, Василій Старовъ-Милуковъ, Петръ Рычковъ, Иванъ Масюдовъ, Иванъ Тимашевъ, подполковникъ Василій Могутовъ, Михайло Ушаковъ, артиллеріи майоръ Иванъ Норовъ, баталіонный командиръ премьеръ-майоръ Францъ Даллеровскій, баталіонный командиръ Федоръ Шкалскій, майоръ Василій Молоствовъ и баталіонный командиръ секундъ-майоръ Иванъ Скирмантовъ.

отвѣщаясь на такое званіе и богомерское дѣло, о коемъ всякъ разумъ шиблющій безъ внутренняго содроганія пробить не можетъ, что вы приставъ къ нему какъ ослабленные погружаете себя у Бога и у дѣлаго свѣта во глубину погибели. Но какъ таковымъ должно на послѣдокъ придти во свѣтъ разума и самого себя познаніе, то васъ все здѣшнее общество притязано увѣщиваетъ отъ всякъ производимыхъ вами злыхъ дѣлъ совершенно отстать и быть на свѣтѣ человѣками. А какъ вы очень важное преступленіе уже учинили, то вотъ вамъ къ утоленію вышочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва средство: реченнаго самозванца постараться поймать и представить, черезъ что можете удостить себя въ томъ вашемъ злодѣяніи здѣшняго у Ея Императорскаго Величества предостательства, которое конечно учинить не оставлено будетъ. А ежели сердце ваше такъ ожесточилось что сіе увѣщаніе не проникнетъ, то остается непремѣнно погибать вамъ, какъ во семь вѣкъ, такъ и въ будущемъ. При чемъ дается вамъ знать что упомянутый самозванецъ бѣглый изъ Казани донской казакъ именемъ Емельявъ Пугачевъ, который предъ симъ въ равномѣрномъ злодѣяніи въ Астраханской губерніи жойманъ и жестоко наказанъ былъ, слѣдовательно такому человѣку, который честнаго общества извержень, мерзить и удаляться должно.^а

Конечно переписка эта осталась безо всякихъ послѣдствій, и 3 октября передовые толпы мятежниковъ показались въ виду Оренбурга почти въ то самое время когда отрядъ майора Наумова втягивался въ городъ.

Будучи отправленъ полковникомъ Симоновымъ въ погоню за Пугачевымъ и имѣя въ своемъ отрядѣ 246 человѣкъ пѣхоты и 378 казаковъ, * Наумовъ двинулся впередъ по Яику. Не догнавъ мятежниковъ и получивъ по дорогѣ извѣстіе о значительномъ увеличеніи толпы самозванца, Наумовъ предпочелъ переправиться на противоположномъ берегу рѣки Яика и прямо степью направился къ Оренбургу. Прибытіе Наумова было встрѣчено жителями съ большимъ восторгомъ и по словамъ Рейнсдорпа „Оренбургская крѣпость, въ случаѣ атаки, въ состояніе пришла.“ **

Н. ДУБРОВИНЪ.

* Экстрактъ изъ журнала веденнаго въ Оренбургъ и представленнаго Рейнсдорпомъ Сенату при рапортѣ отъ 25 ноября. Рапортъ Симонова Сенату 12 октября 1773 г. Госуд. Арх. VI д. № 504.

** Тамъ же.

ЕГИПЕТСКІЙ ГОЛУБЬ

РАЗКАЗЪ РУССКАГО

Рукопись эту я получилъ недавно. Авторъ ея скончался около года тому назадъ въ своемъ пѣтѣи. Онъ поручилъ одному изъ своихъ родственниковъ передать ее мнѣ вмѣстѣ съ другими отрывками изъ своихъ воспоминаній. Хотя мы съ покойнымъ Ладневымъ друзьями не были и встрѣтилъ я его въ жизни моей всего два раза, но обѣ эти встрѣчи были самыя благопріятныя для сближенія. Я не стану подробно описывать ни нашего перваго знакомства въ томъ самомъ Константинополѣ гдѣ начинается его разказъ, ни нашего втораго свиданія на Дунаѣ. Между этими двумя встрѣчами прошло около десяти лѣтъ, и Ладневъ за это время совсѣмъ измѣнился: онъ постарѣлъ и сталъ очень печаленъ.

Въ письмѣ его родственника, между прочимъ, сказано вотъ что: „Покойный незадолго до смерти своей, чувствуя себя нездоровымъ, однажды отперъ ящикъ своего письменнаго стола, показалъ мнѣ эту рукопись и сказалъ: „Когда я умру, пожалуста ложи это К. Н. Ему это доставить удовольствіе, и напиши что я даю ему право даже и напечатать этотъ разказъ. Пусть вспомнитъ онъ наши долгія бесѣды на лалубѣ дунайскаго парохода *Собія* и наши прогулки зимними днями по улицамъ Царьграда“.

Ладневъ угадалъ! Я вспомнилъ очень многое!...

Быть-можетъ я рѣшусь прибавить еще нѣсколько словъ и отъ себя въ заключеніе разказа.

I.

Когда я жилъ въ Адрианополѣ, въ Турецкомъ (восхитительномъ для меня) кварталѣ, на моемъ дворѣ, въ углу у высокой и сырой стѣны было большое персиковое дерево. Оно росло у самого окна моей маленькой гостиной, и на вѣткахъ его часто ворковалъ голубь.

Люди мнѣ сказали что это не простой голубь, а египетскій. И въ самомъ дѣлѣ, я помню голубя этотъ не бывъ синеватымъ какъ обыкновенные голуби, а больше былъ похожъ цвѣтомъ на горлицу. Воркованье его было тоже иное, короткое, густое и съ какимъ-то особымъ внезапнымъ возгласомъ который мнѣ казался исполненнымъ томительной любви и почти болѣзненной радости.

Солнце поутру вставало съ той стороны гдѣ росъ подъ окномъ персикъ и гдѣ тосковалъ и радовался воркуя мой голубь. Какъ часто это солнце утромъ освѣщало яркимъ свѣтомъ мою гостиную, въ остальное время для темную и прохладную! Я входилъ въ нее рано; голубь изъ-за окошка приветствовалъ меня своимъ милымъ приветствіемъ. Я задегивалъ западѣски, садился на длинный, кругомъ всей комнаты диванъ мой, локрытый простою и темною матеріей, задумывался, глядѣлъ на стѣны и деревянный рѣзной потолокъ асидваго цвѣта съ бѣлыми бордюрами и клѣточками, въ которыхъ были нарисованы розы, тоже бѣлая. Судилъ я и думалъ, думалъ, думалъ... Никто меня не тревожилъ и не развлекалъ. Я сидѣлъ и думалъ, и все ждалъ *чего-то*. А голубь мой все ворковалъ и ворковалъ, все громче и громче, любилъ и любилъ. Что за счастье, что за мучительное счастье! Что за тоска! Что за ожиданіе!

Я ожидалъ, ожидалъ и дождался! Все это случилось почти въ одно время; я влюбился въ Машу Автоиади и узналъ что и она меня любитъ, именно тогда когда Велико, молодой Болгаринъ, бѣжалъ изъ казацкаго полка Садыкъ-паша и скрылся у меня въ домѣ. Тогда и персикъ у высокой стѣны моей покрылся весь розовыми цвѣтами потому что настала весна; въ то время и я самъ сталъ все лучше и лучше понимать *что* воркуеть, *что* говорить и пророчить мнѣ мой египетскій голубокъ!

Мама Антоніады была очень мила и красива собой. Глаза большіе, черныя, „бархатныя“, ласковыя, хитрыя; и что за цвѣтъ лица, золотистый и „теплай“!... Правда, самое лицо это было немного узко, немного длинно; такъ по крайней мѣрѣ говорилъ многіе... Но недостатокъ въ женщинахъ я всегда любилъ; мнѣ казалось всегда что женщина чувствуетъ этотъ недостатокъ сама, если даже онъ и малъ; что ей страшно хочется нравиться (точно такъ какъ и мнѣ самому тогда хотѣлось нравиться) и что ей отъ этого немного, чуть-чуть больно; я думалъ объ этомъ, а это чувствовалъ, даже и не думая, и меня влекло къ ней уже потому что мнѣ становилось ее жалко...

Я смолоду очень любилъ *ужалтъ*... Жалтъ было въ то время для меня наслажденіемъ...

И хотя Мама была и молода, и очень красива, и богата, и здорова, однако мнѣ при первомъ же знакомствѣ пришлось слегка *поужалтъ* ее, не только потому что у нея лицо было *немножко* узко: этотъ недостатокъ такъ мало портилъ ея красоту что я его долго вовсе и не замѣчалъ; но и по другой причинѣ.

Вотъ какъ это было. Въ первый разъ мы встрѣтились въ Буюкъ-Дере.

Мы всѣ были у обѣда въ посольской церкви. Дамы посольскія стояли на своихъ мѣстахъ, мы на своихъ. Посланницы не было; тогда только ждали со дня на день новаго посла; но на мѣстѣ посланницы стояла молодая совѣтница, жена повѣреннаго въ дѣлахъ.

Отошла уже половина обѣда; растворили царскія врата, зашла Херувимскую лѣснь. Всѣ стояли тихо; многія изъ дамъ олустились на колѣни...

Какъ вдругъ она вошла (въ бѣломъ платьѣ и прекрасныхъ синихъ лентахъ). Вошла и не стѣсняясь нимало, не смущаясь, стала выше совѣтницы, тоже преклонила колѣни и стала молиться...

Пока глѣла Херувимскую лѣснь, пока архимаандритъ стоялъ предъ алтаремъ съ дарами, никто не обнаружилъ ни малѣйшаго недовольства, но какъ только притворили царскія врата, совѣтница оглянулась и на насъ, и на другихъ посольскихъ дамъ и слегка съ досадою положила плечами. Одинъ изъ секретарей сдѣлалъ два, три шага. Онъ хотѣлъ тотчасъ же сдѣлать вѣжливое замѣчаніе неизвестной дамѣ нарушившей

обычай нашей посольской церкви, но совѣтница остановила его взглядомъ и сказала ему такъ: „Потомъ“...

Мнѣ стало почти страшно за эту бѣдную, красивую и такъ хорошо одѣтую незнакомку... Кто она, я не зналъ...

Обѣда кончилась. Я все сабдилъ за интересною дамою и пошелъ вслѣдъ за ней. На крыльцѣ меня обогналъ секретарь и, подойдя къ незнакомкѣ, началъ говорить ей лотчигельно:

— Я долженъ извиниться предъ вами; у насъ въ церкви заведенъ такой порядокъ что посторонніа лица выше послаанника и посланница и вѣсть съ тѣмъ ближе къ алтарю чѣмъ служащіе при посольствѣ, становиться не могутъ... Я прошу тысячу разъ извинить меня..

Милая незнакомка покраснѣла такъ быстро и такъ сильно какъ только можетъ покраснѣть человекъ...

Я стоялъ очень близко на лѣстацѣ за секретаремъ... Я послѣдшилъ такъ старъ чтобы видѣть лицо молодой женщины, чтобы слышать ея отвѣтъ...

Она покраснѣла очень сильно, это правда (бѣдная!), но взглянула на насъ такими глазами... Нѣтъ! простое слово „глаза“ нейдетъ къ прелестному и кроткому взгляду ея черныхъ, большихъ и бархатныхъ *очей!*... Это была именно тѣ черныя очи которыя воспѣвались поэтами въ стихахъ.

Она взглянула такъ крѣтко и такъ томно, и такъ просто отвѣчала на самою чистомъ русскомъ языкѣ:

— Я не знала, виновата. Другой разъ я буду становиться сюда. Благодарю васъ за то что вы оказали мнѣ.

Ни гнѣва, ни смѣшной обидчивости, ни натянутой гримасы такъ-называемаго достоинства. Такъ просто и естественно!... Покраснѣла только. Немножко стыдно, чуть-чуть больно отъ неожиданности, и такой находчивой въ своей простотѣ и скромности отвѣтъ!

Мнѣ показалось что не я одинъ былъ этимъ тронуть. Молодой человекъ на котораго было возложено это щекотливое порученіе, по фамиліи Блауменфельдъ, всегда почти дерзкій, капризный и насмѣшливый, на этотъ разъ разсыпался въ извиненіяхъ. Выраженіе лица его стало не только любезно, но въ высшей степени добродушно.

— Извините меня, воскликнулъ онъ съ удареніемъ на словѣ *меня*.—Это порядокъ дамами заведенный и мнѣ очень жаль за такой непріятный случай.

Она уходила по дорожкѣ, отвѣтивъ ему что-то, чего я уже разслышать не могъ. Блауменфельдъ все время не надѣвалъ

шляпки и кланялася ей слегка, но безпреставно; наконецъ онъ надѣлъ шляпку и подалъ ей руку, которую она привала. Они скрылись за деревьями.

Въ эту минуту изъ корридора вышелъ на лѣстницу другой намъ товарищъ, камеръ-юнкеръ; франтъ и формальность въ свѣтскомъ отношеніи. По службѣ человекъ основательный и трудолюбивый, но во всемъ остальномъ до невозможности скучный. Хотя съ виду мы жали съ нимъ очень жарко, потому что онъ былъ характера резваго, серьезнаго даже и въ свѣтскихъ мелочахъ и очень обязательнаго какъ товарищъ, но а его что-то не любилъ; другой частью по-сольства, очень азвительный, насмѣшникъ и выдумщикъ разныхъ прозвищъ прозвалъ его (за глаза, разумѣется) „вѣстовымъ“; это очень было удачно, потому что у него были черты лица очень грубыя, лицо красное, бласкурые и густые солдатскіе усы, безъ бороды. Ягдѣ-то видѣлъ такихъ солдатъ.

Онъ вышелъ на лѣстницу въ ту минуту когда Блаженфельдъ и милая незнакомка не завернули еще за поворотъ дорожки. Я оглянулся на него; онъ поглядѣвъ на насъ вслѣдъ и равнодушно сказалъ:

— Я ее знаю; это жена одного здѣшняго *банабака*, Автомади.

Что значить банабакъ, я уже зналъ тогда. *Бана-бакъ* значить по-турецки: „эй ты смотри на меня!“ т. е. „слушай, я тебя зову!“ Простые люди въ Турціи безпреставно кричатъ другъ другу: „эй! бана-бакъ!“

Поэтому и одѣлали изъ этого особое названіе *банабака*: простой, „зѣлиный“ восточный человекъ; въ родѣ нашего русскаго *валъ*, только съ менѣе замъ и подымъ смысломъ.. Просто: человекъ *зѣлиный*... и больше ничего.

— Она не похожа на жену банабакъ, сказалъ я галактерейному и раздушевому *въстовому*.

— Не похожа, а жена, отъѣчалъ онъ.—И почему жъ не похожа! Что жъ въ ней особеннаго... Эти сивія ленты у ней, правда, очень хороши (въстовой былъ тонкій знатокъ въ женской одеждѣ), замѣтили вы на нихъ тонкіе бордюры соломениаго цвѣта? Это очень мило; очень мило. И шляпка хороша. Она впрочемъ воспитывалась въ Одессѣ; изъ порядочной семьи негоціантовъ. А онъ *банабакъ*. Впрочемъ былъ долго въ Англіи... Не пойдете ли и вы вмѣстѣ завтракать въ Вельвю?

— Пойдемте.

Мы спустились вмѣстѣ съ лѣствицы и встѣпили Бауменфельда. Проводивъ такъ любезно „жену бабабака“ до воротъ, онъ вернулся съ лицомъ уже недобримъ, недовольнымъ и насмѣшливымъ, и съ перваго слова началъ перерождать эту женщину, предъ которой онъ только-что такъ искренно казался разсмысла.

— „Видовата, я другой разъ буду стеноваться сюда...“, горюнулъ онъ съ гримасой и немного картава (она, правда, немного картавила или, вѣрнѣе сказать, „пришлетывала“, а должезъ употребить это слово, хоть и неважно его; мнѣ кажется оно слишкомъ грубо для Маши и для ея тонкаго и едва замѣтнаго недостатка).

— Pardon, chère maman! продолжалъ Бауменфельдъ глядя на меня и на камеръ-юнкера съ насмѣшливою улыбкой.— Pardon, chère maman... Я буду умница... Ingénue!... каналья... бестія!.. Молодой человекъ! (такъ любилъ онъ звать меня, хотя самъ былъ еще года на три моложе меня) а! Молодой человекъ... Умоляю васъ не влюбитесь въ эту бестію... Я уже по глазамъ вижу что эта баба шельма которая васъ сдѣлаетъ на всю жизнь несчастнымъ.

— Хорошо, я не буду влюбляться въ нее, отвѣчалъ я смѣясь.—Да и гдѣ же мнѣ ее найти.

— Вы хотите найти... Чтѣ вы мнѣ сдѣлаете, даромъ не скажу вамъ адреса!

— А! Бауменфельдъ ужъ узналъ самъ.... справился тамъ за кустами! воскликнулъ камеръ-юнкеръ.—Не огорчайтесь (прибавилъ онъ обращаясь ко мнѣ) и не уступайте Бауменфельду ничего, я знаю ея адресъ и скажу вамъ: Grande rue de Péga. Потому къ маленькому Камлу, въ первый переулокъ.

— Къ шведъ-то ты не заходи, перебилъ Бауменфельдъ изъ Гоголя.

— Не зайдетъ, не зайдетъ къ шведъ; онъ прямо къ ней, сказалъ добрый вѣстовой и продолжалъ объяснять мнѣ адресъ мадамъ Антоніади, котораго я и не спрашивалъ, потому что не имѣлъ никакого приличнаго повода сдѣлать ей визитъ.

— Оставьте, оставьте эту опасную женщину! воскликнулъ Бауменфельдъ.—Не развращайте молодого человека. Пойдемте поскорѣй вѣтъ.

Мы пошли всѣ вмѣстѣ завтракать въ Бельвю; перемѣнилъ разговоръ и о красивой мадамъ Антоніади въ этотъ день не было болѣе и рѣчи.

II.

Прошло можетъ-быть съ недѣлю, не помню. Въ посольствѣ всё скучалъ; ждалъ новаго посла; опасался переимѣнъ по службѣ; не знала какъ ужиться съ нимъ. Несмотря на то что близилась осень, жара была нестерпимая. Меня задержало въ Константинополѣ одно личное дѣло, одна „неприятность“, одно столкновение съ иностранцемъ, изъ котораго я вышла очень удачно и лестно для моего самолюбія, но за эту удачу все-таки по службѣ нужно было отвѣчать „формально“... Переписка съ иностранцами тянулась. Мнѣ уже становилось скучно и тяжело быть такъ долго здѣсь, въ столицѣ, не у дѣлъ, жить четыре мѣсяца не то гоотемъ, не то подосудимымъ за сляшкомъ смѣлое самоуправство и очень хотѣлось вернуться скорѣе въ провинцію, къ освѣжающей и дѣловой борьбѣ. Я сидѣлъ однимъ жаркимъ полуднемъ въ прекрасномъ посольскомъ саду, на скамьѣ въ тѣни, и ужасно скучалъ. Я не могу на словахъ ни передать, ни изобразить то мѣсто гдѣ я сидѣлъ, но скажу что направо отъ меня былъ недалеко боковой фангель, гдѣ наверху помѣщалась канцелярія, а подъ канцеляріей, въ нижнемъ этажѣ проходныя ворота; а направо, за деревьями и кустами былъ скрытъ отъ глазъ большой павильонъ, котораго нижній этажъ занималъ М. X—въ однихъ изъ драгомановъ посольства. У него была молодая, умная и очень милая жена. И я и съ мужемъ и съ нею былъ друженъ и часто бывалъ у нихъ; дойти до нихъ было легко, но въ эту минуту я даже и этого не желалъ.

Такъ сидѣлъ я очень долго подъ тѣнью огромнаго дерева и все тосковалъ и скучалъ, глядя то на синее небо и пыльную зелень сада, то на бѣлую каменную ограду, которая прямо передо мной отдѣляла садъ отъ набережной и Босфора и засасывала совершенно видъ на нихъ. О мадамъ Антониади у меня и помысла не было никакого. Какъ вдругъ она явилась изъ проходныхъ воротъ; вышла и остановилась. Опять она была хорошо одѣта; опять мой свѣтскій „вѣстовой“ похвалялъ бы ея туалетъ. Я не буду описывать его подробно; боюсь чтобы надо мной не смѣялись, боюсь напомнить „модные“ разговоры въ *Современникѣ* покойнаго Панаева.

Однако, какъ ни боюсь я этого, мнѣ этотъ мигъ ея неожиданнаго появленія въ воротахъ былъ до того приятенъ что

мнѣ хотѣлось бы передать другимъ все, все до самыхъ лустыхъ мелочей... Да! она опять была одѣта такъ мило, такъ изящно. На ней было въ это утро такое хорошее желтоватое батистовое платье, а поясъ былъ чернымъ... очень широкій и длинный; шляпка была совоима кружевная и низкая, обшитая чернымъ бархатомъ съ двумя перьями изъ крыльевъ неизвестной мнѣ птицы: жесткія, рѣжія, какія-то въ родѣ орлиныхъ, но съ большими бѣлыми горошинками... Она естествомъ и взглядомъ; я всталъ и покасался не совсѣмъ кстага даже, потому что никто жема ей не представлялъ и она меня вовсе не знала...

Несмотря на эту необдуманную и не совсѣмъ сообразную съ приличіями вѣжливость мою, она обратилась ко мнѣ очень привѣтливо, и спросила какъ пройти къ мадамъ X., къ женѣ драгомана; я поспѣшилъ указать ей на дорожку вдоль стѣны, и мы разставаясь молча покачивались другъ другу. Я опять сѣлъ на ту же скамью и сталъ смотреть все на тѣ же прекрасныя деревья и кусты, и на ту же бѣлую отѣнку, которая была предо мной такъ близко. Но эта скучная стѣна теперь не была уже такъ безжизненна и луста особенною близкою своею. Отъ жема зависѣло вызвать изъ моея собственной души малую тѣнь, прошедшую мимо. И я видѣлъ ее предъ собою. Я видѣлъ взглядъ черныхъ глазъ, ласковый и кроткій, но съ тонкимъ лучемъ почти вероломнаго лукавства. „Что-то умоляющее и доброе“... казалось мнѣ иногда; „что-то страстное и немного коварное“ казалось мнѣ въ другія минуты...

Я сидѣлъ на скамьѣ не просто: повѣренный въ дѣлахъ общалъ мнѣ прислать за мной въ садъ своего камердинера, какъ только онъ кончитъ переговоры сътопстымъ и меслоснымъ совѣтникомъ той западной націи, съ чиновникомъ которой я имѣлъ *слышало* удачное столкновение, до беззаконности удачное. Западный совѣтникъ пріѣхалъ къ намъ за окончательнымъ объясненіемъ по тому дѣлу, по которому меня вызвали въ Царьградъ. Онъ сидѣлъ уже давно и я понималъ что борьба между двумя дипломатами идетъ за меня... Но я былъ довольно покоенъ. Я давно уже рѣшилъ какія уступки я могу сдѣлать по приказанію начальства, и какіхъ не сдѣлаю ни за чтѣ...

Меня позвали наконецъ, и я оставилъ скамью мою вскорѣ послѣ появленія милаго призрака въ батистовомъ платьѣ.

Нашъ повѣренный въ дѣлахъ видимо былъ доволенъ что переговоры кончились ничѣмъ и что самъ иностранецъ предпочиталъ отложить рѣшеніе до пріѣзда нашего новаго посла и до возвращенія изъ отгулка его собственнаго начальника.

— Вамъ дѣло ладится, сказалъ мнѣ повѣренный въ дѣлахъ. — „Неприятель“ дѣлаетъ уступку. Надо бы и вамъ быть великого податливѣе. Я ловишаю вашъ поступокъ, но вѣдь согласитесь что онъ неправиленъ!

— Я конечно не искалъ формальной правильности, поступая такъ; отвѣчалъ я. — Я нахожу что *по чести* русской я поступилъ правильно, прочувъ этого негодая... Я прошу помнитъ что онъ сказалъ мнѣ (или вѣрнѣе сказалъ *me m'a а Русскому*) „извольте выйти вонъ и чтобы нога ваша не была болѣе на порогъ нашей канцеляріи“... Развѣ можно было не ударить его?

— Что *эти господа* нестерпимы, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, сказалъ повѣренный въ дѣлахъ и отпустилъ меня.

Я былъ свободенъ въ эту минуту и пошелъ тотчасъ же къ той самой русской дамѣ, жень драгомана, къ которой мадамъ Антоніади ходила съ визитомъ. Я думалъ что я застаю ее тамъ, однако нѣтъ: ее уже тамъ не было. Но я засталъ тамъ „вѣстового“ и Блауменфельда. Они оба у X. бывали очень часто.

Разговоръ у нихъ шелъ о постороннихъ предметахъ, со-всѣмъ не о томъ что меня интересовало въ эту минуту. Дверь изъ гостиной въ нижнемъ этажѣ была растворена прямо въ садъ, и за этою дверью была видна та широкая и чистая дорожка по которой она вѣроятно только что ушла. Но никто не упоминалъ объ ней ни слова!...

Говорили о томъ что надо ждать со дня на день новаго посла и объ его прежнихъ дипломатическихъ успѣхахъ; еще о томъ какъ ловко острить по французски одинъ русскій генераль. Недавно онъ гулялъ по набережной и большая свѣтящаяся муха сѣла на его густую и красивую рыжую бороду. Одна Перотка (она спавно *руллилась*), встрѣтивъ его, сказала: „*Mon général, vous portez un phare dans votre barbe!*“ — *Pourvu, madame, que je n'en aie pas sur la figure (du fard)*, отвѣчалъ генераль.

Я самъ очень любилъ остроты этого генерала; не теперь я все ждалъ *иной бесѣды*... Потомъ рассказали какъ директоръ оттоманскаго банка запретилъ своей молодой жень

знакомиться безъ его разрѣшенія съ новыми неизвѣстными ему лицами и что она, позивуясь ему, не позволяла кому-то представить себя португальскаго послаанника, а когда испанскій послаанникъ вызвалъ за это мужа на дуэль, то директоръ банка (человѣкъ впрочемъ исполненный энергіи и храбрости) нашелъ что жена его виновата тѣмъ что не убѣла различить представителя европейской державы отъ здѣшнихъ *банабакосъ*... и воскликнулъ даже: „Ma femme n'est argés tout qu'une jeune fille!“ И они ломпрились.

Я обрадовался этому слову „*банабакъ*“... Я думалъ: вотъ кто-нибудь изъ нихъ скажетъ: „А какъ вы находите жему банабакъ Автоіади, которая сегодня была у васъ съ визитомъ?“ Самъ я съ не совѣстью уже чистою совѣстью не хотѣлъ спросить объ этомъ. Но никто не упоминалъ о ней. Такъ прошло около часа. Вдругъ на дорожкѣ противъ дверей показалась наша мелодая, но вовсе некрасивая и тихо надменная совѣтница. Она шла не слѣдша своею спокойною и прекрасною походкой. Хозяйка дома вышла къ ней на встрѣчу.

Онѣ поздоровались и пришли вмѣстѣ. Мы всѣ встрѣтили ихъ на балконѣ. Совѣтница, отвѣтивъ намъ всѣмъ едва замѣтнымъ движеніемъ головы, больше снизу вверхъ чѣмъ сверху внизъ, сказала: „Можетъ-быть кто-нибудь изъ васъ объяснитъ мнѣ что такое мадамъ Автоіади? Вотъ ея карточка. Она была у меня, только мнѣ не хотѣлось ее принять... Почему она явилась ко мнѣ?..“

Жена драгомана поглядѣла на визитную карточку и засмѣявшись сказала: „Это та самая дама которую попросилъ въ прошлое воскресенье не становиться впереди всѣхъ... Она была сегодня у меня съ визитомъ. Она довольно мила...“

— Все это прекрасно, возразила совѣтница;—но почему же она дѣлаетъ мнѣ визитъ...

Жена драгомана видимо хотѣла заступиться за мадамъ Автоіади и сказала.

— Она родомъ изъ Одессы, изъ довольно порядочнаго дома одесскаго мегоціанта, русская подданная. Путешествовала и жила въ Англіи... Ну вотъ пріѣхала сюда, хочетъ быть принята у насъ...

Совѣтница слегка положила плечами, положила карточку на столъ, какъ будто она до нея не касалась, какъ будто она не удостоивала даже и принять ее на свой счетъ, сѣла и

перемѣнила разговоръ. Она просидѣла довольно долго и соби-
ралась уходить, подошла къ столу, взяла снова карточку, под-
несла ее близко къ глазамъ и прочла громко еще разъ:

— Madame Antoniad, tout court...

Потомъ, обращаясь ко всѣмъ намъ, спросила еще разъ,
почти съ досадою:

— Я бы желала знать зачѣмъ же эта дама мнѣ сдѣлала
визитъ?

На это отвѣтилъ Блауенфельдъ, съ пренебреженіемъ, по-
русски:

— Наглая бабенка... Ей хочется втереться въ посольство...

— Что жъ она изъ такихъ дамъ которыми платятъ визи-
ты или вѣтъ? спросила опять совѣтница.

— Я думаю, лужко, сказала жена драгомана.— Впрочемъ,
вотъ Monsieur Несвицкій ее знаетъ, кажется, лучше насъ.

— Да, я ее знаю немного, сказалъ „вѣстовой“.— Я имѣлъ
случай ужимать съ ней у ***. Она довольно мила, это прав-
да. Но она не свѣтская женщина. Вообразите, на этомъ уж-
мѣ она шла въ перчаткахъ... Всѣ обратили вниманіе...

— Вѣдь въ Англіи многіе, я слышала, дѣлаютъ такъ, воз-
разила жена драгомана.— Я не согласна съ этимъ; я нахожу
что она женщина хорошаго общества, et qu'elle a l'air très
distingué...

Несвицкій на это замѣтилъ слѣдующее съ значительною и
основательною, почти научною точностью:

— Я позволю себѣ различить понятіе „свѣтская женщина“
отъ понятія женщины „distinguée“. Она можетъ быть distin-
guée, мила и все что вамъ угодно, но я не позволю себѣ на-
звать „свѣтскою“ женщиной, женщину которая не знаетъ
принципій и правилъ въ свѣтѣ обычаевъ. Мѣстные обычаи
въ Англіи не могутъ вездѣ быть приложимы... Это смѣшно
здѣсь, гдѣ высшее общество вполнѣ космополитическаго ха-
рактера...

— Можетъ-быть, отвѣчала хозяйка дома, и на этомъ уч-
момъ замѣчаніи скучнаго камеръ-юнкера разговоръ о мадамъ
Антониади опять прекратился.

Но отношеніямъ моимъ съ Машей Антониади еще не суж-
дено было ограничиться этими двумя встрѣчами.

Мнѣ очень было обидно за нее и я досадовалъ на эту су-
хость совѣтницы, тѣмъ болѣе что считалъ все это малушк-
нымъ и даже галлымъ.

Я не имѣла всегда необходимости общественной жизни и даже любилъ се; но я вѣдала, что, человѣкъ съ умомъ, долженъ дѣлать исключенія; а Константинопольское общество къ тому же такого обширнаго и оригинальнаго состава что дѣлать эти исключенія, мнѣ казалось, здѣсь было легче чѣмъ гдѣ-нибудь. Я очень беззаконна за эту бѣдную мадамъ Антоніади, съ которой мнѣ не пришлось даже и говорить ни разу какъ слѣдуетъ. Нельзя же было называть разговоромъ то что она спросила у меня какъ зрѣйти къ женѣ драгомана, что я вывелъ ее на дорогу и сказалъ: „Вотъ здѣсь, право“. А она благодарила меня и ушла. Несмотря на это, ее милосердіе и, какъ мнѣ казалось, что-то вродѣ ея безпомощности въ нашей посольской средѣ привлекало меня къ ней и мнѣ хотѣлось непремѣнно достигнуть того чтобы наша дама отдала ей визиты. Она воспитывалась и выросла въ Одессѣ, говорила по-русски также чисто какъ мы въѣ, ходила усердно въ нашей церкви, была можетъ-быть такъ рада, не возвращенію изъ Англіи и Франціи, видѣть столичныхъ Русскихъ и еще такихъ порядочныхъ, умныхъ, образованныхъ, хорошаго тона.. Зачѣмъ же ее оскорблять?

Съ женой перваго драгомана мнѣ было бы легко обласкаться; она держала себя очень просто; а сказала уже что съ мужемъ ея и съ ней самою я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Разсуждать и спорить тонко и умно она очень любила.. Но у нея были свои недостатки; она была иностранка, и родная сестра ея была замужемъ въ Германіи за самымъ престигъ, день и богатымъ шляхетнымъ фабрикантомъ. Несмотря на такое блестящее родство, она сама выросла въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и могла бы быть въ этихъ случаяхъ вполнѣ самостоятельной; но она при большой независимости ума была очень несостоятельна въ своихъ принципахъ и вкусахъ и вообще по характеру какъ-то не слишкомъ надежна; я вѣдалъ что ей гораздо приятнѣе и легче будетъ поблизать у мадамъ Антоніади послѣ совѣщаній, чѣмъ первой показать примѣръ. Поэтому я рѣшился убѣдить прежде всего совѣтницу. Это было не совсемъ легко; она, какъ я уже не разъ говорилъ, была женщина очень тихая и вѣжливая, но очень недоступная (быть-можетъ и оттого что лицомъ была дурна), и несмотря на то что мужъ ея любилъ меня, часто звалъ къ себѣ обѣдать и обращался

ее шной мечи не-товарищески, она одна-один протарганила зинъ руку и все какъ будто чего-то омазаномъ. Однако, сама человекъ чего-нибудь започеть, она выждеть, случая и все делается амъ.

III.

Не болѣе какъ для чрезъ три часа нашей встрѣчи въ мадамъ Антоиади въ саду, я обѣдалъ у совѣтника, и остался по его приглашенію на цѣлый вечеръ. Мадамъ X пришла запросто посѣть обѣда. Скоро совсѣмъ стемнѣло; утихшій Босфоръ былъ докосятъ, и на азіатскомъ берегу драмо противъ нашего балкона свѣтлала на какомъ-то судѣхъ лунцовый огонь. Совѣтникъ съ Бауменфельдомъ и генеральнымъ консуломъ сѣли играть въ залѣ въ карты, а я остался на балконѣ одинъ съ обѣими дамами. Мы всѣ сначала то молчали, то говорили о вичужныхъ предметахъ, потому что всѣ трое были задумчивы и всѣмъ хотѣлось смотрѣть на тихій проливъ и на красный огонь. Мадамъ X первая преврала наше задумчивое молчаніе.

— Мы мечтаете сегодня? спросила она у совѣтницы.

— Нѣтъ, отвѣтила та, — я не мечтаю; я смотрю на этотъ красный огонь и вспоминаю другой такой же огонь въ Бейрутѣ... Во время этихъ сирійскихъ ужасовъ... на такой огонь я смотрѣла тоже однимъ вечеромъ... Это ужасно вспоминать... Какая жестокость у людей этихъ, какое варварство!... И сама я выучилась такой жестокости... Какъ я была рада когда Фуадъ-паша пріѣхалъ и началъ разстрѣливать этихъ начальниковъ!...

— Я думаю! замѣтила на это мадамъ X, — вы только-что пріѣхали тогда въ Турцію и первая впечатлѣнія ваши были такіа страшныя!...

Совѣтница, вообще неразговорчивая, на мое счастье въ этотъ вечеръ была возбуждена и общительна. Она разказала какъ кто-то (не помню кто; я должно-быть не слишкомъ внимательно слушала) давалъ балъ въ Бейрутѣ незадолго до начала борьбы между Друзами и Маровитами, перешедшей въ повсемѣстное избіеніе христіанъ. Наэтотъ ссышой балъ были приглашены и главные вожди Друзовъ, великолѣпные воины въ оригинальныхъ одеждахъ. Никто въ этотъ вечеръ не предвидѣлъ что руки этихъ красивыхъ людей, которые держали себя

— Вы очень душно выглядаете... Вы говорите обидные вещи... Эти чины! прервала меня Елена X (она, замѣчу между прочимъ, очень была довольна что мужъ ея такой еще молодой и уже статскій совѣтникъ).

— Ну да, разумеется, сказала совѣтница.

Однако я былъ правъ; я заставилъ ее въ первый разъ обратить вниманіе на то что она ужъ саншкомъ сухо держитъ себя не со мною однимъ, а со многими. (Не задало предъ этимъ одинъ молодой товарищъ нашъ ледялъ съ полу люттокъ который она уронила и хотѣлъ ей отдать, но она не взяла изъ рукъ въ руки, а показала ему движеніемъ головы на столъ и сказала: „туда“.) Мой приотулъ былъ ужъ тѣмъ хорошъ что немного смагчилъ и какъ бы пристыдилъ ее. Послѣ этого я продолжалъ:

— Развѣ вы хотите чтобъ я не „трепеталъ“, а былъ бы откровененъ?

Она сказала:

— Смотри по откровенности...

— Моя откровенность будетъ вотъ въ чемъ: я нахожу что есть случаи въ которыхъ и вы, и мадамъ X—а обнаруживаете больше жестокости чѣмъ начальники Друзовъ и мусульмане Дамаска. Чтѣ жъ прикажете *трепетать* или не трепетать.

— Не трепещите... Впрочемъ вы все притворяетесь... Трепещутъ совсѣмъ иначе... не такъ какъ вы...

— *C'est très curieux!* воскликнула мадамъ X—а.—Гдѣ же это варварство наше?

— Жестокость, жестокость, а не варварство; это разница, сказалъ я.—Извольте, вотъ въ чемъ. Я понимаю что толпы людей, возбужденные идеей, совершаютъ ужасы во время войны или междоусобій. Я понимаю также вполнѣ вашу радость когда разстрѣливали тѣхъ которые ужасамъ потворствовали или руководили фанатиковъ... Это война, кровопролитіе... Пожаръ страстей... Но зачѣмъ такая жестокость въ мирное время?... Зачѣмъ эти „общественныя обиды“. Les variations insolentes de la politesse (это не мое; это слова одного французскаго публициста)...

— Чтѣ такое! Чтѣ такое! Какія variations? воскликнула дама съ любопытствомъ.

— А вотъ какія... Отчего вы не захотѣли залезать вгнѣзъ молодой женщиной, Русской, которая выросла въ Одессѣ и рада Русскихъ видѣть; которая очень мила и приятна; а

любовашку, а еда Б хромую, скучную, гаулюю по моему, съ красимымъ носомъ, которая похожа на лаванду кухарку, вы приваждаете нечестиво и слышите сами къ ней.. Это жестокость.. и вмѣстѣ съ тѣмъ просите, а не смѣю сказать..

— Говорите уяъ все...

— Недостатокъ *актуса!*

— А! перебила Елена X.—онъ влюбился въ эту мадамъ Антоніади и жалѣеть ее. Но если такъ, то вамъ нужно платитъ визиты и жень Боско, нашего portier, чтобы и она была довольна?

— Вы сами знаете что это не такъ, сказалъ я.—Жена Боско не претендуетъ на это. А если у васъ много доброты и мало жестокости, то надо и мешанымъ претензіи въ другихъ щадить... Развѣ у насъ всѣхъ трѣхъ нѣтъ вовсе претензій?

— У васъ ихъ даже много, замѣтила совѣтница, только очень добродушнымъ тономъ.

Я постаралась также придать моему голосу и тому величайшую почтительность, почти молящую и дѣтскую кротость, и сказала:

— Ну, такъ сдѣлайте на этотъ разъ исключеніе. Вы такъ обѣ поставлены выгодно что вы этамъ не унизитесь, потворствуя на этотъ разъ моимъ претензіямъ... Прошу васъ...

— Что же вы въ самомъ дѣлѣ влюблены? спросила мадамъ X—а; а совѣтница сказала ей:

— Послушайте, исполнимъ его желаніе; только съ тѣмъ условіемъ чтобы онъ впередъ хоть невозможно „третнага“, а то онъ имено потому и говоритъ о „священномъ ужасѣ“ что онъ ничего такого не чувствуетъ...

— Согласенъ, отвѣчалъ я;—я дамъ вамъ слово что нѣсколько мѣсяцевъ, если угодно, я буду уходить куда-нибудь въ дальній уголъ, какъ вы только войдете въ комнату...

— Хорошо...

— Но это вѣдь ко мнѣ не относится, возразила жена первого драгомана.—Это вы его можете ужасать, а я для него ни почему... Онъ даже бравитъ меня ивогда. Мое условіе для визита другое. Я поѣду съ тѣмъ условіемъ что я при всѣхъ и при Баушенфельдѣ и при другихъ разкажу, какъ онъ влюбленъ въ мадамъ Антоніади...

— Извольте, согласился я.—Я не боюсь... Всѣ эти молодые люди бываи когда-нибудь и сами влюбляемъ; а будутъ еще. Что жъ такое!..

Не въ самомъ дѣлѣ мнѣ было это очень непріятно. Я соглашалась только для того чтобы достигнуть дѣла; но я рѣшилась просто улупить послѣ мадамъ X чтобы она этого не дѣлала. А теперь надо было ей уступить...

Разумѣется все это было дѣло случая. Мадамъ Антоніади была такого рода и такого положенія женщина что онѣ бы могли бы сдѣлать ей визитъ безъ моего ходатайства, могли и не сдѣлать... Еслибы мужъ ея былъ и хуже, но былъ бы однимъ изъ русскихъ подданныхъ, торгующихъ въ Царьградѣ, русскій *приматъ* (un *primat russe*), то сдѣлать ей визитъ разъ или два въ годъ было бы пожалуй даже обязанностью для нашихъ чиновныхъ дамъ. Но Антоніади имѣлъ французскій паспортъ и жена его никакого *политическаго* значенія для посольства имѣть не могла, а имѣла только *общественное*, которое казалось не достаточно велико... Сама же по себѣ мадамъ Антоніади была достойна ихъ общества и, главное затрудненіе, мнѣ казалось, происходило оттого что совѣтница была сама не *въ дуть* въ это время. Она надѣялась что мужъ ея послѣ долгаго управленія останется тутъ посланникомъ; назначеніе новаго раздражило ее и она, предвидя скорый отсюда отъѣздъ свой, была ко всему окружающему равнодушна и не хотѣла взять на себя ни малѣйшаго труда.

Однако она сдержала свое слово. Черезъ нѣсколько дней я опять обѣдалъ у нихъ. Она вышла къ обѣду и увидавъ меня въ толлѣ другихъ, назвала меня по имени и указывая на дальній темный уголъ, сказала:

— Идите туда... Понимаете?

— Понимаю, сказалъ я и покорно пошелъ въ этотъ уголъ.

— Что такое? что такое? спросила всѣ...

— Ничего, отвѣчала она.—У насъ такой уговоръ есть... Парр.

— Намъ нельзя знать? спросилъ мужъ.

— Можно. Я скажу послѣ.

И отвернулась отъ меня.

Я посиѣлъ, разумѣется, не долго въ углу, всталъ и хотѣлъ выйти на балконъ; но она подозвала меня и сказала:

— Я исполнила... она въ самомъ дѣлѣ *ничего!*... Elle est très bien, quoique un peu prétentieuse, un peu précieuse... Вы были въ углу; теперь остается при всѣхъ обнаружить что вы къ ней неравнодушны, но я предоставляю это Еленѣ X, она собиралась обличить васъ...

— Какъ вамъ угодно! сказалъ я очень сухо и она увидавъ

на лицѣ моемъ досаду и боль, была такъ добра и деликатна что за обѣдомъ даже ни слова не упоминала о мадамъ Антоніадѣ.

Что касается до Елены X (она тоже была у мадамъ Антоніадѣ съ визитомъ въ этотъ же день), то я пошелъ къ ней вечеромъ, леѣлмовалъ у ней за это руку и откровенно и убѣдительно просилъ ее не „дразнить“ меня и не говорить ни пра комъ объ этомъ.

— Вы развѣ въ самомъ дѣлѣ влюблены? спросила она меня съ искреннимъ участіемъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ я;—но если вы будете такъ шутить при всѣхъ, а потому я самъ познакомлюсь и начну въ домѣ бывать, то это ей повредитъ со временемъ... вы такъ добры сами и честны... зачѣмъ же вы будете дѣлать зло молодой женщицѣ которая сама вамъ понравилась...

— Это правда, сказала добрая Елена, дала мнѣ слово не шутить этимъ, и тоже сдержала его.

IV.

Послѣ этого я сталъ искать случая познакомиться съ семействомъ Антоніадѣ. Я могъ бы достигъ этого легко чрезъ Блуменфельда, который хотя и бранилъ ихъ за-глаза и смѣлся надъ ними, однако былъ у нихъ нѣсколько разъ, какъ я узналъ отъ камеръ-юнкера. Но развѣ этотъ человекъ могъ къ чему-нибудь подобному отвестись просто? Его-то именно я и не хотѣлъ просить ввести меня въ этотъ домъ. Во всякій другой, только не въ этотъ!

Было еще и другое затрудненіе... я былъ очень душно одѣтъ. У меня былъ очень хорошій новый фракъ, въ которомъ я часто обѣдалъ въ посольствѣ, но ежедневное мое платье было не хорошо. Почти всѣ мои знакомые и товарищи были такіе щеголи, а я ходилъ по набережной Буюкъ-Дере въ какихъ-то блѣлыхъ лѣтнихъ сюртукахъ въ родѣ военныхъ кителей. Не скажу чтобы меня это слѣшкомъ огорчало или стѣсняло, я былъ спокоемъ и не стыдился; а сослуживцы мои, надо отдать имъ эту справедливость, при всемъ щегольствѣ своемъ, связяхъ и богатствѣ, вели себя со мной совершенно по-товарищески и сами приглашали меня на такіа прогулки и сборища, въ которыхъ принимали участіе и самые

знатиме, самые чиновные иностранцы. Разъ только одинъ изъ секретарей посольства сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе по поводу моего костюма, но такое дружеское что оно обидѣть никакъ не могло. Онъ сказалъ мнѣ съ участіемъ и грустью:

— Когда это, милый Владиміръ Александровичъ, я увижу васъ хорошо одѣтымъ. Эти бѣлые штучки ваша мнѣ ужасно надоѣли...

— Если они надоѣли вамъ, то каково же мнѣ? отвѣчалъ я ему. — Что жь дѣлать!... Надо имѣть терпѣніе. Дайте денегъ взаймы, я сошью себѣ платье у Мира.

— Проигралъ много, а то бы далъ съ радостью! печально сказалъ на это секретарь...

Однако это замѣчаніе принесло свои плоды...

Я сталъ думать о томъ какъ бы мнѣ устроить это дѣло и явиться предъ милою Антоюди; я не говорю чѣмъ-нибудь особеннымъ, а хоть такимъ *какъ есть*... Нужно было занять. Но гдѣ? У кого?

Я сталъ было просить впередъ мое жалованье у нашего казначея Т добродушнаго, толстаго Грека-католика. Онъ иногда давалъ. Но на мою бѣду Т былъ въ то время подъ самымъ неблагопріятнымъ для меня впечатлѣніемъ.

Одинъ изъ небогатыхъ сослуживцевъ нашихъ, родомъ Болгаринъ, не задолго предъ этимъ взялъ у него впередъ жалованье за два мѣсяца, заболѣлъ и умеръ. Толстый Т толпалъ ногами и съ мрачнымъ видомъ кричалъ:

— Вообразите, какой фарсъ разыгралъ со мной „се diable de Stoyanoff!“ Взялъ деньги и умеръ! И я теперь плачу казнѣ свои... Я не буду больше никому давать ни копѣйки.

Что мнѣ было дѣлать? Мѣра терпѣнія моего истощилась; та внутренняя самоуверенность, та гордость которая до этой минуты *возвышалась надъ бѣдами старомодными и странными кителами*, начала почему-то слабѣть... мнѣ становилось больно, скучно...

Счастливая случайность выручила меня неожиданно. Тоскуя о новомъ платьѣ я зашелъ къ Вячеславу Нагибину, молодому чиновнику Русскаго почтоваго вѣдомства въ Константинополь.

Онъ былъ юноша богатый; разчетливый до скупости; по службѣ аккуратный; маленькаго роста, свѣжій и красивый какъ куколка; охотникъ до хорошихъ вещей, до древностей, до восточныхъ ковровъ, до кипсековъ. Я съ нимъ былъ въ

хорошихъ отношеніяхъ; во время пріѣздовъ моихъ въ столицу вазодилъ всегда пріѣзжающаго на прекрасномъ диванѣ его приемной, а даже признался (я далъ себя слово во всемъ признаваться въ этомъ разказѣ) удивлялъ всѣхъ тѣмъ что умѣлъ, несмотря на его чрезвычайную разчетливость, занимать у него деньги, льстя ему и поддѣлываясь безъ особаго труда подъ его археологическіе вкусы. На этотъ разъ мнѣ опять удалось тоже самое и въ гораздо большихъ размѣрахъ. Нагибинъ досталъ гдѣ-то очень рѣдкое иллюстрированное изданіе *Секретный Помпейскій Музей*. Я началъ объяснять ему почему эти повидимому безстыдныя изображенія помпейскихъ жилищъ не производятъ на человѣка со вкусомъ и нравственнымъ чувствомъ того возмутительнаго впечатлѣнія которое производятъ на него циническія картины нашего времени. Я доказывалъ ему (конечно не безъ основанія) что *сравнительное* цѣломудріе и изящество древняго сладострастія происходило отъ того что было освящено какъ бы косвенными лучами самаго религіознаго начала, господствовавшаго въ греко-римской жизни, и потому самыя безстыдныя изображенія были чужды того циническаго юмора и той грязной грубости съ которою приступаютъ ко всему подобному люди нашего времени (и особенно гадкіе эти Французы) вопреки христіанству...

— Раставіемъ античнаго міра, сказалъ я,—какъ будто бы правили благородные демоны Мильтона и Лермонтова; современнымъ развратомъ править отвратительный Мефистофель. Въ нравственномъ отношеніи, прибавилъ я,—быть-можетъ это и лучше, такъ какъ есть умы и сердца которые, отвращаясь отъ грязи и цинизма, легко поддаются тонкому обаянію платонской эстетики. Но въ отношеніи искусства—совсѣмъ иначе.

Вячеславъ Петровичъ былъ въ восторгѣ отъ моего объясненія и спросилъ:

— Отчего вы объ этомъ не напишите?

— Куда мнѣ писать! отвѣчалъ я.—Я могъ бы писать въ хорошей обстановкѣ, я не хочу быть похожимъ на газетнаго скромнаго труженника... Это очень обидно. А тутъ делегъ вѣтъ никогда! (Я еще разъ сознаюсь что у меня тогда были большія и самыя разнообразныя претензіи.)

— Сколько вамъ теперь нужно? спросилъ Нагибинъ—скажите откровенно...

— Рублей двести, слышали я,—но на них столько разве уже давали; про все говорить всё что вы слышали на все кроме ваших этих рѣдкостей...

— Вы тоже рѣдкость! Я и еще вамъ дамъ; вы мнѣ тѣ заплатили, сказалъ онъ любезно и пошелъ доставать изъ своего бюро деньги которыми я долго, очень долго потому не въ силахъ былъ ему возвратить.

За эту вину мою Нагибия былъ одно время на меня основательно сердитъ; но это случилось гораздо позднѣе, а въ тѣ дни, которые послѣдовали за моимъ неожиданнымъ и столь удачнымъ займомъ, Нагибия былъ доволенъ мною, а я совершенно счастливъ.

Я одѣлся хорошо, такъ хорошо что переходъ отъ „бѣлыхъ кителей“ былъ ужъ слишкомъ рѣзокъ и бросался всѣмъ въ глаза.

Товарища шутили, но такъ мало и незло что ихъ ласковыя насмѣшки не только не оскорбляли меня, но даже усиливали мое удовольствіе.

Первый секретарь посольства сообщилъ мнѣ съ улыбкой, будто бы всѣ иностранцы спрашиваютъ:

— Кто этотъ молодой и элегантный консулъ который давеча вышелъ изъ воротъ русскаго посольства? Кто это? Кто это?

— Непременно консулъ. Отчего жь не секретарь посольства? спросилъ я.

И прибавилъ:

— Вы вѣрно не находите меня этого званія достойнымъ? Какой-нибудь отвѣтокъ?...

— Мы секретари, люди мирные, люди пера, отвѣчалъ съ улыбкой первый секретарь, а у васъ усики такъ приподняты и подкручены что всякій приметъ васъ за консула. Ех pingue leopesh!... Консула люди воинственные; они считаютъ долгомъ все разносить чтобы доказать величіе Русскаго призванія на Востоку...

Меня это объясненіе восхитило своею тонкою ядовитостью... Одинъ изъ драгомановъ (тотъ самый который такъ жаждалъ видѣть меня хорошо одѣтымъ) обнялъ меня и воскликнулъ:

— Наконецъ-то моя мечта осуществилась... Молодцомъ! молодцомъ.... Поздравляю, голубчикъ... Поздравляю!

Япвскій консулъ Благовъ, съ которымъ мы были „на ты“ и знакомы съ дѣтства и который только что пріѣхалъ въ отпускъ, хотѣлъ сочинить стихи на мое новое платье... (Онъ

писавъ всегда очень хоронія иностранныя и сатары.) Но, по его собственному убѣренію, было такъ нестерпимо жарко что злая муза его дремала и онъ дажеше одного стиха не пошевелъ:

„Тому цвѣту *Bismark* изумалася народъ“...

Завѣчу что я по всегдашнему расположенію моему подозрѣвать въ людяхъ скорѣе доброе чѣмъ худое, не повѣрилъ что Благовъ изнемогаетъ отъ жара, приписавъ неудачу его стиховъ высокому чувству самой тонкой доброты; я думалъ что онъ не хочетъ даже и легкою горечью пріятельской насмѣшки оградить ту почти отроческую радость которую онъ могъ предполагать во мнѣ... Да я ее и не скрывалъ!

Самой надменной совѣтницѣ нашей я сказалъ:—*Теперь* я васъ буду меньше боляться!

— Смотрите не ошибитесь, не будетъ ли хуже? возразила она довольно благоосклонно.

Однако ничего *людского* не вышло ни отъ нея, ни отъ другихъ, и мнѣ оставалось только найти случай познакомиться съ мужемъ Антоніады. Этотъ случай представился самъ собою раньше чѣмъ я ожидалъ. Дѣло было вотъ какъ. Мы ждали пріѣзда новаго посланника въ Буюкъ-Дере. Два дни продолжалась ужасная буря. Страшно было подумать, какъ плыветъ онъ теперь по Черному Морю изъ Одессы съ семьей?... Но въ самый день вступленія маленькой *Тамани* въ Босфоръ погода разгулялась; проливъ сталъ сивій и ровный; все утихло и приняло праздничный видъ. Стало такъ хорошо что одинъ изъ сослуживцевъ нашихъ съ завистью воскликнулъ: „*Этому челоустку* (посланнику) на роду написано счастье! Даже и погода для него разгулялась!“

Повѣренный въ дѣлахъ и всѣ чиновники посольства готовились встрѣтить начальника, надѣли фраки. Было даво уже какъ-то звать что *Тамань* вступила въ проливъ. Я не принадлежалъ къ посольству, не искалъ присоединиться къ этой свитѣ, хотя бы мнѣ никто, конечно, этого бы не запретилъ.

Не знаю и не помню почему я предпочелъ пойти на квартиру того казначея Т, который такъ сердился на неожиданно умершаго Болгарина и смотрѣть оттуда на въѣзд и встрѣчу изъ окна. Т самъ приглашая меня воспользоваться его окнами, отворенными прямо на прекрасную набережную Буюкъ-Дере, предупредилъ меня что я найду у него гостей.

— Un certain Antoniadé Chiste. * Brave homme quant au fond; mais anglo-mane comme un set! сказалъ онъ съ яркою энергiей и прибавилъ задумчивая: — Possédant du reste une femme, une jolie femme, dont vous me donnerez des nouvelles, je veux bien l'espérer!“ И притопнувъ значительно ногою, толстая надѣлъ крутую шляпу и удалился послѣшню, потому что повѣренный въ дѣлахъ его давно ждалъ.

Я пошелъ къ нему на квартиру и увидалъ тамъ этихъ „гостей“.

Была тутъ одна пожилая, почтенная дама; Гречанка тоже и какъ самъ хозяинъ римскаго словѣданiя; двоюродная ему сестра; не знаю почему-то она давно уже носила трауръ. Я ее зналъ и прежде, и мнѣ очень нравилась ея прiятная и благородная наружность. Сѣдые волосы и блѣдное лицо; маленькая и величавая походка, черная одежда печали и тонкія черты лица, милая молодежавая улыбка, нѣсколько лукавая — все это вмѣстѣ располагало меня къ ней, хотя я встрѣчалъ ее рѣдко, и еще рѣже имѣлъ случай съ ней говорить.

Она сидѣла на диванѣ рядомъ съ другою дамою тоже не молодою.

Эта другая дама была совсѣмъ иного рода. Я ее видѣлъ въ первый разъ. Одѣта она была не дурно и подобно съ годами, и держала себя очень скромно. И несмотря на все это въ ея наружности было что-то подозрительное, приторное и отталкивающее. Она была очень бѣлая, блѣдая и невѣжка; волосы ея были свѣтлы какъ лезъ, черты лица неправильны и некрасивы; губы тонки, а вѣки очень красны. Она придавала себѣ сентиментальный видъ. Взглянувъ на нее я разомъ вспомнилъ о трехъ очень далекихъ другъ отъ друга образахъ — о бѣломъ кроликѣ съ розовыми глазами, о какой-нибудь несчастной вѣткой на свѣтѣ не любимой и некрасивой старой дѣвушкѣ и еще о начальницѣ султанскихъ не черныхъ, а *бѣлыхъ* евнуховъ... мнѣ хотѣлось поклониться ей и сказать:

— Здравствуйте, mille *Kyzlar-agaci!*...

Но она была не дѣвица, а вдова изъ Одессы, прiятельница гжи Антонiади, безо всякаго опредѣленнаго общественнаго положенiя.

— Madame Игнатовичъ, ваша соотечественница, изъ Одессы, прiятельница madame Антонiади, сказала кузина хозяйна, знакома меня съ ней.

* Уроженецъ острова *Xiosa*.

И фамилія эта самая, Игнатовичъ, была такая всепродѣлывающая, она могла быть и польскою, и сербскою, а иллаторессійскою, а даже великорусскою все равно.

Эта женщина возбуждала во мнѣ къ себѣ сразу отвращеніе...

Преждѣ этими двумя дамами, привлекательною и ужасною, сидѣвшими рядомъ на диванѣ, качалась тихонько на качалкѣ блѣдный какъ воскъ брюнетъ съ густыми и длинными черными бакенбардами и съ цилиндромъ въ рукѣ. Это былъ самъ Автоіада, — „Chioté; bon homme, quant au fond“...

Жена его сидѣла у окна и облокотясь на подоконникъ смотрѣла на Босфоръ, за которымъ зеленѣлъ азіатскій берегъ.

Она сидѣла, одною рукою облокотившись на окно, а другою обнимала дочь свою дѣвочку лѣтъ семи. И въ одеждѣ дочери была видна душа изящной матери. Дѣвочка была одѣта очень мило въ бѣломъ кисейномъ съ зелеными горошками платьѣ и въ шляпкѣ, украшенной колосьями, васильками и луцковымъ макомъ; но лицомъ она была некорова и больше походила на отца чѣмъ на мать.

Кухица хозяйка подавала мнѣ руку и познакомила меня со всѣми.

Когда мадамъ Автоіади обернулась и глаза наши встрѣтились, не знаю почему, а до сихъ поръ не въ силахъ объяснить этого... не знаю почему сердце мнѣ сказало что-то особое...

„Она будетъ любить тебя“.

Или „Она тебѣ не будетъ чужою...“

Не знаю хорошо что именно, но что-то особое...

Я сѣлъ и началъ чѣмъ-то говорить съ привлекательною кузиной... О чемъ мы говорили, не помню; но помню только пріятныя движенія ея головы и ея улыбки, ея одобренія. Я говорилъ должно быть не дурако; хотя и не помню о чемъ, но я знаю что обращаюсь къ ней, а говорилъ не для нея, а для той которая сидѣла у окна.

Мадамъ Автоіади шептала въ это время что-то дочери, показывая ей на Босфоръ.

Кухица хозяйка обратилась къ ней и спросила: „Вы начинаете свыкаться съ нашимъ Востокомъ?“

Я еще не слышалъ въ это утро ея музыкальнаго голоса и ждалъ что она скажетъ; но она оказала очень обыкновенную вещь: „Природа здѣсь восхитительна; но общество здѣшнее а недостаточно еще знаю чтобъ объ немъ судить“.

— Здѣсь не одно общество, а двадцать разныкъ, отвѣчала кузина.

Въ эту минуту раздались душечные выстрѣлы... Тамань была уже близко...

Мадамъ Автомиади вдрогнула; дѣвочка залпыгала у окошка, спрашивая:—C'est le ministre, maman? c'est le ministre?..

Мы вѣкъ послѣдипали къ окнамъ...

Выстрѣлы раздавались одинъ за другимъ; стрѣляли турецкія пушки и съ одного русскаго военнаго случайно зашедшаго въ Босфоръ...

Тамань уже была видна изъ нашихъ оконъ... Предъ деревяною приставью, противъ воротъ Мисси, качалась лодка готовая вести весь персоналъ посольскій на встрѣчу послу. Тамань остановилась. Выстрѣлы не умолкали... Чиновники наши толпой во фракатахъ и цинцидрахъ спѣшили къ пристани во садѣ за повѣренными въ дѣлахъ. Они сѣли въ лодки и плыли къ пароходу.

— Mon gros cousin est tout essoufflé, je suppose, сказала мнѣ съ улыбкой мадамъ Калерджи, кузина хозяйина.

— Какой прекрасный почтенный человекъ, вашъ cousin! замѣтилъ ли онъ того ли съ сего г. Автомиади съ натянутымъ восторгомъ.

— Да, онъ очень добръ, прибавила жена его равнодушно и ласково вѣрнувъ, обращаясь ко мнѣ, спросила:—отчего вы не участвуете въ этой церемоніи?

— Я не принадлежу къ посольству. Я здѣсь въ гостяхъ, на время. Я только могу быть зрителемъ.

— Востакъ вамъ нравится? спросила она еще.

— Ужасно, отвѣчалъ я съ жаромъ.

— Чтѣ жъ вамъ тутъ именно нравится, а бѣя желала знать? Это очень любопытно...

Я лежалъ только лезцами и отвѣчалъ, что для меня непонятно, какъ можетъ Востокъ не нравиться...

— Васъ удивляетъ, кажется, мой вопросъ? сказала она.

— Да, удивляетъ, сказалъ я. Здѣсь все... или почти все хорошо.

— Это не объясненіе, возразила она съ милою улыбкой.

Дома ея перебила насъ въ эту минуту; она хотѣла знать: Чтѣ теперь будетъ?—Отчего le ministre не ѣдетъ сюда? Чтѣ онъ теперь дѣлаетъ?... Есть ли у него жена и дѣти?

Мнѣ пришлось съ досадою объяснять все этой дѣвчкѣ,

какъ какъ мать сказала ей что я все это лучше ей знаю.. Я сказалъ что у посланника есть жена очень молодая, красивая и богатая, что есть пока еще одна только нелегкая связь и что посланникъ принимаетъ теперь на пароходъ возвращеннаго въ дѣланъ и будущаго предположеннаго свать, но вѣроятно скоро будетъ на берегъ... Я говорилъ все это торжественно и вѣжливымъ голосомъ, но глядѣлъ на девочку очень сухо и внушительно чтобъ отнять у нея охоту обращаться еще разъ ко мнѣ.

Мать замѣтила эту досаду и улыбувшись сказала дочери по-гречески: „Не надѣдай своими вопросами“.

Освободившись на минуту отъ докучнаго ребенка, я началъ такъ:

— О Востокѣ надо или говорить много и основательно, или отдѣлываться такими фразами что природа хороша, что все это очень оригинально, но что общества здѣсь нѣтъ...

Я хотѣлъ развивать мою мысль дальше, но за славой моей и очень близко раздался голосъ вставшаго со своего мѣста мужа:

— Вы называете это фразами? Но вѣдь это истины о Востокѣ... Почему же вы называете это фразами?

Я не замѣтилъ какъ онъ приблизился, и чуть не вздрогнулъ отъ этой неприятной неожиданности.

Онъ, улыбаясь немного, щипалъ одною рукою свои черные, длинные и смолстые бакенбарды...

Одну секунду отъ новой и мгновенной досады я не зналъ что отвѣчать, но тотчасъ же справился съ собой и сказалъ:

— Да, я считаю это фразами, потому что все это говорится безъ мысли и безо всякаго живаго, личнаго чувства. Слышать это другъ отъ друга; вкуса мало; идеалъ жизни ложные, какіе-то парижскіе...

— Почему же парижскіе, возражалъ мужъ. Люди а сами могутъ судить. А если жители Парижа дѣлаютъ вѣрнѣе замѣчанія, почему же отвергать истину по предубѣжденію...

— Что такое истина? спросилъ я какъ Платонъ, не найдя на первую минуту ничего лучшаго (мнѣ хотѣлось отвѣчать ему дерзко и грубо, хотѣлось сказать какъ сказалъ недавно еще при цѣломъ обществѣ, очень высокоомъ, однимъ изъ нашихъ консуловъ, человекъ очень горячій по характеру. „Кто же вѣдитъ въ Парижъ теперь? Развѣ какія-нибудь сеники?“ Но, конечно, я воздержался)...

— Во всемъ очевидна? *Пирроизмъ!* съ легкимъ и почти насмѣшливымъ поклономъ замѣтила хіосскій торговецъ, и прекращая споръ прибавилъ, глядя въ сторону *Талиши*

— Вотъ какъ-то посланникъ съѣзжаетъ на берегъ...

Вся глава (кромя моихъ) опять устремилась на санія и тихія воды прекраснаго пролива... Я говорю: кромя моихъ, потому что въ эту минуту чета *Антиади* интересовала меня больше всего и эти нѣсколько язвительныя возраженія мужа, и моя собственная, какъ мнѣ казалось, неадекватность, меня вволювали больше чѣмъ я могъ ожидать при первой встрѣчѣ съ людьми незнакомыми, къ которымъ я долженъ былъ бы быть совершенно равнодушнымъ...

Но... увы я уже съ перваго взгляда вполнѣ равнодушенъ не былъ...

V.

Я не помню какъ и на чемъ ѣхалъ посланникъ съ парохода до пристани, на посольскомъ ли какъ-нибудь или на военномъ какомъ-нибудь катерѣ, я не помню была ли и въ это время пушечная пальба или нѣтъ. Я не помню даже глядѣлъ ли я въ окно въ эти минуты или нѣтъ. Вѣроятно глядѣлъ; но былъ до того равнодушенъ ко всему церемониалу что у меня не осталось въ памяти никакого впечатлѣнія. Я помню только одно что я былъ не въ духѣ. „*Пирроизмъ! Пирроизмъ!*“ Зачѣмъ хіосскому кулцу и такому неприятному звать такъ твердо названія философскихъ системъ!...

Посланникъ приближался къ пристани.

— Жена его съ нимъ! жена! говорила блѣдная дѣвочка, пригая у окна.

Старшіе всѣ молчали.

Посланникъ и посланница вышли на берегъ.

Посланница шла одна впереди. Посланникъ слѣдовалъ за нею. Посланница была одѣта очень скромно, въ чемъ-то стромъ и въ круглой шляпѣ.

— Она очень молода! замѣтила кузина хозяина.

— Но отчего она такъ блѣдна? спросила дѣвчо и жалостно бѣлая дама съ красными вѣками.

— Вчера была буря; она вѣроятно страдала, сказалъ *Антиади*.

— Это ужасно! воскликнула еще сентиментальнѣе дама съ обще-славянскою фамиліей.

Маленькая дочь Антоніади надорышилась.

— Развѣ она очень хороша? спросила она пре красивую посланницу.

— Ты навѣго не помнишь, Акриси*, она красавица, возрастая ей мать. Ты не воображай что ты сама хороша. Ты будешь гораздо хуже ея.

— Я знаю что я не хороша, прошептала Акриси и спрятавъ лицо на груди у матери.

Последнее замѣчаніе меня обрадовало; маленькая Акриси напомнила отца, такіе же такіе черные глаза, покойные, скучные; цвѣтъ лица вовсе не такой золотистый какъ у матери, а блѣдно-восковой какъ у *нео*.... Это строгое замѣчаніе матери, пошлѣдному любящей и ласковой, было не лестно для *того*, на кого дочь ея была больше похожа... Вотъ что меня обрадовало немвожко, вотъ что подавало мнѣ хорошее мнѣніе о вкусѣ мадамъ Антоніади. Я не желалъ зла ни ей, ни мужу.... За что же! Я въ первый разъ ихъ видѣлъ.... Я вовсе не желалъ бы узвать что они живутъ между собой дурно и въ раздорѣ. Нужно быть негодяемъ чтобы радоваться несчастію чужой семьи.... Я всегда читалъ семью и супружескій миръ казался мнѣ всегда однимъ изъ высшихъ благъ земной жизни.... Пусть они уважаютъ другъ друга! Пусть они живутъ мирно и дружно, я очень радъ.... Но что жь мнѣ дѣлать!... Я хочу быть правдивъ и откровенъ какъ на исповѣди въ этомъ разказѣ! Что жь мнѣ было дѣлать! Она меня заинтересовала; она мнѣ сразу понравилась, а мужъ и дочь, его напоминавшая, были мнѣ вовсе не по вкусу.... Поэтому въ строгомъ замѣчаніи, которое мадамъ Антоніади сдѣлала дѣвочкѣ, я прочелъ что-то особенное.... Какую-то, казалось мнѣ, тонкую предвѣренность.... Вѣдь защитить несомнѣнную красоту посланницы она могла бы и другими словами, не говоря дѣвочкѣ что она сама вовсе не будетъ красива. Положимъ это полезво „смирять“ ребенка и убавать въ немъ равно зародыши гордости и тщеславія. Но сама молодая мать показала мнѣ съ перваго взгляда, съ первыхъ словъ, расположенною къ тщеславію и едвали она была склонна къ строгости съ этой точки зрѣнія.

Однимъ словомъ мнѣ какъ-то и почему-то понравилось ея нѣсколько жесткое замѣчаніе дочери.... Я послѣдшлъ

* *Доревалъ*, греческое собственное имя.

взглянуть украдкой въ сторону *твое* на кого дочь была похожа и котораго *твое* въ разговорѣ со мной былъ мнѣ такъ не по душѣ. Онъ все стоялъ у другаго окна рядомъ съ мадамъ Камерджи и хладнокровно глядѣлъ какъ вслѣдъ за новымъ посланникомъ причащала къ пристави лодка возвращающихся повѣреннаго въ дѣлахъ и всѣхъ другихъ членовъ посольства. Они вышли все и исчезли за воротами.

Когда вся эта небольшая толпа людей въ цилиндрическихъ шляпахъ, во фракахъ и лѣтнихъ пальто поверхъ фрака исчезла изъ глазъ, Автоиади тихо повернулся на каблукахъ и отойдя отъ окна сказалъ спокойно:

— *Finita la comedia!*...

Жена его возразила ему слегка и съ очень мнѣлымъ движеніемъ головы:

— Почему же комедія? Это слишкомъ рѣзко... Я нахожу, продолжала она, что прибытіе русскаго посланника въ Константинополь имѣетъ слишкомъ большое политическое значеніе, чтобы называть все это комедіей. Я, напротивъ того, нахожу что это все такъ величественно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто.

Она не кончила своей мысли и сдѣлала только и рукою и головой премилое движеніе.

— Простое всегда величественно, прошептала бѣлая дама.

Въ первый разъ мнѣ пришлось согласиться не съ *ней*, а съ *сѣ* *миль*.

Я позволилъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Нельзя согласиться ни съ тѣмъ что это комедія, ни съ тѣмъ что это величественно. Это именно очень просто, вотъ и все. Вотъ вы спросили у меня чѣмъ мнѣ нравится Востокъ; теперь я вамъ объясню это лучше. Востокъ жаволисель; Европа въ самомъ дурномъ смыслѣ проста. Посмотрите на все эти одежды, какъ штатскія, такъ и военныя, на эти цилиндры и кепи... Я не вижу ничего... За что же? Они все лапчатъ давнѣ времена... „*La simplicité*“... Знаете эту скуку, „*la simplicité*“!... Они *вынуждены* носить эти уродливые и смѣшныя головные уборы выдуманые во Франціи. Они подчиняются тѣмъ убійственнымъ (даже для развитія у насъ въ Россіи лапчатскихъ искусствъ убійственныхъ) вкусамъ, которые господствуютъ у насъ со временемъ великаго Голландца Петра, искажившихъ образъ и подобіе Божіе въ русской землѣ...

— Вы не шутите! ваши выраженія сильны, перебила меня мадамъ Автомиади.

Но я не хотѣлъ уже останавливаться.

— Я не только не шучу, я не нахожу словъ отъ обилія мыслей, доказательствъ и примѣровъ... Я затрудняюсь въ выборѣ... Я понимаю величіе вотъ какъ: когда Бѣкингамъ представлялся Лудовику XIII и жемчугъ нарочно былъ пришить саетка, но во множествѣ къ его бархатной мантіи... и при каждомъ шагѣ и поклонѣ его сыпался на полъ и французскіе дворяне подбирали его... Или когда польское посольство, не помню при какомъ султанѣ, вѣзъжало въ Константинополь на лошадяхъ, которыя всѣ были такъ слабо подкованы серебромъ что эти подковы спадали съ копытъ... Это величіе!... Или когда я вижу теперь еще здѣсь на Востокѣ леструю толпу, этихъ людей не по-европейски одѣтыхъ, я признаюсь что я каждымъ проявленіемъ души и ума въ нихъ невольно больше дорожу чѣмъ несравненно болѣе сильными чувствами и достоинствами, скрытыми подъ этимъ гадкимъ сюртукомъ и сакъ-пальто... Эти символы падевія, эта безобразная мода!.. Это—смерть, это трауръ!.. Вотъ мое мнѣніе.

Всѣ слушали меня внимательно. Автомиади былъ серьезенъ и счелъ долгомъ замѣтить:

— Есть значительная доля правды въ вашихъ словахъ... Востокъ еще живописенъ; это, впрочемъ, знаютъ всѣ...

При этихъ послѣднихъ словахъ онъ сдѣлалъ какой-то знакъ плечами и головой какъ будто хотѣлъ дать мнѣ понять что я говорю не нова, а очень извѣстная вещь.

Уже почти взбѣшенный, я торопился возразить и началъ такъ:

— Конечно, всѣ путешественники надоели даже говоря о живописномъ Востокѣ. Но дѣло не въ маскарадѣ какомъ-то, а въ томъ что европейская цивилизація мало-по-малу обываетъ все изящное, живописное, поэтическое въ музеи и на страницы книгъ, а въ самую жизнь вноситъ вездѣ прозу, тѣлесное безобразіе, однообразіе и смерть...

— Это очень ошѣло, замѣтила мадамъ Автомиади.

— Mais c'est de la vraie poésie! Monsieur est poète! томно пропѣла бѣлая Кызыларъ-агаси. Меня неможно покорило и я, обратась къ ней, сказалъ вѣжливо, но очень сухо:

— Madame (не знаю какъ перевести слово: madame. Положимъ—„сударыня“)... Сударыня, поэзія всегда истинна... Поэзія—это сама истина облеченная въ плоть.

Антониади молчала, но интересная кузина предложила мнѣ вопросъ который заставлялъ меня на минуту задуматься.

— Неужели вамъ въ Турціи все нравится, все безъ искаженія? Это невозможно... спросила она.

— Ахъ, да, да! вообщакула madame Антониади, вотъ интересный вопросъ... Я жалю что я сама не догадалась предложить его.

Я сказала что вопросъ этотъ заставлялъ меня задуматься. Я знала очень хорошо что именно мнѣ не нравится на Востока... Мнѣ не нравилась тогда сухость египетцевъ нашихъ въ любви. Мнѣ неинтересно было отсутствіе въ ихъ сердечной жизни того романтизма, къ которому я дома въ Россіи съ самаго дѣтства привыкъ. Съ этой и только съ одной этой стороны я былъ „Европеецъ“ до крайности. Я обожаю все отбѣлки романтизма: отъ самаго чистаго аскетическаго романтизма Тогенбурга, который добольствовался только тѣмъ что изрѣдка видѣлъ, какъ вдали „ангелъ красоты“ отворалъ окно своей кельи“ и до того тонкаго и облагороженнаго обоготворенія изящной плоти, которой культомъ такъ провакнуты стихи Гете, Альфреда де Мюссе, Пушкина и Фета.

Ничего подобнаго я въ средѣ мѣстныхъ христіанъ не видѣлъ и тѣмъ болѣе въ средѣ, которую зовутъ почему-то „интеллигентною“... Скорѣе у горцевъ и простыхъ горожанъ замѣтки проблески подобной новизны; но она исчезаетъ безслѣдно, какъ только Болгаринъ, Грекъ или Сербъ снимаетъ національную одѣжду свою и начинаетъ считать себя „образованнымъ.“ Утрата бытоваго стиля и эгипетской простоты не вознаграждается на Востока, какъ верѣдко вознаграждается она у насъ глубиной и тонкимъ благоуханьемъ возвышенныхъ чувствъ, которыми я дышалъ лодъ дѣдовскими липами еще тогда „когда мнѣ были новы все впечатлѣнія бытія“. На мѣсто умалкнувшей и малой пастушеской лѣсаи не поется у христіанъ Востока блестящая арія страстной любви... Вотъ что мнѣ не нравилось въ Турціи; вотъ что возмущало меня на Востока и заводило тоску. Еслибы къ простоте и простотѣ картины окружающаго нравовъ было бы прибавить потрясающую музыку страстныхъ чувствъ и наслажденія живой и тонкой мысли, то мнѣ казалось что лучшей жизни желая бы было во всемъ мірѣ найти.

Вотъ о чемъ я задумался даже нѣсколько тревожно когда мнѣ предложили эти дамы весьма естественный вопросъ:

„Неужели вамъ здѣсь все нравится, все безъ исключенія?“
 Есть и другая сторона жизни, тѣсно связанная съ вопросомъ о романтизмѣ въ сердечныхъ дѣлахъ: это вопросъ о *сельмъ*... Всякій знаетъ какъ отношенія между христіанскою семьей и сердечнымъ романтизмомъ многосложны, противорѣчивы, и вмѣстѣ съ тѣмъ неразрывны и глубоки. То дополняя другъ друга въ разнообразной и широкой жизни обществъ истинно развитыхъ и возводя семейный идеалъ до высшей степени чистоты изящества и лозіи, то вступая въ раздирающую и трагическую борьбу какъ въ сердцахъ несчастной Анны Карениной и благороднаго Вронскаго, романтической культъ вѣжныхъ страстей и быть-можетъ вѣсколько сухой съ перваго взгляда (я говорю: *только съ перваго взгляда*) спиритуализмъ христіанскаго воздержанія проникають духомъ своимъ издавна всю исторію западныхъ обществъ, господствуя даже и въ безсознательныхъ сердцахъ, то въ полномъ согласіи, увѣчиваніемъ благодатью церкви, то вступая въ эту страшную и всѣмъ намъ такъ близко, такъ болѣзненно знакомую коллизію, въ ту коллизію которой и драма, и лозія, и романъ, и музыка и живопись обязаны столькими великими и вдохновенными моментами...

На Востокѣ, у христіанъ образованнаго класса я этого ничего не видалъ... Въ ихъ сердечной жизни нѣтъ ни паэоса, ни музыки, ни граціи, ни ума; я встрѣчалъ у нихъ только двѣ крайности: или сухую нравственность привычки и боязни, или тайный, грубый и безчестный развратъ...

Для меня все это было уже давно ясно; все это было обдуманно давно, подведено въ умѣ моемъ подъ тѣ лозныя границы черезъ которыя, положимъ, жизнь всегда переступаетъ тонкими отгѣнками, но безъ умышленнаго начертанія которыхъ невозможно было бы ни мыслить, ни наблюдать, ни даже говорить серьезно съ другими людьми.

И вотъ пользуясь тѣмъ что для меня все это было уже ясно, что всему были найдены уже въ умѣ моемъ нѣсто и степень заслуги,—я бы могъ все объяснить безобидно толково, можетъ-быть даже и съ нѣкоторымъ блескомъ, еслибы далъ себѣ волю высказать все и еслибы остался вѣрнее самъ себѣ и своему внутреннему міру. Я бы могъ начать чуть не цѣлую диссертацію замѣтельную, живописную и правдивую, еслибы не зарылся вѣсколько отъ большинства несольскихъ знакомыхъ моихъ тою сдержанностью рѣчи и тою, иной разъ

чувствительного бедностию мысли, которою они подъ - часть даже щеголяли... Да!... щеголяли; потому что наѣрное многіе изъ нихъ были умнѣе и серьезнѣе чѣмъ казались, и понимали гораздо больше чѣмъ хотѣли высказывать... Свѣтская осторожность, иногда даже своего рода свѣтское остроуміе заставляла ихъ показывать меньше чувства и мысли чѣмъ у нихъ было на самомъ дѣлѣ; или, еще точнѣе выражаясь, у многіхъ изъ этихъ дамъ и кавалеровъ одинъ родъ ума болѣе явительный или болѣе мелкій изговяля или заключалъ въ оковы другой родъ,—родъ болѣе задушевный и серьезный. Серioзность свою мужчины берегли для службы, а дамы для минутъ въкотораго „abandon“ съ друзьями или съ тѣми кто имъ особенно нравились. Все это я такъ долго и подробно объясняю для того только чтобы сказать что я въ этотъ разъ поступилъ ужасно безтактно чтобы сознаться какъ я грубо ошибся, именно тѣмъ что не остался вѣреть себѣ и не началъ длиннаго разсужденія которое удовлетворило бы можетъ-быть до известной степени всѣхъ и никого бы не оскорбило! Но я по какому-то роковому движенію души вдругъ вздумалъ быть сдержаннымъ и краткимъ и на повторенной дамами вопросъ: „Что жъ вы задумались? Что вамъ на Востокъ не нравится, скажите?“ отвѣтилъ съ неулыбчивымъ на этотъ разъ лаконизмомъ такъ: „Мнѣ ужасно не нравится христіанская семья на Востокъ“..

Сказалъ эту глупость и замолчалъ.

— Ah! c'est bien drôle! восклицала кузина нѣсколько сухо.

Автоніади ровно ничего не сказала, но глаза у него сдѣлались злые. Мадамъ Автоніади съ удивленіемъ замѣтила: „Мнѣ кажется, напротивъ, если есть что-нибудь очень хорошее на Востокъ, такъ это именно чистота семейной нравственности... Не правда ли? спросила она, обращаясь къ мужу.

Автоніади съ чуть замѣтною удыбкой отвѣтилъ на это, пожимая слегка плечами: „О вкусахъ спорить нельзя!“

Я чувствовалъ что онъ могъ думать о чемъ-то несравненно худшемъ чѣмъ страннѣйшій вкусъ, могъ счесть меня до невозможности безнравственнымъ человекомъ, не пустить къ себѣ въ домъ. Я опомнился, догадался что началъ совсѣмъ не съ того конца и поспѣшилъ поправиться:

— Позвольте, уговоримся прежде; entendons-nous... Я начну, извините, издаалека... Когда я въ критской деревнѣ или въ Балканахъ вступаю на главный путь греческой или

болгарской хижинѣ, то видъ этой почтенной, сонливой и выѣсть съ тѣмъ поэтической семьей...

Я хотѣлъ было продолжать такъ: „Я исполняюсь почти благоговѣнія предъ непритворною, наивною частотой ихъ вразовъ, предъ ихъ религиознымъ чувствомъ... Вся эта простодушная, высокая святая домашняго очага, въ соединеніи съ своеобразными нравами и прелестью картиннаго быта, дѣйствуютъ на меня почти такъ же какъ дѣйствуетъ храмъ... Я самъ становлюсь строго нравственнымъ человекомъ, и...“

Но судьба рѣшила иначе! Я даже и этого не успѣлъ сказать... Я едва успѣлъ вспомнить все это; эти образы и воспоминанія едва успѣли мелькнуть въ умѣ моемъ, какъ вдругъ раздаеся въ прихожей шумъ шаговъ и говоръ нѣсколькихъ людей. Хозяинъ квартиры громко кричалъ саутъ своему:— „Эй, Кеворкъ... завтракать! завтракать. Ради Бога завтракать, мы голодны какъ собаки!..“

— Кеворкъ, ахъ, любезный Кеворкъ! раздаеся голосъ заго Блауменфельда... Любезный Кеворкъ!.. Это правда что мы голодны. Пожалуйста накормите насъ!..

Пріемъ у посланника былъ конченъ, и казначей зазвалъ къ себѣ еще нѣсколькихъ человекъ на завтракъ.

Не скрою, я былъ уже раздосадованъ что мнѣ какъ нарочно не дали кончить мою „диссертацию“, полуоуправдательскую, полуоуправдательскую и, сверхъ того, я еще былъ нѣсколько услугамъ во глубинѣ моего сердца... Я боялся что-бы которая-нибудь изъ этихъ дамъ не возобновила этого разговора въ присутствіи нашихъ дипломатовъ (и особенно при Блауменфельдѣ). Я боялся чтобы мнѣ не пришлось выбрать одно изъ двухъ: или вывести кротко какія-нибудь дерзкія насмѣшки, или не уступая ни шага, довести дѣло до какого-нибудь рѣзкаго стоаключенія, послѣ котораго могли бы даже и въ Петербургѣ сказать: „Съ нимъ нельзя дѣла цмѣть. Онъ не только оскорбляетъ чиновныхъ иностранцевъ; онъ и со своими доходить до всевозможныхъ крайностей“. Но, одушевляемый присутствіемъ женщины, которая мнѣ начинала нравиться, я, подумавъ немного, рѣшился въ случаѣ какой-нибудь необходимости предпочесть опасный путь дерзости—постыдному, мнѣ казалось тогда, ресурсу уступчивости и добродушія.

Рѣшившись на это, я успокоился и тотчасъ же опять повеселѣлъ.

VI.

Мы слышали только голоса хозяина нашего и Блауменфельда; но кромѣ ихъ въ гостиную вошло еще трое гостей: неизбѣжный нашъ Несвицкій, Нагибинъ, тотъ самый молодой чиновникъ почтового русскаго вѣдомства въ Царьградѣ, который сшилъ мнѣ платье, и третій тоже очень еще молодой вице-комсулъ нашъ въ Варшѣ, просто Петровъ. Вачеслава Нагибина я уже описалъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Петровъ былъ человекъ совсѣмъ другаго рода. Онъ былъ пламенный панславистъ; для Россіи охранитель, революционеръ для Востока, вѣчно занятый болгарскими или сербскими дѣлами; горячій, стремительный, прямой до неосторожности (это онъ сказалъ, при дамахъ, на обѣдѣ что только свиньи ѣздятъ въ Парижъ); со всѣми фамильярный, почти безъ различія званія и чина; нервный, худой и блѣдный, одѣтый всегда небрежно какъ лолао, онъ казался ничего вокругъ себя не замѣчалъ и почти не хотѣлъ знать, кромѣ политическихъ интересовъ и политическихъ дѣлъ. Волоса у него были всегда острижены подъ гребенку и приподняты щеткой; онъ былъ постоянно возбужденъ, постоянно какъ бы въ себя; говоря, то наступалъ на собеседника, то отскакивалъ отъ него, широко раскрывая глаза и излагая свои любимыя мысли безстрашно, пламенно, часто слишкомъ даже неразчетливо—прямо; вотъ каковъ былъ Петровъ. Турки любилъ его за доброту и простоту обращенія, но постоянно жаловались что его *пармакс* (палець) вездѣ гдѣ же надо и увѣряли что онъ чуть не съ тарелкой ходитъ собирать на возстаніе христіанъ и т. д.

Петровъ дѣлалъ множество ошибокъ, но за то былъ незамѣнимъ во многихъ случаяхъ; въ средѣ христіанъ онъ былъ чрезвычайно популяренъ и начальство принуждено было многое ему прощать. Съ теченіемъ годовъ характеръ его выровнялся; онъ устоялся, достигъ высшихъ должностей и его имя останется навсегда въ исторіи послѣднихъ дней Оттоманской имперіи.

Но въ это время надъ нимъ много подтрунивали товарищи; онъ только-что поссорился съ лашей изъ-за одной лѣтвой Славянки, которая его обманула по согласію съ Турками;

прѣѣхалъ въ Царьградъ жаловаться и хлопотать объ удовлетвореніи; удовлетворенія ему не дали и основательно при-знали его неправымъ. Легкомысленные товарища смѣялись надъ его пылкими и сентиментальными отношеніями къ „угнетеннымъ братьямъ Славянамъ“, и сочивали — будто оди- изъ его донесеній начиналось такъ:

„Милостивый государь,

„Ея имя было Милена! Она была сирота...“

Петровъ горячился, отбивался, осорился, но все такъ прямо-душно, честно и просто что его продолжали любить и уважать.

Всѣ четверо — Бауменфельдъ, „вѣстовой“, Петровъ и Вячеславъ, вошли въ гостиную вслѣдъ за хозяиномъ.

Бауменфельдъ съ первыхъ минутъ уже обнаружилъ свою придирчивость. Когда хозяинъ дома представилъ Вячеслава Нагибина мадамъ Автоіади и ея *бллой съ краснымъ подругъ*, Бауменфельдъ не могъ оставить въ локоѣ молодого человѣка и тотчасъ же вслѣдъ за хозяиномъ сказавшимъ просто: *Monsieur Нагибинъ!* воскликнулъ: „извѣстный всѣмъ болѣе подъ именемъ *l'irrésistible boyard russe Wenceslas...*“

Скромный *боляринъ* ничего на это не возразилъ.

Потомъ Бауменфельдъ обратился къ маѣ и съ видомъ особенно стремительнымъ сказалъ:

— А! молодой человѣкъ, и вы здѣсь... Очень радъ, очень счастливъ...

На это я ничего не отвѣтилъ, но тотчасъ же „вооружился“ внутренно и сказалъ себѣ: „Я самъ его первый затрону...“ И ждалъ случая.

Завтракъ былъ оживленный. Хозяинъ самъ ѣлъ много, пилъ и намъ всѣмъ подаивалъ хорошаго вина.

Несвицкій сѣлъ около мадамъ Автоіади и очень скучнымъ тономъ, какъ всегда, началъ что-то тянуть про встрѣчу новаго посланника, про знатное родство и генеалогію его супруги и про то кому и какъ ѣхать въ Порту для исполненія нѣкоторыхъ формальностей; идетъ теперь споръ: первый драгоманъ посольства говоритъ что онъ ѣдетъ въ Порту и беретъ съ собой перваго секретаря; а первый секретарь, на основаніи точныхъ справокъ у Мартенса, Валлата, Пимейро-Феррейро и другихъ, доказывалъ что въ Порту ѣдетъ онъ, первый секретарь, и беретъ съ собой перваго драгомана.

Я ничего не имѣлъ противъ этихъ формальностей; но раздушенный „вѣстовой“ умѣлъ передать всему до чего онъ только ни касался такую несвободную пустоту и скуку, и солдатское лицо его представляло такой неслыханнымъ контрастъ съ галантерейнымъ ничтожествомъ его рѣчей что не только я, но и самъ лукавый проstackъ хозяинъ нашъ вдругъ прервалъ его возгласомъ:

— А! Ва! Youou! Оставимъ это... всѣ эти дѣвольскія формальности... Я замѣчу съ моей стороны что новая посланница прекрасна...

— У нея профиль каменъ, сказала его почтенная кузина.

Хозяинъ обратился къ Блауменфельду:

— А вы, угрюмый человекъ, оставьте вашу суровость и скажите намъ что-нибудь... что-нибудь пріятное, любезное, интересное... Какъ вы умѣете когда вы въ духѣ... Скажите даже что-нибудь злое если хотите...

Блауменфельдъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Я скажу вѣчто любезное, а не злое. Вашъ Армянинъ дѣлаетъ прекрасныя кокетсы... Я такъ ими замѣть что не захожу времени ни для чего другаго...

— Кто и что вамъ больше всего понравилось при сегодняшней встрѣчѣ? спросила у Блауменфельда мадамъ Антоновна.

Блауменфельдъ усмѣкнулся и сказалъ:

— Мнѣ больше всего понравилась маленькая китайская собачка...

Всѣ засмѣялись.

„Вѣстовой“ поморщился; онъ былъ недоволенъ что хозяинъ и Блауменфельдъ прервали такимъ вздоромъ его глубокія разсужденія о дипломатическихъ церемоніяхъ... Потомъ слохватился и, принужденно улыбувшись, началъ разсказывать объ этой самой собачкѣ.

— Да, эта собака историческая. Когда союзныя войска взяли Пекинъ и китайскій императоръ, какъ извѣстно, бѣжалъ въ Монголію,—во дворецъ не нашили ни души... Только маленькія собачки бѣгали по заламъ и лааламъ. Одну изъ такихъ собачекъ...

Но Блауменфельдъ, насмытившись кетлетами, уже опять съ двусмысленнымъ взглядомъ и съ раздражающею улыбкой взглянулъ въ эту минуту поочередно на меня и на Натюшина.

Я снова готовился защитить боярина Вячеслава или дать отпоръ за себя, но онъ почему-то заблагоразсудилъ оставить

насъ пока въ лесѣ; а спрашивая себя на кого онъ теперь накинется. Жребій вышлалъ Петрову.

— А! Петровъ, а забылъ вамъ сказать новость. Въ канцелярію пришла бумага изъ Пертіи Турки требуютъ бѣлье Малемы, которое осталось у насъ въ чемоданѣ...

Добрый и умный Петровъ не оконфузилса и отвѣчалъ очень просто:

— Неужели? Они требуютъ?.. Ну, что же.. Я все доставлю. Тамъ кажется лишь нѣсколько платковъ и два фартука...

— Вы бы хоть одинъ платочекъ сохранили на память, оказалъ Бауменфельдъ какъ только могъ нѣжнѣе.

— На что мнѣ платокъ, возразилъ Петровъ,—я и такъ этой исторіи не забуду; а чрезъ все имѣлъ столько неприємностей! Развѣ можно забыть, когда со стороны овецъ Русскихъ ничего не видишь кромѣ предательства... Есабы меня поддержали во время, то все бы кончилось хорошо...

— Je demande une garantie éclatante! воскликнулъ Бауменфельдъ съ комическою важностью.

Петровъ ничего не отвѣчалъ на эту послѣднюю выходку и желая вѣроятно переменить разговоръ, обратилса къ хозяину съ вопросомъ.

— Я давеча поутру забылъ у васъ нѣсколько болгарскихъ книжекъ связанныхъ нѣтъ... Гдѣ они? Мнѣ они очень нужны...

Хозяинъ указалъ на окно, гдѣ лежала связка.. Но Бауменфельдъ не увидалса.

— Отдайте, отдайте ихъ скорѣе Петрову. Очистите поскорѣе воздухъ вашего жилища... „Български читанка“... „Български читанка“... Не правда ли какой благозвучный языкъ этихъ братьевъ-Улаванъ...

Мнѣ захотѣлось поддержать Петрова; я вѣтшалса и сказалъ:

— Это правда что всѣ эти языки и сербскій, и чешскій, и даже польскій намъ съ невпривычки кажутся чуть не карикатурами на русскій... „Стрѣлять—лудать“... „Человѣкъ, чилекъ-отъ“... Конечно это смѣшно. Но надо опредѣлить все это точнѣе и отдать себѣ ясный отчетъ. Звуки другихъ языковъ, совершенно намъ чуждыхъ по корню... не могутъ такъ оскорблять нашъ слухъ... напримѣръ французскій, турецкій или греческій... Хлѣбъ—экекъ, лебми, du pain.. Здѣсь мы встречаемса со звуками совершенно новыми,

которые могут показаться страданиями, но ничего смѣшного или глупого не могут намъ представлять.

Нетерпѣливый Петровъ, котораго я вздумалъ защищать, вдругъ перебилъ, началъ на меня и началъ обвинять меня въ расположеніи ко всему иностранному, въ какой-то „византизмѣ“, какъ онъ выразился, причудливости вкусовъ.

— Это одишь прѣдразсудокъ, женскій капризъ: почему „пугать“ хуже чѣмъ „страшать“ — я не знаю... Это распуцелность ума, кокетство въ родѣ женскаго!... выходилъ онъ изъ себя... расширяя на меня глаза, какъ будто онъ хотѣлъ перепрыгнуть чрезъ столъ и растерзать меня...

— Постойте, сказалъ я, — постойте, дайте мнѣ уснуть мою мысль...

Но въ ту минуту когда Петровъ обвинялъ меня въ византизскихъ претензіяхъ и умственномъ капризѣ, Блауменфельдъ, найдя что я предаюсь педантизму и довожу основательность моего тона до смѣшного, не далъ мнѣ договорить и съ лукавымъ взглядомъ, наклоняя моего голову на бокъ произнесъ насмѣшниво, не своимъ голосомъ, съ какою-то особенною градіей, какъ какая-нибудь плохая дама раставшая предъ плохимъ писателемъ:

— Отчего же вы обо всемъ этомъ не пишете диссертациа, статьи, этюда, молодой человекъ... очерка, чтобъ это все определять точнѣе и отдать ясный отчетъ, если не другимъ, потому что это невозможно, то хоть самому себѣ...

Это было смѣшномъ! Прошла минута молчанія и я отвѣтилъ на это такъ:

— Теперь я займусь другимъ. Я хочу написать что-нибудь о жизни въ Буюкъ-Дере и описать васъ... Знаете какъ мыше пишутъ: „дверь отворилась. Вошелъ молодой человекъ высокаго роста и съ вебрежыми движеніями; лицо его довольно впрочемъ пріятное, несмотря на частыя улыбочки, выражало какую-то скуку и претензію на разочарованіе и превебреженіе ко всему... Хотя никто не могъ понять какія онъ на это имѣетъ права“...

— Это не душно, замѣтилъ Блауменфельдъ немного краснѣя. — А какъ же вы меня называете... Пожалуйста, не нужно этого немецкаго *блядь*. Я хочу русскую фамилію...

Я нахмурился:

— Надо однако чтобы что-нибудь напоминающее хоть ушны... Блаумель... Блаумель... Ну хорошо, я назову васъ по-русски Пустоцвѣтовъ!

Всѣ опять засмѣялись, но гораздо неудерживше и громче чѣмъ тогда когда Блауменфельдъ остроизъ про собаку.

Лицо Блауменфельда потемнѣло отъ досады, но онъ впрочемъ вышелъ изъ этого очень умно и просто. Онъ сказалъ по-товарищески и вовсе не сердито:

— Ахъ вы! Какъ вы смѣете мнѣ такіа вещи говорить...
Погодите, я вамъ послѣ за это задамъ.

(Я думалъ что тѣмъ все и кончится, но Блауменфельдъ послѣ этого долго избѣгалъ говорить со мной.)

Я взглянулъ мелькомъ въ сторону мадамъ Антоніади и прочелъ на лицѣ ея тихое и дружеское одобреніе...

Я былъ внѣ себя отъ радости и мысалъ что сердитый Блауменфельдъ, который былъ конечно не робкаго десятка, притаетъ мнѣ секунданта хотя и представилась моему уму тотчасъ же, но вначуть не смутила меня. У меня въ то время было какое-то мистическое (хотя и вовсе, каюсь, не православнаго происхожденія) чувство что меня хранитъ для чего-то высокаго невидимая и Всемогущая сила... и все будетъ служить моимъ выгодамъ, даже и опасности...

Завтракъ кончился, но пріятное возбужденіе у всѣхъ только успало послѣ него за чашкой кофе; образовались группы: хозяинъ, Антоніади, Петровъ и камеръ-юнкеръ спорили о будущности Турціи и въ особенности Боофора. „Воляриъ Вячеславъ“ занялся (на мое счастье) дѣвочкой Антоніади и показывалъ ей у стола картинки въ кипсекѣ. Около нихъ пристроился сентиментальный бѣлый евнухъ въ юлкѣ и тоже глядѣлъ въ кипсекъ. Я желалъ чтобъ она подошла и сама бы около меня, но не смѣлъ надѣяться на такую отважность со стороны Гречанки или, вернѣе сказать, жены Грека. Однако эта почти несбыточная и мгновенная мечта моя тотчасъ же осуществилась.

Блауменфельдъ „толкнулся“ было къ ней и что-то спросилъ у нея, но она, отвѣтивъ ему очень любезно слова два, отошла и сѣла опять на томъ же креслѣ, у того же окна гдѣ сидѣла предъ завтракомъ. Я забылъ сказать что я нарочно подошелъ еще прежде къ этому самому окну. О чемъ мы говорили съ ней подъ шумъ веселыхъ голосовъ, не знаю.

Я помню свое чувство, веселое, праздничное, любящее и мечтательное; я помню ея взгляды... Слово почти не помню... О „любви“ имъ конечно и не говорили... Мы говорили, я помню, о совсѣмъ постороннихъ предметахъ, быть-можетъ

даже о самых сухих... Но беседа наша была похожа на пустое албретте восхитительной оперы, на ничтожные слова прекрасной музыки чувств...

Изъ словъ я помню очень немногія... Я помню только вотъ что изъ нашей бесѣды:

— Вы хвалите Востокъ, сказала она, — а я терплю здѣсь большія умственные лишения. Одесса въ Россіи считается торговымъ городомъ; однако тамъ университетъ, библіотеки... тамъ есть умственная жизнь, а здѣсь этой жизни нѣтъ, и мнѣ очень скучно...

— На что вамъ университетъ... воскликнулъ я съ удивленіемъ.— На что вамъ библіотеки... Я бѣжалъ ото всего этого и счастливъ. Книги хорошія и здѣсь можно найти... Но вы напрасно думаете что въ мѣстахъ болѣе такъ-сказать *учимыхъ* больше мыслить... Почитайте газеты наши... Развѣ это мысля... Думайте сами больше, если это вамъ пріятно...

— Однако! возразила она резко и почти съ удивленіемъ.

Долго ли мы говорили или нѣтъ, я право не помню. Я помню дивный видъ изъ окна, вѣтерокъ съ пролива, благоуханіе са одежды, са галса, шумъ голосовъ вокрутъ и даже крики въ сворахъ... Я самшу и теперь еще всегда вначищуся рѣчь Несвацкаго, который говорилъ:

— Что касается меня, то я нахожу что Босфоръ долженъ стать международнымъ портомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого выраженія. Что мнѣ за дѣло если будетъ принадлежать Босфоръ Грекамъ, Англичанамъ или никому, — лишь бы разреши какъ можно больше садовъ, чтобы сдѣлалъ хорошую мостовую, чтобы была хорошая опера, парк и лубачивая лекція... Чтобы можно было, напримѣръ, слушать лекцларныя чтенія физики и химіи съ опытами... Помните этого милаго анекдотъ про химика Телара и про герцога Орлеанскаго? „Теперь эти два газа, кислородъ и водородъ, будутъ имѣть честь соединиться съ присутствіемъ нашего вначищуства...“

Эту рѣчь я слышалъ ясно, потому что при моихъ антиевропейскихъ культурно-патріотическихъ мнѣніяхъ она была ударомъ кинжала въ мое сердце, но я и на нее рѣшился не возражать, несмотря на *физическую* боль которую мнѣ причиняли подобныя мысли русскихъ людей, — до того я былъ занятъ *ее* въ эту минуту. Дальше ничего не помню изъ нашей бесѣды у окна...

Всѣ наконецъ стали расходиться; ушелъ и я. Я видѣлъ какъ супруги Автомиады вышли подъ руку; видѣлъ какъ они направились на набережной каукъ.

Мама была первая; мужъ подвѣлъ дочь и передалъ ее женѣ потому спустился за ней самъ и сѣлъ съ ней рядомъ на дѣтъ каука.

Сильный каукчи ударилъ веслами, и она скоро удалилась отъ берега.

Я долго глядѣлъ имъ вслѣдъ и мнѣ цѣлый день послѣ этого было очень скучно.

VII.

И на слѣдующій день мнѣ опять было какъ будто грустно. Я все думалъ о ней.

Какъ познакомиться съ нею покороче? сдѣлать или не сдѣлать ей визитъ? Ни она сама, ни этотъ ледяной ужасный мужъ ничего мнѣ не сказали объ этомъ. А между тѣмъ я что-то почувствовалъ, что-то прочелъ въ ея взглядахъ, въ ея недосказанныхъ словахъ въ ея движеніяхъ. Мнѣ казалось что во всемъ этомъ есть нечто большее чѣмъ простое желаніе видѣть меня у себя въ домѣ... Но какъ она мила и свѣжа и какъ она веселась! Какъ она пріятно, опрятно, казалось ужасно! Я видѣлъ такихъ блѣдныхъ, восковыхъ куколъ съ придвѣянными черными какъ снѣгъ бородами.

Я кажется уже говорилъ что не имѣлъ никакой опредѣленной и непремѣнно безразвѣстной ульи. Я заранѣе готовъ былъ *отречься* отъ ледяной любви. Я не стану въ этомъ разказѣ ни очернять, ни оправдывать свое давнее прошедшее, на что это? Я не стану уличить себя нравственно чрезъ мѣру и не стану возмущаться. Я не былъ тогда какимъ-нибудь величавымъ, чистымъ и „духовнымъ“ юношей, но не былъ и во всякъ случаѣ безразвѣстнымъ человѣкомъ. У меня были правила личной чести; у меня было великодушіе, у меня было желаніе наслаждаться „повсѣдній жизнью“, не причиняя никому страданій и обидъ даже если возможно не оскорблять и восковую куклу съ „прикасаемою черною бородою.“

Скажу еще проще я былъ по природѣ *добръ* и слабъ и зналъ нагѣрное что мои сношенія съ мадамъ Автомиады разстроить семейное счастье ея мужа, то я ни за что не

пошелъ бы къ ней. Но съ другой стороны мнѣ до того хотѣлось изящныхъ наслажденій, меня такъ сильно и почти ежеминутно томилъ жажда новыхъ впечатлѣній и какое-то боготвореніе полуидеальной полуидеальной любви... Мнѣ такъ вдыхалось часто, такъ нравились любовные стихи... Я съ такими невыразимыми восторгомъ перечитывалъ и повторялъ наизусть то Пушкина, то Фета:

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!..

Вотъ что мнѣ было нужно, вотъ чего я искалъ, вотъ о чемъ думалъ въ свободные отъ дѣлъ часы! Въ Манѣ Антоніади было именно то что мнѣ было нужно. Въ ней было нѣчто такое что меня томилъ; въ ней какъ будто таилось что-то изящно растапливающее, нѣчто тонко и сдержанно безразличное, нѣчто факое и душное, доброе и лукавое, тщеславно милое,—однимъ словомъ что-то такое что заставляло меня глубоко „вдыхать“, вздыхать *очаствлено*, вздыхать отъ той сладкой сосредоточенности которая тѣснитъ грудь и открываетъ предъ влюбленною мыслию безконечныя и восхитительныя, въ самой неясности своей, перспективы..

Такъ вздыхалъ я въ этотъ день, бродя по набережной Буюкъ-дере. Въ этотъ часъ еще не играла тутъ музыка и не пачивалось ежесекундное „европейское“ гулянье, которое я терпѣть не могъ. Не находя въ немъ ни личнаго интереса, ни той живописности и этнографической такъ-сказать прелести которая восхищала меня въ потивно народныхъ склонностяхъ Востока. Круговая пляска болгарскихъ мужиковъ подъ рѣзкую музыку воляки или тожна задумчивыхъ и нестрогихъ Турокъ, провожающихъ мертвое тѣло какого-нибудь собрата своего на кладбище, гдѣ многія сотни бѣлыхъ мраморныхъ столбовъ, увѣнчанныхъ чащаманъ, тѣснятся какъ привидѣнія въ густой и безмолвной рошѣ исполненныхъ калырисовъ,—казались мнѣ гораздо благороднѣе и многезначительнѣе этого „европейскаго“ шовалия цилиндровъ и жакетокъ туда и сюда, взадъ и впередъ по одному и тому же направленію, подъ звуки вальсовъ, пустыхъ кадрили и сапшкомъ уже знакомыхъ оперныхъ отрывковъ, напомнившихъ мнѣ ненавистный и тошнотный Петербургъ, изъ котораго я бѣжалъ въ Турцію чтобы хоть здѣсь скрыться отъ этого напосамаго и одуряющаго „прогресса“.

И вотъ я ходилъ по пустой набережной и „вздыхалъ“.

Воздухъ былъ жаркій и тяжелый; вторъ дулъ съ юга и ош-
ня волны Босфора гнѣдились и катили. Я не зналъ что мнѣ
дѣлать съ бездѣльемъ своимъ какъ вдругъ изъ переулка
вышла моя сѣдая и стоаь уважаемая мною мадамъ Ка-
лерджи. Она шла къ кому-то съ визитомъ; она шла своею
удивительно красивою и благородною поступью, на которую
я всегда такъ любовался. Она издали первая поклонилась
мнѣ съ приветливою улыбкой. Я счелъ ее въ эту минуту по-
славицей небесъ: она лучше всякаго другаго могла разрѣ-
шить мои сомнѣнїя на счетъ того дѣлать ли мнѣ визитъ су-
пругомъ Антонїади или нѣтъ?

Я подошелъ къ ней и еще разъ почтительно поклонив-
шись, предложилъ ей руку.

Она сказала мнѣ куда ее вести и къ счастью я услышалъ
что разстоянїе будетъ настолькоъ велико что мнѣ можно бу-
детъ объясниться съ нею.

Опершись на руку мою, эта милая женщина обратилась ко
мнѣ съ самымъ ласковымъ дружески насмѣшливымъ выра-
женїемъ лица и сказала коротко и выразительно: „*Seul, avec
sa repaée!*“

— Да, отвѣчалъ я ей, вы угадали: *seul avec ma repaée*..
Съ одною мысляю, съ однимъ тяжелымъ сомнѣньемъ, кото-
рое вы, именно, вы лучше всякаго другаго человѣка можете
разрѣшить.

— Что такое? Боже мой что такое! спросила она съ прї-
творнымъ и веселымъ страхомъ.

— Вотъ безлокоушь, колеблюсь и т. д. дѣлать ли мнѣ ви-
зитъ супругамъ Антонїади или нѣтъ?... Они мнѣ ни слова
не сказали, ни тотъ, ни другой; но вѣдь насъ познакомили и
она была довольно внимательна ко мнѣ; а онъ?... ну, онъ былъ
только вѣжливъ; впрочемъ я замѣтилъ на завтракъ что онъ
со жѣны таково.

Сѣдая красавица моя задумалась и опустила на минуту
глава внизъ.

Я чувствовалъ что не ошибся въ ней и что каяться
не буду въ томъ что обратился къ ней такъ прямо. Ни на-
мека, ни нескромнаго вопроса, ни улыбки безтактной или не-
доброй!.. Она тотчасъ же поняла въ чемъ дѣло и поняла что
я желаю бы серьезно отнестись къ этому, повидимому, несери-
озному дѣлу и поступила именно такъ какъ я того желаю
и какъ самъ счелъ бы должномъ на ея мѣстѣ поступить съ

другамъ. Послѣ всѣхъ этихъ неизбежныхъ и все-таки не совсемъ приятныхъ шуточекъ вашихъ посольскихъ кавалеровъ и дамъ, ея приемъ казался мнѣ небесно добрымъ и рыцарски честнымъ.

Ни намека, говорю я, ни улыбки, ни вопроса!

Она задумалась и спустила глаза.

Съ благоговѣніемъ я ждалъ.

Она подвела на меня свѣтлыя, честныя, но очень зоркія очи свои и сказала серьезно:

— Сдѣлайте визитъ... Сдѣлайте визитъ для чрезъ два-три, потому что они теперь уѣхали въ гости на Принцезы острова. Я и безъ того хотѣла вамъ сказать что мадамъ Автои-ади въ восторгѣ отъ васъ и не скрываетъ этого. Не скрываетъ даже и отъ мужа. Онъ восхищается вашимъ умомъ, вашимъ краснорѣчіемъ. Она узнала всѣ подробности той исторіи, благодаря которой вы живете здѣсь и называетъ васъ *малика-роль*. Этотъ ударъ хлыста! этотъ возгласъ: „Et vous n'êtes qu'un triste Européen“! въ отвѣтъ на крикъ оскорбленнаго противника „misérable“!—Это, говоритъ она, такъ своеобразно, такъ дышетъ крикомъ убѣжденіемъ. Это крикъ души: „Vous n'êtes qu'un triste Européen“!.. Я повторяю ея слова..

Я молчалъ нѣсколько секундъ, подавляемый счастьемъ; потомъ спросилъ:—А мужъ?

— Ахъ да, мужъ! сказала моя фея съ серебряными волосами. Мужъ... Онъ и доволень, и медоволень, даже очень доволенъ вами какъ Грекъ, и Грекъ Россіи не враждебный. Знаете, онъ кажется не гаулъ; онъ англоманъ въ привычкахъ, а въ политикѣ руссофиль; вѣдь это очень умно, не правда ли?

— Еще бы. Чрезвычайно умно! восклицуалъ я...—Что жъ дальше. Я слушаю... Я весь вниманіе...

— Ну, вотъ что изъ этихъ вкусовъ ясно, какъ онъ долженъ къ вамъ отнестись: какъ Грекъ очень хорошо, какъ мужъ прескверно...

Я невольно остановилась и въ недоумѣніи спросилъ:—Почему жъ?

— Развѣ это не ясно? что вы проговорили про семью христіанскую...

— Да! эти несчастныя слова мои; онъ меня до сихъ поръ мучать. Еслибъ я могъ предвидѣть что меня такъ скоро прервутъ и не дадутъ мнѣ изложить пространно мой взглядъ, то я ни за что бы этого не сказала! Я васъ умоляю,

позвольте мнѣ вамъ теперь все это объяснить. И если вы найдёте что въ моихъ словахъ есть доля истины, оправдайте меня предъ вами.

И я постарался изложить ей какъ можно осозательнѣе все о чемъ я тогда предъ завтракомъ едва успѣлъ подумать и всломить. Мадамъ Камерджи выслушала меня со вниманіемъ и нарочно замедлила свой шагъ. Когда я кончалъ, она сказала:

— Вы сами виноваты что начали съ конца. Теперь переносите наказаніе за вашу ошибку. Автоиади какъ мужъ, повторяю, негодуетъ на васъ, но какъ Грекъ, какъ вашъ единоверецъ, понимаете, онъ очень доволенъ вашимъ поступкомъ съ известнымъ вамъ „печальнымъ Европейцемъ“. Объ этомъ вѣдь такъ много писали въ греческихъ газетахъ и ваше имя въ греческой печати извѣстнѣе чѣмъ вы думаете. Онъ не любить ту націю, представитель которой пострадалъ отъ русской руки... Поэтому подите все-таки и сдѣлайте имъ визитъ. Онъ приметъ васъ внимательно и самъ конечно отдастъ вамъ его.

— Я пойду дня черезъ три, но какъ же вы такъ изучили его мнѣніе обо мнѣ? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Я не изучала. Онъ самъ все это говорилъ. Онъ при мнѣ вчера, въ одномъ домѣ, просто ужасался вашей замѣткѣ о семьѣ и говорилъ даже: „с'est inouï“... „с'est souverainement immoral ce que ce jeune homme a la hardiesse de prêcher“... А ваше дѣло съ ***, вашъ „ударъ хлыста“ хвалилъ, и радъ что начальство ваше выдаетъ васъ не влоавѣ, а только отчасти...

Мы были уже близко отъ дома куда она шла, но она была такъ снисходительна что продолжала идти все тише и тише, полагая что я имѣлъ еще что-нибудь сказать.

Но я былъ уже погруженъ въ безмолвіе тихаго блаженства... И съ чувствомъ положивъ ей руку, простился съ ней у воротъ богатаго армянскаго дома...

Я прожилъ послѣ этого два дня въ пріятномъ ожиданьи и мнѣ уже не было теперь скучно. На третій день я долженъ былъ сѣсть на пароходъ и ѣхать въ городъ чтобы сдѣлать имъ визитъ.

Но всѣ мечты мои, вся моя радость разлетѣлись въ прахъ! Я былъ человекъ подневольный. На второй день вечеромъ меня призвалъ начальникъ и сказалъ:

— Собирайтесь *непрелънно завтра* въ Адрианополь. Консулъ Богатыревъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ; ему необходимо сейчасъ ѣхать въ отпускъ. Онъ умоляетъ меня не задерживать васъ. Къ тому же это и для васъ выгодно: вы сейчасъ же вступите въ управленіе консульствомъ, и ваши противники, понимаяе (онъ показалъ съ улыбкой какъ бьютъ камнемъ), увидятъ что мы исподвца противъ нихъ весь догад дипломатической вѣжливости, перевели васъ, какъ будто въ угоду имъ, изъ мѣста столкновенія въ другой городъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не выдали васъ, потому что тотчасъ же поручая вамъ очень серьезный постъ. Вы понимаете что совершенно безъ уступки, хотя видимой, нельзя. Всякій Русскій можетъ быть радъ что вы его съзвали (чтобъ онъ не смѣлъ Русскимъ грубить); но вѣдь нельзя *открывать новую эру* дипломатіи побоевъ на основаніи вашего прецедента, который лично, положимъ, можетъ все-таки нравиться. Держите русское знамя высоко; я буду, вѣрьте, помогать вамъ; но старайтесь не прибѣгать ужъ слишкомъ часто къ такимъ *voies de fait*...

Я былъ и обрадованъ, и немного смущенъ этою рѣчью молодого и молодцоватаго нашего начальника: тутъ было столько и лестнаго, и ободрительнаго, и слегка насмѣшливаго, и повелительнаго, и товарищескаго.

Я, красна, поклонился и пошелъ собираться.

Службой своею я дорожилъ; скажу ясное: я ужасно любилъ ее, эту службу, совсемъ не похожую на вашу домашнюю обыкновенную службу. Въ этой дѣятельности было столько именно не европейскаго, не „буржуазнаго“, не „прогрессивнаго“, не мыслящаго; въ этой службѣ было тогда столько простора личной волѣ, личному выбору добра и зла, столько довѣрія со стороны національной нашей русской власти! Столько простора самоуправству и вдохновенію, столько возможности дѣлать добра политическимъ „друзьямъ“, а противникамъ безнаказанно и безъ зазрѣнія совѣсти вредить.. Жизнь турецкой провинціи была такъ пасторальна съ одной стороны, такъ феодальна съ другою!..

Итакъ я уѣхалъ изъ Царьграда и не успѣлъ ей сдѣлать визита. Я хотѣлъ служить хорошо, хотѣлъ наслаждаться борьбой за русскую идею на Востока и, конечно, въ эту минуту нашъ посланникъ, самъ молодой, самъ лихой и

чрезвычайно ласковый и умный, былъ мнѣ нужнѣе загадочной и лукавой этой Маши, полу-Гречанки, полу-Русской...

Я слѣдилъ любоваться и ухмалъ, не выдавъ ее больше. Но всю дорогу я безпрестанно думалъ о ней и пожималъ плечами съ удивленіемъ:

„На что такая ненужная встрѣча? такой мгновенный просвѣтъ безрѣлаго чувства; такіа пустыя и бессѣдныя вслышки безполезнаго огня? Изъ взглядовъ ея, чуть замѣтныхъ положимъ, изъ чего-то еще очень тайнаго, очень издалека ободряющаго въ словахъ и едва уловимыхъ движеніяхъ (я не могу даже выразить всего этого), и еще болѣе изъ разказовъ мадамъ Каалерджи о томъ что она восхищается мною, я видѣлъ что эти мгновенныя просвѣты были не въ моей только душѣ, но и въ ея, что огонь загорѣлся не во мнѣ одномъ, но и въ ней быть-можетъ еще больше...

Такъ хмалъ я верхомъ по скучной стелі южной Эракии и думалъ: „На что это?“ Я думалъ объ этомъ, завернувшись въ бурку подъ осеннимъ дождемъ; я вспоминалъ о ней на ночлегахъ, въ грязныхъ *хансахъ*; я видѣлъ какъ она входитъ въ церковь, какъ она идетъ мимо бѣлой стѣны посольскаго сада, какъ она держитъ дочь обнявши, сидя у окна... Я ломилъ ея ленты, ея лозы, ея перчатки, ея голосъ, и олять спрашивалъ себя: „На что все это?“

Наковецъ, мнѣ показалось что я поваля! Дождь пересталъ лить. Осеннее солнце снова тепло и весело освѣщало мелкую, сырую зеленую травку на пригоркѣ, гдѣ мы съ Цыганомъ суруджи * и турецкими жавдармами остановились на минуту, чтобы дать вздохнуть лошадямъ. Я сошелъ съ лошади и ходилъ взадъ и впередъ. Эта сырая зеленая трава напомнила мнѣ родину. И вдругъ представился мнѣ одинъ островокъ, посреди круглой сажалки въ заброшенномъ и олуствѣломъ дѣдовскомъ цѣвѣи. Я гулялъ однажды совсѣмъ еще юношей по этому забытому саду, въ маѣ мѣсяцѣ, и увидѣлъ что на этомъ островѣ, въ чащѣ густаго и грубаго лезняка цвѣтеть кустъ черемухи... Осыпанный бѣлыми цвѣтами онъ цвѣлъ и благоухалъ въ этой чащѣ; я его видѣлъ, но ни я, ни кто другой дойти до него не могли: на болотистой заброшенной, но глубокой еще сажалкѣ, не было ни лота, ни

* Верховой ямщикъ вольной турецкой почты.

мостика, ни простой перекладки... Черемуха цвѣла какъ будто сама для себя; я не могъ дойти до нея и *ни разу послѣ того* и не видавъ ни этого сада, ни этого имѣнья, ни сажалки этой, ни цвѣтущаго куста; но я *не забылъ его* и *не могу забыть...* И только...

Вотъ такъ и эта милая женщина останется на вѣкъ въ памяти моей; я ее больше, вѣроятно, и не встрѣчу, но образъ ея будетъ благоухать и цвѣсти въ моемъ воображеніи, какъ цвѣтеть до сихъ поръ въ немъ этотъ только издали мною видѣнный кустъ душистой черемухи!...

К. Н. ЛЕОНТЬЕВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПЕРЕЛОМЪ *

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

•

XVIII.

Mit der Dummheit kämpfen selbst die
Götter vergebens.

Schiller.

Въ верстѣ отъ Всесвятскаго экипажа остановились, такъ какъ по уговору „арестантъ“ изъ коляски Бориса Васильевича должень былъ пересѣсть здѣсь въ тарантасъ исправника и его спутника. Прощаясь съ нимъ предъ тѣмъ и дружески лжжмаа его холодную руку, Троекуровъ сказалъ ему:

— Ну, Гриша, до скорого свиданія, надѣюсь, а пока вотъ вамъ добрый совѣтъ. *Высертываться* не въ вашей натурѣ... да оно и не красиво въ сущности, промолвилъ онъ скороговоркой: — ведите же себя *тамъ* такъ какъ прилично сыну вашего отца. Помните его слова: „Пусть простятъ тебя прежде законъ и государь“. Руководствуйтесь этимъ: откровенное, полное сознание! Вы не можете не видѣть что

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4, 6, 9 и 10 1880, 1, 3, 4 и 7 1881 года.

поступали бессмысленно: вашихъ непростыхъ благодѣтелей народа этотъ же народъ разорветъ въ клочки при первомъ подозрѣніи что они „противъ царя бунтуютъ“. Народъ имъ не обмануть, какъ обманывалъ васъ этотъ негодяй... Вы отрицали сейчасъ ваше знакомство съ нимъ: это неаппетитное домыслилось! Не вы, а его *сыдала*; можете поэтому быть съ этой стороны совершенно спокойнымъ. Вамъ теперь *тамъ* никто и не поверитъ что прокламаціи получены вами не отъ него. А если бы вамъ удалось и разуверитъ *ихъ* въ этомъ, то вышло бы вотъ что: стали бы заодозривать и привлекать другихъ, невинныхъ. Этого ли вы желаете? строго спросилъ Борисъ Васильевичъ... и улыбнулся чрезъ мигъ какъ бы неволью прорывавшеюся, проищескою улыбкой:—А въ заключение, милый мой, примите къ свѣдѣнію что васъ *тамъ* ждутъ не волки, а овцы наряженные въ волчьи шкуры... а очень даже недовольно себя чувствующие въ этой роли волковъ, договаривалъ онъ сквозь зубы.—Вы можете быть Сальвио Пеллико читали, воображаете себя какой-нибудь Шлильбергъ или Кевинштейнъ, съ желѣзными затворами, цѣпами въ стѣнахъ и всякими романтическими пытками? Разочаруйтесь, юноша: васъ будутъ укладывать спать на пружинномъ матрацѣ, кормить отлучно и угощать такими же отличными сигарами если вы ихъ курите...

— Борисъ Васильевичъ, прервалъ его Гриша весь покрасивъ,—вы меня ужасно презираете!

— Это почему?

— Вы утѣшаете меня будто малаго ребенка.

Тотъ засмѣялся:

— Ни то и ни другое. Не утѣшаю, такъ какъ говорю вамъ чистѣйшую правду о необыкновенной „гуманности“ (такъ вѣдь это у васъ по новому говорится?) которая ждетъ васъ тамъ гдѣ ея пожалуй менѣе всего ожидать слѣдовало бы. А презирать васъ за что? Развѣ больныхъ презираютъ? А вы... вы сынъ вашего времени и не ушли отъ его болѣзни... Э, да что тутъ говорить! къ удивленію молодого человѣка вскакивалъ нежданно Троекуровъ, нервно заморгавъ, какъ бы отъ ощущенія внезапной, внутренней боли,—развѣ у каждаго поколѣнія, у насъ, не было, нѣтъ своей болѣзни!... Хорошо если, какъ у васъ, не продолжительна она и пройдетъ безъ слѣда...

Овъ такъ же неожиданно оборвалъ и замолкъ, отвернувшись отъ своего слутника.

— Ну, прощайте, молодой человекъ, сказалъ онъ, оправившись вдругъ,—васъ эти господа ждуть... вотъ и исправникъ идетъ за вами... Прощайте, и еще разъ: кайтесь откровенно, какъ это велитъ вамъ собственное сердце ваше, я знаю...

Гриша, глотая слезы, крѣпко обнялъ его и поцѣловалъ.

— Успокойте отца... Я только за него боюсь! прошепталъ овъ ему на ухо, и стремительно выскочивъ изъ коляски лобѣжалъ къ тарантасу.

Исправникъ между-тѣмъ подошелъ къ Троекурову:

— Вы обо мнѣ дурно судите, Борисъ Васильевичъ, началъ овъ, съ видимо надуманною рѣшительностью и вѣстѣ съ недолимымъ смущеніемъ,—и имѣете на это основаніе, признаю... Но повѣрьте, еслибъ я могъ предвидѣть... Сбитые мы всѣ съ толку люди, чувствую! вырвалось у него вдругъ стелющимъ звукомъ изъ груди, и овъ какъ бы еще болѣе сконфузился.—Прощу извиненія...

Овъ торопливо поднесъ руку къ фуражкѣ и, замѣтно избѣгая подать свою или принять руку собесѣдника, также поспѣшно наклонилъ голову, повернулася и почти бѣгомъ направилася обратно ко своему экипажу.

— „Сбитые съ толку люди“, повторилъ про себя Троекуровъ, задумчиво глядя ему вслѣдъ,—да... „Одержимые“ всплывило ему вдругъ слово маленькой, „полумуродивой“, какъ почиталъ онъ ее, пріятельницы жены его, Лизаветы Ивановны Срѣтенской, переданное ему однажды Сашенькой и поразившее его тогда,—„одержимые“, да, всѣ... всѣ мы... И странно: овъ, этотъ какой-то фантазеръ въ полицейскомъ мундирѣ, овъ мнѣ въ сущности сказалъ то же самое что и за минуту предъ этимъ говорилъ Гришѣ...—Овъ усиленно заморгалъ опять прищуренными глазами...—Да, только источникъ и свойства болѣзни иныя, словно въ утѣшеніе себѣ сказалъ овъ чрезъ мигъ, какъ-то неопредѣленно улыбался.

Овъ откинулася въ уголъ коляски и нетерпѣливо крикнула кучеру:

— Ну, пошелъ!..

Лошади помчали...

Звонъ колокола, слышимый на весь домъ, возвѣщалъ обыкновенный часъ когда Троекуровъ входилъ въ свои покои.

— У барыни гости, доложилъ ему въ уборной камердинеръ, подавая ему переодѣться.

— Кто такіе?

— Госпожа княгиня Шастунова и господинъ Моховъ, чиновникъ изъ губерніи... Да съ княгиней еще одно духовное лицо прибыло, добавилъ чуть-чуть усмѣхался камердинеръ, еще молодой, франтоватый и лукавый малый.

— Какое духовное лицо? спросилъ Троекуровъ, взглянувъ на него строгими глазами.

— Не могу знать-съ, отвѣтилъ тотъ, принимая немедленно почтительнѣйшій и даже съ отбѣнкомъ дураковатости видъ:— священникъ ихній, полагать должно такъ.

Борисъ Васильевичъ вытмался, перемѣнилъ бѣлье и костюмъ, и съ едва скрываемою на лицѣ досадой на предвидившуюся имъ „адскую скуку“ прошелъ въ столовую.

Хозяйка съ гостями стояли тамъ еще у стола съ закуской.

— А, вотъ и мой мужъ! воскликнула радостно Александра Павловна завидя его: — я совсѣмъ не ждала тебя къ обѣду, Борисъ, думала что ты тамъ, у Юшковыхъ, останешься... Чтò у нихъ? говорила она, пока онъ раскладывался и ложился коротенькіе, все также унизанные брилліантовыми перстнями, пальцы Аглаи Константиновны.— Ты, надѣюсь, monsieur Мохова помянешь? слыхватилась она, обертываясь въ сторону молодого чиновника. Розовыя ея щеки зааѣли при этомъ уже совсѣмъ лунцовымъ колеромъ, и она тутъ же отвернулась:

— Очень радъ, учтиво произнесъ хозяинъ, ложима рука гостя, покрасѣвшаго въ свою очередь какъ пловъ при сей вѣрмой ocasiu (онъ былъ все такъ же застѣчивъ и горѣлъ все тѣмъ же пыломъ юношеской страсти къ той же Саменькѣ)...

— Permettez moi, cher monsieur Троекуровъ, возгласила въ то же время княгиня своимъ лѣвучимъ голосомъ,— de vous présenter mon aumônier, le père Пареевъ... Il est très comme il faut pour un prêtre, добавила она уже шепоткомъ и значительно помахивая головой,— c'est pourquoi je me suis permis de l'amener avec moi chez vous.

„Духовное лицо“, котораго просвѣщенная Аглая Константиновна представляла подъ затѣйливымъ названіемъ своего „aumônier“, былъ рослый, широкоплечій и курносый господинъ лѣтъ тридцати, изъ того тала людей которыхъ зовутъ „бѣлыми неграми“, гораздо короче остриженнымъ чѣмъ это вообще

помогается въ священническомъ савѣ, съ подстриженною же свѣтлорусою бородкой и въ щеголеватой, тонкаго темновозеленаго сукна рясь, изъ-подъ широкихъ рукавовъ которой выставлялись рукава шелкового подрасника цвѣта pensée, а у самыхъ кистей рукъ блестящяи оправленныя въ золото аметистовыя запонки на выдернутыхъ, замѣтно, съ особеннымъ тщаніемъ впередъ рукавчикахъ сорочки безукоризненной бѣлизны; такая же бѣлая линія откладныхъ, *по-сеттски* скроенныхъ воротничковъ, застегнутыхъ такою же аметистовою запонкой, видѣлась надъ совершенно низкимъ воротомъ рясы. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ тонкій носовой платокъ съ какими-то голубенькимъ по бортамъ его рисункомъ и небрежно обмахивалъ имъ свое чертвое-бурое лицо, въ ожиданіи когда кончить говорить его патронесса, не то сплоскательство, не то скупчиво ухмыляясь крупными неприятными губами.

— Тгор „сонтте il faut“ даже, подумала Александра Павловна, мелькомъ взглянувъ на него и избѣгая въ то же время его, какъ услѣла ужъ она замѣтить, самоуѣреннаго, чтобы не сказать дерзкаго, взгляда.

— Парсеній Виссаріоновичъ Леbedкинъ, отчеканилъ онъ самъ густымъ груднымъ баритономъ вслѣдъ за представленіемъ книгими, развязно кланялась и первый протягивая свою правую руку на встрѣчу чаемой руки хозяина.

Тотъ какъ бы не замѣтилъ ея и, не подавая своей, указалъ ею на столъ за который ужъ усаживались дамы:

— Милости просимъ, сулъ подавъ, сказалъ онъ ему коротко и сухо.

Развязный „amphônier“ нѣсколько олъшиая, опустился на стулъ подлѣ Мохова и, развернувъ свою салфетку, презрительно повелъ губами.

Троекуровъ сѣлъ въ свою очередь подлѣ гостыи. Глаза его мгновенно и безлокойно обѣжали кругомъ стола.

— Кыры не будетъ! послѣшно выговорила Сашенька, угадывая кого цскали эти глаза:—у мей, у бѣдной, ужасно голова разболѣлась, она легла даже...

— Mais je la verrai, j'espère? залѣла княгиня;—вы знаете, она всегда была ma grande favorite. У мей un je ne sais quoi, которое мнѣ ужасно нравится ma pauvre Lina défunte. Она вздохнула, повела глазами вверхъ и не деремѣлая цитовадіи:—А какъ вамъ не стыдно, chère madame Troekourof, что вы до сихъ поръ не видѣли моей церкви, которую я устроила

en sa mémoire... Въ самомъ домѣ, она у меня, dans un des faugettes. Тамъ прежде театръ былъ въ этомъ фауgettѣ, et pauvre Lina y a même joué le rôle d'Ophélie dans une pièce de Shakespeare, и вотъ тутъ теперь я сдѣлала церковь... Вы непременно, et vous aussi, cher monsieur Troekourof, непременно должны прійхать ко мнѣ къ обѣднѣ un dimanche. Хотя это и mon oeuvre, но я должна сказать que c'est vraiment charmant... Она еще разъ вздохнула и сообщила уже таинственно:— cela m'a coûté les yeux de la tête, plus de cinquante mille, но за то c'est un vrai bijou, je vous assure; спросите отца Пареена.

— Храмикъ веселемскій вышелъ, дѣйствительно! одобрительно проронилъ тотъ, щурясь на молодую хозяйку, съ которою сдѣланный податъ неа Моховъ болѣзненно жаждалъ начать разговоръ, и все не рѣшался.

— „Веселемскій“? саркастично повторилъ Троекуровъ (отсутствіе княжны дразило его и лодымало ему всю желчь въ груди):— оригинальный эпитетъ хотя бы и для „храмика“!

Отецъ Пареевъ завернулъ подкладкой вверхъ рукавъ своей ряссы, взялъ тремя пальцами малютку ему дворецкимъ рюмку лафита, причемъ мизинецъ, съ какимъ-то наемъ женскимъ перстенькомъ, изящно оттаивалъ въ бокъ, выливалъ ее залпомъ и, ставя рюмку на прежнее мѣсто:

— По духу времени и характеръ постройки соответствующій, проговорилъ онъ на манеръ сенатіи и невозмутимо вытеръ себѣ губы салфеткой.

— Вотъ какъ! громко уже засмѣялся Борисъ Васильевичъ, съ любопытствомъ глядя на этого, еще не встрѣчавшіяся ему, вземляръ *современнаго* „духовнаго лица“.

— А вы въ наши страны надолго? обратился Троекуровъ любезно къ сдѣвшему противъ него Мохову.

— У меня порученіе въ вашемъ уѣздномъ городѣ, заспѣшилъ отвѣтить тотъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ... Я бы конечно не позволялъ себѣ... такъ, отъ себя, явиться къ...

Онъ залпулся, словно зацѣплялся за бревно на пути, и не продолжалъ, но внимательнѣе глядѣвшій на него Троекуровъ ловялъ изъ выраженія его вдругъ смутившагося лица что за этимъ скрывалось что-то что онъ выговорить вслухъ считалъ почему-то неудобнымъ.

— Очень радъ напротивъ, очень радъ! сказалъ онъ ему все такъ же любезно и поощрительно улыбаясь.

Моховъ олустилъ глаза и наклонилъ благодарно голову...

— Et moi, vous savez, я отъ васъ прямо въ Москву ѣду! громко и тяжело вздохнула вдругъ Аглая Константиновна.

— Да-а? протянула Сашенька:—въ деревнѣ такъ еще хорошо въ эту пору...

— N'est-ce pas? И она вздохнула опять;—а никогда и не возвращаюсь изъ моего Сацкаго avant la mi-octobre... И вотъ она заставляетъ меня теперь тащиться въ городъ par cette chaleur и для такихъ... неприятныхъ объясненій...

— Кто это? невольно спросилось Александрю Павловной.

Аглая завздыкала опять:

— Mais vous savez, эта женщина, cette ex-Olga Akouline que mon fils Basile a fait la bêtise d'épouser et qui est si indigne du nom qu'il lui a donné... И она теперь все грозитъ мнѣ, elle continue de me menacer, что будетъ на меня жаловаться à Sa Majesté l'empereur pour un argent que je ne lui ai jamais pris, промолвила она, изображая движеніемъ губъ настолько же гадавности, насколько и презрительности къ такой неслыханной претензіи;—и здѣшній предводитель, un monsieur que je ne connais pas, былъ у меня и говорилъ что она пріѣзжала къ нему съ этимъ, и что онъ проситъ меня d'en finir avec elle à l'amiable, потому что иначе онъ считаетъ своимъ долгомъ написать объ этомъ губернатору чтобы тотъ *dovait do sentiria*, il m'a dit cela littéralement, c'est à dire, un domos на меня, à Sa Majesté, figurez vous cela!... И я васъ спрашиваю, воскликнула княгиня, входа ужъ очевидно въ лагерь,—если только ce monsieur est un honnête homme и что онъ не беретъ des взятки, et je crois qu'il l'est, жалостливо промолвила она,—потому что у него даже одной руки нѣтъ qu'on lui a coupée à *Sebastopol*, quel peut être son „долгъ“ когда у нея нѣтъ никакихъ документовъ, pas seulement un petit chiffon de papier противъ меня?

Троекуровъ чуть не злыми глазами взглянулъ на нее (она была ему еще болѣе гадка чѣмъ смѣшна):

— Что тотъ кто пріѣзжалъ къ вамъ съ этимъ добрымъ совѣтомъ, чествѣннѣишій и благороднѣишій человекъ какихъ я только знаю, въ этомъ вы можете быть увѣрены; что онъ буквально исполнитъ то чѣмъ онъ, какъ вы говорите, „грозилъ“ вамъ, въ случаѣ отказа вашего на соглашеніе съ вѣщей *belle-fille*, подчеркнул онъ:—это тоже такъ же вѣрно какъ то что я имѣю честь сидѣть подлѣ васъ за этимъ

столомъ. А что если у нея действительно нѣтъ никакихъ „документовъ противъ васъ“, то и ему и мнѣ равно очень хорошо извѣстно, княгиня, что сынъ вашъ сидѣлъ бы въ тюрьмѣ Sainte-Pélagie еслибъ она не заплатила великодушно его долга, отдавъ ему для этого весь свой, лично принадлежащій ей, капиталъ... При этомъ, безпощадно добавилъ онъ,—пропала у нея воѣ ея брилліанты, воѣ цѣнности которыя омыъ вашъ присвоилъ себѣ тогда же, безо всякаго уже ея спроса... Все это, нѣтъ сомнѣнія, будетъ официально подтверждено посломъ нашимъ въ Парижъ если вы и въ самомъ дѣлѣ заставите вашу невѣстку прибѣгнуть къ защитѣ правды.

Аглая вся поблѣднѣла даже подъ своимъ румянцами. Она растерянно поджала глаза на Бориса Васильевича и не выдержавъ „l'horrible expression de sa physionomie“, такъ выразилась она мысленно, обратила ихъ тутъ же на молодую хозяйку:

— Et voilà 'comment sont les hommes, chère madame Troekouroff! полулача, полуигриво проговорила она,—и все это потому что она une jolie femme... Elle ne le sera pas longtemps! совершенно неожиданно вскрикнула она чрезъ мигъ.

— Почему вы думаете? съ удивленіемъ спросила Саменька,—она еще совсѣмъ не такъ стара...

— Она очень больна, я узнала вчера, elle a fait une fausse couche très malheureuse, à la suite d'une chute...

И, еще нежданнѣе, княгиня послѣшшо вытащила платокъ изъ кармана и привалась плакать уже самымъ жестокимъ образомъ.

Молодая женщина даже испугалась:

— Княгиня, успокойтесь, дастъ Богъ, все благополучно пройдетъ...

— Vous ne savez pas, не слушая продолжала разливаться та,—с'était mon seul espoir что у нея родится сынъ, которому je pourrais léguer la fortune des Шапуновъ, потому, вы знаете, mon propre fils Basile est un raschitelъ et il a été exilé pour cela en Asie, по моеѣ просьбѣ, par Sa Majesté, et comme cela у меня былъ бы un petit-fils, а онъ былъ бы par mon testament мой единственный наследникъ, héritier unique, а Василию я назначила бы пенсію pour qu'il ne meure pas de faim... И ей тоже я хотѣла пенсію давать, чтобъ она могла жить прилично, comme mère d'un prince Шапуновъ, а совсѣмъ не такая злая какъ вы думаете, monsieur

Троекуровъ, je comprends très bien mon devoir... И я все это велѣла ей сказать, il y a plus d'un mois déjà, par monsieur Зяблицъ, un ancien ami à moi, а она ни на что не хотѣла согласиться, excepté seulement de venir accoucher chez moi à Судкое, и уѣхала въ Москву, и Богъ знаетъ какую велла тамъ жизнь pour une femme mariée, вѣчно съ этимъ écervelé, Ашанинымъ, qui la compromettait encore comme demoiselle, а теперь, comme exprès, взяла и сдѣлала une fausse couche qui tue toutes mes espérances, en germe je puis dire, заключаая Аглая, истерически клянувъ въ своемъ рыданіи.

— Какъ это случилось, вы знаете? обрывисто спросилъ Борисъ Васильевичъ.

— Il paraît что она, все съ тѣмъ же mauvais sujet d'Achani-ne, поѣхала въ коляскѣ въ Петровский паркъ, и тамъ пьяный кучеръ наѣхалъ на что-то и вывернулъ ихъ. Elle a perdu connaissance sur place, и думали что она убита. Il s'est trouvé que non, но въ тотъ же вечеръ съ ней это случилось, et après cela s'est déclarée une fièvre très dangereuse, dit-on... Monsieur Зяблицъ былъ въ это время въ Москвѣ, а его именно посылали pour parler de mes affaires avec elle, но онъ не услѣлъ, а только видѣлъ Ашанина, qui est, dit-il, dans un désespoir affreux, и который все это ему разказалъ... Евгений Владиміровичъ, comme de raison, сейчасъ же вернулся съ этимъ извѣстіемъ ко мнѣ въ Судкое... Parceque, vous comprenez, si elle doit mourir, говорила Аглая уже съ видимою тревогой въ чертахъ,—у нея могутъ найтись насѣдники какіе-нибудь, qui voudront faire du chantage avec moi насчетъ этихъ... денегъ, которые она теперь требуетъ отъ меня...

— Непремѣнно! съ короткимъ, злораднымъ смѣхомъ подтвердилъ Троекуровъ, отсылая рукою блюдо которое подавалъ ему въ эту минуту официантъ (онъ ничего не былъ въ состояніи встать и Сашенька съ безпокойствомъ замѣчала это).

— Vous croyez aussi? протянула княгиня, съ новымъ испугомъ вперяя ему въ лицо свои круглыя зѣницы. И вдругъ улыбнулась какъ бы противъ воли и какъ бы всломивъ вѣкое соображеніе при которомъ, въ ея сужденіи, и собственно ея опасенія, и „луганія“ ее другими (она не сомнѣвалась что „се méchant monsieur Троекуровъ“ нарочно, и даже съ особеннымъ удовольствіемъ, лугаетъ ее) должны будутъ оказаться самою пустою химерой. Она, согласно съ этимъ,

придала немедля своему голосу рассчитанную значительность, весьма противорѣчившую только что вырвавшейся у нея улыбки:

— Mais, vous savez, quand une personne se meurt, elle est toujours disposée à se réconcilier avec ses proches. Когда я узнала что она dans cet état, а сейчас же рѣшилась ѣхать въ Москву pour la voir и уговорить ее d'abandonner ses prétentions, а я de mon côté все ей прощу, Богъ съ ней, qu'elle meure tranquille!

Аглая Константиновна вытщила еще разъ платокъ изъ кармана, какъ бы собираясь отирать новоготовящіяся слезы; но слезъ на этотъ разъ не случилось въ запасъ, она испустила только глубочайшій вздохъ и домоавила, покачивая головой съ такимъ видомъ, будто разумѣла этимъ что-то не то очень жалкое, не то чрезвычайно глубокомысленное:

— И я нарочно для этого взяла съ собою le père Пареевъ, pour qu'il lui parle de religion.

Троекуровъ не выдержалъ: его промалъ неудержимый, судорожный хохоть...

Княгиня даже привскочила на своемъ стулѣ:

— De quoi riez vous si fort, monsieur Троекуровъ?

— Вашей изобрѣтательности, княгиня, вашей изобрѣтательности! Заставить „religion“ служить практическимъ цѣлямъ, это выходитъ у васъ такъ остроумно и тонко что хоть любому святому отцу иезуиту будетъ въ пору!...

— N'est-ce pas? воскликнула Аглая, совершенно усложившая и совершенно довольная.

— Несомнѣнно!...

Глаза Бориса Васильевича встрѣтились мечаянно въ этотъ мигъ съ глазами отца Пареева.. Онъ не продолжалъ:

Развязный „аишониер“ видимо наслаждался его бесѣдой съ умною княгиней, онъ небрежно поигрывалъ своимъ ножомъ и глядѣлъ на говорившаго поощрительнымъ взглядомъ, словно говоря: „А ну-ка, поддай ей еще горяченькаго, мнѣ на потѣху“.

„Кто изъ нихъ мерзѣе, право, не знаю,“ подумалъ Троекуровъ, съ едва скрываемою гадливостью отворачивая отъ него лицо...

А у молодой жены его негодовало сердце на „безсердечную, гадкую жадность этой женщины“, такъ что она не въ силахъ была не выразить этого:

— Вы объщаетесь простить ей, княгиня, проговорила она возбужденнымъ голосомъ,—это очень хорошо, если она предъ вами виновата; а сами думаете вы просить у нея прощенья?

Та вскинула на нее глаза въ величайшемъ изумленіи:

— Et pourquoi est-ce que je le fais? Чтѣ я ей сдѣлала?

— Это вы лучше меня должны знать, отвѣтила Сашенька и губы ея дрогнули при этомъ,—но она была у меня и разказывала что пріѣзжала къ вамъ въ Сидкое, и вы ее къ себѣ на дворъ не пустили, жену вашего сына... И она теперь, бѣдная, говоритъ вы, можете-быть умереть... Развѣ это не останется на вашей совѣсти?...

Аглая ужасно разобидѣлась:

— Я никогда не ожидала, chère madame Troekourof, захныкала она сразу,—что вы мнѣ въ вашемъ домѣ будете говорить des choses aussi épouvantables!

— Я вовсе не хотѣла, княгиня! восклицнула, вся заалѣвъ Александра Павловна, вспоминая вдругъ къ чему обязывали ее и благовоспитанность, и приличіе, и долгъ хозяйки, и не смѣя подвѣять глазъ ни на гостью, ни на мужа... Въ лицѣ ея выразилось столько растерянности и страданія что изнывавшій по ней Моховъ почувствовалъ себя въ эту минуту готовымъ „тутъ же, на мѣстѣ, развести въ клочья эту злосредную старую колоду“, сидѣвшую противъ него въ кружевахъ и брилліантахъ, и которая „смѣетъ оскорблять словами этого ангела, когда не такихъ еще словъ заслуживала бы она“...

— Parceque cette femme a suborné mon fils Basile, причитала между тѣмъ „зловредная колода“, продолжая разливатьса,—когда онъ avec son nom et la fortune qu'il devait tenir de moi могъ сдѣлать le plus beau parti de Saint-Petersbourg... Онъ очень много тратилъ денегъ pour ses coquines françaises, c'est vrai, но я согласилась даже qu'il épouse une non-titrée, mais du moins de bonne famille... Я ѣздила тогда нарочно въ Петербургъ, и мнѣ тамъ говорили, on m'a proposé même... une demoiselle Savatief, très belle, у нея мать née princesse Mordovtsef, et puis une famille très influente, surtout la soeur, madame Basine: она со всѣми министрами première amie, и Basile par cette alliance былъ бы сдѣланъ aide de camp de Sa Majesté при первомъ случаѣ... А вмѣсто этого il est en Asie!.. И я за это должна еще d'après vous demander pardon à cette affreuse femme?..

Сашенька молчала; она только поперемѣнно то блѣднѣла,

то красѣла, и все тошнѣе, и все гаже становилось у нея на сердцѣ.

Отвѣтилъ за нее мужъ:

— Княгиня, самымъ серьезнымъ тономъ началъ онъ,—я совершенно понимаю какъ аристократической особѣ, какъ вы, должно быть непріятно что сынъ вашъ Basile женился на такой „affreuse femme“ какъ эта, которая не только „poutitrée“, но еще и осмѣливается требовать отъ васъ свои деньги. Но, волервыхъ, вы же сами везете ей для этого „le père Пареевъ“, который долженъ будетъ говорить ей „о религіи“, то-есть уговаривать ее отказаться отъ этихъ денегъ въ вашу пользу, и я не имѣю никакаго основанія сомнѣваться въ его талантѣ, а слѣдовательно и въ его успѣхѣ. А, восторыхъ, смерть, Богъ дастъ, избавитъ васъ и совсѣмъ отъ этой „ужасной женщины“, Basile votre fils станетъ снова à prendre, вернется „изъ Азіи“, и вы будете имѣть полную возможность, хоть чрезъ мѣсяцъ послѣ того, женить его на mademoiselle Savatief, у которой сестра „première amie de tous les ministres“, и произведетъ его, я не сомнѣваюсь, не только во флангель-адъютанты, а хоть... въ егермейстеры, если это ей съ вами вздумается. Такимъ образомъ вы остаетесь въ двойномъ выигрышѣ, на что же вамъ жаловаться?..

Александра Павловна, все также внутренно волнуясь, подыала на мужа глаза полные упрека. Но онъ былъ правъ въ своемъ разчетѣ: его рѣчь не только не возбудила новой бури въ опечаленномъ существѣ княгини Аглаи Константиновны, но разсѣяла въ ней и прежнія тучи. Осыпанное лудрою чело ея мгновенно прояснилось, глаза просохли, на притертыхъ помадою губахъ скользнула улыбка... Она сошла впрочемъ нужнымъ слегка вздохнуть при этомъ.

— Certainement, si cela arrive comme cela, пролетела она,—то все къ лучшему...

Она взглянула въ лицо Бориса Васильевича долгимъ и лукавымъ, по намѣренію, взглядомъ.

— Vous êtes, je vois, un homme de beaucoup d'esprit, monsieur Троекуровъ! рѣшила она нежданно, какъ бы ошвенная внезапнымъ вдохновеніемъ, и окончательно просіяла.

Послѣ обѣда общество перешло въ гостиную. Вслѣдъ за кофеемъ и ликерами камердинеръ Бориса Васильевича принесъ ящикъ сигаръ.

— Кому угодно, господа? предложилъ хозяинъ.

Моховъ отказался. Отецъ Паренъ, заворотивъ опять вверхъ подкладку рукава, погрузилъ немедленно лальцы въ ящикъ, вытащилъ сигару и поднесъ ее къ ноздрямъ съ видомъ знатока.

— *Лосъ Амизосъ?*

— Кажется... Самъ я не курю сигаръ. Говорятъ, хорошія.

— Вижу, и цѣню!... Цѣню вообще все *хорошее*, подчеркивалъ тотъ и пріятно осклабился при этомъ.

Троекуровъ только глазами моргаулъ.

— Имѣлъ случай курить превосходнѣйшія этого самаго сорта въ С.-Петербургѣ, продолжалъ „аишѳниер“, закуривая и набирая дыму половъ ротъ,—у одного благопріятеля моего, и даже родственника, тайнаго совѣтника Катапултова.... Изволите его знать?

— Не знаю.

— Директоръ одного изъ важнѣйшихъ департаментовъ государственной администраціи; орденъ Бѣлаго Ораа въ нынѣшнемъ году получалъ.

Борисъ Васильевичъ, не слушая его, всталъ и предложилъ Мохову пройти съ нимъ въ кабинетъ.

Но въ то же время княгиня Аглая Константиновна заявила желаніе проститься съ хозяевами и ѣхать, чтобы добратъся до шоссе засвѣтло. Ея не удерживали.... Она впрочемъ этимъ вскользь не обидѣлась, вспомнивъ приглашеніе на срокъ въ извѣстномъ Шиллауткаслѣ и что „*cela se fait toujours comme cela chez les gens bien*“, вѣжливо объяла Александру Павловну, причемъ заявила что она всегда съ особеннымъ удовольствіемъ бываетъ во Всесвятскомъ „*parce que votre maison est si bien tenue*“, пожала руку ея мужа съ улыбкой имѣвшею изобразить еще разъ вѣкое лукавство, и поплыла затѣмъ въ отведенную ей комнату переодѣться изъ своего визитнаго въ дорожное платье.

За нею поднялся и ея „аишѳниер“.

Троекуровъ раскланялся съ нимъ, опять не подавая ему руки. Благочестивая Сашенька со своей стороны никакъ не рѣшилась, прощаясь, подойти къ нему подъ благословеніе, и, поклонившись ему учтиво короткимъ поклономъ, побѣжала провожать свою гостью.

Увы, для отца Паренна уже не оставалось теперь сомнѣній: эти „аристократшкіи“ видѣли въ немъ все того же, прежняго „лопа“, „кутейника“, которыхъ они привыкли

„третировать анъ кавааль“; они не поняли что предъ вами пред-
стоялъ „человѣкъ *новыиъ взглядовъ и образованія, понима-
ющій примечіе* не хуже чѣмъ они“, какъ они моющій себя
руки французскимъ мыломъ и мѣняющій рубашку каждый
день.... „Проквосты, бѣлая кость!“ шепталъ онъ.

Хозяинъ и Моховъ остались въ ней одни.

XIX.

Qui trompe-t-on ici?
Beaumarchais. *Le mariage de Figaro.*

—
Welche Tollheit, welcher Unsinn
Hat den Kopf dir eingenommen?
Göthe. *Scherz, List und Rache.*

Молодой чиновникъ быстро окинулъ глазами кругомъ себя,
и съ новою краской на лицѣ (онъ, къ немалому своему стра-
данію, никогда не въ силахъ былъ превозмочь на первыхъ
порахъ врожденную ему робость) наклонился къ Троекурову:

— У меня къ вамъ... маленькое порученіе отъ господина
начальника губерніи, Борисъ Васильевичъ, торопливо прого-
ворилъ онъ, избѣгая встрѣтиться съ нимъ глазами.

— Что такое? спросилъ тотъ безъ малѣйшаго отгѣвка
позумленія въ голосъ.

Это какъ бы еще болѣе усилило робость его собесѣдника:

— Порученіе не совсемъ обыкновенное, забормоталъ онъ,—
и совершенно... келейное... Его превосходительство получалъ
изъ Петербурга запросъ по... по одному обстоятельству... на
который требуется обстоятельное... разъясненіе... И прежде
чѣмъ истребовать отъ... уѣздой полиціи онъ желалъ полу-
чить его... отъ васъ самихъ. Узнавъ что я имѣю честь
быть нѣсколько съ вами знакомымъ, онъ поручилъ мнѣ
просить васъ... такъ сказать, частнымъ образомъ...

— Сдѣлайте милость!.. Какое же это „разъясненіе“? По
какому-нибудь недоразумѣнію въ моемъ участкѣ?

— Да-съ, отчасти... Но при этомъ еще одивъ.... личный
постулокъ вашъ....

— „Личный мой постулокъ“? громко засмѣялся Троеку-
ровъ, — вотъ какъ! И вашъ губернаторъ требуетъ отъ меня
„разъясненія“ по этому поводу? Интересно! Что дальше?..

Моховъ послѣшшо сунулъ руку въ боковой карманъ,

вынулъ изъ него конвертъ, а изъ конверта тщательно сложенный номеръ лондонскаго *Колокола*:

— Начальникъ губерніи... проситъ васъ прочесть, вымогилъ онъ съ видимымъ усиліемъ.

Борисъ Васильевичъ взялъ нѣсколько недоумѣло листокъ, но, не развертывая еще его:

— Это что же? спросилъ онъ.

— Тамъ именно... изложено... не договорилъ Моховъ, подымая на него и тотчасъ же опуская вѣки.

— А! О моемъ „поступкѣ“?... Виновать, я никакъ не могъ понять сначала... „Разъясненіе,“ следовательно, требуется отъ меня по докладу господина Герцена? Оригинально во всякомъ случаѣ... Въ чемъ же дѣло?

— Вотъ тутъ-съ... на послѣдней страницѣ, въ рубрицѣ *Правда ли?*...

— А, да!...

И Троекуровъ началъ громко читать:

„*Правда ли* что въ ***скомъ губернскомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ состоялось на дняхъ рѣшеніе, по которому у крестьянъ ***скаго уѣзда, деревни Блицовъ, вопреки прямымъ статьямъ Положенія 19 февраля и чувству самой простой справедливости, выключены изъ надѣла и отмежеваны въ пользу бывшаго помѣщика луговыя угодья по Окѣ, которыми крестьяне эти цѣлою пользою пользовались, и что состоялось такой Шемакиевъ судъ чрезъ давленіе производимое на членовъ присутствія нѣкоимъ Троекуровымъ, мѣстнымъ феодаломъ изъ бывшихъ кавказскихъ вѣздатиковъ, которому въ недобрый часъ вздумалось промѣнять дешевые лавры военнаго каріериста на цѣль мирового посредника? Чего же смотреть г. Гундуровъ, состоящій въ числѣ этихъ членовъ? А еще адвокатъ ех professorъ крестьянскихъ интересовъ, которые онъ въ свое время и защищалъ законодательству въ крестьянскихъ комиссіяхъ! Но, какъ видно, съ тѣхъ поръ какъ перешелъ отъ словъ къ дѣлу, онъ, какъ истый московскій мудрецъ, тотчасъ и почувствовалъ умаленіе энергіи?“

„*Правда ли* что тотъ же *Кабардинецъ удалой*, облеченный въ цѣль мирового посредника, хлещетъ нагайкой по лицу встрѣчныхъ ему по дорогѣ съ безцеремонностью, а что хуже всего, съ безнаказанностью, немислимыми даже въ Большой Чечнѣ? Когда же перестанутъ эти Чингисхановскія отрывки заражать своею вонью воздухъ *освобожденной Россіи*?“

Она кончила и улыбулася. „И хотя бз одишь мускулъ дрогнулъ въ его лицѣ!“ подумалъ Моховъ, украдкою саѣдившій все время за выраженіемъ его физиономіи.

— Очень остроумно, сказалъ она;—и вагага даже только на леловицу.

Моховъ такъ и уставился на него:

— Вы признаете...?

— Чтѣ именно „признаю?“

— Приводимый здѣсь... фактъ.

— Ихъ два. Первый относится къ рѣшенію дѣла по слору о лутовомъ надѣлѣ Багаловскихъ крестьянъ съ ихъ бывшимъ помѣщикомъ. Она асаожель здѣсь совершенно согласно хотѣла, и вашь губернаторъ, вмѣсто того чтобы утрудять васъ посылкою ко мнѣ за „разъясненіемъ“, могъ бы самымъ простѣйшимъ образомъ провѣрить его самъ, вытребовавъ подлинное по этому дѣлу лостановленіе губернскаго присутствія, котораго она же состоитъ председателемъ. Она увидѣла бы, волевыхъ, подѣ мнѣ подпись своего предмѣстника и ловакомилася бы съ доводами послужившими оснoваніемъ составшемуся рѣшенію... А затѣмъ, съ невольною ироніей примолвила Трескуровъ, — согласенъ бы ему только разсудить: насколько я могу производить „давленіе“ на такихъ высокопочтенныхъ лицъ какъ Сергѣй Михайловичъ Гунауровъ и Иваноръ Ильичъ Рандевъ.

— Начальникъ губерніи, послѣшилъ сказать молодой чиновникъ, — и интересуется главнымъ образомъ саѣдующимъ сообщеніемъ, относительно...

— Относительно „Чигискаловскихъ отрывковъ“? засмѣялася съ гадаивымъ движеніемъ губъ Борисъ Васильевичъ, — можете на этотъ счетъ передать ему саѣдующее. Собственно ручная расправа *собоче* не входитъ въ мои привычки и то чтѣ читается здѣсь во множественномъ числѣ, она кивнула на листокъ и кивнула его на близъ стоящій столикъ, расписано вѣроятно для красоты слога. Но одного молодца, съ которымъ, прибавляю, я встрѣтился не случайно, в котораго *искала* встрѣтить, а; дѣйствительно, какъ сказано, „отхластала по лицу вагайкой“ *собственнолично*... и весьма даже жалѣю что недостаточно... Такъ и передайте вашему начальнику! закаючила она съ судорожно заморгавшими глазами и лобзавѣвающимъ лицомъ.

Моховъ смущенно ёрзулъ на своемъ стулѣ.

— Я, повѣрьте, Борисъ Васильевичъ, вполне убежденъ... и господина начальника губернии со своей стороны, какъ человѣкъ образованный, совершенно понимаетъ что при нашемъ положеніи и воспитаніи, невозможно предполагать чтобы *вообще*... Но вы изволите сами говорить... про *единичный* случай, конечно... но все-таки подавший поводъ къ этому сообщенію и ядовитой замѣткѣ, тѣмъ болѣе... досадной что, какъ вамъ извѣстно, *Колоколъ* имѣетъ такое вліяніе, читается въ правительственныхъ сферахъ министрами...

— Губернаторами, и даже волею, на поученіе дамъ и дѣвицъ, дозволяя владея въ его томъ Троекуровъ,—все это мы знаемъ. Что же изъ этого должно сѣдовать?

— Повѣрьте, Борисъ Васильевичъ, началъ опять извиняться Моховъ,—что не изъ какого-нибудь лустаго любопытства... А такъ какъ изъ Петербурга получена, между нами, секретная бумага съ запросомъ относительно... этой самой замѣтки *Колокола*, то господину губернатору весьма было бы желательно имѣть обстоятельныя свѣдѣнія...

— О томъ съ кѣмъ и какъ дозволилъ я себѣ поступить „по Чингисхановски“? еще разъ договорилъ за него его собесѣдникъ:—ну, такъ скажите ему что относительно *сею* ему сѣдоваало послать васъ не ко мнѣ, а къ корреспонденту *Колокола* сообщившему отсюда объ этомъ Герцену; онъ бы вамъ это все „разъяснилъ“ отлично, еслибъ это отъ него *серьезно* потребовали.

— Къ какому корреспонденту? открывая большіе глаза воскликнулъ молодой человѣкъ.

— А вашъ начальникъ не счелъ нужнымъ сообщать вамъ его имя?

— Онъ и самъ его не знаетъ, даю вамъ въ томъ честное мое слово, Борисъ Васильевичъ!

— Въ такомъ случаѣ пусть справится лотчательнѣе въ своей канцеляріи, а не найдетъ, пусть спроситъ самихъ тѣхъ отъ кого получилъ „запросъ“. Они тамъ *знаютъ*, можете ему это сказать отъ меня. А затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ „разъясненій“ я давать не намѣренъ, не почтя господина Герцена и его сотрудниковъ ни прокурорами, ни судьями моихъ поступковъ, и мнѣ остается только сожалѣть что вашъ губернаторъ, повидимому (да и онъ ли одинъ!), смотритъ на вещи иначе... А теперь довольно! сказалъ Троекуровъ вставая и ласково притрогиваясь къ плечу молодого человѣка,—пойдемте пройтись въ садъ...

Но тотъ чувствовалъ себя такъ неловко что сталъ молить, вмѣсто прогулки, совсѣмъ отпустить его, объясняя что ему необходимо нужно быть сегодня же въ городѣ, повидаться съ исправникомъ, который настоятельно просилъ „господина начальника губерніи“ уволить его отъ должности, между тѣмъ какъ „его превосходительство“ очень желаетъ удержать его „какъ университетскаго“ и т. д. Появленіе вернувшейся въ эту минуту въ гостиную Александры Павловны какъ бы еще усилило его замѣшательство: ему показалось что она входя, слегка поморщилась и повела на него досадливымъ взглядомъ, рассчитывая застать мужа одного (онъ не ошибался). Удержать его не было уже никакой возможности, но хозяйка и тутъ же присоединившаяся къ нему Сашенька успѣли обязать его словомъ „не забывать ихъ“ и вернуться во Всесвятское на обратномъ пути. Моховъ раскланялся, чуть не плача отъ тоски и досады на себя, и уѣхалъ.

— Я сейчасъ была у Киры, Борисъ, заговорила молодая женщина какъ только они остались одни:—ей лучше, но она просила меня оставить ее одну, ей спать захотѣлось... Какъ я рада что ты вернулася къ обѣду, перебила она себя, — а бы не знала что дѣлать одна съ этою княгиней и этимъ священникомъ, не священникомъ котораго она привезла съ собою. Quel monstre de femme, не правда ли? Я просто вся дрожала когда она говорила объ этой несчастной своей belle-fille... А ты, Борисъ, да, зачѣмъ ты вздѣлъ къ Юшковымъ и какое тамъ „доброе дѣло“ долженъ былъ ты сдѣлать, какъ говорилъ старичекъ Павелъ Григорьевичъ?..

Троекуровъ молча, закусивъ усь, глядѣлъ на жену изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ и думалъ, слушая ее, свою невеселую думу: „Третій годъ замужемъ, а все та же *дѣвочка*, наивная, добренькая, и *добрѣющая* съ каждымъ днемъ, добавляя онъ мысленно съ кислую усмѣшкой,—и ничего au delà, ничего!... Нѣтъ, я не виновать, такъ нельзя дальше, нельзя!... Я думалъ войти, въ заливъ, въ тихую пристань, но въ заливъ бьетъ съ моря живая волна, а это, это болотное озеро, засасывающее все что у меня еще осталось молодости... А я жить хочу!...“

— Что съ тобою, Борисъ? спрашивала его между тѣмъ троекуровъ Сашенька:—ты не отвѣчаешь мнѣ...

— Виновать, я не разслышалъ... Ты такъ быстро переоскакиваешь вѣчно съ предмета на предметъ... О чемъ ты теперь начала?

Она повторила съ еще большею поспѣхъ этихъ словъ тревогой въ большихъ, устремившихся на него глазахъ.

Она пожелала, какъ бы собиравъ разбросавшіяся мысли...

— Гришу жандармы въ Петербургъ увезли, сказалъ она прищурившись на открытыя двери въ садъ.

Она испуганно всластнула руками:

— Творецъ небесный, за что?

Она объяснила.

Александра Павловна слушала его съ лихорадочнымъ вниманіемъ...

— Это не она выдумала! пылко вскакивала она когда тотъ кончилъ:—такой хорошій, благородный мальчикъ, сынъ такихъ родителей... и вдругъ противъ государя, а никогда не повѣрю! его подучила...

— Само собой!

— Кто же, кто, знаютъ это?

Мужъ обернулся вдругъ на нее съ какою-то „ужасною“, показавшись ей, умишкой:

— Не кто иной, протянулъ онъ,—какъ двоюродный нашъ братецъ съ вами, Иринархъ Федоровичъ Овцынъ.

Сашенька какъ стояла такъ и упала въ кресло; ноги у нея подкосились.

— Иринархъ! едва въ состояніи была она проговорить;— развѣ онъ былъ въ вашихъ мѣстахъ?

— Осчастливилъ, засмѣялся Троекуровъ,—Гришу Юшкова крѣпостью, меня переломомъ ноги.

— Такъ это онъ... не договорила она и вся вдругъ выпрямилась и вздрогнула.—Отчего же ты это отъ меня скрывалъ до сихъ поръ, говорилъ что не знаешь, не замѣтилъ будто кто въ тебя кинулъ лакаю тогда?... Если это былъ секретъ и ты не хотѣлъ его выдавать, такъ зачѣмъ же ты повѣрилъ это Куръ, а не мнѣ, жемъ твоей? спрашивала она съ засверкавшими глазами.

— Вмѣсто упрековъ вы должны были бы, кажется, быть благодарны мнѣ за это, холоднымъ тономъ возразилъ онъ ей:—я скрывалъ отъ васъ его имя пока могъ, потому, во первыхъ, что узнать о прелестныхъ дѣяніяхъ этого вашего близкаго роднаго не могло и не можетъ, полагаю, доставить вамъ особенное удовольствие. А, вторыхъ, потому что то что можно повѣрить во всякое время княжѣ, вамъ сказать 'можно только въ случаѣ когда, какъ теперь, человекъ къ этому принужденъ... потому что она, не вы..

— Не я! глухо повторила молодая женщина.

— Нѣтъ! рѣзко подтвердилъ онъ,—потому что она умѣетъ владѣть собою, а вы, только волноваться, какъ малое дитя.

— Борись, и Сашенька разомъ зацѣлась слезами,—за что ты такой жестокой! Я вѣдь не виновата что Иривархъ какъ двоюродный братъ!...

— Слезы, такъ, этого не доставало! пропустилъ онъ сквозь зубы, подвигаясь съ мѣста не глядя на нее, и становясь тѣмъ злѣе чѣмъ менѣе чувствовалъ себя правымъ предъ ней;—и кто васъ думаетъ въ этомъ упрекать!...

Онъ прошелся раза два вдоль длинной гостиной, она продолжала тихо, тихо плакать, зажавъ ладонью свои глаза „волоокой Геры“, онъ подошелъ опять къ ней, къ ея креслу:

— Я вѣду завтра въ Петербургъ, словно уронилъ онъ сверху внизъ.

— Вдешь? вскрикнула она, мгновенно, скидывая на него вѣйки и бѣлѣныя какъ молоты.

— Въ Петербургъ, завтра, повторилъ онъ отчеканивая: „я молъ рѣшилъ и возраженій не допускаю.“

Она повела:

— Надоого? спросила она только.

— Не знаю. Надо Гришу выпутать... Я обѣщаю.

У нея будто камень съ плечъ свалился; слезы испарились, на щекахъ опять заигралъ румянецъ.

— Да, для этого! такъ и вышло у нея изъ груди,—что же, Борись, поѣзжай, это конечно „хорошее дѣло!“...

Онъ хотѣлъ что-то сказать на это и... и не рѣшился...

Она вкочила съ мѣста, быстро продернула руку свою подъ его локоть, прижалась головой къ плечу и прошептала:

— Милый, но, Бога ради, только не сердись на меня!

— Опять ребяческія выходки! угрюмо проговорилъ онъ на это, стараясь высвободиться.

Но она его держала крѣпко:

— Въ послѣдній разъ, милый, и больше никогда, кааюсь тебѣ! Ты мнѣ только на одинъ вопросъ отвѣть!

— Чтѣ такое?

Она въѣмъ взглядомъ, глубоко допытывающимся взглядомъ нагрузилась ему въ глаза:

— Скажи мнѣ, за чѣмъ именно такъ возмезидѣлъ тебя Иривархъ что рѣшился это сдѣлать?

Онъ въ свою очередь теперь тревожно и пытливо взглянулъ ей въ лицо:

— Передомить мнѣ ногу? змурясь и нетерпѣливо произнесъ онъ:—ты, вѣдь, слышала какъ это произошло тамъ, въ дугахъ... Ну, это онъ былъ, переодѣтый мужикомъ, и крикнулъ крестьянамъ чтобы не вѣрили мнѣ. Я кинулася схватить его, а онъ, защищаясь, швырнулъ въ меня ланкой.. Очень просто!..

— И только? спросила Сашенька, все также не отрываясь отъ него.

— Что „только“?

— Ты думаешь что онъ только „защищаясь“... И не имѣлъ никакой *другой* причины?

Троекуровъ заговорилъ вдругъ съ послѣдностью далеко необычною ему:

— Само собою, прежде всего ненависть которую всѣ подобные ему *déclassés*, неспособные серьезнымъ и упорнымъ трудомъ выбиться изъ ничтожества, чувствуютъ къ людямъ умнымъ, занимающимъ въ обществѣ „привилегированное“, какъ говорятъ они, положеніе...

— Да, понимаю, утвердительно кивнула она,—но кромѣ того...

Она какъ бы замаялась, приподняла на мигъ; и подвела затѣмъ голову со ввезалвою рѣшимостью:

— Ты знаешь что онъ былъ влюбленъ въ Киру еще тогда, въ Москвѣ, когда ты былъ мой женихъ, а потомъ пресѣдовалъ ее *de son amour* когда они оба жили въ Петербургѣ... Ты помнишь, у нея тогда была горничной моя Анфиса, и я ее взяла къ себѣ когда Кира уѣхала отъ насъ за границу послѣ смерти паша... Такъ она мнѣ рассказывала что Иривархъ тогда—онъ нехорошій человекъ, я знаю—Богъ знаетъ что говорилъ и предлагалъ Кирѣ, такъ что она приказала лаконцу не пускать его къ себѣ, и онъ потомъ всего одинъ разъ приходилъ къ ней и привнесъ бумаги, которыя она сожгла потомъ, ты знаешь...

— Знаю. Такъ что же? прервалъ ее мужъ, услѣдившій пока она говорила „привести въ порядокъ“ свою „вѣдливость“, какъ выражался онъ мысленно.

Сашенька слегка смутилась предъ полнымъ спокойствіемъ его тона...

— Нѣтъ... я думала... Я думала, повторила она не совсѣмъ твердо,—что онъ пріѣхалъ теперь сюда совсѣмъ не для того чтобы буйствовать крестьянъ (это ужъ такъ глупо!), а чтобы

какъ-нибудь увидѣться съ Кирой... И когда онъ полагалъ вѣрно что ты никогда не позволишь ему этого... то-есть, быть у насъ, то вотъ онъ тогда, со злости...

— Чтò жь, это вамъ олятъ ваша Аяфиса сообщила? не-удержимо вырвалось изъ устъ Троекурова.

Онъ высвободилъ наконецъ свой локоть изъ-подъ ея руки, отошелъ и опустился въ кресло, закинувъ голову за его спинку.

— Ни слова, напротивъ, живо возразила Александра Павлова:—я чувствовала что она знаетъ *кто* былъ этотъ *переломный*, но она ни за чтò не хотѣла мнѣ сказать... И это самое, приговорила какъ бы неволью молодая женщина,—что все отъ меня скрывали, это и дало мнѣ понять что Кира должна играть тутъ непременно главную роль...

— Чтò значитъ: „главную роль“? воскликнулъ онъ вдругъ раздраженнымъ голосомъ;—вѣдь только семилѣтнему младенцу въ пору разсуждать такъ, какъ вы! Если, по вашимъ же соображеніямъ, двоюродный вашъ братецъ явился сюда единственно чтобы добиться свиданія съ княжною, которая „еще въ Петербургѣ не велѣла его пускать къ себѣ“, то слѣдовало, или нѣтъ, мнѣ, обязательному защитнику ея пока она въ моемъ домѣ, оградить ее всѣми имѣющимися у меня въ рукахъ способами отъ наглости этого негодая? Вотъ въ чемъ вопросъ, вотъ въ чемъ *главное*, понимаете ли вы? уже кричалъ онъ.

— Борисъ, проделетала она растерянно,—я развѣ говорю противъ этого?..

Но его увосила волна внезапной, неодолимой, бѣшеной ярости:

— Чтò же это за допросъ, *подводь* какіе-то?... Чтò вамъ нужно отъ меня!.. Такъ вѣдь жить невозможно!..

Онъ будто проснулся такъ же внезапно, вскинулъ голову, шагнулъ къ стѣнѣ и судорожно держулъ за спурокъ колокольчика:

— Лошадь мнѣ сейчасъ подъ верхъ, Карабахъ! крикнулъ онъ вошедшему слугѣ, и быстрыми шагами направился къ своему кабинету.

Сашенька, со сжатыми до боли пальцами сложившихся рукъ, только глядя на него, вся замертвѣла...

XX.

Смѣтѣи глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей.

Полонскій.

Doch alles was dazu mich trieb
Ach, war so gut, ach, war so lieb!

Faust.

Черезъ четверть часа Троекуровъ мчался, какъ говорится, куда глаза глядятъ, на своемъ Карабахѣ, мимо только что убранныхъ полей, деревень и переулковъ, пытался „заморить“ эту бѣшеною скачкой свою буйную кровь. Это удавалось ему въ былые годы, когда такъ же какъ теперь „не слушало сердце разсудка“ и страсть, и гнѣвъ, и неудовлетворенныя желанія раздирали ему душу... Далеки были укъ отъ него эти годы и давно казалось ему, вынырнулъ онъ навсегда на надежный берегъ изъ ихъ мятельнаго водоворота. Но нѣтъ, онъ сознавалъ, вотъ она опять эта недооцманная, обаяющая сила зла, волшебное жарено незаконнаго, краткаго какъ сонъ, но неотразимо манящаго счастья... „И онъ возьметъ его, возьметъ, а тамъ будь что будетъ!“ проносилось у него въ головѣ, словно приплывъ какой-то вдругъ всплывшейся прежней, заветной когда-то лѣсни.

Солнце заходило, словно маѣя среди пурпуровыхъ облаковъ. День мпловалъ... И впечатлѣннн вынесенныя имъ изъ этого дня вслывали и толкались назойливою толлою въ его раздраженнои мысли: какой-то сверкающн лучъ на фонѣ чего-то скорбнаго, бессмысленнаго и раздражающаго... Доктринеръ-славянофилъ съ рыбой кровью и безнадѣжными рѣчами; невѣроятный, безвольный юноша, раслаивающнйся за отпущеннаго на всѣ четыре стороны виновнаго негодяя; старческое горе вопнющее къ полустителямъ сыновней заразы и гибели; социализмъ въ полицейскомъ мундирѣ, и атеизмъ въ священнической рясе; эмигрантъ, признанный закономъ „навсегда изгнаннымъ изъ предѣловъ отечества“, и терроризирующн въ то же время изъ за-моря весь сонмъ правительственныхъ властей... И ничего другаго крутомъ, кромѣ этого шутства, и безтолочи, и торжества пошлости и бессилн... „Развѣ можно жить въ такой странѣ!“ вырывалось лихорадочнымъ

капкомъ изъ его груди... И въ воображеніи его мгновенно выросла мраморный фасадъ венеціанскаго дворца съ широкими ступенями купающимися въ зеленой глади канала, безлунная ночь и крупныя звѣзды италіанскаго неба, черный островъ гонимы, и съ нимъ она подъ кружевною мантилей, гордая и таинственная какъ эта ночь, какъ этотъ утоляющій въ молчаніи и сумракѣ городъ... „За что ты такъ жестокъ Борисъ!“ звучалъ такъ же мгновенно, словно подъ самымъ ухомъ его, молящій и плачущій какъ у ребенка голосъ... Онъ вздрагивалъ и прижмуривался, и чрезъ мигъ опять улыбался какою-то вызывающею улыбкой. Ну-да, онъ жестокъ, что же дѣлать съ этимъ! Онъ сейчасъ вотъ искалъ предлога къ ссорѣ „какъ какой-нибудь пьяный саложакъ“, и этого, онъ знаетъ, никогда ему не простить его же совѣсть. Ну и что же? Совѣсть, людское уваженіе, жизнь, стоитъ ли говорить объ этомъ теперь!... Онъ же вѣдь сказалъ ей сегодня утромъ, чтобъ она отбавила его страсть по той жертвѣ которую онъ ей приносить...

Надо всѣмъ этимъ стояло у него одно: увидѣть ее... Онъ понималъ, послѣ того что произошло между ними утромъ, она не была въ состояніи сохранить свое обычное спокойство; ей надо было остаться одной съ самою собою, разобраться среди своихъ ощущеній, „ей не хотѣлось никого видѣть, особенно“... Онъ не договаривалъ, и судорожно щурился опять, и логаялъ своего ужъ и такъ взмыслимаго кося.“ Но онъ увидѣть, ему необходимо видѣть ее, и сегодня же. Надо „покончить“. Ни она, ни онъ неспособны на лицемеріе, на унизительный, мелкій обманъ. Онъ объявилъ... *Александръ Павловичъ* (онъ съ какимъ-то усиленіемъ выговорилъ мысленно это имя и отчество) что увидѣть завтра, и онъ увидѣть... Она тоже, она не можетъ, не захочетъ остаться... Она и ни въ какомъ случаѣ не осталась бы послѣ того, она ушла бы отъ него, если не уйдетъ съ нимъ... Необходимо уговориться, найти для нея предлогъ уѣхать немедленно отсюда... Она съѣдутся въ Москвѣ, а оттуда прямо... Сюда онъ напишетъ.... Ну, да тамъ видно будетъ!“ отгоняя докучную заботу прервалъ онъ себя тутъ же...

Было уже поздно когда онъ возвращался домой. Мѣсяцъ стоялъ въ послѣдней четверти; ущемленный серлѣ его выливался изъ-за бѣлыхъ, пушистыхъ тучекъ и лалевымъ мерцаніемъ своимъ слабо свѣтилъ надъ верхушками

старшаго сада Всесвятскаго... Троекуровъ, не доѣзжая до воротъ усадьбы, остановился и, послѣ минутнаго размыслия, круто повернулъ съ дороги вправо лугомъ, мимо садовой ограды къ рѣчкѣ, протекавшей черезъ этотъ же садъ, переѣхалъ ее здѣсь въ бродъ и, обогнувъ таявшееся по другому ея берегу продолженіе ограды, очутился на задахъ сада, выходящихъ въ поле у калитки, черезъ которую, съ такою-же какъ и онъ теперь цѣлью, проникалъ сюда, если помнить читатель, Иривархъ Овцынъ.

Онъ разчитывалъ что эта отомкнутая тогда, по его приказанію, калитка такъ и оставалась, по русской небрежности, не замкнутою съ тѣхъ поръ.

Онъ соскочилъ съ Карабаха, закинулъ узду его за одно изъ бревенъ частокола, и толкнулъ дверцу ногой.

Онъ не ошибся: она тотчасъ же подалась и откинулась, слегка визгнувъ на ржавой петлѣ... Онъ вошелъ...

Надо было пробраться къ ея лавальйону и не быть замѣченнымъ, не встрѣтиться ни съ кѣмъ... „Но съ кѣмъ же?“ успокоивалъ онъ себя, „все въ домѣ улеглося въ этотъ часъ“... А она не спитъ, онъ былъ увѣренъ...

Онъ подвигался осторожно, стараясь не скрипѣть салагами по песку аллеи, „будто воръ въ собственномъ своемъ владѣніи“, съ невольною усмѣшкой говорилъ онъ себѣ, радуясь вмѣстѣ съ тѣмъ что подавшійся въ эту минуту вѣтеръ заглушалъ „и совсѣмъ“ шелестомъ листьевъ „подозрительный“ шумъ его шаговъ.

Онъ вдругъ остановился... Прямо предъ нимъ, на легкомъ чугуномъ мостикѣ съ прорѣзными перилами, еще неясно, но уже несомнѣнно для него, вырисовывался подъ блѣднымъ сіяніемъ падавшимъ съ неба женскій облакъ съ окутанною чѣмъ-то бѣлымъ головой... Это была она! „Развѣ могъ онъ ея не узнать?“...

Она стояла на этомъ мостикѣ, уложившись обоими локтями на перила, и недвижно глядѣла внизъ, въ бѣжавшія подъ нимъ струи свѣтлой и глубокой рѣчки, въ которыхъ дрожало, словно качаясь, золотое отраженіе мѣсяца...

Троекуровъ однимъ прыжкомъ очутился теперь на чугунныхъ лантахъ рядомъ съ нею.

— Кира! прошепталъ онъ замирая отъ волненія, — вы здѣсь?...

Она неслышимо отдалась отъ перилъ:

— Вы не ожидали? какъ бы насмѣшливо промолвила она, глядя на него недвижными, холодными глазами.

— Не здѣсь, дѣйствительно; я думала, вы у себя въ павильонѣ, я шелъ къ вамъ....

— Знаю, отвѣтила она мгновенно улавшивъ голосомъ.

Она судорожнымъ движеніемъ подвела руки ко лбу, откидывая къ затылку накинутый на голову тюлевый шарфъ, словно жгла ее его прозрачная ткань; ея напускное безстрастіе исчезло разомъ, будто туманъ разсѣянный бурей.

— Я тутъ вотъ уже два часа гляжу въ эту воду и спрашиваю себя: не лучше ли было бы лежать мнѣ такъ.... на днѣ.... Нѣтъ, не то! внезапно прервала себя она вдругъ, — это жалкія, гаупныя слова; совѣтъ не то!...

Она такъ же внезапно засмѣялась:

— Чтò же, довольны вы теперь? Вы добивались, доведи до этого.... Ну вотъ я съ вами здѣсь, одна, ночью.... Чтò же дальше будетъ?

Онъ захватилъ ея холодныя какъ ледъ руки, сжимая ихъ до боли:

— Мы уйдемъ, забывъ весь міръ другъ для друга...

— Безъ сожалѣнія, ни раскаянія? съ какою-то словно безотчетною тревогой вырвалось у нея изъ груди.

— Я не раскаиваюсь никогда и люблю васъ, о чемъ же толковать! нетерпѣливо возразилъ онъ.

— Да, у васъ своя философія; я помню, вы говорили: будутъ всегда счастливые и обездоленные и всегда счастье однихъ будетъ въ прямой зависимости отъ несчастія другихъ.... Она прервала себя еще разъ: Я много ждала въ жизни, вы знаете.... Я *обцаго добра* искала, я думала что мнѣ самой можно будетъ отдать себя на *большое дѣло*... Вы знаете, въ Петербургѣ... И вы же тогда первый на балѣ... И все рушилось, всѣ надежды, въ смѣхъ превратилось все это....

— Вы не того искали, послушалъ онъ сказать.

— Не того, да, такъ оказывается.... Чтò же теперь лучше?... Вѣдь я люблю васъ, вы это умѣли сдѣлать! съ отчаяніемъ, чуть не со злостью воскликнула она:—люблю съ того самого дня когда вы пріѣхали *въ женихомъ*... Не понимала еще, а уже любила. Помните, когда вы меня отговаривали ѣхать въ Петербургъ, я тутъ повала въ первый разъ; а до тѣхъ поръ, казалось мнѣ, я васъ ненавидила... и презирала даже; да, я все скажу теперь, презирала... за вашъ выборъ....

А теперь подумайте, проговорила она съ ужасомъ:—вѣдь я *ворую* васъ у *нея*...

Его кольнуло словно острымъ ножомъ... Но онъ осилилъ себя:

— А развѣ любовь моя, по вашему, не стоитъ преступленія? *маложивая* себя на *шугаивый* томъ сказалъ онъ.

— Вы смѣтаетесь! *болѣзненно* промолвила она;—вы безжалостный: вы могли, когда *она* такъ настоятельно звала меня сюда изъ Женева, вы *должны* были сказать *ей* что вы не хотите... Но вамъ нужна была эта побѣда надъ моею волей, этотъ стыдъ мой....

— „Стыдъ!“ вскрикнулъ Троекуровъ, захватывая властно обѣ руки ея и сжимая ихъ до боли въ своихъ пылавшихъ ладоняхъ,—я не ждалъ такого слова изъ вашихъ гордыхъ устъ! Не стыда вашего, счастья нужно мнѣ было отъ васъ, счастья которое одинъ вы способны дать мнѣ.... Вы хотѣли „большаго“, *общаго*, хотѣли *человѣчеству* служить. Я зналъ что васъ ждетъ, я первый, дѣйствительно, плеснулъ въ васъ струю холодной воды. Не тотъ вѣкъ когда женщины какъ вы правили судьбами народовъ, когда за вами бѣжали восторженные толпы; не та страна гдѣ бы нуженъ былъ теперь энтузіазмъ, свѣтлый умъ, чистыя стремленія, вы слышали что еще сегодня утромъ говорилъ Гундуковъ... Тошмо глядѣть, тошмо жить съ этими теперешними... Вы сами видѣли близко, убѣдились; вы ушли и отрекались... И что же, кончить на этомъ? Вамъ, съ тѣмъ сокровищемъ даровъ что лежить у васъ въ груди, отойти отъ жизни не испытать счастья, не даровать его другому?...

— „Счастья“, повторила она какъ во снѣ,—да, хоть на часъ, на мигъ, *счастья*! Я его никогда не знала!..

Онъ весь горѣлъ, руки его вылупили ея руки и потянулись къ ней:

— Кара!..

Она отстраняла его быстрымъ движеніемъ:

— А *она*, Борисъ Васильичъ, а *она*?...

— Вы о томъ же опять! отвѣчалъ онъ съ судорожнымъ подергиваніемъ губъ;—къ чему? Вы сами знаете:

Въ одну тебѣгу впречь не можно

Кона и трепетную лань....

Вы сейчасъ о моей „философіи“ говорили; не философія это, а простой человѣческой смыслъ. Тамъ любви больше нѣтъ.... съ моею по крайней мѣрѣ стороны. Я люблю васъ, и

безъ вѣсъ не лѣвшаю болю жизни, шепталъ онъ со страстными увлеченіемъ,—и вы, вы сейчасъ признались, вы тоже любите! И послѣ этого что же: притворяться, обманывать, отказаться отъ вѣсъ? Да за кого же вы тема принимаете!...

Глаза его засверкали какимъ-то неумолимымъ въ своей страстности огнемъ.

— Я не *исключительный*, я, хорошо ли, дурно ли, зналъ что дѣлалъ всегда, и ни предъ чѣмъ въ свѣтѣ не отступалъ никогда... Я знаю что вы мнѣ можете сказать, поторопился онъ добавить, въ чаши ожидаемаго возраженія:—долгъ, дѣти, „глубаю жизнь“, вы это даже выраженіе употребили уже сегодня утромъ, все я знаю... А слышали вы что еще не такія преступленія совершались въ мірѣ и что для нихъ было только одно объясненіе: человекъ любилъ... Слышали?

Она вздрогнула только не находя въ первую минуту отвѣта на эти пламенные, прожигающія всю ее самую слова...

Онъ продолжалъ:

— Эти преступники, Кира, стояли выше того зла которое дѣлали они, и преступали черезъ препятствія не задумываясь „безъ сожалѣнія, ни раскаянія“, потому что есть нечто выше всѣхъ кодексовъ нравственности въ мірѣ, это *правда любви*...

Она вдругъ поджала голову; зеленые глаза ея сверкнули фосфорическимъ блескомъ въ полумракѣ ночи.

— Помните же, Борисъ Васильичъ, строго, словно повелительно проговорила она,—вы пригласили меня идти сообщать съ вами на *преступленіе*!

— И вы пойдете? И онъ еще разъ схватилъ ея руки...

Что-то беззавѣтное отчаянное промолвилось въ ея едва слышимомъ отвѣтѣ.

— Пойду!...

Оба замолкали теперь, но есабымъ не шепотъ вѣтра въ листьяхъ, не ролотъ струй плескавшихъ о берегъ; можно было бы слышать какъ тяжело дышала грудь и стучала кровь въ сердцахъ у обоихъ.

— Я еду завтра въ Петербургъ, началъ онъ лервый,—и... и въ *домъ*, примолвилъ онъ, избѣгая называть желу,—объ этомъ уже извѣстно.

— Въ Петербургъ? какъ бы съ испугомъ воскликнула она.

— Да. Онъ объяснилъ ей причину.—И какъ только добьюсь чтобъ этого бѣднаго юмшу отпустили, вернусь въ

Москву... Вы вѣдь собирались туда на дачу? Не правда ли?

— Да, проговорила она съ усміемъ—тайъ въ Лукомовскомъ домѣ сажены въ подвалы ящики съ библіотекой и юнцкабинетомъ батюшки, а Сережа, говорятъ, продастъ этотъ домъ; я хотѣла перевезти ихъ куда-нибудь...

— На Покровку перевезете, промолвилъ быстро Троекуровъ,—въ Остроженковскій домъ, въ который, вы знаете, я еще не входилъ съ тѣхъ поръ какъ насѣдствовалъ имъ.... Я всю приготовилъ теперь его для вашего пріѣзда. А когда я вернусь.... онъ понизилъ голосъ, осторожно, чуть не робко обнявъ ея ставъ рукой:—мы уѣдемъ прямо изъ Москвы, хотите, по старинному: въ собственной каретѣ, на почтовыхъ? Вѣдь это во сто разъ лучше при нашихъ условіяхъ чѣмъ пароходъ или желѣзная дорога съ ея плохой толпой....

Она не отвѣчала и только неудержимо сама прижалась къ нему... И тутъ же вскинулась какъ испуганная птица, быстро обняла съ мостика и исчезла въ тени ближней аллеи.

Онъ въ первую минуту чуть было не кинулся за нею... но пріудержался, улыбнулся блаженной улыбкой, и веселыми шагами направился назадъ къ калятикѣ.

Черезъ вѣсколько минутъ онъ вѣзжалъ на Карабахѣ въ ворота своей усадьбы и кидая узду его на руки поджидавшаго его у крыльца, по обыкновенію, Скоробогатого.

Въ это же время изъ-за углаго куста бузины, расположеннаго у одного моста, выѣздала какая-то фигура въ темномъ пальто и такой же фуражкѣ, изъ-подъ козырька которой выглядывали сквозь опія стекла очковъ маленькіе и злобные глазки, осторожно озирались во все стороны.

— *А, нехай його бис!* привычною въ устахъ его брамною ругною владѣецъ этихъ глазокъ и очковъ, убѣдившись что никто его не видитъ и не слышитъ, и размыкая ноги съ очевиднымъ наслажденіемъ;—ажъ до смерти заморился въ этомъ кустѣ прѣкалтомъ. Какъ вѣзъ; такъ и просидѣлъ тамъ часа два, мало, не шевелючись. *Одна* пришла сначала, да и сидѣлся, а тутъ и *самъ*... Думаю, не дай Боже, чихну, али что, а онъ вдругъ дегадается, да туда несомъ.... Убилъ бы тутъ прямо, вѣрно говорю, на мѣстѣ-бъ положилъ, потому, извѣстно, мякнуть, *мюцарь*; такъ изъ-за чести дамы на все они готовы....

Онъ вдругъ засмѣялся смѣрными, подаватыми смѣхомъ.

— Услыхалъ я за то жь!... Того услышалъ что въздвигаетъ выдвигать за тотъ услыхъ востъ маза... Только повести жь это дуже гарно треба, оказалъ онь себя чрезъ магъ влада въ размышленіе... — А не возвращень *жльъ грешей*, рѣшилъ онь въ заключеніе,—такъ ужь по крайности гласку его магятокую заткну ему навѣрное насчетъ *Колокола* и прочаго... А какъ еще сей самый его романъ передать въ журналъ какой, такъ они тамъ въ Петербургѣ такъ его размаляютъ что будетъ онь помнитъ ихъ до самой смерти. Пробралъ ужь его на всю имперію Герценъ съ моего писанья, такъ вотъ ма ему еще феферузакатимъ! злобно засмѣялся онь опять, и оглаживаясь— *Федьку-бъ маѣ* только теперъ съ отвѣтомъ дожидаться... А боялся-жъ я чтобъ онь тутъ какъ разъ не вернулся когда они на мосту-то амуршась себя. Отъ-то-бъ штука еще вышла завятная!...

— Степанъ Акимычъ! раздася не вдалекѣ онь него осто-рожный шелотъ,—а тутъ!

Тотъ даже вздрогнулъ:

— А чтобы тебя!... Ну, отвѣтъ привезъ?

Федька тяжело перевелъ дыханіе:

— А я сейчасъ, Степанъ Акимычъ, самую сейчасъ барышню встрѣтилъ, княжну. Страсти! Издалочка-то только бѣлое видать, а это у нихъ на головѣ косынка значить, а я какъ служажь! Кикимора какаа, думаю, ала *лѣній*... За дерево прижался, ни живъ, ни мертвъ, тоись... А онь по аллеикѣ какъ разъ мимо того самого мѣста моего прошла. Я ихъ тутъ и узналъ. Ничего себя, идуть ровно, а я тутъ сейчасъ по травушкѣ, по травушкѣ, по леску, знаете, ужъ и опасно показалось чтобы не услышали, и къ вамъ судатка.

— Я тебя про отвѣтъ спрашиваю! прервалъ его нетерпѣливый возгласъ его собесѣдника:—Анфису Дмитриевну видѣлъ?

Федька рукою махнулъ:

— Ни въ жистъ, потому приказъ телерича строгій отдавъ чтобы меня къ вамъ ни за что не лущать.

— Ну, а письмо? Передано оно ей? спросилъ господинъ въ очкахъ, котораго, смѣемъ думать, ужъ узналъ читатель.

— Извольте получить въ сохранности; какъ отдала такъ и назадъ принесть вамъ.

— Не приняла?

— Ни въ жистъ! Потому опосла того какъ, помните, накрылъ насъ съ вами на селѣ самъ, значить, барынь *ихній*,

когда я имъ отнесла письмо-то это самое, но какъ-то отъ Аршарка Федоровича, онъ съ тѣхъ поръ опасаться сталъ.

— Почему-жъ ты это знаешь, коли не видалъ со?

— А чрезъ Егорку, подкуфмастера знаю, хихикавалъ Федька, — потому онъ мнѣ изъ пряталовъ.

— Чтѣ же онъ сказалъ тебѣ?

— А это самое, значить, и сказалъ что меня всегда отъ твоего вѣдѣно въ шую глать.

— Дуракъ! глѣвно сорвалось съ устъ Степана Акимыча.

Федька только ухмыльнулася опять на это и, значительно помолчала:

— Анфиса Дмитриевна, сказалъ онъ, — безпрѣменно завтра въ церковь на село пойдутъ, потому у нихъ въ этотъ самый день предъ Успеніемъ ламать по мужъ по покойномъ.

— Отъ кого это ты узналъ?

— Самъ знаю, потому какъ служамши въ вѣки у Елпидифора Павлыча, царство имъ небесное, такъ я всегда помню что они въ этотъ самый день заупокойную по мужу служатъ.

— Ну, рѣшилъ, подумавъ, Троженковъ, — и до хаты пора теперь, маршь!...

Онъ выбрался изъ сада и прошал мѣною лоя къ селу, гдѣ у одного знакомаго ему крестьянина оставилъ Троженковъ тележку свою и лошадь.

XXI.

Eh, eh, vous ignorez, ma fille, tout ce que l'on peut faire en ce monde sans être pendu.

O. Feuillet. *Rédemption*

Зачѣмъ же такіа пустословія мечта-
нія о низкости нашихъ чувствъ?

Осеровскій. *Женитьба Баллалимова.*

По межкѣ, мимо сѣятаго ржаного поля, шла изъ села Всесвятскаго къ усадьбѣ старая наша знакомая, Анфиса, довершая горничная Александры Павловны Троекуровой.

Солнце стояло высоко и прилежало довольно сильно. Сидѣвшая женщина, защищаясь отъ него платкомъ, который

держала надъ глазами въ видѣ зонтика, сдѣлала добръе до добраться до лѣсочка входившаго въ черту крестьянскаго сада, а потому уже на половину орубаеннаго, но въ которомъ все же оставалась еще кое-какая тѣнь.

Она шла, глядя себѣ подъ ноги и не замѣчая что на ту же тропинку свернулъ изъ села вслѣдъ за нею и видимо наговоря ея теперь человекъ, котораго болѣе всего чала и желала она видѣть изъ всѣхъ съ кѣмъ случалось ей встрѣтиться въ жизни.

Она вошла уже въ холодокъ, подъ тѣнь какихъ-то удѣлывшахъ ветвей по близости рѣки и, остановившись передышаться, утирала свое вспотѣвшее, слегка зарумяное лицо, когда услышала за спиной своею его голоозъ:

— Мое высокопочитаніе, Анфиса Дмитриевна!

Ее слово ожаго всю: она сразу узнала льстиво-лукавые, зацкивающіе звуки этого голоса.

— И вамъ того же Степанъ Акимычъ, вымолвила она сквозь зубы, оборачиваясь и брезгливо окидывая его взглядомъ.

Онъ, какъ говорится, нисколько не потерялъ *контемманса* отъ того нескрывимаго отвращенія которое читалъ на этомъ, такъ близко знакомомъ ему когда-то и все такъ же красивомъ, лицѣ.

— Недалекіе сосѣди, ослабился онъ,—а увидеть васъ въ первый еще разъ Богъ далъ!

— И не для чего вовсе, такъ и отрѣзала она на это,—счастливо оставаться! И тронулась послѣдшею съ мѣста.

— Погодите трюшечки, Анфиса Дмитриевна; можетъ и пожалѣли бы потомъ, произнесъ онъ какимъ-то вѣскимъ тономъ, заставившимъ ее безотчетно остановиться.

— О чемъ дѣло? спросила она хмурясь.

— А что ужъ очень гордыя вы сдѣлались съ тѣхъ поръ какъ въ магнатскомъ дворцѣ пріютъ себѣ мамаша, хихикнулъ Трожековъ, кивая на видѣвшуюся сквозь рѣдину лѣсную усадьбу Троекуровыхъ и глядя въ то же время плотояднымъ взглядомъ очертая синіе очки свои на ея румяныя губы, на пышныя очертанія рисовавшіяся подъ ситцевою тканью ея темнаго платья.

— И олять-таки вамъ до этого дѣла вѣтъ, сказала она, и разговаривать вамъ съ вами нечего. Вамъ направо, мѣтѣ направо, прощайте!

— А сажь, лавъ вашъ большой, уѣхалъ? крикнулъ онъ ей вежданно въ договку.

— Ушла, уронила она на ходу.

— И какая ваша за нимъ? прошилъ бы онъ, не трогаясь съ мѣста, зная что этотъ вопросъ и томъ его, заставить ее остановиться еще разъ.

Онъ не ошибся: она быстро обернулась, вперивъ въ него изумленные глаза.

— Съ чего вы это взяли? Какая дома и куда не собираются.

— Не объявила еще? захихикалъ онъ опять.

— Что объявить-то?

— А вотъ объ этомъ объ самомъ, когда желаете, могу съ вами разговоръ имѣть. Потому какъ вы очень ко всему тому лавству привязанность имѣете, такъ вамъ это очень полезно и можете даже къ интересу нашему послужить.

— Мнѣ „интересу“ никакого не надо, возразила Анфиса съ гадливымъ движеніемъ губъ,—а вы что это такое неподходящее плетете, вотъ это мнѣ удивительно.

— „Удивительно“, повторилъ онъ, подходя къ ней и развязно размахивая тросточкой которую держалъ въ рукѣ,—это точно вы сказали: удивительно и есть. На то они и большіе ливны!... Я къ вамъ вчера поздно цыдулку сію самую послышалъ съ Федькой, перебилъ онъ себя, вынимая записку изъ кармана и показывая ей,—только вы, онъ говорить, приказъ отдали чтобъ его, какъ служителя моего, въ шею всегда отъ васъ гнали.

— Это точно, и не посылайте никогда, потому, если баринъ узнаетъ, такъ и того хуже ему будетъ.

— А въ цыдулкѣ той, продолжалъ не возражая на слова ея Троженковъ,—а просилъ васъ объ этомъ самомъ разговорѣ...

— Да съ чего вы взяли, пылко перебила она его,—что я стану съ вами еще разговаривать... Довольно съ меня прѣжлаго! вырвалось у нея пошито воли изъ груди.

Его какъ бы лучше разогло къ ней это негодующее восклицаніе. Губы его дрогнули и увлажнились, весь онъ словно разсыпался въ сахаръ:

— Эхъ, Анфиса Дмитриевна, чуть не плакалъ онъ теперь,—кабы не такія горячія вы были и людей по настоящему понимали, можете и не такъ встрѣлись бы мы съ вами... да и не слугою жила бы вы теперь, а сами-бъ себѣ госпожей, примолвила онъ уже шепоткомъ, наклоняясь къ ней какимъ-то ввезалымъ, змѣвиднымъ движеніемъ своей длинной и узкой шеи.

Она торопливо отжималась отъ него головою назадъ:

— Какимъ еще тамъ господамъ, что это вы мнѣ неурядное медете, Степанъ Акимычъ?

Но онъ продолжалъ, будто не слышалъ.

— Какъ если бы *тогда* жившіе свое обо мнѣ перемѣнили когда я действительно ни на собой, ни впереди не видѣвъ ничего, что голытьба одна могла ждать насъ тогда съ вами, такъ можетъ я теперь, съ перемѣною, какъ знаете, моужъ обстоятельствъ, желаю доказать... чувство мое къ вамъ что вы, можетъ, позабыли, а я никогда забыть не могу... Пѣсня у насъ въ Малороссіи такая поется:

„Любамся, кохамся акъ голубки въ пары,
А тепера розышамся акъ чорніи хмары“,

и мы вотъ такъ съ вами, Амфиса Дмитриевна, о... И отъ насъ завести, потому какъ вы сказали сейчасъ „довольно прежняго!“ а я совсѣмъ напротивъ думаю...

Вся кровь прилила къ ней въ голову; языкъ ея готовъ былъ разразиться безпощаднымъ, поражающимъ словомъ... Но она сдержалась: ей захотѣлось „испытать до чего еще низокъ этотъ человекъ.“

— Какъ же понимать надо что вы теперича говорите, Степанъ Акимычъ? спросила она насколько могла спокойно.

Его обмануло это спокойствіе. „Сдается баба“, провслось у него въ мысли.

— А какъ сами *заччете* такъ и понимайте; руками берите, весь вашъ! воскликнулъ онъ съ сіяющимъ лицомъ.

Странная усмѣшка пробѣжала по ея губамъ.

— Я такъ понимаю что вы безпретѣдно замужъ меня взять обѣщались *тогда*.

— И возьму, *рыбка мое*, возьму! прошепталъ онъ, простирая руки съ видимымъ намѣреніемъ обнять ее.

Она отшвырнула ихъ отъ себя.

— До свадьбы далеко!... И тутъ не сдержавшись олаты:

— И скажите, съ чего это вы вдругъ, Степанъ Акимычъ? Два года, почитай, по сосѣдству жили не видавшись, и какъ изъ ружья вдругъ сегодня выстрѣлили? Я и сообразить даже не могу. Потому и сами говорите, а какъ была „слуга“, такъ и осталась, а вы теперича съ имѣніемъ господинъ, богатый, можете помѣщицу какую-нибудь, дворянку за себя взять. А у меня, сами знаете, какой былъ даже капиталецъ такъ и

тотъ добрый человѣкъ одинъ взялъ да не отдаетъ. Такъ какъ вамъ отъ меня въ сей часъ пробыль будете? Приданое, такъ и того шить вѣдь нечѣмъ.

Троженковъ лукаво ухмыльнулся:

— Головоломка умная лучше грѣшей, Анфиса Дмитриевна. Какъ допрещъ того была, такъ и осталася. Это для меня самое главное, о!.. Какъ если хотите, такъ я вамъ откровенно буду все говорить.

Она ловела на него косымъ взглядомъ:

— Любопытно узнать.

— А вотъ послушайте!

Она подозрительно оглянулась кругомъ. Но въ лѣсочкѣ было пустынно и безмолвно; только прилегшіе подъ тѣнь въ траву крестьянскія коровы били себя хвостами по ребрамъ, отгоняя докучливыхъ оводовъ, да какая-то птичка робко выдѣлывала свое кокаце, запрятавшись подъ листья березы.

— Панъ вашъ великій, Борисъ Васильевичъ, для чего въ Петербургъ поѣхалъ, знаете? началъ Троженковъ.

— Итнее это дѣло, а мнѣ почему знать? отвѣтила уклончиво Анфиса.

— О, неправду говорите, по глазамъ вижу! воскликнулъ онъ;—а что предводительскаго сына, студента, жандармы спалили, слышали?

— Можетъ-быть и слышала, такъ что жъ изъ этого?

— А что все то вышло чрезъ того самаго человѣка который вашей княжнѣ письма посылалъ, можетъ тоже не знаете?

— Боторый у васъ жилъ и чрезъ вашего Федьку, негодника, орудовалъ! возразила она негодующимъ тономъ.

— А что жъ что жилъ! хихикнулъ насловавно ея собесѣдникъ:—я почему про него могъ знать? Пріѣхалъ ко мнѣ человѣкъ съ письмомъ рекомендательнымъ отъ учителя одного, знакомаго: студентъ, пишетъ, ищетъ на что уроковъ, не могу ль къ кому помѣстить, языки знаетъ. А я всегда желалъ практику французскаго языка для себя собственно имѣть. Вижу, можетъ онъ на то годиться. Такъ и оставилъ его у себя жить на коммуніи... А что онъ кому письма писалъ, такъ то дѣло его, а не мое. И какія еще глупости началъ дѣлать сей человѣкъ, опять я за то отвѣчать не могу... Такъ даже скажу вамъ что коли бы не забрали его тамъ, въ лугахъ, переодѣтаго, закаючилъ Троженковъ съ презрительнымъ подергиваніемъ губъ,—я бы его самъ въ шею логвалъ отъ себя, потому лядаций!

„Ври больше!“ думала слушая Анфиса, стараясь не глядѣть на него.

— А вынѣ Борисъ Васильевичъ, заговорилъ онъ снова нѣсколько уже заволнованнымъ голосомъ,—въ отиѣдѣ мама за этого самаго человѣка почитаетъ... я дѣбре знаю! пришло вынѣ онъ посиѣшно, какъ бы ожидаа возраженія съ ея стороны; но она молчала.—Онъ для того самаго и въ Петербургъ поѣхалъ? добавилъ онъ въ видѣ вопроса.

— Изъ-за этого не стоило бы, Степанъ Акимычъ, возразила она съ усмѣшкой взорвавшю его.

— Ну-да, злобно фыркнула онъ,—не стоить противъ такого какъ я червя такому какъ онъ, магнату безлокоптыса. Пусть по-вашему будетъ!... А только самъ онъ, говорю вамъ, не то въ головѣ держать. Былъ я вчера въ городѣ, отъ добрыхъ людей узналъ: поѣхалъ онъ затѣмъ, первое, Юшкова этого, предводительскаго сына, отъ тѣхъ голубыхъ волковъ выцаралать что спалааи его; а съ усердіа своего большаго и довесеть притомъ на мама какъ на пристаподержателя и соучастника лицъ заоумышляющихъ на правительство. Вѣрно что довесеть, Анфиса Дмитриевна: слова его такія мнѣ переданы что даже сомнѣнія никакаго въ томъ не имѣю.

— А коли вы, говорите, ничего за собой не знаете, такъ вамъ чего бояться? молвила она на это съ едва скрываемою насмѣшливостю въ интонаціи.

Онъ качулаъ головой:

— *Зачочуть*, до всего придраться могутъ... Хошь и пощипала перья довольно въ настоящее время изъ хвостовъ изъ пихвхъ, а все-жъ *дужесце* сильны они, лапы маша, противъ темнаго человѣка... Зачнетъ онъ тамъ, въ Петербургѣ, коститъ мама и доказывать, такъ и того ждаты можно что безъ суда, административнымъ порядкомъ съ мѣста жительства въ дальнія губерніи сошлютъ, о! и голосъ его уже замѣтно дрогнулаъ.

Анфиса усмѣхнулася опять:

— Вы и тамъ не пропадете, Степанъ Акимычъ, вы лаутипочку свою во всякомъ мѣстѣ соткѣте...

— Я не желаю того вовсе, воскликнула онъ досадииво:—какъ на своемъ огородѣ сѣлъ, такъ и сидѣть хѣчу!... Я по этому самому и писалъ вамъ вчера, перебилъ онъ себя тутъ же, вынимая еще разъ изъ кармама записку и показывая ей

не отдавая въ руки; ажно его приваля опять свое платоидно-сахарное выраженіе:—потому если вы согласны будете на то, подчеркнутъ оны,—имъ съ вами все панство это, о, какъ замолоть можемъ! договорилъ оны съ соответствующимъ жестомъ, будто вертя ручку кофейной мельницы.

Любопытство превозмело у нея и на сей разъ надъ враждебнымъ чувствомъ которое все сильнѣе подымалось въ ней противъ „этого низкаго человѣка“:

— А что жь, по-вашему, спросила она, — требуется для этого самаго?

Оны пододвинулся къ ней опять и быстро зашепталъ:

— А, первое, какъ мнѣ извѣстно что эта княжна ваша доверенною своею особою васъ почитаетъ, такъ чтобы она ему сейчасъ въ Петербургъ отписала чтобы никакого довоза оны противъ меня не учиняла, потому вы за меня ручаетесь, и что я хочу васъ замужъ взять...

„Что это оны о княжѣ все?“ тревожно сказала себѣ Алфиса; и громко:

— Это, то-есть, чтобы Борису Васильичу написать.... Такъ для чего жь тутъ княжну лутать, когда у нихъ ближе есть особа, жена законная, Александра Павловна, и я даже вовсе теперь не у княжны, а у нихъ нахожусь въ услуженіи?

Скверною усмѣшкой ухмыльнулася на это Троженковъ:

— Потому противъ законной *незаконная* не въ примѣръ чувствительнѣе на него подѣйствовать можетъ.

Ее внезапно всю прорвало отъ этихъ словъ; сдерживаться уже не доставало у нея силы:

— Врете вы, подлый человѣкъ! вскрикнула она съ запылавшимъ лицомъ, съ задрожавшею челюстью; — слова ваши ядъ одияъ, какъ у змѣи подколодной! Врете вы со злости вашей неисходной на благодѣтеля своего что изъ писаршкн негоднаго помѣщикамъ богатымъ васъ сдѣлалъ, шестьдесятъ тысячъ, во какой кушъ отвалилъ вамъ, за что? Изъ-за одного великодушія своего безковечнаго, потому по дѣламъ вашимъ не то что деньги вамъ давать, а за рѣшеткой сидѣть вамъ давно-бы слѣдовало!...

Троженковъ позеленѣлъ и затрясся отъ злости:

— „Благодѣтель!“ Что вы мнѣ все *благодѣтелями* въ глаза тычете? То халугу того своего полицейскаго подъ носъ совали, что долженъ я былъ, по вашему, уважать его, то этого опять теперь *барина* вашего великаго..... Шестидесятъ

тысячъ дава! „Круше“! А того-же знаете что, какъ бы не тѣ законы проклятыя что завели люди, а бѣ самъ на его мѣстѣ сидѣлъ какъ отца своего омыя первоуродившій... „Дѣла мои“, говорите. А его „дѣла“ какія, знаете про то?

Онъ расхохотался вдругъ остроумнѣе произвольнѣе смѣхомъ и, какъ бы сорвавъ этимъ сердце, заговорилъ неожиданно шмыгъ, почти сложившимъ тономъ:

— А вотъ какъ чрезъ двѣ вѣковыяко сія княжна самая скажетъ ей, Троекурова въ ней, что ей въ Москву непремѣнно ѣхать треба, княжкѣ что отъ отца ей досталось, да еще что жъ изъ одного дома въ другой переводить, такъ вы тутъ и навѣстите себѣ узелокъ на память!

Анфиса восторожила уши: она вспомнила что княжна при ней однажды говорила объ этомъ своемъ намѣреніи Александрѣ Павловичѣ по поводу извѣстія о продажѣ дома Дукольниковыхъ на Арбатѣ. Но почему могъ онъ это знать?

— Ну, а если онъ и лобдуть, возразила она невольно, — такъ что жъ изъ того?

Онъ отвѣчалъ словно вытверженный урокъ:

— А лобдетъ она и останется на Покровкѣ въ томъ самомъ батьки своего родного, Акимѣ Ивановичѣ Остроженкѣ, домѣ, въ который до сихъ поръ Троекуровъ зашъ и ногою вступить не смѣлъ, потому знаетъ что его тамъ съ матерью ежедень какъ Мазелу въ соборахъ проклинали. А онъ ей теперь тотъ домъ къ пріѣзду приготовить велеть, и будетъ она тамъ ожидать его пока онъ того студента въ Петербургѣ отъ жандармеріи за волосы тащить будетъ, какъ изъ омута *стопленика*. А какъ вытащить его совсѣмъ, въ Москву назадъ сейчасъ поѣдетъ, заберетъ ее, княжну вашу, да въ границу съ нею прямо въ каретѣ, потому, говорить, „если по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, такъ люди тамъ слухомъ любоблатые могутъ встрѣться“.... Вотъ вы и узнаете тогда какія его „дѣла“, магната сего, Анфиса Дмитриевна!..

Она почувала, это было уже не „вражье“, это было слухомъ опредѣлительно и вѣско.... Выраженіе страшнаго искуства смѣнило теперь негодованіе на ея лоблѣдѣвшемъ лицѣ, въ глазахъ засверкавшихъ лихорадочнымъ блескомъ:

— Откуда вы знаете.... кто вамъ сказалъ? была она только въ состояніи выговорить.

Онъ молчалъ, наслаждаясь одержаннымъ надъ нею торжествомъ, прочла она въ его лукавыхъ чертахъ. Ей стало нестерпимо жутко:

— Говорите жь, *Дитя Горынычъ!* воскликнула она вступая на него.

Онъ подался назадъ, закатывая медлительно головой и вздохнулъ:

— Какъ есслѣбъ почитали вы въ свою выгоду, *Алфиса Дмитриевна*, такъ не то чтобы ругать меня теперь, а помни бы вы со мною, какъ я вѣчно вамъ преданъ и желаю чтобы навсегда вамъ вѣстѣ жить; помни бѣ, говорю, со мною рука въ руку на бо-га-тѣе дѣло! претянулъ онъ обнимая ее всю алчными и соблазнающими взглядомъ;—потому изъ того самого что я вамъ сейчасъ старая доложилъ и при нашемъ умѣ можно такую пользу выгадать что и другого шибкая не потребовалась бы вамъ съ вами.

Искры запылали у нея въ глазахъ:

— Чтобъ я съ тобой пошла на...

Она не договорила, главу въ желтоватую сѣнь его очковъ раскрывшимися во всю ихъ ширину зрачками и лаяла ему въ самое лицо:

— Пропладай ты проплатомъ, *амаема!*..

И вскинувшись съ мѣста, побѣжала стремглавъ по тропинкѣ выходящей на дорогу къ усадьбѣ.

Трожекковъ вынулъ платокъ, оберся:

— Ну, а *побачили!* проговорилъ онъ ей всадъ, весь трясся и зеленый отъ коверкавшей его злобы.

XXII.

Oh, Love, what is it in this world of ours
Which makes it fatal to be loved.

Byron. *Don Juan*.

Александра Павловна проплакала весь вечеръ, запершись въ своей спальнѣ, послѣ сдѣланной ей мужемъ сцены, поводъ къ которой она никакъ не въ состоянн была объяснить себѣ иначе какъ болѣзненнымъ раздраженіемъ послѣ бывшего съ нимъ саучая съ ногою и долгаго вслѣдствіе того заключенія его въ комнату. Она печалилась потому столько же о немъ сколько и о себѣ, о томъ что „вотъ еще въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ женаты они, вышла у нихъ ссора, и изъ-за чего!“... Но обидѣе, но язвительнѣе всего было для нея то что онъ „такъ *эстото* ставитъ Киру выше нея“,

указываетъ ей на пригласъ „сдержанность“ княжны, а се: зоветъ „нашимъ ребенкомъ“...

Она долго не могла успокоиться. Не наконецъ мысль что это можетъ отозваться на ея мозжкѣ, следовательно на здоровьѣ „Васи“, осушила ея слезы. Она рѣшила „встрахнуться“ и „доказать ему что и она сумеетъ быть сдержанною всегда когда надо.“

Случай къ этому не замедлил представиться ей. Проснувшись на другой день въ обычный часъ, она узнала отъ Амфисы что „барыню готовы лошади и что она уѣзжаютъ тотчасъ послѣ перваго завтрака“... Она же своею вчерашнею лечально какъ-то совсѣмъ забыла объ этомъ отвѣдѣ, о которомъ онъ говорилъ ей, и въ первую минуту все даже переживалась въ лицѣ при такой вѣсти. Но она заставила себя улыбнуться и, сказавъ Амфисѣ въ отвѣтъ: „да, я знаю“, праотулила поспѣшнво къ своему туалету.

Она вошла въ столовую, гдѣ застала уже мужа, съ выраженіемъ лица имѣвшимъ, въ ея намѣреніи, сказать ему съ перваго раза „я все забыла и надѣюсь, все у насъ попрежнему“, подава ему руку, которую онъ по давно введенной у нихъ [привычкѣ] поцѣловалъ въ ладонь, и сѣла на свое мѣсто.

Они были вдвоемъ (княжна по утрамъ пила у себя молоко и не выходила обыкновенно ранѣе втораго завтрака въ поддень). Она могла, не подымая глазъ и какъ бы насладя себя, подносить ко рту кончикомъ вилаки лежавшей у него на тарелкѣ картофель à la maître d'hôtel.

— Ты сейчасъ ѣдешь, Борисъ, мнѣ сказали? спросила она чуть не равнодушнымъ тономъ (какъ старалась она попасть въ этотъ тонъ!).

— Да... А что? спросилъ онъ чрезъ мигъ въ свою очередь.

— Нѣтъ, ничего, пролетела Сашенька.—И скоро назадъ думаешь? Голосъ ея дрогнулъ помимо воли, дѣлая этотъ новый вопросъ.

— Не знаю... Будетъ зависеть отъ обстоятельствъ; можетъ-быть, и...

Онъ не договорилъ... какъ бы не рѣшилась договорить и, поджавъ голову, уставился на нее пристальнымъ, страшнымъ взглядомъ, отъ котораго у нея вдругъ похолодѣли руки.

— Pourquoi me regardez vous ainsi, Boris? сказала она по-французски, въ виду стоявшихъ за столомъ слугъ, со слабою улыбкой на встревоженномъ лицѣ.

Она съ слезами прощудом, провела обидчивымъ ему двѣмъ руками по глазамъ и съ такою же, востановившею улыбочкой:

— Я въ Москвѣ слышу этого разглагольщика Николая Ивановича (это былъ изъ домашней докторъ, увлекшій по своимъ дѣламъ въ Москву на вѣсколько дней и второй уже мѣсяцъ не возвращавшійся оттуда) и сейчасъ же легома сюда, а несогласенъ будетъ, найду другаго и пришаю, проговорилъ онъ обрывисто, опуская снѣгъ глаза свои въ тарелку.

Александра Павловна хотѣла что-то сказать на это, не сказала, ледяная вздохъ и привалась кушать, словно давась каждому преглаченному ею кускомъ.

Она кончала, встала... Она направилась въ свои покои. Она пошла за книгу.

— Берись, робкимъ, шлощамъ голосомъ произнесла она, очутивъ съ ними одна въ соседней ее столовою комнатѣ и чуть-чуть притрогиваясь пальцами къ его рукѣ,—скажи, милый, ты на меня не сердился?

Она нежданно, быстро обернулась на нее, окатывая рукою ее голову, прижался губами къ ее абу:

— Сердился... за что! Бѣдвалъ! вырвалось у него изъ груди... И такъ же быстро, такъ же нежданно отодвинулъ ее отъ себя и торопливо двинулся впередъ.

Она растеряна, съ тупаномъ въ глазахъ, съ чувствомъ какъ будто сердце волево разорвалось ноломамъ, крикнула ему, она не зная какихъ словъ вылетела изъ ее уотъ:

— Дѣти въ саду, Берись!..

— Хорошо, а сейчасъ пройду съ вами проститься, отыгаль онъ не оборачиваясь..

Черезъ четверть часа она въ дорожномъ костюмѣ выходила на крыльцо, къ которому подава была его коляска. Многочисленный персоналъ домашней прислуги смель нужнымъ сбѣжиться in corpore „привожать барыню“.

Его это видимо коробило: она морщилась и торопыла.

Сашенька едва держалась на ногахъ, но боролась на сколько хватало у нея на это силъ. „Я девица, а буду сберѣтанна“, повторила она себѣ со страстнымъ упорствомъ..

— А Бира где гдѣ? вспомнила она вдругъ—ты не протался съ ледъ, Берись?... Я лопамъ ей сказать...

Она ловець потерпѣливо плечомъ:

— Не нужно, къ чему беспокоити... Не надого же... какимъ-то „загадочнымъ“, пролетѣло въ мысли Сашеньки, тономъ урочилъ онъ не договоришь.—Ну, прощайте!..

Она упала ему на грудь, задыхаясь отъ слезъ, припадая къ ея горлу, къ ея послѣднимъ вѣщамъ.

— Да хранитъ васъ всѣхъ Богъ! задыхаясь, ея рука обрывалась отъ какой-то внутренней муки, казалось ей, голосъ мужа въ ея ушахъ.

Она раземкнула руки...

— Прощай! доидеся до нея этотъ голосъ еще разъ. Троекуровъ сидѣлъ уже въ коляскѣ и заворачивалъ ноги свои ледомъ.

— Не уѣзжай, остаешься, отрашно мнѣ чуть-чуть не крикнула она, отчаянно борясь съ мѣстомъ...

Но Скоробогатовъ, съ ускорки, нахлобученнымъ по надъ самымъ глазомъ ермешникомъ, подымая ватагутыя возжи, ухватъ, и коляска, весело гремя и покачиваясь, понеслась со двора во всю прыть запряженной, легкой все подобранный, рысистой четверки.

Былъ часъ восьмой на исходѣ вечера, когда нѣсколько усталый отъ дороги и проголодавшійся Троекуровъ въѣзжалъ въ Москву. На улицахъ уже горѣли фонари. Онъ велѣлъ везти себя въ Газетный переулокъ, въ гостиницу Шеврие.

Онъ всегда тамъ оставался въ недолгія побывки свои въ Блокаменной, куда призывали его отъ времени до времени изъ Всесвѣтскаго дѣла его по сахарному заводу. Знакомые слуги кинулись стремглавъ съ крыльца высаживать его изъ коляски.

— Есть номеръ во дворѣ? спросилъ онъ.

— Одна комната, ваше сіятельство; большія заняты. На улицу пожалуйте, тамъ свободно.

— Не люблю я эти номера на улицу, пробормоталъ Борисъ Васильевичъ, подымаясь нѣсколько нехотя по ступенькамъ. — А кто тамъ, на дворѣ? спросилъ онъ машинально.

Молодой Татаринъ, бѣжавшій предъ нимъ указать свободный покой, остановился, оборачивая къ нему свою бритую, съ досыщающимся всходомъ новыхъ сине-черныхъ волосъ, голову, и принялся докладывать отчетливо и мѣрно:

— Генералъ Одуванчиковъ съ супругой, ваше сіятельство, вчера только изъ Петербурга прѣхавши; банкиръ тутъ еще одинъ изъ Варшавы, тоже недавно прибылъ. Это вверху-съ, а внизу, въ отдѣльномъ номерѣ, гдѣ вы изволите всегда

останавливаться, княгиня Шабунова, второй мѣсяць живуть...
Оченью большыя оны, домохозяйка оны, прикивая почему-то
при этомъ таинственный видъ.

— Княгиня Шабунова, повторилъ безотчетно прѣзжіи,—
молодая?

— Такъ точно: *молодыя дамы*, подтвердилъ тотъ во мно-
жественномъ числѣ отъ избытка почтительности.

— Есть кто-нибудь при ней? уронилъ прѣзжуриваясь
Троекуровъ.

— Какже-съ; особа тутъ при нихъ безетаучна одна, кроме
того докторъ... Второй разъ сегодня прѣзжалецъ, объяснялъ
Татаринъ;— въ самую даже эту минуту кушаютъ у насъ въ
ресторанѣ съ Владиміромъ Петровичемъ, съ господиномъ
Ашанинымъ...

— Ну, а я къ нимъ пойду... А ты возьми тамъ номеръ и
разложись! обратился Борисъ Васильевичъ къ своему, соско-
кавшему съ козелъ и суетившемуся около задняго сундука
камердинеру.

— Слушаю-съ!...

— Гдѣ они обѣдаютъ? Проведи!

Онъ вошелъ въ ресторанъ. Татаринъ, все-таки усердствуя,
широко откинулъ предъ нимъ дверь отдѣльной комнаты.

Они только-что оттрапезовали. Докторъ, не старый чело-
вѣкъ, въ золотыхъ очкахъ и съ отрощеннымъ уже порядочно
брюшкомъ, стоялъ посреди комнаты со шляпой въ рукѣ.
Ашанинъ, держа его за луговицу, передавалъ ему что-то
торопливо и озабоченно.

— Борисъ Васильевичъ! Вы только что прѣехали? восклик-
нулъ онъ, со мгновенно пробѣжавшимъ по лицу его смуще-
ніемъ, кидаясь къ нему съ протянутою рукою.

— Да... И сейчасъ узналъ что наша знакомая, а впрочемъ
это еще раньше слышалъ отъ ея свекрови, очень больна...
И, въ самомъ дѣлѣ, опасно? добавилъ Троекуровъ, учтиво
поклонившись доктору и вопросительно глядя на него.

— Плоха-съ, плоха, что дѣлать! отвѣтилъ тотъ, отдавая
поклонъ, и широко развелъ руками.

— Неужели такъ что?..

— Богъ великъ! не далъ ему кончить московскій вскудаль,
съ видомъ челоука которому все это смертельно надоело и
хочется скорѣе ухъать домой на боковую, отославъ всякія
цныя заботы къ чорту.—Честъ имѣю кланяться!...

И онъ исчезъ.

— Ну, разказывайте: что вы с *нею* едва-едва обратилъ Борисъ Васильевичъ къ Ашанину, олускаясь въ кресло, между тѣмъ какъ слуга поспѣшно убиралъ со стола приборы и накрывалъ его свѣжею скатертью.

— Вы еще не обѣдали; будете? спросилъ вмѣсто отвѣта тотъ.

— Да, и очень хотѣлъ бы потолковать съ вами, если только не противенъ вамъ будетъ запахъ кушанья, отобѣдавъ сами....

— Ничего... Я самъ такъ радъ случаю видѣть васъ и разказывать все... Дайте ему уйти только, молвилъ красавецъ, кивая на официанта.

Онъ началъ едва только тотъ ушелъ. Троекуровъ приказалъ не входить съ блюдами пока онъ не повонитъ. Онъ страшно усталъ мысленно ото всего что передумано было имъ дорогой; ему хотѣлось забыться на время, разсѣяться „постороннимъ дѣломъ.“ Онъ сталъ внимательно слушать.

— Не знаю что вы думаете, Борисъ Васильевичъ, а я не виновать, ей-Богу! говорилъ московскій Довъ-Жуанъ съ тѣмъ компичнымъ добродушіемъ которое входило въ самую сущность его натуры и не покидало его въ самыя патетическія минуты жизни,—какъ переѣхалъ я тогда къ ней отъ васъ въ городъ, не смущалъ ее сколько, даже напротивъ, могу сказать: помня ваши наставленія, молитвой отъ соблазна отвязывался, глаза отворачивалъ, ловѣрите слову!.. Порученіе ваше исполнено въ точности: сообщилъ ей что вышелъ въ Москвѣ кредитъ до окончанія дѣла ея со свекровью; и васъ не назвалъ, такъ и до сихъ поръ не знаетъ отъ кого привозилъ я ей деньги здѣсь... Только какъ лишь узнала она что можетъ вырваться изъ той труппы, вѣдь она умирала тамъ съ тоски, Борисъ Васильевичъ! такъ сейчасъ...

— Такъ сейчасъ, досказалъ за него Троекуровъ съ легкой усмѣшкой,—въ тотъ же вечеръ и покатила она съ вами сюда?..

— Не такъ это, не такъ! Она сутками безъ малого послѣ меня выѣхала. А я, точно, въ тотъ же вечеръ поскакалъ взять ей тутъ номеръ, у Шевріе, да и въ контору къ вамъ успѣть съѣздить, потому она à la lettre съ трехрублевою бумажкой въ Москву пріѣхала.

— Ну-съ, а здѣсь? протянулъ его собесѣдникъ, пристально глядя ему въ глаза.

Паутовскіе глаза красавца, словно перелуганные мышенки, такъ и забѣгали во все стороны.

— И здѣсь ничего, Борисъ Васильевичъ, пролетѣлъ онъ съ такою цитовацией невнимности въ звукъ голоса что тотъ разразился неудержимымъ смѣхомъ.

Ашанинъ сложилъ на животѣ руки и уставился на Троекурова съ самымъ жалостнымъ выраженіемъ въ чертахъ: „Не стыдно ль, молъ, такъ смѣяться моей истиннѣйшей правдѣ?“

— Послушайте, Владиміръ Петровичъ, вы понимаете что я ей, какъ говорится, *ни братъ, ни свать*, и вызывать васъ къ барьеру не намѣренъ... Дѣло только въ томъ что, какъ я предвидѣлъ, свекровь ея, этотъ обелускъ злой гаупости! знаетъ что вы „не разотавались съ нею“ и находитъ въ этомъ новый предлогъ...

Онъ оборвалъ вдругъ, усиленно заморгалъ вѣками, съ явною досадою на себя.

— Но это вздоръ, и не объ этомъ телерь... Вашъ докторъ улетучился такъ быстро что я все-таки яснаго понятія не успѣлъ себѣ составить о ея дѣйствительномъ положеніи. Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ скверно?.. Эта Аглая говоритъ что она поѣхала съ вами въ паркъ и васъ тамъ вывалили изъ коляски, вслѣдствіе чего произошла у нея une fausse couche...

— Олять не такъ! прервалъ его Ашанинъ: — я съ нею не былъ, а былъ при этомъ. Я съ нею никогда въ экипажѣ вмѣстѣ не ѣзжалъ... развѣ какъ-нибудь ночью, когда не рискуешь никого встрѣтить, вспомнилъ, онъ и опустилъ глаза съ видомъ пристыженной дѣвочки: — потому что она очень любила эти прогулки „à la lueur des étoiles,“ и всегда вспоминала ваши съ нею, Борисъ Васильевичъ, въ Петербургѣ, зимою въ тройкѣ, счелъ онъ нужнымъ объяснить все тѣмъ же своимъ невозмутимо-вещнымъ тономъ. — Такъ точно и въ этотъ разъ было. Она ѣздила кататься по вечерамъ въ паркѣ, оставалась у музыки и все къ ней подходило, не одинъ я... Въ тотъ вечеръ стояла погода самая капризная, душно было, смерть! Она позабыла вѣрзь свой дома и просить меня, коляска ея ѣдетъ шагомъ по шоссе, а я съ Шигаревымъ идемъ рядомъ по дорожкѣ разговаривая съ нею, смѣемся, просить она меня сорвать ей вѣтку, отмахиваться отъ комаровъ. Я къ кусту сирени, сломилъ преобладающую, беру ей и помахиваю... И отъ этого ль, пид кучеръ ея ужъ очень

пьянъ былъ, вожжи вылустилъ, но въ эту самую минуту лошади разомъ привала, понесла... Мы со всѣхъ ногъ кинулись съ Шигаревымъ за ними... Только коляска за столбикъ, колесо пополамъ, видимъ, летитъ съ козель кучеръ... Ужасно, Борисъ Васильевичъ, я до сихъ поръ вспомнить не могу! воскликнулъ Ашанинъ съ любѣдѣвшимъ врезало лицомъ... — Ее выкинуло на траву... Она лежала безъ чувствъ когда мы добѣжали. „Ну, на мѣсть!“ помню, воскликнулъ Шигаревъ... Оказалось, нѣтъ и даже никакого перелома нигдѣ. Пришла въ чувство, даже довольно скоро... У Шигарева была къ счастью карета, въ которой мы ее сюда къ ней и привезли... Едва пріѣхала, тутъ *это* съ нею и случилось... Доктора на-силу добились, часа три прошло пока отыскали, а за это время повидимому крови она потеряла страхъ!

— Какъ давно этому? спросилъ Троекуровъ.

— Сегодня пятый день; въ прошлый вторникъ случилось... Въ среду, въ четвергъ даже доктора сохраняли полную надежду, и сама она была необыкновенно бодря. Вы помните Лизавету Ивановну Срѣтенскую, пріятельницу Александры Павловны? Это маленькое существо, во плоти угодница Божія!... Я ее на другой же день привезъ къ ней и водворилъ; такъ она у нея и дышетъ и ночуетъ, безотлучно, какъ сестра родная... Только самую-то вы *ее* знаете: нѣтъ власти способной укротить ее когда что-нибудь ей въ голову втемяшится. Въ пятницу, показалось ей, стало ей настолько легче что она ни за что не хотѣла оставаться въ постели, „скучно“ молъ, и какъ ни упрашивала, ни молила Лизавета Ивановна, встала, одѣлась, прошлась по комнатѣ, ну и повалилась тутъ же... Пріѣхалъ этотъ Кругляковъ, онъ специалистъ-акушеръ, и объявилъ: „родильная лихорадка“, а вы знаете что говорить это слово!...

— Вы бывали и видѣли ее всѣ эти дни?

— Я здѣсь, въ гостиницѣ, на всякій случай комнатку взялъ, молвилъ Ашанинъ словно извиняясь, — вѣдь никого у нея тутъ... близкаго нѣтъ. Видаю ее когда докторъ позволитъ...

— Въ памяти она?

— Въ полвой. Истощена только ужасно.

— Опасность сознаеть?

Ашанинъ помолчалъ. На длинныхъ рѣсницахъ его повисли слезы, какъ бы вызванныя какимъ-то врезальнымъ, острымъ ощущеніемъ печали.

— Она завѣщаніе свое написала и мужа своего.... первого, то-есть Равцева, къ себѣ вызвала, выговорилъ онъ вполголоса.

— Да? съ невольнымъ любопытствомъ спросилъ Троекуровъ.—Она вамъ говорила?

— Вчера утромъ велѣла она меня позвать.... На одѣлѣ у нея лежало запечатанное письмо, которое просила она меня взять и отправить немедленно по эстафетѣ въ ***; „Никанору Ильичу Равцеву“, проговорила она отчетливо и какъ бы строго глядя на меня во всё глаза.... А глаза у нея отъ худобы и лихорадки никогда еще такіе огромные и блестящіе не бывали.... У нея теперь какая-то удивительная, особенная красота, Борисъ Васильевичъ!..

— И вы думаете она вызываетъ его къ себѣ этимъ письмомъ?

— Знаю навѣрное. Лизвета Ивановна, писавшая подъ ея диктовку, сочла нужнымъ передать мнѣ объ этомъ чтобы переговорить съ докторомъ: возможно ли будетъ допустить это свиданіе при ея крайней слабости.... Въ письмѣ пять словъ всего: „Желаю проститься съ вами предъ смертью“; подпись и адресъ.

Онъ замолкъ. Троекуровъ отлихнулъ отъ себя недоѣдленную тарелку съ розбифомъ.

— До *** полтораста верстъ. Равцевъ могъ получить эстафету вчера ночью или рано утромъ сегодня и, безо всякаго сомнѣнія, сейчасъ же выѣхалъ. Онъ можетъ, слѣдовательно, быть сюда еще сегодня.

— Я такъ и рассчитывалъ, кивнулъ утвердительно Ашанивъ,— и, признаюсь вамъ, ни минуты покоя не даетъ мнѣ это ожиданіе его.... Вы меня и застали *здесь* въ этотъ поздній для обѣда часъ потому что я все поджидалъ Круглякова и мнѣнія его насчетъ этого свиданія.... которое очевидно такъ страшно должно подѣйствовать на нее.

— Чтò же онъ сказалъ, вашъ Кругляковъ?

— Онъ говоритъ что.... теперь все равно, отвертываясь и надорваннымъ голосомъ отвѣтилъ красавецъ.

Въ дверь комнаты послышался стукъ чьей-то руки.

— Кто тамъ?

Въ щель показалась синя-черная голова слуги Татарина.

— Пришла отъ княгини изъ 10 нумера горничная, просятъ васъ къ нимъ, обратился онъ къ Ашанику.

Тотъ вскочилъ съ мѣста и любѣжалъ.

Троекуровъ, оставшись одинъ, уставилъ локти на столъ и, уронивъ голову въ ладоши, задумался глубокою и тяжелою думой....

XXIII.

Sieh mich, Heil'ger, wie ich bin,
Eine arme Sünderin!

Goëthe. *Erwin und Elmire.*

Ашанивъ былъ правъ: она была хороша теперь „особенною“, измѣнявшею весь характеръ ея наружности, красотой.

Обшитый кружевомъ вочной челчикъ, съ большимъ кисейнымъ бантомъ подъ подбородкомъ обрамлялъ ея страшно удлинившееся, прозрачно-бѣлое какъ алебастровая ваза и странно-кротко улыбавшееся теперь лицо. Затылокъ покоился на высоко взбитыхъ, одѣтыхъ въ свѣжія батистовыя наволочки, подушкахъ. Изъ рукавовъ такой же батистовой кофточки, закрывавшихъ своими кружевами руки ея до кисти, выступали длинныя и тонкія, какъ иглы, косточки пальцевъ и на поверхности локрывавшего ее блѣдно-розоваго шелковаго подъ кисеи одѣла (погода стояла душная, всѣ окна были открыты) перебирала свои, уже не державшіяся на нихъ, кольца... И ото всей этой изящной и ослѣпительной бѣлизны въ которой утопала она, отдѣлялись лишь рѣзкимъ пятномъ выбивавшіяся изъ-подъ ея челца густыя пряди распуценныхъ волосъ, да два огромные темно-вишневые глаза горѣли какимъ-то звѣзднымъ, ослѣпительнымъ и зловѣщимъ въ своемъ блескѣ пламенемъ.

За ширмами приставленными къ ея кровати со стороны оконъ стояла большая зажженная лампа; подлѣ нея на столѣкѣ поставлены были свѣчи подъ абажуромъ. „И хочу свѣта, свѣта до конца!“ говорила она на всѣ увѣщанія Лизаветы Ивановны.

На томъ же столѣкѣ стоялъ бокалъ, откупоренная бутылка шампанскаго въ серебряномъ холодильнике и большой букетъ бѣлыхъ розъ въ фарфоровомъ кувшинчикѣ. Затѣмъ ни стаканы, ни алтекарской коробочки во всей комнатѣ, — ничего обычнаго въ локоѣ большаго. Она не терпѣла этого и приказывала „убирать съ глазъ“ послѣ каждаго приема аѣкарства.

Маленькая особа сѣла подѣв на вѣ в креслѣ и тоже улыбалась, улыбалась своею обыкновенною, робкою, безконечно жалостливою и безконечно любящею улыбкою, въ отвѣтъ на что-то „смиренное“ только-что сказанное больною.

— Владиміръ Петровичъ, тако доложила она, увидѣвъ съ мѣста остановившагося осторожно въ дверяхъ Ашанина.

— Владиміръ Петровичъ, повторила громко та,—войдите, можно!

Онъ выступилъ изъ-за ширмъ.

Она закивала ему:

— Ну, здравствуйте!... Видите, j'ai fait ma toilette для его пріѣзда. Вѣдь онъ непременно сегодня пріѣдетъ, я знаю... Вы послали ему вѣстафету? тревожно перебила себя она вдругъ.

— Вчера же; я вамъ говорилъ, княгиня...

— Ахъ, пожалуйста не называйте меня „княгиней“, мнѣ это гадко теперь!... Вотъ я Лизавету Ивановну отучила...

Она повернула съ успіемъ голову въ сторону столика стоявшаго подѣв:

— Хотите шампанскаго?

— Спасибо, нѣтъ! сказалъ онъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянувъ на незамѣченную имъ до этой минуты бутылку.

— Нѣтъ, пожалуйста! И я съ вами вылью... Par ordonnance, не бойтесь: докторъ предписалъ... Они всегда даютъ это, примолвила она засмѣявшись (губы ея при этомъ точно приклеились къ деснамъ, какъ у мертвецовъ... Ашанинъ послѣдственно отвернулъ глаза),—когда весь ихъ собственный репертуаръ средствъ истощенъ... Нѣтъ, впрочемъ еще то, послѣднее... Принесли изъ аптеки мускусъ, Лизавета Ивановна? J'en suis là! примолвила она веселымъ тономъ.

Лизавета Ивановна повела утвердительно головой.

— Вы дадите его мнѣ когда онъ пріѣдетъ, а пока мы съ Владиміромъ Петровичемъ выльемъ du Sillery mousseux за дружбу... Дайте ему стаканъ вотъ, и налейте намъ!..

Маленькая особа подошла къ ней, приподняла ей голову и поднесла ко рту полулунный бокалъ. Она ухватилась сама за него рукою:

— Чокнемся, Владиміръ Петровичъ, подите сюда. За нашу молодость!..

Онъ подбѣжалъ, притронулся стекломъ къ стеклу. Она вылила, прижмурилась на мигъ и откинулась назадъ въ свои подушки:

— Хорошо, жить!.. Я всегда его любила, шампанское..

Она стояла теперь со своимъ стаканомъ у самой ея постели и глядя на нее, старалась улыбаться, не выдавъ на лицѣ то что нестерпимо было у него на сердцѣ.

Но она не обманывалась.

— Не похожа я теперь на ту которая чокалась такъ съ вами въ первый разъ... Помните, въ Спцкомъ, послѣ *Гамлета*?.. Ахъ, какъ это далеко уже! тяжело вздохнула она;— да, молодость... и вотъ, конецъ... *Courte mais bonne*, я вамъ всегда говорила, такъ и вышло...

— Ольга Елпидифоровна, ангелъ мой, воскликнула плачущимъ голосомъ Лизавета Ивановна,—чтой-то вы себя не жалѣете и другихъ мучаете! Сказано вамъ беречь себя, много не разговаривать...

— А договорить когда успею... Не долго вѣдь осталось! возразила она съ новою усмѣшкой: — Я позволяю ему проститься... Вѣдь вамъ нужно будетъ сейчасъ уйти, Владиміръ Петровичъ: онъ не долженъ васъ видѣть... Я прошу васъ скрыться отъ него, не показываться ему на глаза ни до ни послѣ, добавила она подчеркивая... Вы не поймете этого, милая Лизавета Ивановна, нежданно обернулась она на нее съ дрожавшими на вѣкахъ слезами, — вы агнецъ чистый, а я...

Она подвела руку къ лицу, закрылась ею на мгновеніе, уронила ее олять на одеяло...

— Поцѣлуйте... въ послѣдній разъ, прошептала она чуть слышно, указывая на нее глазами Ашаму,—и уходите потомъ!

— Ольга!.. былъ онъ только въ состояніи выговорить сквозь спиравшееся отъ судороги горло, прижимаясь губами къ этой рукѣ и не имѣя силы оторваться отъ нея.

— Помолись обо мнѣ когда все будетъ кончено, зашептала она вновь надъ самымъ его ухомъ,—и не жалѣй!.. Мнѣ не жалъ; я пѣла, помнишь, „вамъ жизнь для радости дама.“ Радости сгинули; впереди одна скука ждала бы... Нѣтъ, не хочу!.. Какъ это, у Пушкина, кажется?

.... Простимся жь дружно.

О, юность легкая моя...

Простимся!.. Ты... ты долго еще будешь молодѣ, долго...

Она вдругъ всломвила будто, дрогнула, вскинулась:

— Довольно... довольно... уходите!..

— Я еще увижу васъ, хочу видѣть!.. воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ.

Ее словно прилоднало всю гальваническимъ токомъ; она грозно вперла въ него свои огромные, сверкашіе какъ звѣзды глаза:

— Развѣ я вамъ не говорила, развѣ не чувствуете вы: если есть на насъ обоихъ грѣхъ настоящій, такъ это предъ *этими* челоуѣкомъ!

— Владимиръ Петровичъ, голубчикъ, уходите Бога для! замолчала Лизавета Ивановна.

Она его чуть не насильно выпроводила изъ-за ширмъ.

Оттуда дошелся до него черезъ мигъ голосъ больной, тотъ прежній, прощающій и смѣющійся голосъ:

— Одно вамъ дозволяется: если онъ забудетъ, онъ будетъ *убитъ*, я знаю, и можетъ не вспомнить, чтобъ я вся была покрыта цвѣтами въ гробу, слышите! Но сдѣлайте все же непремѣнно такъ чтобъ онъ никакъ не зналъ что это отъ васъ.

Ашанивъ схватилась за голову и выбѣжала какъ сумасшедшій изъ комнаты...

— Вы можетъ заснете теперь, ангелъ мой? убаюкивающимъ тономъ пропѣла маленькая особа, подходя послѣшмо къ постели и любовно глядя на лежавшую.

Та ласково кивнула ей:

— Да, какъ будто клонить... Милая, дайте мнѣ сюда зеркала изъ несесера!

Лизавета Ивановна достала его и поднесла къ ней подъ свѣтъ падавшій изъ-подъ абажура.

— Я говорила Амаліи чтобъ она мнѣ другой челчикъ дала; вѣтъ, всегда улягутся! досадливо проговорила она, жадно вглядываясь въ отраженіе свое въ зеркалѣ. — И съ такимъ лицомъ жить! вырвалось у нея вдругъ и, отстраняя его безсильнымъ движеніемъ руки, она закатила голову въ подушку, болязненно прижмуривая вѣки...

Прошло нѣсколько минутъ.

— Вы не забудете, заговорила она слова, не открывая глазъ,—вы не забудете дать мнѣ мускусъ когда онъ прійдетъ...

Сладокъ мускусъ новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ...

Откуда это, Лизавета Ивановна, не знаете?.. Какой вздоръ! Оба такъ скверно лажутъ..

„Бредить начала, бѣдняжка,“ подумала та, притаивая дыхание... Но она не бредила, она засыпала...

Ашанинъ тѣмъ временемъ сидѣлъ въ номерѣ, въ которомъ только что водворился Борисъ Васильевичъ и, весь еще блѣдный отъ пережитыхъ ощущенийъ, передавалъ ему о происшедшемъ съ невольными умалчиваніями и задержками голоса. Но тотъ угадывалъ что не рѣшался досказывать опечаленный московскій Довъ-Жуавъ.

— Да, онъ отличный человѣкъ, я его знаю и высоко цѣню, и видѣ вашъ напомнилъ бы ему *свроятно*, подчеркнул Троєкуровъ,—что-либо очень для него тяжелое. Вамъ повѣстому сабдуется, кажется, въ точности исполнить *ва* волю... *посльднюю волю*, Владиміръ Петровичъ, и не показываться на глаза этому хорошему человѣку.

— А вы покажетесь? подымая голову и глядя ему въ глаза своими блестящими глазами спросилъ его неожиданно тотъ.

По чертамъ Троєкурова пробѣжало выданное смущеніе, которое онъ тутъ же постарался скрыть подъ наслованною улыбкой:

— Что же, отвѣтилъ онъ, глядя въ свою очередь въ лицо своему собесѣднику съ приторнымъ изумленіемъ,—я не имѣю причинъ какъ вы... Я даже очень буду радъ видѣть Ранцева...

— Даа... „Не попался, не воръ,“ пронеслось въ головѣ Ашанина. Онъ замолкъ.

Та же мысль повидимому овладѣла теперь Троєкуровымъ. Брови его услаенно сжались, заморгавшіе глаза устремились на какую-то точку, въ углу комнаты, и не отрывались отъ нея... Ему было вообще тяжело; онъ чувствовалъ себя крайне нервнымъ, руки и ноги его поводило тѣмъ раздражающимъ физическимъ ощущеніемъ которое въ простовародіи зовутъ „тоскованіемъ“...

Ашанинъ вздохнулъ и подвинулся съ мѣста.

— Дѣлать нечего: пойти расслабиться и домой... Я тутъ близко живу, люди знаютъ гдѣ. Еслибы лаче чаянія я оказался на что-нибудь нужень пошлите мнѣ сказать!

Тотъ быстро обернулся на него.

— Куда вы, рано еще! оставивъ онъ его (ему всего мѣнѣе желалось остаться одному въ эту минуту);—посидите!... Знаете что, душно! спросимъ *крюшонъ* и... поболтаемъ..

Имъ привесли бѣлаго вина, лимонвъ, сахару, большую стеклянную кружку... Они пристали съ питьемъ къ раствору окну.

Ночь уже отрясала свои маки надъ безмолвствующею Москвою. Изрѣдка съ Тверской или Дмитровки доносилось дребезжаніе извожничьихъ дрожекъ или гулъ олрометью несущейся коляски какого-нибудь кулеческаго сыма, прожигающаго *татенькинъ капиталъ* съ Цыганками и *дебоширами* своей масти во всѣхъ увеселительныхъ заведеніяхъ матушки-Бѣлокаменной и ея окрестностей. Насупротивъ ихъ изъ-за крыши Корсаковского дома лѣзла большая черная туча, зарывая въ своихъ влажныхъ клубахъ узкій золотой серлъ выплывшаго было мѣсяца.

Они заговорили. Вѣрнѣе заговорилъ Троекуровъ: ему хотѣлось этихъ звуковъ собственнаго голоса, „болтовни“, отвлекшей его механическимъ процессомъ выбрасыванія словъ наружу отъ того чего-то ноющаго и скребущаго что колошилось внутри его и не давало ему забыться иначе... Онъ началъ о Кавказѣ, о бывшихъ походахъ по неприступнымъ высотамъ его и стремившимъ, съ желѣзными людьми которыхъ зовутъ *русскимъ солдатамъ*, о „Кабардинцахъ удалыхъ“... Ему какъ-то особенно просилась на память теперь воспоминанія о томъ край, воспоминанія „волы дикой“, беззавѣтной игры „въ банкъ на жизнь или смерть“, жизни „безъ сожалѣній и безъ удержа“, говорилъ онъ... Онъ достигъ своего, увлекся ими самъ; рассказы его становились все оживленнѣе, все блестяще. Ашанинъ со своею впечатлительною натурой слушалъ его весь зампрая отъ сочувствія и любопытства.

Было уже далеко за полночь; они опорожняли третій кюшонъ... Но вотъ со стороны Дмитровки раздался грохотъ все ближе и ближе подѣзжавшаго экилажа. Вотъ онъ завернулъ въ Газетный переулокъ; тусклый свѣтъ фонаря озарилъ на мигъ его неказистый, тарантасный кузовъ, сидящаго въ немъ „пассажира“ въ шмели и фуражкѣ... Ямщикъ затпрукаль; лошади остановились у подѣзда гостиницы....

— Это онъ! какъ бы само собою вырвалось изъ груди Ашанина восклицаніе, прерывая Троекурова на полусловѣ.

Оба безотчетно лотавулись головами за окно.

Пріѣзжіи выскакивалъ изъ тарантаса и окликалъ дремавшаго у воротъ дворника.

— Нумеръ есть? спрашивалъ онъ негромко и дрожащимъ, показалось имъ, голосомъ.

— Должно есть... Сейчасъ *выдутъ* вотъ, отозвался тотъ ежась съ просонковъ въ своемъ туалетѣ и, взбѣжавъ на ступеньки крыльца, дернулъ за колокольчикъ.

Выскочилъ тотъ же неуслышанный слуга Татаринъ съ сивечернымъ всходямъ волосъ.

— Пожалуйте-съ! Нумерокъ небольшой требуется? спросилъ онъ нѣсколько небрежно въ виду скромной колесницы стоявшей у подъезда.

— Все равно!... Княгиня Шастунова, Ольга Елицифоровна здѣсь стоитъ? послышалась олять обрывавшійся на каждомъ словѣ голосъ. Прѣхавшій стоялъ на видней ступени крыльца, какъ бы не рѣшаясь подняться выше.

Сверху, незримые въ темени отученной ночи, собесѣдники наши прислушивались къ разговору съ напряженнымъ захватывающимъ вниманіемъ.

— Во дворѣ, въ десятомъ номерѣ, проговорилъ скороговоркой Татаринъ;—пожалуйте-съ! повторилъ онъ съ явнымъ уже нетерпѣніемъ.

Тотъ поднялся на площадку и тѣмъ же обрывавшимся голосомъ:

— Чтò она? спросилъ онъ.

— Ничего-съ, больныя лежать...

Прѣхзій словно вырнулъ теперь въ распахнутую дверь въ сѣни....

Шаги его чрезъ нѣсколько минутъ раздались по корридору. Онъ проходилъ въ сопровожденіи Татарина мимо двери Троекурова. Сосѣдняя дверь отворилась...

— Рядомъ со мною! шеллулъ Борисъ Васильевичъ на ухо Ашанину:—шш....

До нихъ явственно доносились слова *его*.

— На вотъ тебѣ любезный; сходи ты сейчасъ въ тотъ номеръ... Осторожно только, смотри не дай Богъ шуму, не напугать!... Кто при больной тамъ, знаешь?

— Горничная и хвья и компаньонка, стало-быть, маленькая такая персона, безотлучно при нихъ находятся, ваше сіятельство! подобрастно послѣ лодочки расписывалъ теперь Татаринъ.

— Ну, такъ, вѣроятно которая-нибудь изъ нихъ не спитъ. Ты постарайся увидѣть ее и скажи что тотъ за которымъ

посылала... княгиня, пріѣхалъ... я, то-есть онѣ знаютъ... И чтобъ онѣ ей доложили... когда можно будетъ... А что я усердно прошу, понялъ? прошу ради Бога, чтобъ если можно, горничная эта... Амаліей ее зовутъ?...

— Не могу знать, ваше сіятельство, а только что Нѣмка, это вѣрно...

— Ну да, да!... Такъ вотъ чтобъ она сейчасъ зашла ко мнѣ.. Очень узвать желаютъ, скажи, скорѣе про здоровье... княгини. Понялъ?...

— Понялъ, ваше сіятельство; сею минутою сбѣгаю...

Онъ быстро замахаъ по корридору своею лывущею и мягкою походкой. Пріѣзжіи вошли въ свой номеръ. Скрытъ его сапоговъ слышался сквозь стѣну: онъ очевидно лихорадно метался по комнатамъ отъ одного угла къ другому и назадъ.

Словно прикованные, не шевелиясь, не раскрывая рта, прислушивались Ашанинъ и Троекуровъ....

Прошло такъ минутъ двадцать. Шаги послышались опять: Татаринъ бѣжалъ назадъ.

Онъ выскочилъ въ корридоръ ему на встрѣчу.

— Ну что?...

— Горничную ихаюю видѣлъ, ваше сіятельство, залыхавшись докладывалъ тотъ:— „Я, говоритъ, раздѣвшись теперь и не могу никакъ щитить; а княгиня, скажи, нездорова есть и при ней сидитъ *Лисаветъ Ифановна*“... Заючая она очень, ваше сіятельство самая Нѣмка эфта! заключилъ морщась Татаринъ, котораго дѣйствительно раздраженная со сна Амалія только-что наградила ляухой за причиненное ей безпокойство.

— И ничего больше? воскликнулъ болѣзненно допрашивавшій.

— И того наслы-то добился отъ нихъ, ваше сіятельство!...

— Хорошо, послѣ продолжительной паузы промолвилъ онъ; — осли... оттуда пришлютъ ко мнѣ съ чѣмъ... ты сейчасъ же бѣги мнѣ сказать... Понялъ? Сейчасъ же!

— Какъ не понять ваше.... А теперь ничего больше не гребутся?

— Ничего!...

Онъ вернулся въ комнату; замокъ двери его щелкнулъ привораясь. Послышался стукъ отодвинутаго кресла (онъ кинулся въ него очевидно), и все замолокло затѣмъ.

Троекуровъ поднялся съ мѣста.

— Вамъ спать не хочется? негромко спросилъ онъ.

— Какое счастье! Я всю ночь не засну теперь, возразилъ съ какимъ-то невольнымъ вздрагиваніемъ Ашанинъ.

— И я то же.... вѣроятно. Хотите, пойдѣмъ словаться по какому-нибудь бульвару? Завѣздано кажется, и свѣжѣ будто стало....

— Пойдемте!...

Солнце давно уже встало когда вернулся къ себѣ въ гостиницу Борисъ Васильевичъ. Онъ раздѣлся и легъ, но заснуть все-таки не могъ. Сосѣдъ его не спалъ и немолчный гулъ его шаговъ за стѣною надрывающимъ нестерпимымъ звукомъ отзывался въ ушахъ Троекурова...

IV.

Sich mich vor dir unverstellt,
Herr, die sündigste der Welt!

Göthe. *Ibid.*

Qui sait sous quel fardeau la pauvre âme succombe?

V. Hugo.

Онъ заснулъ часу въ восьмомъ и проснулся черезъ часъ. Изъ-за стѣны не долетало до него теперь ни единого звука.

„Позвали наконецъ къ ней бѣднягу... на новую муку“, сообразилъ съ невольнымъ вздохомъ Троекуровъ.

Вошелъ его камердиверъ съ лаптемъ. Онъ совершилъ свой туалетъ, вынулъ наскоро отакавъ чаю и, приказавъ нанять ему на день коляску и отправить ее на Покровку, ожидать его у воротъ дома гдѣ помѣщалась его московская квартира, самъ отправился туда лѣшкомъ.

Сосѣдъ его тѣмъ временемъ, желтый и едва державшійся на ногахъ отъ бессонницы и душевнаго волненія, стоялъ, дѣйствительно, въ свѣцахъ у номера занимаемаго во дворѣ княгиней Ольгою Елпидировною Шастуновой и переговаривался съ выбѣжавшею оттуда встрѣчать его Лизаветою Ивановною Срѣтенскою.

Она передала ему что больная ожидала его еще вчера вечеромъ и „неожиданно такъ и заснула ожидаючи, и почивала покойно до самаго утра, а проснувшись въ началѣ седьмого спросила первымъ дѣломъ пріѣхалъ ли онъ, и какъ узнала что пріѣхалъ, всю даже въ краску кинуло ее, *сердечную*, отъ радости“...

— Я хотѣла тотчасъ же послать за вами, объясняла дамы Лизавета Ивановна, жалостливо и вѣжно заглядывая въ измученное лицо слушавшаго ее,—только она подождать просила, „привести себя, говорить, въ порядокъ со снѣ“... Она еще вчера въ ожиданіи насъ „туалетъ сдѣлала“. Ну, а за ночь спалось крошечку, такъ опять замово, чепчикекъ новыи и прочее... Какъ если скажемъ *суетность*, примолвила маленькая особа робко и какъ бы извиняясь,—такъ вѣдь то подумать: красавица вѣкъ была, привычку себѣ сдѣлала...

— Да еще какая, царица была! воскликнулъ не давая ей кончить и, схвативъ ея руки, жалъ ихъ до крику ея себе-сѣдникъ въ неудержимомъ порывѣ.

— Такъ, такъ, милый человекъ, подтвердила Лизавета Ивановна, невольно морщаась отъ боли:—два года тому назадъ, помню, какъ увидела я ее въ первый разъ... У благодѣтельницы моей локоной, у Марьи Яковлевны у Лукояновой вечеромъ разъ, изъ Петербурга онѣ въ тотъ день вмѣстѣ прѣѣхали, такъ какъ вошла она, я просто ахнула... и не видывала такой...

— А очень переѣвилась она теперь, а?... очень? перебилъ онъ ее еще разъ обрывающимся голосомъ.

— Сами знаете, залетела та, смущенно отворачиваясь отъ него чтобы не видѣть его „жалкихъ глазъ“,—отъ недуга кто жь не переѣвится!... А только что хотъ и другая, какою прежде была, а все жь красота! На чей глазъ вѣдь, ангелъ мой, молвила уже шепотомъ маленькая особа, слегка притрогиваясь пальцами къ его рукаву и кивая ему головой съ какимъ-то таинственнымъ видомъ;—и Господу нашему съ неба, такъ, я думаю, даже гораздо пріятнѣе глядѣть на нее въ теперешнемъ видѣ ея чѣмъ въ прежнемъ, потому *блаженни страждующіе* сказано...

Онъ сожмурился, подавилъ вздохъ:

— Такъ можно къ ней теперь? проговорилъ онъ съ усиленіемъ.

— Можно, теперича можно...

Лизавета Ивановна усмѣхнулась унылою улыбкой:

— Велѣна замѣтси слустить, лампы и свѣчи опять зажечь у себя въ спальнѣ. „При дневномъ свѣтѣ, говорить, я его испугаю“, и даже что вздумала: „я бы, говорить, готова была подрумяниться на этотъ случай, да у меня этого снадобья никогдѣ и въ заводѣ не было; пусть же, говорить, такъ и до послѣдняго...“

Она словно проглотила конецъ своей фразы, быстро отворила дверь номера и вошла, приглашая его движеніемъ глазъ садоваться за нею.

У входа въ спальную она остановила его такимъ же движеніемъ, а сама прошла за ширмы своею легкою какъ у лгашки поступью.

Омъ поднесъ безотчетно руку къ сердцу; оно билось у него такъ, будто готовилось тутъ же выскочить изъ груди...

Большая ждала. Ея вышвызные, горѣвшіе какимъ-то воскресшимъ блескомъ жизни глаза (она за четверть часа предъ этимъ приняла приемъ мускуса) вопросительно устремились на Лизавету Ивановну.

Та отвѣчала утвердительно наклономъ головы.

Ольга Елпидифоровна олустила на мигъ рѣсницы, вздохнула долгимъ вздохомъ, какъ бы набираясь воздуха, уперлась спицею затыкомъ въ подушку и, сомкнувъ руки на одѣялѣ, произнесла твердымъ, слышнымъ голосомъ:

— Никсъ, пойдите сюда!

Омъ показался, увидѣвъ ее, обогнулъ шатаясь уголъ кровати, и какъ былъ, ловациса на коѣвни головою въ одѣяло, прижимаясь устами къ этимъ бѣдынымъ рукамъ съ неударжимымъ, раздрающимъ рыданіемъ...

Лизавета Ивановна кинулась въ испугѣ къ постели.

— Ничего, ничего, остановила ее большая, кусая себѣ губы чтобы не разрыдаться въ свою очередь, — я этого ждала... Пусть выплачется... И оставьте меня съ нимъ, милая!..

Они остались одни. Она высвободила одну изъ своихъ рукъ изъ-подъ губъ его и положила ему на голову, проведя слабыми пальцами по его волосамъ. Омъ „выплакивался“, замирая отъ горя... и отъ счастья подъ ласкою, подъ прикосовеніемъ этой овѣмѣлой руки.

— Никсъ, ты простила меня? послышался надъ нимъ шепотъ ея дрожавшаго голоса.

Омъ подмалъ глаза и, не вставая съ коѣвни, взглянулъ съ безковечною мукой въ чертахъ въ это дорогое, въ это неузнаваемое лицо.

— Простить! повторилъ омъ, — да развѣ я когда... Я единственно о нашемъ счасти, какъ сама лучше... И лишь бы вамъ теперь лоскорѣе выздоровѣть, безсвязно боржоталъ омъ, осторожно забирая холодныя какъ ледъ руки ея въ свои, какъ бы съ тѣмъ чтобы отогрѣть ихъ всею своею кровью, всею теллотою своего собственного существа.

Она глядѣла на него, и горькая усмѣшка заиграла на ея оплавшихъ губахъ:

— Къ чему вамъ этого желать, Божья душа? проговорила она съ какимъ-то страдаальчески-презрительнымъ выраженіемъ:—не узнали вы развѣ меня до сихъ поръ? Не знаете какова я?.. Вѣдь не умѣла я васъ любить... и такъ не смогла бы и потомъ. Я себя не обманываю, я такая... Выздоровѣй я, я опять начала бы... сумасбродить... А теперь... предъ концомъ, я однихъ васъ хочу видѣть тутъ... Я никому не сдѣлала зла въ жизни, я виновата предъ тобою однимъ, Никсъ; я тебя... я *душу твою* побережъ не хотѣла... Такъ хотъ теперь, въ послѣдніе часы, чтобъ я твоя была... безраздѣльно...

— Да что жь это, вскрикнулъ онъ отчаяннымъ воплемъ, вскакивая на ноги, — развѣ въ Москвѣ докторовъ нѣтъ, средствъ нѣтъ вылѣчить тебя!.. Я сейчасъ съѣзжу.

Она заметалась головою по подушкѣ. „Ахъ, не понимаетъ онъ меня, не понимаетъ!“ тоскливо говорила она, болѣзненно сожмуривая вѣки.

Ранцевъ замеръ на мѣстѣ какъ вколамый.

Голова обернулась въ его сторону; глаза раскрылись:

— Средства *нѣтъ*, и сама я... не хочу, понимаете? Такъ лучше! Прѣжняго не вернешь, а впереди что? Вѣдь я замужемъ, я жена этого... кривonosаго... котораго я презираю болѣе всего на свѣтѣ... Что же? Оставаться такъ, или опять разводъ и вернуться къ вамъ, къ прежнему?.. Она вдругъ громко, почти весело разсмѣялась:—это было бы ужъ очень оригинально, Никсенька... вѣдь самого тебя, бѣднаго, подыла бы всѣ тогда на смѣхъ... А я не хочу этого, пусть ни малѣйшаго брызга на тебѣ не будетъ, мнѣ это сладко думать... Меня въ жизни любили истинно только два человека и оба такіе же чистые: мой милый графъ, и ты... Онъ умеръ, и я, безумная, изъ легкомысія, изъ тщесавія согласилась пойти за этого...

Она расплакалась, не договоривъ, мгновенными, дѣтскими слезами:

— Онъ со своею маменькой обобраи меня, вы знаете, продолжала она, такъ же мгновенно переставая плакать,—у меня ничего не осталось когда я вернулась въ Россію, онъ все взялъ на уплату долговъ своихъ и любовницъ... Я здѣсь жила все время въ долгъ... Тамъ, въ городѣ, Факирскій приносилъ мнѣ двѣ тысячи „отъ неизвѣстнаго“. Но я знала что

это отъ васъ было, и не хотѣла принимать изъ гордости... изъ глупой гордости: меня оскорбляло тогда это великодушіе. Я предпочла принимать отъ чужаго. Онъ тоже хотѣлъ остаться *независимымъ*... Но я догадалась кто онъ, и тамъ ему уплатить, Никсъ, изъ моихъ денегъ когда получишь... Это Троекуровъ, вы его знаете?

— Знаю, хорошій человекъ, мажоранально промолвилъ онъ.

Она взглянула на него съ новою, остравою усмѣшкой.

— Да... порядочный во всякомъ случаѣ, словно сронила она съ губъ.—У меня въ биварѣ, начала она послѣшво затѣмъ,—Лизавета Ивановна знаетъ, завѣщаніе мое лежитъ... формальное: нотариусъ былъ, и все какъ слѣдуетъ... Я вамъ все оставляю, Никсъ... Богъ не хотѣлъ, и я благословляю Его за это, чтобъ я родила на свѣтъ отъ *него*... отродъ... Съ милы у меня теперь все порвано, я все вамъ оставляю... Вамъ не нужно, я знаю, но я желаю чтобы проценты вы употребляли... тамъ, въ завѣщаніи моемъ вы прочтете на чтѣ...

Она замолкла, тяжело дыша..

— Ольга, Олечка, заговорилъ онъ, перемогая насколько могъ свои терзанія,—довольно говорить, вамъ вредно... успеете!...

— Нѣтъ, дайте досказать пока есть сила... Покаянитесь мнѣ, Никсъ, что все исполните о чемъ я прошу васъ!

Онъ поднималъ руку, остижалъ себя крестнымъ знаменіемъ:

— Христомъ моимъ клянусь и... и тѣмъ какъ я любилъ тебя всегда, Олечка! произнесъ онъ окъзовъ новое, душившее его рыданіе.

Она будто просіяла вся:

— Ну вотъ и хорошо! Слушайте: въ томъ же биварѣ вы найдете готовое, подписанное письмо мое къ государю, которымъ я прошу его велѣть разсмотрѣть мое дѣло съ *нею*, съ этою Аглаей, и удостовѣреніе отъ посольства нашего въ Парижѣ, я его только наканунѣ этого случая со мною получила оттуда, что долги *его* тамъ уплачены были мною изъ собственнаго моего капитала... Я говорила здѣсь съ юристами: они сказали что по этому документу *она* должна будетъ все заплатить... И я умоляю васъ, Никсъ, возьмите съ нея все, все, до копѣйки! Я ее и ея сына... я ненавижу ихъ!

Онъ сказалъ лихорадочно ея руки, которыя все такъ же держалъ въ своихъ:

— Я все исполню, а вы... простите мнѣ, Оленька! зашепталъ онъ наклонясь къ ней,—Богъ вамъ велѣлъ прощать!

т. смч.

26*

Темнымъ пламенемъ блеснула глава ея; раздражительно зазвучалъ ея голосъ:

— Никогда! Умру съ этимъ грѣхомъ на совѣсти, а простить не могу!... Я всю жизнь свою лучше всего ненавижу гаупость, а тутъ еще къ ней подлость и заость.... Пусть ждетъ меня за это наказаніе, а я прощаю и ее, и его, и тотъ день когда я, безстыдная, согласилась быть его женою!

Онъ не прерывалъ ея, онъ только словно умоляя продолжалъ сжимать ея руки и глядѣлъ на нее съ неизъяснимою тоскою....

Она затихла. Слабый румянецъ вызванный мгновеннымъ возбужденіемъ гнѣва на ея влажныхъ щекахъ смѣнился прежняя, смутная блѣдность; на опущенныхъ рѣсницахъ задрожали еще разъ слезы:

— А теперь послѣднее, заговорила она еле слышно:—когда... когда придетъ конецъ, Никсъ, ты перекрести меня... и закрой глаза!... чтобы никто какъ ты, слышите?...

Онъ наклонилъ лишь голову безпомощно, безнадежно... Въ дверяхъ за ширмами послышалась тихій спросъ Лизаветы Ивановны:

— Войти можно?

— Можно, милая; что вамъ? отвѣтила сама больная.

На кроткомъ лицѣ маленькой особы читалась крайняя озабоченность: она входила очевидно съ какою-то вѣстью, добрый приемъ которой представлялся для нея сомнительнымъ.

Равцевъ обернулся на нее:

— Докторъ? послѣднее спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще его, отвѣтила она, подымая на него на мигъ какъ бы укоряющіе глаза, и тутъ же направила ихъ на больную—воля ваша, ангелъ мой, а лущать я къ вамъ не рѣшилась.... вы и такъ, глядите, устали ужасты!

— Кого это „лущать“?...

— Да княгиня тутъ пріѣхала.... свекровь ваша, пролетала та шелоткомъ, смущенно перебирая плечами,—узнала, говоритъ, въ деревнѣ что вы заболѣли и....

— Ага! воскликнула Ольга Евлидифоровна, приподымаясь на постели, будто движутая какою-то незримой пружиной, съ засверкавшимъ молніемъ взглядомъ, съ судорожною дрожью поведившею все ея еле дышавшее тѣло,—она здѣсь?... Вонъ ее говите, вонъ!...

— Господи! застонала, кидаясь къ ней Лизавета Ивановна,

между тѣмъ какъ Ранцевъ хватывалъ ее за спину, не давая повалиться назадъ,—чтой-то съ вами, ангелъ мой! Оказала вамъ: не лпустила, не луцу!... Чего жь это вы такъ вскинулись, голубовька моя!...

Но въ то же время изъ-за ширинъ выдвинулось широкое, мясистое, подрумяненное ло самые глаза лицо въ шляпкѣ съ перьями и огненнаго цвѣта бантомъ подъ подбородкомъ, а жирный голосъ возопилъ плачущимъ тономъ:

— *Ma chère Olga, c'est très mal que vous ne voulez pas me recevoir! Je suis venue exprès de la campagne, ayant appris que vous étiez malade, et je vous ai même amené mon auto-nier, le père Пареевъ, pour vous parler religion...*

— Амазія! клыкула отчаянно Лизавета Ивановна,—что же это вы, я вамъ говорила...

Вѣдобрысаа Чухонка выскользнула изъ-за перьевъ Аглаи:

— *S'ist nicht meine Schuld, я говорилъ княгиня: нельзя идти, а она самъ, съ силой, отпихнулъ мене и пришла...*

Она подбѣжала къ постели, залустила руки за плечи своей барыни, заставляя этимъ Ранцева принять свои... Она отошелъ на шагъ, вперивъ грозно раскрывшіеся зрачки въ круглые глаза незнамой гостьи.

Та туло, обиженно и жалостно поводила ими кругомъ, какъ-бы ища чьего-то содѣйствія или защиты...

— Вы меня на дворъ къ себѣ не лпустили, заговорила, роля слова черезъ силу, больная,—а теперь явилась сама отравить мнѣ... послѣднія минуты... какъ сдѣлали это съ Ливой... съ родною вашею... дочерью *. А я прошу васъ оставить меня... умереть спокойно...

— *Pourquoi est-ce que vous m'offensez comme cela, Olga? захныкала немедля въ отвѣтъ Аглая:—je suis venue en qualité de belle-mère vous exhorter à faire votre paix avec Dieu et avec moi, et vous....*

Она не успѣла договорить: Ольга Еллицифоровна задвигала слабо рукою, закатила глаза и упала безъ чувствъ головою на плечо Амазіи.

Ранцевъ, не ломая себя, шагнулъ къ княгинѣ съ задрожавшею челюстью:

— Я прошу васъ, зашепталъ онъ, наклоняясь къ ней подъ самую шляпку,—прошу уйти отсюда, сейчасъ, сію секунду!

* Четверть елка назадъ. Глава предпоследняя.

— Ah, mon Dieu, визгнула она, — cet homme veut me battre! И какъ услуганная утка вывырнула съ этимъ визгомъ въ соседнюю комнату, гдѣ, высоко поднявъ ногу на ногу подъ шелковую расой и проводя рукою по своимъ курчавымъ и припوماженнымъ волосамъ, позывывалъ на стулъ, въ ожиданіи когда позовутъ его къ большой „говорить о религіи“, ея „аишônier le père Пареевъ“.

По шуму достигавшему до него изъ спальни онъ догадывался о какомъ-то происшествіи тамъ „смятеніи“. Растрепанный видъ вылетѣвшей оттуда его патронессы далъ ему понять что „смятеніе“ это разрѣшилось собственно для ея особы нѣкоторымъ погромомъ.

Онъ приподвигаясь ей на встрѣчу.

— Опа мнѣ сдѣлали тамъ une scène affreuse, батюшка, будьте свидѣтелемъ! застонала она, дѣйствительно, тутъ же ухватываясь за его рукавъ; — un monsieur, котораго я не зна... кажется, это *ея* мужъ, этотъ прежній, съ которымъ она развелась чтобы женить на себѣ Basile, mon fils... онъ кинулся на меня съ кулаками... Будьте свидѣтелемъ, батюшка! Онъ не смѣетъ этого дѣлать: я княгиня Шастунова; мужъ мой feu Michel, былъ посланникъ, тайный совѣтникъ, и вдругъ un monsieur Dieu sait qui смѣетъ меня выгонять, когда мнѣ нужно говорить съ этою женщиной, которая après tout моя belle-fille и у насъ дѣла есть, которая я непремѣнно должна съ нею кончить, вы знаете, потому что она умретъ, и какіе-нибудь наслѣдники найдутся и вздумаютъ еще процессъ мнѣ сдѣлать... Я этого вовсе не хочу, je demande justice! во всю глотку уже расписывала расходившаяся Аглая Константиновна, все змергичивѣ дергая „аишônier“ за рукавъ; — мы съ вами сейчасъ, батюшка, поѣдемъ къ генералъ-губернатору... Очень жаль что это уже болѣе не мой старый другъ, графъ... но все равно, и этотъ другой долженъ меня защитить dans mes droits. Вы ему скажете, какъ слугитель du bon Dieu что онъ долженъ приказать, чтобы меня непремѣнно лустили къ *ней* en qualité de belle-mère, и васъ тоже, котораго я нарочно привезла сюда съ собою чтобъ уговорить ее au point du Christ помориться со мною et abandonner ses prétentions d'argent.

„Le père Пареевъ“ даже испугался той роли которую предвзначало играть ему пламенное воображеніе умной женщины:

— Позвольте, княгиня, возразилъ онъ вѣскимъ тономъ,

дождавшись передышки воспользовавшейся наконецъ за излитымъ потокомъ словъ,—я полагаю что представитель администраціи никакъ не рѣшится въ выѣхшее время вмешиваться въ дѣло частнаго и даже чисто семейнаго характера; а что до моего „свидѣтельства“, то, согласитесь сами, какъ я собственно не присутствовалъ при вашемъ разговорѣ и даже не видѣлъ лица причинившаго вамъ... неприятность...

Аглая озапалась:

— Я вижу что вы un jacobin, отецъ Переемъ! воскликнула она прерывая его:—я совсѣмъ другаго ждала отъ васъ...

Но вниманіе ея отвлечено было въ эту же минуту другимъ предметомъ тревоги: изъ спальни съ перекосеннымъ лицомъ выбѣжала Лизавета Ивановна, провесаась какъ лула чрезъ комнату и исчезла за дверьми въ сѣни, оставивъ ихъ въ лопыхахъ открытыми...

Глухой гулъ колесъ по наставной предъ окнами больной соломѣ домосся въ то же время до слуха княгини и ея собесѣдника, а вслѣдъ за нимъ громкій возгласъ маленькой особы, встрѣчавшей пріѣхавшаго на крыльцѣ:

— Ну, слава те Господи, а я ужъ хотѣла за вами посылать, господишь докторъ... Пожаайте скорѣе, пожаайте!...

— Что, плоха развѣ очень? обрывисто и въсколькo встревоженно говорилъ мужской голосъ.

— Чувствъ лишилась... привести въ себя не можемъ...

— Мускусъ принимала?

— Приняла... да тутъ одно обстоятельство, бормотала растерянно маленькая особа, торопливо входя опять въ комнату.

Докторъ быстрыми маленькими шажками несъ за нею свое пухлое брюшко и поправляя на ходу золотыя очки свои съ озабоченною важностью на сморщенномъ челѣ.

Аглая Константиновна какъ увидѣла его, такъ и кинулась къ нему со всѣхъ ногъ:

— Вы лѣчите... эту даму? Позвольте узнать вашу фамилію...

— Я... Докторъ Кругляковъ... Онъ остановился въ изумленіи.

— Я васъ очень прошу, monsieur Кругляковъ, переврала она тутъ же,—приказать чтобъ меня пустили къ ней... потому что тутъ же люди которые хотять помѣшать этому, и она язвительно покосилась на Лизавету Ивановну,—а я ея belle-mère, княгиня Шастумова, и мнѣ необходимо съ ней переговорить о дѣлахъ, потому что я вижу qu'elle est en danger de mort и нельзя время терять...

Лизавета Ивановна всплеснула руками; все ея преддѣльное тѣло какъ бы съжидлось и затряслось отъ ужаса, холодные слезы глаза съ неудержимымъ упрекомъ выкинулись на говорившую:

— Чтой-то вы хотите, княгиня! Ей, можетъ, голубушкѣ, отъ разговора вашего и умирать теперь приходится, а вы опять... Пожалуйте, господишъ докторъ, пожалуйте скорѣе!..

И она юркнула въ спальную.

Аглая усиленно захлопала глазами, будто по лбу ея что-то треснуло. Но она не почитала еще себя разбитою:

— Elle dit, des horreurs cette femme, захныкала она ме-медля, лова за руку послѣдовавшаго за маленькою особой доктора, — вы ей не вѣрьте, je vous prie, c'est une intrigue contre moi...

— Позвольте, сударыня, позвольте, меня тамъ жадутъ! говорилъ онъ вырываясь отъ нея.

— Un seul mot, monsieur Кругляковъ! Если моя belle-fille безнадежна уже такъ, какъ говорить эта женщина, то ей нужно les secours de la religion... ей нуженъ священникъ, объявила она по-русски, въ виду того что этотъ толстенькій называющій себя докторомъ, но о которомъ она никогда не слышала прежде, n'entend peut-être pas le français, — и вы скажите имъ всѣмъ тамъ пожалуста что я марочко привезла съ собою для этого mon aumônier, le père Пареевъ, que voici...

— Это не мое дѣло, сударыня, перебилъ ее, теряя всякое терпѣніе, Кругляковъ, высвободивъ свою руку и вбѣжавъ въ спальню, залепъ за собою дверь на обѣ половинки.

Она поглядѣла ему вслѣдъ, приподняла плечи и, со вздохомъ на всю комнату, опустила грузное тѣло свое на ближайшее кресло.

„Le père Пареевъ“, расчесывая пальцами свою подстриженую бородку, поглядывалъ на нее съ едва скрываемою провѣй на лицѣ: онъ видимо потѣшался ея суетой.

Она обернулась на него:

— Вы не забудете, батюшка, надѣюсь, что вамъ нужно будетъ сказать ей? проговорила она, значительно помахивая головою; — и скажите ей еще что une belle-mère это почти мать, и за то что она такъ дурно приняла меня сегодня, ее ужасно накажутъ на томъ свѣтѣ!..

— Чертямъ-то рогаатымъ, къ сожалѣнію, мало кто вѣритъ въ вашъ образованный вѣкъ, княгиня, хихикнулъ на это отецъ Пареевъ.

«Ее советник было съ тоаку такое неожиданное возвращеніе»
 — Отчего вы это говорите, батюшка? воскликнула она даже услужливо. — Когда кто умираетъ, ему всегда страшно. Поэтому онъ знаетъ что его сейчасъ тамъ будутъ судить. Этимъ вы, какъ отецъ духовный, и должны воспользоваться чтобы она эти, вы знаете, на котормя претендуетъ она, деньги отказала въ пользу Basile, Василия своего мужа.

„Le père Парезъ“ кашлянулъ, провелъ рукой по волосамъ и ухмыльнулся.

Дверь изъ спальной отворилась и изъ нея вышелъ докторъ въ сопровожденіи Рамцева.

— Хорошо что добились, говорилъ онъ, самодовольнымъ движеніемъ передергивая очки на носу;— въ первую минуту, признаюсь, не надѣялся: гульса совсѣмъ не было... атрефія, думаю... Вывезло на этотъ разъ!

— И... и надолго ли теперь? замирающимъ голосомъ спросилъ тотъ.

Кругляковъ развелъ руками:

— Вторую дозу мускуса приметъ, подбодрится... а тамъ...

Онъ глянулъ съ видимымъ участіемъ въ его исковерканное внутреннею мукой лицо:

— Вы родственникъ больной? спросилъ онъ понижая голосъ

Рамцевъ молча поглядѣлъ только на него въ свою очередь, и отвернулся...

Докторъ повернулся на каблучкахъ, отыскалъ кинутую имъ на око шпалу, и вынулъ часы:

— До свиданія, я зайду черезъ часъ... больной необходимо лодное слово! проговорилъ онъ громко и какъ бы строго, оборачиваясь въ сторону княгини, внимательно прислушивавшейся со своего мѣста, къ предыдущему разговору, и направился къ двери.

— Докторъ, окликнула его выбѣжавшая изъ спальной Лизавета Ивановна,—она священника желаетъ.

— Что же, доброе дѣло, оглянулся онъ,—только дайте сначала дѣкарству подѣйствовать, слаба слишкомъ въ эту минуту...

Аглая Константиновна вспрыгнула съ кресла словно кука изъ табатерки:

— Священникъ здѣсь!.. отецъ Парезъ, ступайте къ моей belle fille!..

Въ первую минуту майте не знала что сказать. Кругомъ исчезъ за дверьми. Лизавета Ивановна растерянно устремила глаза на Равцева. Овъ въ свою очередь, молча, повелъ на княгиню не то недоумывающимъ, не то досаднымъ взглядомъ.

„Ашônier, втрахнувъ гравой и выправила свои аметистовыя залочки пѣз-подъ рукавомъ лодраслика, всталъ и направился къ спальнѣ.

Лизавета Ивановна инстинктивно кинулась заслонить ему дорогу:

— Позвольте, батюшка, надо, слышала, погодить... да и приготовиться большой дать. Да съ вами и даровъ святыхъ вѣтъ, продолжала она оглаживая отъ Пареева.— Не бесѣдовать, а къ великому таинству приступить желаетъ, такъ какже такъ.

— Полагаю, учительскимъ тономъ проговорилъ овъ, — что разумное наставленіе особенно важно для умирающей...

— Certainement, послѣшно вышалаась Аглая Константиновна, язвительно относясь къ мадезькой особѣ;— надѣюсь что батюшка лучше васъ знаетъ что сдѣлать въ этихъ оказіяхъ!..

Но та ея не слушала. Ова отбѣжала къ Равцеву, прижалась къ его плечу и зашептала:

— Не годится этотъ, ангелъ мой, не годится!.. Съѣдите, милый человекъ, сейчасъ къ Николаю на Грязяхъ; отецъ Василій тамъ, почтенный старецъ, ластырь настоящій... Вы только скажите, овъ меня знаетъ близко, прѣдетъ сейчасъ... Овъ ее, голубушку, дѣйствительно утѣшить, валутствуетъ и примирить... А этотъ „бесѣдовать“, ишь, пришеелъ, прости Господи!

— Сейчасъ съѣзжу... А если какъ ова да безъ меня вздумаетъ ворваться къ *ней* олятъ? приостановился тронувшійся было съ мѣста Никаноръ Ильичъ, указывая ей кивкомъ на Аглаю Константиновну, которая со своей стороны, наклонившись къ уху своего „ашônier,“ объясняла ему что-то, энергично размахивая руками.

— Это точно, закивала Лизавета Ивановна, вздыхая, — олятъ ее, голубушку, не дай Богъ! не пощадить эта барыня... И чтой-то это, Господи, за люди на свѣтъ!... Такъ вотъ что, анделъ мой: сама съѣзжу, неподалечку вѣдь, и привезу отъ Василя, а вы ужь тутъ посторожите!..

Ова скрылась.

Равцевъ подошелъ къ двери спальни, осторожно притворилъ ее опять и сѣлъ на ближайшій стулъ.

Агая Комотамгазова оманулась на него и, съживъ губы кружечкомъ, въ знакъ полатышаго къ нему презрѣнiя, спросила съ самымъ надменнымъ и колкимъ видомъ какой только нашла въ арсеналѣ ея *grande air*:

— Куда же ушла эта... *персона*, которая тутъ сейчасъ *распоряжалась*, и когда наконецъ *допустить* отца Пареева къ моей *belle fille*?

— Она лѣзла за священникомъ... за знакомымъ больно, отвѣтилъ онъ тихо.

Агая остолбенѣла на первыхъ порахъ, открыла ротъ, и такъ и застыла. Языкъ отказывался выговорить словомъ весь тотъ капаль изумленiя, испуга и злости, который прицвѣвалъ ей теперь къ горлу... Но вотъ еще мгновенiе, платину прорвало и, вмѣстѣ съ потокомъ савезъ полавшихся волосатыми струями по ея румянамъ, повеселась *красотная рчи* съ ея судорожно-перекривившихся губъ:

— А, такъ вотъ какъ, *c'est comme ça*, это противъ меня *intriga*, *un complot atroce!*. Вы съ этою женщиной, а не знаю васъ! Кто вы такіе и какъ вы смѣете дѣлать это противъ меня? Вы какой-то прежній мужъ, кажется *que personne ne connaît*, а я княгиня Шастумова, мой мужъ *посавникъ* былъ, изъ первыхъ *familié dans l'Empire* и *mon fils Basile* женатъ на этой больно, особѣ. Его *vêť*, *il est en Asie* et *je le représente en ce moment ici*, *je suis la belle mère de la malade*, и мнѣ никто, даже севать, а не только вы *que je ne connais pas*, не можетъ запретить когда она *en danger de mort* привести ей духовное лицо чтобъ уговорить ее...

— Княгиня, подходя къ въ мей и сдерживаясь насколько могъ, проговорилъ полупелотомъ Равцевъ. — Она можетъ услышать, вы ее чуть не уморили сейчасъ... ей остается, можетъ-быть, лишь нѣсколько часовъ жить... не кричите, умоляю васъ!..

Она замахала руками:

— Я не хочу съ вами говорить, *je veux la voir!*..

И она кинулась къ двери спальни.

Онъ схватилъ ее за руку, рванулъ назадъ и блѣдный какъ призракъ, съ безумнымъ глѣвомъ въ глазахъ, проговорилъ сквозь стукавшіеся въ лихорадочномъ ознобѣ зубы:

— *Иде мать и, какъ Богъ спяща, а весь макину воню изъ окна!*

— *А-а! визгнула она что было мочи,—бабушки, спасите!*

V.

Tout est fini, la foule se disperse.
Béranger. *Sur le tombeau de Manuel.*

— *Окна мѣломъ
Забѣлены. Козылку мѣтъ,
А гдѣ, Богъ вѣсть, пропасть и
сидѣтъ.*

Ess. Опытки. Гл. VI.

Троекуровъ не долго засидѣлся въ своей конторѣ; онъ потребовалъ приходо-расходный балансъ и увидѣлъ изъ него что въ кассѣ имѣлось въ настоящую минуту свободныхъ шестнадцать тысячъ пятьсотъ рублей, полученныхъ изъ его „малорусской экономіи“ за нѣсколько дней назадъ.

— Отвезите сегодня же эти деньги въ банкирскую контору Ахенбаха, приказалъ онъ, — и возьмите отъ нея двѣ тратты, одну въ двѣ тысячи рублей на Берлинъ, а другую на остальные на Парижъ... Мнѣ тамъ нужно будетъ нѣкоторыя за- кулки сдѣлать, добавилъ онъ, самъ же зная для чего сказано это имъ.

— Слушаю-сь, молвилъ конторщикъ;—а чьи адреса въ эти города послать прикажете?

Троекуровъ поморщился:

— Я самъ распоряжусь... Привесете ко мнѣ, въ гостиницу Шеврие, часу въ пятомъ; я тамъ буду обѣдать.

— Слушаю-сь... Тутъ-сь по вашему кредиту, конторщикъ развернулъ книгу, господиномъ Ашанинымъ получено въ два пріема тысяча сто пятьдесятъ рублей...

— Хорошо! кивнулъ не глядя Борисъ Васильевичъ и всталъ съ мѣста.

— Сходите къ управляющему дома, какъ бы вспомнивъ вдругъ и небрежнымъ тономъ сказалъ онъ, и скажите чтобы все тамъ почистили и привели въ порядокъ... Наблюдайте за этимъ сами и когда будетъ готово извѣстите тотчасъ же отъ

себя итаетъ книжку Кару Накивичну Кубенскую во Воеватскомъ... Она можетъ будетъ въ Москву и оставитъся тамъ..

Онъ двинулся и вспомнилъ оныя:

— Не бывалъ у васъ тутъ докторъ нашъ, Николай Ивановичъ Фирсовъ, и не знаете ли гдѣ онъ пролаждаетъ здѣсь?

— Былъ-съ, за жалованьемъ приходилъ и адресъ его докторъ извѣстенъ.

— Такъ нельзя ли его будетъ отыскать и прислать ко мнѣ?... Только сегодня же, а завтра уѣду въ Петербургъ.

— Сегодня же исполню-съ! молвилъ конторщикъ провожая патрона своего на крмандо.

Налетая Троекуровымъ коляска ждала его уже тутъ.

— Куда прикажете, ваше сиятельство? спросилъ знакомый ему кучеръ отъ извозчика, радостно приподнимая только-что отпущенную ему хозяйномъ, „въ уваженіе хорошаго господина“, новехонькую шпалю.

— Домой, къ Шевриел...

Коляска подѣзжала къ гостиницѣ когда изъ воротъ ея вышла маленькая Лизавета Ивановна, быстро перебирая ножками и лица тревожно бѣглыми глазами ближайшаго извозчика.

Троекуровъ узналъ ее, окликнулъ по имени.

Она обернулась, увидала, кинулась къ нему:

— Борисъ Васильичъ... Господи, вотъ не ждала, не чаяла!... Оди вы здѣсь?

— Одишь.

— А, сокровище мое безцѣнное, адеалъ небесный, Александр Павловна, что?

— Ничего, въ деревнѣ, здорова, послѣшнво отвѣтилъ онъ;— а вы куда же это бѣжите? еще послѣшннѣ перемѣнилъ онъ разговоръ.

Она завздыхала, закачала головой:

— А я за священникомъ, Борисъ Васильевичъ, за отцомъ духовнымъ... Большая у меня тутъ одна, при смерти...

— Знаю, сказалъ онъ, княгиня Шастунова... Что, повирилъ онъ голосъ,—у нея тамъ теперь Радцевъ... тотъ за которымъ она посылала?...

— И про то знаете, адеалъ мой? воскликнула она, утирая верхомъ руки проступившія у нея внезапно слезы;—тутъ, при ней теперь.. Убивается... любить ее, видать такъ что душу сейчасъ за нее отдать готовъ... А тутъ ей еще локоу

не дасть. Княгиня эта намазанная, свѣтленька, крикнула, вырвалась насильно, чуть не утонула ее, на мѣстѣ...

— Услыла? невольна вырвалась у Троекурова,—и священника своего притащила къ ней, а?

— Такъ, такъ, авдедь мой, все-то это вы знаете... И на особу духовную не похожъ даже вовсе, шарлатанъ какой-то, просто Господи!...

— Вы его не пустили къ больной?

— Нѣту, голубчикъ, нѣту! Вотъ за своимъ, за настоящимъ, къ Ивану Воину собралась... а сердце не на мѣстѣ, потому при ней одна Амазія осталась, а ели-то и войти къ ней нельзя, чтобы княгиня эта опять со своимъ лопомъ отряженнымъ не вскочила въ спальню... Батюшка, Борисъ Васильичъ, воскликнула вдругъ маленькая особа,—она васъ больше послаушается, пошла бы вы выручать Бога для, ослабодить чтобы могъ онъ тутъ при постелѣ ея на всякъ случай быть пока я отца Василия привезу; вы вѣдь знаете, а онъ тутъ одинъ, съ ума вѣдь собьетесь...

— Я сейчасъ пойду, сказалъ Троекуровъ,—а вы садитесь въ мою коляску и поѣжайте за вашимъ дѣломъ. Будьте покойны, примолвилъ онъ усмѣхнувшись:—булавить я этой „намазанной“ не позволю.

— Ну и вотъ славно, ну и вотъ прекрасно, авдедь мой говорила Лизавета Ивановна, крестясь и усаживаясь въ экипажъ.—Къ Николѣ, недалечку, милый человекъ! закивала она всѣмъ своимъ сморщеннымъ личикомъ обернувшегося на нее за приказаніемъ кучеру...

Борисъ Васильевичъ прошелъ черезъ дворъ и вошелъ въ сѣнцы флигеля... Доместійся до него въ эту минуту визгъ изъ покоя въ который направлялся онъ, заставилъ его немедленно, послѣшнво распахнуть дверь...

Читателю уже извѣстно какое зрѣлище предстало ему увидѣть:

Ранцевъ стоялъ посреди комнаты съ перековерканнымъ лицомъ; Аглая Константиновна нецтовно махала руками, свалившись головой на плечо отца Пареева...

Она разомъ смолкла при видѣ входившаго и вытаращила на него изумленные и уже нѣсколько услуганные глаза; она по первому кинутому имъ взгляду на нее почувала что явилась ей не союзникъ, а врагъ...

Онъ быстро подошелъ къ Ранцеву, протягивая ему руку:

— Я сейчасъ все узналъ отъ Лизаветы Ивановны, проговорилъ онъ вполголоса:— ступайте къ большой, Никаморъ Ильячъ, а барыню эту я отсюда выревожу.

Тотъ встряхнулъ головой, вспыхнулъ, торопливо пожалъ пальцы Троекурова и исчезъ за дверями спальни.

— Позвольте васъ проводить до вашего экипажа, княгиня, молвила тутъ же, подступая къ ней съ подвернутымъ локтемъ, Борисъ Васильевичъ.

Она уперлась въ него своими круглыми глазами, вся растерянная....

— Et pourquoi est-ce que je dois m'en aller, monsieur Троекуровъ? забормотала она съѣхавшимъ уже на квинту впазъ голосомъ.

— Потому что кто-то здѣсь такъ кричалъ сейчасъ, слышавно отвѣчалъ онъ по-французски же,— что перелуганный хозяинъ гостиницы послалъ за полиціей, а я, при томъ уваженіи которое внушаетъ мнѣ ваша особа, желаю избавить ее отъ допросовъ квартальнаго.

— Ah, mon Dieu, quelle horreur, un квартальный? вскрикнула она... и вдругъ одумалась:— Et si vous dites exprès, pour me tromper, monsieur Троекуровъ?

Но онъ уже держалъ руку ея подъ своимъ локтемъ и не выпускалъ ея:

— Пойдемте, княгиня. Есть такая пословица, можетъ-быть слышали: „васильво милъ не будешь“, а тутъ къ тому же умираетъ женщина и производить скандалъ въ такую минуту не совсѣмъ удобно... Пойдемте! заключаю онъ, увлекая ее къ выходной двери.

— Но какой же скандалъ, monsieur Троекуровъ? окончательно разбитая этимъ рѣшительнымъ тономъ, этою *назадуманностью* поступка пролетела она, плохо уже лопчовавшимся ей отъ страха языкомъ,—я хотѣла только чтобы le père Пареевъ lui parle religion...

— Мнѣ очень жаль, перебилъ онъ ее,— что „le père Пареевъ“ не подумалъ прежде всего поговорить „о религіи“ съ самою вами.

Она какъ рыба смолкла за этимъ наставленіемъ. Онъ довелъ ее до ея экипажа, посадилъ и близко раскланялся.

Сконфуженный въ свою очередь „père Пареевъ“ торопливо скакнулъ предъ ними шаялу, готовясь дѣсть за своею

княгиней въ карету, въ которой съ ней и прѣѣхалъ. Но на что былъ онъ ей теперь? Она хлопнула дверцей чуть на ногу востъ ему и крикнула въ окно кучеру: „домой!“... Ашшшш такъ и осталася посреди двора съ раскрытымъ отъ изумленія ртомъ.

Борисъ Васильевичъ счелъ нужнымъ „на всякій случай“ вернуться въ номеръ больной. Онъ утѣлся въ пустой теперь передней комнатѣ въ ожиданіи возвращенія Лизаветы Ивановны.

Дверь въ спальную была не совсѣмъ притворена, но никакого звука не слышалось оттуда. „Заснула“, подумалъ онъ...

Но она не спала.... Открывъ глаза послѣ обморока, она всѣхъ узнала, слабо усмѣхнулась и попросила пить. Докторъ приказалъ дать ей опять шампанскаго и новый приемъ мускуса черезъ десять минутъ. Это „подбодрило“ ее, какъ онъ и предсказывалъ: оконечности потеплѣли, чуть-чуть зааѣли щеки. „Ахъ, какъ теперь хорошо!“ выговорила она внятно, отыскала взглядомъ маленькую особу (Кругляковъ и Никаноръ Ильичъ вышли въ это время въ гостиную) и ломанула ее къ себѣ движеніемъ головы. Та быстро наклонилася къ ней. „Нельзя ли священника... пока я въ силахъ“, прошептала она ей на ухо съ какимъ-то замедленіемъ и дрожью въ голосъ...: „Сейчасъ, анделъ мой, сейчасъ!“ вскинулась и полетѣла Лизавета Ивановна. Она вздохнула и закрыла глаза, какъ бы для того чтобы не видѣть оставшейся стоять надъ нею съ приторно подтянутыми губами, въ знакъ соболѣзнованія, Амаліа....

Доместійся до нея крикъ Аглаи Ковстантиновны заставилъ ее инстинктивно вздрогнуть, но вѣкъ она не подымаа.

— Она все еще тутъ? равнодушно спросила она тоаько.

— Immer da! подтвердила чуховская субретка, провинчески ослабляясь....

Вошелъ Ранцевъ. Она слухомъ угадала его близость и какъ бы радостно улыбуалась ему, все также не открывая глазъ. Онъ сталъ у нея въ ногахъ, погрузась взоромъ въ ея лицо... въ призракъ прежней „Оли“....

Амаліа ушла за ширмы, къ окну. Онъ опять былъ одинъ съ нею въ этомъ освѣщенномъ какъ ночью покоѣ, между тѣмъ какъ солнечный свѣтъ, какъ бы смѣясь надъ ея предсмертною затѣей, нагло прорывалася сверху, въ отверстіе не плотно задернувшихся занавѣсей и пробѣгалъ змѣякой въ угау противоположной стѣны надъ головою больной....

Она не спала; на нее нашло какое-то сознательное забытье, что-то между бдѣніемъ и грезой, сладкое и томящее. Ей не хотѣлось ни говорить, ни двигаться. Какъ тучка по небу, неустанно измѣняя свои очертанія, проносились предъ нею образы, силуэты, обрывки очерковъ и мыслей.... Онъ читалъ это на этихъ обострившихся чертахъ, въ движеніи ушедшихъ устъ, во вздрагиваніи длинныхъ рѣсницъ, падавшихъ какою-то траурною бахромой на прозрачную блѣдность ея кожи.... Зловѣще олуценыя углы губъ приподымались на мигъ, будто пытались сложиться опять въ тѣ знакомыя ему, неотразимыя складки молодого, счастливаго смѣха; по сжатымъ вѣкамъ словно пробѣгали какія-то мимолетныя радужныя тѣни; легкое шелковое одѣяло колыхалось слегка отъ угашеннаго дыханія легкихъ.... Но еще мигъ, и чуть слышный вздохъ вылеталъ изъ груди, губы вытягивались въ строгую, непривѣтную линію, и изъ-подъ этихъ упорно сомкнутыхъ вѣждъ готовы были, казалось ему, брызнуть жгучія, ядовитыя слезы....

Въ его головѣ стоялъ неотступно одинъ образъ, одно воспоминаніе. Жаркій лѣтній день; онъ, еще вчера *темный* армеецъ, сегодня нежданымъ богачъ, выѣзжаетъ въ городъ лодъ которымъ расположено наследованное имъ имѣніе. Онъ тащится тресая на своей перекладной, по незнакомой, длинной улицѣ, слышь завитой отвѣснымъ свѣтомъ полудня.... И вотъ изъ окна свѣтлаго домика подъ зеленою крышей, вытянулась чья-то жевская, обнаженная по локоть, ослабительно бѣлая рука съ блестящими въ ней лезвеами длинныхъ, раскрытыхъ ножницъ, вытянулась къ кусту луцовыхъ розъ въ полномъ цвѣту, чуть-чуть качающихся на своихъ стебляхъ въ ландшафтѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ окна, а не можетъ дотянуться до нихъ. И все далѣе протягивается она, а за нею, вывѣшиваясь наружу до стана, схватившись другою рукой за задвижку рамы, появляется хохочущій, очаровательный обликъ темнорусой красавицы, свѣжей и лышвой какъ тѣ розы, изъ которыхъ не можетъ достать она своими ножницами.... И съ той минуты она „взяла всего его, всю его жизнь“.... „Оля, что же она сдѣлала съ тобой?“ мучительно шепталъ онъ про себя. Онъ о себѣ не думалъ, не думалъ что еслибъ „они“ не сдѣлали этого чего-то съ нею, она не вспоминала бы объ немъ въ эти послѣдніе часы, что, какъ признавалась сама она ему полчаса

тому назадъ, она „никогда не умѣла его любить, не смогла бы и погнѣть“.... Да развѣ онъ когда-нибудь, въ самыя горькія минуты, упрекалъ ее за это? Какъ говорилъ онъ графу Наташаницеву, онъ „на счетъ своей особы никогда не обманывался и всю жизнь свою мучился тѣмъ что *не таково какъ онъ мужа требовалось ей*“....

Такъ, безмолвно, затаивъ дыханіе, не отвоя отъ нея воспаленныхъ глазъ, простоялъ онъ надъ нею съ часъ времени.... Онъ вздрогнулъ отъ прикосновенія руки неслышно подошедшей къ нему Лизаветы Ивановны.

— Отецъ Василій тутъ, сообщила она ему на ухо.

Но въ то же время глаза больной внезапно и широко раскрылись:

— Просите отца духовнаго! громко выговорила она, и закрыла ихъ опять.

— Душа-то, душа-то сама прочула и вскакала, прошептала восторженно маленькая особа, схватившая Никавора Ильича за руку;—любимте, голубчикъ!....

Высокій, почтеннаго вида, со строгими глазами и тихою поступью старикъ - священникъ вошелъ черезъ минуту въ спальную. Лизавета Ивановна, выславъ Амадію, оставила его одного „съ умирающею“....

Равцевъ выйдя въ гостиную, повелъ увидѣть и какъ бы благодарнымъ взглядомъ на одиноко сидѣвшаго тамъ Троекурова, опустилса въ кресло въ углу комнаты и уложивъ локти въ колѣни и голову въ руки, затихъ весь, словно замеръ.

Лизавета Ивановна подошла къ окну, сложила руки и устремила взоръ въ горячо спявшее небо. Губы ея быстро и беззвучно зашевелились: онъ очевидно шепталъ слова молитвы...

Такъ прошло довольно долго времени. Троекуровъ съ какимъ-то странвымъ, становившимся чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе тяжелымъ, чувствомъ ожиданія глядѣлъ прикованными къ ней глазами на залптую маленькою особой дверь спальни.

Но вотъ наконецъ тихо отворилась она и изъ нея вышелъ старикъ-священникъ, осторожно ступая по протянутому черезъ комнату къ сѣнямъ половику.

— Въ сплахъ была батюшка? кинулась тутъ же къ нему съ тревожнымъ вопросомъ Лизавета Ивановна.

— Влоднѣ, какъ бы напирая, медленно и вѣско произнесъ онъ въ логгоса,—а въ настоящую минуту видимо ослабла очень, одну оставить нельзя.

Она такъ и вылетѣла за дверь. Никаморъ Ильичъ шатаясь послѣдовалъ за нею.

Троекуровъ остался одинъ опять.. На сердцѣ его была какая-то, всего его охватившая теперь тоска. „За эту умирающую тутъ женщину, вспоминалъ онъ, онъ чуть не отправилъ на тотъ свѣтъ лучшаго друга своей молодости, два лучшие года этой молодости отдалъ онъ на любовь, на безумную любовь къ этой женщинѣ... а теперь его и *не танетъ* взглянуть на нее въ послѣдній разъ...“ Но уходить онъ все-таки не рѣшался. „Надо дождаться *конца*“, говорилъ ему что-то внутри его, чему онъ не ловимоваться не могъ.

— Вотъ какъ слодобились, голубочка, тѣло Его и кровь принять, Спасителя Нашего, Господа, такъ и легче стало вѣрно я говорю, андѣль мой? долращивала тѣмъ временемъ причастившуюся маленькая Лизавета Ивановна ласкательнымъ шелотомъ, макаившись къ самому лицу ея, по которому словно бѣжала какая-то слабая усмѣшка.

Она не отвѣчала. Глаза ея были закрыты. На нее будто опять нашло давшнее забытьѣ. Одѣяло не шевелалось; только тонкая батистовая ткань вочной кофты еле замѣтно при подымалась и опускалась надъ грудью...

Лизавета Ивановна медленно опустилась на колѣца, прикинувъ ухомъ къ этому едва уже слышному дыханію... Равцевъ, все также въ ногахъ кровати, судорожно хватаясь руками за ея дерево, тавулся чрезъ него всѣмъ тѣломъ, прислушивалась въ свою очередь, со стиснутыми до боли зубами, съ широко, безобразно раскрытыми и устремленными на нее зрачками... Слышно было лишь жужжаніе мухъ подъ невысокимъ потокомъ, да глухой гулъ колесъ на улицѣ, врывавшійся вмѣстѣ съ солнечнымъ лучемъ въ просвѣты занавѣси въ эту освѣщенную искусственнымъ вечернимъ свѣтомъ комнату...

Вдругъ она шевельнулась. Вѣки ея дрогнули, приподнялись...

— Ну вотъ и жизнь прошла, послышались надрывающіе звуки,—на что?..

Тусклымъ, стеклянистымъ взглядъ ея подыался на Равцева:

— Никсъ, помнате! довеслось до его слуха какъ бы откуда-то изъ невѣдомаго пространства...

Онъ глядѣлъ костенѣя въ эти загадочно и страшно оставившіяся на немъ глаза...

— Позвольте! раздался подлѣ Лизаветы Ивановны негромкій голосъ только-что вошедшаго доктора.

Онъ нажалъ пальцами ядуть своей пациентки, вынулъ часы...

Лизавета Ивановна, не подымаясь съ кровати, откинулась головою назадъ, прижавъ крестомъ руки къ груди.

— Чтò-о? какою-то неестественною бормотой прорвалось изъ гортанника Никанора Ильича.

Кругляковъ отпустилъ пальцы, положилъ часы въ карманъ и только головою качнулъ..

Троекуровъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ съ курьерскимъ поѣздомъ въ Петербургъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Б. МАРКЕВИЧЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы 30 и 31. Годы учения Государя Императора Александра Николаевича. С.-Петербургъ, 1881.

Два новѣйшіе тома *Сборника Русскаго Историческаго Общества* заняты матеріалами относящимися къ годамъ учения Царя-Освободителя. Матеріалы эти представляютъ двойной интересъ. Съ одной стороны они весьма интересны сами по себѣ, какъ выраженіе образа мыслей, знанія и взглядовъ людей которымъ поручено было воспитаніе и обученіе Царскаго Сына, равно какъ и картина положенія Россіи въ извѣстный періодъ. Съ этой стороны чрезвычайно интересны *планы ученія составленные Жуковскимъ, мысли законоучителя протоіерея Павскаго, письма и отрывки изъ бесѣды его же, отрывки изъ курса протоіерея Бакалова, Черты исторіи Государства Россійскаго Жуковскаго, Бесѣды о законахъ Сперанскаго, Краткое обзорныя російскія финансовыя графа Бамкрива, Aperçu des principales transactions du Cabinet de Russie sous les règnes de Catherine II, Paul I et Alexandre I, барона Бруннова*. Съ другой стороны, матеріалы эти представляютъ драгоценный источникъ для будущаго историка, который увидитъ изъ нихъ

подъ какими вліяніями складывалась юная душа будущаго Царя-Освободителя, какія свѣдѣнія, въ какомъ объемѣ и направленіи образовательно дѣйствовали на юный умъ. Наконецъ матеріалы эти имѣють спеціальную важность для выясненія личности Жуковскаго. Мы знаемъ его какъ поэта; теперь мы знакомимся съ нимъ какъ съ педагогомъ. На Жуковскомъ какъ педагогѣ и остановимся мы въ нашемъ отчетѣ о двухъ послѣднихъ томахъ *Сборника*. Изложивъ въ общихъ чертахъ его содержаніе, мы постараемся ближе ознакомить читателей съ общимъ планомъ ученія и воспитанія составленнымъ Жуковскимъ и со взглядомъ послѣдняго на свою задачу.

Въ продолженіе воспитанія покойнаго Государя, по представленію Жуковскаго, напечатано было съ разрѣшенія императора Николая Павловича много книжекъ которыя служили замѣною краткихъ записокъ для повторенія уроковъ. Книжки эти составляемы были преподавателями отдѣльныхъ наукъ и представляли: однѣ, какъ бы одну программу науки, другія: родъ конспекта, нѣкоторыя: полное, хоть и очень краткое руководство. Онѣ не представлялись на разсмотрѣніе цензуры, а назначались исключительно для употребленія въ классной комнатѣ Наслѣдника. На печатаемыхъ такимъ образомъ руководствахъ не обозначалось ни типографіи, ни города, ни года печатанія; всѣ они набирались въ типографіи Главнаго Штаба одинакимъ, довольно мелкимъ и убогимъ шрифтомъ. Перепечатка нѣкоторыхъ изъ этихъ книжекъ и составляетъ содержаніе „Годовъ ученія“. Она занимаетъ цѣлые два тома убоистой печати, около 900 печатныхъ страницъ; тѣмъ не менѣе здѣсь собраны далеко не всѣ руководства по которымъ учился покойный Государь. „Къ сожалѣнію,“ говоритъ редація *Сборника*, „не всѣ книжки напечатанныя съ цѣлью руководства при ученіи Наслѣдника Престола приведены въ извѣстность, и въ настоящемъ изданіи помѣщены лишь немногія изъ нихъ.“ Мы указали уже выше особенно замѣчательныя. Намъ остается прибавить что кромѣ нихъ читатели найдутъ здѣсь: *Основанія артиллерійскаго искусства* (начало курса читаннаго Е. Х. Весоевемъ), *Введеніе въ исторію французской революціи* (Липмана), *Программу части гиліи* (Жуковскаго), *Хронологическія таблицы исторіи государства Россійскаго* (Жуковскаго), *Обзорніе пружнаго и мнѣшннаго состоянія Министертва Иностранныхъ Дѣлъ* (Полѣнова). Этими матеріалами

предшествуетъ рядъ учебныхъ плановъ составленныхъ Жуковскимъ. Таково содержаніе книги. Ознакомимся теперь съ планомъ Жуковского. Прежде всего: какъ смотрѣлъ поэтъ на свою обязанность руководителя учениемъ Наслѣдника? Онъ самъ разказываетъ намъ это, и мы не можемъ сдѣлать ничего лучше какъ привести собственные его слова:

„Здѣсь почитаю необходимымъ представить на судъ Государя Императора мой собственный образъ мыслей, чтобъ Его Величеству было извѣстно какъ я ловимаю мою обязанность, въ какомъ духѣ желаю исполнить ее.

„Не отвѣчая за свои способности, отвѣчаю за любовь мою къ моему дѣлу. Я могу дѣйствовать на нравственность Великаго Князя однимъ только образованіемъ его мыслей. Его характеръ въ рукахъ воспитателя. И воспитатель и наставникъ дѣлать къ одной дѣлу, но каждый имѣетъ свой особый кругъ дѣйствія и долженъ знать свои границы. Мой кругъ дѣйствія есть руководствовать Великаго Князя въ приобретеніи нужныхъ ему познаній, дабы послѣ, вмѣстѣ съ нимъ, изъ всей ихъ суммы извлечь необходимыя для него правила жизни.

„Волевыми, скажу: Его Высочеству нужно быть не ученымъ, а просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе должно познакомить его только со всѣмъ тѣмъ что въ его время необходимо для общаго блага и, въ благѣ общемъ, для его собственнаго. Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностію. Человѣкъ знающій, но не нравственный будетъ вредить, ибо худо употребить извѣстные ему способы дѣйствія. Человѣкъ нравственный, но невѣжда, будетъ вредить, ибо и съ добрыми намѣреніями не будетъ знать способовъ дѣйствія. Просвѣщеніе соединитъ знаніе съ правилами. Оно необходимо для частнаго человѣка, ибо каждый на своемъ мѣстѣ долженъ знать что дѣлать и какъ поступать. Оно необходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привязанъ къ закону, въ которомъ заключается его нравственность, и къ порядку, въ которомъ заключается его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно даетъ способы властвовать благотворно.

„Сокровищница просвѣщенія царскаго есть исторія, наставляющая опытами прошедшаго, или объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ Государя съ нуждами его страны и его вѣка. Она должна быть главною наукою Наслѣдника престола. Исторія, освѣщенная религіею, воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человечеству и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ. Изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности Царской. Сихъ главныхъ правилъ не много. Исторія познакомитъ Наслѣдника

престола съ судьбою народовъ и объяснивъ причины ихъ бѣдотѣй и благоденствія во всѣхъ временахъ, должна сказать ему въ заключеніе: вѣрь что власть Царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь ему какъ вѣрши Маркъ Авреай и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкой надъ Божествомъ и человечествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ; законъ, пренебрегаемый Царемъ, не будетъ хранимъ и народами. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому кто хочетъ властвовать для одной власти, но изъ сильныхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ Монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судія исполнителей его воли; мыслы могутъ быть мятежны когда правительство протѣвительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго Государя. Люби свободу, то-есть правосудіе; ибо въ немъ и милосердіе Царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ, одно и то же; любовь Царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могущество Государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, не уважаемый, безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: сильное самолюбіе Царя, удаляющее отъ него людей превосходящихъ, предастъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви Царя къ народу нѣтъ любви народа къ Царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земнаго, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго: вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога! Она защититъ душу твою отъ презрѣнія къ человечеству, столь пагубнаго въ правителяхъ людей. Наконецъ, въ заключеніе слова Іоанна Мюллера, которыми онъ оканчиваетъ свою *Всемирную Исторію*: Умѣренность, порядокъ, а смыслъ ихъ: не улускай никогда изъ глазъ своей цѣли; двигайся впередъ не быстро, но постоянно; строй безъ спѣха, но для вѣковъ; исправляй не разрушая, не упрещай своего вѣка, и не отставай отъ него; не будь его рабомъ, но свободно съ нимъ соглашайся: будешь владѣть имъ, когда не презришь его совѣта; будешь его жертвою или окружишь себя жертвами, если хочешь его переселить.

Таковы главныя правила, которыя Наслѣдникъ престола долженъ современемъ извлечь для себя изъ исторіи: свободное изложеніе ихъ передъ Государемъ есть въ то же время и моя исповѣдь.

„Государь! можете-быть прежде я бы не съ такою довѣренностію къ вамъ употребилъ сей языкъ свободный! Но теперь, послѣ того что случилось, смѣлая искренность съ вами не стоитъ никакого усилія. Вы познакомили съ собою Россію; вы доказали намъ что можете благу общему жертвовать собою; въ минуту опасную вы вѣрнулись своему народу; вашей неустранимости обязаны мы сохраненіемъ священнаго царскаго трона; съ этой минуты видимъ дѣятельность, ширемъ право надѣяться времени прекращенныхъ, порядка, законовъ, просвѣщенія, всего что было въ душѣ Александра. При такихъ надеждахъ и мнѣ, какъ вѣрному подданному Царя, какъ вѣрному сыну Отечества усладительнѣе приступить къ священному своему дѣлу. Сдѣлывайте, Государь, его усилію, помогая наставникамъ въ ненарушимои исполненіи ихъ плана. Царствуя для блага Россіи, вы будете царствовать и для вашего сына: онъ будетъ спокойно возрастать подъ благотворнымъ вліяніемъ правленія мужественнаго; современемъ отъ васъ же научится высшему искусству; а наследіемъ его будетъ устроенная Россія и люди образованные вами для поддержанія оъ нами вѣротъ сего устройства.“

Трудно указать въ педагогической литературѣ что-нибудь болѣе вѣрное, ясное и вмѣстѣ болѣе благородное и гуманное какъ составленный Жуковскимъ очеркъ отношеній между отцомъ и сыномъ, между Государемъ и Наслѣдникомъ.

„На учебномъ столѣ должна лежать настольная книга въ которую учителя по окончаніи каждой лекціи будутъ записывать каково было во время ея поведеніе и ученіе Великаго Князя. Осмѣливаюсь прибавить здѣсь одно замѣчаніе: изъявляемое одобреніе Государя Императора должно быть величайшею наградой для нашего Воспитанника, а изъявленное неодобреніе Его Величества самымъ тяжкимъ наказаніемъ. Надобно весьма дорожить симъ важнымъ средствомъ. Смѣю думать что Государь Императоръ не долженъ никогда хвалить Великаго Князя за прилежаніе, а просто оказывать свое удовольствіе ласковымъ обращеніемъ безо всякаго выраженія сего удовольствія. Таковое выраженіе должно быть предоставлено для немногихъ случаевъ. Чѣмъ будетъ оно рѣже, тѣмъ болѣе будетъ цѣны, тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствіе. Великому Князю надлежитъ привыкать видѣть въ исполненіи своихъ обязанностей простую необходимость, не заслуживающую никакого особеннаго одобренія: такая привычка образуетъ твердость характера. Каждый отдѣльный хорошій поступокъ весьма маловаженъ: одно только продолжительное постоянство въ добрѣ заслуживаютъ вниманіе и хвалу. Его Высочество долженъ приучиться дѣйствовать безъ награды: мысль объ отцѣ должна быть его тайною совѣстью. Тогда только одобреніе отца будетъ для него благодѣтельнымъ

счастьемъ и дѣйствительнымъ поощреніемъ къ новымъ усиліямъ. То же самое можно сказать и о выраженіи родительскаго неодобренія. Его Высочество долженъ трепетать при мысли объ упрекѣ отца. Государь будетъ всегда знать о его мелкихъ проступкахъ, но лукавой это будетъ тайной между Его Величествомъ и наставниками; лукавой воспитаникъ чувствуетъ вину свою и самъ наказываетъ себя тагостнымъ своимъ чувствомъ. Но испытать явный гнѣвъ отца должно быть для него случаемъ единственныиъ въ жизни. Если когда-нибудь дойдетъ до такой крайности, то дѣятельство будетъ спасительно и исцѣленіе несомнѣнно. Здѣсь у мѣста сказать нѣсколько словъ о подаркахъ дѣлаемымъ въ разное время Великому Князю. Они непремѣнно должны входить въ общій планъ ученія и, такъ сказать, за нимъ сдѣлывать. Имѣя много безполезнаго, ставовишься равнодушнымъ къ полезному. Великому Князю не должно давать ничего такого что не можетъ быть ему нужно въ настоящую минуту: получая преждевременно такую вещь которую можетъ онъ цѣнить только послѣ, онъ будетъ смотрѣть на нее безъ вниманія; она услѣбитъ потерать для него всю свою новостъ прежде нежели сдѣлается ему извѣстною, и въ надлежащее время не возбудитъ желаемаго любопытства."

Глубокій педагогическій тактъ сказывается въ той настоятельности съ которою Жуковскій требуетъ строгаго и неизмѣннаго порядка въ занятіяхъ Великаго Князя.

"Ученіе по предложенному плану тогда только можетъ имѣть успѣхъ совершенный когда ничто, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ нарушать порядка, одинъ разъ навсегда установленнаго; когда и особа, и время, и все окружающее Великаго Князя будутъ, безо всякаго ограниченія, подчинены тѣмъ людямъ коимъ Его Величество будетъ порученъ довѣренностію Государя. Государь Императоръ, подтвердовавъ сей планъ, да благоволитъ быть первымъ непрекословнымъ его исполнителемъ.

Дверь учебной горницы, въ продолженіе лекцій должна быть неприкосновенна; никто не долженъ себя позволять въ нее входить въ то время которое Великій Князь будетъ посвящать занятію: изъ этого правила не должно быть ни для кого исключенія. Великій Князь пріучится дорожить своимъ временемъ, когда увидитъ что имъ дорожатъ и другіе, и что въ порядкѣ часовъ соблюдается строжайшая точность. Его Высочество въ продолженіе своего воспитанія долженъ привыкнуть не почитать ничего выше своихъ обязанностей. Онъ долженъ идти впередъ постояннымъ и ровнымъ шагомъ: порядокъ ненарушимый есть главное для сего условіе. Осмѣлюсь сказать откровенно: частые перѣзды изъ мѣста въ мѣсто кажутся мнѣ весьма вредными для занятій Великаго Князя. Намъ надобно имѣть одно постоянное мѣстопребываніе:

въ Петербургъ зимой, и одно, такое же, въ Петербурга, лѣтомъ. Въ противномъ случаѣ порядокъ нарушится и нельзя отвѣчать за успѣхъ ученія. Переѣзды будутъ мѣшать и вредить вниманію, будутъ препятствовать полнотѣ и необходимому спокойствію упражненій; вмѣсто устроенной учебной комнаты будемъ имѣть однаѣ станицы, въ которыхъ нельзя имѣть подъ рукою всѣхъ предметовъ ученія: все это произведетъ привычку къ мелочности и безлокойную охоту перебивать мѣсто, весьма вредную для будущаго. Самымъ наставникамъ нельзя будетъ дѣйствовать, какъ бы они желали: могутъ ли они всюду перевозить съ собою всѣ вещи для приготовленія своего къ лекціямъ? могутъ ли имѣть вездѣ просторъ необходимый для собственныхъ занятій? А это не бездѣлица: здѣсь о наставникахъ такъ же нужно думать, какъ о воспитанникѣ. Безполезно требовать отъ нихъ невозможнаго. И со всею готовностію повиноваться Высшей волѣ, они не будутъ въ состояніи ее исполнять и не должны отвѣчать за неуспѣхъ своихъ успѣховъ.

Весьма интересенъ взглядъ Жуковскаго на изученіе военнаго искусства. Практическому его изученію онъ предлагаетъ посвятить вакаціонное время, которое должно было продолжаться отъ половины іюня до 1 августа.

„Предлагаю для сего нѣкоторыя общія мысли. Петръ Великій имѣлъ свой лѣтній полкъ: онъ находилъ въ немъ одну забаву, но эта забава, быть-можетъ, образовала Полтавскаго героя и создателя русской арміи; будущему наследнику его престола надлежитъ и въ этомъ подражать великому праотцу. Можно составить маленькій временной корпусъ изъ хорошвоспитанныхъ дѣтей, числомъ отъ 100 до 200 и снабдить его всѣмъ чѣмъ входитъ въ составъ арміи. Такой корпусъ и лѣтній полкъ существовалъ бы не болѣе шести недѣль въ году: отъ половины іюня до послѣднихъ чиселъ іюля. Все это время могло бы быть посвящено разнообразной военной дѣятельности, а не одной механической. Великій князь узналъ бы на опытѣ службу и всѣ ея оттѣнки. И сіе занятіе, которое могло бы мѣшать и вредить его ученію, когда бы оно во всякое время было соединено съ нимъ, сдѣлалось бы невымымъ, весьма дѣйствительнымъ средствомъ образованія, когда бы совершенно отъ остальнаго ученія отдѣлилось, когда бы ему посвящено было только такое время года въ которое всякое другое занятіе обременительно. Каждая вакація могла бы составлять полную кампанію и каждая кампанія могла бы имѣть предметомъ особенную часть военнаго искусства: напримѣръ, первая кампанія была бы посвящена просто фронтовой службѣ; во вторую занимались бы полевыми укрѣпленіями; въ слѣдующую, артиллеріей; даже могла бы войти въ этотъ порядокъ и навигація. Царскосельскій прудъ легко можно обратить въ океанъ всемірный, на

которымъ двѣ маленькія лхты могутъ въ одинъ день совершить путешествіе вокругъ свѣта. Такимъ образомъ великій князь, играя и перехода въ степена военного человѣка, отъ солдата до генерала, познакомился бы со всеми подробностями службы военной. Наконецъ, могли бы постепенно дойти до самой тактики и стратегіи. Игры сіи практически приготовили бы къ методическому изученію наукъ военныхъ, коими великій князь можетъ заняться только во второмъ періодѣ, познакомившись предварительно съ математикой. Одно только необходимое условіе, чтобы сіи военныя наставительныя игры принадлежали исключительно одной эпохѣ года и нѣсколько не вмѣшивались въ остальное ученіе, которое въ противномъ случаѣ разстроитъ совершенно, ибо уничтожитъ вниманіе. Изъ главная польза было бы не одно приобрѣтеніе свѣдѣній военныхъ, но и укрѣпленіе силъ физическихъ и нравственное образованіе. Великому Князю должно быть не простымъ солдатомъ, а мужемъ достойнымъ престола Россіи. И здѣсь цѣлью было не одно знаніе фрунта, механически приобрѣтаемое, но и дѣятельное пробужденіе высокихъ человѣческихъ качествъ: смѣлости, терпѣнія, расторопности, присутствія духа, осторожности, рѣшительности, хладнокровія, словомъ, всего что составляетъ воина въ истинномъ, прекрасномъ знаменованіи сего сава. Великій Князь былъ бы въ толпѣ людей, имѣлъ бы товарищей, равныхъ съ другими несъ бы тягость долга и службы; все это самымъ благотворительнымъ образомъ могло бы дѣйствовать на его умъ и сердце, развернуло бы въ немъ все чистое, человѣческое и укоренило бы его характеръ. Само по себѣ разумѣется что начальство надъ такимъ корпусомъ должно быть поручено человѣку искусному, который могъ бы изъ игрушки сдѣлать наставленіе полезное и умѣлъ бы забавою дѣйствовать на душу, пробуждая въ ней спящія высокія качества. Такого рода забава не должна быть одна механическая экзерциція солдата, безплодная, если не убійственная для нравственнаго человѣка: съ нею во власти наставника весь человѣкъ и всѣ его силы. Образованіе такого корпуса воинственныхъ дѣтей не бездѣлица; надобно ихъ знать, надобно умѣть управлять ими, надобно настоящимъ готовить будущее. Наставникъ долженъ понимать что здѣсь въ забавѣ дѣтской таится героизмъ мужа. И самъ онъ долженъ быть не простымъ знатокомъ фрунта, привыкшимъ видѣть въ солдатѣ одну машину, но просвѣщеннымъ знатокомъ военного дѣла, способнымъ понимать что во власти его душа будущаго повелителя милліоновъ, можетъ-быть назначеннаго вѣкогда стать передъ русскою арміею и рѣшить судьбу народовъ. Такой человѣкъ долженъ быть не только знакомъ съ механическими подробностями службы военной, мелкими и развѣ только потому принадлежащими Государю что онъ, какъ Петръ Великій, не долженъ быть чуждъ никакихъ подробностей, но и съ высокимъ назначеніемъ воина, которое онъ долженъ знать не изъ

военнаго утѣха, но изъ всемірной исторіи, изъ Аннабала, Юліа Кесара, Густава Адольфа, Фридриха. Скажу болѣе, при выборѣ такого наставника надобно смотрѣть не на одну знамя военнаго, но и вообще на просвѣщеніе и характеръ нравственный, дабы наставляя, онъ могъ и воспламенить душу ко всему великому и героическому. Однимъ словомъ, сію часть воспитанія великаго князя считаю одною изъ самыхъ важныхъ: симъ способомъ онъ можетъ или быть навсегда испорченъ, то-есть обращенъ въ мелочнаго солдата, или быть образованъ для истиннаго героизма, для чести своего вѣка, для твердаго блага Россіи. Сія военныя игры могутъ вѣчатся въ первомъ періодѣ и продолжаться до окончанія втораго.“

Жуковскій раздѣляетъ ученіе на три періода: *Отрочество*, отъ 8 до 13 лѣтъ; *Юношество*, отъ 13 до 18 лѣтъ; *Первые годы молодости*, отъ 18 до 20 лѣтъ. Первый періодъ посвященъ *ученію пригласительному*. Поэтъ сравниваетъ занятія этого періода съ приготовленіемъ къ лутешеству. Онъ даетъ отроку въ руки компасъ, знакомитъ его съ картою и снабжаетъ его орудіями нужными для пріобрѣтенія свѣдѣній и для открытій. Вотъ какъ объясняетъ Жуковскій въ своемъ планѣ эти сказочательныя выраженія.

I. Компасъ. Предварительное образованіе ума: практическая логика.

Образованіе сердца: развитіе нравственнаго чувства посредствомъ первыхъ понятій религіи.

II. Карта. Знанія. Сообщеніе вкратцѣ, въ связи, въ ясной и полной системѣ, сообразуясь съ понятіемъ воспитанника, наблюдая нужную постепенность всѣхъ тѣхъ познаній которыя послѣ должны быть предложены ему отдѣльно, какъ науки со всѣми необходимыми подробностями. Отвѣтъ въ связи на четыре вопроса жизни: Гдѣ я? что я? что я быть долженъ, и къ чему предназначенъ?

III. Орудія. Языки способны дополнять самому сообщенныя знанія знаніями, собственно пріобрѣтенными, талантами.

Юношескій періодъ есть „самое лутешествіе“. Путеводный компасъ въ рукахъ. Карта извѣстна. Дороги означены. Нѣтъ опасности заблудиться; умъ приготовленъ, любопытство пробуждено. Не опасаясь смутности и безпорядка въ понятіяхъ, воспитанникъ можетъ обращать все свое вниманіе на каждый предметъ *отдѣльно*. Въ этомъ періодѣ преподаются:

1) *Науки антропологическія*, имѣющія предметомъ *человѣка*: исторія, географія (этнографія и статистика), политика, философія.

2) *Науки онтологическія*, имѣющія предметомъ *себя*: математика, естественная исторія и технология, физика.

Наступили первые годы молодости. Жуковскій сравниваетъ ихъ съ окончаніемъ путешествія. Свѣдѣнія собраны, остается ихъ обобщить, привести въ порядокъ и опредѣлить какое должно быть отдѣлено изъ нихъ употребленіе. Въ этомъ періодѣ воспитанникъ болѣе дѣйствуетъ *самъ*, нежели приобретаетъ отъ наставника. Этотъ періодъ долженъ быть посвященъ *занятіямъ собственнымъ* и чтенію немногихъ истинноклассическихъ книгъ, предпочтительно такихъ кои могутъ познакомить питомца съ высокимъ его назначеніемъ и стравою которой онъ долженъ посвятить жизнь свою.

Не будемъ входить въ дальнѣйшія подробности учебнаго плана, но не можемъ не отмѣтить одной изъ нихъ. Жуковскій считалъ необходимымъ чтобы Наслѣдникъ учился латинскому языку. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу въ проектѣ ученія предназначавшемся для представленія императору Николаю Павловичу:

„Почитаю необходимымъ ученіе латинскаго языка: на семъ ученіи будетъ основано ученіе всѣхъ другихъ языковъ, и оно весьма, весьма имъ облегчится, ибо латинскій языкъ есть отецъ большей части европейскихъ. Прошу убѣдительно высочайшаго на сіе соизволенія. Смѣю увѣрить что метода будетъ избрана самая легчайшая и что ученіе латинскаго языка, вмѣсто того чтобъ обременять Великаго Князя скучнымъ трудомъ, послужитъ къ его образованію. Въ необходимости сего ученія я увѣренъ. Я не считаю для Великаго Князя нужною ученость, но онъ долженъ имѣть основательное просвѣщеніе; но латинскій языкъ есть одно изъ дѣйствительныхъ средствъ развитія умственныхъ способностей, а въ классикахъ латинскихъ источникъ истиннаго просвѣщенія.“

Мы начали наше ознакомленіе съ Жуковскимъ какъ педагогомъ, обращеніемъ его къ императору Николаю Павловичу со своею исповѣдью. Мы видѣли какъ онъ понималъ свою обязанность, въ какомъ духѣ желалъ онъ ее исполнить, мы ознакомились съ дѣльнымъ рядомъ замѣчательныхъ взглядовъ его на воспитаніе. Ясный и благородный образъ Жуковскаго возсталъ предъ нами въ новомъ освѣщеніи, которое дѣлаетъ еще болѣе симпатичною эту свѣтлую, гуманную и просвѣщенную личность. Закончимъ наше ознакомленіе съ Жуковскимъ педагогомъ, сообщеніемъ письма его къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ объ экзаменѣ, воспитаніи и

учении Насавдики. Письмо это писано въ 1828 году, послѣ перваго экзамена уполнаго имѣя Государя.

„Вчера кончился вашъ экзаменъ объ успѣхѣ котораго Карлъ Карловичъ * донесъ уже Вашему Императорскому Величеству; имѣю честь представить Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, и мое донесеніе. Могу сказать съ совершеннымъ удовольствіемъ что Великій Князь и его товарищи отвѣчали на всѣ сдѣлаемые имъ вопросы такъ какъ только желать было можно. Его Высочество и Вельгорскій получили одинаковое число балловъ. Паткуль оказался слабѣе; но это не могло и быть иначе: онъ менѣе ихъ употребилъ времени на учебы; во многомъ еще вазаду и должень ихъ догонять. Я увѣренъ что Вашему Величеству было бы пріятно присутствовать на этомъ экзаменѣ. Государыня Императрица была имъ довольна. Не могу не отдать справедливости Великому Князю: онъ во все время былъ чрезвычайно внимателенъ; доказалъ что можетъ владѣть собою, выражался съ живостию, ясностию, словомъ, хотѣлъ сдѣлать что должно, и сдѣлалъ. Я поблагодарилъ его отъ всего сердца. Но въ то же время я должень былъ сказать ему что четыре дня въ которые прекрасно была исполнена должность весьма мало значать въ цѣломъ счетѣ его жизни, что онъ не должень слѣшкомъ много радоваться если тѣ дни которые имъ предшествовали имъ не отвѣчаютъ. Государыня Императрица изъ прекрасныхъ четырехъ дней экзамена могла заключить что всѣ прежніе дни были на нихъ похожіе: но это было бы заблужденіе. Несмотря на то, Всемилостивѣйшая Государыня, я радуюсь нашимъ экзаменомъ. Онъ короче познакомилъ меня съ Великимъ Княземъ. Я теперь гораздо болѣе на него надѣюсь; вижу что онъ имѣетъ умъ здравый, что въ этомъ умѣ все врѣзывается и сохраняется въ ясномъ порядкѣ; вижу что онъ имѣетъ много живости; вижу что онъ способенъ къ благородному честолюбію, которое можетъ довести его далеко, если соединится съ нимъ твердая воля; вижу наконецъ что онъ способенъ владѣть собою, по сему и имѣю право надѣяться что онъ, какъ скоро пойметъ всю важность слова *должность*, будетъ умѣть владѣть собою. Въ этомъ отношеніи не могу не сказать что Великій Князь заслужилъ за экзамены полное одобреніе Ваше и Государя Императора. До сихъ поръ онъ только зналъ что всѣ мы, которые окружаемъ его, которымъ Государь и Вы поручили его съ такою довѣрливостию, любимъ его искренно, что его счастье составляетъ единственную цѣль нашей жизни; онъ это видѣлъ на опытѣ, но теперь онъ почувствуетъ что ваша любовь для него не довольна, что ему должно стараться наконецъ заслужить и наше уваженіе, а уваженіе даромъ недостается; оно дается только за постоянство въ добрѣ: только того можно уважать...

* Мердеръ.

Кажется, можно теперь за него поручиться. Кажется, можно предсказать что мы въ будущій экзаменъ, похваливъ его за хорошіе отвѣты, будемъ въ состояніи прибавить къ этой похвалѣ и другую, гораздо важнѣе: похвалу за *постоянство и дѣятельность*; желая сердечю чтобъ это пророчество исполнилось совершенно.

„Здѣсь я долженъ сообщить Вашему Величеству прекрасную мысль Карла Карловича. Исполненіе этой мысли зависитъ отъ воли Великаго Князя и его товарищей и истинное, чистое счастье будетъ ихъ наградою, если они все сдѣлаютъ чтобъ эту мысль исполнить. Вотъ мысль Карла Карловича: получить право сдѣлать добро есть величайшая награда какою только человѣку заслужить можно. До сихъ поръ изъ денегъ Великаго Князя дѣлали помощь тѣмъ кто имѣлъ въ ней нужду. Но такое добро дѣлалось безъ вѣдома Великаго Князя, только потому что были деньги на это опредѣляемыя по волѣ Государя Императора. Тѣ которымъ помогали были довольны. Но какое участіе имѣлъ Великій Князь въ томъ добрѣ которое дѣлалось его именемъ? Никакого. Карлъ Карловичъ полагаетъ что и Великій Князь и его товарищи должны заслуживать счастье дѣлать добро своимъ поведеніемъ и ученіемъ; и вотъ его мысль: кто въ теченіе цѣлой недѣли исполнялъ свою должность во всѣхъ отношеніяхъ, кто заслужилъ *отъ* хорошіа отгѣтки въ нашемъ журналѣ, тотъ получаетъ сверхъ того право внести и въ некоторую сумму денегъ въ особенную кассу, которая называется кассою благотворенія. Два раза въ годъ, послѣ каждаго экзамена, будетъ считаемо, сколько кѣмъ собрано денегъ и, смотря по тому каковы былъ экзаменъ, будетъ даваться право употребить выслуженныя деньги на благотвореніе. Такого рода благотвореніе будетъ истинное, не только полезное для несчастнаго, имѣющаго въ немъ нужду, но и вполне благотѣльное для самаго благотворителя: ибо онъ самъ тѣмъ что дѣлаетъ его достойнымъ милости Божіей приобрѣлъ право звать эту милость надъ другимъ. Если положимъ что каждый изъ троихъ товарищей въ теченіе цѣлаго полугода не потерялъ ни одной недѣли, то къ концу полугода составитя три значительныя суммы, изъ которыхъ каждая можетъ быть счастья цѣлое семейство. Чтѣ за радостныя мысли: я былъ благотворителемъ цѣлаго семейства, и былъ имъ потому что исполнилъ волю Божію, утвердился въ добрѣ и самъ сдѣлался достойнѣе любви.

„Я увѣренъ что сердце Вашего Величества будетъ согласно съ благороднымъ сердцемъ нашего Мердера, и что Государь Императоръ благоволитъ одобрить его намѣреніе. Но я долженъ здѣсь сказать что въ теченіе слѣдующаго полугода мы еще не начнемъ собирать предполагаемой суммы; и вотъ по какой причинѣ. Тому уже нѣсколько недѣль какъ прекрасная мысль Карла Карловича была у насъ объявлена и мы думали приступить немедленно къ ея исполненію; но чтѣ же вышло? Однѣ только Вильгорскій, и послѣ объявленія,

имѣлъ соуду двѣ ведѣи въ которыхъ всѣ отиѣтки были хорошия. Ни Великій Князь, ни Паткуль не выдержали. Это заставило насъ подумать что такого рода награды еще не до ихъ свидѣнъ, и мы положили что въ саѣдующія полгода сумма наша собираться не будетъ; что въ эти полгода можно только приобрести право на ея собраніе, которое не прежде начнется, какъ съ будущаго года. Увидимъ что окажется намъ полный расчетъ нашей настоящей книги? Тотъ кто будетъ имѣть двѣ трети ведѣи замѣченныхъ отличіи получить съ Новаго Года право начать вносить свои суммы въ кассу благотворенія; кто же не будетъ имѣть сего числа, для того это счастье отложится на полгода. И это право можетъ быть потеряно, смотря потому каковъ будетъ послѣ полугодовой счетъ ведѣи отличныхъ. Благотвореніе есть вѣчно святое. Не всякой, имѣющей деньги, можетъ смѣть называться благотворителемъ! Это храмъ, въ которомъ присутствуетъ Богъ и въ который надобно входить съ чистымъ сердцемъ. Но справедливость требуетъ чтобы Вельгорскій, который выдержалъ двѣ ведѣи, въ надеждѣ сдѣлать добро, получилъ награду за свое усиліе. Эти двѣ ведѣи будутъ исключеніемъ изъ общаго правила. Также и Государыня Императрица, которая была чрезвычайно довольна нашимъ экзаменомъ, угодно было утѣшить Великаго Князя достойнымъ его образомъ; почему и положено чтобы за этотъ экзаменъ каждый изъ трехъ получалъ право сдѣлать добро. Само-по-себѣ разумѣется что Вельгорскій, сверхъ общаго права съ другими, имѣеть еще и собственное, имъ самимъ выслуженное.

„Изъ това съ какимъ до сихъ поръ было писано писмо мое, Ваше Величество могли сами замѣтить что оно писано не для однихъ Васъ; я прочиталъ его Великому Князю. Кажется что оно произвело хорошее дѣйствіе. Теперь у насъ началась ваканція: она продолжится до 15 августа. Въ это время будемъ только *моторить* старое и заниматься особенно чтеніемъ, на которое будутъ посвящаемы утренніе часы. Будемъ читать французскія, русскія и нѣмецкія книги, но еще просто занимательныя; между прочимъ однако и статьи изъ Иліады. Въ Гомерѣ много привлекательнаго для дѣтей. Я ничего такъ не желаю какъ вселить въ Великому Князю охоту къ чтенію. До сихъ поръ еще не было и начала ея. Боюсь чтобы пристрастіе къ военному не зашло къ намъ въ душу и многому не помѣшало. А *хорошія книги* вѣрнѣйшіе друзья частнаго человѣка и настоящіе совѣтники Государей; онѣ не льстятъ, а заставляютъ мыслить, и возбуждаютъ уваженіе ко всему человѣческому.

Остающее время отъ чтенія и утреннихъ занятій будетъ посвящено прогулкамъ, играмъ, свободѣ; иногда будемъ читать что-нибудь пріятное и на открытомъ воздухѣ. Во время ваканцій особенно займусь тѣмъ чтобы Великій Князь приучился правильнѣе выражаться по-русски и получалъ навыкъ лучше читать. До сихъ поръ я обращалъ на это менѣе

внималія; но изъ писемъ его, писанныхъ по-русски, которыя никогда не поправляются, ни въ слогѣ, ни въ правописаніи, можно уже видѣть что омы со временемъ будутъ имѣть слогъ; оны выражаются очень непривужденно и просто: рускай прежде научится думать, разбогачить идеями и чувствами, тогда получитъ и слогъ; а въ этомъ не сомнѣваюсь.

„По окончаніи ваканцій, въ теченіе послѣдней половины вывѣшняго года, надѣюсь пробить все то что служить для насъ приготовляемъ къ исторіи. Особенно займемся естественною исторіей: эту часть я поручилъ академику Трипіусу, который приготовилъ и прислалъ уже общій взглядъ, сообразно съ моею методой: познакомиться съ произведеніями природы и съ челоѣкомъ въ отношеніи къ ней. Мы хорошо знаемъ ту сцену на которую приведемъ насъ исторія на будущій годъ: это одъваетъ и самое преподаваніе исторіи гораздо привлекательнѣе. Судя по тому какъ идетъ наше ученіе, я, кажется, могу сказать что я не ошибся въ своемъ планѣ и въ своей методѣ. Мы подвигаемся впередъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ. Мы знаемъ не много, но то что знаемъ, наше. Это главное; тѣмъ болѣе выиграемъ время и тѣмъ быстрѣе пойдемъ впередъ въ послѣдствіи.

„Въ заключеніе почитаю обязанностью сказать что всѣ учителя, нами избранные, исполняютъ обязанность свою съ благородною ревностію. Не могу не порадоваться ихъ безкорыстнымъ единодушіемъ. Что же касается до меня самого, то я совершенно счастливъ моимъ товариществомъ съ нашимъ почтеннымъ, рѣдкимъ Мердеромъ. Мы идемъ съ нимъ ко святой нашей цѣли рука въ руку, еще не было между нами ни минуты разномыслія. Будетъ ли успѣхъ, это зависитъ отъ Провидѣнія. Но отъ насъ зависитъ дѣйствовать такъ чтобы не могли улрекнуть себя въ произвольномъ препятствіи успѣху.

„Оканчиваюлисьмо мое обыкновеннымъ, любимѣйшимъ словомъ моего сердца: сохрани Богъ Васъ и Государя Императора.“

II.

Иностранная библіографія и мелочи.

Въ своемъ годишномъ засѣданіи, отъ 4 августа 1881 года, Парижская Академія выдала по обыкновенію рядъ премій за различныя сочиненія. Извлекаемъ изъ отчета непрѣжняго секретаря Академіи названія книгъ и авторовъ увѣчаныхъ Академіей, равно какъ и вѣсколько словъ характеристики о тѣхъ и другихъ.

Histoire de la France pendant la minorité de Louis XIV, par Chéruel. Три первые тома этого сочинения уже получали премию Академіи (*le grand prix Gobert*); теперь та же премія выдана за послѣдній, четвертый томъ. При этомъ Академія высказываетъ желаніе чтобъ авторъ дополнилъ свое изсѣдованіе еще латынъ томомъ, обнимающимъ время по смерти Мазарина. Официально несовершеннолѣтіе Людовика XIV заключилось въ 1651 году, когда ему исполнилось 13 лѣтъ; въ дѣйствительности онъ самъ началъ управлять Франціей лишь по прошествіи десяти лѣтъ послѣ этого времени, то-есть послѣ смерти кардинала Мазарина.

Le Connétable de Luynes, par Berthold Zeller. Richelieu et les ministres de Louis XIII, de 1621 à 1624, par le même. Эти два сочиненія обнимаютъ собою одинъ изъ самыхъ залутованныхъ періодовъ французской исторіи, періодъ отдѣляющій диктатуру маршала д'Анкръ отъ министерства Ришелье. Онъ весь наполненъ мелочными придворными интригами, на которыя бросаютъ весьма мало свѣта современные мемуары, ибо авторы послѣднихъ судили подъ вліяніемъ личной привязанности и личной вражды. Целлеръ исправилъ въ этомъ отношеніи многія прежнія ошибки благодаря свѣдѣніямъ почерпнутымъ имъ въ неиздакной переліскѣ италіянскихъ дипломатовъ того времени при французскомъ дворѣ. Людовикъ XIII не любилъ Ришелье, быть-можетъ даже опасался его. Послѣ смерти коннетабля de Luynes король былъ поочередно склоненъ довѣряться принцу Конде, камдлеру де-Саллера и маркизу де-Тремубалъ. Но услытавъ ихъ всѣхъ, онъ пожертвовалъ своими личными чувствами выгодамъ государства и далъ первенствующее мѣсто кардиналу Ришелье.

Valentin Conrart, premier Secrétaire perpétuel de l'Académie Française, par René Kerviler et de-Barthélemy. Конрартъ игралъ весьма значительную роль во французскомъ обществѣ XVII вѣка; онъ принималъ большое участіе въ учрежденіи Академіи и считался непогрѣшимымъ судьей по отношенію къ французскому языку, *un arbitre de la langue.*

Le Théâtre de la Révolution, de 1789 à 1799, par Henri Welschinger. Анекдотическая исторія одной изъ сторонъ движенія умовъ во время первой французской революціи. „Авторъ описываетъ день за днемъ людей и происшествія этого ужаснаго времени, писателей и ихъ сочиненія, актеровъ и трагедіи

на сценѣ и на улицѣ, страшныя драмы и сентиментальныя комедіи, кровь и слезы.“ Книга эта наполнена любопытными разсказаніями и новыми свѣдѣніями.

Le Maréchal Fabert, par le commandant Bourelly. Маршалъ Фабертъ одно изъ самыхъ интересныхъ и между тѣмъ наименѣе извѣстныхъ лицъ изъ первой половины XVII вѣка. Многие видѣны въ немъ единственныи почти примѣры лабеа достигаемаго, въ періодъ до 1789 года, чести сдѣлаться маршаломъ Франціи. Сочиненіе Бурелли представляетъ долгую повѣсть славной и ничѣмъ не запятанной жизни всецѣло посвященной служенію отечеству.

Histoire de la réunion de la Franche-Comté à la France, par le commandant de Pierrep. *Origines de la tactique française*, par le commandant E. Hardy. Первое изъ этихъ сочиненій описываетъ переходъ населенія Франшъ-Контэ изъ-подъ владычества Испаніи въ подданство Франціи. Чрезвычайно дорожа своимъ старинными привилегіями и опасаясь ихъ лишить, жители Франшъ-Контэ весьма неохотно подчинились новому порядку вещей и лишь по прошествіи долгаго времени дѣйствительно сдружились съ Франціей, или, говоря подлинными словами отчета: *c'est avec bonheur que la population s'absorbe dans cette grande unité française que regretteut ceux qu'on en separe et dont notre patriotisme a toujours le droit d'être fier.*

Сочиненіе о началахъ французской тактики можетъ, по мнѣнію Академіи, оказаться полезнымъ руководствомъ для историковъ не занимавшихся спеціальными военными вопросами. Въ немъ заключаются объясненія наиболее замѣтныхъ битвъ древняго и новаго времени. Сочиненіе это получило *mention honorable*.

Le comte de Serre, sa vie et son temps, par Charles de Lacombe.

По странному совпаденію обстоятельствъ сочиненіе это получило премію Гизо, политическаго противника графа де-Серръ. Трудъ Лакомба представляетъ „чрезвычайно полезный комментарий къ исторіи Реставраціи и достойную дань нѣсколько позабытой памяти замѣчательнѣйшаго оратора того времени.“ *Causeries florentines*, par Julian Klaczko.

Origines de la Renaissance en Italie, par Emile Gebhardt. Оба эти сочиненія получили равныя преміи изъ капитала предназначеннаго на поощреніе *de la haute littérature*. Предметы этихъ сочиненій почти тождественны. Книга Клацко представляетъ „ученый комментарий гения Данте, его

личности и сочинений, частной и общественной жизни, воздействия его на современниковъ и на последующіе вѣка. Однако автора всегда вѣрна, по временамъ, поражаетъ новизною и запечатана ликавствомъ оригинальностью, не будучи однако парадоксальною“. Что касается сочиненія Гебгарта, то оно составляетъ результатъ цѣлыхъ двадцати лѣтъ труда, чтенія и путешествій. Книга отчасти внушена сочиненіями Мишеле и Буркгардта, но всѣ подробности серьезно изучены авторомъ на самомъ мѣстѣ. „Гебгардтъ въ оригинальномъ планѣ и органическомъ цѣломъ изложилъ множество идей почерпнутыхъ изъ разныхъ источниковъ и наложилъ на нихъ отпечатокъ своего метода, болѣе философскаго, нежели историческаго: это блестящій синтезъ обобщающій, рядомъ съ большою ученостью, замѣчательный критическій смыслъ и дѣйствительный писательскій талантъ.“

Variétés morales et littéraires, par Paul Albert. Это собраніе нѣсколькихъ томовъ этюдовъ по исторіи литературы вообще и по французской литературѣ въ особенности. Авторъ, молодой профессоръ въ *Collège de France*, недавно умеръ: *jeune encore, M. Paul Albert est tombé récemment sur ce champ de bataille de l'enseignement supérieur ou les fatigues sont grandes, ou le succès se paye souvent trop cher.* Сочиненіе это получило *mention honorable*.

Les Mystères, histoire du théâtre en France, par Louis Petit de Juleville. Это начало большого труда, ряднадесяти на три части: *Mystères; le théâtre comique au moyen âge* и *Histoire du théâtre au temps de la Renaissance*. „Было часто и много писано о началѣ театра во Франціи, но никогда еще не писали объ этомъ предметѣ съ такимъ знаніемъ, съ такою авторитетностью и увѣренностью.“ Книга разделена на два тома, изъ которыхъ первый содержитъ документы относящіеся къ мастеріямъ.

Un ambassadeur libéral sous Charles IX et Henri III, par Edouard Fremy. Въ 1559 году президентъ д'Арно дю-Феррье громко высказался въ Парижскомъ парламентѣ противъ предложенія смертной казни въ дѣлахъ касающихся религіи. Это смѣлое заявленіе могло стоить ему жизни. Онъ благополучно избѣжалъ однако этой опасности и былъ рекомендованъ канцлеромъ Лопиталемъ Катеринѣ Медичисъ. Сдѣлавшись регентшей она назначила его представителемъ Франціи на Трентскомъ соборѣ; потомъ онъ получилъ мѣсто французскаго

посланника въ Венецію и пробылъ тамъ пятнадцать лѣтъ занимая выдающееся и преобладающее положеніе между всеми остальными дипломатами. По отзыву Академіи эта біографія во многихъ отношеніяхъ приближается къ исторіи въ высшемъ значеніи этого слова: *une biographie qui par tant de côtés confine à la grande histoire.*

Raphaël, sa vie, son oeuvre et son temps, par E. Muntz. Сочиненіе это собственно должно было бы разсматриваться Академіей изящныхъ Искусствъ. Но такъ какъ авторъ представлялъ его на конкурсѣ преміи во Французскую Академію, то послѣдняя, ознакомившись съ этимъ сочиненіемъ, „не имѣла уже мужества“ направить г. Мунтца къ „дѣйствительнымъ“ судьямъ его труда. Она оцѣнила въ этомъ трудѣ замѣчательныя качества его стила, *de grandes qualités de style*, и тонкій критическій талантъ, удержала это сочиненіе у себя и назначила ему премію.“

Les femmes philosophes, par de Lessure. Сочиненіе это есть „избранная коллекція портретовъ и оживленныхъ характеристикъ, *des peintures animées.*“ Академическій отчетъ поверхностно заявляетъ что „подъ руководствомъ автора“ читатель „съ удовольствіемъ прогуливается въ этой изящной галлерей.“

La science pénitentiaire au congrès de Stockholm, par Fernand Desportes et Léon Lefébure. Сочиненіе это получило une mention honorable, *très honorable*, какъ заявилъ непримѣнный секретарь Академіи. Это отчетъ о трудахъ Стокгольмскаго конгресса дополненный „замѣчательными“ этюдами: *sur la répression, l'amendement et la prevention.*

Монтионовскія преміи *pour les ouvrages utiles aux moeurs* получали двѣнадцать сочиненій:

1) *La Poésie de Pindare et les lois du lyrisme grec*, par Alfred Croizet. „Во времена Пиндара мудрость не была отдѣлена отъ поэзіи; нравственность проповѣдывали въ стихахъ, каждый поэтъ былъ въ то же время философъ. Такимъ образомъ и Пиндаръ былъ философомъ еще прежде появленія философіи, и вотъ почему книга знакомящая насъ съ нимъ, по справедливости, можетъ считаться сочиненіемъ полезнымъ для нравовъ. Пиндаръ одинъ изъ самыхъ трудныхъ древнихъ писателей. Языкъ его темелъ, онъ пользуется неизвѣстными намъ разгѣрами, чрезвычайно трудно слѣдить за прихотливымъ развитіемъ его мыслей. Часть сочиненія г. Круазе посвящена разрѣшенію проблемъ возникающихъ при изученіи великаго

греческаго лирика. Комбинируя другияхъ ученыхъ авторъ присоединяетъ свои собственныя и излагаетъ ихъ яснымъ и живописнымъ языкомъ.“

2) *La ville sous l'ancien régime*, par Albert Babeau. „Въ 1879 году Академія уже отличила сочиненіе того же автора подъ названіемъ: *Le village sous l'ancien régime*; новѣйшій его трудъ составляетъ какъ бы продолженіе и дополненіе перваго. Авторъ изучаетъ здѣсь различныя органы городскаго управленія во Франціи до 1789 года; въ оригинальныхъ документахъ онъ нашелъ достаточно матеріала чтобы возсоздать старинный французскій общественный строй (*reconstruire l'ancien édifice social*).“ Весьма ученое сочиненіе, которое Академія ставитъ наряду съ предыдущимъ во главѣ остальныхъ.

3) *M. de Montyon*, par Fernand Labour. „Этюдъ о Монтіонѣ написанный съ большимъ тактомъ и чувствомъ мѣры, изящнымъ и правильнымъ стилемъ.“

4) *Histoire d'un forestier*, par Prosper Chazel. „Здоровая и честная книга (*un livre sain et honnête*) весьма интересная по своему содержанію. Молодые читатели, для которыхъ трудился авторъ; найдутъ здѣсь, кромѣ прелеста привлекательнаго разказа, серьезное поученіе и прекрасныя свѣдѣнія по естественной исторіи, равно какъ добрыя совѣты преподаваемые добрыми примѣрами.“

5) *Grand-père*, par J. Girardin. „Маленькій бѣдный сирота повидимому обреченъ сдѣлаться лорочнымъ, быть-можетъ даже преступнымъ человекомъ, вследствие самыхъ извращенныхъ инстинктовъ съ которыми онъ явился на свѣтъ. Мало-по-малу его недостатки какъ бы таютъ одинъ за другимъ подъ благотвельнымъ вліяніемъ стараго дѣда: онъ укрощаетъ мальчика своею добротою и спасаетъ его. Содержаніе книги, очеркнутое изъ самыхъ простыхъ житейскихъ обстоятельствъ, проникнуто постоянно возрастающимъ интересомъ. Всѣ молодые читатели приобрѣтутъ пользу изъ этой книги, а заключающіяся въ ней наставленія (*honnêtes leçons*) сдѣлаютъ хорошихъ еще лучшими.“

6. *Les petites écolières dans les cinq parties du monde*, par Elie Berthet. „Авторъ послѣдовательно выводитъ предъ нами рядъ молодыхъ дѣвушекъ различнаго происхожденія, но одинакихъ по характеру, гордыхъ, преданныхъ, одушевленныхъ самыми возвышенными и честными чувствами. Каждая изъ этихъ героинь имѣетъ свою особенную физиогномію и воспроизводитъ

точный тилъ страны которую авторъ рѣшилъ описать. На каждой страницѣ встрѣчаются pouчения изъ географіи и исторіи, еще увеличивающія привлекательность этой книги.“

7) *L'étudiant d'aujourd'hui*, par René Vallery-Radot. Отзывъ Академіи объ этой книгѣ довольно неопредѣленъ. Упомянувъ о томъ что авторъ шесть лѣтъ тому назадъ получалъ премію за сочиненіе *Le volontaire d'un an*, непрѣмывый секретарь излагаетъ свой дальнѣйшій отчетъ въ формѣ антитезовъ. Сочиненіе Валлеру-Радо очень искренно; но оно „можетъ-быть не такъ удачно задумано какъ первое произведеніе автора и страдаетъ нѣкоторою безсвязностью“; оно написано весьма старательно, „во съ нѣкоторымъ успіемъ“. Отчетъ хвалитъ наблюдательность автора и его стиль, но признается что въ книгѣ есть одна лишняя фраза, которая портитъ все впечатлѣніе, *qui nous a gâté un peu le reste*. Авторъ заключаетъ свое сочиненіе заявленіемъ что въ первый разъ послѣ цѣлыхъ восьмидесяти лѣтъ во Франціи есть молодежь здоровая умомъ и сердцемъ. Молодежь эта будетъ „завтрашнюю Францію.“ Отчетъ отъ имени „вчерашней Франціи“ выражаетъ сожалѣніе „объ извѣстѣхъ и несправедливости этой фразы которая слишкомъ несправедлива къ прошедшему и, можетъ-быть, возлагаетъ слишкомъ большія надежды на будущее.“

8) *A travers l'Algérie*, par Paul Bourde. Въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1879 года нѣсколько французскихъ сенаторовъ и депутатовъ посѣтили Алжирію съ цѣлью изучать на мѣстѣ нужды и потребности этой французской колоніи. Г. Бурдъ принималъ участіе въ этой поѣздкѣ въ качествѣ корреспондента газеты *Moniteur Universel*. По словамъ отчета авторъ не довольствуется простымъ описаніемъ страны. Онъ выкаетъ въ глубь вещей, доказываетъ существованіе антагонизма между туземцами и Французами, выставляетъ недостатки французской колониальной системы и указываетъ на полезныя улучшенія.

9) *Plantes et bêtes, causeries familières sur l'histoire naturelle* par Pizetta. Отчетъ Академіи называетъ эти семейныя бесѣды объ естественной исторіи „интересными и pouчительными.“ Авторъ не компиляторъ, но ученый натуралистъ; онъ соединяетъ съ положительнымъ знаніемъ возвышенное чувство къ чудесамъ природы и привлекательный талантъ писателя. Въ своихъ бесѣдахъ онъ описываетъ характеръ и отличительныя свойства различныхъ морскихъ, полевыхъ и лѣсныхъ животныхъ.

10) *Jeanne*. Poème par Jules Breton. 11) *Poésies paternelles*, par Arthur Tailhand. 12) *Rêves et pensées*, par Charles de Romairols. Три эти произведения написаны стихами; первое из них замечательно въ особенноти тѣмъ что авторомъ его является извѣстный французскій живописецъ Жюль Бретонъ. Отчетъ Академіи сознается что во всѣхъ этихъ поэтическихъ произведенияхъ есть недостатки которые Академія очень хорошо замѣчаетъ. Но Академія держится правила Горация:

Verum, ubi plura nitent in carmine, non ego paucis
Offendar maculis.

„Академія не одобряетъ всего во всемъ что она увѣнчиваетъ; она видитъ недостатки, порицаетъ ихъ и не принимаетъ на себя отвѣтственности въ нихъ. Она только завладѣваетъ хорошимъ, воздаетъ этому хорошему честь и награду.“

Значеніе Лессинга какъ преобразователя нѣмецкой литературы.
Fischer, Kuno: *G. F. Lessing als Reformator der deutschen Literatur dargestellt*. Stuttgart, 1881, Cotta.

Сочиненіе Куно Фишера раздѣляется на двѣ части. Въ первой разсматриваются *Минна фонъ-Барнгельмъ*, *Фаустъ*, *Эмilia Галотти*, во второй: *Натанъ Мудрый*. Вторая часть есть новая обработка извѣстной уже прежде монографіи Фишера, тогда какъ первая представляетъ рядъ этюдовъ печатавшихся въ 1877 и 1880 годахъ въ журналѣ *Nord und Süd*. Авторъ избираетъ драмы Лессинга какъ характеристическое выраженіе различныхъ направленій духовной его дѣятельности; рядомъ съ этимъ онъ обращаетъ вниманіе на драматическую технику Лессинга и даетъ въ этомъ отношеніи много весьма интересныхъ указаній, особенно же въ подробномъ анализѣ драмы *Минна фонъ-Барнгельмъ*.

Германскій географическій Ежегодникъ. Geographisches Jahrbuch.
Unter Mitwirkung von A. Auwers, C. Bruhns u A. herausgegeben von Herm. Wagner. VIII Band. Gotha, 1881, Perthes.

Германскій географическій *Ежегодникъ*, считающійся, по заявленію нѣмецкой критики, наиболѣе важнымъ и значительнымъ изданіемъ въ области европейской географической литературы, былъ основанъ въ 1866 году Бемомъ; въ настоящее время редакція этого изданія, вслѣдствіе множества

новыхъ замѣтъ доставившихся на долю Бема послѣ смерти извѣстнаго Петермана, перешла въ руки Вагнера. Вмѣстѣ съ этимъ въ редакціи *Евѣгодника* одѣлаемо нѣсколько измѣненій; такъ напримѣръ устраненъ отдѣлъ статистики народонаселенія. Въ появившемся теперь томѣ помѣщены статьи: о современномъ положеніи геофизики (проф. Цёлрица), о географическомъ распространеніи геогностическихъ формаций (проф. Фритче), объ успѣхахъ европейскаго градуснаго измѣренія (проф. Брунса), о географической метеорологіи (проф. Гама), о геоботаникѣ (проф. Друде), объ этнологіи (проф. Герлаанда) и т. д.

Исторія июльской революціи во Франціи. Hillebrand, K.: *Geschichte Frankreichs. Ergänzungsband zum I Bande. Die Juli Revolution und ihre Vorgeschichte (1814—1830).* Gotha, 1881, Perthes.

Первый томъ исторіи Франціи Гиллебранда (помѣщенный въ собраніи *Geschichte der europäischen Staaten* Герена, Укертта и Гизебрехта) вызвалъ въ критикѣ упрекъ въ томъ что авторъ прямо началъ съ июльской монархіи, не предпославъ разказа о томъ какъ она создавалась. Сознавъ справедливость этого замѣчанія Гиллебрандъ присоединилъ теперь ко второму изданію перваго тома большое введеніе гдѣ характеризуется злоха реставраціи и описывается ходъ июльской революціи. Въ новѣйшей исторіи, говоритъ нѣмецкая критика, существуетъ мало злохъ, сужденіе о которыхъ такъ измѣнилось бы какъ измѣнилось оно по отношенію къ реставраціи. Прежде на нее смотрѣли исключительно какъ на періодъ полѣтнаго движенія и обскурантизма; теперь, послѣ сочиненій Висль-Кастеля и Duvergier d'Hauganne начинаютъ приходиться къ заключенію что июльская революція была для Франціи несчастіемъ, а не освобожденіемъ. Послѣдняго взгляда держится также и Гиллебрандъ.

Письма Маріи Терезіи къ ея дѣтямъ и друзьямъ. *Briefe der Kaiserin Maria Theresia an ihre Kinder und Freunde.* Herausgegeben von Alfr. Ritter von Arneth. Bd. 1, 2. Wien, 1881, Braumüller..

Переписка Маріи Терезіи была ужь издава гг. Арнетомъ, Караяномъ и Вольфомъ; теперь найдены еще цѣлый рядъ новыхъ писемъ, объ обиліи которыхъ можно судить потому

что одна только половина ихъ принадлежитъ себѣ около 900 печатныхъ страницъ. Въ лондонскихъ двухъ томахъ обнаружены пока письма Маріи Терезіи къ ея дѣтямъ; она, за немногими исключениями, писала на французскомъ языкѣ и представляютъ особый интересъ потому что императрица требовала отъ своихъ дѣтей уничтоженія ея писемъ, точно также какъ она сама уничтожала письма дѣтей. Наибольшее количество напечатанныхъ теперь писемъ (болѣе 500) относятся къ перепискѣ Маріи Терезіи съ ея сыномъ Фердинандомъ, намѣстникомъ Ломбардіи, и его женою Маріей Беатрикою; письма эти найдены въ архивѣ герцога Франца Моденскаго и чрезвычайно интересны для характеристики Маріи Терезіи и ея отношеній къ дѣтямъ. Изъ нихъ усматривается съ одной стороны материнская любовь императрицы, выражавшаяся различными совѣтами относительно здоровья и душевнаго спасенія, съ другой стороны: то строгое подчиненіе въ которомъ она держала даже взрослыхъ и женатыхъ своихъ сыновей. Дальнѣйшіе два тома будутъ содержать письма къ дочерямъ, различнымъ родственникамъ и лицамъ близко стоявшимъ къ Маріи Терезіи. Письма снабжены примѣчаніями

Въ „Коллекціи Шлемана“, съ которою читатели уже знакомы по нашему отчету, появились въ нѣмецкомъ переводѣ *Taras Бульба* и *Вій* (König der Erdgeister) Гоголя. Вотъ отзывъ нѣмецкой печати объ этихъ произведеніяхъ:

„Въ повѣстяхъ этихъ, особенно въ *Tarasъ Бульбѣ*, Гоголь является на высотѣ своего поэтическаго творчества. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе мощное, оригинальное, что-нибудь болѣе сильное по впечатлѣнію, нежели это образцовое произведеніе представляющее высшую степень совершенства въ бытовыхъ изображеніяхъ. Характеры обрисованы настолько же пластично, насколько картины природы поразительны своею правдивостію. Слѣдуетъ искренно благодарить издателя за то что онъ дѣлаетъ доступными нѣмецкой публикѣ такія жемчужины повѣствовательнаго искусства.

Новое исправленное изданіе англійскаго перевода *Новаго Завета* съ особымъ терпѣніемъ ожидалось въ Америкѣ.

Коммиссія заведывавшая изданіемъ держала всѣ свои работы въ величайшей тайнѣ и во избѣжаніе преждевременной

перепечатки, на которую Американцы такіе великіе мастера, *одновременно* отправляла корректурные листы англійскимъ и американскимъ издателямъ. Такимъ образомъ американскіе издатели по необходимости должны были получить эти листы девятью или десятью днями поздѣе своихъ англійскихъ товарищей. Между тѣмъ американскій издатель получившій корректурные листы вѣсть со всеми остальными нью-йоркскими издателями, на другой же день вылустилъ совершенно готовые и переплетенные экземпляры книги, къ набору которой едва еще имѣли время приступить въ Нью-Йоркѣ?

Чудо объясняется слѣдующимъ образомъ:

Апплетонъ послалъ въ Англію цѣлую партію лучшихъ наборщиковъ и всѣ типографскіе снаряды. Для устраненія всякихъ недозрѣній наборщики вѣхали на различныхъ пароходахъ. Затѣмъ на самомъ быстромъ пароходѣ отходившемъ изъ Ливерпула канато было особое большое помѣщеніе; сюда поставили всѣ типографскіе снаряды и здѣсь собрались всѣ наборщики. Едва успѣлъ пароходъ выйти въ море, какъ походная типографія открыла свои дѣйствія и приступила къ набору и стереотипированію. Когда достигли Нью-Йорка, все было уже готово: на слѣдующій день Апплетонъ уже вылустилъ свое изданіе и разумѣется получалъ за него громадный барышъ окупившій всѣ сдѣлаемые расходы.

Въ непродолжительномъ времени долженъ появиться въ Штуттартѣ, у издателя Cotta, третій томъ известнаго сочиненія Вильгельма Ропера о народномъ хозяйствѣ. Томъ этотъ будетъ носить заглавіе *Nationalökonomik des Handels und Gewerbfleisses*.

Подъ названіемъ *Drei Sommer in Norwegen, Reiserinnerungen und Kulturstudien* (Leipzig, 1881, Schlicke) появилось описаніе лутевыхъ впечатлѣній изъ Норвегіи и норвежскаго быта, составленное однимъ изъ лучшихъ знатоковъ скандинавскаго сѣвера, Лудвигомъ Пассаржемъ.

Нѣмецкая критика съ величайшею похвалою отзывается о книгѣ нашего академика Келлена *Die Schädlichen Insecten Russlands*.

Сочиненія известнаго Баумана: *Völkerrecht* и *Die Lehre vom modernen Staat* переведены: первое на *китайскій*, второе на *японскій* языкъ.

Посланники довольно рѣдко получаютъ знаки отличія—за свои стихи. Такое отличіе выпало на долю турецкаго посланника Мурада-эфенди, написавшаго цѣлымъ рядъ поэтическихъ произведеній на нѣмецкомъ языкѣ (*Ost und West, Balladen und Bilder, Nassredin Chodja, der osmanische Eulenspiegel, Gesammelte Dramen*). Голландскій король приказалъ выбить въ честь его большую золотую медаль висомъ въ 55 червонцевъ. На лицевой сторонѣ находится портретъ Мурада-эфенди, на оборотной помѣщена въ лавровомъ вѣнкѣ слѣдующая подпись: *Viro illustri Murad Efendi Imp. Turcarum Legato, qui cuncta opera sua dramatica Lugduni Batavorum edidit, poetae egregio d. d. Rex anno MDCCCLXXXI.*

Подъ названіемъ *Scenari inediti della commedia dell'arte* (Firenze, 1881, G. C. Sanzoni) во Флоренціи появилось составленное Адольфомъ Бартоли собраніе 22 сценаріевъ итальянской народной комедіи. Какъ известно итальянская *commedia dell'arte* имѣла своимъ основаніемъ одинъ простой очеркъ дѣйствія, такъ-называемый *сценарій*, между тѣмъ какъ всѣ подробности разговоровъ предоставлялись изобрѣтательности актеровъ. Собственнымъ сценаріямъ предпослано авторомъ большое введеніе касающіеся репертуара, масокъ, типовъ и исполнителей итальянской комедіи.

Одна изъ довольно часто встрѣчающихся французскихъ фамилій, это *Берто*. Хотите знать на сколько разныхъ ладовъ пишется по-французски эта фамилія? Вотъ списокъ:

Bertau.	Berthau.	Bertho.
Bertaud.	Berthaud.	Berthod.
Bertauld.	Berthauld.	Berthold.
Bertault.	Berthault.	Berthot,
Bertaut.	Berthaut.	Bertot.
Bertauts.	Berthaux.	Berto.
Bertaux.	Bertheau.	Bertheaux.
Berteau.	Bertheault.	Bertheaulx.
Berteaux.	Bertheaut.	Berthauts.

Во Флоренціи вышелъ первый томъ сочиненія Сильвани (Silvani) представляющій „анекдотическую исторію“ папскаго двора и высшаго итальянскаго общества XVIII и XIX столѣтій. Книга называется *La corte e la società Romana nei secoli XVIII e XIX*.

Во Флоренціи же (у издателя Barbèra) появилась *Enciclopedia (Annuario)* итальянской литературы за 1880 годъ. Книга эта расположена въ видѣ лексикона; авторъ ея Angelo de Gubernatis. Другое новое сочиненіе того же автора появилось въ Миланѣ и называется *Lecture di archeologia indiana* (Milano, 1881, Hoepli). Это четыре публичныя лекціи объ индійскомъ доль, объ индійскомъ городѣ, объ индійскомъ дворѣ и объ индійскомъ храмѣ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАГО.

І Ю Л Ъ.

	Стр.	
Сарговъ царь Ассирійскій. <i>М. В. Никольскаго</i>	5	✓
Побѣда якобинцевъ. Новый томъ Тэна о Французской революціи. <i>Р.</i>	74	
Предъ началомъ Пугачевского бунта. Гл. VIII—XI. <i>Н. Ѡ. Дубровина</i>	101	✓
Теорія Ритма. Въ приложеніи къ русскимъ поэтамъ. <i>Р. Г. Вестфала</i>	154	✓
Дурбаръ въ Лахоръ. Изъ дневника русской женщины. Окончаніе. <i>Радда-Бай</i>	171	
Злой духъ. Романъ. Окончаніе первой части. <i>В. Г. Ас-тъенки</i>	219	✓
Новые документы для исторіи Вѣнскаго конгресса. <i>А. К—ра</i>	296	
Переломъ. Правдивая исторія. Часть третья. Гл. XIV—XVII. <i>Б. М. Марксевича</i>	324	✓
Наброски карандашемъ и перомъ. <i>Ианслрукъ. Георга Мина</i>	365	
Новости литературы: I. <i>Русскія народныя картинки</i> . Д. Ровинскаго.—II. <i>Калевала</i> . Финскій народный эпосъ. Пер. <i>Э. Гранстрема</i> .—III. Матеріалы и докумен-ты для русской литературы и исторіи.—IV. Ино-странныя библіографія.—V. Мелочи.....	377	
Въ приложеніи: <i>Нюма Руместавъ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Гл. X—XII.</i>		✓

А В Г У С Т Ъ.

	<i>Стр.</i>
Разстрига дѣвки квакерои. <i>В. Гурьева</i>	425
✓ Путешествіе императрицы Екатерины II въ Могилевъ въ 1780 году. Гл. I—V. <i>А. Г. Брикштра</i>	459
Мпайтовъ <i>Р.</i>	510
✓ Вокругъ Азіи. Черезъ Сибирь. <i>И. И. Зарубина</i>	581
✓ Предъ началомъ Пугачевского бунта. Окончаніе. <i>Н. Дубровина</i>	647
✓ Египетскій Голубь. Разказъ Русскаго. Гл. I—VII. <i>К. Н. Леонтьева</i>	701
✓ Переломъ. Правдивая исторія. Окончаніе третьей части. <i>Б. М. Маркевича</i>	750
Новости литературы: I. <i>Сборникъ Императорскаго Рус- скаго Историческаго Общества</i> . Томы 30 и 31.— II. Иностранная библиографія и мелочи	827
Въ приложеніи: Ньюа Руместавъ. Романъ Альфонса Доде. Переводъ съ французскаго. Окончаніе.	

Необыкновенно тучный, полу-глухой, со щетилистыми бѣлыми усами, онъ ни мало не напоминалъ собою живаго и гибкаго распорядителя празднествъ Набаба; у этого величественнаго идола, съ его раздутою и непроницаемою маскою, одни только глаза выражали его истинно парижскій нравъ, тонкое знанiе жизни, умъ коварный и прокаленный огнями театральнаго рампы. Но довольный, пресмыщенный, боясь всего болѣе потерять свое мѣсто по истеченiи срока контракта, онъ притаилъ свои когти, говорилъ мало, въ особенности на вечерѣ у министра, и довольствовался тѣмъ что замѣчания свои объ официальномъ и свѣтскомъ комедянствѣ подчеркивалъ смѣхомъ своеобразнаго характера.

— Послушай, Воасарикъ, тихо спрашивалъ онъ у юнаго, но ужь патристующаго Тулузца, котораго балетъ недавно поставленъ былъ на оперной сценѣ пролежавъ около десяти лѣтъ въ картонныхъ дирекцiи, чему както не хотѣлъ вѣрить. — Ты Воасарикъ всезнайка, назови мнѣ имя этого величественнаго господина съ усами, который такъ фамильярно обращается со всеми и въ то же время отличается такимъ сосредоточеннымъ и какъ бы угрюмымъ видомъ. Онъ вѣроятно принадлежитъ къ составу министерства, онъ только что разговаривалъ съ нами о театральныхъ дѣлахъ съ необыкновеннымъ авторитетомъ.

— Я думаю что онъ скорѣе состоитъ въ дипломатическомъ корпусѣ. Онъ только что напоминалъ бельгiйскому посланнику что былъ его собратомъ въ теченiе долгаго времени.

— Вы ошибаетесь, Воасарикъ... это долженъ быть какой-нибудь иностранный генералъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ онъ стоялъ окруженный нѣсколькими особами въ густыхъ злодѣтахъ и до моего слуха доносился слова его: „Повѣрьте олытности челоуѣка, который не разъ командовалъ большими отрядами“...

— Однако это странно.

Въ эту минуту проходилъ Лапара. Спрошенный въ свою очередь о незнакомцѣ, онъ засмѣялся.

— Да вѣдь это Бонларъ.

— Кто такой Бонларъ?

— Другъ министра... нуужели вы его не знаете?

— Уроженецъ юга?

— Само собою разумѣется.

И дѣйствительно, Бонпаръ, облеченный въ роскошнѣйшій новыи фракъ съ бархатными лацканами, старался оживить вечеръ своего пріятеля живицею самую разнообразною и неистощимую болтовней. Незнакомый вовсе въ мірѣ сфациальномъ, гдѣ онъ выступалъ лишь впервые, Бонпаръ жолidamente производилъ эффектъ, переходя отъ одного кружка къ другому со своими изобрѣтательными способностями, поразительными мечтами, разказами о любовныхъ похожденияхъ въ королевскихъ семьяхъ, о приключеніяхъ и битвахъ въ которыхъ онъ участвовалъ, о побѣдахъ одержанныхъ на федеральномъ состязаніи въ стрѣльбѣ. Все это на лица всѣхъ его слушателей наводило выраженіе и удивленія, и отъсвенія, и даже безпокойства. Конечно это вносило въ министерскіе салоны нѣкоторый элементъ веселости, но имъ могла пользоваться только немногіе приближенные, хорошо знавшіе Бонпаря; это отнюдь не могло разсѣять скуку которая проникала теперь до самой концертной залы, комнаты обширныхъ размѣровъ, не весьма живописной по окаймлявшимъ ее двухэтажнымъ галереямъ и стеклянному потолку, до того прозрачному что какъ будто видѣлось сквозь него мрачное небо. Зала была уставлена пальмовыми деревьями, бавлянами, съ длинными неподвижными листьями, и вся эта зелень служила прелестнымъ свѣжимъ фономъ для разнообразныхъ нарядовъ дамъ, тѣсно разсаженныхъ по бесчисленнымъ рядамъ стульевъ. То была громадная волна наклоненныхъ кудрявыхъ затылковъ, бѣлыхъ плечъ и рукъ выглядывающихъ изъ корсажей какъ изъ полураспустившагося цвѣтка, причесокъ пересмысланныхъ звѣздами, брилліантовъ перемѣшанныхъ съ сивеватымъ блескомъ черныхъ волосъ, съ золотистымъ отливомъ бѣлокурыхъ локоновъ, живаго разнообразія женскихъ профилей и стамовъ: одні, полныя здоровыя, представляли округленныя линіи отъ талии и до самаго шивьдона, другія, блиставшія своею худобой, старались казаться необыкновенно гибкими отъ самаго пояса перетянутого брилліантовою пряжкой до длинной шеи, отгнѣяемой бархатною лентой. А надо всемъ этимъ порхала безъ отдыха, распустивъ свои крылья, разноцвѣтные, осыпанные блестками вѣера, разнося по всей залѣ ароматы духовъ ополовакса и бѣлой розы, перемѣшанные съ болѣе нѣжнымъ запахомъ натуральныхъ цвѣтовъ бѣлой лиліи и фіалокъ.

Выражавшееся здѣсь на всѣхъ лицахъ утомленіе усложнялось

перспективною двухчасовой неподвижності предъ встрадой, на которой расположились полукрутомъ хористы въ черныхъ фракахъ и хористки въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, столь же безстрастные какъ бы они сидѣли предъ фотографическимъ аппаратомъ; оркестръ скрытъ былъ кустами зелени и розъ, изъ-за которыхъ выглядывали лишь, подобно орудіямъ лытки, верхушки контрабасовъ. Да, эта лытка пресыщенія музыкой для всѣхъ особъ женскаго пола была не новинкой: въ ту зиму она играла главную роль на утомительныхъ свѣтскихъ вечерахъ и собраніяхъ. Поэтому, огладѣвшись вокругъ, можно было видѣть лишь лицо довольное и улыбающееся, а именно самой гжи Руместанъ, и то не была улыбка хозяйки дома, такъ легко преобразующаяся въ выраженіе невыносимаго утомленія, когда никто на нее не смотритъ, а улыбка женщины впадѣвъ счастливой, любимой, которая какъ будто вновь начинаетъ жить. Нѣжность честнаго сердца которое бьется лишь для одного лица неистощима! Она уже снова вѣровала въ своего Нюма, который съ нѣкотораго времени былъ къ ней такъ ласковъ и добръ; ей казалось что онъ совсѣмъ вернулся къ ней и что сердца ихъ какъ будто обнялись и слились лосѣмъ долгой разлуки. Не стараясь уяснить себѣ причины этой воскресшей нѣжности, она снова видѣла его юнымъ и любящимъ, какъ въ первый вечеръ ихъ знакомства предъ охотничьею группой и она все еще являлась тою же привлекательною Діаной до того она была граціозна и гибка въ бѣломъ ларчевомъ платьѣ; мелкія букачкі ея каштановыхъ волосъ спускались на блестящій лобъ, въ которомъ не гнѣздилося ни одной дурной мысли; ей уже было тридцать лѣтъ, но на видъ ей казалось не болѣе двадцати лѣтъ.

Гортензія была также чрезвычайно мила, вся въ голубомъ; тюлевый шарфъ голубаго цвѣта окружалъ какъ облакомъ ея длинную талію, нѣсколько наклоненную впередъ и отбѣивалъ ея нѣжное личико. Но дебютъ Вальмажура озабочивалъ ее. Она спрашивала себя: какъ это избранное общество приметъ первобытную сельскую музыку; не слѣдовало ли бы для обезпеченія успѣха, какъ полагала Розалія, помѣстить тамбуринера въ искусственно подготовленный пейзажъ съ сѣроватымъ и холмистымъ горизонтомъ? Безмолвная и взволнованная она мысленно считала сколько лѣсъ значитса по программѣ прежде дебюта Вальмажура, не обращая никакого вниманія на

окружавшій ее шумъ слушаемыхъ вѣровъ, на разговоры въ подголоса гостей и на настраиваніе инструментовъ.

Раздался ударъ смычка по лиолитру, зашуршали ноты на эстрадѣ, хористы встали держа въ рукахъ свои партитуры; ихъ приветствовали полные вѣлаго упрека взгляды; жертвы казались готовы были бѣжать отъ грозящаго имъ испытанія черезъ входныя двери заставленныя массою черныхъ фраковъ. Первые ноты Гайковскаго хора понеслись къ стеклянному потоку, на который спускалось темное зимнее небо:

„Среди лѣсовъ губительныхъ и темныхъ...“

Концертъ начался.

Съ вѣкотораго времени музыкальный вкусъ значительно развился во Франціи. Въ особенности въ Парижѣ, благодаря воскреснымъ концертамъ, музыкальнымъ собраніямъ Страстной Недѣли и множеству частныхъ музыкальныхъ обществъ, вниманіе публики возбуждалось съ особенною силой; она стала знакомиться съ классическими произведеніями великихъ композиторовъ и музыкальное образованіе вошло въ моду. Но, собственно говоря, Парижъ городъ слишкомъ живой и нервный чтобы дѣйствительно и какъ должно любить музыку, которая, поглощая васъ, осуждаетъ на состояніе неподвижности, окружаетъ васъ какъ бы неразрывною сѣтью гармоніи, убаюкиваетъ и усыпляетъ подобно волнѣ морской. Угождая музыкальному вкусу, Парижъ ласкаетъ лишь подобно свѣтскому хлыщу, исполняющему капризы модной прелестницы, удовлетворяетъ лишь требованіямъ шика и моды банальной и ваговяющей скуки. Скука, это именно самое подходящее выраженіе для того чтобы охарактеризовать концертъ у министра народнаго просвѣщенія. Несмотря на восхищеніе по приказу, на восторженное выраженіе лицъ, составляющее принадлежность свѣтскихъ дамъ даже самыхъ искреннихъ, скука все-таки брала свое; отъ нея застывали улыбки, омрачался блескъ глазъ, распадались прелестныя позы, полныя томленія, наломившія собою лтичекъ сидящихъ на покачивающейся отъ вѣтерка вѣточкѣ или по калелькѣ утоляющихъ свою жажду. По вѣсьмъ рядамъ связанныхъ стульевъ старались пересилить гнетущее чувство тоски, не поддавались ему, кричали: „браво, превосходно, божественно“, чтобы хотя этимъ оживить себя, но невольно снова подчинялись непреодолимому

оцѣлительнѣю, которое подобно туману выдѣлялось изъ этого прилива звуковъ, отодвигая на далекій ланъ равнодушнѣ, всю вереницу артистовъ выступающихъ одинъ за другимъ.

Здѣсь однако были артисты самые извѣстные и самые замѣчательные, собранные со всего Парижа, исполняющіе классическую музыку съ тѣмъ глубокимъ знаніемъ котораго она требуетъ и которое, увы! пріобрѣтается лишь годами. Вотъ уже тридцать лѣтъ что извѣстная Вотерсъ поетъ прелестный романсъ Бетховена „Успокоеніе“, и вѣкогда не пѣла она съ такою страстью какъ въ этотъ вечеръ; но инструментамъ уже не хватаетъ нѣсколькихъ струмъ, смычекъ какъ будто водить по дереву; отъ вѣкогда великой пѣвицы и замѣчательной красавицы остались только заученныя позы, безупречная метода и бывшая красивая рука, которою она при послѣдней фразѣ утираетъ воображаемую слезу, долженствующую замѣнить рыданіе; передать его голосомъ она уже не въ силахъ.

И кто же въ состояніи лучше красавца Майола проворковать серенаду изъ *Донъ-Жуана* съ такою воздушною деликатностью, съ такою любовною страстью? Къ сожалѣнію, его уже не слышно; какъ ни старается онъ подниматься на цыпочки, вытягивать шею, тянуть звукъ до конца, сопровождая его непривужденнымъ жестомъ предъдѣльщицы пропускающей свою пражу черезъ пальцы, все-таки ничего не выходитъ, рѣшительно ничего. Парижъ, полный признательности за наслажденія испытанныя въ былое время, тѣмъ не мѣнѣе рукополагаетъ. Но всѣ эти извоженные голоса, лоблещія и до-мельзя знакомыя лица, медали на которыхъ стерлась самая чеканка вслѣдствіе долговременнаго обращенія, не способны разсѣять туманъ носящійся надъ министерскимъ праздникомъ, несмотря на всѣ усилія Руместана оживить его, на восторженные возгласы которые онъ расточаетъ изъ среды окружающихъ его черныхъ фраковъ, на огушительное шиканье съ которымъ онъ обращается къ кружкамъ гдѣ затѣваются слишкомъ громкіе разговоры; всѣ мгновенно смолкаютъ, тихо бродятъ какъ тѣни среди блестящаго освѣщенія, незамѣтно стараются для развлечения перейти съ одного мѣста на другое, согнувъ спины и пробираясь помощью рукъ, или наконецъ падаютъ въ изнеможеніи на низкія скамьи, и держа между колѣнами свои складныя шпалы,

сидятъ съ лицами отуманенными, лишенными всякаго выраженія.

Появленіе на эстрадѣ Алисы Бателлеръ на мгновеніе пробудило и оживило публику. У обѣихъ дверей залы зашевелилась толпа, любопытствуя увидать маленькую диву въ коротенькомъ платьѣ, появившуюся на эстрадѣ съ длинными опущенными рѣсницами и ротикомъ полуоткрытымъ какъ бы отъ изумленія что она видитъ предъ собой такое блестящее общество. „Булочки горчіе, съ пылу, съ оговечка“... стала ваять клубская молодежь съ подобающими окончанію куплета ухарскими жестами. Университетскіе старички подошли поближе съ сладостнымъ трелетомъ, обращившись къ эстрадѣ тѣмъ ухомъ которое еще хорошо слышало, чтобы не улутить ни одной нотки изъ модной шамсонетки.

За то какое разочарованіе, когда миниатюрная булочница своимъ нѣсколькимъ рѣзкимъ и маленькимъ голоскомъ затянула большую арію изъ Альцеста, которую подлѣвала ей Ватерсъ за кулисами чтобы придать ей больше храбрости. Лица вытягиваются, черные фраки отходятъ и снова начинаютъ бродить по залѣ съ тѣмъ большею свободой что министръ за ними не наблюдаетъ; онъ ушелъ въ одну изъ отдаленныхъ гостиныхъ взявъ подъ руку г. Буэ, совершенно озадаченнаго такою неожиданныю честью. О неисправимое ребячество любви! Послѣ двадцати лѣтъ адвокатской карьеры, пятнадцати лѣтъ депутатства, владея собою настолько чтобы среди самыхъ бурныхъ засѣданій и необузданныхъ перерывовъ сохранять хладнокровіе и настойчивость морской чайки которая охотится за своею добычей даже въ самый разгаръ бури,—вдругъ, когда примѣшивается къ дѣлу страсть, человекъ становится слабѣйшимъ изъ слабыхъ, дрожитъ и труситъ до того что отчаянно цѣпляется за руку перваго встрѣчнаго невѣжды и увлекаетъ его за собою чтобы только не услышать даже легкаго критическаго отзыва о своемъ кумирѣ...

— Извините, я васъ оставляю... теперь антрактъ...

И министръ быстро удаляется, возвращая своего собесѣдника его ничтожеству, изъ котораго ему болѣе уже не удастся вынырнуть. Толпа протискивается къ буфету, и довольный видъ всѣхъ этихъ несчастныхъ которымъ возвратили право свободно двигаться и громко говорить даетъ Нюма поводъ предполагать что его протеже имѣла громадный успѣхъ. Его

оботулають, благодарять, „божественно, прелество...“ никто не говоритъ ему о томъ именно предметѣ который его интересуетъ. Наконецъ онъ замѣчаетъ проходящаго мимо Кардальяка, ухватывается за него и идетъ рядомъ раздвигая на обѣ стороны толпу своими могучими плечами.

— Ну что! Какъ вы ее нашли?

— Кого?

— Эту, которая сейчасъ шла, говоритъ Нюма стараясь казаться совершенно равнодушнымъ. Но Кардальякъ, малый не промахъ, тотчасъ ловялъ въ чемъ дѣло и не залузившись ни на волосъ отвѣчаетъ:

— Это положительная находка.

Влюбленный красавецъ подобно тому какъ красавецъ двадцатилѣтнимъ юношей, когда въ кофейной Мальмуса „общая пріятельница“ подъ столомъ задѣвала его ногу своею.

— Такъ вы полагаете что въ Оперѣ...

— Да, безо всякаго сомнѣнія... но необходимо ловко представить ее публикѣ, отвѣчаетъ директоръ Оперы, многозначительно улыбаясь, и пока министръ устремляется почти бѣгомъ чтобы сообщить эту пріятную новость Алисъ, Кардальякъ продолжаетъ свой путь по направлению къ буфету, который сквозь громадное зеркальное стекло видѣется вдали, въ глубинѣ залы отдѣланной темно-коричневыми съ позолотою обоями и драпировкой. Несмотря на эту строго-внушительную отдѣлку комнаты, на величественный и въ-сколькo суровый видъ мѣтръ-д'отелей, здѣсь расшляется и скука, и дурное расположение духа въ виду громадной выставки уставленной тонкимъ хрусталемъ, фруктами, цѣлыми пирамидами бутербродовъ; человечество вступаетъ въ свои права, и скука уступаетъ мѣсто прихотливому обжорству. Какъ только между двумя корсажами, или между двумя головами наклонившимися надъ тарелочками съ кускомъ рыбы или крылушкомъ жаркаго, образуется хотя небольшое свободное пространство, немедленно является въ немъ рука пытающаяся добыть стаканъ, вилку, кусокъ хлѣба, задѣвая чернымъ рукавомъ или кистями блестящихъ вполетъ усыпанные ароматическою пудрой плечи. Разговариваютъ, ожи-вляются, глаза блестятъ, смѣхъ раздается звонче, благодаря влиянію шилучихъ налитковъ. Перекидываются вопросами ужь устарѣвшими, отвѣтами давно позабытыми. Въ одномъ углу слышны возгласы негодованія: „Это

ужасно... это ни на что не похоже!.." Это около ученаго Бешю, непримиримаго врага женщинъ, который продолжаетъ мочосить весь женскій полъ. Въ другомъ углу ссорятся музыканты:

— Ахъ, мой милый, да вѣдь вы такимъ образомъ отвергаете увеличенную квинту...

— Правда что ей всего шестнадцать лѣтъ?

— Да, шестнадцать лѣтъ пробыва въ бочонкѣ, да уже нѣсколько лѣтъ что въ бутылки разлита.

— Майоль! Ну вѣтъ ужъ, его лѣсна пропѣта. И подумаешь что дирекція Оперы платитъ такому господаду по двѣ тысячи франковъ разовыхъ.

Да, но овъ на тысячу франковъ наберетъ билетовъ каждый вечеръ чтобы воодушевить залу, а остальную тысячу Кардальякъ выиграетъ у него въ экарте.

— Бордо... шоколатъ, шампанское...

—лустъ объяснитса въ засѣданіи комиссіи...

—если подвѣять рюшь помпонами изъ бѣлаго атласа...

Далѣе Гортензіа среди довольно большаго кружка рекомендуетъ своего тамбуринера корреспонденту швотранной газеты, фигурѣ надменной и антипатичной, упрасиваетъ его остаться до конца, упрекаетъ Межана за то что тотъ ее не поддерживаетъ, называетъ его ренегатомъ, фальшивымъ южанкомъ. Въ другой группѣ рядомъ идетъ политическій споръ. Выступаетъ фигура съ лицомъ дышащимъ злобою, съ лѣвюю у рта, пережевывая каждое слово, какъ будто желая пропитать его ядомъ:

— Все чтѣ только демогогія представляетъ самаго ужаснаго...

— Маратъ консерваторъ! произноситъ другой голосъ, и восклицаніе это терлетса въ смутномъ гулѣ разговоровъ, перешиванныхъ со стукомъ тарелокъ и звономъ стакановъ...

Звучный голосъ Руместана покрываетъ вдругъ весь этотъ гулъ:

— Mesdames, пожалуйте скорѣе... а не то вы не услышите сонату fa!

Возарилось мертвое молчаніе. Возобновилось шествіе дамныхъ распущенныхъ шлейфовъ чрезъ гостиныя и затѣмъ между рядами стульевъ концертнаго зала. Лица всѣхъ дамъ выражаютъ отчаяніе узницъ, которыхъ послѣ часовой прогулки по тюремному двору снова запираютъ въ темницу. Концертныя ліесы, симфоніи слѣдуютъ одна за другою. Красавецъ Майоль снова таветъ неуловимую ноту, Вотерсъ

опять старается натравить потертя струны своего голоса. Вдруг замѣчается оживленіе, минута любопытства, подобная той которая предшествовала появленію Башеллеру. Это тамбуристъ Вальмажура, выходя красиваго поселенца въ мягкой войлочной шапкѣ надѣтой на бокрень, въ красномъ кушакѣ перетагивающемъ талию, съ наброшенной на одно плечо деревенскою курткою. Одобрета, по какому-то инстинкту женскаго вкуса нарядила его такимъ образомъ, полагая что этотъ костюмъ пронаведетъ свой эффектъ среди черныхъ фраковъ. Вотъ это по крайности нѣчто новое, неожиданное, этотъ длинный тамбуристъ который болтается на ремнѣ музыкалѣ, маленькая флейточка по которой неумоимо перебираютъ его пальцы, мелодичныя аріи, которыхъ звуки живые и увлекательныя скользятъ по прелестнымъ дамскимъ плечикамъ и какъ бы пронимаютъ ихъ дрожью пробужденія. Пресмыщенному вкусу лубяки нравятся эти свѣжія мелодіи, пропитанныя ароматами розмарина, эти малѣвы былыхъ временъ Франціи. „Браво... браво... *bia!*“ А когда онъ переходитъ къ маршу Тюренна съ его широкимъ и бравурнымъ ритмомъ, съ акомпаниментомъ оркестра подъ сурдину, звуки тамбурина кажутся и поамѣе и гуще; восторгъ не знаетъ границъ. Его вызываютъ два, три раза... десять разъ и громче всѣхъ раздается голосъ Руместана; услѣхъ разжегъ его усердіе, и онъ уже примвааетъ на свой счетъ то что прежде приписывалъ женской фантазіи. Онъ разказываетъ какъ ему удалось сдѣлать открытіе этого геніальнаго артиста, объясняетъ чудныя качества флейты о трехъ дырочкахъ, сообщаетъ разныя подробности о древнемъ замкѣ Вальмажуровъ.

— Его дѣйствительно зовутъ Вальмажуромъ?

— Конечно... это послѣдній отпрыскъ княжескаго дома Ваух...

И легенда разносится, растетъ, украшается, подобно роману Жоржъ Сандъ.

— У меня и документы дома, всѣ писаны на пергаментѣ, заявляетъ Бомларъ тономъ не допускаящимъ возраженія.

Но среди этого свѣтскаго энтузіазма, болѣе или менѣе фикттивнаго, волнуется одно бѣдное сердечко; юная головка чувствуетъ непреодолимое опыянтіе, примвааетъ за чистую монету и рукоплесканіе, и легенды. Не говоря ни слова, даже не аплодируя, съ глазами смутно устремленными въ пространство, придавала своей губкой

таин мечтательное покачиваніе въ тактъ бравурному маршу, Гортензія мысленно видитъ себя тамъ, въ Провадоръ, на высокой платформѣ, которая господствуетъ надъ залитою солнцемъ мѣстностью, воображаетъ себя что трубадуръ ей дастъ ей серенаду какъ нѣкогда на любовныхъ турнирахъ Среднихъ Вѣковъ и съ гордостью и дикою граціей притѣвляеть къ своему тамбурину полученный изъ ея рукъ гранатовый цвѣтокъ. Воспоминаніе это сладостно волнуеть ее, голова склоняется на плечо сестры, и она шепчетъ ей: „Боже, какъ мнѣ хорошо“, шепчетъ съ потивнымъ и глубокимъ чувствомъ, котораго Розалія теперь не замѣчаетъ, но которое въ послѣдствіи обрисуетса и опредѣлитса какъ предвѣстникъ нечастія.

— Ну что, любезный Вальмажуръ... не говорилъ ли я вамъ? Какое успѣхъ, а? восклицалъ Руместанъ въ маленькой гостиной гдѣ приготовлена была закуска для артистовъ... Впрочемъ успѣхъ этотъ, со стороны прочихъ свѣтилъ концерта, признавался нѣсколько преувеличеннымъ. Гжа Вонтерсъ сидѣла, готовая къ отъѣзду и ожидая только чтобы подали ея карету и старалась скрыть свою досаду подъ кружевнымъ капюшономъ, пропитаннымъ крѣпчайшими духами. Красавецъ Майоль со своей стороны стоялъ у буфета и съ видомъ нервнымъ и утомленнымъ разрѣзалъ на тарелочкѣ крыло жаворонка съ такимъ ожесточеніемъ какъ будто у него подъ ножомъ находилса самъ Вальмажуръ. Только Башелери не выказывала гнѣва. Она играла какъ ребенокъ среди кружка юныхъ хлыщей, смѣялась, прыгала и въ то же время покусывала своими острыми зубенками бутербродъ съ ветчиной, а въ промежуткѣ между глотками пробовала играть на флейтѣ Вальмажура.

— Посмотрите-ка, господинъ министръ! Затѣмъ замѣтивъ что за Руместаномъ выступалъ Кардальякъ, она, сидѣвшая лируеть, протянула послѣднему свой лобъ для поцѣлуа.

— Здравствуйте, дядюшка.

Это было родство изъ области закулисной фантазіи.

— Лукавая повѣса, проворчалъ Кардальякъ въ свои сѣдые усы, но не громко; она вѣроятно сидѣется его пансіонеркой и притомъ весьма вліятельною.

Вальмажуръ, съ фатовскимъ видомъ, окруженный женскимъ попомъ и журналистами, стоялъ около камина. Корреспондентъ островной газеты спрашивалъ его нѣсколько

грубымъ тономъ, далекииъ отъ той дѣшовой вкрадчивости которую онъ пускалъ въ ходъ при частныхъ бесѣдахъ съ министрами. Артистъ отвѣчалъ ему своимъ стерестипнымъ разказомъ: „На меня это сошло ночью когда я слушалъ соловья...“ Разказъ его прерванъ былъ Гортензией, которая подала ему полную до верха тарелку и стаканъ съ виномъ.

— Добрый вечеръ, говорила она.—Сегодня я угощаю васъ какъ тогда вы меня.

— Она перебила нить его разказа. Онъ отвѣчалъ ей легкимъ махонеміемъ головы, указывая на каминъ:

— Хорошо, хорошо; поставьте это здѣсь.

И онъ продолжалъ свой разказъ. Гортензия, не теряя мужества, выждала конца и потомъ заговорила съ нимъ объ отцѣ его и о сестрѣ.

— Она вѣроятно будетъ очень довольна?

— Да, сошло недурно.

И съ тою же фатовскою улыбкой онъ крутилъ усь, оглядываясь во всѣ стороны съ нѣкоторымъ безлокойствомъ. Его предупредила что директоръ Оперы намѣренъ сдѣлать ему выгодное предложеніе. Онъ стереть его издали уже ревнивымъ глазомъ актера, удивляясь что тотъ могъ такъ долго заниматься этою маленькою ничтожною, по его мнѣнію, дѣвицей. Полный этихъ мыслей онъ и не думалъ отвѣчать прекрасной молодой дѣвушкѣ которая стояла предъ нимъ, обмахиваясь вѣеромъ, въ прелестной полусумѣлой позѣ, которая приобрѣтается только привычкою къ свѣту. Но онъ еще болѣе ей нравилась своимъ пренебреженіемъ и холодною по отношенію ко всему что не касалось его искусства. Она восхищалась тѣмъ гордымъ видомъ съ которымъ онъ принималъ комплименты Кардаальяка, расточавшаго ихъ съ обычною развязностью, отрывистыми фразами:

— Въ самомъ дѣлѣ... я говорю что думаю... замѣчательный талантъ... оригинальный... новый... я не хочу чтобы другой театр, не моя Опера вывела на свѣтъ такую новизну... я найду случай для дебюта... Вы можете считать себя привѣтаннымъ...

Вальмажуръ подумалъ было о листѣ гербовой бумага который имѣлъ въ карманѣ, но Кардаальякъ какъ будто угадывая его мысль послышалъ протянуть ему свою мягкую руку.

— Это закрѣпите наши взаимныя отношенія, сказалъ онъ, и указывая на Майоля и Востеръ, къ счастью для него завѣтыхъ другимъ дѣломъ, ибо они не преминули бы засмѣяться,

прибавилъ: „вотъ хоть ихъ спросите чего стоить одно слово Кардальяка.“

Затѣмъ онъ повернулся на каблукахъ и направился смотрѣть на танцы. Телерь уже началась балъ въ залахъ, хотя и менѣе людныхъ, но за то несравненно болѣе оживленныхъ. Превосходный оркестръ отличивалъ за три часа классической музыки цѣлымъ рядомъ вальсовъ чисто вѣнскаго характера. Важныя особы и люди серіозные уѣхали, уступивъ мѣсто молодежи, страстнымъ любителямъ танцовать собственно для танцевъ, гдѣ разстраиваются до основанія всякія прически, разгораются глаза, и дамскіе шлейфы закручиваются вихремъ около ногъ танцоровъ. Но и тутъ политика не утрачивала правъ своихъ, и сляніе о которомъ мечталъ Руместавъ не осуществлялось. Изъ двухъ танцовательныхъ залъ одинъ принадлежалъ лѣвому центру, другой партіи легитимистовъ: цѣлѣу лиліи во всей его мелочности, несмотря на всѣ старанія Гортензіи сблизить эти два враждебные лагеря. Какъ сводчанца министра, дочь старшаго президента кассационнаго суда, она пользовалась общимъ вниманіемъ: цѣлымъ рои молодежи непрестанно порхалъ вокругъ ея крулиаго придаваго и вліятельной обстановки. Лалара, находившійся въ особенно возбужденномъ состояніи, танцуя съ нею заговорилъ даже что его превосходительство дозволилъ ему... Но вальсъ кончился, она отошла отъ него не дождавшись конца фразы и направилась къ Межану, который хотя и не танцовалъ, но никакъ не могъ рѣшиться уѣхать.

— Что у васъ сегодня за страшное лицо, господаиъ поборникъ благоразумія и серіозныхъ идей?

Онъ взялъ ее за руку.

— Сядьте здѣсь... я имѣю вамъ что-то сказать... министръ разрѣшилъ мнѣ...

Гортензіа поняла и послѣшшо встала.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сегодня... я не могу телерь васъ слушать... меня пригласили танцовать...

И она быстро удалилась подъ руку съ Ромшоромъ который явился чтобы вести ее на мѣсто. Этотъ тоже былъ влюбленъ главнымъ образомъ изъ-за того чтобы подражать Лалара. Бѣдный молодой человекъ рискнулъ даже высказаться настолько что она громко расхохоталась веселымъ смѣхомъ и, по окончаніи фигуры котильона, подобдя къ сестрѣ сказала ей шолотомъ:

— Представь себѣ... Нюма обѣщалъ мою руку всѣмъ тремъ секретарямъ своимъ.

— Котораго же ты выберешь?

Отвѣтъ ея оставовленъ былъ раздавшимся перекатомъ тамбурина. „Фарандола! фарандола!“ Это былъ сюрпризъ который министръ дѣлалъ своимъ гостямъ. Фарандолу чтобы закончить котильйонъ... Согласно обычаю юга... во что бы то ни стало... Но какъ же ее танцуютъ? Руки сближаются и сжимаются крѣпко одна въ другой, обѣ танцевальныя залы сливаются на этотъ разъ въ одну. Бонпаръ съ серьезнымъ видомъ учитъ дамъ: „вотъ такъ, направо“, и дѣлаетъ при этомъ антраша. Гортензія впереди; фарандола растагивается по длинной авфиадѣ приемныхъ комнатъ и за веревницей танцующихъ слѣдуетъ Ваальмажуръ, магрывая съ поразительнымъ достоинствомъ, гордясь своимъ успѣхомъ и женскими взглядами, которыми онъ обязавъ своей мужественной и красивой фигурѣ въ оригинальномъ до-велья костюмѣ.

— Какъ онъ красивъ! говоритъ Руместанъ.

— Ну чѣмъ не красавецъ... настоящій ластухъ древней Греціи.

Изъ залы въ залу старинный незамысловатый тамецъ все болѣе и болѣе оживляясь преслѣдуетъ и прогоняетъ тѣнь Фресинуса. На широкихъ стѣнахъ, расписанныхъ во вкусъ Буше и Ланкрета, фигуры какъ будто начинаютъ двигаться пробужденныя мелодіями былыхъ временъ, а голые амурь которые дѣлался у карнизовъ лондонскому также лускаются въ безумную беспорядочную ласку.

А тамъ въ глубинѣ Кардальякъ стоитъ прислонясь къ буфету. Съ тарелкой въ одной рукѣ и стаканомъ въ другой, онъ слушаетъ, ѣстъ, пьетъ, проникнутый ощущеніемъ до-вольства до самой глубины своего скептицизма.

— Помни, дѣта мое, говоритъ онъ Боасарику... На балахъ всегда надо оставаться до конца. Женщины становятся красивѣе отъ мягкой бѣлѣдости лицъ; ихъ еще нельзя признать утомленными, какъ нельзя назвать днемъ эти бѣлыя полоски слабого свѣта мелькающія сквозь оконныя занавѣси... Въ воздухѣ носятъ остатки музыкальных звуковъ, онъ пропитанъ ароматическою пылью, полонъ вѣгги расплающей чувства, и наслаждаться ею слѣдуетъ закусывая кускомъ холоднаго жаркаго и запивая его замороженнымъ шампанскимъ. Вотъ, взгляни сюда...

Сквозь зеркальное стекло отдѣлявшее буфетъ отъ соста-

ной комнаты видѣлась фараонша: протянуты руки, нескончаемая вереница попеременно черныхъ и цвѣтныхъ одеждъ; наряды и прически уже нѣсколько помѣтые отъ двухчасовыхъ танцевъ...

— Ну, развѣ это не красиво? А этотъ молодецъ, ловади всѣхъ... Какъ великодушно сложенъ!

И затѣмъ, поставивъ свой стаканъ въ сторону, онъ кладовкрово прибавилъ:

— Впрочемъ, току отъ него никакого не будетъ.

Х. Сѣверъ и югъ.

Между президентомъ Лекемуа и затѣмъ его никогда не было особенной симпатіи. Время, частыя сношенія, узы родства не успѣли сгладить различіе этихъ двухъ натуръ, любить ощущеніе холода который охватывалъ южанина въ присутствіи этого высокаго молчаливаго старика съ блѣднымъ высокочрвымъ лицомъ, со строгимъ взглядомъ сѣроголубыхъ глазъ и взглядомъ Розалии, но безъ ея вѣжнаго и снисходительнаго отбѣга. Ньюа, живой и подвижный, неудержимый въ рѣчахъ, одновременно и страстный и загадочный, возмущался логикой, прямотой, суровостью своего теста. Завидуя его достоинствамъ, онъ приписывалъ ихъ исключительно холодности сѣвера, того крайняго сѣвера котораго представителемъ онъ считалъ стараго президента.

— За нимъ слѣдуетъ бѣлый медвѣдь... А затѣмъ ничего болѣе... сѣверный полюсъ и смерть.

Тѣмъ не менѣе онъ льстилъ ему, старался увлечь его ловкими кошачьими приѣмами, разставлялъ ловушки безстрастному Галлу; но послѣдній, вдвое хитрѣе зятя, не давалъ себя отуманить. И когда по воскресеньямъ въ столовой дома на Королевской площади заходила рѣчь о политикѣ, когда Ньюа размягченный вкуснымъ столомъ пытался убѣдить старика Лекемуа что они уже близки къ соглашенію, такъ какъ оба желаютъ одного и того же, свободы, надо было видѣть съ какимъ энергическимъ движеніемъ головы президентъ возражалъ на его увѣренія.

— Да, свободы; но не одного сорта.

Нѣсколькими доводами точными и рѣзкими онъ обрисовывалъ разделяющую ихъ пропасть, восстанавливалъ слова зятя въ настоящемъ ихъ смыслѣ, доказывая тѣмъ что приемы

Тартифа съ намъ успѣха имѣть не могутъ. Адвокатъ отдался шуткамъ, хотя въ глубинѣ души доедавая, особенно изъ-за присутствія жены, которая слушала и глядѣла, сама никогда не признавая участія въ разговорахъ о политикѣ. Вечеромъ, возвращаясь въ каретѣ домой, онъ силится доказать ей что старикъ лишешъ здраваго смысла. Еслибы не она, какъ бы сѣдовало отдавать его! Розалия, чтобы не раздражить мужа, отвѣчала уклончиво, не высказывая своего мнѣнія.

— Да, очень жаль что вы не сходитесь во мнѣнiяхъ. Но внутренно она признавала что правъ отецъ, а не мужъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Руместанъ едѣлся министромъ, холодность между тестемъ и зятемъ усилилась. Лежену упорно отказывался посѣщать приемные вечера министерства и прямо задралъ своей дочери:

— Передай мужу твоему чтобъ онъ продолжалъ бывать у меня и какъ можно чаще, а всегда буду ему радъ; но меня въ зданiи министерства никогда не увидать. Я знаю что эти господа противъ насъ замышляютъ и не желаю казаться ихъ сообщникомъ.

Впрочемъ, предъ лицомъ свѣта эти неморальные отношенiя прикрывались семейнымъ трауромъ, который съ давнихъ поръ удерживалъ супруговъ Лежену ото всѣхъ свѣтскихъ удовольствiй. Да и самъ министръ народнаго просвѣщенiя вѣроятно почувствовалъ бы нѣкоторое стѣсненiе отъ присутствiя въ его салонѣхъ этого горячаго спорщика, предъ которымъ онъ самъ выгадѣлъ молодкососомъ. Тѣмъ не менѣе онъ едѣвалъ видъ что обидѣлся рѣшенiемъ старика и даже воспользовался имъ чтобы порисоваться въ своемъ кругу, — подобнаго случая настоящiй комедiантъ улустить не могъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ въ этомъ предлогъ чтобы не такъ аккуратно какъ прежде посѣщать обѣды по воскресеньямъ; Розалии не рѣдко приходилось лаяться одной и павиляться за мужа дѣлами, комитетами, собранiями, обязательными банкетами, словомъ, разнообразными доводами которые всѣмъ мужьямъ изъ числа политическихъ дѣятелей предоставляютъ такую полную свободу.

Она, напротивъ того, не пропускала ни одного воскресенья, прiѣзжала рано, вскорѣ лосалъ полудня, и чувствовала себя счастливою въ блискомъ семейномъ кружкѣ; она удовлетворяла здѣсь своему вкусу къ домашней жизни, который не находилъ достаточно простора въ официальной обстановкѣ среди

которой она жила. Госпожа Лекемуа была еще у нечерни, Гортензіа сопровождала ее въ церковь или увезена была пріятельницей на какое-либо музыкальное утро, и Розалія увѣрена была что найдетъ своего отца въ библіотекѣ, дашимой комнатѣ сверху до визу уставленной книгами; здѣсь заперался онъ со своими вѣчными друзьями и совѣтниками мысли; съ этими только друзьями онъ не прерывалъ сношеній всадствіе постигнутого его семейнаго горя. Президентъ не садился за чтеніе; онъ переходилъ отъ одной полки къ другой, оставался у изящнаго переплета, бралъ какую-либо книгу и, открывъ ее, читалъ стоя иногда по вѣчнымъ часамъ, не замѣчая времени и не чувствуя усталости. Съ бездною улыбочкой встрѣчалъ онъ приходъ старшей дочери. Она обмѣнивалась нѣсколькими словами, такъ какъ оба не отличались разговорчивостію. Она также начинала пересматривать своихъ любимыхъ авторовъ, брала одну книгу за другою, перелистывала ихъ стоя около него въ нѣсколько темной комнатѣ, которая выходила на дворъ и куда среди воскресной тишины торговаго квартала гулко доносился вечерній звонъ соборнаго храма. Иногда онъ подавалъ ей раскрытую книгу:

— Прочти вотъ это, говорилъ онъ, проводи ногтемъ черту сбоку, и когда она кончала:—вѣдь хорошо сказано, не правда ли?

Молодая женщина, которой доступны были весь блескъ и вся роскошь жизни, не находила однако высшаго удовольствія какъ провести часъ, другой около своего старика-отца, всегда грустнаго и серьезнаго; любовь ея къ нему еще усиливалась привязанностію умственною, не менѣе искреннею и цѣлительною. Ему обязана она была правильностію взгляда, чувствомъ справедливости, которое придавало ей столько мужества, а также и развитіемъ художественнаго вкуса, любовью къ живописи и поэзіи. Старикъ Лекемуа вовсе не окостенѣлъ, хотя то и дѣло ему приходилось возиться съ мертвыми буквами закона. Что касается матери, то Розалія любила и глубоко уважала ее, хотя нѣсколько возставала противъ этой натуры, безцуръ простодушной и мягкой, не игравшей у себя дома никакой роли; горе которое иногда возвышаетъ душу, напротивъ того, согнуло гжу Лекемуа до того что она предавалась самымъ вульгарнымъ женскимъ заботамъ и привялась заниматься разными мелочами домашняго хозяйства. Она была моложе своего мужа, а между тѣмъ

казалась старше его; въ ней сказывался тилъ добродушной женщины, которая, старѣя и грустя, ищетъ въ жилищѣ запитомъ солнцемъ юга теплаго уголка воспоминаній, пользуется всякимъ случаемъ возобновить въ памяти лѣта своего дѣтства. Она въ особенноти предалась религіозному чувству и со дня смерти сына часто посѣщала церковь, дабы усилить горе среди безмолвной свѣжести, полусвѣта и полутемноты высокихъ сводовъ храма, какъ бы удаляясь въ мирную обитель защищенную отъ жизненнаго шума и тревогъ тяжелыми непроницаемыми дверями; ее охватывалъ набожный но жалкій эгоизмъ отчаянія, которое преклонивъ колѣна предъ алтаремъ, считаетъ себя чрезъ то свободнымъ ото всякаго долга и заботъ.

Розалія была уже взрослою дѣвушкой когда горе поразило ихъ, но на нее оно подѣйствовало совершенно иначе чѣмъ на мать и отца. Первая, отказавшись отъ свѣта, погрузилась въ слезливую набожность; второй искалъ поддержки и утѣшенія въ исполненіи своего долга. Розалія, по винуясь голосу своего разсудка, отдала предпочтеніе отцу. Выйдя замужъ и ознакомившись съ семейною жизнью, со всѣми преувеличеніями, ложными и безразсудными выходками своего супруга, она находила еще болѣе сладостнымъ мирное убѣжище въ стѣнахъ безмолвной бібліотеки, куда на нѣсколько часовъ переносилась изъ грядіозной, но официально холодной обстановки министерскаго зданія. И посреди мирной бесѣды раздавался стукъ двери, слышалось шуршаніе шоловаго платья, возвращалась Гортензія.

— А! я увѣрена была что найду тебя здѣсь.

Гортензія не любила чтенія. Даже романы надоедали ей; они никогда не были достаточно романтическими для ея экзальтированнаго воображенія. Потолтавшись минутъ пять въ бібліотекѣ, не снимая шляпы, она говорила:

— Тутъ страшно спертый воздухъ отъ этой массы книгъ... не правда ли, Розалія? Пойдемъ ко мнѣ... лапа уже услѣлъ наглядѣться на тебя... теперь моя очередь.

И она увлекала ее въ свою комнату, въ которой и Розалія жила вмѣстѣ съ нею до двадцатилѣтнаго возраста. Здѣсь, весело болтая съ сестрой, она снова видѣла предъ собою все что нѣсколько времени тому назадъ составляло какъ бы частичку ея существа: и кровать съ кретомовыми занавѣсами, люпитръ, этажерку, книжный шкафъ въ которомъ остатки

ея дѣтства сохранились на заглавіяхъ книжекъ, на ребяческомъ характерѣ разныхъ мелкихъ вещей бережливыхъ стараніями любящей сестры. Предъ ней воскресали и ея дѣвическія мечты въ этой уютной комнаткѣ, теперь кокетливѣе убранный чѣмъ прежде: на полу красный коверъ, лампа имѣвшая форму цвѣточнаго вѣнка спускалась съ потолка; на каждомъ шагѣ встрѣчались маленькіе хрулкые столики и лисьменные, и рабочіе. Щегольство было большое, но за то менѣе нарядно, вѣсколько начатыхъ работъ висѣли на спинкахъ стульевъ, люпитръ стоялъ открытымъ, бумага на немъ разлетѣлась во всѣ стороны.

— Это вѣтеръ, замѣчала Гортензія съ веселымъ смѣхомъ:— онъ знаетъ что я обожаю его и вѣрно заглавуль сюда чтобъ узвать дома ли я.

— Вѣроятно окно оставили открытымъ, спокойно отвѣчала Розалія.— Неужели ты можешь жить такимъ образомъ? Я просто не слобна думать коль скоро вокругъ меня все не на своихъ мѣстахъ.

И она вставала чтобъ поправить на стѣнѣ рамку которая висѣла криво и возмущала глазъ ея столь же вѣрный какъ и разумокъ.

— А я такъ наоборотъ, на меня это дѣйствуетъ возбуждительно... Мнѣ кажется какъ будто я не живу на одномъ мѣстѣ, а лутешествую.

Эта разность характеровъ проявлялась и въ самыхъ лицахъ сестеръ. У Розаліи черты были правильныя, очертанія необыкновенно тонкіе, глаза спокойныя съ перемѣннымъ блескомъ, какъ у водяной струи текущей изъ глубокаго источника; у Гортензіи, напротивъ того, очертанія неправильныя, острое выраженіе глазъ, цвѣтъ лица матовый какъ у креолки. Это были сѣверъ отца и югъ матери, два темперамента совершенно розные, которые соединились, но не слились; каждый сообщалъ отпечатокъ своей расы. И это несмотря на совмѣстную жизнь, на воспитаніе въ одномъ и томъ же пансіонѣ, гдѣ Гортензія, лишь вѣсколькими годами позже, но съ тѣми же наставниками, восприняла тѣ же самыя школьныя преданія которыя изъ сестры ея создали женщину серьезную, внимательную, всѣмъ своимъ существомъ занятую настоящимъ, стремящуюся довести до конца самое даже мелочное дѣйствіе. И эти же преданія оставили Гортензію въ состояніи вѣчной тревоги, преданную химерамъ, съ умомъ

безлокойнымъ и какъ будто постоянно противъ чего-либо возражающимъ. Нерѣдко, видя ее взволнованною, Розалія восклицала:

— Вотъ я стала счастлива, у меня нѣтъ воображенія.

— А у меня только оно и есть, отвѣчала Гортензія. И она припомнила что на курсѣ г. Бодуи, который обучалъ ихъ стилю и развитію мысли, что онъ торжественно прозвалъ классомъ воображенія, Розалія вовсе не имѣла успѣха, выражаясь о всѣхъ предметахъ сжато, немногими словами, тогда какъ она, напротивъ того, даже о лустячвомъ обстоятельстве способна была исписать цѣлую дещь бумаги...

— Только одной школьной преміи и удостоилась, и именно преміи за развитое воображеніе.

Тѣмъ не менѣе онѣ были чрезвычайно дружны между собою. Взаимная привязанность ихъ походила на ту любовь старшей сестры къ младшей въ которой замѣчается оттънокъ любви родительской съ одной стороны и преданности дочери съ другой. Розалія возила сестру всюду съ собою:—и на балы, и къ пріятельницамъ своимъ, съ нею вмѣстѣ предпринимала и странствованія по магазинамъ, столь сильно полюбившую вкусъ Парижанокъ. Съ самаго оставленія ими пансіона она какъ бы считала себя второю матерью Гортензіи. Теперь она только и думала какъ бы пристроить ее, найти ей мужа спокойнаго и надежнаго, какой необходимъ былъ для этой экзальтированной головки; руку твердую и стойкую, которая способна была бы уравновѣшивать и сдерживать ея порывы. Межанъ казался ей человѣкомъ самымъ подходящимъ; но Гортензія, которая по началу не противилась этой мысли, въ послѣднее время вдругъ перемѣнилась и стала выказывать по отношенію къ нему видимую антипатію. Сестры объяснились по этому предмету на другой же день послѣ мипистерскаго вечера, на которомъ Розалію удивило волненіе и смущеніе сестры.

— Онъ очень добръ, я чрезвычайно расположена къ нему, говорила Гортензія,—это вѣрный другъ, какого хотѣлось бы имѣть около себя въ продолженіе всей жизни; но это не такой мужъ какой мнѣ нуженъ.

— Это почему?

— Ты станешь смѣяться надо мной... Онъ не достаточно дѣйствуетъ на мое воображеніе. Бракъ съ Межаномъ въ моиѣ

глазахъ походить на заурядную прямоугольную постройку въ концѣ прямой вытянутой въ стружку аллеи. А ты знаешь что я люблю нѣчто другое, неожиданности, сюрпризы...

— Такъ кто же? Лалара?

— Нѣтъ, спасибо; онъ скоро предпочтетъ мнѣ своего портнаго.

— Ну такъ Рощморъ?

— Страстный любитель бумагомаранія, тогда какъ я всякія бумаги ненавижу.

Но Розалія не унималась и, желая проникнуть въ ея душу, продолжала настойчиво расспрашивать.

— Чего бы мнѣ хотѣлось, сказала Гортензія, между тѣмъ какъ блѣдное личико ея вспыхнуло легкимъ румянцемъ,—чего бы мнѣ хотѣлось... и вдругъ, перемѣнивъ тонъ, съ комическимъ выраженіемъ добавила: Я хотѣла бы выйти за Бовлара. Да, Бовларъ—это такой мужъ о какомъ я мечтаю. У этого по крайней мѣрѣ воображенія вдоволь; онъ всегда сумѣетъ разсѣять однообразіе жизни. Она встала и стала ходить по комнатѣ томъ нѣсколько наклонною походкой отъ которой она казалась выше ростомъ чѣмъ была въ дѣйствительности.—Бовлара не ловцають, говорила она.—Сколько у него гордости, сколько достоинства и сколько логики въ самомъ его безразсудствѣ. Ньюма хотѣлъ дать ему мѣсто у себя, но Бовларъ отказался. Онъ предпочелъ продолжать жить своими химерами... И послѣ этого обвиняють уроженцевъ юга въ томъ что они люди практическіе, слекулятивнаго характера... Этотъ на дѣлѣ доказываетъ совершенно противное... Да вотъ вчера на-примѣръ, на балѣ... онъ разказывалъ мнѣ что занятъ теперъ искусственнымъ высиживаніемъ страусовыхъ яицъ... онъ надѣется нажить этимъ милліоны... но онъ чувствуетъ себя счастливейте теперь когда не имѣетъ этого богатства... Быть женой этого человѣка—значитъ жить въ вѣчномъ мірѣ волшебства... Дайте мнѣ Бовлара! никого другаго я не желаю, одного Бовлара.

„Значитъ и сегодня я ничего не узнаю“, думала Розалія, которая предугадывала нѣчто свое въ этихъ шуткахъ сестры...

Въ одно изъ воскресеній Розалія встрѣтила ожидавшую ее въ прихожей госпожу Лекемуа, которая съ какою-то таинственностью шепнула ей:

— Тамъ, въ гостиной, одна дама... пріѣзжая... съ юга.

— Тетушка Порталь?

— Вотъ сейчасъ увидишь.

Это была не гжа Порталь, а щегольская Провансалька, которой деревенское присѣданіе окончилось веселымъ смѣхомъ.

— Гортензія! это ты!

Юлка ея платья едва достигала низенькихъ саложекъ безъ каблучковъ; корсажъ казался полнѣе отъ тюлевыхъ складокъ большой косычки; лицо окаймлено было выпадавшими прядями волосъ; голова прикрывалась маленькою наколкой изъ бархата по которому вышиты были стекларусомъ бабочки. Въ этомъ видѣ Гортензія какъ мельзя болѣе походила на провансальскихъ поселянокъ которыя по воскреснымъ днямъ балагурятъ толпами на Арльской площади или прохаживаются лопарно, съ опущенными рѣсницами между колоннадами монастыря Св. Трофима. Зубчатая рѣзба этой колоннады превосходно отбѣиваетъ ихъ блѣдныя лица съ легкимъ румянцемъ, валомивающія своеобразное освѣщеніе внутренности храма, когда среди бѣлаго деннаго свѣта ярко горитъ заженная предъ алтаремъ свѣча.

— Ну развѣ это не предесты! говорила мать, восхищаясь этимъ милымъ воспоминаніемъ своей родины. Розалія, напротивъ того, вздрогнула отъ бессознательной тревоги, какъ будто своеобразный нарядъ увосилъ сестру ея въ невидимую даль.

— Вотъ фантазія, сказала она.—Этотъ нарядъ тебѣ очень идетъ; но ты мнѣ больше нравишься Парижанкой.. А кто тебя нарядилъ такимъ образомъ?

— Одиберта Вальмажуръ. Она только-что ушла.

— Какъ она зачастила къ вамъ, замѣтила Розалія, проходя въ ихъ комнату чтобы свѣять шляпу.—У васъ дружба завелась... я начну ревновать.

Гортензія стала защищаться, видимо смущенная; увѣряла что нарядилась собственно для удовольствія матери, которая давно желала видѣть у себя въ домѣ провансальскій костюмъ:

— Не правда ли, мама? крикнула она обращаясь къ двери соседней комнаты, гдѣ сидѣла мать. Притомъ же эта бѣдная Одиберта выгладитъ здѣсь въ Парижѣ совершенно чужою и до крайности интересною по слѣпой преданности гению своего брата.

— Гению! то-есть не слишкомъ ли уже сильно это выраженіе, сказала Розалія.

— Почему же? Ты сама видѣла въ тотъ вечеръ у васъ...

развѣ онъ не произвелъ настоящаго фурора, какъ производить и теперь вездѣ гдѣ ни является...

Розалія замѣтила что это услѣхи чисто свѣтскіе, со-
тканые изъ смисхожденія, уступокъ модѣ и временной
прихоти.

— Но вѣдь онъ принятъ въ Оперу, отвѣчала Гортензія.

Бархатныя ленты ея нахоуки тревожно заколыхались, какъ
бы давая ловить что онъ и здѣсь прикрываютъ такую же
экзальтированную головку какъ и у себя на родномъ югѣ.
Впрочемъ Вальмажуры вовсе не были крестьянами, а напро-
тивъ они послѣдніе остатки извѣстнаго дворянскаго рода.

Розалія, стоя предъ высокимъ трюмо, повернулась со
смѣхомъ:

— Какъ? ты вѣришь этой легендѣ?

— Конечно вѣрю... они происходятъ въ прямой линіи отъ
князей Веаих... есть и документы... и гербъ надъ ихъ дверью...
Если они захотятъ...

Розалія содрогнулась. Изъ-за простаго крестьянина на-
игрывающаго на флейтѣ выступилъ образъ князя. У дѣвушка
вѣкогда получившей премію за развитіе воображенія это
могло современемъ сдѣлаться оласнымъ.

— Въ этомъ нѣтъ ни словечка правды, сказала она уже не
смѣясь, а совершенно серьезно;— въ окрестностяхъ Алса жи-
вуть десятки семействъ носящихъ ту же якобы княжескую
фамилію. Тотъ кто тебѣ говорилъ противное солгалъ либо изъ
тщеславія, либо...

— Да вѣдь это говорилъ Нюма, твой же мужъ. На томъ
же вечерѣ въ министерствѣ, онъ даже приводилъ разныя по-
дробности...

— Да, но развѣ ты не знаешь что у него, какъ онъ
самъ выражается, все зависитъ отъ обстоятельствъ дан-
ной минуты, а строгое соблюденіе истины лишь на второмъ
планѣ.

Гортензія болѣе не слушала. Она вернулась въ гостиную,
сѣла за рояль и громко заплѣла старинную народную пѣсню
Прованса, съ мелодіей походившей на церковный нагѣвъ.
Нюма научилъ этой пѣснѣ свою свояченицу и чрезвы-
чайно любилъ слушать какъ она плѣла ее на мѣстномъ
нарѣчій, но съ чисто парижскимъ акцентомъ, который про-
износитъ провансальскіе термины съ такою же своеобраз-
ностью съ какою Англчанка передаетъ италянскій языкъ.

- Гдѣ провела ты цѣлое утро, Маріонъ?
- Ходила къ фонтану за водой, мой другъ.
- А кто тамъ съ тобою говорилъ, Маріонъ?
- Одна изъ моихъ сверстницъ, мой другъ.
- Женщины не носятъ пальтоновъ, Маріонъ.
- Это ея платье такъ обляпало ноги, мой другъ.
- Женщины не носятъ и шлягъ, Маріонъ.
- Это веретено у нея висѣло сбоку, мой другъ.
- Женщины и усы не носятъ, Маріонъ.
- Это она туговую агоду ѣла, мой другъ.
- Въ маѣ мѣсяцѣ туговья агоды еще не спѣютъ, Маріонъ.
- Это была вѣтка оставшаяся отъ осени, мой другъ.
- Привеси мнѣ этихъ агодъ, Маріона!
- Птички показывали все что оставалось, мой другъ.
- Маріонъ! я тебѣ отрублю голову, Маріонъ.

Она остановилась и подражая жесту и цитованію Нюма, когда онъ приходилъ въ восторженное состояніе, воскликнула:—это видите ли, дѣти мои... это также прекрасно какъ Шекспиръ!...

— Да, картина нравовъ:—отвѣчала Розалія, подойдя ближе, мужъ грубый, жена лукавая обманщица... настоящая южная парочка.

— О, Розалія!.. замѣтила гжа Ленекуа тономъ въ которомъ проглатывалъ вѣжливый упрекъ и сквозилъ вшедшія въ привычку домашнія ссоры былаго времени. Табуретъ у фортепьяно лорывисто повернулся на своей оси и Розалія очутилась лицомъ къ лицу съ негодующею провансальскою наколкой.

— Это уже спашкомъ... и въ чемъ провинился предъ тобою югъ?... Я же напротивъ обожаю его. Я прежде его не знала вовсе и только благодаря послѣдней побѣдкѣ съ вами почувствовала что это моя настоящая родина. Хоть меня и крестили здѣсь, въ церкви Св. Павла, все-таки я тамошняя, я дитя юга. Знаешь мама, въ одинъ прекрасный день мы бросимъ здѣсь этихъ приверженцевъ сѣвера и переселимся на нашъ чудный югъ, гдѣ лютятъ и длашутъ, на родную вѣтровъ, солнца, миража, всего что поэтизируетъ и расширяетъ жизнь. Тамъ и только тамъ хочу я жить...

И двѣ живыя ручки ея снова улали на клавиши и цѣлою вереницей звучныхъ пассажей какъ будто разсѣивали послѣдніе проблески ея мечты.

— „И ни слова о тамбуриѣ“, подумала Розалія. „Это становится серьезнымъ“.

Дѣйствительно, положеніе было серьезно, и гораздо серьезнѣе чѣмъ предполагала гжа Руместанъ.

Съ того дня какъ въ Провансѣ молодая дѣвушка украсила цвѣткомъ тамбуриѣ Вальмажура, въ самолюбивой головкѣ Одиберты зародились блестящіе виды въ будущемъ, которые и послужили однимъ изъ поводовъ переселенія всей семьи въ Парижъ. Приѣмъ оказанный ей Гортензійю когда Одиберта явилась къ ней съ жалобой на Нюма, а равно и усердіе обнаруженное молодою дѣвушкой для убѣжденія министра исполнить свое обѣщаніе, укрѣпили смутныя еще надежды Одиберты. Съ тѣхъ поръ, не торолясь и высказываясь лишь полупамятками отцу и брату, она съ двуличностью свойственною въ особенности италіянскимъ крестьянкамъ скользя и подлозая осторожно и весамшно, исподоволь подготавливала почву. Изъ кухни Лекенуа, гдѣ она сперва терпѣливо выжидала по цѣлымъ часамъ сидя скромненько въ углу на стулѣ, она умѣла провикнуть въ гостиную, и всегда чисто одѣтая и тщательно причесанная занять тамъ мѣсто какъ бы бѣдной родственницы. Гортензія была отъ нея безъ ума, показывала ее всѣмъ и каждому какъ хорошенькую игрушку привезенную изъ Прованса, о которомъ она всегда говорила восторженнымъ тономъ. А Одиберта, стараясь казаться какъ можно проще, доходила даже до утрировки когда выражала испугъ и смятеніе дикарки завезенной въ Парижъ, разражалась гнѣвомъ противъ его мутнаго неба и пересылала свою рѣчь провансальскимъ восклицаніемъ „Boudiou“ (вмѣсто bon Dieu). Это восклицаніе выходило у ней крайне комично, она старалась оттѣнять его, подобно актрисѣ тщательно изучающей одно изъ эффектныхъ мѣстъ своей роли, и добилась того что ея „boudiou“ возбуждало даже улыбку президента. А заставить улыбнуться старика Лекенуа было не легко!

Но въ особенности ваявшимъ съ Гортензійю Одиберта разсыпалась въ ласкающей лести. По временамъ она становилась предъ нею на колѣни, брала ея руки, восхищалась красотой ея наряда, умѣньемъ граціозно завязать бантикъ, причесаться къ лицу и при этомъ высказывала въ лицо рядъ тѣхъ тяжеловѣсныхъ комплиментовъ которые доставляютъ удовольствіе именно потому что кажутся важными и неподготовленными. Да, говорила она когда молодая дѣвушка

вышла изъ экипажа у ихъ мазаки,—она уже тогда думала что видить предъ собою царицу ангеловъ и до того поражена была этимъ видѣнiемъ что въ ту минуту не могла говорить ни слова. А братъ ея, когда карета, увозя ларижскихъ гостей, гремѣла по каменной мостовой спуска, выразился что камни которые раскидываются во всѣ стороны колесами какъ будто ладаютъ ему на сердце одинъ за другимъ. И она распространялась на эту тему, говорила о своемъ братѣ, о его самолюбіи и тревогахъ. И чего кажется ему тревожиться? Со времени министерскаго вечера всѣ журналы о немъ протрубили, вездѣ красуется его портретъ, онъ едва успѣваетъ на приглашенія, которыя такъ и сыплются изъ Сень-Жерменскаго предмѣстья. Герцогини и графини пишутъ ему раздушенные записочки на бумагѣ съ гербами такими же какъ и на каретахъ которыя пріѣзжаютъ за нимъ... А онъ, бѣдвяга, все-таки не доволенъ, все ему какъ будто не достаетъ чего-то...

Всѣ эти нашелтыванья сообщали Гортензiи частичку лихорадочнаго состоянiя и магнетической воли крестьянки. Не глядя на нее, она спрашивала: не порывается ли Вальмажуръ къ себѣ на родину, не оставилъ ли онъ тамъ невесты.

— У него невеста! Мало же вы его знаете. Онъ слишкомъ вышата о себѣ мнѣнiя чтобы заинтересоваться крестьянкой. Сколько самыхъ богатыхъ и самыхъ красивыхъ за нимъ ухаживали... онъ на нихъ и не глядѣлъ... Просто не поймешь что у него въ головѣ... Охъ, ужъ эти артисты!

Это новое для нея слово она произнесла съ такимъ своеобразнымъ выраженiемъ какъ будто это было латинское церковное изреченiе или какая-нибудь кабалистическая формула. Въ разговорѣ упоминалось часто и о наследствѣ ожидаемомъ отъ кузена Пюифорка. На югѣ у всякой почти семья, буржуазной либо ремесленной есть свой кузень Пюифорка, какой-нибудь искатель приключенiй покинувшій родину въ молодыхъ еще лѣтахъ; съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху ни духу, но тѣмъ не менѣе онъ слыветъ за челоуѣка разбогатѣвшаго и отъ него ожидается наследство. Это та же лотерея, которой розыгрышъ неизвѣстно когда состоится, химерическое видѣнiе богатства и роскоши въ далекомъ будущемъ, это—надежда, которой наконецъ начинаютъ твердо вѣрить. И Одюберта также вѣрила въ ожидаемое наследство и говорила о немъ Гортензiи не столько чтобы ослѣпить ее блескомъ

будущаго богатства сколько въ видахъ сглаженія соціальной розни которая ихъ разделяла. Когда умретъ Пюифорка, завѣла она, братъ выкупитъ помѣстье Вальмажуръ, выстроитъ замокъ вновь и заявитъ свои права на дворянство, такъ какъ по общему голосу всѣ документы на этотъ предметъ находятся налицо.

Къ концу этихъ бесѣдъ, продолжавшихся нерѣдко до сумерекъ, Гортензія долго сидѣла молчаливая, приложивъ горячій лобъ къ оконному стеклу; въ розоватомъ свѣтѣ заходящаго зимняго солнца она какъ бы старалась разглядѣть и высокія башни вновь отстроеннаго замка, и широкую платформу его залитую свѣтомъ и полную восторженными привѣтствіями новой хозяйки.

— Boudiou, какъ уже поздно!—восклицала Одиберта, замѣтивъ что довела собесѣдницу свою до желаемаго состоянія.— А объѣдъ моихъ молодцовъ еще не готовъ. Прощайте! Я исчезаю.

Нерѣдко Вальмажуръ ожидалъ ее визиту, но она никогда не позволяла ему лодыться въ комнату. Она чувствовала что она слишкомъ неовокъ и грубъ, а въ добавокъ вполнѣ равнодушна къ высокой мысли о соблазнѣ и уваженіи. До поры до времени она могла еще обойтись и безъ него.

Но за то кто ее стѣснялъ и кого избѣгать было очень трудно, это была Розалія, на которую ни искусственно-нациныя выходки ея, ни кощачьи приемы не производили ни малѣйшаго дѣйствія. Въ ея присутствіи Одиберта насупливала свои страшныя черныя брови и не говорила ни слова. Но это вынужденное молчаніе какъ будто пропитано было не только ненавистью враждебной расы, но и раздраженіемъ слабого, коварнаго и мстительнаго существа противъ самаго главнаго прелатствія парализовавшаго ея планы. Это была настоящая причина ея сдержанности въ присутствіи Розаліи, но сестрѣ ея она объясняла дѣло иначе, ссылаясь на то что Розалія не любитъ тамбурина.

— Притомъ же она и не исполняетъ своихъ религіозныхъ обязанностей... а женщина, которая въ церковь не ходитъ, это, согласитесь сами...

Сама Одиберта исполняла эти обязанности съ особеннымъ рвеніемъ не пропуская ни одной церковной службы, приобщаясь въ указанныя дни. Это вовсе не мѣшало ей оставаться лукавою, неправдивою, лицемерною и жестокою до-вѣльа.

Но она оставалась мелочливою въ томъ смыслѣ какъ разумѣть это женскій полъ. Несмотря на свои двадцать восемь лѣтъ и смазливое личико она и въ томъ невзрачномъ кругу гдѣ вращалась изъ семья сохраняла строгую невнимательность крестьянки; ея грубая косынка крѣпко-на-крѣпко завязана была поверхъ сердца, бывшаго только отъ самолюбиваго чувства по отношенію къ брату.

— Гортензія начинаетъ меня безпокоить. Взгляни на нее.

Розалія, къ которой мать обратилась съ этими словами въ одной изъ гостиницъ министерскаго зданія, подумала что гжа Лекенуа раздѣляетъ ея сомнѣнія. Но замѣчаніе матери касалось собственно здоровья Гортензіи, которая никакъ не могла освободиться отъ схваченной гдѣ-то простуды. Розалія взглянула на сестру: все тотъ же оживленный цвѣтъ лица, та же увлекающаяся живость. Правда что она покашливала, но уже это удѣлъ всѣхъ Парижанокъ въ исходѣ бальнаго сезона. Теплая погода скоро ее поправитъ.

— А ты не совѣтовалась съ Жаррасомъ?

Жаррасъ былъ другомъ Руместана, однимъ изъ адвокатовъ его по кофейной Мальмуса. Онъ говорилъ что серьезнаго тутъ ничего нѣтъ и совѣтовалъ съѣздить на воды въ Арвилляръ.

— Такъ туда и надо ѣхать, замѣтила Розалія съ особенною живостью, радуясь что являлся предлогъ удалитъ Гортензію изъ Парижа.

— Да, но какъ же отецъ твой останется одинъ?

— Я буду навѣщать его каждый день.

Несчастная мать, едва сдерживая рыданія, сознавалась что ее страшитъ это путешествіе съ дочерью. Въ продолженіе цѣлаго года ей пришлось ѣздить съ однѣхъ водъ на другія для здоровья сына котораго она потеряла. Ужели ей предстоятъ снова такіа же страствованія и съ такимъ же ужаснымъ результатомъ въ перспективѣ. И сынъ также замогъ внезапно, на двадцатомъ году, полный жизни и силъ...

— Мама! мама! можно ли это думать...

И Розалія вѣжливо ее убѣждала. Вѣдь Гортензія вовсе не больна; это говоритъ и самъ докторъ. Поѣздка послужитъ ей только развлеченіемъ. Арвилляръ—это Альпы Дофине, мѣстность очаровательная. Она сама бы охотно поѣхала съ

Гортензіей вмѣсто матери, но къ сожалѣнію теперь это было невозможно. Серіозныя прелатотвія..

— Да, понимаю, мужъ твой, министерство...

— О нѣтъ, совсѣмъ не то.

И прилавъ къ груди матери въ порывѣ сердечной интимности, которая такъ рѣдко проявлялась въ ихъ отношеніяхъ, она прибавила:

— Я скажу это тебѣ одной; никто еще ничего не знаетъ, даже самъ Нюма...

Она созналась что имѣла хотя еще весьма хрупкую надежду на великое счастье, въ возможности котораго уже начинала отчаиваться и которая исполняла все ея существо и радости, и опасеній,—надежду снова сдѣлаться матерью...

XI. На минеральныхъ водахъ.

Арвиляръ, 2 августа 1876.

Въ высшей степени интересно то мѣсто откуда я тебѣ пишу. Представь себѣ большую квадратную залу, очень высокую, вымощенную лаитами, отзвучивую, съ двумя громадными окнами, которые сверху до низу затянуты слабо просвѣчивающими голубыми завѣсами, причемъ полумракъ усиливается еще паромъ который отдаетъ сѣрой, носится въ воздухѣ и впитывается въ одежду; отъ него даже тускнѣютъ золотыя вещи. Внутри залы множество лицъ сидятъ вдоль стѣнъ на скамьяхъ, стульяхъ и табуретахъ близъ маленькихъ столиковъ; они поминутно взглядываютъ на часы, встаютъ, уходятъ, уступая мѣсто другимъ, и при всякомъ такомъ выходѣ сквозь полуоткрытыя двери видѣется толпа кулаачниковъ и кулаачицъ, прохаживающихся по арко освѣщенной галлерей, а между ними то и дѣло мелькаютъ бѣлые фартуки прислужницъ, торопливо исполняющихъ свои обязанности. Несмотря на все это движеніе, шума не слышно, а только раздается какой-то смутный гулъ образуемый непрерывающимся шолотомъ разговоровъ въ полголоса, шуршаніемъ переворачиваемыхъ листовъ газетъ, неприятнымъ скрипомъ заржавѣвшихъ лерьевъ по бумагѣ; это совершенно церковная тишина, освѣжаемая лишь фонтаномъ минеральной воды высоко бьющимъ на самой срединѣ залы: стремительная струя его ударяетъ въ металлическій дискъ, разсыпается

въ мелкія брызги, лувальверизуется надъ широкими искусно приспособленными бассейнами. Это зала для вдыханія.

Скажу тебѣ, моя дорогая, что не всѣ вдыхаютъ одинаковымъ манеромъ. Такъ, напримѣръ, старичекъ который въ настоящую минуту сидитъ насупротивъ меня, сѣдуетъ въ точности предписаніямъ медика, которыя мнѣ извѣстны до точности. Поставивъ ноги на табуретъ, вылучивъ грудь впередъ, подобравъ локти къ корпусу, онъ держитъ ротъ все время открытымъ, дабы этимъ содѣйствовать вдыханію. Бѣдняга! какъ онъ усердно дышетъ и съ какою полнѣйшею вѣрой; самыя глаза его, маленькіе, проликутые набожнымъ довѣріемъ, какъ будто говорятъ источнику: „О источникъ Арвальяра, исцѣли меня, ты видишь какъ я вдыхаю, какъ я вѣрую въ тебя!“... Затѣмъ имѣются скелтики, эти такъ-сказать вдыхаютъ не вдыхая, сидятъ сливой къ фонтану, пожимая плечами и упорно разсматривая потолокъ. Затѣмъ идутъ обезкураженные, истинно больные; эти сознаютъ безплодность и неэффективность лѣченія, какъ напримѣръ сосѣдка моя, несчастная женщина, которая послѣ каждаго приступа кашля подноситъ руку ко рту и смотритъ затѣмъ вѣтъ ли на перчаткѣ краснаго лятышка. И не взирая на то находятъ возможность быть веселыми. Жиллицы одной и той же гостяницы сдвигаютъ свои сѣдѣнія, образуютъ отдѣльныя группы, вышиваютъ, передаютъ мѣстные слетни, высказываютъ свои замѣчанія объ имевшихъ вновь прибывшихъ иностранцевъ замесевныхъ въ списокъ городского листка. Молодые особы держатъ въ рукахъ англійскіе романы въ ярко-красныхъ обложкахъ; священники заняты своими молитвами; духовныхъ лицъ въ Арвальярѣ много, въ особенности миссіонеровъ съ длинными бородами, пожелтѣвшими лицами, голосами ослабѣвшими отъ неутомимой проповѣди слова Божія. Что касается меня, ты знаешь что романы меня не интересуютъ, а тѣмъ болѣе современные, въ которыхъ все происходитъ какъ въ обыкновенной жизни. Поэтому я и занимаюсь тѣмъ что пишу письма тремъ предназначеннымъ на это жертвамъ: Маріи Берюрье, Авреліи Дамсертъ и тебѣ, обожаемой мною старшей сестрицѣ. Вы можете разчитывать на письма въ десятки страницъ каждое. Подумай сама: два часа вдыханія каждыи день въ четыре приѣма. Здѣсь никто столько не вдыхаетъ какъ я; меня считаютъ тутъ какимъ-то феноменомъ, всѣ на меня изъ-за этого обращаютъ вниманіе, и я этимъ нѣсколько горжусь.

Затѣмъ другаго лѣченія никакого нѣтъ, кромѣ лишь минеральной воды, которой я выливаю по стакану утромъ и вечеромъ чтобъ уничтожить несвѣжую и упорную хрилоту которую оставила мнѣ простуда. Это впрочемъ одна изъ спеціальностей Арвильярскаго источника, такъ что здѣсь частенько бывають лѣвизы и лѣвцы. Красавецъ Майоль только что уѣхалъ отсюда съ запасомъ чистыхъ и свѣжихъ горловыхъ воть. Молодая Башеллерц,—ты помнишь ковечко эту маленькую диву вашего перваго концерта,—почувствовала такую пользу отъ здѣшняго лѣченія что, окончивъ законныя три недѣли, она принимается еще за три; мѣстная газета горячо ее за это одобряетъ. Мы имѣемъ счастье жить въ томъ же отелѣ гдѣ обитаетъ эта юная, но уже знаменитая особа въ обществѣ своей матушки изъ Бордо, которая за табль д'отомъ требуетъ къ салату какой-то особенной приправы и чрезвычайно любить разказывать что на послѣднихъ скачкахъ въ Ломпанѣ на ея дочери была шаялка во сто сорокъ франковъ. Вообще это прелестная ларочка на которую мы всѣ любуемся. Насъ веселятъ проказы дочки, которую мать называетъ Бебе, хотя ее зовутъ Алисой,—ея вѣчный хохоть, рулады, лорывы ея коротенькой юлочки. На дворѣ отеля всегда собирается толла когда она играетъ въ крокетъ съ маленькими дѣвочками и мальчиками,—она играетъ только съ дѣтьми,—бѣгаетъ, рѣзвится, пускаетъ свой шаръ, воскацая при этомъ: „воть сейчасъ пристуку вась, monsieur Paul.“

Всѣ говорятъ про нее: „она настоящій ребенокъ“. Я же думаю что эти ребячества входятъ въ ея роль такъ же какъ и платья съ широкими бантами и своеобразная узловатая прическа. При томъ же у нея какаа-то особенная манера цѣловаться со своею толстою мамашей, вѣшаться ей на шею и поминутно прижиматься и ласкаться къ ней при всей лубликѣ. Ты знаешь что и я вообще очень люблю ласкаться, но, право, при другихъ мнѣ какъ-то неловко обнимать маму и цѣловаться съ ней.

Другая семья также весьма интересная хотя далеко не веселая, это князь и княгиня Ангальтъ, дочка ихъ, гувернантка и нѣсколько горничныхъ. Они занимають весь первый этажъ гостиницы въ которой и играютъ первенствующую роль. Я часто встрѣчаю княгиню, когда она поднимается на лѣстницу подъ руку съ мужемъ, красивымъ мамымъ, полнымъ здоровья, въ своей черной шляпѣ отороченной синимъ кантомъ. Къ

источнику ее доставляют не иначе какъ въ носилкахъ, имѣющихъ видъ маленькой кареты со стеклами по бокамъ и крайне тяжело смотрѣть на эту блѣдную, изрытую страданіемъ голову и на идущихъ рядомъ съ нею мужа и дочь—последняя слабенькій восьмилѣтній ребенокъ, |чрезвычайно похожая на мать и быть-можетъ уже съ зародышемъ той же болѣзни. Она скучаетъ, бѣднажка; ей не позволяютъ играть съ другими дѣтьми, и она съ грустью глядитъ съ балкона на ихъ игры въ крокетъ и на часто отправляющіяся въ поле кавалькады. Ее считают слишкомъ благородной крови чтобы входить въ соприкосновеніе со всякими разношцами и предпочитаютъ чтобы она постоянно вращалась въ тяжелой атмосферѣ умирающей матери, въ обществѣ отца съ сумрачнымъ и утомленнымъ видомъ сопровождающимъ всюду свою больную жену, или же предоставляютъ ее на попеченіе невѣжественной прислуги. Они, какъ будто оласаясь чтобы другіе не заразились ихъ благородствомъ, и обѣдаютъ отдѣльно въ маленькой столовой, и дышатъ въ особомъ помѣщеніи, — такія здѣсь устроены для желающихъ, — и ты сама можешь представить какое уныніе и какая тоска царствуетъ въ средѣ этой семьи, съ безнадежно больною матерью и осужденнымъ на вѣчное безмолвіе ребенкомъ.

Какъ-то вечеромъ насъ собралось много въ большой гостиной въ нижняго этажа, куда сходились чтобы заниматься разными играми, лѣтъ, а иногда и полаясать. Мамаша Башеллерн кончила акомпанировать своей Бебе каватину изъ какой-то оперы; они, изволите видѣть, хотятъ поступить въ оперу и даже пожаловали въ Арвиальяръ собственно для того чтобы „почистить голосъ“, какъ выражается мамелька. Вдругъ отворяется дверь и входитъ княгиня все такая же напыщенная, несмотря на свою болѣзнь, щегольски одѣтая, завернутая въ большой кружевной платокъ прикрывающій страшную и многознаменательную худобу плечъ; за нею сѣдуютъ мужъ и дочь.

— Продолжайте, пожалуста, говорить она покашливая. И маленькая эта лѣвица выбираетъ изъ своего репертуара романсъ самый плачевный, самый трогательный „Vogel morte“ (я хотѣла бы умереть), въ родѣ французской мелодіи „Мертвые листья“. Это разказъ больной которая опредѣляетъ себѣ день смерти осенью и утѣшаетъ себя тѣмъ что вся

природа умереть въ одно время съ нею, окутанная первымъ туманомъ какъ саваномъ.

Vogrei morir nella stagion dell'anno *...

Арія эта очень граціозна, но въ то же время полна грусти которая еще растягиваетъ пѣвучесть итальянскихъ словъ. И среди этой большой комнаты, въ которую чрезъ открытыя окна проникаютъ вмѣстѣ съ ароматами сада легкія едва чувствительныя мановенія вѣтерка оживляющаго чудный лѣтній вечеръ, это желаніе жить только до осени, мольба о вѣкторой лишь отсрочкѣ, какъ-то особенно хватали за душу. Не сказавъ ни слова, княгиня лорывисто встала съ дивана и вышла. Въ сумрачной тѣни сада послышалась горькое женское рыданіе, прерываемое лишь мужскимъ голосомъ, который вѣжливо успокаивалъ рыдавшую, и плачемъ ребенка который видитъ, хотя и не понимаетъ, горе матери.

Въ этомъ-то и заключается грустная сторона минеральныхъ водъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются признаки страшнаго недуга: и упорный кашель плохо заглушаемый тонкими пергородками отела, поминутное прикладываніе платка ко рту чтобъ избѣжать притока воздуха, цѣлительныя бесѣды, которыхъ смыслъ дѣлается понятенъ каждому по сопровождающимъ ихъ жестамъ указывающимъ то на грудь, то на правый бокъ, и полусонныя лоходки, ноги которыя едва тащатся, какъ будто гнетущая мысль о болѣзни парализуетъ ихъ движенія. Мама, которой знакомы всѣ воды для грудныхъ болѣзней, говоритъ что въ Мондорѣ и Обоннѣ зрѣлище еще болѣе тяжелое. Въ Арвильярѣ отправляютъ только выздоравливающихъ, какъ я на примѣръ, или же отчаянно больныхъ которымъ помочь уже нѣтъ возможности. Такого рода больныхъ у насъ въ отелѣ „Дофинейскихъ Альпъ“, слава Богу, только трое: княгиня и двое молодыхъ людей изъ Лиона, братъ и сестра—сироты, говорятъ очень богатые. Болѣзнь развита у нихъ до послѣдней стелени, особенно у сестры; она съ лицомъ въ которомъ кажется не осталось и кровинки, постоянно закутана въ вязаные левьюары и шааи; ни когда не видно на ней ни украшенія, ни ленточки, ни малѣйшаго признака кокетливости. Эта богачка выгладитъ бѣдною; она обречена на смерть, и сознавая это, отчаивается и поддается недугу. Напротивъ того, въ молодомъ

* Я хотѣла бы умереть въ то время года...

человѣкъ со скорбленною вѣсколько таліей, вѣчно затавную въ модный сюртучекъ, видны спавѣннѣе желаніе жить и невѣроятное даже сопротивленіе болѣзни.

„Въ характерѣ моей сестры не достаетъ эвергіи, у меня же ея достаточно“, говорилъ онъ на дняхъ за табльд'отомъ, но необыкновенно глухимъ голосомъ, который такъ же слабо достигаетъ слуха какъ высокія ноты Вогтерсъ когда она поетъ на сценѣ. И дѣйствительно, въ эвергіи у него нѣтъ недостатка. Онъ коноводъ всего отеля, утравивающій и игры, и экскурсіи, и увеселительныя лѣздки. Онъ ѣздитъ верхомъ, катается въ санкахъ украшенныхъ зелемью, на которыхъ въ здѣшнихъ горахъ спускаются съ самыми крутыхъ высотъ, вальсируетъ, фехтуетъ несмотря на страшныя приступы кашля; они ни на минуту его не останавливаютъ. Есть здѣсь также свѣтло медицины, докторъ Бушери, тотъ самый съ которымъ, какъ ты вѣротно помнишь, мамаша совѣтовалась насчетъ нашего бѣднаго брата. Не знаю узналъ ли онъ насъ или нѣтъ, но между нами происходитъ вѣчто весьма странное...

Я только что выпала мою полкружку у источника. Этотъ источникъ находится въ десяти минутахъ ходьбы отъ города, по направленію къ чугуново-лаавильному заводу, въ глубинѣ ущелья гдѣ бушуетъ и шумитъ стремительный лѣвистый потокъ; онъ бѣжитъ изъ глетчера который видѣется вдали, и течетъ блестящій и прозрачный между сивелатыми Альпами; въ бѣзвизнѣ бурныхъ водъ его какъ бы таетъ и распускается его невидимое свѣжкое дно. Мѣстность дополняютъ высокія черныя скалы, окруженныя мхомъ и папоротникомъ, рады лихты, темная зелень, поверхность земли блестящая отъ сауды перемѣшанной съ угольною пылью. Но что я не въ силахъ передать тебѣ, это оглушительный шумъ потока прорывающагося среди каменьева и приводящаго въ движеніе паровой молотъ устроенной здѣсь лѣсопильни, и узкое ущелье по которому проложенъ лишь одинъ удобный путь вѣчно кишачій жизнью: тутъ и лозки съ каменнымъ углемъ, и веревяцы рогатаго скота, и кавалькады туристовъ, и толпы идущихъ къ источнику и обратно. Я забыла еще упомянуть о томъ что на порогѣ полуразрушенныхъ лачужекъ появляется по временамъ отвратительная мужская или женская фигура со страшнымъ зобомъ, бессмысленнымъ выраженіемъ лица и полуоткрытымъ ртомъ, изъ котораго

слышится ворчаніе. Природное слабоуміе или кретинизмъ весьма развитъ въ этой мѣстности. Здѣсь природа какъ будто слишкомъ спява въ сравненіи съ человѣческою натурой: руды желѣза, мѣди и свръ сжимаютъ человѣка, закручиваютъ, душатъ его; вода текущая со свѣжыхъ вершинъ леденитъ его мозгъ, такъ же какъ эти несчастныя деревья которыя видѣются поодиночкѣ хрипящими между двухъ скалъ. Впрочемъ, это лишь одно изъ тяжелыхъ впечатлѣній первыхъ дней по прїѣздѣ сюда; въ послѣдствіи оно изглаживается.

Я не только не избѣгаю этихъ слабоумныхъ, но у меня есть даже между ними фавориты, въ особенности одна женщина страшна безобразная; она постоянно сидитъ на краю дороги въ дѣтскомъ креслѣ для ребенка трехлѣтняго возраста, хотя ему уже полныхъ шестнадцать лѣтъ, ровно столько же какъ и маленькой Бателлеры. Когда я приближаюсь къ нему, она начинаетъ качать своею отяжелѣлою головою и бессознательно издаетъ хриплый подавленный звукъ. Получивъ свою бѣлую монетку, она съ торжествомъ поднимаетъ ее вверхъ показывая угольщикѣ которая стережетъ его изъ байкайшаго окна. Многія изъ матерей завидуютъ ей: одинъ этотъ обиженный природой сынъ ея доставляетъ ей больше прибыли чѣмъ вмѣстѣ всѣ трое братьевъ его работающихъ на заводѣ. Отецъ уже ничего не дѣлаетъ. Большой грудью, она проводитъ зиму у очага лаохо матолаеннаго, а лѣтомъ вмѣстѣ съ другими несчастными садится на скамью окруженный телами ларомъ отъ клящего источника. Мѣстная нимфа, подпоясанная бѣлымъ фартукомъ, съ вѣчно мокрыми руками, наполняетъ одинъ за другимъ подаваемые ей стаканы, между тѣмъ какъ рядомъ во дворѣ, отдѣленномъ отъ дороги невысокою стѣной, видѣются головы, которыя откидываются назадъ съ судорожными усилиями и щурясь отъ солнца широко открываютъ ротъ живительными лучами его. Настоящая картина изъ Дантовскаго *Ада*: осужденные на глотаніе огня.

Оттуда мы иногда выходимъ въ поле и возвращаемся домой окольными путями. Маму утомляетъ шумъ отеля и она бѣжитъ чтобъ я слишкомъ много танцовала, а потому и думала было нанять маленькій отдѣльный домикъ; въ Аврарь ихъ много. У каждаго подъѣзда, на всякомъ этажѣ, висятъ билеты, локачиваясь предъ бѣлыми, жмущими къ себѣ занавѣсами. Просто необъяснимо куда во время сезона

дѣваются мѣстные жители. Живутъ ли они въ палаткахъ на сосѣднихъ горахъ или также платятъ въ отеляхъ по пятидесяти франковъ въ сутки за помѣщеніе? Последнее немислимо, такъ какъ взоры ихъ когда обращаются на пользующихся водами гостей такъ и дышать жаждою хищностію, блестятъ и какъ будто притягиваютъ свою магнетическою силой. Такого рода блескъ видимъ здѣсь повсюду, онъ совершенно такой же какимъ озаряется лицо моего любимца-кретина при видѣ серебряной монеты. Блестятъ очки маленькаго живаго доктора, который каждое утро выслушиваетъ мою грудь, блестятъ и глаза примѣрно-сладкихъ хозяекъ, приглашающихъ васъ осмотрѣть ихъ домики съ садами, по ихъ мнѣнію очень удобные, съ кухнями въ подвалѣ для жильцовъ третьяго этажа, блестятъ и взгляды извозчиковъ въ короткихъ блузахъ и вощевыхъ шляпахъ съ длинными лентами, когда съ высоты своихъ сидѣній они предлагаютъ вамъ свои услуги; блестятъ глаза пастуха стоящаго у открытыхъ дверей конюшенъ въ которыхъ видѣются длинныя ослыныя уши, блеститъ наковецъ и самый взглядъ ослонъ, лодный кротости и упрямства; рѣшительно на всѣхъ физиономіяхъ этотъ металлическій блескъ—признакъ особаго расположенія къ презрѣнному металлу.

Впрочемъ, всѣ эти домики отвратительны; замкнутые, угрюмые, лишенные горизонта, они богаты лишь неудобствами разнаго рода которыя отъ васъ не скроются; вамъ непременно сообщать о нихъ хозяйки сосѣднихъ домовъ. Поэтому мы порѣшили остаться въ нашемъ каравансарай Дофвейскихъ Альпъ, который грѣлъ на солнцѣ свои безчисленныя зеленыя ставни окаймленныя красными кирпичными стѣнами, возвышаясь посреди еще молодаго англійскаго парка съ лабиринтомъ усыпанныхъ лескомъ дорожекъ; паркъ этотъ служитъ общимъ мѣстомъ прогулокъ для пяти или шести лучшихъ въ городѣ отелей, носящихъ какія-то савоярскія прозвища: Лапта, Бреда, Плана и т. л. Всѣ эти отели самымъ свирѣлымъ образомъ конкурируютъ между собою, подсматриваютъ другъ за другомъ изъ-за деревьевъ парка и каждый старается перещеголять своихъ противниковъ звучностью колокольчиковъ и фортепіанъ, щелканіемъ почтарскихъ бичей, числомъ ракетъ когда устраиваются фейерверки; всякій старается держать всѣ окна свои настежь чтобы внутреннее оживленіе, смѣхъ, лѣвіе и танцы проникали

наружу какъ бы говоря живущимъ по соседству: „Какъ тамъ однако веселится! Видно тамъ живетъ много народу!“

Но главное поле битвы отелей-соперниковъ,—это столбцы мѣстной газеты которая два раза въ недѣлю помѣщаетъ списки прѣбывающихъ на воды.

Какая зависть и досада овладеваютъ хозяевами Лаиты или Плаиты когда они читаютъ налримѣръ что князь и княгиня Ангальтъ со свитой оставились въ гостиницѣ Дофинейскихъ Альль. Все блѣднѣетъ предъ этими многознаменательными странами. Чѣмъ же отплатить имъ? Ищутъ, соображаютъ, и если вы носите какой-нибудь титулъ, имъ тотчасъ же завладеваютъ и ставятъ выставлять его напоказъ при всякомъ удобномъ случаѣ и на разные лады. Такъ налримѣръ отель Шверетъ уже три раза заявилъ объ одной и той же проживающей въ немъ личности простомъ дѣвичьемъ, Первый разъ фамилія его была напечатана съ прибавленіемъ слова дѣвичій; во второй его пожаловали въ маркизы, а въ третій—онъ уже значился кавалеромъ ордена Св. Маврикія и Лазаря. Но до сихъ поръ перевѣсъ на сторонѣ „Дофинейскихъ Альль“, хотя конечно мы тутъ ни при чемъ. Ты знаешь насколько мама скромна и не любитъ никакой торжественности: она запретила Фауни распространяться о званіи и высокомъ положеніи отца, а равно и твоего мужа, такъ какъ это неминуемо возбуждало бы общее любопытство и засыпало бы насъ свѣтскою пылью. Газета заявила просто: Госпожи Лекеуа изъ Парижа, а такъ какъ Парижане здѣсь весьма рѣдки, то наше многократно пока еще сохранилось.

Помѣщеніе у насъ незатѣливое, хотя и не лишнее удобное: двѣ комнаты во второмъ этажѣ, и изъ нихъ открывается видъ на большую долину окаймленную рядами горъ, которыя кажутся черными у подножіи отъ растущихъ тутъ во множествѣ лихтъ, а чѣмъ выше и выше тѣмъ становятся свѣтлѣе, кончаясь полосами вѣчныхъ снѣговъ. На ряду со склонами ихъ лишенными всякой растительности видѣются обработанныя полосы земли, которыя издали имѣютъ видъ зеленыхъ, желтыхъ и розоватыхъ квадратовъ, а возвышающіеся мѣстами стоги сѣна кажутся величавою съ пчелиные улья. Но этотъ прелестный горизонтъ не удерживаетъ насъ въ комнатѣ. Вечеромъ мы въ общемъ салонѣ, а днемъ бродимъ по парку согласно требованіямъ медицины. Лѣченіе вмѣстѣ со здѣшней жизнью, полною разнообразія и

въ то же время лустою до-мельза, положительно завладѣваетъ человѣкомъ и поглощаетъ его. Всего пріятнѣе проходить время послѣ завтрака, когда усаживаются за кофе небольшими кружками около маленькихъ столиковъ, въ тѣни высокихъ липъ растущихъ у входа въ садъ. Это часъ пріѣздовъ и отправокъ. Вокругъ кареты, въ которую усаживаются отъѣзжающіе, прощаются, жмутъ другъ другу руки, суетятся прислуга, обнаруживая въ глазахъ своихъ лояльнѣе жадности металлическій блескъ о которомъ я говорила выше. Обнимаются люди едва между собою знакомые, машутъ платками, раздаются звонъ бубенчиковъ, и грузный экипажъ, перекачиваясь съ боку на бокъ, направляется по узкому шоссе и скоро исчезаетъ изъ виду унося съ собою и имена, и лица которыя въ продолженіе вѣкотораго времени составляли какъ бы принадлежность вашей жизни: вчера вы ихъ не знали, сегодня сошлись, а завтра позабудете.

На ихъ мѣсто являются новыя личности, точно на пароходахъ гдѣ лица пассажировъ мѣняются на каждой стаяціи. Меня очень интересуетъ это непрерывное движеніе, но ваша дорогая мама остается погруженною въ тяжелое раздумье, хотя силится улыбаться когда замѣтитъ что я на нее гляжу. Я догадываюсь что каждое мелочное событіе нашего здѣсь пребыванія вызываетъ въ ней грустныя воспоминанія, воскрешаетъ предъ ея глазами мрачныя образы. Сколько этихъ каравансераевъ съ толпами жаждущихъ исцѣленія видѣла она въ тотъ годъ когда сопровождала умирающаго сына съ одѣвъ водѣ на другія, по горамъ и по долинамъ и по основнымъ роцамъ морскаго берега, съ надеждами и когда не сбывавшимися и съ тѣмъ видомъ покорности и смиренія который валагала на нее ея мученическая жизнь Правду сказать, Жаррасъ могъ бы и не оживлять такимъ образомъ ея горе. Я вовсе не больна, почти совсѣмъ не кашляю, и еслибы не несносная хрипота—какъ по вечерамъ у уличнаго разнощика—то я могла бы считать себя здоровѣе чѣмъ когда-либо. Аллетить у меня адскій; представъ себя вѣчно голодное состояніе у котораго нѣтъ ни на минуту терпѣнія. Вчера, напримѣръ, послѣ завтрака въ тридцать блюдъ, болѣе сложнаго чѣмъ китайская азбука, я увидѣла женщину которая сидя у своего порога чистила малышу. Тотчасъ же овладѣло мною непреодолимое желаніе попробовать этой ягоды. И представъ себя что я очистила двѣ большія тарелки крутой малыши. Вотъ каковъ у меня желудокъ!

И слава Богу, моя родная, что ни ты, ни я не подвержены болѣзни нашего брата; я его почти не знала, но судя по портрету его у мамы въ комнатѣ, я вижу и здѣсь такія же поточевыя и худыя лица, дышущія полнѣйшею безнадѣжностью. Но какой право оригиналъ этотъ Бушера, знаменитый врачъ, который и брата нѣкогда лѣчилъ. На дняхъ мама хотѣла чтобъ онъ взглянулъ на меня и желая добиться консультаціи, мы стали бродить по парку вокругъ этого старика съ очень грубымъ и непріятнымъ лицомъ. Его окружили аривальярскіе врачи, выимаая подобострастие его рѣчамъ. Мы стали ждать его при выходѣ изъ зала вдыханія, но напрасно: онъ прошелъ мимо такими быстрыми шагами какъ будто хотѣлъ избѣжать насъ. А съ мамой, какъ тебѣ извѣстно, скоро ходитъ вельязъ, и мы его олятъ улустили. Наконецъ вчера мы послали Фанни къ нему на квартиру чтобы спросить чрезъ его экономку когда онъ можетъ принять насъ. Онъ отвѣтилъ что прійдетъ на воды чтобы лѣчиться, а не для того чтобы давать врачебныя совѣты другимъ. Какое невѣжа! Правда что мнѣ нѣкогда не случилось видѣть такого блѣднаго лица какъ у него, ну просто какъ воскъ. Нашъ отецъ рядомъ съ нимъ выглядѣлъ бы румянымъ. Онъ литается однимъ молокомъ и нѣкогда не показывается ни въ столовой, ни въ гостиной. Нашъ докторъ-живчикъ, которому я дала прозвище *г. Такъ и Надо*, говоритъ что у Бушера весьма опасная болѣзнь сердца и что если онъ еще находится въ живыхъ, то лишь благодаря Аривальярскимъ водамъ которыми пользуется уже три года.

„Такъ и надо! такъ и надо!“ только и слышю отъ этого маленькаго человѣчка, чванливаго болтуна, когда онъ утромъ порхаетъ у насъ по комнатѣ. „Докторъ, я плохо сплю, я думаю что лѣченіе это волнуетъ меня.“ — „Такъ и надо!“ „Докторъ, меня клонитъ постоянно ко сну, это вѣроятно отъ водъ.“ „Такъ и надо.“ А ему только и надо скорѣе окончить обходъ больныхъ чтобы къ десяти часамъ быть въ своемъ консультаціонномъ кабинетѣ, маленькой комнатѣ, куда набивается множество публики; прежде чѣмъ попасть туда, ждуть на лѣстницѣ и даже вышзу на тротуарѣ. Поэтому онъ вѣчно торопится, наскоро прописываетъ рецептъ, не садясь и продолжая сѣмевать ножками и подскакивать на мѣстѣ, точно большой которому предписана послѣ куланія такъ-называемая „реакція“.

Охъ, ужъ эта „реакція“! Вотъ также своего рода штука. Такъ какъ я не беру ни завытъ, ни души, то мнѣ „реакція“ не предписана, но я иногда мнѣ по пятнадцати сижу подъ аилами и глажу на эту толпу людей, прохаживающихся мѣрными шагами, какъ бы погруженныхъ въ мечты, не издающихъ ни звука при встрѣчѣ другъ съ другомъ. Мой старичекъ-сосѣдъ по залѣ вдыханія, который всегда съ такою вѣжливостью глядитъ на цѣлебный источникъ, исполняетъ свою „реакцію“ съ пунктуальною добросовѣстностью. У входа въ залу онъ останавливается, закрываетъ свой бѣлый зонтикъ, спускаетъ воротъ сюртука, поглядитъ на часы и затѣмъ пускается въ дорогу, выпрямляя ноги, прижавъ локти къ туловищу. Разъ, два! Разъ, два! И такимъ образомъ вплоть до свѣтлой полосы которую бросаетъ на зеленый лугъ промежутокъ между двумя группами деревьевъ. Дальше онъ идетъ, но трижды поднимаетъ руки, точно расправляетъ свои крылья, возвращается тѣмъ же аллюромъ къ тому мѣсту отъ котораго пошелъ, опять расправляетъ крылья и опять идетъ къ свѣтлой полосѣ, и такимъ образомъ дѣлаетъ пятнадцать туровъ подлѣ рядъ. Я убѣждена что отдѣленіе безпокойныхъ сумашедшихъ въ Шарантонѣ имѣетъ большое сходство со здѣшней аллей въ одиннадцать часовъ утра.

Значитъ правда что Ньюна идетъ къ намъ. Ахъ, какъ я рада, какъ я довольна! Письмо твое получилось съ двухчасовою почтой, которая раздается по адресамъ въ самой конторѣ отеля. Это мнѣ торжественная, играющая рѣшительную роль на весь остатокъ дня. Контора полна народомъ; всѣ окружаютъ толстую Ложеронъ, имѣющую весьма внушительную наружность въ своемъ синемъ фланелевомъ пальто въ то время когда авторитетнымъ и вѣсколько напашеннымъ голосомъ, точно у бывшей компаніонки, выкликается она разнообразныя адреса писемъ. Каждый отзывается на свою фамилію, и скажу тебѣ что имѣть большую корреспонденцію считается здѣсь вопросомъ самолюбія. Впрочемъ, самолюбіе играетъ вообще весьма серьезную роль въ непрерывномъ солпикословеніи чванства и глупости. Представь себѣ, и я даже горжусь тѣмъ что должна проводить цѣлыхъ два часа въ залѣ вдыханія! Князю Ангальтъ! г. Вассеръ! гжѣ Декенуа! Какое однако разочарованіе: это мой модный журналъ. Но опять слышу: гжѣ Декенуа, беру твое письмо и бѣгу съ нимъ въ самый конецъ сада, на скамейку окруженную кустами орѣшника.

Это моя любимая скамейка: здѣсь я удивляюсь чтобы создавать мои романы. Удивительная вещь; для того чтобы развивать свою фантазію такъ какъ училъ насъ Бодуи, мнѣ все не требуется обширнаго кругозора. Когда онъ самшкомъ великъ, я теряюсь въ мелочахъ и никакого толку не выхожу. Одно только неудобство моей скамейки, это соседство съ нею качелей, на которыхъ проводитъ большую часть дня маленькая Башеллера, заставляя юношу „съ энергіей“ раскачивать себя. Да и надо имѣть дѣйствительно много силы и энергіи чтобы по дѣлымъ часамъ подталкивать качели! И при этомъ раздаются ребяческія вскрикиванья прерываемыя вовсе немелодичными руладами: „Выше! выше! еще!“ Боже! какъ раздражительно дѣйствуетъ на меня эта дѣвчонка. Такъ и хотѣлось бы чтобы качели унесла ее въ облака и чтобы она оттуда не возвращалась. За то когда ея нѣтъ, какъ хорошо и уютно на моей скамейкѣ. Здѣсь я прочтала твое письмо, а когда дошла до постъ-скриптума, то у меня даже вырвалось радостное восклицаніе.

Да благословенны будутъ городъ Шамбери и новый лицей его, такъ какъ закладка зданія для этого учебнаго заведенія вызвала поѣздку въ наши страны министра народнаго просвѣщенія. Здѣсь ему очень удобно будетъ приготовить свою рѣчь либо гуляя по аллеѣ „реакціи“, либо на моей аллеѣ, въ кустахъ оршника, когда качели будутъ свободны отъ гжи Башеллера. Дорогой мой Ньюма! мы такъ съ нимъ во всемъ сходимся, онъ вѣчно живой и веселый. То-то мы наговоримся о нашей Розалии и о серіозномъ обстоятельствѣ которое не дозволяетъ ей также пуститься въ дорогу. Ахъ, Господи, вѣдь это секретъ... мама взяла съ меня слово чтобы я дѣлала видъ что ничего не знаю... А мама-то какъ довольна что увидитъ Ньюма. Она внезапно забыла свою обычную скромность и съ каксю-то торжественностью явилась въ контору отеля чтобы заказать комнату для ея зятя, министра народнаго просвѣщенія. Можешь себѣ представить радостное изумленіе на лицѣ хозяйки.

— Какъ, сударыня... значить вы будете... вы были...

— Да, и были и будемъ...

Лицо хозяйки сдѣлалось лилово-краснымъ отъ внезапнаго волненія и не мѣняе взволновалась и супругъ ея г. Дожеронъ, и вся прислуга отеля. Съ самаго нашего прѣзда мы неоднократно, но безусловно требовали чтобы намъ дали

добавочный подсвѣчникъ; теперь ихъ стоитъ на камнѣ убитыхъ лѣтъ. Нюма навѣрно будетъ доволенъ здѣсь и помѣщеніемъ, и уходомъ. Ему отведутъ первый этажъ князя Ангальта; онъ чрезъ три дня освободится. Архивархія воды, повидимому, для княгини не годится, самъ докторъ Такъ-и-Надо говоритъ что ей надо скорѣе уѣхать. Да, еслибы она умерла здѣсь, то отелю „Дофинайскихъ Альпъ“ не скоро бы оправиться отъ такого казуса.

Тяжело смотрѣть съ какою послѣдностью сваряжаютъ въ дорогу этихъ несчастныхъ, какъ ихъ торопятъ при содѣйствіи той магнетической враждебности которою дышетъ всякое то мѣсто откуда хотятъ васъ выжить. Бѣдная княгиня! Какъ привѣтливо относилась къ ея пріѣзду; а теперь кажется готовы бы были при помощи жандармовъ выпроводить до границы департамента. Хорошо гостепріимство минеральныхъ водъ!.. А кстати, что же Бонапаръ? ты не лишишь пріѣдетъ ли онъ съ Нюма. Если пріѣдетъ, то я право способна бѣжать съ нимъ въ какой-нибудь глетчеръ. Вотъ ужъ развилась бы у насъ обоихъ фантазія на свѣжыхъ вершинахъ.. Я шучу, но я такъ счастлива... И вдыхаю, вдыхаю и усотомимо... только стѣсняетъ меня въ нѣкоторой мѣрѣ сосѣдство страшнаго Бушера, который только что вошелъ и усѣлся черезъ два стула отъ меня.

Какой у этого человѣка суровый видъ! Опершись руками на набалдашникъ своей палки и приперевъ къ нимъ подбородокъ, онъ говоритъ громко, смотритъ прямо, не обращаясь собственно ни къ кому. Ужъ не сѣдуетъ ли мнѣ принять на мой счетъ то что онъ говоритъ о неосторожности купальницъ, о ихъ свѣтлыхъ батистовыхъ платьяхъ, о безразсудствѣ тѣхъ которые выходятъ вечеромъ на воздухъ пропитанной вредною свѣжестью? Злой человѣкъ! Онъ какъ будто знаетъ что я сегодня вечеромъ должна въ церкви явиться сборщицей на дѣло христіанскаго просвѣщенія. Отецъ Оливіери разкажетъ съ кафедръ о свой миссіи въ Тибетъ гдѣ онъ вынесъ и темницу, и разныя муки, а Вешеллеръ споетъ *Ave Maria* нашего Гуво. И я напередъ рада при мысли о томъ какъ мы будемъ возвращаться домой съ фонарями, по узенькимъ темнымъ улицамъ. Если эти совѣты Бушера относятся ко мнѣ, то совершенно напрасно: теперь уже поздно. Вопервыхъ, милостивый государь, я имѣю разрѣшеніе отъ моего доктора который гораздо любезнѣе васъ и даже дозволяетъ

нѣтъ едва-ли вечеромъ однихъ туръ валяю. Только однихъ, не болѣе. Впрочемъ, когда я много танцую, то все наперерывъ нападаютъ на меня. Никто не знаетъ насколько я сильна несмотря на мою жиденькую талію; забываютъ что Парижанка никогда отъ танцевъ не утомляется. „Берегитесь... будьте осторожны... не утомляйтесь!“ Одна прикладываетъ мнѣ шаль, другая закрываетъ окно чтобы меньше дуло въ спину и чтобы я не простудилась. Но болѣе всего заболѣла обо мнѣ юноша „съ энергіей“; онъ находитъ что у меня энергии гораздо болѣе нежели у его сестры. Бѣдная дѣвушка! перещеголять ее въ этомъ отношеніи вовсе не трудно. Говоря между нами, мнѣ кажется что этотъ юноша приведенный въ отчаяніе холодностью Алены Бателлери перекочевалъ на мою сторону и ухаживаетъ за мною. Но увы! напрасны старанія, сердце мое не свободно, оно цѣлкомъ принадлежитъ Бомпару... Такъ мнѣ же, не Бомпару... вовсе не онъ герой моего романа... ты вѣроятно догадываешься... Мой предметъ это... это... А, какъ марочко часъ вышанія кончилась... я тебѣ назову моего героя въ другой разъ, милая моя сестричка.

Глава XII продолженіе предыдущей.

Въ тотъ день когда *Листокъ* объявилъ что его превосходительство господинъ министръ народнаго просвѣщенія съ состоящимъ при немъ г. Бомпаромъ и свитой остановился въ отелѣ Дофинейскихъ Альпъ, въ соседнихъ гостиницахъ произошло неописуемое волненіе. Отелъ Ланта уже два дня держалъ наготовѣ католическаго епископа изъ Женевы, ожидая удобной минуты чтобы похвастать такою особою, равно какъ и генеральнымъ совѣтникомъ изъ департамента Изеры, судьей изъ Тавти и архитекторомъ изъ Бостона, словомъ, цѣлою группой важныхъ особъ; въ отелѣ Шевретъ также ожидали пріѣзда „депутата департамента Ромы съ семействомъ“. Но теперь и депутатъ, и судья, и все остальные почезли въ окончательныхъ лучахъ славы, которая всюду была неизгладимою спутницей Ньюна Руместана. О немъ только и толковали, только имъ и интересовались. Пользовались всякимъ предлогомъ чтобы промакнуть въ отель, пройти мимо небольшой комнаты майяго этажа, гдѣ министръ сидѣлъ за столомъ

со своими родственницами и Бонгаромъ, нагаивуть какъ онъ играетъ въ шары, любимую игру юга Франціи, имѣя партнеромъ миссіонера отца Оливьеръ, человека святаго, но до вельз обросшаго волосами, и который, проживъ долгое время среди дикарей, усвоилъ себѣ нѣкоторыя ихъ привычки, испускалъ страшные крики когда цѣплялся шаромъ, и прежде чѣмъ бросить свѣршило поднималъ его надъ головой точно боевую саблю. Красивая фигура министра, простота его обхожденія, а въ особенности симпатія съ которою относился онъ къ личностямъ изъ самой скромной среды возбуждали къ нему общее расположеніе. На другой же день по его пріѣздѣ двое саугъ перваго этажа заявили своимъ товарищамъ что министръ беретъ ихъ съ собою въ Парижъ. Такъ какъ оба были на лучшемъ счету, то гжѣ Дожеронъ не совѣмъ это понравилось, но она не показала и тѣмъ неудовольствія министру котораго присутствіе приносила отолько чести ея отелю. Изъ Гренобля пріѣхали префектъ и ректоръ въ ларадныхъ мундрахъ дабы засвидѣтельствовать Руместану свое почтеніе. Настоятель ордена Шартрезъ,—Нюма защищалъ его противъ притязаній монаховъ Премонстръ и ихъ цѣлебнаго эликсира,—прислалъ ему цѣмый ящикъ извѣстнаго ликера Шартрезъ. Наконецъ префектъ Шамбери явился за приказаніями по поводу закладки зданія для новаго лицея,—торжества, которое являлось прекраснымъ поводомъ для пропавшенія рѣчи и проведенія въ ней идеи о преобразованіи школы на новыхъ началахъ. Но министръ желалъ нѣсколько повременить; труды минувшей парламентской сессіи утомили его, онъ хотѣлъ немного вздохнуть, усложниться среди родныхъ, приготовить исподоволь ту знаменательную рѣчь которую намѣренъ произнести Шамбери. Префектъ пожелъ это какъ вельз лучше и просилъ только предупредить его для задва, дабы онъ могъ успѣть предать торжеству надлежащій блескъ. Закладки ждали уже два мѣсяца, могутъ и подождать еще чтобы сдѣлать удобное великому оратору.

На самомъ же дѣлѣ Руместана удерживали въ Арвилярѣ вовсе не желаніе отдохнуть и не необходимость подготовить свою рѣчь. На такого блестящаго импровизатора какъ онъ время и размышленіе производила такое же дѣйствіе какое производятъ сыроуть на фосфорныя спички; его удерживало здѣсь собственно присутствіе Алевин

Башеллера. Послѣ пятимѣсячнаго страстнаго ухаживанья Ньюма не подвинулся ни на одинъ шагъ впередъ въ сравненіи съ первымъ днемъ знакомства. Онъ посѣщалъ ихъ дома, объѣдался провансальскими блюдами матери, восторгался шансонетками бывшаго директора Фолл-Борделезъ, отлачивалъ за это множествомъ подарковъ, букетами, присылкой билетовъ на мюзикстерскую ложу, на засѣданія въ академіи и ламатъ, выхлопоталъ даже для отца академическій знакъ отачія, но все это не ускорило его успѣха. Онъ однако былъ не изъ породы новичковъ которые закидываютъ удочку во всякое время не заботясь о томъ удобно ли и достаточно ли подготовлена почва. Но онъ шныгалъ дѣло съ золотою рыбкой хитрою и крайне ловкою, которая не боялась его удочки, искусно откусывала навѣшешныя на ней приманки, какъ будто готова была сдаться, и вдругъ порывисто ускользала изъ рукъ, оставляя его съ пересохшимъ отъ страстнаго желанія горломъ, съ сердцемъ до крайности взволнованнымъ ея задорными и увлекательными движеніями. Ничего не могло быть раздражительнѣе этой игры. Впрочемъ отъ Ньюма зависѣло прекратить ее, удовлетворить требованіе лѣвицы. Она домогалась званія примадонны въ Олерѣ съ контрактомъ на пять лѣтъ, крупнымъ жалованьемъ, разовыми, означеніемъ имени на афишахъ крупными шрифтами, но съ тѣмъ чтобы все это обусловлено было формально, на гербовой бумагѣ, а не простымъ ударомъ по рукамъ господина Кардаальяка. Его слову она вѣрила настолько же какъ увѣреніямъ въ которыхъ разсыпался предъ нею Руместанъ, говоря неоднократно въ продолженіе пяти мѣсяцевъ: „будьте увѣрены... я за это отвѣчаю... это дѣло рѣшеное“.

Ньюма стоялъ между двухъ огней. „Я согласенъ, говорилъ Кардаальякъ, если вы возобновите мой контрактъ“. Между тѣмъ это былъ человѣкъ уже прогорѣвшій окончательно, уже на то что онъ стоялъ во главѣ первой лирической сцены смотрѣли какъ на скандалъ, на безобразіе, на червивое насѣдство времени Имперіи. Печать неминуемо завопила бы громко противъ игрока трижды ошеломившаго, не державшаго даже носить свой орденъ Почетнаго Легіона, прогнавъ циничнаго спекулятора, безъ зазрѣнія совѣсти кидавшаго на вѣтеръ общественныя деньги. Утомленная наконецъ безплодною борьбой, Аллея обложила удочку и исчезла, унеся съ собою все приманки.

Въ одинъ прекрасный день министръ, явась въ домъ Бателлера, нашелъ его пустымъ; оставалась вѣздѣ только старикъ отецъ, залѣвшій ему въ утѣшеніе свою послѣднюю шапсетку съ прилѣвомъ:

Когда ты дашь, и я не откажу.

Онъ перетерпѣлъ съ мѣсяцъ времени и олатъ посѣтилъ неистощимаго композитора:

Хороши колбаски, и на сердцѣ весело...

пропѣлъ ему старикъ Бателлеръ, и прибавилъ что его супруга и дочка, усматривая отъ пользованія водами большую для себя пользу, рѣшились продать свое тамъ пребываніе. Тогда Руместаль сообразилъ что его ожидаютъ для закладки лицейскаго зданія въ Шамбери: это было обѣщаніе данное имъ на вѣтеръ и которое вѣроятно осталось бы мечтой есабны Шамбери не находилась по сосѣдству съ Арвельяромъ, куда по счастливой случайности Жаррасъ, другъ, домашній докторъ министра, отправилъ семью Лекемуа.

Вскорѣ по пріѣздѣ Нюма встрѣтилась съ Алисою Бателлеръ въ саду отеля. Она сдѣлала видъ что удивлена этою встрѣчей, хотя утромъ сама прочитала въ *Листкѣ* торжественное объявленіе о его пріѣздѣ, да и уже цѣлую недѣлю слышала имя его громко разносившееся тысячами голосовъ по окрестнымъ долинамъ и лѣсамъ.

— Какъ, вы здѣсь?

Принявъ надлежащую министерскую осанку, онъ отвѣчалъ серіознымъ и внушительнымъ голосомъ:

— Да, я пріѣхалъ повидаться съ матерью и сестрою моею женою.

Онъ прибавилъ что удивляется ея присутствію въ Арвельяръ. Онъ полагалъ что она уже давно уѣхала.

— Чтò же дѣлать! Надо же полѣвиться коль скоро Кардалякъ увѣряетъ что у меня голосъ такой большой.

Затѣмъ она поклонилась по-парижски, слегка только кивнувъ головой и удалилась дѣлая чистыя трели, напоминаяшія щебетаніе малиновки, которое слышится еще долго послѣ того какъ самая птичка скрылась изъ глазъ. Но съ этого дня она совершенно измѣнила свой образъ жизни. Она уже не выказывалась не по лѣтамъ развитымъ ребенкомъ всегда готовымъ прыгать и носиться по всему отелю, забавляться крокетомъ, качелями или другими невинными играми; она перестала держаться лишь общества дѣтей и обезоруживать

самыхъ требовательныхъ мамелекъ своею прѣстодушною рѣзвостію и строгихъ членовъ духовнаго сословія—аккуратнѣйшій поощритель церковныхъ службъ. Появилась Алиса Бателлера совершенно плая, настоящая diva театра Вуффъ, хорошенькая булочница, живая и разбитная, вѣчно окруженная молодежью, постоянно придумывающая разныя увеселительныя экскурсіи, празднества, ужины, словомъ, съ пріемами такого рода что даже присутствіе ея матери лишь отчасти защищало ея образъ жизни отъ злыхъ языковъ.

Каждое утро большой кабріолетъ съ бѣлымъ фартукомъ окаймленнымъ кистями на подобіе балдахина останавливался у подъѣзда за часъ до того времени когда дамы спускались внизъ въ своихъ свѣтлыхъ нарядахъ, а вокругъ нихъ гарцовала веселая кавалькада въ которой принимала участіе вся холостая молодежь какъ отеля Дофинейскихъ Альпъ, такъ и сосѣднихъ гостиницъ. Тутъ были и судья изъ Гауги, и архитекторъ изъ Америки, и неизмѣнно извѣстный юноша „съ энергіей“, котораго Алиса перестала дразнить своими ребяческими выходками. Нагрузивъ экипажъ запасомъ верхней одежды и большою корзиной съ провизіей, отправлялись въ путь рысью по направленію къ Шартрезъ Сенъ-Гуговъ, проводили три часа времени въ горахъ, поднимаясь на вершины сквозь ряды черныхъ сосенъ, переправляясь черезъ овраги и потоки водъ брызжущихъ бѣлою лѣной, или же вѣдали въ окрестности Брамфарины, гдѣ завтракали кускомъ горнаго сыра, заливая его мѣстнымъ виномъ до того крѣпкимъ что послѣ него какъ будто прыгаетъ въ глазахъ все окружающее и Альпы, и восхитительный горизонтъ льдовъ и голубыхъ гребней, который съ высоты открываетъ взорамъ цѣлую вереницу небольшихъ озеръ; свѣтлыя поверхности ихъ у подножія скалъ кажутся какъ будто отломленными отъ яснаго неба кусками. Спускались на горныхъ савкахъ изъ прутьевъ безъ сливокъ, хватаясь за вѣтки, лорывисто несась по крутымъ склонамъ, руководимые горнымъ проводникомъ, который идетъ прямо и по знакомымъ ему бархатистымъ вивамъ, и по усыпанному камнями дву пересохшихъ потоковъ, съ одинаковою быстротою переправляется и черезъ большія скалы и черезъ ручьи, оставляя васъ назадъ ослабленнаго, разбитаго, утомленнаго, съ дрожью во всемъ тѣлѣ и глазахъ; вамъ кажется точно вамъ пережито сильное землетрясеніе.

День считается наполненнымъ лишь когда кавалькаду

заставама въ горахъ одна изъ мѣстныхъ грозъ любовницкая и блестящій молни и громъ. Гроза лугала дождемъ, драматизовала самый лейфайтъ, подготавливала возвращеніе полное волеи и пріаключеній. Маленькая Бателлери, наизуку мужское намоте и украсилъ своею крулау шлялу жаромъ горяаго рабича, садилась на козла, брама вождя, размахивала бичемъ безъ устали чтобы согрѣться и вернувшись въ отелъ начинала разказывать о перенесенныхъ въ пути опасностяхъ, передавая все это живымъ, картиннымъ слогомъ съ блестящими глазами, какъ бы содрогаясь по временамъ отъ попытаннаго страха и возстава со всѣмъ жаромъ молодости противъ холоднаго дивна промочившаго ее до послѣдней нитки.

Ихоть бы она послѣ того почувствовала необходимость отдохнуть, забяться однимъ изъ такъ крѣпкихъ словъ которые бывають послѣдствіемъ прогулки въ горахъ. Нисколько. До самаго утра не умокали у нихъ смѣхъ, лѣсни хаопаніе вмаетавшихъ пробокъ. Въ самые неуказанные часы десли семь полныхъ баядъ разнообразныхъ кушаній, передвигали съ мѣста на мѣсто стулья и стоны для карточной игры, и все это происходило надъ головою министра, котораго спалъна приходилась какъ разъ подъ аумеромъ заплатамъ Бателлери.

Овъ неоднократно жаловался на это гдѣ Ложеровъ, и та оказывалась между двухъ огней: съ одной стороны, у деа было самое искреннее желаніе угождать министру, съ другой—опасеніе возбудить неудовольствіе молодежи, которой прішества составляла для нея немаловажную доходную статью. Притомъ же развѣ можно быть очень требовательнымъ въ отелѣхъ на минеральныхъ водахъ? Тишина нарушается здѣсь лопанутно и отъѣдомъ и прѣвадемъ въ вечное время, и тасканіемъ чемодановъ, стукомъ тяжелыхъ салоновъ и лалокъ съ желѣзными концами туристовъ идущихъ въ горную экскурсію и спаражающихся еще до разсвѣта, и пристулами кашля у больныхъ, кашля раздрательнаго, непрерывнаго, въ которомъ слышатся и рыданіе, и предсмертные стоны, и звуки схожіе съ лѣвіемъ охрипшаго лѣтуха.

Эти свѣтаны, во тяжелыхъ июльскія ночи Руместанъ провезъ въ ликорачочной безсонницѣ, ворочался съ боку на бокъ, охваченный тревожными мыслями, въ те время какъ наверху раздавался звонкій смѣхъ его сосѣдки, прерываемый ея шаловатыми выходками. Овъ могъ бы воспользоваться

этими безсонными ночами для приготовления рѣши которую ему предстояло произнести въ Шамбери, но онъ былъ слишкомъ возмущенъ и раздраженъ. Онъ такъ и пыривался подняться наверхъ, вытопкаться оттуда плешу „съ энергіей“, и Американца, и противнаго судью позорившаго собою французскую магистратуру въ колоніяхъ, и ухвативъ за горло переполошенную трелями маленькую негодную дѣвчонку прямо сказать ей: „перестанете вы наконецъ такъ меня мучить?“ Чтобы успокоиться и разогнать какъ эти мысли, такъ и другія болѣе тяжелыя и большешныя, онъ зажигалъ свѣчу и призывалъ помѣщавшагося рядомъ Бонпара всегда готоваго къ услугамъ своего патрона. Между вами конечно завязывался разговоръ объ Алисѣ. Собственно въ этихъ видахъ и привезъ онъ его съ собою, оторвавъ не безъ труда отъ установки машины для искусственнаго высиживания страусовыхъ яицъ. Бонпаръ утѣшалъ себя тѣмъ что толковалъ о своемъ изобрѣтеніи съ отцомъ Оливьера, которому, какъ прожившему довольно долго въ Калтоу, знакомъ былъ во всѣхъ подробностяхъ уходъ за страусами. Разказы миссіонера о его путешествіяхъ и мученіяхъ, о разнаго рода пыткахъ перемесенныхъ имъ у дикарей, о томъ какъ жгали, палили, осмалали ударами его необыкновенно крѣпкое тѣло сохранившее и теперь признаки этихъ разнообразныхъ и утонченныхъ приемовъ жестокихъ истязаній,— все это вмѣстѣ съ мечтами о блестящихъ вѣркахъ изъ шелковистыхъ и шнѣжныхъ страусовыхъ перьевъ гораздо болѣе интересовало фантазію Бонпара нежели бесѣда о маленькой Башеллеріи. Но онъ до того моторѣлъ въ своей должности прихвостля что даже по ночамъ Ньюма находилъ его готовымъ вмѣстѣ съ нимъ и развѣжиться, и придти въ негодование. Голова Бонпара показавшая на ночь фулярнымъ платкомъ попеременно выражала то гнѣвъ, то иронію, или грусть, смотря потому касалось ли дѣло подрисованныхъ рѣсницъ коварной дѣвушки, ея шестнадцать лѣтъ которыя стоили дѣлныхъ двадцати четырехъ, или безразличности матери участвующей въ оргіяхъ молодежи. Наконецъ, когда Руместанъ выговорившись вдоволь съ подобающими жестами и выказавъ наружу всю слабость любящаго сердца, тушилъ свѣчу со словами: „однако довольно, попробую уснуть“, Бонпаръ, прежде чѣмъ уйти къ себѣ, говорилъ ему пользуясь темнотой

— А я знаешь что сдѣлалъ бы на твоёмъ мѣстѣ?

— А что?

— Я возобновилъ бы контрактъ Кардьяка.

— Нѣтъ, никогда.

И онъ лютно закрывался въ отдѣло, закрывая имъ уши чтобы не слышать неумолакашаго наверху шума.

Однажды, послѣ полудня, во время музыки, этихъ часовъ кокетства и болтовни на водахъ, когда лублика толпалась на площадкѣ предъ вокзаломъ, точно на палубѣ корабля, кружилась взадъ и впередъ или разсаживалась по установленнымъ въ три ряда стульямъ, министръ чтобы избѣжать встрѣчи съ Башелери, которая приближалась въ щегольскомъ нарядѣ двухъ цвѣтовъ: синеаго и краснаго, окруженная своею обыкновенною свитой, повернулъ въ удивленную аллею и усѣлся одинъ на краю скамьи. Подъ вліаніемъ меланхолическаго настроенія и доиспавшихся отъ вокзала звуковъ музыки, онъ погрузился въ мечты, машинально черта по горячему леску концомъ своего лѣтняго зонтика, какъ вдругъ появившаяся на заитой солнцемъ площадкѣ предъ его скамьей круглая тѣнь заставила его подвѣять глаза. Онъ увидалъ Бушера, знаменитаго медика блѣднаго, чѣмъ-то озабоченнаго, едва волочащаго ногу. Они были знакомы насколько знакомы въ Парижѣ люди однихъ и техъ же сферъ. Въ это утро Бушера, не выходявшій изъ комнаты нѣсколько дней подрядъ, былъ случайно въ болѣе общительномъ расположеніи духа. Онъ сѣлъ рядомъ съ Нюма, и они разговорились.

— Развѣ вы больны, докторъ?

— Да, и очень больно, отвѣчалъ Бушера, тономъ огрызающагося кабана.—Наслѣдственная болѣзнь... гипертрофія сердца. Отъ такой болѣзни умерли и мать моя, и сестры. Я однако буду долговѣчнѣе ихъ благодаря моему ужасному ремеслу; проживу еще съ годъ, а самое большое года два.

Этому великому ученому и никогда не ошибавшемуся діагносту, который говоритъ о своей смерти съ такою спокойною увѣренностію можно было отвѣчать лишь лустыми, бальными фразами. Руместанъ это ловилъ и смолчалъ; онъ подумалъ только что у него предъ глазами тревога несравненно болѣе серьезная чѣмъ его собственная. Бушера продолжалъ не глядя на него, устремивъ взоръ въ пространство, но оставаясь вѣрнее той послѣдовательности рѣчи которую усвоиваетъ профессорамъ чтеніе лекцій съ кафедръ.

— О вашей братіи, врачахъ, вообще думаютъ что мы ничего не чувствуемъ, что мы лѣзимъ въ больномъ только его медутъ, ни мало не интересуясь страданіями человеческого существа. Глубокое заблужденіе! Я самъ видѣлъ какъ мрй учитель Дюшотреть, человекъ слышій за натуру желѣзную, плакалъ горькими слезами у кровати бѣднаго ребенка въ дифтеритѣ, который говорилъ что ему не хочется умирать... А отчаянные призывы материнскаго отчаянія, гордіаи руки порывисто хватающія васъ за руку со словами: „Дитя мое! спасите моего ребенка!“ А отцы которые стараются переселить свое владеніе, но съ содроганіемъ въ голосъ и съ гласами лодными слезъ говорятъ вамъ: „вѣдь вы можете, докторъ, не правда ли?“ Какъ не крѣпись, а это отчаяніе невольно сжимаетъ вамъ сердце. А ужъ это никуда не годится есди сердце и безъ того поражено. Я практиковалъ сорокъ лѣтъ, и для чего? для того чтобы со дня на день дѣлаться болѣе и болѣе воспріимчивымъ и чувствительнымъ. Больные же и докакали меня. Теперь я самъ умру вслѣдствіе чужихъ страданій.

— Но я думаю что вы болѣе уже не даете консультацій, замѣтила мидистръ, видимо тронутый.

— Нѣтъ, никогда и никому. Если тутъ предо мной улялъ бы человекъ, замертво, я даже не наклонился бы къ нему. Поймите, что это наконецъ становится возмутительнымъ, питать свою бользнь чужими недугами. Я жить хочу... что можетъ быть лучше жизни...

Она оживлялась несмотря на свою смертельную бѣдность, воздри его, болѣзненно сжатая, какъ будто расправлялась и силандись вдыхать легкій воздухъ переполненный теплымъ ароматомъ, звучаіемъ жизненныхъ струвъ, щебетаніемъ птичьяго царства. Горько улыбувшись, она продолжала:

— Я болѣе не практикую, но тѣмъ не менѣе остаюсь врачомъ, сохраняя лагубный даръ діагностики; для меня къ несчастію открыты всѣ тайные признаки страданій которыя стараются скрыть. Благодаря моему ясновидѣнію въ человекъ который только проходитъ мимо меня говоря и дѣйствуя повидному въ полной силѣ, я вижу существо близкое къ смерти, такъ сказать ходячій трупъ. И все это такъ же ясно какъ ясно предвижу я кризисъ который долженъ унести меня, послѣдній обморокъ отъ котораго я не встану.

— Это ужасно, прошепталъ Нюма, чувствуя что самъ бѣднѣеть. Онъ, подобно всемъ урожденцамъ юга страстно привязанный къ жизни, трусилъ и болѣзни, и смерти. Онъ отворачивался теперь отъ ученаго наводившаго ужасъ своими рѣчами, не смѣлъ взглянуть ему прямо въ лицо опасаясь прочесть на немъ и для себя лично предсказаніе близкой кончины.

— Да эти діагностическія способности, которымъ всѣ такъ завидуютъ, для меня тягость невыносимая; онѣ отравляютъ мнѣ немногіе годы жизни на которые я еще могу разчитывать. Вотъ, напримѣръ, здѣсь знакома мнѣ одна несчастная женщина, которой сынъ умеръ лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ отъ головной чахотки. Я его видѣлъ раза два; и одинъ изъ числа всехъ докторовъ указывалъ на опасность его болѣзни. Сегодня я встрѣчаю мать съ ея младшею дочерью и могу увѣрить васъ что присутствіе ихъ портитъ всю мою жизнь на водахъ, вредитъ мнѣ гораздо въ большей степени чѣмъ приноситъ мнѣ пользы лѣченіе. Онѣ преслѣдуютъ меня, ищутъ моей консультаціи, а я рѣшительно отказываюсь... Незачѣмъ и выслушивать эту бѣдную дѣвушку, чтобы произнести ей смертный приговоръ. Мнѣ достаточно было видѣть какъ она на дняхъ съ ладкостію нагнулась на тарелку съ малиной, довольно было взглянуть въ залъ *одь-жана* на ея руку которая покоилась на колѣвѣ, руку худую и тонкую, на которой ногти до такой степени вылуклы что какъ будто хотятъ отстать отъ пальцевъ. У ней такая же чахотка какъ у ея брата... она не проживетъ и одного года. Но пусть онѣ узнаютъ это отъ другихъ. Я уже довольно навосилъ подобнаго рода страшныхъ ударовъ, которые потомъ обращались противъ меня.

Руместанъ вскочилъ крайне услуганный.

— Фамилія этихъ дамъ вамъ извѣстна, докторъ?

— Нѣтъ. Онѣ прислали мнѣ свои визитныя карточки, но я и не взглянулъ на нихъ. Знаю только что онѣ стоятъ въ томъ же отелѣ какъ и мы.

— И вѣдутъ; взглянувъ по направлению къ началу аллеи, онѣ воскликнули:

— Боже! это онъ... Прощайте, я исчезаю!

А тамъ на площадкѣ, гдѣ раздавались финальные аккорды музыки, началось движеніе зонтиковъ и слышались нарядовъ возбуждаемое первыми ударами колокола призывавшаго къ

обѣду. Изъ одной оживленной группы отдѣлилась мать и дочь Лексуа. Гортензія высокая и стройная, въ свѣтломъ кисейномъ платьѣ съ валонсіемскими кружевами, въ шлялкѣ убранный розами и съ букетомъ такихъ же розъ въ рукѣ, шла ярко облитая солнечными лучами.

— Съ кѣмъ это вы бесѣдовали, Нюма, кажется съ Бушеро!

Она стояла предъ нимъ съ такимъ свѣтымъ лицомъ счастливой молодости что даже у матери начинали разсѣваться тревожныя опасенія и лицо ея также приняло выраженіе болѣе спокойное и довольное.

— Да, это былъ Бушеро; онъ разказывалъ мнѣ о своихъ невгодахъ... онъ, бѣдный, очень плохъ. И Нюма взглянувъ на Гортензію мысленно прибавилъ: онъ просто сумасшедшій, какіе могъ онъ найти у нея признаки опасности? онъ только носитъ со своею смертію и всѣмъ пророчить дурное.

Въ эту минуту показался Бонпаръ; онъ шелъ скорыми шагами, махая издали газетою.

— Что тамъ такое? спросилъ министръ.

— Важная новость! Вальмажуръ дебютировалъ!

Слышавъ было какъ Гортензія прошептала: „маковецъ!“ а Нюма съ просіявшимъ лицомъ спросилъ:

— Съ успѣхомъ, конечно?

— Не знаю, я еще не читалъ... Но цѣлыхъ три столбца въ *Курсерь*.

— Еще одинъ котораго я вывелъ на свѣтъ! сказалъ министръ; онъ снова олустился на скамейку и заложивъ руки въ края жилета, прибавилъ: „посмотримъ, прочти намъ что тамъ пишутъ.“

Гжа Лексуа напомнила было о звонкѣ къ обѣду, но Гортензія съ особенною живостью замѣтила что былъ еще только первый звонокъ и, приперевъ щеку рукой, приняла полную ожиданія улыбающуюся позу и стала слушать:

„Не знаемъ министру ли изящныхъ искусствъ, или же директору Оперы обязана парижская лубайка тою страшною мистификаціей которую поднесла ей вчера вечеромъ!..“

Всѣ вздрогнули, за исключеніемъ Бонпара, который, увлекавшись порывомъ декламации и красивою постройкой фразы, читалъ вовсе не вникая въ смыслъ статьи и остановился крайне удивляемый всеобщимъ изумленіемъ.

— Да продолжай же, сказалъ ему Нюма,—что дальше?

„Во всякомъ случаѣ отвѣтственность возлагаемъ мы на

г. Руместана. Онъ лично отрылъ въ провинціи этотъ стран-
ный и дикій галубетъ, этотъ ластушескій миралтонъ...”

— Есть же на свѣтѣ такіе замы люди, прервала молодая дѣ-
вушка видимо блаждая. Чтецъ продолжалъ, широко раскрывъ
глаза отъ тѣхъ ужасовъ которые видѣлъ впереди.

„Ему же, г. Руместану, наша музыкальная академія обяза-
на тѣмъ что ей пришлось въ теченіе одного вечера быть
похожею на *возращеніе съ ярмарки въ Сенъ-Клу*. И действи-
тельно, надо имѣть уже черезчуръ живую фантазію чтобы
подумать что Парижъ...”

Министръ съ раздраженіемъ вырвалъ у него изъ рукъ
газету.

— Надѣюсь что ты не станешь читать намъ этотъ вздоръ
до конца. Довольно того что ты примешь намъ эту ласквиль-
ную газету.

Онъ пробѣжалъ статью быстро, привычнымъ взглядомъ
общественнаго дѣателя знакомаго съ журнальною бравью.
„Министръ изъ провинціи... мастеръ выдѣлывать антраша...
Руместанъ Вальмажура... освистали министерство и прорва-
ли кожу тамбурина...” Съ него было довольно; онъ ткнулъ
звѣтельную газету въ самую глубину кармана, потомъ всталъ
отдуваясь отъ гнѣва, который разлился по всему его лицу,
и взявъ подъ руку г-жу Лекемуа проговорилъ:

— Пойдемте обѣдать... Это послужитъ мнѣ урокомъ на
будущее время не увлекаться разными ничтожествами.

Всѣ четверо пошли въ рядъ. Гортензіа олутивъ голову
казалась пораженною.

— Тутъ дѣло идетъ объ артистѣ съ замѣчательнымъ тала-
томъ, замѣтила она, стараясь придать твердость своему го-
лосу;—нельзя дѣлать его отвѣтственнымъ за несправедли-
вость лублики и провинческіе отзывы печати.

Руместанъ остановился.

— Талантъ... талантъ. Да, пожалуй, но черезчуръ экзоти-
ческій. И, поднимъ вверхъ зонтикъ, прибавилъ.—Во всемъ
что идетъ съ Юга надо быть осторожнымъ... не слѣдуетъ
пересаливать... того и гляди Парижъ утомится...

Сказавъ это онъ снова пошелъ мѣрными шагами, спокой-
ный и холодный, точно житель Колемагева. Настала тиши-
на, прерываемая лишь трещаніемъ гравія подъ ногами, какъ
будто изображавшимъ уничтоженіе, или по крайней мѣрѣ
размельченіе, и гнѣва и мечты. Дошли до отеля котораго*

столовая полна была шума ложекъ ударявшихъ по тарелкамъ, шума проникавшаго и наружу сквозь открытыя шесть оконъ. Гортезія остановилась и поднявъ голову сказала:

— Такъ вы его бѣдѣягу теперь бросите?

— Чтò же дѣлать? Бороться невозможно... колы скоро Парижъ его не желаетъ.

Въ глазахъ ея мелькнулъ огонекъ негодованія съ нѣкоторымъ отблескомъ презрѣнія.

— Это ужасно говорить такимъ образомъ... Вотъ у меня гораздо болѣе самолюбія; я останусь вѣрна моему ватузіауму.

Съ этими словами она быстро поднялась по лѣстницѣ отеля.

— Гортезія, уже второй звонокъ!

— Знаю, знаю.... я сейчасъ сойду.

Поднявшись въ свою комнату молодая дѣвушка заперлась на ключъ чтобъ ей не помѣшали. Она открыла свой бюро, хорошенькую вещь изъ числа тѣхъ которыя даже въ номеръ гостиницы выдаютъ присутствіе Парижанка. Изъ бюро она вынула фотографическую карточку на которой изображена была въ провансальскомъ костюмѣ съ арлезіанскими лентами и косыночкой, валисаала подъ нею двѣ строчки и подписала свою фампію. Пока она надписывала адресъ, на колокольнѣ Арвильера пробили часы, какъ будто возвѣщая то чтò она имѣла смѣлость совершить.

— Шесть часовъ.

Отъ бурнаго потока поднималась и улетучивалась бѣлый паръ. Амфитеатръ лѣсовъ и горъ, серебристую кайму ледяныхъ вершинъ на розоватомъ фонѣ вечера, всѣ мельчайшія подробности настоящей минуты безмолвія и покоя, все это замѣтила она подобно тому какъ въ календарѣ отмѣчаютъ одно число преимущественно предъ другимъ, какъ подчеркиваютъ въ книгѣ тѣ мѣста которыя болѣе другихъ нравятся. При этомъ она громко произнесла:

— Въ настоящую минуту я принимаю на себя обязательство на всю мою жизнь.

И она призывала во свидѣтели торжественное безмолвіе вечера, величіе природы, грандіозную тишину царствующую вокругъ.

Она обязывалась на всю жизнь! Вѣдваяжа, еслѣбъ она знала какъ непродолжителенъ былъ срокъ этого обязательства....

Нѣсколько дней спустя семья Лекеуа покинула Арвильяръ, такъ какъ курсъ лѣченія Гортензiи кончился. Мать, хотя и усложненная здоровымъ видомъ дочери и увѣренiями доктора „Такъ и надо“ о чудотворной силѣ нимфы Арвильярскихъ водъ, тѣмъ не менѣе торопилась разстаться съ этимъ образомъ жизни, котораго малѣйшiя подробности напоминали ей ея прошлую муку.

— А вы, Ньюма?

Она разчитывала пробить еще недѣлю, другую, меншого по-лѣчиться и воспользоваться послѣ ихъ отъѣзда одиночествомъ чтобы сочинить свою рѣчь. Она несомнѣнно надѣялась шума который достигнетъ и Парижа. Только пожалуй президентъ Лекеуа не совсемъ будетъ доволенъ.

Гортензiа совершенно готовая къ отъѣзду чувствовала себя счастливою: она вернется въ Парижъ и свидится со всеми дорогами ей отсутствующими, къ которымъ, вслѣдствiе разлуки, еще успивалось ея расположение; воображенiе проникало у нея и въ область сердечную. Тѣмъ не менѣе она ощущала необъяснимую грусть. Ей тяжело было разстаться и съ красивою мѣстностью, и съ населенiемъ отеля, съ этими временными друзьями, къ которымъ она была болѣе привязана чѣмъ сама предполагала. О любящiя натуры! какъ вы легко отдаетесь, какъ быстро все завлаживаетъ вами, и какъ тяжело въ послѣдствiи лорвать эти невидимыя и воспрiимчивыя нити. Къ ней были такъ добры, такъ много оказывали ей вниманiя, и въ послѣднюю минуту какое множество протянутыхъ для прощанiя рукъ, сколько лицъ полныхъ искреннаго волненiя окружало карету ея. Молодые дѣвушки обнимались съ нею. „О, безъ васъ уже не будетъ такого веселья“. Обѣщали писать другъ другу, обмѣливались сувенирами, шкатулочками съ духами, перламутровыми ножами для бумаги съ надписью на голубомъ фонѣ: „Арвильяръ 1876“. И въ то время какъ гжа Ложеромъ опускала въ ея мѣшокъ бутылочку ликера Шартрезъ самаго высшаго сорта, Гортензiа видѣла наверху, въ окнѣ бывшей ея комнаты, служанку утирающую слезы ярко-краснымъ платкомъ, слышала какъ надломленный голосъ шепталъ ей на ухо: „главное заботьтесь объ энергiи, не давайте ей ослабнуть“. Это говорилъ ея больной другъ, который, взбравшись на ось, прощался съ нею глубокимъ взглядомъ двухъ влажныхъ и лихорадочныхъ глазъ, но блестящихъ энергiей, волей и искреннимъ волненiемъ. Боже, какiе

все добрые люди! Гортензія не говорила ни слова, боясь рыдаться.

— Прощайте всѣ, прощайте!

Министръ, который хотѣлъ проводить ихъ до станціи желѣзной дороги, помѣстился на скамейкѣ противъ маж. Зелюлали бичи, зазвенѣли бубенчики. Вдругъ Гортензія вскрикнула „Боже! а зонтикъ мой“... Нѣсколько минутъ предтѣмъ онъ былъ у нея въ рукахъ. Человѣкъ двадцать отправился на поиски. „Зонтикъ... зонтикъ“! Въ номерѣ нѣтъ, въ гостиной также. По всему отелю хлопаютъ дверями, разскаиваютъ и сверху и внизу, но безуспѣшно.

— Пойдите... не ищите... я вспомнила гдѣ онъ!

И съ обыкновенною своею живостью молодая дѣвушка выпрыгнула изъ экипажа и побѣжала по саду къ любимой своей скамьѣ посреди орѣшника; она въ это утро сидѣла тутъ въ послѣдній разъ, прибавляла въ своемъ вѣчно бушующемъ-ображеніи нѣсколько главъ задуманнаго ею романа. Зонтикъ действительно оказался тутъ, на скамейкѣ; какъ будто и стучка ея самой осталась на любимомъ мѣстѣ. Сколько предѣстныхъ часовъ провела она въ этомъ свѣтломъ уголкѣ окаймленномъ зеленью, сколько сердечныхъ тайнъ ея умела порхавшія вокругъ бабочки и пчелы! Уже болѣе никогда не вернуться ей на это мѣсто... и сердце ея сжималось, она какъ будто не въ силахъ была уйти. Все въ эту минуту ей было мило, даже неприятный скрилъ качелей.

— Цыцъ, ты мнѣ надоѣла!

Это была Алиса Башеллера, которая въ досадѣ на то что проводы Лекемуа оставали ее въ одиночествѣ и что всѣ какъ будто забыли о ней, разговаривала съ матерью своимъ обычнымъ любезнымъ тономъ. Гортензія вспомнила о ребяческихъ ласкахъ Алисы своей родительницѣ на глазахъ всей публики, ласкахъ всегда возмущавшихъ ее, и смѣясь направилась къ экипажу, но на поворотѣ аллеи вдругъ оказалась лицомъ къ лицу съ Бушеро. Она хотѣла дать ему дорогу, но онъ остановилъ ее за руку.

— Такъ вы утѣшаете, дитя мое.

— Да, докторъ.

Она стояла въ недоумѣніи, пораженная и неожиданною встрѣчей, и тѣмъ что онъ впервые заговорилъ съ ней.

Онъ взялъ ее за обѣ руки и удерживалъ такимъ образомъ на мѣстѣ, съ глубокимъ вниманіемъ смотря на нее своими

прозрачными глазами изъ-подъ густыхъ бровей. Вдругъ губы его и весь корпусъ вздрогнули, блѣдное лицо его бросило въ краску.

— Ну, прощайте... счастливаго пути!

И не оказавъ болѣе ни слова, онъ притянулъ ее къ себѣ, прижалъ ко груди съ вѣжностію отца и быстро удалился, приложивъ обѣ руки къ сердцу, которое готово было разорваться.

XIII. Рѣчь въ Шамбери.

„Нѣтъ, ласточкой я быть хочу,
И въ даль отсюда улечу“..

плѣла рѣзкимъ голосомъ маленькая Башеллеру, застегивая перчатки предъ зеркаломъ. Она встала въ это утро свѣжею и въ хорошемъ расположеніи духа. На плечи она уже накинула мантилью какого-то оригинальнаго покроя съ голубымъ шелковымъ калошникомъ, который долженъ былъ гармонировать съ маленькою круглою шляпкой окутанною большимъ газовымъ вуалетомъ. Она приготовилась для задуманной на этотъ день поездки; отъ ея маленькой миловидной фигурки отдавало ароматомъ новенькаго свѣжаго наряда, внимательно обдуманнаго и представлявшаго рѣзкую противоположность съ безпорядкомъ царствовавшимъ въ комнатѣ. На столѣ видѣлись остатки ужина окруженные картами, жетонами, свѣчными огарками; рядомъ со столомъ постель въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, а съ другой стороны умывальникъ, котораго тазъ еще половъ былъ свѣжей армиярской сыворотки, которая имѣетъ такое успокоительное дѣйствіе на нервы и въ то же время способствуетъ сохраненію вѣжности кожи. Внизу уже ждалъ запряженный кабриолетъ, слышалось бряцаніе бубенчиковъ и юная свита гарцовала у подъезда.

Заключивъ со своимъ туалетомъ, Алиса уже хотѣла отправиться когда постучались вдругъ въ ея дверь.

— Кто тамъ? войдите!

Вошелъ Руместанъ замѣтно взволнованный и протянулъ ей руку съ большимъ конвертомъ:

— Вотъ... прочтите... читайте...

Это было условіе о принятіи ея на Олервую сцену, срокомъ на пять лѣтъ, съ тѣмъ жалованьемъ котораго она

желала, съ обязательствомъ означать имя ея на афишѣ крупнымъ шрифтомъ и проч. Она прочтала одну статью за другою хладнокровно, съ особеннымъ вниманіемъ, взглянула на каракули изображавшія подпись Кардаальяка и только потомъ, подойдя къ министру и подаявъ вуаль уже спущенный для огражденія отъ дорожной пыли, прижалась къ нему и подаявъ къ верху свой розовый ротикъ произнесла:

— Какой вы добрый... какъ я васъ люблю!...

Этого было достаточно чтобы заставить общественнаго дѣятеля позабыть о всѣхъ непріятностяхъ которыя ждали его какъ послѣдствія новаго ангажемента. Онъ однако удержался, сохранилъ хладнокровіе, остался холоденъ какъ камень.

— Теперь, сдержавъ свое слово, я ухожу. Я не желаю мѣшать вашей поѣздкѣ.

— Моей поѣздкѣ?.. Ахъ да, правда! Мы ѣдемъ въ замокъ Баюра.

И, охвативъ его шею руками, прибавила особенно ласковымъ голосомъ:

— Вѣдь вы поѣдете съ нами... да... неправда ли?

Она касалась лица его своими длинными рѣсницами и даже покусывала кончиками зубовъ его гладкій подбородокъ.

— Съ этою молодежью?.. но развѣ это возможно?.. подумайте сами.

— Съ молодежью?.. очень мнѣ ее нужно... Я сейчасъ отъ нея отдѣлаюсь... Мама, поди предупреди ихъ... они у меня приучены... слышишь мама?

— Иду, иду, отвѣчала гжа Башеллерц, которая въ сосѣдней комнатѣ, оставивъ одну ногу на стулѣ, сидѣла нагнувшись на красный чулокъ черезчуръ узкую тиковую ботинку. Она сдѣлала министру торжественный реверансъ времени Фоли-Борделезъ и спустилась внизъ чтобы спроводить кавалеровъ.

— Пусть оставятъ одну лошадь для Бонпара, закричала ей во слѣдъ Алиса,—онъ поѣдетъ съ нами.

Нюма, тронутый этимъ вниманіемъ, держалъ ее въ объятіяхъ и съ наслажденіемъ прислушивался какъ постепенно одинъ за другимъ, съ выраженіемъ неудовольствія, удалялись всѣ юные птенцы столь неоднократно тревожившіе его любящее сердце. Послѣдовалъ долгій поцѣлуй въ маленькія

авыя губки, которая улыбалась лоялыя сладостныхъ общи-
нй въ будущемъ. Затѣмъ Алиса вырывается изъ рукъ
министра.

— Идите одѣваться, сказала она;—мнѣ хочется скорѣе
ѣхать.

За то какое любопытство охватило весь отель, какъ зако-
лыхались занавѣси въсѣхъ этажей, когда узнали что министръ
приметь участие въ поѣздкѣ къ замку Баара и увидели на
скамейкѣ кабриолета, въ обществѣ молодой гбвицы и поштен-
ной ея матушки, величественную фигуру Нюма въ бѣломъ
жадетѣ и широкой шлялѣ панаме защищавшей отъ солнца
его мужественныя черты.

— Собственно говоря, замѣчалъ отецъ Оливьери, лривыкшій
къ полнѣйшей свободѣ во время своихъ странствованій,—что
же тутъ дурнаго? вѣдь они ѣдутъ не одна, а съ матерью.
Наконецъ и самый замокъ Баара, какъ историческій памят-
никъ, развѣ не входитъ въ кругъ вѣдомства министра? Да и
возможно ли быть особенно строгимъ по отношенію къ лю-
дямъ которые посвящаютъ всю жизнь свою на защиту нрав-
ственныхъ началъ и святости религій.

— Что жъ это Бояларъ такъ долго не является? говорилъ
Руместанъ.—Ему неприятно было ожидать у подъѣзда отеля
подъ перекрестнымъ огнемъ взглядовъ. Въ эту минуту у одного
изъ оконъ перваго этажа показалась какаа-то необыкновен-
ная, экзотическая фигура, вся въ бѣломъ и крикнула знако-
мымъ звучнымъ голосомъ:

— Отправляйтесь впередъ... я васъ догоню.

Пара визелькихъ, но крѣпкихъ лошадокъ только этого и
ожидала и, взявъ съ мѣста крупную рысью, въ нѣсколько
секундъ миновала паркъ и, перезванивая бубенчиками, по-
неслась мимо вокзала минеральныхъ водъ.

— Берегись! берегись!

Гуляющіе останавливаются, портшезы сторонятся, сау-
жанки въ фартукахъ которыхъ карманы полныя мелкими
деньгами и марками размыхъ цѣтговъ показываются у вхо-
довъ въ галереи; прислужники валяъ, полуобнаженные и по-
добно Бедуинамъ прикрытые шерстяными плащами, появля-
ются на лѣстницѣ ведущей къ ваннамъ; въ залахъ для выдѣ-
ханія раздвигаются голубыя занавѣси: всѣмъ хочется уви-
дать какъ проѣдетъ министръ въ одномъ экипажѣ съ

лѣнницей. Но они уже далеко, и быстро несутся по лабиринту узкихъ и темныхъ улицъ Арвальяра, по острымъ лютно прижатымъ другъ ко другу камнямъ пропитаннымъ сѣрой и жаромъ солнца; экилажъ гремитъ по нимъ, раскидывая искры по обѣ стороны; дрожатъ стекла низенькихъ невзрачныхъ здавій; у оконъ увѣшанныхъ квартирными билетиками, такъ же какъ и у дверей магазиновъ и лавокъ торгующихъ коваными дубинками для горныхъ прогулокъ, зонтиками, разными камешками, хрусталемъ и тому подобными рѣдкостями затѣйливо разставленными для приманки завѣжихъ гостей, показываются любпытныя головы; онъ торопливо кланяется при видѣ министра. Даже несчастные кретивы и тѣ узнаютъ его; съ безсознательнымъ и дикимъ смѣхомъ привѣтствуютъ они главу министерства просвѣщенія Франціи, между тѣмъ какъ судія противъ него дѣмы держатся какъ будто на вытѣжку и съ особеннымъ достоинствомъ, созывая великую честь которую оказываетъ онъ имъ своимъ присутствіемъ въ ихъ экилажѣ. Всѣ чувствуютъ себя свободнѣе только тогда когда, выѣхавъ изъ города въ поле по красивой дорогѣ ведущей въ Помчарра, лошадки приотстаиваются у подножія Трѣвской башни, гдѣ условившись подождать Бонлара.

Но время проходитъ, а Бонлара все еще нѣтъ. Онъ однако считается покуснымъ ѣздокомъ и зачастую этимъ хвастается. Удивляются, начинаютъ даже сердиться, въ особенности Нюма, горячій ветерлѣвнѣмъ увестись дальше по этой гладкой чистой дорогѣ, которой не видно и конца, ускорить самое теченіе времени въ такой многозначительный для него день полный сладкихъ надеждъ и ожиданій. Наконецъ въ облакѣ лыли слышатся лугавыя восклицанія: „го... ла... го... ла“! и показывается голова Бонлара подъ каской изъ пробковаго дерева съ бѣлымъ лодотлянымъ капшономъ, какъ носятъ въ англо-индійской арміи. Онъ захватилъ съ собою такого рода головной уборъ съ цѣлюю придать своей лѣздкѣ въ Арвальярѣ болѣе серьезный и нѣсколько драматическій характеръ; онъ объявилъ даже въ парижскомъ магазинѣ, гдѣ приобрѣлъ себѣ эту каску, что отправляется въ Бомбей или Калькутту.

— Ну, скорѣе же, лѣнтай!

Въ отвѣтъ на эти слова Бонларъ трагически мотнулъ головой. Очевидно что при отправленіи съ мѣста съ нимъ

произошло нечто особенное и что всадникъ далъ обитателямъ отеля весьма не завидное попятіе о своихъ эквилибристическихъ способностяхъ, такъ какъ на рукахъ и на спицахъ его видѣлись большіе пласты льна.

— Бѣдовая лошадь, сказалъ онъ, кланяясь дамамъ, между тѣмъ какъ кабріолетъ двинулся въ путь,—бѣдовая лошадь, но за то я ее и вышколаилъ.

До того онъ ее вышколаилъ что несчастное животное не хотѣло идти впередъ, а толталось на одномъ мѣстѣ, кружась подобно большой кошкѣ, несмотря на всѣ старанія всадника. Экипажъ ужъ отъѣхалъ порядочный кусокъ.

— Чтò жь ты, Бонпаръ?

— Пользайте... я васъ догону, закричалъ онъ съ жестомъ отчаянія и вдругъ пустился вскачь по направленію къ Арвицьеру; отъ времени до времени онъ останавливался, и лошадь привыкалась упорно лягать задними ногами. Подумали что онъ позабылъ захватить что-нибудь изъ дому и перестали о немъ заботиться.

Дорога шла въ обходъ горъ. Это была настоящая широкая французская дорога обсаженная орѣшникомъ; саѣва тянулись каштановыя и сосновыя рощи расположенныя уступами, справа,—ряды склоновъ высокихъ горъ, а вдали видѣлись какъ будто сжатые между горами деревушки, виноградныя сады, поля засѣяныя рожью и маисомъ, туковыя и миндаляныя деревья и блестящіе ковры шильной травы, которой зерна лопались отъ жару и трескались безъ умолку, какъ будто вся почва коробилась и трескалась отъ огня. Удушливая температура давала право думать что вся атмосфера охвачена огнемъ; жаръ, казалось, шелъ вовсе не отъ солнца едва виднаго, прикрытаго газовою лелемой, а отъ жгучихъ испареній почвы. Попятно что въ такомъ тяжеломъ воздухѣ возбуждалъ пріятную свѣжесть уже одишь видъ горы Глайзимъ, которой свѣжыя вершины были повидимому такъ близки что до нихъ можно было достать зонтикомъ.

Руместавъ не помнилъ чтобъ ему удавалось когда-либо видѣть столь прелестный пейзажъ даже въ его родномъ Провансѣ; ему думалось что на свѣтѣ нѣтъ человѣка болѣе счастливаго чѣмъ онъ въ настоящую минуту. Ни заботы, ни упрековъ совѣсти. Верная и доверяющая жена, надежда имѣть наследника, предокананіе Бушера насчетъ бѣдной Гортензю, неблагоприятное дѣйствіе котораго должна была произвести

публикація въ официальной газетѣ о возобновленіи контракта съ Кардьялькомъ,—все это теперь для него не существовало. Все судьбу свою онъ видѣлъ лишь въ этой красивой дѣвушкѣ, въ очахъ которой отражались его глаза. Онъ прижималъ ее къ груди своимъ, а она подъ голубымъ вуалетъ, прищипавшемъ отъ свѣжаго лучика ея розоватый оттѣнокъ, пожимала ему руки, напѣвая вполголоса:

Что любима тобой—убѣдилася я,
Улетимъ вдвоемъ въ даль привольную...

Лошади неслись съ быстротой вѣтра; дорога становилась шире; соответственно тому расширялся и пейзажъ. Взорамъ уже представлялась живообразимая поляна въ видѣ полу-круга, озера, деревушки, а за ними олять горы различно оттѣненныя, смотря по разстоянію. Начиналась Савоя.

— Какъ это красиво! какой величественный видъ, говорила Адила. А онъ тихо отвѣчалъ ей: „и какъ я весь люблю!“

При послѣдней остановкѣ догналъ ихъ Бонпаръ, но на этотъ разъ онъ предсталъ лучшимъ, въ самомъ лучшемъ видѣ, ведя лошадей подъ уздцы.

— Эта лошадь не истиннѣ бѣдовая, сказалъ онъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, и когда дамы освѣдомились, не узнали ли онъ съ сѣда, прибавилъ:—вѣтъ; это отъродилась моя старая раба. Развѣ онъ былъ равенъ? гдѣ? когда? объ этомъ никогда не бывало и рѣчи, но съ Бонпаромъ нужно быть готовымъ на всякаго рода неожиданность. Его посадилъ въ кабриолетъ, лошадь, оказавшуюся вѣра весьма смирнаго, привязала сзади и направилась къ замку Баару, котораго дѣлѣ каменная башня, подвояемная хотя и весьма неудачно, видѣлась не далеко на площадкѣ.

На встрѣчу имъ вышла служанка, съ лукавымъ взглядомъ гордой жительницы; это была прислуга старика-священника отправлявшаго въ прежнія времена церковную службу въ ближайшихъ приходяхъ, а теперь жившаго въ замкѣ Баара съ обязанностью лишь безпретятственно допускать туда туристовъ. Какъ только является какая-либо компанія, священникъ, человекъ весьма достойный, уходитъ въ свою комнату, кромѣ лишь случаевъ когда посѣтитель принадлежитъ къ разряду важныхъ особъ. Но такъ какъ поѣздка министра имѣла характеръ игривый и не лишенаго таинственности, то онъ конечно умолчалъ о

своими званіи, и вся компанія принята была какъ принимали заурядныхъ посѣтителей. Служанка показала имъ все что оставалось еще въ дѣлоти въ этомъ замкѣ рыцаря безъ страха и упрека; причемъ по обыкновенію процакнула на-распѣвъ нѣсколько заученныхъ на этотъ случай фразъ, а кучеръ между тѣмъ накрывалъ столъ для завтрака въ одной изъ бесѣдокъ небольшого сада.

— Вотъ старинная молельня, гдѣ добрый рыцарь утромъ и вечеромъ... Обратите вниманіе, господа, на толщину стѣнъ... Вниманія однако ни на что не обращали, и главнымъ образомъ потому что въ молельнѣ было темно; минутно натыкались на разные предметы едва освѣщенные сквозь маленькое отверстіе въ потолкѣ; отверстіе это вело на стѣновалъ, въ которомъ имѣлось лишь одно крошечное службовое окно. Нюма, держа подъ руку свою Алису, смѣялась и надъ рыцаремъ Баяромъ, и надъ почтенною матерью его Еленой. Впрочемъ залакъ отарья скоро всѣмъ надобѣлъ, и даже старуха Бателлеры, дабы развлечься и въ то же время испытать это стариннымъ оводомъ, затянула послѣднюю шансометку своего сулруга, съ прилѣвомъ:

Отъ отца понаучилась и по маменькѣ пошла...

Пѣсенка эта игриваго до-нельзя содержанія никого однако не скандализировала, а напротивъ всѣмъ понравилась.

Завтракъ накрытъ былъ на массивномъ каменномъ столѣ. Компанія, утомивъ нѣсколько голодъ возбужденный поѣздой, невольно поддавалась впечатлѣнію которое производило спокойное величіе всего окружающаго. Долина Греводана, Божскія горы, строгія очертанія обителю шартрѣскихъ монастырей—все это являло рѣзкій контрастъ съ миниатюрнымъ садикомъ прилежавшимъ къ жилищу стараго священника, поглощеннаго мыслями о Богѣ, заботахъ о своихъ тѣлѣнахъ и пчелахъ. Этотъ контрастъ навѣвалъ на всѣхъ настроеніе серьезное, мирное, величественное даже нѣкотораго оттенка набожности. За десертомъ министръ, раскрывъ путеводитель чтобъ оживить свою память, завелъ рѣчь о Баярѣ, о его бѣдной матери, которая горько рыдала отпуская сына въ Шамберы въ качествѣ лажа герцога Савойскаго; юноша гарцовалъ на своей рыженькой лошаdkѣ предъ сѣверными воротами, вотъ на самомъ томъ мѣстѣ гдѣ стелется теперь тѣнь главной башни, величественной, но еле живой, дающей

лишь весьма слабое помятiе о древнемъ знаменитомъ зѣмкѣ. И Ньюма, воспламеняясь все болѣе и болѣе, прочелъ имъ послѣднiя слова сказанныя Емелой сыну въ минуту отправа- нiя въ путь: „Пьеръ, другъ мой, убѣждаю тебя любить выше всего на свѣтѣ Господа Бога ижего, бояться Его и служить Ему, стараясь ничѣмъ не оскорбить Его“. Вставъ со своего мѣста и горячо жестикулируя, Ньюма прибавилъ отъ себя: „вотъ о чемъ надо напоминать дѣтямъ, вотъ что должны го- ворить имъ и родители ихъ, и наставники...“ Онъ вдругъ остановился и ударилъ себя по лбу.

— Моя рѣчь! это моя рѣчь!... Она и есть... превосходно!... Зѣмокъ Баара... мѣстная легенда... двѣ ведѣи какъ иду... наконецъ нашелъ.

— Это послосламо самимъ Провидѣниемъ! воскликнула гжа Башеллера въ восторженномъ томѣ, хотя въ дѣйствительно- сти находила что конецъ завтрака имѣеть характеръ чрез- чуръ серiозный.—Какой великiй человекъ! Боже, какой вели- кiй человекъ!

Алиса также казалась взволнованною; но впечатлительный Руместанъ расходился и ни на что не обращалъ вниманiя. Ораторскiй жаръ кипѣлъ и въ головѣ его, и въ груди. По- глащаемый своимъ мыслями, онъ сказалъ, глядя вокругъ себя:

— Хорошо было бы помѣтить на самой рѣчи что она ли- сана именно въ зѣмкѣ Баара.

— Господишь адвокатъ, сказала служанка,—не желаете ли заняться въ особой комнатѣ?

— Да, только набросать нѣсколько замѣтокъ... Вы позво- ляете... Пока вамъ услѣдуетъ подать кофе, я вернусь... Я хо- чу помѣтить рѣчь сегодняшнимъ числомъ... чтобы было со- гласно съ истиной.

Служанка провела его въ маленькую комнатку нижняго этажа, которая такъ и дышала старимой подъ округленнымъ сводомъ сохранившимъ еще остатки позолоты. Здѣсь, какъ утвер- ждали, была также модельня Баара, а другая большая комната ра- домъ, съ широкою кроватью подъ балдахиномъ и ситцевыми занавѣсами на окнахъ, служила ему спальней. Чрезвычайно удобно было заняться письменною работою въ этихъ четы- рехъ стѣнахъ, которыхъ толщина не пропускала душаиваго воздуха, у полуоткрытаго окна которое посыпало на бумагу свѣтъ и ароматы маленькаго фруктоваго сада. По началу перо оратора не послѣвовало за энтузиазмомъ его мысли; онъ

набрасывалъ цѣлые періоды кой-какъ, въ разбивку. Тутъ изболовали фразы свойственныя адвокатамъ южнаго темперамента, общеизвѣстныя, но все-таки краснорѣчивыя, пропитанныя внутреннимъ жаромъ, блестящія какъ искры вылетающія изъ-подъ молота кузнеца. Вдругъ онъ пересталъ писать, какъ будто воображеніе его истощилось и не находило словъ, или же голова утомлена была какъ поѣздкой, такъ и ларями вина выпитого за завтракомъ. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ, изъ молельни въ спальную, громко декламируя, стараясь расшевелить себя, прислушиваясь въ тишинѣ ко своимъ собственнымъ шагамъ, точно то были шаги привидѣнія какого-либо великаго мужа. Снова присѣлъ онъ ко столу, но не способенъ былъ написать хотя бы одну строчку. Все стало около него кружиться: и выбѣгающія извѣстности, и полоса свѣта падающая на бумагу съ какимъ-то усылающимъ блескомъ. Послышались ему звонъ тарелокъ и громкій смѣхъ въ саду, гдѣ-то далеко, далеко... кончилось тѣмъ что онъ крѣпко уснулъ, преклонивъ голову на столъ и уткнувъ носъ въ начатое писаніе.

Проснулся онъ отъ сильнаго громкаго удара. Сколько прошло времени съ тѣхъ поръ какъ онъ тутъ сидитъ? Нѣсколько сконфуженный вышелъ онъ въ садъ лустынный и безмолвный. Залахъ тюльпановъ ларилъ въ воздухъ. Въ лустой бесѣдкѣ трупы тяжело кружились около разлитого мѣстами шампанскаго и кусочковъ сахара оставшихся близъ чашекъ. Служанка убирала со стола, покаяная нервическаго страха отъ приближенія грозы, крестясь при каждомъ блескѣ молніи. Она объявила Нюмѣ что такъ какъ у барыни послѣ завтрака разболѣлась голова, то она отвела ее въ спальню Баяра, притворивъ потихоньку дверь той комнаты въ которой занимался господиномъ адвокатъ. Остальныя двое, толстая барыня и господинъ въ бѣломъ картузѣ слушались въ долину и ихъ навѣрняка вымочить, такъ какъ непремѣнно польетъ сильный дождь: „посмотрите!“

Дѣйствительно, въ томъ направленіи куда она указывала, какъ прерываемый мѣстами гребень Божскаго хребта, такъ равно и каменныя вершины Шартрѣзской обители опоясывались молніей на подобіе таинственнаго Синая; небо завлакивало громадною черною тучей, которая видимо расширялась. Подъ нею вся долина, и волны древесной зелени, и золотистые отавы ржи, и дороги которыхъ направлеице

обозначалось продолговатыми облаками поднятой бѣлой пылью, и серебристая поверхность рѣки Изеры, все это какъ будто сильно озарилось свѣтомъ бѣлымъ и все болѣе и болѣе косвеннымъ, по мѣрѣ того какъ обрисовывалась и распространялась грозовая туча. Гдѣ-то вдали Руместавъ увидалъ полотняный головной уборъ Бонлара, блестящій подобно маячному огню.

Онъ вернулся въ моделью, но не въ состояніи былъ снова привыкаться за работу. Теперь уже не сонъ парализовалъ его перо: напротивъ, онъ чувствовалъ себя въ необыкновенно возбужденномъ состояніи вслѣдствіе присутствія Алисы Башеллеръ въ соседней комнатѣ. А что въ самомъ дѣлѣ, она еще все тамъ? Онъ пріотворилъ дверь и не рѣшался снова затворить ее, опасаясь потревожить сладкій сонъ пѣвицы, которая небрежно разметалась на кровати, представляя собою беспорядочное, но прелестное и возбужденное сочетание растрепавшихся кудрей, раскрытой мѣстами одежды и полуобнаженныхъ формъ.

— Послушай, однако, Ньюма... вѣдь это комната Баара, чортъ возьми....

И онъ буквально взялъ самого себя за воротъ, точно какого-нибудь негодая, отвелъ себя въ другую комнату и насильно усадилъ за столъ. Уткнувъ голову между обѣими руками, закрывъ пальцами ротъ и уши чтобы съ большею увѣренностью углубиться въ послѣднюю фразу своей рѣчи, онъ сталъ тихо перечитывать ее:

„Да, господа, эти послѣдніе совѣты и наставленія матери Баара дошедшіе до насъ на звучномъ языкѣ Среднихъ Вѣковъ,—мы желали бы ихъ видѣть примѣненными на практикѣ въ учебныхъ учрежденіяхъ Франціи“..

Гроза обезсиливала его; нервы его притуплялись какъ бы отъ дѣйствія тѣни лавитаго тропическаго растенія. Голова шаталась, ольгиваемая не однимъ лишь тонкимъ ароматомъ который испускали изъ себя горькіе на вкусъ цвѣтки тюльпановъ, но и бѣлокурными кудрами разметавшимися на кровати въ соседней комнатѣ. Бѣдный министр! Какъ онъ ни упѣлялся за свою рѣчь, призывая на помощь и рыцаря безъ страха и упрека, и народное просвѣщеніе, и дѣла духовнаго вѣдомства, и ректора изъ Шамбера, ничто не помогало. Онъ опять вернулся въ комнату Баара и на этотъ разъ такъ близко подошелъ ко спящей что чувствовалъ ее легкое

дыханіе, притрогивался до пестрыхъ, на половину спущенныхъ занавѣсей кровати, изъ которыхъ какъ изъ рамки выступалъ соблазнительный образъ дѣвушки, ея бѣлая кожа съ розоватыми подъ нею отблесками свѣжей молодой крови.

Даже тутъ, такъ сказать на порогѣ соблазна, министръ все еще боролся и губы его машинально шептали тѣ совѣты и наставленія которые слѣдовало преподать учебнымъ заведениямъ Франціи... Вдругъ сильный ударъ грома, разразившійся не подалеку, разбудилъ спящую.

— Господи, какъ я испугалась!.. ахъ, это вы?

Она узнала его и въ глазахъ ея заискрилась свѣтлая улыбка, точно у ребенка только-что проснувагося; безпорядочности своего туалета она ни мало не стѣснялась. Безмолвные, преисполненные внутренняго волненія, они лишь обмѣнивались взглядами въ которыхъ сказывались обоюдные порывы. Вдругъ комната погрузилась въ совершенную темноту, такъ какъ вѣтеръ захолинулъ неукрѣпленные ставни. Послышалось хлопаніе дверей, изъ одного замка вылазъ ключъ, цѣлый вихрь листьевъ и цвѣтовъ провесся по песку до самаго порога, гонимый жалостно завывавшимъ ураганомъ.

— Какая страшная гроза! прошептала она взявъ его за горячую руку и почти притягивая къ себѣ...

.....

„Да, господа, эти послѣдніе совѣты и наставленія матери Баряра дошедшіе до насъ на звучномъ языкѣ Среднихъ Вѣковъ“...

Такъ возглашалъ глава народнаго просвѣщенія Франціи на торжественномъ собраніи въ Шамберы, въ виду древняго замка герцоговъ Савойскихъ и восхитительнаго амфитеатра зеленыхъ холмовъ и свѣжыхъ вершинъ, такого о которомъ мечталъ вѣкогда Шатобрианъ. Вокругъ него толпились вышитые муадеры, украшенные академическими звачками, горностаявыя мантии, густыя эполеты. Онъ господствовалъ надъ громадною толпою увлеченною и силой его краснорѣчія, и картинностью жеста мощаю еще руки; она еще держала ту доплаточку которая засылала лервою землей положенный въ основу новаго лица камень... „Мы желали бы чтобы французскій университетъ повторялъ каждому изъ своихъ питомцевъ эти слова: Пьеръ, другъ мой, я совѣтую вамъ выше всего любить Господа...“

И когда онъ говорилъ эти трогательныя слова, рука его тряслась отъ волненія такъ же какъ дрожалъ голосъ и

трелетали его ладныя щеки. Онъ вспомнилъ что основы той рѣчи которая произносилась теперь публично въ Шамбери положены были среди одуряющихъ ароматовъ спальной Баара, во время страшной грозы, которой онъ никогда не забудетъ.

XIV. Жертва Руместана.

Десять часовъ утра. Приемная министра народнаго просвѣщенія, продолговатая комната плохо освѣщенная, оклеенная темными обоями съ дубовыми карнизами, наполняется толпой просителей, число которыхъ растетъ съ каждою минутой. Всякій входящій подаетъ свою карточку пристава съ цѣлью на шеѣ, который беретъ ее, рассматриваетъ и затѣмъ съ особеннымъ важнымъ видомъ кладетъ ее около себя на письменный столъ, у котораго онъ что-то строчитъ при блѣдномъ свѣтѣ окошка по которому бѣгутъ струи мелкаго октябрьскаго дождя. Одинъ изъ вновь прибывшихъ удостоивается однако чести вывести пристава изъ его торжественнаго безстрастія. Это толстый господинъ, загорѣлый, просмоленный, съ сергами въ ушахъ, изображающими маленькіе серебряные якоря и съ охрипшимъ какъ у тюлема голосомъ; подобныя голоса часто раздаются по провансальскимъ портамъ въ ранніе утренніе часы.

— Скажите что пришелъ лодманъ Кабантусъ.... ужъ онъ знаетъ... онъ меня ждетъ...

— И не одинъ только васъ... отвѣчаетъ приставъ съ улыбкой.

Кабантусъ сразу не помялъ шутки пристава, но тѣмъ не менѣе также смѣется, широко распяливъ ротъ почти до ушей, и затѣмъ поводя плечами пробирается черезъ толпу, которая разсыпается предъ его мокрымъ зонтикомъ. Онъ усаживается наконецъ на скамейкѣ рядомъ съ другимъ лаціентомъ, такимъ же почти неотесаннымъ обрубкомъ какъ и онъ самъ.

— Ва! это Кабантусъ! здорово!

Кабантусъ съ удивленіемъ смотритъ и не узнаетъ своего сосѣда.

— Вальмажуръ... развѣ не помните? встрѣчались на аренѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ... Ну, братецъ, можешь похвастать. Парижъ тебя совсѣмъ преобразилъ.

Тамбуринеръ выгладить теперь настоящимъ артистомъ, чрезвычайно длинные черные волосы зачесанные за уши смуглое лицо и тонкіе съ сивеватымъ отливомъ усы, которые онъ безпрестанно закручиваетъ, дѣлають его даже похожимъ на Цыгана забавляющаго публичку подъ балаганами ляничной ярмарки во время Пасхи. При этомъ вѣчно задранная къверху голова, точно гребень деревенскаго лѣтуча, и чванливый видъ музыканта и красиваго малаго, музыканта въ которомъ проявляется съ изаишкомъ преувеличеніе его южной натуры, спокойной и вовсе не разговорчивой. Неудача въ Оперѣ ни мало не охладила его. Какъ и всѣхъ актеръ въ подобномъ случаѣ, онъ приписываетъ свой неуспѣхъ зависти и интригамъ, тому что у Французовъ принято называть *cabale*. И у него, и у сестры, слово это принимаетъ смыслъ варварскій, необыкновенный, и орфографію наломанную савскритскій языкъ: *kkabbale*. Въ ихъ глазахъ это не что иное какъ таинственное ядовитое животное походящее и на гремучаго змѣя, и на апокалиптического кона. Онъ разказываетъ Кабантусу что долженъ дебютировать на дняхъ въ большомъ концертѣ одной изъ бульварныхъ кофейныхъ въ Скетингъ, * гдѣ приметъ участіе въ живыхъ картинахъ за плату по двѣсти франковъ въ вечеръ.

— Двѣсти франковъ въ вечеръ, удивляется лопманъ.

— Да, и кромѣ того по улицамъ будутъ продавать мою біографію, а на всѣхъ парижскихъ стѣнахъ наклеять мой портретъ въ натуральную величину, въ костюмѣ средне-вѣковаго трубадура. Этотъ самый костюмъ надѣну я вечеромъ чтобы выйти на сцену.

Его болѣе всего занималъ костюмъ. Какъ жаль что онъ не могъ сегодня нарядиться въ шалку съ зубцами и остроконечные салоги, чтобы доказать министру что и безъ его содѣйствія удалось ему получить выгодный ангажементъ и притомъ съ письменнымъ формальнымъ условіемъ. Кабантусъ смотритъ на листъ гербовой бумаги исписанный кругомъ и говорить со вздохомъ:

* Скетингами (*skating*) называются тѣ увеселительныя заведенія гдѣ наряду съ музыкой, лѣтнемъ, балетными представленіями и живыми картинами устроены особыя асфальтовыя площадки для катанія на конькахъ.

— Да, тебѣ везетъ... а я вотъ болѣе года все хлопочу о своей медали... Нюма сказалъ мнѣ чтобъ я выслалъ мои документы, а ихъ и отправилъ. А затѣмъ ни о медали, ни о документахъ ни слуху, ни духу... Написалъ я въ морское министерство... тамъ обо мнѣ никогда и не слыхали... обратился къ министру, но никакого отъ него отвѣта не добился.. А всего неприятнѣе то что безъ моихъ документовъ при обсужденіи лодманскихъ вопросовъ съ капитанами морскихъ судовъ, эксперты не хотятъ принимать во вниманіе моихъ заводовъ, какъ будто я новичекъ какой. Выведенный изъ терпѣнія я наконецъ поставилъ свое судно на якорь и рѣшилъ ѣхать сюда чтобы лично увидаться съ Нюма.

Несчастный лодманъ готовъ даже залакать отъ горя. Вальмажуръ утѣшаетъ его, успокоиваетъ, обѣщаетъ замолвить за него словечко министру, все это увѣреннымъ до невязъ тономъ, покручивая усы, съ видомъ человѣка которому ни въ чемъ не можетъ быть отказа. Впрочемъ подобныя гордые пріемы свойственны не ему одному. Всѣ эти личности, ожидающія аудіенціи: а старики священники съ набожными фізіономіями, въ парадныхъ рясахъ, и профессора методичскіе, считающіе себя авторитетами, и хлыщеватые художники причесанные по-русски, толстые скульпторы у которыхъ лаалцы уже приняли видъ золоточекъ, весь этотъ людъ также выгладитъ гордо; у всѣхъ воистину торжественный видъ. Каждый считаетъ себя съ министромъ на пріятельской ногѣ и при входѣ не преминулъ заявить пристава:

— Омъ меня ждетъ.

Всякій убѣжденъ что еслибы только Руместану извѣстно было что онъ тутъ!.. о, тогда!.. Это и придаетъ пріемной министерства яфроднаго просвѣщенія какой-то своеобразный характеръ, лишенный вовсе той лихорадочной блѣдности и тревожной дрожи которыя господствуютъ въ пріемныхъ другахъ министерствъ.

— Кто тамъ у министра? спрашиваетъ громко Вальмажуръ, подойдя къ столу пристава.

— Директоръ оперы.

— А! Кардальякъ, знаю... это по моему дѣлу.

Послѣ повесенной Вальмажуромъ неудачи, Кардальякъ отъказался вылустить его снова на сцену; но министръ, не жаждущій ни адвокатовъ, ни мелкой журналистики, пригласилъ артиста взять обратно заявленный въ судѣ протестъ,

общая ему крупное вознагражденіе. Втроято объ этомъ-то вознагражденіи и идетъ теперь рѣчь, да и безъ нѣкоторой горячности, такъ какъ звучный голосъ Нюма зачастую проникаетъ даже сквозь двойную дверь кабинета. Наконецъ эта дверь лорывисто распахнулась.

— Она вовсе не моя протезе, а ваша.

Послѣ этихъ словъ показывается тучная фигура Кардаль-яка: скорыми шагами, видимо раздраженный, проходитъ онъ по приемной въ то время какъ приставъ идетъ ко двери, напутствуемый просьбами ожидающихъ.

— Вы только скажите мою фамилію.

— Лишь бы онъ зналъ что я жаду.

— Скажите просто что пришелъ Кабаатусъ.

Приставъ никого не слушаетъ и выступаетъ съ особен-ною важностью, держа въ рукахъ нѣсколько визитныхъ карточекъ. Онъ оставляетъ дверь полуоткрытою и сквозь нее видны кабинетъ министра, ярко освѣщенный тремя окнами выходящими въ садъ; на одной изъ стѣнъ портретъ во весь ростъ г. Фонтана, одѣтаго въ парадную мантию подбитую горностаемъ.

Приставъ возвращается; мертвенно блѣдное лицо его выражаетъ нѣкоторое изумленіе когда онъ провозглашаетъ:

— Господиъ Вальмажуръ.

Артистъ вовсе не удивленъ тому что его зовутъ первого.

Съ самаго утра портретъ его красуется на стѣнахъ Парижа. Онъ теперь въ нѣкоторомъ родѣ знаменитость, и конечно министръ не заставлялъ бы его ждать на окозномъ вѣтру, какъ въ былое время въ вокзалѣ желѣзной дороги. Съ фатоватымъ видомъ и съ улыбкой на лицѣ онъ вступаетъ въ роскошный кабинетъ, гдѣ нѣсколько секретарей заняты прилежными розысками по ящичкамъ и картомкамъ. Руместанъ раздраженный кричитъ и бранится заложивъ руки въ карманы.

— Гдѣ жь эти бумаги? потеряли ихъ что ли? это докумен-ты лодмана... право, господа, такой у васъ тутъ безпорядокъ...

Онъ увидалъ Вальмажура. „А, это вы“! И однимъ махомъ накидывается онъ на него, между тѣмъ какъ въ боковыхъ дверяхъ исчезаютъ слемы перелуганныхъ секретарей уносящихъ съ собой картонки съ дѣлами.

— А что, вы наконецъ перестанете преслѣдовать меня ва-шею собачьею музыкой! Мало вамъ одной неудачи? Сколько

вамъ ихъ нужно? Теперь уже васъ по стѣнамъ говорятъ развѣсая въ какомъ-то необыкновенномъ костюмѣ.. И что это за челуху мнѣ прислали? это вы называете вашею біографіей. Подборъ всякаго вздора и джи... Вѣдь вы сами знаете что вы такой же князь какъ и я, и что всѣ эти документы, о которыхъ говорятъ, существуютъ только въ вашемъ воображеніи.

Онъ грубо держалъ несчастнаго за среднюю сюртука обѣими руками и встрахивалъ его при каждой фразѣ. Притомъ же скетингъ не имѣетъ средствъ. Это шарлатаны. Ему денегъ не заплатятъ, и онъ останется лишь отъ этой цвѣтистой огласки съ лянгомъ и на своемъ имени, и на имени министра который ему локровительствовалъ. Газеты снова примутся за свои насмѣшки: „Руместанъ и Вальмажуръ... министерская флейта“... И при воспоминаніи объ этихъ оскорбительныхъ отзывкахъ, широкія щеки Руместана раздулись отъ гнѣва, наломивъ собою приладки тетюшки Портавъ. Гнѣвъ этотъ казался еще страшнѣе по своей торжественной и административной обстановкѣ, гдѣ личность одного человѣка подавляется официальнымъ положеніемъ другаго. И онъ кричалъ ему изо всѣхъ силъ: „Да уйдите же, несчастный, скройтесь куда-нибудь... Неужели вы не понимаете что не хотать болѣе ни васъ, ни вашей флейты!“

Вальмажуръ стоялъ какъ растерянный, бормоча лишь: „хорошо... хорошо“!.. Съ умоляющимъ видомъ глядя въ то на Межана, который одинъ только не бѣжалъ отъ испуга предъ гнѣвомъ министра, то на большой портретъ Фонтана, который казалось было скандализированъ такимъ проявленіемъ насилія и какъ будто проникался все болѣе и болѣе министерскимъ достоинствомъ по мѣрѣ того какъ Руместанъ нарушалъ его. Наконецъ, освободившись отъ мощной руки державшей его сюртукъ, артистъ послѣшшо ретировался ко двери и убѣжалъ совершенно растерянный, забывъ и о привесенныхъ для министра билетахъ для входа въ скетингъ.

— Кабантусъ, лодмавъ... произвесь Нюма, читая списокъ поднесенный ему безстрастнымъ приставомъ...—Это второй Вальмажуръ.. Ну да вѣтъ, меня больше не провеста... Да сегодня и довольно... Я болѣе никого не принимаю...

Онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ по кабинету, стараясь усложнить сильное раздраженіе, котораго взрывъ пришлось такъ безвинно вынести бѣдному Вальмажуру. Всему

виной Кардальакъ, этотъ безотыжій человекъ. Придти къ нему въ министерство съ упреками на счетъ Башеллера, при Межанъ и Рошморъ. „Нѣтъ, я положительно чрезчуръ слабъ. Оставленіе этого господина во главѣ оперы серьезный промахъ“. Начальникъ канцеляріи раздѣлялъ такое мнѣніе, но конечно не рискнулъ бы этого высказать. Нюма былъ уже не такимъ добрымъ простакомъ какъ прежде, когда самъ первый смѣялся надъ своими увлеченіями, выслушивалъ и насмѣшки и упреки. Сдѣлавшись фактически главой министерства, благодаря рѣчи произнесенной въ Шамберп, а равно и другимъ ораторскимъ любѣдямъ, онъ сталъ нервнымъ, раздражительнымъ, своевольнымъ. Его отуманивало высокое его положеніе; все его существо охватила атмосфера могущества и власти, которая производитъ одуряющее дѣйствіе и на болѣе крѣпкія головы.

Распахнулись слухавыя надъ одною изъ дверей портьеры. Вошла гжа Руместанъ, одѣтая для выѣзда, щегольски причесанная, въ широкой тальмъ которая скрывала ея талію, и съ тѣмъ свѣтлымъ выраженіемъ во взорѣ которое въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ мѣсяцевъ оваряло ея прелестныя черты.

— У тебя сегодня есть засѣданіе въ совѣтѣ? Здравствуйте, monsieur Межанъ.

— Да, и совѣтъ и лапата... все за одинъ разъ.

— А я хотѣла просить тебя дождать со мной до нашихъ. Я тамъ буду завтракать... Гортензія такъ была бы рада.

— Видишь сама что это невозможно. И, взглянувъ на часы, прибавилъ: — Мнѣ надо быть въ Версаи къ двѣнадцати часамъ.

— Такъ я тебя подожду и доведу до вокзала.

Онъ остановился въ нерѣшительности, но лишь на одну секунду.

— Хорошо, я только подлишу эти бумаги, и тогда ѣдемъ.

Пока онъ писалъ, Розалія тихимъ голосомъ передавала Межану извѣстія о своей сестрѣ. Приближеніе зимы имѣло на нее неблагоприятное дѣйствіе и ей запретили выѣзжать. Для чего онъ не навѣститъ ее? Ей такъ нужны искренніе друзья. Но Межанъ съ грустью возразилъ: „я-то конечно ей вѣнуженъ“.

— Напротивъ... напротивъ... ваше дѣло вовсе не безнадежно... Это съ ея стороны одинъ только капризъ и надѣюсь недолговѣчный.

Она видѣла все въ розовомъ цвѣтѣ и желала чтобы всѣ были такъ же счастливы какъ она. Да такъ велико и ново было ея счастье что она изъ-за предрасудка не хотѣла даже сознаваться въ этомъ. Что же касается Руместана, то онъ и близкимъ и равнодушно относящимся къ нему лицамъ говорилъ объ ожидаемомъ ими приращеніи семейства съ комическою гордостью: „это будетъ дитя министерства“, и самъ до слезъ смѣялся своей остротѣ. На самомъ же дѣлѣ для всякаго кому извѣстна была жизнь его внѣ дома, въ семьѣ открыто живущей на его содержаніи, съ роскошнымъ столомъ и особыми пріемными днями, становилась необъяснимымъ этотъ мужъ крайне внимательный и нѣжный, говорившій со слезами на глазахъ о своемъ будущемъ потомствѣ, невозмутимый во яви, искренній лояльному въ выраженіи своего расположенія, сбивавшій съ толку каждаго кому не знакомы опасныя усложненія южныхъ натуръ.

— Впрочемъ я тебя доведу, сказалъ онъ женѣ, садясь съ нею въ экипажъ.

— Но если тебя жадутъ?

— Ну и не важность! пусть подождутъ... мы больше времени проведемъ вмѣстѣ.

Онъ взялъ руку Розалии и прижался къ ней какъ ребенокъ.

— Видишь... только близь тебя мнѣ и хорошо... Кротость твоя убаюкиваетъ меня, твое хладнокровіе подкрѣпляетъ мои силы... Сегодня Кардальякъ привелъ меня въ такое состояніе... Вотъ ужъ именно безсовѣстный и безправственный человекъ...

— Точно ты его раньше не зналъ.

— Онъ такъ ведетъ свой театръ что просто срамъ.

— Да, ужъ правду сказать; вотъ хотя бы ангажементъ этой Башеллері... И какъ ты могъ допустить?... Особа у которой все фальшивое, и молодость ея, и голосъ, и даже рѣсницы.

Нюма чувствовалъ что краснѣеть. Рѣсницы онъ же теперь и прикрѣплялъ своими толстыми пальцами; маменька показала ему какъ это дѣлается.

— Кто же ее содержитъ, эту негодницу?... На дняхъ газеты упоминали о какомъ-то высокомъ вліяніи, о таинственной протекціи...

— Не знаю право... Вѣрно самъ же Кардальякъ.

Онъ отвернулся чтобы скрыть свое смущеніе и вдругъ съ негодованіемъ откинулся назадъ.

— Что такое? спросила Розалія, выглянувъ въ окно кареты.

Это была афиша скэтинга, громадная, размалеванная яркими красками, еще сильнее выстулавшими подъ сѣренькимъ дождливымъ небомъ. На каждомъ перекресткѣ, на всякомъ пустомъ пространствѣ стѣвъ и заборовъ являлось гигантское изображеніе трубадура окруженнаго живыми картинами, въ видѣ широкаго желтаго, велеваго или синяго латва съ перекинутымъ вкось тамбуриномъ, густо покрытымъ охрой. Весь длинный заборъ паущій вдоль лѣсовъ строящагося думскаго здавія, мимо котораго она теперь ѣхала, облѣпленъ былъ этою грубою, бросающеюся въ глаза рекламой, которая поражала даже ларійскій праздношатающійся людъ.

— Вотъ онъ мой мучитель! сказалъ Руместанъ съ выраженіемъ комическаго отчаянія.

А Розалія съ вѣжливымъ упрекомъ въ голосъ:

— Нѣтъ это твоя жертва... и къ сожалѣнію не единственная. Другую также охватилъ твой энтузіазмъ.

— Кого это?

— Гортензію.

Она сообщила ему то въ чемъ теперь увѣрилась, несмотря на скромность молодой дѣвушки, а именно любовь ея къ этому юному крестьянину; сперва это казалось лишь ребяческою фантазіей, теперь же тревожило ее какъ признакъ моральнаго разстройства Гортензіи.

Министръ пришелъ въ негодованіе.

— Можетъ ли это быть? этотъ неотесанный чурбанъ...

— Онъ представляется ей героемъ романа, какъ въ ея воображеніи, такъ и главнымъ образомъ въ твоихъ легендахъ и разказахъ которыя она приняла за чистую монету. А потому эта самая реклама, это грубое малеванье, которое тебя возмущаетъ, меня напротивъ чрезвычайно радуетъ. Мнѣ кажется что ея герой настолько ставитъ ей смѣшевъ что она не дерзнетъ болѣе любить его. Въ противномъ случаѣ не могу и представить себѣ что бы съ нами было. Можешь самъ вообразить отчаяніе моего отца... да и ты самъ рискуешь сдѣлаться затѣмъ Вальмажура... Ахъ мой бѣдный Нюма! какъ много людей невольно тобой обманутыхъ!...

Онъ не защищался, а напротивъ негодовалъ противъ самаго себя, противъ этого „проклятаго юга“, котораго лорывы онъ сдерживать былъ не въ силахъ.

— Видишь, ты всегда должна бы, какъ теперь, находиться

около меня, какъ самая дорогая моя совѣтница и разсудительная заступница. Ты одна на свѣтѣ истинно добра и снисходительна и притомъ понимаешь меня и любишь.

Онъ подвинулъ ей маленькую ручку въ перчаткѣ къ своимъ губамъ и говорилъ съ такимъ внутреннимъ убѣжденіемъ что слезы, и притомъ слезы искреннія, выступили у него на глазахъ. Потомъ, согрѣтый этимъ волненіемъ, онъ сталъ чувствовать себя легче, а когда доѣхали до Королевской площади и онъ у подъязда высаживалъ жену со всевозможными, полными вниманія предосторожностями, онъ уже веселымъ голосомъ, въ которомъ не звучало и тѣни упрековъ совѣсти, крикнулъ кучеру: „въ Лондонскую улицу, живѣ!“

Розалія, которая скоро ходить не могла, смутно слышала этотъ адресъ и ей стало чрезвычайно больно. Не то чтобъ она имѣла какое-либо подозрѣніе, но вѣдь онъ только что говорилъ ей что ѣдетъ въ Версаль. Почему же дѣйствія его вѣчно противорѣчатъ рѣчамъ?

Въ комнатѣ сестры ожидала ее много рода тревога. При самомъ входѣ она поняла что появленіемъ своимъ прервала оживленный споръ между Гортензіей и Одибертой; лицо послѣдней носило ясный отпечатокъ бурнаго настроенія и самыя ленты какъ будто трясались отъ злобы на взбитыхъ безпорядочно волосахъ. Присутствіе Розаліи видимо ее сдерживало; это замѣтно было и по губамъ ея, и по грозно нахмуреннымъ бровямъ. Впрочемъ, когда Розалія спросила какъ она поживаютъ, она по необходимости должна была отвѣчать ей, и съ лихорадочнымъ жаромъ заговорила о скетчингѣ, о выгодныхъ условіяхъ ангажемента и наконецъ, удивленная равнодушіемъ ко всему этому Розаліи, спросила ее почти дерзкимъ голосомъ:

— А вы не прѣдете послушать моего брата? Право стоило бы, хотя бы изъ-за красиваго костюма въ которомъ онъ появится на сценѣ.

И, на своемъ крестьянскомъ нарѣчій, она начала описывать этотъ смѣшной костюмъ, начиная съ прорѣза на головномъ уборѣ и до выгнутыхъ носковъ обуви, все это въ такихъ выраженіяхъ что бѣдную Гортензію терзали всѣ муки ада; она не смѣла даже поднять глазъ на сестру. Розалія извинилась, говоря что состояніе ея здоровья не позволяетъ ей посѣщать театры. Кромѣ того, говорила она, въ Парижѣ есть нѣкоторыя увеселительныя мѣста въ которыя ходятъ не всѣ женщины. Одиберта тотчасъ перебила ее.

— Позвольте... Вѣдь я же иду туда, кажется я не хуже другихъ; никогда я ничего дурнаго не дѣлала, а напротивъ всегда строго исполняю мои релігіозныя обязанности...

Она даже возвысила голосъ, какъ будто бы пользовалась въ домѣ особыми правами; прежней застѣнчивости не было и слѣда. Но Розалія была черезчуръ добра и считала себя слишкомъ высоко поставленною въ сравненіи съ этою необразованною дѣвушкой чтобы захотѣть увизитъ ее, и въ особенности въ виду опрометчиваго поступка мужа въ отношеніи къ Вальмажурю. Поэтому она ограничилась тѣмъ что обратилась къ Одибертѣ лишь съ нѣсколькими похвально сдержанности и деликатности словами, которыя могли бы послужить ко вразумленію ея, хотя конечно не легко было ихъ слышать. Она дала ей понять что Вальмажуръ услѣха не имѣлъ и никогда не добьется его въ безжалостномъ Парижѣ, что вмѣсто настойчивой и увизительной борьбы, которая спустилась уже въ самую низшую артистическую среду, имѣ гораздо лучше было бы вернуться къ себѣ домой, выкупить свой домъ, на что, какъ равно и на путешествіе имѣ дадутъ средства: тогда среди дѣятельной жизни и мирной знакомой обстановки они скоро позабудутъ всѣ невзгоды неудавшейся лѣвки.

Крестьянка дала ей кончить, ни разу не прервавъ ея рѣчи, и только промически поглядывала своими злыми глазами на Гортензію, какъ бы вызывая ее на возраженіе. Наконецъ, увидавъ что молодая дѣвушка не хочетъ ничего сказать, Одиберта холодно возразила что они не уйдутъ, такъ какъ братъ ея связавъ съ Парижемъ обязательствами... разнаго рода... которыя нарушить ему немислимо. Затѣмъ она накинута на плечи свою полусырую тяжелую тальму, взошедшую на слѣпкѣ стула, поклопилась не безъ лицемерія Розаліи: „мое почтеніе, сударыня; спасибо за совѣтъ“, и вышла вмѣстѣ съ Гортензіей.

Въ передней, понизивъ голосъ такъ чтобы не могла слышать прислуга, она сказала:

— Въ воскресенье вечеромъ, въ половинѣ одиннадцатаго часа.... непремѣнно. И затѣмъ болѣе убѣдительнымъ голосомъ и даже съ нѣкоторымъ отгвѣнкомъ авторитетности: — уже это-то вы для него, бѣдняги, можете сдѣлать.... чтобы придать ему мужества.... и чего вамъ опасаться.... я за вами приду и я же провожу васъ обратно.

Увидавъ что молодая дѣвушка еще колебается, Одиберта прибавила почти во весь голосъ съ угрожающимъ тономъ:

— Да что же въ самомъ дѣлѣ, невѣста вы его или вѣтъ?

— Я поѣду... поѣду, отвѣчала Гортензія, перелугавшись не на шутку.

Когда она вернулась къ Розалии, та замѣтивъ ея грустный и въ то же время разсѣянный видъ, спросила ее:

— Что ты такая задумчивая, моя дорогая? Или еще все продолжается твой романъ? Онъ уже вѣрно за это время сильно подвинулся впередъ, весело прибавила она, обнявъ сестру за талию:

— О да, очень подвинулся впередъ.

Взвѣтъ съ минуту помолчавъ, Гортензія прибавила съ мрачнымъ меланхолическимъ выраженіемъ въ голосѣ:

— Не вижу только какова будетъ развязка.

.....

Она его уже больше не любила, да быть-можетъ и прежде не любила вовсе. Пока она была разлучена съ нимъ и не видѣлась, онъ въ ея глазахъ преобразился и сіялъ тѣмъ „вѣжкимъ блескомъ“ который придава Абеисераму злая доля; ей казалось что въ немъ заключается вся ея судьба. Она считала дѣломъ самолюбія и гордости связать свою жизнь съ тѣмъ кого оставили покровители, кому не уныбаеа услѣхъ. Но когда она вернулась въ Парижъ, истина предстала ей въ своемъ безжалостномъ свѣтѣ и она съ ужасомъ увидѣла какъ сильно было ея заблужденіе.

Одиберта съ перваго же визита шокировала ее, и своими совершенно новыми чѣмъ прежде манерами, слѣшкомъ свободными, чересчуръ фамиллярными, а равно и общиническимъ видомъ съ которымъ она шепотомъ предупреждала ее: „Онъ за мной придетъ... только чуръ... не подайте вида“. Все это показало ей уже излишнею послѣдствостію, и въ особенности смѣлою представляла ей мысль ввести молодого музыканта въ домъ ея родителей. Но Одиберта очевидно желала ускорить развязку. Гортензія еще сильнѣе уразумѣла свое заблужденіе когда этотъ уличный артистъ началъ въ ея присутствіи принимать вдохновенныя позы, откидывая назадъ свои длинные волосы, поминутно сдвигая то въ ту, то въ другую сторону свою провансальскую шалочку. Онъ былъ правда красивъ полпрежнему, но въ немъ слѣшкомъ замѣтно было стараніе рисоваться своею красотой.

Вмѣсто того чтобы въ вѣкоторой мѣрѣ омириться и за-служить тотъ великодушный порывъ котораго онъ сдѣлался предметомъ, онъ принималъ фатоватыя позы любдителя сердець, и не говоря ни слова,—онъ впрочемъ не зналъ бы что и сказать,—обращался съ образованною свѣтскою Пари-жанкой такъ же какъ поступилъ бы въ подобномъ случаѣ съ комбетскою поселянкой, даже обнялъ ее съ перваго же разу за талию и хотѣлъ притянуть къ себѣ. Гортензія вырвалась съ какимъ-то вервнымъ отвращеніемъ, что не мало поразило его гауловатую фигуру, между-тѣмъ какъ Одиберта сочла нужнымъ вмѣшаться и сдѣлать брату строгое замѣчаніе.

— Это еще что за мамеры? Гдѣ онъ научился имъ? Ужь не въ Семъ-Жерменскомъ ли предмѣстьѣ, въ обществѣ разныхъ герцогинь? Подожди хотя до тѣхъ поръ пока она будетъ твоею женой. И, обращаясь къ Гортензіи, прибавила:—Онъ такъ горячо любитъ васъ... это у него, бѣдлаги, кровь бу-шуетъ...

Послѣ этого случая, когда Вальмажуръ приходилъ за се-строй, онъ считалъ себя обязаннымъ принимать мрачный и разочарованный видъ, и сталъ ходить на одного изъ тѣхъ злополучныхъ героевъ которыхъ изображаютъ на вильет-кахъ романо въ переполненныхъ разными ужасами. Молодую дѣвушку это пожалуй могло бы и тронуть, но юный герой какъ будто пропитанъ былъ своимъ ничтожествомъ. Онъ только и умѣлъ что приглаживать рукою свою луховую шля-лу, крутить усы и разказывать о своихъ успѣхахъ въ Семъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, либо о слеткахъ и интригахъ въ актерской средѣ. Однажды, въ продолженіе цѣлаго часа, онъ распространялся о невѣжествѣ красавца Майоля, который не поздравилъ его съ успѣхомъ по окончаніи одного концерта, и онъ послѣ каждой фразы повторялъ:

— Хорошо вашъ Майоль! нечего сказать! просто неучъ!...

Одиберта постоянно присутствовала при бесѣдахъ мо-лодыхъ людей, строго наблюдая за ними и принимая на эти случаи наружность жандарма стоящаго на стражѣ у порога нравственности. Еслибъ она могла угадать какимъ ужасомъ и отвращеніемъ наполнялось сердце Гортензіи при одной мысли о страшномъ заблужденіи котораго она сдѣла-лась жертвой.

— Ахъ ты трусиха, трусиха, говорила по временамъ Оди-берта, стараясь улыбнуться, хотя глаза ея такъ и блестяли

отъ гнѣва; она находила что дѣло не двигается съ мѣста и приписывала это застѣчивости молодой дѣвушки которая, по ея мнѣнію, боялась упрековъ или сопротивленія со стороны родителей. Она не знала что подобнаго рода соображеніе не оставило бы такую свободную и гордую натуру какъ Гортензія, елибы дѣйствительно сердце ея пылало истинною любовью. Но какъ же сказать: „я его люблю“ и смѣло пойти на встрѣчу борьбѣ когда на самомъ дѣлѣ любви вовсе не чувствуется? Между тѣмъ она связана обещаніемъ, и съ каждымъ днемъ заявлялись къ ней новыя требованія. Такъ, напримѣръ, этотъ первый дебютъ въ скетингѣ, куда Одбертъ непременно хотѣлось, хотя бы насильно, увлечь молодую дѣвушку, въ надеждѣ что услыхъ и рукоплесканія публики сразу подвинутъ дѣло къ развязкѣ. Послѣ упорнаго сопротивленія Гортензія кончила тѣмъ что согласилась отправиться изъ дома вечеромъ, тайкомъ отъ матери, прибѣгнувъ для того ко лжи и къ унизительному обществу. Она уступила изъ страха, по слабости, а быть-можетъ и лобуждаемая надеждой что тамъ снова явится предъ нею прежній образъ ея героя; воскреснетъ временно разсѣявшій миражъ и опять разгорится пламя любви такъ лечально угасшее.

XV. Въ скетингѣ.

Гдѣ это? Куда ее везутъ? Карета уже ѣдетъ довольно долго Одберта сидитъ рядомъ съ нею, держа ея обѣими руками въ своихъ, успокаиваетъ ее, говоря съ лихорадочнымъ жаромъ. Она ничего не видитъ и не слышитъ. Скрипѣніе крикаваго голоса ея слугицы, отбиваемое шумомъ колесъ, столь же неловятно и чуждо ей какъ всѣ эти улицы, бульвары, фасады здавій; они представляются ей не въ ихъ обычномъ, хорошо знакомомъ ей видѣ, а какъ будто обездѣченными ея сильнѣйшимъ душевнымъ волненіемъ, точно глядятъ она на нихъ изъ свадебной кареты или съ погребальной колесницы... Наконецъ послѣдній толчекъ, и карета остановилась у широкаго тротуара залитаго яркимъ бѣлымъ свѣтомъ, на которомъ мелькали черныя тѣни собравшейся у подъѣзда толпы. У входа въ длинный корридоръ касса для продажи билетовъ, затѣмъ дверь обитая малиновымъ бархатомъ и тотчасъ за этою

дверью обширный залъ, который какъ по средней площадкѣ своей, такъ и по боковымъ галереямъ напомнилъ ей одну англійскую церковь въ которой она однажды была на свадебной церемоніи. Разница была въ томъ что здѣсь стѣны покрыты были афашами, разноцвѣтными объявленіями о ларковыхъ шаллахъ, о сорочкахъ шитыхъ по мѣркѣ за 4 фр. 50 сантимовъ; тутъ были и рекламы магазиновъ готовыхъ нарядовъ попеременно съ портретами тамбуривера, котораго біографія предлагалась рѣзкими голосами продавцевъ афашъ среди оглушительнаго шума. Разговоры кружащейся публики, стонъ волчковъ пускаемыхъ по сукну англійскаго билларда, громкіе крики гостей требующихъ вина или лива, наконецъ достигающіе изъ глубины зала гармоническіе звуки прерывавшіеся отъ времени до времени разрывомъ летардъ, какъ неизмѣннаго аккомпанеента патріотическихъ арій,—все это заглушалось непрерывнымъ шумомъ коньковъ на колесахъ, скользившихъ взадъ и впередъ по широкой площадкѣ выложенной асфальтомъ и окруженной, какъ баюстрадаю, такъ и густыми рядами мужскихъ круглыхъ шляпъ и дамскихъ головныхъ уборовъ времени Директоріа.

Смущенная, растерянная, попеременно блѣднѣя и краснѣя подъ своимъ вуалемъ, Гортензіа шла вслѣдъ за Одбертой, не безъ труда пробираясь между рядами маленькихъ столпковъ окаймлявшихъ залъ, съ сидящими за ними лопарно женщинами, которыя или облокотясь на столы, съ палпировали въ зубахъ, положивъ ногу на ногу и видимо скучая. На вѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи видѣлись у стѣны небольшіе прилавки съ налитками, и за каждымъ неизмѣнно стояла дѣвушка съ подведенными у глазъ кругами, ярко-малиновыми губами, стальными украшеніями въ черномъ или рыжемъ шивьонѣ, съ выщипанными на лобъ космами. Фальшивая бѣлизна, искусственные черные круги, подрисованныя румяныя улыбки видны были повсюду, точно составляли либрето этихъ полумощныхъ тусклыхъ фигуръ. Мрачною казалась также прогулка всѣхъ этихъ мужчинъ, которые толпились, дерзкіе и грубые, между столами, пуская направо и налево дымъ своихъ толстыхъ сигаръ, нахально прищипывались и подходили къ самому носу чтобы ближе разсмотрѣть продажный товаръ. Все это походило на настоящую торговую площадь, еще болѣе и потому что въ большинствѣ публики имѣла характеръ космополитической,

заклячая въ себѣ по преимуществу жителей отелей только-что прибывшихъ въ Парижъ и явившихся сюда въ дорожныхъ неглиже, шотландскихъ шалочкахъ, полосатыхъ сюртучкахъ, съ ладами еще пропитанными туманами Ламаанскаго пролива, или же въ московскихъ шубахъ не успѣвшихъ еще оттаять. Тутъ встрѣчались и длинныя черныя бороды, и надменные физиономіи съ береговъ Шпре дышущія ненасытностью фавновъ, и татарская лютость, и турецкія фески на сюртукахъ безъ воротовъ, и Негры въ одеждѣ досытающей не менѣе чѣмъ ихъ шелковыя шляпы, и маленькіе Японцы одѣтые по-европейски, чолпоровые и ватаутые, точно модныя картинки.

— Bondieu, какой уродецъ! восклицала вдругъ Одберта, остановясь предъ Китайцемъ, крайне серіознымъ, съ длиною косой на сливъ широкаго голубаго балахона, или же она приотставившаяся и толкала локоть своей слугицѣ, говоря: „смотрите... новобрачная“!... и показывала при этомъ на женщину всю въ бѣломъ, съ флеръ-д'оранжевыми цвѣтами на головѣ, съ открытымъ корсажемъ и раслуценымъ шлейфомъ; она развалилась на двухъ стульяхъ, причемъ на одномъ покопалась ея нога, обутая въ бѣлыя атласныя сапожки съ серебряными каблучками, а отъ волосъ спускалась на спину коротенькая кружевная мантилья. Потомъ, внезапно скандализованная нѣсколькими замѣчаніями лубаки, которая съ достаточною ясностью опредѣляла настоящій характеръ этой „новобрачной“, Провансалка таинственно прибавляла: „это изъ ядовитыхъ, понимаете“! И тотчасъ, чтобъ удалить Гортензію отъ дурнаго примѣра, она увлекла ее въ среднюю залу: тамъ въ самой глубинѣ возвышалась сцена, на которую изъ двухъ громадныхъ стеклянныхъ глобусовъ лились струи электрическаго свѣта. Здѣсь по крайней мѣрѣ можно было отдохнуть отъ шумной и скандальной суеты галерей служащихъ для прогулки. Въ рядахъ стульевъ помѣщались кой-какія мѣщанскія семьи, по преимуществу торговый людъ мѣстнаго квартала. Женщинъ было мало. Можно бы даже предтавить себѣ что сидишь въ какомъ-либо театральномъ залѣ, еслибы не страшный шумъ царствовавшій вокругъ и вѣчно заглушаемый однообразнымъ, мѣрнымъ катаніемъ колесъ по асфальту. Колькобѣнды заглушали и мѣдые инструменты, и даже барабаны оркестра; только мимика живыхъ картинъ имъ не поддавалась.

Занавѣсь опустился послѣ патристической картины изображавшей громаднаго бельфорскаго льва изъ картона, окруженнаго воинами въ торжествующихъ позахъ на полуразрушенныхъ бастіонахъ, съ воткнутыми на штыкахъ кели, между тѣмъ какъ раздавался звуки нескончаемой *Марсельезы*. Эта картина и возбужденный ею восторгъ воодушевила Одиберту, которая, широко выпучивъ глаза, усаживала въ то же время Гортензію, говоря ей:

— Видь тутъ вамъ будетъ хорошо, не правда ли? Да подумите же вашъ вуаль... не бойтесь... чего вы дрожите... чего вамъ бояться когда я съ вами.

Молодая дѣвушка ничего не отвѣчала. Она еще находилась подъ впечатлѣніемъ того униженія которое пришлось ей испытать проходя сквозь ряды раскрашенныхъ предеставцъ.

И тутъ, предъ самыми глазами, она снова видѣла тѣ же маски съ алыми губами, въ лицѣ двухъ каютовъ, которые ломались одѣтые въ трико, имѣя въ каждой рукѣ по колокольчику и перезванивали во время своихъ упражненій арію изъ Марты; это была настоящая музыка гномовъ, безобразная и какъ будто съ перерывами, но тѣмъ не менѣе совершенно подходившая къ гармоническому сумбуру скѣтпага. Затѣмъ снова опустился занавѣсь, и Одиберта, которая уже разъ десять вставала и опять садилась, волнуясь, поправляя свою наколку, провозгласила вдругъ, читая афишу: „Кордуанская гора... стрекозы... Фаравдола! Вотъ теперь начинается“...

Занавѣсь взвилась и взорамъ лублики открылась на заднемъ фонѣ декорациі холмистая мѣстность ледоваго цвѣта, на которой бѣлыя оригинальныя постройки, похожія и на замокъ и на мечеть, поднимались уступами, образовали стѣнные зубцы и стрѣлки съ алыми и лальмами изъ цинка у лодожіа неподвижныхъ башенъ; эти послѣднія почти упирались верхами въ рѣзко-синее небо. Подобнаго рода куріозныя архитектурныя произведенія попадаются часто въ окрестностяхъ Парижа между виллами разбогатѣвшихъ торговцевъ. Но несмотря на черезчуръ рѣзкіе тоны какъ цвѣтовъ тиніана, которыми устланы были склоны холмовъ, такъ и экзотическихъ растений выставленныхъ для придачи Кордуанской горѣ болѣе поразительнаго эффекта, Гортензіа чувствовала какое-то безлокойное волненіе при видѣ пейзажа пробуждавшаго въ ней самыя пріятныя воспоминанія; османійская постройка на горѣ изъ розоваго порфира представлялась ей

вовъ отстроеннымъ замкомъ, о которомъ она вѣкогда мечтала, но теперь осуществленіе ея мечты отъизвалось и комичностью и преувеличеніемъ, подобно тому какъ сонъ принимаетъ очертанія самыя оригинальныя и неожиданныя когда переноситъ человѣка въ состояніе кошмара.

По сигналу капельмейстера и направленного на сцену электрическаго свѣта показался длинный рядъ фигурантокъ одѣтыхъ стрекозами, или вѣрнѣе казавшихся вовсе неодетыми въ ихъ зеленоватомъ трико плотно прилегавшемъ къ тѣлу. Онѣ забѣгали, ударяя по воздуху длинными перепончатыми крыльями съ прилаженными къ нимъ трещотками.

— Какъ! это стрекозы!.. Нѣтъ, ужъ извините, съ негодованіемъ воскликнула Одиберта.

Но онѣ уже стали полукругомъ, продолжая дѣйствовать своими трещотками, которыя теперь хорошо были слышны, такъ какъ шумъ конькобѣжцевъ сталъ утихать, а гулъ гадерепа для гуляющихъ временно замолкъ; головы всей лублики изъ-подъ причесокъ и шляпъ самаго разнообразнаго склада и покроа обратились ко сценѣ и тѣснились чтобы лучше видѣть представленіе. Гортезю охватило грустное чувство, которое усилилось еще болѣе когда она услышала сперва далеко, а потомъ все ближе и ближе въ началѣ глухіе, а затѣмъ болѣе полные удары по тамбуриву. Ей такъ и хотѣлось бы убѣжать изъ зала чтобы не видѣть того кто долженъ былъ явиться на сцену. Флейта въ свою очередь также стала на-свистывать свои жидкія нотки, и мѣрными шагами, подымая пыль съ ковра цвѣта зеленой почвы, задвигалась фарандола. По мѣрѣ того какъ она развивалась по сценѣ, обнаружилось необыкновенное разнообразіе въ костюмахъ участвующихъ, очевидно пустившихъ въ ходъ свои личныя фантазіи: тутъ были и короткія юбки, и длинныя красныя чулки съ золотыми нашивками, куртки всѣ покрытыя блестками, и прически со влетающими въ волосы монетами, и накладки изъ шелковой матеріи, и покрои варяговъ напоминавшіе Италію, Бретань и Нормандію, но отнюдь не соответствующіе той мѣстности гдѣ должно было происходить дѣйствіе. Позади всѣхъ, также мѣрнымъ шагомъ, подтакивая колѣномъ тамбуривъ оклеенный золотою бумагой, шелъ изображенный на афишахъ трубадуръ, на половину наряженный въ трико: одна нога его въ желтомъ трико обута была въ синій салогъ; на другой ногѣ, синей, обувь была желтая. При этомъ атласная...

куртка съ кистями и головной бархатный уборъ съ зубцами отъвѣняли лицо сохранившее свою смуглость, вопреки изобилію бѣлизны; только особенно рѣзко выступали бусы крѣпко закрученныя при помощи венгерской помады.

— Это прелесть! воскликнула Одберта въ порывѣ восторга.

Фарандола выстроилась по обѣ стороны сцены, имѣя передъ собою рядъ стрекозъ съ большими крыльями; трубадуръ остался посреди сцены одинъ и съ видомъ полной увѣренности въ близкое торжество поклонился публицѣ въ то время какъ направленный на его фигуру электрической свѣтъ осыпалъ его куртку блестящимъ инеемъ. Началась чисто сельскаго характера серенада, жидкая, она едва достигала рампы и, какъ будто обжегшись на огняхъ ея, устремляясь къ потолку обширнаго зданія чтобъ уласть оттуда посреди пропитаннаго скукой безмолвія. Публика глядѣла, видимо ничего не понимая. Вальмажуръ перешелъ къ другой пьесѣ, но первые же такты ея приняты были смѣхомъ, говоромъ, разнаго рода восклицаніями. Одберта схватила руку молодой дѣвушки.

— И здѣсь тѣ же интриги... khabbale... смотрите...

Но дѣло пока ограничивалось шканьемъ, криками: „громче! не слышно!“ и шутками подобно той которая вырвалась у одной женщины при видѣ сложной мимики артиста.

— Скоро ты кончишь, ученый кроликъ?

Затѣмъ скэтлингъ снова погрузился въ шумъ коньковъ, англійскихъ билліардовъ, ходячаго торгашества, локрывавшій собою и флейту и тамбурина, на которыхъ артистъ улюлюкалъ, желая довести серенаду до конца. Окончивъ, онъ поклонился публицѣ, подошелъ къ рампѣ въ сопровожденіи электрическаго свѣта, который ни на минуту не покидалъ его фигуры, и казалось губы его что-то стали шептать, слышались какъ будто отрывистыя слова: „это на меня сошло ночью... одна дырочка... три дырочки... птицы небесныя...“

Затѣмъ послѣдовалъ отчаянный жестъ попятый оркестромъ какъ сигналъ начинать балетъ, и стрекозы соединились съ нормандскими и бретонскими гуріями для изображенія пластическихъ позъ и плясокъ, лютыхъ нѣги при бенгальскихъ огняхъ освѣщавшихъ даже остроконечныя сапоги трубадура; онъ не взирая ни на что продолжалъ мимировать съ тамбуриномъ предъ замкомъ своихъ предковъ, окруженнымъ блестящимъ апопеезомъ...

И это былъ герой ея романа! Вотъ что сдѣлалъ изъ него Парижъ!....

Старинные стѣнные часы, висѣвшіе въ ея комнатѣ, звонко пробили часъ когда Гортензія встала съ кушетки, на которую упала въ изнеможеніи, вернувшись домой. Она оглянула свое дѣвственное гвѣздышко, полное успокоительной теллоты отъ замирающаго огня полусонной лампы.

— Что же я тутъ дѣлаю? Почему я не въ постели?

Она какъ будто ничего не помнила, чувствуя лишь въ тѣлѣ своемъ смертельное утомленіе, а въ головѣ какой-то шумъ ударившій ей въ виски. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, замѣтила что на ней тальма и шляпа, и память ея освѣжилась. Отъѣздъ оттуда послѣ паденія замавѣса, сквозь ряды гуляющихъ, поглощаемыхъ еще болѣе чѣмъ въ началѣ гнуснымъ торгомъ, пьяные мажоры конскихъ скачекъ спорящіе до драки у буфета, голоса которые цинично шелтали при ея проходѣ разныя цифры, какъ бы предлагая за нее цѣну; затѣмъ у самаго выхода сцена съ Одибертой требовавшей чтобъ она пошла поздравить брата съ успѣхомъ, гвѣвъ Провансаки когда онѣ сѣли въ карету, дерзости которыми эта тварь осыпала ее, вслѣдъ затѣмъ увидавъ и цѣлуя руки чтобы вымолить прощеніе,—все это смѣшалось въ ея памяти съ кривляніемъ клоуновъ, нестройною музыкой колокольчиковъ, цимбалами, трещотками, разноцвѣтнымъ блескомъ бенгальскихъ огней, освѣщавшимъ смѣшнаго трубадура, которому она отдала свое сердце. Физическое отвращеніе овладѣвало ею при одной этой мысли.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда!... лучше умереть...

И вдругъ, взглянувъ на себя въ зеркало, она увидѣла какъ бы привидѣніе со впалыми щеками, съ лапами худыми и выдающимися впередъ, точно они ежались отъ холоду. Это конечно была она; но въ то же время этотъ образъ имѣлъ много сходства съ княгиней Ангальтъ, о фигурѣ которой она такъ много распространялась въ письмахъ изъ Арциальара, слѣдя съ любопытствомъ за симптомами ея постелевнаго разрушенія. Княгиня скончалась еще въ началѣ зимы.

— „Неужели и я“... пришла ей на мысль.

Она наклонилась еще ближе къ зеркалу, припомнила ту необъяснимую внимательность съ которою всѣ относились къ ней на водахъ, вспомнила и страхъ матери, и волненіе

Бушери, когда она уѣзжала, и все ей стало ясно. Наконецъ она вышла развязку своему роману... развязка приближалась сама собой. Уже довольно долго она ее искала.

XVI.

Торговая произведеніями юга.

— Барышня очень больна, а барыня никого не принимаетъ.

Отвѣтъ этотъ Одиберта слышала въ десятый разъ въ продолженіе десяти дней. Она стояла неподвижно, съ опущенными къ землѣ глазами предъ тяжелою дверью съ перемычкой и малоткомъ, какія встрѣчаются еще только подъ аркадами Королевской площади. Дверь эта затворялась предъ ней, какъ будто навсегда преграждала ей входъ въ старинное жилище семьи Декенуа.

— Ладно, сказала она.—Я больше не приду... Они сами меня позовутъ.

И она пошла вся взволнованная по оживленному торговому кварталу, гдѣ возы нагруженные большими тюками, бочками, гибкими и шумливыми желѣзными полосами, скрещивались съ ручными тележками выѣзжавшими изъ воротъ или во дворы на которыхъ сколачивали большіе ящики для укладки товара. Но Одиберта не замѣчала ни этого адскаго шума, ни дѣятельной суетни и толкотни, гулъ которой достигалъ даже верхнихъ этажей высокихъ зданій. Въ ея головѣ также скрещивались мысли одна другой грубѣе, отдавались страшные толчки ея воли, которой шла наперекорь. И она, не чувствуя утомленія, подвигалась впередъ, рѣшаясь чтобы не тратиться на омнibusъ, пройти лѣшкомъ весь данный путь отъ квартала Марс до улицы Момартскаго аббатства.

Она недавно переехала сюда послѣ долгаго странствованія по разнаго рода отелямъ, меблированнымъ комнатамъ и квартирамъ; ни гдѣ не хотѣла держать ихъ собственно изъ-за тамбурана. Помѣстились они тутъ въ новомъ зданіи, населенномъ сверху до низу непригляднымъ сборищемъ женщинъ, праздношатающихся мелкихъ аферистовъ, разными семьями искателей приключеній, какіе встрѣчаются во множествѣ въ портовыхъ городахъ, влача свою праздную жизнь по балконамъ и галереямъ отелей среди пріѣзжающихъ и отправляющихся

въ дорогу, караула безъ усталы приливъ и отливъ пубаика, отъ которой ожидаютъ всякихъ земныхъ благъ. Всѣ жители этого дома принадлежали къ числу выжидающихъ счастливаго случая. Квартирная плата была, правда, довольно высока, въ особенности для Вальмажуровъ, которымъ приходилось теперь тратиться на гербовую бумагу для требованія уплаты за нѣсколько представленій въ скѣтингъ, такъ какъ заведеніе это обанкрутилось. Но за то здѣсь, въ окрашенномъ зданіи, въ которомъ не было запрету даже самому неприглядному ремеслу и гдѣ ссоры и брань почти непрерывались, тамбуринеръ никого не беспокоилъ, такъ какъ музыка его входила въ колею вѣчнаго шума новаго его жилища. Напротивъ того, самъ онъ вышелъ изъ своей обычной колеи; рекламы, афиши, костюмъ наполовину изъ трико въ обтяжку и красивые усы произвели фуроръ между лосѣтельнымицами скѣтинга, менѣе жеманными и разборчивыми нежели барышня Королевской площади. Онъ свелъ знакомство и съ актерами Бативьольскаго квартала и съ лѣвцами кафе-шантановъ: все это избранное общество сходилось на бульварѣ Рошешуаръ, въ одномъ изъ невзрачныхъ кабачковъ, носившемъ прозвище Пальясонъ.

Здѣсь проводили время въ томъ что безпутно и праздно прохаживались взадъ и впередъ, играли въ карты, пили пиво, перебирали слетви маленькихъ театровъ и полусвѣта низшихъ степеней. Кабачокъ этотъ былъ предметомъ особенной ненависти со стороны Одиберты; онъ возбуждалъ въ ней и ужасъ, и такіе страшные порывы дикаго гнѣва что отецъ и братъ ея невольно преклонялись предъ ними точно предъ тролическою бурей, и только оставшись вдвоемъ клая на всѣ лады ихъ деспотическую повелительницу въ зеленой юлкѣ, говоря о ней съ таинственнымъ и враждебнымъ видомъ, точно боязливые школьники или провинившаяся прислуга: „что она говорила? сколько она тебѣ дала?“ Ихъ единственною заботой было уйти изъ дома такъ чтобы она не замѣтила. Одиберта это отлично знала, наблюдала за ними и всегда слѣдила вернуться домой чтобы не оставлять ихъ одними.

Въ этотъ же день она ушла съ ранняго утра, а потому болѣе чѣмъ когда-либо торопилась. Поднимаясь по лѣстницѣ, она на минуту пріостановилась, и не слыша ни флейты ни тамбурина, подумала: „о негодный, ужъ онъ опять въ

Пальясомъ“. Но едва успѣла она открыть дверь какъ отецъ бросился къ ней навстрѣчу и оставивъ взрывъ ея гнѣва.

— Не кричи... тебя ждетъ гость... изъ министерства.

Дѣйствительно, въ гостиной ожидалъ ее Межанъ. Подобно тому какъ во всѣхъ плохихъ квартирахъ домовъ выстроенныхъ маскоро и кой-какъ, гдѣ всѣ этажи имѣютъ одинаковое расположеніе комнатъ, у Вальмажуровъ также была гостиная расписанная и размалеванная, чѣмъ особенно гордилась Одиберта. Межанъ взоромъ полнымъ состраданія оглядывалъ скромную провансальскую мебель, какъ бы теряющуюся въ этой большой комнатѣ ярко освѣщенной двумя широкими окнами безъ занавѣсей и маломыслившей собою приемную зубнаго врача; въ этой гостиной фигурировали, въ качествѣ обстановки, и квашня, и хлѣбница, уже потертыя отъ безпрестанныхъ перѣздовъ съ мѣста на мѣсто, зазубренныя и чуть живыя, выступавшія какъ пыльное латно сельскаго быта на вызолоченныхъ обояхъ и рисункахъ выведенныхъ клеювою краской. Надменный профиль Одиберты въ праздничномъ головномъ уборѣ, также вовсе не гармонизировавшій съ латынью этажомъ парижскаго дома, все это возбуждало въ душѣ Межана еще болѣе состраданія къ жертвамъ Нюма, и онъ тихимъ, мягкимъ голосомъ сталъ объяснять причину своего посѣщенія.

Министръ, желая устранить для Вальмажура возможность новыхъ неудачъ и считая себя въ извѣстной мѣрѣ отвѣтственнымъ за претерпѣвныя до настоящаго времени невзгоды, посылалъ имъ пять тысячъ франковъ въ видѣ вознагражденія за ихъ потери и для того чтобъ они могли вернуться на родину. Онъ вынулъ изъ бумажника банковые билеты и положилъ на олраву квашни.

— Такъ намъ надо будетъ уѣхать? спросила Одиберта не двигаясь съ мѣста и какъ будто о чемъ-то размышляя.

— Министръ желаетъ даже чтобы вы послѣшили отъѣздомъ. Ему хотѣлось бы скорѣе услышать что вы опять у себя дома, спокойные и счастливые какъ прежде.

Старикъ Вальмажуръ рискнулъ кивнуть взгляды на билеты: „миѣ это кажется весьма разсудительнымъ... а ты что скажешь“?

Она ничего не говорила и ожидала продолженія, къ которому Межанъ видимо приготавлился, ворочая въ рукахъ свой бумажникъ.

— Къ этимъ пяти тысячамъ франковъ мы прибавимъ еще пять тысячъ дабы получить обратно... получить обратно...

Волненіе душило его. Розалія поступила крайне жестоко возложивъ на него это порученіе. Да, иногда горько приходится тому на кого смотрятъ какъ на человѣка хладнокровнаго и съ твердою волей; отъ него постоянно требуютъ большаго чѣмъ отъ другихъ. И онъ едва слышнво, скороговоркой произнесъ: „получить обратно портретъ Гортензіи Лекенуа“.

— Наконецъ-то... портретъ... я такъ и знала, воскликнула Одиберта отчеканивая каждое слово.—Значить вы думаете что заставивъ насъ пріѣхать сюда съ одной изъ окраинъ Франціи и наобѣщавъ намъ съ три короба, когда мы вовсе ничего не просили, можно теперь насъ же выбросить отсюда, точно какойнибудь перегнившій мусоръ заражающій воздухъ... Уберите ваши деньги... Можете быть увѣрены что мы не уйдемъ. Такъ и передайте имъ, а равно не возвратимъ и портрета... Это своего рода документъ... я храню его въ моемъ мѣшкѣ... никогда не расстаюсь съ нимъ... Я покажу всему Парижу, прочту всѣмъ то что подъ портретомъ написано.... дабы весь міръ зналъ что вся семья Руместана обманщики и ажецы.

Она оковчательно вышла изъ себя.

— Mademoiselle Лекенуа очень больна, замѣтилъ Межанъ серіознымъ тономъ.

— Такъ что жь?

— Она должна оставить Парижъ и едва ли вернется сюда живая.

Одиберта ничего не отвѣчала, но насмѣшливый взоръ ея и безжалостный складъ ея античнаго лба, упрямаго и какъ будто придавленнаго заостреннымъ концомъ ея челпа, съ достаточною ясностью говорили что она будетъ крѣпко стоять на своемъ рѣшеніи. Межанъ было порывался броситься на нее, завладѣть силою шелковымъ мѣшкомъ, который висѣлъ у нея на поясъ, и бѣжать съ нимъ безъ оглядки. Однако онъ удержался, попытался еще разъ уговорить ее, но безуспѣшно и наконецъ, задыхаясь отъ гнѣва, крикнулъ на прощаніе: „смотрите, будете раскаиваться“!

Старикъ Ваальмажуръ видимо былъ недоволенъ развязкой.

— Берегись, дочка, наживешь ты намъ бѣды.

— Ну вѣтъ; мы сами еще раньше надѣлаемъ имъ неприятностей. Я пойду-посоветуюсь съ Гильиошемъ.

„Гильиошъ, ходатай по дѣламъ“. Такого рода дощечка прикрѣплена была ко двери, какъ разъ напротивъ ихъ квартиры, и тамъ воссѣдалъ одинъ изъ тѣхъ отчаянныхъ дѣльцовъ у которыхъ вся обстановка состоитъ изъ громаднаго кожанаго портфеля наполненнаго вещными дѣлами, гербовою бумагой, нѣсколькими листами простой для довозовъ и вымогательныхъ писемъ, остатками пирога, подвязною бородой, а иногда и молоткомъ для того чтобы пристукнуть при случаѣ какую-нибудь молочницу, какъ еще недавно обнаружилось по разбираемому въ судѣ процессу. Объ этомъ гилѣ, весьма часто попадающемъ въ Парижъ, не стоило бы и распространяться еслибы господинъ Гильиошъ, котораго и лицо было такъ-сказать гильиошировано множествомъ мелкихъ симметрически расположенныхъ морщинъ, не отличался въ своей профессіи нѣкоторою весьма характеристичною особенностью. Онъ имѣлъ спеціальностію, исполненіе за провинившихся въ школѣ учениковъ тѣхъ задачъ и уроковъ которыя налагались на нихъ въ видѣ наказанія. Невзрачный писарекъ его присутствовалъ всегда при выходѣ учениковъ изъ лица и входилъ съ наказанными въ садъки насчетъ перелюски заданныхъ имъ лѣсенъ Эванды или иныхъ стиховъ, а за ночь приготовлялъ эти уроки за нихъ. Даже самъ Гильиошъ, когда не было въ виду другаго дѣла, также запрягался въ эту оригинальную работу изъ которой извлекалъ немаловажные барыши.

Узнавъ отъ Одберты всѣ обстоятельства дѣла, онъ нашелъ его весьма цѣннымъ. Слѣдуетъ послать министру судебную повѣстку, устроить чтобы заговорили газеты, наконецъ самый портретъ — настоящее золотое дно. Но только требовались и время, и поѣздки, и хлопоты, и онъ просилъ задатка различными деньгами, такъ какъ ожидаемое отъ Пюпфорка наследство казалось ему не чѣмъ инымъ какъ пустымъ мirageмъ. Это требованіе адвоката вовсе не согласовалось съ жаднымъ скрапничествомъ Одберты и такъ уже подверженнымъ серіозному испытанію: брать ея, котораго въ первую зиму часто приглашали въ богатые салоны, теперь какъ бы не существовалъ болѣе для Сенъ-Жерменскаго предмѣстья.

— Когда такъ, то я сама буду работать... пойду хотя въ услуженіе.

И энергическая Арлезианка забѣгала по новому зданію, поднималась и спускалась по лѣстницамъ, разнесла по всѣмъ

этажамъ исторію которую имѣла съ министромъ, горячилась, выходила изъ себя и вдругъ, принявъ таинственный видъ, шепотомъ заявляла: „есть еще портретъ“. Потомъ какъ бы украдкой и озираясь по сторонамъ, со всіми ужиками торговки непристойными фотографическими карточками, показывающей свой товаръ старымъ развратникамъ, она вынимала портретъ изъ своего мѣшечка. „Красивая дѣвушка по крайней мѣрѣ... А прочитайте что написано внизу“.... Подобныя сцены происходили преимущественно въ средѣ полусвѣта, у обычныхъ посѣтительницъ скетинга или Пальсона. Дамъ этихъ она величала: „madame Мальвина, madame Элоизъ“.... ибо на нее производили особенное впечатлѣніе ихъ бархатныя платья, сорочки отороченныя зубчиками изъ лентъ и вообще вся ихъ обстановка, а о томъ какую цѣной это все имъ доставалось, она ни мало не безлюбопытствовала. И портретъ иной, столь деликатной и изящной дѣвушки ходилъ по нечистымъ рукамъ, вызывая лишь любопытство и неумѣстные критическіе отзывы: разбирали подробно ея наружность, читали писанное ея рукой наивное признаніе, а затѣмъ Провансалка, снова овладѣвъ своимъ добромъ, укладывала его обратно въ мѣшечекъ и запирала замокъ, причемъ неизмѣнно восклицала съ угрожающимъ жестомъ и задыхаясь отъ гнѣва: „кажется они теперь въ вашихъ рукахъ“.

Независимо отъ подобнаго рода сценъ, она то и дѣло рыскала по судебнымъ приставкамъ и по дѣлу со скетингомъ, и по процессу съ Кардальякомъ, и по претензіи къ Ружестану. Но всего этого было недостаточно для ея воинственной натуры. У ней снова началась исторія съ консьержами и опять по поводу шума производимаго тамбуриномъ; кончилось наконецъ тѣмъ что Вальмажуръ-сынъ вынужденъ былъ заниматься своею музыкой въ подвальномъ этажѣ виннаго погребка, гдѣ зачастую звуки охотничьяго рога чередовались съ преподаваніемъ бокса и фехтованія. Въ такомъ подвалѣ, при свѣтѣ газа оплачиваемаго по часамъ, среди ралпръ, замшевыхъ перчатокъ и охотничьихъ трубъ развѣшенныхъ по стѣнамъ, тамбуринеру пришлось въ одиночество, точно заключенному въ темницѣ, проводить часы своихъ музыкальныхъ упражненій, оглашая низы тротуара вариациями флейты, валомивавшими плаксивое, но рѣзкое лѣніе сверчка въ очагѣ парижской булочной.

Въ одинъ прекрасный день Одиберту пригласили въ контору полицейскаго комиссара. Она послѣдно отправилась

туда веселая, улыбающаяся, съ поднятою высоко головой, будучи убѣждена что рѣчь идетъ о наследствѣ послѣ кузена Пюцфорка. Спустила четверть часа времени она вышла изъ конторы растрепанная и налуганная; ее заставили возвратить немедленно портретъ, получить десять тысячъ франковъ и дать подписку что она отказывается впредь отъ всякаго процесса и считаетъ себя удовлетворенною. Но она упорно отказалась выѣхать изъ Парижа, настойчиво вѣруя въ гениальность брата, и продолжала сохранять въ памяти блестящую вереницу экипажей, въ зимній вечеръ, у подъѣзда ярко освѣщеннаго министерскаго зданія. Вернувшись домой она заявила отцу и брату, еще болѣе перетрусившимъ чѣмъ она сама, не говорить болѣе ни слова о дѣлѣ, но о полученныхъ деньгахъ даже не промолвилась. Гильиошъ провѣдавшій объ этой полукѣ пустилъ въ ходъ всевозможныя ухищренія чтобы пожитьсяя и на свою долю, но добился лишь самаго ничтожнаго вознагражденія и потому крайне былъ недоволенъ Вальмажурами, ожидая лишь случая насолить имъ.

— Ну что жь, заявилъ онъ въ одно утро Одбертъ, чистившей на лѣстницѣ парадный костюмъ своего брата не встававшаго еще съ постели,—теперь вы конечно рады... онъ наконецъ умеръ.

— Кто умеръ?

— Да Пюцфоркъ, кузень вашъ... Въ газетахъ сказано.

Она вскрикнула, побѣжала въ квартиру и принялась громко, даже со слезами въ голосъ, звать своихъ:

— Отецъ! братъ! скорѣе! наследство!

Всѣ взволнованные выбѣжали и обступили Гильиоша, который развернулъ официальную газету и мѣрнымъ голосомъ прочиталъ слѣдующее:

„Въ первый день октября 1876 года трибуналъ первой инстанціи Мостаганема, по требованію управленія государственныхъ имуществъ, опредѣляетъ публиковать во всеобщее свѣдѣніе о наследствахъ открывшихся послѣ смерти ниже-слѣдующихъ лицъ: Полеливо (Луи) лоденщикъ“ ... Это не то, а вотъ дальше: „Пюцфоркъ (Досиенъ)“.

— Онъ самый и есть, сказала Одберта.

Старикъ Вальмажуръ оцелъ долгомъ приложить лавтокъ къ глазамъ: „бѣдный Досиенъ“!

— „Пюцфоркъ (Досиенъ), умершій въ Мостаганемѣ 14 января 1874, родился въ Вальмажурѣ, въ Апскомъ приходѣ“...

Одиберта, старая отъ нетерпѣнія, спросила:

— А какъ велико наследство?

— Три франка тридцать лять сантимовъ, крикнулъ онъ громкимъ голосомъ уличнаго разнощика, и оставивъ имъ газету, дабы она могла убѣдиться лично насколько обманулись въ своихъ надеждахъ, убѣжалъ съ громкимъ смѣхомъ. Подобный же смѣхъ скоро поднялся во всѣхъ этажахъ и охватилъ весь Монмартрскій кварталъ, которому известна была легенда о наследствѣ Вальмажуровъ. „Три франка тридцать лять сантимовъ.... хорошая пожизна!“ Одиберта дѣлала видъ что смѣется этому случаю болѣе чѣмъ кто-либо, но въ глубинѣ сердца страстное желаніе отомстить Руместану, вивовику, по ея мнѣнію, всѣхъ ихъ бѣдъ, еще болѣе усиливалось; желаніе это искало лишь выхода, средства, какого-либо орудія мести.

Физиономія старика Вальмажура послѣ развязки вопроса о наследствѣ была до-нельзя оригинальна. Въ то время какъ дочь досадовала и сердилась, а сынъ разливалъ свои мелодіи по подвальному этажу, старикъ, со свѣтымъ взоромъ и безлечнымъ видомъ, вовсе не выказывалъ какъ прежде завистливыхъ чувствъ по отношенію къ таланту своего дѣтища, а какъ будто жилъ себѣ особнякомъ отъ семьи. Тотчасъ по окончаніи завтрака онъ исчезалъ, и нерѣдко утромъ, при чисткѣ платья, выладалъ у него изъ кармана то вишневая ягоды, то фруктовые леденцы. Старикъ давалъ на это разныя болѣе или менѣе правдоподобныя объясненія: говорилъ что встрѣтилъ на улицѣ одну женщину изъ ихъ стороны, что она угостила его и на дняхъ хотѣла зайти къ нимъ.

Одиберта недовѣрчиво слушала его, думая про себя: „А что есаибы мнѣ послѣдить за тобой!“

Дѣло въ томъ что, бродя по Парижу, онъ наткнулся въ кварталѣ Севъ-Деву на большой магазинъ колоніальныхъ товаровъ и вошелъ въ него, завлеченный какъ вывѣскою, такъ и заманчивою выставкой въ окнахъ размалеванныхъ фруктовъ, лакетовъ въ гофрированной серебрястой бумагѣ, ярко блестящей въ туманѣ оживленнаго квартала. Магазинъ этотъ, въ которомъ онъ скоро сталъ своимъ человѣкомъ, хорошо извѣстенъ всѣмъ уроженцамъ юга перемѣнившимся на жительство въ Парижъ, и на вывѣскѣ его большими буквами значилось: „Торговля произведеніями юга.“

Вывѣска эта гласала чистѣйшую правду. Тутъ все было южное, начиная съ хозяевъ, супруговъ Мефрѣ, настоящихъ

уроженцевъ юга, толстыхъ, съ носами сдавленными по срединѣ какъ у Руместана, блестящими глазами, южнымъ акцентомъ и логоркамъ, провансальскою любезностью въ приемахъ и кончая прикащиками фамильярными, со всеми на „ты“ и ни мало не стѣсняющимися даже съ хозяевами своими: то и дѣло слышалось какъ прикащикъ изъ одного угла лавки кричалъ хозяину: „послушай, Мефрѣ, гдѣ у тебя лежатъ сосиски?“ Такими же южанами выглядѣли и маленькіе Мефры, крикливые и грязные; они то и дѣло залускали лапы въ открытые ящики и банки, рискуя ломивутно что въ суетѣ ихъ затолкаютъ, раздавятъ или прижмутъ. Наконецъ и самые покупатели были такого же сорта. Они жестикулировали болтая по цѣлымъ часамъ и кончая тѣмъ что локутали какой-нибудь пряникъ въ два су или же усаживались въ кружокъ на стульяхъ и толковали о сравнительныхъ достоинствахъ кобасы съ чеснокомъ и сосиски съ перцомъ, причемъ усващали рѣчь разными: „не менѣе того, покрайней мѣрѣ, пожалуй, не совѣмъ такъ“—воими любимыми приставками тетушки Порталь, говоря громко на всю лавку и никого не стѣсняясь, между тѣмъ какъ въ другомъ углу монахъ въ крашеной черной рясѣ прицѣвливается къ соленой рыбѣ, а мухи, въ безчисленномъ множествѣ привлеченныя сюда сахаромъ фруктовъ, конфетъ и разнаго пирожнаго именуемаго восточнымъ, жужжали по всему магазину, даже въ зимнее время жаркая лавочная температура поддерживала ихъ жизнь, не смотря на холодный осенній воздухъ, который царствовалъ на улицахъ. А если заброшенный сюда Парижанецъ выражалъ нетерпѣніе, вслѣдствіе медленности съ которою исполняли его требованіе или жаловался на разсѣянность и равнодушіе прикащиковъ, которые продолжали переговариваться между собою отъ одной стойки къ другой, заворачивая и завязывая товаръ вкривь и вкось, то надо было видѣть съ какою южною безцеремонностью его выпроваживали: „если вамъ къ слѣху, то дверь открыта, съ Богомъ; кстати, тутъ и до линіи конво-жельзной дороги рукой подать“.

Въ этой средѣ земляковъ старика Вальмажура привали съ распростертыми объятіями. Супруги Мефрѣ вспомнили что видали его встарину въ Бокерѣ на состязаніи тамбуринеровъ. Бокерская ярмарка, которая въ настоящее время совершенно утала и существуетъ только по имени, была между стариками съ юга какъ бы связывающимъ

звеномъ масонскаго братства. Въ южныхъ департаментѣхъ Франціи она была годовымъ праздникомъ, единственнѣмъ развлеченіемъ закоржавшаго населенія; задолго впередъ приготовлялись къ ней, и долгое время послѣ ея окончанія она служила любимою темой бесѣдъ. Ее объявляли въ видѣ награды жевѣ и дѣтямъ, и если невозможно было взять семью на ярмарку съ собою, привозили оттуда подарки: испанскія кружева взрослымъ и игрушки дѣтямъ. Кроме того, эта ярмарка, хотя должна была продолжаться лишь двѣ недѣли, давалась всегда цѣлый мѣсяць, и весь этотъ мѣсяць, подъ предлогомъ торговли, царствовала жизнь свободная, полная изобилія и разнаго рода неожиданностей, настоящая жизнь цыганскаго кочевья. Ночевали кое-какъ, гдѣ попало, на улицѣ, подъ растянутою надъ возомъ полотною крышею, подъ телами лучами июльскаго звѣздаго неба. Дѣла обсуждались не въ спертыхъ воздухахъ лавокъ, а за обѣдомъ или же у порога, причѣмъ обѣ стороны снимали сюртуки для вѣющей прохлады. Бараки тянулись въ одну линію вдоль берега рѣки Ромы, которая также представляла собой подвижное ярмарочное поле. На ней колысались суда всевозможныхъ величинъ и формъ, и барки съ ларусами, какъ у древнихъ латинянъ, пригнанные изъ Арля, Марсели, Барселоны и Балеарскихъ острововъ, нагруженные виномъ, анчоусомъ, пробковымъ деревомъ, апельсинами, украшенными флагами и бандеролями, которыя, пощелкивая на свѣжемъ вѣтрѣ, отражались въ быстромъ теченіи рѣки. При этомъ шумные кланки, лестрая толпа Испанцевъ, Сардинцевъ, Грековъ въ длинныхъ плащахъ и вышитыхъ туфляхъ, Армянъ въ мѣховыхъ шапкахъ и Турокъ въ отороченныхъ позументомъ курткахъ, съ вѣрамами въ широкихъ брюкахъ изъ сѣраго полотна, всѣ тѣснятся у открытыхъ на чистомъ воздухѣ ресторановъ, у выставокъ съ дѣтскими игрушками, тросточками, зонтиками, серебряными вещами, серальскими ледешками, фуражками и проч. А въ первое воскресенье съ открытія ярмарки ляршкы на набережныхъ, на баркахъ, въ извѣстныхъ трактирахъ Вильясъ, въ большомъ саду, въ кофейной Тубо. Кто только видѣлъ все это хотя разъ, сохранялъ пріятное воспоминаніе на всю жизнь.

Въ магазинѣ Мефрѣ всякій южанецъ былъ какъ у себя дома, почти такъ же какъ и на Бокерской ярмаркѣ. И дѣствительно, по своему живописному беспорядку лавка походила

на импровизованный арморочный Канернаумъ южныхъ товаровъ. Здѣсь полные доверху и какъ бы изнемогающаго отъ тяжести мѣшка муки, съ золотистымъ отливомъ стручковый горохъ и зернами крупными и твердыми какъ дробинки, свѣжіе каштаны, морщинистые и какъ будто покрытые пылью, похожіе въ миниатюрѣ на лица старыхъ лодовощницъ; банки съ оливками зелеными, черными, отварными или съ маслинами, кувшины съ рыжеватымъ прованскимъ масломъ, боченки съ алгокишъ вареньемъ изъ дынныхъ корокъ, цедры, фиги, айвы, цѣлая масса фруктовъ погруженныхъ въ латокъ. Тамъ, на полкахъ, между соленьями разнаго рода, тысячи банокъ и жестяныхъ коробокъ съ консервами, мѣстныя лакомства каждаго города. Нимскіе пряники и лирожное, муга изъ молтеллимара, сухарики и жареные каштаны изъ Экса, все въ золоченыхъ оберткахъ съ этикетками и подписями. Затѣмъ такъ называемыя „primeurs“ новинки по времени года, доставляемыя изъ огородовъ юга, лиственныхъ всякой тѣни, гдѣ плоды созреваютъ среди тощей зелени: ягоды придорожника, твердыя, блестящія какъ новое лакированное орѣховое дерево, и рядомъ съ ними блѣдныя азероли, фиги всевозможныхъ сортовъ, сладкіе лимоны, зеленый и алый стручковый перецъ, сухая дыня, крупныя луковичы съ мягкими цвѣтками, мушкетный виноградъ съ ягодами продолговатыми и прозрачными, въ которыхъ сокъ треледетъ точно вино въ козьемъ мѣху, рядъ банановъ покрытыхъ какъ зебры черными и желтыми полосами, цѣлая гора апельсинъ, гранатъ темно-красныхъ толловъ, похожихъ на ядра изъ красной мѣды съ украсившимся на верхушкѣ кругообразнымъ фитилемъ изъ лака. Наконечъ повсюду, по стѣнамъ, на потолокѣ по обѣ стороны дверей, среди лерепутанныхъ между собою высохшихъ палымъ, лучки луковицъ и чесночныхъ головокъ, сухіе сладкіе рожки, колбасы перетянутыя точно пеленками, вѣтки маиса, массы колченыхъ свѣдей,—однимъ словомъ лѣто и солнце юга въ ящичкахъ, мѣшкахъ, банкахъ, кувшинахъ, которыхъ аркій блескъ проникаетъ даже наружу сквозь залотыя окна и стекла.

Старикъ прохаживался тутъ съ раздраженнымъ отъ разнообразныхъ ароматовъ носомъ, чувствуя себя какъ будто молодже и приходя въ возбужденное состояніе. Овъ, который у себя дома сторонился отъ всякой работы и, пришивая луговицу къ жилету, безпрестанно отиралъ выстулавшій на лбу отъ

утомленія лоть, и потому хвастался своею работою какъ какими-то необыкновеннымъ подвигомъ,—здѣсь всегда являлся готовымъ помочь дѣлу, снималъ сюртукъ чтобы пособить заколачиваю и раздѣлѣ ащиковъ, закусывая отъ времени до времени то фруктовымъ леденцомъ, то оливю, стараясь развлекать одлообразіе работы разными прибаутками и анекдотами и даже разъ въ недѣлю, когда получалась съ юга брандада, лакомое провансальское блюдо изъ трески, оставался въ магазинѣ до позднаго вечера, помогая отправкѣ заказовъ по назначенію. Тресковую брандаду только и можно получить что въ магазинѣ Меффа, и притомъ настоящую, бѣлую, мелко протертую, густую какъ сметана и съ легкою чесночною приправою, однимъ словомъ такую какаю фабрикуется въ Нимѣ, откуда выписываетъ ее „Торговая произведеніями юга“. Она получается по четвергамъ вечеромъ съ курьерскимъ поѣздомъ, а въ пятницу утромъ разсылается по Парижу всѣмъ постояннымъ кліентамъ магазина, занесеннымъ въ особую на этотъ предметъ книгу. Въ этой торговой книгѣ, на изматыхъ отъ частаго обихода листахъ, отдающихъ правнымъ запахомъ и покрытыхъ жирными лятами, воспроизводится такъ сказаніе исторія покоренія Парижа южанами, фигурируютъ длинными веревками фамиліи богачей, политическихъ дѣятелей, крупныхъ негоціантовъ, знаменитыхъ адвокатовъ, депутатовъ, министровъ, президентовъ палатъ, и между ними красуется имя Нюма Руместана, южнаго Вавдейца, твердаго оласта трона и аатара.

Супруги Мефръ согласались бы съесть всю эту книгу лишь бы осталась въ цѣлости страница на которой стояло имя Руместана. Онъ лучше всякаго другаго служилъ выраженіемъ ихъ идей и религіозныхъ, и политическихъ, и общественныхъ. Гжа Мефръ еще болѣе чѣмъ мужъ увлекалась имъ и нерѣдко говаривала: „это, видите, такой человекъ что за него можно душу отдать“. При этомъ воспоминалось время когда Нюма, находясь уже на лутѣ къ славі, не гнушался лично являться въ магазинѣ для своихъ закупокъ. И какъ онъ умѣлъ выбрать лучшей ластеть, только пощупавъ его рукою, какъ онъ узнавалъ достоинство сосисокъ по самому цвѣту крови которая изъ нихъ сочилась! И вслѣдствіе съ тѣмъ какое добродушіе при его красивой внушительной фигурѣ; всегда скажетъ какую нибудь любезность хозяйкѣ, доброе слово хозяйну, приласкаетъ ребятъ, когда они выносятъ ему въ

экипажъ купленный товаръ. Со времени назначенія его мнѣстромъ, когда негодные *красныя* задають ему такъ много работы и въ лапаты, и въ селать, онъ въ магазинъ уже не показывался, но тѣмъ не менѣе остался лучшимъ его клиентомъ и ему первому посылались всѣ новизки по части произведеній юга.

Въ одинъ изъ четверговъ, около десяти часовъ вечера, когда всѣ банки съ брандадой наложенныя до верху и закупоренныя стояли уже рядами на прилавкѣ, готовые для разсылки, семья Мефрѣ, прикащики, старикъ Вальмажуръ, словомъ всѣ *произведенія юга*, утомленные усердною работою, отдыхали съ видомъ людей только-что окончившихъ трудное дѣло и подкрѣпляли свои силы ломаявая бисквиты и сухарики въ сладкое вино, опролы и шмыя сладости въ жидкомъ видѣ, такъ какъ до крѣпкихъ налитковъ на югѣ не охотаику; тамъ и въ городахъ, и въ селахъ встрѣтить пьянаго большая рѣдкость. Мѣстная раса инстинктивно избѣгаетъ спиртуозныхъ налитковъ и даже чувствуетъ къ нимъ отвращеніе. Она и такъ находится въ вѣчномъ состояніи опьяненія по самой своей натурѣ и не зачѣмъ прибѣгать ей къ разнымъ винамъ и водкамъ для возбужденія духа. И дѣйствительно, южный вѣтеръ и лалаящее солнце отлускають ей природной спиртуозности въ огромномъ количествѣ, и всѣ уроженцы юга въ большей или меньшей степени находятся подъ ея вліяніемъ. Одни кажутся только какъ будто навеселѣ, языкъ и жестакуалція дѣлаются свободнѣе, въ жизни видать они все въ розовомъ свѣтѣ, къ ближнимъ относятся съ неизмѣною симпатіей; отъ такого состоянія духа блескъ въ глазахъ становится живѣе, жизненный луть какъ будто расширяется, прелатствія исчезаютъ, развивается смѣлость и любѣждается чувство боязливости. Другіе, напротивъ того, болѣе опьяняемые, какъ налримѣръ Одиберта Вальмажуръ или тетушка Порталь, тотчасъ переходятъ въ состояніе слѣплого и необузданнаго цступленія. Чтобъ убѣдиться во всемъ этомъ достаточно побывать на какомъ-либо народномъ празднествѣ въ Провансѣ, взглянуть на мѣстныхъ крестьянъ когда они, взобравшись на столы и стуча по нимъ своими желѣзными саложницами, настойчиво требуютъ шилучаго алмовада; и мерѣдко отъ нѣсколькихъ бутылокъ этого невинаго налитка льямѣеть цѣлое селеніе. Да наконецъ кому изъ уроженцевъ юга не случилось самому испытать какъ послѣ приладака

гнѣва или энтузіазма внезапно наступалъ полнѣйшій упадокъ силъ, чувствовалось ослабленіе всего организма, и притомъ столь же внезапно какъ смѣняются на мартовскомъ небѣ лучи солнца сумрачною тѣнью облаковъ?

Старикъ Вальмажуръ, не доходя никогда до того состоянія изступленія, въ которое такъ легко приходила дочка его, обладалъ тѣмъ не менѣе натурою также чисто южною и увлекающеюся. Въ этотъ вечеръ подслащенные сироломъ сухарики до того растевелили его что стоя посреди магазина съ рюмкой въ рукахъ онъ липкими губами выдѣлывалъ самыя разнообразныя гримасы, точно считалъ себя обязаннымъ за безплатное угощеніе увеселить даромъ публичку. Вся семья Мефрѣ помирала со смѣху; дѣти такъ и локатывались лежа на мучныхъ мѣшкахъ. „Ахъ ужъ этотъ Вальмажуръ! вотъ проказникъ-то!“ Вдругъ все веселье старика отшумело, рука его которая поднималась для вновь продуманнаго комическаго жеста, остановилась на подорожѣ: въ дверяхъ появилась провансальскій челець, который такъ и трепеталъ отъ волненія той головы которую прикрывалъ?

— Что это вы тутъ дѣлаете, батюшка?

Гжа Мефрѣ вслѣснула руками по направлению къ висащимъ у потолка сосискамъ.

— Какъ? это ваша дочь?... а вы намъ ничего не оказали... какая она маленькая... а все-таки славная дѣвушка... идите же сюда къ намъ, не бойтесь...

Въ силу привычки ко лжи, а равно и съ цѣлью сохранить болѣе свободы, старикъ никогда не уломивалъ о своихъ дѣтяхъ, выдавая себя за стараго холостяка, живущаго процентами со своего капитала; но въ южной средѣ подобныя выдумки не рѣдкость, а потому разоблаченіе ихъ не производятъ ни малѣйшаго дѣйствія. Еслибы вслѣдъ за Одибертой показалась бы еще цѣлая ватага маленькихъ Вальмажуровъ приемъ былъ бы такой же радушный и безцеремонный. Всѣ наперерывъ старались очистить ей мѣсто.

— Ужь вы должны также закусить вмѣстѣ съ нами.

Провансалька была изумлена до-небѣзы. Она явилась съ холода, въ темную декабрьскую ночь, когда лихорадочная уличная жизнь Парижа еще не улеглась и кипитъ безъ устали среди влажнаго тумана, въ которомъ по воѣмъ направлениямъ двигаются людскія тѣни, блестать цвѣтными фонари омнибусовъ, раздаются рѣзкіе звуки трубъ кондукторовъ

конно-железной дороги. Она пришла съ сѣвера, изъ области холода и зимы, и вдругъ очутилась въ чисто итальянскомъ Провансѣ, въ магазинъ Мефрэ который по случаю приближенія праздника Рождества Христова переполненъ былъ аллетитивнымъ и привлекающимъ взоры товаромъ; увидела себя окруженною и знакомыми ароматами и роднымъ маршчеиъ, точно она неожиданно отыскала свою родину, вернулась въ свои края послѣ цѣлаго года проведеннаго въ отлучкѣ, среди испытаній въ упорной борьбѣ съ варварами. Какая-то теплота согрѣвала ее, давая отдыхъ ея нервамъ въ то время какъ она помакивала одинъ бисквитъ за другимъ въ рюмкѣ кароагенскаго вина и отвѣчала на разспросы этихъ добрыхъ людей относившихся къ ней до того радушно и просто какъ будто уже знакомы съ нею лѣтъ двадцать.

Точно она возвратилась къ жизни, къ своимъ привычкамъ. Слезы выступили у нея на глазахъ, на этихъ глазахъ съ огненными жилами, никогда не плакавшихъ.

Имя Руместана произнесенное около нея мигомъ разсѣяло ея волненіе. Гжа Мефрэ провѣряла адреса тѣхъ кому саѣдовало отправить посылки и говорила мальчику чтобъ онъ не ошибся, не отнесъ бы браваду Нюма въ Гренельскую улицу, а доставлялъ бы ее въ улицу Лондонскую.

— Въ министерствѣ Гренельской улицы бравада повидимому не въ чести, замѣтилъ кто-то.

— Еще бы, отвѣчалъ хозяинъ.— Тамъ барыня сѣверная, какъ есть съ самаго сѣвера... кушанье готовится на коровьемъ маслѣ... тогда какъ въ Лондонской улицѣ по истинѣ прелестный югъ, съ весельемъ и лѣсами... и все на прованскомъ маслѣ. Не мудрено что Нюма чувствуетъ себя тамъ и лучше и свободнѣе.

Заговорили ни мало не стѣсняясь о второй семьѣ министра, занимающей небольшое, весьма уютное помѣщеніе неподалеку отъ вокзала. Тамъ онъ могъ отдохнуть послѣ палатскихъ застѣваній, свободный ото всякихъ официальныхъ пріемовъ и чопорностей. Конечно, та же гжа Мефрэ пришла бы въ изступленіе еслибы что-либо подобное дозволило себѣ ея супругъ; но такъ какъ дѣло касалось Нюма, то все представлялось весьма обычнымъ и даже заслуживающимъ одобренія.

Онъ любилъ смазывать личики; да развѣ не то же дѣлалъ и король Франціи, и Карлъ X, и Генрихъ IV. И конечно всему виной его бурбонскій носъ. Уроженцы юга вообще

относятся къ амурнымъ походамъ весьма легкомысленно и съ веселой стороны, но въ настоящемъ случаѣ къ пересудамъ ихъ примѣшивалось чувство вражды къ сѣверной расѣ, сказывалась антипатія къ этой чуждой имъ барынѣ, у которой готовятъ столъ на коровьемъ маслѣ. Разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся, стали припоминать разные анекдоты, говорить о привлекательной наружности Алисы и объ услугахъ ея на оперной сценѣ.

— А я знавала старуху Башеллеру еще во времена Бокерской ярмарки, замѣтилъ старикъ Вальмажуръ.—Она лѣла въ кофейной Тибо.

Одберта слушала съ напряженнымъ вниманіемъ чтобы не улустить ни словечка, стараясь залечатлѣть въ памяти фамилію и адресъ. Маленькіе глаза ея блестяли какимъ-то адскимъ ослѣпленіемъ, виною котораго было уже никакъ не карагенское вино.

XVII. Пеленки.

Отъ легкаго стука въ дверь ея комнаты г-жа Руместавъ вздрогнула, точно пойманная врасплохъ въ чемъ либо дурномъ, и послѣшню задвинула ящикъ комода съ кривыми ножками во вкусѣ лудовика XV. Она стояла низко склонившись надъ ящикомъ, почти на колынахъ.

— Кто тамъ? Чтѣ вамъ нужно, Полаи? спросила она.

— Письмо вамъ, сударыня; очень нужное, отвѣчала Англичанка.

Розалія взяла письмо и послѣшню притворила дверь. Взглянувъ на адресъ она увидала незнакомый, грубый почеркъ; конвертъ былъ изъ толстой бумаги съ надписями: „въ собственныя руки“ и „очень нужно“, какъ обыкновенно означается на просительныхъ письмахъ. Будь ея горничная Парижанка, она навѣрно не поторопилась бы подать ей письмо. Розалія положила его на комодъ, предоставляя себѣ прочесть его послѣ, и вернулась къ ящику въ которомъ заключались пеленки и другія принадлежности для ребенка, тѣ самыя которыя она приготовила еще восемь лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ, послѣ того какъ ребенокъ родился мертвымъ, она ни разу не открывала ящика, боясь увидать сады своихъ слезъ, не отяирала его и съ начала вторичной беременности; ее оставаловало весьма естественное у матери оласевіе чтобы слова не

привнесла ей несчастія преждевременная ласка оказанная неродившемуся еще ребенку въ лицѣ его будущихъ пеленокъ. Она при всемъ своемъ мужествѣ была женщиной нервной, поспую тревогъ и содроганій мимозы. Свѣтъ, который обыкновенно судитъ поверхностно, считалъ ее женщиной холодною, подобно тому какъ невѣжды отрицаютъ жизнь безсловеснаго цвѣтка. Но теперь, когда надеждамъ ея исполнилось уже шесть мѣсяцевъ, надо было вынуть изъ свѣтъ Божій всѣ эти малкіе предметы, пересмотрѣть ихъ, расправить складки, кое-что передѣлать,—ибо мода измѣняется даже для новорожденныхъ,—ихъ не всегда на одиъ мамеръ снаряжаютъ на жизненный путь. Для такой-то важной работы Розалія старательно залерлась; и во всемъ громадномъ министерскомъ админіумѣ поспую дѣловой жизни шороха бумагъ, монотонными звуками словесныхъ докладовъ и непрерывнымъ движеніемъ служащихъ по отдѣленіямъ и разнымъ коммиссіямъ, бюро и субкоммиссіямъ, мавѣрное не было существа болѣе серьезнаго и трогательнаго нежели эта женщина на колѣнахъ предъ открытымъ ящикомъ, съ трепещущимъ отъ волненія сердцемъ и дрожащими руками.

Она приподняла нѣсколько пожелтѣвшую кружевную салфетку, которая, пропитанная духами, прикрывала бѣлизну одеждъ мелорочности, всѣ эти челчики и кофточки разныхъ формъ и величинъ соотвѣтственно развитію роста, особенное издѣліе для крестивъ, нагрудникъ съ малкими складками, чулочки точно для кукамъ. Она какъ будто увидала себя въ Орсеѣ, восемь лѣтъ тому назадъ томашеюся отъ жару, работающею по цѣлымъ часамъ въ тѣни бивіоніи, которой бѣлая чашечки, падая въ рабочей ящикъ, перемѣшивались съ митяными катушками и миниатюрными ложницами, между тѣмъ какъ всѣ мысаи ея сосредоточивались на одномъ какомъ-нибудь швѣ или на одной стежкѣ, служившей ей мѣриломъ и времени и ея мечтаній. Какъ у нея тогда было много и увлеченія и сѣвлой вѣры! Какъ весело щебетали надъ ея головою лтчики; какъ охватывалось все ея существо нѣжнымъ и незнакомымъ дотола чувствомъ. Потомъ сразу, въ одинъ день, она всего лишилась. Она припоминала свое тогдашнее отчаяніе и по мѣрѣ того какъ перебирала пеленки вспоминала и измѣну мужа, и лотерію ребенка. При видѣ самой крошечной рубашечки, той которую первую кладутъ на колыбельку предъ самымъ рожденіемъ, расправивъ въ обѣ

сторону рукавички, взглянувъ на крошечный чепчикъ, какъ будто уже начинающій принимать форму головки, которую ему придется прикрывать, она горько разрыдалась. Ей казалось что ребенокъ ея былъ въ живыхъ, что она помнила его и когда-то ласкала. Это былъ мальчикъ—да, назърно мальчикъ, крѣпкій, красивый, молочной бѣлизны и уже съ глубокими серьезными глазками, какъ у его дѣдушки.

— Теперь ему уже исполнялось бы восемь лѣтъ отъ роду, длинныя вьющіяся кудри висѣли бы ему на плечи. Въ этомъ возрастѣ дѣти еще принадлежатъ матери, которая и водить ихъ на прогулку, и наряжаетъ, и приучаетъ къ труду. О жестокая, жестокая судьба!.. Но мало-по-малу, выжимая и перебирая одинъ за другимъ всѣ эти крошечные предметы перезазанные микроскопическими лентами, украшенные цвѣтными вышивками и свѣжой бѣлизны кружевами, она становилась спокойнѣе... Нѣтъ, судьба не настолько жестока; и пока живешь не надо терять мужество. Она уже едва не утратила его при постигшемъ ее переворотѣ, вообразивъ что для нея все кончено, что она не будетъ болѣе ни вѣрить, ни любить, не будетъ ни женою, ни матерью и что ей остается лишь смотреть во слѣдъ свѣтлому прошедшему какъ глядишь съ сожалѣніемъ на убѣгающій вдаль берегъ. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ пасмурныхъ годовъ, подъ холоднымъ свѣгомъ, которымъ заволокло ее сердце, тихо зародилась новая надежда, и теперь она расцвѣтала въ лицѣ ожидаемаго ребенка: силенки уже были развиты, она это чувствовала по стремительнымъ поворотамъ его во чревъ, преимущественно въ ночное время. И какъ вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнился Нюма; какой онъ сталъ добрый, отвыкнувъ почти вовсе отъ прежнихъ грубыхъ выходокъ насилія. Оставались у него правда нѣкоторыя слабости, которыя ей не нравились, итальянскіе извороты, отъ которыхъ онъ никакъ не могъ избавиться, но это, какъ онъ выражался, „одна лишь политика“. Впрочемъ Розалія уже не поддавалась увлеченіямъ первыхъ дней замужества; она знала что для жизни счастливой должно довольствоваться какъ совершенствомъ, такъ и усильемъ приближительности, стараясь изъ подблагополучій, которыя посылаетъ намъ жизнь, выкраивать для себя благополучія цѣльныя.

Снова постучалась въ дверь.

— Гдѣ Межавъ желалъ бы сказать намъ нѣсколько словъ, посылаемая сквозь дверь голосъ служанки.

— Хорошо... сейчасъ иду.

Она застала Межана въ маленькой гостиной; онъ ходилъ по ней взадъ и впередъ видимо изволнованный.

— Я хотѣю сдѣлать вамъ признаніе, сказалъ онъ ей нѣсколько рывкими по своей фамильярности тономъ, на который впрочемъ давало ему право нѣе давнишнее знакомство, не превратившееся въ родство отнюдь не по ихъ вѣдѣ.— Вотъ уже нѣсколько дней какъ я исполнялъ ваше порученіе, но не говорилъ вамъ объ этомъ, желая имѣть въ своихъ рукахъ вотъ эту вещь.

Онъ подалъ ей портретъ Гортензіи.

— Наконецъ-то... О, какъ она будетъ счастлива, бедняжка.

Она разчувствовалась глядя на милое лицо сестры, блаженнее молодостью и здоровѣе подъ ея провинціальскимъ чепцомъ, прочитала написанная въ руку тонкимъ, но твердымъ почеркомъ слова „я въ васъ вѣрую и люблю васъ, Гортензія Лекену“. Потомъ, подумавъ что и влюбленный Межанъ также прочиталъ эти слова и что она такимъ образомъ возложила на него порученіе весьма тягостное, она дружески положила его руку.

— Мерси...

— Не за чтѣ и благодарить меня... Положимъ это было для меня крайне тяжело... но за то вотъ уже вѣрую и люблю васъ. Мнѣ даже представлялось не разъ что эти слова обращены ко мнѣ. Знать онъ тихо, болвавшимъ тономъ, прибавилъ: А какъ она себя чувствуетъ?

— Паско... мама увезитъ ее на югъ... она уже теперь согласна на все... въ ней точно ослабли всѣ пружины...

— И пережилась?

— Да, отвѣчала Розалія съ выраженіемъ глубокаго отчаянія.

— До свиданія, торопливо произнесъ Межанъ и направилась къ выходу быстрыми шагами. У двери онъ оглянулся и, выпрямляя свои крѣпкія плечи подъ полуподнятою портьерой, прибавилъ:— Хорошо что я не одаренъ черезчуръ живымъ воображеніемъ... я слишкомъ былъ бы несчастливъ.

Розалія вернулась въ свою комнату крайне грустная. Какъ ни старалась она представить себѣ болѣзнь сестры въ болѣе благопріятномъ видѣ, утѣшаясь надеждою на ея молодые годы, припоминая усложительныя слова Жарриса, видѣвшаго

во всемъ ведугъ лишь переходный кризисъ, мрачныя мысли не покидали ея и явно противорѣчили свѣтлымъ дѣтскимъ мечтамъ и надеждамъ. Она послѣдшне перебрала, разсортировала и уложила въ порядкѣ всѣ эти милыя ей предметы, и когда подмала голову отъ ящика, увидѣла брошенное ею на коммодѣ письмо, взяла его и машинально стала читать, ожидая банальностей просительнаго слога, къ которому уже привыкла, получая ежедневно множество просьбъ о помощи, писанныхъ разными дочерками. Въ настоящемъ случаѣ просьба имѣла много шансовъ получить удовлетворительный отвѣтъ, такъ какъ являлась въ одну изъ такихъ минутъ когда въ силу предубѣжденія оказаніе помощи башшему приноситъ счастье дающему. Но она сразу не поняла письма и вынуждена была прочитать вторично озадающія строки, четко выведенныя ученическими почеркомъ писаря Гальона:

„Если вы охотница до тресковой брандады, то сегодня вечеромъ подадутъ великолѣпную у Адамы Башеллера, въ Лондонской улицѣ. Мужъ вашъ будетъ угощать лично. Позовите три раза и прямо входите.“

Изъ этихъ лошаыхъ фразъ, изъ этого болота грязи и вѣроломства возсталъ предъ нею истинна, подкрѣпленная личными ея воспоминаніями: имя Башеллера столь часто произносимое въ теченіе послѣдняго года, элиграммическія статьи о ея ангажементѣ въ Оперу, адресъ: „въ Лондонскую улицу“, который мужъ почти при ней передавалъ кучеру, наконецъ долгое время пребываніе Ньюма въ Аршлярь! Не прошло и минуты какъ сомнѣнія обратились въ лодыжную увѣренность. Впрочемъ развѣ прошедшее не ослѣждало ея всѣхъ ужасовъ настоящаго? Ложь и обманъ, болѣе ничего быть не могло. И съ какой стати тотъ который вѣчно обманываетъ всѣхъ и каждого обошелъ бы вдругъ ее? Сама она поступала противъ разсудка, поддаваясь его обманчивому голосу, его банальнымъ ласкамъ. И въ памяти ея воскресали разныя мелочныя подробности отъ которыхъ она и бѣдѣла и красѣла. На этотъ разъ ею овладѣло не такое какъ восемь лѣтъ тому назадъ отчаяніе, съ крупными чистыми слезами впервые сознаваемаго заблужденія; теперь она негодовала и на себя лично за то что по слабости и малодушію простала мужу первый разъ, и на него за то что онъ обманулъ ее вопреки своимъ обѣщаніямъ и клятвамъ. Она хотѣла бы

улучить его тотчасъ, здѣсь же; но она была въ Версалл, въ застѣвнѣ палаты. Ей пришло было на мысль позвать Межана, но потомъ она передумала, не желая заставить честнаго человѣка давать ей ложныя увѣренія чтобы успокоить ее. Ей оставалось заглушить на время вои овладѣвавшія ея разнорѣчивыя чувствованія и, чтобы не разразиться криками и не поддаться первому кризису, приближеніе котораго уже чувствовалось. Она стала ходить взадъ и впередъ по ковру, держа руки, по привычкѣ послѣдняго времени, у распущенной талии своего леньюара. Вдругъ она остановилась и въ безумномъ ужасѣ вздрогнула. А ея ребенокъ! Онъ также страдалъ и какъ будто напоминалъ о себѣ слабыми, безлокойными движеніями. Боже! если и этотъ умретъ такъ же какъ первый... въ томъ же періодѣ беременности... при совершенно подобныхъ же обстоятельствахъ... Судьба, которую считаютъ сѣбною, придумываетъ мерзко комбинаціи самыя жестокія... И она говорила сама съ собою несвязными словами, прерывая ихъ нѣжными восклицаніями: „милый мой... бѣдный мой малютка“!. Она старалась смотреть на вещи хладнокровно, дабы не нарушать своего достоинства, а главнымъ образомъ сохранить единственную остававшуюся ей надежду сдѣлаться скоро матерью. Она даже взяла въ руки работу, какое-то вышиванье, которое у всякой Парижанки всегда имѣется подъ рукою. Надо было выждать возвращенія Нюма, объясниться съ нимъ, или еще лучше прочесть на самомъ лицѣ его убѣжденіе въ его виновности и затѣмъ уже окончательно разойтись съ нимъ съ неизбежною огааской. Да, разнорѣчитые нѣшки шерсти, канва правильная и безцвѣтная канва, сколько тайвъ повѣрнется вамъ! Сколько сожалѣній, радостей и желаній образуютъ сложную, узловатую, полную надорванныхъ нитей изнанку этихъ женскихъ работъ, лицевая сторона которыхъ изображаетъ обыкновенно мирно перевитые между собою цвѣты!

Нюма Руместанъ, вернувшись изъ палаты, засталъ жену свою работающею при блѣдномъ свѣтѣ одной только лампы. Эта мирная картина, этотъ прелестный профиль смягчаемый чудными каштановыми волосами въ тѣни уютнаго локоя, гдѣ лаковые ширмочки, старая бронза, слоновая кость и фарфоровыя куколки какъ будто цѣплялись за вспыхивающій по временамъ телмый свѣтъ отъ затопленного дровами камина, все это поразило его по живому контрасту съ гуломъ

палагской зам, свѣтлымъ потокомъ ея покрытымъ пылью, которая возпалась надъ преніями точно пороховое облако надъ полемъ артиллерійскаго ученія.

— Здравствуй, мамочка... Какъ у тебя тутъ хорошо... Забѣданіе было бурное. Все этотъ противный бюджетъ. Дѣловая оторопа цѣлѣмъ пять часовъ ледъ радъ тормозила за фазды несчастнаго генерала Эсепальена, который не умѣлъ связать двухъ словъ. Тѣмъ же менѣе министерство еще на этотъ разъ отдалось, но послѣ вакаціоннаго времени Нового Года, когда дѣло дойдетъ до бюджета изящныхъ искусствъ, оный начнется потѣха. Она много разчитываютъ на дѣло Кардаманна чтобы спихнуть меня. Риттеръ произнесетъ бокашную рѣчь... сенерникъ опасный... кое-что смекаетъ. Потому, пусть въ ходъ свое любимое плечевое движеніе, прибавляя:—что же... Риттеръ противъ Руместана... северъ противъ юга... и прекрасно... это меня позабавить... полетать цѣпки во всѣ стороны...

Онъ говорилъ одинъ, увлеченный дѣловымъ своимъ положеніемъ, не замѣчая безмолвія Розалія. Совсѣмъ близко подождая къ ней, онъ оступался на низенькій луфъ, хотѣлъ отнять у нея работу и ловилъ ея руку чтобы поцѣловать.

— Развѣ это такъ къ снѣгу что ты вышиваешь?... Это можетъ быть сюрпризъ мнѣ на Новый Годъ? А я уже пришла тебѣ подарокъ. Угадай, какой?

Она такъ освободилась отъ его руки и пристально глядя на него ничего не отвѣчала, но ни мало не отъсѣяла его своимъ взглядомъ. Черты его были утомлены, какъ обыкновенно послѣ продолжительныхъ засѣданій; лицо казалось усталымъ, въ уголкахъ глазъ и рта такъ и сквозила яатура и мягкая и въ то же время стремительная, сказывалась всѣмъ страсти, но безъ указанія способовъ противостоять имъ. Вообще фязіономія уроженцевъ юга имѣютъ много сходнаго съ пейзажами; на нихъ надо смотреть лишь при солнечномъ свѣтѣ.

— Ты обѣдаешь со мной? спросила Розалія.

— Нѣтъ... меня ждутъ у Дюрманъ... и такой скучный обѣдъ... э, да я уже опоздалъ, прибавилъ онъ вставая, — хорошо что не надо передѣваться.

Взглядъ жены слѣдилъ за нимъ.

— Оставьса обѣдать со мной, прошу тебя.

И гармоническій голосъ ея, настаивая, какъ будто грубѣя, становился угрожающимъ, безжалостнымъ. Но Руместанъ

былъ плохой наблюдатель. Притомъ же дѣла прежде всего... общественный дѣятель не можетъ всегда вести такую жизнь какой бы хотѣлось.

— Въ такомъ случаѣ прощай, сказала она серьезно и прибавила про себя: — видно уже такая наша судьба.

Она слышала какъ коляска выѣхала изъ-подъ воротъ на улицу; потомъ, старательно сложивъ свою работу, позволила.

— Поскорѣе фіакръ. А вы Полаи, привесите мнѣ живѣе мою тальму и шаялу; мнѣ надо ѣхать.

Наскоро одѣвшись, она окинула взоромъ комнату съ которою расставалась и въ которой точно въ номерѣ гостиницы ничего не сожалѣла, ничего не оставляла дорогаго для сердца.

— Снесите эту большую картонку въ карету. — Она увезла съ собою одиѣ лишь дѣтскія лелеанки.

Закрывая двери фіакра, англичанка крайне заинтересованная, спросила ждуть ли барыню къ обѣду.

— Нѣтъ, я буду обѣдать у отца и вѣроятно тамъ же останусь ночевать.

Въ дорогѣ ея овладѣло сомнѣніе; она почувствовала даже упрекъ совѣсти. А что если все это неправда... если эта Бателлеры даже и не живутъ въ Лондонской улицѣ? Она дала кучеру адресъ, но не имѣла большой надежды: ей только хотѣлось убѣдиться окончательно.

Экипажъ остановился у небольшого двухэтажнаго дома, крыша котораго въ видѣ террасы образовала нѣчто въ родѣ зимняго сада. Здѣсь вѣкогда жилъ уроженецъ Капра недавно умершій совершенно разореннымъ. Станки были закрыты, занавѣсы слущены и рѣзкій кухонный залахъ поднимался изъ подвального этажа ярко освѣщеннаго и шумнаго. Уже по одному тому какъ открылась сама собою дверь послѣ трехъ звонковъ, Розалія поняла что письмо говорило правду. Персидская матерія забранная въ оладки посреди сѣней открывала видъ на лѣстницу съ мягкимъ ковромъ, обставленную жирадолами, въ которыхъ газъ горѣлъ полнымъ огнемъ. Она услышала смѣхъ, стулила вѣсколко шаговъ впередъ и увидѣла слѣдующую картину, которая запечатлѣлась въ ея памяти на вѣки.

На площадкѣ перваго этажа, наклонясь надъ перилами, стоялъ Ньюма съ краснымъ лицомъ, видимо на веселѣ, безъ сюртука, обхвативъ рукою талию Алисы, также не совсѣмъ трезвой, съ волосами распущенными по слани розоваго

фулароваго дезабиалье. Ньюма кричалъ во весь голосъ: „Бонпаръ, носи скорѣй брададу!“ Вотъ гдѣ надо было взглянуть на министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, поборника релігіозной нравственности, защитника здравыхъ учений. Здѣсь онъ являлся безъ маски и притворства, во всей своей ужасной натурѣ, безцеремонный и безпорядочный, точно на Бокерской армаркѣ.

— Бонпаръ, носи скорѣе брададу! повторила Алиса Бателлери, съ умысломъ преувеличивая Марсельскую пѣсню. Бонпаръ, служившій вѣроятно импровизованнымъ поваракомъ, оказался изъ кухни съ салфеткой на плечѣ и держа широко растопыренными руками большое блюдо съ брададой. Шумно отворившаяся послѣ трехъ звонковъ входная дверь заставила его обернуться...

XVIII. Новый Годъ.

- Чины центраальной администраціи!
- Чины дирекціи изящныхъ искусствъ!
- Чины медицинской академіи!

По мѣрѣ того какъ раздавался среди мрачной торжественности пріемныхъ покоевъ голосъ пристава-докладчика, одѣтаго въ парадную форму, въ короткихъ брюкахъ и съ прищипленной съ боку шпалой, веревницы черныхъ фраковъ проходила по обширной гостиной мажорнаго цвѣта съ позолотой и становилась полукругомъ предъ министромъ. Онъ стоялъ прислонясь спиной къ камину, окруженный своими помощникомъ г. Делакаметомъ, начальникомъ канцеляріи, своими секретарями и вѣсколькими директорами, въ числѣ которыхъ находились Давсертъ и Бешю. Къ каждой отдѣльной группѣ, которую представлялъ ему начальникъ или же старшій лѣтими, Ньюма обращался съ вѣсколькими словами, поздравляя получившихъ ордена или академическіе знаки отличія, затѣмъ группа ретировалась, уступая мѣсто слѣдующей, причемъ въ дверяхъ гостиной происходила порядочная давка. Было уже поздно, второй часъ въ началѣ, и каждый подумывалъ о завтракѣ который ожидаетъ его въ родной средѣ.

Въ концертной залѣ, превращенной въ складъ верхняго платья, тѣснились новыя группы, нетерпѣливо поглядывая

на часы, застегивая перчатки, поправляя бѣлье галстуки. Лица у всѣхъ были скучныя; зѣвали и отъ скуки, и отъ дурнаго расположенія духа, и отъ голода. Руместанъ также чувствовалъ себя утомленнымъ отъ нескончаемаго пріема. У него уже не было той горячности и того жара какъ при одобромъ же пріемѣ прошедшаго года; онъ утратилъ уже вѣру и въ будущее, и въ реформы, говорилъ свои привѣтствія вяло; холодъ пробиралъ его до костей несмотря на нагрѣтые калориферы и горѣвшій въ каминѣ яркій огонь. Малкія хлопья снѣга кружившіяся у оконныхъ стеколъ какъ будто падали ему на сердце, устилаая въ то же время бѣлою леденой лужайку министерскаго сада.

— Члены Французской Комедіи!

Гладко выбритые, величественные, съ поклонами, среднихъ лѣтъ, гордо выступали они вслѣдъ за старѣйшимъ изъ ихъ среды, который могучимъ голосомъ представлялъ поименно всѣхъ членовъ общества, говорилъ объ усиліяхъ, и стремленіяхъ общества, выражался объ этомъ *общество* какъ о чемъ-то такомъ что должно было быть знакомо всѣмъ и каждому, какъ объ учрежденіи которому одобрнаго не существовало. Видно Руместанъ дѣйствительно былъ очень утомленъ если даже это общество къ которому онъ какъ будто принадлежалъ и по выбритымъ подбородку и щекамъ, и по своимъ величественнымъ позамъ, не возбудило въ немъ театральнаго краснорѣчія.

Дѣло въ томъ что въ продолженіе послѣдней недѣли, съ самаго дня отъѣзда Розаліи, Нюма походилъ на игрока потерявшаго свой заветный талисманъ. Онъ чего-то боялся, почувствовалъ вдругъ что стоитъ не на высотѣ своего положенія и что оно готово придавить его. У людей посредственныхъ, которымъ ловезло счастье, бываютъ по временамъ такія минуты страха и тревоги; на него же дѣйствовалъ двобокъ страшный скандалъ готовый разразиться надъ нимъ, процессъ о разводѣ, котораго жена его непремѣнно желала несмотря на его письма, униженныя мольбы и клятвы. Пока открыто говорилось въ министерствѣ что гжа Руместанъ перѣехала къ отцу временно, по случаю скорого отъѣзда матери и сестры; но никто подобныхъ объясненій не приималъ за чистую монету, и на всѣхъ официальныхъ лицахъ парадировавшихъ мимо министра въ этотъ день, по улыбкакъ особеннаго свойства, по рукопожатіямъ не въ мѣру

выразительнѣе, несчастный видѣлъ что достигшая его всегда вызываетъ и соотраданіе, и любознѣтство, и провію. Даже служащіе низшихъ степеней, явившіеся съ поздравленіемъ въ сюртукахъ и визиткахъ, и тѣ знали въ чемъ дѣло. Въ канцеляріи ходила уже по рукамъ написанная на этотъ случай пѣсенка, гдѣ къ Вашеллеру подобрано было речомъ Шамбери, и пѣсенку эту пные служащіе, недовольные полученными къ празднику наградами, мысленно напѣвали отвѣщая почтительные поклоны своему начальнику.

Уже два часа, а приемъ все еще продолжался. Приставъ съ дѣшью сталъ вводить всѣхъ гурьбой, безо всякаго наблюденія іерархическаго старшинства.

— Чины Школы Правовѣдѣнія.

— Чины Музыкальной Консерваторіи.

— Господа директоры приваегированныхъ театровъ.

Во главѣ ихъ шелъ Кардальякъ, но старшинству которое представляла ему три его банкротства. Руместанъ гораздо болѣе расположенъ былъ броситься съ кулаками на эту циничную фигуру, сохраненіе которой во главѣ оперы создавало ему серьезныя затрудненія нежели слушать его цвѣтостое привѣтствіе, которому явно противорѣчила свѣрѣлая провія его взгляда, и отвѣчалъ ему съ принужденною любезностью, которая впрочемъ на половину затерялась въ складкахъ его галстука.

„Я очень тронутъ господомъ... гим... усліхи искусства ...гим... будемъ стараться еще улучшить“... А Кардальякъ, уходя говорилъ самъ себя: „Бѣдный Ньюма, у него крылья то совсѣмъ подотрѣлены“.

Когда всѣ удалились, министръ и его приближенные приступили къ обычной закускѣ; но завтракъ этотъ отоль веселый и оживленный въ прошломъ году, на этотъ разъ отзывался и грустными настроеніемъ хозяина и дурнымъ расположеніемъ духа его гостей, которые всѣ болѣе или менѣе упрекали его внутренно за то что онъ своими дѣйствіями вредитъ ихъ карьерѣ. Окандалезный процессъ который долженъ начаться какъ разъ во время преній по дѣлу Кардальяка, неминуемо долженъ оставить Руместана въ такое положеніе что сохранить министерскій портфель ему будетъ невозможно. Въ это самое утро, во время приема въ Елисейскомъ дворцѣ, маршалъ сказалъ ему по этому поводу въ безцеремонныхъ выраженіяхъ стараго воина: „грязное дѣло, любезный министръ, грязное дѣло“... И даже не зная объ

этихъ словахъ, произнесенныхъ съ глазу на глазъ и почти на ухо, члены министерства предчувствовали что паденіе начальника неминуемо увлечетъ и всѣхъ ихъ.

„О женщины, женщины!“ ворчалъ ученый Бешю, наклонясь надъ своею тарелкой. Г. Делакааметь, состоявшій уже тридцать лѣтъ на службѣ, отослался къ отставкѣ меланхолически, точно какой-нибудь Турпесъ; а высокій Лапара шепталъ Рошмору, еще болѣе напугивая его: „да, вѣроятно, намъ надо позаботиться... чрезъ недѣлку насъ отсюда выкурятъ“...

Министръ, взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ звучали саезы, провозгласилъ тостъ въ честь Новаго Года и своихъ дорогихъ сотрудниковъ, и затѣмъ всѣ разошлись. Межавъ, оставшійся послѣднимъ, прошелся въскольکو разъ взадъ и впередъ по комнатѣ подъ руку со своимъ другомъ, но оба не въ состояніи были о чемъ либо говорить; наконецъ ушелъ и Межавъ. При всемъ своемъ желаніи удержать въ этотъ день близъ себя эту честную натуру, которая хотя и служила ему живымъ упрекомъ, но въ то же время и поддерживала и успокоивала его, Нюма позволялъ что и Межаву необходимо сдѣлать свои визиты, развезти поздравленія и подарки; точно также вынужденъ онъ былъ дозволить и приставу разоблачиться и провести среди своей семьи остатокъ праздничнаго дня.

Какое одиночество! Точно въ воскресный день на фабрикѣ, когда паръ закрытъ и машины безмолвствуютъ. И во всѣхъ обширныхъ покояхъ министерства, и у него въ кабинетѣ гдѣ онъ было правая за работу, но не могъ написать ни строчки, и въ спальнѣ гдѣ онъ чувствовалъ что готовъ разрыдаться,—вездѣ январскія мелкія свѣжачки кружились близъ оконныхъ стеколъ, заволакивали горизонтъ, отбѣняли мертвую тишину и безмолвіе... О уладокъ величія!... Одни часы пробили четыре, другіе имъ отвѣтили, и за ними третьи, четвертые... бой часовъ раздавался по всему громадному зданію, какъ будто въ немъ только и было живаго что одни часы... При мысли остаться тутъ до вечера, наединѣ со своимъ горемъ, имъ овладевалъ ужасъ. Ему хотѣлось согрѣться хотя дружбой или вѣжнымъ расположеніемъ. Множество кааориферовъ, каминовъ полныхъ пылающими крупными подъялами дровъ, не могли замѣнить семейнаго очага. Онъ подумалъ было о Лондонской улицѣ... Но онъ далъ клятву

своему адвокату... адвокаты уже забѣгали... что будетъ держаться смиренно до процесса. Вдругъ пришла ему на память фамилія Бонлара. Почему же онъ сегодня не пришелъ? Обыкновенно въ праздничные дни онъ являлся прежде всего съ раннего утра, нагруженный букетами и коробками конфетъ для Розалии, Гортензіи и гжи Лекенуа, съ улыбающимся, довольнымъ видомъ. Конечно, все эти закупки дѣлались на счетъ Руместана, но у Бонлара воображеніе было достаточно сильно чтобы заставить его забыть такія мелочныя подробности, и Розалия, несмотря на актипатію которую онъ ей внушалъ, нисколько бывала промута при мысли о томъ какія лишенія долженъ былъ налагать на себя этотъ бѣдлага чтобы удовлетворить порывамъ своей щедрости.

— Не лойте ли мнѣ за нимъ? мы бы вмѣстѣ пообедали.

Только это ему и оставалось. Онъ позволилъ, снявъ фракъ разукрашенный орденами и вышелъ, направляясь лѣшкомъ по улицѣ Бельшась.

Набережная и мосты совершенно покрыты были бѣлою пеленою, но миновавъ Карусельскую площадь и на мостовой, ни въ воздухѣ не было и слѣдовъ снѣга. Онъ исчезалъ подъ колесами непрерывнаго ряда экипажей, подъ ногами толпы тѣснившейся на тротуарахъ, у оконъ магазиновъ, у конторы омнибусовъ. Этотъ гулъ праздничнаго вечера, крики кучеровъ, назойливые возгласы уличныхъ продавцовъ разнаго всякаго товара, среди яркаго освѣщенія магазинныхъ оконъ, алоговатаго свѣта яблочковскихъ фонарей, въ которомъ утопали и желтоватое мерцаніе газа, и блѣдые остатки деннаго свѣта, все это какъ будто ублаживало горести Руместана, разлося ихъ по оживленнымъ улицамъ, между тѣмъ какъ онъ направлялся къ бульвару Пюассоньеръ, гдѣ квартировалъ уже 20 лѣтъ сряду Бонларъ; онъ хоть и величалъ себя бывшимъ Черкесомъ, но въ то же время былъ права самаго усидчиваго, подобно всемъ людямъ живущимъ воображеніемъ, и жилъ въ одномъ и томъ же домѣ съ самаго дня пріѣзда своего въ Парижъ.

Никому не было знакомо жилище Бонлара, хоть онъ много говорилъ и о своей квартирѣ, и о своемъ садѣ, и объ артистической мебели, для положенія которой онъ постоянно посѣщалъ главную аукціонную залу улицы Друо. „Приходите какъ-нибудь утромъ, вмѣстѣ позавтракаемъ“, это была формула приглашенія которую онъ расточалъ и направо и налево. Но

тотъ кто вздумалъ бы принять ее за правду, навѣрно не засталъ бы его дома и наткнулся бы либо на заученныя прувратяникомъ объявленія причиною отсутствія Боннара, либо на колокольчикъ съ привязаннымъ и обернутымъ бумагой языкомъ, или съ оборванной советкой. Въ продолженіе цѣлаго года Лапара и Ромморъ безуспѣшно пытались проникнуть къ Бонлару и разсмотрѣть замысловатыя комбинаціи которыми онъ защищалъ доступъ въ таинственное свое жилище. Онъ однажды даже разобралъ часть стѣны и свалилъ кирпичи въ кучу у входа чтобъ имѣть право сказать гостямъ стоя за этою баррикадой: „крайне сожалѣю господа... но забыли залереть газъ... сегодня ночью былъ взрывъ“...

Поднявшись на множество этажей, пройдя по цѣлому ряду широкихъ корридоровъ, слоткнувшись не разъ на какія-то невидимыя ступени, Руместанъ совершенно истомился. Ноги его отвыкли отъ подобной гимнастики съ того времени какъ онъ вышелъ въ люди. Вдругъ онъ стукнулся объ край большаго умывальника висѣвшаго на стѣнѣ.

— Кто тамъ? раздался знакомый картаный голосъ.

Дверь тяжело отворилась; къ ней придѣлана была вѣшака на которой красовался весь, и лѣтній и зимній гардеробъ жильца. Комната была крошечная и Боннаръ выгадывалъ каждый вершокъ; онъ даже устроилъ себѣ умывальникъ въ корридорѣ. Нюма засталъ его лежащимъ на небольшой желѣзной кровати, въ какомъ-то ярко красномъ колактѣ, кеторый сталъ дыбомъ отъ удивленія при видѣ столь важной особы удостоившей его своимъ посѣщеніемъ.

— Можетъ ли быть! кого я вижу!

— Что ты болешь? спросилъ Руместанъ.

— Болешь? никогда и не бывалъ вездоровъ.

— Такъ что же ты тутъ дѣлаешь?

— Видишь самъ... я собираюсь съ мыслями. И чтобы разяснить свой отвѣтъ онъ прибавилъ—у меня столько въ головѣ разныхъ идей и изобрѣтеній что по временамъ я лутаюсь въ нихъ какъ въ лѣсу и блуждаю безъ толку. Только въ постели я и въ состояніи привести ихъ въ некоторый порядокъ.

Руместанъ искалъ глазами стула, но въ комнатѣ оказался лишь одинъ, да и тотъ исполнялъ обязанности спальнаго шкалчика и заваленъ былъ книгами, газетами рядомъ

съ кривымъ подствѣчакомъ. Ему оставалось присѣсть на краю постели.

— Что тебя совсѣмъ невидно?

— Да что ты шутишь что ли?.. Послѣ того что случилось могъ ли я рискнуть встрѣтиться съ твоею женой... Посуди самъ: я вѣдь очутился предъ ней съ блядомъ брандады въ обѣихъ рукахъ... Надо было имѣть мое хладнокровіе чтобы не вылустить его изъ рукъ.

— Розалія уже не живетъ въ министерствѣ, произнесъ Нюма съ видомъ отчаянія.

— Развѣ все это не уладилось.. ты меня крайне удивишь.

Ему казалось невозможнымъ чтобы гжа Руместавъ, женщина столь разсудительная... Да наконецъ что же собственно случилось... Маленькій дебошъ... эка большая бѣда!..

Руместавъ прервалъ его.

— Ты ее не знаешь... эта женщина безжалостная.. вся въ отца... сѣверная порода... это не то что мы у которыхъ самый сильный гнѣвъ испаряется въ жестахъ, угрозахъ и безвредныхъ вскрикахъ. Она же все помнитъ... Это просто ужасно!.. Онъ умащивалъ о томъ что она уже разъ простала его. Затѣмъ, чтобы освободиться отъ этихъ грустныхъ мыслей онъ произнесъ:—Одѣвайся... пойдемъ обѣдать.

Пока Бонларъ вышелъ за дверь чтобы заняться своимъ туалетомъ, министръ оглядывалъ крошечную мансарду освѣщенную однимъ маленькимъ окномъ по которому струилась тающая снѣгъ. Имъ овладѣло состраданіе при видѣ этой нищеты, сырыхъ стѣнъ, заледѣвшихъ обоевъ, маленькой печки покрытой ржавчиной и ветоплавленной несмотря на холодъ.

Привыкнувъ къ комфорту въ своемъ обширномъ помѣщеніи онъ невольно задавалъ себѣ вопросъ: какъ возможно было тутъ жить.

— А ты видѣлъ мой садъ? весело крикнулъ Бонларъ плескаясь у своего умывальника.

Садъ, это были обнаженные отъ листьевъ верхушки трехъ чинаровыхъ деревьевъ, которыя можно было увидеть лишь взобравшись на единственный стулъ.

— А мой маленькій музей?

Онъ называлъ этимъ именемъ нѣсколько осколковъ разложенныхъ на доскѣ съ надписями подъ каждымъ. Тутъ находились: кусокъ кирпича, коротенькая трубочка изъ

крупкаго дерева, ржавый кацнокъ и страусовое яйцо. Но за то кирлицъ добытъ былъ въ Альгамбрѣ, кацнокъ служилъ орудиемъ мести какого-то знаменитаго корсиканскаго разбойника, на трубкѣ была надпись: „трубка мароккского каторжника“, наконецъ, затвердѣлое яйцо изображало неудавшуюся послѣднюю мечту; только оно и нѣсколько кусковъ олова, брошенные въ уголъ, оставались отъ знаменитой машины для искусственнаго высиживания страусовыхъ яицъ. О, въ настоящее время у него была другая, блестящая мысль... великолѣпная, обещающая милліоны, но онъ не могъ еще обстоятельно передать ее.

— Что это ты разсматриваешь? А, это мой дипломъ на званіе старшины общества Айоли. Ты не слышалъ развѣ объ обществѣ Айоли, которое имѣетъ задачей придумать такую комбинацію чтобы всѣ уроженцы юга живущіе въ Парижѣ непрѣменно три чеснокъ развѣ въ мѣсяцъ, дабы не отыкнуть отъ его аромата и сохранить природный акцентъ. Организация этого общества чрезвычайно обширная: президенты, вице-президенты, старшины, квесторы, цензоры, казначеи и у каждаго дипломъ на розовой бумагѣ съ серебряными коймами и съ бавтомъ, изображающимъ цвѣтокъ чесноку.

Этотъ драгоценный документъ красовался на стѣнѣ, рядомъ съ афишами разныхъ цвѣтовъ, объявленіями о продажѣ домовъ, расписаніями поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ; все это Бомпару необходимо было имѣть предъ глазами и, какъ онъ говорилъ, для вдохновенія. Тутъ онъ читалъ: „Продается замокъ, полтораста гектаровъ земли, съ охотой и рыбной ловлей... Красивое, небольшое помѣстье въ Турени съ виноградниками, люцерною, мельницею на рѣкѣ Сизъ... Кругообразное путешествіе по Швейцаріи, Италиі, по Лагомаджиоре, на Баромейскіе острова“. Все это приводило его въ восторженное состояніе, какъ будто у него на стѣнахъ развѣшены были пейзажи. Онъ воображалъ себя путешествующимъ по всѣмъ этимъ мѣстностямъ, названіе которыхъ перечитывалъ.

— Однако, говорилъ Руместанъ, съ отѣнкомъ зависти къ этому злополучному мечтателю почитавшему себя счастливымъ среди своей мизерной обстановки,—у тебя однако очень сильное воображеніе... Что же ты готовъ?... Идемъ... здѣсь такой холодъ.

Пройдъсь немного по ярко освѣщенному бульвару, среди оживленной толпы, пріятелю успѣлось въ телѣ и свѣтѣ

отдѣльной комнаты большого ресторана. Раскрыли устрицы, осторожно откупорили бутылку шато-пюма.

— За твое здоровье, пріятель, желаю тебѣ на этотъ годъ здоровья и благополучія!

— Да и въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Бовларъ, — мы еще съ тобой для Новаго Года и не поцѣловались.

Они обѣдлись черезъ столъ, у обоихъ глаза были влажные. Какъ ни цѣстивата была кожа Черкеса, Руместанъ все-таки почувствовалъ себя какъ будто веселѣе. Ему съ самаго утра хотѣлось съ кѣмъ-нибудь обняться. Притомъ же они такъ давно знали другъ друга; тридцать лѣтъ прожили они почти вмѣстѣ. Среди ароматическихъ паровъ отъ изысканныхъ блюдъ и дорогого вина, они вломивали свои молодые годы, братскія свои отношенія, удовольствія которымъ предавались въ юности, скачки, увеселительныя лѣздки, припомнили какія у нихъ была физиономіи когда они считались еще мальчишками, примѣнивали къ своимъ воспоминаніямъ разныя мѣстныя изреченія и прибаутки ихъ роднаго края.

— Помнишь, дружище, помнишь?

Рядомъ съ ними въ другой комнатѣ слышался веселый смѣхъ, раздавались лугавыя женскіе крики.

— Ну ихъ къ чорту, всѣхъ женщинъ, сказалъ Руместанъ. — Чтò можетъ быть выше дружбы!

И они снова чокнулись. Но тѣмъ не менѣе бесѣда приняла иной оборотъ.

— А чтò Алиса? спросилъ Бовларъ, подмигивая однимъ глазомъ. — Какъ она поживаетъ?

— Съ тѣхъ поръ я ея и не видалъ... Ты самъ понимаешь.

— Конечно, конечно, отвѣчалъ тотъ, одѣлавшись вдругъ серіознымъ и принявъ физиономію соответствующую обстоятельствамъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздавались теперь звука фортепіано; играли отрывки вальсовъ, модныхъ кадрили, опереточныхъ арій, то живыхъ и веселыхъ, то меланхолическихъ, томныхъ. Они слушали молча, закусывая лоблаекшимъ уже виноградомъ, и Нюма, котораго всѣ чувства и впечатлѣнія смѣнялись весьма быстро, сталъ думать о своей жемѣ, о ребекѣ, о потерянномъ счастіи и громко передавалъ мысли свои опершись локтями на столъ.

— Да... одиннадцатъ лѣтъ дружескихъ отношеній, взаимнаго довѣрія и обоюдныхъ ласкъ. Все это исчезло, испарилось въ одинъ мигъ... Развѣ это возможно?... О, Розалія, Розалія!...

Онъ говорилъ что никому и не повать чѣмъ была она для него; онъ и самъ постигъ это лишь послѣ ея отъѣзда. Такая прямая натура, такое благородное сердце. И при этомъ такіа лещи, такіа руки! Все это полное, delikatное, ароматичное. Не то что у Алисы, у этой кукавы набитою отрубями.

— При томъ же, мой другъ, нечего и говорить что человеку молодому необходимы разныя неожиданности, пражлючешія... свиданіе наскоро, съ опасеніемъ быть накрытымъ враслаохъ... лѣстницы по которымъ приходится иногда спускаться головой внизъ съ одеждою подъ мышкой... все это составляетъ принадлежность любви... Но въ наши лѣта чего болѣе всего желаешь, это—мира и спокойствія, того что философы называютъ удовольствіемъ не сопряженнымъ съ опасностями. Это можетъ доставить лишь супружеская жизнь.

Онъ вкочилъ однимъ махомъ и, бросая салфетку, воскликнулъ: „идемъ“!

— Куда? спросилъ Боннаръ съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ.

— Подъ ея окна, какъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ.— Вотъ, братецъ, до чего дошелъ глава французскаго университета.

Подъ аркадами королевской площади, гдѣ отъ вылавшаго снѣга садъ образевалъ бѣлую квадратную площадку между чугунными калитками, оба пріятеля долго прохаживались взадъ и впередъ; онъ старался среди вырѣзывахъ крышъ временемъ Людовика XIII, среди множества трубъ и балконовъ разглядѣть высокія окна дома Лекануа.

— И подумаешь что она здѣсь, такъ близко, и что я все-таки не могу видѣть ее, шепталъ Руместавъ глубоко вздыхая.

Боннаръ дрожалъ отъ холода, стѣя въ грязи. Онъ не поминалъ хорошенько этой сентиментальной экскурсіи. Чтобы положить ей конецъ, онъ прибѣгнулъ къ хитрости и, зная что другъ его большой вѣжкамъ и боится малѣйшаго недуга, предательскимъ тономъ замѣтилъ ему:

— Нюма, ты пожалуй простудишься.

Уроженецъ юга испугался и они сѣли въ карету.

Она сидѣла здѣсь, въ той же гостиной, гдѣ они свидѣлись впервые и гдѣ даже мебель стояла на прежнихъ мѣстахъ, доживъ до такой ветхости при которой подновлять ее уже немислимо. Въ драпировкѣ бурога цвѣта видѣлись лишь кое-

гдѣ потертыя временемъ складки, и поверхности зеркалъ какъ бы затянуты были паромъ, точно воды пустынного пруда ничѣмъ не смущаемыя. Лица стариковъ-родителей наклоненныхъ при свѣтѣ двойныхъ канделябръ надъ игорными столомъ, за которымъ они сидѣли въ обществѣ обычныхъ своихъ партнеровъ, также какъ будто опустились. Черты гжи Декенуа казались утомленными и безжизненными, а у президента сильнѣе выступала его натуральная блѣдность и арче блестящи видимо возмущенные чѣмъ-то голубые глаза его. Розалія сидѣла около большого мягкаго кресла, на которомъ полулежала сестра ея; она читала ей вслухъ тихимъ голосомъ, который по временамъ прерывался переговорами и краткими возгласами играющихъ въ русть.

Это была книга ея молодости, стихи одного изъ лѣтцовъ природы; она полюбила ихъ по совѣту старика отца, и по мѣрѣ того какъ она читала предъ ней какъ бы воскресало ея прошедшее: свѣжее и сильное впечатлѣнiе поэзіа на юное сердце!

Напрасно напущка, волауешься ты:
Теба увлекуть воагтыя мечты
Съ прямой, настоящей дороги.
Когда бъ напущку ты остался вѣрна,
Свѣтло бы текла твоей жизни вола,
Не знала бъ ты столько тревоги.

Книга выскользнула изъ рукъ ея на кофѣи. Послѣдніе стихи грустно отозвались до глубины ея души, напомнивъ ей о ея заой долѣ, на минуту позабытой. Поэты вообще жестокосерды: они ублаживаютъ васъ, усложняютъ и лотомъ вдругъ однимъ стихомъ снова растравляютъ рану которую привадились заглѣчивать. Она вспомнила какъ сидѣла на этомъ же мѣстѣ однанадцать лѣтъ тому назадъ, какъ Нюма усердно тогда ухаживалъ за нею, какъ она горѣла желаніемъ поправиться ему, какъ караулила его приходъ воть у этого окна, подобно тому какъ человѣкъ ожидаетъ судьбы посылаемой ему свыше.

Во всѣхъ углахъ этой комнаты какъ будто еще послышались звуки его голоса, нѣжнаго и страстнаго, но столь склоннаго ко жи. Порывшись въ вотахъ разбросанныхъ на ролаѣ можно было найти дуэты которые они лѣвали вдвоемъ, и все что окружало ее, всѣ эти неодушевленные предметы представлялись ей сообщниками въ страшной развязкѣ ея неудавшейся

жизни. И чѣмъ бы могла быть эта жизнь ея рука объ руку съ человѣкомъ благороднымъ и прямымъ, жизнь не блестящая и самолюбивая, но тихая, простая, интимная, въ которой съ мужествомъ претерпѣваются вдвоемъ и горести, и печали, и самая смерть.

Не знала бы ты столько тревоги.

И она до того углубилась въ свою мечту что едва заговорила какъ, по окончаніи партіи, обычные гости удалились; машинально лишь отвѣчала она на прощальныя привѣтствія уходящихъ, новыми искренняго сочувствія ея положенію; не обратила также вниманія и на то что отецъ не пошелъ проводить своихъ друзей, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ не взирая ни на поздній часъ, ни на погоду. Онъ большими шагами ходилъ взадъ и впередъ по гостиной и вдругъ, остановившись предъ нею, обратилась къ ней съ вопросомъ; она вздрогнула отъ звука его голоса:

— Что же, дитя мое, какъ ты думаешь? Какое твое рѣшеніе?

— Все то же неизмѣнное, какъ прежде.

Онъ сѣлъ около нея, взялъ ее за руку и старался принять убедительный тонъ.

— Я видѣлъ твоего мужа... онъ согласенъ на все.. ты останешься жить со мною во все время пока мать твоя и сестра будутъ въ отлучкѣ... и даже дольше, если сердце твое не смягчится... Но, повторяю тебѣ, процессъ о разводѣ немыслимъ, и я надѣюсь что ты не начнешь его.

Розалія грустно покачала головою.

— Вы не знаете этого человѣка, батюшка... Онъ употребитъ въ дѣло все свое лукавство чтобъ опутать меня, снова завладѣть мною, заставить меня добровольно поддаться его увѣреніямъ и снова жить вмѣстѣ съ нимъ, терпя униженіе противное чувствамъ человѣческаго достоинства... Ваша дочка не принадлежитъ къ числу такого рода женщинъ... Я хочу разрыва полнаго, непоправимаго, громко и публично заявленнаго...

Гжа Лекеуа, которая стояла у игорнаго стола, приводя въ порядокъ карты и жетоны, вставила свое слово:

— Прости, дитя мое, прости!

— Да, это легко говорить когда имѣешь мужа прямого и честнаго какъ твой, когда не знакомъ съ сѣтью лжи и обмана, которая окружаетъ всякій шагъ, всю жизнь... Повторяю

вамъ, онъ лицемѣръ въ самомъ полномъ значеніи этого слова. Въ Шамбери у него нравственные начала одни, въ Лондонской улицѣ другія... Дѣйствія постоянно въ разладѣ со словами... Двойственность и въ рѣчахъ и въ самомъ лицѣ... Во всѣхъ приемахъ видно стремленіе подласкаться, увлечь, обольстить... однимъ словомъ это совершеннѣйшій типъ уроженца юга! И, забывшись въ гнѣвномъ порывѣ своемъ, она прибавила:—Впрочемъ, я ужь одинъ разъ простила... Да... два года послѣ моего замужества... я вамъ ничего объ этомъ не говорила и никто этого не знаетъ... я была тогда очень несчастлива... я осталась съ вамъ только взявъ съ него клятву... Но онъ живетъ только нарушеніемъ обѣщаній и клятвъ... Теперь уже конецъ, и конецъ безвозвратный.

Старикъ пересталъ настаивать, подвинулся со стула и подошелъ къ женѣ. Между ними шепотомъ завязалась какія-то пренія, которыя казались даже странными между такою властною натурой какъ онъ, и ничтожнымъ, безсловеснымъ существомъ какъ она. „Надо сказать ей... да, непременно... я желаю чтобы вы ей сказали“. Съ этими словами Лекенуа вышелъ изъ комнаты и обычные вечерніе шаги его, мѣрные и звучные, постепенно теряясь въ отдаленіи, скоро смолкли подъ величественными сводами парадной гостиной.

— Иди, ко мнѣ, обратилась мать къ дочери съ жестокъ дышавшимъ вѣжностью,—ближе, еще ближе... Она не могла рѣшиться говорить громко, и даже обидѣ Розалію и прижавъ ее къ сердцу, медлила еще высказаться. Наконецъ, почти на ухо, шепнула она ей:—Слушай... онъ хочетъ чтобы я все сказала... онъ желаетъ чтобы тебѣ было извѣстно что твоя судьба такая же какъ и всѣхъ замужнихъ женщинъ и что твоя мать также не спаслась отъ нея... и она вытерпѣла то же самое.

Розалія ужаснулась этого признанія, которое предугадывала съ первыхъ словъ матери; между тѣмъ милая ея старческой голосъ сквозь слезы передавалъ разказъ о давнишней исторіи, совершенно сходной съ ея положеніемъ, объ измѣнѣ мужа въ первые годы ихъ брачной жизни, какъ будто у супруговъ соединенныхъ для совместной жизни одинъ лишь коренной девизъ: „обманывай меня, а не то я тебя стану обманывать“... и мушкетера всегда слѣдуетъ начать чтобы доказать что въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, принадлежить ему въ семьѣ первый шагъ.

— О, мама, довольно, мнѣ слишкомъ тяжело слушать...

И это касалось ея отца, котораго она такъ боготворила, котораго ставила выше всѣхъ на свѣтѣ, судьи праведнаго и честнаго! Но что же послѣ этого всѣ мужчины? И на северѣ, и на югѣ все тѣ же... одни лишь предатели и казнопреступники... И она, которая не плакала отъ измѣны мужа, почувствовала что слезы подступали къ ея глазамъ при одной мысли о прегрѣшеніи отца.... И на это разчитывала чтобъ убѣдить ее... Нѣтъ, на за что не простить она... Такъ вотъ истинный характеръ брачнаго союза... Да предадутъ же его стыду и позору! И какое кому дѣло до скандалезности процесса и до свѣтскихъ припадчій, когда всѣ малперерывъ только и щуптъ случая ихъ нарушить и полпратъ ногами...

Мать продолжала держать ее въ своихъ объятіяхъ, прижимала къ сердцу, старалась усмирить возмущенную молодую совѣсть, обманувшуюся во всѣхъ своихъ вѣрованіяхъ, въ самыхъ дорогахъ своихъ убѣжденіяхъ. Она ласкала ее и какъ будто убаюкивала:

— Нѣтъ, ты простишь... ты поступишь такъ же какъ и я... это нашъ общій удакъ.... въ первую минуту мною также овладѣло отчаяніе... я хотѣла даже покончить съ собою... но я вспомнила о моемъ бѣдномъ Луи, которому предстояло явиться на свѣтъ Божій... и онъ подростъ, немного пожелъ и умеръ, любя и уважая всѣхъ своихъ... Ты также простишь, дабы и твой ребенокъ воспользовался тѣмъ же безмятежнымъ спокойствіемъ которое доставило вамъ мое мужество и терпѣніе, чтобъ онъ не сталъ однимъ изъ тѣхъ полусиротъ которыхъ родители дѣлаютъ между собою, причемъ одинъ супругъ воспитываетъ ребенка въ чувствахъ ненависти или презрѣнія къ другому.... Ты подумаешь и о томъ что отецъ твой и мать уже много выстрадали и что ихъ ожидаютъ новыя страданія...

Гжа Декемуа смолкла, тяжело дыша. Затѣмъ, помолчавъ съ минуту, собралась съ новыми силами и торжественнымъ голосомъ прибавила:

— Слушай, дочь моя, всякое горе утихаетъ, всякія раны заживаютъ... Одно лишь несчастіе неисправимо, это смерть любимаго существа...

Послѣ этихъ трогательныхъ словъ оковчательно истощившихъ силы бѣдной старушки, Розалія живо уяснила себѣ насколько возвысилась въ ея глазахъ фигура ея матери и

насколько утратилъ значеніе отца. Она стала упрекать себя въ томъ что такъ долго не отдавала матери должнаго, руководясь лишь ея наружною слабостью, откровенною, какъ оказывалось, изъ тяжелыхъ ударовъ судьбы и возвышеннаго, покорнаго самоотрицаанія. Поэтому для нея, только для нея и притомъ въ выраженіяхъ самыхъ вѣжливыхъ, какъ будто умолявшихъ о прощеніи, она отказалась отъ своихъ метательныхъ пламовъ.

— Не забудьте только чтобъ я вернулась къ нему... Мнѣ сашкомъ было бы стыдно... Я поѣду съ сестрой на югъ... въ послѣдствіи, современемъ... тогда увидимъ...

Лекеуа вернулся въ гостиную. Онъ увидалъ горячія ласки, которыми мать осыпала свое дитя, и понялъ что дѣло выиграно, но цѣною какой великой жертвы!

— Благодарю тебя, Розалія, прошелтаъ онъ глубоко тронутый. Затѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, подошелъ къ ней чтобы по обмолвкѣ проститься предъ лицомъ. Но любовь молодой женщины всегда такъ охотно наклонившійся для приватія его лопѣшу на этотъ разъ точно проскользнулъ мимо его губъ, которыя едва успѣли прикоснуться къ волосамъ.

— Доброй ночи, батюшка.

Онъ ничего не сказалъ и вышелъ помуравить голову, чувствуя судорожную дрожь въ своихъ могучихъ плечахъ. Ему, верховному судѣ Франціи, который на своемъ вѣку столько обвинилъ и осудилъ, пришлось теперь въ свою очередь склонить голову предъ неумолимымъ судьей!....

XIX. Гортензіа Лекеуа.

Благодаря одному изъ тѣхъ крутыхъ, чисто сценическихъ поворотовъ которые столь часты въ комедіи парламентаризма, засѣданіе 8 января, которое должно было окончиться падеіемъ Руместана, стало для него напротивъ блестящимъ триумфомъ. Предъ тѣмъ какъ взойти на каеэдру чтобъ отвѣчать на заую саркастическую рѣчь Риттера относительно дурнаго управленія оперой, меурядицы въ вѣдомствѣ изящныхъ искусствъ, безцѣльности реформъ, о которыхъ такъ много трубилъ сторонники министерства, Нюма получилъ свѣдѣніе что жена его уѣхала, отказавшись отъ мысли о

процессъ, и эта пріятная новость, известная пока ему одному, придава ему отвѣтной рѣчи блестящую самоувѣренность. Онъ явился надшевальнымъ, фаншьярскимъ, величественнымъ, не преминувъ сдѣлать намекъ на шепотъ клеветниковъ ожидающихъ скандала:

— Никакого скандала, господа, не будетъ!

Слова эти сказаны были такимъ увѣреннымъ голосомъ что, долетѣвъ до трибунъ переполненныхъ модными нарядами, мигомъ разочаровали весь красивый рой любовитныхъ барынь, вѣчно жаждущихъ сильныхъ волненій и явившихся въ залату съ надеждою быть свидѣтельницами логической неустрашимого бойца. Доводы Риттера были уничтожены, югу слова удалось оболычить стверзь, Галлиа была покорена еще однимъ лишнимъ разъ, и когда Руместанъ спустился съ кафедры усталый, весь въ поту и съ истощеннымъ голосомъ, онъ съ гордостью увидѣлъ что его приверженцы, въ началѣ столь холодные и даже враждебные, а равно и товарищи его по мажистерству, обвинявшіе его въ томъ что онъ ихъ компрометируетъ,—все окружили его и засыпали алядосментами, криками одобренія и восторга для него энтузіазма. Но среди этого опьяненія отъ достигнутаго успѣха онъ все-таки считалъ себя слабымъ главнымъ образомъ благодаря отказу жены отъ первоначальнаго ея плана.

Онъ сталъ себя чувствовать легче, веселѣе, сообщительнѣе, и по возвращеніи въ Парижъ пришла ему на мысль зайти въ Лондонскую улицу, единственно въ качествѣ друга, чтобъ услокоить бѣднужку которая не менѣе его тревожилась относительно развязки залатскаго запроса и перенесла разлуку съ необыкновеннымъ мужествомъ. Она присылала ему такія милыя письма, писанныя живымъ слогомъ и пересылаемыя пудрою вмѣсто песту; въ нихъ описывала она по часамъ свое прелрожденіе времени, уговаривала его вооружиться терпѣніемъ и не нарушать правилъ осторожности.

— Нѣтъ, мой милый, самъ не приходи, а пришли мнѣ, думай обо мнѣ... я стараюсь терпѣливо выносить разлуку.

Въ этотъ вечеръ олеры не было, и во время короткаго перѣзда отъ вокзала желѣзной дороги до Лондонской улицы Нюма, сжимая въ рукахъ маленькій ключикъ отъ входной двери, не разъ смущавшій его въ продолженіе послѣднихъ двухъ недѣль, думалъ про себя:

— Какъ она обрадуется!

Онъ безъ шума отперъ дверь, снова закрылъ ее и вдругъ очутился въ темнотѣ. Газъ не былъ зажженъ и это придавало маленькому домику какой-то печальный, вдвойнѣ видъ, что его чрезвычайно польстило. Скорые шаги его заглушались мягкимъ ковромъ лѣвстицы; онъ несмынно досталъ гостимой обтянутой японскими тканями, которыхъ предестыне цвѣта не совсѣмъ шло къ искусственно золотистымъ волосамъ Аяны.

— Кто тамъ? спросилъ съ дивана звучный, нѣсколько раздраженный голосъ.

— Это я!

Посамталася крикъ. Въ полумракѣ что-то засуетилось; мелькнула бѣлая лоспивно оправляемыхъ женскихъ юбокъ. Нюма увидалъ предъ собою лѣвстицу видимо перепуганную и красавца Лалара неподвижнаго, точно пораженнаго громомъ, позабывшаго даже о беспорядкѣ своего туалета; онъ туло смотрѣлъ на ковровые цвѣты чтобы не глядѣть на министра. Сомнѣваться было невозможно.

— Мерзавцы! прошипѣлъ Руместанъ, прида въ то состояніе бѣшенства когда человѣкъ рычитъ какъ дикій звѣрь и порывается не ударить, а разорвать и кусать тотъ предметъ который привелъ его въ изступленіе.

Безсознательно выбѣжалъ онъ на улицу, какъ бы опасаясь что не въ силахъ будетъ удержаться отъ насилія. Тутъ у подъезда, на этомъ самомъ мѣстѣ, немного дней тому назадъ и жена его страдала отъ измѣны, здѣсь же поразилъ ее оскорбительный ударъ, болѣе жестокий и незаслуженный чѣмъ тотъ который только-что нанесли ему. Но объ этомъ онъ и не подумалъ; его охватило лишь негодование на полученную могучую обиду. Нѣтъ, никогда еще подобной мерзости на свѣтѣ не случалось. Тутъ съ одной стороны Лалара котораго онъ любилъ какъ сына, съ другой, эта негодная женщина, для которой онъ даже скомпрометтировалъ свою политическую карьеру.

— Мерзавцы! мерзавцы! громко повторялъ онъ въ пустынной улицѣ, стоя подъ мелкимъ дождемъ, который охладилъ и успокоилъ его лучше всякихъ безцѣльныхъ изліаній глѣва.

— Э, да я совсѣмъ промокъ.

Онъ быстрыми шагами направился къ каретной биржѣ Амстердамской улицы и, пробирался сквозь вереницу экипажей которыхъ движеніе у вокзала желѣзной дороги всегда

чрезвычайно сильно наткнулся на вылученную крѣпкую грудь генерала Эспальона.

— Bravo, дорогой мой коллега... я въ засѣданіи не былъ, но мнѣ сообщили о вашей блестящей атакѣ на самый центръ непріятельской позиціи.

Старикъ стоялъ держа предъ собою зонтикъ совершенно прямо, точно шесть; глаза его въ этотъ вечеръ какъ-то особенно блестящи, вспаньолка была закручена до мельза и по всей его наружности видно было что его занимало какое-то амурное похождение.

— Да, чертъ возьми, прибавилъ онъ, наклонясь къ уху Ньюма съ видомъ человѣка расположеннаго къ игривой откровенности, — вы дѣйствительно можете похвастать что хорошо знаете женщинъ.

Руместанъ взглянулъ на него въ недоумѣніи, думая не замѣчается ли въ словахъ генерала промическаго намека.

— Развѣ вы забыли нашъ споръ о любви... въ вагонѣ, вы тогда были правы... Не одни только юные ханцы способны нравиться. У меня теперь есть одна дамочка... никогда не видалъ я ничего подобнаго... чертъ возьми... даже когда мнѣ было двадцать пять лѣтъ, при выходѣ изъ школы...

Руместанъ, который слушалъ положивъ руку на дверцы фиакра, хотѣлъ улыбнуться старому любезнику, но вмѣсто улыбки лицо его изобразило какую-то гримасу. Въ его теоріи по части жеманнаго пола оказывались разрушенными до основанія... Слава, геній, все это вздоръ, на который они и не смотрятъ... Онъ былъ какъ разбитый, имъ овладѣло чувство отвращенія, ему хотѣлось либо залакать, либо уснуть чтобы болѣе не думать обо всемъ этомъ, не видѣть предъ глазами пораженной удивленіемъ фигуры этой женщины, полуобнаженной, съ тѣломъ еще содрагающимъ отъ прерваннаго поцѣлуя. Но въ жизненной суетѣ часы сдвѣляются между собою и сталкиваются подобно волнамъ. Вмѣсто локтя, на который онъ рассчитывалъ возвращаясь домой, его встрѣтилъ Межанъ глубоко взволнованный, съ делешю въ рукахъ, вскрытою имъ за отсутствіемъ министра:

„Гортензія умираетъ; желаетъ тебя видѣть. Пріѣзжай скорѣе. Вдова Порталь“.

Страшный эгоизмъ Ньюма высказался въ первыхъ его словахъ: „я потеряю въ ней искренно преданное сердце“.

Затѣмъ онъ вспомнилъ что жена его находится при умирающей, а между тѣмъ делеша подписана не ею. Значитъ

сердца ея еще не улеглось, да вѣроятно и не простить она его никогда. А еслибъ она захотѣла, какъ охотно вернулась бы онъ къ прежней совместной жизни, испытанный отъ неосторожныхъ увлеченій, предавѣнный семейному очагу, полный чувствъ и намѣреній честныхъ, даже патриархальныхъ. И забывала ужь о томъ насколько онъ виноватъ предъ нею, Нюма сталъ упрекать ее за суровость нрава, за несправедливость. Всю ночь провелъ онъ исправляя корректурные листы своей рѣчи, прерывая по временамъ свою работу тѣмъ что сочинялъ начерно сердитыя, проницательскія, грозныя и рѣзкія письма измѣнницѣ Алисѣ Бателлеру. Межанъ также не ложился; онъ сидѣлъ въ канцеляріи; его грызло нестерпимое горе и онъ старался забыть его за усердною работою. Сосѣдство это было великимъ соблазномъ для Нюма, котораго мучила до нельзя невозможность подѣлаться съ мамъ своимъ разочарованіемъ. Но для этого ему пришлось бы сознаться что онъ опять былъ въ Лондонской улицѣ и разказать ту смѣшную роль которую ему пришлось разыграть тамъ.

Онъ однако не выдержалъ. Утромъ, когда Межанъ отправился проводить его на желѣзную дорогу, Нюма, передавая ему разныя инструкціи, приказалъ ему немедленно уволить отъ службы Лалара.

— Онъ этого вѣроятно ждетъ... Я застигъ его врасплохъ самой низкой неблагодарности.. И подумаешь насколько а былъ добръ... а даже мѣтилъ на него для...

Онъ вдругъ замолчалъ на концѣ фразы. Едва же высказалъ онъ влюбленному Межану что мѣтилъ на Лалара для Гортезіи. Не входя въ дальнѣйшія объясненія, онъ прибавилъ что не желаетъ по возвращеніи видѣть въ министерствѣ такую безнравственную личность. Впрочемъ двойственность всего свѣта положительно возмущаетъ его. Всюду неблагодарность... эгоизмъ... Просто бросилъ бы все, и дѣла, и почету и уѣхалъ бы изъ Парижа куда-либо въ море, на дикую уединенную скалу, хотя бы скромнымъ смотрителемъ маяка.

— Вы вѣрно плохо почивали, замѣтилъ ему Межанъ своимъ обычнымъ спокойнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, право.... а говорю серьезно.... Парижъ маѣ просто сталъ противенъ.

И, стоя на станціи, онъ повернулся съ видомъ отвращенія къ большому городу, куда провинція вымываетъ всѣ свои самолюбія, всѣ свои алчныя желанія, всю свою вакиль,

лѣвистую и грязную, кидая потомъ этому же городу обвиненіе въ развратъ и зараженіи. Вдругъ на лицѣ его появилась горькая улыбка.

— Посмотрите, вотъ кто неотступно преслѣдуетъ меня.

На углу Лионской улицы, на высокой сѣрой стѣнѣ устланной безобразными отдушниками, на высотѣ втораго этажа, видѣлось невзрачное изображеніе трубадура поблекшее и отъ зимней сырости и отъ заворедныхъ испареній бѣднаго квартала и представлявшее теперь какую-то смѣсь цвѣтовъ синяго, желтаго и зеленаго, изъ которой выступала лишь одишь жестъ трубадура, величественный и съ большими претензіями на торжественность. Въ Парижѣ рекламы смѣняются непрерывно; одна афиша наклеивается на другую. Но коль скоро объявленіе имѣетъ громадный размѣръ, то какой-либо край его всегда выступаетъ изъ-подъ наклеенной сверху новой афиши. Поэтому въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль на всякомъ парижскомъ перекресткѣ взоръ министра встрѣчалъ то одну руку, то ногу, то шалку или остроконечный салогъ Вальмажура; онъ какъ будто преслѣдовали его съ угрозами, подобно тому какъ въ одной провансальской легендѣ разсѣченная на куски и разметанная по вѣтру жертва преслѣдуетъ своего убійцу истерзанными ключьями своего тѣла. Здѣсь, на углу Лионской улицы, фигура выступала цѣликомъ, и это отвратительное малеваніе, осужденное на то чтобы претерпѣть на мѣстѣ всевозможныя поношенія и грязь, прежде нежели обратиться въ прахъ и разсѣяться по вѣтру, какъ нельзя лучше резюмировало всю судьбу несчастнаго трубадура. Онъ навѣки погразъ въ визшихъ слояхъ Парижа, съ которыми не въ силахъ былъ разстаться, водилъ безъ устали свои фарандолы, все болѣе и болѣе приближаясь къ разряду ладшихъ, бездомныхъ безумцевъ, жаждущихъ славы и кончающихъ госпиталемъ, общею могилой бѣдняковъ, или столомъ анатомическаго театра.

Руместанъ сѣлъ въ вагонъ чувствуя себя продротшимъ до костей. Какъ отъ тяжелаго видѣнія, такъ и отъ холода безсонной ночи, смотря со внутреннею дрожью сквозь окна вагона на печальную перспективу предмѣстья, на жалѣнные мосты поверхъ улицъ покрытыхъ водою, на высокіе дома: эти казармы нищеты съ безчисленнымъ множествомъ оконъ, увѣшанныхъ разнымъ тряпьемъ и рубищами, эти утреннія физиономіи худыя, мрачныя и грязныя, согнутыя спины, руки

прижимающіяся ко груди чтобы прикрыть ее и согрѣть, гостиницы съ ихъ разнородными вывѣсками, и наконецъ цѣлый лѣсъ фабричныхъ и заводскихъ трубъ, дымъ которыхъ разстилался по воздуху; затѣмъ шли первые загородные фруктовые сады съ ихъ сивеватымъ черноземомъ, низенькія дачужки изъ гачины пополамъ съ соломой; заколоченныя на зиму виллы среди заглохшихъ садовъ, которыхъ деревья и кусты высохли настолько же какъ и деревянная бѣсѣдки и трельяжи; далѣе, изрытыя дождевыми лужами дороги, по которымъ тянулись возы съ мокрыми на нихъ покрышками, горизонтъ цвѣта ржавчины, полетъ вороновъ по верхъ пустынныхъ полей. Онъ закрылъ глаза чтобы не смотреть на эту грустную картину сѣверной зимы, между тѣмъ какъ паровозъ месся по ней съ оглушительными по временамъ свистками; но и подъ опущенными рѣсницами мысли его оставались не веселыя. Едва разставшись съ измѣнницей, связь съ которой хотя и порвалась въ дѣйствительности, но еще продолжала сжимать его сердце, Ньюма сталъ думать о томъ сколь много онъ для нея сдѣлалъ и какъ дорого обошлось ему содержаніе ея за эти шесть мѣсяцевъ. Все въ театральномъ быту одна лишь фальшь: большій или меньшій услѣхъ зависитъ отъ размѣра суммы за которую куплець. Расходы на клакеровъ, даровые билеты, обѣды, пріемы, подарки рецензентамъ, лублѣкаціи и рекламы во всевозможныхъ видахъ, великолѣпныя букеты, при поднесеніи которыхъ артистка краснѣетъ и волнуется, нагружая ими руки, прикрывая и обнаженный станъ, и шелковую матерію платья, оваціи во время поѣздокъ по провинціи, провозы до отеля, серенады подъ балкономъ,— однимъ словомъ всѣ эти способы употребляемые для того чтобы разсѣять мрачное равнодушіе лублѣки, все это стоить денегъ и притомъ весьма порядочныхъ.

Въ продолженіе шести мѣсяцевъ касса Ньюма была открыта и онъ никогда не торговался коль скоро дѣло касалось доставленія триумфа его предмету. Онъ присутствовалъ при переговорахъ съ начальникомъ клакеровъ, съ журнальными поставщиками рекламъ, съ торговкою цвѣтами, которой букеты мамелька и дочка ловко подвоялаи свѣжими лентами, не говоря ему объ этомъ ни слова. У этихъ бордосскихъ Евреекъ былъ достаточный запасъ грязенькой алчности и расположенія къ разнымъ комбинаціямъ; онъ изъ-за этого

лю цѣлымъ двамъ сидѣла дома, покрытая только-что не рубищемъ, въ однихъ нижнихъ юлкахъ съ волавами, обутая въ старые бальные башмаки; Нюма зачастую заставлялъ ихъ въ такомъ видѣ, играющими между собою въ карты и переругивающимися самою площадною бранью. Въ его присутствіи давно уже не стѣснялись. Ему известны были всѣ уловки, всѣ гримасы дѣвы, природная грубость ея беззащитной южной натуры; зналъ онъ также что она была десятью годами старше чѣмъ выдавала себя на сценѣ и что ложась въ постель она всегда выворачивала края губъ, вставляя въ нихъ небольшія кораллы, дабы ротъ ея улыбался имѣлъ дугообразную форму.

Кончилъ онъ тѣмъ что также уснулъ, но не съ дугообразною улыбкой, а напротивъ съ чертами вытянутыми отъ отвращенія, отъ усталости. Онъ и не чувствовалъ какъ весь корпусъ его покачивался и подбрасывался толчками вагона въ экстремомъ поѣздѣ, который месса на всѣхъ ларахъ.

— Валамъ.... Валамъ!

Онъ открылъ глаза, подобно ребенку котораго мать зоветъ на понятномъ ему языкѣ. Начиная уже югъ. На небѣ стали показываться голубыя площадки изъ-за тучъ разгоняемыхъ вѣтромъ. Солнечный лучъ нагрѣвалъ оконное стекло, и жидкія оливковыя деревья заблѣтали между рядами сосенъ. Съ этой минуты всѣ чувствительныя струны южанина стали улегаться, а мысли его принимать другое направленіе. Онъ сожалѣлъ что такъ рѣзко отвесся къ Лалара. Вѣдь это значило погубить карьеру бѣднага, опечалить цѣлую семью, и изъ-за чего? Изъ-за дебоша, какъ выражался Бояларъ. Оставалось одно только средство: отнять у отставки его характеръ немилости, это дать ему крестъ. И министръ засмѣялся при мысли объ изумленіи Лалара, когда онъ прочтетъ въ официальной газетѣ что награжденъ орденомъ *за особія заслуги*. Впрочемъ развѣ не заслуга была съ его стороны что онъ освободилъ своего начальника отъ лютыя связи.

— Оражъ!.. Монтелимаръ и его вуга!.. Голоса продавались звонче, жесты оживлялись. Слуги изъ буфета, продавцы газетъ, сторожа, весь этотъ людъ бросался впередъ съ какимъ-то азартомъ. Народъ былъ советѣмъ иной нежели за тридцать миль предъ тѣмъ. И широкая Рона, волнистая на подобіе моря, блестяла подъ лучами солнца золотившими зубчатыя стѣны Авиньйона; колокола его громкимъ звономъ

словно приветствовали прїѣзд великаго мужа, уроженца Прованса. Нюма усаживалась въ столовой предъ маленькимъ бѣлымъ хлѣбомъ, мѣстнымъ блюдомъ изъ хлѣбной корки, бутылкою вертскаго вина, которое хранится и сплѣтъ между камнями и способно придать южный акцентъ даже чистѣйшему Парижанцу. Но болѣе всего оживился онъ когда въ Тарасковѣ сошли съ главной линіи и онъ пересѣлъ на небольшую патріархальную желѣзную дорогу въ одинъ дуть, проникающей въ самое сердце Прованса сквозь ряды тутовыхъ и оливковыхъ деревьевъ, между тѣмъ какъ кусты дикаго тростника даже бьются о дверцы при проѣздѣ. Во всѣхъ вагонахъ раздавались глѣси, поѣздъ поминутно останавливался чтобы дать пройти черезъ дорогу стаду, захватить опоздавашаго пассажира, подождать мальчика который бѣжалъ съ какою-нибудь лосылкой. И безпрестанные поклоны, перекликиванья пассажировъ съ фермершами въ арлезианскихъ челцахъ, которыя стояли у порога своихъ жилищъ или полоскали бѣлье близъ колодца. На станціяхъ крикъ, толкотня, сбѣжалось цѣлое селеніе чтобы проводить рекрута или молодую дѣвушку отправляющуюся въ городъ на мѣсто.

— До свиданія же, милая, смотри же, будь умницей.

Плачутъ, цѣлуются, обнимаются не стѣсняясь нѣкъмъ и ницѣмъ.

Прижавшись въ уголъ своего купе чтобы избѣжать всякихъ овацій, Руместанъ наслаждался этимъ всеобщимъ довольствомъ, любовался загорѣлыми лицами съ глазами полными страсти и провіи, статными юношами съ ихъ фатоватымъ видомъ, душистыми какъ продолговатыя мускатныя зерна молодыми дѣвушками, изъ которыхъ каждой суждено преобразиться съ лѣтами въ смуглую, высушенную солдцемъ старушку, отраживающую могильную нивъ каждымъ изъ своихъ морщинистыхъ движеній. Онъ видѣлъ тутъ свой родной народъ, свою Провансъ, подвижную и нервную расу смуглыхъ кузнециковъ, вѣчно наружу и всегда поющихъ. И онъ самъ могъ считаться ихъ прототипомъ, исплѣванный уже и отъ отчаянія которое овладѣло имъ утромъ, и отъ отвращенія которое онъ почувствовалъ къ Парижу, и отъ любви своей. Все это унесла съ собою первые порывы мистрала бушевавшаго въ долинѣ Роны, ударавшаго въ поѣздъ и задерживавшаго его движеніе. Мистраль гвалъ предъ собою и опрокидывалъ все что препятствовало его разгулу; склонялись

деревья какъ бы желая дать ему свободный ходъ, отодвигались далѣе и далѣе горный хребетъ, и самое солнце какъ будто содрогалось отъ стремительно несшихся предъ нимъ облаковъ. Вдали видѣлся городъ Алъ освѣщенный солнечными лучами; зданія его группировались у подножія древней башни Автоимовъ, подобно тому какъ стадо быковъ на поляхъ Каммарга группировается около самаго стараго изъ своей среды, приготовляясь встрѣтить лорывъ вѣтра.

И при громкомъ, величественномъ завываніи мистрала Нюма въѣхалъ въ свой родной городъ. По чувству деликатности вполнѣ соответствовавшему его желанію, семья его не разгласила о его пріѣздѣ, дабы избѣжать орфеомовъ, встрѣчи съ флагами, торжественныхъ депутацій. Ожидала его одна тетухка Порталь, величественно возсѣдавшая на креслѣ начальника стадаціи, съ грѣлкой подъ ногами. Какъ только показался племянникъ, румяное лицо полой старушки, цвѣтущее отъ покойной жизни, приняло грустное выраженіе и взоупало подъ бѣлыми ея букалами. Протянувъ къ нему обѣ руки она разразилась плачемъ и рыданіями:

— Горе намъ! Какое несчастіе! Такая красавица... и такая славная, добрая... кажется для нея каждый готовъ бы былъ отказать себѣ во всемъ...

„Боже! значитъ уже все кончено“... подумалъ Руместанъ возвращаясь къ дѣйствительной цѣли своего путешествія.

Тетухка вдругъ прервала свои причитыванія и холодно, рѣзко замѣтила слугѣ который забылъ о грѣлкѣ: „Меника! грѣлку“! Затѣмъ опять перешла въ томъ мѣстовой печали, стала перебирать въ подробности всѣ добродѣтельными качества Гортезіи, съ громкими возгласами обращаясь къ небу и его ангеламъ съ вопросомъ почему они не увесла къ себѣ ее, старуху, вмѣсто этого милаго ребенка. Отъ порывистой полой отчаянія жестукаляціи ея такъ и ходила во всѣ стороны рука Нюма, на которую она опиралась, шествуя величественно, не торопясь, ко своему древнему фастону. Подъ облаженными деревьями Бершерскаго бульвара, въ вихрѣ сухихъ вѣтокъ и коры, которыми мистраль усыпалъ путь мистра, лошади подвигались медленно. У поворота, гдѣ воильщики имѣли обыкновеніе вылагать ихъ, Мениклу пришлось щелкнуть нѣсколько разъ бичемъ къ крайнему изумленію коней, которые не могли объяснить себѣ почему на этотъ разъ такъ равнодушно относятся къ пріѣзду великаго

мужа. Чтò же касается Руместана, то онъ только и думалъ что объ ужасной вѣсти переданной ему теткой, и взявъ ее за обѣ руки, когда она перестала прикладывать мокрый отъ слезъ платокъ къ глазамъ, спросилъ ее:

— Когда это случилось?

— Чтò такое?

— Когда умерла она, бѣдняжка?

Тетуська Порталь такъ и подпрыгнула на своихъ подушкахъ.

— Умерла!.. Vou Dieu!.. Кто тебѣ сказалъ что она умерла?.. И вслѣдъ за тѣмъ съ глубокимъ вздохомъ прибавила:—но не долго и осталось ей жить!

Да, и очень не долго. Она уже болѣе не вставала съ постели, не покидала кружевныхъ наволочекъ, на которыхъ ея исхудалая головка со дня на день все болѣе и болѣе становилась неузнаваема; на щекахъ выступали пятна жаркаго румянца, глаза и носдри окаймлены были синими кругами. Ослабительной близимы руки покоились левѣрь батастоваго одѣяла; близь нея лежали маленькой гребешокъ и зеркальце, чтобъ она отъ времени до времени могла приглядить свои чудные, черные волосы. По цѣлымъ часамъ лежала она не говоря ни слова, вслѣдствіе болѣзненной хрилоты голоса, смотря вдаль на освѣщенныя солнцемъ верхушки деревьевъ стариннаго сада принадлежавшаго дому Порталь.

Въ этотъ вечеръ мечтательная неподвижность ея длилась такъ долго при свѣтѣ заходящаго солнца, послѣдніе лучи котораго придавали комнатѣ лурлуровый оттѣнокъ, что се-стра ея стала безлокоуться.

— Ты спишь, милая?

Гортензія покачала головой, какъ будто желая отогнать то чтò ее тревожило:

— Нѣтъ, я не спала, но тѣмъ не менѣе я видѣла сонъ... Мнѣ свидось что я умираю... Я стояла на порогѣ этого міра, склонившись къ другому, необъяснимому... а склонилась къ нему до того что уже готова была уласть... Я еще видѣла и тебя, и часть этой комнаты, но сама была уже на другомъ берегу и, чтò въ особенности лоразало меня, это безмолвіе жизни сравнительно съ вѣчнымъ гуломъ царства мертвыхъ, гуломъ, походившимъ на жужжаніе пчелинаго роя, въ которомъ какъ будто слышались и шумъ отъ взмаха крыльевъ птички небесной, и смутный шорохъ дѣятельнаго муравьиного гнѣзда, и тотъ своеобразный шумъ, который море оставляетъ

на днѣ большихъ раковинъ... Точно царство смерти населено и тѣснѣе, и совершенно инымъ образомъ чѣмъ жизнь... И все это отзывалось во мнѣ съ такою ясностью что мнѣ казалось какъ будто уши мои слышать впервые, что у меня проявилось чувство новое, дотогѣ мнѣ незнакомое...

Она говорила тихо, голосомъ сдавленнымъ и нѣсколько шипящимъ. Затѣмъ, помолчавъ съ минуту, она продолжала печальнымъ тономъ, но старалась извлечь изъ разбитаго голоса своего всю силу, которой остатки еще сохранились въ немъ.

— Это голова моя... вѣчно парить въ пространствѣ... Первая премія за воображеніе... Гортензіа Лекеуа, изъ Парижа.

Послышалось рыданіе, заглушенное шумомъ закрывшейся двери.

— Слышишь? сказала Розалія:—это мама уходитъ... ты ее разстраиваешь.

— Нарочно... всякій день ловемого... чтобъ ей сразу было не такъ тяжело, отвѣчала шепотомъ молодая дѣвушка.

А по стариннымъ корридорамъ древняго зданія такъ и носилась мистраль, завывая у дверей и потрясая ихъ своими бѣшенными порывами. Гортензіа улыбнулась.

— Слышишь?... ахъ, какъ я это люблю. Это какъ будто уволить далеко, далеко... въ невидимыя страны... Милая моя, прибавила она, взявъ руку сестры и истомленнымъ жестомъ поднеса ее къ своимъ губамъ,—изъ-за меня, хоть и помимо моей воли, тебѣ приходится это вывести... твой ребенокъ будетъ дитя юга по моей вивѣ... ты вкогда мнѣ не простишь этого, не правда ли?

Вдругъ, сквозь завываніе вѣтра, раздался пронзительный свистъ машины, отъ котораго она невольно вздрогнула.

— А, это семичасовой поѣздъ.

Подобно всемъ большимъ и заключеннымъ она знакома была съ малѣйшими звуками которые раздавались вокругъ нея, примѣшивала ихъ къ своему неподвижному существованію вмѣстѣ съ разстилавшимся предъ нею горизонтомъ, сосновыми рощами, древнею римскою башней, которая высилась на склонахъ горы. Съ этой минуты она замолкла, видимо тревожилась, поминутно смотрѣла на дверь въ которой наконецъ показалась служанка.

— Хорошо... сказала Гортензіа съ особенною живостью и, обратясь къ сестрѣ, прибавила съ улыбкой:—оставь меня одну на нѣсколько минутъ... пожалуйста... я позову тебя...

Розалія подумала что пришелъ священникъ, неся съ собою послѣднее утѣшеніе религіи. Она сошла въ садъ, настоящій садъ юга, безъ цвѣтовъ, съ аллеями буковыхъ деревьевъ, защищенными отъ вѣтра высокими крѣпкими кипарисами. Съ тѣхъ поръ какъ она приняла на себя обязанности садника, Розалія здѣсь только и дышала свободно, могла скрыть свои слезы, дать волю накопившимся нервнымъ отирывкамъ ея горя. Какъ поняла она теперь слова матери „Одно только несчастіе неисправимо: это смерть любимаго существа“ Предъ этимъ исчезла и воля цвѣта ея горести и ея логубаенное семейное счастье. Она думала лишь о томъ ужасномъ событіи которое было неизбежно и съ каждымъ днемъ подступало все ближе и ближе. Подъ вліяніемъ ли вечеряго часа и заходящаго солнца, которое какъ будто убѣгая оставало въ тѣни весь садъ и лишь слабо играло на оконныхъ стеклахъ зданія, или же страшнаго мистраля, носившагося въ высотѣ и котораго гулъ раздавался въ ухахъ ея, хоть она самаго вѣтра не чувствовала, но въ этотъ вечеръ ею овладѣло особенно сильное безпокойство и необъяснимая тоска... Гортензія, милая Гортензія... Она была ей не сестра, а скорѣе дочь... Въ ней она какъ будто видѣла и уразумѣла всю сладость материнскаго чувства... Рыданія душили ее, но безъ слезъ... Ей хотѣлось бы крикнуть, позвать на помощь, но кого? Небо, къ которому всегда обращаются взоры отчаянія, и высоко и далеко, и выгладить такимъ холоднымъ какъ будто отключеннымъ силою провешагося урагана. Подъ самыми облаками видѣлась стая перелетавшихъ птицъ и не слышно было ни ихъ крика, ни шума широко раслуценныхъ крыльевъ. Какимъ же образомъ земной голосъ могъ бы достигнуть этихъ безмолвныхъ, равнодушныхъ высотъ?

Она тѣмъ же мѣнѣ попыталась и, обратясь лицомъ къ небу, стала молиться Тому Кого одни чтутъ съ полною вѣрой, склонивъ голову къ землѣ; Кого другіе щупутъ съ распростертыми руками, растерянные и полные отчаянія; Кого трети, наконецъ, отрицаютъ, обвиняя Его въ жестокости. Но такое отрицаніе, это та же вѣра, та же молитва.

Ее позвали изъ дома. Она любѣжала, дрожа всѣмъ тѣломъ, охваченная тѣмъ безпокойнымъ страхомъ подъ вліяніемъ котораго всякій малѣйшій шорохъ отзывается во всемъ существѣ. Большая съ улыбкой притягала ее ближе къ себѣ, видимо ослабѣвшая, утомленная долгимъ разговоромъ:

— У меня къ тебѣ большая просьба, дорогая моя... послѣдняя просьба приговореннаго къ смерти, въ которой никогда не отказываютъ... Прости твоего мужа... Онъ поступилъ съ тобой зло, не честно, но будь къ нему свисходительна, вернись къ нему. Сдѣлай это для меня, для нашихъ родителей, которыхъ ваша разлука приводитъ въ отчаяніе и которымъ на старости нужно чтобъ около нихъ сгущались и окружали ихъ нѣсколькими полеченіями и заботами. Одишь только Нюма, по свойственной ему живости, въ состояніи нѣсколько поднять ихъ духъ... Итакъ конечно? ты прощаешь? Да?

Розалія отвѣчала: „да, я тебѣ даю слово“... И что значило принести въ жертву свое самолюбіе въ сравненіи съ неизбежнымъ несчастіемъ и горемъ которое висѣло надъ ея головой? Стоя у кровати больной, она на мгновение закрыла глаза, глотая свои слезы... Дрожащая рука опустилась на ея руку. Онъ стоялъ предъ нею, взволнованный, жалкій, жаждущій высказаться, но не дерзающій сдѣлать первый шагъ.

— Подѣлуйте, сказала Горгензіа.

Розалія протянула свой лобъ, къ которому боязливо прикоснулись губы Нюма.

— Нѣтъ, нѣтъ... не такъ... и обнимитесь... такъ, какъ обнимаются тѣ которые любятъ другъ друга...

Онъ лорывисто схватилъ свою жену и обнялъ ее долгимъ рыдающимъ, между тѣмъ какъ сумерки спускались густою леденой на обширный покой, какъ будто изъ состраданія къ той которая толкнула ихъ другъ ко другу въ объятія. Это было съ ея стороны послѣднее проявленіе жизни. Съ той минуты какія-то неопредѣляемыя мысли поглотили ее, она стала разсѣяною, равнодушною: ко всему что происходило вокругъ, не отвѣчая на горькія сожалѣнія о близкой разлукѣ, на которыя впрочемъ и не могао быть отвѣта, сохраняя на лицѣ своемъ выраженіе глухаго высокомернаго улрека, свойственное всемъ тѣмъ кто умираетъ слишкомъ рано, чувствуетъ еще особенное расположеніе къ жизни и не дошелъ еще до крайнихъ предѣловъ разочарованія.

XX. Крестикъ.

Самый великій день въ Алсѣ, это понедѣльникъ, день торга. Еще до разсвѣта дороги ведущія къ городу, широкія пыльные дороги изъ Арля и Авиньона, гдѣ самая пыль

выглядитъ мирнымъ свѣтлымъ покровомъ, оживляется монотоннымъ скриломъ колесъ, кудахтаніемъ куръ залетыхъ въ рѣшетчатая корзина, лаетъ собакъ скачущихъ вокругъ повозокъ, своеобразнымъ гуломъ стада, среди котораго точно посреди волнистаго моря колышется длинный китедь поговѣщика. И рѣзкіе крики ластуховъ сѣдающихъ за всякимъ движеніемъ животнымъ, и глухіе звуки лалочныхъ ударовъ по шероховатымъ бедрамъ быковъ съ надѣтыми на головы трезубцами, все это точно ощулю пробирается подъ своды городской ограды, зубчатая стѣна которой выступаютъ фестонами на фонѣ звѣздаго неба, все это разстилается по бульвару окаймляющему городъ еще спящій, но принимающій въ эти часы характеръ древняго римскаго или сарацискаго поселенія, съ неправильными крышами, остроконечными верхушками надъ шатками лѣтвицами грозящими разрушеніемъ. Весь этотъ смутный сонъ людей и полусонныхъ животныхъ размѣщается безъ шума между серебристыми стволами крупныхъ платановъ, выступаетъ даже на шоссе, до самыхъ дворовъ окрестныхъ здавій, распространяетъ теплый запахъ подстилки, аромат пахучихъ травъ и спѣлыхъ плодовъ. Потому, когда городъ просыпается, онъ уже видитъ себя охваченнымъ со всѣхъ сторонъ обширнымъ торжищемъ, оживленнымъ и шумнымъ, какъ будто бы за ночь наводилъ его весь сельскій бытъ Прованса: и люди, и животныя, и сѣмена, и плоды.

Здѣсь представляется взорамъ поразительная картина деревенской роскоши, раздвоенной смотря по времени года. На площадкѣ, назначенной для этого съ незапамятныхъ временъ, апельсины, гранаты, золотистая айва, зябкая рябина, дыни желтыя и зеленыя нагромождены на прилавкахъ кучами, пирамидами, тысячами; персики, фиги и виноградъ тѣсно жмутся другъ ко другу въ ящичкахъ рядомъ съ овощами въ мѣшкахъ. Бараны, козлята, шеко-вистые розовые поросята какъ будто тоскуютъ за рѣшетками устроенной для нихъ ограды; быки, связанные попарно подъ ярмомъ, выступаютъ впереди покупателя; буйволы съ дымящимся воздрямъ дергаютъ изо всѣхъ силъ желѣзное кольцо, которое мѣшаетъ имъ отойти отъ стѣны. А далѣе множество лошадей, и маленькихъ камаргскихъ, и арабской помѣси, толчутся безъ устали, представляя красивую смѣсь темныхъ, бѣлыхъ и рыжихъ мастей, подбѣгаютъ когда ихъ зовутъ по именамъ: „гѣ, Люциферъ!... гѣ, Эстералъ!“ вѣдать овесъ изъ рукъ конюховъ обутыхъ въ высокіе доходящіе

до кофта салогя. Потомъ птицы парами, съ перевязываемыми и покрашившими лапами, куры и цесарки, лежатъ у ногъ расположенныхъ рядами торговокъ и бьются крыльями по землѣ. Далѣе рыбный рядъ, живые угри на листьяхъ укропа, форели Сорги и Дюрансы съ игрою блестящихъ чешуй и радужными аголіями. Наконецъ, въ самомъ концѣ, въ засохшей зеленой роцѣ, деревянными долоты, вины, грабли изъ бѣлаго очищеннаго отъ коры дерева висятся между плугами и боровами.

Съ другой стороны бульвара, ближе къ городской оградѣ, распряженные повозки вытаскиваютъ въ два ряда свои обручи, чехлы, высокія боковыя рѣшетки и пыльные колеса, а въ пространствѣ которое остается затѣмъ свободнымъ, двигается толпа, тѣснится, перекаивается, прищипывается и торгуется на разнообразныхъ нартвѣяхъ; тутъ и настоящій провансальскій акцентъ, утомченный, маверный, сопровождаемый движеніемъ головы и плечъ и требующій вообще смѣлой мимики; и лангедокскій, болѣе грубый и тяжелый, который звучитъ почти какъ исландскій языкъ. Отъ времени до времени весь этотъ рой войлочныхъ шляпъ и чепцовъ, арлезианскихъ и контадинскихъ, вся эта сплошная толпа покупателей и продавцевъ разстуается давая дорогу залпоздалой повозкѣ, тихо и съ большимъ трудомъ пробирающейся къ своему мѣсту. Болѣе достаточное городское населеніе показывается рѣдко; оно возмущается этимъ напыльвомъ поселянъ, которому одлако городъ обязавъ своимъ благосостояніемъ. За то поселяне съ утра и до вечера сплываютъ по улицамъ, останавливаются у магазиновъ, у саложниковъ и часовщиковъ, любятъ вычурною архитектурой думскаго зданія, витринами магазиновъ, останавливаются въ изумленіи предъ позолотою и зеркальными стеклами кофейныхъ.

Одни выходятъ изъ алтекъ, нагруженные разными пакетами и большими бутылками, другіе: дѣлою свадебною процесіей входятъ къ ювелиру дабы выбрать, посаѣ упорнаго торга, серьги съ длинными подвѣсками или дѣлочку на шею невѣсты. И всѣ эти грубые женскіе наряды, лица загорѣлыя и дикія, вся эта алая дѣловая суета живо напоминаютъ собою взятіе шуанами какого-либо города Вандеи, въ эпоху великой борьбы.

Въ это утро, былъ третій понедѣльникъ февраля мѣсяца, оживленіе было полное и толпа такая же сплошная какъ въ самые прекрасные лѣтніе дни. Безоблачное небо и ярко

блестящее жаркое солнце еще боѣе могли слобствовать илюзіи. Толковали, жестикулировали группами, но разговоры касались не собственно продажи и покупки, а главнымъ образомъ одного событія которое мѣшало торгу и приковывало взоры всей кшащей толпы и даже тревожный слухъ маленькихъ камаргскихъ лошадокъ ко храму Св. Перлетуи. Дѣло въ томъ что на торжищѣ распространился слухъ произведеній общее радостное воаніе, а именно что въ этотъ самый день будутъ крестить сына Ньюма, этого маленькаго Руместана, котораго рожденіе ведѣли за три предѣ тѣмъ принято было восторженными кликами и въ Алсѣ, и во всемъ Провансальскомъ югѣ.

Къ сожалѣнію крестины, отложенныя вслѣдствіе фамильнаго траура, должны были, по той же причинѣ, совершиться какъ бы инкогнито, и церемонія пожалуй прошла бы незамѣченною еслибы не болативость нѣсколькихъ старыхъ кодуцій, которыя каждый поведѣльщикъ устраиваютъ на паперти церкви Св. Перлетуи цѣлый рынокъ съ сухими ароматическими и лѣкарственными травами, которыя собираются ими въ городѣ. Увидавъ что экипажъ тетюшки Порталь остановился у церкви, старая торговки сообщила о томъ продавщицамъ гвоздики, свующимъ почти повсюду съ руками лопатыми ихъ душистымъ товаромъ. Эти продащицы передали извѣстіе въ рыбный рядъ, и вскорѣ маленькой улицѣ ведущей ко храму сообщались и гулъ и оживленіе торговой площади. Обступили Меникла который, сюда на вытажку на козлахъ, въ гаубокомъ топочѣ, съ креломъ повязаннымъ на рукѣ и на шалѣ, отвѣчалъ на всѣ разпросы нѣмымъ и безстрастнымъ пожиманіемъ плечъ. Но несмотря на это толпа рѣшилась терпѣливо выждать, и подѣ коленкоровыми выѣсками которыя слускались съ пропнутыхъ поперекъ узкой торговой улицы веревокъ, тѣснились все боѣе и боѣе, толкались, задыхались отъ жару, смѣльчаки влѣзли даже на столбы, и глаза всѣхъ устремлены были на главныя двери которыя наконецъ отворились.

У всей толпы вырвалось радостное восклицаніе торжества, точно при началѣ блестящаго фейерверка, но мигомъ все улеглось при видѣ высокаго старика одѣтаго во все черное, печальнаго и мрачнаго, не походившаго вовсе на крестнаго отца. Онъ велъ подѣ руку тетюшку Порталь, которая донельзя гордилась что ей пришлось покумиться съ первымъ президентомъ и что ихъ имена красуются теперь рядомъ на

приходскомъ слискѣ; но лицо ея также было мрачно какъ отъ недавняго горестнаго событія, такъ и отъ тяжелыхъ волновавшаго пробужденныхъ въ ней внутренностей храма. Толпа уже начинала думать что обманулась въ своихъ ожиданіяхъ, увидѣвъ эту печальную старческую пару, въ которой также одѣтый во все черное и съ натянутыми на руки перчатками шествовалъ великій мужъ Алса, очевидно недовольный таинственностью и холодностью совершеннаго обряда крещенія въ пустынной церкви, при свѣтѣ четырехъ свѣчъ, безъ аккомпанимента музыки, если не считать музыкою плачь ребенка. Но появленіе тучной кормилицы, расплывшейся, грузной, увѣшенной лямками, точно домашнее животное удостоенное премію на выставкѣ, и блестящій бѣлый свертокъ кружевъ и вышивокъ который покоился на рукахъ ея, разбѣлали грустное настроеніе зрителей, вызвали новый взрывъ радостныхъ кликовъ, какъ при первой разсылающейся въ воздухъ звѣздной ракетѣ и возбудили всеобщій восторгъ выразившійся неумолкаемымъ перекатомъ южнаго энтузіазма.

— Вотъ омы... вотъ омы!*

Пораженный изумленіемъ, щурясь отъ солнца, Руместаль остановился на минуту на лаперти, глядя на эту массу смуглыхъ лицъ, на сплошную черную толпу, изъ которой месалась къ нему безумно-нѣжные порывы. Омы уже призвыкъ ко всякого рода оваціямъ, но въ эту минуту его охватило волненіе болѣе сильное чѣмъ когда-либо за всю его политическую карьеру, ослѣвленіе самолюбія, облагороженное родительскимъ чувствомъ которое, хотя было для него ново, но уже чрезвычайно чутко въ немъ оказывалось. Омы хотѣлъ было говорить, но подумалъ что тутъ, на лаперти, вовсе не мѣсто.

— Садитесь въ карету, кормилица, сказалъ омы марной Бургундкѣ, которая широко расставувъ глаза смотрѣла растерянно по сторонамъ взглядомъ дойной коровы, и пока она усаживалась со своимъ легкимъ бременемъ омы крикавалъ Менаклу вѣхать скорѣе домой ближайшимъ путемъ. Въ отвѣтъ на это раздались со всѣхъ сторонъ восклицанія:

— Нѣтъ... нѣтъ... ло большому кругу... ло большому кругу...

Это значило проѣхать ло торжищу во всю его длину.

— Ну, хорошо, ло большому кругу! сказалъ Руместаль, переглянувшись съ тестемъ, для котораго омы хотѣлъ было уклониться отъ такого торжественнаго переѣзда. Карета двинулась, тяжело треща своимъ стариннымъ остовомъ, въѣхала въ улицу и затѣмъ на бульваръ, среди виватовъ толпы.

которая, разгорячаясь все болѣе и болѣе своими же собственными криками, дошла наконецъ до высшаго энтузіазма, задерживая пошлутно движеніе впередъ и лошадей и колесъ. Стекла были слущены, вѣхали шагомъ; кругомъ стоялъ восторженный гулъ, махали шляпами и латками; въ воздухѣ носились самые разнородные ароматы жаркихъ дыханій и сельскаго торжища. Жемщичи протягивали свои горячія смуглыя головы даже во внутренность кареты и хотя имъ удавалось увидѣть лишь дѣтскій челчикъ, восклицали на разные голоса:

„Боже! какой красивый ребенокъ... Какъ похожъ на отца... совершенно его бурбовскій носъ и его изящныя манеры... Покажи, родной, твое личико... точно красное яичко... такъ его бы и съѣла... сокровище ты мое... куряточка моя... аглевочекъ... цесарка ты моя... жемчужина...“

И онъ обвиняли, ласкали его огнемъ своихъ черныхъ глазъ. Ребенокъ, которому не было еще и мѣсяца, вовсе не казался испуганнымъ. Разбуженный всѣмъ этимъ шумомъ, покоясь на подушечкѣ съ разными бавтами, онъ глядѣлъ кошачьими глазками своими, съ расширенными, неподвижными зрачками, съ остатками молока на уголкахъ губъ и оставался спокойнымъ, видимо довольный и появленіемъ головъ у дверецъ, и какками восторга которые разрастались съ каждою минутой; къ нимъ скоро присоединилось мычаніе, баяніе и кудактаніе царства животныхъ, охваченнаго верввою потребностію подражанія, и образовалось самое живообразное *twitt* протянутыхъ шей, открытыхъ ртовъ, звучащихъ глотокъ во славу Руместана и его потомства. И даже тогда, когда всѣ сидящіе въ экипажѣ затыкали свои уши, которые начинали трещать отъ шума, маленькій челоуѣчекъ оставался безотрастнымъ и хладнокровіе его вызвало улыбку даже на лицѣ стараго президента, говорившаго: „ужь если этотъ не рожденъ для форума“!...

Они надѣялись что все это кончится когда минуютъ торговую площадь, но нѣтъ! толпа послѣдовала за ними даиѣ; къ ней присоединились группы навивальщицъ, носильщици Бершерскаго бульвара. Торговцы выходили на порогъ своихъ магазиновъ, балкомъ Клуба Бѣлыхъ наполнился пестрою толпой; скоро изъ боковыхъ улицъ показались орфеоны съ ихъ знаменами и гравула музыка, шумная, торжественная, какъ бывало въ дни пріѣзда Ньюа, но съ характеромъ нѣсколько болѣе живымъ и веселымъ, свойственнымъ чисто импровизованному празднеству...

Въ самой лучшей комнатѣ дома Порталь, которой бѣла ламела и шелковая малиновая отѣлка отсаужила уже цѣлый вѣкъ, Розалія полулежа на кушеткѣ переносила взоръ свой отъ лустой колыбели къ лустынной улицѣ залитой лучами солнца и нетерпѣливо ждала возвращенія своего ребенка. На тонкихъ чертахъ ея, блѣдныхъ, изрытыхъ утомленіемъ и слезами, но тѣмъ не менѣе выражавшихъ какъ бы мирной покой благополучія, можно было прочесть всю лѣсть послѣднихъ мѣсяцевъ ея жизни, безпокойство, тревога, разрывъ съ мужемъ, смерть Гортензій и наконецъ рожденіе ребенка, которымъ поглотилось все остальное. Когда постигло ее это благополучіе, она уже на него не разчитывала, думая что такое множество перенесенныхъ ею ударовъ лишитъ ее возможности дать жизнь другому существу. Въ послѣдніе дни ей казалось даже что она не чувствуетъ нетерпѣливыхъ движеній маленькаго плавленка. Колыбель и леленки были наготовѣ, но она прятала ихъ изъ какого-то мнительнаго страха, сказавъ только Англичамкѣ: „если у васъ спросятъ дѣтское бѣлье, то вы знаете гдѣ оно лежитъ“. Отдать себя мучительному ложу, закрывъ глаза и сжавъ крѣпко зубы на многіе часы, прерываемые каждыя пять минутъ невольнымъ провзительнымъ крикомъ отъ внутренней боли, стать на время покорною жертвою чтобъ искулить дорогою цѣной будущія радости,—все это кажется легкимъ если въ виду есть твердая надежда. Но какая невыносимая мука когда ожидаешь лишь горькаго разочарованія, ждешь послѣдней минуты страданія, когда стоны женщины должны слиться съ рыданіями матери утратившей надежду!... Полуживая отъ вынесенныхъ страданій она повторала изъ глубины своего забытѣя „онъ умеръ... онъ мертвъ...“ когда вдругъ достигла ея слуха первая попытка дѣтскаго голоса, первый крикъ взывающій къ открывшемуся новому міру. Она отвѣтила на него и, Боже, съ какою неистощимою мѣжностью:

— Дитя мое!

Онъ былъ живъ. Ей подали его. Это была ея собственность,—это маленькое существо съ короткимъ дыханіемъ, растерянное, щурящееся, поусушливое; оно привязывало ее къ жизни, и только прижавъ его къ своей груди она уже чувствовала какъ все тѣло ея тонетъ въ ощущеніи животельной сѣжести. Прочь и трауръ, и житейскія невзгоды! Ея дитя, ея сынъ, предметъ ея желаній, сожалѣній, которыя терзали ее въ теченіе десяти лѣтъ, слезъ выстулавшихъ на ея

глазахъ когда она смотрѣла на чужихъ дѣтей, эта крошка, котораго розовыя щеки она уже давно мысленно цѣловала безъ счету: онъ былъ тутъ, около нея, наполняя сердце ея новою радостью, необъяснимымъ восторгомъ вслѣдъ разъ когда она со своей кровати наклонялась къ колыбели его, раскрывала кисею, подъ которой неслышно спалъ новорожденный, съжившись и свернувшись отъ холода жизни въ которую только-что вступилъ. Она требовала чтобъ онъ всегда находился при ней. Если его выносили, она безлокоилась, считая минуты; но никогда еще безлокоилство ея не было такъ сильно какъ въ день крестинъ.

— Который часъ? спрашивала она неоднократно.— Какъ они долго.... Господи, какъ это длится!

Гжа Декевуа оставшаяся съ дочерью успокаивала ее, хоть и сама находилась въ тревожномъ состояніи; новорожденный внукъ, первый и единственный, невыразимо дорогъ былъ сердцу стариковъ, освѣщая лучемъ надежды постигшее ихъ горе.

Какой-то отдаленный гулъ, подступавшій все ближе и ближе, еще удвоилъ нетерпѣніе и безлокоилство обихъ. Смотрять въ окно, прислушиваются. Пѣвіе, паяльба, восторженные клики, звонъ колоколовъ. Вдругъ Англичанка, выгадывая въ окно говорить:

— Сударыня, это идутъ съ крестинъ!

И это называли крестинами, весь этотъ бурный шумъ лодившій на вой каннаболовъ окружающихъ пораженныхъ ими жертвы.

— Ахъ, этотъ югъ, этотъ югъ! повторяла молодая мать, охваченная ужасомъ. Она уже начинала бояться чтобы не задушили ея малютку въ толлѣ.

Но вѣтъ! Вотъ онъ живой, обворожительный; онъ потягиваетъ свои коротенькія ручонки, смотритъ своими большими глазами, окутанный дѣловымъ крестиннымъ кружевнымъ платьемъ, обшитымъ фестонами, работы рукъ самой Розалин, приготовленнымъ еще для перваго. Это оба ея мальчишка, въ одномъ, она видитъ предъ собою одновременно и умершаго, и живаго.

— Во всю дорогу онъ и не ласкунулъ и даже ко груди не потянулся, заявляетъ тетюшка Порталь, описывая своимъ картиннымъ слогомъ торжественное свиданіе ихъ по всему городу. А между тѣмъ въ старинномъ домѣ, который снова сталъ центромъ орацій, хлопаютъ дверями, суетится прислуга,

несутъ шилучій лимонадъ для угощенія музыкантовъ. Опять звучать трубы и дрожать стекла. Старикъ Лекеуа сошелъ въ садъ чтобы не видѣть этого общаго веселья, которое еще болѣе растравляетъ ихъ горе; а такъ какъ Руместанъ намѣренъ съ балкона произнести рѣчь, то и тетушка Порталь, и Англичанка слѣзшая перейти въ гостиную чтобы слушать его.

— Сударыня, не подержите ли вы ребенка? спрашиваетъ кормилица, любобитная какъ дикарка, и Розалія вполнѣ счастлива оставшись одна съ ребенкомъ на рукахъ. Въ окно ей видно какъ развѣваются по вѣтру знамена, какъ тѣснится толпа прикованная къ слову ея великаго мужа. До нея доходятъ отрывки его рѣчи, но главнымъ образомъ слышитъ она тѣмбръ этого голоса, притягивающаго и волнующаго, и чувствуетъ болѣзненную дрожь при воспоминаніи о томъ заѣ котораго пришлось перенести ей отъ этого лживаго и обманчиваго краснорѣчія. Теперь все это кончено. Она чувствуетъ себя въ безопасности и отъ увлеченій, и отъ ударовъ рока. У ней есть ребенокъ. Въ немъ все ея счастье, всё ея мечты. И точно образуя себѣ щитъ изъ дорогаго маленькаго существа которое она держитъ полерекъ своей груди, Розалія тихо вопрошаетъ его, прижавшись къ самому личику малютки, какъ будто ища отвѣта или сходства въ неопредѣленныхъ очертавіяхъ дѣтскаго образа, въ этихъ тончайшихъ линияхъ вытиснутыхъ ласкою на восковой поверхности, но уже сквозящихъ намеками на ротъ чувстванный и могучій. на носъ нѣсколько выгнутый для будущихъ тревоженій, на подбородокъ квадратный и извѣженный.

— Неужели и ты сдѣлаешься лгуномъ? Неужели и ты будешь въ теченіе всей жизни только обманывать и другихъ и самого себя, разбивать наивныя сердца, которыхъ вся вина лишь въ томъ что они вѣрили тебѣ и любили тебя? Неужели и въ тебѣ будетъ такое же легкомысленное и жестокое непостоянство, и ты будешь смотрѣть на жизнь глазами виртуоза или лѣвца каватинъ? Неужели и ты будешь торговать словомъ не заботясь ни мало о его цѣнности, не думая о томъ насколько твои рѣчи согласны съ твоими же мыслями, лишь бы ярко блестяли оны и громче звучали? И, вливаясь долгимъ поцѣлуемъ въ маленькое ушко, окаймленное курчавыми волосками:— Неужели ты будешь маленькимъ Руместаномъ, скажи?

А на балконѣ ораторъ увлекался все болѣе и болѣе,

доходилъ до крайнихъ предѣловъ экзальтаціи; слышались только тѣ слова на которыя онъ въ особенности ударялъ своимъ южнымъ акцентомъ: „Моя душа... Моя кровь... Правдивость... Религія... Родина“.. И эти слова покрывались восторженными кликами слушателей такого же лощаба, который высказывался и въ достоинствахъ его, и въ порокахъ южной расы, пылкой, подвижной, бурной, подобно морю съ безчисленными волнами, изъ которыхъ въ каждой отражался его образъ.

Раздалось послѣднее „визать“ и тогда стала медленно расходиться. Руместанъ вернулса въ комнату, отирая мокрый лобъ и, охваченный своимъ триумфомъ, согрѣтый неистощимою мѣжностью цѣлаго народа, подошелъ къ женѣ и искренно, отъ души поцѣловалъ ее. Онъ чувствовалъ въ себѣ столько же добраго расположенія къ ней и мѣжности какъ въ первые дни ихъ брака, безъ тѣни заобы и забывъ упреки своей совѣсти.

— Ну что! Кажется хорошо отпраздновали крестнымъ тво- его сына!

И опустившись на колѣна предъ куметкой, великій мужъ Алса игралъ съ малюткой, искалъ его маленькіе пальчики за все цѣпляющіеся, ловилъ можонки болтающіеся по воздуху. Розалия глядя на него: на лбу ея сложилась морщинастая складка; она пыталась опредѣлить, разгадать эту натуру, необъяснимую по своимъ противорѣчіямъ. И вдругъ, какъ будто найдя ту разгадку, которой искала, спросила его:

— Какая это ваша пословица, которую вчера поминала те- тушка Порталь? Утѣха толтъ... А какъ дальше?

— Ахъ, эта: *Gau de carriero, doulou d'onstau... Утѣха толтъ,—горе семьѣ! (Joie de rue, douleur de maison).*

— Да, это вѣрно, сказала она съ глубокимъ выраженіемъ. Затѣмъ, отчеканивая каждое слово, точно кадая въ глубо- кую пропасть одинъ камень за другимъ, она тихо, голосомъ въ которомъ сказывалась вся скорбь ея жизни, повторила эту пословицу. Ею живо обрисовывается и ясно опредѣляет- ся характеръ цѣлой расы:

— Утѣха толтъ, — горе семьѣ!..

К О Н Е Ц Ъ .

APR 5 - 1953

